СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ПЕРЕВОД И ИННОВАЦИОННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

Xalqaro ilmiy-amaliy konferensiya materiallari TO‘PLAMI

ZAMONAVIY FILOLOGIYA GLOBAL MADANIY MAKONDA: TILLARARO MULOQOT, TARJIMA VA ADABIY JARAYONNING INNOVATSION TALQINLARI

COLLECTION
of materials from an international scientific-practical conference

MODERN PHILOLOGY IN THE GLOBAL CULTURAL SPACE: INTERLINGUAL COMMUNICATION, TRANSLATION, AND INNOVATIVE INTERPRETATIONS OF THE LITERARY PROCESS

O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASI
TALIM VA ILM FAN VAZIRLIGI
QARSHI DAVLAT UNIVERSITETI

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КАРШИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

СБОРНИК

материалов международной научно-практической конференции

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ПЕРЕВОД И ИННОВАЦИОННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

Xalqaro ilmiy-amaliy konferensiya materiallari
TO‘PLAMI

ZAMONAVIY FILOLOGIYA GLOBAL MADANIY MAKONDA: TILLARARO MULOQOT, TARJIMA VA ADABIY JARAYONNING INNOVATSION TALQINLARI

COLLECTION
of materials from an international scientific-practical conference

MODERN PHILOLOGY IN THE GLOBAL CULTURAL SPACE: INTERLINGUAL COMMUNICATION, TRANSLATION, AND INNOVATIVE INTERPRETATIONS OF THE LITERARY PROCESS

Qarshi
“Big Makro World” nashriyoti
2026

UO’K 81+82(063)

Zamonaviy filologiya global madaniy makonda: tillararo muloqot, tarjima va adabiy jarayonning innovatsion talqinlari / Ilmiy maqolalar va she’rlar to‘plami / “Big Makro World” nashriyoti, 2026 – 884 b.

Mazkur ilmiy to‘plam Qarshi davlat universiteti Tillar fakulteti Rus tili va adabiyoti kafedrasi tomonidan 2026-yil 16–17-oktabr kunlari o‘tkazilgan “Zamonaviy filologiya global madaniy makonda: tillararo muloqot, tarjima va adabiy jarayonning innovatsion talqinlari” mavzusidagi xalqaro ilmiy-amaliy konferensiya materiallari asosida tuzildi.

To‘plamda o‘zbek, rus, ingliz, nemis va fransuz filologiyasi sohalarida ilmiy izlanishlar olib borayotgan tilshunos, adabiyotshunos va tarjimashunos olimlar hamda tadqiqotchilarning maqolalari jamlangan.

Ushbu to‘plam filologiya mutaxassislari, ilmiy xodimlar, magistrantlar, stajer-tadqiqotchi izlanuvchilar, shuningdek, til va adabiyot masalalari bilan qiziquvchilar uchun mo‘ljallangan.

Eslatma: maqolalarning mazmuni, sifati va ilmiy-faktik materiallari uchun mualliflar shaxsan mas’uldirlar.

Mas’ul muharrirlar:

Pardayeva D.R. Qarshi davlat universiteti rus tili va adabiyoti kafedrasi mudiri, dotsent, filologiya fanlari doktori (DSc)
Saydullayeva R.I. dotsent, filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori (PhD)

Tahrir hay’ati:

Hamrayeva Yorqinoy Nabiyevna, prof., filologiya fanlari doktori (DSc)
Milovanova Yelena Valeryevna, katta o‘qituvchi
Akifyeva Olesya Olegovna, assistent-o‘qituvchi

Xalqaro ilmiy-amaliy anjuman O‘zbekiston Respublikasi Oliy ta’lim, fan va innovatsiyalar vazirining 2026-yil 16-yanvardagi 11- son buyrug‘iga asosan tasdiqlangan rejaga muvofiq Qarshi davlat universiteti tomonidan tashkil etildi.

ISBN 978-9910-4737-8-4

© To‘plam, 2026-yil
“Big Makro World” nashriyoti, 2026 yil

1- SHU'BA
GLOBAL KONTEKSTDA ZAMONAVIY FILOLOGIYA RIVOJLANISHINING TENDENSIYALARI
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФИЛОЛОГИИ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ
CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PHILOLOGY IN A GLOBAL CONTEXT

МНОГОТОЧИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Петрова Лиллия Геннадиевна
к.п.н., доцент кафедры русского языка,
профессионально речевой и межкультурной коммуникации
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия

Аннотация. *В данной работе речь идет о целенаправленном обучении нерусскоязычных студентов русской системе знаков препинания, которые играют немаловажную роль в передаче смысловых оттенков художественного текста, в частности,стилистическим особенностям и функциональным возможностям многоточия. Приводятся многочисленные конкретные примеры.*

Ключевые слова: *русский как иностранный, изучение, рассказ, пунктуационные знаки, многоточие, функции.*

Abstract. *This paper discusses the targeted teaching of non-Russian-speaking students the Russian system of punctuation marks, which play an important role in conveying the semantic nuances of literary text, in particular, the stylistic features and functional capabilities of the ellipsis. Numerous specific examples are provided.*

Keywords: *Russian as a foreign language, learning, story, punctuation marks, ellipsis, functions.*

Annotatsiya. *Ushbu ishda biz rus tilida so'zlashmaydigan talabalarni rus tinish belgilari tizimiga maqsadli o'qitish haqida gapiramiz, ular badiiy matnning semantik soyalarini, xususan, ellipsning stilistik xususiyatlari va funktsional imkoniyatlarini etkazishda muhim rol o'ynaydi. Ko'plab aniq misollar keltirilgan.*

Kalit so'zlar: *rus tili chet tili sifatida, o'rganish, hikoya qilish, tinish belgilari, Ellipsis, funktsiyalar.*

В системе современной русской пунктуации десять знаков препинания: точка, запятая, точка с запятой, двоеточие, вопросительный знак, восклицательный знак, тире, скобки, кавычки, многоточие. На наш взгляд, из всего пунктуационного корпуса многоточие является наименее изученным пунктуационным знаком. В связи

с этим, работ, посвященных таким исследованиям, не так много. Однако многоточие обладает большим стилистическим потенциалом для выражения в тексте эмоций, экспрессии, интонации или мелодики текста, а также тех или иных смыслов. Особенно интересно исследовать употребление многоточия в текстах художественной литературы. Это связано с тем, что в художественном тексте многоточию свойственно стилистическое многообразие.

В ходе изучения художественных произведений, в которых часто встречается многоточие, студенты-иностранцы должны убедиться на практике, что этот знак широко используются в литературе и имеет множество значений и возможностей для применения. Различные предложения и ситуации, настроение автора во время написания текста произведения и т.д. могут привести к тому, что многоточие будет выражать разные смыслы.

Это связано с тем, что многоточие не вполне однозначно в применении, и автор художественного произведения может руководствоваться, проставляя его, не только исходя из синтаксической структуры предложения или текста, но также и из желания выразить конкретный смысл и задать необходимую интонацию. Поэтому роль многоточия в тексте и его семантика пока не изучены в полной мере [1, с. 5].

Например, читая рассказы А.П. Чехова, студенты обращают внимание на то, что многоточие в них встречается сплошь и рядом. Так, в рассказе Чехова «Моя «она»» [5, с.11], состоящего из одного абзаца, и размер которого не больше половины страницы, многоточие автором использовалось 9 раз. Однако функции многоточия в этом рассказе довольно многообразны и эмоции, передаваемые с его помощью, тоже неодинаковы.

В другом рассказе Чехова, «На даче» [4, с. 458–463], в одном из абзацев, а именно: «Через час после получения его он лежал на диване и думал: «Конечно, я не мальчишка и не побегу на это дурацкое рандеву, но все-таки интересно было бы знать: кто это написал? Гм... Почерк, несомненно, женский... Письмо написано искренне, с душой, а потому едва ли это шутка...» [4, с. 458], многоточие встречается 5 раз. Среди них, первое многоточие указывает на размышление героя; второе – актуализирует процесс анализа почерка; третье – выражает борьбу мнений нашего героя: шутка ли это, или же автор письма вполне серьезен и т.д.

Естественно, что в таких ситуациях студенты часто задают вопросы преподавателю о том, почему этот знак так востребован писателями, и для чего он ставится: вызвано ли это структурными особенностями формы или стремлением автора донести до читателя тот или иной смысл и оттенок интонации. Исходя из этого, считаем целесообразным выделить специальную тему для изучения функций многоточия с иностранцами на занятиях по русскому языку и отвести для этого аудиторное время, чтобы в совместном чтении аутентичного рассказа и анализе прочитанного проследить за влиянием знака на его смысл.

И здесь встает вопрос выбора текста для такой работы. Немаловажным фактором выбора литературных произведений для такой работы является то, что «…художественные тексты формируют любовь к русскому языку, а также способствуют развитию языкового чутья, что является немаловажным условием успешной учёбы и получения профессии в российском вузе» [2, с. 883]. Вслед за

С.А. Копыловой, мы полагаем, что: «Язык художественной литературы в отношении своеобразного применения знаков препинания значительно отличается от других разновидностей литературного языка. Это относится к тем знакам, при помощи которых передается взволнованность, резкие изменения интонации, различного характера и смысла паузы, вся гамма повышения, понижения голоса и ритмомелодические изменения, происходящие в устной речи» [1, с. 6].

Кроме того, мы считаем, что тексты для чтения и их анализа со студентами должны быть не только содержательными, но и просто интересными. Всем этим требования, на наш взгляд, как нельзя лучше отвечают короткие рассказы А.П.Чехова

Исходя из цели нашей работы, мы для примера взяли один из чеховских рассказов. Выбор пал на рассказ А.П. Чехова «Злой мальчик». Мы выбрали для анализа данный рассказ неспроста. Он короткий – всего 2 неполных страницы, интересный, полон юмора и доступен для понимания. Ведь самое трудное для иностранцев, изучающих иностранный язык, – это научиться понимать юмор. Многоточия – цель нашего исследования – размещаются в этом произведении компактно, на одной странице, поэтому все они оказываются в едином поле зрения, и их даже с технической точки зрения удобно анализировать. Кроме того, почти каждое многоточие в тексте передает новый смысл и новую эмоцию.

Анализируя рассказ, мы обнаружили 16 случаев употребления автором многоточия. На наш взгляд, при помощи данного знака автор старался оказать воздействие именно на эмоциональное восприятие читателей, причем спектр этих эмоций довольно широк: от чувства тревоги, напряжения, сопереживания, сочувствия – до неудержимого смеха.

Сюжет этой истории прост: молодому человеку, Ивану Лапкину захотелось наедине встретиться с молодой девушкой. Не придумав ничего лучшего, и, совмещая приятное с полезным, он приглашает Анну Семеновну Замблицкую на берег реки. Ловить рыбу. Однако ведет он ее в уединенное местечко, заросшее ивняком, где стояла скрытая от посторонних взглядов скамеечка. Начав разговор о своих чувствах, он постоянно оглядывался, смотрел по сторонам и никак не мог сказать главные слова. Поэтому у нас создалось впечатление, что больше всего ему хотелось поцеловать ее. Об этом свидетельствуют два стоящих почти рядом многоточия:

«— Я рад, что мы наконец одни, — начал Лапкин, оглядываясь. — Я должен сказать вам многое, Анна Семеновна... Очень многое...» [3, с. 179–181].

Доказательством этому служит и слово *оглядываясь,* указывающее на чувство страха, которое испытывал герой, боявшийся, что кто-нибудь это может увидеть, и тогда его тайна будет раскрыта.

Наряду с выполнением эмоциональной функции, автор при помощи многоточия хочет показать волнение, которое испытывает Лапкин; подчеркнуть, как сбивчива его речь, и как герой никак не может сконцентрироваться на главном. Он все время отвлекается, смотрит на воду, наблюдает за поплавком:

«— Когда я увидел вас в первый раз...У вас клюет...» [3, с. 179–181].

В этой фразе многоточие используется дважды. Применение первого многоточия объясняется тем, что его исповедь прерывается из-за того, что по воде расходились круги: это происходит тогда, когда рыба клюет наживку. Следующий знак готовит читателя к продолжению исповеди Лапкина.

«—Я понял тогда, для чего я живу, понял, где мой кумир, которому я должен посвятить свою честную, трудовую жизнь... Это, должно быть, большая клюет...» [3, с. 179–181].

Но следующее многоточие опять дает сигнал о том, что придется снова сосредоточиться на рыбалке: большие круги на воде – знак клева рыбы покрупнее, а ее упустить Лапкину жаль. А рассказать о чувствах можно и позже.

«Увидя вас, я полюбил впервые, полюбил страстно! Подождите дергать... пусть лучше клюнет...» [3, с. 179–181].

Наконец Лапкин начинает формулировать свой вопрос, но клюнувшая наживку рыба заставила его оборвать вопрос и дать команду Анне вытаскивать из воды рыбу:

«Скажите мне, моя дорогая, заклинаю вас, могу ли я рассчитывать — не на взаимность, нет! — этого я не стою, я не смею даже помыслить об этом, — могу ли я рассчитывать на... Тащите!» [3, с. 179–181].

В следующем примере авторским многоточием отображается заминка в речи молодого человека:

«— Боже мой, окунь! Ай, ах... Скорей! Сорвался!» [3, с. 179–181].

Многоточие в этом случае вскрывает заведомый умысел Лапкина:

«В погоне за рыбой Лапкин, вместо рыбы, как-то нечаянно схватил руку Анны, нечаянно прижал ее к губам...»

Кроме того, многоточие обращает внимание на ответную реакцию Анны, которая как нельзя, кстати, повлияла на успешную реализацию замысла молодого человека:

Та отдернула, но уже было поздно: уста нечаянно слились в поцелуй» [3, с. 179–181].

Четырехкратный повтор слова «нечаянно» указывает на его «преднамеренное» поведение по отношению к Анне. Следующее за описанием далее счастливых моментов многоточие нацеливает читателя на прозорливый философский авторский посыл:

«За поцелуем следовал другой, клятвы, уверения... Счастливые минуты! Впрочем, в этой земной жизни нет ничего абсолютно счастливого» [3, с. 179–181].

И вот счастье неожиданно оборвалось. Выходит, Лапкин не зря опасался, что кто-то может прервать эти чудесные моменты. Теперь ему приходится искать выход из сложившейся неприятной ситуации, так как брат Анны, Коля, появившийся внезапно из воды, разрушил всю эту идиллию. При помощи многоточия Чехов передает растерянность Лапкина, его нервозность и беспомощность. Он не знает, как подобрать слова, чтобы заставить Колю сохранить их с Анной секрет. И многоточия здесь придают его сбивчивой речи еще большую безысходность.

«— Надеюсь, вы, как честный человек... — забормотал Лапкин, краснея. — Подсматривать подло, гнусно и мерзко...» [3, с. 179–181].

Однако Коля думает совсем иначе, желая получить от героя-любовника заветный куш. У «*честного и благородного человека»* своя точка зрения на все это и отличный от лапкинского алгоритм действий:

«— Дайте рубль, тогда не скажу! — А то скажу…» [3, с. 179–181]. Эта глубокая мысль вызывает смех у читающих благодаря комизму ситуации и репликам оппонирующих друг другу действующих лиц.

Таким образом, принимая во внимание вышеизложенное, мы смогли акцентировать внимание иностранных обучающихся на ряде функций многоточия, реализованных в рассмотренном рассказе. Они указывают на актуализацию действий, предпринятых персонажами рассказа, а также на осуществление некоторых процессов. В их числе: размышление, течение времени, поиск слов для той или иной реплики, замешательство, притворство, нравоучение, смена действий и событий, изменение интенций, бахвальство, неприкрытый шантаж. Кроме того, многоточия помогли идентификации чувств и эмоций, пережитых персонажами рассказа. Среди них: неуверенность, огорчение, страх, стыд, угодничество и т.д. Заметим, что все эти моменты были выявлены на занятии и обсуждены со студентами. На наш взгляд, такого рода работа является хорошим подспорьем для развития не только языковой компетенции иностранных студентов, но и заделом для Исходя из этого мы убедились, что изучение художественных произведений на уроках РКИ позитивно влияет на формирование и развитие языковой компетенции иностранных студентов и, в частности, позволяют расширить знания о потенциале исследуемого знака, оказывающего значительное влияние на степень выразительности текста. Кроме того, работа с иностранными студентами над изучением функций многоточия на примерах аутентичных рассказов на русском языке заметно приближает их к более точному пониманию смысла и тонких нюансов прочитанного.

Список использованной литературы

1. Копылова С.А. Функционирование многоточия в русских литературных текстах XVIII – XX веков. Автореферат дисс. на степень кандидата филологических наук по специальности 10.02.01. М., – 2022. – 22 с. − Текст : непосредственный.

2. Петрова Л.Г. Художественный текст как источник и средство развития речевой деятельности иностранных студентов на русском языке: о некоторых результатах работы // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXIII Кирилло-Мефодиевские чтения (24 мая 2022 г., Москва): Материалы Международной научно-практической конференции: сборник статей [Электронный ресурс] / гл. ред. В. И. Карасик. – Москва : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2022. – 1275 с. – Текст: электронный.

3. Чехов А. П. «Злой мальчик» // А.П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Том 2. [Рассказы. Юморески], 1883–1884. М.: Наука, 1975. С. 179–181. − Текст: непосредственный.

4. Чехов А. П. «На даче» // А.П. Чехов. Собрание сочинений в 8-ми томах. Том 3. [Рассказы], 1886–1887. М.: «Правда», 1970. С. 458–463. Далее ссылки на это

издание приводятся в круглых скобках с указанием страницы. − Текст: непосредственный.

5. Чехов А. П. Моя «она» // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. − М.: Наука, 1974−1982.Т. 4. [Рассказы, юморески], 1885−1886. − М.: Наука, 1976. − С. 11. − Текст: непосредственный.

ИЗМЕНЕНИЕ АКЦЕНТНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВ С ДВУМЯ УДАРЕНИЯМИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Яскевич Виталий Валерьевич, Яскевич Ольга Михайловна
Зав. кафедрой фонетики и практики английской речи, доцент
Старший преподаватель кафедры иноязычного речевого общения, БГУИЯ
Минск, Республика Белорусь

***Аннотация**. В статье представлены результаты исследования интерференции в области словесного ударения. Проведенный фонетический эксперимент позволил определить масштаб, характер и причины отклонений в реализации английских слов с двумя ударениями белорусскими студентами.*

***Ключевые слова:** интерференция, акцентология, акцентный тип, словесное ударение, сложное существительно.*

***Abstract**. This article presents the results of a study on interference in word stress. A phonetic experiment allowed us to determine the scale, nature, and causes of deviations in the use of English words with two stresses by Belarusian students.*

***Keywords**: interference, accentology, accentual type, word stress, compound noun.*

Одним из типичных результатов языковых контактов является интерференция. Она понимается как процесс взаимодействия «языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося при освоении неродного языка, и выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного». Термин «интерференция» был введен в лингвистику представителями Пражского лингвистического кружка. После выхода в свет монографии У. Вайнрайха «Языковые контакты» он стал интенсивно использоваться в научном дискурсе [1]. Примечательно, что интерференция проявляется на всех уровнях языка, в том числе на фонетическом.

Практика многолетнего преподавания английского языка, показывает, что одной из устойчивых интерферентных характеристик можно считать неверную расстановку словесного ударения в словах с двумя ударениями. Как известно в английском языке есть три типа сложных акцентных структур: главное ударение + второстепенное, второстепенное ударение + главное и два равных по силе ударения. Первый тип представлен сложными существительными с семантически ведущим первым компонентом (например: ˈ*book*-ˌ*keeper*). Ударение на первом элементе сложного существительного организует его как особую лексическую единицу, значение которой

не равно сумме слагаемых слов. Выделение же сильными ударениями обоих элементов превращает сложное существительное в свободное сочетание определения с определяемым словом. Таким образом, акцентная структура главное ударение + второстепенное в английском языке имеет словообразовательную функцию [2]. Ее несоблюдение может привести к смешению смыслов и коммуникативной неудаче. Сравните, например, два предложения:

We |saw a \green|house. (Мы увидели теплицу).
We |saw a |green \house. (Мы увидели зеленый дом).

Ко второму типу (второстепенное ударение + главное) относится большое количество многосложных слов, образованных при помощи аффиксации [3]. Несмотря на то, что английское словесное ударение считается свободным, данный тип слов подчиняется достаточно строгой тенденции, согласно которой главное ударение падает на третий слог с конца, а второстепенное ударение фиксируется на первом или втором слоге. Локализация второстепенного ударения, как правило, зависит от того, где было ударение в слове, от которого произошла деривация (например: *a|vaila|bility, |archeo|logical*)

Наконец, третий тип акцентной структуры (два равных по силе ударения) встречается в сложных и составных числительных, сложных прилагательных и фразовых глаголах (например*: |fif|teen, |sixty-|five, |well-in|formed, |give a|way*). Ударения считаются равными по силе, поскольку любое из них может стать ядерным или полностью опускаться в зависимости от окружающего лексического контекста [3].

Цель предпринятого нами исследования состояла в определении масштаба акцентологической интерференции, описании конкретного характера нарушений в реализации словесного ударения и их причин. Для этого мы провели фонетический эксперимент, участниками которого стали два носителя южно-британской произносительной нормы и 20 белорусских студентов первого курса, изучающих английский язык как первый иностранный. На предварительном этапе нами был составлен текст лингвострановедческого характера на английском языке объемом в 300 слов, содержащий по 5 слов из каждого акцентного типа. В качестве контрольной группы выступили носители английского языка, которые прочитали данный текст, в полной мере реализуя произносительную норму. После этого экспериментальной группе из 20 белорусских студентов было предложено прочитать тот же текст. Участникам не сообщалось о целях проводимого эксперимента. Специалисты-фонетисты выполнили просодическую разметку полученных текстов и сравнили фонетическую реализацию слов с двумя ударениями в аудиозаписях, начитанных носителями и неносителями языка.

Анализ позволил обобщить данные о характере и частотности отклонений от произносительной нормы и представить их в виде таблицы ниже. Проведенный эксперимент позволяет констатировать, что акцентологическая интерференция особенно часто проявляется в отношении сложных существительных в силу перестановки главного и второстепенного ударений местами или сохранении только главного ударения, но на неверном элементе. Каждый пятый студент также опускает

второстепенное ударение в многосложных деривативах. Пятнадцать процентов ошибок приходится на неверную расстановку ударений, связанную с несоблюдением чередования ударных и безударных слов, что является заметным нарушением тактосчитающего ритма.

На наш взгляд, причины смещения ударения в английской речи белорусских студентов заключаются в том, что второстепенное ударение, или побочное ударение, как его принято называть в русской фонологии, встречается гораздо реже, чем в английском языке. Более того в сложных и сложносокращенных русских словах побочное ударение факультативно [4]. В тех случаях, когда носители русского языка произносят слово с двумя ударениями их расстановка зеркально противоположна акцентной модели английских сложных существительных (*ˌводоˈпад* - *ˈwaterˌfall, ˌтрудоˈемкость* - *ˈlabor inˌtensity, ˌледоˈкол* - *ˈiceˌbreaker*). Тенденция к перестановке главного ударения или ударения как такового на второй элемент сложного слова прочно закреплена и кодифицирована в англоязычных заимствованиях (*аутˈсайдер, аутˈсорсинг, бизнесˈмен* и т.д.), что также способствует укоренению, вызванных интерференцией акцентологических ошибок.

Т а б л и ц а

Характер и частотность ошибок в акцентуации английских слов с двумя ударениями

Пример целевой реализации	Пример ошибочной реализации	Тип отклонения	Частотность
ˌMediterˈranean ˈSea	Mediterˈranean ˈSea	Опущение второстепенного ударения в акцентном типе вт+гл	21 %
Enˈjoy ˈscuba ˌdiving	Enˈjoy ˈscuba ˈdiving	Перестановка местами главного и второстепенного ударения	53%
ˈSpend ˑtime ˈwindsurfing	ˈSpend ˑtime windˈsurfing	Сохранение одного главного ударения на втором элементе в акцентном типе гл+вт	11%
ˈTwo-ˑweek ˈholiday	Two-ˈweek ˈholiday	Постановка ударения на элементе, нарушающем речевой ритм	15%

Представляется, что целенаправленное привлечение внимания студентов к такого рода нарушениям произносительной нормы и выполнение целого комплекса

упражнений, призванного исключить интерференцию, будет способствовать оптимизации процесса обучения иноязычному произношению.

Список использованной литературы

1. Вайнрайх, У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Жлуктенко. Киев, 1979. – 260 с.

2. Roach, P. English Phonetics and Phonology. A practical course, Peter Roach. – 4th ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 256p.

3. Gimson, A. C. An introduction to the pronunciation of English / A. C. Gimson. – 7th ed. – London : Hodder Education, 2008. – 362 p.

4. Каленчук, М.Л., Касаткина, Р.Ф. Побочное ударение и ритмическая структура русского слова на словесном и фразовом уровнях // Вопросы языкознания / М.Л. Каленчук, Р.Ф. Касаткина, Москва. №4, 1993 г. – с. 99-106.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМАМ ФУЗИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И УРОВНЕВЫЙ СТАТУС МОРФОНОЛОГИИ

Им Светлана Борисовна
доктор филологических наук, профессор
Узбекский государственный университет мировых языков
Ташкент, Узбекистан

Аннотация. *В работе рассматривается вопрос о фузии русского языка, которая находит своё выражение морфонологических единицах. К ним относятся альтернация, ударения, чередование фонем и альтернация аффиксов. Указанные единицы морфонологии участвуют в процессе синтеза звукового облика слова в словоизменеиии и словообразовании русского языка.*

Ключевые слова: *морфонология, морфнема, фузия, агглютинация, альтернация, ударение, чередование.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada rus tilining morfologik birliklar orqali ifodalanadigan qo'shilishi o'rganiladi. Bu birliklar qatoriga alternatsiya, urg'u, fonema alternatsiyasi va affiks alternatsiyasi kiradi. Ushbu morfologik birliklar rus tilida so‘zlarning flektsiyadagi tovushini sintez qilish va so'z yasash jarayonida ishtirok etadi.*

Kalit so‘zlar: *morfologiya, morfnema, qo'shilish, agglyutinatsiya, alternatsiya, urg'u, alternatsiy*

Abstract. *This paper examines the phenomenon of fusion in the Russian language, as manifested through morphonological units. These include alternation, stress, phoneme alternation, and the alternation of affixes. Such morphonological units play a role in the synthesis of the phonetic form of words during the processes of inflection and word formation in Russian.*

Keywords: *morphonology, morpheme, fusion, agglutination, alternation, stress, phoneme alternation.*

Морфонологические едииицы выражают и определяют единство слова в русском языке. Использование морфонем является необходимым условием построения словоформ, распознавания слова в речи и построении новых слов по правилам словообразования. Явление фузии в русском только начинает изучаться. Основы морфонологии как самостоятельной дисциплины были заложены Н.С. Трубецким и его последователями – членами Пражского кружка. Однако морфонологические изыскания пражцев затрагивали лишь область синтагматики, т.е. законы построения звуковых цепей. Вопросы классов чередования фонем и ударения на уровне словоизменения ученым не затрагивались. Они были описаны частично проф. В.А. Редькиным в Академической грамматике-70 [7, с. 425-485; 10]. Вопрос о чередовании фонем и ударения находится на определенной стадии исследования, а вопрос о чередовании суффиксов не исследован практически, хотя он затрагивается в работах С.Б. Им.

Цель работы состоит в исследовании значимости морфонологических явлений в выявлении фузионного характера русского языка.

Фузионный характер русского языка, в отличии от агглютинирующих языков, в частности, узбекского проявляется в чередовании фонем, подвижности ударения в склонении, спряжении, словообразовании.

Объектом нашего исследования является фузия русского языка, которая находит своё выражение в чередовании ударения, фонем, а также суффиксов. Теоретические обоснования названных 3-х типов чередования получили в работах проф. В.А. Редькина, С.Б. Им. Однако описание фузии затрагивает лишь отдельные моменты словоизменения и русского именного словообразования. [1,2,3,4,5].

Методы исследования: для достижения цели исследования использовались синхронно-описательный метод, включающий такие приемы, как наблюдение, сравнение, сопоставление, обобщение, интерпретация, типологический методы, метод парадигматической идентификации лингвистических объектов.

Впервые понятие «морфонология» было введено Н.С. Трубецким. Объектом изучения морфонологии, по его мнению, являются альтернации фонем, т.е. чередования, не обусловленные фонетической позицией, например***, лечу –летишь*****, где** ч//т**; мять- мну**’**, где м** согласный ***н*** чередуется с гласным ***а, сохнуть-сушить,*** гласный чередуется гласным о//у [9, с. 116].

Общее представление об альтернации Н.С. Трубецкой назвал морфонемой. Имеются в виду альтернационные характеристики всей совокупности класса словоформ. Член чередования назван Н.С. Трубецким альтернантом. Так, чередование ч//т’ в паре слов *лечу – летишь,* чередования ударения типа *вода́ - во́ду и* чередование суффиксов *желтина́ - желтизна́ (- ина // - изна)* Н.С. Трубецким не рассматривались. [9, с. 116].

Другим объектом морфонологии Н.С. Трубецкой считал явление сандхи – это фонетические изменения, происходящие на стыке морфем, композитов, слов. Фактически Н.С. Трубецкой выделил парадигматические явления морфонологии – морфонемы – и синтагматические – сандхи. Впоследствии идеи Н.С Трубецкого

получили развитие в «Projet de terminologie phonologique standaritsee» [12, с. 309-326], а также в трудах ряда американских лингвистов.

Системный подход к проблемам фузии предполагает решение вопросов об уровневом статусе морфонологии. Проф. В.А. Редькин и С.Б. Им выделяют автономный морфонологический уровень. Признание статуса морфонологии даёт право на выделение автономных морфонологических единиц, не принадлежащих ни к уровню фонологии, ни к уровню морфологии. Эта задача решалась в рамках Московской морфонологической школы, представленной в работах проф. В.А. Редькина. Данный уровень имеет объектом изучения свою особую единицу – морфонему, которая характеризуется особыми дифференциальными признаками (ДП), корреляциями и нейтрализацией корреляций, что доказывает автономность уровня морфонологии. В настоящее время имеется лишь одно исследование, описывающее словообразовательные категории в терминах морфонем: альтернации ударения, чередования и суффиксов как выражения морфонологических единиц, доказывающих фузионную природу русского языка на примере словообразования [1, с. 63-73; 2, с. 315-322; 5, с. 16-30].

В основе формирования представления о морфонологической единице лежит идея тождества морфемы Московской фонологической школы: морфемы считаются тождественными, если их различия выражаются в некотором правиле. Но правило, определяющее тождество морфемы, является морфонологическим. Если тождество морфемы выражает единство слова, то тогда морфонологическое правило является средством, выражающим и определяющим единство слова. В этом заключается смысл дальнейшей эволюции морфонологических взглядов. Как справедливо замечает А.А. Реформатский, «в морфонологии есть свои позиции, но они не те, что для фонологии. Это очень интересная тема, о ней можно писать и докладывать» [8, с. 22].

Понятие морфонологической позиции дает основание для выделения автономных морфонологических единиц. Под позицией понимаются условия, определяющие реализацию и функционирование каких-либо единиц, характеризующихся определенными дифференциальными признаками. Эта задача решается в работах проф. В.А. Редькина.

На основе описания морфонологические единицы ударения и чередования фонем, произведенных проф. В.А. Редькиным, мы можем дать предварительное определение морфонемы как единице морфонологического уровня языка. Морфонема – это класс ДП альтернаций ударения или фонем, характеризующий данный класс слов.

Морфонемы и единицы, рассматриваемые как алломорф, можно включить в некую, более широкую систему морфонологических единиц. Отсюда следует, что любой структурно значимый компонент, в том числе и аффикс, может рассматриваться в отвлечении от плана содержания и входить в систему морфонологических единиц.

Исходя из этого, в работе приводятся формулировки фузии и агглютинации, которые не противоречат общепринятым, так как в основе определения агглютинации лежит тот же принцип автономности, а в основе определения фузии – принцип взаимообусловленности ударения, чередования фонем и аффиксации. Традиционные определения фузии не объясняют причин фузии. Мы же постарались раскрыть характер фузии, и как она проявляется, так как в традиционном понимании все сводится к

морфологической вычленимости морфем. При этом при определении агглютинации соблюдается тот же принцип автономности морфонологических компонентов, а при определении фузии – принцип их взаимообусловленности.

Отсюда агглютинация – это такая система построения звукового облика слова, при которой аффиксация автономна, а прочие морфонологические элементы (ударение и альтернация фонем) ей подчинены.

Фузия же – это такое соотношение между ударением, альтернацией фонем и аффиксацией в построении звукового облика слова, при котором имеет место неавтономность перечисленных элементов, прежде всего аффиксации.

Таким образом, фузия русского языка состоит в выборе морфонологического варианта производного слова, при этом в морфонологии учитываются парадигматические характеристики производящих, представляющие ударение и консонантный исход основы производящего, т.е. правила чередования морфонем в различных морфонологических позициях, и правила синтагматики морфонологических объектов в рамках одной звуковой цепи. Тем самым решается проблема исчерпывающего описания морфонологической системы русского языка в рамках соссюровской дихотомии – парадигматика –синтагматика.

Список использованной литературы

1. Им С.Б. Значимость морфонологических явлений в словообразовании диминутивов среднего рода // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – №7. – С.63-73.

2. Им С.Б. Морфонологические явления в словообразовании деминутивов мужского рода // Горизонты современной русистики.// Сб статей Международной научной конференции, посвященной юбилею акад. В.Г Костомарова. (30-31 января 2020г.). – М.: 2020. – С. 315 - 322.

3. Им С.Б Статус морфонологии как лингвистическойдисциплины и объект её изучения // Ўзбекистонда хорижий тиллар. – 2020 – № 1(30). – С .10-21.

4. Im S.B. Significance Of Morphophonological Elements In A Nominal Word Formation As A Manifestation Of The Fusion Of The Russian Language // Journal of Critical Reviews. Vol 7, Issue 5, 2020, pp. 265-271.

5. Им С.Б Роль морфонологических элементов в словообразовании абстрактных имен существительных с суффиксом -ость (- есть). – Тамбов, «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». –.С.16- 30.

6. Редькин В.А. Редькин В.А. Альтернации (чередования фонем) // Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970. – С. 425-485.

7. Редькин В.А. Акцентология современного русского языка. – М: Просвещение, 1971. – 223 с.

8. Реформатский А.А. Каков статус морфонологии, где границы меду фонологией и морфонологией. // Базисные проблемы фонологии. (Ответы на вопросы). – Донецк, 1968. – С. 22.

9. Трубецкой Н.С. Некоторые соображения относительно морфонологии. //Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С. 116;

10. Trubtzkoy. Projet de terminologie phonologique standaritsee. // TCLP. Vol. 4. – Pr., 1931. – p. 309-326.

RAQAMLI TA'LIM DISKURSIDA PEDAGOGIK NEOLOGIZMLARNING SHAKLLANISHI VA SEMANTIK TARAQQIYOTI

Nizomova Mohinur Baratboyevna
amaliy ingliz tili kafedrasi mudiri,
filologiya fanlari doktori (DSc), professor
Qarshi davlat universiteti
Qarshi, O'zbekiston

Annotatsiya: *Maqolada raqamli ta'lim diskursida yuzaga kelgan pedagogik neologizmlarning shakllanish yo'llari va semantik taraqqiyoti ingliz va o'zbek tillari materiali asosida qiyosiy tahlil qilinadi. Ingliz tilida bunday birliklar asosan qo'shma so'z, qisqartma, blend (qorishma) va affiksatsiya modellari orqali hosil bo'lishi, o'zbek tilida esa ular kalkalash, transliteratsiya, gibrid birikmalar va milliy so'z yasalish vositalari yordamida o'zlashtirilishi ko'rsatiladi. Shuningdek, mavjud so'zlarning raqamli muhitda yangi ma'no kasb etishi (semantik neologizmlar) va ularning terminologik barqarorlashuv bosqichlari yoritiladi.*

Kalit so'zlar: *neologizm, pedagogik termin, raqamli ta'lim, diskurs, kalka, o'zlashma, semantik neologizm, terminologik barqarorlashuv.*

Аннотация. *В статье на материале английского и узбекского языков проводится сопоставительный анализ путей образования и семантического развития педагогических неологизмов, возникших в дискурсе цифрового образования. Показано, что в английском языке такие единицы образуются преимущественно по моделям словосложения, аббревиации, блендинга (контаминации) и аффиксации, тогда как в узбекском языке они осваиваются посредством калькирования, транслитерации, гибридных сочетаний и собственных словообразовательных средств. Рассматриваются также процесс приобретения существующими словами новых значений в цифровой среде (семантические неологизмы) и этапы их терминологической стабилизации.*

Ключевые слова: *неологизм, педагогический термин, цифровое образование, дискурс, калька, заимствование, семантический неологизм, терминологическая стабилизация.*

Abstract: *The article offers a contrastive analysis of the formation and semantic development of pedagogical neologisms in digital education discourse on the material of English and Uzbek. It is shown that in English such units are formed mainly through compounding, abbreviation, blending and affixation, while in Uzbek they are adopted through calquing, transliteration, hybrid combinations and native word-formation means. The article*

also considers semantic neologisms – existing words that acquire new meanings in the digital environment – and the stages of their terminological stabilisation.

Keywords: *neologism, pedagogical term, digital education, discourse, calque, borrowing, semantic neologism, terminological stabilisation.*

So‘nggi o‘n besh-yigirma yil ichida ta’lim jarayonining raqamlashuvi pedagogik leksikada misli ko‘rilmagan o‘zgarishlarga sabab bo‘ldi. Masofaviy va aralash ta’lim shakllarining keng tarqalishi, o‘quv jarayonini boshqarish platformalarining joriy etilishi, ayniqsa, 2020-yildagi pandemiya davrida ta’limning qisqa muddatda onlayn shaklga o‘tishi yangi tushunchalarni nomlash ehtiyojini keskin oshirdi. Natijada ta’lim diskursida yangi so‘z va birikmalar – pedagogik neologizmlar – faol shakllana boshladi.

O‘zbekistonda ham bu jarayon ta’lim islohotlari bilan uzviy bog‘liq kechmoqda. “Ta’lim to‘g‘risida”gi Qonunda masofaviy ta’lim ta’lim shakllaridan biri sifatida belgilab qo‘yildi [1], oliy ta’lim tizimini 2030-yilgacha rivojlantirish konsepsiyasida esa kredit-modul tizimiga o‘tish va ta’limni raqamlashtirish vazifalari qo‘yildi [2]. Bu hujjatlar bilan birga “silabus”, “kredit”, “elektron jurnal”, “onlayn dars” kabi birliklar rasmiy va kundalik pedagogik muloqotga kirib keldi. Shu sababli raqamli ta’lim neologizmlarining shakllanish modellarini va ma’no taraqqiyotini ingliz va o‘zbek tillari qiyosida o‘rganish dolzarb ahamiyat kasb etadi.

Neologizmlar tilshunoslikda uzoq vaqtdan beri o‘rganilib kelinadi. J. Algeo ingliz tilidagi yangi so‘zlarni yarim asrlik material asosida tizimlashtirib, ularning asosiy hosil bo‘lish manbalarini – qo‘shish, affiksatsiya, qisqartirish, qorishtirish va o‘zlashtirishni ajratgan [3]. L. Bauer va I. Plag ingliz tilida so‘z yasalishining unumli modellarini nazariy jihatdan asoslagan [4; 9]. V.I. Zabotkina ingliz tilidagi yangi leksikani nominativ ehtiyoj va pragmatik omillar bilan bog‘liq holda tadqiq etgan [10]. D. Crystal internet muhitining tilga ta’sirini o‘rganib, raqamli muloqot leksikaning yangilanishida alohida manba ekanini ko‘rsatgan [6]. O‘zbek tilshunosligida so‘z yasalish tizimi A. Hojiyev tomonidan atroflicha yoritilgan [7].

Tadqiqotda qiyosiy-chog‘ishtirma, komponent va diskurs tahlili usullaridan foydalanildi. Material sifatida ingliz va o‘zbek tillaridagi pedagogik matnlar, me’yoriy hujjatlar, ta’lim platformalari interfeysi va o‘quv-metodik adabiyotlarda qo‘llanayotgan raqamli ta’limga oid birliklar olindi. Har bir birlik uchun ingliz tilidagi hosil bo‘lish modeli, o‘zbek tilidagi muqobili va uni o‘zlashtirish usuli aniqlandi; tarjima usullarini tasniflashda P. Newmark nazariyasiga tayanildi [8].

1. Ingliz tilida pedagogik neologizmlarning hosil bo‘lish modellari. Tahlil shuni ko‘rsatadiki, ingliz tilida raqamli ta’lim neologizmlari quyidagi asosiy modellar asosida shakllanadi: a) *qo‘shma so‘z va birikmalar*: *blended learning, flipped classroom, digital literacy, virtual classroom*; b) *e- prefiksoidi* yordamida yasalganlar: *e-learning, e-book, e-portfolio*; d) *blendlar*: *webinar* (web + seminar), *edutainment* (education + entertainment), *edtech* (education + technology); e) *akronim va abbreviaturalar*: *MOOC* (Massive Open Online Course), *LMS* (Learning Management System), *VLE* (Virtual Learning Environment); f) *affiksatsiya*: *gamification, microlearning*. Bu modellar ingliz tilining analitik tabiati va qisqalikka intilish tamoyili bilan izohlanadi. Masalan, *MOOC* atamasi 2008-yilda D. Cormier

tomonidan taklif etilib, qisqa vaqt ichida xalqaro pedagogik terminga aylandi; *flipped classroom* tushunchasi esa J. Bergmann va A. Sams ishlaridan so‘ng keng ommalashdi [5].

2. O‘zbek tilida o‘zlashtirish usullari. Ingliz tilida yuzaga kelgan neologizmlar o‘zbek tiliga bir necha yo‘l bilan kirib kelmoqda. Quyidagi jadvalda eng xarakterli misollar keltirilgan:

Inglizcha birlik	**Hosil bo‘lish modeli**	**O‘zbekcha muqobili**	**O‘zlashtirish usuli**
e-learning	e- + qo‘shma so‘z	elektron ta’lim	kalka
blended learning	qo‘shma birikma	aralash ta’lim	kalka
flipped classroom	metaforik birikma	teskari sinf / ag‘darilgan sinf	kalka (variantli)
digital literacy	qo‘shma birikma	raqamli savodxonlik	kalka
webinar	blend	vebinar	transliteratsiya
MOOC	akronim	ommaviy ochiq onlayn kurs	tasviriy tarjima
LMS	abbreviatura	LMS; o‘quv jarayonini boshqarish tizimi	aynan saqlash + izoh
gamification	affiksatsiya	gamifikatsiya / o‘yinlashtirish	o‘zlashma + milliy yasalma
online lesson	qo‘shma birikma	onlayn dars	gibrid birikma
syllabus	o‘zlashma (lot.)	silabus	transliteratsiya

1-jadval. *Raqamli ta’lim neologizmlarining o‘zbek tiliga o‘zlashtirilishi*

Jadvaldan ko‘rinadiki, o‘zbek tilida kalkalash eng unumli usul hisoblanadi: tushunchaning ichki shakli ona tili vositalari bilan qayta yaratiladi va termin keng auditoriya uchun tushunarli bo‘ladi. Ayrim hollarda kalka variantlilikka olib keladi (“teskari sinf” – “ag‘darilgan sinf”), bu esa terminning hali barqarorlashmaganidan dalolat beradi. Transliteratsiya (vebinar, silabus) va gibrid birikmalar (onlayn dars, onlayn kurs) xalqaro aloqalarni saqlashga xizmat qilsa, abbreviaturalar (LMS) asosan mutaxassislar muloqotida o‘zgarishsiz qo‘llanadi. “Gamifikatsiya” va “o‘yinlashtirish” kabi juftliklar esa o‘zlashma bilan milliy yasalma o‘rtasidagi raqobatni ko‘rsatadi; bunda o‘zbek tilining -lashtir- affiksi raqamli jarayonlarni nomlashda yuqori unumdorlik namoyon etadi (raqamlashtirish, avtomatlashtirish).

3. Semantik neologizmlar. Raqamli ta’lim diskursida yangi so‘zlar bilan bir qatorda mavjud so‘zlarning ma’no taraqqiyoti ham kuzatiladi. Ingliz tilida *platform*, *cloud*, *module*,

badge so‘zlari yangi pedagogik ma’no kasb etgan. O‘zbek tilida ham shunga o‘xshash jarayon kechmoqda: “platforma” so‘zi raqamli o‘quv muhitini anglatsa, “kurs” so‘zi onlayn kurs ma’nosida, “sinf” so‘zi “virtual sinf” birikmasida, “yuklash” fe’li esa fayl bilan bog‘liq harakat (yuklab olish, yuklab qo‘yish) ma’nosida qo‘llanmoqda. “Topshiriq” so‘zi platforma muhitida muddat va baholash mezoni bilan bog‘langan o‘quv birligiga aylandi.

Bu o‘zgarishlar ma’no kengayishi (platforma, kurs), metaforik ko‘chim (bulut texnologiyalari, ag‘darilgan sinf) va metonimik ko‘chim (yuklash) orqali amalga oshmoqda. Kuzatishlar pedagogik neologizmning taraqqiyotida uchta bosqichni ajratish imkonini beradi: 1) okkazional qo‘llanish – birlik asosan og‘zaki muloqot va ijtimoiy tarmoqlarda uchraydi, variantlar ko‘p bo‘ladi; 2) diskursiv tarqalish – birlik ilmiy-metodik matnlarga kiradi, bir variant ustunlik qila boshlaydi; 3) terminologik barqarorlashuv – birlik me’yoriy hujjatlar va lug‘atlarda qayd etiladi. Masalan, “masofaviy ta’lim” va “raqamli savodxonlik” uchinchi bosqichga yetgan bo‘lsa, “teskari sinf”, “gamifikatsiya” kabi birliklar hali ikkinchi bosqichda turibdi.

Raqamli ta’lim diskursi zamonaviy pedagogik leksikaning eng tez yangilanayotgan qatlamlaridan biridir. Ingliz tilida pedagogik neologizmlar asosan qo‘shma so‘z, blend, akronim va affiksatsiya modellari orqali yuzaga kelsa, o‘zbek tilida ular kalkalash, transliteratsiya, gibrid birikmalar va milliy so‘z yasalish vositalari yordamida o‘zlashtirilmoqda. Bunda kalkalash eng unumli usul bo‘lib, terminning tushunarliligini ta’minlaydi. Mavjud so‘zlarning raqamli muhitda yangi ma’no kasb etishi semantik neologizmlarning faol shakllanayotganini ko‘rsatadi. Pedagogik terminologiyani muvofiqlashtirish, variantlar o‘rtasidan me’yoriy shaklni tanlash va raqamli ta’lim terminlarining ikki tilli izohli lug‘atini yaratish keyingi tadqiqotlarning muhim vazifasi hisoblanadi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. O‘zbekiston Respublikasining “Ta’lim to‘g‘risida”gi Qonuni. 2020-yil 23-sentabr, O‘RQ-637-son.

2. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining “O‘zbekiston Respublikasi oliy ta’lim tizimini 2030-yilgacha rivojlantirish konsepsiyasini tasdiqlash to‘g‘risida”gi PF-5847-son Farmoni. 2019-yil 8-oktabr.

3. Algeo J. Fifty Years Among the New Words: A Dictionary of Neologisms, 1941–1991. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

4. Bauer L. English Word-Formation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 311 p.

5. Bergmann J., Sams A. Flip Your Classroom: Reach Every Student in Every Class Every Day. – Eugene, OR: ISTE, 2012.

6. Crystal D. Language and the Internet. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 272 p.

7. Hojiyev A. O‘zbek tili so‘z yasalishi tizimi. – Toshkent: O‘qituvchi, 2007.

8. Newmark P. A Textbook of Translation. – New York: Prentice Hall, 1988. – 292 p.

9. Plag I. Word-Formation in English. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 240 p.

10. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 126 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕГУЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИИ ЧИСЛОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Фаизова Ф. Ш.
PhD, доцент кафедры русского языкознания
Атаджанова Х. А.
стажер-преподаватель кафедры русского языкознания
Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека
Ташкент, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются лингвокультурные основания регулятивной функции числовых фразеологизмов – устойчивых единиц, в которых числительное несёт не столько количественное, сколько культурно-символическое значение. На материале русского языка (с возможными сопоставительными отсылками к узбекской фразеологии) анализируются механизмы, посредством которых числовые компоненты фразеологизмов участвуют в формировании прагматического эффекта и реализации стратегий речевого воздействия: от актуализации культурно закреплённых стереотипов до моделирования оценочных смыслов и управления интерпретацией адресата. Особое внимание уделяется символике ключевых числительных (один, два, три, семь, сто и др.) и их роли в создании культурно обусловленных моделей убеждения, предостережения, усиления и противопоставления. В работе демонстрируется, как культурно маркированные смыслы числовых компонентов позволяют фразеологизмам выполнять регулятивную функцию – направлять поведение и реакции реципиента в рамках коммуникативной ситуации. Результаты исследования могут быть использованы в лингвокультурологии, фразеологии, теории речевого воздействия, а также в практике преподавания русского языка как родного и иностранного.*

Ключевые слова: *числовые фразеологизмы, регулятивная функция, лингвокультура, прагматика, речевое воздействие, символика чисел, фразеологическая семантика, культурно-языковые стереотипы, стратегии убеждения, русский язык.*

Annotatsiya. *Maqolada sonli frazeologizmlarning tartibga soluvchi (regulyativ) funksiyasining lingvokultural asoslari ko‘rib chiqiladi – bu yerda son asosan miqdoriy emas, balki madaniy-ramziy ma’noni anglatadigan barqaror birliklar. Rus tili materiali asosida (O‘zbek frazeologiyasiga qiyosiy murojaatlar bilan) son komponentlari frazeologizmlarda pragmatik effektni shakllantirish va nutqiy ta’sir strategiyalarini amalga oshirish mexanizmlari tahlil qilinadi: madaniy jihatdan mustahkamlangan stereotiplarni faollashtirishdan tortib, baholovchi ma’nolarni shakllantirish va tinglovchini talqin qilish jarayonini boshqarishgacha. Alohida e’tibor asosiy sonlarning (bir, ikki, uch, yetti, yuz va h.k.) ramziy ma’nosiga va ularning ishonch, ogohlantirish, kuchaytirish va qarama-qarshilik modellarini yaratishdagi madaniy belgilangan roliga qaratiladi. Ishda son komponentlarining madaniy yuklangan ma’nolari frazeologizmlarga kommunikativ vaziyat doirasida tinglovchining xatti-harakati va reaksiyasini yo‘naltirish imkonini beruvchi tartibga*

soluvchi funksiyani bajarishga yordam berishi ko‘rsatib beriladi. Tadqiqot natijalari lingvokulturologiya, frazeologiya, nutqiy ta’sir nazariyasi sohalarida hamda rus tilini ona va xorijiy til sifatida o‘qitish amaliyotida qo‘llanilishi mumkin.

Kalit so‘zlar: *sonli frazeologizmlar, tartibga soluvchi funksiya, lingvokultura, pragmatika, nutqiy ta’sir, sonlar ramziyoti, frazeologik semantika, madaniy-til stereotiplari, ishonch strategiyalari, rus tili.*

Abstract. *The paper examines the linguocultural foundations of the regulatory function of numerical phraseological units – stable expressions in which the numeral conveys not so much a quantitative meaning as a cultural and symbolic one. Drawing on material from the Russian language (with possible comparative references to Uzbek phraseology), the study analyses the mechanisms by which numerical components in phraseological units contribute to the creation of a pragmatic effect and the implementation of speech impact strategies: from the activation of culturally embedded stereotypes to the modelling of evaluative meanings and the management of the addressee’s interpretation. Particular attention is paid to the symbolism of key numerals (one, two, three, seven, one hundred, etc.) and their role in shaping culturally determined models of persuasion, warning, intensification, and contrast. The paper demonstrates how the culturally marked meanings of numerical components enable phraseological units to perform a regulatory function – to direct the behaviour and reactions of the recipient within a communicative situation. The findings of the research can be applied in linguoculturology, phraseology, the theory of speech impact, as well as in the teaching of Russian as a native and foreign language.*

Keywords: *numerical phraseological units; regulatory function; linguoculture; pragmatics; speech impact; numeral symbolism; phraseological semantics; cultural-linguistic stereotypes; persuasion strategies; Russian language.*

Регулятивно-коммуникативная функция фразеологизмов с компонентом числительным проявляется в их способности воздействовать на поведение, интерпретацию и коммуникативные действия адресата, задавая определённый вектор восприятия ситуации и регулируя ход взаимодействия. В отличие от оценочной и интенсифицирующей функций, ориентированных преимущественно на характеристику объекта или степени признака, регулятивная функция направлена на организацию коммуникации как социального процесса. Числовые фразеологизмы в этом случае выступают не просто выразительными средствами, а инструментами речевого управления, позволяющими говорящему задавать рамки допустимого, формировать ожидания, предписывать нормы поведения и перераспределять коммуникативные роли.

Одним из ключевых механизмов реализации регулятивно-коммуникативной функции является апелляция к общекультурному знанию, закреплённому в устойчивых выражениях. Используя фразеологизм с числительным, говорящий активирует коллективно разделяемый сценарий, который воспринимается адресатом как социально легитимный и не требующий дополнительного обоснования. Так, выражение раз и навсегда используется для установления жёсткой коммуникативной границы, обозначая окончательность решения и недопустимость дальнейшего обсуждения. Например: «Не стоит думать, что достаточно пойти к мануальному терапевту или, на

худой конец, к массажисту, чтобы устранить все проблемы со здоровьем ***раз и навсегда*** [1]. В прагматическом плане данная формула выполняет функцию завершения дискуссии и блокирования альтернативных интерпретаций.

Регулятивное воздействие часто реализуется через фразеологизмы, задающие порядок действий и последовательность коммуникативных шагов. Выражение **первым делом** функционирует как средство структурирования высказывания и одновременно как способ управления вниманием адресата: «Дети, студенты и многодетные родители проходят бесплатно. Это потому, что иначе их, наверное, и не заманишь», – подумали мы, но прежней уверенности, что «все плохо», как-то в себе не ощутили. Особенно когда получили не грязный, серый, плохо пропечатанный лоскуток, а красивый билет, который вполне можно оставить на память. Пройдя контроль, мы ***первым делом*** стали высматривать: где же те «многочисленные аттракционы» [2].

Указывая на приоритетность определённого действия или аргумента, говорящий формирует иерархию значимости и тем самым направляет когнитивную обработку информации в нужное русло. Числительное в данном случае выступает маркером начальной точки, от которой выстраивается дальнейшая логика взаимодействия.

Особую роль в стратегиях воздействия играют числовые фразеологизмы, связанные с ограничением свободы выбора адресата. Формула **без второго слова** используется для предписания немедленного и беспрекословного выполнения действия, исключая возможность возражения или обсуждения: «Вышла на конечной, ещё немного прошлась и позвонила в двери приёмного покоя. Её впустили ***без второго слова***. В ту ночь в четвёртом родильном доме вообще мало говорили [3].

Прагматический эффект такого выражения заключается в навязывании асимметричных коммуникативных ролей, где говорящий позиционирует себя как носителя власти или контроля, а адресат – как исполнителя.

Регулятивная функция отчётливо проявляется и в выражениях, направленных на предупреждение или профилактику нежелательного поведения. Фразеологизм **на первый раз** используется для обозначения условного прощения или временного смягчения санкций, одновременно сигнализируя о возможности более жёсткой реакции в будущем. Например: «Если австрийца поймают с минимальным количеством, он ***на первый раз*** отделается предупреждением, в крайнем случае будет направлен на принудительные лекции на тему “Как не стать наркоманом”, вас же – как и любого выходца из Восточной Европы – может ждать гораздо более тяжелая судьба [4]. Числительное здесь задаёт временную рамку допустимости, формируя у адресата ожидание последствий и тем самым регулируя его дальнейшие действия.

В коммуникативных стратегиях убеждения числовые фразеологизмы часто используются для усиления аргументации и придания ей видимости объективности. Выражение **как дважды два** служит маркером самоочевидности утверждения и выполняет функцию когнитивного давления на адресата: «За происходящим хотелось почему-то наблюдать слегка со стороны. А то, что простыми репликами тут не закончится, почему-то казалось ясным, ***как дважды два*** [5].

Апелляция к элементарной арифметической истине позволяет говорящему представить собственную позицию как бесспорную и рационально обоснованную, тем самым снижая вероятность возражений.

Регулятивное воздействие может быть направлено и на эмоциональное состояние адресата. Фразеологизм **в два счёта** используется для демонстрации лёгкости и быстроты выполнения действия, что в коммуникативном плане может выполнять как мотивирующую, так и угрожающую функцию: «Напрямую, дворами да проулками, до школы можно было добраться **в два счета»** [6].

В данном контексте фразеологизм актуализирует представление о быстром и несложном достижении цели, благодаря чему создаётся ощущение доступности действия и снижается возможное внутреннее напряжение. Прагматический эффект выражается в том, что высказывание воспринимается как успокаивающее и ободряющее, говорящий не просто сообщает о способе передвижения, но и формирует у адресата установку на простоту и выполнимость действия.

Регулятивно-коммуникативная функция проявляется и в том, что фразеологизм задаёт адресату определённую схему восприятия описываемой ситуации. Выражение **с первого взгляда** репрезентирует чувство как возникающее мгновенно, без промежуточного этапа анализа, и тем самым направляет интерпретацию в сторону очевидности и непосредственности переживания. «Голова кругом идет! А любовь **с первого взгляда**? Может, она лишь воспоминание о страстях, разыгравшихся в параллельном мире? [7]. В данном случае числительный компонент маркирует начальную точку восприятия, которая сразу наделяется высокой эмоциональной значимостью. За счёт этого фразеологизм регулирует не поведение адресата напрямую, а его способ понимания ситуации.

Особое место занимают фразеологизмы, связанные с обозначением инициативы в межличностном взаимодействии, в том числе в эмоционально напряжённых или неопределённых ситуациях. Выражение **первый шаг** используется для обозначения начального действия, открывающего возможность дальнейшего сближения, контакта или изменения отношений. Например: «В ее красоте была какая-то несомненность, которая в первую секунду действовала даже несколько удручающе; несомненно, она была красива, настолько несомненно, что я почувствовал не радость, не возбуждение, не желание, не готовность к тому, чтобы чем-нибудь обратить на себя внимание, сделав тем самым **первый шаг** к близости, а прилив смутной и приятной грусти, как если бы кто-то близкий доверчиво нашептал мне, что время идет зря, что-то очень важное остается в стороне, жить нужно как-то иначе – и все в таком духе [8].

В данном контексте фразеологизм обозначает не просто начало действия, а внутренне значимый момент перехода от пассивного переживания к возможной коммуникативной инициативе. Числительный компонент **первый** акцентирует исходную точку развития отношений и тем самым придаёт действию особую психологическую и прагматическую весомость. Регулятивный потенциал выражения проявляется в том, что оно задаёт модель поведения, при которой именно инициатор принимает на себя ответственность за начало сближения.

Числовые фразеологизмы также активно участвуют в стратегиях санкционирования. Формула **по первому требованию** используется для обозначения обязательности немедленного отклика, что усиливает директивный характер высказывания: *«Теперь Рита обязана качать Леньку на руках день-ночь, пресекать малейшее его недовольство, кормить **по первому требованию**, предугадывать все*

желания и следить за подгузниками, ни на секунду не оставляя их мокрыми [9]. Прагматически такое выражение формирует у адресата установку на подчинение и готовность к выполнению предписаний без дополнительных условий.

Регулятивная функция проявляется и в выражениях, задающих временные пределы речевой открытости и коммуникативной активности. Фразеологизм **до поры до времени** используется для обозначения ситуации временного сдерживания информации, тем самым структурируя поведение говорящего и ожидания адресата: «*Участок теперь тоже не тот, что раньше – он увеличился втрое посредством скупки соседних территорий. Тем летом предполагалось купить участок следующих по очереди соседей, но вышла накладочка: соседи куда-то уехали, а на даче поселились их родственники, из-за которых, собственно… Но нет, я опять забегаю вперед. Надо научиться* ***до поры до времени*** *держать информацию при себе* [10].

В данном контексте выражение маркирует необходимость отсрочки высказывания и выступает средством саморегуляции речевого поведения. Прагматически оно задаёт установку на временное сокрытие информации, подчеркивая, что её преждевременное раскрытие воспринимается как нежелательное или неуместное.

Важным аспектом регулятивно-коммуникативной функции является её способность маскировать воздействие под форму нейтрального сообщения. Использование устойчивых числовых выражений снижает субъективную заметность давления, поскольку адресат воспринимает их как привычные элементы языка, а не как инструменты манипуляции. Например, выражение **одним махом** создаёт иллюзию спонтанности и простоты решения, хотя в реальности может служить средством навязывания быстрого и необдуманного действия: «Рок ***одним махом*** устраняет неодолимые препятствия, пуская в ход свое непобедимое оружие – фантастический случай!» [11].

Корпусные наблюдения показывают, что числовые фразеологизмы с регулятивно-коммуникативной функцией особенно частотны в институциональных типах дискурса – административном, педагогическом, медийном, а также в бытовой речи, где важно быстро и эффективно управлять взаимодействием. Их устойчивость и воспроизводимость обеспечивают высокий уровень прагматической предсказуемости, что делает такие выражения удобными инструментами речевого воздействия.

Таким образом, регулятивно-коммуникативная функция числовых фразеологизмов заключается в их способности организовывать коммуникацию, направлять интерпретацию и управлять поведением адресата. Числительный компонент в составе устойчивых выражений выступает не как средство количественного обозначения, а как культурно и прагматически нагруженный маркер нормы, обязательности, приоритета или предела. Благодаря этому числовые фразеологизмы становятся эффективными инструментами стратегического воздействия, обеспечивая говорящему возможность мягко или жёстко регулировать ход общения без прямых директивных формулировок.

Список использованной литературы

1. Фейгина Валерия. Все болезни от нервов // «100% здоровья», 2003.01.15 // Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: https://ruscorpora.ru/results?search (дата обращения: 25.12.2025 г.)

2. Баринов О. Г. Зоологический сад // «Первое сентября», 2003 // Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: https://ruscorpora.ru/results?search(дата обращения: 25.12.2025 г.)

3. Соломатина Татьяна. Мой одесский язык (2011) // Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: https://ruscorpora.ru/results?search (дата обращения: 25.12.2025 г.)

4. Деготь Екатерина, Клименюк Николай, Назарова Нина. Вена (2008) //Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: https://ruscorpora.ru/results?search (дата обращения: 25.12.2025 г.)

5. Артемьева Г. М. Фата на дереве (2012) // Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: https://ruscorpora.ru/results?search (дата обращения: 25.12.2025 г.)

6. Екимов Борис. Фетисыч // «Новый Мир», 1996 // Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: https://ruscorpora.ru/results?search (дата обращения: 25.12.2025 г.)

7. Волков Александр. Миры Стивена Хоукинга // «Знание – сила», 2003 // Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: https://ruscorpora.ru/results?search (дата обращения: 25.12.2025 г.)

8. Волос Андрей. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001 // Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: https://ruscorpora.ru/results?search (дата обращения: 25.12.2025 г.)

9. Русских Анна. Не спрашивай почему, или дождливое лето // «Дальний Восток», 2019 // Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: https://ruscorpora.ru/results?search (дата обращения: 25.12.2025 г.).

10. Белоусова Вера. Второй выстрел (2000) //Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: https://ruscorpora.ru/results?search (дата обращения: 25.12.2025 г.)

11. Отрошенко Владислав. Эссе из книги «Тайная история творений» // «Октябрь», 2001 // Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: https://ruscorpora.ru/results?search (дата обращения: 25.12.2025 г.)

ВЕЖЛИВОСТЬ И РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ЭВФЕМИЗМАХ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Убоженко А. С.
старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук
Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Ташкенте
Ташкент, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются функции эвфемизмов в современной русской речи. На материале примеров из лингвистических исследований и модельных контекстов сопоставляются смягчение выражения и маскировка неприятного факта. Используются описательный метод и контекстуальный анализ. Обсуждаются различия в трактовке границ эвфемии. Предлагаются критерии интерпретации эвфемистических замен с учётом сохранности фактической информации, изменения оценки и условий общения.*

Ключевые слова: *эвфемизм, эвфемизация, речевая вежливость, речевое воздействие, контекст, непрямая номинация.*

Annotatsiya. *Maqolada zamonaviy rus nutqidagi evfemizmlarning vazifalari ko‘rib chiqiladi. Lingvistik tadqiqotlardagi misollar va tahlil uchun tuzilgan kontekstlar asosida ifodani yumshatish bilan noxush faktni niqoblash o‘rtasidagi farq yoritiladi. Tavsifiy usul va kontekstual tahlil qo‘llanadi. Evfemiya tushunchasining chegaralariga oid turli qarashlar muhokama qilinadi. Evfemistik almashtirishlarni talqin qilishda faktik ma’lumotning saqlanishi, bahoning o‘zgarishi va muloqot sharoitini hisobga olish mezonlari taklif etiladi.*

Kalit so‘zlar: *evfemizm, evfemizatsiya, nutqiy xushmuomalalik, nutqiy ta’sir, kontekst, bilvosita nomlash.*

Abstract. *The article examines the functions of euphemisms in contemporary Russian speech. Examples from linguistic research and constructed contexts are used to compare the softening of an expression with the masking of an unwelcome fact. The study applies a descriptive approach and contextual analysis and discusses differing views on the boundaries of euphemism. Criteria for interpreting euphemistic substitutions are proposed with regard to factual information, changes in evaluation, and the communicative situation.*

Keywords: *euphemism, euphemisation, linguistic politeness, verbal influence, context, indirect nomination.*

Выбор названия влияет на то, как адресат воспринимает предмет речи. Одно и то же событие можно обозначить прямо или подобрать выражение, которое ослабляет неприятные ассоциации. Эвфемизация особенно показательна в ситуациях, когда обсуждение касается возраста, смерти, отрицательной оценки человека или неблагоприятных социальных изменений. При этом внешне мягкая формулировка может выполнять разные задачи: поддерживать уважительный тон общения, смягчать оценку, затруднять понимание сообщаемого. Для её интерпретации необходимо учитывать конкретный контекст.

Цель статьи - сопоставить эвфемистические замены, связанные с речевой вежливостью, и замены, участвующие в маскировке неприятной информации, а также обозначить основания для их разграничения. Исследование имеет теоретико-аналитический характер. Материал составляют номинации, описанные в работах М.Л. Ковшовой, Л.П. Крысина и В.П. Москвина [1–3]. Для пояснения различий используются краткие модельные контексты, специально составленные для анализа. Применяются описательный метод, сопоставление прямого и смягчённого обозначений и контекстуальный анализ. Частотность употребления эвфемизмов не рассматривается.

В широком понимании эвфемизация предполагает замену обозначения, которое говорящий считает слишком резким или нежелательным, более приемлемым выражением. Л. П. Крысин связывает её как с предупреждением коммуникативного дискомфорта, так и с вуалированием существа дела [2, с. 157–160]. В такой трактовке в поле исследования входят и деликатное обсуждение личных обстоятельств, и смягчённое представление неблагоприятных общественных явлений.

В.П. Москвин последовательно разграничивает эвфемию и дезинформацию по коммуникативной цели. Для него смягчение выражения предполагает возможность понять, о чём идёт речь; намеренное искажение истины относится к другой речевой стратегии [3, с. 60–61]. Поэтому маскирующую формулировку нельзя без дополнительного анализа отождествлять ни с эвфемизмом, ни с ложью. Расхождение подходов существенно для рассматриваемой темы: границы понятия зависят от того, насколько широко исследователь понимает функцию смягчения.

М.Л. Ковшова подчёркивает направленность эвфемизма на собеседника и необходимость его распознавания адресатом [1, с. 36]. Это позволяет рассматривать эвфемистичность как результат соотношения языкового выражения и условий общения. Слово не получает неизменной функции только потому, что однажды было включено в перечень эвфемизмов. Существенны предмет разговора, отношения участников и то, какую информацию они уже разделяют.

Вежливое смягчение хорошо прослеживается при обозначении возраста. Среди соответствующих номинаций М.Л. Ковшова приводит выражения «пожилой человек», «в возрасте» [1, с. 36]. Их выбор может помогать избежать резкой характеристики человека. Однако изменение тона ещё не означает изменения факта: возрастная характеристика сохраняется, а способ её предъявления становится менее прямым. В разговоре о конкретном лице такая замена учитывает возможную чувствительность темы. В документе, где необходимо указать возраст, она не заменяет точных сведений.

Другой пример - обозначение смерти. У Л.П. Крысина рассматриваются замены «скончаться» и «уйти из жизни» вместо «умереть» [2, с. 157, 161]. В сообщении о смерти эти выражения сохраняют возможность восстановить смысл события и меняют прежде всего регистр речи. На уровне анализа важно учитывать жанр: некролог, разговор с близкими умершего и специальный документ предполагают разные требования к формулировке. Само наличие непрямого обозначения не свидетельствует о попытке скрыть случившееся.

Смягчение может затрагивать отрицательную оценку. Замена «говорить неправду» вместо «врать» описана Л.П. Крысиным [2, с. 157]. Здесь меняется степень резкости высказывания, но не обязательно исчезает указание на недостоверность

сообщения. Вместе с тем значение такой замены нельзя оценить вне ситуации: спокойное замечание и подчёркнуто ироническая реплика с одинаковыми словами могут по-разному действовать на собеседника. Эвфемистическая форма сама по себе не гарантирует доброжелательности.

Особого внимания требует профессиональная терминология. В.П. Москвин показывает зависимость функции медицинского термина от состава участников общения и их знаний [3, с. 61]. Терминологическое обозначение может быть точным названием предмета, а в определённой ситуации - способом смягчить разговор о нём. Поэтому употребление специального слова не является достаточным основанием для признания его эвфемизмом. При анализе следует установить, какую резкую номинацию оно заменяет и есть ли в данном контексте задача смягчения.

В публичном или деловом сообщении смягчение может изменять способ представления неблагоприятного события. Л.П. Крысин рассматривает обозначение повышения цен через их упорядочивание или регулирование [2, с. 160]. В подобных случаях более общее наименование способно ослаблять отрицательную оценку и делать менее явным содержание изменения. Однако вывод о функции выражения необходимо связывать с тем фактом, который оно обозначает в конкретном сообщении.

Рассмотрим модельное сопоставление: «Мы повышаем стоимость услуги» и «Мы проводим корректировку стоимости услуги». В первом высказывании названо направление изменения. Во втором оно непосредственно не выражено: корректировка может предполагать разные действия. Если адресату не сообщают, что стоимость увеличивается, он получает менее определённую информацию. Если же следующее предложение прямо разъясняет повышение, смягчённая формулировка может организовывать тон сообщения без сокрытия его содержания. Эти два контекста нельзя оценивать одинаково.

Сходный вопрос возникает при употреблении общих обозначений организационных изменений. Например, выражение «пересмотр штатной структуры» может описывать разные действия. В модельной ситуации, где оно используется вместо сообщения об увольнении работников и не сопровождается пояснением, существенные последствия остаются неназванными. Если же речь действительно идёт о перераспределении должностных функций, оснований приравнивать такое выражение к эвфемистической замене увольнения нет. Общее название становится маскирующим при определённом отношении к обозначаемому факту.

При этом эвфемизация, речевое воздействие и ложное сообщение не совпадают по объёму. Выбор менее резкого обозначения может влиять на оценку даже тогда, когда факты сообщены точно. Маскировка возникает, если существенные признаки события отодвигаются или остаются неясными. О дезинформации можно говорить при установлении намеренного искажения истины; такой вывод требует дополнительных оснований. Из одной формулировки не следует достоверное знание о намерениях автора. Различение этих случаев поддерживает точность лингвистической интерпретации.

Сопоставление примеров позволяет выделить несколько ориентиров для интерпретации. Прежде всего следует установить, сохраняет ли адресат доступ к фактическому содержанию сообщения. Важна и мера смыслового обобщения: менее

прямое название может быть достаточно понятным в одном контексте и недостаточным в другом. Далее необходимо определить, что изменяется при замене: преимущественно резкость оценки либо сведения о действии, его направлении и последствиях. Эти параметры взаимосвязаны, но не сводятся друг к другу.

Пограничные случаи удобно проверять сопоставлением с прямой формулировкой. Например, модельная фраза «В тексте есть отдельные неточности» может смягчать замечание о небольших ошибках. Если же текст содержит существенные неверные утверждения, такое описание способно преуменьшать характер недостатков. Чтобы оценить замену, нужно знать сам текст и предмет замечания. Нельзя заранее признать слово «неточности» ни вежливым эвфемизмом, ни способом обмана: его функция определяется соотношением с конкретным содержанием.

Существенны также отношения участников и жанр сообщения. То, что помогает деликатно обсудить личное обстоятельство, может оказаться недостаточно определённым в сообщении, на основании которого адресат принимает решение. Поэтому при анализе эвфемизации следует проверять не только наличие более мягкого выражения, но и достаточность переданной информации. Деликатный тон совместим с уточнением фактов; необходимость уточнения возрастает, когда обобщённая формулировка допускает несколько существенно разных толкований.

Таким образом, рассмотренные замены показывают, что эвфемистическое смягчение может сохранять фактический смысл и преимущественно изменять тон речи, а может сопровождаться снижением определённости сообщения. Разграничение этих функций требует сопоставления наименований с контекстом и обозначаемым событием. Для анализа продуктивно учитывать восстановимость факта, изменение оценки и коммуникативную задачу. Такой подход позволяет описывать речевое воздействие эвфемизмов, не приписывая говорящему намерений, которые не подтверждаются материалом.

Список использованной литературы

1. Ковшова М. Л. Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 35–48. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-35-48.

2. Крысин Л. П. Очерки по социолингвистике. Москва: ФЛИНТА, 2021. 360 с.

3. Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 58–70.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Бойматова Нигина Шухратовна
преподаватель русского языка, УМЭД
Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается, как национально-культурная семантика русских слов может использоваться при обучении русскому языку как иностранному в условиях двуязычия, в частности при сопоставлении с узбекским и английским языками. На материале лексем душа, тоска, авось, хлеб-соль и чаёк показано, что расхождения между русским словом и его формальным эквивалентом лежат не в денотате, а в оценках, ассоциациях и сочетаемости. Предложен порядок работы с такой лексикой на занятии, согласованный с уровнями языковой личности по Ю. Н. Караулову.*

Ключевые слова: *национально-культурный компонент; лексика; вторичная языковая личность; безэквивалентная лексика; концепт; русский язык как иностранный; лингвокультурология.*

Annotatsiya. *Maqolada rus tilini chet tili sifatida o‘qitishda rus so‘zlarining milliy-madaniy semantikasidan foydalanish masalasi, xususan o‘zbek va ingliz tillari bilan qiyoslash asosida, ko‘rib chiqiladi. «Душа», «тоска», «авось», «хлеб-соль» va «чаёк» leksemalari misolida rus so‘zi bilan uning shakliy ekvivalenti o‘rtasidagi tafovut denotatda emas, balki baholash, assotsiatsiya va birikuvchanlikda namoyon bo‘lishi ko‘rsatiladi. Bunday leksika bilan mashg‘ulotda ishlashning Yu. N. Karaulov bo‘yicha til shaxsi darajalariga mos tartibi taklif etiladi.*

Kalit so‘zlar: *milliy-madaniy komponent; leksika; ikkilamchi til shaxsi; ekvivalentsiz leksika; konsept; rus tili chet tili sifatida; lingvokulturologiya.*

Abstract. *The article looks at how the national and cultural semantics of Russian words can be used in teaching Russian as a foreign language, in particular through comparison with Uzbek and English. Using the words душа, тоска, авось, хлеб-соль and чаёк, it shows that the gap between a Russian word and its formal equivalent lies not in the denotation but in evaluation, associations and collocability. A sequence of classroom work with such vocabulary is proposed, matched to the levels of linguistic personality in Yu. N. Karaulov’s model.*

Keywords: *national and cultural component; vocabulary; secondary linguistic personality; non-equivalent vocabulary; concept; Russian as a foreign language; linguoculturology.*

Иностранный студент без труда строит сложноподчинённые предложения и спрягает глаголы, но может не понять реплику «Ну, будем надеяться на авось», а в рассказе недоумевать, почему героиня тоскует, если дома у неё всё благополучно.

Грамматика тут ни при чём. Значение слова из словаря усвоено, а то, что за словом стоит для носителя языка, осталось за его пределами.

В методике говорится, что цель обучения иностранному языку всё чаще формулируют как умение участвовать в общении с носителями другой культуры, а не как владение системой языка самой по себе. Отсюда внимание к понятию вторичной языковой личности. Так называют совокупность способностей человека общаться на неродном языке, усваивая при этом новый для себя образ мира [9]. Для описания обычно берут трёхуровневую модель Ю. Н. Караулова: вербально-семантический, когнитивный и мотивационно-прагматический уровни [5]. В учебных курсах первый уровень проработан подробно, два других чаще остаются на втором плане.

Лексика кажется нам тем участком языка, где их можно задействовать без отдельного курса страноведения. В значении слова культурный опыт откладывается в виде оценок, ассоциаций и устойчивых образов; эту мысль последовательно развивали лингвострановедение и лингвокультурология [2; 3; 8]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров назвали фоном слова то, что известно носителям и чего не знает иностранец [2]. Нас интересует практический вопрос: какие слова русского языка несут национально-культурный компонент в наибольшей степени и как работать с ними на занятии по РКИ, чтобы культурный смысл не сводился к пересказу из справочника. В статье выделены группы такой лексики и на нескольких примерах описываются расхождения между русским словом и его ближайшими соответствиями в узбекском и английском языках.

Материалом послужили пять единиц: *душа, тоска, авось, хлеб-соль* и *чаёк*. Отбор их происходил по одному признаку: для каждой есть формальное соответствие в узбекском и английском языках, но подстановка этого соответствия в речь ведёт к недопониманию или к стилистическому сбою. Значения описывались по словарю В. И. Даля [4] и «Словарю русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой [6]; сочетаемость и паремии привлекались как показатель культурной нагрузки слова. Использовались описательный метод, элементы компонентного анализа и сопоставление с узбекским и английским материалом. При трактовке слов-концептов мы опирались на работы Ю. С. Степанова [7] и А. Вежбицкой [1].

Национально-культурный компонент в русской лексике выражен заметно в нескольких группах. Во-первых, это безэквивалентная лексика и реалии: *самовар, изба, валенки, блины* в связи с Масленицей. Во-вторых, слова, у которых есть переводной эквивалент, но разный набор фоновых знаний: *берёза, хлеб*. В-третьих, слова-концепты: *душа, тоска, судьба, авось, удаль, воля*. В-четвёртых, лексика с культурно обусловленной оценочностью, прежде всего эмоционально-оценочные суффиксы (*чаёк, сынок, дружочек*). Наконец, фразеологизмы, пословицы и прецедентные имена (*Обломов, Золушка*), о культурной нагрузке которых писала В. Н. Телия [8]. Наши примеры относятся ко второй, третьей и четвёртой группам, и выбраны они не случайно. С реалией вроде самовара преподавателю проще: эквивалента нет, и учащийся это видит. Там, где эквивалент есть, ошибка скрыта.

Слово *душа* в русском языке обозначает не только религиозное понятие, но и внутренний мир человека, место, где живут чувства и нравственная оценка: *душа болит, не по душе, поговорить по душам, душа нараспашку*. Оно входит и в ласковое

обращение (*душа моя*), и в счёт людей (*ни души, на душу населения*). В узбекском языке ближайшими оказываются сразу три слова, *ruh*, *jon* и *ko‘ngil*, но ни одно не даёт точного значения: *ko‘ngil* ближе к настроению и желанию, *jon* к жизни и к ласковому обращению. Английское *soul* тяготеет к религиозной и книжной сфере, а «поговорить по душам» передаётся другой метафорой (*have a heart-to-heart*). Учащийся, выбравший одно соответствие, неизбежно сужает слово.

Тоска, по описанию А. Вежбицкой, не сводится ни к грусти, ни к скуке: это чувство, в котором есть неудовлетворённое желание и ощущение, что изменить ничего нельзя [1]. Даль толковал тоску через стеснение духа и душевную тягость [4], и в этом определении уже видна телесность образа, которая сохранилась в сочетаниях *тоска берёт*, *тоска зелёная*, *с тоски*. Английские *longing*, *melancholy* и *boredom* описывают по отдельности то, что в русском слове соединено. Поэтому учащийся ошибается здесь не в форме, а в уместности: говорит «я тоскую» там, где носитель сказал бы «мне скучно».

У слова *авось* прямого перевода нет. Словарь фиксирует его как частицу со значением надежды на удачу, на то, что «обойдётся» [6]. В пословицах это слово несёт сложную оценку: *Авось да небось да как-нибудь* звучит как осуждение беспечности, а *На авось надейся, а сам не плошай* признаёт, что без надежды на удачу не обойтись. Получается целая модель отношения к риску, а английское *perhaps* или *maybe* передаёт только степень вероятности. Если слово дано на уроке без пояснения, оно нередко начинает употребляться как синоним «возможно», в том числе в официальных текстах, где ему не место.

Хлеб-соль пример другого рода. Культурный смысл (гостеприимство, радушие, а в паре *хлеб да соль* ещё и застольное приветствие) не требует долгого объяснения для узбекоязычного учащегося, потому что в его языке есть близкое по образу сочетание *non-tuz*, связанное с ритуалом гостеприимства и благодарности. Национально-культурный компонент работает здесь как мост: сходство образов помогает запомнить слово и вызывает интерес к различиям. Для англоязычного учащегося того же результата придётся добиваться дольше. Значит, культурная специфика не всегда помеха, и сопоставление стоит строить так, чтобы выявлять и расхождения, и совпадения.

Слово *чаёк* относится уже к прагматическому уровню. Суффикс *-ок* здесь не про размер: он задаёт тон неформального приглашения и расположения (*зайдите на чаёк*). Иностранец, который читает форму как «маленький чай», не замечает, что говорящий с её помощью выстраивает дистанцию общения. Подобные слова в учебных материалах почти не комментируются, хотя от них зависит, как собеседник воспримет говорящего.

Таблица 1. Культурная нагрузка рассмотренных лексем

Лексема	**Что несёт русское слово**	**Что теряется при подстановке эквивалента**
душа	внутренний мир, нравственная оценка, ласковое обращение	ruh, jon, ko‘ngil и soul передают лишь часть поля
тоска	желание, невозможность его осуществить, телесный образ	longing, melancholy, boredom называют части по отдельности

Лексема	**Что несёт русское слово**	**Что теряется при подстановке эквивалента**
авось	надежда на удачу, отношение к риску	perhaps, maybe выражают только вероятность
хлеб-соль	гостеприимство, ритуал встречи	в узбекском есть близкое non-tuz; в английском образа нет
чаёк	неформальность, расположение к собеседнику	форма прочитывается как «маленький чай»

Из разобранного материала мы вывели порядок работы из четырёх шагов, который можно соотнести с уровнями языковой личности. Сначала слово даётся в ситуации или небольшом тексте, а не в списке: учащийся прежде всего видит, зачем его произносят (мотивационно-прагматический уровень). Затем следует краткий комментарий преподавателя в две-три фразы об образе, оценке и типичных сочетаниях; чем он короче, тем лучше запоминается. Третий шаг — сопоставление со словом родного языка и английским; его выполняют сами учащиеся, а преподаватель лишь направляет, и именно здесь проявляются различия в понимании предмета (когнитивный уровень). Наконец, слово используется в собственной речи: в мини-диалоге или письме, где нужно решить, уместно ли сказать *чаёк* или *тоска*. Проверять стоит не только правильность формы, но и то, подходит ли слово ситуации (вербально-семантический уровень).

«Русскую душу» легко превратить в штамп. Культурные концепты описывают тенденцию, а не свойство каждого носителя языка, и если строить комментарий на обобщениях о «характере народа», вместо понимания у учащегося появится набор клише. Надёжнее опираться на тексты и словарные примеры.

Национально-культурный компонент лексики даёт преподавателю РКИ материал для работы сразу над тремя уровнями языковой личности. Выделенные группы слов помогают отбирать единицы для комментария, и больше всего внимания требуют слова с ложным эквивалентом, где ошибку труднее заметить. На примере пяти лексем показано, что расхождения лежат в области оценки, ассоциаций и сочетаемости, а не в денотате, и что близость образов в родном языке может служить опорой.

Список использованной литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари. 1996. – 416 с.

2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык. 1990. – 246 с.

3. Воробьёв В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: РУДН. 1997. – 331 с.

4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык. 1978–1980.

5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука. 1987. – 264 с.

6. Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык. 1981–1984.

7. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры. 1997. – 824 с.

8. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры. 1996. – 288 с.

9. Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М.: Высшая школа. 1989. – 238 с.

O‘ZBEKISTONNING ZAMONAVIY TASHQI SIYOSIY DISKURSIDA NEOLOGIZM-FRAZEOLOGIZMLAR

Xalbekova Nigora Ummatkulovna
tadqiqotchi
O’zbek tili, adabiyoti va folklori instituti
Toshkent, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Ushbu maqolada so‘nggi yillarda O‘zbekiston Respublikasining zamonaviy tashqi siyosiy diskursida paydo bo‘lgan hamda faol qo‘llanilayotgan neologizm-frazeologizmlar (yangi iboralar va tushunchalar) lingvosiologik hamda politologik jihatdan tahlil qilinadi. Tashqi siyosatdagi tub islohotlar, ochiqlik va ko‘p vektorli diplomatiya natijasida tilga kirib kelgan yangi lug‘aviy birliklarning mazmun-mantiqiy ko‘lami hamda ularning xalqaro munosabatlardagi roli yoritib beriladi.*

Kalit so‘zlar: *o’zbek tili, siyosiy diskurs, neologizm, frazeologizm, ko‘p vektorli diplomatiya, ochiq muloqot.*

Abstract. *This article provides a linguo-sociological and political-science analysis of neologistic phraseological units new expressions and conceptsthat have emerged and are actively employed within the contemporary foreign policy discourse of the Republic of Uzbekistan in recent years. It examines the semantic and logical scope of these new lexical units which have entered the language as a result of fundamental reforms in foreign policy, a commitment to openness, and a multi-vector diplomatic approach as well as their role in international relations.*

Keywords: *Uzbek language, political discourse, neologism, phraseologism, multi-vector diplomacy, open dialogue.*

Аннотация. *В статье представлен лингвосоциологический и политологический анализ неологических фразеологических единиц – новых выражений и понятий, которые появились и активно используются в современном внешнеполитическом дискурсе Республики Узбекистан в последние годы. Рассматриваются семантический и логический объем этих новых лексических единиц, вошедших в язык вследствие фундаментальных реформ во внешней политике, курса на открытость и многовекторного дипломатического подхода, а также их роль в международных отношениях.*

Ключевые слова: *узбекский язык, политический дискурс, неологизм, фразеологизм, многовекторная дипломатия, открытый диалог.*

Kirish. Til va jamiyat o‘rtasidagi uzviy bog‘liqlik davlatning siyosiy hayotidagi o‘zgarishlarda yaqqol namoyon bo‘ladi. Xususan, O‘zbekistonning keyingi yillardagi ochiq, pragmatik va faol tashqi siyosati mamlakatning xalqaro maydondagi nufuzini oshirish bilan birga, milliy va xalqaro siyosiy diskursda mutlaqo yangi iboralar, tushunchalar va lingvistik birliklarning shakllanishiga olib keldi. Siyosiy neologizm-frazeologizmlar shunchaki til birliklari emas, balki davlatning strategik maqsadlari, geosiyosiy qarashlari va diplomatik falsafasini o‘zida aks ettiruvchi konseptual tushunchalardir.So'nggi yillardagi yangi O'zbekiston diplomatiyasi va integratsiyalashuv jarayonlarida (ShHT, Turkiy davlatlar tashkiloti va boshqalar) paydo bo'layotgan yangi frazeologik birikmalarning lisoniy tabiatini shakllantirishga xizmat qilmoqda. William Fierman (AQSh, Indiana Universiteti): *(Markaziy Osiyo tillari va siyosati bo‘yicha yetakchi ekspert)* O‘zbekistondagi til siyosati va davlat diskursining shakllanishini yillar davomida kuzatgan. Uning ta’kidlashicha, O‘zbekistonda yangi siyosiy iboralar va neologizmlarning paydo bo‘lishi davlatning geosiyosiy orientatsiyasi bilan bevosita bog‘liq. Sovet davridagi ruscha kalkalardan voz kechilib, o‘zbek tilining o‘z ichki imkoniyatlari hamda xalqaro (inglizcha) diplomatik neologizmlarni moslashtirish orqali yangi siyosiy diskurs shakllanmoqda. Jacob M. Landau va Barbara Kellner-Heinkele (Germaniya / Isroil) olimlari turkiy xalqlar va ularning siyosiy tili haqidagi birgalikdagi ilmiy ishlarida ta’kidlanishicha, Markaziy Osiyo davlatlarida (jumladan O‘zbekistonda) “Mustaqillik”, “Taraqqiyot”, “Mintaqaviy hamkorlik” va “Islohot” tushunchalari atrofida shakllanayotgan yangi iboralar xalqaro munosabatlarda davlatning suveren imidjini mustahkamlashga xizmat qiluvchi asosiy lingvistik quroldir (Barbara, 34; 2023). Bundan tashqari, D.M. Nasilov va L.S. Peyros (Rossiya FA Sharqshunoslik instituti) kabi tilshunoslar, o‘zbek tilining zamonaviy ommaviy axborot vositalari va rasmiy bayonotlaridagi neologizmlarni tahlil qilib, **“semantik kengayish”** (mavjud iboralarga yangi siyosiy ma’no yuklanishi) hamda **“tashqi siyosiy terminologik innovatsiyalar”** hodisasini ko‘rsatib o‘tganlar Peyros, 41: 2020). Ular O‘zbekistonning zamonaviy ko‘p vektorli diplomatiyasi tilda ilgari kuzatilmagan yangi konstruksiyalarni (masalan, *mintaqaviy jipslik*, *iqtisodiy diplomatiya* kabi iboralarning o‘zbekcha muqobillarini) muomalaga kiritayotganini ta’kidlashgan. O‘zbekistonning zamonaviy diplomatik amaliyotida keng qo‘llanilayotgan neologizm va iboralarni bir necha tematik guruhga ajratish mumkin:

1. Mintaqaviy integratsiya va yaxshi qo‘shnichilikka oid iboralar

“Markaziy Osiyo ruhi” (Central Asian Spirit): Mintaqa davlatlari o‘rtasidagi o‘zaro ishonch, do‘stlik va konstruktiv hamkorlik tamoyillariga asoslangan yangi geosiyosiy atmosferani ifodalovchi tushuncha. **“Mintaqaviy jipslik” va “Mas’uliyatli qo‘shnichilik”:** Qo‘shni mamlakatlar bilan mavjud chegaralar, suv-energetika va transport masalalarini o‘zaro murosa hamda teng huquqlilik asosida hal etishga qaratilgan diplomatiya konsepsiyasi (mfa.uz).

2. Mamlakatning yangi geosiyosiy imidjini belgilovchi tushunchalar

“Yangi O‘zbekiston diplomatiyasi”: Tashqi siyosatda passiv kuzatuvchilikdan faol va tashabbuskor pozitsiyaga o‘tishni, ko‘p tarmoqli va pragmatik hamkorlikni anglatuvchi ibora. **“Ochiq va ko‘p vektorli tashqi siyosat”:** Dunyoning barcha yetakchi qudratchilik markazlari va xalqaro tashkilotlari bilan muvozanatli hamda o‘zaro manfaatli munosabatlarni rivojlantirish tushunchasi.

3. Sohaviy diplomatiyaga oid frazeologik yangilanishlar (president.uz)

“Iqtisodiy diplomatiya”: Tashqi ishlar idoralari hamda diplomatik vakolatxonalarning asosiy vazifasini mamlakatga investitsiyalar jalb etish, eksport hajmini oshirish va yangi bozorlarni ochishga yo‘naltirishni ifodalovchi ibora. **“Yashil diplomatiya” va “Ekologik hamkorlik”:** Orol dengizi fojiasi oqibatlarini yumshatish, iqlim o‘zgarishlariga qarshi birgalikda kashf etilayotgan mintaqaviy va global tashabbuslarni qamrab oluvchi konsepsiya. **“Xalq diplomatiyasi”:** Madaniy gumanitar, ta’lim, turizm va sport sohalari orqali xalqlar o‘rtasidagi to‘g‘ridan-to‘g‘ri aloqalarni kuchaytirish yo‘nalishi.

Siyosiy diskursdagi ushbu iboralar qisqa shaklda katta ko‘lamli diplomatik g‘oya va strategiyalarni ifoda etadi (masalan, *“mintaqaviy jipslik”*). Xalqaro terminologiyaga integratsiya kuchli ta’sir ko’rsata boshlaganligini kuzatish mumkin. Ushbu iboralarning aksariyati (ingliz, rus va boshqa xalqaro dillarga) birxil tarjima qilinib, global diplomatik lug‘at tarkibiga kirib bormoqda. Ushbu birikmalar nafaqat axborot beradi, balki xalqaro hamkorlarda ishonch va ijobiy idrokni shakllantirishga xizmat qiladi.

Xulosa. O‘zbekistonning zamonaviy tashqi siyosiy diskursida neologizm-frazeologizmlarning shakllanishi mamlakatning geosiyosiy maydondagi faolligi va mustaqil tashqi siyosiy yo‘nalishining bevosita mahsulidir. Bu kabi lingvistik birliklar davlatning xalqaro maydondagi yangi qiyofasini yaratishda, mintaqaviy va global darajadagi tashabbuslarni aniq hamda ta’sirchan yetkazishda muhim instrument vazifasini o‘taydi. Kelgusida ushbu neologizmlarning semantik tadqiqoti lingvopolitologiya sohasida muhim ilmiy ahamiyat kasb etadi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Chudinov, A. P. (2006). *Politicheskaya lingvistika (Siyosiy lingvistika)*. Moskva: Flinta / Nauka.

2. Ercilasun, A. B. (2014). *Türk Dili ve Çağdaş Türk Lehçelerinde Neolojizmler ve Deyimleşme Süreçleri*. Ankara: Akçağ Yayınları.

3. Fierman, W. (2009). *Language Policy and Linguistic Horizons in Post-Soviet Uzbekistan*. *International Journal of the Sociology of Language*, 198, 101–122.

4. Hakimov, M. (2013). *O‘zbek pragmalingvistika va diskurs tahlili masalalari*. Toshkent: Akademnashr.Jo‘rayev, S. (2022). *Markaziy Osiyoda yangi geosiyosiy reallik va O‘zbekistonning tashqi siyosiy diplomatiyasi*. Toshkent: Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti.

5. Landau, J. M., & Kellner-Heinkele, B. (2001). *Politics of Language in the Ex-Soviet Muslim States: Azerbaidjan, Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan, and Tajikistan*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

6. Mamatov, A. (2000). *O‘zbek tili frazeologizmlarining shakllanishi va semantik-funksional xususiyatlari*. Toshkent: Fan.

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА КАК НАПРАВЛЕНИЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ОБЪЕКТ И ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Даниева Майсара Джамаловна
профессор университета экономики и педагогики
доктор филологических наук (DSc),
академик Международной АН Турон
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается значение, которое неотделимо от человеческого познания. В когнитивной семантике значение не хранится отдельно от мышления — оно является неотъемлемой частью человеческого сознания. Когда мы используем язык, мы не просто вспоминаем слова, а активизируем концептуальные знания. Изучать значение значит изучать, как человек мыслит, классифицирует и воображает. Этот подход отличается от формальной лингвистики, где значение часто рассматривалось как самостоятельная, абстрактная система. Пример: слово "home" («дом») выходит за пределы понятия «здание» и включает эмоции, культурные ценности и личный опыт. Когнитивная семантика не ограничивается анализом слов и грамматики. Она изучает концептуальные системы, которые порождают слова, значения и языковые структуры. Слова это лишь внешние формы; истинный объект исследования это ментальные модели, категории и фреймы, лежащие в их основе. Данное направление связывает лингвистику с психологией, философией и когнитивными науками. Когнитивная семантика не ограничивается рамками лингвистики; она активно использует и обогащает другие науки.*

Ключевые слова*: филология, лингвистика, интерпретация, анализ, семантика, морфология, фразеология, нейролингвистика, когнитология, лексикон.*

Annotatsiya. *Ushbu maqola inson bilishidan ajralmas bo'lgan ma'noni o'rganadi. Kognitiv semantikada ma'no fikrlashdan alohida saqlanmaydi - bu inson ongining ajralmas qismidir. Biz tildan foydalanganda shunchaki so'zlarni eslab qolmaymiz; biz kontseptual bilimlarni faollashtiramiz. Ma'noni o'rganish - bu odamlar qanday fikrlashi, tasniflashi va tasavvur qilishini o'rganishdir. Bu yondashuv rasmiy tilshunoslikdan farq qiladi, bu yerda ma'no ko'pincha mustaqil, mavhum tizim sifatida qaralgan. Masalan, "uy" so'zi bino tushunchasidan tashqariga chiqib, his-tuyg'ular, madaniy qadriyatlar va shaxsiy tajribani o'z ichiga oladi. Kognitiv semantika so'zlar va grammatika tahlilidan tashqariga chiqadi. U so'zlar, ma'nolar va lingvistik tuzilmalarni keltirib chiqaradigan kontseptual tizimlarni o'rganadi. So'zlar faqat tashqi shakllardir; o'rganishning asl ob'ekti ularning asosida yotgan aqliy modellar, kategoriyalar va ramkalardir. Bu soha tilshunoslikni psixologiya, falsafa va kognitiv fanlar bilan bog'laydi. Kognitiv semantika faqat tilshunoslik bilan cheklanib qolmaydi; u boshqa fanlardan faol foydalanadi va boyitadi.*

Kalit so'zlar: *filologiya, tilshunoslik, talqin, tahlil, semantika, morfologiya, frazeologiya, neyrolingvistika, kognitiv fan, leksikon.*

Abstract. *The article deals with the meaning which is not separate from human cognition. In Cognitive Semantics, meaning is not stored separately from thought, it is an*

integral part of human cognition. Because when we use language, we are not just recalling words but activating conceptual knowledge. Studying meaning means studying how people think, categorize, and imagine. This view contrasts with formal linguistics, which often treated meaning as an independent, abstract system. Example: The word "home" → goes beyond "a building" and includes emotions, cultural values, and personal experiences. Cognitive Semantics does not stop at analyzing words and grammar. It studies the conceptual systems that give rise to words, meanings, and linguistic structures. Words are just surface forms; the real object of study is the mental models, categories, and frames behind them. This direction connects linguistics with psychology, philosophy, and cognitive science. Cognitive Semantics is not limited to linguistics; it actively draws on and contributes to other sciences.

Keywords: *philology, linguistics, interpretation, analysis, semantics, morphology, phraseology, neurolinguistics, cognitology, lexicon*

Введение. Когнитивная лингвистика – это подход к языку, который рассматривает его как часть общего человеческого познания, а не как автономную систему. Язык отражает то, как люди воспринимают, концептуализируют мир и взаимодействуют с ним. Ключевые положения таковы: язык основан на узусе (формируется тем, как люди им пользуются); он концептуален (структуры языка отражают структуры мышления); он воплощён (укоренён в нашем физическом и культурном опыте).

Обзор литературы. Труд Фердинанда де Соссюра «Курс общей лингвистики», внёсший вклад в общее языкознание и считающийся одним из основ структурализма, стал теоретической базой для интерпретации и анализа с помощью понятий о языковых единицах (знак), синтагматических и парадигматических отношениях. Взгляды Дж. Лакоффа, Ч. Пирса, Ч. Морриса и других учёных имеют особое значение для дальнейшего развития лингвистики [4]. Следует особо отметить научные исследования Ш. Сафарова, А.Абдуазизова, А. Маматова, Р. Юнусова, Ш. Рахматуллаева, И. Кочкортоева и других учёных о гармонии слова и его значения: теоретические взгляды, полученные в этих исследованиях, во многом способствовали выходу узбекского языкознания на новый уровень.

Методология исследования. Подход, рассматривающий язык как часть человеческого познания, а не как обособленную систему. Когнитивная лингвистика не рассматривает язык как изолированную систему, а видит в нём часть человеческого разума. Когнитивная лингвистика связана с такими науками, как психология, философия, нейронаука, антропология.

Язык изучается не только с точки зрения грамматики или словаря, но и как окно в человеческое мышление и познание. В когнитивной лингвистике отправной точкой анализа является значение, а не только грамматика или форма. Почему? Потому что язык – это инструмент, с помощью которого люди представляют и передают своё понимание мира. Слова и выражения отражают то, как мы структурируем реальность в сознании. Примеры: «Время – деньги» → показывает, что мы концептуализируем время как ценный ресурс. Пространственные выражения («Я влюблён» [букв. «в любви»], «Она вне себя» [букв. «вне своего ума»]) → отражают, как абстрактные идеи структурируются через пространство. Значение не отделено от человеческого опыта;

оно глубоко связано с тем, как мы мыслим, воспринимаем и воображаем мир. Центральное положение значения является доминирующим. Язык отражает то, как мы концептуализируем мир; значение – ядро анализа.

Обсуждение. Когнитивная семантика изучает значение и концептуализацию. Это раздел когнитивной лингвистики, сосредоточенный на том, как люди создают, структурируют и понимают значение. Слова и грамматика – это не просто формы, а окна в мыслительные процессы. Направления исследования: как люди концептуализируют реальность (мысленные образы, категории, метафоры); как значение воплощено в восприятии и опыте; как значение зависит от культуры и контекста. Пример: понятие гнева часто концептуализируется через метафоры жара («кипеть от гнева», «взорваться от ярости»). Когнитивная семантика изучает значение как отражение того, как люди концептуализируют реальность.

Когнитивная грамматика (Р.Лангакер) объясняет грамматику не как набор правил, а как символические соединения формы и значения. Каждая грамматическая конструкция имеет значение; «бессмысленной» грамматики не существует, т.е. грамматика – это сеть символических единиц; грамматические структуры возникают из узуса и опыта: различие между “She gave him a book” и “She gave a book to him” → оба предложения означают «передачу», но подчёркивают разные перспективы. Итак, когнитивная грамматика: грамматика осмысленна; форма и значение неразделимы.

Конструкционная грамматика (А.Голдберг, Ч.Филлмор) рассматривает грамматику как совокупность конструкций (соединений формы и значения). Конструкции существуют на всех уровнях – от отдельных слов до идиом и синтаксических моделей. Фокус: язык строится из усвоенных моделей употребления. Даже неправильные формы (“kick the bucket”, “by and large”) являются конструкциями со значением. Пример: “What’s this fly doing in my soup?” → особая конструкция со значением «жалоба», а не просто вопрос. Конструкционная грамматика состоит из усвоенных осмысленных моделей.

Разработана Дж.Лакоффом и М.Джонсоном; объясняет, как абстрактные идеи осмысляются через более конкретный, привычный опыт. Метафоры присутствуют не только в языке, но и в самом мышлении. Фокус: повседневные концепты опираются на метафорическое отображение. Примеры: Время = Деньги («тратить время», «экономить время»). Жизнь = Путешествие («на распутье», «двигаться вперёд»). Спор = Война («защищать свою позицию», «атаковать чужой аргумент»). Метафора базовый когнитивный инструмент структурирования реальности. Теория концептуальной метафоры: абстрактное мышление структурируется через конкретный опыт. Из всех этих направлений когнитивная семантика наиболее непосредственно сосредоточена на значении.

Когнитивная семантика раздел когнитивной лингвистики, исследующий, как язык кодирует и структурирует человеческий опыт, мышление и концептуальные системы. Язык не отдельная система, а отражение того, как люди воспринимают и интерпретируют мир. Значение формируется нашим телесным опытом, мыслительными процессами и культурным фоном. Слова и грамматика рассматриваются как свидетельство концептуальной организации в сознании. Пример: слово “head” («голова») → обозначает не только часть тела, но и метафорически

расширяется («глава стола», «глава компании») → что показывает, как опыт структурирует значение. Когнитивная семантика изучает, как язык представляет человеческий опыт, мышление и концептуальные системы.

Значение неотделимо от познания; язык активирует наши концептуальные знания. Семантические структуры отражают ментальные репрезентации. То, как структурированы слова и предложения, отражает то, как люди мысленно представляют реальность. Значение в структурах: грамматика и семантика отражают нашу концептуальную организацию мира. Это показывает, что язык не произволен — он связан с тем, как разум категоризирует и воображает. Примеры: пространственные термины (“in front of” — «перед», “behind” — «позади», “inside” — «внутри») отражают, как мы воспринимаем и мысленно структурируем пространство. Абстрактные употребления: “in trouble” («в беде»), “behind schedule” («с отставанием от графика») → показывают, что ментальные репрезентации пространства распространяются на абстрактные области.

Семантические структуры отражают ментальные репрезентации реальности и мышления. Язык основан на восприятии, телесном опыте и культуре. Язык не абстрактен, он укоренён в том, как мы воспринимаем мир, как наши тела взаимодействуют с ним и в культуре, в которой мы живём. Наши чувства (зрение, осязание, движение) определяют, как мы описываем реальность. Телесный опыт (воплощённость): многие концепты происходят из физического опыта. “I’m feeling up” («я на подъёме», т. е. счастлив), “She’s feeling down” («ей грустно», букв. «она чувствует себя внизу»). Разные общества концептуализируют реальность по-своему, потому что культуры различны. Например, *английский:* время линейно («с нетерпением ждать будущего», букв. «смотреть вперёд на будущее»); *китайский*: время может быть и вертикальным («shàng ge yuè» = прошлый месяц, букв. «верхний месяц»). Чтобы изучать значение, необходимо учитывать разум, тело и культуру в совокупности. Язык формируется восприятием, телесным опытом и культурным мировоззрением.

Объект исследования когнитивной семантики – это не только слова или грамматика, но и ментальные и концептуальные системы, лежащие в основе использования языка. Что она изучает:

6. *Концептуализация* – как люди мысленно представляют и интерпретируют реальность.

7. *Категоризация* – как опыт группируется в категории (теория прототипов, радиальные категории).

8. *Метафора и метонимия* – как значение переносится между областями (например, «время – деньги»).

9. *Образ-схемы* – повторяющиеся модели телесного опыта (например, контейнер, источник → путь → цель).

10. *Фреймовая семантика* – значения, понимаемые внутри когнитивных фреймов (например, «сценарий ресторана»: заказ → еда → оплата).

Пример: понятие времени → в английском понимается пространственно (“ahead of us”, “behind schedule”), в других культурах иначе.

Объект исследования концептуальные системы, стоящие за языком: *концептуализация, категоризация, метафора, образ-схемы, фреймы*.

Концептуализация – как люди мысленно представляют реальность. Концептуализация процесс, в котором люди создают с помощью языка ментальные модели реальности. Слова не просто называют вещи; они показывают, как мы интерпретируем и воображаем мир. Концептуализация не фиксирована → она меняется в зависимости от контекста, культуры и опыта. Примеры: “The glass is half full” и “The glass is half empty” («стакан наполовину полон» и «наполовину пуст») → одна физическая реальность, разные концептуализации (оптимизм и пессимизм). “She broke his heart” («она разбила его сердце») → не физическое, а концептуальное событие, представляющее эмоциональную боль как физическое происшествие. Понимание концептуализации помогает раскрыть взаимодействие мышления и языка. Концептуализация ментальная репрезентация реальности, формируемая языком, контекстом и перспективой.

Категоризация – как мы группируем опыт (теория прототипов, радиальные категории**).** Категоризация — способ, которым люди организуют знания и опыт в группы или классы. Категории не жёстки; они основаны на прототипах и семейных сходствах. Пример: в категории «птица» воробей лучший прототип, чем пингвин или страус. Радиальные категории: категории расходятся от центрального прототипа. Пример: понятие «мать» → биологическая мать, приёмная мать, мачеха, «мать изобретения» (“mother of invention”). Разные культуры могут организовывать категории по-разному (например, цветовые категории, термины родства). Категоризация показывает, как люди осмысляют сложность, группируя опыт. Категоризация группировка опыта через прототипы и радиальные расширения.

Метафора и метонимия – отображение знания из одной области в другую. В когнитивной семантике метафора и метонимия не просто стилистические приёмы, а фундаментальные когнитивные процессы. Метафора: понимание одной концептуальной области в терминах другой. Пример: «Время – деньги» («тратить время», «терять время впустую»). Метонимия: использование одного элемента области для обозначения другого, тесно связанного с ним элемента. Пример: “The White House announced a decision” («Белый дом объявил о решении») → здание обозначает людей: “She reads Pushkin” («Она читает Пушкина») → автор обозначает его произведения. Эти отображения показывают, что абстрактное мышление опирается на конкретный, привычный опыт. И метафора, и метонимия важнейшие инструменты концептуализации в повседневном языке. Если метафора – понимание одной области через другую, то метонимия – использование части области для обозначения целого или связанного с ним понятия.

Образ-схемы – повторяющиеся модели телесного опыта (например, контейнер, путь). Образ-схемы это базовые ментальные модели, возникающие из нашего телесного опыта и взаимодействия с физическим миром. Эти повторяющиеся модели образуют основу того, как мы понимаем и структурируем значение.

Фреймовая семантика (Ч.Филлмор) — значение как структура в когнитивных фреймах. Фреймовая семантика (разработана Ч.Филлмором) объясняет, что слова и выражения вызывают когнитивные фреймы – структурированные ментальные сценарии, придающие им значение. Слово нельзя полностью понять изолированно; оно связано с более широким фреймом знаний. Примеры: слово “buy” («покупать») →

вызывает фрейм коммерческой сделки (покупатель, продавец, товар, деньги). Слово “restaurant” («ресторан») → вызывает сценарий ресторана (войти → заказать → поесть → оплатить → уйти). Фреймы показывают, что значение контекстуально и реляционно, а не только словарно. Фреймовая семантика подчёркивает, что язык активирует целые сети знаний в сознании. Пример: понятие времени → часто выражается через пространственные метафоры (“time flies” — «время летит», “ahead of us” — «впереди нас», “behind schedule” — «с отставанием от графика»). Фреймовая семантика: слова вызывают более широкие ментальные фреймы (например, «покупать» → сделка, «ресторан» → сценарий обеда).

Заключение. Когнитивная семантика рассматривает язык как отражение человеческого мышления и опыта. В отличие от формальной лингвистики, которая часто отделяет язык от мышления, когнитивная семантика подчёркивает, что язык — зеркало человеческого разума. Каждое слово, метафора или конструкция показывает, как люди воспринимают, чувствуют и интерпретируют мир. Значение коренится в телесном, культурном и социальном опыте. Выражения вроде “carrying emotional baggage” («нести эмоциональный багаж») или “moving forward in life” («двигаться вперёд по жизни») напрямую отражают, как жизненный опыт отображается в языке. Изучение языка таким образом позволяет понять, как люди мыслят посредством языка. Объект исследования — не только слова, но и ментальные и концептуальные системы, лежащие в их основе.

Список использованной литературы

1. Abduazizov A.A. (2010). Tilshunoslik nazariyasiga kirish. Toshkent: Sharq.
2. Daniyeva M.Dj. (2024). Ethnolects is the study of ethnic dialects. Current research journal of philological sciences. USA.
3. Fillmore, C. J. (1982). Frame Semantics. In Linguistic Society of Korea (Ed.), Linguistics in the Morning Calm (pp. 111–137). Seoul: Hanshin.
4. Gardner H. (1987). The Theory of Multiple Intelligences.
5. Johnson, M. (1987). The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: University of Chicago Press.
6. Lakoff G. (1975). Language and Woman’s Place. New York: Harper and Row.
7. Langacker, R. W. (1987). Foundations of Cognitive Grammar, Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press.
8. Langacker, R. W. (1991). Foundations of Cognitive Grammar, Vol. 2: Descriptive Application. Stanford: Stanford University Press.
9. Mamatov A.E. (2020). Zamonaviy lingvistika. Toshkent: Tafakkur avlodi.
10. Talmy, L. (2000). Toward a Cognitive Semantics (Vols. 1 & 2). Cambridge, MA: MIT Press.
11. Даниева М.Дж. (2018). Когнитивные особенности субстантивных словосочетаний в английском языке. Riga: LAP LAMBERT Academic Publishing; SIA OmniScriptum Publishing.
12. Даниева М.Дж. (2020). Матн прагматик мазмуни шаклланишида лисоний бирликларнинг ўрни// БухДУ илмий ахбороти.
13. Сафаров Ш. (2006). Когнитив тилшунослик. Жиззах: Сангзор.

O‘ZBEK TERMINOLOGIYASINI TARTIBGA SOLISHGA OID AYRIM MUAMMOLAR

Xo‘jamurod Jabborov
Filologiya fanlari doktori, professor
Qarshi davlat universiteti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada mustaqillik davrida o‘zbek terminologiyasida, asosan, ilmiy terminologiya sohasida, qisman moddiy – maishiy turmush leksikasi qatlamida yuz bergan o‘zgarishlar, shuningdek ularning lisoniy xususiyatlari haqida so‘z boradi.*

Kalit so‘zlar: *o‘zbek terminologiyasi, terminlar, milliy, ma’naviy, internatsional, baynalmilal, atamashunoslik, adabiy til.*

Аннотация. *В статье анализируются изменения, произошедшие в узбекской терминологической системе в период независимости, в частности в сфере научной терминологии, а также в отдельных пластах материальной и повседневной лексики, выявляются их основные языковые особенности.*

Ключевые слова: *узбекская терминология, термины, национальный, духовный, международный, терминология, литературный язык.*

Abstract. *The article analyzes the changes that have taken place in the Uzbek terminological system during the period of independence—specifically within the realm of scientific terminology, as well as in certain strata of vocabulary related to material culture and everyday life - and identifies their primary linguistic characteristics.*

Keywords: *Uzbek terminology, terms, national, spiritual, international, terminology, literary language.*

Mustaqillik davrida o‘zbek xalq hayotida yuz bergan ijtimoiy - siyosiy, iqtisodiy, madaniy - ma’naviy, milliy - mafkuraviy o‘zgarishlar, o‘zbek tiliga davlat tili maqomining berilishi o‘zbek terminologiyasi va uning terminologik tizimi rivojiga sezilarli ta’sir ko‘rsatdi. Ushbu ta’sir, ayniqsa, soha terminologiyasida aniq seziladi va uni ikkiga – oddiy (turdosh ot) terminlar tizimidagi o‘zgarishlar va atoqli otlar tizimidagi jarayonida aniq ko‘rinadi:

- O‘zbek adabiy tili, xususan, uning terminologiyasi bu davrda miqdoran yangi terminlar bilan boyidi: ma’lumotnoma (spravka), bosqich (kurs), hisobxona (buxgalteriya), dorixona (apteka), qadimshunoslik (arxeologiya), zobit (ofitser), devonxona (kanselariya) va boshqalar.
- Ilgari “ruscha – internatsional terminlar” deb yuritilgan ko‘pgina terminlar o‘zbek tilining tarixiy – an’anaviy so‘zlari yoki yangidan yasalgan so‘zlar bilan almashtirildi: – tarixiy - an’anaviy so‘zlar: matn (tekst), mavzu (tema), she’riyat (poetika), nasr (proza), nazm (poeziya), muqobil (variant, ekvivalent), tahli (analiz), mumtoz (klassik), tabobat (meditsina), jarrohlik (xirurgiya), unsur (element), ijtimoiy (sotsial), ruhiyat (psixika), faol (aktiv), jamg‘arma (fond), muloqot (dialog), omil (faktor), musahhih (korrektor), muharrir (redaktor);

Yangidan yasalgan so‘zlar: chiptaxona (bilet kassasi), ma’ruzachi (dokladchi), shohko‘cha (prospekt), hakamlik (opponentlik), o‘yingoh (stadion), dalolatnoma (akt), so‘rovnoma (anketa), shahodatnoma (attestat), videotasma (videolenta), va boshqalar.

O‘zbek terminologiyasida yuz bergan o‘zgarishlar, asosan, ilmiy terminologiya sohasida, qisman moddiy – maishiy turmush leksikasi qatlamida yuz berdi. Tildagi sezilarli o‘zgarishlar, eng avvalo, til leksikasida, xususan, uning terminologiyasida o‘z ifodasini topadi. Mustaqillik davrida o‘zgarishga uchragan terminlar qatlamining ularda yuz bergan lisoniy xususiyati va jarayonlarning xarakteriga ko‘ra uchga bo‘lish mumkin:

1. Ruscha – baynalmilal so‘z o‘rniga almashib, uzil - kesil adabiy tilning lug‘aviy meyoriga aylangan so‘zlar: nomzod (kandidat), nazorat (kontrol), dasta (ansambl), vazir (ministr), taqriz (retsenziya), bo‘yoq (kraska), tanlov (konkurs), ijara (arenda), ma’ruza (doklad), badal (vznos), kotib (sekretar), mafkura (ideologiya), foiz (protsent);

2.Almashib, ma’lum vaqt qo‘llangan va keyinchalik iste’moldan chiqqan so‘zlar: kulliyot (fakultet), tayyoragoh (aeroport), ro‘znoma (gazeta), oliygoh (universitet), ilmgoh (institut), suxanshunoslik (filologiya), ayblovchi (advokat), qoralovchi (prokuror);

3.O‘zining muqobili bilan birgalikda parallel ravishda qo‘llanilayotgan so‘zlar: yeyilma (amortizatsiya), qarzdor (debitor), shahodatnoma (diplom), ombor (baz), muvozanat (balans), vositachi (broker), bosqich (instansiya), xona (kabinet), taqvim (kalendar), sarmoya (kapital), xatjildi (konvert), tasma (lenta), uslubiyat (metodika) va boshqalar. Mustaqillik davrida o‘zbek adabiy til leksikasida yuz bergan o‘zgarishlar, asosan, ilmiy terminologiya sohasida, qisman moddiy - maishiy turmush leksikasi qatlamida yuz berdi.

Mazkur usullarning birortasi ham qo‘l kelmagan kezlarda chet tili terminlari aynan tayyor holda o‘zbek terminologiyasi tizimiga olinmoqda. So‘nggi fikrning isbotini AKT va zamonaviy pedagogik texnologiyalar, kompyuter, internet bilan bog‘liq terminlarning qo‘llanishida ko‘ramiz: texnologiya, kompyuter, internet, pedagogik texnologiya kabi.

Shubhasiz, o‘zbek terminologiyasi tizimi sezilarli rivojlanishda bo‘lishiga qaramay, ushbu soha ham muayyan qusur va kamchiliklardan holi emas. Bizning nazarimizda ularni quyidagi tarzda guruhlashtirish o‘zini oqlaydi: ilmiy - texnikaviy terminlarning yanada taraqqiy etishi va takomillashuvida ona tilining ichki manbalari va so‘z yasash usullaridan qoniqarli tarzda foydalanmaslik. Ilmiy - texnikaviy taraqqiyot bugungi kunda dunyodagi barcha rivojlangan va rivojlanayotgan davlatlar hayotida lokomativ rolini bajarmoqda. Eng zamonaviy asbob - anjomlar, dastgohlar, robotlar, axborot kommunikatsiya texnologiyalarisiz kelajak jamiyat taraqqiyotini tasavvur qilish amri mahol.

O‘zbek modeli asosida o‘z rivojlanish yo‘lini belgilab olgan mamlakatimizda xalq xo‘jaligining barcha tarmoqlari, xususan, og‘ir va yengil sanoat, qishloq xo‘jaligi, ilm - fan, madaniyat, san’at sohalari ildam qadamlar bilan rivojlanmoqda. Buning natijasi o‘laroq O‘zbekiston jahon hamjamiyatining faol a’zosiga aylandi. Dunyoning yetakchi davlatlari bilan o‘rnatilgan siyosiy, iqtisodiy, ilmiy, ijtimoiy, madaniy, diniy kabi aloqalar negizida taraqqiyotning yangi pallasini boshidan kechirayotgan xalqimiz xorijdan olib kelinayotgan eng so‘nggi texnika va texnologiyalar bilan oshno bo‘lmoqda, ularni kundalik hayotda qo‘llash imkoniyatiga ega bo‘lmoqda.

Vatandoshlarimiz, ayniqsa, iste’dodli yoshlarning xorijning nufuzli oliy o‘quv yurtlarida tehsil olishi, yosh mutaxassislarning chet ellardagi universitetlarda malakasini oshirishi, zamonaviy axborot texnologiyalarining insonlar turmushidan o‘rin olishi kabi

omillar oqibatida yangidan - yangi tushunchalar va ular bilan bog‘liq terminlar tilimizning so‘z xazinasidan o‘rin olmoqda. Mubolag‘asiz, ayni kezlarda o‘zbek tili terminologik tizimiga G‘arbiy Yevropa tillaridan bevosita va bilvosita jadal kirib kelayotgan terminlarni tartibga solish, unifikatsiya qilish, ularni o‘zbek tili qoidalariga bo‘ysundirish qiyin kechmoqda. Chetdan kelayotgan axborotning haddan tashqari ko‘pligi va serqirraligi terminologiyaga xos jihatlarni har doim ham diqqat markazida ushlab turish imkoniyatini bermayapti. Bu holat terminlarni o‘zlashtirish, kalkalash, izohlash paytida muayyan qiyinchiliklarni yuzaga chiqarmoqda.

Bugungi kunda o‘zbek tilining ichki imkoniyatlaridan samarali foydalanishga yetarlicha e’tibor qaratilmoqda, so‘z yasash usullaridan har doim ham unumli istifoda etilmoqda, deb bo‘lmaydi. Chet tilidan o‘zlashayotgan so‘z va terminlarni aynan qabul qilish tendensiyasi hamon yetakchilik qilmoqda. Muayyan termin bilan bir yoki bir nechta ma’nolarni ifodalash mumkin. Terminologiyada salbiy jihat hisoblangan mazkur holat tizimda chalkashliklarni yuzaga keltirishi mumkin. Terminning faqat yakka ma’noni ifodalashi lozimligini hisobga oladigan bo‘lsak, ayni holatni o‘nglash borasida jiddiy ishlarni amalga oshirishning zarurligi oydinlashadi.Bir ma’noni ifodalashda ikki, ba’zan bir nechta termin - sinonim (dublet, leksik variant)larning parallel ishlatilishi ham mavjud.

Atamashunoslikka oid tadqiqot ishlarining aksariyatida bitta ma’noni ifodalash uchun faqat bitta atama qo‘llanishi zarurligi bot - bot takrorlangan. Shunga qaramasdan, nafaqat o‘zbek terminologiyasi, balki boshqa til terminologiyalarida ham muayyan ma’noning bir nechta termin - sinonimlar yoki dubletlar va leksik variantlar yordamida ifodalanishi ko‘zga tashlanadi.

O‘zbek terminshunoslari va atamashunoslari oldida yuqorida keltirilgan muammolar qatori tubandagi masalalarni ham hal etish vazifasi turibdi:

Birinchidan, umumqo‘llanish xarakteridagi ba’zi atamalarning munosib variantining mavjud emasligi;

Ikkinchidan, fan va texnika, ayniqsa, qishloq xo‘jaligining turli sohalari terminlarini tartibga solish va bir xillashtirishning qoniqarsizligi;

Uchinchidan, terminlarni qo‘llashda imloviy chalkashliklarga yo‘l qo‘yish;

To‘rtinchidan, turli turdagi terminologik lug‘atlar tuzish va nashr qilish jarayonini boshqarish hamda nazorat qilishning sustligi;

Beshinchidan, sohalarda qo‘llanuvchi atamalar aynanligini ta’minlaydigan metodik qo‘llanma va davriy byulletenning mavjud emasligi;

Oltinchidan, terminologik leksika, ayniqsa, mustaqillik davri ilmiy - texnik terminlari haqida olib borilayotgan nazariy tadqiqotlarning qoniqarli emasligi;

Yettinchidan atamashunoslik masalalari bilan maxsus shug‘ullanadigan boshqaruv organining yo‘qligi va boshqalar.

Umuman olganda, o‘zbek tiliga Davlat tili maqomi berilganiga ham 36 yil to‘ldi. Davlat tili maqomi esa til va uning terminologiyasining har tomonlama rivojlanishiga xizmat qiladi. Bu qonun ona tilimiz turmushning barcha sohalarida xizmat qiluvchi qudratli vositalarga aylanishi, uning obro‘sining ko‘tarilishini ta’minlovchi hujjatdir.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Israilova, Z. (2024). O‘zbek tilida terminologiya muammolari. *Zenodo*. DOI: 10.71337/inlibrary.uz.zdift.51896
2. Abdiyev, M. (2025). *O‘zbek tili terminologiyasi* [O‘quv qo‘llanma]. Toshkent: Bookmany print. ISBN 978-9910-06-861-4
3. Xoliyorova, K. (2025). O‘zbek tilida tilshunoslik terminlarining standartlashuvi va atamashunoslik muammolari. *Zenodo*.

ИЕРАРХИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ

Хамраева Ё.Н.
д.ф.н. (DSc), профессор Каршинского
государственного университета
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В данной статье рассматриваются основные аспекты иерархических связей между словами в языке. Приведены два основных типа отношений – гиперонимия и гипонимия и их роль в семантической структуре лексической системы. Обсуждаются теоретические аспекты и практическое применение иерархий в лингвистических исследованиях, а также в области компьютерной лингвистики и автоматизации обработки естественного языка. Основная цель статьи – показать значение иерархических отношений и их влияние на семантические аспекты лексики для понимания структуры языка.*

Ключевые слова: *лексика, иерархия, иерархические взаимоотношения, гиперонимия, гипонимия, семантическая структура, компьютерная лингвистика, автоматизация обработки естественного языка.*

Annotatsiya. *Maqolada til birliklari o‘rtasidagi iyerarxik munosabatlarning asosiy jihatlari ko‘rib chiqilgan. Unda bunday munosabatlarning ikki asosiy turi bo’lgan giper-giponimiya hamda ularning leksik tizim semantik strukturasidagi o’rni yoritiladi. Ishda iyerarxiyalarning nazariy jihatlari va ularning lingvistik tadqiqotlarda, shuningdek, kompyuter lingvistikasi hamda tabiiy tilni qayta ishlashni avtomatlashtirish sohalaridagi amaliy qo‘llanilishi muhokama qilinadi. Ushbu maqolaning asosiy maqsadi til tuzilishini yanada chuqurroq tushunishga xizmat qiluvchi iyerarxik munosabatlarning ahamiyatini hamda ularning lug‘at tarkibidagi semantik jihatlarga ta’sirini ko‘rsatib berishdan iborat.*

Kalit so‘zlar: *leksika, iyerarxiya, iyerarxik munosabatlar, giperonimiya, giponimiya, semantik tarkib, kompyuter lingvistikasi, tabiiy til ishlanishini avtomatlashtirish.*

Abstract. *This article examines the key aspects of hierarchical relationships between words in a language. It introduces two primary types of relations – hyperonymy and hyponymy – and explores their role within the semantic structure of the lexical system. The article discusses both the theoretical underpinnings and the practical application of hierarchies in linguistic research, as well as in the fields of computational linguistics and*

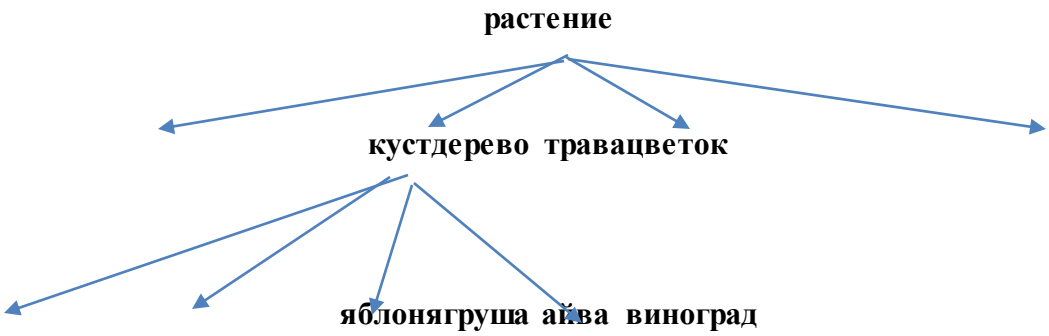
automated natural language processing. The main objective of the article is to demonstrate the significance of hierarchical relations and their influence on the semantic aspects of vocabulary, thereby contributing to a better understanding of the structure of language.

Keywords: *vocabulary, hierarchy, hierarchical relationships, hyperonymy, hyponymy, semantic structure, computational linguistics, automation of natural language processing.*

Исследование лексической системы является важной областью лингвистических исследований, и в последние десятилетия особое внимание уделяется изучению различных семантических отношений между лексическими единицами языка. Иерархические отношения между языковыми единицами интерпретируются как особый тип лексико-семантических отношений. «Изучение иерархических отношений языковых единиц имеет важное значение в их реальном речевом использовании. Известно, что единица языка не может активизироваться в рамках своего уровня, так как для этого требуется реализация стратификативного принципа» [6; 134].

Иерархические отношения в лексике представляют собой связи между разнородными или неравноправными элементами словарного состава, при которых один элемент дедуктивным способом подчиняется другому («общее – частное», «род – вид», «высшее – низшее»). Подобные отношения являются важным аспектом лексической системы и позволяют аргументировать и классифицировать лексические единицы по общности и специфическим характеристикам. Эти отношения описывают связи между лексемами, которые выражают общие или более конкретные понятия. Одним из типов иерархических отношений в лексике является гиперо-гипонимия, которая занимает важное место в семантическом составе языка.

Гиперо-гипонимия, то есть родо-видовая связь – это отношение, при котором одно слово (гипероним – род) представляет собой общее понятие, включающее в себя другие, более конкретные слова (гипонимы – виды). Например, «дерево» – это гипероним со словами (разновидностями): «яблоня», «груша», «айва», «виноград» и др. Гиперо-гипонимия описывает более конкретные взаимосвязи, когда одно слово (гипоним) является частным случаем другого слова (гиперонима). Так, в данном примере *яблоня, груша, айва, виноград* – этогипонимы гиперонима *дерево*. По отношению друг к другу эти слова являются согипонимами. Однако функционировать в роли гиперонима – это не постоянный показатель слова. К примеру, гипероним «дерево» наряду с такими словами, как «кустарник», «трава», «цветок», может стать гипонимом по отношению к слову «растение». Итак, в отличие от парадигматических отношений (синонимия, антонимия, омонимия), где слова равноправны и противопоставлены друг другу в одном ряду (*лицо – физиономия – рожа*), иерархия выстраивает слова «по вертикали» в виде ступенчатой подчиненности. Таким образом, здесь отражается ступенчатая организация предметов и понятий, связанных между собой по степени важности, общности или специализации.



Иерархические отношения в языке позволяют лучше понять структуру лексической системы и смысловые связи между лексемами, а также порядок слов по уровням общности и специфики. Они являются фундаментальными элементами лингвистических исследований и широко используются в области компьютерной лингвистики, поиска информации и обработки естественного языка. Значение гипонима всегда включает в себя все семы (смысловые компоненты) гиперонима плюс свой собственный дифференциальный признак. Например, в русском языке можно выделить иерархию таких понятий, как «руководитель», «исполнитель» и «сотрудник». *Руководитель* – это общее понятие, объединяющее *исполнителя* и *сотрудника*, тогда как последние слова – это более специализированные понятия, которые можно отнести к конкретным уровням иерархии.

Иерархические отношения в лексике можно использовать для создания более точных и достоверных описаний, а также для классификации информации. Они также могут быть полезны при создании онтологий и базы знаний. Примеры иерархических отношений можно найти также во многих областях лексики. Например, слово «птица», являясь гиперонимом, в качестве гипонимов может объединить слова: «сокол», «воробей», «ворона», «орел» и т. д. Изучение иерархических отношений между лексемами не только способствует лингвистическому познанию, но и находит применение при разработке технологий искусственного интеллекта, где понимание семантической структуры лексики играет важную роль в создании более точных и интеллектуальных систем обработки и анализа текста.

Другой тип иерархических отношений – это холо-меронимия, то есть «целое – часть», которая представляет собой связь между наименованием целого объекта и наименованием его составной части. Например: ***дерево*** (целое) → *ствол, ветка, лист, корень* (части); ***дом*** (целое) → *стена, фундамент, окно, крыша* (части).

Также в лингвистике выделяются межуровневые иерархические связи, то есть отношения между лексикой и другими ярусами языка (например, как лексическое значение слова подчиняется морфемному строению или как слово соотносится с микро- и макрополями. Как отметила Н.В.Обвинцева: «Иерархический принцип организации лексики предполагает описание иерархических связей между отдельными лексико-семантическими группировками. Известно, что слова, входящие в семантическое поле, характеризуются наличием общего семантического признака, на основе которого и формируется данное поле» [3; 36]. В контексте лексической теории семантического поля иерархические отношения приобретают дополнительный аспект.

Известно, что лексико-семантические поля – это группы слов, связанных общей темой или смысловой областью. Изучение того, как иерархия влияет на формирование лексико-семантических полей, позволяет глубже понять организацию слов в языке и их взаимосвязи. Семантический анализ слов и выражений станет более эффективным, если учитывать иерархические отношения между этими единицами. Исследование влияния иерархий на процессы семантической дифференциации и ассоциации позволяет выявить скрытые семантические связи и повысить точность семантических моделей [5].

Ключевыми свойствами лексической иерархии являются такие понятия, как асимметричность, переходность и наличие смысловых компонентов. Асимметричность проявляется в противопоставлениях. К примеру, *чинара* – это *дерево*. Но обратное утверждение неверно, так как не всякое *дерево* – *чинара*. А переходность (транзитивность) выражается в таких примерах: Если *бульдог* – это *собака,* а *собака* – это *животное,* то *бульдог* – это *животное.* Такое взаимоотношение лексем можно увидеть в следующем рисунке:

Таким образом, иерархические отношения внутри лексико-семантического поля (ЛСП) структурируют его «по вертикали», превращая хаотичный набор слов в четко упорядоченную систему. Любое ЛСП строится как разветвленная сеть, где элементы нижнего уровня подчиняются элементам верхнего уровня.

Практическое применение иерархических отношений в лингвистических исследованиях становится все более важным вопросом сегодняшнего дня. Эмпирическое изучение лексической иерархии русского языка дает уникальную возможность провести детальный анализ лексики, определить особенности и основные принципы организации лексической системы данного языка. Эффективное эмпирическое исследование требует разработки тщательной методологии, включая отбор репрезентативного корпуса текстов, определение критериев выборки и разработку аналитических инструментов. Разнообразие текстовых жанров, входящих в корпус, позволяет учитывать контекстуальные особенности употребления слов и определять многогранные отношения между ними.

В заключение следует отметить, что иерархические отношения между лексическими единицами занимают важное место в лингвистических исследованиях. Их теоретическое рассмотрение и практическое применение позволяют лучше понять структуру языка, семантические взаимоотношения, а также разработать новые методы обработки естественного языка. Практическое изучение лексического уровня русского языка дает ценную информацию о семантической структуре слов, расширяет наши знания о внутренних

взаимоотношениях между словами, позволяет использовать полученные знания в непосредственно в современной коммуникации.

Список использованной литературы

1. Быкова С. Е. Иерархические взаимоотношения юридических терминов в терминологическом тезаурусе. – Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2013. № 4 (79). – С. 11-14.
2. Гайсина Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1981. – 195 с.
3. Обвинцева Н. В. Иерархические связи в лексико-семантическом поле отношения. – Мир русского слова, 2009. № 2. – С. 35-38.
4. Собиров А. Ўзбек тилининг лексик сатҳини системалар системаси тамойили асосида тадқиқ этиш. – Тошкент: Маънавият, 2004. – 160 б.
5. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование. – Москва: Наука, 1971. – 293 с.
6. Хайруллаев З. Х. Об иерархических отношениях между языковыми единицами. – Вестник Челябинского государственного университета, 2012. № 6 (260). – С. 134-137.

ABDULLA ORIPOV SHE'RIYATIDA SODDA GAPLAR VA ULARNING POETIK FUNKSIYALARI

Shodmonova Dildor Ergashevna
dotsent, filologiya fanlari bo'yicha falsafa doktori (PhD)
Qarshi davlat universiteti
Qarshi, O'zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada Abdulla Oripov she'riyatida qo'llangan sodda gaplarning lingvopoetik xususiyatlari tahlil qilinadi. Xususan, darak, so'roq va buyruq gaplarning badiiy matndagi qo'llanishi, ularning mazmuniy-ekspressiv imkoniyatlari hamda poetik funksiyalari yoritiladi. Shoirning individual uslubida mazkur gap turlarining lirik qahramon ruhiy kechinmalarini ifodalash, badiiy obraz yaratish, kitobxon bilan muloqot o'rnatish va she'rning ta'sirchanligini kuchaytirishdagi o'rni misollar asosida tahlil qilinadi. Tadqiqot natijalari sodda gaplarning Abdulla Oripov poetikasida muhim uslubiy vosita sifatida xizmat qilishini ko'rsatadi.*

Kalit so'zlar: *Abdulla Oripov, sodda gap, darak gap, so'roq gap, buyruq gap, poetik funksiya, lingvopoetika, sintaksis, badiiy uslub, ekspressivlik.*

Аннотация. *В статье анализируются лингвопоэтические особенности простых предложений в поэзии Абдуллы Орипова. Особое внимание уделяется употреблению повествовательных, вопросительных и побудительных предложений, а также их смысловым, экспрессивным и поэтическим функциям в художественном тексте. На основе анализа поэтических произведений раскрывается роль данных типов предложений в передаче внутреннего мира лирического героя, создании художественных образов, установлении диалога с читателем и усилении эмоционального воздействия произведения. Результаты*

исследования подтверждают, что простые предложения являются важным элементом индивидуального поэтического стиля Абдуллы Орипова.

Ключевые слова: *Абдулла Орипов, поэзия, простое предложение, повествовательное предложение, вопросительное предложение, побудительное предложение, поэтическая функция, синтаксис, лингвопоэтика, экспрессивность.*

Abstract. *This article analyzes the linguopoetic characteristics of simple sentences in the poetry of Abdulla Oripov. Particular attention is paid to the use of declarative, interrogative, and imperative sentences, as well as their semantic, expressive, and poetic functions in literary texts. The study examines how these sentence types contribute to expressing the inner world of the lyrical persona, creating artistic imagery, establishing communication with the reader, and enhancing the emotional and aesthetic impact of the poems. The findings demonstrate that simple sentences constitute an important stylistic device in Abdulla Oripov's poetic language.*

Keywords: *Abdulla Oripov, poetry, simple sentence, declarative sentence, interrogative sentence, imperative sentence, poetic function, syntax, linguopoetics, expressiveness.*

Kirish. Badiiy matn tilining sintaktik xususiyatlarini o‘rganish zamonaviy o‘zbek tilshunosligining muhim yo‘nalishlaridan biri hisoblanadi. Ayniqsa, she’riy asarlarda gap qurilmalarining mazmun, shakl va uslubiy vazifalarini tahlil qilish shoirning individual uslubini, badiiy tafakkurini hamda til imkoniyatlaridan foydalanish mahoratini yoritishda muhim ahamiyat kasb etadi. Shu jihatdan, O‘zbekiston xalq shoiri Abdulla Oripov she’riyati o‘zining serqirra sintaktik qurilishi, mazmun teranligi va yuksak poetik ta’sirchanligi bilan alohida ajralib turadi.

Abdulla Oripov she’rlarida sodda gaplar fikrning lo‘nda, aniq va ta’sirchan ifodalanishiga xizmat qiluvchi asosiy sintaktik birliklardan biridir. Shoir sodda gaplarning turli ko‘rinishlaridan unumli foydalanib, inson ruhiyati, Vatanga muhabbat, hayot falsafasi, milliy qadriyatlar va umuminsoniy g‘oyalarni badiiy jihatdan mukammal ifodalashga erishadi.

Shoir she’riyatida sodda gaplarning darak, so‘roq va buyruq turlari turli uslubiy vazifalarni bajaradi. Darak gaplar voqelikni xolis bayon etish, lirik qahramonning ichki kechinmalari va falsafiy mushohadalarini ifodalashga xizmat qilsa, so‘roq gaplar she’riy matnda mushohada, hayrat, iztirob, shubha yoki javob talab qilmaydigan ritorik ma’nolarni yuzaga chiqaradi. Buyruq gaplar esa da’vat, murojaat, iltijo, nasihat va istak kabi ma’nolarni ifodalash orqali she’rning emotsional-ekspressiv ta’sirini kuchaytiradi. Mazkur gap turlarining o‘zaro uyg‘unligi shoir uslubining muhim sintaktik belgilaridan biri sifatida namoyon bo‘ladi.

Sodda gaplarning poetik imkoniyatlari

She’riy asarlar tilida sintaktik birliklar, xususan sodda gaplar muhim poetik vazifani bajaradi. Sodda gaplar o‘zining ixchamligi, sintaktik soddaligi va mazmuniy zichligi bilan she’riy nutqda kuchli estetik ta’sir hosil qilish imkoniyatiga ega. She’riyatda fikr ko‘pincha qisqa, lo‘nda va obrazli shaklda ifodalanadi. Shu sababli sodda gaplar she’riy matnning ritmik tuzilishini, ohangdorligini va ifodaviyligini ta’minlovchi muhim sintaktik vositalardan biri hisoblanadi.

She’riy asarlarda sodda gaplar turli hissiy holatlarni ifodalashda ham muhim rol o‘ynaydi. Darak, so‘roq, buyruq va undov shaklidagi sodda gaplar orqali shoir o‘zining ichki

kechinmalarini, ruhiy holatini hamda falsafiy mushohadalarini ifodalaydi. Bu esa poetik matnning emotsional ta'sir kuchini yanada oshiradi.

She'riy asarlarda sodda gaplar muhim poetik imkoniyatlarga ega bo'lib, ular orqali shoir o'z fikrini ixcham, lo'nda va ta'sirchan tarzda ifodalaydi. Ayniqsa, Abdulla Oripov she'riyatida sodda gaplar chuqur falsafiy mazmunni ifodalash, emotsional ta'sirni kuchaytirish hamda badiiy obrazlilikni ta'minlashda muhim sintaktik vosita sifatida xizmat qiladi. Shu jihatdan sodda gaplarning poetik imkoniyatlarini o'rganish shoirning individual uslubini hamda she'riy matnning lingvopoetik xususiyatlarini chuqurroq anglashga yordam beradi.

Darak gaplarning poetik imkoniyatlari

She'riy nutqda darak gaplar (xabar gaplar) poetik sintaksisning muhim vositalaridan biri bo'lib, ular orqali shoir voqelikni tasvirlaydi, fikrni xotirjam ohangda bayon qiladi va badiiy tasvirning mantiqiy asosini yaratadi. Darak gaplar orqali she'riy matnda muayyan holat, voqea, ruhiy kechinma yoki hayotiy haqiqat ifodalanadi.

Badiiy adabiyotda darak gaplar obraz yaratish, muhit tasvirini berish, lirik qahramon ruhiy holatini ifodalash hamda muallifning estetik qarashlarini yetkazishda muhim rol o'ynaydi. She'riy asarlarda darak gaplar ko'pincha ixcham, obrazli va mazmun jihatdan chuqur bo'ladi.

Poetik sintaksis nuqtayi nazaridan darak gaplarning bir necha muhim poetik imkoniyatlari mavjud.

Birinchidan, darak gaplar orqali tabiat va borliq tasviri yaratiladi. Shoir ko'pincha tabiat manzaralarini darak gaplar yordamida tasvirlaydi. Bunday gaplar orqali she'rning tasviriy fonini yaratish mumkin bo'ladi. Masalan, Abdulla Oripov she'riyatida tabiat manzaralari ko'pincha darak gaplar orqali ifodalanadi:

Bahor kelayotir,
Toza, musaffo.
Moviy kengliklarda o'ynaydi shamol.
Daralar qo'ynida zangor bir havo,
Tumanli shahr ichra yotmoqlik malol.

Bu misralarda voqelik xotirjam ohangda bayon qilinadi. Darak gaplar orqali tasviriy manzara yaratiladi va she'rning poetik muhitini shakllantiradi.

Ikkinchidan, darak gaplar lirik qahramonning ichki kechinmalarini ifodalashga xizmat qiladi. Shoir o'z fikrini xotirjam, ammo mazmunan chuqur tarzda bayon qiladi. Bunday gaplar tashqi jihatdan sodda ko'rinsa ham, ichki ma'nosi nihoyatda teran bo'ladi. Masalan:

Qoyalar ko'ksida shodmon, beqayg'u,
Oniy umri bilan sollanib chechak.
Bahor – eng pokiza shabbodadir bu,
Bahor – eng pokiza shamoldir demak .

Bu misralarda lirik qahramonning sog'inch va xotira bilan bog'liq ruhiy holati darak gaplar orqali ifodalangan.

Uchinchidan, darak gaplar she'riy nutqda falsafiy fikrlarni ifodalash uchun ham keng qo'llanadi. Ko'plab shoirlar hayot, vaqt, inson taqdiri haqida chuqur mulohazalarni aynan darak gaplar orqali bayon qiladilar. Bunday gaplar ko'pincha hikmatli mazmun kasb etadi. Masalan:

Hayot shukronaga mutloq munosib,
Tiriklik o‘zidir oliy mukofot.

Bu kabi darak gaplar o‘quvchini o‘ylashga undaydi va she’rning falsafiy qatlamini chuqurlashtiradi.

To‘rtinchidan, darak gaplar poetik takror bilan qo‘llanganda she’riy nutqning ritmi va ta’sirchanligi kuchayadi. Bir xil sintaktik qurilishga ega darak gaplarning ketma-ket kelishi she’rda ohangdorlik hosil qiladi. Masalan:

Bozorga o‘xshaydi asli bu dunyo,
Bozorga o‘xshaydi bunda ham ma’ni.
Ikkisi ichra ko‘rmadim also,
Molim yomon degan biror kimsani.

Bu misralarda bir xil sintaktik model takrorlanib, poetik parallelizm yuzaga keladi. Natijada she’rning ritmik tuzilishi mustahkamlanadi.

Beshinchidan, darak gaplar badiiy tasvir vositalari bilan uyg‘unlashib, obrazlilikni kuchaytiradi. Metafora, epitet, tashbeh kabi vositalar darak gap tarkibida qo‘llanib, she’riy nutqning badiiy qimmatini oshiradi. Masalan:

Tashqarida *shamol uvillar,*
Tun bo‘yi yummayman ko‘zim.
Tuni bo‘yi *bahs qilar ular,*
Tun esa-chi, juda ham uzun.

Bu misralarda darak gaplar metaforik tasvir orqali poetik obraz yaratishga xizmat qilmoqda.

So‘roq gaplarning poetik imkoniyatlari

Abdulla Oripov she’riyati o‘zining chuqur falsafiyligi, yuksak badiiyligi va samimiy tuyg‘ulari bilan o‘zbek adabiyotida alohida o‘rin egallaydi. Masalan, shoirning “O‘zbekiston” nomli mashhur” she’rida quyidagi sodda so‘roq gap uchraydi:

“Men nechun sevaman O‘zbekistonni?”

Mazkur gap shaklan oddiy so‘roq gap bo‘lsa-da, mazmunan chuqur falsafiy va emotsional yukni o‘zida mujassam etadi. Bu yerda sodda gap orqali shoirning Vatanga bo‘lgan muhabbati va sadoqati ifodalanadi. So‘roq shakli esa o‘quvchini fikrlashga undab, she’rning g‘oyaviy ta’sirini yanada kuchaytiradi.

Uning ijodida so‘roq gaplar oddiy grammatik shakl sifatida emas, balki muhim poetik vosita sifatida namoyon bo‘ladi. Shoir savol shakli orqali o‘zining ichki kechinmalarini, ruhiy iztiroblarini va falsafiy mushohadalarini o‘quvchiga ta’sirchan tarzda yetkazadi.

– Xayr endi…
Qalbimda bir vido qoldi,
Xayr endi, sen ketding, begunoh ohu.
Bugun sen qaydasan? Qaylarda qolding?!
Bugun bosh ustingda kimning panohi?! (“Xayr endi”,1-jild,96-bet)

Abdulla Oripov she’rlarida so‘roq gaplar ko‘pincha ritorik xarakterga ega bo‘lib, ular bevosita javob talab qilmaydi. Bunday savollar orqali shoir o‘z qalbidagi chuqur tuyg‘ularni ifodalaydi. Masalan, Vatanga bo‘lgan muhabbatni ifodalashda u “Men nechun sevaman, O‘zbekistonni?” kabi savol qo‘yadi. Bu savolga aniq javob berilmasa-da, uning mazmunida

cheksiz sadoqat va mehr mujassam. Shu jihatdan so‘roq gaplar shoirning ichki dunyosini ochib beruvchi vosita bo‘lib xizmat qiladi.

Shoir ijodida so‘roq gaplar falsafiy mazmunni ham chuqurlashtiradi. Inson hayoti, uning bu dunyodagi o‘rni va yashash ma’nosi kabi masalalar ko‘pincha savol shaklida ifodalanadi. Bundan tashqari, so‘roq gaplar she’rlarda dialogik ohang yaratadi. Shoir go‘yoki o‘zi bilan yoki o‘quvchi bilan muloqotga kirishadi.

Qanday asr o‘zi, birodarlar, bu?!
Urushu falokat, nizo-yu ta’qib
Tinmaydi, tinmaydi, tinmaydi sira.
Qani, kim shodlanar asrga boqib?
Qani, kim ataydi uni bokira?!

kabi savollar orqali ichki dialog yuzaga keladi va bu hol she’rning ta’sirchanligini yanada oshiradi. O‘quvchi o‘zini ushbu savollarga javob izlayotgandek his qiladi.

Abdulla Oripov ba’zan ketma-ket so‘roq gaplardan foydalanib, hissiy ta’sirchanlikni kuchaytiradi. Buni “Temir odam” she’rini o‘qish jarayonida yaqqol ko‘rish mumkin:

Bu-chi, yig‘lay olmas, aylangan toshga!
Kimdir u?
Kimdir u? Balki umenman?!
Balki u sizdirsiz?
Balki u boshqa…
Yana bir misol:
Qayda she’r? Qayda sir? Qayda sinoat?
Qayda Majnun uchun dashti Karbalo?

kabi misralar orqali ijtimoiy muammolar keskin ifodalanadi. Bunday usul she’rga dramatizm bag‘ishlab, o‘quvchini chuqur o‘yga soladi.

Vatan va xalq taqdiri bilan bog‘liq mavzularda esa so‘roq gaplar yanada teran ma’no kasb etadi. O‘zbekiston va ona yurt haqidagi she’rlarda “Qorliklarni makon etgan bo‘lsayding, Mehrim bermasmidim o‘sha muzlarga?” kabi savollar orqali shoir o‘quvchini mas’uliyat va vatanparvarlik ruhiga chorlaydi. Bu savollar befarqlikka qarshi bir badiiy da’vat sifatida yangraydi.

Buyruq gaplarning poetik imkoniyatlari

Buyruq gaplar badiiy matn tilida muhim sintaktik vositalardan biri hisoblanadi. Ular orqali muallif murojaat, da’vat, iltijo, nasihat yoki ruhiy undov kabi ma’nolarni ifodalaydi. Buyruq gaplar o‘zining qisqa, lo‘nda va ta’sirchan shakli bilan ajralib turadi. Ayniqsa, badiiy adabiyotda bunday gaplar o‘quvchi yoki tinglovchiga bevosita ta’sir ko‘rsatish, muayyan g‘oya yoki hissiy holatni kuchaytirish uchun keng qo‘llanadi.

Poetik nutqda buyruq gaplar muallifning ichki kechinmalarini ifodalash, o‘quvchini muayyan fikrga chorlash yoki ruhiy holatni kuchli ohangda tasvirlash vazifasini bajaradi. Bu jihatdan ular badiiy tasvir vositalari bilan uyg‘unlashib, matnning emotsional-ekspressiv ta’sirini kuchaytiradi. Buyruq gaplar she’riyatda ko‘pincha undov ohangi bilan birga kelib, lirik qahramonning ruhiy holati, kechinmalari va intilishlarini yorqin ifodalaydi.

Masalan:

Ayol chehrasida ko‘rsang tabassum
Bilki, zamona tinch, osoyish olam.

Ayolga tilasang gar tole mas'um,

Dunyoni olovdan asra, ey, Odam!

She'riy parchadagi dastlabki misralarda ayol tabassumi orqali tinchlik tasvirlanadi, oxirgi misrada kuchli xulosa beriladi. "Dunyoni olovdan asra, ey, Odam!" degan satr she'rning asosiy cho'qqisi bo'lib, insoniyatga murogaat tarzida yangraydi, Bu sodda buyruq gap kuchli ma'naviy va tarbiyaviy mazmunni ifodalaydi. Unda qo'llangan Odam undalmasi buyruq, undash ohangini yanada kuchaytirgan. Bunday buyruq gaplar orqali shoir odamlarni urush va vayronagarchilikdan voz kechib, tinchlikni asrashga chaqiradi. Buyruq gaplarning poetik imkoniyati shundaki, ular fikrni keskin, aniq va ta'sirchan tarzda ifodalash imkonini beradi.

Abdulla Oripov she'rlarida buyruq gaplar orqali Vatanga sadoqat, milliy g'urur va ma'naviy uyg'onish g'oyalari ifodalanadi. Masalan, "Men nechun sevaman O'zbekistonni" she'ridan parcha:

"Yurtim, seni faqat boyliklaring-chun

Sevgan farzand bo'lsa kechirma also!

Ushbu she'riy parchada vatanparvarlik, insoniy burch va ma'naviy poklik haqidagi fikrlar ilgari suriladi. Badiiy jihatdan parchada murojaat (undalma) va buyruq ohangi kuchli seziladi. "Yurtim" so'zi orqali Vatanga bevosita murojaat qilinadi, bunda samimiylik ba ruhiy yaqinlik baxsh etadi. "Kechirma also!" jumlasi buyruq gap bo'lib, unda qat'iylik, keskinlik va hukm ohangi bor, Bu satr o'quvchini fikrlashga va shoir ilgari surayotgan g'oyani qabul qilishga undaydi.

Shoir Abdulla Oripov she'riyatida buyruq gaplardan unumli foydalangan va mahorat bilan qo'llagan. Quyidagi misralar bilan dalillaymiz:

Inson qalbi bilan hazillashmang Siz.

Unda millat yashar, unda til yashar.

……

Inson qalbi bilan hazillashmang Siz,

Unda ona yashar, yashaydi Vatan.("Inson qalbi", 1-jild, 298-bet)

Bu misralar shoirning "Inson qalbi" she'ridan keltirilgan, unda inson qalbining ulug'ligi, muqaddasligi yoritiladi. Ijodkor inson qalbini millatning, tilning, ona va Vatanning maskani sifatida talqin qiladi. Shu orqali qalbga hurmat – bashariyatga, millatga va Vatanga hurmat ekanini anglatadi. Shoirning bu she'rida buyruq gap ohangi alohida ahamiyat kasb etadi. "Inson qalbi bilan hazillashmang siz" misrasi grammatik jihatdan biyruq gap bo'lib, unda kesim "*hazillashmang"* inkor shaklidagi buyruq maylida qo'llangan. Bu shakl oddiy buyruqdan ko'ra kuchliroq ta'sirga ega bo'lib, unda ogohlantirish, taqiq va jiddiy da'vat ma'nolari mujassam. Mo'jaz she'rda (8 misra) ushbu buyruq gap ikki marta takrorlangan. Shoir takror orqali o'z fikrini qat'iy qilib, o'quvchining e'tiborini shunga qaratadi. Natijada buyruq ohangi kuchayib, u oddiy maslahat emas, balki hayotiy zarurat darajasidagi talab sifatida yangraydi.

Ba'zi hollarda buyruq gaplar nasihat yoki ma'naviy pand-nasihat mazmunini ham ifodalaydi. Bunday holatda ular xalq donishmandligi, hayotiy tajriba va ma'naviy qadriyatlarni ifodalash vositasiga aylanadi.

Masalan, "Donishmand dediki" she'ridagi misralarga diqqat qaratamiz:

Donishmand dediki, osonni kutma,

Imkondan ortiq bir imkonni kutma.

Daryodan daryoni talab aylagil

Va lekin hech qachon ummonni kutma.

Bu kabi misralarda buyruq gaplar insonni mehnatsevarlikka, sabr-qanoatga, bag‘rikenglikka va yuksak axloqiy qadriyatlarga chorlaydi.

Xulosa. Badiiy asarda sodda gaplar orqali muallif hissiy holatlarni aniq va lo‘nda ifodalab, o‘quvchiga kuchli emotsional ta’sir ko‘rsatadi. Bunday gaplar ko‘pincha qahramonning ichki kechinmalari, ruhiy iztiroblari yoki hayajonli holatlarini tasvirlashda muhim rol o‘ynaydi. Shu bilan birga, sodda gaplarning turli intonatsion shakllari – darak, so‘roq, buyruq va undov gaplar poetik matnda turli kayfiyat hamda ruhiy holatlarni aks ettirishga xizmat qiladi.

Abdulla Oripov she’riyatida darak gaplar mazmunan teran, ixcham va obrazli bo‘lib, shoirning badiiy tafakkuri hamda estetik qarashlarini yorqin ifodalashga xizmat qiladi.

Abdulla Oripov she’riyatida so‘roq gaplar kuchli emotsional-ekspressiv vosita hisoblanadi. Ular orqali hayrat, iztirob, shubha, sog‘inch va muhabbat kabi tuyg‘ular yanada ta’sirchan ifodalanadi. Shoirning savol shaklidagi misralari ko‘pincha javobsiz qoladi, ammo aynan shu jihat ularni yanada chuqur va mazmunli qiladi. Natijada o‘quvchi bu savollarga o‘zi javob izlashga majbur bo‘ladi va she’r bilan ruhiy muloqotga kirishadi.

Shunday qilib, buyruq gaplar badiiy matnda muhim poetik vosita sifatida xizmat qiladi. Ular orqali muallif o‘quvchiga murojaat qiladi, uni muayyan g‘oyaga chorlaydi, ruhiy kechinmalarni ifodalaydi hamda matnning emotsional ta’sirchanligini oshiradi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Абдураҳмонов Х, Маҳмудов Н. Сўз эстетикаси. –Тошкент: Фан, 1981. – 59
2. Йўлдошев М. Бадиий матн лингвопоэтикаси. Т.: Фан, 2008.
3. Йўлдошев М., Ядгаров Қ. Бадиий матннинг лисоний таҳлили.-Т.,2007.
4. Абдулла Орипов. Танланган асарлар. 1-жилд.-Тошкент, 2000.
5. Сайфуллаева Р., Менглиев Б., Қурбонова М., Боқиева Г., Юнусова З., Абузалова М. Ҳозирги ўзбек адабий тили: 5220100 –филология (ўзбек филологияси) бакалаври йўналиши учун қўлланма. –Т.:Университет, 2006.

DERIVATIONAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE ENGLISH LITERARY ONOMASTICON

Bakhtiyorova Maftuna Bakhtiyorovna
University of Economics and Pedagogy
PhD, Associate Professor, Department of Foreign Languages
Karshi, Uzbekistan

Abstract. *This article examines the word-formation features of proper names in English fiction and their semantic functions in literary texts. Twelve names were selected from the works of John Bunyan, Charles Dickens, and Lewis Carroll for the study. Based on morphological analysis and contextual interpretation, the study identifies the use of common words as proper names, the structural features of compound and derived names, and their roles in character creation, irony, and the expression of symbolic meaning.*

Keywords: *literary onomastics; proper names; charactonyms; word formation; derivational motivation; semantic associations; English fiction.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada ingliz badiiy adabiyotidagi atoqli otlarning yasalish xususiyatlari va matndagi semantik vazifalari o‘rganiladi. Tadqiqot uchun Jon Banyan, Charlz Dikkens va Lyuis Kerroll asarlaridan o‘n ikkita nom tanlab olindi. Morfologik tahlil va kontekstual talqin asosida umumiy so‘zlarning nom sifatida ishlatilishi, qo‘shma va yasama nomlarning tuzilishi hamda ularning xarakter yaratish, kinoya va ramziy mazmunni ifodalashdagi o‘rni aniqlanadi.*

Kalit so‘zlar: *adabiy onomastika, atoqli ot, xarakterlovchi nom, so‘z yasalishi, semantika, ingliz adabiyoti.*

Аннотация. *В статье исследуются словообразовательные особенности имён собственных в английской художественной литературе и их семантические функции в тексте. Для исследования были отобраны двенадцать имён из произведений Джона Беньяна, Чарльза Диккенса и Льюиса Кэрролла. На основе морфологического анализа и контекстуальной интерпретации выявляются особенности употребления нарицательных слов в качестве имён собственных, структура сложных и производных имён, а также их роль в создании художественных образов, выражении иронии и символического содержания.*

Ключевые слова: *литературная ономастика, имена собственные, характеризующие имена, словообразование, семантика, английская литература.*

1. Introduction. A proper name is ordinarily used to identify an individual, location or other specific referent. In a literary work, however, the same name can do more than secure reference. It may suggest temperament, draw attention to a social type, introduce an ironic contrast, or help establish the rules of a fictional world. The difference is especially apparent when readers encounter Christian in a religious allegory, Gradgrind in a novel about industrial utilitarianism, or the Mock Turtle in a narrative built around linguistic play. Each expression identifies a fictional entity, yet each also invites an interpretation beyond identification.

The problem is not simply whether literary names "have meanings." Lexical meaning, etymological motivation, phonetic impression and contextual implication are distinct phenomena. A readable English compound is not necessarily a freshly coined word, while an apparently arbitrary surname can acquire strong associations through repeated narrative use. Van Langendonck (2007) argues that proper names primarily refer rather than describe. Smith (2016), by contrast, emphasizes that literary names can operate as semiotic signs with associations relevant to interpretation. These views are compatible if referential function is separated from the additional meanings activated in a literary text.

Previous onomastic scholarship has described characterizing names and the wider systems of names within literary works. Algeo (1982) discusses the tradition of charactonyms, while Harder (1982) examines Dickens's interest in personal names. Van Dalen-Oskam (2016) advocates attention to the full "onymic landscape" rather than isolated character names. Building on these studies, the present article concentrates on a narrower question: how do identifiable derivational patterns interact with semantic and narrative functions across different genres?

2. Materials and methods. The primary material consists of three English prose works: John Bunyan's The Pilgrim's Progress (1678), Charles Dickens's Hard Times (1854), and Lewis Carroll's Alice's Adventures in Wonderland (1865).

The Bunyan group comprises Christian, Faithful, Hopeful, Obstinate, Pliable and Vanity Fair; the Dickens group comprises Gradgrind, Bounderby, M'Choakumchild and Coketown; the Carroll group comprises Cheshire Cat and Mock Turtle. The examples were checked against publicly accessible editions of the primary texts. Selection favoured names with a plausible lexical or structural motivation and a narratively identifiable function. The sample therefore does not represent the full inventory of proper names in any work.

Analysis proceeded in three stages. First, each expression was segmented where a defensible present-day English analysis was possible (for example, hope + -ful or coke + town). Second, the name was classified descriptively as lexical conversion, suffixal derivation, compounding, or contextual association with uncertain derivation. Third, its interpretation was tested against character behaviour, narrative description, plot events and generic conventions. The same name may be relevant to more than one category; the table records its most salient analytical feature rather than asserting an exclusive historical etymology.

3. Results. The analysis begins with Bunyan because his allegorical naming provides a comparatively transparent relationship between linguistic form and narrative meaning. Christian, Faithful, Hopeful, Obstinate and Pliable are ordinary English lexical items employed as proper names. This change of grammatical function is best described as onymization (the use of an existing lexical item as a name), rather than the creation of a new derived word in each instance. The distinction matters: the adjective faithful was already available in English; Bunyan's literary choice consists in assigning it to an individual whose actions give the word a narrative history.

Original (English): *"I will go back to my place," said Obstinate.*

Uzbek translation (by the author): *"Men o'z joyimga qaytaman", dedi Obstinate (O'jar).*

Original (English): *"I intend to go along with this good man," said Pliable.*

Uzbek translation (by the author): *"Men bu yaxshi odam bilan birga borishga qaror qildim", dedi Pliable (Tez ko'nuvchi).*

These brief utterances establish an opposition between refusal and susceptibility to persuasion. Yet Bunyan does not present Pliable's willingness as settled conviction. When the journey becomes difficult, he retreats. His name therefore acquires an evaluative nuance: being pliable is not simply being open-minded; in this particular episode it means lacking the steadiness required for perseverance. Obstinate's initial rigidity and Pliable's changeability are different failures of judgement. The semantic contrast is produced jointly by the adjective-like names and the characters' subsequent behaviour, not by the word forms alone.

A second relationship concerns Faithful and Hopeful. Their forms show the same derivational pattern: faith + -ful and hope + -ful. Morphologically, -ful creates adjectives associated with the possession or expression of the qualities named by the bases. As literary names, however, the two forms identify different narrative functions. Faithful's steadfastness is tested in Vanity Fair, whereas Hopeful joins Christian after witnessing the suffering of the pilgrims. Bunyan explicitly connects the emergence of Hopeful with what happened at the fair (Bunyan, Part I, Vanity Fair episode).

Original (English): *"there was one whose name was Hopeful" (Bunyan, Part I, Vanity Fair episode).*

Uzbek translation (by the author): *"U yerda ismi Hopeful (Umidvor) bo'lgan bir kishi bor edi".*

Here, hope is more than an abstract virtue attached to a person. The appearance of Hopeful after Faithful's death sustains the movement of the pilgrimage: one companion is lost, and another continues the path. Consequently, the morphological parallel between the two names is matched by a narrative relationship that combines continuity with difference. Faithful signifies constancy under persecution; Hopeful signifies the capacity to carry the journey forward after such persecution.The place expression Vanity Fair extends this method from personal to spatial naming. The compound joins vanity, with its ethical implication of emptiness or excessive concern with worldly display, and fair, a site of exchange. Its symbolic meaning is not a loose association imposed on a neutral place-name. Bunyan's narrator expressly explains that the fair receives its name from the vanity of what is bought and sold there (Bunyan, Part I, Vanity Fair episode). Houses, honours and pleasures become part of a market in which spiritual judgement is tested. The English name can be glossed in Uzbek as "Behudalik yarmarkasi" or, interpretively, "Dunyoviy havaslar bozori". The first translation follows the lexical components more closely; the second makes the allegorical criticism intelligible to readers less familiar with the religious use of vanity. Neither should be mistaken for the title of a published Uzbek translation.Dickens's naming operates less through overtly moral labels than through a combination of recognizable word-parts, suggestive sounds and narrative irony. For this reason, it is necessary to separate demonstrable formation from readers' semantic interpretation. The surname Gradgrind contains a sequence resembling grind, a verb associated with crushing, wearing down or mechanically processing material. The whole surname is not thereby proven to have a particular historical etymology. Its importance in the novel arises because this possible association converges with the character's insistence on measurable facts and his constricting educational programme. The repeated

description of Gradgrind's angular body and uncompromising voice gives this reading contextual support (Dickens, Book I, Chapter I).

Original (English): "square coat, square legs, square shoulders" (Dickens, Book I, Chapter I).

Uzbek translation (by the author): "to'rtburchaksimon kamzul, to'rtburchaksimon oyoqlar, to'rtburchaksimon yelkalar".The repetition of square transforms physical description into an image of mental rigidity. In such a setting, the recognizable element grind in Gradgrind reinforces an already developed portrait of an educator who presses human experience into fixed categories. An Uzbek explanatory rendering such as "qat'iy qolipga soluvchi Gradgrind" communicates this contextual effect, but the surname itself is better retained as Gradgrind in ordinary literary translation. Translating it as though grind supplied a verified etymology would overstate the linguistic evidence.The more overtly constructed name M'Choakumchild combines surname-like spelling with the readily perceived cues choke and child. It suggests an educator who metaphorically stifles children's intellectual or emotional life. The educational critique is strengthened by the narrator's pointed remark after listing the teacher's enormous accumulation of examinable knowledge (Dickens, Book I, Chapter II).

Original (English): "how infinitely better he might have taught much more!" (Dickens, Book I, Chapter II).

Uzbek translation (by the author): "u naqadar ko'proq narsani ancha yaxshiroq o'rgata olgan bo'lardi!"

The apparent paradox criticizes a pedagogy in which exhaustive acquisition of information has replaced a humane understanding of learners. The name's implied verbal structure sharpens that criticism. In Uzbek the meaning may be explained as "bolaning fikrini bo'g'uvchi o'qituvchi", although such a phrase is an analytical gloss rather than a satisfactory direct replacement for the comic English surname. The unusual spelling is part of Dickens's artistic technique and should not be silently regularized into an ordinary compound.

Bounderby illustrates why caution is equally important in a semantic study of names. His surname may prompt an unfavourable sound or lexical association for some modern readers, but neither the writer's intention nor a specific derivational history can be established from its modern resemblance to bounder alone. The character's pretension is more securely supported by his own exaggerated account of childhood poverty and self-making. He repeatedly introduces himself as "Josiah Bounderby of Coketown" (Dickens, Book I, Chapter IV), building an identity around status, money and a carefully rehearsed personal myth. In Uzbek, "o'zini ulug'lovchi Bounderby" captures the character's speech behaviour without asserting a questionable translation of the family name. The analytical point, therefore, is not that every Dickensian surname can be decoded as a compound, but that names interact with dialogue, description and irony to shape evaluation.Coketown differs from these surnames by offering an unambiguous compositional form: coke + town. The industrial material evoked by coke connects the settlement's name to its polluted atmosphere and factory landscape. Dickens describes a town in which smoke and ash distort the colour of the bricks and chimneys dominate the urban view (Dickens, Book I, Chapter V).

Original (English): "a town of machinery and tall chimneys" (Dickens, Book I, Chapter V).

Uzbek translation (by the author): "mashinalar va baland mo'rilar shahri".

Unlike Gradgrind or Bounderby, the basic structural analysis of Coketown does not depend on speculative etymology. Nevertheless, the name's full literary value still exceeds its components. The surrounding description turns an industrial designation into a criticism of monotonous labour, environmental degradation and the reduction of everyday life to production. The provisional Uzbek gloss "Koks shahri" preserves the compound's referential core, while the narrative provides the broader social meaning. Carroll provides a third pattern: a familiar linguistic expression becomes a character whose fictional existence challenges its ordinary meaning. Cheshire Cat consists of a geographical modifier and an animal noun. The expression recalls the traditional English phrase grinning like a Cheshire cat, but the novel's fantasy gives that conventional association a visible and unstable embodiment. When Alice asks about the creature's smile, the Duchess treats the animal's geographical label as sufficient explanation (Carroll, Chapter VI).

Original (English): *"I didn't know that Cheshire cats always grinned" (Carroll, Chapter VI).*

Uzbek translation (by the author): *"Cheshire mushuklari doimo iljayishini bilmas edim".*

The dialogue converts a culturally recognizable saying into a supposed zoological fact. Later the Cat's smile can appear even when much of its body is absent. The name consequently joins intertextual familiarity with a nonsensical violation of physical expectations. In translation, "Cheshire mushugi" retains the toponymic identity; a short explanatory note about the English saying may be needed to recover the joke. The term Cheshire is not a productive suffix, and the phrase should not be described as a newly derived single word.A related but distinct operation occurs in Mock Turtle. The English culinary expression mock turtle soup traditionally denotes an imitation of turtle soup; Carroll turns a segment of that expression into the name and apparent species of a melancholic creature. The Queen makes the culinary connection explicit when Alice asks what a Mock Turtle is (Carroll, Chapter IX).

Original (English): *"It's the thing Mock Turtle Soup is made from" (Carroll, Chapter IX).*

Uzbek translation (by the author): *"Bu — soxta toshbaqa sho'rvasi tayyorlanadigan jonzot".*

The humour depends on reversing the ordinary relation between dish and ingredient. A food-name that already signifies imitation is treated as though it presupposed a real animal. The Uzbek rendering "Soxta toshbaqa" retains the basic contrast between mock and turtle but cannot, by itself, guarantee recognition of the culinary reference. The full sentence and contextual explanation are therefore more informative than a bare lexical equivalent. Here, as in Cheshire Cat, the structural pattern of the expression is simple, while its semantic effect depends on a culturally specific prior use. Taken together, the twelve selected names demonstrate three distinguishable relations between form and interpretation. Bunyan foregrounds transparent lexical meanings and lets the plot confirm, complicate or contrast them. Dickens exploits both transparent compounds and less certain surname associations, but makes their evaluative force intelligible through portraiture and social satire. Carroll reassigns established expressions to impossible creatures, allowing familiar words to behave as though

they belonged to a new and self-consistent world. This qualitative comparison does not claim that these patterns are exclusive to individual authors or statistically dominant in their complete works. It shows instead that formal motivation must be evaluated together with genre, narrative position and textual evidence.

4. Discussion. The twelve cases support a distinction between the formation of a name and its interpretation. Word formation concerns the resources visible in the expression: conversion, suffixation, combination or the activation of an existing expression. Literary semantics concerns what those resources are made to do within a story. A name such as Hopeful is readily segmentable, but its significance is sharpened by its arrival after Faithful's death. Conversely, Gradgrind has no simple, independently verified derivational history, yet acquires consistent thematic associations through narrative repetition. Genre explains an important part of this difference. The moral allegory of The Pilgrim's Progress privileges openly interpretable labels because figures embody spiritual choices and temptations. In Hard Times, satire works through caricature, comic exaggeration and the social textures of plausible names. In Alice's Adventures in Wonderland, the writer turns linguistic convention itself into the material of fiction. It would therefore be misleading to evaluate the success of all three naming systems according to a single measure of lexical transparency. These observations also qualify the idea that every literary name must have an encoded hidden message. Some names may primarily identify, sustain realism or invoke cultural background. A highly motivated reading requires corroboration from the text, and the critic must distinguish transparent word structure from suggestive resemblance.

5. Conclusion. The analysis finds that English literary onomastics uses ordinary lexical resources in several distinct ways. Bunyan makes abstract qualities directly referential through conversion and suffixal formation; Dickens combines transparent compounding with satirically motivated associations; Carroll builds fictional characters by literalizing familiar expressions and destabilizing their everyday meanings. These differences are not merely decorative. They help structure moral conflict, social criticism and linguistic humour respectively.The central finding is that derivational structure and semantic effect are related but not interchangeable. A name's visible components may open an interpretive possibility; the narrative determines whether that possibility becomes persuasive. Reading literary names therefore requires both morphological care and contextual evidence. Within the limited material studied here, this two-level procedure provides a more reliable explanation than treating every suggestive surname as a deliberate, fully recoverable etymological invention.

References

1. Algeo, J. (1982). Magic names: Onomastics in the fantasies of Ursula Le Guin. Names, 30(2), 59–67. https://doi.org/10.1179/nam.1982.30.2.59

2.Bunyan, J. (1678). The Pilgrim's Progress. Project Gutenberg edition. https://www.gutenberg.org/files/131/131-h/131-h.htm

3. Carroll, L. (1865). Alice's Adventures in Wonderland. Project Gutenberg edition. https://www.gutenberg.org/files/11/11-h/11-h.htm

4.Dickens, C. (1854). Hard Times. Project Gutenberg edition. https://www.gutenberg.org/cache/epub/786/pg786-images.html

5. Harder, K. B. (1982). Dickens and his lists of names. Names, 30(1), 33–41. https://doi.org/10.1179/nam.1982.30.1.33

6. Smith, G. W. (2016). Theoretical foundations of literary onomastics. In C. Hough (Ed.), The Oxford Handbook of Names and Naming (pp. 295–309). Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199656431.013.41

7. van Dalen-Oskam, K. (2016). Corpus-based approaches to names in literature. In C. Hough (Ed.), The Oxford Handbook of Names and Naming (pp. 344–354). Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199656431.013.40

8. Van Langendonck, W. (2007). Proper names as the prototypical nominal category. Names, 55(4), 437–444. https://doi.org/10.1179/nam.2007.55.4.437

DISTRIBUTION AND FREQUENCY OF MODAL DEVICES ACROSS NEWSPAPER GENRES

Yodgorova Zebo Gaffarovna
Qarshi davlat universiteti dotsenti
filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori (PhD)
Karshi, Uzbekistan

Abstract. *This article examines the distribution of modal devices across newspaper genres from a functional-semantic and corpus-methodological perspective. It distinguishes news reports, editorials, opinion columns, interviews and feature articles and explains how epistemic, deontic and dynamic meanings contribute to genre-specific communicative purposes. The study offers an explicit annotation scheme, normalization procedures and a transparent worked example rather than presenting uncollected newspaper data as empirical findings. The analysis suggests testable expectations concerning attribution in news reporting, obligation and recommendation in editorials, and dialogic modality in interviews. Particular attention is paid to polysemy, quotation, negation and the difference between frequency and communicative salience.*

Keywords: *modality; newspaper genres; modal auxiliaries; epistemic stance; deontic modality; corpus linguistics; normalized frequency; discourse analysis.*

Аннотация. *В статье рассматриваются распределение и частотность модальных средств в различных жанрах газетного дискурса с функционально-семантической и корпусно-методологической точек зрения. Анализируются новостные сообщения, редакционные статьи, авторские колонки, интервью и очерки; предлагаются принципы разметки эпистемической, деонтической и динамической модальности. В работе представлена воспроизводимая схема анализа и условный расчёт нормированной частотности, а не результаты исследования собранного газетного корпуса. Обсуждаются жанровые функции модальности, полисемия модальных глаголов и влияние цитирования на интерпретацию результатов.*

Ключевые слова: *модальность; газетные жанры; модальные глаголы; эпистемическая модальность; деонтическая модальность; корпусная лингвистика; частотность.*

Annotatsiya. *Maqolada gazeta janrlarida modal vositalarning taqsimlanishi va qo‘llanish chastotasini o‘rganishning funksional-semantik hamda korpus-metodologik asoslari tahlil qilinadi. Xabar, tahririyat maqolasi, mualliflik sharhi, intervyu va ocherk janrlarida epistemik, deontik va dinamik modallikning kommunikativ vazifalari yoritiladi. Tadqiqotda modal birliklarni belgilash mezonlari, chastotani me’yorlashtirish tartibi va shartli hisoblash namunasi taklif etiladi. Misollar haqiqiy gazeta korpusidan olingan statistik natijalar sifatida talqin qilinmaydi.*

Kalit so‘zlar: *modallik; gazeta janrlari; modal fe’llar; epistemik modallik; deontik modallik; korpus lingvistikasi; chastota.*

INTRODUCTION

Newspaper language is often described as informational, yet information is rarely communicated without a perspective on its certainty, desirability or necessity. Modal auxiliaries such as may, might, must, should and could allow journalists to calibrate propositions, attribute predictions and formulate recommendations. Related resources—including likely, reportedly, perhaps, be expected to and have to—also contribute to modal meaning. The key question is therefore not merely whether modal forms occur in newspapers, but how their distribution varies with the communicative expectations of individual genres.

Genre differences matter because a breaking-news report, an editorial and an interview do not place identical demands on their writers. News reporting typically foregrounds verifiable developments and source attribution; editorials openly advance an institutional argument; opinion columns allow a more individual voice; interviews represent interaction between interviewer and respondent; and features frequently combine narration, interpretation and quoted testimony. Such contrasts motivate a genre-sensitive account of modal choices, but they do not establish their actual frequencies without systematic counting.

Palmer’s typological treatment establishes modality as a domain encompassing several kinds of non-factual and speaker-oriented meaning [1]. In formal semantics, Kratzer relates modal interpretation to contextually selected bodies of information and ordering criteria [2]. For media language specifically, Bednarek demonstrates why evaluative resources must be examined in their news-production context rather than isolated as dictionary items [3]. These approaches can be integrated to connect the grammatical form of a marker with its meaning and communicative function.

This article addresses three questions: a) which modal devices should be counted in a comparable newspaper corpus; (ii) which genre-sensitive patterns can be hypothesized on theoretical grounds; and (iii) how can normalized frequency be interpreted without confusing token counts with authorial commitment? Its contribution is methodological and interpretive. It does not claim to have sampled, annotated or statistically tested an authentic dataset.

MATERIALS AND METHODS

The design is a comparative corpus protocol suitable for English-language newspaper texts and adaptable to multilingual comparisons. A future dataset should be drawn from specified newspapers over the same date range, with comparable topic coverage and an explicit rule for identifying genres. Each item should retain its outlet, publication date, section, headline, author, word count and genre label. A stratified sample can prevent a single newspaper, political event or lengthy feature from dominating the observed pattern.

Five operational genres are proposed. News reports principally describe recent events and attribute claims to sources. Editorials present the position of an editorial board or institution. Opinion columns foreground a named writer's argument. Interviews organize material through questions and answers, sometimes heavily edited. Features provide extended background, profiles or narrative interpretation. Hybrid texts should be coded separately or classified by a predeclared decision rule; simply assuming that every article has an unambiguous genre would undermine replicability.

Modal-device identification proceeds in two passes. The first retrieves candidate forms: central auxiliaries (can, could, may, might, must, shall, should, will, would), semi-modals (have to, need to, be able to, be supposed to), epistemic adverbs (perhaps, probably, possibly, certainly), and selected lexical predicates (seem, appear, be likely to). The second pass manually checks each occurrence in context, excluding homographs and distinguishing modality from unrelated lexical uses. Automated searches alone cannot determine whether may expresses permission or probability.

Each valid token is annotated for semantic type (epistemic, deontic, dynamic or other), modal force (possibility, necessity or context-dependent), source of commitment (journalist, quoted speaker, institutional source), polarity, scope of negation, and textual position (headline, lead, body or quotation). A separate flag distinguishes a journalist's own evaluation from a claim attributed to another participant. This is crucial because a quotation such as 'The minister said the measure must pass' should not automatically be interpreted as the newspaper's endorsement.

Frequency is normalized to tokens per 10,000 running words: NF = (number of annotated modal tokens / total words in the genre) × 10,000. Raw totals should still be reported alongside normalized rates, because equal rates may conceal very different sample sizes. The article is an additional unit of analysis: reporting median modal density per article can reveal whether a few long texts account for the apparent genre effect. Biber, Conrad and Reppen emphasize that selecting the unit of analysis is a foundational decision in corpus research [4].

Inter-annotator reliability should be assessed on an independently double-coded subset, particularly for epistemic/deontic distinctions and attributed stance. Disagreements should be adjudicated using written rules and documented examples. To compare genres, count-based regression with an offset for word count may be preferable to informal comparisons of percentages, especially when article lengths and newspaper sources differ. Statistical tests must be based on actual observed tokens, not on illustrative examples.

RESULTS: ANALYTICAL FRAMEWORK AND ILLUSTRATIVE PATTERNS

Because no authentic newspaper corpus was assembled for this article, the results below are conceptual and illustrative. The following examples were composed solely to demonstrate coding decisions; they are not newspaper quotations and cannot establish real-world genre frequencies.

Genre	Illustrative sentence	Candidate marker	Likely function
News report	The proposal may take effect next month.	may	Epistemic possibility

Editorial	The government must publish the findings.	must	Deontic necessity
Opinion column	We should reconsider the policy.	should	Recommendation
Interview	Could the figures be revised?	could	Question / epistemic possibility
Feature	The village is likely to face further losses.	is likely to	Epistemic likelihood

Table 1. Constructed examples of modal annotation across newspaper genres.

The examples show why form-based counts require semantic interpretation. May in the news-style example does not license the inference that the event will occur; it signals a possible outcome. Must in the editorial example presents a normative demand, whereas should frames a recommendation that is typically less categorical. Could in the interview example is compatible with a request for information, and its interpretation depends on question context. The expression is likely to demonstrates that modality extends beyond the central auxiliary system.

A further problem arises from modal polysemy. 'The witness must be mistaken' expresses an inference based on available evidence, while 'Witnesses must sign the form' states a requirement. The surface form must is identical, but the modal base differs. Similarly, can may express ability ('The device can detect smoke') or permission ('Visitors can enter after noon'). A reliable frequency study must count such meanings separately if it intends to compare epistemic and deontic functions.

Another distinction concerns direct and attributed modality. Compare 'The reform will improve services' with 'Officials say the reform will improve services.' Both contain will, but the second explicitly locates the prediction in an external source. The journalistic writer may be reporting a claim rather than endorsing it. Consequently, modal density without source attribution may exaggerate the apparent certainty or advocacy of news reports.

Genre-sensitive expectations can now be stated as hypotheses, not findings. Editorials may contain relatively more deontic necessity and recommendation markers because they advocate courses of action. News reports may exhibit more attributed possibility and probability when future developments remain unsettled. Interviews may display relatively frequent question-oriented modal auxiliaries, while features may combine inferential hedging with narrative evaluations. Topic, outlet conventions, quotation practices and historical period could nevertheless reverse any of these patterns.

To illustrate the arithmetic, imagine a hypothetical corpus containing 18 modal tokens in 3,000 words of news reporting and 25 modal tokens in 2,500 words of editorials. The normalized rates would be 60 and 100 tokens per 10,000 words, respectively. These invented numbers demonstrate only how normalization works; they must not be cited as evidence that editorials actually use more modal devices. A publishable frequency comparison requires transparent source selection and reproducible annotation.

DISCUSSION

The distinction between modal frequency and modal function is central. An article may contain numerous occurrences of may and might because it quotes uncertain forecasts, yet adopt an otherwise neutral reporting stance. Conversely, an editorial may use very few

modal auxiliaries while expressing strong obligation through imperatives, nominalizations and evaluative adjectives. A narrow auxiliary-only inventory therefore measures one formal realization of modality rather than the full discourse phenomenon.

Bednarek's newspaper-corpus study provides a particularly relevant model because it places evaluation within differences between press types and news values [3]. Its contribution supports the need to treat newspapers as institutional discourse rather than as a uniform register. Martin and White's appraisal framework likewise makes it possible to distinguish degrees of commitment, dialogic openness and evaluative positioning [5]. These theories broaden interpretation, but their categories should not be collapsed mechanically into the narrower possibility/necessity distinction.

Hyland's account of stance and engagement was developed primarily for academic discourse, not for newspaper genre frequencies [6]. It is nevertheless useful as a comparative conceptual resource: modal forms can both mark the writer's position and manage an anticipated reader's response. The transfer requires caution, because the institutional relationship between newspaper and reader differs from that between scholarly author and disciplinary audience.

Headline position creates an additional methodological complication. A headline such as 'Minister may resign' is brief, salient and likely to be remembered, whereas a comparable hedge embedded in paragraph fifteen may attract much less attention. A token-based frequency measure gives them equal numerical weight. Therefore, a rigorous design should report positional distribution and, if the research question concerns audience interpretation, combine corpus analysis with reception or experimental methods rather than assuming salience from raw frequency.

Cross-language extension to Uzbek requires language-specific inventories rather than direct word-for-word matching. English must can correspond to kerak, shart or lozim, while possibility may be expressed through mumkin, ehtimol, balki, the suffix -ishi mumkin and other constructions. Different morphological packaging affects tokenization and frequency denominators. Comparable semantic categories should be defined first, then implemented with language-specific annotation guidelines; otherwise differences in grammatical structure may be mistaken for genre effects.

Finally, frequency claims should be sensitive to uncertainty. Even when a corpus is collected, differences between genres may reflect topical composition, source selection or publication date rather than genre alone. Multiple newspapers, matched subject domains, independent coding and article-level variation are therefore necessary before making broad generalizations. The present analytical framework offers a way to test such claims without manufacturing empirical precision.

CONCLUSION

The study has outlined a reproducible approach to investigating the distribution and frequency of modal devices across newspaper genres. Modal auxiliaries, semi-modals, epistemic adverbs and lexical constructions should be analyzed in relation to semantic type, strength, attribution and communicative context. News reports, editorials, columns, interviews and features provide distinct environments for modal choices, but the direction and magnitude of differences remain empirical questions.

The principal methodological conclusion is that normalized frequency, semantic disambiguation and source attribution must be combined. Counts without functional coding obscure polysemy; functional interpretations without corpus evidence cannot substantiate claims about frequency. Future research should assemble a balanced multilingual corpus, publish annotation rules, calculate normalized rates and test genre differences while controlling for topic and outlet. Only then can hypotheses about the genre-specific distribution of modality be confirmed or rejected.

REFERENCES

1. Palmer F. R. Mood and Modality. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 260 p. https://books.google.com/books?id=R55GzwEACAAJ
2. Kratzer A. Modality // Semantik / Semantics: An International Handbook of Contemporary Research / Ed. A. von Stechow, D. Wunderlich. Berlin: De Gruyter, 1991. P. 639–650. https://doi.org/10.1515/9783110126969.7.639
3. Bednarek M. Evaluation in Media Discourse: Analysis of a Newspaper Corpus. London: Continuum, 2006. https://www.bloomsbury.com/us/evaluation-in-media-discourse-9780826491268/
4. Biber D., Conrad S., Reppen R. Corpus Linguistics: Investigating Language Structure and Use. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. See ch. 8, P. 269–274. https://doi.org/10.1017/CBO9780511804489.019
5. Martin J. R., White P. R. R. The Language of Evaluation: Appraisal in English. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. https://doi.org/10.1057/9780230511910
6. Hyland K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse // Discourse Studies. 2005. Vol. 7, No. 2. P. 173–192. https://doi.org/10.1177/1461445605050365

BOLANING BAXT-SAODATLI BO‘LISHINI ISTASH BILAN BOG‘LIQ ISMLAR

Kenjayeva Sabohat
Qarshi davlat universiteti
O‘zbek tilshunosligi kafedrasi dotsenti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Ushbu maqolada o‘zbeklarda yangi tug‘ilgan bolaga baxt-saodat tilash istagi, semasi alohida ko‘rinib, bo‘rtib turgan antroponimlar guruhi tahlilga tortilgan.*

Kalit so‘zlar: *onomastika, antroponim, istak-ismlar yoki dezideративlar, istak motivi, bag‘ishlov-ismlar, tavsif-ismlar, antroponimlarning o‘z va ko‘chma ma’nosi.*

Аннотация. *В данной статье анализируется группа антропонимов, в которых выделяется желание пожелать счастья новорожденному ребенку, а также выделяется сема.*

Ключевые слова: *ономастика, антропоним, имена-желания или дезидеративы, мотив желания, имена-посвящения, имена-характеристики, собственное и переносное значение антропонимов.*

Abstract. *This article analyzes a group of anthroponyms in which the wish for happiness to a newborn child is highlighted, and the seme is also highlighted.*

Keywords: *onomastics, anthroponym, desire names or desideratives, desire motive, dedication names, characteristic names, proper and figurative meanings of anthroponyms.*

Antroponimiya tizimining salmoqli qismini onomastikada istak- ismlar yoki dezideratívlar deb yuritiluvchi ismlar majmui tashkil qiladi [1. 115].

Istak-ismlar deyilganda farzandli bo‘lgan ota-onaning, shuningdek, chaqaloqqa nom berishda ishtirok etayotgan qarindoshlar, yaqinlarning endigina dunyoga kelgan norasidaga izhor qiluvchi niyatlari, xilma-xil orzu va istaklari tushuniladi. Bunday istaklar nihoyatda xilma-xil va ko‘p qirrali bo‘lib, ular ijobiy munosabat ma’nolarini ifodalaydi. Mana shunday hollarda bolaga berilayotgan ismning asosiy motivini konkret biror niyat, xohish, tilak, istak, umid, ishonch tashkil qiladi. Ism tabiiy holda mana shu tilaklarni anglatuvchi so‘zlardan tanlanadi.

Ta’kidlash lozimki, deyarli barcha ismlar ma’nosida (bag‘ishlov-ismlar, tavsif-ismlar) ham nomlovchilarning qandaydir niyati, istagi ifodalangan bo‘ladi. Ammo bularda istak ma’nosi va tilak semasi bevosita emas, balki biror vosita orqali ifodalanadi. Masalan, bag‘ishlov-ismlarda bolaning dunyoga kelishi biror narsa, kuchga bog‘langan holda ifodalansa, tavsif-ismlarda chaqaloqning biror belgi va xususiyati ismda aks ettirish orqali anglatiladi.

Har qanday ismda ham go‘dak yaqinlarining chaqaloq sog‘-salomat ulg‘ayishi, yaxshi hayot kechirishi, turli ijobiy fazilat va xususiyatlar egasi bo‘lishi istagi, tilagi mavjud. Ba’zan mana shunday istak istak-ismlarda bevosita ifodalanadi, tilak, istak ismning asosiy ma’no-motivini tashkil qiladi. Istak-ismlarda chaqaloqqa atalayotgan, bildirilayotgan yaxshi niyatlar bo‘rtib ifodalanadi, ism mana shu istakning turli tomonlarini anglatuvchi so‘zlardan yasaladi. Masalan, ota-ona farzandining jasur, dovyurak bo‘lib ulg‘ayishini istasa, unga *Jasur, Qo‘rqmas, Botir* kabi ismlari beriladi.

Ushbu maqolada o‘zbek antroponimiyasi fondida mavjud bo‘lgan istak-ismlarning chaqaloq baxtli, saodatli bo‘lishini istash bilan bog‘liq ismlar tahlil qilinadi.

Bolaning baxt-saodatli bo‘lishini istash motivi bilan bog‘liq ismlarda ota-onalar, asosan, ikki xususiyatni ko‘zda tutishadi: a) farzandining kelajagi yorqin, porloq, ya’ni ularning baxtli bo‘lishini istashadi; b) farzandining ko‘rinishida chiroyli, go‘zal, jozibali, “chehrasidan nur yog‘ib turuvchi” inson bo‘lishini xohlashadi. Shu bilan birga, ba’zi ismlar tarkibida keluvchi “nur” so‘zi Allohni anglatadi, uning iltifoti, ko‘magi, “Alloh nazari, nuridan dunyoga kelgan bola”, “Alloh bergan baxt” ma’nolarini beradi. Bunday nomlarning asosiy qismi keltirilgan birinchi va ikkinchi istakni (motivni) anglatsa-da, bu tip nomlarning berilish asoslari, motivlari ko‘p holda oila doirasidagina ma’lum bo‘lgani sababli ma’no hamda istaklar bilan bog‘liq bo‘lishi mumkin. Qayd qilingan ma’nolarni anglatuvchi ismlar: *Afro‘z, Afro‘za* (yorug‘, nurli), *Duraxshon* (aynan: inju sochuvchi, nurafshon), *Yolqin, Yolqina* (yolqinli, nurli, ravshan), *Yorqin, Jarqin, Yorqinoy, Jarqinoy* (hayoti yolqinli bo‘lsin), *Ziyo, Ziyobuvi, Ziyoxon, Ziyoxo‘ja, Ziyoqul, Ziyoqo‘zi* (nur, nurli, yorqin, ya’ni baxtli), *Zohir, Zohira* (ochiq, ravshan, kelajagi porloq), *Zuhro* (nurli, ravshan, yorug‘), *Zuhrobibi, Zuhrojamol, Zuhroxon* (shu’la, yorug‘lik, yog‘du), *Kavkab, Kavkaba* (yulduzdek porloq, nurli), *Kunduz* (yorug‘, nurli; toleli), *Kunnur* (quyoshning nuri), *Masih* (nurli, tovlanuvchi),

Mash'al (kelajagi mash'aladek porloq), *Mohtob* (oy nuridek go‘zal), *Munavvar, Munavvara* (nurli, jozibali), *Munir, Munira* (nurli; zebo), *Naira // Nayyira* (nurli, kelajagi porloq), *Nizora* (go‘zallik nuri), *Nizormoh* (oy yog‘dusi), *Nohida, Nohidjon* (Zuhro yulduzidek nurli, porloq), *Nuriya, Nurjon, Nurxon, Nurbek, Nurgo‘zal, Nurjamol, Nuryog‘di* va b.

Nur so‘zi qo‘shilishidan bir qator o‘ziga xos, ammo mazmunida ravshanlik, omad, baxtiyorlik, porloq kelajak, go‘zal, zebo ma'noli qavatlanadigan ismlar hosil qilingan. Chunonchi, *Nurangiz* (yog‘du sochuvchi, go‘zal), *Nurafshon* (yorug‘lik manbai; zebo), *Nurbadan* (go‘zal, pokiza badanli), *Nurbanot* (kelajagi porloq qiz), *Nurbaxt* (tolei porloq qiz), *Nuryog‘di* (xonadonga omad, shodonlik keldi) va b. *Nur* so‘zi ishtirok etgan mana shu kabi qo‘shma ismlar o‘zbek tilida 60 dan ortiqdir.

Tarkibida oy so‘zi kelgan bir qator ismlar ham "oy yog‘dusi" tushunchasi bilan bog‘liq va "go‘zallik", "baland tolelik" ramzidir. Ba'zi ismlarni keltiramiz: *Oybaland, Oybarno, Oybalqi, Oyboqar, Oyboqsin, Oyshu'la, Oybo‘lsin, Oybo‘lar, Oybo‘ston, Oygo‘zal, Oyyorug‘, Oyyorqin, Oyzebo, Oyzilol, Oykulcha, Oykumush, Oyliniso, Oylo‘nda, Oymalak, Oymanglay, Oymahal, Oymengiz, Oynoz* va b.

Quyidagi ismlar ham nur, yog‘du tushunchasini ifodalaydi, ammo ko‘chma ma'noda "baxtli", "saodatli", "baland toleli", "kelajagi porloq" ma'nolarini beradi: *Farangiz* (yog‘du sochuvchi, go‘zal), *Shu'la* (nur, yog‘du), *Shahob* (nurli, nurli yulduz, yog‘du sochuvchi), *Shahobberdi, Shahobmirza* asli *Shahobiddin, Eshnur* (nur yo‘ldoshi bo‘lgan, omadli bola), *Oftob* (nurli, porlagan), *Partov, Partovgul, Partovbibi, Partovoy* (nurli, go‘zal, chiroyli), *Ravshan, Ravshanoy* (yorug‘, shu'lali, baland toleli), *Raxshon, Raxshona* (nurli, porloq, baxtli), *Raxshanda* (nurli, ravshan, tolei baland), *Ruhitobon* (yorug‘, ravshan, jozibali), *Ro‘shno, Ro‘shnoy* (yorug‘lik, nur; hur), *Sariha* (aniq, ravshan, nurli), *Safura* (aynan: yorug‘ yulduz, yorqin, porloq), *Siroj* (nur, mash'ala), *Sirojiya, Shamsibonu, Shamsijamol, Shamsijahon, Shamsinur, Shamsioy* (shams – quyosh, nurli: tolei porloq) va b.;

v) bolaning shodon, quvnoq bo‘lib o‘sishi va umri shodliklarga to‘la bo‘lishini istashadi: *Gulshod, Gulshoda, Dilshod* (quvnoq), *Zavqiya, Zavqli* (xursand, shodon), *Masrura* (shodon), *Mug‘tafi* (shodon, xursand), *Farixa* (quvonchli), *Surur, Sururboy* (shodlik), *Ruhshod* (shod), *Sarmast* (shodon), *Bayna, Baynaxol* (erkin, ozod, hur), *Davron, Davronoy, Dilyayra, Jadra* (yayrasin, quvnasin), *Ozod, Ozoda, Ozodbaxt* (erkin, hur, baxtiyor);

r) bolaning hayoti tinch-osoyishta, g‘amsiz o‘tishini istashadi: *Ma'mur, Ma'mura* (hayoti farovon va ma'murchilikda o‘tsin), *Ma'murbeka, Ma'muroy, Ma'murtoy, Orom* (tinch, osoyishta), *Rohat* (huzur-halovat), *Rohatgul, Rohatoy, Salmon* (tinch-osoyishta), *Salomat* (tinchlik, osoyishtalik), *Salom* (tinchlik, sog‘lik), *Sokin, Sokina* (tinch, osoyishta, xotirjam), *Sulhiya* (tinch, osoyishta), *Tinichboy, Tinchlik, Tinchliniso* (tinch, osoyishta), *Totuv* (hayoti osoyishta, totuvli bo‘lsin), *Tuzan* (tinch, xotirjam), *Emin, Emina* (erkin, osuda), *G‘ofil, G‘aflat* (g‘amsiz, tashvishsiz), *Halovat* (osoyishta, lazzatli), *Huzur, Huzurxon* (osuda, farog‘at), *Beg‘am, Beg‘amoy, Behbud* (tinch, osoyishta), *Ravon* (hayoti osoyishta, g‘amsiz).

d) farzandning baxtli, saodatli hayot kechirishini istash motivlari: ism bevosita baxt, tole, saodat, qut so‘zlaridan yasaladi: *Asqad* (o‘ta baxtli), *Balqiya* (porloq baxtli), *Baxtjon, Baxtibor, Baxtigul, Baxtiniso, Baxtiqiz, Iqbol, Iqboloy, Maymuna* (baxtli), *Naim, Naima* (baxtli, iqbolli), *Xushbaxt, O‘roz* (baxtli, saodatli), *O‘rozbek, O‘rozbeka, O‘rozboqdi, O‘rozkeldi, Qutli, Qutlijon, Qutlibeka, Qutlibo‘lar, Qutlijamol, Faryob* (baxtli), *Oqqiz* (baxtiyor qiz), *Said, Saida, Saidaxon* (saodatli, saodatmand), *Tavfiq* (saodatmand), *Farrux,*

Farruxbaxt (saodatmand), *Farruxfol* (iqboli baland), *Farruxbaxt, Farruxjamol, Farruxzod* (saodatli), *Firuz//Feruz, Firuza* (toleli, saodatmand), *Nekbaxt* (xushbaxt), *Nekniso, Nekbibi, Nekboy, Nekbuvi* (omon, qutlug‘), *Saodat* (baxtli, iqbolli), *Saodatxon, Sa’di* (baxtli, iqbolli), *Sa’diboy, Sa’diniso, Sa’diposhsha* va b.

Ba’zi ismlarda farzandning baxt-saodatli bo‘lishi ushbu tushunchaning ramziy belgisi bo‘lgan yulduzlarga qiyos qilinadi va ism o‘shalar nomiga nisbat berish orqali hosil qilinadi: *Axtar* (yulduz, baxtli), *Suhayl* (yulduzdek porloq), *Cho‘lpon* (kelajagi *Cho‘lpon* yulduzidek porloq), *Sitora* (kelajagi *Sitora*dek porloq).

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Kenjayeva S. O‘zbek tili antroponimlarining nominatsion-motivatsion asoslari va tavsifi. Monografiya. – Qarshi: “Fan va ta’lim” 2020. Б.192.

TIL BIRLIKLARI O‘RTASIDAGI SINTAGMATIK VA PARADIGMATIK MUNOSABATLAR

N.B.Mahmudova
f.f.f.d.(PhD), dotsent
Qarshi davlat universiteti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada zevgmatik qurilmalarning shakllanishida sintagmatik va paradigmatik munosabatlarning o‘zaro ta’siri, ularning strukturaviy hamda semantik xususiyatlari lingvistik nuqtayi nazardan tahlil qilinadi. Zevgmaning yuzaga kelish mexanizmi yagona leksik operatorning turli semantik xususiyatlarga ega bo‘lgan komponentlar bilan bog‘lanishi asosida yoritiladi. Shuningdek, zevgmatik qurilmalarning til iqtisodi tamoyili bilan aloqasi, semantik zichlik va ekspressivlikni shakllantirishdagi o‘rni ochib beriladi.*

Kalit so‘zlar: *zevgma, zevgmatik qurilma, sintagmatik munosabat, paradigmatik munosabat, sintaktik operator, semantik nomuvofiqlik, til iqtisodi, ekspressiv sintaksis, nominatsiya, derivatsiya.*

Аннотация. *В статье анализируется взаимодействие синтагматических и парадигматических отношений в процессе формирования зевгматических конструкций, а также рассматриваются их структурные и семантические особенности. Механизм образования зевгмы раскрывается на основе связи единого лексического оператора с компонентами, обладающими различными семантическими характеристиками. Особое внимание уделяется взаимосвязи зевгматических конструкций с принципом языковой экономии, их роли в формировании семантической насыщенности и экспрессивности высказывания.*

Ключевые слова: *зевгма, зевгматическая конструкция, синтагматические отношения, парадигматические отношения, синтаксический оператор, семантическое несоответствие, языковая экономия, экспрессивный синтаксис, номинация, деривация.*

Abstract. *The article examines the interaction of syntagmatic and paradigmatic relations in the formation of zeugmatic constructions, focusing on their structural and semantic characteristics. The mechanism of zeugma formation is explained through the connection of a single lexical operator with components possessing different semantic properties. Particular attention is paid to the relationship between zeugmatic constructions and the principle of linguistic economy, as well as their role in creating semantic density and expressive effects in discourse.*

Keywords: *zeugma, zeugmatic construction, syntagmatic relations, paradigmatic relations, syntactic operator, semantic incompatibility, linguistic economy, expressive syntax, nomination, derivation.*

Til birliklari o‘rtasidagi munosabatlar odatda sintagmatik va paradigmatik munosabatlarga ajratiladi. Sintagmatik munosabat birliklarning nutq zanjirida bir-biri bilan bog‘lanishini bildiradi. Paradigmatik munosabat esa til birliklarining tanlash va qarama-qarshilash asosidagi munosabatini ifodalaydi.

Zevgmatik qurilmalar, avvalo, sintagmatik hodisa sifatida namoyon bo‘ladi. Chunki unda birliklar nutq zanjirida yonma-yon yoki umumiy sintaktik markaz orqali bog‘lanadi. Biroq zevgmatik qurilmaning yuzaga kelishi paradigmatik imkoniyatlarga ham bog‘liq[1, 99.]. Nutq egasi ma’lum operatorni tanlab, uni semantik jihatdan turlicha birliklarga nisbatan qo‘llaydi.

Masalan: *U ko‘zlarini va sirlarini ochdi.*

Bu konstruksiyada **ochdi** operatorining paradigmatik imkoniyatlari ikki xil ma’no hosil qilmoqda:

1. ko‘zni ochish;
2. sirni ochish.

Demak, bitta leksik birlikning ko‘p ma’noliligi zevgmatik qurilmaning shakllanishiga xizmat qilmoqda.

Shu jihatdan zevgmani faqat sintaktik ellipsis yoki uslubiy qisqartirish sifatida talqin qilish yetarli emas. U sintagmatik va paradigmatik munosabatlarning o‘zaro kesishish nuqtasida yuzaga keladigan murakkab lingvistik hodisadir.

Til taraqqiyotining asosiy qonuniyatlaridan biri iqtisod tamoyilidir. Nutq jarayonida inson imkon qadar kam vosita orqali ko‘proq axborot yetkazishga intiladi.

Zevgmatik qurilmalar ana shu tamoyilning yorqin namunasidir.

Masalan:

“U uyini tark etdi va do‘stlarini tark etdi” kabi takroriy konstruktsiya o‘rniga:

“U uyini va do‘stlarini tark etdi”, shakli qo‘llanishi mumkin.

Bunda bitta fe’l ikki komponentga nisbatan umumlashtiriladi.

Biroq zevgmatik qurilmaning asosiy xususiyati faqat qisqartirishdan iborat emas. Uning ta’sirchanligi turli semantik maydonlarga mansub birliklarni bitta markazga birlashtirishda namoyon bo‘ladi[2, 254].

Masalan:

U xonasini, shahrini va o‘tmishini tark etdi.

Bu yerda:

- xona – konkret makon;

- shahar – geografik makon;
- o‘tmish – abstrakt zamoniy tushuncha.

Bitta **tark etdi** fe’li ushbu uch birlikni turli semantik sathlarda birlashtirmoqda.

Natijada nafaqat til iqtisodi, balki semantik intensivlik ham yuzaga keladi.

Zevgma termini antik ritorika an’analarida shakllangan bo‘lsa-da, uning lingvistik asoslari til taraqqiyotining ancha qadimgi bosqichlariga borib taqaladi.

Qadimgi Misr va Mesopotamiya filologik qarashlari bevosita zevgma nazariyasini yaratmagan. Biroq ular keyinchalik zevgmatik qurilmalarni tushunish uchun zarur bo‘lgan bir qator nazariy tushunchalarning shakllanishiga zamin yaratgan.

Bular quyidagilardan iborat:

- so‘zning mustaqil til birligi sifatida farqlanishi;
- so‘zning tarkibiy qismlarga ajratilishi;
- affikslarning funksional mohiyatini anglash;
- sintagmatik bo‘linishning mavjudligini sezish;
- nominativ birliklarni tasniflash;
- til belgilarining ko‘p funksiyaliligini anglash;
- til birliklari iyerarxiyasining shakllanishi.

Mazkur jarayonlarning barchasi zamonaviy derivatologiya va zevgmatik qurilmalar nazariyasining tarixiy-metodologik ildizlarini tashkil qiladi.

Zevgmatik qurilmalar tilning tayyor hodisasi sifatida emas, balki nominatsiya, sintagmatika, derivatsiya va semantik taraqqiyotning uzoq tarixiy jarayonlari natijasida shakllangan murakkab konstruktsiya sifatida baholanishi lozim.

Mesopotamiya shumer tilshunoslik an’analarida esa so‘z, o‘zak, qo‘shimcha va fonetik birliklarning farqlanishi tilning ierarxik tuzilishini anglashga olib kelgan. Belgilarning turli funksiyalarda qo‘llanishi til birliklarining funksional va semantik imkoniyatlari keng ekanligini ko‘rsatadi.

Mazkur tarixiy jarayonlar zevgmatik qurilmalarni o‘rganishda alohida ahamiyatga ega. Chunki zevgma bir til birligining bir necha boshqa birliklarga umumiy munosabatda bo‘lishi, biroq ular bilan turlicha semantik aloqaga kirishishi natijasida yuzaga keladigan murakkab konstruksiyadir.

Zevgmatik qurilmalar tilning iqtisod tamoyilini namoyon etuvchi vositalardan biri bo‘lsa-da, ularning vazifasi faqat nutqiy takrorni bartaraf etish bilan cheklanmaydi. Aksincha, turli semantik maydonlarga mansub komponentlarning yagona operator bilan bog‘lanishi orqali mazmunning zichlashuvi va kommunikativ ta’sirchanlikning kuchayishi ta’minlanadi. Bu esa zevgmaning ham strukturaviy, ham semantik-uslubiy xususiyatlarga ega ekanligini tasdiqlaydi.

Tarixiy-lingvistik nuqtayi nazardan, zevgmatik qurilmalar nazariyasining shakllanishi qadimgi tilshunoslik an’analarida rivojlangan nominatsiya, so‘z tarkibi, grammatik birliklar va til belgilari funksiyalariga oid dastlabki qarashlar bilan uzviy bog‘liq. Xususan, Qadimgi Misr va Mesopotamiya yozuv hamda filologik tafakkur an’analarida til birliklarini farqlash, tasniflash va ularning funksional xususiyatlarini anglashga qaratilgan jarayonlar keyingi lingvistik nazariyalar uchun muayyan metodologik zamin yaratgan. Garchi ushbu an’analarda zevgma mustaqil lingvistik hodisa sifatida talqin qilinmagan bo‘lsa-da, ularda kuzatilgan til

birliklarining strukturaviy va funksional xususiyatlari mazkur hodisaning tarixiy-lingvistik asoslarini yoritishda ahamiyatlidir.

Umuman olganda, zevgmatik qurilmalarni sintagmatik, paradigmatik, semantik va derivatsion munosabatlar kesishmasida tadqiq etish ularning lingvistik tabiatini chuqurroq anglash imkonini beradi. Bu yondashuv zevgmani nafaqat ekspressiv sintaksis hodisasi, balki til birliklarining nominativ, strukturaviy va semantik imkoniyatlarini namoyon etuvchi murakkab konstruktiv mexanizm sifatida baholashga asos bo‘ladi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Аристотель. Риторика. – Москва: Лабиринт, 2000.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1958.
3. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Москва: Просвещение, 1990.
4. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – Москва: Едиториал УРСС, 2004.
5. Lausberg H. Handbook of Literary Rhetoric: A Foundation for Literary Study. – Leiden: Brill, 1998.
6. Jakobson R., Halle M. Fundamentals of Language. – The Hague: Mouton, 1956.
7. Plett H.F. Literary Rhetoric: Concepts, Structures, Analyses. – Leiden: Brill, 2010.
8. Short W.M. Can Figures Persuade? Zeugma as a Figure of Persuasion in Latin // The Classical Quarterly. – 2021. – Vol. 71. – No. 2.
9. Civil M. Ancient Mesopotamian Lexicography // Civilizations of the Ancient Near East. – New York: Charles Scribner’s Sons, 1995. – P. 2305–2314.
10. Allen J.P. The Ancient Egyptian Language: An Historical Study. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
11. Gardiner A.H. Egyptian Grammar: Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs. – 3rd ed. – Oxford: Griffith Institute, 1957.
12. Saussure F. de. Course in General Linguistics. Translated by W. Baskin. – New York: Philosophical Library, 1959.

QASHQADARYO GIDRONIMLARINING HOSIL BO‘LISHIDA TRANSONIMIZATSIYA HODISASINING O‘RNI

Nafasova Vazira To‘rayevna
O‘zbek tilshunosligi kafedrasi dotsenti
Filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori (PhD)
Qarshi davlat universiteti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada Qashqadaryo viloyati gidronimlari tahlilga tortilgan. Gidronimlarning hosil bo‘lishida transonimizatsiya hodisasining o‘rni izohlangan.*

Kalit so‘zlar: *onomastika, toponim, toponimiya, oronim, oykonim, gidronim, gidronimiya, transonimizatsiya, ekklezionim.*

Аннотация. *В статье анализируются гидронимы Кашкадарьинской области.*

Ключевые слова: *ономастика, топоним, топонимия, ороним, ойконим, гидроним, гидронимия, трансонимизация, экклезионим.*

Abstract. *The article analyzes the hydronyms of the Kashkadarya Region.*

Keywords: *onomastics, toponym, toponymy, oronym, oikonym, hydronym, hydronymy, transonymization, ecclesionym.*

Joy nomlari, ya’ni toponimlar qadimiy va uzoq davrlarning mahsuli bo‘lib, hududning tabiiy geografik tuzilishi, o‘tmishi, tabiati haqida ma’lumot beruvchi atoqli otlar sanaladi. Toponimlar tarix, geografiya, etnografiya, arxeologiya, geologiya sohasi mutaxassislari uchun ham tadqiqot manbai bo‘la oladi. Shu sababli toponimlar tilshunoslikni ushbu fanlar bilan bog‘lovchi ko‘prikdir. Toponim yer yuzasining quruqlik qismida joylashgan tabiiy-jug‘rofiy va sun’iy (inson yaratgan) obyektlarning atoqli oti deb izohlanadi [1, 76-77]. Toponimiya esa biror til yoki hududda uchraydigan joy nomlari majmuidir [1, 81]. Toponimika nomshunoslikning joy nomlarining paydo bo‘lishi, rivoji, vazifaviy xususiyatlarini o‘rganuvchi sohasi sifatida qayd etiladi [1, 77].

Toponimlarning quyidagi turlari mavjud: oykonim, oronim, gidronim.

Gidronimlar toponimlarning bir turi hisoblanib, xalqning o‘tmishi, yashash tarzi, madaniy hayoti, madaniyati, ma’naviyati haqida axborot, ma’lumot beruvchi onomastik birliklardir. “Gidronim (yunoncha hudor – suv, onoma – atoqli ot) suv bilan bog‘liq har qanday (tabiiy va notabiiy) obyektlarning atoqli oti, toponim turi”dir [1, 25]. Ma’lum bir tilda mavjud gidronimlar majmui gidronimiya deyiladi. Toponimikaning suv obyektlariga aloqador atoqli otlarni o‘rganuvchi bo‘limi gidronimikadir [1, 25]. Gidronimika tildagi gidronimlarni lisoniy tamoyillar, onomastik qonuniyatlar asosida o‘rganadigan toponimika bo‘limidir. Suv havzalari nomlari nomshunoslikda boshqa tur atoqli otlarga nisbatan eng qadimiy nomlar hisoblanadi. S.Qorayev ta’kidlaganidek, Amudaryo, Sirdaryoning qadimiy nomlari har qanday osori atiqalar yoshi bilan bellasha oladi [2, 58].

Qashqadaryo gidronimlarini to‘plash jarayonida suv havzalari nomlari – gidronimlarning boshqa turdagi atoqli otlarga yoki boshqa turdagi atoqli otlarning gidronimga o‘tishi – transonimizatsiya hodisasini kuzatdik.

“O‘zbek onomastikasi terminlarining izohli lug‘ati”da “transonimizatsiya terminiga biror tip atoqli otning boshqa tip atoqli otga o‘tishi. Masalan, etnonimning toponimga, aksincha toponimning etnonimga o‘tishi” deb izoh berilgan [1:84].

N.V.Podolskaya transonimizatsiya hodisasini bir onim turining boshqa bir onim turiga o‘tishi deya ta’kidlaydi [8:152].

T.Nafasovning qayd etishicha, “turli onomastik guruhlarga mansub nomlarning bir-biriga o‘tishi, nom ko‘chishi transonimizatsiya deyiladi. Transonimizatsiya joy nomlarining faollik darajasini oshiradi, nomlarning vazifasini yuksaltiradi, nomlararo munosabatlarni rivojlantiradi, tartibga soladi. Ayni vaqtda transonimizatsiya nomlarni nutqda qo‘llash jarayonida tejamlilikni yaratadi, nutq imkoniyatlarini kengaytiradi.

Transonimizatsiya – onomastikadagi universalizmni yaratuvchi va ta’minlovchi nutqiy-lisoniy, sotsial-ijtimoiy, tarixiy-ma’naviy hodisa. Transonimizatsiya yondosh obyektlar orasida yuz beradi. Yangi obyekt uchun nom uzoqdan qidirilmaydi, yonidagi obyekt nomi nomlanayotgan obyektga nom qilib tanlanadi. Bu hodisa xalqimiz yuksak ma’naviyatining lisoniy ifodasi” [3: 32].

N.Uluqovning o‘zbek tili gidronimlarining tarixiy-lisoniy tadqiqiga bag‘ishlangan tadqiqotida gidronimlarning hosil bo‘lishida transonimizatsiyaning o‘rni misollar orqali batafsil yoritib berilgan [6: 166-168].

O.Begimov Janubiy O‘zbekiston oronimlari tadqiqiga bag‘ishlangan dissertatsiyasida transonimizatsiya hodisasiga to‘xtalib o‘tadi. Oronimik transonimizatsiyaning yuzaga kelish sabablarini izohlaydi [10: 221-225].

G.Mambetova Qoraqalpog‘istonning shimoliy tumanlarida transgidronimlarning gidrourbononimlar (qal’a ichidagi maydon, ko‘cha, bozor, mahalla, obyekt nomlari), gidrokomonimlar (ovul, kichik shaharlarning nomi), gidronekronimlar (ziyoratgoh, qabriston nomlari)ga o‘tishi ham uchrashini qayd etadi [7: 18].

Sh.Majidova atoqli otlarning hech o‘zgarishsiz gidronimga o‘tishi hodisasini transonimizatsiya hodisasi sifatida qayd etadi. Surxondaryo gidronimlarining transonimizatsiya usulida yasalishi uchun antroponimlar va toponimlar asos bo‘lganligini misollar yordamida dalillaydi [9:114-117].

Qashqadaryo viloyatimi gidronimlarini tahlil qilganimizda transonimizatsiya hodisasining quyidagi ko‘rinishlari aniqlandi:

1) Boshqa turdagi atoqli otlarning gidronimga o‘tishi.

2. Gidronimlarning boshqa turdagi atoqli otlarga o‘tishi.

O‘tmish va yaqin o‘tmishda insonlarning yashash tarzi, chorvachilik va dehqonchilikning rivojlanishi xususiy mulkchilikning yuzaga kelishiga zamin tayyorlagan. Bu holat esa kishi ismlarining gidronimga aylanishiga imkoniyat yaratgan. Suv manbasining shu hududdan oqib o‘tishi aholi yashash maskanlari, yer yuza shakllari nomlarining suvloq nomlariga aylanishiga sabab bo‘lgan.

Antroponimlarning gidronimga o‘tishi: *Abdi* (Yakkabog‘ tumanidagi soy), *Berdi* (Mirishkor t. suv ombori), *Berdiquduq* (Mirishkor t. quduq), *Imomyoqub* (Yakkabog‘ t. aholi punkti, kanal), *Haytalisoy* (Yakkabog‘ t.).

Oykonimning gidronimga o‘tishi: *Badaxshon* (Qamashi t. mahalla, shaharcha, kollektor), *Bo‘lmas* (Koson t. qishloq, kanal), *Bo‘ston* (Shahrisabz t. kanal, aholi punkti), *Boyterak* (Koson t. mahalla, kollektor), *Beshqo‘ton* (Koson t. mahalla, aholi punkti, kollektor), *Beshqo‘ton* (Yakkabog‘ t. soy, aholi punkti), *Chim* (Qamashi t. qabriston, mahalla, ariq), *Dehqonobod* (Dehqonobod t. mahalla, qishloq, suvombori, shaharcha), *G‘elon* (Shahrisabz t. soy, aholi punkti), *Hisorak* (Shahrisabz t. qishloq, qabriston, mahalla, suvombor), *Kasbi* (Kasbi t. mahalla, sardoba, tuman), *Koson* (Koson t. mahalla, tuman, kanal).

Oronimning gidronimga o‘tishi: *Begichak* (Muborak t. do‘nglik, quduq), *Chilgumbaz* (Mirishkor t. suvombori, do‘nglik), *Dasht* (Qarshi t. kollektor), *Guldara* (Yakkabog‘ t. soy, aholi punkti), *Ko‘ktepasoy* (Yakkabog‘ t. quruq o‘zan).

Insonlarning suv havzalari bor hududlarga intilishi, ariq, soy, daryo bo‘yida uy, qo‘rg‘on, saroy – aholi yashash punktlarining vujudga kelishi, suv havzalarini muqaddas bilishi, suv havzalarining turli minerallarga boyligi nom ko‘chishiga asos bo‘lgan.

2.Gidronimning oykonimga o‘tishi: *Anorbuloq* (Dehqonobod t. aholi punkti), *Bog‘ariq* (Kasbi t. mahalla), *Beglamishsoy* (Chiroqchi t. aholi punkti, soy), *Boshquduq* (Koson t. aholi punkti), *Bo‘tasoy* (Yakkabog‘ t. aholi punkti), *Bo‘zariq* (Shahrisabz t. aholi punkti), *Arabbandi* (Chiroqchi t. aholi punki, mahalla, band), *Beshbuloq* (Dehqonobod t. shaharcha, mahalla, buloq), *Gumbuloq* (Dehqonobod t. mahalla, aholi punkti), *Chashmaimiron* (Dehqonobod t. mahalla, aholi punkti), *Galabuloq* (Dehqonobod t. aholi punkti), *G‘urjob* (Yakkabog‘ t. aholi punkti), Haydarbuloq (Yakkabog‘ t. aholi punkti).

Gidronimning ekklezionimga o‘tishi: *Chashma* (Shahrisabz sh. ziyoratgoh), *Chillabuloq* (Yakkabog‘ t. ziyoratgoh), *Gumbuloq* (Dehqonobod t. qabriston).

Gidronimning oronimga o‘tishi: *Chashmabuloq* (Kitob t. dara), *Chashmaikalon* (Kitob t. dara), *Gurganaksoy* (Shahrisabz t. dara).

Qashqadaryo viloyatida transonimizatsiya usulida hosil bo‘lgan joy nomlari juda ko‘p. Bu hodisani o‘zbek xalqining suvga, atrof-muhitga, tabiatga bo‘lgan mehr-muhabbati, ehtiromi sifatida baholash mumkin.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Э. Бегматов, Н. Улуқов. Ўзбек ономастикаси терминларининг изоҳли луғати. – Наманган, 2006. – 104 б.

2. Қораев С. Топонимика. – Тошкент: Ўзбекистон файласуфлари миллий жамияти нашриёти, 2006.

3. Т.Нафасов. Қашқадарё қишлоқномаси. – Тошкент: Муҳаррир, 2009. – 432 б.

4. Бегалиев Н. Самарқанд вилояти гидронимлари (лисоний таҳлил): Филол. фан. номз. ... дисс. автореф. – Самарқанд, 1994.

5. Н.Улуқов. Ўзбек тили гидронимларининг тарихий-лисоний тадқиқи. – Тошкент: Фан, 2008.

6. Мамбетова Г. Қорақалпоғистоннинг шимолий туманлари гидронимлари: Филол.фан. фалс. док. (PhD) дисс. автореф. – Нукус, 2018. – 52 б.

7. Н.В.Подольская. Словарь русской ономастической терминологии. – Москва: Наука, 1978.

8. Sh.Majidova. Surxondaryo gidronimlarining lingvistik tahlili: filol. fan. fals. dok. (PhD) diss. – Termiz, 2024. – 212 b.

9. О.Бегимов. Жанубий Ўзбекистон оронимларининг тарихий-лисоний тадқиқи: Филол. фан. док. (DSc) дисс. – Самарқанд, 2021. – 287 б.

O‘ZBEK MATNIDA EKAN VA EMISH BIRLIKLARINING AXBOROT MANBASI VA SO‘ZLOVCHI MUNOSABATINI IFODALASHI

Azizova Dilfuza Mahmudovna
Iqtisodiyot va pedagogika universiteti, dotsent v. b.
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada ekan va emish birliklarining matndagi axborot manbasini hamda so‘zlovchi munosabatini ifodalashi tahlil qilinadi. Kontekstli misollar asosida xabarni eshitish, xulosa chiqarish va unga ishonish farqlanadi. Ushbu birliklarni avtomatik ravishda ishonchsizlik belgisi deb talqin qilish cheklanib, matn tahlili va tahriri uchun mezonlar taklif etiladi.*

Kalit so‘zlar: *evidensiallik; ekan; emish; axborot manbasi; kontekst; so‘zlovchi munosabati; xabar aniqligi.*

Аннотация. *В статье анализируется способ выражения единиц «экан» и «эмиш» источника информации в тексте и отношения говорящего. На основе контекстных примеров проводится различие между восприятием, формулированием выводов и верой в сообщение. Автоматическая интерпретация этих единиц как признаков недоверия ограничена, и предложены критерии для анализа и редактирования текста.*

Ключевые слова: *эвиденциальность; экен; эмиш; источник информации; контекст; отношение говорящего; точность сообщения.*

Abstract. *The article examines how Uzbek ekan and emish express information source and the speaker’s stance in text. Contextual examples distinguish reported information, inference and belief in a proposition. The analysis challenges their automatic interpretation as markers of unreliability and proposes criteria for textual analysis and editing.*

Keywords: *evidentiality; ekan; emish; information source; context; speaker stance; information accuracy.*

Kirish. Matnda bir xabarning berilishi uning qayerdan olingani va so‘zlovchi unga qanday munosabatda ekanini bir vaqtda aniqlab bermaydi. O‘zbek tilidagi ekan va emish birliklari aynan shu farqni o‘rganish uchun qulay materialdir. Ularni faqat gumon, ishonchsizlik yoki o‘zga nutq belgisi sifatida izohlash ayrim kontekstlarning ma’nosini soddalashtiradi. Mazkur maqolaning asosiy tezisi shuki, axborot manbasi bilan xabarga ishonch darajasi alohida tahlil qilinishi, ularning o‘zaro munosabati esa butun mikromatn asosida belgilanishi kerak.

Tadqiqotning maqsadi ekan va emish qatnashgan xabarlarda uch masalani farqlashdan iborat: so‘zlovchi ma’lumotga qanday yo‘l bilan ega bo‘lgan, aynan qaysi mazmunni o‘z zimmasiga olgan va keyingi gap avvalgi xabarga qanday tuzatish kiritgan? Masala matnning

lingvistik xususiyatlariga bevosita daxldor: birlikni tushirib qoldirish yoki uning o‘rnini o‘zgartirish hodisa tavsifini saqlagan holda axborot uchun javobgarlik taqsimotini o‘zgartirishi mumkin.

Nazariy asos va tadqiqot chegarasi. M. Üzüm o‘zbek tilidagi evidensial vositalarni kontekstlar asosida tavsiflab, ekan shaklining eshitilgan xabar, xulosa va idrok bilan bog‘liq turli qo‘llanishlarini, emishning esa xabarni o‘zga manbadan yetkazishga yo‘nalganligini ko‘rsatadi [1]. Bu tavsif mazkur birliklar orasida oddiy birga-bir muvofiqlik yo‘qligini anglatadi. Ayniqsa, ekan qatnashgan har bir gapni faqat birovdan eshitilgan ma’lumot deb belgilash uchun grammatik shaklning o‘zi yetarli bo‘lmaydi.

C. Straughn o‘zbek va qozoq tillari materialida ushbu shakllarni so‘zlovchining xabarni bevosita tasdiqlamasligi bilan bog‘liq kengroq yondashuvda tushuntiradi. Uning tahlilida axborot manbasi ma’nosi hayrat va boshqa modal ta’sirlardan ajralmagan holda ko‘riladi [2]. Üzümning evidensial tavsifi bilan Straughnning nazariy talqini aynan bir xil emas. Ushbu maqolada bahsning kategoriyaviy yechimi da’vo qilinmaydi; evidensiallik atamasi axborotga erishish yo‘lining matnda ifodalanishini ko‘rsatadigan ishchi tushuncha sifatida ishlatiladi.

S. AnderBois turli tillardagi reportativ vositalar bilan yetkazilgan mazmunni ayni so‘zlovchining o‘zi keyin rad eta oladigan holatlarni tadqiq qiladi [3]. Bu natija o‘zbek tilining barcha qo‘llanishlariga tayyor qoida sifatida ko‘chirilmaydi. U metodik farqlash uchun ahamiyatli: xabarni yetkazish fakti bilan o‘sha xabarning haqiqatligini tasdiqlash bir harakat deb olinmasligi kerak. O‘zbekcha misollarning talqini esa o‘z konteksti va mazmuniy bog‘lanishi asosida tekshiriladi.

Ish kontekstni almashtirish va mazmunan izohlash usulidagi sifat tahliliga tayanadi. Quyidagi mikromatnlar tahlil maqsadida muallif tomonidan tuzilgan; ular korpusdan olingan kuzatuvlar yoki respondentlar javoblari sifatida taqdim etilmaydi. Birliklarning nutqdagi chastotasi o‘lchanmaydi. Maqsad muayyan kontekstda yuzaga kelishi mumkin bo‘lgan ma’no farqlarini ko‘rsatishdir; ularning janrlar bo‘yicha tarqalishi alohida empirik tekshiruvni talab qiladi.

Xabar manbasi va ishonchni ajratish. Birinchi mikromatnni ko‘raylik: «Kotibning aytishicha, yig‘ilish ertaga bo‘lar emish. Rasmiy e’lon hali chiqmagan». Birinchi gapda xabarning boshlang‘ich manbasi ko‘rsatilgan, ikkinchi gapda esa tasdiq uchun kutilayotgan hujjat yo‘qligi bildirilgan. Bu holatda ehtiyotkorlik ma’nosi faqat emishdan emas, ikki gapning munosabatidan kelib chiqadi. So‘zlovchi yig‘ilish o‘tkazilmasligini aytmaydi; u mavjud ma’lumotning tasdiqlanish holatini cheklaydi. Xabarni yolg‘on deb belgilash bilan hozircha tekshirilmagan deb belgilash bir xil xulosa emas.

Endi davomni almashtiramiz: «Kotibning aytishicha, yig‘ilish ertaga bo‘lar emish. Men ham rasmiy e’lonni o‘qib, shu sanani tekshirdim». Davomdagi gap o‘zga manbadan boshlangan xabar keyinchalik qo‘shimcha dalil bilan tekshirilganini ifodalaydi. Ushbu sun’iy kontekstda birinchi gap avvalgi axborot yo‘lini, ikkinchisi so‘zlovchining yangi bilim holatini beradi. Shuning uchun emishning mavjudligidan butun matn oxirida ham so‘zlovchi shubhada qolgan degan xulosa avtomatik chiqmaydi. Aniq nutqiy tabiiylik va uslubiy afzallik esa janrga bog‘liq tekshirilishi lozim.

Uchinchi davom boshqa munosabatni hosil qiladi: «Kotibning aytishicha, yig‘ilish ertaga bo‘lar emish. Biroq hozir tashkilotchi yig‘ilish bekor qilinganini bildirdi». Bu yerda

keyingi xabar oldingi xabarni yangilaydi. Qarama-qarshilik so‘zlovchining o‘zini bir paytda ikkita zid faktga ishongan shaxs sifatida ko‘rsatmaydi. U turli paytda va turli manbadan kelgan ma’lumotlarning holatini farqlaydi. Matn tahlilida shuning uchun manba bilan birga xabar olingan vaqt ham qayd etilishi kerak.

Ekan shaklida idrok va xulosa farqi. «Xonaga kirdim. Stol ustidagi kitob yangi nashr ekan» mikromatnida keyingi gap avvalgi bevosita ko‘rish vaziyatiga bog‘lanadi. Ekan bu yerda yangi aniqlangan belgini ifodalashi mumkin; boshqa kishining aytganini taxmin qilishga ehtiyoj yo‘q. Biroq «Yangi nashr ekan» gapi alohida berilsa, ma’lumotning ko‘rish orqali olingani aniq bo‘lmaydi. Demak, birlikni sharhlashda shakldan manbaga bir yoqlama o‘tish emas, kontekstdan uning mazmuniy imkoniyatlarini chegaralash zarur.

Boshqa misol: «Yo‘lakda hech kim yo‘q, barcha eshiklar qulflangan. Mashg‘ulot tugagan ekan». Bu kontekstda so‘zlovchi mashg‘ulotning tugash jarayonini ko‘rganini aytmaydi. U hozirgi belgilar asosida avvalgi hodisa haqida xulosa chiqaradi. Shu sababli ushbu xabarni bevosita guvohlik sifatida qayta bayon qilish axborot maqomini kuchaytirib yuboradi. Ayni vaqtda xulosa belgilar bilan asoslangani uchun uni oddiy asossiz gumon bilan tenglashtirish ham noto‘g‘ri bo‘ladi.

«Hamkasbim aytdi: yangi nashr kutubxonaga kelgan ekan» misolida esa leksik ko‘rsatkich xabarning o‘zga kishidan olinganini ochiq bildiradi. Oldingi ikki mikromatn bilan qiyos ekan birligining o‘zi barcha holatda bir xil manbani nomlamasligini ko‘rsatadi. Mazkur farqlash Üzüm tavsiflagan funksional ko‘lamga mos keladi [1]. Tahlilchi taxmin qilingan manbani matnda ifodalangan manba bilan almashtirmasligi kerak: ayrim hollarda manba faqat qisman tiklanadi, ayrim hollarda esa aniqlanmaganicha qoladi.

Xabarning ko‘lami va manbaga nisbat berish. «Hamkasbimning aytishicha, maqola qabul qilingan emish. Taqrizni men bugun o‘qidim» mikromatnida ikkita ma’lumotning manbasi farqlanadi. Birinchi xabar hamkasbga nisbat berilgan, ikkinchisida esa so‘zlovchining o‘z harakati bayon qilingan. Emishning ta’sirini keyingi barcha gaplarga avtomatik yoyish taqriz haqidagi ma’lumotni ham o‘zga manbaga ko‘chiradi. Aksincha, ikkinchi gapdagi birinchi shaxsni oldingi xabarga tatbiq etish maqolaning qabul qilinganini bevosita tasdiqlangan faktga aylantirishi mumkin. Har ikki holatda matnning axborot tuzilishi buziladi.

Bunda grammatik ko‘lam bilan diskursdagi davomiylikni farqlash lozim. Keyingi gapda yangi manba belgilanmasa, o‘quvchi oldingi manbaga tayanib davomni tushunishi mumkin. Ammo bunday bog‘lanish har doim shaklning qat’iy grammatik ta’siri degani emas; u matn aloqadorligi asosida tiklanadigan munosabat bo‘lishi mumkin. Manba almashganini ko‘rsatuvchi men tekshirdim, hujjatda yozilgan, uning so‘zlariga ko‘ra kabi birliklar shu sababli tahlilda alohida qayd qilinadi.

Evidensial vosita ma’lum bir shaxsni manba sifatida nomlamasligi ham mumkin. «Ertaga mehmon kelar emish» gapida o‘zga xabar mavjudligi ifodalanadi, lekin uni kim aytgani ochilmaydi. Manbaning mavjudligi bilan manbaning shaxsan aniqligi ikki xil ko‘rsatkichdir. Ilmiy yoki rasmiy matn tahririda faqat emishni saqlash har doim yetarli bo‘lmaydi: zarur vaziyatda xabar egasi, hujjat yoki aloqa kanali aniqlashtirilishi kerak. Bunday talab grammatik xatoni tuzatishdan ko‘ra axborotni tekshirish imkonini yaratishga qaratiladi.

Matn tahlili va tahriri uchun mezonlar. Taklif etilayotgan tahlil birligi yakka gapdan kengroq bo‘lgan, manba va munosabatni tiklashga yetadigan mikromatndir. Avval ekan yoki emish bog‘langan mazmun ajratiladi. So‘ng manbani ochuvchi leksik belgilar va voqealar ketma-ketligi qayd etiladi. Keyingi bosqichda tasdiq, rad etish, hayrat yoki ehtiyotkorlikni bildiradigan davom tekshiriladi. Yakuniy izohda matnda ochiq berilgan belgi bilan tahlilchi tomonidan tiklangan ehtimoliy ma’no farqlanadi. Shunday yozuv tahlilning qayta tekshirilishini osonlashtiradi.

Masalan, «Mashg‘ulot tugagan ekan» birligi uchun faqat gapning o‘zi berilgan bo‘lsa, manbani aniq belgilab bo‘lmaydi. Qulflangan eshiklar haqidagi oldingi gap qo‘shilganda xulosa yo‘li talqini asoslanadi; hamkasbning aytgani qo‘shilganda esa xabar yetkazish talqini kuchayadi. Bunda o‘zgarayotgan narsa predikatning asosiy lug‘aviy mazmuni emas, so‘zlovchining unga erishish yo‘lidir. Mazkur mezon kontekst yetishmagan holatda qat’iy belgi qo‘yishni cheklaydi.

Tahrirda birlikni olib tashlashdan oldin yangi gap nimani tasdiqlayotgani tekshiriladi. «Maqola qabul qilingan emish» o‘rniga «Maqola qabul qilingan» yozilishi xabarni berish mas’uliyatini kuchaytirishi mumkin. Biroq muharrir so‘zlovchi nomidan qo‘shimcha dalil yaratishga haqli emas. Rasmiylik talab etilganda manbani ochish, masalan, xabar kimdan olinganini ko‘rsatish yoki tasdiq holatini aniq yozish foydaliroq. Tanlov matn janri va kommunikativ vazifasiga mos bo‘lishi lozim; barcha vaziyatga bitta almashtirish qoidasi qo‘llanmaydi.

Ushbu mezonlarning amaliy qiymati manba, munosabat va ko‘lamni bir-biriga qo‘shib yubormaslikdadir. Ularning empirik cheklovi ham aniq: tuzilgan mikromatnlar real foydalanishdagi barcha ma’nolarni qamrab olmaydi. Keyingi tadqiqotda badiiy nasr, yangilik xabari va kundalik muloqotdan olingan tabiiy misollar bir xil mezonlar bilan qiyoslanishi mumkin. Bunday tekshiruvda manbani aniqlab bo‘lmagan holatlar majburan gumon yoki eshitish guruhiga kiritilmasdan, alohida saqlanishi zarur.

Xulosa. Ekan va emish birliklari matnda hodisa haqidagi ma’lumot bilan birga unga erishish yo‘li va so‘zlovchi pozitsiyasini sharhlashga imkon beradi. Tahlil qilingan kontekstlarda ekan idrok, xulosa yoki o‘zga xabar bilan bog‘lanishi, emish orqali yetkazilgan xabar esa davomda tekshirilishi yoki rad etilishi mumkinligi ko‘rsatildi. Shu sababli bu birliklarni avtomatik ravishda yolg‘onlik yoki past ishonch belgisi deb baholash yetarli emas. Matnni aniq o‘qish va tahrir qilish uchun manba turi, uning aniqligi, vaqt, mazmun ko‘lami va so‘zlovchi munosabati alohida hisobga olinishi lozim**.**

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Üzüm M. General Tendencies in the Semantics of Evidentials in Uzbek. Evidentiality in Turkic Languages / M. Üzüm, J. Rentzsch, N. Demir (eds.). Ankara: Nobel, 2024. P. 145–168. Muallif taqdim etgan elektron nusxa: https://www.researchgate.net/publication/400662920 (murojaat sanasi: 18.10.2026).

2. Straughn C. Evidentiality in Uzbek and Kazakh. Dissertation, 2011. NEIU Digital Commons. URL: https://neiudc.neiu.edu/lib-pub/3/ (murojaat sanasi: 18.10.2026).

3. AnderBois S. On the exceptional status of reportative evidentials. Proceedings of Semantics and Linguistic Theory. 2014. Vol. 24. P. 234–254. DOI: https://doi.org/10.3765/salt.v24i0.2424.

O‘ZBEK MODAL BIRLIKLARINING KORPUSDAGI QO‘LLANISHI VA INGLIZCHA MUQOBILLARINING KONTEKSTUAL TAHLILI

Mustafayeva Maftuna Bohodir qizi
dotsent v.b. filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori
Iqtisodiyot va pedagogika universiteti
Qarshi, Uzbekiston

Annotatsiya. *Mazkur maqolada definitely, probably, perhaps, certainly, maybe, likely kabi ingliz tilidagi modal birliklarning o‘zbek tilidagi elektron korpusda uchrashi, ularning kontekstual vazifalari hamda ingliz tilida ifodalanish imkoniyatlari o‘rganiladi. Tadqiqot Baxtiyor Mengliyev va Maftuna Mustafayeva tomonidan 2025-yilda tuzilgan O‘zbek tilidagi modal birliklarning izohli lug‘ati hamda O‘zbek tili elektron korpusidan olingan qidiruv natijalariga asoslanadi. Qidiruv natijalarining umumiy chastotasi konkordans misollarining kontekstual tahlili bilan qiyoslanadi. Natijalar mazkur birliklar ishonch, tasdiq, ehtimollik, taxmin, xulosa chiqarish, shartli imkoniyat va taxminiylik kabi ma’nolarni ifodalashini ko‘rsatadi. Ingliz tilidagi muqobilni tanlashda nafaqat leksik moslik, balki gapning umumiy mazmuni, so‘zlovchining ishonch darajasi va diskursiv maqsadini ham hisobga olish zarurligi ta’kidlanadi.*

Kalit so‘zlar: *modal birliklar, o‘zbek tili, ingliz tili, korpus lingvistikasi, tarjima muqobillari, epistemik modallik, konkordans tahlili.*

Abstract. *This article examines the occurrence of English modal units such as definitely, probably, perhaps, certainly, maybe, and likely in the Uzbek electronic corpus, their contextual functions, and the ways in which their meanings can be expressed in English. The study is based on The Explanatory Dictionary of Uzbek Modal Units, compiled by Bakhtiyor Mengliyev and Maftuna Mustafayeva in 2025, as well as search results obtained from the Uzbek Electronic Corpus. The overall search frequencies are compared with a contextual analysis of concordance examples. The findings show that these units express meanings such as certainty, confirmation, probability, supposition, inference, hypothetical possibility, and approximation. The article emphasizes that selecting an appropriate English equivalent requires consideration not only of lexical correspondence but also of the overall meaning of the sentence, the speaker’s degree of certainty, and the communicative purpose of the discourse.*

Keywords: *modal units, Uzbek language, English language, corpus linguistics, translation equivalents, epistemic modality, concordance analysis.*

Аннотация. *В статье рассматривается употребление английских модальных единиц, таких как definitely, probably, perhaps, certainly, maybe и likely, в электронном корпусе узбекского языка, их контекстуальные функции и способы выражения соответствующих значений на английском языке. Исследование основано на «Толковом словаре модальных единиц узбекского языка», составленном Бахтиёром Менглиевым и Мафтуной Мустафаевой в 2025 году, а также на результатах поиска, полученных в Электронном корпусе узбекского языка. Общая частотность поисковых*

результатов сопоставляется с контекстуальным анализом конкордансных примеров. Результаты показывают, что рассматриваемые единицы выражают такие значения, как уверенность, подтверждение, вероятность, предположение, умозаключение, гипотетическая возможность и приблизительность. Подчёркивается, что при выборе подходящего английского эквивалента необходимо учитывать не только лексическое соответствие, но и общий смысл предложения, степень уверенности говорящего и коммуникативную цель высказывания.

Ключевые слова: *модальные единицы, узбекский язык, английский язык, корпусная лингвистика, переводные эквиваленты, эпистемическая модальность, конкордансный анализ.*

Kirish. Modallik so‘zlovchining xabar mazmuniga munosabatini ifodalovchi muhim til hodisasidir. U fikrga ishonch bildirish, voqeaning yuz berish ehtimolini ko‘rsatish, taxmin qilish, zarurat yoki majburiyatni ifodalash kabi ma’nolarni qamrab oladi. Ingliz tilida modallik ko‘pincha must, may, might, can, could va should singari modal yordamchi fe’llar bilan bog‘lanadi. Shu bilan birga, modal ma’no ravishlar, sifatlar, leksik fe’llar va turli birikmalar orqali ham yuzaga chiqadi. R. Palmer, I. Depraetere va S. Reed modallikni grammatik shakllar bilangina cheklamasdan, uning semantik va pragmatik xususiyatlarini ham hisobga olish kerakligini ko‘rsatadi [1; 5].

O‘zbek tilida alohida so‘zlar va birikmalar modal ma’noni ifodalashda muhim o‘rin egallaydi. Albatta, ehtimol, balki, shekilli, chamasi va shubhasiz kabi birliklar so‘zlovchining fikrga munosabatini, xabarni qay darajada ishonch bilan bayon etayotganini yoki qanday xulosaga kelganini bildirishi mumkin. Biroq bu birliklarning vazifasi har doim bir xil emas. Masalan, chamasi miqdor yoki o‘lchamning taxminiyligini bildirishi, boshqa vaziyatda esa farazni ifodalashi mumkin. Balki modal ma’noda keladi, ammo nafaqat..., balki... va emas, balki... kabi tuzilmalarda bog‘lovchi vazifasini bajaradi. Bu yondashuv o‘zbek tilining grammatik tavsiflariga oid manbalar bilan hamohangdir [2; 7].

Mazkur xususiyatlar ingliz tiliga tarjima jarayonida qiyinchilik tug‘diradi. Bir birlikni barcha vaziyatlarda bitta inglizcha so‘z bilan almashtirish ma’no nozikliklarini yo‘qotishi mumkin. Masalan, albatta ko‘pincha certainly, definitely yoki of course bilan ifodalanadi. Ammo u zarurat yoki kuchli talabni bildirgan kontekstda must, should yoki need to kabi shakllar mos kelishi mumkin. Ehtimol, aftidan va shekilli birliklarining inglizcha muqobili ham so‘zlovchining ishonch darajasi va xulosaning qanday asosda chiqarilganiga bog‘liq.

Ushbu maqolaning maqsadi tanlangan o‘nta modal birlikning korpusda uchrash ko‘rsatkichlarini tavsiflash, ularning kontekstual vazifalarini farqlash va inglizcha muqobilni tanlashda muhim bo‘lgan omillarni ko‘rsatishdir. Asosiy e’tibor umumiy chastotani modal qo‘llanishdan ajratish hamda tarjimada kontekstning rolini yoritishga qaratiladi.

Materiallar va tadqiqot metodlari

Tadqiqotning birinchi manbasi Baxtiyor Mengliyev va Maftuna Mustafayeva tomonidan 2025-yilda tuzilgan “O‘zbek tilidagi modal birliklarning izohli lug‘ati”dir [4; 8]. Lug‘atda zamonaviy adabiy til, badiiy matnlar va tilshunoslikka oid manbalardan olingan modal so‘zlar va ifodalar jamlangan. Har bir birlik uchun semantik izohlar, inglizcha tarjima variantlari va kontekstual misollar berilgan. Shu sababli lug‘at birliklarning ma’nosini tavsiflash va tarjima muqobillarini qiyoslashda asosiy manbalardan biri bo‘lib xizmat qildi.

Ikkinchi manba — O‘zbek tili elektron korpusi. Uning ochiq sahifasida korpus 200 milliondan ortiq so‘zni qamrab olgan matnlardan iborat ekani ko‘rsatilgan. Tanlangan birliklar lemma asosida qidirildi, har bir qidiruv bo‘yicha topilgan qo‘llanishlar va hujjatlar soni qayd etildi. Shundan so‘ng konkordans satrlari qo‘lda tekshirilib, birlikning muayyan kontekstdagi vazifasi belgilandi. Bu bosqich zarur, chunki qidiruvda chiqqan barcha holatlarni modal qo‘llanish deb hisoblab bo‘lmaydi.

Tahlil bir necha bosqichda amalga oshirildi: avval birliklarning korpusdagi xom chastotasi qayd etildi; keyin misollar kontekstual jihatdan ko‘rib chiqilib, modal va nomodal vazifalar ajratildi; so‘ng modal qo‘llanishlar ishonch, ehtimollik, taxmin, xulosa chiqarish, shartli imkoniyat, tasdiq va taxminiy miqdor kabi guruhlarga ajratildi. Yakuniy bosqichda aniqlangan funksiyalar lug‘atda berilgan inglizcha ekvivalentlar va kontekstga mos boshqa ifodalar bilan taqqoslandi.

Tanlangan o‘nta birlik o‘zbek tilidagi barcha modal vositalarni qamrab oladi, degan da’vo qilinmaydi. Ular muhim semantik-funksional turlarni ko‘rsatish uchun olingan tahliliy namuna hisoblanadi. Korpus hajmi ochiq manbada aniq son bilan emas, “200 milliondan ortiq so‘z” deb berilgani sababli million so‘zga nisbatan normallashtirilgan chastota hisoblanmadi. Quyidagi raqamlar qidiruvning xom natijalaridir.

Natijalar. Korpus natijalari tanlangan birliklarning uchrash chastotasi bir-biridan farq qilishini ko‘rsatdi. Albatta 48 ta hujjatda 166 marta, aftidan 2 ta hujjatda 2 marta qayd etilgan. Balki 241 ta hujjatda 919 marta uchragan. Ehtimol 14 ta hujjatda 29 marta, shubhasiz 4 ta hujjatda 13 marta, chamasi 11 ta hujjatda 14 marta qayd etilgan. Shekilli 3 ta hujjatda 3 marta, mabodo 26 ta hujjatda 33 marta, darhaqiqat 1 ta hujjatda 1 marta, hoynahoy esa 7 ta hujjatda 11 marta uchragan. Biroq balki va chamasi misollarining bir qismi nomodal vazifada ishlatilgani uchun xom chastotani modal chastotaga tenglashtirish mumkin emas.

Albatta ko‘rilgan misollarda asosan ishonch va tasdiqni bildiradi. Ayrim kontekstlarda bu birlik fikrni kuchaytirishi, va’da yoki qat’iy qarorni ko‘rsatishi mumkin. “Men albatta qaytib kelaman” mazmunidagi gapda so‘zlovchi kelajakdagi harakatiga ishonch bildiradi. Certainly, definitely va of course shu ma’nolarni yetkazishi mumkin. Agar gapda zarurat yoki talab kuchli bo‘lsa, must, should yoki need to kabi shakllar mosroq kelishi ehtimol. Demak, tarjima tanlovi alohida so‘zdan ko‘ra butun gapning mazmuniga bog‘liq.

Shubhasiz birligi kuchli ishonchni ifodalashga moyil bo‘lib, undoubtedly, unquestionably, certainly yoki without doubt bilan berilishi mumkin. Darhaqiqat esa tasdiq va ta’kid vazifasini bajaradi. Korpusda “To‘rtinchi jildda darhaqiqat maktub bor edi” misoli qayd etilgan. Bitta misol miqdoriy umumlashtirish uchun yetarli emas, biroq birlikning tasdiqlovchi vazifasini ko‘rsatadi. Ingliz tilida indeed, in fact va truly variantlari kontekstga qarab mos kelishi mumkin.

Aftidan, ehtimol, shekilli va hoynahoy birliklari taxmin, ehtimollik yoki bilvosita xulosa chiqarish ma’nolari bilan bog‘liq. Aftidan bo‘yicha ko‘rilgan misollar xulosa chiqarish xususiyatini ko‘rsatadi; apparently, seemingly va ayrim holatlarda evidently uning muqobili bo‘lishi mumkin. Ehtimol ehtimollik yoki farazni bildiradi va perhaps, maybe, possibly yoxud probably bilan tarjima qilinadi. Bu variantlar ishonch darajasi bo‘yicha farqlanadi: probably ko‘pincha perhaps yoki maybe ga qaraganda kuchliroq kutilmani anglatadi.

Shekilli birligi mavjud belgilar asosida taxmin qilish yoki bilvosita xulosaga kelish ma’nosini berishi mumkin. Shuning uchun apparently va seemingly xulosa dalillarga

tayangan vaziyatlarda mos keladi; perhaps esa umumiy ehtimollikni ifodalashi mumkin. Hoynahoy ham ko‘rilgan kontekstlarda taxmin va ehtimollikni bildirgan. Probably, presumably, perhaps va likely orasidan tanlov qilishda xabarning ishonchlilik darajasi hamda taxminning asosiga e’tibor berish lozim.

Balki bo‘yicha qidiruvda 919 ta holat topilgan bo‘lsa-da, ularning barchasi modal emas. Na faqat..., balki... yoki emas, balki... kabi konstruksiyalarda bu birlik bog‘lovchi vazifasida keladi. Modal qo‘llanishida esa imkoniyat yoki farazni ifodalashi mumkin; bunday vaziyatlarda perhaps, maybe, possibly, ba’zan might ishlatiladi. Shu sababli konkordans misollarini tekshirish korpus tahlilining ajralmas qismi hisoblanadi.

Mabodo ko‘pincha shartli yoki faraziy imkoniyatni bildiradi. Uning inglizcha ifodasi if by any chance, in case kabi birikmalar yoki shart ergash gap orqali berilishi mumkin. Qaysi shakl tanlanishi gapda ehtiyot chorasi, shart yoki ehtimoliy vaziyatning qaysi biri asosiy ekaniga bog‘liq. Chamasi esa ikki xil vazifani bajarishi mumkin: miqdor yoki o‘lchov taxminini bildirganda about, around yoki approximately mos keladi; farazni bildirganida esa apparently, presumably yoki perhaps ishlatilishi mumkin.

Muhokama. Natijalar o‘zbek modal birliklari semantik va funksional jihatdan xilma-xil ekanini ko‘rsatadi. Albatta va shubhasiz ko‘proq qat’iy ishonchni, darhaqiqat tasdiqni, aftidan, ehtimol, shekilli va hoynahoy taxmin yoki xulosani, mabodo shartli imkoniyatni, balki ehtimollikni, chamasi esa taxminiy miqdor yoki farazni ifodalashi mumkin. Birliklarning vazifasi faqat lug‘aviy ma’noga emas, gapning tuzilishi va kengroq kontekstga ham bog‘liq.

Balki misoli umumiy chastota va funksional chastotani farqlash zarurligini ayniqsa yaqqol ko‘rsatadi. Xuddi shuningdek, chamasi miqdorni bildirgan holatda epistemik modal ma’nodan farq qiladi. Shuning uchun chastota jadvali o‘z-o‘zicha yetarli emas; u konkordans tahlili bilan to‘ldirilishi kerak. Bu yondashuv modal birliklar lug‘atini tuzish va takomillashtirishda ham foydali bo‘lishi mumkin.

Tarjimada lug‘atda keltirilgan ekvivalentlar muhim boshlang‘ich nuqta bo‘lsa-da, ularni har qanday kontekstga mos keladigan doimiy almashtirishlar sifatida ko‘rish to‘g‘ri emas. Albatta ishonchni bildirsa certainly bilan, zaruratni kuchaytirsa must yoki need to bilan berilishi mumkin. Chamasi miqdorga taalluqli bo‘lsa approximately, taxmin ma’nosida esa presumably bilan tarjima qilinadi. Shunday qilib, tarjimon semantik ma’no, ishonch darajasi, sintaktik qurilish va diskurs vazifasini birgalikda hisobga olishi kerak.

O‘zbek va ingliz tillarida modallikni ifodalash vositalari to‘liq bir xil emas. Ingliz tilida modal yordamchi fe’llar muhim grammatik tizimni tashkil qilsa, o‘zbek tilida leksik birliklar va diskurs ifodalari ham keng qo‘llanadi. Shu sababli o‘zbekcha modal so‘z ingliz tilida modal ravish, yordamchi fe’l, leksik birikma yoki sintaktik jihatdan qayta tuzilgan gap orqali ifodalanishi mumkin. Tarjima oddiy so‘z almashtirishdan ko‘ra, kontekstga tayangan tanlov jarayonidir. Modallikning semantik tahlili bo‘yicha qarashlar ushbu farqni izohlashga yordam beradi [3; 6].

Xulosa. Korpus ma’lumotlarini lug‘aviy izohlar bilan birgalikda o‘rganish o‘zbek modal birliklarining turli vazifalarini aniqlashga yordam beradi. Tahlil qilingan o‘nta birlik ishonch, tasdiq, ehtimollik, taxmin, xulosa chiqarish, shartli imkoniyat va taxminiy miqdor kabi ma’nolarni ifodalashi kuzatildi. Ularning uchrash chastotasi turlicha bo‘lsa-da, xom qidiruv natijalarini modal qo‘llanishlar soni bilan tenglashtirish mumkin emas.

Inglizcha muqobilni tanlashda birlikning kontekstdagi vazifasi, so‘zlovchining ishonch darajasi, gap qurilishi va pragmatik maqsadi e’tiborga olinishi lozim. Kelgusida o‘zbekcha matnlarni inglizcha tarjimalari bilan gapma-gap moslashtirgan parallel korpus yaratish hamda modal birliklarni semantik teglar bilan belgilash ushbu yo‘nalishdagi tahlilni chuqurlashtirishi mumkin.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Depraetere, I., & Reed, S. (2020). Mood and modality in English. In B. Aarts, L. Hinrichs, & A. McMahon (Eds.), The Oxford Handbook of English Grammar (2nd ed.).
2. Hamroyev, M., Muhamedova, D., Shodmonqulova, D., G‘ulomova, X., & Yo‘ldosheva, Sh. (2007). Ona tili: darslik. Toshkent.
3. Khomutova, T. (2014). Mood and Modality in Modern English. The XXV Annual International Academic Conference, Language and Culture, 397.
4. Mengliyev, B., & Mustafayeva, M. (2025). O‘zbek tilidagi modal birliklarning izohli lug‘ati (talabalar va magistrantlar uchun). Qarshi.
5. Palmer, F. R. (2001). Mood and Modality (2nd ed.). Cambridge University Press.
6. Portner, P. (2009). Modality. Oxford University Press.
7. Sayfullayeva, R., Mengliyev, B., Qurbonova, M., Raupova, L., Abuzalova, M., & Yo‘ldosheva, D. (2020). Hozirgi o‘zbek adabiy tili. Innovatsion rivojlanish nashriyot-matbaa uyi.
8. Mustafayeva, M. B. (2026). A lexicographic study of modal words in the Uzbek language. *International Multidisciplinary Journal for Research & Development, 13*(03), 293–295.

ЭКЗОТИЗМЫ В СИСТЕМЕ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ, КЛАССИФИКАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ

Атаев У.Э.
старший преподаватель
Шахрисабзский государственный педагогический институт
Шахрисябз, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические и лингвистические аспекты изучения экзотической лексики как особого пласта заимствованной лексики русского и узбекского языков. Особое внимание уделяется проблемам определения термина «экзотизм», различным подходам к его трактовке и классификации. Анализируются взгляды отечественных и узбекских исследователей на природу экзотизмов, их связь с безэквивалентной лексикой, варваризмами и этнографизмами. Рассматриваются основные признаки экзотической лексики, её тематические и функциональные группы, а также роль экзотизмов в передаче национального и культурного колорита. На материале русского и узбекского языков показано, что*

экзотизмы отражают особенности культуры, традиций, быта, религии и исторического развития определённого народа.

Ключевые слова: *экзотическая лексика, экзотизм, заимствованная лексика, безэквивалентная лексика, варваризмы, этнографизмы, национальный колорит, национально-культурная специфика, классификация экзотизмов, русский язык, узбекский язык.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada rus va o‘zbek tillarida ekzotik o‘zlashma leksikasi leksikaning alohida qatlami sifatida o‘rganishning nazariy va lingvistik jihatlari ko‘rib chiqiladi. “Ekzotizm” atamasini aniqlashga va uni talqin qilish va tasniflashga turli yondashuvlarga alohida e’tibor qaratiladi. Rossiya va o‘zbek tadqiqotchilarining ekzotizmlarning tabiati va ularning ekvivalent bo‘lmagan lug‘at, varvarizmlar va etnografiya bilan aloqasi haqidagi qarashlari tahlil qilinadi. Ekzotik lug‘atning asosiy xususiyatlari, uning tematik va funktsional guruhlari hamda ekzotikizmlarning milliy va madaniy o‘ziga xoslikni yetkazishdagi roli muhokama qilinadi. Rus va o‘zbek tillari materiallaridan foydalangan holda, ekzotikizmlar ma’lum bir xalqning madaniy xususiyatlari, an’analari, kundalik hayoti, dini va tarixiy rivojlanishini aks ettirishi ko‘rsatiladi.*

Kalit so‘zlar: *ekzotik leksika, ekzotizm, o‘zlashma leksika, ekvivalentsiz leksika, varbarizmlar, etnografizmlar, milliy-madaniy o‘ziga xoslik, ekzotizmlarning tasnifi, rus tili, o‘zbek tili.*

Abstract. *The article examines the theoretical and linguistic aspects of the study of exotic vocabulary as a specific layer of borrowed vocabulary in the Russian and Uzbek languages. Particular attention is paid to the problems of defining the term “exoticism” and to various approaches to its interpretation and classification. The views of Russian and Uzbek researchers on the nature of exoticisms and their relationship to non-equivalent vocabulary, barbarisms, and ethnographisms are analyzed. The main characteristics of exotic vocabulary, its thematic and functional groups, as well as the role of exoticisms in conveying national and cultural color are considered. Based on the material of the Russian and Uzbek languages, the article demonstrates that exoticisms reflect the cultural traditions, everyday life, religious practices, and historical development of a particular people.*

Keywords: *exotic vocabulary, exoticism, borrowed vocabulary, non-equivalent vocabulary, barbarisms, ethnographisms, national color, national-cultural specificity, classification of exoticisms, Russian language, Uzbek language.*

Н. М. Шанский писал: «В словарный состав русского языка входят не только слова исконного происхождения, в нём также можно встретить и заимствованную лексику, которая пришла в русский язык из других языков»[1].

Лексическая система языка постоянно меняется, развивается и совершенствуется. Это свойство принадлежит также узбекскому языку, как и всем языкам. В результате международных социально-экономических и историко-культурных связей изменялась и развивалась лексика тюркских языков, в том числе узбекского. Этот процесс продолжается и сегодня. Проведен ряд исследований по изучению лексики узбекского языка, ее поэтапного развития, источников и причин

развития, а также историко-этимологических пластов. Но это не приводит к выводу, что она изучена полностью и совершенно. Недостаточно исследованы ряд общетеоретических вопросов лексикологии, аспекты и методы исследования лексики, особенности формирования и развития, изменения и обогащения узбекской лексики, возможности изучения и классификации слов как конкретной системы»**[2].**

Язык - явление социальное, он служит для общества. Если общество меняется, то меняется и язык. В частности, словарный состав каждого языка развивается постепенно. В лексиконе языка есть слова, связанные с традициями и развитием народа. Такие слова называются экзотизмами. Их перевод, исследование синтаксических, морфологических и методологических особенностей является одной из актуальных проблем современности.

Общим теоретическим вопросам, посвященным заимствованной лексики в целом, посвящены работы Евреиновой И.А., Ильинской И.С., Калинина А. В., Костомарова В.Г., Крысина Л.П., Микитича Л.Д., Попова Р.Н., Фоминой М.И., Шанского Н.М., Шмелева Д.Н. и др.

Слово экзотизм происходит от греческого слова «exhotikos», что означает «чужой, необычный, посторонний». Впервые этот термин был подробно описан Г.Л. Зелениным в 1992 г., а слово экзотизм использовалось в литературоведческом смысле. В языкознании его использовал Л.А.Булаховский в 1937 г. Он использовал термин «экзотический словарь» в своих работах, описывая слова на кавказских языках. Но понятие экзотики не поясняется. Позднее Б.Н. Павлов определяет экзотизм как «иностранные слова, употребляемые в художественных текстах как средство выражения национальных особенностей духовной жизни и образа жизни любого нерусского народа». Б.Н.Павлов понимает под экзотизмом «иноязычные слова, используемые как средство выражения национальных черт духовной жизни и быта какого-либо нерусского народа в оригинальных или переводных, преимущественно, художественных текстах»[3]. В работе приводится также и весьма туманное определение варваризмов, так как дается определение лишь формы, но не их сущности и функций.

Национальная литература, независимо от того, написан ли текст изначально на русском языке, переведен ли на русский, авторизованный ли это перевод, отличается использованием большого количества экзотизмов. Л.П. Крысин по этому поводу пишет: «В русском языке выделяется особая (хотя сама по себе неоднородная) группа экзотизмов – слова, принадлежащие языкам бывшего Советского Союза. Употребление и употребительность этих слов зависят, как очевидно, от тематики и ситуации речи. Ср., например, слова: *аксакал, арык, пиала, мазар, минарет, бесбармак* и т. п.» **[4].** Основная их функция – передача местного колорита.

Термин экзотика активно используется А.А.Брагиной в его монографии, посвященной изучению региональной лексики. Иностранные слова, которые придают окраску, усваиваются и не имеют эквивалента, называются экзотизмами **[5].**

По словам исследователей, некоторые ученые как А.Е.Супрун, Л.П.Крысин приняли данный термин без всякого спора, и сами уделяли огромный вклад на развитие экзотизмов. Однако Р.А.Будагов, А.А.Реформатский, А.Я. Каташева, С. Влахов и С. Флорин, С. И. Ожегов, Е. М. Галкина-Федорук к нему относились с осторожностью или

не использовали его вообще. Тем не менее термин экзотизмы (экзотическая лексика) появился в языкознании, стал короче и удобнее. Толчком к созданию послужил труд Э.Супруна «Словарь экзотизмов». В этом произведении А. Э. Супрун выразил мысль о закономерности и жизненности необходимость появления описательных слов на любом языке, описания неразлучности других народов, историко-географическая экзотика. Он говорит, что они носят терминологический характер, а также подчеркивается, так как занимают важное место в произведениях оригинальной и переводной литературы.

Н. А. Филатова считает попытку И. Е. Гальченко необоснованной и

считает такие слова «незнакомыми» и призывает отказаться от термина экзотизм. По его мнению, население одного региона может быть знакомо или похоже на население другого региона. Поэтому такие слова могут приниматься не экзотизмами.

На наш взгляд, такая проблема определенно существует, и дело не только в месте жительства соответствующих носителей языка, но и может зависеть от религиозного образования: например, родившийся в России для российских мусульман слово «мечеть» — не является экзотикой для русскоязычных. Однако для христиан это может показаться экзотизмом.

О.С.Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» под лексикой экзотической понимает «слова и выражения, заимствованные из малоизвестных языков, обычно неиндоевропейских, и употребляемых для придания речи особого колорита» [6].

Также не принимал такого «сужения термина» А.В. Калинин, который рассматривал экзотизмы как лексически не освоенные заимствования»**[7].** О.Н. Емельянова в энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» **[8]** пишет: «экзотизмы – иноязычные наименования вещей и понятий, свойственных природе, жизни и культуре тех стран и народов, у которых эти названия возникли». В других стилистических словарях этого термина нет.

Экзотизмы в узбекском языке: *adras (адрас), atlas (атлас), Navro'z (Навруз), sumalak (сумаляк), tandir (тандыр), palov (плов) и др. Или названия одежды на других языках: kemano (кемано), burqa (бурка), salla (салля, иногда тюрбан), chadra (чадра); денежные единицы: so'm (сум), rubl (рубль), dollar (доллар);* политические названия организаций, учреждений: *Reyxstag (Рейхстаг), Senat (Сенат), Kortes (Кортес); названия ветра: tornado (торнадо), garmsel (гармсель); названия музыкальных инструментов: rubob (рубоб), dutor (дутар), doira (доира), karnay (карнай), surnay (сурнай)* и др.

Экзотизмы обладают следующими специфическими качествами:

- непосредственно относятся к конкретной стране, нации:
- не имеют синонимов;
- показывают местный колорит.

Экзотизмы можно разделить на группы в зависимости от региона, использования и темы. По региону экзотизмы делятся на:

1. экзотизмы, употребляемые в Средней Азии;
2. экзотизмы, употребляемые в Европе.

Потому что происхождение и культура этих народов родственны друг другу. По своему употреблению экзотизмы можно делить на:

1. экзотизмы, связанные с культурной и традицией;

2. экзотики, связанные с развитием науки и техники.

Например, слово *Навруз* – экзотизм, связанный с нашей культурной традицией, а слово флешка – экзотизм, связанный с развитием. Экзотизмы можно разделить на множество тематических групп по их лексико-семантическому значению: названия валюты, названия ветров, названия одежды, названия музыкальных инструментов, названия танцев, названия политических организаций. Лингвисты и переводчики объясняют экзотизмы заимствованием слов из определенного языка. **По мнению Л.П.Крысина, заимствование - это процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой** [4]. Читатель занимается переводами не только национальной литературы, но и зарубежной литературы. Только через переводы он получит представление о литературе других народов. Художественный перевод – перевод содержания литературно-художественного произведения посредством другого языка. Переводчик должен знать языки, разбираться в сравнительной грамматике и вопросах стилистики. В процессе перевода могут возникнуть некоторые проблемы. Например, как переводятся экзотизмы? Как бы его ни переводили, национальный колорит слова не потеряется. Нахождение решений многих таких проблем, обращение к ним внимания и их перевод раскрывают истинное содержание произведения.

Среди узбекских учёных лингвист А.Е.Маматов ввел в альтернативную лексику экзотизмы и дал им следующую характеристику: в каждом языке в достаточном количестве таких слов, которые не имеют определенного перевода. Он описывает их так называемым безэквивалентным (безальтернативным) лексиконом. Экзотизм в основном определяет свойство национальной культуры. Экзотизмом называют слова, не имеющие эквивалента при усвоении. Они представляют не только культуру чужого народа и ее составляющие компоненты, но и символизирует его. Например, такие слова, как *yaylov, qishloq, ariq* тесно связаны с культурой народов, проживающих в Средней Азии.

Ш.Т.Махмараимова описывает экзотизм как «добавленный элемент в национальный язык из других языков, описывая его как экзотическую лексику и относит к их в основном заимствованные слова и варваризмы **[9]**. Эти единицы являются словами, выражающими реалии «чужой» культуры, которые в своё время показывают особенности народа, культуры и образа жизни. Близок к этнографиям с той стороны, что они указывают местный колорит, национальные традиции и обычаи (в науке используется как термины-синонимы). Однако этнографии называют реальность конкретной местности, и как элемент считается корневая единица в этнонильной системе. Другими словами, этнография как диалектное слово, которое не считается единицей литературного языка. Лексика же наоборот, находится в лексике литературного языка в силу экстралингвистических факторов слова, которые существуют. Значение некоторых экзотизмов в течении длительного периода употребления могут стать общедоступными. Например, в узбекском языке можно относить слова *madam, salyut, okey, papa, mama, kimano, restoran, kafe, bar, grant, ayfon, marketing, supermarket* **к словам такой категории.** Исходя из вышеизложенного,

можно сказать, что экзотизмы непосредственно понятны только одному народу или нации. Это лексические единицы в языке, не требующие дополнительного пояснения, они в иностранном языке считаются связанным явлением, обозначающие не только условия жизни, образ жизни, но и культуру, религию, географическое положение вместе со своим уровнем развития общества и с уровнем религиозных и светских знаний населения, проживающего в социуме.

Список использованной литературы

1. **Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. Энцикл.,** 1969. – С.214.

2.Бегматов Э.А. Лексические пласты современного узбекского литературного языка. Ташкент: Фан, 1985. – С.45. 200 с

3. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка: Учеб.пособие для пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». Изд. 2-е, испр. — М.:Просвещение, 1972. — С.96. 328 с.

3. Павлов Б.Н. Функции экзотической лексики в контексте поэтической речи. – М., 1975. – С.42-44.

4.Крысин, Л.П. Русское слово свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.

5.Ванина.В.В. Экзотизмы немецкого происхождения в русском языке XX века Текст.: автореф. дис. Филол. Наук. – 2001. – С.19.

6.Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. Энцикл., 1969. – С.214. 606 с.

7. Калинин, А.В. Лексика русского языка / А.В. Калинин. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 71 – 76. 232 с.

8. Емельянова, О.Н. Экзотизмы / О.Н. Емельянова // Культура русской речи: эциклоп. Сл.-справ. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 760.

9. Джамолхонов Х.Ҳозирги ўзбек адабий тили. – Тошкент.: «Талкин», 2005. – С.166

THE FORMATION AND HISTORICAL DEVELOPMENT OF PUNCTUATION IN WRITTEN DISCOURSE: FROM WRITING CONVENTIONS TO A LINGUISTIC SYSTEM

Islomova Latofat Fazliddinovna
Senior Teacher of Karshi State University
Faculty of Languages
Karshi, Uzbekistan

Abstract. *This paper examines the historical development of punctuation from early practices of graphic segmentation to a relatively systematic component of written language. Drawing on historical-descriptive and comparative approaches, it discusses Greek and Latin reading conventions, manuscript practices, the influence of printing, and the standardization of English punctuation. The paper also considers the distinct trajectory of Uzbek punctuation through script reforms and the development of modern written norms.*

Keywords: *punctuation, written discourse, historical development, English, Uzbek, orthography, syntactic structure, expressive function.*

Annotatsiya. *Mazkur maqolada tinish belgilarining dastlabki grafik segmentatsiya amaliyotlaridan boshlab yozma tilning nisbatan tizimlashgan tarkibiy qismiga aylanguniga qadar bo‘lgan tarixiy shakllanishi va taraqqiyoti tadqiq etiladi. Tarixiy-tavsifiy va qiyosiy yondashuvlar asosida qadimgi yunon va lotin yozuvlaridagi o‘qish an’analari, qo‘lyozma matnlarni rasmiylashtirish amaliyoti, matbaachilikning ta’siri hamda ingliz tili punktuatsiya tizimining me’yorlashuv jarayonlari tahlil qilinadi.*

Kalit so‘zlar: *tinish belgilari, yozma nutq, tarixiy taraqqiyot, ingliz tili, o‘zbek tili, orfografiya, sintaktik tuzilish, ekspressiv funksiya.*

Аннотация. *В статье исследуются историческое становление и развитие пунктуации – от ранних практик графической сегментации текста до её формирования в качестве относительно систематизированного компонента письменного языка. На основе историко-описательного и сопоставительного подходов рассматриваются традиции чтения в древнегреческой и латинской письменности, особенности оформления рукописных текстов, влияние книгопечатания, а также процессы стандартизации английской пунктуации*

Ключевые слова*: пунктуация, письменная речь, историческое развитие, английский язык, узбекский язык, орфография, синтаксическая структура, экспрессивная функция.*

Introduction

Punctuation is often presented in language instruction as a fixed inventory of marks governed by prescriptive rules. Such a view is useful for teaching writing conventions, but it does not fully explain why punctuation systems emerged, why their functions changed, or why practices differ across languages and historical periods. Written discourse has always required mechanisms for guiding readers through stretches of text. Spacing, layout, letter

forms, and punctuation have all participated in this process, although their relative importance has varied over time.

The central problem of this study is the transition from variable graphic practices associated with reading and manuscript production to more stable conventions that encode syntactic relations, textual boundaries, and pragmatic effects. The aim is to outline this transition and to compare its implications for English and Uzbek. Three questions guide the discussion: what needs encouraged early punctuation; which historical institutions promoted standardization; and how do contemporary punctuation marks function beyond grammatical separation?

Materials and Methods

The study employs historical-descriptive analysis of established accounts of European punctuation and a comparative examination of English and Uzbek writing traditions. Historical evidence is interpreted through secondary scholarship rather than through a newly assembled manuscript corpus. Particular attention is paid to the relationship between graphic marks, reading practices, printing, and normative grammar. Functional analysis is used to distinguish syntactic, prosodic, textual, and expressive roles. The comparison is qualitative: it does not claim statistical representativeness or a direct one-to-one historical descent between English and Uzbek punctuation systems.

Early Writing and the Need for Segmentation

In many early writing traditions, readers encountered sequences with fewer visual cues than modern readers expect. The absence or limited use of spaces and punctuation did not mean that texts lacked structure; instead, interpretation relied more heavily on linguistic knowledge, genre, context, and oral performance. In Greek and Roman textual cultures, forms of separation and pause marking appeared, but practices were neither uniform nor equivalent to contemporary punctuation. The frequently cited system of dots associated with ancient Greek scholarship illustrates attempts to mark reading units; its details and diffusion should not be confused with the modern period, comma, and colon.

The significance of early marks lies in their practical orientation. They could help a reader identify a pause, a rhetorical unit, or a boundary in a passage. This orientation reveals an initial link between written segmentation and the performance of texts aloud. Yet it would be misleading to describe all ancient marks as purely intonational: the organization of clauses and rhetorical argument was also relevant. The earliest history of punctuation is therefore best viewed as a set of overlapping practices rather than a single invention followed by linear improvement.

Manuscript Culture, Printing, and Norm Formation

Medieval scribal cultures contributed substantially to the development of visual reading aids. Word spacing became more widespread in Latin manuscript traditions, while scribes used a range of points, strokes, and other signs to indicate divisions in texts. Their use varied across regions, institutions, genres, and individual copyists. Manuscript punctuation was thus shaped by both communicative needs and material conditions: copying was labor-intensive, and conventions could remain local.

The expansion of printing in Europe created new pressures toward repeatable typographic practice. Printers, editors, and later grammarians increasingly selected and regularized marks for a growing readership. The process was gradual, and early printed texts

did not instantly acquire modern punctuation. Nevertheless, the reproducibility of print helped stabilize conventions and made differences between editorial systems more visible. In English, punctuation came to be discussed not only as an aid to delivery but also as a means of expressing grammatical organization. This shift was uneven; rhetorical and grammatical principles continued to coexist.

By the eighteenth and nineteenth centuries, school grammars, dictionaries, and publishing houses played important roles in promoting conventional usage. The distinction between the semicolon and colon, the deployment of quotation marks, and the increasingly systematic treatment of sentence boundaries became recognizable features of edited prose. Standardization did not eliminate variation: literary writers continued to use punctuation in ways that shaped pacing, hesitation, interruption, and voice.

English and Uzbek: Distinct Historical Trajectories

English punctuation developed within the long history of alphabetic manuscript production, European printing, and English-language grammatical prescription. Uzbek written culture has a different historical background, involving earlier Arabic-script literary traditions and twentieth-century changes in the script used for Uzbek. The introduction and subsequent replacement of writing systems affected typography, orthographic instruction, publishing, and the presentation of punctuation rules. It is therefore inaccurate to assume that the chronology of English punctuation can simply be transferred to Uzbek.

Modern Uzbek punctuation shares many recognizable signs with English, including the full stop, comma, colon, semicolon, question mark, exclamation mark, dash, quotation marks, and parentheses. However, shared symbols do not entail identical rules or identical stylistic preferences. For instance, the presentation of dialogue, the use of dashes, and the conventions governing direct speech are influenced by language-specific grammatical descriptions and editorial traditions. Comparative analysis should therefore examine functions in context rather than treat visual similarity as proof of equivalence.

The historical comparison also suggests a methodological distinction: script history and punctuation history are interconnected but not synonymous. A change from one alphabet to another may alter available typographic forms and teaching conventions without automatically changing every discourse function of punctuation. Conversely, punctuation norms can evolve even when the writing system remains stable. This distinction is particularly important when interpreting Uzbek written materials from different periods.

From Graphic Marks to a Linguistic System

The development of punctuation into a linguistic system can be described in terms of increasing conventionalization and functional differentiation. At the syntactic level, marks help readers identify sentence boundaries, clause relationships, parenthetical structures, and reported speech. At the discourse level, they contribute to information packaging, emphasis, and the sequencing of ideas. At the pragmatic and expressive levels, they can signal hesitation, urgency, irony, surprise, or deliberate incompleteness. None of these functions is completely independent of context.

Consider the contrast between “She left.”, “She left!”, and “She left…” The propositional core is similar, but the punctuation encourages different interpretations of stance, force, and completion. Likewise, “Wait, Anna.” and “Wait—Anna!” organize the utterance differently and suggest different rhythms. These are constructed illustrative

examples, not quotations from literary sources. Their value is to demonstrate how graphic choices participate in meaning-making even when lexical material changes little.

This multifunctionality explains why a purely mechanical definition of punctuation is insufficient. A comma may be prescribed by a grammatical rule in one context and selected for rhythm or clarity in another. The dash may signal an interruption, an insertion, or a dramatic turn. An ellipsis may represent omission in scholarly quotation or suspended speech in dialogue. The mark itself does not carry a single invariant emotional meaning; the effect emerges through interaction with sentence structure, genre, and the reader's expectations.

Discussion

The historical evidence supports three connected observations. First, punctuation did not originate as a complete, standardized code. It developed through changing practices of reading, copying, editing, and teaching. Second, the growth of print culture and normative education promoted greater stability, while preserving variation across genres. Third, modern punctuation performs several interacting functions that cannot be reduced to pause length or grammatical boundary alone.

For comparative linguistics, the key implication is that English and Uzbek punctuation should be investigated as historically situated systems. The same graphic symbol may have overlapping functions in the two languages, but its distribution and conventional use must be established from authentic texts and relevant normative descriptions. Future empirical research could compare parallel literary passages and their translations to identify where punctuation is retained, substituted, added, or omitted, and whether these changes alter textual rhythm or expressive meaning. Such a study would require a defined corpus and transparent coding procedures.

Conclusion

Punctuation has evolved from heterogeneous visual and rhetorical aids into a relatively conventionalized resource of written discourse. Its history reflects the interaction of reading practices, manuscript production, printing, education, and linguistic description. In modern English and Uzbek, punctuation helps organize syntax while also guiding interpretation and expressive effect. The comparison demonstrates the importance of separating shared contemporary symbols from distinct historical paths. Understanding punctuation as a linguistic and communicative system offers a stronger basis for textual analysis, translation studies, and the teaching of academic and literary writing.

References

1. Parkes, M. B. (1992). Pause and Effect: An Introduction to the History of Punctuation in the West. University of California Press.

2. Houston, K. (2013). Shady Characters: The Secret Life of Punctuation, Symbols, and Other Typographical Marks. W. W. Norton & Company.

3. Crystal, D. (2015). Making a Point: The Pernickety Story of English Punctuation. Profile Books.

4. Nunberg, G. (1990). The Linguistics of Punctuation. CSLI Publications.

5. Baron, N. S. (2000). Alphabet to Email: How Written English Evolved and Where It's Heading. Routledge.

6. Coulmas, F. (2003). Writing Systems: An Introduction to Their Linguistic Analysis. Cambridge University Press.

THE LINGUISTIC STATUS OF ETHNOGRAPHISMS AND THEIR RELATIONSHIP WITH RELATED CONCEPTS

Qurbonova Shaxnoza Damin qizi
A senior teacher of Economics and Pedagogy University
Karshi, Uzbekistan

Annotatsiya. *Etnografizmlar ko‘pincha realiyalar, madaniyatga xos birliklar, lingvokulturemalar va muqobilsiz leksika bilan bir qatorda muhokama qilinadi. Biroq ushbu atamalar lingvistik va madaniy tavsifning turli jihatlarini ifodalaydi. Mazkur maqolada etnografizmlarning lingvistik maqomi o‘rganilib, ularni yondosh tushunchalardan farqlash mezonlari taklif etiladi. Tadqiqot sifat tahliliga asoslangan konseptual yondashuv doirasida olib borilib, ilmiy manbalarning maqsadli sharhi hamda o‘zbek tilidan maqsadli tanlangan cheklangan miqdordagi leksik misollarning qiyosiy-chog‘ishtirma tahlilini birlashtiradi. Maqolada tasniflashning amaliy mezonlarga asoslangan tartibi ishlab chiqilib, uning lug‘aviy ta’riflar tuzish, badiiy matnni talqin qilish va tarjima uchun ahamiyati yoritiladi. Taklif etilgan farqlash mezonlari tahliliy gipotezalar bo‘lib, ularni keyinchalik korpus ma’lumotlari hamda tegishli til va madaniyat vakillarining fikrlari asosida tekshirish talab etiladi.*

Kalit so‘zlar: *etnografizm, etnografik leksika, lingvistik maqom, realiyalar, madaniyatga xos birliklar, lingvokulturema, leksik muqobilsizlik, o‘zbek leksikologiyasi.*

Аннотация. *Этнографизмы часто рассматриваются наряду с реалиями, культурно-специфическими единицами, лингвокультуремами и безэквивалентной лексикой, хотя эти термины обозначают различные аспекты лингвистического и культурного описания. В статье исследуется лингвистический статус этнографизмов и предлагаются критерии их разграничения со смежными понятиями. Исследование основано на качественном концептуальном подходе, сочетающем целенаправленный обзор научных источников с сопоставительным анализом небольшой целевой выборки лексических примеров из узбекского языка. В статье разрабатывается процедура классификации на основе операциональных критериев и раскрывается её значение для составления словарных дефиниций, интерпретации художественного текста и перевода. Предлагаемые разграничения представляют собой аналитические гипотезы, требующие дальнейшей проверки на корпусном материале с учётом мнений представителей соответствующего языкового и культурного сообщества.*

Ключевые слова: *этнографизм, этнографическая лексика, лингвистический статус, реалии, культурно-специфические единицы, лингвокультурема, лексическая безэквивалентность, узбекская лексикология.*

Abstract. *Ethnographisms are frequently discussed alongside realia, culture-specific items, linguoculturemes, and non-equivalent vocabulary, although these labels identify different dimensions of linguistic and cultural description. This article examines the linguistic status of ethnographisms and proposes criteria for distinguishing them from related concepts. The study adopts a qualitative conceptual design combining a focused review of scholarly*

sources with the contrastive analysis of a small, purposively selected set of Uzbek lexical examples. The article develops an operational classification procedure and explains its implications for dictionary definitions, literary interpretation, and translation. The proposed distinctions are analytical hypotheses requiring subsequent corpus-based and community-informed validation.

Keywords: *ethnographism, ethnographic vocabulary, linguistic status, realia, culture-specific items, linguoculturem e, lexical non-equivalence, Uzbek lexicology.*

Introduction

Words that name traditional practices pose a recurring problem for linguistic classification. A researcher may describe the same expression as an ethnographism because it identifies a customary activity, as a realia item because its referent has cultural specificity, or as non-equivalent vocabulary because a target language lacks a familiar matching expression. These descriptions can all be relevant, but they answer different questions. Without separating their analytical purposes, studies risk treating cultural reference, lexical meaning, and translation difficulty as interchangeable properties.

The broader theoretical motivation comes from approaches that connect linguistic meaning with cultural interpretation. Wierzbicka examines how selected lexical meanings illuminate culturally salient concepts [1]. Sharifian relates language to cultural conceptualisations, including cultural schemas and categories. These approaches justify investigating cultural knowledge in lexical analysis, but they do not require every culturally meaningful expression to receive one identical label. The present article therefore uses ethnographism as an explicitly delimited working term rather than assuming that it is a universally standardized category in English-language linguistics [2] .

The article addresses three research questions. What linguistic properties justify classifying a lexical unit as an ethnographism? How does this classification differ from realia, culture-specific items, linguoculturemes, ethnonyms, and lexical gaps? What practical consequences follow from keeping these categories distinct? Its contribution is a multidimensional account that separates the cultural referent from the linguistic unit, and both from the conditions of interpretation or translation. The argument concerns conceptual precision rather than the frequency or historical origin of particular words.

Research design and sources

The study is a qualitative conceptual analysis with illustrative lexical comparison. It is neither a systematic literature review nor an ethnographic field investigation. The scholarly material was selected purposively for three functions: identifying the regional research context of ethnographic vocabulary, explaining the relationship between language and cultural meaning, and locating culture-specific items within translation studies. Wierzbicka, Sharifian, and Franco Aixelá fulfil these respective functions. The review is selective and does not claim to cover all definitions or scholarly traditions.

Three Uzbek items form the documented positive examples: palov, askiya, and Navruz. Their cultural referents were checked against UNESCO descriptions and the UNESCO decision concerning palov [3] (UNESCO, 2014, 2016, n.d.). They were chosen to represent a food-related practice, a verbal performance genre, and a festival name. This small selection permits comparison across domains without implying representativeness. Uzbek, table, and celebration are analyst-selected boundary examples. Their role is to test whether

naming ethnicity, an ordinary object, or a broad event category is sufficient for ethnographism status.

Unit of analysis and procedure

The unit of analysis is a lexical sense in a specified context. This choice prevents an entire word from receiving a cultural classification on the basis of only one of its uses. Each positive example was described through its referent, its minimal English gloss, and the cultural information that a broad gloss may omit. Boundary examples were then examined against the same criteria. The English glosses and classification judgements are analytical proposals, not quotations from bilingual dictionaries or observations of translator behaviour.

The comparison followed four steps. First, the relevant referent or practice was identified from documentary description. Second, lexical naming was separated from the associated cultural activity: the word palov and a particular event of preparing palov were treated as different objects of analysis. Third, each neighbouring concept was assigned an operational scope. Finally, the examples were checked for cases where one classification could apply without the others. These counterexamples test the internal consistency of the proposed distinctions.

Relationships with neighbouring categories

Table 1 summarizes the operational distinctions developed in this article. The definitions organize the present analysis and do not claim to resolve all terminological differences across linguistic traditions.

Table 1 Operational distinctions between related concepts

Concept	Primary criterion	Relationship to ethnographism
Ethnographism	Conventional naming of an ethnographic referent	Core category proposed here
Realia	Culturally situated referent or its designation	Substantial overlap; specify level
Culture-specific item	Cultural relevance in interpretation or transfer	Broader category in this analysis
Linguocultureme	Expression together with cultural knowledge	May include figurative or evaluative meanings
Cultural keyword	Access to culturally salient meanings	Can overlap; requires separate justification
Ethnonym	Name of an ethnic group	Different naming function
Lexical non-equivalence	Mismatch in a specified language pair	Relational translation property

The strongest overlap concerns realia. For the purposes of this article, ethnographic realia are culturally situated objects and practices, whereas ethnographisms are their conventional linguistic designations. In translation scholarship, however, realia can also refer

to the words themselves. Accordingly, the distinction is useful only when the level of description is stated. Treating it as an absolute terminological rule would overlook actual variation in scholarly usage.

ëCulture-specific item is used here as a broader analytical label for an expression whose cultural associations become relevant to interpretation or transfèr. Franco Aixelá (1996) places such items within translation analysis. The present framework narrows the question by asking whether ethnographic reference is part of the expression's conventional sense. An institution name or a literary allusion can create a culture-specific translation problem without naming a customary practice. Consequently, culture-specificity alone does not establish ethnographism status.

Linguocultureme and cultural keyword emphasize other dimensions. In this article, linguocultureme refers to a linguistic expression considered together with the cultural knowledge relevant to its interpretation. Its scope can include evaluative expressions and figurative language. Cultural keyword refers to an expression that provides analytical access to culturally salient meanings, following the general orientation of Wierzbicka (1997). Neither category is restricted to naming ethnographic objects. An ethnographism may also function as a linguocultureme or a cultural keyword, but this additional role needs argument rather than assumption.

Lexical examples and boundary cases

Table 2 presents the positive examples and the boundary cases used to test the definition. The glosses deliberately remain distinct from the analytical comments so that a proposed classification does not substitute for a lexical explanation.

Table 2 Illustrative lexical examples and boundary cases

Item	Working English definition	Analytical classification
palov	A traditional rice-based dish associated with preparation and sharing practices	Ethnographism; wider social associations depend on context
askiya	A genre of verbal performance using witty dialogue around a theme	Ethnographism naming a performance genre
Navruz	A spring and New Year festival observed across several societies	Ethnographism under the definition allowing event names
Uzbek	The name of a people, in the selected sense	Ethnonym; not sufficient as an ethnographism
table	An ordinary object with a flat top, in the selected sense	Cultural use alone does not establish lexical status
celebration	An occasion or activity marking an event	Generic label; insufficiently specific

The comparison identifies three different bases for cultural classification. Palov names a dish associated with a documented preparation and sharing tradition. Askiya names a culturally situated verbal performance genre: UNESCO (2014) describes it as thematic

dialogue involving wit. Navruz names a spring and New Year festival shared across several societies (UNESCO, n.d.). Thus, material reference, performance, and named events can all support ethnographic naming. Exclusive ownership by one ethnic group is unnecessary under the proposed definition.

The boundary cases establish limits. Uzbek, when used as the name of a people, is an ethnonym because it identifies an ethnic group. That naming function does not by itself identify a customary activity or artefact. Table denotes an ordinary object category in the selected sense, even though a table may have a ceremonial role in a particular narrative. Celebration is too general to identify a specific ethnographic practice without further qualification. These judgements concern the selected senses, not every possible occurrence of the words.

The proposed category is justified by a recurring naming function rather than by a dedicated grammatical form. This account allows ethnographisms to be studied through lexicology and semantics while retaining their relevance to ethnolinguistics. It also avoids dividing language into culturally meaningful and culturally empty vocabulary. Ordinary words can participate in cultural interpretation. Ethnographism identifies the more specific case in which a conventional designation names a culturally situated referent.

The relationship to cultural conceptualisation requires particular care. Sharifian's (2017) framework provides resources for examining cultural schemas and categories, but the presence of a cultural label does not independently establish which schema a speaker activates. The present distinction between lexical reference and contextual activation is an analytical inference from that broader separation of language and conceptual knowledge. It leaves room for variation among speakers and situations. A claim that all community members attach the same associations to one word would require evidence beyond this conceptual study.

The framework rests on a selective literature review and three documented positive examples. It does not establish the full range of ethnographisms in Uzbek or demonstrate that its distinctions fit all languages. Heritage documentation describes culturally salient practices but does not replace historical lexicography, naturally occurring discourse, or consultation with speakers and practitioners. Nor does recognition as heritage determine linguistic category membership: the documentation supports descriptions of the referents, not the proposed classification itself.

The operational meanings assigned to linguoculturеme, realia, and exoticism simplify traditions in which the terms may have different scopes. Further research should compare competing definitions directly, extend the examples beyond publicly recognized heritage, and test the classification against literary and conversational data. Community-informed interpretation is particularly necessary when a general description conceals local variation. These limitations restrict the strength of the conclusions without removing the usefulness of keeping analytical dimensions separate.

Conclusion

Ethnographisms can be defined as conventional lexical designations of culturally situated objects, practices, events, and social roles. Their linguistic status is semantic and functional. Their classification does not depend on morphological form, foreign origin, or the absence of a direct translation. The proposed account distinguishes ethnographic naming from

ethnic group naming and separates lexical reference from the contextual activation of cultural knowledge.

Realia and culture-specific items overlap with ethnographisms, while linguoculturemes and cultural keywords may cover a wider range of expressions and meanings. Non-equivalence and exoticism require a specified language pair or readership. Maintaining these distinctions offers a clearer basis for definitions, literary analysis, and translation decisions. The framework should next be tested through a larger documented corpus and interpretation by speakers familiar with the relevant practices.

References

1. Franco Aixelá, J. (1996). Culture-specific items in translation. In R. Álvarez & M. C. Á. Vidal (Eds.), Translation, power, subversion. Multilingual Matters. 1996. 52–78 pp. https://doi.org/10.2307/jj.33169489.7

2. Sharifian, F. Cultural Linguistics: Cultural conceptualisations and language. John Benjamins. 2017. https://doi.org/10.1075/clscc.8

3. UNESCO. Askiya, the art of wit. Intangible Cultural Heritage. 2014. https://ich.unesco.org/en/RL/askiya-the-art-of-wit-00971

4. UNESCO. Decision of the Intergovernmental Committee 11.COM., 2016. 10.b.35. Intangible Cultural Heritage. https://ich.unesco.org/en/Decisions/11.COM/10.b.35

5. UNESCO. (n.d.). International Day of Nowruz. Retrieved October 15, 2026, from https://www.unesco.org/en/days/nowruz

6. Wierzbicka, A. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. Oxford University Press. 2017. https://academic.oup.com/book/48355

TURKMAN TILI DIALEKTLARINING TASNIFI VA ULARNING ADABIY TIL TARAQQIYOTIGA TA'SIRI

Chariyeva Dilnoza Allakulovna
katta o'qituvchi
Qarshi davlat universiteti
Qarshi, O'zbekiston

Annotatsiya. *Mazkur maqolada turkman tili dialektlarini o'rganishning ilmiy-nazariy asoslari, ularni tasniflashda qo'llaniladigan lingvistik mezonlar hamda shevalarning adabiy til rivojidagi ahamiyati yoritiladi. Shuningdek, tarixiy yozma manbalarning dialektologik tadqiqotlardagi o'rni, til hodisalarining etnomadaniy xususiyatlar bilan bog'liqligi va jonli nutqning adabiy til meyorlariga ta'siri tahlil qilinadi.*

Kalit so'zlar: *turkman tili, dialektologik tadqiqotlar, shevalar tasnifi, tarixiy-lingvistik manbalar, etnomadaniy xususiyatlar, adabiy til meyorlari, dialekt va adabiy til munosabatlari, og'zaki nutq.*

Аннотация. *В статье рассматриваются научно-теоретические основы изучения диалектов туркменского языка, лингвистические критерии их классификации, а также роль территориальных разновидностей языка в развитии литературного языка. Особое внимание уделяется значению исторических письменных источников в диалектологических исследованиях, взаимосвязи языковых явлений с этнокультурными особенностями и влиянию живой разговорной речи на формирование и изменение норм литературного языка.*

Ключевые слова*: туркменский язык, диалектологические исследования, классификация диалектов, историко-лингвистические источники, этнокультурные особенности, нормы литературного языка, взаимодействие диалектов и литературного языка, устная речь.*

Abstract. *This article examines the scientific and theoretical foundations of the study of Turkmen language dialects, the linguistic criteria used for their classification, and the role of regional language varieties in the development of the literary language. Particular attention is paid to the significance of historical written sources in dialectological research, the relationship between linguistic phenomena and ethnocultural characteristics, and the influence of spoken language on the formation and evolution of literary language norms.*

Keywords*: Turkmen language, dialectological research, dialect classification, historical and linguistic sources, ethnocultural characteristics, literary language norms, interaction between dialects and the literary language, spoken language.*

Dialektologik tadqiqotlarda tarixiy yozma manbalar alohida ilmiy qimmatga ega. Chunki muayyan sheva xususiyatlarini aks ettirgan yozuv namunalari tilning o'ziga xos jihatlarini, xususan, fonetik belgilarini saqlab qolish imkonini beradi. Shu sababli, mahalliy nutq xususiyatlarini chuqur o'rganishda tarixiy matnlar va yozma manbalardan foydalanish muhim metodologik ahamiyat kasb etadi.

Dialektlarni tadqiq etishning eng muhim manbai jonli nutq sanaladi. Biroq og‘zaki nutq materiallari bilan bir qatorda qadimgi yozma yodgorliklar, she’riy asarlar, hikoyalar va boshqa matniy manbalar ham katta ilmiy ahamiyatga ega. Dialektologiyaning asosiy tadqiqot obyekti bo‘lgan dialekt muayyan hudud aholisi nutqiga xos bo‘lgan fonetik, leksik, morfologik va sintaktik xususiyatlar yig‘indisi orqali namoyon bo‘ladi.

Mahalliy shevalar tilshunoslikka oid ma’lumotlar, etnografik dalillar, tarixiy til qatlamlari va xalq og‘zaki ijodi namunalarini o‘zida mujassam etgan muhim manbalardan hisoblanadi. Ularda saqlangan arxaik til birliklari va qadimiy nutq shakllari tilning tarixiy taraqqiyot jarayonlarini o‘rganishga yordam beradi. Ayrim so‘zlarning turli fonetik variantlarda qo‘llanilishi esa shevalar o‘rtasidagi farqlarni, shuningdek, tilda yuz bergan tarixiy o‘zgarishlarni aniqlash imkonini yaratadi. Bunday hodisalarni tahlil qilishda muayyan so‘z shaklining qaysi hududga va davrga mansubligini tasdiqlovchi dalillarga tayanish zarur.

Shu nuqtai nazardan, dialektlarni o‘rganish orqali til taraqqiyotining turli bosqichlarini belgilash, mahalliy nutq shakllarining tarixiy ildizlarini aniqlash hamda ularning adabiy til bilan munosabatini yoritish mumkin. Bu vazifalarni amalga oshirishda dialektologiyaning maxsus tadqiqot usullaridan foydalaniladi. Jumladan, fonetik tahlil tovush tizimidagi o‘ziga xosliklarni, morfologik tahlil so‘z shakllari va grammatik ko‘rsatkichlarni, leksik tahlil so‘z boyligidagi farqlarni, sintaktik tahlil esa gap qurilishi va so‘z birikmalari xususiyatlarini aniqlashga xizmat qiladi. Ushbu usullarni kompleks qo‘llash muayyan dialektning ichki tizimini, o‘ziga xos belgilarini va til tarixidagi o‘rnini atroflicha yoritish imkonini beradi.

Turkman tili dialektlarining tasnifi va adabiy til bilan o‘zaro aloqasi

Tilshunoslikda dialektlarni tadqiq etish jarayonida ularning hozirgi holati, tarqalish hududi, ijtimoiy vazifasi va qo‘llanish doirasiga alohida e’tibor qaratiladi. Bunday yondashuv mahalliy nutq shakllarining o‘ziga xos xususiyatlarini aniqlash, ularning o‘zaro munosabatlarini belgilash hamda umumxalq tili tizimidagi o‘rnini baholash imkonini beradi.

Turkman tili dialektlarini guruhlarga ajratishda fonetik, leksik va grammatik belgilar muhim mezon vazifasini bajaradi. Tovushlar tarkibi va talaffuzidagi tafovutlar dialektlarni farqlashda, ayniqsa, katta ahamiyatga ega. Ayrim tadqiqotlarda turkman tili shevalari tovush xususiyatlariga ko‘ra muayyan guruhlarga ajratilgan bo‘lib, ular orasida *ж* va *д* tipidagi farqlanishlar ham qayd etiladi. Masalan, *гедиген* va *дөң* kabi leksik birliklarning fonetik tarkibini qiyosiy o‘rganish dialektlar o‘rtasidagi o‘ziga xosliklarni aniqlashga yordam beradi. Shu bilan birga, bir dialekt doirasida ham mahalliy nutq guruhlariga xos ayrim farqlar kuzatilishi mumkin. Bunday xususiyatlar joy nomlari, tarixiy toponimlar va boshqa yozma manbalarda o‘z ifodasini topadi.

Tarixiy yozma yodgorliklar turkman tilining dialektologik xususiyatlarini o‘rganishda muhim manba hisoblanadi. Ular orqali muayyan davrdagi leksik birliklar, grammatik shakllar va fonetik xususiyatlarni tahlil qilish mumkin. Jumladan, Suyun Hojiga nisbat beriladigan «Og‘uznoma» asarida uchraydigan joy nomlari va til birliklarini o‘rganish tarixiy til qatlamlarini aniqlash nuqtai nazaridan ahamiyatlidir. Biroq bunday manbalarning sanasi, muallifligi va ularda keltirilgan til shakllarining xususiyatlari maxsus manbashunoslik tahlili asosida baholanishi lozim.

Dialekt leksikasining tarqalish xususiyatlari uning kelib chiqishi, tarixiy taraqqiyoti va muayyan hudud aholisining turmush tarzi bilan chambarchas bog‘liq. Shu sababli dialektologik tadqiqotlarda leksikografik, etimologik va sotsiolingvistik usullardan keng

foydalaniladi. Bu usullar so‘zlarning ma’no xususiyatlarini, kelib chiqishini, hududiy tarqalishini va nutqda qo‘llanish sharoitlarini aniqlashga xizmat qiladi.

Turkman tili shevalarida uchraydigan tarixiy leksik qatlam xalqning moddiy va ma’naviy madaniyatini o‘rganishda ham muhim ahamiyat kasb etadi. Ayrim so‘zlar qadimiy ma’no xususiyatlarini saqlab qolgan bo‘lib, ular orqali an’anaviy mashg‘ulotlar, urf-odatlar, ijtimoiy munosabatlar va kundalik turmush tarzi haqida ma’lumot olish mumkin. Shu ma’noda, dialekt leksikasi nafaqat til tarixini, balki muayyan etnik guruhning madaniy merosini tadqiq etish uchun ham qimmatli material hisoblanadi.

XX asrda turkman tilining dialektologik xususiyatlarini o‘rganishga qator tilshunoslar hissa qo‘shganlar. Ularning tadqiqotlarida turkman tilining hududiy variantlari, fonetik va grammatik xususiyatlari, leksik tarkibi hamda adabiy til bilan munosabatlari yoritilgan. Mazkur ilmiy izlanishlar turkman tili dialektlarini tizimli ravishda o‘rganish va tasniflash uchun muhim nazariy asos bo‘lib xizmat qilgan. Olimlarning ismlari va ularga tegishli tadqiqotlarni maqolada keltirishda aniq bibliografik manbalarga tayanish zarur.

Adabiy tilning shakllanishi va taraqqiyotida dialektlarning o‘rni beqiyosdir. Turkman adabiy tilining rivojlanish jarayonida ham muayyan hududiy nutq shakllari yetakchi mavqega ega bo‘lgan. Ayrim lingvistik qarashlarga ko‘ra, adabiy turkman tilining shakllanishida teke shevasi muhim asoslardan biri bo‘lib xizmat qilgan. Bu holatni mazkur shevaning tarixiy, ijtimoiy va madaniy mavqei bilan bog‘liq holda o‘rganish mumkin. Biroq adabiy tilning shakllanishini faqat bitta dialekt ta’siri bilan izohlash to‘liq ilmiy tasavvur bermaydi, chunki ushbu jarayon ko‘plab hududiy va ijtimoiy omillar ta’sirida kechgan.

Turkman tilining boshqa shevalari ham adabiy tilning leksik va uslubiy imkoniyatlarini boyitishda muayyan o‘rin tutgan. Yomud, arsari, sariq, alili, chovdur va boshqa guruhlar nutqida saqlangan ayrim so‘zlar hamda ifoda vositalari umumxalq tilining boyligini aks ettiradi. Ularning adabiy tilda qo‘llanilishi leksik tarkibning kengayishi, ma’no imkoniyatlarining ortishi va milliy tilning ifoda vositalari takomillashuviga yordam beradi.

Dialektlar va adabiy til o‘rtasidagi munosabat bir tomonlama jarayon emas. Adabiy til ham ta’lim tizimi, matbuot, kitoblar, radio, televideniye va raqamli axborot vositalari orqali mahalliy nutq shakllariga ta’sir ko‘rsatadi. Natijada ayrim sheva birliklari adabiy meyorlar bilan almashishi, ba’zilari esa adabiy shakllar bilan yonma-yon qo‘llanilishi mumkin. Ayrim leksik va grammatik xususiyatlarning saqlanishi yoki asta-sekin kamayishi esa nutq egalari, hududiy muhit va ijtimoiy omillarga bog‘liq bo‘ladi.

Adabiy til meyorlari va dialekt xususiyatlari o‘rtasidagi o‘zgaruvchan munosabat tilning doimiy taraqqiyotda ekanini ko‘rsatadi. Tilshunoslikda meyorlarning o‘zgarishi va qayta shakllanishi bilan bog‘liq jarayonlar til dinamikasi nuqtai nazaridan o‘rganiladi. Bu jarayonda adabiy tilning barqarorlashtiruvchi vazifasi bilan bir qatorda dialektlarning tarixiy va leksik boylikni saqlovchi xususiyati ham muhim ahamiyatga ega.

Dialektologik izlanishlarda yozma manbalar bilan birga etnografik materiallardan foydalanish ham alohida o‘rin tutadi. Xalqning urf-odatlari, marosimlari, oilaviy munosabatlari, an’anaviy kasblari va kundalik turmushiga oid ma’lumotlar mahalliy leksikaning mazmunini chuqurroq anglashga yordam beradi. Shu nuqtai nazardan, to‘y, nikoh, beshik to‘yi va boshqa marosimlar bilan bog‘liq atamalar turkman tilining etnomadaniy xususiyatlarini aks ettiruvchi muhim til birliklari hisoblanadi.

Etnografik ma’lumotlarni dialektologik materiallar bilan qiyosiy o‘rganish orqali muayyan so‘z va ifodalarning kelib chiqishi, ma’no taraqqiyoti va hududiy xususiyatlarini aniqlash mumkin. Bunday yondashuv tilning ichki tizimini, xalqning tarixiy xotirasini va milliy madaniyat bilan bog‘liq leksik qatlamlarni kompleks tadqiq etishga xizmat qiladi. Demak, tarixiy yozma yodgorliklar, jonli nutq va etnografik manbalarni o‘zaro uyg‘unlikda tahlil qilish turkman tili dialektologiyasining muhim vazifalaridan biri sanaladi.

Turkman tili dialektlarini lingvistik va lingvomadaniy jihatdan o‘rganishda mahalliy nutqqa xos leksik birliklar, grammatik shakllar hamda xalqning an’anaviy turmush tarzi bilan bog‘liq ifodalar muhim ahamiyatga ega. B. A. Sabitov, S. Agayev, I. Murodov va A. M. Shukurov kabi tadqiqotchilarning ishlari ushbu yo‘nalishdagi ilmiy izlanishlar doirasida ko‘rib chiqilishi mumkin. Dialekt leksikasini madaniy muhit bilan bog‘liq holda tahlil qilish orqali xalqning mehnat faoliyati, oilaviy munosabatlari va ijtimoiy hayotiga oid ma’lumotlarni aniqlash imkoni tug‘iladi. Bu borada S. Murodov va S. Agayevning «Turkman tilining hozirgi holati» asariga havola keltirilgan bo‘lsa-da, uning bibliografik ma’lumotlari va tegishli sahifalarini aniqlashtirish lozim.

Xulosa qilib aytganda, turkman tili dialektlari milliy tilning tarixiy xotirasi, leksik boyligi va etnomadaniy xususiyatlarini o‘zida mujassam etgan muhim manbalardan hisoblanadi. Ularni fonetik, leksik, morfologik, sintaktik, sotsiolingvistik va lingvomadaniy jihatdan kompleks o‘rganish tilning ichki qonuniyatlarini ochib berish, adabiy tilning shakllanish va rivojlanish jarayonlarini tushuntirish hamda milliy madaniy merosni ilmiy asosda tadqiq etish imkonini beradi.

Foydanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Азимов П. Хазирки заман туркмен дили, гириш,лексика. Ашгабат,1959.
2. Амансарыев Дж. Туркмен диалектологияси . Ашгабат,1970.
3. Куренов С. Туркмен дилининг узын ве гысга чекимлилери. Ашгабат, 1971.
4. Мухаммедова З.Б. Исследования по истории туркменского языка XI-XIV вв. Ашгабат, 1973

FRANSUZ TILIDAGI EMOTSIONAL FE'LLARNING FUNKSIONAL XUSUSIYATLARI

Nurullayev Javohir
Turon universiteti o‘qituvchisi
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Ushbu maqola fransuz tilidagi emotsional fe’llarning funksional-semantik va sintaktik xususiyatlarini tadqiq etishga bag‘ishlangan. Ishda his-tuyg‘u va emotsiyalarni ifodalovchi fe’llarning gap tarkibidagi lisoniy tabiati, ularning subyekt va obyekt munosabatlarini shakllantirishdagi o‘rni tahlil qilinadi. Shuningdek, emotsional fe’llarning kontekstual ma’no ko‘chishlari, ularning fransuz nutqiy diskursidagi pragmatik vazifalari hamda sintaktik konstruksiyalarda (xususan, Subjonctif maylining qo‘llanilishi bilan bog‘liq holda) namoyon bo‘lish xususiyatlari yoritib berilgan. Tadqiqot natijalari*

fransuz tili grammatikasi va diskursiv tahlil sohasidagi tushunchalarni kengaytirishga xizmat qiladi.

Kalit so‘zlar: *emotsional fe’llar, funksional xususiyatlar, semantika, sintaktik konstruksiya, diskurs, pragmatika, subyekt-obyekt munosabatlari, Subjonctif.*

Abstract. *This article is devoted to the study of the functional-semantic and syntactic characteristics of emotional verbs in the French language. The paper analyzes the linguistic nature of verbs expressing feelings and emotions, as well as their role in shaping subject-object relations within a sentence. Furthermore, the contextual shifts in the meaning of emotional verbs, their pragmatic functions in French speech discourse, and their specific behavior in syntactic constructions (particularly in relation to the use of the Subjonctif mood) are highlighted. The results of the study contribute to expanding the understanding of French grammar and discourse analysis.*

Keywords: *emotional verbs, functional characteristics, semantics, syntactic construction, French language, discourse, pragmatics, subject-object relations, Subjonctif.*

Аннотация. *Данная статья посвящена исследованию функционально-семантических и синтаксических особенностей эмоциональных глаголов во французском языке. В работе анализируется языковая природа глаголов, выражающих чувства и эмоции, в структуре предложения, а также их роль в формировании субъектно-объектных отношений. Кроме того, освещаются контекстуальные сдвиги значений эмоциональных глаголов, их прагматические функции в французском речевом дискурсе и особенности проявления в синтаксических конструкциях (в частности, в связи с использованием наклонения Subjonctif). Результаты исследования способствуют расширению научных представлений в области грамматики и дискурсивного анализа французского языка.*

Ключевые слова: *эмоциональные глаголы, функциональные особенности, семантика, синтаксическая конструкция, дискурс, прагматика, субъектно-объектные отношения, Subjonctif.*

Kirish. Zamonaviy taraqqiyot va globallashuv sharoitida xalqaro munosabatlar hamda madaniyatlararo muloqotni rivojlantirish to‘g‘ridan-to‘g‘ri ta’lim tizimining sifati va jamiyat a’zolarining til bilish salohiyatiga bog‘liqdir. O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyev ta’lim muassasalari bitiruvchilarining kamida ikkita chet tilini mukammal bilishlari shartligini qat’iy talab sifatida belgilab, raqobatdosh davlat qurish maqsadida xorijiy tillarni o‘rgatish bo‘yicha kelajak uchun mustahkam poydevor bo‘ladigan yangi tizimni yo‘lga qo‘yish zarurligini alohida ta’kidlagan [1]. Ushbu strategik vazifa doirasida jahon hamjamiyatida salmoqli o‘ringa ega bo‘lgan fransuz tilining funksional va tizimli xususiyatlarini lingvistik jihatdan chuqur tadqiq etish muhim ilmiy ahamiyat kasb etadi.

Fransuz tili grammatikasi va semantikasida inson his-tuyg‘ulari hamda ichki kechinmalarini aks ettiruvchi emotsional fe’llar, ya’ni psixologik fe’llar (*psych-verbs*) o‘zining serqirra tabiati bilan ajralib turadi. Lingvistik adabiyotlarda mazkur guruhga mansub leksik birliklar shunchaki harakat yoki holatni emas, balki murakkab subyektiv

munosabatlarni ifodalashi sababli tilshunoslar e’tiborini doimiy ravishda jalb qilib kelmoqda. Xususan, fransuz tilshunosi Sharl Balli lisoniy emotsionallik va ekspressivlik muammolarini o‘rganar ekan, tilning ta’sirchanlik vazifasi sintaktik sathda fe’llarning o‘ziga xos tarzda guruhlanishi orqali namoyon bo‘lishini asoslab bergan. Olimning qarashlari emotsional fe’llarning diskursiv tabiati va so‘zlovchi nutqidagi pragmatik maqsadlarini tushunishga yo‘l ochdi [2].

Lisoniy birliklarning gap tarkibidagi valentlik xususiyatlari va argumentlar tuzilishini tadqiq etishda Lyusyen Tenyerning strukturaviy sintaksis nazariyasi muhim nazariy asos bo‘lib xizmat qiladi. Mazkur nazariya doirasida keyinchalik xalqaro tilshunoslikda emotsional fe’llarning sintaktik xatti-harkati ikki yo‘nalishda tahlil qilina boshlandi. Birinchi guruhda emotsiyani boshdan kechiruvchi subyekt gapda ega vazifasida kelishi (*Experiencer-Subject*) kuzatilsa, ikkinchi guruhda emotsiyaga turtki bo‘lgan omil egaga, subyekt esa to‘ldiruvchiga aylanishi (*Experiencer-Object*) fransuz tili tizimidagi fe’llarning o‘ziga xos valentlik imkoniyatlarini ko‘rsatadi [3]. Ushbu konseptual model doirasida Noam Xomskiy va uning izdoshlari tomonidan ilgari surilgan generativ grammatika yo‘nalishida ham psixologik fe’llarning chuqur va yuzaki sintaktik tuzilmalari o‘rtasidagi nomutanosibliklar atroflicha o‘rganilgan [4].

Fransuz lisoniy tizimida emotsional fe’llarning mavjudligi nafaqat semantik satfda, balki fe’l mayllari tizimida ham jiddiy o‘zgarishlarni taqozo etadi. Moris Gross va uning rahbarligidagi *Linguistique Informatique Formelle* maktabi vakillari tomonidan olib borilgan kompyuter va strukturaviy lingvistika tadqiqotlarida emotsional fe’llarning gapda *Subjonctif* (orzu-istak, gumon, emotsiya) maylini qat’iy ravishda boshqarish qonuniyatlari aniqlangan. Ushbu lisoniy fakt emotsional fe’llarning shunchaki lug‘aviy birlik emas, balki fransuz tili sintaksisida jiddiy grammatik modifikator (o'zgartiruvchi) vazifasini bajarishini isbotlaydi [5].

Fransuz tili nutqiy diskursida emotsional fe’llarning funksional-semantik maydonini yaxlit tizim sifatida o‘rganish, ularning semantik tarkibidagi ma’no ko‘chishlarini aniqlash hamda gap qurilishidagi lisoniy rollarini tizimlashtirish bugungi kunda ham dolzarb muammolardan biri bo‘lib qolmoqda. Mazkur tadqiqotda fransuz tilidagi psixologik fe’llarning semantik va sintaktik xususiyatlari, ularning nutqiy jarayondagi pragmatik imkoniyatlari hamda gap sathida argumentlarni taqsimlash qonuniyatlari tahlil obyekti sifatida belgilandi.

Fransuz tilidagi emotsional fe’llarning funksional xususiyatlari lisoniy tizimda o‘ziga xos zanjirni hosil qiladi va matn strukturasida dinamik vazifalarni bajaradi. Ushbu leksik guruh shunchaki inson ichki kechinmalarini nomlash bilan cheklanib qolmay, balki jumlalarning sintaktik tuzilishini tubdan o‘zgartirish, gap bo‘laklari o‘rtasidagi munosabatlarni qayta taqsimlash va nutqiy vaziyatga mos ravishda pragmatik ta’sir o‘tkazish imkoniyatiga ega.

Mazkur fe’llarning eng asosiy funksional tabiati gap tarkibidagi semantik rollar, xususan, emotsiyani boshdan kechiruvchi subyekt (*Experiencer*) va unga sabab bo‘luvchi turtki (*Stimulus*) munosabatlarida yaqqol ko‘zga tashlanadi. Fransuz tili tizimida ushbu rollarning taqsimlanishi fe’lning xususiyatiga ko‘ra ikki xil sintaktik yo‘nalishda amalga oshiriladi. Masalan, *aimer* (sevmoq), *adorer* (sajda qilmoq), *craindre* (qo‘rqmoq) yoki *regretter* (afsuslanmoq) kabi subyekt-ega modeliga mansub fe’llar qo‘llanilganda, emotsiyani boshdan kechirayotgan inson grammatik jihatdan ega vazifasini egallaydi. *“Lucas craint*

l'échec" (Lukas muvaffaqiyatsizlikdan qo‘rqadi) jumlasi orqali so‘zlovchi diqqat markazini bevosita shaxsning ichki holatiga qaratadi, ya'ni bu yerda inson faol his etuvchi element o‘rnida keladi. Aksincha, *plaire* (yoqmoq), *irriter* (g‘ashini keltirmoq) yoki *choquer* (hayratda qoldirmoq) kabi to‘ldiruvchi-subyekt modelidagi fe'llar matnga kiritilganda, funksional urg‘u butunlay o‘zgaradi. Xususan, *"Cette décision irrite les employés"* (Bu qaror xodimlarning g‘ashini keltirmoqda) gapida emotsiyaga sabab bo‘lgan tashqi omil ega o‘rniga chiqishi natijasida fe'l insonga yo‘naltirilgan tashqi psixologik ta'sir kuchini ko‘rsatishga xizmat qiladi [6].

Sintaktik-grammatik sathda emotsional fe'llar fransuz tili murakkab gaplari tarkibida kuchli modifikatorlik (boshqaruvchanlik) funksiyasini bajaradi. Bosh gapda emotsional fe'lning mavjudligi ergash gapdagi kesimning ob'ektiv voqeelikni ifodalovchi *Indicatif* (aniqlik) maylidan chiqib, subyektiv munosabatni anglatuvchi *Subjonctif* (shartli-istak) mayliga o‘tishini qat'iy talab qiladi. Buni *"Je suis heureux q'elle* ***sache*** *la vérité"* (U haqiqatni bilishidan xursandman) misolida ko‘rish mumkin; bu yerda *savoir* fe'li bosh gapdagi emotsiya ta'sirida *sache* shakliga kirib, voqeelikning mustaqil fakt emas, balki so‘zlovchi hissiyoti prizmasidan o‘tayotgan tushuncha ekanligini funksional jihatdan muhrlaydi.

Nutqiy faoliyat yoki muloqot diskursida ushbu fe'llarning funksionalligi pragmatik va illokutiv niyatlarni yuzaga chiqarishda yaqqol namoyon bo‘ladi. Kundalik yoki rasmiy muloqotda so‘zlovchilar o‘z suhbatdoshlariga ta'sir o‘tkazish, masofa saqlash yoki etiket qoidalariga rioya qilish uchun aynan emotsional konnotatsiyaga ega fe'llarga tayanadilar. Masalan, rasmiy uchrashuvlarda qo‘llaniladigan *"Je regrette de vous contredire"* (Sizga e'tiroz bildirayotganimdan afsusdaman) jumlasidagi fe'l haqiqiy ichki qayg‘uni emas, balki nutqiy madaniyatni yumshatish, suhbatdoshga bo‘lgan hurmatni saqlagan holda fikrni ifodalash funksiyasini bajaradi. Shu bilan birga, ko‘plab emotsional fe'llar kontekstual-semantik transformatsiyaga uchrab, o‘zining birlamchi leksik keskinligini yo‘qotadi. Chunonchi, asl ma'nosi "nafratlanmoq" bo‘lgan *détester* fe'li kundalik fransuz nutqida *"Je déteste attendre le bus"* (Avtobus kutishni yomon ko‘raman) shaklida qo‘llanilganda, subyekt g‘azabini emas, balki shunchaki kichik noqulaylikni ifodalovchi modallik vazifasini o‘z zimmasiga oladi. Bu esa emotsional fe'llarning fransuz lisoniy konseptualizatsiyasida eguluvchan va ko‘p funksiyali tizim ekanligini anglatadi.

Xulosa. Fransuz tilidagi emotsional fe'llarni (psixologik fe'llarni) tadqiq etish shuni ko‘rsatadiki, mazkur leksik guruh til tizimida shunchaki his-tuyg‘ularni ifodalab qolmay, kuchli sintaktik va pragmatik vazifalarni bajaradi. Ushbu fe'llar gap tarkibida emotsiyani boshdan kechiruvchi subyekt (*Experiencer*) va unga turtki bo‘luvchi omil (*Stimulus*) munosabatlarini qayta taqsimlash mexanizmiga ega bo‘lib, fransuz nutqining ekspressivligi va moslanuvchanligini ta'minlaydi.

Grammatik sathda emotsional fe'llarning murakkab gap tarkibida *Subjonctif* maylini qat'iy talab qilishi ularning kuchli modifikatorlik funksiyasidan dalolat beradi va ob'ektiv voqeelikni subyektiv munosabatga aylantirishga xizmat qiladi. Muloqot diskursida esa mazkur birliklar nutqni yumshatish va etiket qoidalarini shakllantirishda faol pragmatik vosita bo‘lib keladi.

Xulosa qilib aytganda, emotsional fe'llarning funksional qonuniyatlarini chuqur anglash fransuz tili sintaksisi va semantikasini tizimli o‘rganishga poydevor yaratadi. Bu esa

mamlakatimiz zamonaviy ta’lim strategiyasida belgilangan xorijiy tillarni mukammal egallash, talaba va tadqiqotchilarning xalqaro lisoniy kompetensiyasini hamda madaniyatlararo muloqot madaniyatini oshirishda muhim amaliy ahamiyat kasb etadi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Mirziyoyev Shavkat Miromonovich. Xorijiy tillarni o‘rgatish tizimini ommalashtirish va takomillashtirish chora-tadbirlari bo‘yicha videoselektor yig‘ilishi.– 2021 y. O‘zbekiston respublikasi prezidentining rasmiy veb-sayti. president.uz

2. Ch. Bally Traité de stylistique française. Heidelberg. Carl Winter, – 1909. 595 p

3. Tesnière,Lucien. Éléments de syntaxe structurale. Éditions Klincksieck. – 1959. P 97–128

4. Noam Chomsky. Aspects of the Theory of Syntax. MIT Press. – 1965. P 16–27.

5. Maurice Gross. Correspondance entre forme et sens: à propos du subjonctif. Langue française. Larousse. Armand Colin. – 1978. P 49–65.

6. Nicolas Ruwet. Les verbes dits psychologiques et la syntaxe. Armand Colin. Persée. – 1993. P 35–55.

TUPROQ LEKSIKASINING METAFORIK MODELLARI: TERMINDAN OBRAZGA VA OBRAZDAN TERMINGA

Hamidova Mohlarbegim Hamid qizi
o‘qituvchi
Axborot texnologiyalari va menejment universiteti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada o‘zbek tilidagi tuproq bilan bog‘liq leksik birliklarning ikki yo‘nalishdagi harakati – umumiste’mol so‘zning ilmiy terminga aylanishi va terminning badiiy-publitsistik matnda obrazli ma’no kasb etishi – kognitiv metafora nazariyasi asosida tahlil qilinadi.* ***Tuproq – tirik organizm, tuproq – ona, tuproq – idish, tuproq – imorat*** *modellari ajratilib, ularning terminologik va lingvopoetik voqelanishi qiyoslanadi.*

Kalit so‘zlar: *tuproqshunoslik termini, kognitiv metafora, konseptual model, determinologizatsiya, terminlashuv, lingvopoetika, antropomorfizm.*

Аннотация. *В статье на материале узбекской почвоведческой лексики рассматривается двунаправленное движение: терминологизация общеупотребительных слов и детерминологизация терминов в художественном и публицистическом тексте. Выделены метафорические модели* ***почва – живой организм, почва – мать, почва – вместилище, почва – строение.***

Ключевые слова: *почвоведческий термин, когнитивная метафора, концептуальная модель, детерминологизация, лингвопоэтика.*

Abstract. *The paper examines the two-way movement of Uzbek soil vocabulary – terminologization of everyday words and determinologization of terms in literary and journalistic texts – within the framework of conceptual metaphor theory. The models* ***soil is a***

living organism, soil is a mother, soil is a container and soil is a building *are identified and compared.*

Keywords: *soil science term, conceptual metaphor, cognitive model, determinologization, linguopoetics.*

Terminologiyaga oid an'anaviy qarashlarda metafora ko'pincha ilmiy nutq uchun "begona" hodisa sifatida baholangan: termin aniq, bir ma'noli va emotsional jihatdan betaraf bo'lishi lozim, obrazlilik esa badiiy nutqning mulki deb hisoblangan. Biroq XX asrning so'nggi choragida J. Lakoff va M. Jonson metaforani nutq bezagi emas, balki tafakkur mexanizmi sifatida talqin qilganidan keyin bu qarash tubdan o'zgardi [1: 3–6-b.]. R. Temmerman esa ilmiy tushunchalarning shakllanishida metaforik tafakkur hal qiluvchi rol o'ynashini maxsus terminologiya materialida ko'rsatib berdi [2: 155–210-b.]. Tuproqshunoslik bu jihatdan ayniqsa qiziqarli soha: uning obyekti – tuproq – inson hayoti bilan ming yillar davomida chambarchas bog'langan, shu bois u haqidagi ilmiy bilim xalq tasavvurlari zaminida shakllangan.

O'zbek tilidagi tuproq leksikasini kuzatish shuni ko'rsatadiki, bu sohada so'zlar ikki qarama-qarshi yo'nalishda harakatlanadi. Birinchi yo'nalish – **terminlashuv**: kundalik nutqdagi obrazli ifoda ilmiy tushunchaning nomiga aylanadi. Ikkinchi yo'nalish – **determinologizatsiya**: ilmiy termin badiiy, publitsistik yoki so'zlashuv nutqiga o'tib, ko'chma, baholovchi ma'no kasb etadi. Har ikki jarayonning negizida bir xil konseptual modellar turishi ularni yaxlit tahlil qilish imkonini beradi. Quyida ana shunday to'rt modelni ko'rib chiqamiz.

1. TUPROQ – TIRIK ORGANIZM. Bu model o'zbek tilida eng keng tarqalgan va eng unumli konseptual metaforadir. Dehqon nutqida yer "charchaydi", "dam oladi", "chanqaydi", "to'yadi"; *yerni dam oldirish*, *charchagan yer*, *yer chanqadi* kabi ifodalar tuproqqa tirik mavjudot xususiyatlarini ko'chiradi. Diqqatga sazovor tomoni shundaki, zamonaviy tuproqshunoslik ham aynan shu modelni ilmiy darajada qayta tikladi: tuproqning nafas olishi (karbonat angidrid ajralishi), tuproq biotasi, tuproq salomatligi (ingl. *soil health*) kabi tushunchalar tuproqni tirik tizim sifatida talqin qiladi. V.V. Dokuchayev tuproqni tirik va o'lik tabiat o'zaro ta'sirining mahsuli, alohida tabiiy jism sifatida ta'riflagani ham bu modelga ilmiy asos bo'lgan [3]. Shunday qilib, xalq metaforasi va ilmiy konsepsiya bir-biriga qarshi turmaydi, aksincha, biri ikkinchisini tasdiqlaydi.

Badiiy matnda bu model yanada keng ifoda imkoniyatiga ega bo'ladi. Yerning "uyg'onishi", "yuragi", "nafasi" haqidagi tasvirlar o'zbek she'riyatida bahor, mehnat va hayot boshlanishi ramzi sifatida keng qo'llanadi. Bunda ilmiy kontekstdagi tavsifiy ma'no o'rnini emotsional-ekspressiv ma'no egallaydi, ammo konseptual asos o'zgarmaydi.

2. TUPROQ – ONA. Ikkinchi model jins, kelib chiqish va oziqlantirish tushunchalari atrofida shakllangan. Tuproqshunoslikdagi *ona jins* (tuproq hosil qiluvchi jins) termini rus tilidagi *материнская порода* birikmasining kalkasi bo'lsa-da, o'zbek tilida u tayyor zamin topdi: *ona yer*, *ona zamin*, *ona tuproq* kabi perifrazalar xalq ongida azaldan mavjud edi. Natijada ilmiy termin o'zbek tilida chet unsurdek emas, balki tabiiy birikma sifatida qabul qilindi. Bu holat yangi terminning muvaffaqiyatli o'zlashuvi uchun uning tildagi mavjud konseptual model bilan mos kelishi muhim ekanini ko'rsatadi.

Mazkur model *unumdorlik* termini bilan ham bog‘liq: tuproqning hosil berish qobiliyati ona va farzand munosabati orqali anglanadi, *yer boqadi*, *yer – boquvchi* kabi ifodalar bunga misoldir. Lingvopoetik jihatdan esa *ona tuproq* birikmasi vatan, ajdodlar xotirasi va muqaddaslik tushunchalarini mujassam etadi. Xalq maqollarida yerning boquvchilik tabiati mehnat bilan bog‘liq holda ifodalanadi [4: 50–54-b.].

3. TUPROQ – IDISH. Uchinchi model ko‘proq ilmiy terminologiyada voqelanadi va kundalik nutqda kam seziladi. *Nam sig‘imi*, *singdirish sig‘imi*, *dala nam sig‘imi*, *to‘liq nam sig‘imi* kabi terminlarda tuproq ichiga suv, ozuqa moddalar va kationlarni "sig‘diradigan" idish sifatida tasavvur qilinadi. Bu metafora D.S. Lotte ta’kidlagan terminning tizimliligi talabiga to‘liq javob beradi: bir model asosida bir qator o‘zaro bog‘liq terminlar hosil bo‘ladi [5: 25–30-b.]. "Idish" modeli tuproq tarkibidagi moddalarning miqdoriy o‘lchovini tushunarli qiladi, chunki "sig‘im" tushunchasi har bir so‘zlovchining kundalik tajribasida mavjud.

4. TUPROQ – IMORAT. To‘rtinchi model tuproqning ichki tuzilishini nomlashda yetakchi bo‘lib, asosan baynalmilal terminlar orqali kirib kelgan: *struktura* ("qurilma"), *profil* ("kesim, chizma"), *gorizont* ("qavat" ma’nosida), *qatlam*, *agregat*. O‘zbek tilida bu tushunchalarning bir qismi milliy so‘zlar bilan ham ifodalanadi: *qatlam*, *tuzilma*, *donador tuzilish*. Tuproq profilining "qavat-qavat" tuzilishi bino tasviriga yaqinligi tufayli bu model ta’lim jarayonida ham qulay: o‘quvchi tuproq kesmasini ko‘p qavatli imoratdek tasavvur qilib, har bir gorizontning vazifasini oson anglaydi.

Teskari yo‘nalish: termin obrazga aylanganda. Tuproqshunoslik terminlari badiiy va publitsistik matnda ham faol ishlatiladi. *Eroziya*, *degradatsiya*, *sho‘rlanish*, *ildiz otmoq*, *qo‘riq ochmoq* kabi birliklar ijtimoiy-ma’naviy hodisalarni tasvirlashda metafora sifatida qo‘llanadi: *ma’naviy eroziya*, *axloqiy degradatsiya*, *qalbning sho‘rlanishi*. Bunday qo‘llanishda qiziq bir aksiologik siljish kuzatiladi. Ilmiy kontekstda betaraf yoki hatto ijobiy bo‘lgan jarayon ko‘chma ma’noda salbiy baho oladi. Masalan, *chirish* tuproqshunoslikda chirindi (gumus) hosil bo‘lishining zarur bosqichi, ya’ni unumdorlik manbai bo‘lsa, ko‘chma ma’noda inqiroz va buzilishni anglatadi. Bu holat terminning tizimdagi ma’nosi bilan umumtil ma’nosi o‘rtasidagi masofani yaqqol ko‘rsatadi.

M. Yo‘ldoshev badiiy matnda so‘zning estetik vazifasi uning kommunikativ vazifasidan ustun kelishini ta’kidlaydi [6: 12–15-b.]. Tuproq leksikasi misolida bu fikr o‘ziga xos tarzda tasdiqlanadi: terminologik aniqlik badiiy matnda yo‘qolmaydi, balki obrazning ishonarliligini ta’minlovchi “ilmiy fon”ga aylanadi. *Sho‘rlangan yer* tasviri, masalan, ekologik muammoni ham, inson taqdiridagi mahrumlikni ham bir vaqtda ifodalashi mumkin.

O‘xshatish va perifrazalardagi etalonlar. Tuproq leksikasi o‘zbek tilidagi o‘xshatishlarda ham etalon vazifasini bajaradi: *tuproqdek xor* (qadrsizlik), *qumdek ko‘p* (son-sanoqsizlik), *kesakdek qotib qolmoq* (qattiqlik, harakatsizlik), *yerdek og‘ir/sabrli* (bardosh). N. Mahmudov va D. Xudoyberganova tuzgan o‘xshatishlar lug‘atida bunday birliklar milliy obrazli tafakkurning barqaror namunalari sifatida qayd etilgan [7]. E’tiborli jihati shundaki, o‘xshatishlarda asosan tub turkiy so‘zlar (*tuproq*, *qum*, *kesak*, *yer*) ishtirok etadi, baynalmilal terminlar (*gumus*, *lyoss*) esa deyarli uchramaydi. Bu tuproq leksikasining obrazli qatlami ilmiy terminologiyadan ancha qadimiy ekanini ko‘rsatadi.

Perifrazalarda (*ona tuproq*, *ota-bobolar tuprog‘i*, *qora yer*, *oltin tuproq*) esa tuproq vatan, ajdodlar xotirasi, rizq manbai va o‘lim tushunchalarini ifodalaydi. *Qora yer* birikmasi

bu jihatdan alohida qiziqish uyg‘otadi: tuproqshunoslikda u unumdor qora tuproq (chernozyom) tushunchasiga yaqin tursa, xalq nutqida qabr va o‘lim ma’nosidagi perifraza sifatida ham qo‘llanadi. Bitta birikmada terminologik va obrazli ma’nolarning kesishuvi tuproq leksikasining ikki qirrali tabiatini aniq namoyon etadi.

Xulosa. O‘tkazilgan tahlil quyidagi xulosalarga olib keladi. Birinchidan, o‘zbek tilidagi tuproq leksikasida terminlashuv va determinologizatsiya bir xil konseptual modellar asosida kechadi, shu bois ularni alohida emas, yaxlit o‘rganish maqsadga muvofiq. Ikkinchidan, TUPROQ – TIRIK ORGANIZM va TUPROQ – ONA modellari xalq tafakkurida azaldan mavjud bo‘lib, zamonaviy ilmiy terminlarning (*ona jins, tuproq salomatligi*) oson o‘zlashuviga zamin yaratgan. Uchinchidan, TUPROQ – IDISH va TUPROQ – IMORAT modellari asosan ilmiy terminologiyada, ko‘pincha baynalmilal terminlar orqali voqelangan. To‘rtinchidan, terminlar obrazli nutqqa o‘tganda aksiologik siljishga uchraydi. Bu natijalar yangi milliy terminlar yaratishda tilning mavjud konseptual modellarini hisobga olish zarurligini ko‘rsatadi: mavjud metaforik tizimga mos keladigan termin barqaror o‘zlashadi, unga zid kelgani esa uzoq vaqt “begona” bo‘lib qoladi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.

2. Temmerman R. Towards New Ways of Terminology Description: The Sociocognitive Approach. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2000.

3. Докучаев В.В. Русский чернозём. – СПб., 1883.

4. O‘zbek xalq maqollari. – Toshkent: Sharq, 2005.

5. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.

6. Yo‘ldoshev M. Badiiy matn lingvopoetikasi. – Toshkent: Fan, 2008.

7. Mahmudov N., Xudoyberganova D. O‘zbek tili o‘xshatishlarining izohli lug‘ati.– Toshkent: Ma’naviyat, 2013.

8. Safarov Sh. Kognitiv tilshunoslik. – Jizzax: Sangzor, 2006.

TURKIY XALQ GEOGRAFIK TERMINLARINING XALQARO TUPROQSHUNOSLIK TERMINOLOGIYASIGA O‘TISHI VA QAYTMA O‘ZLASHMA HODISASI (TAQIR TERMINI MISOLIDA)

Hamidova Mohlarbegim Hamid qizi
o‘qituvchisi
Axborot texnologiyalari va menejment universiteti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada turkiy tillarga, xususan, o‘zbek tiliga mansub yer, tuproq va relyef nomlarining rus tili orqali xalqaro tuproqshunoslik va geografiya terminologiyasiga o‘tishi tahlil qilinadi. Taqir, barxan, adir, say, to‘qay, ariq kabi so‘zlarning semantik taraqqiyoti kuzatilib, ularning o‘zbek tiliga ilmiy ma’no bilan "qaytishi" hodisasi asoslanadi.*

Kalit so‘zlar: *tuproqshunoslik terminologiyasi, xalq geografik terminlari, terminlashuv, o‘zlashma, reemprunt (qaytma o‘zlashma), taqir.*

Аннотация. *В статье рассматривается переход тюркских, в частности узбекских, названий земель, почв и форм рельефа через русский язык в международную почвоведческую и географическую терминологию. Прослежено семантическое развитие слов такыр, бархан, адыр, сай, тугай, арык и обоснован феномен их «возвращения» в узбекский язык с научным значением.*

Ключевые слова: *почвоведческая терминология, народные географические термины, терминологизация, заимствование, реэмпрунт, такыр.*

Abstract. *The paper examines how Turkic, particularly Uzbek, names of lands, soils and landforms entered international soil science and geographical terminology through Russian. The semantic development of takyr, barchan, adyr, say, tugai and aryk is traced, and the phenomenon of their "return" to Uzbek with a scientific meaning is substantiated.*

Keywords: *soil science terminology, folk geographical terms, terminologization, borrowing, re-borrowing, takyr, WRB.*

O‘zbek tuproqshunoslik terminologiyasi haqida so‘z borganda, odatda, bir yo‘nalishdagi jarayon – rus tili orqali kirgan baynalmilal terminlar (*gumus*, *eroziya*, *gorizont*, *melioratsiya*) va kalkalar (*tuproq qoplami*, *ona jins*) ta’kidlanadi. Biroq terminologik aloqalar hech qachon bir tomonlama bo‘lmagan. Markaziy Osiyo tabiatini o‘rgangan rus va keyinchalik xalqaro olimlar mahalliy aholining yer, tuproq va relyef haqidagi aniq, ixcham va tajribada sinalgan nomlariga duch kelishgan va ularning bir qismini o‘z ilmiy tiliga qabul qilishgan. Natijada turkiy so‘zlar ilmiy terminga aylanib, xalqaro lug‘atlarga kirgan, ba’zilari esa yangi, ilmiy ma’no bilan boyigan holda o‘zbek tiliga qaytgan. Ushbu maqolada ana shu "teskari oqim" bir necha misollar asosida tahlil qilinadi.

Xalq geografik terminlarining ilmiy qimmati. E.M. Murzayev xalq geografik terminlarini maxsus o‘rganib, ularning ko‘pchiligi ilmiy terminlarga qaraganda aniqroq va mahalliy sharoitga moslashganroq ekanini ta’kidlagan [1]. Haqiqatan ham, cho‘l va voha sharoitida yashagan xalq uchun yerning sho‘rligi, qattiqligi, suv ushlash qobiliyati hayot-mamot masalasi bo‘lgan, shu bois bu belgilar tilda nozik farqlar bilan qayd etilgan. Ilmiy

tuproqshunoslik Turkistonga kirib kelganida tayyor, aniq ishlaydigan nomlar tizimi bilan uchrashdi va ulardan foydalanmasdan ilojsiz qoldi. V.A. Kovdaning sho‘rlangan tuproqlarga bag‘ishlangan asarlarida ham Markaziy Osiyo xalq terminlari keng qo‘llanganini ko‘rish mumkin [2].

Taqir terminining semantik taraqqiyoti. *Taqir* so‘zining o‘zbek tilidagi dastlabki va hozir ham faol ma’nosi "sochi olingan, silliq" (*taqir bosh*), umuman, "ustida hech narsa yo‘q, yalang‘och, silliq"dir [3]. Xalq nutqida bu so‘z o‘simliksiz, yuzasi qattiq va silliq, qurg‘oqchilikda yorilib ketadigan yer maydonlarini nomlash uchun qo‘llangan: bunda "yalang‘och, silliq bosh" obrazi yer yuzasiga metaforik ko‘chirilgan. Rus tuproqshunoslari va geograflari bu so‘zni *такыр* shaklida qabul qilib, unga aniq ilmiy mazmun berishdi: cho‘l zonasida vaqtincha suv to‘planib, so‘ng qurib qoladigan pastqamliklarda hosil bo‘ladigan, yuzasida zich qatqaloq qatlami bo‘lgan og‘ir mexanik tarkibli tuproqlar. Shu tariqa *taqir* tuproq tasnifida mustaqil tip nomiga aylandi va undan *taqirsimon tuproq* kabi hosilalar yaratildi [4].

Taqirning yo‘li shu bilan tugamadi. Xalqaro tuproq tasnifi WRB (*World Reference Base for Soil Resources*, o‘zbekcha “Tuproq resurslarining jahon ma’lumot bazasi”) tizimida *Takyric* kvalifikatori mavjud bo‘lib, u yuzasida taqirga xos qatqaloqli qatlami bo‘lgan tuproqlarni belgilaydi [5]. Shunday qilib, o‘zbek dehqoni va chorvadorining kundalik so‘zi lotincha shakllangan xalqaro ilmiy nomenklaturaga kirdi. Bugun o‘zbek tuproqshunoslik darsliklarida *taqir* va *taqirsimon tuproq* terminlari ana shu ilmiy ma’noda qo‘llanadi. Bu so‘z o‘zbek tiliga qaytganda uning shakli o‘zgarmadi, ammo mazmuni boyidi: endi u nafaqat "yalang‘och yer", balki genezisi, morfologiyasi va kimyoviy xossalari aniq belgilangan tuproq tipini anglatadi. Tilshunoslikda bunday hodisa qaytma o‘zlashma (reemprunt) deb ataladi.

Barxan: turkiy so‘zdan jahon geografiyasi termini. O‘roqsimon shakldagi, shamol ta’sirida harakatlanuvchi qum tepaliklarini nomlovchi *barxan* so‘zi rus tili orqali jahon geografiyasiga *barchan* shaklida kirgan va bugun ingliz, nemis, fransuz ilmiy adabiyotida xalqaro termin sifatida qo‘llanadi [1]. Bu so‘z bevosita tuproqshunoslik termini bo‘lmasa-da, *qumli cho‘l tuproqlari*, *shamol eroziyasi* va *deflyatsiya* tushunchalari bilan bir freymda turadi va cho‘l landshaftini tavsiflashda tuproq terminlari bilan birga ishlatiladi.

Adir, say, to‘qay, ariq. O‘rta Osiyo geografiyasiga oid rus ilmiy adabiyotida bir qator o‘zbekcha relyef va yer nomlari maxsus termin sifatida o‘rnashgan. *Adir* (ruscha *адыры*) – tog‘ oldi past tepaliklari, ayniqsa Farg‘ona vodiysini o‘rab turgan tepaliklar; bu yerlardagi tuproqlar tuproqshunoslikda *adir tuproqlari* sifatida alohida o‘rganiladi. *Say* (*сай*) – quruq yoki mavsumiy suv oqadigan jarlik, soy o‘zani. *To‘qay* (*мүғай*) – daryo bo‘yidagi qalin butazor va o‘rmonlar, ular bilan bog‘liq *to‘qay tuproqlari* termini ham qo‘llanadi. *Ariq* esa *арык* shaklida rus tiliga o‘tib, sug‘orish kanalini anglatuvchi umumiste’mol so‘zga aylangan. Bu so‘zlarning barchasi tuproqshunoslik terminologiyasining "periferik" zonasida, ya’ni relyef, landshaft va sug‘orish tushunchalari bilan tutashgan qismida joylashadi.

Bo‘z tuproq va serozyom: ochiq masala. Rus tuproqshunosligidagi *серозём* ("kulrang yer") termini Markaziy Osiyoning tog‘ oldi tekisliklaridagi tuproqlar uchun XX asr boshlarida kiritilgan. O‘zbek tilidagi *bo‘z tuproq* uning kalkasimi yoki, aksincha, ruscha termin mahalliy *bo‘z yer* tushunchasidan ilhomlanganmi – bu masala alohida tadqiqotni talab etadi. Shuni ta’kidlash kerakki, o‘zbek tilida *bo‘z* so‘zi nafaqat rangni ("kulrang, och tusli"), balki "ishlov berilmagan, qo‘riq" ma’nosini ham ifodalaydi (*bo‘z yer*). Demak, *bo‘z tuproq*

termini o‘zbek tilida ruscha muqobiliga qaraganda boyroq konnotatsiyaga ega va bu misol terminologik aloqalarning murakkab, ko‘p qatlamli ekanini ko‘rsatadi.

Qaytma o‘zlashmaning terminologik ahamiyati. Yuqoridagi misollar asosida turkiy so‘zlarning xalqaro terminologiyaga o‘tishi va qaytishining umumiy modelini quyidagicha tasvirlash mumkin: 1) xalq nutqidagi tasviriy-motivlangan so‘z (*taqir* – "silliq, yalang‘och"); 2) uning muayyan landshaft yoki tuproq turiga nisbatan terminlashuvi (xalq termini); 3) rus ilmiy tiliga o‘zlashib, aniq ta’rif olishi (*такыр*); 4) xalqaro tasnifga kirishi (*Takyric*); 5) o‘zbek tiliga ilmiy ma’no bilan qaytishi va hosilalar berishi (*taqirsimon tuproq*). Bu modelning muhim amaliy xulosasi bor: xalq terminlari terminologiyani "buzuvchi" unsur emas, balki uni boyituvchi manbadir. Sh. Rahmatullayev etimologik lug‘atida turkiy so‘zlarning tarixiy ma’nolarini tiklash bunday tahlil uchun mustahkam asos yaratadi [6].

Mustaqillik davrida milliy terminlar yaratish ehtiyoji kuchaygan bir paytda bu tajriba ayniqsa muhim. Agar *taqir* so‘zi xalqaro ilmiy hamjamiyat tomonidan aniq termin sifatida qabul qilingan bo‘lsa, o‘zbek tilining boshqa xalq terminlari – *zahkash*, *qatqaloq*, *sho‘rtob*, *qumoq* – ham to‘liq huquqli ilmiy terminlar sifatida me’yorlashtirilishi mumkin. Buning uchun ular aniq ta’rifga ega bo‘lishi, tushunchalar tizimida o‘z o‘rnini topishi va xalqaro tasnifdagi muqobillari bilan muvofiqlashtirilishi lozim.

Xulosa. Tahlil quyidagi xulosalarga olib keladi. Birinchidan, o‘zbek tuproqshunoslik terminologiyasi faqat qabul qiluvchi emas, balki xalqaro terminologiyaga hissa qo‘shuvchi tizim hamdir: *taqir*, *barxan*, *adir*, *say*, *to‘qay*, *ariq* kabi so‘zlar rus tili orqali xalqaro ilmiy tilga kirgan. Ikkinchidan, *taqir* so‘zi "silliq, yalang‘och" ma’nosidan tuproq tipi nomiga, so‘ngra WRB tasnifidagi *Takyric* kvalifikatoriga qadar rivojlangan va o‘zbek tiliga ilmiy ma’no bilan qaytgan; bu qaytma o‘zlashmaning yorqin namunasidir. Uchinchidan, *bo‘z tuproq* – *серозём* munosabati terminologik aloqalarning ikki tomonlama tabiatini ko‘rsatadi va maxsus tarixiy-etimologik tadqiqotni talab etadi. To‘rtinchidan, xalq terminlarining xalqaro miqyosdagi muvaffaqiyati o‘zbek tilining ichki terminologik imkoniyatlaridan kengroq foydalanish zarurligini asoslaydi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984.

2. Ковда В.А. Происхождение и режим засоленных почв. Т. 1–2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946–1947.

3. O‘zbek tilining izohli lug‘ati. 5 jildli. – Toshkent: O‘zbekiston milliy ensiklopediyasi, 2006–2008.

4. Классификация и диагностика почв СССР. – М.: Колос, 1977.

5. IUSS Working Group WRB. World Reference Base for Soil Resources. 4th edition. – Vienna: International Union of Soil Sciences, 2022.

6. Rahmatullayev Sh. O‘zbek tilining etimologik lug‘ati. I jild. – Toshkent: Universitet, 2000.

7. Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxford: Clarendon Press, 1972.

EKOKRITITSIZMNING ADABIY METOD SIFATIDA SHAKLLANISHI VA TAKOMILI

Homidova Nafisa Ramazon qizi
Qarshi davlat universiteti mustaqil tadqiqotchisi
Qarshi, O‘zbekistan

Annotatsiya. *Mazkur maqolada ekokrititsizmning adabiy metod sifatida shakllanishi, nazariy-metodologik asoslari va rivojlanish bosqichlari yoritiladi. Badiiy adabiyotda inson va tabiat munosabatlarini o‘rganishning an’anaviy yondashuvlardan ekologik tafakkurga asoslangan talqinlarga o‘tish jarayoni tahlil qilinadi. Ekokritik tahlilning tabiiy muhit, landshaft, makon, insondan tashqari mavjudotlar hamda ekologik inqiroz tasvirini o‘rganishdagi imkoniyatlari ochib beriladi. Antropotsentrik qarashlarning tanqidi, ekotsentrik dunyoqarash, ekologik adolat va insonning tabiat oldidagi axloqiy mas’uliyati metodning muhim nazariy yo‘nalishlari sifatida ko‘rib chiqiladi. Shuningdek, ekokrititsizmning ekologiya, falsafa va madaniyatshunoslik bilan aloqadorligi hamda zamonaviy adabiyotshunoslikdagi takomillashuv xususiyatlari muhokama qilinadi.*

Kalit so‘zlar: *ekokrititsizm, adabiy metod, ekologik tafakkur, inson va tabiat, antropotsentrizm, ekotsentrizm, ekologik adolat, landshaft, badiiy makon, fanlararo yondashuv.*

Аннотация. *В статье рассматриваются становление экокритицизма как литературоведческого метода, его теоретико-методологические основы и этапы развития. Анализируется переход от традиционных подходов к изучению взаимоотношений человека и природы в художественной литературе к интерпретациям, основанным на экологическом мышлении. Раскрываются возможности экокритического анализа в исследовании изображений природной среды, ландшафта, пространства, нечеловеческих форм жизни и экологического кризиса. Критика антропоцентризма, экоцентрическое мировоззрение, экологическая справедливость и нравственная ответственность человека перед природой рассматриваются как значимые теоретические направления метода. Также обсуждаются междисциплинарные связи экокритицизма с экологией, философией и культурологией, особенности его развития в современном литературоведении.*

Ключевые слова: *экокритицизм, литературоведческий метод, экологическое мышление, человек и природа, антропоцентризм, экоцентризм, экологическая справедливость, ландшафт, художественное пространство, междисциплинарный подход.*

Abstract. *This article examines the emergence of ecocriticism as a method of literary analysis, its theoretical and methodological foundations, and its stages of development. It explores the transition from traditional approaches to human–nature relationships in literature towards interpretations informed by ecological thinking. The article considers the potential of ecocritical analysis for examining representations of the natural environment, landscape, space, nonhuman life, and ecological crisis. The critique of anthropocentrism,*

ecocentric perspectives, environmental justice, and human ethical responsibility towards nature are discussed as significant theoretical concerns. Attention is also given to the interdisciplinary connections between ecocriticism, ecology, philosophy, and cultural studies, alongside its continuing development within contemporary literary scholarship.

Keywords: *ecocriticism, literary method, ecological thinking, human–nature relationships, anthropocentrism, ecocentrism, environmental justice, landscape, literary space, interdisciplinary approach.*

Kirish. Inson va tabiat o‘rtasidagi munosabatlar badiiy adabiyotning qadimiy va doimiy mavzularidan biridir. Turli davrlarda tabiat inson hayotining manbai, estetik zavq uyg‘otuvchi borliq, ruhiy kechinmalar ifodasi hamda ramziy mazmun kasb etuvchi badiiy unsur sifatida tasvirlangan. Biroq tabiatning adabiy matndagi vazifasi manzara yaratish yoki qahramon ruhiyatini ochib berish bilan cheklanmaydi. Badiiy asarda insonning yashash muhiti, boshqa tirik mavjudotlarga munosabati, tabiiy resurslardan foydalanish shakllari va o‘z faoliyati oqibatlarini anglash darajasi ham ifodalanadi. Shu jihatdan adabiyot insonning ekologik dunyoqarashi va tabiat oldidagi mas’uliyatini o‘rganish uchun muhim manba hisoblanadi. Ekologik muammolarning ijtimoiy va madaniy hayotga ta’siri kuchayishi insonning tabiatdagi o‘rnini qayta baholash zaruratini yuzaga keltirdi. Bu jarayon adabiyotshunoslik oldiga ham yangi savollarni qo‘ydi: badiiy matnda tabiat qanday tasvirlanadi, inson manfaatlari bilan tabiiy muhit ehtiyojlari o‘rtasidagi ziddiyat qanday ifodalanadi, insondan tashqari mavjudotlarga qanday qadriyat maqomi beriladi? Ana shu masalalarni tizimli o‘rganishga yo‘naltirilgan ekokrititsizm adabiy matn, jismoniy muhit va madaniy qarashlar o‘rtasidagi munosabatlarni tahlil qilish imkonini beradi. Ekokrititsizmning metodologik ahamiyati adabiy asardagi inson va tabiat munosabatlarini o‘zaro bog‘liqlik asosida o‘rganishida namoyon bo‘ladi. Mazkur yondashuv tabiat tasvirining estetik xususiyatlari bilan birga, uning axloqiy, ijtimoiy va mafkuraviy mazmunini ham tekshiradi. Jumladan, tabiiy makonning o‘zlashtirilishi, yer va suvga egalik munosabatlari, hayvonot va o‘simlik dunyosining tasviri, ekologik zarar hamda uning turli ijtimoiy guruhlar hayotiga ta’siri ekokritik tahlil doirasiga kiradi. Bunda insonni borliqning yagona markazi sifatida talqin qiluvchi antropotsentrik qarashlarni tanqidiy baholash alohida o‘rin tutadi.

Tadqiqot metodologiyasi. Ushbu maqolada psixoanalitik, tavsifiy-tahliliy, badiiy-tahliliy, kontekstual tahlil, germenevtik tahlil, psixologik tahlilva matn tahlili metodlaridan foydalanildi.

Natijalar va muhokama. Ekokrititsizmning adabiy metod sifatida shakllanishini tabiat tasvirining badiiy adabiyotda paydo bo‘lishi bilan aynanlashtirish mumkin emas. Tabiat obrazi qadimiy miflar, xalq og‘zaki ijodi va yozma adabiyotda mavjud bo‘lgan bo‘lsa-da, uni ekologik munosabatlar tizimida o‘rganish alohida metodologik qarashni talab etadi. Shu ma’noda, ekokrititsizmning shakllanishi adabiy matndagi tabiat tasviridan inson, madaniyat va tabiiy muhit o‘rtasidagi o‘zaro aloqalarni tekshirishga o‘tish bilan belgilanadi. Uning asosiy xususiyati badiiy asarda inson manfaatlari qanday ifodalanganini o‘rganish bilan birga, boshqa tirik mavjudotlar va tabiiy tizimlarning qadri qanday anglanganini ham aniqlashdir. Ekokrititsizm tarixidagi muhim bosqichlardan biri Uilyam Ryukertning 1978-yilda e’lon qilingan “Literature and Ecology: An Experiment in Ecocriticism” “Adabiyot va ekologiya: ekokritik tajriba” maqolasi bilan bog‘liq. Mazkur ishda muallif ekologik tushunchalarni

adabiyotni o‘rganishga tatbiq etish imkoniyatlarini muhokama qilgan. Ryukertning yondashuvi adabiyot va ekologiya o‘rtasida nazariy aloqa o‘rnatishga qaratilgan dastlabki muhim urinishlardan biri sifatida ahamiyatlidir. Biroq terminning qo‘llanishi bilan uning keng ilmiy yo‘nalish sifatida qaror topishi bir vaqtda yuz bermagan: keyingi tadqiqotlarda ekokritit sizmning mazmuni kengayib, tabiiy muhitning adabiy va madaniy talqinlarini o‘rganishga yo‘naltirilgan.

Yo‘nalishning nazariy asoslarini tizimlashtirishda Sheril Glotfelti va Harold Fromm tahriri ostida 1996-yilda nashr etilgan *The Ecocriticism Reader: Landmarks in Literary Ecology* to‘plami muhim o‘rin egallaydi.[1] Unda ekologik yo‘naltirilgan adabiy tadqiqotlarning turli masalalari bir ilmiy maydonda jamlangan. Glotfeltining kirish maqolasida ekokritit sizm adabiyot va jismoniy muhit munosabatlarini o‘rganuvchi yo‘nalish sifatida izohlanadi. Ushbu ta’rif tadqiqot markaziga adabiy matn bilan moddiy borliq o‘rtasidagi aloqani olib kiradi. Natijada badiiy asarning til, obraz va syujet tizimi tabiiy muhit haqidagi tasavvurlarni qanday shakllantirishi alohida ilmiy muammoga aylanadi. Ekokritit sizmning dastlabki izlanishlarida tabiatga bag‘ishlangan nasr, romantik she’riyat, yovvoyi tabiat va muayyan joyga mansublik tuyg‘usi muhim tadqiqot obyektlari bo‘lgan. Bunday asarlarni o‘rganishda insonning tabiiy muhitni kuzatishi, uning ritmlariga moslashishi va tabiat bilan munosabat orqali o‘zligini anglashi yetakchi masala sifatida namoyon bo‘ladi. Biroq yo‘nalishning takomillashuvi davomida shahar, sanoat hududlari va inson faoliyati ta’sirida o‘zgargan makonlar ham ekologik tahlil doirasiga kirgan. Lourens Buellning *The Future of Environmental Criticism* asarida muhokama qilingan birinchi va ikkinchi “to‘lqin” farqi ana shu kengayishni anglashga yordam beradi. Bu davrlashtirishni qat’iy almashinuvchi bosqichlar tarzida emas, o‘zaro tutash tadqiqot tendensiyalari sifatida tushunish maqsadga muvofiq.[2]

Ushbu rivojlanish ekokritit sizmning metodologik maqomini ham aniqlashtiradi. Uni barcha asarlarga bir xil shaklda qo‘llanadigan tayyor tahlil qolipi sifatida qabul qilish to‘g‘ri emas. Ekokritik tadqiqot matnning janri, tarixiy sharoiti va poetik tuzilishiga mos usullarni tanlashni talab etadi. Masalan, she’riy asarda tabiatga murojaat, metafora va lirik subyektning makondagi o‘rni yetakchi bo‘lishi mumkin. Romanda esa tabiiy muhitning syujetga ta’siri, yerga egalik munosabatlari, mehnat jarayoni va ekologik o‘zgarishlarning qahramonlar taqdiridagi roli ustuvor ahamiyat kasb etadi. Shunday qilib, ekokritit sizm muayyan savollar va tamoyillar atrofida birlashgan metodologik yondashuvlar majmuasi sifatida namoyon bo‘ladi. Ekokritik tahlilning muhim nazariy masalalaridan biri antropotsentrizm muammosidir. Antropotsentrik qarashda tabiatning qiymati ko‘pincha insonga keltiradigan foydasi bilan belgilanadi.[3] Badiiy matnda bu holat yerning faqat hosil manbai, o‘rmonning yog‘och zaxirasi, hayvonning esa xizmat yoki o‘lja obyekti sifatida tasvirlanishida ko‘rinishi mumkin. Ekotsentrik talqin esa insonni ekologik aloqalar ichida ko‘rib chiqadi va boshqa mavjudotlarning inson manfaatidan tashqaridagi qadri haqida savol qo‘yadi. Biroq tadqiqotchi asardagi har qanday foydalanish munosabatini avtomatik ravishda salbiy baholamasligi kerak. Tahlilda foydalanishning tarixiy zarurati, ko‘lami, oqibatlari va matnda unga bildirilgan munosabat birgalikda hisobga olinishi lozim.[4]

Greg Garrardning *Ecocriticism* kitobi ekologik talqinning tushunchaviy doirasini tizimlashtirishda muhim manbadir. Unda ifloslanish, pastoral tasavvur, yovvoyi tabiat, ekologik halokat, hayvonlar va Yer haqidagi qarashlar muhokama qilinadi. Kitobning

uchinchi nashrida iqlim inqirozi, yangi materializm va dekolonizatsiya kabi masalalarga ham e'tibor qaratilgan. Bu holat ekokrititsizmning takomili uning tadqiqot obyektlari kengayishi hamda avvalgi tushunchalarning qayta ko'rib chiqilishi bilan kechayotganini ko'rsatadi. Pastoral tasavvurni o'rganish ana shunday qayta baholashning samarali yo'nalishlaridan biridir. Qishloq, dala yoki bog'ning osoyishta va uyg'un makon sifatida tasvirlanishi tabiatga yaqinlik g'oyasini ifodalashi mumkin.[5] Ayni paytda bunday tasvir ortida og'ir mehnat, yerga egalikdagi tengsizlik yoki tabiiy resurslardan foydalanish ziddiyatlari yashirinishi ehtimoli ham mavjud. Shuning uchun ekokritik tahlilda manzaraning go'zalligini qayd etishning o'zi yetarli emas. Tadqiqotchi ushbu go'zallik kimning nigohi orqali berilgani, uni ta'minlovchi mehnat qanday tasvirlangani va makondan foydalanish huquqi kimga tegishli ekanini aniqlashi kerak. Bunday savollar peyzaj tahlilini ijtimoiy va axloqiy mazmun bilan boyitadi.

Ekokrititsizmning rivojlanishida postkolonial yondashuv ham alohida ahamiyatga ega. Grem Huggan va Helen Tiffinning *Postcolonial Ecocriticism: Literature, Animals, Environment* asari postkolonial tadqiqotlar bilan ekologik tanqid o'rtasidagi aloqalarni yoritadi. Ushbu yo'nalish mustamlakachilik, hududga egalik, tabiiy resurslardan foydalanish hamda inson va hayvon munosabatlarini o'zaro bog'liq holda o'rganish imkonini beradi. Shu asosda ekologik ziddiyatlarni faqat insonning shaxsiy axloqiy tanlovi bilan izohlash yetarli emasligi ayon bo'ladi. Badiiy asardagi tabiatga munosabat siyosiy hokimiyat, iqtisodiy manfaat va madaniy ustunlik shakllari bilan ham bog'lanishi mumkin.

Xulosa. Ekokrititsizmning adabiy metod sifatida shakllanishi badiiy matndagi tabiat tasvirini o'rganishdan inson, madaniyat va tabiiy muhit o'rtasidagi munosabatlarni tizimli tahlil qilishga o'tish bilan tavsiflanadi. Uning nazariy taraqqiyotida Uilyam Ryukertning ekologik tushunchalarni adabiyotga tatbiq etish tajribasi, Sheril Glotfeltining yo'nalish predmetini aniqlashtirishi, Lourens Buell va Greg Garrardning metodologik izlanishlari muhim o'rin tutadi. Ushbu qarashlar ekokrititsizmning tushunchaviy asoslarini boyitib, adabiy asarni ekologik tafakkur nuqtayi nazaridan talqin qilish imkoniyatlarini kengaytirdi. Ekokrititsizmning takomili tadqiqot doirasining kengayishida namoyon bo'ladi. Tabiatga bag'ishlangan asarlar, pastoral manzaralar va yovvoyi tabiat tasvirini o'rganish bilan bir qatorda, shahar muhiti, ekologik adolat, mustamlakachilik oqibatlari, inson va hayvon munosabatlari hamda iqlim inqirozining badiiy ifodasi ham tahlil obyektiga aylandi. Natijada tabiiy muhitning adabiy talqini ijtimoiy, iqtisodiy va axloqiy munosabatlar bilan uzviy bog'liq holda o'rganila boshlandi. Metodologik jihatdan ekokrititsizm yagona va o'zgarmas tahlil qolipidan ko'ra, ekologik savollar atrofida birlashgan yondashuvlar majmuasidir.

Foydalanilgan adabiyotlar ro'yxati

1.Rueckert, W. Literature and Ecology: An Experiment in Ecocriticism. - Athens: University of Georgia Press, 1996. – P. 105–123.

2.Glotfelty, C. Introduction: Literary Studies in an Age of Environmental Crisis. *The Ecocriticism Reader: Landmarks in Literary Ecology*. – Athens: University of Georgia Press, 1996. – P. 308

3.Normatov U. Nasrimiz ufqlari. – T.: Adabiyot va san'at, 1974; 224 b

4.Quronov D. Adabiyot nazariyasi asoslari.– Toshkent: akademnashr, 2018. – 480 b.

5.Quronov D. va boshqalar. Adabiyotshunoslik lug'ati. – Toshkent: Akademnashr, 2010. – 400 b.

6.Xolliyeva G. Qiyosiy adabiyotshunoslik. – Toshkent: Akademnashr, 2020. – 156 b.
7.Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – Москва: “Высшая школа”, 1989. – 405 с
8.Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – Москва: “Лабиринт”, 2001. – 192 с
9.Жирмунский В.В. Тюркский героический эпос. – Ленинград: “Наука”, 1974. – 728 с
10. Бахтин М. Романда замон ва хронотоп шакллари (Таржимон, сўзбоши, изоҳ ва шарҳлар муаллифи: У.Жўракулов). – Т.: “Akademnashr”, 2015. – 288 б.

ДИСКУССИОННЫЙ ВОПРОС О ПРИРОДЕ ОБОБЩЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Умидуллаев Анвар Муминжонович
магистрант Российского университета дружбы народов
Научный руководитель: **Юнусов Алишер Панджиевич**
кандидат филологических наук
Денауский институт предпринимательства и педагогики

Аннотация. *В данной научной статье анализируются точки зрения ученых-лингвистов (В.В. Бабайцевой, В.А. Белошапковой, Б.Г. Маляева, Э.Н. Осиповой, И.П. Распопова и др.) на синтаксис обобщенно-личных предложений современного русского языка, а также рассматриваются их семантические, синтаксические и логические особенности.*

Ключевые слова: *вербализация, модальность, обобщенно-мыслимое лицо, типизированные схемы*

Abstract. *This scholarly article analyzes the viewpoints of linguists (V.V. Babaytseva, V.A. Beloshapkova, B.G. Malyayeva, E.N. Osipova, I.P. Raspopova, and others) on the syntax of general-personal clauses in modern Russian, and their semantic, syntactic, and logical features are examined.*

Keywords: *verbalization, modality, general-personal pronoun, typified patterns.*

Annotatsiya. *Ushbu akademik maqola tilshunoslarning (V.V. Babaytseva, V.A. Beloshapkova, B.G. Malyayeva, E.N. Osipova, I.P. Raspopova va boshqalar) zamonaviy rus tilidagi umumlashtirilgan shaxsiy gaplar sintaksisi bo'yicha nuqtai nazarlarini tahlil qiladi va ularning semantik, sintaktik hamda mantiqiy xususiyatlarini o'rganadi.*

Kalit so‘zlar: *verbalizatsiya, modalik, umumlashtirilgan-konseptual shaxs, tiplashtirilgan naqshlar,*

Вопрос о природе обобщенно-личных предложений в русской синтаксической науке до сих пор является дискуссионным. Об этом свидетельствуют различные точки зрения в самой русской лингвистике.

И. П. Распопов выступает против выделения в ряду односоставных предложений обобщенно-личных предложений. Он категорически утверждает, что обобщенно-личных предложений как особого конструктивного типа в русском языке нет. Свой вывод он аргументирует тем, что нет определенных типизированных схем предложения, свойственных только этой группе: к обобщенно-личным предложениям относят и односоставные, и двусоставные предложения, причем, сказуемое в них выражается глаголами, имеющими разные формы лица, числа и наклонения [5] и приводит следующие примеры:

Бездонную бочку водой **не наполнишь (второе лицо ед. числа).** Клин клином **вышибают (3-е лицо множественного числа).** Охотно **мы дарим,** что нам не надобно самим **(двусоставное).**

Согласно второй точке зрения, которая нашла отражение в вузовских учебниках по современному русскому языку, обобщенно-личные предложения являются самостоятельным структурным типом в системе простого односоставного предложения.

Особенно настойчиво развивает эту идею В. В. Бабайцева. Она пишет: «Отсутствие вербализованного понятия на месте субъекта в двучленной мысли определяет грамматическую односоставность предложения» [1].

В монографии В. В. Бабайцевой «Односоставные предложения в современном русском языке» находим следующее определение обобщенно-личных предложений: «Обобщенно-личными называются такие односоставные предложения, действие которых относится к обобщенному лицу, а сказуемое выражено глаголом в форме 2-го лица (реже – в других личных формах)» - это положение поясняется примерами:

Видно, огонь грязью **не запачкаешь** ... В юности часто **стремятся** кому-нибудь **подражать.**

Автор резюмирует, что в обобщенно-личных предложениях различна степень обобщения производителя действия: действие может относиться не только к любому, всякому лицу, но и к обобщенно мыслимой группе лиц [1].

Степень обобщения производителя действия также довольно подробно и наиболее ярко проиллюстрирована многочисленными примерами в работахБ. Г. Маляева и Э.Н. Осиповой. «Значение лица в глаголе, -отмечает Осипова, - особенно в плане функционирования, тесно связано с другими категориальными значениями глагола и, прежде всего, с модальностью. И все же нам думается, что именно своеобразное проявление значения лица, персональности, является центральным компонентом обобщенно-личного значения, как, впрочем, и определенно- и неопределенно-личного и безличного» [5]. Иллюстративный материал и довольно тщательный его анализ свидетельствует о полифункциональности этой личной формы. Известно, что форма 2-го лица единственного числа обычно соотносит действие со 2-м лицом, конкретным собеседником. Однако, как отмечает Э.Н.Осипова, собеседником может быть и сам говорящий, ибо внутренняя речь, обращенная к самому себе, является обычным психическим актом.

Э.Н. Осипова различает два момента в обобщении: 1) возможность распространения действия на любое лицо; 2) связь с тем, чьё действие обобщается,

кем осуществляется конкретный факт действия: говорящим, адресатом или лицом, не участвующим в речи [5]

Придешь с работы усталый, а иной раз и злой, как чёрт. Нет, на грубое слово она тебе не нагрубит в ответ (Шолохов. Судьба человека, 627).

Приведем и некоторые другие определения, которые даются в стабильных учебниках по современному русскому языку. Рассматривая наряду с другими типами односоставных предложений обобщенно-личные и выделяя их в качестве самостоятельного структурно-семантического типа, Е. С. Скобликова дает следующее определение: «Обобщенно-личные предложения – это такие предложения, в которых формулируются наблюдения, связанные с обобщающей характеристикой определенных предметов, жизненных явлений и ситуаций». Автор приводит такие примеры: Из песни слов **не выкинешь** (Пословица). От будущего никуда **не убежишь.** Далее Е. С. Скобликова замечает: «Важную особенность обобщенно-личных предложений составляет то, что употребляются они при выражении только таких наблюдений, которые представляются говорящему обязательными, бесспорными, поскольку естественно вытекают из объективных особенностей наблюдаемых явлений и ситуаций. Поэтому в них легко возникает модальное значение необходимости, неизбежности, объективной обусловленности выражаемых наблюдений»

В. А. Белошапкова определяет обобщенно-личные предложения как предложения, главный член которых, выраженный спрягаемой формой 2-го лица единственного числа настоящего и будущего времени или повелительного наклонения глагола, обозначает действие обобщенно-мыслимого лица» [2].

Разные трактовки связаны с дискуссионностью вопроса в самой синтаксической науке. Это один из так называемых трудных вопросов синтаксиса.

Каждый раз, когда **объясняешь** дорогу, будто снова **проходишь** по ней, по всем этим привольным местам, по лесным просёлкам, усеянным цветами бессмертника, и снова **испытываешь** легкость на душе (Паустовский. Мещорская сторона, 180). **Потопчешься** сейчас по земле, там **послухаешь, тут поглядишь,** и умирать вроде все как будто рано и рано – никак, милый, время для смерти **не выберешь** (Паустовский, Мещорская сторона, 199).

Представляется, что вторая точка зрения убедительнее. Постараемся привести некоторые аргументы. Действительно, иногда обобщенный смысл присущ и двусоставным предложениям с подлежащим-местоимением **ты** или **вы, когда** эти местоимения не указывают на конкретное лицо, а обозначают всякое, любое лицо. Например: **Вы** входите в лес. Вас сразу охватывает прохлада. **Вы** медленно идете по опушке. **Вы** проходите мимо дерева – оно не шелохнется.

Академическая грамматика предлагает на основании обобщенного значения включить и такие предложения в группу обобщенно-личных. Однако вряд ли это целесообразно. Во-первых, нарушенным оказался бы сам принцип односоставности: в таких предложениях присутствуют оба главных члена. Во-вторых, предложения с подлежащим-местоимением не являются абсолютно тождественными обобщенно-личным. Они отличаются очевидным устно-повествовательным характером, их особая «устная» интонация ясно ощутима в письменном тексте. Кроме того, в отдельных

случаях подлежащее **ты (вы)** несет оттенок внутреннего сопоставления или противопоставления. Следовательно, подлежащее- местоимение выполняет в таких предложениях не формальную роль (что позволило бы считать их принципиально незначимыми и на этом основании относить предложения к односоставным), а имеют определенное смысловое и стилистическое значение.

Могут ли быть обобщенно-личные предложения двусоставными? А. Г. Руднев также отвечает на этот вопрос отрицательно. По его мнению, наличие местоимения всегда конкретизирует содержание предложения [6].

Обобщенно-личные предложения, обычно выделяемые в синтаксисе современного русского языка из общего понятия неопределенно-личных, отличаются и в смысловом отношении: для логического субъекта характерно то, что в это понятие может быть включен компонент «каждый», «всякий», «любой», т.е. субъект обобщен в мысли в наибольшей степени. Поэтому такие предложения по содержанию обычно представляют собой некие общие положения, применяемые к любому субъекту. Главный член может быть выражен разными личными формами глагола в зависимости от смысловых оттенков. Чаще всего это форма второго лица единственного числа (когда говорящий дает какое-либо поучение, касающееся всех) или первого лица множественного числа (когда говорящий высказывает общее положение, которое применимо среди прочих и к нему самому), например:

Любишь кататься – люби и саночки возить. Что имеем, не храним – потерявши, плачем (Пословицы).

Весь предыдущий анализ как членов предложения, так и типов простых предложений дает основание сказать, что обобщенно-личные предложения являются такой же структурной единицей языка, как и другие единицы, выделяемые в синтаксисе. Они имеют своё семантическое ядро: значение обобщенности действия, относящееся к любому лицу, соотносительному с неназванным подлежащим – личным местоимением или к потенциально возможному подлежащему. Они имеют и свою типизированную форму выражения этого значения: чаще всего это глаголы второго лица множественного числа.

Это единство структуры и семантики (значений и формы) наиболее отчетливо проявляется в пословицах: **Не разгрызешь** ореха, так и **не съешь** ядра. **Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами. На всякий роток не накинешь платок .**

Слово не воробей: **вылетит – не поймаешь**. Без труда **не вынешь** и рыбку из пруда. Шила в мешке **не утаишь**. Одной рукой в ладоши не хлопнешь. Пока **не увидишь** горя, **не узнаешь** радости.

Это единство также ярко проявляется в сентенциях, которые говорящий адресует всем: «О мертвых либо **говорят** правду, либо ничего **не говорят**»,- возразил Постников (Герман).

Будем помнить: никакими словами человека счастливым не **сделаешь** [7].

Всеми исследователями подчеркивается еще одна важная особенность- «грамматичность» обобщенно-личных предложений проявляется также и в особом значении форм времени глагола: это значение является вневременным, так как глагол выражает действие постоянное, не связанное с моментом речи.

Также бесспорно единство обобщенно-личного значения и формы его выражения:

а) в предложениях-пословицах со сказуемым в повелительном наклонении: Родину мать **умей** защищать. За край родной **иди** бесстрашно в бой;

б) в побудительных предложениях, в которых говорящий обращается ко всем людям: **Обращайте** внимание на качество слов (Лихачев. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет, 415). **Старайтесь** не говорить вычурно (Лихачев, 418). **Избегайте** только тех повторений, которые приходят от бедности языка (Лихачев, 418). **Спорьте, заблуждайтесь, ошибайтесь**, но, ради бога, **размышляйте,** и хотя криво, да сами (Лессинг).

Все рассматриваемые типичные разновидности обобщенно-личных предложений образуют ядро этой категории.

Таким образом, нет сомнений, что обобщенно-личные предложения образуют особый тип в системе простых односоставных предложений.

Большинство исследователей признает, что основным типом тех предложений, которые традиционно именуются обобщенно-личными, являются односоставные предложения с глаголом 2-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения. Если подходить к рассматриваемым языковым явлениям с функционально-семантической точки зрения, то можно сказать, что ядром микрополя обобщенно-личности, входящего (наряду с микрополем неопределенно-личности и т. п.) в состав функционально-семантического поля персональности, является глагольная форма 2-го лица ед. числа, функционирующая в односоставном обобщенно-личном предложении.

Наряду с этим основным средством выражения обобщенно-личности существуют и другие способы ее выражения (периферия микрополя обобщенно-личности): 3-е лицо множественного числа и другие формы индикатива, а также формы повелительного наклонения. Обобщенно-личность выражается не только глагольной формой, но и всей структурой предложения.

Среди рассматриваемых предложений, как явствует из работ ряда исследователей, выделяются, прежде всего, две группы: 1) предложения, в которых персональная отнесенность действия ограничена одним лицом («определенно-обобщенно-личное значение», по А. А. Юдину [8]; «особое приложение обобщенно-личного значения», «интимные мысли в обобщенной форме», по В. В. Бабайцевой [2]); 2) предложения с более высокой степенью обобщения: «собственно-обобщенно-личное значение», по А. А. Юдину [8]; действие, которое «может быть отнесено к любому лицу, оказывающемуся в подобных условиях», по Э. Н. Осиповой [4]. Кроме того, некоторыми исследователями (например, П. А. Лекантом) особо выделяются пословицы как предложения с наивысшей степенью обобщения [3].

Для обоих типов общим является следующее: глагол выражает действие повторяющееся, типичное, обобщенное; обозначает действие, являющееся, с точки зрения говорящего, объективным признаком данного предмета или явления. Между этими двумя типами нельзя провести резкой грани.

Список использованной литературы

1. Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1968. – 160 с.
2. Белошапкова В. А. Современный русский язык: Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
3. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М.: Высшая школа,1974. – 160 с.
4. Маляев Б.Г. О типах обобщенно-личного функционирования глагольных форм 2-го лица единственного числа/ Функциональный анализ грамматических категорий и единиц (Сборник научных трудов). –Л., 1976. – С. 91-101.
5. Осипова Э.Н. Об особенностях функционирования односоставных предложений с глаголом 2-го лица единственного числа в обобщенном значении/ Функционирование синтаксических категорий в тексте. (Межвузовский сборник) – Л.: ЛГПИ, 1981. – С. 64- 68.
6. Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1968. – 320 с.
7. Федоров А. К. Трудные вопросы синтаксиса. – М.: Просвещение, 1972. – 239 с.
8. Юдин А.А. К вопросу об односоставных предложениях в современном русском языке / Ученые записки Кемеровского пединститута. Вып. 1. –1956. – С.148-190.

Z.M.BOBURNING “BOBURNOMA” ASARIDA ANTROPONIMIK INDIKATORLAR

Boboqulova Ozoda
Qarshi davlat universiteti magistranti
Ilmiy rahbar: dotsent S.Kenjayeva
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Ushbu maqolada shoh va sarkarda Z.M.Bobur qalamiga mansub memuar asar “Boburnoma”da keltirilgan antroponimlar va ularga qo‘shilgan indikatorlar haqida hamda bu indikatorlarning tarixiy va zamonaviy shakllarining anglatgan ma’nolari to‘g‘risida fikrlar keltirilgan.*

Kalit so‘zlar: *antroponim, indikator, leksiktadqiq, grammatiktizim, tarixiy shaxs nomlari, tarixiy shaxs nomlari, mansab, unvon, o‘z va o‘zlashgan qatlam.*

Аннотация. *В настоящей статье излагаются мысли об антропонимах, приведённых в мемуарном произведении «Бабурнаме», принадлежащем перу шаха и поэта Захириддина Мухаммада Бабура, а также о показателях (индикаторах), сопровождающих эти антропонимы, и о том, как эти индикаторы осмыслялись в исторической и современной перспективе.*

Ключевые слова: *антропоним, индикатор, лексический анализ, грамматическая система, имена исторических личностей, принадлежность, титул, архаизмы и историзмы.*

Abstract. *This article discusses the anthroponyms and indicators used in the memoir "Baburnama" by the king and commander Z.M.Babur, as well as the meanings of historical and modern forms of these indicators.*

Keywords: *anthroponym, indicator, lexical research, grammatical system, names of historical figures, names of historical figures, position, title, native and borrowed layer.*

Z.M.Bobur shoh bo‘lishi bilan bir qatorda ijod bilan ham shug‘ullangan. Uning yaratgan asarlari, ruboiylari, g‘azallari o‘zbek adabiyoti tarixida muhim ahamiyatga ega. "... U turli fazilatlar bilan bezangan va maqtovli xislatlarga ega bo‘lgan bir podshoh edi. Ushbu barcha fazilatlaridan shijoat va muruvvati ustun turadi. Turkiy she’rni Amir Alisherdan keyin hech kim Bobur yozgan darajada yozgan emas. Turkiy tilde benihoyat nafis devoni bor. “Mubayyin” nomli she’riy asar yozgan bo‘lib, fiqhga oid bu bag‘oyat foydali risola odamlarga maqbuldir. Turkiy aruzga oid asar bitgan bo‘lib, hech kim ungacha turkey aruz haqida bu qadar aniq yozolmagan. Hazrati Eshon Xoja Ubaydullohning “Risolayi volidiyya” asarini nazmga solgan. Uning turkey tilda “Vaqoe” (“Boburnoma”) nomli tarixiy asari bo‘lib, kitob jonli, ravon va tushunishga oson qilib bitilgan. Musiqiy va boshqa san’atlarda ham Boburga teng keladigan odam uning xonadonida undan oldin yuzaga chiqmagan edi. “Boburnoma” asari nafaqat adabiyot, tarix, tilshunoslik, geografiya, balki nabobat, hayvonot olami to‘g‘risida ham ma’lumot beruvchi manbadir. Shu sababli “Boburnoma” asari ko‘plab tadqiqot ishlari uchun obyekt vazifasini bajara oladi.

Asar tilini o‘rganish, xususan, grammatik qurilishini ilmiyasosda o‘rganish XIX asrning ikkinchi yarmidan boshlandi. Dastlab olimlar uning morfologiyasi, Grammatik tizimi, sintaktik xususiyatlari bo‘yicha izlanishlar olib bordi. Z.Xolmanova “Boburnoma” leksikasi tadqiqi bilan shug‘ullandi. U asar leksikasini lingvostatistik, tarixiy-etimologik, funksional-semantik xususiyatlari, shuningdek, o‘z va o‘zlashgan qatlam nisbatini aniqlab o‘rgangan.[2]

M.Shomurodova asarda qanday tarixiy shaxs nomlari qo‘llanganini aniqladi. U asardagi tarixiy shaxs nomlarini bir necha guruhlarga bo‘lib, o‘rganishni aytadi. Xususan:

1. Hukmdor va amaldorlar nomlari;
2. Shoir va ijodkorlar nomlari;
3. Ayollar nomlari.[3: 11]

“Boburnoma”ning leksikasi, grammatikasi, sintaktik xususiyati o‘rganilgan, ammo undagi shaxs nomlariga qo‘shiladigan so‘zlar va tushunchalar yetarlicha tadqiq etilmagan. Ushbu maqolada shu jihatini ochib berishga harakat qilamiz.

Asarda tarixiy shaxs nomlarini juda ko‘p uchratamiz, ammo ular o‘ziga xos tarzda ishlatilganligining guvohi bo‘lishimiz mumkin. Yozuvchi uni shunchaki qo‘llamay, balki jonli qilib tasvirlay olgan desak mubolag‘a bo‘lmaydi. Asarda *Yusuf Xoja, Sulton Mahmudxon, Umarshayx mirzo, Shayx Muslihiddin, Xonzodabegim, Mir Buzurg Termiziy, Qutluq Nigorxonim, Begisulton og‘acha* va h. k. kabi shaxs nomlarini ko‘rishimiz mumkin. Shaxs nomlariga qo‘shiladigan so‘zlar ularning ijtimoiy kelib chiqishi, mansabi, unvoniga qarab qo‘llanilgan. Jumladan, *Xoja, sulton, mirzo, shayx, og‘acha, mir, xon, xonim, begim*.

O‘zbek tilining izohli lug‘atida “xoja” so‘ziga quyidagicha izoh bergan. *Xoja [f - hurmatli, obro‘li kishi; janob, xo‘jayin; mulkdor]* **1.** *Xo‘ja, xo‘jayin. [Beruniy:] Gurganj amiridek zolim yurtimizga xoja bo‘lsa, holimizga voy! M.Osim, Jayhun ustida bulutlar.*

2. *Tasavvufda tariqat mashoyixlariga beriladigan unvon. Masalan: Xoja Yusuf Hamadoniy.*

Asarda “xoja” so‘zi islom dini peshvolariga beriladigan unvon ma’nosida qo‘llanilib, o‘sha shaxs vakillari nomlariga qo‘shib aytilgan. Masalan, *Yusuf Xoja, Ubaydullo Xoja, Xoja Kamol* kabi.

“Sulton” so‘zi E.Begmatovning “O‘zbek ismlari lug‘atida quyidagicha berilgan. *Sulton – shoh, hukmdor, podshoh. Ismlar tarkibida yuksak martabali, ulug‘vor, yuksak, toleyi porloq ma’nolarini ifoda etadi.*

O‘zbek tilining izohli lug‘atida esa, *Sulton [a. oliyhukmdor, podsho] 1. Musulmon davlatlarida amir, xon, shohlar unvoni.*

2.Sulton (erkaklar va xotin-qizlar ismi).

Asarda ham podsho, ham ism ma’nosida qo‘llanilgan. Masalan, Sulton Mahmudxon, Sulton Ahmad, Sulton Abusaid, Hamza Sulton, Og‘a Sulton, Fotima Sulton, Sultonali.

Bugungi kunda “sulton” so‘zi murojaat shakli sifatida erkaklarga nisbatan “Sultonim” tarzida ishlatiladi.

Mirzo – “Boburnoma”da Amir Temur avlodlariga (temuriyzodalarga) nisbatan qo‘llangan rasmiy unvondir. Masalan, Mironshoh mirzo, Shoxruh mirzo, Jahongir mirzo, Umarshayx mirzo.

O‘zbek tilining izohli lug‘atida esa quyidagicha tavsiflangan:

Mirzo – *[a.+f–amirzoda] so‘zining qisqargan shakli. Mirzoda, amirzoda, amir o‘g‘li. Ayni ma’noda ushbu so‘z tegishli atoqli otdan keyin yoziladi.Misol uchun: Ulug‘bek mirzo, Ibrohim mirzo.*

Shayx so‘zi E.Begmatovning “O‘zbek ismlari lug‘ati”da quyidagicha berilgan:

Shayx – musulmon ruhoniylarining oliy vakili tasavvuf yo‘lining boshlig‘i, yo‘lboshchisi; ustoz, muallim, bilimdon kishi, xudojo‘y, so‘fiy, pir, eshon, keksa, qari, mo‘ysafid. Asarda din vakiliga nisbatan ishlatilib, ism oldidan qo‘llanilgan.

Og‘acha tar. 1.Xon saroyi yoki boylar eshigidagi kanizak, xizmatkor ayol; cho‘ri.

2.Boy uyg‘urlar oilasidagi eng keksa xotin.[5]

Asarda ikkinchi ma’nosida kelgan. Masalan, *Begisulton og‘acha*.

Mir – [a < “amir” so‘zining qisqargan shakli] 1. Hokim, hukmdor, payg‘ambar avlodlarining unvoni. *Mir Alisher*.

2. Ba’zi erkaklar ismining tarkibiga kiradi. Mas. *Mirtemir, Mirali*. (O‘zbek tilining izohli lug‘ati).

“Boburnoma”da ko‘proq birinchi ma’nosida uchratamiz. Hozirgi kunda, asosan, erkaklar ismini yasashda foydalaniladi.

Xon (o‘z) – podshoh, hukmdor, hokim, ya’ni ulg‘ayib ulug‘ martabalar sohibi, elboshi bo‘lsin. Shakllari: *Xonbek, Xonboy*. [6].

Asarda “xon” orqa qo‘shimcha bo‘lib, Chingizxon avlodidan bo‘lgan erkak kishining ismiga qo‘shilgan. Bugungi kunda ikki xil ma’noda ishlatamiz:

1.Eshon va ularning avlodlari ismi tarkibida hurmat ma’nosida.

2.Shaxs otlariga nisbatan erkalash ma’nosida. Xususan, *Anoraxon, Durdonaxon, Jasminaxon.*

Xonim – yuksak martabali, e’zozli, qadrli, ayollar ismi tarkibida hurmat, ehtirom munosabatini ifodalaydi. [6].

Asarda Chingizxon avlodidan bo‘lgan oliy tabaqa, aslzoda ayollar ismi tarkibida kelgan. Masalan, *Qutluq Nigorxonim, Xub Nigorxonim, Mehr Nigorxonim*.

Hozirda barcha ayollarga nisbatan murojaat shakli sifatida ishlatiladi. Jumladan, *Sevinchxonim, Irodaxonim*.

Begim – 1) bek farzandi, beklar avlodiga mansub, bekzoda, shahzoda, hokim, hukmdor. 2) podshohning xotini yoki qizi; malika bekzoda; xonim, beka, oyim. [6].

“Boburnoma”da Temuriylar avlodidan bo‘lgan xotin-qizlar ismi tarkibida kelgan. Misol uchun, *Xonzodabegim, Mehrbonubegim, Shahrbonubegim*.

Hozirgi davrda “begim” erkaklarga nisbatan murojaat shakli sifatida ishlatiladi. Masalan, – Begim, choy ichasizmi?

Shunday qilib, Z.M.Bobur hayotida bo‘lgan voqealarni badiiy uslubda soda va ravon hikoya qiladi. Asarda o‘zbek xalqiga xos hurmat, e’zozlash murojaat orqali ochib beriladi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Mirzo Muhammad Haydar. Bobur podshoh (“Tarixi Rashidiy”dan)// O‘zbek adabiyoti va san’ati, 2002-yil 8-soni.

2. Xolmanova Z.T. “Boburnoma” leksikasi tadqiqi. Filol.fan.nomz. ... diss. – Toshkent, 2009.

3. Shomurodova M.Sh. “Boburnoma”da tarixiy shaxs nomlarining qo‘llanishi [elektron manba]. – ZiyoNET –11-bet

4. Bobur Z.M. “Boburnoma”. – Toshkent: Sharq nashriyoti, 2002. – 368 b.

5. O‘zbek tilining izohli lug‘ati. 6 jildli. Mas’ul muharrir A.Madvaliyev. – Toshkent. G‘afur G‘ulom nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi, 2022-2023. 3-6-jildlar.

6. Begmatov E.A. O‘zbek ismlari ma’nosi. – T. “O‘zbekiston Milliy Ensiklopediya” Davlat ilmiy nashriyoti. 2007. –608 b.

СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВНУТРЕННЕГО МИРА АННЫ КАРЕНИНОЙ

Бозорова Бибихоним Бахтиер кизи
магистрант
Базарова Нодира Шамсиевна
старший преподаватель
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. В статье рассматриваются языковые средства репрезентации внутреннего мира Анны Карениной в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения взаимосвязи языковой формы художественного произведения и способов раскрытия психологического состояния литературного персонажа. Цель работы заключается в выявлении и описании основных языковых средств, посредством которых в романе передаются эмоциональные переживания, внутренние противоречия и изменения психологического состояния главной героини. В качестве основных методов используются контекстуальный, лингвостилистический и интерпретационный анализ, а также элементы анализа речевой характеристики персонажа.

Ключевые слова: *Л. Н. Толстой, «Анна Каренина», языковая репрезентация, внутренний мир персонажа, лингвостилистический анализ, психологизм, эмоциональная лексика, внутренняя речь, художественный текст.*

Abstract. The article examines the linguistic means of representing the inner world of Anna Karenina in Leo Tolstoy's novel Anna Karenina. The relevance of the study is determined by the need to explore the connection between the linguistic form of a literary work and the ways of revealing a character's psychological state. The aim of the research is to identify and describe the main linguistic means through which the novel conveys the heroine's emotional experiences, inner conflicts, and shifts in her psychological state. The main methods employed are contextual, linguostylistic, and interpretive analysis, together with elements of the analysis of a character's speech profile.

Keywords: *L. N. Tolstoy, Anna Karenina, linguistic representation, character's inner world, linguostylistic analysis, psychologism, emotional vocabulary, inner speech, literary text.*

Annotatsiya. Maqolada L. N. Tolstoyning «Anna Karenina» romanidagi Anna Karenina ichki dunyosini ifodalovchi lisoniy vositalar ko‘rib chiqiladi. Tadqiqotning dolzarbligi badiiy asarning til shakli bilan adabiy qahramonning ruhiy holatini ochish usullari o‘rtasidagi o‘zaro aloqani o‘rganish ehtiyojidan kelib chiqadi. Ishning maqsadi — romanda bosh qahramonning hissiy kechinmalari, ichki ziddiyatlari va ruhiy holatidagi o‘zgarishlar qaysi asosiy lisoniy vositalar yordamida berilishini aniqlash va tavsiflash. Asosiy usullar sifatida kontekstual, lingvostilistik va interpretativ tahlil, shuningdek, qahramonning nutqiy tavsifini tahlil qilish elementlaridan foydalaniladi.

Kalit so‘zlar: *L. N. Tolstoy, «Anna Karenina», lisoniy reprezentatsiya, qahramonning ichki dunyosi, lingvostilistik tahlil, psixologizm, emotsional leksika, ichki nutq, badiiy matn.*

Введение. Художественный текст представляет собой сложную систему языковых средств, посредством которых автор не только изображает события и поступки персонажей, но и раскрывает их внутренний мир. В литературном произведении психологическое состояние героя может передаваться непосредственно — через слова, обозначающие эмоции и чувства, — или косвенно, посредством описания жестов, мимики, поведения, особенностей речи, авторских комментариев и окружающей обстановки. В результате внутренний мир персонажа формируется как многоплановое художественное явление, в котором внешнее поведение, речевые характеристики и психологические переживания взаимосвязаны. Особый интерес в этом отношении представляет роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина», в котором психологическая сложность персонажей раскрывается через подробное изображение их мыслей, чувств, нравственных сомнений и взаимоотношений с окружающими. Центральный женский образ произведения отличается внутренней противоречивостью: стремление к личному счастью сталкивается с семейными обязательствами, общественными нормами, чувством ответственности и страхом потерять эмоциональную связь с близкими людьми. Эти противоречия отражаются в повествовании, в диалогах героини, в изменениях её речевого поведения и в лексических средствах, сопровождающих описание её эмоционального состояния.

Актуальность настоящего исследования определяется значимостью лингвостилистического подхода к изучению художественного психологизма. Обращение к языковой организации романа позволяет рассматривать переживания Анны не только как элементы сюжетного развития, но и как результат определённого художественного способа изображения личности. Анализ языковых средств даёт возможность установить, каким образом словесная форма произведения способствует раскрытию эмоциональной динамики героини, передаче её внутреннего конфликта и формированию читательского восприятия персонажа.

Степень разработанности проблемы связана с исследованиями языка художественной литературы, стилистики, поэтики и теории литературного персонажа. В. В. Виноградов рассматривал язык художественного произведения как особую область филологического исследования, требующую внимания к взаимодействию языковых средств и художественного содержания [1]. И. Р. Гальперин уделял внимание стилистическим ресурсам языка и их функциональному использованию в тексте [2]. Подходы к изучению структуры художественного произведения представлены также в работах Ю. М. Лотмана [3]. Теоретические положения этих исследователей могут быть использованы для анализа того, как языковая организация романа участвует в создании психологического образа Анны Карениной.

Цель статьи — выявить основные средства языковой репрезентации внутреннего мира Анны Карениной и определить их роль в создании психологически сложного образа героини.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: определить особенности лингвостилистического подхода к анализу внутреннего мира

литературного персонажа; рассмотреть способы выражения эмоциональных состояний Анны посредством лексики и синтаксиса; проанализировать роль внутренней речи и диалогов в раскрытии психологических противоречий героини; установить значение повествовательных характеристик и контекста для интерпретации её переживаний; выявить особенности языкового изображения изменений внутреннего состояния персонажа на протяжении романа.

Объектом исследования является образ Анны Карениной в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». **Предмет исследования** составляют лексические, синтаксические, речевые и повествовательные средства, участвующие в репрезентации внутреннего мира героини. **Материалом исследования** служат фрагменты романа, в которых непосредственно или опосредованно раскрываются эмоциональные переживания, внутренние противоречия и психологические изменения Анны [4–6].

Методологическую основу работы составляют контекстуальный анализ, позволяющий учитывать значение языковых единиц в конкретном фрагменте произведения; лингвостилистический анализ, направленный на выявление выразительных возможностей языковых средств; интерпретационный анализ, необходимый для установления их художественной функции; а также элементы анализа речевой характеристики персонажа. При интерпретации примеров учитывается, что отдельное слово или выражение приобретает психологическое значение в связи с ситуацией повествования, отношениями героини с другими персонажами и общим развитием сюжета.

Внутренний мир литературного персонажа складывается из эмоций, мыслей, желаний, ценностных установок и внутренних противоречий. В отличие от живого человека, персонаж доступен читателю только в той форме, которую придал ему автор [7, с. 7–180]. Поэтому, анализируя психологический образ, нужно выяснить не только то, что чувствует герой, но и то, как эти чувства выражены в тексте.

При лингвостилистическом анализе важно учитывать связь языковой формы с художественным содержанием. Выразительность текста определяется не количеством эпитетов, метафор или эмоциональных слов, а тем, какую роль они играют в конкретном контексте. Одно и то же слово может прямо называть переживание, выражать оценку происходящего или получать дополнительный смысл от ситуации. Именно взаимодействие языковых средств в контексте помогает увидеть индивидуальность персонажа.

В романе «Анна Каренина» образ главной героини раскрывается постепенно. Вначале Анна предстаёт женщиной собранной, отзывчивой и умеющей легко находить общий язык с людьми. Затем любовный конфликт, семейные обстоятельства и общественное осуждение делают её переживания всё сложнее. Вместе с жизненной ситуацией меняются и приёмы, которыми повествование передаёт её мысли и чувства. Поэтому внутренний мир Анны целесообразно рассматривать как динамическую систему, где эмоциональные состояния постоянно взаимодействуют и вступают в конфликт.

Основная часть. Эмоциональная лексика и синтаксис. Одно из важнейших средств изображения внутреннего мира героини — эмоционально окрашенные слова. Лексика радости, стыда, страха, несчастья, любви и душевной боли не только называет

переживания, но и задаёт оценочную позицию повествования. При этом значение таких слов зависит не только от словарного определения, но и от ситуации, в которой они употреблены, от того, кому принадлежат, и от их окружения.

Показателен пример из записки Анны Вронскому: «Я больна и несчастлива. Я не могу выезжать, но и не могу долее не видать вас» [4]. Состояние героини здесь передано двумя ключевыми словами. Слово «больна» может означать физическое недомогание, но в контексте повествования указывает и на общее душевное неблагополучие. Слово «несчастлива» прямо выражает отрицательную оценку собственного состояния и подчёркивает остроту переживания.

Не менее важна синтаксическая организация фразы. Конструкция «не могу выезжать, но и не могу долее не видать вас» построена на повторе отрицательной формы глагола «мочь». Благодаря этому две невозможности оказываются в параллели: Анна воспринимает их как равнозначные ограничения. С одной стороны, она не может свободно действовать, с другой — не способна отказаться от встречи с Вронским. Союз «но» подчёркивает столкновение внешних обстоятельств и внутренней потребности. Так эмоция выражена не только лексически, но и грамматически: повтор делает заметным конфликтное устройство высказывания.

Этот пример показывает, что психологический образ может создаваться достаточно простыми средствами. Чтобы передать внутренний конфликт, автору не обязательно прибегать к сложной метафоре или подробному описанию: повтора глагольной формы, противопоставления двух частей высказывания и эмоционально значимых слов уже хватает. Записка при этом становится свидетельством того, что желание увидеть любимого человека приобретает для Анны почти непреодолимый характер.

Противоречивость переживаний. Другая важная черта изображения Анны — лексика, передающая внутреннюю противоречивость чувств. Любовь приносит героине счастье, но одновременно становится источником страха, вины и тревоги. Поэтому слова с положительной и отрицательной окраской нередко оказываются рядом в одном эпизоде, и противоположные переживания не исключают, а дополняют друг друга.

Заключение. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что внутренний мир Анны Карениной в романе Л. Н. Толстого репрезентируется посредством сложного взаимодействия лексических, синтаксических и повествовательных средств. Психологическая характеристика героини не сводится к отдельным словам, обозначающим чувства, поскольку её образ формируется в результате взаимодействия эмоциональной лексики, внутренней речи, диалогов, повторов, противопоставлений и описания невербального поведения.

Эмоционально окрашенная лексика играет важную роль в непосредственном обозначении переживаний Анны. Слова «несчастлива», «стыд», «радость» и «ужас» раскрывают различные стороны её внутреннего состояния и демонстрируют неоднозначность эмоционального опыта. Сопоставление фрагментов, в которых героиня говорит о собственном несчастье и, напротив, отстаивает переживание счастья, показывает, что её самооценка зависит от конкретной психологической ситуации. Противоречивость чувств является существенной особенностью образа и не позволяет свести его к однозначной характеристике.

Важным средством психологической репрезентации выступают синтаксические конструкции. Повторы, отрицательные формы глаголов, вопросительные предложения и смысловые противопоставления отражают напряжённость внутреннего состояния героини. Повторение конструкции «не могу» подчёркивает конфликт между внешними ограничениями и внутренними желаниями, тогда как вопрос «Я несчастлива?» передаёт эмоциональное несогласие Анны с оценкой её положения. Синтаксическая организация высказываний тем самым участвует в передаче хода мысли и усилении эмоционального воздействия.

Особое значение имеет внутренняя речь, посредством которой раскрываются попытки героини осмыслить собственные поступки и справиться с болезненными переживаниями. Противопоставление настоящего и предполагаемого будущего, повтор отрицательных конструкций и метафорическое выражение «отгоняла эти мысли» показывают, что Анна стремится отложить внутренний конфликт, однако не может окончательно избавиться от него. Психологическое напряжение возникает не только из-за содержания мыслей, но и из-за невозможности найти устойчивую форму их осмысления.

Анализ также выявил значимость взаимодействия прямой речи с повествовательными комментариями. Слова героини дополняются описанием жестов, мимики и эмоциональных реакций, благодаря чему её внутреннее состояние раскрывается одновременно на вербальном и невербальном уровнях. Такое взаимодействие позволяет передавать чувства не только посредством их прямого называния, но и через поведение персонажа и контекст происходящего.

Таким образом, языковая репрезентация внутреннего мира Анны Карениной основана на комплексном использовании выразительных средств, каждое из которых приобретает художественное значение в конкретном контексте. Эмоциональная лексика обозначает переживания, синтаксис отражает особенности их выражения, внутренняя речь передаёт процесс самоосмысления, а повествовательные характеристики связывают индивидуальные чувства героини с развитием сюжета. Взаимодействие этих средств формирует психологически сложный и динамичный образ, в котором стремление к счастью сочетается с чувством вины, страхом и внутренней неустойчивостью.

Результаты анализа подтверждают целесообразность лингвостилистического подхода к исследованию художественного персонажа. Изучение конкретных языковых форм позволяет глубже понять способы создания психологизма в романе и установить связь между речевой организацией текста и раскрытием внутреннего мира героини. Перспективы дальнейшего исследования могут быть связаны с сопоставительным анализом языковой репрезентации Анны Карениной и других женских персонажей романа, а также с более подробным изучением оценочной лексики, метафорических моделей и особенностей авторского повествования.

Список использованной литературы

1. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. — М.: Гослитиздат, 1959. — 654 с.

2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981. — 139 с.

3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. — М.: Искусство, 1970. — 384 с.

4. Толстой Л. Н. Анна Каренина // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1934–1935. — Т. 18–19.

5. Толстой Л. Н. Анна Каренина. Полный текст романа // Русская виртуальная библиотека. — URL: https://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_8/0031_1-full.htm (дата обращения: 11.10.2026).

6. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 18. Анна Каренина // Государственный музей Л. Н. Толстого: электронная публикация. — URL: https://tolstoy.ru/online/90/18/ (дата обращения: 11.10.2026).

7. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С. 7–180.

ИНТЕРАКТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ

Зайниддинова Дилхуш Дилмурод кизи
магистрант
Шахрисабзский государственный
педагогический институт
Узбекистан

Аннотация. *Интерактивное обучение предполагает особую форму организации деятельности, то есть очень четкие и предсказуемые цели. Целью этого является создание благоприятных образовательных условий, в которых студент чувствует свою успешность, интеллектуальную жизнеспособность, что делает сам учебный процесс эффективным, дает знания и навыки, а также создает структуру решения задач после обучения.*

Ключевые слова: *коммуникация, интерактивное обучение, коммуникативная триада, деятельность, факт.*

Annotatsiya. *Interfaol ta’lim – bu juda aniq va oldindan belgilangan maqsadlar bilan tavsiflanadigan faoliyatni tashkil etishning o‘ziga xos shaklidir. Uning maqsadi shunday qulay ta’lim muhitini yaratishdan iboratki, bunda talaba muvaffaqiyat va intellektual salohiyatga ega ekanligini his qiladi; bu esa ta’lim jarayonini samarali qiladi, bilim va ko‘nikmalarni shakllantiradi hamda o‘quv mashg‘ulotidan tashqarida ham muammolarni hal etish uchun asos yaratadi.*

Kalit so‘zlar: *muloqot, interfaol ta’lim, kommunikativ triada, faoliyat, fakt*

Abstract. *Interactive learning entails a specific form of activity organization characterized by very clear and predictable goals. Its aim is to create a favorable educational environment where the student experiences a sense of success and intellectual competence;*

this renders the learning process itself effective, imparts knowledge and skills, and establishes a framework for problem-solving beyond the training itself.

Keywords: *communication, interactive learning, communicative triad, activity, fact.*

Коммуникативность – это сложный процесс взаимодействия студентов и преподавателей, который состоит из обмена информацией, а также взаимного восприятия и понимания. Коммуникативными субъектами являются студенты, поскольку уровень развития обучающегося является осознанным по отношению к коммуникативному процессу средствами устной речи.

Коммуникативность позволяет одновременно решать различные задачи: обмен информацией; взаимодействие; сострадание и взаимопонимание.

Таблица 1.

Коммуникативная многофункциональность

.	Информация и общение	Коммуникативность рассматривается как вид личного общения.
.	Интерактивный	Анализируется как взаимодействие личностей в коммуникативных процессах.
.	Эпистемологический	Студент выступает как субъект и объект социального познания.
	Аксиологический	Обучение общению как процессу обмена ценностями
.	Нормативный	Выявление места и роли коммуникативизма в процессе нормативного регулирования поведения личности.

В коммуникативной практике – мы сталкиваемся с взаимными влияниями (например: преподаватель – студент, руководитель – подчиненный); «Я – МЫ» (педагог - коллеги, руководитель - коллектив); «МЫ – МЫ» (административно-руководящий состав организации и трудовой коллектив). Первый тип общения принято называть индивидуально-личностным, второй - индивидуально-коллективным, третий – коллективно-общественным. Каждый тип имеет свои особенности, цели, задачи, словарный запас, приемы и технологии. Содержательный характер взаимодействия студентов определяется коммуникативным субъектом. По этому критерию такие коммуникативные типы делятся на межличностные, деловые, специально-профессиональные и другие. Способы взаимодействия зависят от целей, преследуемых коммуникатором, особенностей его организации, эмоционального настроя партнеров и уровня их взаимоотношений.

Коммуникативная триада – это процесс, включающий общение, взаимодействие и восприятие. Педагогическое общение – это процесс взаимодействия преподавателей и студентов, направленный на организацию и оптимизацию того или иного вида деятельности субъекта: педагогической, производственной, научной . При этом предметом педагогического общения всегда является деятельность (состояние), выступающая важным для студента и партнером по общению. Оптимальный

педагогический коммуникатив, по трактовке ученого А. А. Леонтьева, - преподаватель коммуникативен со своими студентами в ходе учебного процесса, развивает их мотивацию и творческий характер учебной деятельности, создает наилучшие условия для правильного формирования обучающегося.Оно обеспечивает комфортную эмоциональную среду для их обучения (в частности, предотвращает возникновение «психологического барьера»), обеспечивает управление социально-психологическими процессами в студенческом сообществе, позволяет максимально использовать личностные особенности преподавателя в образовательном процессе.

Три вышеуказанных процесса (коммуникативный, интеракционный) имеют особое значение в структуре педагогического общения, то есть восприятие имеет коммуникативный процесс.

Коммуникативная речь осуществляется в следующих основных коммуникативных формах: монолог, где преобладают коммуникативные действия - высказывания обучающегося как субъекта - организатора процесса слушания среди других субъектов - участников общения; диалогический, в котором субъекты взаимодействуют и взаимно активны. Коммуникативный процесс включает в себя несколько компонентов. Например, Аристотель выделял три компонента общения: оратор – речь – аудитория. Эта триада также является основой современного коммуникатива, только названия трактуются по-разному: коммуникатор – сообщение – коммуникатор .

Выделяют пять важнейших компонентов коммуникативного процесса:

1.Кто это говорит? (коммуникатор);

2.что он говорит? (информация);

3.кому он расскажет? (коммуникатор);

4.по какому каналу он ведет репортаж? (какими средствами?);

5.с каким эффектом? (обратный коммуникативный результат).

Учитывая вышеизложенное, можно говорить о более сложной модели в рамках коммуникативной системы: источник – коммуникатор – сообщение – кодировщик – канал – декодер – коммуникатор – коммуникативный результат – обратный коммуникатив. Особенности поведения студентов в процессе взаимодействия, использования тех или иных средств общения зависят от применения коммуникативной модели. В коммуникативном процессе у студентов открываются потенциальные возможности развития коммуникативной речи. Мы понимаем, что второе – это умение использовать различные знания, умения и личностные качества для повышения эффективности коммуникативной деятельности. Это интерактивное образование, в ходе которого происходит взаимодействие как между студентом и преподавателем, так и между самими студентами.

Задачи интерактивных форм обучения – вызвать интерес студентов; эффективное усвоение учебного материала; самостоятельный поиск путей и вариантов решения поставленной обучающимися учебной задачи (выберите один из предложенных вариантов или найдите свой вариант и обоснуйте решение); создание влияния среди студентов, обучение работе в коллективе, толерантность к любой точке зрения, уважение права каждого на свободу слова, уважение его достоинства; заключается в формировании мыслей и взглядов студентов. Эффективность

интерактивного образования заключается в активизации процесса понимания, усвоения и творческого применения знаний при решении практических задач за счет того, что студенты более активно включаются в процесс непосредственного использования знаний; повышает энтузиазм и активность участников в решении обсуждаемых проблем, что дает эмоциональный импульс дальнейшей исследовательской деятельности студентов, побуждает их к конкретным действиям; оно также обеспечивает приумножение знаний, умений, способов деятельности и общения, открывает новые возможности обучающихся, является необходимым условием формирования и совершенствования умений путем вовлечения участников образовательного процесса в содержательный опыт.Индивидуальная и коллективная деятельность по приобретению опыта, пониманию и принятию ценностей; это также меняет опыт и отношение студентов.

Преподавание во все периоды способствовало защите стабильности общества, изменению форм и типов отношений между студентами. В настоящее время общество характеризуется повышенной социальной мобильностью, развитием коммуникативных навыков на всех уровнях, резкой сменой ценностных ориентаций. Сегодня особый интерес вызывает коммуникативный фактор, влияющий на общение между народами, иерархию их ценностей, а также возможность устранения расовых (национальных) предрассудков и дискриминации.

Список использованной литературы

1.Голиш Л.В. Педагогические технологии: методические рекомендации /Институт развития среднего спец-ного образования. – Тошкент: МВССОРУз, 1999. – 257 с.

2. Гузеев В.В. Системные основания интегральной образовательной технологии: Автореферат ... докт.пед.наук.-М.,1999.- 18с.

3.Гузеев В.В. Методы и организационные формы обучения // Народное образование, 2001. -20с.

4.Актуальные вопросы современной педагогической науки: материалы III Междунар. заочной научно-практ. конф., 20 ноября 2010 г. / НИИ педагогики и психологии; редкол.: М.В. Волкова [и др.]. – Чебоксары, 2010. – С. 136-142.

5.Капранова Е. А. Интерактивное обучение: концептуальные подходы /Е.А. Капранова// Вестник Полоцкого государственного университета. - 2012. - № 7)

6.Корнеева Л.И. Современные интерактивные методы обучения в системе повышения квалификации руководящих кадров в Германии: зарубежный опыт // Ж. Университетское управление: практика и анализ. – М.: 2004. – № 4. – С. 78-835.

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Исматуллаева Гулимох Музаффаровна
магистрант
Научный руководитель: **Юнусов Алишер Панджиевич,** кандидат филологических наук
Денауский институт предпринимательства и педагогики
Денау, Узбекистан

Аннотация. *Данная работа посвящена анализу продуктивных неологизмов в русском и узбекском языках, которые важно уметь не только распознавать, но и использовать в собственной речи. Материалом исследования послужили популярные заимствования из повседневного общения, а также с городских вывесок и рекламы. Эти примеры демонстрируют реальное состояние современной разговорной среды. Особое прикладное значение работа имеет для лингводидактики, помогая студентам в иноязычной аудитории освоить живой, некнижный язык*

Ключевые слова: *неологизмы, заимствования, разговорная речь, лингводидактика, русский язык, узбекский язык*

Annotatsiya. *Ushbu ish rus va o‘zbek tillaridagi mahsuldor neologizmlar tahliliga bag‘ishlangan bo‘lib, ularni nafaqat tanib olish, balki shaxsiy nutqda qo‘llay bilish ham muhimdir. Kundalik muloqotdan, shuningdek, shahar peshlavhalari va reklamalardan olingan ommabop o‘zlashma so‘zlar tadqiqot materiali bo‘lib xizmat qildi. Ushbu misollar zamonaviy so‘zlashuv muhitining real holatini namoyon etadi. Ish lingvodidaktika uchun alohida amaliy ahamiyatga ega bo‘lib, xorijiy auditoriyadagi talabalarga jonli, kitobiy bo‘lmagan tilni o‘zlashtirishga yordam beradi.*

Kalit so‘zlar: *neologizmlar, o‘zlashma so‘zlar, so‘zlashuv nutqi, lingvodidaktika, rus tili, o‘zbek tili.*

Abstract. *This paper analyzes productive neologisms in the Russian and Uzbek languages, emphasizing the importance of not only recognizing them but also incorporating them into one's own speech. The research is based on popular loanwords from everyday communication, as well as from city signage and advertisements. These examples demonstrate the actual state of the contemporary spoken environment. The study holds particular applied value for linguodidactics by helping students in foreign-language classrooms master live, non-bookish language.*

Keywords: *neologisms, loanwords, spoken language, linguodidactics, Russian language, Uzbek language*

В наши дни русский язык активно расширяет свои границы, а его богатый словарный состав оказывает заметное влияние на речь соседних народов. Ярким примером служит современный узбекский бытовой дискурс, где русские лексемы нередко вытесняют из употребления родные слова. Сегодня в обиходной речи в

Узбекистане вместо привычных *«sarimsoq»* (чеснок), *«poyabzal»* (обувь), *«ko'zoynak»* (очки), *«hisoblagich»* (счётчик), *«likopcha»* (тарелка) или *«chipta»* (билет) повсеместно используются их русские соответствия, что подчеркивает глубину межъязыковой интеграции.

Научный подход к взаимодействию между языком, культурой и обществом имеет высокую актуальность и важность в области лингвистики и культурологии по нескольким причинам:**Мультикультурное общество**: В современном мире многие общества становятся все более мультикультурными и многоязычными из-за миграции и глобализации. Исследование взаимодействия языков и культур становится ключевым для обеспечения межкультурного понимания и сотрудничества.**Языковая политика:** Рассмотрение языковой политики и её влияния на общество и культуру становится актуальным в свете национальных и международных проблем, связанных с языками и языковыми правами.**Интернет и медиа:** С развитием интернета и социальных сетей, языковые и культурные аспекты онлайн-коммуникации и влияние медиа на лингвистические и культурные нормы становятся предметом изучения.**Гендерные исследования**: Исследование языковых аспектов гендерных неравенств и их влияние на культурные представления о поле также является актуальной темой.

Социокультурные изменения: Рассмотрение того, как социокультурные изменения влияют на язык и наоборот, позволяет нам лучше понимать эволюцию общества и культуры.

Образование и межкультурное взаимодействие: В области образования, особенно в контексте международных программ и обмена студентами, понимание языковых и культурных различий играет важную роль.

Политика и международные отношения: Язык и культура часто становятся факторами в международных дипломатических отношениях, и изучение их влияния на мировую политику имеет стратегическое значение.

Сохранение языков и культурного наследия: Исследование помогает в разработке стратегий для сохранения угрожаемых языков и культурного наследия. Исследования в этой области позволяют не только лучше понимать мир вокруг нас, но и разрабатывать политики, стратегии и методы для содействия межкультурному взаимодействию, уважению к разнообразию, и решению социокультурных и языковых проблем в современном обществе. [2, с.67]

Каждый из этих лексических инноваций отражает изменения в обществе и обогащает российский язык новыми понятиями и концепциями, что важно для понимания современных социокультурных процессов в России. Безусловно, существует множество дополнительных примеров лексической адаптации в русском языке, которые отражают изменения в культуре и обществе. Лексикология из года в год непрерывно дополняется нововведениями, заимствованием, а устаревшие единицы выходят из обихода, а иногда даже вымирают [4, с. 24]. Так, например, мы уже не употребляем такие слова, как видеомагнитофон, DVD плеер, рекрутчина…, а часто слышим и используем слова видеочат, выложить в сторис, лайфхак, Современная лексика русского и узбекского языков развивается и модернизируется благодаря лексике, которая почти каждодневно используется в речи людей: барбершоп- мужская парикмахерская, мини-маркет- небольшой магазин самообслуживания с ограниченным

ассортиментом, а супер-маркет- это уже наоборот. Аналогичную лексику можно разделить по группам или типам. В качестве примеров нами было выбрано несколько групп лексики, которые прочно вошли не только в русский язык, но и другие языки.

1.Наименования в области науки и образования:

Бриффли- это электронная библиотека книг с кратким изложением; Кундалик-ком - электронный школьный дневник и журнал в Узбекистане

Moodle – система электронного обучения студентов вузов, модульнобъектно-ориентированная динамическая обучающая среда;

PISA- международная программа, оценивающая знания, умения и навыки 15 летних школьников по читательской, естественнонаучной и математической грамотности.

Hemis – информационная система управления процессами высшего образования;

Онлайн-урок, онлайн-лекция, Веб-конференция,мастер-класс...

Тревел-гранты- это субсидия, выделенная на поездку на научное мероприятие с целью представления на нем научного материала.

ZOOM – облачная платформа для видеоконференций, вебинаров, онлайн-чатов.

Коучинг- метод обучения, в процессе которого «коуч» помогает обучающемуся достичь профессиональной цели…

2.Наименования в области косметологии

Ботулинотерапия – инъекционная коррекция с омолаживающим эффектом, разглаживание морщин.

Коллагеностимуляторы – косметические препараты, способные стимулировать процесс выработки коллагена (структурного белка), который отвечает за упругость кожи.

Мультимаскинг – процедура по уходу за кожей, одновременное использование нескольких видов масок

Плазмолифтинг – процедура лица, после которой кожа становится упругой и увлажненной

Растушёвка – введение специального особо стойкого красящего пигмента под верхние слои кожи, после которого брови, глаза и губы выглядят ухоженными в любой ситуации

Шлак- покрытие для ногтей, позволяющие получить прочный маникюр на несколько недель без смены цвета и необходимости коррекции

Филлер- шейминг – инъекция по коррекции мелких и глубоких морщин и их разглаживание

Татуаж – косметическая инъекция, с помощью чего создаётся чёткий рисунок или подчеркивание формы бровей, губ или век.

Браш-пилинг – это очищающая процедура с помощью крема и механического воздействия.

Мейкап – нанесение декоративной косметики на лицо, шею и декольте

Лазерная эпиляция, лазерный пилинг, кислородная косметика…

Анализируя модернизацию лексического состава русского и узбекского языков, нельзя не акцентировать на словообразовательном механизме формирования лексики.

Новая модерн-лексикапоявляется путем словосложения, аффиксации, аббревиации и других способов.

Существуют следующие конструкции словосложения:

- английское+ английское: touch pad (точпад – мышка ноутбука), аккаунд-менеджер, само слово ноутбук…

- английское+ русское : онлайн-продажа, онлайн-запись, Web-адрес, Веб-дизайн…

2.**С помощью аффиксов**: гипертекст, антивирус, макроэкономика, микропроцессор, с помощью суффиксов с обозначениям лица: чатер, дизайнер, онлайнер, оффлайнщик, драйвер, айтишник, …

3. **Аббревиация**: CD, WWW, SMS, MMS, ABM, GIF (анимация)

Язык и культура – это две неразрывно связанные сферы человеческой жизни, которые постоянно взаимодействуют и влияют друг на друга. Язык является не только средством общения, но и зеркалом культуры, в которой он развивается. Он не только отражает культурные ценности, нормы и традиции, но и формирует их. Обратно, культура оказывает огромное воздействие на язык, внося в него новые концепции, обогащая его лексикой и изменяя семантику. В современном мире динамика отношений между языком и культурой подвержена существенным изменениям. Глобализация, технологические революции и миграционные процессы приводят к более активному обмену культурными практиками и языками. [3, с.84] Этот динамичный процесс оказывает влияние как на сам язык, так и на культуру, создавая новые вызовы и возможности.

Список использованной литературы

1. Анисимов А. Компьютерная лингвистика для всех - Мифы, Алгоритмы, Язык. –М. 1991
2. Белоусов В.Н. Иноязычные слова в русском языке//Наука и жизнь.- 1993.-№ 8
3. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. –Назрань: Пилигрим, 2010
4. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности.- М.: Наука.1991.- 57 с.
5. Махмудов Н. Актуальные проблемы социолингвистики узбекского языка .//Актуальные проблемы развития узбекского языкознания. -Ташкент: 2020
6. Ходжиев А. Современное состояние узбекской терминологии и меры по ее совершенствованию //Терминология – в формировании профессионального мышления, развитии науки и образования. – Ташкент, 2008
7. Шемчук Ю.М. Модернизация существуюшей лексики современного немецкого языка: автореф. д.ф.н. –Москва, 2006.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОЛОДЁЖНОГО СЛЕНГА

Раджапова Дилшода Ишпулатовна
магистрант Каршинского
международного университета
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье говорится о молодежном сленге, которое является неотъемлемой частью лингвокультурного пространства и оказывает значительное влияние на формирование коммуникативных навыков студентов. Актуальностьобусловлена интенсивностью языковых изменений в молодежной среде и необходимостью разработки эффективных образовательных стратегий.*

Ключевые слова: *сленг, функция, идентификация, социолингвистическая компетенция, лингвокультурология, исследования, лексико-семантическое поле, концептуальная сфера.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada talabalarning kommunikativ ko‘nikmalari rivojlanishiga sezilarli ta’sir ko‘rsatuvchi lingvomadaniy manzaraning ajralmas qismi bo‘lgan yoshlar slengi tahlil qilinadi. Mavzuning dolzarbligi yoshlar madaniyatidagi til o‘zgarishlarining tez sur’atlari hamda samarali ta’lim strategiyalarini ishlab chiqish zarurati bilan asoslanadi.*

Kalit so‘zlar: *sleng, funksiya, identifikatsiya, sotsiolingvistik kompetensiya, lingvomadaniyatshunoslik, tadqiqot, leksik-semantik maydon, konseptual soha.*

Abstract. *This article discusses youth slang, an integral part of the linguocultural landscape that significantly influences the development of students' communicative skills. The topic’s relevance stems from the rapid pace of linguistic change within youth culture and the need to devise effective educational strategies.*

Keywords: *slang, function, identification, sociolinguistic competence, linguoculturology, research, lexico-semantic field, conceptual sphere.*

Изучение молодежного сленга в русле лингвокультурологии позволяет путем анализа его лексико-семантической составляющей, воссоздать языковую картину мира носителя молодежного сленга, в которой различается концептуальная сфера - представлен содержательный компонент знания о мире личности и ценностная сфера, отражающая восприятие мира, специфику и систему норм и ценностей, предпочтений и идеалов.1.

Всю лексическую систему современного молодежного сленга можно представить в виде пересекающихся лексико-семантических полей, которые в свою очередь, классифицируются по значимости их смысла для молодежного сленга, по их весу в системе лексико-семантических полей в молодежном сленге, по их внутреннему устройству.

Молодежный сленг носит антропоцентрический характер: сленгизмы, встречающиеся в речи молодых людей, отражают непосредственно отношение индивида (молодого человека) к окружающей действительности, выражают его эмоции,

желания, отношения в кругу семьи и друзей, дают оценку действиям и поступкам других людей и характеристики используемым предметам.

Были выделены следующие лексико-семантические поля с их последующим членением:

1) организм (человек как живое существо),

2) разум (интеллектуальная деятельность человека),

3) общество (человек предстает здесь как социальный элемент),

4) мир вещей (предметы, используемые человеком в разных сферах жизнедеятельности).

Использование закона синонимической аттракции позволяет воссоздать языковую картину мира современного молодого поколения. Исходя из того, что суть синонимической аттракции заключается в том, что группировка синонимов в синонимические ряды основывается на актуальности денотата в конкретный момент времени, мы можем говорить о том, что для современного молодого поколения наиболее актуальными сферами жизни являются учеба/работа, досуг. Следующими по значимости выступают здоровье, семья, брак, любовь. И, наконец, наименее значимыми являются вопросы, связанные с религией, общественной жизнью, страной. Современные молодые люди имеют различные взгляды, приоритеты и предпочтения (среди которых, однако, преобладают материальные блага).

Изменение структуры жизненных приоритетов и ценностей современной молодежи не привело к отрицанию универсальных общечеловеческих ценностей. Специфический язык неформального общения молодежи, который в последнее время все более вытесняет литературные нормы, в лингвистической литературе не имеет четкой дефиниции, и в работах современных лингвистов именуется как «молодежный социолект», «молодежный жаргон», «молодежный сленг» и даже «молодежное арго».

Можно считать недопустимым отождествлять понятия «арго», «жаргон» и «сленг» (за исключением тех редких случаев, когда эти подсистемы пересекаются и термины, их обозначающие, могут выступать синонимами) в силу их изначально разных причин происхождения.

На формирование молодежного сленга оказывают влияние возрастные особенности психики молодых людей, их стремление к самоутверждению. Молодежный сленг экспрессивно окрашен и пронизан оценочностью. Соответственно выразительные средства требует постоянного обновления сленговой лексики, что приводит к возникновению многочисленных синонимов. Лексический состав современного молодежного сленга пополняется за счет нескольких источников, среди которых выделяют внешне и внутриязыковые заимствования.

Слова из воровского жаргона и иностранных языков, попадая в молодежный сленг, способны как менять свою семантику, так и сохранять ее. Лексические единицы кодифицированного литературного языка непременно подвергаются изменению значения. Изменение значений слов, поступающих в молодежный сленг, происходит путем метафорического, реже метонимического переосмысления. Сужение или расширение значений заимствованных слов в молодежном сленге встречается довольно редко. Менее активное пополнение жаргонного словаря происходит через

актуализацию устаревших слов. В жаргонизированной речи молодежи устаревшие лексемы либо меняют свою семантику, либо сохраняют ее.

Арго является как «специфический язык социально-культурных низов общества, используемый в ситуациях преднамеренного игнорирования норм литературного языка», жаргон как «специфический язык лиц, объединенных общностью профессий либо интересов», и сленг как «специфический состав лексических единиц языка определенных субкультур в сфере неформального общения».

Таким образом, молодежный сленг предстает как «устойчивый набор определенных лексических единиц и правил их конструирования и употребления в неформальном общении представителей определенной статусно-возрастной субкультуры». Молодежный сленг опирается на языковую систему в целом, обладая при этом рядом особенностей, при помощи которых он обособляется от других речевых форм.

Среди иноязычных заимствований подавляющее большинство составляют англицизмы, особенно это проявляется в лексике, пришедшей из компьютерного жаргона. Заимствование из милицейского жаргона и жаргона военнослужащих очень ограничено. Дифференциация молодежи по социальному признаку позволила выявить различия в употреблении лексики молодежного сленга интеллектуально развитой молодежи, в основном это лексика студенческого жаргона и «слабо» образованной молодежи, в языке которой встречаются заимствования из воровского арго, армейского жаргона, профессиональных жаргонов и жаргонов наркоманов. Этим фактором объясняется выбор языковых средств в молодежных журналах, ориентированных на представителей молодого поколения.

По нашему мнению, недостаточное внимание уделялось и уделяется вопросу об источниках пополнения молодежного сленга. Вместе с тем, этот вопрос может иметь большое прикладное значение. Известно, что источниками пополнения молодежного сленга являются и уголовный жаргон, и жаргон наркоманов. Известно и то, что количество слов из этих жаргонов, проникших в молодежный сленг, относительно невелико, причем нередко в процессе этого проникновения они меняют смысл.

Сфера функционирования молодежного сленга не ограничивается только устным общением его носителей. В начале XXI века элементы молодежного сленга прочно укрепились в СМИ - периодической печати, телевизионных программах, радиовещании, а также в глобальной сети Интернет. Важность проведенного нами лингвокультурологического анализа молодежного сленга видится в том, что полученные в ходе исследования результаты можно использовать для более точного определения стратификации современного общества и роли молодого поколения в его развитии.

Список использованной литературы

1.Беззубов А.Н. Стилистические приемы газетной речи. — СПб., 2000.

2.Беликова Н. Н. Функционирование некодифицированной лексики в тексте: Автореф. дис. . канд. филол. наук. СПб., 1992.

3.Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. М., 1996. - № 3. - С. 3241.

4.Бережан С.Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973.

5.Быков В. Жаргоноиды и жаргонизмы в речи русскоязычного населения. (Новые слова и значения в современном русском языке) // Русистика. 1994. - № 1. - 2. - С. 85-95.

6.Валеева Н.Т. «К вопросу жаргонного словообразования в современном русском языке». Материалы межвузовской конференции "Агрессия в языке и речи". Институт лингвистики РГГУ, 2003.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ СРАЩЕНИЯМИ И ЕДИНСТВАМИ

Томбекова Шохинур Азам кизи
магистрант
Шахрисабзский государственный
педагогический институт
Шахрисабз, Узбекистан

Аннотация. *В статье говорится о словах с фразеологическими связанными значениями, которые могут со временем переходить в разряд слов со свободным значением, а компоненты фразеологических сращений и единств становятся самостоятельными лексическими единицами лишь при наличии особых языковых условий.*

Ключевые слова: *фразеология, компоненты, фразеологические сочетания, фразеологическаяединица,эквивалент.*

Annotatsiya. *Maqolada vaqt o‘tishi bilan erkin ma’noli so‘zlar turkumiga o‘tishi mumkin bo‘lgan, frazeologik jihatdan bog‘langan ma’noga ega so‘zlar muhokama qilinadi; shu bilan birga, frazeologik chirmashuvlar va birliklarning tarkibiy qismlari faqat muayyan lingvistik sharoitlardagina mustaqil leksik birliklarga aylanadi.*

Kalit so‘zlar: *frazeologiya, tarkibiy qismlar, frazeologik birikmalar, frazeologik birlik, ekvivalent.*

Abstract. *The article discusses words with phraseologically bound meanings that may eventually shift into the category of words with free meanings; the components of phraseological fusions and unities become independent lexical units only under specific linguistic conditions.*

Keywords: *phraseology, components, phraseological combinations, phraseological unit, equivalent.*

Фразеологические сочетания существенно отличаются от сращений и единств как в структурном, так и в семантическом аспектах. Во-первых, им свойственна

преимущественно двучленная структура (*«азбучная истина», «трескучий мороз», «бередить раны»*), тогда как сращения и единства чаще характеризуются более сложной организацией (*«наступать на любимую мозоль», «склонять во всех падежах»*). Во-вторых, компоненты сочетаний сохраняют абстрактно-обобщённое значение, что обусловливает аналитический характер их семантики (*«вызывать гнев», «обращать внимание»*). В-третьих, компоненты таких сочетаний способны к свободной актуализации значения в различных синтаксических позициях, ср.: *«он произвёл хорошее впечатление»* и *«впечатление, которое он произвёл, было хорошим»*, тогда как в сращениях и единствах подобная трансформация невозможна.

Следовательно, слова с фразеологически связанным значением могут со временем переходить в разряд слов со свободным значением, а компоненты фразеологических сращений и единств становятся самостоятельными лексическими единицами лишь при наличии особых языковых условий. Фразеологическая единица сохраняет свой статус до тех пор, пока значение её компонентов не приобретает общеязыковую самостоятельность.

Расширяя классификацию, Николай Михайлович Шанский выделяет дополнительный тип – фразеологические выражения. К данной группе относятся устойчивые воспроизводимые обороты, полностью состоящие из слов со свободным значением, например: *«волков бояться — в лес не ходить», «не всё то золото, что блестит», «любви все возрасты покорны»*. Эти единицы могут функционировать как на уровне предложения, так и на уровне словосочетания, выполняя номинативную или коммуникативную функцию. С позиций исторической фразеологии Борис Александрович Ларин предложил иную типологию, выделив три группы словосочетаний: переменные, метафорические и идиоматические. Переменные словосочетания представляют собой наиболее распространённый тип языковых единиц и включают, в частности, фразеологические сочетания. Метафорические словосочетания формируются в результате переосмысления свободных сочетаний (*«гнуть спину», «выносить сор из избы»*) и соотносятся с фразеологическими единствами в классификации В.В. Виноградова. Наконец, идиомы характеризуются полной утратой семантической двуплановости и эквивалентны фразеологическим сращениям.

Взаимодействие между фразеологическими сращениями и единствами носит динамический характер: фразеологические единства со временем могут трансформироваться в сращения. Скорость данного процесса обусловлена степенью выраженности внутренней формы: чем она ярче и образнее, тем медленнее происходит утрата мотивированности значения; напротив, ослабление образной основы способствует переходу единства в сращение. Фразеологические сращения характеризуются полной утратой внутренней формы, вследствие чего их значение является целостным и немотивированным, тогда как у фразеологических единств внутренняя форма сохраняется и легко осознаётся, обеспечивая мотивированность общего значения.

Сращения, в отличие от единств, нередко включают архаические элементы, что затрудняет интерпретацию значений их компонентов. Кроме того, компоненты сращений утрачивают семантическую самостоятельность в большей степени, чем

компоненты единств. При этом фразеологические сращения способны вступать в синонимические отношения с другими фразеологизмами, что демонстрирует нивелирование различий между их компонентами. Так, выражение *«бить баклуши»* соотносится с рядом синонимичных оборотов: *«валять дурака»*, *«гонять лодыря»*, *«плевать в потолок»*, *«считать ворон»*, что свидетельствует о приписывании различным компонентам единого обобщённого значения.

Согласно классификации Виктор Владимирович Виноградов, к фразеологическим единствам относятся также пословицы, поговорки и пословично-поговорочные выражения, например: *«не до жиру, быть бы живу»*, *«Федот, да не тот»*, *«нет худа без добра»*. Это указывает на неоднородность данной группы как по структуре, так и по степени семантической слитности компонентов. Особую позицию занимают фразеологические сочетания, представляющие собой воспроизводимые словосочетания, включающие два знаменательных компонента, один из которых обладает свободным, а другой — связанным значением, например: *«обращать внимание»*, *«впадать в нужду»*, *«оказывать помощь»*.

Фразеологические сочетания существенно отличаются от сращений и единств как в структурном, так и в семантическом аспектах. Во-первых, им свойственна преимущественно двучленная структура (*«азбучная истина»*, *«трескучий мороз»*, *«бередить раны»*), тогда как сращения и единства чаще характеризуются более сложной организацией (*«наступать на любимую мозоль»*, *«склонять во всех падежах»*). Во-вторых, компоненты сочетаний сохраняют абстрактно-обобщённое значение, что обусловливает аналитический характер их семантики (*«вызывать гнев»*, *«обращать внимание»*). В-третьих, компоненты таких сочетаний способны к свободной актуализации значения в различных синтаксических позициях, ср.: *«он произвёл хорошее впечатление»* и *«впечатление, которое он произвёл, было хорошим»*, тогда как в сращениях и единствах подобная трансформация невозможна.

Следовательно, слова с фразеологически связанным значением могут со временем переходить в разряд слов со свободным значением, а компоненты фразеологических сращений и единств становятся самостоятельными лексическими единицами лишь при наличии особых языковых условий. Фразеологическая единица сохраняет свой статус до тех пор, пока значение её компонентов не приобретает общеязыковую самостоятельность.

Расширяя классификацию, Николай Михайлович Шанский выделяет дополнительный тип — фразеологические выражения. К данной группе относятся устойчивые воспроизводимые обороты, полностью состоящие из слов со свободным значением, например: *«волков бояться — в лес не ходить»*, *«не всё то золото, что блестит»*, *«любви все возрасты покорны»*. Эти единицы могут функционировать как на уровне предложения, так и на уровне словосочетания, выполняя номинативную или коммуникативную функцию.

С позиций исторической фразеологии Борис Александрович Ларин предложил иную типологию, выделив три группы словосочетаний: переменные, метафорические и идиоматические. Переменные словосочетания представляют собой наиболее распространённый тип языковых единиц и включают, в частности, фразеологические сочетания. Метафорические словосочетания формируются в результате

переосмысления свободных сочетаний (*«гнуть спину», «выносить сор из избы»*) и соотносятся с фразеологическими единствами в классификации В.В. Виноградова. Наконец, идиомы характеризуются полной утратой семантической двуплановости и эквивалентны фразеологическим сращениям.

Таким образом, различные подходы к классификации фразеологических единиц отражают сложность и многомерность данного языкового явления, а также свидетельствуют о наличии как синхронных, так и диахронных аспектов его изучения.

Список использованной литературы

1. Боровков А.К. Лексика узбекского языка в свете сопоставительных исследований / А.К. Боровков. — Ташкент: Фан, 1963. — 428 с.

2. Бушуй М.А. Лексикографическое описание фразеологии. Самарканд: Издательство Самаркандского университета, 1982.-114 с.

3. Виноградов В.В. о некоторых вопросах теории русской лексикографии. В кн.: Лексикология и лексикография. – М: 1977

4. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологизмов в русском языке// Сборник А.А.Шахматов.М.-Л.: Издательство АН СССР, 1947.

5. Виноградов В.В. Основные типологические парадигмы в языках разных систем / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. — Москва: Академия, 1977. — С. 45—89.

6. Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986.-310с.

7. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1978.-160 с.

ПРИНЦИПЫ ИНТЕГРАЛЬНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Хайруллаева Асалбону Нодир кизи
магистрант
Шахрисабзский государственный
педагогический институт
Шахрисабз, Узбекистан

Аннотация. *В статье говорится о современном языкознании, котороеактивно ищет способы выйти за рамки узких специализированных подходов и именно здесь интегральное описание языка занимает особое место. Суть этого направления в том, чтобы не рассматривать языковые единицы изолированно, а создать целостную модель того, как они реально работают.*

Ключевые слова: *коммуникация, языковая единица, факт, единица, грамматическая категория, морфология, синтаксис.*

Annotatsiya. *Maqolada tor va ixtisoslashgan yondashuvlar doirasidan chiqish yo‘llarini faol izlayotgan zamonaviy tilshunoslik masalalari muhokama qilinadi; aynan shu*

nuqtai nazardan tilning yaxlit tavsifi muhim o‘rin tutadi. Ushbu yondashuvning mohiyati til birliklarini alohida-alohida tahlil qilishdan voz kechish hamda ularning amaldagi faoliyat ko‘rsatish jarayonini aks ettiruvchi yaxlit modelni yaratishdan iboratdir.

Kalit so‘zlar: *kommunikatsiya, til birligi, fakt, birlik, grammatik kategoriya, morfologiya, sintaksis.*

Abstract. *The article discusses modern linguistics, which is actively seeking ways to move beyond the confines of narrow, specialized approaches; it is in this context that the integral description of language occupies a significant place. The essence of this approach lies in avoiding the isolated analysis of linguistic units and instead creating a holistic model of how they actually function.*

Keywords: *communication, linguistic unit, fact, unit, grammatical category, morphology, syntax*.

Принципы интегрального подхода к изучению языковых единиц постепенно складывалось на протяжении второй половины XX и начала XXI века в разных научных школах, с разными акцентами.Средиисследователей,внесших вклад в развитие этого направления, особняком стоит Ю.Д.Апресян. Именно в его работах «интегральный» получил не просто практическое применение, но и четко теоритеческое основание последовательное, развернутое, концептуально выверенное.

Если говорить о ключевой идее интегральногоподхода, то она сводится к следущему: любая языковая это не одномерный объект с каким то однимнабором характеристик, а сложное явление, у которого одновременно есть синтаксическая, морфологическая, прагматическая и коммуникативная стороны. Причем все они связаны между собой, и вырвать одну из них из общегоконтекста значит заведомо получить неполную, а то искаженную картину. Отсюдаследует вполне практический вывод: чтобы по настоящему описать слово или грамматическую категорию, нужно опираться сразу на несколько лингвистических дисциплин, а не ограничиваться одной.

Ю. Д. Апресян в свое время предложил понятие, которое очень точно отражает этот принцип, лексический портерт слова. Подэтим подразумевается максимально полноеописание того, как слово ведет себя в языке в каких семантических процессах участвует, как строит синтаксические связи, какие прагматические оттенки несет.Когда такие портреты собираются вместе, они складываются в то, что Апресян называл интнгральным то есть описанием языка не как набора отдельных единиц, а как единой, внутренне связной системы.

В рамках интегрального описания особое значение придаётся понятию синтаксической семантики исследованию того, каким образом грамматические характеристики единицы влияют на её смысловой потенциал. Если взять конкретный пример местоимения, то картина выглядит так то какой смысл несет та или иная местоименная форма в реальном высказывании, зависит сразу от нескольких факторов. Падеж, место в предложении, характер предиката, общий дискурсивный контекст все это работает вместе, их совокупность определяет итоговое значение.

Отдельного вниманиязаслуживает прагматическое измерениеинтегрального описания. Речь идет о том, как человекиспользует языковые средства, чтобы достичь той или иной коммуникативной цели. Применительно к местоимениям это означаетанализ речевых актов, принципов кооперации, стратегий общения и норм речевого этикета всего того что стоит за выбором конкретной форм в конкретной ситуации. В итоге интегральное описание предполагает взгляд на языковую сразу с четырех сторон что она значит ,счем и как сочетается как применяется в общении и какие мыслительные структуры за ней стоят. Именноэто четырехмерная модель и лежит в основе данного исследования она применяется к анализу личных местоимений русского языка.

Суть интегральной концепции состоит в том, что адекватное описание любой языковой единицы требует учёта всех аспектов её существования: фонологического, морфологического, синтаксического, семантического, прагматического и коммуникативного. По сути, интегральныйподход, занимает промежуточный позицию междудвумя крайностями. С однойстороны, он не принимает традиционное деление языка на автономные уровни лексику, морфологию, синтаксис как будто те существует независимодруг от друга. С другой он не готов жертвовать системностью ради ситуативных наблюдений, как это порой делают радикальные версии функционализма. И интегральный подход пытаетсяудержать и то и другое и систему и функцию в рамках одного описания. Что касается внутреннегоустройства интегральной грамматики, Апресян выделяет в ней три составляющих. Первая семантическаяона охватывает анализ значений и отношениймежду единицами. Вторая прагматическая здесь фиксируется в речевых актах каксоотносится с темой и ремой высказывания.Третья коммуникативная она описывает поведение единицы на уровне текста и дискурса в целом.Именно это трехчастная структура открывает возможности для полноценного анализа личных местоимений и именно на нее опирается настоящее исследование.

Первых, позволяет преодолеть традиционную редукцию местоимений к «указательной» или «заместительной» функции, поскольку в свете интегральной модели оказывается, что каждое местоимение представляет собой сложно устроенную семантическую единицу с разнообразными прагматическими обязательствами. Во-вторых, Во интегральный подход . позволяет системно описать связь между формальными свойствами местоимений (падежными формами, особенностями согласования) и их семантическим и прагматическим поведением. Помимо этого, интегральный подход дает возможность последовательно показать, каким образомформальные характеристики местоимений их падежные формы, закономерности согласования оказываются напрямую связаны с тем какэти единицыведут себя в смысловом и коммуникативном плане.

Особого внимания заслуживаетто, что данный подход выводит на первый план явления, которые в традиционных описаниях нередко оставались в стороне. Нестандартный употребления местоимений.Речь идет,например, об использовании мы в значении я, о вежливомвы при обращении кодному человеку, о метафорических переносах и культурно обусловленных различиях в значении. Именно такие случаи наглядно показывают, насколько сложной является система

знаний, котораястоит за, казалось бы, самымпростым местоимением.Вэтом же направления работает концепция коммуникативного синтаксисаГ.А.Золотовой точнеепредложенный еюпринцип регистровой грамматики.Суть его состоит в следующем однаи та же грамматическая форма в разных коммуникативных регистрах нарративном репродуктивном, генеритивном приобретает различныесемантические и прагматические свойства. Применительно к нашейтеме это означает, что местоимения я в репортаже, вдневниковой записи и в научном тексте этот фактически разные коммуникативные объекты, несмотря на внешнее тождество формы.

Таким образом, интегральная методология обеспечивает достаточно мощный теоретическийинструментарий для того, чтобы охватить весь спектр выявленных особенностей функционирования личных местоимений в русском языки. В последующих разделах этот инструментарий последовательно применяется на конкретном языковом материале.

Список использованной литературы

1. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.

2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

4. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.

5. Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с фр. Ю.Н. Караулова. М.: Прогресс, 1974. 447 с.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ЕДИНИЦЫ ФРАЗЕОЛОГИИ

Холбоева Хурсаной Хамид кизи
магистрант
Шахрисабзский государственный
педагогический институт
Шахрисабз, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается понятие фразеологической единицы (фразеологизма, фразеологического оборота), которая определяется как устойчивое, семантически неделимое сочетание слов, характеризующееся целостностью значения, стабильностью компонентного состава и закреплённостью в языковом сознании носителей.*

Ключевые слова: *фразеология, единица, интенсивное развитие, фразеологическое значение, номинация, фразеологические сращения.*

Annotatsiya. *Maqolada frazeologik birlik (frazeologik burilish) tushunchasi o‘rganiladi, u ma’no yaxlitligi, komponent tarkibining barqarorligi va so‘zlovchilarning lingvistik ongida mustahkam o‘rnashganligi bilan ajralib turadigan barqaror, semantik jihatdan bo‘linmas so‘z birikmasi sifatida belgilanadi.*

Kalit so‘zlar: *frazeologiya, birlik, intensiv rivojlanish, frazeologik ma’no, nominatsiya, frazeologik birlashishlar.*

Abstract. *The article examines the concept of a phraseological unit (an idiom or a set phrase), defined as a stable, semantically indivisible combination of words characterized by a unified meaning, a fixed composition of components, and entrenchment within the linguistic consciousness of native speakers.*

Keywords: *phraseology, unit, intensive development, phraseological meaning, nomination, phraseological fusions (idiomatic fusions).*

Термин *«фразеология»* был введён швейцарским лингвистом Шарль Балли (1865-1947) и первоначально трактовался как раздел стилистики, изучающий устойчивые словосочетания. В последующем данное направление получило интенсивное развитие в русском языкознании, особенно в период 1940–1980-х годов, преимущественно на материале русского языка.

Понятие *«фразеологическое значение»* было независимо предложено в 1964 году Виктор Леонидович Архангельский и Александр Владимирович Кунин, что способствовало дальнейшему осмыслению семантической специфики фразеологических единиц.

Проблема существования фразеологического значения как самостоятельной лингвистической категории остаётся дискуссионной. В рамках теории эквивалентности фразеологизмы рассматриваются как единицы, обладающие лексическим значением, поскольку, несмотря на раздельнооформленность, они в лексико-семантическом аспекте функционально сопоставимы со словом.

Номинация явлений действительности посредством фразеологизмов тесно связана с их внутренней формой, отражающей в сознании говорящего целостный образ ситуации. Внутренняя форма выступает базовым компонентом семантики фразеологизма, поскольку именно она служит источником семантической мотивации, культурной коннотации, эмотивной окраски, оценочности и стилистической маркированности.

В современной лингвистике выделяются две основные концепции понимания объёма фразеологии. Согласно широкому подходу, к фразеологии относятся все устойчивые словесные комплексы различной степени фиксированности. Узкий подход, сформулированный Сергей Иванович Ожегов, предполагает исключение из сферы фразеологии предикативных единиц (предложений), а также пословиц, поговорок и афоризмов, что позволяет более чётко очертить границы данного языкового явления. В рамках данного исследования принимается широкое понимание фразеологии.

Среди многочисленных классификаций фразеологических единиц особое значение имеет семантическая классификация Виктор Владимирович Виноградов, основанная на степени семантической слитности компонентов. В соответствии с данной концепцией выделяются три основных типа фразеологизмов: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания.

Фразеологические сращения представляют собой полностью неделимые в семантическом отношении единицы, значение которых не выводится из значений

составляющих компонентов. К данной группе относятся выражения: *«бить баклуши»*, *«валять дурака»*, *«втирать очки»*, *«собаку съел»*, *«точить лясы»*, *«поминай как звали»*, *«у чёрта на куличках»*. Эти единицы характеризуются полной идиоматичностью и отсутствием прямой связи между значением целого и значениями его частей.

Фразеологические единства, в отличие от сращений, обладают мотивированным значением, которое формируется на основе метафорического переосмысления компонентов. Примерами служат выражения: *«взваливать на плечи»*, *«видеть насквозь»*, *«белая ворона»*, *«гусь лапчатый»*, *«кровь с молоком»*, *«не за горами»*. В данных единицах сохраняется определённая семантическая связь между компонентами и целостным значением. Следует отметить, что степень семантической спаянности в пределах фразеологических единств варьируется. На периферии данной группы находятся выражения, в которых один из компонентов выполняет смыслообразующую функцию и остаётся семантически маркированным, например: *«на дружеской ноге»* (‘в дружеских отношениях’), *«на ровной ноге»* (‘как равный с равным’).

Взаимодействие между фразеологическими сращениями и единствами носит динамический характер: фразеологические единства со временем могут трансформироваться в сращения. Скорость данного процесса обусловлена степенью выраженности внутренней формы: чем она ярче и образнее, тем медленнее происходит утрата мотивированности значения; напротив, ослабление образной основы способствует переходу единства в сращение. Фразеологические сращения характеризуются полной утратой внутренней формы, вследствие чего их значение является целостным и немотивированным, тогда как у фразеологических единств внутренняя форма сохраняется и легко осознаётся, обеспечивая мотивированность общего значения. Сращения, в отличие от единств, нередко включают архаические элементы, что затрудняет интерпретацию значений их компонентов. Кроме того, компоненты сращений утрачивают семантическую самостоятельность в большей степени, чем компоненты единств. При этом фразеологические сращения способны вступать в синонимические отношения с другими фразеологизмами, что демонстрирует нивелирование различий между их компонентами. Так, выражение *«бить баклуши»* соотносится с рядом синонимичных оборотов: *«валять дурака»*, *«гонять лодыря»*, *«плевать в потолок»*, *«считать ворон»*, что свидетельствует о приписывании различным компонентам единого обобщённого значения.

Согласно классификации Виктор Владимирович Виноградов, к фразеологическим единствам относятся также пословицы, поговорки и пословично-поговорочные выражения, например: *«не до жиру, быть бы живу»*, *«Федот, да не тот»*, *«нет худа без добра»*. Это указывает на неоднородность данной группы как по структуре, так и по степени семантической слитности компонентов.

Особую позицию занимают фразеологические сочетания, представляющие собой воспроизводимые словосочетания, включающие два знаменательных компонента, один из которых обладает свободным, а другой — связанным значением, например: *«обращать внимание»*, *«впадать в нужду»*, *«оказывать помощь»*. Фразеологические сочетания существенно отличаются от сращений и единств как в структурном, так и в семантическом аспектах. Во-первых, им свойственна

преимущественно двучленная структура (*«азбучная истина»*, *«трескучий мороз»*, *«бередить раны»*), тогда как сращения и единства чаще характеризуются более сложной организацией (*«наступать на любимую мозоль»*, *«склонять во всех падежах»*). Во-вторых, компоненты сочетаний сохраняют абстрактно-обобщённое значение, что обусловливает аналитический характер их семантики (*«вызывать гнев»*, *«обращать внимание»*). В-третьих, компоненты таких сочетаний способны к свободной актуализации значения в различных синтаксических позициях, ср.: *«он произвёл хорошее впечатление»* и *«впечатление, которое он произвёл, было хорошим»*, тогда как в сращениях и единствах подобная трансформация невозможна.

Список использованной литературы

1. Наливкина В. Русско-сартовский словарь. – Ташкент: 1911.
2. Обдуллаев А.Р. Фразеология: внутренняя форма единиц [Текст] / А.Р. Обдуллаев. - Ургенч: [б.и.], 1996. - С. 122.
3. Рахмати С. и др. Полный русско-узбекский словарь т.2.,Ташкент–Казань, 1934.
4. Рахматуллаев Ш. История узбекской литературной языковой культуры / Ш. Рахматуллаев. — Ташкент: Фан, 1984. — 312 с.
5. Рахматуллаев Ш.У. Краткий фразеологический словарь узбекского языка, Ташкент 1964.
6. Рахматуллаев Ш.У. Толковыйфразеологический словарь узбекского языка, Ташкент 1978.
7. Рахматуллаев Ш.Фразеологический словарь узбекского языка, Ташкент 1992.
8. Русско-узбекский словарь / под ред. проф. Т.Н. Кары-Ниязова и проф. А.К. Боровкова- Ташкент, 1942 .

ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ УГРОЗА ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Норбоева Феруза Хусановна
студентка 3 курса
Навбатова Рано Ходжимуратовна
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Термезский государственный педагогический институт
Термез, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается проблема заимствований в современном русском языке, анализируются причины их активного распространения и влияние на языковую культуру общества. Особое внимание уделяется англицизмам как наиболее распространённой группе заимствованной лексики. Отмечается, что заимствования являются естественным процессом развития языка, однако их чрезмерное употребление может привести к снижению культуры речи и вытеснению исконно русских языковых средств.*

Ключевые слова: *заимствования, русский язык, англицизмы, языковая культура, лексика, глобализация, культура речи.*

Annotatsiya. *Maqolada zamonaviy rus tilidagi o‘zlashma so‘zlar muammosi, ularning keng tarqalish sabablari va jamiyat til madaniyatiga ta’siri tahlil qilinadi. Ingliz tilidan kirib kelgan so‘zlar eng ko‘p uchraydigan o‘zlashmalar guruhi sifatida ko‘rib chiqiladi. O‘zlashmalar til taraqqiyotining tabiiy jarayoni ekanligi, biroq ularning haddan tashqari qo‘llanilishi nutq madaniyatining pasayishiga va rus tilining milliy imkoniyatlari qisqarishiga olib kelishi mumkinligi ta’kidlanadi.*

Kalit so‘zlar: *o‘zlashma so‘zlar, rus tili, anglisizmlar, til madaniyati, leksika, globallashuv, nutq madaniyati.*

Annotation. *TheThe article examines the problem of borrowings in the modern Russian language, analyzes the reasons for their active spread and their impact on language culture. Particular attention is paid to Anglicisms as the most widespread group of borrowed vocabulary. It is noted that borrowings are a natural process of language development; however, their excessive use may lead to a decline in speech culture and the displacement of native Russian lexical units.*

Keywords: *borrowings, Russian language, Anglicisms, language culture, vocabulary, globalization, speech culture.*

Современный русский язык представляет собой динамично развивающуюся систему, которая постоянно пополняется новыми словами и выражениями. Одним из наиболее заметных процессов последних десятилетий является активное проникновение заимствованной лексики [1]. Данное явление связано с развитием международных отношений, научно-техническим прогрессом, глобализацией и расширением межкультурных контактов.

Заимствование слов является естественным языковым процессом, характерным для всех языков мира. На протяжении своей истории русский язык неоднократно обогащался словами иностранного происхождения. Так, из греческого языка были заимствованы слова, связанные с религией, философией и наукой, из французского — лексика сферы культуры, искусства и быта, из немецкого — военная и техническая терминология [2]. Многие из этих слов настолько органично вошли в состав русского языка, что их иностранное происхождение уже не воспринимается носителями речи.

В XXI веке основным источником заимствований стал английский язык. Это объясняется его международным статусом и доминирующим положением в сферах информационных технологий, бизнеса, экономики и массовой культуры [3]. В современном русском языке широко используются такие слова, как «онлайн», «контент», «маркетинг», «бренд», «стартап», «блогер», «менеджер» и многие другие. Значительная часть англицизмов появляется благодаря развитию сети Интернет и цифровых технологий.

Одной из причин распространения заимствований является необходимость обозначения новых предметов и явлений. Появление новых технологий требует

создания соответствующих наименований. В таких случаях заимствование становится наиболее простым и быстрым способом пополнения словарного состава языка [4]. Например, с развитием компьютерных технологий в русский язык вошли слова «сканер», «сервер», «смартфон», «ноутбук», которые не имели точных аналогов на момент своего появления.

Однако наряду с положительными аспектами активное использование иностранных слов вызывает определённые опасения у лингвистов и специалистов по культуре речи. В ряде случаев заимствования употребляются без особой необходимости, несмотря на наличие общеупотребительных русских аналогов. Вместо слов «встреча», «образ», «обратная связь» часто используются слова «митинг», «имидж» и «фидбэк». Подобная тенденция способствует засорению речи и может затруднять понимание информации различными группами населения [5].

Особенно активно заимствованная лексика используется в молодёжной среде. Для многих молодых людей употребление англицизмов становится способом демонстрации принадлежности к определённой социальной группе или современной культуре. Вместе с тем чрезмерное увлечение иностранными словами может приводить к снижению интереса к богатым выразительным возможностям русского языка.

Следует отметить, что отношение к заимствованиям не должно быть исключительно отрицательным. История развития русского языка показывает, что многие слова иностранного происхождения со временем полностью адаптируются к нормам языка и становятся его неотъемлемой частью [6]. Более того, заимствования способствуют расширению словарного запаса и позволяют более точно отражать новые реалии общественной жизни.

Проблема заключается не в самом факте заимствования, а в его чрезмерности и необоснованности. Если иностранное слово выполняет важную номинативную функцию и не имеет точного русского аналога, его использование вполне оправдано. Однако в случаях, когда существуют равнозначные русские слова, предпочтение следует отдавать именно им. Такой подход способствует сохранению языковой культуры и поддержанию национальной самобытности русского языка.

Таким образом, заимствования являются закономерным результатом исторического развития языка и культурного взаимодействия народов. Они выполняют важную функцию обновления и обогащения лексической системы русского языка. Вместе с тем их чрезмерное и неоправданное употребление может негативно отражаться на культуре речи. Поэтому важнейшей задачей современного общества является формирование ответственного отношения к языку и сохранение баланса между языковыми новшествами и национальными традициями.

Список использованной литературы

1. Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое. — Москва: Языки славянской культуры, 2004.

2. Виноградов В. В. История слов. — Москва: Институт русского языка РАН, 1999.

3. Земская Е. А. Современный русский язык. — Москва: Флинта, 2011.

4. Реформатский А. А. Введение в языковедение. — Москва: Аспект Пресс, 2005.
5. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. — Санкт-Петербург: Златоуст, 1999.
6. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. — Москва: Либроком, 2009.

ESKI O‘ZBEK ADABIY TILIDA SONLARNING IFODALANISHI

Turdiqulova Rushana Soibnazar qizi
filologiya va tillarni o‘qitish (o‘zbek tili) yo‘nalishi talabasi
Qarshi davlat universiteti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Mazkur tezisda eski o‘zbek adabiy tilida sonlarning ifodalanishi, ularning ma’no va grammatik xususiyatlari hamda qo‘llanish shakllari haqida fikr yuritiladi. Eski o‘zbek adabiy tili davriga oid yozma manbalarda sonlar miqdor, tartib, chama, taqsim, jamlovchi va boshqa ma’nolarni ifodalash uchun xizmat qilgan. Sonlarning shakllanishida turkiy tillarga xos grammatik vositalar muhim o‘rin egallagan. Shuningdek, Alisher Navoiy asarlari va boshqa mumtoz yozma manbalar misolida sonlarning qo‘llanish xususiyatlari yoritiladi.*

Kalit so‘zlar: *eski o‘zbek adabiy tili, son, sanoq son, tartib son, chama son, taqsim son, jamlovchi son, Alisher Navoiy, grammatik shakl.*

Аннотация. *В данном тезисе рассматриваются способы выражения числительных в старом узбекском литературном языке, их значение, грамматические особенности и формы употребления. В письменных источниках периода старого узбекского литературного языка числительные служили для выражения количества, порядка, приблизительности, распределения, собирательности и других значений. В образовании числительных важную роль играли грамматические средства, свойственные тюркским языкам. Также особенности употребления числительных освещаются на примере произведений Алишера Навои и других классических письменных источников.*

Ключевые слова: *старый узбекский литературный язык, числительное, количественное числительное, порядковое числительное, приблизительное числительное, распределительное числительное, собирательное числительное, Алишер Навои, грамматическая форма.*

Abstract. *This thesis examines the expression of numerals in the Old Uzbek literary language, their meaning, grammatical features and forms of use. In written sources of the Old Uzbek literary period, numerals served to express quantity, order, approximation, distribution, collectiveness and other meanings. Grammatical means characteristic of Turkic languages played an important role in the formation of numerals. The features of numeral usage are also illustrated through the works of Alisher Navoi and other classical written sources.*

Keywords: *Old Uzbek literary language, numeral, cardinal numeral, ordinal numeral, approximate numeral, distributive numeral, collective numeral, Alisher Navoi, grammatical form.*

Kirish. Son turkumiga mansub so‘zlar predmetlarning miqdori, sanog‘i va tartibini bildiruvchi muhim so‘z turkumlaridan biridir. O‘zbek tilining tarixiy taraqqiyotida sonlar uzoq davr davomida o‘ziga xos shakl va ma’no xususiyatlariga ega bo‘lib kelgan. Ayniqsa, eski o‘zbek adabiy tili davrida sonlarning qo‘llanishi mazkur davr tilining grammatik qurilishi va lug‘aviy tarkibini o‘rganishda muhim ahamiyat kasb etadi.

Eski o‘zbek adabiy tili XIV–XIX asrlarda Markaziy Osiyoda keng qo‘llangan yozma adabiy til bo‘lib, uning eng yuksak taraqqiyot bosqichlaridan biri Alisher Navoiy ijodi bilan bog‘liq. Navoiy asarlarida sonlar turli grammatik va uslubiy vazifalarda qo‘llanib, tilning ifoda imkoniyatlarini namoyon etadi.

Asosiy qism. Eski o‘zbek adabiy tilida sonlar, avvalo, miqdor va tartib ma’nolarini ifodalagan. Sanoq sonlar predmet yoki hodisaning aniq miqdorini bildirgan. Bir, ikki, uch, to‘rt, besh, olti, yetti, sakkiz, to‘qqiz, o‘n kabi sonlar turkiy tillarning qadimiy qatlamiga mansub bo‘lib, eski o‘zbek adabiy tilida ham faol qo‘llangan.

Sanoq sonlarning birikmalar tarkibida kelishi orqali murakkab va tarkibli miqdorlar ham ifodalangan. Masalan, o‘n bir, yigirma ikki, yuz ellik, ming kabi shakllar muayyan miqdorni aniq ifodalashga xizmat qilgan. Tarkibli sonlarda kichik sonning katta sondan keyin kelishi orqali miqdor munosabati yuzaga kelgan.

Eski o‘zbek adabiy tilida tartib sonlar ham faol ishlatilgan. Tartib sonlar sanoq sonlarga maxsus qo‘shimchalar qo‘shilishi orqali hosil qilingan. Jumladan, -inchi/-ınçı shakllari tartib ma’nosini ifodalashda xizmat qilgan. Masalan, birinchi, ikkinchi, uchinchi kabi shakllar predmetlarning tartibdagi o‘rnini bildirgan.

Sonlarning yana bir muhim ko‘rinishi chama sonlardir. Chama sonlar predmet yoki hodisaning taxminiy miqdorini bildiradi. Bunday ma’no sonlarning ayrim qo‘shimchalar yordamida yoki sonlarni juftlash orqali ifodalanishi mumkin bo‘lgan. Masalan, ikki-uch, uch-to‘rt kabi shakllar taxminiy miqdorni anglatgan.

Taqsim sonlar predmetlarning miqdor jihatdan teng taqsimlanganini ifodalash uchun xizmat qilgan. Bunda son asosiga tegishli grammatik vositalarning qo‘shilishi yoki sonning takroriy shaklda qo‘llanishi muhim ahamiyatga ega bo‘lgan. Hozirgi o‘zbek tilidagi ikki tadan, uch tadan kabi shakllarning tarixiy asoslari ham qadimgi turkiy grammatik an’analar bilan bog‘liq.

Eski o‘zbek adabiy tilida jamlovchi son ma’nosi ham turli vositalar orqali ifodalangan. Bir guruh shaxs yoki predmetni yaxlit holda ko‘rsatish uchun sonlar otlar bilan birikib kelgan yoki maxsus shakllardan foydalanilgan.

Sonlarning qo‘llanishida kelishik va egalik qo‘shimchalari ham muhim rol o‘ynagan. Sonlar otlashib, gapda ot kabi turli sintaktik vazifalarni bajara olgan. Bunday holatda sonlarga kelishik, egalik kabi grammatik shakllar qo‘shilishi mumkin bo‘lgan.

Alisher Navoiy asarlarida sonlar nafaqat aniq miqdorni bildirish, balki badiiy-estetik va ramziy ma’nolarni ifodalash uchun ham ishlatilgan. Mumtoz adabiyotda bir, ikki, uch, yetti, qirq, ming kabi sonlarning muayyan ramziy mazmun bilan qo‘llanishi kuzatiladi. Shu

sababli Navoiy asarlaridagi sonlarni o‘rganish faqat grammatik jihatdan emas, balki adabiy-badiiy nuqtayi nazardan ham ahamiyatlidir.

Eski o‘zbek adabiy tilidagi sonlarni hozirgi o‘zbek tili bilan qiyoslash ularning asosiy grammatik negizi qadimiy turkiy tilga borib taqalishini ko‘rsatadi. Ayrim fonetik shakllar vaqt o‘tishi bilan o‘zgargan bo‘lsa-da, sonlarning asosiy ma’no tizimi va grammatik xususiyatlarida tarixiy davomiylik mavjud.

Xulosa qilib aytganda, eski o‘zbek adabiy tilida sonlar miqdor va tartibni ifodalash bilan bir qatorda, chama, taqsim, jamlovchi kabi ma’nolarni ham yuzaga keltirgan. Sanoq sonlar sodda va tarkibli shakllarda qo‘llangan, tartib sonlar esa maxsus grammatik qo‘shimchalar yordamida hosil qilingan. Sonlarning kelishik va egalik shakllarini qabul qilishi ularning otlashish imkoniyatiga ega bo‘lganini ko‘rsatadi.

Alisher Navoiy va boshqa mumtoz adiblar ijodida sonlarning qo‘llanishi eski o‘zbek adabiy tilining grammatik imkoniyatlarini namoyon etadi. Sonlar ayrim hollarda aniq miqdorni ifodalasa, badiiy matnda ramziy va uslubiy vazifalarni ham bajargan.

Demak, eski o‘zbek adabiy tilida sonlarning ifodalanishi o‘zbek tilining tarixiy grammatik taraqqiyotini o‘rganishda muhim manbalardan biridir. Ularni yozma yodgorliklar, xususan, Alisher Navoiy asarlari asosida tadqiq etish hozirgi o‘zbek tilidagi son kategoriyasining tarixiy ildizlarini chuqurroq anglash imkonini beradi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Abdurahmonov G‘., Rustamov H. O‘zbek tilining tarixiy grammatikasi. – Toshkent.
2. Borovkov A.K. Alisher Navoiy asarlari tili. – Moskva.
3. Navoiy A. Mukammal asarlar to‘plami. – Toshkent.
4. Qoshg‘ariy M. Devonu lug‘otit turk. – Toshkent.
5. Rahmatullayev Sh. O‘zbek tilining etimologik lug‘ati. – Toshkent.
6. O‘zbek tilining tarixiy grammatikasi bo‘yicha oliy ta’lim darslik va o‘quv qo‘llanmalari.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Тухтамуродова Маржона Музафаровна
студентка 3 курса
Навбатова Рано Ходжимуратовна
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Термезский государственный педагогический институт
Термез, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности функционирования русского языка в странах Центральной Азии в современных социально-культурных условиях. Анализируются сферы использования русского языка, его роль в системе образования, науки, делового общения и межкультурной коммуникации. Особое внимание уделяется взаимодействию русского языка с государственными языками стран региона, а также перспективам его дальнейшего развития.*

Ключевые слова: *русский язык, Центральная Азия, билингвизм, языковая политика, межкультурная коммуникация, образование, языковая среда.*

Annotatsiya. *Maqolada Markaziy Osiyo mamlakatlarida rus tilining zamonaviy ijtimoiy-madaniy sharoitdagi faoliyati tahlil qilinadi. Rus tilining ta'lim, fan, ishbilarmonlik va madaniyatlararo muloqotdagi o'rni yoritiladi. Shuningdek, rus tilining mintaqa davlat tillari bilan o'zaro ta'siri va istiqbollari ko'rib chiqiladi.*

Kalit so'zlar: *rus tili, Markaziy Osiyo, bilingvizm, til siyosati, madaniyatlararo muloqot, ta'lim, til muhiti.*

Annotation: *The article examines the peculiarities of the functioning of the Russian language in the countries of Central Asia under modern socio-cultural conditions. The study analyzes the use of Russian in education, science, business communication and intercultural interaction. Special attention is paid to the interaction between Russian and the state languages of the region, as well as to the prospects for the further development of the Russian language.*

Keywords: *Russian language, Central Asia, bilingualism, language policy, intercultural communication, education, language environment.*

Русский язык на протяжении многих десятилетий занимает важное место в языковом пространстве стран Центральной Азии. Несмотря на укрепление позиций государственных языков после обретения независимости, русский язык продолжает выполнять значимые социальные, образовательные, научные и коммуникативные функции [1]. Его использование обусловлено историческими, культурными, экономическими и образовательными связями между государствами региона.

Современная языковая ситуация в странах Центральной Азии характеризуется многоязычием. Большинство жителей региона владеют как государственным языком своей страны, так и русским языком, что способствует развитию билингвизма [2].

Владение двумя и более языками значительно расширяет возможности получения образования, профессионального роста и международного сотрудничества.

Одной из важнейших сфер функционирования русского языка остаётся образование. Во многих школах и высших учебных заведениях региона обучение полностью или частично осуществляется на русском языке. Русский язык широко используется при изучении естественных, технических и медицинских дисциплин, а также в подготовке специалистов гуманитарного профиля [3]. Значительная часть научной литературы и учебных материалов продолжает издаваться именно на русском языке.

Не менее важную роль русский язык играет в научной деятельности. Многие исследователи стран Центральной Азии публикуют результаты своих научных работ на русском языке, участвуют в международных конференциях и реализуют совместные исследовательские проекты. Это способствует расширению академического сотрудничества и обмену научными достижениями между странами региона.

Особое значение русский язык сохраняет в сфере межкультурной коммуникации. Для представителей различных национальностей, проживающих в Центральной Азии, он нередко выступает языком повседневного общения. Благодаря этому русский язык выполняет функцию средства взаимопонимания между представителями разных этнических групп и способствует сохранению культурных связей [4].

В последние годы заметное влияние на развитие русского языка оказывают цифровые технологии. Социальные сети, электронные образовательные платформы, интернет-издания и современные средства массовой информации способствуют расширению русскоязычного информационного пространства. Молодёжь активно использует русский язык при общении в интернете, создании медиаконтента и участии в международных образовательных проектах.

Одновременно русский язык испытывает влияние государственных языков стран Центральной Азии. В разговорной речи нередко встречаются элементы языковой интерференции, проявляющиеся в произношении, словоупотреблении и построении предложений. Подобные процессы являются естественным следствием длительного взаимодействия различных языков и культур и представляют значительный интерес для современной лингвистики [5].

Несмотря на изменения в языковой политике государств региона, русский язык сохраняет высокий уровень востребованности в экономике, международном сотрудничестве, туризме, науке и образовании. Владение русским языком остаётся важным преимуществом на рынке труда и способствует профессиональной мобильности молодых специалистов.

Перспективы функционирования русского языка в Центральной Азии во многом зависят от развития образовательного сотрудничества, культурного обмена и совместных научных проектов. При этом важным условием остаётся гармоничное сосуществование русского языка с государственными языками стран региона на основе взаимного уважения и сохранения национальной языковой идентичности.

Таким образом, русский язык продолжает играть важную роль в общественной жизни стран Центральной Азии. Он является не только средством общения, но и

инструментом образования, науки, профессионального развития и межкультурного взаимодействия. Современные условия требуют сохранения баланса между развитием государственных языков и поддержанием высокого уровня владения русским языком как одним из важнейших средств международной коммуникации.

Список использованной литературы

1. Крысин Л. П. Русский язык в современном мире. — Москва: Языки славянской культуры, 2008.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. — Москва: Индрик, 2005.
3. Земская Е. А. Современный русский язык. — Москва: Флинта, 2011.
4. Швейцер А. Д. Социолингвистика. — Москва: Либроком, 2009.
5. Реформатский А. А. Введение в языковедение. — Москва: Аспект Пресс, 2005.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ МОЛОДЁЖНОМ СЛЕНГЕ

Юлдашева Лола Кулдашевна
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Иноятуллаева Дарина Фахриддиновна
студентка 3-го курса
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *Статья посвящена семантическим изменениям в современном русском молодёжном сленге. Рассматривается переход заимствованных слов и терминов из профессиональных и специализированных сфер в повседневную коммуникацию. На материале лексических единиц, связанных с психологией, межличностными отношениями, компьютерными играми и интернет-общением, анализируются расширение значения, метафорический перенос, детерминологизация и развитие эмоционально-оценочных функций. Предлагается тематическая классификация сленговых единиц и рассматриваются факторы их распространения. Отмечается, что употребление таких слов в разговорной речи не всегда означает полную утрату исходного значения; во многих случаях наблюдается его расширение или изменение прагматической функции.*

Ключевые слова: *современный русский язык, молодёжный сленг, семантические изменения, детерминологизация, заимствования, метафорический перенос, эмоционально-оценочная лексика.*

Annotatsiya. *Maqolada hozirgi rus yoshlar slengidagi semantik o‘zgarishlar ko‘rib chiqiladi. Kasbiy va maxsus sohalarga oid terminlar hamda o‘zlashma so‘zlarning kundalik muloqotga o‘tishi tahlil qilinadi. Psixologiya, shaxslararo munosabatlar, kompyuter o‘yinlari va internet muloqoti bilan bog‘liq leksik birliklar misolida ma’no kengayishi, metaforik ko‘chish, determinologizatsiya va hissiy-baholovchi vazifalarning rivojlanishi yoritiladi.*

Sleng birliklarining mavzuviy tasnifi taklif qilinadi va ularning tarqalish omillari ko‘rib chiqiladi.

Kalit so‘zlar: *hozirgi rus tili, yoshlar slengi, semantik o‘zgarishlar, determinologizatsiya, o‘zlashmalar, metaforik ko‘chish, hissiy-baholovchi leksika.*

Abstract. *This article examines semantic changes in contemporary Russian youth slang, focusing on loanwords and terms that move from professional or specialised domains into everyday communication. Examples related to psychology, interpersonal relationships, gaming and online interaction are used to discuss semantic broadening, metaphorical transfer, determinologisation and the development of evaluative and expressive functions. The article proposes a thematic classification of slang units and considers factors contributing to their spread. It argues that informal use does not always involve complete loss of the original meaning; in many cases, the meaning broadens or the pragmatic function changes.*

Keywords: *contemporary Russian, youth slang, semantic change, determinologisation, loanwords, metaphorical transfer, evaluative vocabulary.*

Введение. Лексическая система языка изменяется под влиянием общественных, культурных и технологических процессов. Один из источников обновления современной русской разговорной речи — молодёжная коммуникация, включая общение в социальных сетях и мессенджерах. В этой среде слова из научной терминологии, сферы информационных технологий, игровой культуры и английского языка могут выходить за пределы первоначальной сферы употребления и приобретать дополнительные значения [1; 2].

Актуальность работы обусловлена необходимостью описать указанные изменения и разграничить десемантизацию, расширение значения, метафорический перенос и детерминологизацию. Эти процессы не тождественны: при расширении значения слово начинает обозначать более широкий круг явлений; при метафорическом переносе новое значение формируется на основе сходства; при детерминологизации термин используется вне специальной сферы и может утрачивать часть дефиниционной точности.

Цель работы — охарактеризовать изменения значений заимствованной и терминологической лексики в современном молодёжном сленге. Рассматриваются исходные значения слов, их употребление в разговорной речи и выполняемые ими коммуникативные функции. Материалы статьи могут использоваться при изучении лексикологии и социолингвистики.

Результаты исследования. Рассматриваемые единицы условно распределены на пять тематических групп. Такая классификация отражает тематические источники пополнения сленга и направления семантических изменений; границы между группами могут пересекаться.

1. Лексика психологии и межличностного взаимодействия

Слова «токсичный», «абьюз», «триггерить», «выгорание» и выражение «быть в ресурсе» связаны с психологическим дискурсом, однако в повседневной речи нередко используются шире специальных значений. Прилагательное «токсичный» может характеризовать не только устойчиво вредные отношения, но и любое поведение, воспринимаемое говорящим как неприятное: «Он такой токсичный, даже окно не

открывает». В данном примере слово выступает оценочной характеристикой бытового поведения.

Слово «абьюз» в профессиональном контексте обозначает насилие или систематическое злоупотребление властью в отношениях. В разговорной речи его иногда иронически применяют к чрезмерным требованиям: «Задали конспект на десять страниц — это абьюз». Такое употребление расширяет сферу референции и может ослаблять различие между насилием и обычным конфликтом. Глагол «триггерить» употребляется как в значении вызывать сильную эмоциональную реакцию, так и в более общем значении «раздражать». «Выгорание» и выражение «я не в ресурсе» могут обозначать не клинически или профессионально определённое состояние, а усталость и отсутствие готовности к деятельности. Эти примеры точнее описывать как детерминологизацию и семантическое расширение, а не как полную утрату значения.

2. Лексика романтических и социальных отношений

Заимствования «краш», «шипперить», «гостинг» и «редфлаг» распространены в интернет-коммуникации и обсуждении межличностных отношений. Словом «краш» называют объект романтической симпатии; в отдельных контекстах его значение расширяется и распространяется на привлекательный предмет. Глагол «шипперить» обозначает желание или склонность видеть двух людей либо персонажей в романтической паре; в повседневном общении он может использоваться в значении «считать подходящей парой» или «сводить».

«Гостинг» первоначально связан с внезапным прекращением общения без объяснения причин. В бытовой речи термин может обозначать более широкий спектр ситуаций — от длительного отсутствия ответа до полного игнорирования. «Редфлаг» (англ. red flag) называет признак возможной проблемы или риска в поведении человека. В сленге слово иногда используется гиперболически для обозначения незначительного недостатка: «Он не любит котиков — это редфлаг». В подобных примерах усиливается оценочная функция слова.

3. Лексика компьютерных игр и цифровой среды

Термин «тильт», пришедший из игровой и покерной среды, обозначает состояние эмоционального возбуждения или фрустрации, которое мешает игроку принимать рациональные решения. В повседневной речи он может обозначать раздражение, растерянность или досаду: «Я сегодня в тильте, даже чай пролила». Здесь происходит расширение значения за пределы игровой ситуации.

Слово «имба», связанное с английским imbalance («дисбаланс»), в игровом дискурсе характеризует чрезмерно сильного персонажа или игровую стратегию. В молодёжной речи оно может служить общей положительной оценкой: «Этот фильм — просто имба». Прилагательное «душный» также употребляется как характеристика человека, который чрезмерно придирается к деталям или затрудняет общение. Для этих единиц характерен переход от специального контекста к общей оценочной функции.

4. Эмоционально-оценочная лексика

Единицы «база», «кринж» и «вайб» выполняют преимущественно оценочную или экспрессивную функцию. Выражение «это база» передаёт одобрение высказывания и согласие с ним. Слово «кринж» обозначает чувство неловкости или стыда за ситуацию, поступок либо высказывание: «Смотреть это видео — сплошной кринж».

«Вайб» используется для обозначения субъективно воспринимаемой атмосферы места, события или общения: «На лекции комфортный вайб». В этих случаях исходные ассоциации слова уступают место контекстуальной оценке, но это не обязательно означает полную десемантизацию.

5. Лексика действий, случайности и риска

Слово «скам» (англ. scam) связано с мошенничеством, однако в разговорной речи может иронически обозначать обманутое ожидание или разочарование: «Обещали солнце, но пошёл дождь — это скам». Глагол «флексить», распространившийся через музыкальную и интернет-культуру, обычно означает демонстративно подчёркивать свои достоинства, статус или достижения; в некоторых контекстах он сближается со значением «красоваться». Слово «рандом», связанное с понятием случайности, в разговорной речи может обозначать непредсказуемое событие или неизвестного человека: «В группу добавили какого-то рандома». Эти примеры демонстрируют расширение сочетаемости и переход единиц в новые коммуникативные ситуации.

Обсуждение. Рассмотренные примеры позволяют выделить несколько взаимосвязанных процессов: заимствование, детерминологизацию, метафорический перенос, расширение значения и развитие эмоционально-оценочной функции. Наиболее заметные изменения происходят тогда, когда слово начинает использоваться вне исходной профессиональной или субкультурной среды. При этом терминологическое значение может сохраняться в специальных контекстах, тогда как в разговорной речи формируется дополнительное, более широкое значение.

Распространению таких единиц способствуют цифровая коммуникация, обмен языковыми моделями, стремление к краткости и экспрессивности, а также языковая игра. При этом выводы о частотности отдельных единиц и доминировании определённых тенденций требуют подтверждения количественными данными. Поэтому предложенную классификацию следует рассматривать как описательную.

Заключение. В современном молодёжном сленге активно используются заимствованные слова и единицы, пришедшие из психологии, цифровой среды, игровой культуры и интернет-коммуникации. В повседневной речи они могут приобретать дополнительные значения и новые прагматические функции. Анализ материала показывает, что наиболее уместно говорить о сочетании семантического расширения, метафорического переноса, детерминологизации и усиления эмоционально-оценочной составляющей.

Рассмотренные единицы объединены в пять тематических групп: лексика психологии и межличностного взаимодействия; обозначения романтических и социальных отношений; игровая и цифровая лексика; эмоционально-оценочные маркеры; слова, связанные с действиями, случайностью и риском. Предложенная классификация позволяет систематизировать материал, однако выводы о распространённости отдельных слов требуют прозрачного описания выборки и проверки эмпирических данных. Перспективой дальнейшего исследования может стать сопоставление употребления этих единиц в устной речи студентов и в разных типах интернет-дискурса.

Список использованной литературы

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие для студентов вузов. М. : Логос, 2003. 304 с.

2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М. : АСТ, 2017. 320 с.

3. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 3–29.

4. Левикова С. И. Особенности молодёжного сленга как подсистемы языка // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 45–52.

5. Стернин И. А. Общественные процессы и развитие языка // Живое слово в динамике времени. 2021. № 2. С. 12–19.

6. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и Образование, 2014. 1376 с.

7. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х: современная Россия в языковом отображении. М. : Либроком, 2023. 280 с.

2- SHU'BA

TILLARARO VA MADANIYATLARARO MULOQOT
МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
INTERLINGUAL AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

FORMING FOREIGN PHONEMIC BASE UNDER CONDITIONS OF PHONETIC INTERFERENCE

Tatiana M. Nasonova
PhD in Linguistics, Associate professor
Dean of the School of English at Belarussian State University of Foreign Languages
Minsk, the Republic of Belarus

Abstract*: The article highlights the findings of a series of studies devoted to the specifics of the accentual-rhythmic arrangement of English utterances produced by Russian and Belarusian speakers. The conducted research demonstrated that interference at the accentual-rhythmic level manifests itself in the distribution of phrasal accents, in the duration of rhythmic-accentual structures, in the realization of word stress in sounding speech, as well as in the temporal organization of accentual-rhythmic components. Such violations substantially hinder the perception of foreigners' speech and negatively affect the comprehension of segmental elements, complicating for listeners the recognition of distorted speech. These conclusions are of value for the methodology of teaching English pronunciation to Russian and Belarusian learners, defining the key aspects that should be attended to when mastering the phonetic standard of the foreign language, as well as the criteria for assessing the formation of phonetic competences.*

Keywords*: prosodic interference; accentual and rhythmic structure; the English language; teaching foreign language pronunciation; utterance stress; word stress.*

Аннотация*. Статья освещает итоги серии исследований, посвящённых специфике акцентно-ритмического оформления английских высказываний, производимых русскоязычными и белорусскоязычными говорящими. Проведённые исследования продемонстрировали, что интерференция на акцентно-ритмическом уровне обнаруживается в распределении фразовых акцентов, в продолжительности ритмико-акцентных структур, в реализации словесного ударения в звучащей речи, а также во временной организации акцентно-ритмических компонентов. Подобные нарушения существенно затрудняют восприятие речи иностранцев и отрицательно влияют на понимание сегментных элементов, осложняя для слушателей распознавание искажённой речи. Эти выводы представляют ценность для методики преподавания английского произношения русским и белорусским учащимся, определяя ключевые аспекты, на которые следует обратить внимание при освоении фонетического стандарта иностранного языка, а также критерии оценки сформированности фонетических компетенций.*

Ключевые слова**:** просодическая интерференция; акцентно-ритмическая структура; английский язык; преподавание иноязычного произношения; фразовое ударение; словесное ударение.

Traditionally, when teaching foreign language pronunciation, the greatest attention is paid to eliminating the influence of the phonemic base of the native language through imitation of speech fragments. This methodology demonstrates effectiveness, as a rule, on short segments and, unfortunately, has a short-term effect. The generally accepted recommendation in this case sounds like this: listen to more native speakers and repeat after them. The effectiveness of such a recommendation has a very selective effect and suits a very small number of learners, justifying failures by "lack of ear for language." Nevertheless, these same learners are able to notice the slightest deviations from the pronunciation norm in their native language and to identify the minutest unnaturalness in the sound of native speech, which testifies to the presence of an ear for language in every individual. This mechanism is described by L.R. Zinder in his unpublished work "Phoneme" [1]: "In relation to the native language or a language which he fully masters, a person possesses absolute hearing, whereas in relation to an unfamiliar language he has to make do with relative hearing. [...] The reason for such a phenomenon from a linguistic point of view is easy to understand, [...] the matter is that a person possesses absolute phonetic hearing only in relation to his native or a well-known language. This can only be explained by the fact that phonetic hearing is cultivated by the phonemic system of the native language" [1, p. 900].

Thus, the task of teaching foreign language pronunciation is the formation of phonetic hearing on the basis of the phonemic system of the foreign language. In this aspect, it is important to establish on the basis of which speech segments it is necessary to form the phonemic base of the foreign language, as well as to determine the focus of attention when imitating the said segments. Often, phonetic exercises include imitation of sounds in the stressed (strong) position given in minimal pairs of words, opposed by one sound, which corresponds to the traditional doctrine of the phoneme as the minimal sense-distinguishing unit of a language. However, numerous observations of oral speech testify to a significantly more complex functioning of sounds in speech than their opposition by distinctive features. Moreover, the very possibility of dividing the sound stream into sounds is called into question: "...an individual speech sound (phone) is not only not given in the acoustic picture, but its isolation from the speech stream is the result of a purely linguistic, rather than articulatory-acoustic, mechanism. The same applies to the perceptual aspect: the confidence of native Russian speakers that in the word ‘так’, for example, there are three sounds — /t/, /a/, /k/, which they will easily reproduce, is based on mastery (intuitive, of course) of the linguistic mechanism of dividing speech and identifying the units of division [...]. When perceiving a foreign language, when the listener analyzes what is heard in accordance with the phonological system of the native language, errors and misunderstandings are possible..." [1, p. 895].

In the process of teaching foreign language pronunciation, the learner must develop a certain prosodic model of foreign language speech, in which all variants of sound pronunciation correspond to their positions according to the phonetic norm of the foreign language. Violation of this model in the process of speech production by the speaker

inevitably leads to a violation of speech comprehension by the listener, since the constitutive and identifying functions are performed by phonetic units simultaneously. This situation arises because the segmental units of the foreign language are distorted in atypical prosodic conditions to such an extent that they lose their identity for any listener. The results of research confirm the importance of teaching segmental and suprasegmental characteristics of speech in their interrelationship, that is, taking into account the realization of segmental units in the context of the structure of the accentual-rhythmic unit (prosodic microcontext) and the phrase (prosodic macrocontext).

Thus, speech perception, directly tied to its production, is based on an extended stretch in which the sound is under the simultaneous influence of both neighboring sounds and suprasegmental characteristics of speech. Moreover, often the recognition of a specific sound is based on the phonetic characteristics of adjacent segments, rather than on the specific distinctive features of the given sound, which is what causes difficulties in the perception of foreign language speech among non-native speakers. It is precisely the formation of the phonological base taking into account such variants of pronunciation that enhances the ability of a non-native speaker to effectively understand a foreign language.

All of the above confirms the fact that the training of foreign language pronunciation must be carried out on speech stretches of a length of no less than a syntagma, where the accentual-rhythmic characteristics of speech can be taken into account, allowing to imitate various combinatory and positional variants of phonemes. Studies, which compare the sounding speech of native English speakers and the English speech of native Russian/Belarusian speakers, show that prosodic interference manifests itself in all components of the prosodic system: in the accentual-rhythmic, temporal, and pitch-melodic components [2, 3]. The authors note that non-native speech lacks diversity in the choice of melodic contours, uses the melodic completion of the phrase that is not typical for English, and has the lesser degree of emotionality of speech. These deviations disrupt the naturalness of speech, yet do not hinder its comprehension. Deviations in the accentual-rhythmic structure of the phrase, however, lead to significant disruptions in the sound of speech and, consequently, to the impossibility of its adequate comprehension by ear. This conclusion is beyond doubt, since it fully corresponds to the understanding of rhythm as a means of "organizing the structure of a word through word stress" which "facilitates the identification of words in the speech stream, i.e., also ensures comprehension of the meaning of speech" [4, p. 143].

The series of studies conducted by us on native and non-native English speech testifies to the fact that deviations at the accentual-rhythmic level affect the distribution of phrasal stresses, the length of rhythmic units, the realization of word stress in oral speech, and the temporal structure of the accentual-rhythmic unit.

Let us dwell in more detail on each of them. Despite the fact that in both English and Russian the basis of periodicity is the rhythmic group, the distribution of phrasal stress is under the influence of language-specific factors. A characteristic tendency of the Russian and Belarusian languages is the division of phrases into large syntagms with accentual stressing of each word (since words in these languages, as a rule, are polysyllabic). A study conducted by us on the material of the English, Russian, and Belarusian languages showed that the number of polyaccentual syntagms (3 or more accentual units) in Russian speech amounts to 42%, in

Belarusian speech 51%, in English speech 40%, for the same length of the extract, pronounced by speakers of the same age group (60-70 years) on similar topics. A feature of English speech is the alternation of stressed and unstressed elements in the syntagm, which with the dominance of monosyllabic and disyllabic words in English leads to the obligatory absence of stress on function words as well as some notional words.

An important indicator of the accentual-rhythmic structure is the ratio of length of syllables in the accentual-rhythmic group. It is precisely the speaker's hitting the temporal structure of the rhythmic unit typical for the foreign language that ensures the correct identification of speech by the listener. The results of the study of the temporal structure of the accentual-rhythmic group in nuclear and non-nuclear positions in English, Russian, and Belarusian showed that significant differences between these languages manifest themselves in the relative duration of the pre-stressed vowel. In addition, our study revealed that even similar modifications of the duration of the post-stressed syllable in the three languages, manifesting in the lengthening of the post-stressed syllable in the nuclear accentual unit (which is actually the pre-juncture syllable in the syntagm), are not observed in the interfered English speech of a native Russian and Belarusian speaker.

Thus, the results of our research confirm how difficult it is to eliminate interference in the accentual-rhythmic subsystem. The listed deviations significantly affect the euphony of the non-native speaker's speech as a whole and have a negative impact on the realization of segmental units, causing difficulties in the perception of interfered speech among listeners. The obtained results have practical significance in the process of teaching foreign language (English) pronunciation to native Russian/Belarusian speakers, allowing us to determine the focus of attention in teaching the phonetic norm of the foreign language and the criteria for assessing the formed phonetic skills and abilities.

References

1.Svetozarova, N. D. et al. "Phoneme." An unpublished work by L. R. Zinder / Svetozarova, N. D., Naydich, L. E., Andronov, A. V. // Indo-European Linguistics and Classical Philology. – 2025. – Issue 29. – Pp. 861-950.

2.Metlyuk, A. A. Interaction of Prosodic Systems in the Speech of a Bilingual : a textbook. – Minsk : Vysheyshaya Shkola, 1986. – 112 p.

3.Poplavskaya, T. V. Segmental Phonetics and Prosody of Oral Speech : a monograph ; editorial board : A. A. Metlyuk, E. B. Karnevskaya. – Minsk : MSLU, 1993. – 160 p.

4.Shevchenko, T. I., Sokoreva, T. V., A sociophonetic view of the variability of speech rhythm / Shevchenko, T. I., Sokoreva, T. V. // Vestnik of Moscow State Linguistic University. – 2016. – Issue 20 (759). – Pp. 141–154.

NEMIS VA O‘ZBEK TILLARIDA NEOLOGIZMLARNING ME’YORLASHUV TENDENSIYALARI

Axmedov Anvar Botirovich
Qarshi davlat universiteti professori
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada nemis va o‘zbek tillarida neologizmlarning me’yorlashuv tendensiyalari qiyosiy tahlil qilinadi. Yangi leksik birliklarning qo‘llanish faolligi, ijtimoiy qabul qilinishi, institutsional omillar ta’siri hamda lug‘atlarda me’yoriy mustahkamlanishidagi umumiy va farqli xususiyatlar ilmiy jihatdan yoritiladi.*

Kalit so‘zlar: *neologizm, me’yorlashuv, kodifikatsiya, diskursiv faollik, leksik me’yor.*

Аннотация. *В статье проводится сравнительный анализ тенденций нормализации неологизмов в немецком и узбекском языках. Рассматриваются общие и отличительные особенности употребления новых лексических единиц, их общественного признания, влияния институциональных факторов и нормативного закрепления в словарях.*

Ключевые слова: *неологизм, нормализация, кодификация, дискурсивная активность, лексическая норма.*

Abstract. *The article presents a comparative analysis of neologism normalization trends in German and Uzbek. It examines similarities and differences in the frequency of use of new lexical units, their social acceptance, the influence of institutional factors, and their codification in dictionaries.*

Keywords: *neologism, normalization, codification, discursive activity, lexical norm.*

Nemis tilida neologizmning me’yorlashuv tendensiyalari zamonaviy institutsional, korpus va diskursiv lingvistika yutuqlariga tayangan holda izchil va tizimli ravishda amalga oshmoqda. Nemis til muhitida yangi leksik birlik, avvalo, ommaviy axborot vositalari, siyosiy nutq, ekspert muhokamalari hamda raqamli kommunikatsiya maydonlarida yuqori qo’llanish chastotasi bilan namoyon bo’ladi. Bunday neologizmlar, dastlab joriy voqelikni nomlash ehtiyoji tufayli paydo bo’lsa-da, qisqa muddat ichida pragmatik, konnotativ hamda mafkuraviy ma’no kasb etib, diskursiv jihatdan faollashadi. Aynan shu bosqichda ularning hayotiyligi va kommunikativ samaradorligi shakllanib, keyingi me’yorlashuv jarayoni uchun asos yaratiladi.

Germaniyaning Manhaym shahrida joylashgan Nemis tili instituti (Institut für Deutsche Sprache – IDS) tomonidan shakllantirilgan korpuslar (DeReKo va boshqalar) neologizmlarning qo’llanish dinamikasi, vazifaviy doirasi, uslubiy chegaralanishi va semantik barqarorligini aniqlashda muhim ilmiy manba hisoblanadi. Korpus ma’lumotlari orqali neologizmning qaysi diskurslarda faol ishlatilayotgani, qaysi ijtimoiy guruhlar tomonidan qabul qilingani hamda ma’nosidagi o’zgarishlar ilmiy asosda kuzatiladi. X. Bussman qayd etganidek, korpus tahlili nemis tilida neologizmni baholashda subyektiv intuitsiyani emas, balki real nutqiy amaliyotni asos qilib olish imkonini beradi [1, 186-187].

Aynan shu empirik ma’lumotlar asosida Duden, Wahrig, Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS) kabi akademik lug’atlar yangi leksik birliklarni bosqichma-

bosqich kodifikatsiya qiladi. Bu jarayonda neologizmning shakliy barqarorligi, ma’no aniqligi, uslubiy belgisi (pometasi) va qo’llanish doirasi alohida hisobga olinadi. P. fon Polens fikricha, nemis tilida me’yorlashuv “qat’iy qoidalarga asoslangan rasmiy tartibga solish” orqali emas, balki ijtimoiy qo’llanish, institutsional kuzatuv va lug’atchilik an’analari o’rtasidagi uyg’unlik orqali amalga oshadi [2, 212-213]. Shu sababli nemis tilida neologizmlar tez va nisbatan keskin qarshiliklarsiz me’yorlashib, ularning uslubiy pometasi (publitsistik, rasmiy, so’zlashuv yoki ekspressiv) aniq belgilanadi hamda leksik normaga tizimli ravishda integratsiya qilinadi. Natijada, nemis tilida neologizmlarning me’yorlashuvi o’z-o’zidan yuzaga keluvchi jarayon emas, balki ilmiy monitoring, diskursiv faollik va institutsional tasdiqqa tayangan murakkab, ammo samarali jarayon sifatida namoyon bo’ladi. Demak, nemis tilida leksik tizimning yangilanishi barqaror va boshqariladigan xususiyatga ega.

O’zbek tilida neologizmning me’yorlashuv tendensiyalari nemis tilidagi kabi institutsional korpus monitoringiga emas, balki avvalo ijtimoiy-siyosiy islohotlar, davlatning til siyosati, huquqiy-me’yoriy hujjatlar va publitsistik nutq faolligiga bog’liq holda shakllanib bormoqda. Yangi leksik birliklar, odatda, davlat boshqaruvi, iqtisodiy islohot, jamiyatni modernizatsiya qilish jarayonlari bilan bog’liq konseptlarni nomlash ehtiyoji tufayli vujudga keladi. Bunday neologizm, birinchi navbatda qonun hujjatlari, prezident nutqlari, rasmiy bayonotlar hamda markaziy ommaviy axborot vositalari orqali keng ommaga tarqaladi. Masalan, *raqamlashtirish, ochiqlik siyosati, ijtimoiy sheriklik, jamoatchilik nazorati, xizmatlar sifati* kabilar, avvalo rasmiy-siyosiy diskursda faol qo’llanib, keyinchalik publitsistik va kundalik nutqqa singib bormoqda. Bu holat o’zbek tilida neologizmning me’yorlashuvi “yuqoridan pastga”, ya’ni institutsional diskursdan ommaviy nutqqa tomon harakatlanishini ko’rsatadi.

Biroq, o’zbek tilida neologizmning kodifikatsiya jarayoni nemis tiliga nisbatan sekinroq kechishi, ayrim yangi so’zlarning imlo, morfologik va uslubiy maqomi uzoq vaqt davomida noaniq qolishi kuzatiladi. Bu, bir tomondan, korpus lingvistikasiga asoslangan tizimli monitoringning hali to’liq yo’lga qo’yilmagani bilan bog’liq bo’lsa, ikkinchi tomondan, publitsistik va raqamli diskursdagi variantli qo’llanishning yuqoriligi bilan izohlanadi. Masalan, *raqamli iqtisodiyot – raqamlashtirilgan iqtisodiyot, ochiq ma’lumotlar – ochiqlik ma’lumotlari* kabi shakliy va semantik variantlar parallel qo’llanib, me’yorlashuvni sekinlashtiradi. E.Begmatov va A.Mamatov fikricha, o’zbek adabiy tilida me’yorning shakllanishi, ko’p hollarda “amaliy nutq tajribasi ortidan keladigan nazariy umumlashma” sifatida namoyon bo’ladi [4, 31-32].

E. Begmatov, A. Boboyeva, M. Asomiddinovaning fikricha, o’zbek tilida yangi so’zlarning me’yorlashuvi, avvalo ommaviy nutqdagi takroriy va maqsadli qo’llanish, shuningdek, jamoaviy ongda ijtimoiy ehtiyoj sifatida qabul qilinishi bilan bog‘liq [3, 79]. Shu nuqtayi nazardan, lug’atlar neologizmlarni me’yorlashtiruvchi emas, balki mavjud nutqiy amaliyotni qayd etuvchi va rasmiylashtiruvchi manba sifatida namoyon bo’ladi. Bu holat o’zbek tilida neologizmlar, avvalo, nutqiy amaliyotda barqarorlashib, keyinchalik me’yoriy maqom kasb etishini ko’rsatadi.

Shu bilan birga, so’nggi yillarda o’zbek tilida me’yorlashuv jarayonini tizimlashtirishga qaratilgan ilmiy va institutsional harakatlar ham kuzatilmoqda. Davlat tilini rivojlantirish konsepsiyalari, atamashunoslik qo’mitalari faoliyati, yangi imlo qoidalarini

takomillashtirishga qaratilgan ishlar neologizmning shakliy va ma’noviy barqarorligini ta’minlashga xizmat qilmoqda. E.Begmatov va A.Mamatov qayd etganidek, zamonaviy o’zbek tilida neologizmning me’yorlashuvi tilning ichki qonuniyatlari bilan bir qatorda, ijtimoiy buyurtma va davlat siyosatining ta’sirida kechadi [3, 33].

Demak, o’zbek tilida neologizmning me’yorlashuv tendensiyalari institutsional reglamentatsiyadan ko’ra, ijtimoiy amaliy nutq, publitsistik diskurs va rasmiy kommunikatsiya uyg’unligiga tayanadi. Bu jarayon nisbatan sekin, ammo funksional jihatdan samarali bo’lib, neologizmning jamiyat ehtiyojlariga mos holda tabiiy ravishda leksik normaga kirib borishini ta’minlaydi. Tahlillar shuni ko’rsatadiki, har ikki tilda ham me’yorlashuv umumiy qonuniyatlarga tayansa-da, uning amalga oshish mexanizmlari milliy til siyosati va diskursiv an’analar bilan bog‘liq.

Umuman olganda, nemis va o’zbek tillarida neologizmlarning me’yorlashuv tendensiyalari umumiy lingvistik qonuniyatlarga – qo’llanish chastotasi, kommunikativ zaruriyat va ijtimoiy qabulga tayangan holda shakllansa-da, ularning amalga oshish mexanizmi, institutsional nazorati va me’yoriy tasdiqlanish darajasi bilan farqlanadi. Nemis tilida neologizmlarning me’yorlashuvi korpusli monitoring, diskursiv tahlil va akademik lug’atchilik an’analariga tayangan holda ilmiy-metodik asosda olib boriladi; bu esa yangi leksik birliklarning shakliy, semantik va uslubiy maqomini nisbatan qisqa vaqt ichida aniq belgilash imkonini beradi. Shu tariqa, nemis tilida me’yorlashuv jarayoni institutsional nazorat va ijtimoiy qo’llanish uyg’unligida kechadi.

O’zbek tilida esa neologizmning me’yorlashuvi ko’proq nutqiy amaliyot, ijtimoiy ehtiyoj va publitsistik diskurs faolligiga tayanadi. Bu holat yangi so’zning avval kommunikativ jihatdan samarali bo’lishi, jamoaviy ongda qabul qilinishi va faqat shundan so’ng me’yoriy maqom kasb etishini ta’minlaydi. Natijada, o’zbek tilida me’yorlashuv jarayoni nisbatan uzoqroq davom etsa-da, u neologizmning funksional jihatdan hayotiyligi va diskursiv moslashuvchanligini saqlab qolishga xizmat qiladi.

Demak, har ikki tilda ham neologizmning til tizimida barqarorlashuvi universal tamoyillarga asoslanadi, ammo ularning kommunikativ samaradorligi, me’yorga mos birlikka aylanish sur’ati va kodifikatsiya shakli milliy lingvomadaniy muhit, til siyosati va diskursiv an’analar bilan chambarchas bog’liq ekani mazkur qiyosiy tahlil orqali ilmiy jihatdan asoslanadi.

Foydalanilgani adabiyotlar ro‘yxati

1. Bußmann H.: Lexikon der Sprachwissenschaft. 4., durchgesehene und bibliographisch ergänzte Auflage unter Mitarbeit von Hartmut Lauffer. – Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2008. – 860 S.

2. Polenz Peter von. Deutsche Sprache vom Mittelalter bis zur Gegenwart. – Berlin/New York. Band 3: 19. und 20. Jahrhundert. 1. Auflage. W. de Gruyter, 1991. – 757 S.

3.Бегматов Э., Бобоева А., Асомиддинова М. Адабий норма ва нутқ маданияти. – Тошкент: «Фан». 1983 – 150 б.

4. Бегматов Э., Маматов А. Адабий норма назарияси. (Адабий норманинг шаклланиш ва яшаш қонуниятлари). III қисм. – Тошкент, 1999. – 140 б.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АДАПТАЦИЯ И РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНЫХ И ВОСТОЧНЫХ МИФОЛОГЕМ КАК ФОРМА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ СМЫСЛОВ

Буранова Жамила Алиевна
доцент кафедры русского языка и литературы
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается художественная адаптация античных и восточных мифологем как механизм межкультурной трансляции смыслов на материале романов В. О. Пелевина «Чапаев и Пустота» и Х. Дустмухаммада «Мудрый Сизиф» («Donishmand Sizif»). Анализируется, как буддийская мифологема пустоты (шуньята) в произведении Пелевина деконструирует советский миф и формирует альтернативную онтологию, а античная мифологема Сизифа в романе Дустмухаммада переосмысляется из символа абсурда в образ волевого и мудрого становления личности. На основе концепций Е. М. Мелетинского и Ю. М. Лотмана показано, что мифологемы выступают универсальными посредниками диалога культур, сохраняя архетипическое ядро при изменении аксиологического вектора.*

Ключевые слова: *мифологема, межкультурная трансляция, рецепция мифа, шуньята, В. О. Пелевина «Чапаев и Пустота», Х. Дустмухаммада «Мудрый Сизиф», Сизиф.*

Annotatsiya. *Maqolada antik va sharqiy mifologemalarning badiiy adaptatsiyasi madaniyatlararo ma'nolarni tarjima qilish mexanizmi sifatida V. O. Pelevinning «Chapayev va Pustota» hamda X. Do'stmuhammadning «Donishmand Sizif» romanlari materialida ko'rib chiqiladi. Pelevin asarida buddaviy bo'shliq (shunyata) mifologemasi sovet mifini dekonstruksiya qilib, muqobil ontologiyani shakllantirishi, Do'stmuhammad romanida esa antik Sizif mifologemasi absurd ramzidan irodali va donishmand shaxs shakllanishi obraziga o'zgarishi tahlil etiladi. Ye. M. Meletinskiy va Yu. M. Lotman konsepsiyalari asosida mifologemalar madaniyatlar dialogining universal vositachilari bo'lib, aksiologik vektorni o'zgartirgan holda arxetipik yadroni saqlab qolishi ko'rsatiladi.*

Kalit so'zlar: *mifologema, madaniyatlararo tarjima, mif retsepsiyasi, V. Pelevin, «Chapayev va Pustota», X. Do'stmuhammad, «Donishmand Sizif», shunyata, Sizif.*

Abstract. The article examines the artistic adaptation of ancient and Eastern mythologemes as a mechanism of intercultural translation of meanings based on the novels *Chapaev and Void* by V. O. Pelevin and *The Wise Sisyphus* (*Donishmand Sizif*) by Kh. Dustmukhammad. It analyzes how the Buddhist mythologeme of emptiness (*shunyata*) in Pelevin's work deconstructs the Soviet myth and forms an alternative ontology, while the ancient mythologeme of Sisyphus in Dustmukhammad's novel is reinterpreted from a symbol of the absurd into an image of willful and wise personal becoming. Drawing on the concepts of E. M. Meletinsky and Yu. M. Lotman, the study demonstrates that mythologemes act as

universal mediators of cultural dialogue, preserving their archetypal core while changing the axiological vector.

Keywords: mythologeme, intercultural translation, myth reception, V. Pelevin, *Chapaev and Void*, Kh. Dustmukhammad, *The Wise Sisyphus*, shunyata, Sisyphus.

Художественная адаптация мифологем – устойчивых сюжетно-образных ядер мифа – остаётся одним из наиболее продуктивных механизмов межкультурной трансляции смыслов. Мифологема, в отличие от развёрнутого мифологического повествования, представляет собой компактную, легко отчуждаемую смысловую единицу: мотив, образ, структурную схему или концепт, способные к переносу из одной культурной системы в другую без полного воспроизведения исходного контекста. Именно эта компактность и семантическая ёмкость делают мифологемы идеальным «переводческим» материалом. Античные и восточные мифологемы, попадая в пространство современной литературы, подвергаются двойному процессу – деконтекстуализации и реконтекстуализации. Деконтекстуализация означает отрыв от первоначальной ритуальной, религиозной или космогонической привязки; реконтекстуализация – встраивание в новые исторические, социальные и экзистенциальные рамки, где древний код начинает работать как инструмент осмысления современности.

Е. М. Мелетинский в «Поэтике мифа» специально подчёркивал, что литература XX века сознательно обращается к мифологии «как к инструменту организации художественного мира». Мифологизм проявляется не только в прямом заимствовании сюжетов и персонажей, но и – что гораздо существеннее – в воспроизведении глубинных принципов мифологического мышления: цикличности времени, изоморфизма (отождествления различных уровней бытия), амбивалентности образов и тенденции к свёртыванию множества явлений в единый прототип (Мелетинский, с. 7–8). Мелетинский отмечал, что в XX веке «на первый план выступает идея вечной циклической повторяемости первичных мифологических прототипов под разными “масками”», а литература начинает сознательно мифологизировать даже бытовую и историческую реальность. Это наблюдение оказывается особенно точным применительно к постсоветской и постколониальной прозе, где мифологема часто становится способом преодоления кризиса идентичности.

Ю. М. Лотман, З. Г. Минц и Е. М. Мелетинский отмечали постоянное «переливание» мифа в литературу, происходящее как непосредственно, так и опосредованно – через философские учения, фольклор и научные концепции (Лотман, Минц, Мелетинский, с. 220). Именно в этом ключе следует рассматривать два ярких примера современной рецепции: роман Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» (1996), где восточные (буддийские, дзэнские, монгольские) мифологемы вступают в диалог с советским мифом, и роман Хуршида Дустмухаммада «Мудрый Сизиф» («Donishmand Sizif», 2016), где античная мифологема Сизифа переосмысляется в контексте современной узбекской прозы.

Роман Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» представляет собой одно из наиболее последовательных и философски насыщенных художественных воплощений буддийской мифологемы шуньяты (пустоты) в русской литературе конца XX века.

Более того, это, пожалуй, первый в русской прозе текст, в котором восточная мифологема пустоты становится не просто тематическим мотивом или декоративным ориенталистским элементом, а структурообразующим принципом всего повествования, определяющим и онтологию художественного мира, и логику развития персонажей, и саму нарративную стратегию. Главный герой – Пётр Пустота – существует одновременно в двух, на первый взгляд, несовместимых «реальностях». В одной из них он – поэт-декадент и комиссар при дивизии Чапаева в 1919 году; в другой – пациент психиатрической больницы в Москве начала 1990-х, страдающий (по диагнозу врачей) раздвоением личности. Обе реальности оказываются равно иллюзорными, равно «пустыми». Пелевин выстраивает повествование таким образом, что читатель постепенно утрачивает критерии различения «истинного» и «ложного», «прошлого» и «настоящего», «внешнего» и «внутреннего». Это прямое следствие работы с мифологемой шуньяты: в буддийской философии (особенно в школе мадхьямака Нагарджуны и в дзэнской традиции) пустота означает не отсутствие сущего, а отсутствие самостоятельной, независимой сущности (свабхавы) у всех явлений. Всё возникает зависимо, всё относительно, всё пусто от собственной природы.

Чапаев в романе выступает не историческим комдивом Василием Ивановичем, а дзэнским гуру, бодхисаттвой, ведущим ученика к осознанию пустоты. Его реплики часто построены по принципу коана – парадоксального высказывания, призванного остановить дискурсивное мышление. Ключевая формула романа прямо отсылает к «Сутре сердца совершенной мудрости» (Праджняпарамита-хридая-сутре), одному из центральных текстов махаяны: «Эх, Петька, – сказал Чапаев, – объясняешь тебе, объясняешь. Любая форма – это пустота. Но что это значит? … А то значит, что пустота – это любая форма» (Пелевин). Эта цитата почти дословно воспроизводит знаменитое положение сутры: «Форма есть пустота, пустота и есть форма». Глиняный мизинец Будды, которым Чапаев «стреляет», становится визуальным и сюжетным воплощением этой идеи: указывая на любой объект, мизинец заставляет его исчезнуть, проявляя истинную природу вещей – пустоту. Броневик Чапаева, обитый фиолетовым плюшем, со щелями, напоминающими полузакрытые глаза Будды, превращается в средство «побега» в пустоту – художественную вариацию буддийского освобождения от сансары, от круговорота страданий и иллюзий.

Пелевин осуществляет чрезвычайно сложную межкультурную трансляцию. Советский миф о Чапаеве, сформированный романом Дмитрия Фурманова, фильмом братьев Васильевых и бесчисленными анекдотами, деконструируется через восточную оптику. Красный командир, воплощение революционной энергии и народной удали, превращается в мастера коанов, а революционный пафос – в путь к нирване. При этом Пелевин не просто «накладывает» буддизм на советский материал: он показывает, как сам советский миф уже содержал в себе элементы мифологического мышления (героизация, сакрализация вождя, вера в возможность полного преображения реальности), которые теперь прочитываются через призму шуньяты. Монгольский «миф о Вечном Невозвращении», о котором прямо говорится в предисловии к роману, противопоставляется западному (и ницшеанскому) мифу о Вечном Возвращении. Если Вечное Возвращение утверждает бесконечное повторение одного и того же, то «Вечное

Невозвращение» – возможность окончательного выхода из круга, перехода в состояние, где возврат в сансару уже невозможен (анагами в буддийской терминологии).

Пустота (шуньята) в интерпретации Пелевина принципиально отличается от нигилистического вакуума, часто ассоциируемого с постмодернизмом. Она становится позитивной основой реальности, из которой рождается любовь и в которую всё возвращается. В одном из ключевых эпизодов Чапаев говорит: «Для тебя карма, – сказал он, – для меня дхарма, а на самом деле один хрен. Пустота. Да и ее на самом деле нету» (Пелевин). Здесь пустота оказывается даже «пустыннее» самой себя: она лишена какой бы то ни было фиксированной характеристики. Именно поэтому финал романа – погружение Петра и Анны в «Условную Реку Абсолютной Любви» (УРАЛ) – может быть прочитан и как достижение нирваны, и как растворение в пустоте, и как обретение нового модуса существования, где реальность становится равной чистому сознанию.

Как отмечает сам повествователь в предисловии (написанном от лица вымышленного буддийского иерарха Ургана Джамбона Тулку VII), текст является «первой в мировой культуре попыткой отразить художественными средствами древний монгольский миф о Вечном Невозвращении» и посвящается «благу всех живых существ» с мантрой «Ом мани падме хум». Таким образом, восточные мифологемы – пустота (шуньята), отношение гуру–ученик, коан как способ познания, невозвращение (анагами), бодхисаттва, мизинец Будды как указание на истинную природу – адаптируются для осмысления постсоветского кризиса идентичности, иллюзорности истории, распада прежних идеологических конструкций и возможности духовного освобождения. Пелевин совершает акт межкультурной трансляции, в котором буддийская мифологема перестаёт быть «чужой» и становится инструментом самопознания русской культуры на переломе эпох.

Если Виктор Пелевин осуществляет трансляцию восточных (буддийских, дзэнских, монгольских) смыслов в русскоязычное постсоветское пространство, то Хуршид Дустмухаммад совершает движение в прямо противоположном направлении – адаптацию классической античной мифологемы в современную узбекскую литературу. Роман «Мудрый Сизиф» («Donishmand Sizif», 2016) целиком строится на сюжете о Сизифе, обречённом богами вечно вкатывать огромный камень на вершину горы. Однако автор производит радикальную перекодировку традиционного образа, превращая его из символа бессмысленного наказания и абсурда в фигуру духовного становления, воли и обретения мудрости.

В классическом греческом мифе (и особенно в его интерпретации Альбером Камю в эссе «Миф о Сизифе») Сизиф предстаёт хитрецом, способным обмануть даже богов, за что и был приговорён к самому бессмысленному из всех возможных наказаний. Его труд – бесконечное, заведомо тщетное усилие – становится у Камю метафорой человеческого существования в мире, лишённом изначального смысла. «Надо представлять себе Сизифа счастливым» (Камю, с. 92), – заключает французский философ, предлагая бунт и осознанное принятие абсурда как единственно достойный ответ. Дустмухаммад сознательно вступает в диалог с этой традицией, но предлагает принципиально иную аксиологию. Его Сизиф – не бунтарь, который вопреки всему утверждает свою свободу, и не просто жертва богов. Он становится носителем ума

(*donish*), терпения (*sabr*), силы воли (*iroda*) и надежды (*umid*). Роман начинается знаковой фразой: «Qoshin kuchlisi tosh yuqoriga dumalaydi…» («Камень силача катится на верх…») (Дустмухаммад, с. 250). Уже в этой первой строке задаётся иной смысловой вектор: акцент делается не на бессмысленности усилия, а на стойкости, непреклонности и внутренней силе героя.

Сюжет романа предельно прост и почти ритуально цикличен. От начала до конца перед читателем разворачивается одна и та же картина: Сизиф толкает огромный камень (*xarsangtosh*) вверх по склону, приближается к вершине, камень срывается и катится вниз – и всё начинается заново. Внешнее действие почти отсутствует. Однако внутренний мир героя, переданный с помощью модернистского приёма потока сознания, оказывается необычайно насыщенным. Мысли Сизифа постоянно возвращаются к вопросам воли, времени, человеческого достоинства и смысла существования. Одной из программных становится фраза: «Dunyoing turgan-bitgani irodadan iborat, deyishgan. Darhaqiqat, insonni iroda tark etsa, yeru osmon ham, quyoshu yulduzlar ham behuda-befoyda. Men esa yangi irodaga o‘rgataman odamlarni!» («Говорят, что весь мир держится на воле. В самом деле, если человека покинет воля, то и земля с небом, и солнце со звёздами окажутся бесполезными. А я научу людей новой воле!») (Дустмухаммад, с. 87–88). Здесь воля (*iroda*) перестаёт быть просто психологическим качеством и приобретает почти космогонический статус: без неё рушится сам порядок мироздания.

Особенно важна работа Дустмухаммада с категорией времени. Для Сизифа время останавливается. Он давно перестал считать, сколько раз камень уже срывался, сколько попыток он совершил. «To‘xtovsiz o‘tguvchi zamonga inson dosh bermasligi mumkin, togu tosh, xarsangtosh dosh bermasligi mumkin… ammo-lekin, hammadan dahshatlisi, Sizifning nazarida vaqt to‘xta-to‘xta qolgandek, u vaqt tushunchasini allaqachonlar unutib yuborgani edi…» («Человек может не выдержать непрерывно текущего времени, гора и камень тоже могут не выдержать… но самое страшное заключается в том, что в глазах Сизифа время будто остановилось, он уже давно забыл само понятие времени…») (Дустмухаммад, с. 112).

Сизиф проходит сложный путь внутренней трансформации: от бунта, ярости и отчаяния – через усталость, привыкание и почти мистическое слияние с камнем – к принятию и даже своеобразной любви к своему труду. В конце концов он перестаёт быть «просто Сизифом» и становится «donishmand Sizif» – мудрым Сизифом. Само слово *donishmand* (мудрый, обладающий знанием) в узбекском языке несёт дополнительный оттенок духовной зрелости, приобретённой через опыт, а не через книжное знание. Автор прямо фиксирует эту метаморфозу: «…buni qarangki, na kuchi qirqildi, na-da misqolcha g‘ayrati so‘ndi Sizif azamatning, o‘zi esa butun boshli odam-chidam, odam-bardosh, odam-irodaga aylanib ketdi» («…посмотрите: ни сила его не иссякла, ни на мискаль не убавилась его энергия, а сам он превратился в цельного человека-терпения, человека-выносливости, человека-воли») (Дустмухаммад, с. 64).

Дустмухаммад использует модернистские повествовательные техники (поток сознания, внутренний монолог, размывание границ между внешним и внутренним), но при этом сохраняет мифопоэтическую модель мира. Пространство романа – пустыня (*biyobon*), гора, камень – несёт явную символическую нагрузку. Пустыня выступает

одновременно местом наказания и пространством инициации, гора – как вертикаль стремления, камень – как материализация судьбы и одновременно как партнёр по диалогу. Время в романе циклично и остановилось, что прямо отсылает к мифологическому восприятию временного континуума, о котором писали и Мелетинский, и Лотман.

Таким образом, античная мифологема Сизифа транслируется в современный центральноазиатский контекст. Бесконечный труд осмысляется через категории терпения (*sabr*), воли (*iroda*), надежды (*umid*) и мудрости (*donish*), глубоко укоренённые в национальной культурной традиции. При этом роман сохраняет универсальный философский заряд: он говорит не только об узбекском человеке начала XXI века, но и о человеке вообще, оказавшемся перед лицом бессмысленного, но неизбежного усилия.

Оба рассмотренных романа – «Чапаев и Пустота» Виктора Пелевина и «Мудрый Сизиф» Хуршида Дустмухаммада – наглядно демонстрируют, как художественная адаптация мифологем функционирует в качестве формы межкультурной трансляции смыслов. У Пелевина восточная мифологема пустоты (*shunyata*) «переливается» в пространство постсоветской русской культуры, деконструируя советский миф о Чапаеве и предлагая альтернативную онтологию, в которой реальность оказывается иллюзорной, а освобождение – возможным через осознание пустоты. У Дустмухаммада античная мифологема Сизифа адаптируется в современную узбекскую прозу, превращаясь из символа абсурда и бессмысленного наказания (в духе Камю) в символ мудрого принятия, волевого становления и духовного роста.

В обоих случаях сохраняется архетипическое ядро мифологемы. У Пелевина это пустота как основа всех форм и возможность «вечного невозвращения»; у Дустмухаммада – цикличность труда, бесконечное повторение одного и того же усилия. Однако аксиологический вектор радикально меняется. Пелевин использует восточную мифологему для размывания границ между реальностями и утверждения иллюзорности истории. Дустмухаммад, напротив, наполняет античный сюжет пафосом утверждения человеческой воли и достоинства внутри самой цикличности.

Как писал Е. М. Мелетинский, в литературе XX (и, добавим, XXI) века на первый план выходит «идея вечной циклической повторяемости первичных мифологических прототипов под разными “масками”» (Мелетинский, с. 295). Пелевин и Дустмухаммад именно так и поступают. Чапаев «надевает маску» дзэнского мастера и бодхисаттвы, Сизиф – маску *donishmand* (мудреца), прошедшего путь от бунта к мудрому принятию. Лотмановское понимание мифа и литературы как двух одновременно существующих и взаимодействующих способов видения мира позволяет увидеть в этих романах не просто «использование» древних сюжетов, а подлинный диалог культур (Лотман, Минц, Мелетинский, с. 220–221). Чужой мифологический код становится средством самопознания: буддийская пустота помогает русской культуре осмыслить собственный постсоветский кризис, а греческий Сизиф – узбекской литературе заговорить о воле, терпении и достоинстве современного человека.

Художественная адаптация античных и восточных мифологем оказывается, таким образом, формой не только эстетического, но и экзистенциального перевода – перевода смыслов через границы эпох, языков, религий и цивилизаций. Мифологема

работает как универсальный посредник, позволяющий культурам говорить друг с другом и, что ещё важнее, – с самими собой на языке, который сохраняет глубину древнего опыта и одновременно отвечает на самые острые вопросы современности.

Список использованной литературы

1. Дустмухаммад Х. Донишманд Сизиф. Роман. – Тошкент: Узбекистон НМИУ, 2016. – 267 с.

2. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990. – С. 23–100.

3. Лотман Ю. М., Минц З. Г., Мелетинский Е. М. Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 1. – С. 220–226.

4. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1976. – 407 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

5. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. – М.: Вагриус, 1996. – 398 с. (и последующие издания).

6. Эргашева Г. Ш. Основная мысль мифа о Сизифе в романе Х. Дустмухаммада «Мудрый Сизиф» // Педагогика и психология в современном мире: теоретические и практические исследования. – 2024. – DOI: 10.5281/zenodo.10676992.

7. Специфика праобраза Сизифа в романе Х. Дустмухаммада «Мудрый Сизиф» // Научные исследования. – 2021.

8. Нагорная Н. А. Трансформация буддистских философских концепций и образов в романе Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» // Transformation of Buddhist Philosophical Concepts… – 2020. – С. 167–170.

INGLIZ VA O‘ZBEK GAZETA MATNLARIDA MODALLIKNING LEKSIK-FRAZEOLOGIK IFODALANISHI

Yodgorova Zebo G‘afforovna
Qarshi davlat universiteti dotsenti
Filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori (PhD)
Karshi, Uzbekistan

Annotatsiya. *Maqolada ingliz va o‘zbek gazeta matnlarida modallikning leksik hamda frazeologik ifoda vositalari funksional-semantik va pragmatik nuqtayi nazardan qiyosiy o‘rganiladi. Modal so‘zlar, epistemik ravishlar, baholovchi leksemalar, zaruriyat va ehtimollikni bildiruvchi birikmalar hamda turg‘un ifodalarning axborotning ishonchlilik darajasini belgilash, muallif pozitsiyasini yuzaga chiqarish va auditoriya talqinini yo‘naltirishdagi vazifalari aniqlashtiriladi. Tadqiqot nazariy-qiyosiy xarakterga ega; undagi misollar autentik gazeta korpusi natijasi emas, balki tahlil uchun modellashtirilgan konstruksiyalardir.*

Kalit so‘zlar: *modallik, gazeta diskursi, epistemik modallik, deontik modallik, modal leksika, frazeologizm, baholash, pragmatika, ingliz tili, o‘zbek tili.*

Аннотация. *В статье проводится сопоставительное исследование лексических и фразеологических средств выражения модальности в англоязычных и узбекоязычных газетных текстах с функционально-семантической и прагматической точек зрения. Рассматриваются особенности функционирования модальных слов, эпистемических наречий, оценочных лексем, словосочетаний, выражающих необходимость и вероятность, а также устойчивых выражений. Особое внимание уделяется выявлению их роли в определении степени достоверности сообщаемой информации, репрезентации авторской позиции и формировании интерпретации содержания медиатекстов аудиторией. Исследование носит теоретико-сопоставительный характер; используемые в ходе анализа примеры представляют собой специально смоделированные языковые конструкции, а не результаты исследования аутентичного корпуса газетных текстов.*

Ключевые слова: *модальность, газетный дискурс, эпистемическая модальность, деонтическая модальность, модальная лексика, фразеологические единицы, оценочность, прагматика, английский язык, узбекский язык.*

Abstract. *This article offers a contrastive theoretical analysis of lexical and phraseological expressions of modality in English and Uzbek newspaper discourse. It examines epistemic adverbs, modal lexical items, evaluative expressions, and conventional phrases in relation to stance, evidential commitment, obligation, and reader positioning. The examples are constructed for linguistic illustration rather than extracted from an authenticated newspaper corpus.*

Keywords: *modality, newspaper discourse, lexical modality, phraseology, epistemic stance, evaluation, English, Uzbek.*

Kirish. Zamonaviy ommaviy axborot vositalarida xabar yetkazish jarayoni faktlarni oddiy qayd etish bilangina cheklanmaydi. Gazeta matni voqea-hodisalarni tanlash, ularni nomlash, muayyan manbaga tayanish va baholash orqali o‘quvchida ijtimoiy voqelik haqidagi tasavvurni shakllantiradi. Shu jarayonda modallik xabar mazmunining imkoniyat, zaruriyat, ehtimollik va ishonchlilik darajalarini ko‘rsatish bilan birga, muallifning pozitsiyasini ham bilvosita ifodalashi mumkin. Biroq har qanday baholovchi birlikni modallikning bevosita ko‘rsatkichi deb hisoblash nazariy jihatdan to‘g‘ri emas: modallik va baholashning kesishadigan hamda mustaqil qismlari mavjud.

Modallikning tor semantik talqini imkoniyat va zaruriyat tushunchalariga asoslanadi. Keng funksional yondashuv esa so‘zlovchining axborotga nisbatan ishonchi, taxmini, majburiyatga munosabati va kommunikativ maqsadini ham hisobga oladi. F.R. Palmer modallikning til tizimlarida turlicha grammatiklashishini, A. Kratzer esa modal ifodaning talqini kontekstual asos va me’yorlar tizimiga bog‘liqligini ko‘rsatgan [1; 2]. Gazeta matnida mazkur ma’nolar faqat yordamchi fe’llar orqali emas, balki ehtimol, shubhasiz, aftidan, apparently, reportedly, arguably singari leksik vositalar orqali ham namoyon bo‘ladi.

Matbuot tili tadqiqotlarida M. Bednarekning baholashga oid korpus yondashuvi ayniqsa ahamiyatli. Uning tadqiqotida gazeta matnidagi baholovchi birliklar axborotni qurish va xabar qiymatini shakllantirishning muhim resursi sifatida ko‘riladi [3]. J.R. Martin va

P.R.R. White tomonidan ishlab chiqilgan baholash nazariyasi esa munosabat, muallifning boshqa ovozlar bilan muloqoti va baho kuchining darajalanishini tahlil qilishga yordam beradi [4]. Bunday nazariy asoslar modallikning leksik-frazeologik ifodasini o‘rganishda foydali, ammo baholash tizimini modallik bilan aynanlashtirishga asos bo‘la olmaydi.

Tadqiqotning maqsadi ingliz va o‘zbek gazeta diskursida modal ma’no hosil qiluvchi leksik hamda frazeologik vositalarning semantik-pragmatik imkoniyatlarini qiyosiy tavsiflashdan iborat. Ushbu maqsad doirasida modal birliklarni tasniflash, ularning axborot manbasi va ishonchlilik darajasiga munosabatini ko‘rsatish, frazeologik ifodalarning modal kuchini aniqlash hamda tillararo funksional muqobillikni baholash vazifalari belgilandi.

Materiallar va metodlar. Tadqiqotda tavsifiy, qiyosiy-semantik, kontekstual va pragmalingvistik tahlil usullaridan foydalanildi. Tahlil birligi sifatida alohida modal leksema, modal ma’no hosil qiluvchi so‘z birikmasi va turg‘un frazeologik konstruksiya tanlandi. Birliklar epistemik ehtimollik, epistemik ishonch, deontik zaruriyat, baholovchi munosabat va kommunikativ ta’sir mezonlari bo‘yicha tavsiflandi. Birinchi bosqichda shakl va semantik funksiya, ikkinchi bosqichda matn ichidagi pragmatik vazifa, uchinchi bosqichda esa inglizcha va o‘zbekcha funksional muqobillik qiyoslandi.

Keltiriladigan namunalar muayyan gazetadan ko‘chirilmagan. Ular nazariy farqlarni ochish uchun tuzilgan, shuning uchun tadqiqot natijalari real gazetalar bo‘yicha qo‘llanish chastotasi, statistik ustunlik yoki milliy matbuotning umumiy tendensiyasi haqidagi empirik da’vo sifatida talqin qilinmaydi. Bunday da’volar uchun nashr, sana, janr, muallif, so‘zlar soni va tanlash mezonlari qayd etilgan parallel yoki qiyoslanadigan korpus talab etiladi.

Qiyoslashda shakliy tenglik emas, kommunikativ vazifaga ko‘ra moslik tamoyili tanlandi. Masalan, reportedly va xabarlarga ko‘ra o‘zaro yaqin vazifa bajarsa-da, ularning sintaktik maqomi bir xil emas. Xuddi shuningdek, must bilan shart birliklari muayyan kontekstda majburiyatni ifodalashi mumkin, lekin ular grammatik va uslubiy jihatdan to‘liq ekvivalent emas. Bunday farqlash D. Biber, S. Conrad va G. Leech tavsiflagan ingliz tili grammatik vositalarining registrga bog‘liq xususiyatlarini hisobga olish bilan uyg‘unlashadi [5].

Natijalar.

1. Epistemik ehtimollik va ishonch. Ingliz gazeta uslubida perhaps, possibly, probably, apparently, seemingly, undoubtedly kabi birliklar xabar mazmuniga nisbatan turlicha ishonch darajasini ifodalaydi. O‘zbek tilida ehtimol, balki, chamasi, aftidan, shekilli, shubhasiz, albatta birliklari yaqin vazifalarda ishlatiladi. Masalan, “The reform will probably affect small businesses” va “Islohot, ehtimol, kichik biznesga ta’sir ko‘rsatadi” gaplarida muallif kelajakdagi natijani qat’iy fakt sifatida emas, ehtimoliy holat sifatida taqdim etadi. Bu birliklar o‘quvchini xabarni muayyan epistemik ehtiyotkorlik bilan qabul qilishga yo‘naltiradi.

Biroq “apparently” va “aftidan” o‘rtasidagi moslik hamma kontekstda mutlaq emas. Apparently ayrim vaziyatlarda ko‘rinib turgan belgilar yoki bilvosita ma’lumotga tayanishni anglatsa, aftidan ham ko‘pincha xulosa chiqarish jarayoniga ishora qiladi. “Reportedly” esa, avvalo, axborotning boshqa manbadan kelganini ko‘rsatadi; uning vazifasi epistemik baholash bilan kesishishi mumkin, lekin evidensial manbani belgilash birlamchi hisoblanadi. “The minister reportedly met investors” — “Xabarlarga ko‘ra, vazir investorlar bilan uchrashgan” juftligi shu farqni ochib beradi.

2. Deontik zaruriyat va me’yoriy talab. Gazeta sharhlarida must, need to, ought to, be required to kabi vositalar ma’lum harakatni bajarish zarurligini ko‘rsatadi. O‘zbek tilida kerak, lozim, shart, zarur, majbur kabi birliklar ushbu ma’no maydonini tashkil etadi. “Authorities must ensure transparency” — “Mas’ul idoralar shaffoflikni ta’minlashi shart” gapida majburiyat kuchli ifodalangan. “Authorities should ensure transparency” — “Mas’ul idoralar shaffoflikni ta’minlashi maqsadga muvofiq” gapida esa talab yumshatilgan. Modal kuchning bunday o‘zgarishi xabar, tahririy sharh va mualliflik maqolasida turlicha pragmatik samara berishi mumkin.

3. Baholovchi leksika va modallikning tutashuvi. Afsuski, quvonarlisi, achinarlisi, fortunately, regrettably kabi birliklar avvalo emotsional yoki aksiologik bahoni bildiradi. “Unfortunately, the negotiations failed” — “Afsuski, muzokaralar natijasiz yakunlandi” gapida afsuski voqeaning ehtimollik darajasini emas, unga nisbatan salbiy munosabatni ifodalaydi. Shuning uchun bunday birliklarni keng subyektiv modallik doirasida tahlil qilish mumkin bo‘lsa-da, tor epistemik yoki deontik modallik bilan tenglashtirish noto‘g‘ri. Martin va White nazariyasidagi attitude tushunchasi aynan shunday baholashni izohlashda samarali [4].

4. Frazeologik vositalarning modal imkoniyatlari. Gazeta matnida “there is no doubt that”, “it remains to be seen”, “in all likelihood”, “beyond question” kabi barqarorlashgan birikmalar muallifning ishonchi yoki ehtiyotkorligini ifodalashi mumkin. O‘zbek tilidagi “shubha yo‘qki”, “vaqt ko‘rsatadi”, “katta ehtimol bilan”, “hech gap yo‘q” kabi ifodalar ham muayyan kontekstda modal-pragmatik vazifa bajaradi. Masalan, “It remains to be seen whether the plan succeeds” — “Rejaning amalga oshishi yoki oshmasligini vaqt ko‘rsatadi” gaplarida kelajak natijasiga nisbatan ochiq hukm saqlanadi.

Frazeologik birliklar doim bir xil darajada turg‘un emas: “in all likelihood” nisbatan barqaror modal ibora, “there is no doubt that” esa konstruksiyalashgan ifoda sifatida ham tahlil qilinishi mumkin. O‘zbekcha “shubha yo‘qki” bilan inglizcha “there is no doubt that” o‘rtasida yuqori funksional moslik kuzatilsa-da, uslubiy registr va matn ichidagi urg‘u bir xil bo‘lmasligi mumkin. “Vaqt ko‘rsatadi” esa “it remains to be seen” birikmasining so‘zma-so‘z emas, kommunikativ jihatdan muqobil talqinidir.

5. Manbaga havola va mas’uliyatni taqsimlash. “According to officials”, “sources suggest”, “it is believed that” birliklari axborotning kimga tegishli ekanini belgilaydi. O‘zbek matbuotida “rasmiylarga ko‘ra”, “manbalarning bildirishicha”, “taxmin qilinishicha” kabi vositalar shunga yaqin vazifa bajaradi. Biroq ularning barchasi bir xil emas: “rasmiylarga ko‘ra” aniqroq manbaga ishora qilsa, “taxmin qilinishicha” taxmin subyektini ochiq ko‘rsatmasligi mumkin. Shunday usullar muallifning axborotga munosabati va javobgarlik chegarasini til vositasida tashkil etadi.

6. Modal birliklarning sarlavhadagi vazifasi. Sarlavha iqtisodiyligi tufayli unda qisqa modal ifodalar muhim ahamiyat kasb etadi. “Prices may rise next month” — “Kelasi oy narxlar oshishi mumkin” kabi sarlavhada may/mumkin hodisani ro‘y bergan fakt emas, bashorat sifatida belgilaydi. “Reform must continue” — “Islohot davom etishi shart” kabi sarlavhada esa xabar berishdan ko‘ra normativ pozitsiya ustun bo‘ladi. Bunday farq jurnalistik janrni belgilashda e’tiborga olinishi zarur.

7. Inkor va modal kuch. “The policy may not work” gapida inkor hodisaning sodir bo‘lishiga tegishli bo‘lishi mumkin; “The policy cannot work” esa imkoniyatning inkorini

ifodalaydi. O‘zbekchada “Siyosat samara bermasligi mumkin” va “Siyosat samara bera olmaydi” o‘rtasidagi farq shunga yaqin. Demak, modal birlikni kontekstdan ajratib tahlil qilish uning qamrovini noto‘g‘ri belgilashga olib keladi. Bu holat gazeta sarlavhalarining ixcham sintaksisida ayniqsa muhim.

Muhokama. Keltirilgan qiyosiy kuzatuvlar ingliz va o‘zbek gazeta matnlarida modal mazmunning ko‘p jihatdan umumiy semantik maydonlar atrofida tashkil topishini ko‘rsatadi: ehtimollik, ishonch, majburiyat, ruxsat, taxmin va baholash. Biroq bu umumiylik har bir tilning modal ifoda vositalari bir xil grammatik tuzilishga ega degani emas. Ingliz tilida modal yordamchi fe’llar va epistemik ravishlar faol ishlatilsa, o‘zbek tilida modal so‘zlar, predikativ birliklar, ko‘makchi fe’lli shakllar va turg‘un iboralar muhim vazifalarni bajaradi.

Nazariy nuqtayi nazardan uchta chegarani saqlash zarur. Birinchisi, modallik va evidensiallik o‘rtasidagi farq: manbaning ko‘rsatilishi har doim ham xabar ehtimolligiga to‘g‘ridan-to‘g‘ri baho berish emas. Ikkinchisi, modallik va baholash munosabati: “afsuski” salbiy munosabatni, “ehtimol” esa epistemik noaniqlikni ifodalaydi. Uchinchisi, frazeologik turg‘unlik bilan oddiy takrorlanuvchi konstruksiya o‘rtasidagi farq: har bir ko‘p so‘zli modal ifodani avtomatik tarzda frazeologizm deb atash mumkin emas.

K. Hylandning muallif pozitsiyasi va o‘quvchi bilan muloqot haqidagi modeli aslida akademik diskurs materialiga asoslangan [6]. Shunga qaramay, stance va engagement tushunchalari ehtiyotkorlik bilan gazeta matnining kommunikativ qurilishini tavsiflashga moslashtirilishi mumkin. Xususan, “ehtimol” kabi ehtiyotkorlik belgilari muallifning hukmni qat’iylashtirmasligini, “shubhasiz” kabi kuchaytirgichlar esa ma’lum fikrni ishonchliroq taqdim etish istagini ko‘rsatadi. Bu ta’sir har doim manipulyatsiya hisoblanmaydi: modal vosita xolis noaniqlikni saqlash, huquqiy ehtiyotkorlik yoki manbani aniq ajratish vazifasini ham bajarishi mumkin.

Gazeta diskursida janr farqi ham muhim. Xabar janrida axborot manbasiga ishora va ehtimollik darajasini aniq ko‘rsatish ustuvor bo‘lishi mumkin. Tahririy maqolada esa shart, zarur, must, ought to singari normativ birliklar ochiqroq namoyon bo‘ladi. Intervyuda modal ma’no ko‘pincha bevosita iqtibosga tegishli bo‘ladi; jurnalist pozitsiyasi bilan suhbatdosh pozitsiyasini aralashtirmaslik kerak. Shu bois real korpus tadqiqotida har bir birlik kimning nutqiga mansubligi alohida kodlanishi lozim.

Qiyosiy tarjima jarayonida modal kuchning saqlanishi alohida muammo tug‘diradi. Masalan, “may” ba’zan mumkin, ehtimol yoki ruxsat etiladi tarzida beriladi; “should” esa kerak, ma’qul, tavsiya etiladi kabi turli darajadagi birliklar bilan ifodalanadi. Birgina lug‘aviy ekvivalentni tanlash matndagi modal kuchni o‘zgartirib yuborishi mumkin. Frazeologik vositalarda esa ekvivalentlik ko‘pincha obraz yoki grammatik shaklga emas, pragmatik natijaga asoslanadi.

Tadqiqotning cheklovi shundaki, tahlil tasdiqlangan gazeta maqolalari korpusiga emas, nazariy jihatdan modellashtirilgan misollarga tayanadi. Shuning uchun natijalar vositalarning mumkin bo‘lgan funksiyalarini ko‘rsatadi, ammo ikki tilda ularning chastotasi yoki qaysi gazeta turida ustunligini isbotlamaydi. Keyingi bosqichda nashr turi va janr bo‘yicha muvozanatlangan inglizcha-o‘zbekcha korpus tuzish, birliklarni ikki mustaqil kodlovchi bilan belgilash va o‘zaro moslik ko‘rsatkichlarini hisoblash maqsadga muvofiq.

Xulosa. Ingliz va o‘zbek gazeta matnlarida modallikning leksik-frazeologik ifodalanishi axborotning ehtimollik darajasini belgilash, zaruriyat va majburiyatni ko‘rsatish, muallif munosabatini bildirish hamda o‘quvchi talqiniga yo‘nalish berish bilan bog‘liq. Bu funksiyalar turli shakllar orqali amalga oshsa-da, semantik jihatdan qiyoslash imkonini beradi.

Modal leksika va frazeologik vositalar o‘rtasidagi asosiy farq ifodaning tuzilishida emas, balki semantik yaxlitligi, turg‘unlik darajasi va nutqdagi vazifasidadir. “Ehtimol/probably” kabi birliklar epistemik munosabatni bevosita bildirsa, “vaqt ko‘rsatadi/it remains to be seen” kabi iboralar xulosani kechiktirish va noaniqlikni saqlashga xizmat qiladi. Shu bilan birga, evidensiallik va baholashni modallikning barcha ko‘rinishlari bilan aynanlashtirish ilmiy aniqlikka putur yetkazadi.

Tadqiqotning nazariy natijasi sifatida gazeta diskursidagi modal vositalarni uch o‘zaro bog‘liq o‘lchamda tahlil qilish taklif etiladi: semantik tur, ifoda shakli va pragmatik vazifa. Ushbu yondashuv ingliz va o‘zbek tilidagi birliklarni so‘zma-so‘z emas, funksional ekvivalentlik asosida qiyoslashga, kelgusida esa autentik korpus materialida tekshiriladigan aniq gipotezalarni shakllantirishga imkon beradi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Palmer F.R. Mood and Modality. 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – https://doi.org/10.1017/CBO9781139167178

2. Kratzer A. Modality // Semantik / Semantics / ed. A. von Stechow, D. Wunderlich. – Berlin: De Gruyter, 1991. – P. 639–650. – https://doi.org/10.1515/9783110126969.7.639

3. Bednarek M. Evaluation in Media Discourse: Analysis of a Newspaper Corpus. – London: Continuum, 2006. – https://search.worldcat.org/title/229082794

4. Martin J.R., White P.R.R. The Language of Evaluation: Appraisal in English. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. – https://doi.org/10.1057/9780230511910

5. Biber D., Conrad S., Leech G. A Student Grammar of Spoken and Written English. – London: Longman, 2002. – 487 p. – https://research.lancaster-university.uk/en/publications/a-student-grammar-of-spoken-and-written-english/

6. Hyland K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse // Discourse Studies. – 2005. – Vol. 7, No. 2. – P. 173–192. – https://doi.org/10.1177/1461445605050365

O‘ZBEK VA INGLIZ ADABIYOTIDA METAFORALARNING QIYOSIY TAHLILI

Suyarova Nargiza Yuldoshevna
Qarshi davlat universiteti dotsenti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Ushbu maqolada o‘zbek va ingliz adabiyotida metaforik obrazlarning qo‘llanilishi, ularning badiiy-estetik vazifalari hamda milliy-madaniy xususiyatlari qiyosiy tahlil qilinadi. Metaforaning inson ruhiyati, muhabbat, ayriliq, qahramonlik, hayot va o‘lim, ijtimoiy munosabatlarni ifodalashdagi o‘rni yoritiladi. Maqolada Erkin Vohidov, Alisher Navoiy, Abdulla Qodiriy va boshqa o‘zbek ijodkorlarining asarlari, shuningdek, William Shakespeare, Lord Byron, John Keats va Jane Austen kabi ingliz adabiyoti vakillarining ijod namunalari ko‘rib chiqiladi. Jane Austenning “Pride and Prejudice” hamda Abdulla Qodiriyning “O‘tkan kunlar” romanlari misolida inson xarakteri, muhabbat, ruhiy kechinmalar va ijtimoiy munosabatlarni ifodalovchi obrazlar tahlil qilinadi. Maqolada metaforalar turli tillarda umumiy insoniy kechinmalarni ifodalashga xizmat qilishi bilan birga, milliy tafakkur, madaniy muhit va muallif uslubiga ko‘ra o‘ziga xos xususiyatlarga ega ekanini ko‘rsatadi.*

Kalit so‘zlar: *metafora, metaforik obraz, qiyosiy tahlil, lingvopoetika, kognitiv poetika, o‘zbek adabiyoti, ingliz adabiyoti, badiiy tasvir vositalari, milliy-madaniy xususiyat, poetik tafakkur.*

Abstract. *This article compares how metaphorical images are used in Uzbek and English literature, looking at their artistic and aesthetic functions as well as their national and cultural characteristics. It highlights the role of metaphor in expressing human psychology, love, separation, heroism, life and death, and social relationships. The works of Uzbek writers such as Erkin Vohidov, Alisher Navoi, and Abdulla Qodiriy, as well as examples from English literature including William Shakespeare, Lord Byron, John Keats, and Jane Austen, are examined. Using Jane Austen's "Pride and Prejudice" and Abdulla Qodiriy's "O‘tkkan Kunlar" as examples, the article analyzes the images that depict human character, love, emotional experiences, and social relations. It shows that while metaphors in different languages serve to express universal human emotions, they also possess unique features shaped by national thinking, cultural environment, and the author's style.*

Keywords: *metaphor, metaphorical image, comparative analysis, linguistic poetics, cognitive poetics, Uzbek literature, English literature, artistic imagery, national-cultural characteristics, poetic thinking.*

Аннотация. *В этой статье дается сравнительный анализ использования метафорических образов в узбекской и английской литературе, их художественно-эстетических функций и национально-культурных особенностей. Рассматривается роль метафоры в выражении человеческой психики, любви, разлуки, героизма, жизни и смерти, социальных отношений. В статье анализируются произведения таких узбекских авторов, как Эркин Вохидов, Алишер Навои, Абдулла Кадырий, а также образцы творчества представителей английской литературы, включая Уильяма*

Шекспира, Лорда Байрона, Джона Китса и Джейн Остин. На примере романов Джейн Остин «Гордость и предубеждение» и Абдуллы Кадырия «Прошедшие дни» рассматриваются образы, выражающие человеческий характер, любовь, эмоциональные переживания и социальные отношения. В статье показано, что метафоры в разных языках служат для выражения общечеловеческих переживаний, но при этом имеют свои особенности в зависимости от национального мышления, культурной среды и авторского стиля.

Ключевые слова: *метафора, метафорический образ, сравнительный анализ, лингвопоэтика, когнитивная поэтика, узбекская литература, английская литература, художественные выразительные средства, национально-культурная особенность, поэтическое мышление*.

Kirish. Badiiy adabiyotda insonning ichki dunyosi, his-tuyg‘ulari, orzu-umidlari va hayotiy qarashlarini ifodalashda metafora muhim lingvopoetik vositalardan biri hisoblanadi. Metafora muayyan hodisa yoki tushunchaning boshqa bir hodisa bilan mazmuniy o‘xshashlik asosida ifodalanishi orqali yuzaga keladi. U badiiy matnning obrazliligini kuchaytirish, muallif munosabatini namoyon etish va o‘quvchining estetik idrokiga ta’sir ko‘rsatishda muhim ahamiyat kasb etadi.

O‘zbek va ingliz adabiyoti turli tarixiy, ijtimoiy va madaniy sharoitlarda shakllangan bo‘lsa-da, ularda insoniy kechinmalarni badiiy ifodalashning mushtarak jihatlari mavjud. Xususan, muhabbat, ayriliq, iztirob, qahramonlik, ozodlik, hayotning o‘tkinchiligi va inson taqdiri kabi mavzular har ikki adabiyotda turli metaforik obrazlar orqali yoritiladi. Shu bilan birga, metaforalarning mazmuni va badiiy vazifasi har doim ham bir xil bo‘lmaydi. Ularning talqini tilning semantik imkoniyatlari, xalqning tarixiy xotirasi, urf-odatlari va muallifning individual uslubiga bog‘liq. Shu sababli o‘zbek va ingliz adabiyotidagi metaforalarni qiyosiy o‘rganish ikki adabiy an’anadagi umumiylik va farqlarni aniqlash imkonini beradi.

O‘zbek va ingliz adabiyotida metaforik obrazlarning qo‘llanilishi, ularning lingvopoetik vazifalari hamda milliy-madaniy xususiyatlarini qiyosiy tahlil qilishdan iborat. Ushbu maqsadga erishish uchun, avvalo, metafora va metaforik obraz tushunchalarining nazariy xususiyatlarini yoritish, o‘zbek va ingliz adabiyotida metaforalarning badiiy vazifalarini aniqlash, ikki adabiyotda muhabbat, ruhiy kechinmalar, qahramonlik va hayotning o‘tkinchiligi bilan bog‘liq obrazlarni qiyoslash hamda metaforalarning milliy-madaniy va individual-uslubiy xususiyatlarini ochib berish vazifalari belgilandi. Mazkur tadqiqot orqali o‘zbek va ingliz adabiyotida metaforalarning mushtarak jihatlari hamda o‘ziga xos xususiyatlarini aniqlash, ularning badiiy-estetik ahamiyatini chuqurroq yoritish ko‘zda tutiladi.

Tadqiqot metodologiyasi (Research methodology). O‘zbek va ingliz adabiyotidagi metaforik obrazlarning o‘ziga xos xususiyatlarini aniqlash maqsadida qiyosiy-tipologik, kontekstual, semantik va lingvopoetik tahlil metodlaridan foydalanildi. Qiyosiy-tipologik metod orqali ikki adabiyotda qo‘llanilgan metaforik obrazlarning umumiy va farqli jihatlari o‘rganildi. Kontekstual tahlil yordamida metaforalarning badiiy matn tarkibidagi ma’nosi, qahramonlar ruhiy holati va asar mazmunini ochib berishdagi o‘rni aniqlandi. Semantik tahlil asosida metaforik birliklarning ko‘chma ma’nolari hamda ular ifodalagan tushunchalar o‘rganildi. Lingvopoetik tahlil esa metaforalarning badiiy-estetik vazifasi, matnning

obrazliligini kuchaytirishdagi ahamiyati va muallifning individual uslubini namoyon etish xususiyatlarini yoritishga xizmat qildi.

Alisher Navoiy, Erkin Vohidov, Abdulla Oripov, Abdulla Qodiriy va boshqa o‘zbek adiblarining asarlari, shuningdek, William Shakespeare, Lord Byron, John Keats va Jane Austen kabi ingliz adabiyoti vakillarining ijod namunalari tanlandi.

Abdulla Oripov she’riyatida metaforalar tahlili. “Ona tilim” she’ridan

“Ona tilim, sen borsan, shaksiz,

Bulbul kuyin she’rga solaman.

Sen yo‘qolgan kuning, shubhasiz,

***Men ham to‘ti bo‘lib qolaman**.!”[8]*

Tahlil: Shoir ona tilidan ayrilgan insonni to‘ti obraziga qiyoslaydi. Bu yerda to‘ti boshqalarning so‘zlarini takrorlaydigan, ammo o‘z ovoziga ega bo‘lmagan mavjudot timsolidir. Obraz ona tilining inson milliy o‘zligi va mustaqil fikrlashidagi ahamiyatini ochib beradi. Ushbu ifodada metaforik ma’no bilan birga qiyoslash xususiyati ham mavjud.

Asosiy qiyosiy tahlil Jane Austenning “*Pride and Prejudice*” (“G‘urur va andisha”) hamda Abdulla Qodiriyning “O‘tkan kunlar” romanlari asosida olib borildi. Ushbu asarlarda muhabbat, inson xarakteri, ruhiy kechinmalar, oilaviy munosabatlar va ijtimoiy muhitni ifodalovchi metaforik obrazlarga alohida e’tibor qaratildi. Tanlangan metodlar yordamida metaforalarning mazmuni, badiiy vazifasi va milliy-madaniy xususiyatlari o‘zaro qiyoslanib, ularning ikki adabiy an’anadagi mushtarak va farqli jihatlarini aniqlashga e’tibor berildi.

Tahlil va natijalar. Metafora badiiy matnda fikrni oddiy axborot shaklida emas, balki obrazli va hissiy ta’sirchan tarzda ifodalash imkonini beradi. U insonning ichki kechinmalarini moddiy olamga xos belgilar orqali tasvirlashi, mavhum tushunchalarni aniq obrazlar yordamida anglatishi mumkin.

Masalan, ingliz tilidagi *a heart of stone* — “tosh yurak” ifodasi insonning shafqatsizligi va hissizligini anglatadi. Bu yerda yurak insonning hissiy dunyosini, tosh esa qattiqlik va ta’sirchanlikning yo‘qligini ifodalaydi. Natijada inson xarakterining muayyan jihati qisqa, ammo ta’sirchan obraz orqali namoyon bo‘ladi.

A sea of troubles — “tashvishlar dengizi” birikmasida esa muammolar dengizning cheksizligi va kengligi bilan bog‘lanadi. Mazkur metafora tashvishlarning ko‘pligini va insonning murakkab ruhiy holatini kuchaytirib ko‘rsatadi.

O‘zbek tilidagi “hayot yo‘li”, “ko‘ngil osmoni” va “umid chirog‘i” kabi ifodalar ham mavhum tushunchalarni aniq obrazlar yordamida anglatadi. “Hayot yo‘li” inson umrini davom etuvchi harakat sifatida tasvirlasa, “ko‘ngil osmoni” ichki kechinmalar olamini fazoviy obraz orqali ifodalaydi. “Umid chirog‘i” esa umid va ishonchni yorug‘lik manbai bilan bog‘laydi. Ushbu misollar metaforaning turli tillarda umumiy obraz yaratish imkoniyatiga ega ekanini ko‘rsatadi. Biroq ularning aniq ma’nosi va estetik vazifasi badiiy kontekstda belgilanadi. Keltirilgan birikmalar tahliliy namunalar bo‘lib, ular muayyan adabiy asardan olingan iqtiboslar sifatida talqin qilinmasligi kerak.

O‘zbek va ingliz adabiyotida qahramonlik, vatan himoyasi va ozodlik g‘oyalari muhim o‘rin egallaydi. Ushbu tushunchalar ko‘pincha tabiat hodisalari, harakat, kuch va yorug‘lik bilan bog‘liq obrazlar orqali ifodalanadi.

O‘zbek shoiri Erkin Vohidov ijodida xalq, vatan va insoniy birlik mavzulari muhim ahamiyat kasb etadi. Shoirning: *“To‘zon bo‘lib yursak birga,*

Toshlarga bosh ursak birga" misralarida "to*‘zon bo‘lib yurish*" va "*toshlarga bosh urish*"[5]obrazlari birlik, kurash va mashaqqatni ifodalovchi poetik vositalar sifatida namoyon bo‘ladi. Birgalikdagi harakat va qiyinchiliklarga bardosh berish g‘oyasi obrazli ifoda orqali kuchaytiriladi. Ingliz adabiyotida Lord Byronning "*Childe Harold’s Pilgrimage*" dostonida ozodlik va qahramonlik mavzulari muhim o‘rin tutadi. Shoirning ozodlik g‘oyasini yuksak badiiy obrazlar orqali ifodalashi insonning erkinlikka intilishi va qarshiliklarga bardosh berishi bilan bog‘liq.[5]

Erkin Vohidov va Lord Byron ijodini qiyoslashda ularning tarixiy sharoiti, poetik uslubi va asarlarining to‘liq kontekstini hisobga olish lozim. Shunga qaramay, har ikki ijodkor misolida birlik, kurash va ozodlik kabi mavzularning obrazli ifodalanishini o‘rganish mumkin.[6]

Bu tahlil metaforik obrazlar faqat individual his-tuyg‘ularni emas, balki ijtimoiy va ma’naviy g‘oyalarni ham ifodalashini ko‘rsatadi. Inson ruhiyatini tasvirlash o‘zbek va ingliz adabiyotining muhim yo‘nalishlaridan biridir. Muhabbat, ayriliq, qo‘rquv, iztirob va umrning o‘tkinchiligi ko‘pincha obrazli ifodalar yordamida yoritiladi. Ingliz romantik she’riyatining vakili John Keats ijodida inson hayotining cheklanganligi, o‘lim haqidagi o‘ylar va ijodiy orzularning amalga oshmay qolishidan qo‘rqish kabi mavzular muhim o‘rin egallaydi. Uning *“When I have fears that I may cease to be...”* misrasi insonning hayotdan erta ketish va o‘z imkoniyatlarini to‘liq ro‘yobga chiqara olmaslik haqidagi xavotirini ifodalaydi. Ushbu misolda iztirob faqat hissiy holat sifatida emas, balki insonning vaqt, umr va ijod bilan bog‘liq falsafiy mulohazalari sifatida ham namoyon bo‘ladi. Bunday yondashuv o‘quvchini inson hayotining mazmuni va cheklanganligi haqida fikrlashga undaydi. O‘zbek adabiyotida ham hayotning o‘tkinchiligi va vaqtning ortga qaytmasligi obrazli ifodalar orqali yoritiladi. Abdulla Qodiriyning “O‘tkan kunlar” romanida quyidagi jumla uchraydi:

"*Ammo haqiqatda, oradan o‘n besh-yigirma yil o‘tib, siz ham katta yigit bo‘lgansiz, umr — otilg‘an o‘q emish*". (Abdulla Qodiriy, "*O‘tkan kunlar*").[1]

Ushbu ifodada umr otilgan o‘qqa qiyoslanadi. O‘qning tezligi va ortga qaytmasligi vaqtning to‘xtovsiz o‘tishi hamda inson umrining qaytarib bo‘lmasligini anglatadi. Obrazning ta’sirchanligi shundaki, murakkab falsafiy tushuncha kundalik hayotdan olingan aniq predmet orqali ifodalanadi. John Keats va Abdulla Qodiriy ijodida hayotning o‘tkinchiligi turli janr va badiiy uslublar orqali yoritilgan bo‘lsa-da, har ikki ijodkor insonning vaqt oldidagi holati va ruhiy kechinmalariga e’tibor qaratadi. Bunday qiyoslashda she’riy matn va nasriy matnning janr xususiyatlarini alohida hisobga olish zarur.[6]

Jane Austen va Abdulla Qodiriy romanlarida metaforik obrazlarning qiyosiy tahlili. Jane Austenning "*Pride and Prejudice*"[3] hamda Abdulla Qodiriyning "O‘tkan kunlar" romanlari inson xarakteri, muhabbat, nikoh, oilaviy munosabatlar va ijtimoiy muhitni tasvirlashi bilan qiyosiy tadqiqot uchun muhim material beradi.

Har ikki romanda qahramonlarning shaxsiy his-tuyg‘ulari jamiyatning mavjud me’yorlari va oilaviy qarashlari bilan munosabatda namoyon bo‘ladi. Biroq asarlar turli tarixiy va madaniy muhitda yaratilganligi sababli, ularning badiiy ifoda usullari va ijtimoiy muammolarni yoritish yo‘llari bir-biridan farq qiladi.

Tahlil mezoni	Jane Austen — Pride and Prejudice	Abdulla Qodiriy — O‘tkan kunlar
Inson qalbi va his-tuyg‘ulari	Qahramonlarning muhabbati, g‘ururi, andishasi va ichki qarama-qarshiliklari orqali ochiladi.	Qahramonlarning muhabbati, ruhiy iztiroblari va ichki ziddiyatlari orqali yoritiladi.
Vaqt va umr	Hayotiy tanlovlar, shaxsiy tajriba va qahramonlarning o‘z qarashlarini qayta baholashi muhim o‘rin tutadi.	“Umr — otilg‘an o‘q emish” ifodasi umrning tez o‘tishi va vaqtning qaytmasligini anglatadi.
Ijtimoiy munosabatlar	G‘urur, andisha, ijtimoiy mavqe va nikoh masalalari orqali namoyon bo‘ladi.	Oila, nikoh, urf-odat va shaxsiy tanlov o‘rtasidagi ziddiyatlar orqali ochiladi.
Badiiy-estetik vazifa	Kinoya, dialog va xarakter tasviri orqali insoniy munosabatlarni tahlil qilishga xizmat qiladi.	Obrazli ifoda, ruhiy kechinmalar va milliy ijtimoiy muhitni tasvirlashga xizmat qiladi.

1-jadval. Jane Austen va Abdulla Qodiriy romanlarining qiyosiy tahlili

Jadvaldagi qiyosiy kuzatishlar ikki roman o‘rtasidagi mavzuviy mushtaraklikni ko‘rsatadi. Biroq ularning metaforik tizimini to‘liq tavsiflash uchun har bir asardan aniq matniy misollarni tanlash, ularning kontekstini tekshirish va metaforik xususiyatlarini alohida asoslash lozim. Jane Austen romanida heart (“*yurak*”) so‘zi his-tuyg‘ular va ichki munosabatlarni ifodalashda qo‘llanadi. Masalan, asardagi “*in your heart, you thoroughly despised...”* birikmasida qahramonning ichki munosabati yurak bilan bog‘liq obraz orqali ifodalangan. Biroq heart so‘zining har qanday qo‘llanishini avtomatik ravishda metafora deb hisoblash mumkin emas; uning ma’nosi gap va matn kontekstida aniqlanishi kerak.

“*O‘tkan kunlar”* romanida esa “*umr — otilg‘an o‘q emish*” ifodasi hayot va harakat o‘rtasidagi o‘xshashlikka asoslangan aniq metaforik obrazdir. Bu misolda mavhum tushuncha — umr — aniq predmetning harakati orqali anglatiladi. Demak, har ikki asarda insonning ichki dunyosini va hayotiy munosabatlarini obrazli ifodalash imkoniyatlari mavjud. Farq esa ularning til vositalari, tarixiy-madaniy konteksti va muallifning badiiy maqsadlarida namoyon bo‘ladi.

Muhokama. Tahlil natijalari o‘zbek va ingliz adabiyotida metaforik obrazlar bir necha muhim vazifani bajarishini ko‘rsatadi. Birinchidan, ular insonning ichki kechinmalarini obrazli tarzda ifodalaydi. Mavhum tushunchalarni aniq predmetlar, tabiat hodisalari va harakatlar bilan bog‘lash orqali matnning ta’sirchanligini oshiradi. Uchinchidan, muallifning dunyoqarashi, estetik qarashlari va ijtimoiy munosabatini namoyon etadi.

Jane Austen va Abdulla Qodiriy romanlarining qiyosi shuni ko‘rsatadiki, muhabbat, nikoh, shaxsiy tanlov va ijtimoiy muhit kabi masalalar turli madaniyatlarda mushtarak mavzu bo‘lib qoladi. Biroq ushbu mavzularning badiiy talqini muallifning individual uslubi va asar yaratilgan davr bilan belgilanadi.

Metaforalarning o‘xshashligi ularning kelib chiqishi yoki badiiy vazifasi mutlaqo bir xil ekanini anglatmaydi. Masalan, yorug‘lik va umid o‘rtasidagi bog‘lanish turli tillarda uchrashi mumkin, lekin uning muayyan asardagi semantik imkoniyatlari kontekstga bog‘liq. Shuning uchun qiyosiy lingvopoetik tahlil umumiyliklarni aniqlash bilan birga, farqlarni ham izchil asoslashni talab qiladi. Yana bir muhim jihati shundaki, metaforik obrazlar muallifning

ichki dunyosi va badiiy-estetik konsepsiyasini anglashga yordam beradi. Ular orqali ijodkorning inson, jamiyat, tabiat va hayot haqidagi qarashlari badiiy shaklda namoyon bo‘ladi.

Xulosa. O‘zbek va ingliz adabiyotida metaforik obrazlarning qiyosiy-lingvopoetik tahlili ushbu vositaning badiiy matndagi ko‘p qirrali vazifalarini aniqlash imkonini beradi. Metafora inson ruhiyati, muhabbat, ayriliq, qahramonlik, ijtimoiy munosabatlar va hayotning o‘tkinchiligi kabi tushunchalarni obrazli ifodalashda muhim ahamiyat kasb etadi. Erkin Vohidov va Lord Byron ijodida qahramonlik hamda ozodlik mavzulari, John Keats va o‘zbek adabiyoti vakillari ijodida insoniy iztirob va umrning o‘tkinchiligi, Jane Austen va Abdulla Qodiriy romanlarida esa muhabbat, xarakter va ijtimoiy munosabatlar qiyosiy o‘rganish uchun muhim yo‘nalishlarni tashkil etadi.

Abdulla Qodiriyning “*umr – otilg‘an o‘q emish*” ifodasi metaforaning mavhum tushunchani aniq obraz orqali anglatish imkoniyatini yaqqol namoyon etadi. Jane Austen romanidagi yurak bilan bog‘liq ifodalar esa his-tuyg‘ular va ichki munosabatlarni badiiy tasvirlashning o‘ziga xos usullarini o‘rganishga yordam beradi. Umuman olganda, o‘zbek va ingliz adabiyotidagi metaforik obrazlar umumiy insoniy kechinmalarni ifodalashi bilan mushtaraklik kasb etadi. Shu bilan birga, ularning mazmuni, qo‘llanishi va estetik vazifasi milliy-madaniy muhit, til xususiyatlari, tarixiy sharoit va muallif uslubiga ko‘ra farqlanadi. Demak, metaforalarni qiyosiy o‘rganish nafaqat badiiy tilning imkoniyatlarini, balki turli xalqlarning dunyoqarashi va estetik tafakkurini chuqurroq anglashga ham xizmat qiladi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Qodiriy, A. O‘tkan kunlar. – Toshkent: G‘afur G‘ulom nomidagi Adabiyot va san’at nashriyoti.
2. Vohidov, E. Bedorlik. – Toshkent: G‘afur G‘ulom nomidagi Adabiyot va san’at nashriyoti, 1985.
3. Austen, J. Pride and Prejudice. – London: T. Egerton, 1813.
4. Shakespeare, W. Hamlet. –London, 1603.
5. Byron, G. G. Childe Harold’s Pilgrimage. – London: John Murray, 1812–1818.
6. Keats, J. The Complete Poems of John Keats. — London: turli nashrlar.
7. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.
8. Suyarova N. Abdulla Oripov she’riyatida metaforalarning qo‘llanilishi. Abdulla Oripov she’riyatida metaforalarning qo‘llanilishi. Mirzo Ulug’bek nomidagi O’zbekiston milliy Universiteti ilmiy jurnali”. 2025.[1/2] ISSN 2181-7324. B.368-370.
9. Gibbs, R. W. The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
10. Goatly, A. The Language of Metaphors. — London: Routledge, 1997.
11. Suyarova N. Metaforalarning nasriy asarlardagi tasviriy va ekspressiv imkoniyatlari // Filologik tadqiqotlar: Til, adabiyot, ta’lim. – B. 68-70. (10.00.13.№…). https://journaltersu.uz/index.php/pr/article/view/370/390
12. Austen, J. Pride and Prejudice. Wikisource elektron kutubxonasi. – https://en.wikisource.org/wiki/Pride_and_Prejudice_(1817_)

13. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live By. University of Chicago Press. – https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/M/bo3637992.html

14. –Erkin Vohidov asarlari. O‘zbek adabiyoti elektron korpusi. – https://evohidov.uzbekcorpus.uz/asarlar/

INGLIZ VA O‘ZBEK BADIIY ADABIYOTIDA METAFORIK OBRAZLARNING QIYOSIY-LINGVOPOETIK TAHLILI

Suyarova Nargiza Yuldoshevna
Qarshi davlat universiteti dotsenti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotation. *This article identifies the semantic, linguo-poetic, and stylistic features of metaphorical images used in English and Uzbek literary works. It provides a comparative analysis of the general and national-cultural aspects of these metaphorical images. The article also explores how English and Uzbek writers interpret metaphorical images, the means they use to express them, and their similarities and differences.*

The article highlights the role of similes and images used by writers in enhancing the impact, artistic quality, and liveliness of descriptions. Additionally, it explains the importance of interpreting metaphorical images in artistic perception and the art of language use, based on scholarly sources.

Keywords: *metaphor, writer, metaphorical image, literary work, poetry, artistic and aesthetic, creative mastery, lyric poetry.*

Аннотация. *В этой статье рассматриваются семантические, лингвопоэтические и стилистические особенности метафорических образов, использованных в образцах английской и узбекской художественной литературы. В статье проводится сравнительный анализ общих и национально-культурных аспектов метафорических образов. Также изучается интерпретация метафорических образов в творчестве английских и узбекских писателей, средства их выражения, а также сходства и различия между ними.*

В статье освещается влияние и художественная выразительность сравнений и образов, используемых писателями, а также их роль в обеспечении наглядности изображения. Кроме того, на основе научных источников поясняется значение интерпретации метафорических образов в художественном восприятии и искусстве использования слов.

Ключевые слова: *метафора, писатель, метафорический образ, художественное произведение, поэзия, художественно-эстетический, творческое мастерство, лирика.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada ingliz va o‘zbek badiiy adabiyoti namunalarida qo‘llangan metaforik obrazlarning semantik, lingvopoetik va uslubiy xususiyatlari aniqlanadi. Maqolada metaforik obrazlarning umumiy va milliy-madaniy jihatlari qiyosiy tahlil qilinadi.*

Shuningdek, maqolada ingliz va o‘zbek adiblarining ijodida metaforik obrazlarning talqini, ularni ifodalash vositalari hamda o‘zaro o‘xshash va farqli jihatlari o‘rganiladi.

Maqolada adiblar tomonidan qo‘llangan o‘xshatish va obrazlarning ta’sirchanligi, badiiyligi hamda tasvirning jonliligini ta’minlashdagi o‘rni yoritiladi. Bundan tashqari, maqolada badiiy idrok va so‘z qo‘llash san’atida metaforik obrazlar talqinining ahamiyati ilmiy manbalar asosida izohlanadi.

Kalit so’zlar: *Metafora, adib, metaforik obraz, badiy asar, she’riyat, badiiy-estetik, ijodiy mahorat, lirika.*

Kirish. Metafora shunday serqirra hodisaki, uni bugungi kunda ko‘plab yondosh fanlar tadqiq obyektiga aylantirganlar. Unga tilshunoslik, madaniyatshunoslik, etika, estetika, psixologiya kabi turli fanlar goh ifoda vositasi, goh ta’sir quroli, goh madaniy fenomen, goh shaxsiy sifat namoyandasi, goh axloq ko‘rsatkichi, goh go‘zallik libosi sifatida munosabatda bo‘ladilar. Metaforik obraz – bir predmet, hodisa, shaxs yoki tushunchaning muayyan o‘xshashlik asosida boshqa bir predmet yoki tushuncha orqali obrazli ifodalanishidir. Bunday obrazlar yozuvchining voqelikka munosabatini, qahramon ruhiyatini, asarning g‘oyaviy mazmunini va estetik ta’sirini ochib berishga xizmat qiladi.

Mavzuga oid adabiyotlar tahlili (Literature review). Biz o‘zbek she’riyatimizda bir guruh iste’dod namoyondalarini ko‘rishimiz mumkin. Bu iste’dod vakillari o‘z metaforizm kabi poetik vositalardan keraklicha va samarali foydalandi. Ayniqsa, bu adabiy hodisalar Usmon Azim, Xurshid Davron, Shavkat Rahmon va Azim Suyun kabi shoirlar ijodida yorqin namoyon bo‘ladi.

Metaforani Aristotel: “so‘z ma’nosining jinsdan turga, turdan jinsga yoxud, turdan turga yoki muqobillik asosida ko‘chirilishidir”, – deb ta’riflaydi. Shuningdek, Aristotel “yaxshi metaforalarni yasash – o‘xshashliklarni ilg‘ashdir”,-deb ham ta’kidlaydi. Bu fikrga qo‘shilmagan ayrim olimlar “har bir lison egasida metaforalarni qo‘llashga doir tajriba mavjud bo‘lishini, Aristotelning “bu mahorat hammada ham mavjud bo‘lavermaydi”,- degan fikri o‘zini oqlamasligini, inson nutqiy qobiliyatni o‘zga lison egalarining namunasi ostida egallab borishi, tabiiyki, bunda u bevosita ko‘chimlarni qo‘llash tajribasini ham o‘zlashtirib borishi haqida fikr bildirib, “metafora – hayotni idora etish san’ati”, – degan bahoni beradi.[1].

Metafora va metaforik obraz alohida badiiy hodisa va maxsus yuz beradigan jarayon sifatida metaforologiya, tilshunoslik, falsafa, mantiq, psixologiya, semiotika, kognitologiya kabi ko‘plab yo‘nalishlar birlashishda mohiyatni namoyon etishiga alohida ahamiyat berilmoqda. Olamni badiiy idrok etish va so‘z qo‘llash san’atida metaforik obraz talqiniga oid manbalarga asoslangan tadqiqotlar ko‘paymoqda. Metaforaning mohiyati, uning badiiy tafakkurdagi o‘rni, tuzilmasi, xillari va ko‘rinishlari borasida yangi-yangi qarashlar paydo bo‘lmoqda. Bu yo‘nalishda jahon she’riyatida olib borilgan ishlar metaforik obraz muammosini yoritishda, muayyan davr poeziyasining badiiy-poetik ko‘lamini belgilashda, ijodkor uslubi, badiiy obraz yaratishda ijodiy mustahkamlik va adabiy ta’sir, poetik til imkoniyatlari, uning ekspressivligi, shuningdek, davrning madaniy ongi bilan o‘zaro bog‘liqligi hamda ijodkor badiiy-estetik tushunchasini o‘rganishda ilmiy-nazariy asos vazifasini o‘taydi.

Tadqiqot metodologiyasi (Research methodology). Ilmiy adabiyotlarda metafora haqida nafaqat adabiyotshunos olimlar, balki uning yaratuvchilari bo‘lgan – shoirlar, yozuvchilar va rassomlar ham o‘z munosabatini bildirib o‘tgan. O’zbek adabiyotida metaforalar juda keng tarqalgan bo’lib, yozuvchilar ulardan o’z asarlarini boyitish, ma’nolarni chuqurlashtirish va o’quvchiga kuchli ta’sir o’tkazish uchun foydalanadilar. Quyida ulardan ba’zilarini ko’rib o’tamiz.

Shuningdek, o’zbek adabiyotida ham bir talay shoir va yozuvchilarimizning ijodida metaforalarga murojaatni kuzatishimiz mumkin. Masalan, Usmon Azim she’riyatida metaforik obrazlar talqini, shoir ijodini yangicha badiiy-estetik qarashlar kontekstida tadqiq etish hamda shoir she’riyatida metaforiklikni atroflicha yoritish ehtiyoji, masalalarni jahon talablari darajasida amalga oshirish vazifasini qo‘yadi [2]. Usmon Azimning metaforik obraz yaratishdagi poetik mahorati metafora (istiora), badiiy tasvir vositalarining bir vaqtda qo‘llanilishi va she’r ma’nosini kuchaytirish, estetik ta’sirchanlikni oshirish, fikr qamrovini kengaytirish, o‘quvchida estetik zavq uyg‘otish, uning badiiy didini o‘stirish kabi ko‘plab misollarni keltirishimiz mumkin. Shoir she’riyatida eng avvalo, yurt taqdiri, uning o‘tmishi, buguni va istiqboli alohida mavzu qilib olingan. Ijodkor she’rlaridagi otashin yurak isyoni, erk va ozodlik izhori, haqiqat va adolat umidi – shiddat va g‘alayonga to‘lalik, – ramzlar tilida so‘zlashish, betakror poetik obrazlar hamda yorqin metaforalarda yaqqol ko‘zga tashlanadi. Shoir she’rlarida badiiy g‘oya va maqsad ifodasi, badiiy-estetik ta’sirchanlikni oshirish uslubidagi individallik va badiiy mahoratni belgilashda metaforik obrazlar alohida ahamiyatga ega.

Bir tola oq qo‘nar mening boshimga,
Shamolday uchadi sendan bir yaproq...
Biz shunday turamiz dunyo qoshida –
Kul bilan xazon ning suhbati uzoq [4].

Shoir she’riy parchada shoir lirik qahramonning holatini boshiga – oq qo‘nishi – sochning oqarishi metaforasi, yaproqning shamolday uchishi – o‘xshatish, yaproq – umrning bir pallasi ramzi va qarama-qarshi ma’nodagi kul va xazon so‘zlari qatlamlar va ular o‘rtasidagi uzoq suhbat – jonlantirish leksik vositalarini qo‘llagan. Shoir mazkur tabiat fasli manzarasida inson holatini yaratadi. Kul va xazon so‘zlarining ko‘chma ma’nosida inson umr bosqichi ifodalanadi. Badiiy obraz so‘z vositasida yaratilarkan, metaforik obraz so‘zni o‘z ma’nosidan ko‘chma ma’noda o‘xshashlik asosida qo‘llanilishiga asoslanadi. Metaforik obraz she’riyatning asosi sifatida har bir shoir individual uslubida o‘ziga xoslik va adabiy-estetik dunyoqarashni aks ettiradi. Usmon Azimning she’riyatida metaforik obrazlarning yaratilishida xalq og‘zaki ijodi asosiy o‘rin tutadi. Biz o’zimizning o’zbek adabiyoti vakillaridan tashqari ko’plab ingliz adabiyot vakillarini ko’rishimiz mumkin.

William Shakespeare: “But, soft! What light through yonder window breaks? / It is the east, and Juliet is the sun.” (“Romeo and Juliet”) [6]. O’zbekcha tarjimasi: “Ammo, jim! U ufqdan qanday nur taraladi? / U- sharq va Juliet- quyoshdir.” Bu yerda Juliet “quyosh” bilan metaforik tarzda qiyoslanmoqda. Quyosh – yorug’lik, hayot va go’zallik manbai. Romeo uchun Juliet ham xuddi shunday ahamiyatga ega. Bu metafora Julietning yorqinligini, go’zalligini va Romeo hayotida tutgan markaziy o’rnini ta’kidlaydi.

“All the world’s a stage, / And all the men and women merely players.” (“As You Like It”). O’zbekcha tarjimasi: “Butun dunyo- sahna, / Va barcha erkaklar va ayollar

shunchaki aktyorlardir." Metafora: Dunyo "sahna" ga, odamlar esa "aktyorlar" ga qiyoslanmoqda. Bu metafora inson hayotining vaqtinchaligini, rol o'ynashni va yakunda sahnani tark etishini tasvirlaydi. Hayotning teatr kabi o'tkinchi ekanligini, har bir inson o'z rolini bajarishni va vaqt kelib bu rolni tugatishini ifodalaydi.

William Wordsworth: "I wandered lonely as a cloud that floats on high or vales and hills" ("I Wandered Lonely as a Cloud"). O'zbekcha tarjimasi: "Men vodiylar va tepaliklar ustidan balandda suzib yurgan / Bulut kabi yolg'iz kezib yurdim." Metafora (va simile): Shoir o'zini "bulut" bilan qiyoslaydi (bu simile, chunki "kabi" so'zi ishlatilgan, lekin *bulut* metaforik ma'noga ham ega). Bulut yolg'izlik, erkinlik va ko'chmanchilikni ifodalaydi. Shoirning yolg'izligi va tabiat bilan uyg'unligi bu metafora orqali kuchayadi. [7]

"The river was a clear and sparkling road of gold, as on and beside the river were the golden trees." ("Our Mutual Friend"). O'zbekcha tarjimasi: "Daryo oltindan yasalgan tiniq va yorqin yo'l edi, xuddi daryoning ustida va yonida oltin daraxtlar bo'lgandek." Metafora: Daryo "oltin yo'l" ga, daraxtlar esa "oltin daraxtlar" ga qiyoslanmoqda. Bu metafora daryo va atrofdagi tabiatning go'zalligini, yorqinligini va qimmatini ta'kidlaydi. "Oltin" so'zi qimmatbaho va jozibador narsani ifodalab, tabiatning qiymatini metaforik tarzda ko'rsatadi.

Uilyam Shekspir, o'zining sonetlarida yorini bahor va yozning go'zalligiga taqqoslagan:

"Shall I compare thee to a summer's day?"
(Seni yoz kuniga qiyoslay olamanmi?)
Thou art more lovely and more temperate:
(Sen undan ko'rkliroq va sokinroqdirsan)
Rough winds do shake the darling buds of May,
(Mayning nozik g'unchalarini chayqaydi shamol)
And summer's lease hath all to short a date.
(Yoz esa tez o'tib, muddatin tugatar)[6].

Ingliz adibi Uilyam Shekspir ushbu sonetida quyidagicha o'xshatishlardan foydalangan. U yorini yozning bir kuniga tenglashtira olmasligi va uni yozning kunidan chiroyli va ta'riflab bo'lmas darajada sokin ekanligini ta'kidlaydi. Shu bilan birga nozik g'unchalarni may oyining mayin shamoli chayqatishi va yozning kunlari esa juda tez tugashini tasvirlagandek bo'lsa-da, ammo yorini nozik g'unchaga qiyoslagan. U shu darajada nozikki, mayin shamol ham uni tebrata olishi mumkinligi va u bilan o'tkazgan vaqtlari yoz kunlaridek uzun bo'lsa-da, shoir uchun juda qisqa vaqtdek tuyulgani ifodalangan.

Xulosa. Bu o'xshashliklarda milliy madaniyatlar turlicha bo'lsa-da, insoniy kechinmalar har doim umumiy ekaniligini ko'rsatadi. Shunday qilib, XX asr jahon she'riyatining adabiy hodisasi bo'lgan metaforik obrazlar mavjud. Bunda o'zbek adiblaridan Usmon Azim va ingliz adiblaridan esa Uilyam Shekspir, kabi adiblar jahon she'riyatida ham yetakchilik qiladilar. Ushbu adiblar o'z she'riyatida metaforik obrazlarni yuzaga keltirgan omil sifatida xalq og'zaki ijodini ko'rsatish mumkin. She'rlardagi obrazlarning metafora asosida ko'chirilishi, ijodkorlarning davr manzaralarini tasvirlash, erk va ozodlik g'oyalarini ifodalashga xizmat qiladi. Bu esa ijodkorlarning ichki – meni, tafakkur tarzi, maslak va e'tiqodi, hayotda tutgan tamoyillarini ifodalash bilan birga uning badiiy-estetik konsepsiyasini ifodalagan.

Metafora faqatgina nutqda voqealanib qolmaydi. Uning funksiyalari badiiy matnda to‘liq namoyon bo‘ladi. O‘zbek tilshunosligida metafora badiiy uslub va badiiy tasvir vositalariga bag‘ishlangan tadqiqotlar doirasida o‘rganilib, ko‘chimlarning bir turi sifatida qayd etildi. Shuningdek, uni o‘rganishda an’anaviy hamda poetik metaforalar ajratildi. Leksik metaforalarda leksik ma’no bir so‘z doirasida anglashilib, uning nominativ (atash) funksiyasi anglashilsa, badiiy metaforalar ancha keng, matndagi boshqa so‘zlarning ma’nolari ta’sirida mazmunini kengaytiradi. Lingvopoetik tahlil esa badiiy matndagi til vositalarining, jumladan, metaforalarning badiiy mazmun yaratishdagi vazifasi, obrazlilikni ta’minlashi va muallif uslubini shakllantirishini o‘rganadi. Shu sababli ushbu mavzuda faqat metaforalarning lug‘aviy ma’nosi emas, balki ularning badiiy matndagi vazifasi, kontekstdagi ma’nosi, obraz yaratish imkoniyati va ikki adabiyotdagi o‘xshash hamda farqli jihatlari ham tahlil qilindi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Аристотель. Соч. в 4-х тт., т. IV. М., 1983. Шунингдек: Айвор А. Ричардс. Философия риторики. Бунда мақола қуйидаги тўплам сирасида: Кассирер Э., ЯкобсонР., РичардсА., БлэкМ., СерльДж., ВежбицкаА., ОртониА., ЛакоффЖ., ГудменН., и др. Теория метафоры. –М.: Прогресс, 1990. – С.58.

2. Абдуллаев А. – Шеъримда узоқ бир ишқнинг шарҳи бор. (Усмон Азим шеъриятига чизгилар) // Шарқ юлдузи.– Тошкент, 2010. – №1.

3. Suyarova N. Metaforalarning nasriy asarlardagi tasviriy va ekspressiv imkoniyatlari // Filologik tadqiqotlar: Til, adabiyot, ta’lim. – B. 68-70.

4.Усмон Азим. Куз. – Тошкент: Ғафур Ғулом, 2001.

5.Suyarova N. Ingliz va o‘zbek adiblarining ijodidagi metaforik obrazlar talqini // Guliston davlat universiteti axborotnomasi. Gumanitar – ijtimoiy fanlar seriyasi, 2025. № 1. – B. 225-227.

6.William Shakespeare: “Romeo and Juliet”. London, Angliya: John Danter 1597 –.P 66

7. William Wordsworth. I Wandered Lonely as a Cloud. London, Angliya. 1845. – P 234.

INGLIZ VA O‘ZBEK TA’LIM DISKURSI NEOLOGIZMLARINING QO‘LLANISH FAOLLIGI VA BARQARORLASHUVI

To‘rayeva Guzal Xursanovna
Lingvistika kafedrasi dotsenti
Qarshi davlat universiteti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya: *Maqolada ingliz va o‘zbek ta’lim diskursi neologizmlarining qo‘llanish faolligi va barqarorlashuvi masalalari tadqiq qilinadi.Ingliz va o’zbek tillaridagi ta’limga oid neologizmlarning o’xshash va farqli jihatlarini aniqlash orqali ularning til amaliyotida barqarorlashuviga ta’sir etuvchi lingvistik va ekstralingvistik omillarni ochib berish ko’zda tutiladi.*

Kalit so’zlar: *neologism, ta’lim diskursi, qo’llanish faolligi, barqarorlashuv, lingvistik omillar, ekstralinvistik omillar, leksik birliklar.*

Аннотация: *В статье исследуются вопросы активности употребления и закрепления неологизмов в образовательном дискурсе английского и узбекского языков. Путём выявления сходств и различий между неологизмами в сфере образования рассматриваются лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на их закрепление в языковой практике.*

Ключевые слова: *неологизм, образовательный дискурс, активность употребления, закрепление в языке, лингвистические факторы, экстралингвистические факторы, лексические единицы.*

Abstract: *The article examines the frequency of use and stabilization of neologisms in English and Uzbek educational discourse. By identifying similarities and differences between education-related neologisms in the two languages, the study explores the linguistic and extralinguistic factors influencing their stabilization in language use.*

Keywords: *neologism, educational discourse, frequency of use, lexical stabilization, linguistic factors.*

Neologizmning ta’lim diskursida faollashuvi uning bir matnda uchrashi bilan emas, turli janrlarga ko‘chishi, har xil ishtirokchilar tomonidan qo‘llanishi va muayyan kommunikativ vazifani barqaror bajarishi bilan belgilanadi. Ilmiy-pedagogik maqola yangi tushunchani aniq ta’riflashi mumkin, o‘quv-metodik matn uni amaliy jarayonga moslashtiradi, rasmiy hujjat me’yoriy maqom beradi, matbuot va reklama ommalashtiradi, internet hamda ijtimoiy tarmoqlar esa tarqalish tezligini oshiradi. Shu sababli neologizm faolligini faqat umumiy chastota asosida baholash yetarli emas. Uning qaysi janrda paydo bo‘lgani, keyinchalik qaysi janrlarga o‘tgani, ma’nosi qanday izohlangani va adresatga qanday ta’sir ko‘rsatgani ham aniqlanishi lozim.

K.Hayland janrni “takrorlanuvchi vaziyatlarga javoban qo‘llanadigan odatiy til shakli” sifatida izohlaydi [1, 144-145]. Olim ilmiy jamoada matnning muvaffaqiyati shu jamoaga tanish bo‘lgan janr me’yorlariga bog‘liqligini ko‘rsatadi. Bu qarash ta’lim neologizmlarining

ilmiy maqola, dissertatsiya, ma’ruza va konferensiya tezislarida bir xil vazifa bajarmasligini ko‘rsatadi. Ilmiy-pedagogik janrlarda yangi birlik, avvalo, nomlash va tushuntirish vazifasini bajaradi: u yangi usul, texnologiya, baholash shakli yoki ta’lim subyektini nomlaydi, keyin ta’rif, tasnif va nazariy izoh bilan mustahkamlanadi. Biroq K. Haylandning diqqat markazida akademik yozuv me’yorlari turadi; yangi terminning ilmiy janrdan ommaviy va raqamli janrlarga o‘tishi alohida kuzatilmaydi.

Ilmiy-pedagogik matnda *microcredential, learning analytics, AI literacy, formative assessment* singari birliklar dastlab tushuncha chegarasini belgilash uchun qo‘llanadi. Muallif odatda yangi terminni birinchi qo‘llanishda ta’riflaydi, keyingi o‘rinlarda esa izohsiz ishlatadi. Birlik bir necha mustaqil maqola, dissertatsiya va konferensiya materialida ayni yoki yaqin ma’noda takrorlansa, uning ilmiy diskursdagi barqarorligi ortadi. Ammo inglizcha shaklning ko‘p ishlatilishi har doim mazmunning to‘liq anglanganini bildirmaydi. Shu bois yangi birlikning ta’rifi, qaysi tushunchalardan farqlanishi va o‘zbekcha muqobili ilmiy matnda aniq ko‘rsatilishi kerak.

Reklama va targ‘ibot janrlarida neologizm ta’lim xizmatini zamonaviy, qulay va istiqbolli qilib ko‘rsatish vositasiga aylanadi. *A.Shahnaz universitet prospektlarini tahlil qilib, ularning asosiy kommunikativ maqsadlarini “kutib olish, axborot berish va ishontirish” tarzida belgilaydi* [2, 655-656]. Bu janrda *innovative learning, global campus, career-ready skills, smart classroom, flexible pathway* kabi nomlar faqat yangi tushunchani bildirmaydi, balki muassasaning ijobiy qiyofasini yaratadi. Olima reklama va axborot vazifalarining qo‘shilishini aniq ko‘rsatadi, ammo terminning haqiqiy pedagogik mazmuni bilan uning reklamadagi jozibador talqini o‘rtasidagi farqni maxsus tekshirmaydi. Shu bois reklama matnidagi neologizm baholash va ishontirish vazifasi bilan birga tahlil qilinishi kerak.

Internet sayti, blog, forum va ijtimoiy tarmoq posti yangi birlikning tez tarqaladigan muhiti hisoblanadi. M.Zappavigna ijtimoiy tarmoq tilini “qidiriladigan muloqot” deb tavsiflab, xeshteg foydalanuvchilarni umumiy mavzu atrofida birlashtirishini ko‘rsatadi [3, 1-2]. Ta’limga oid *#edtech, #onlinelearning, #AIineducation* kabi belgilar yangi terminni topish, takrorlash va muhokama qilishni osonlashtiradi. Raqamli janrda neologizm axborot berishdan tashqari hamjamiyat yaratish, tajriba almashish, baholash va munosabat bildirish vazifalarini ham bajaradi. Biroq ijtimoiy tarmoqdagi yuqori faollik uzoq muddatli barqarorlashuv bilan teng emas; reklama kampaniyasi yoki muayyan voqea qisqa muddatli keskin ko‘tarilishni yuzaga keltirishi mumkin.

A.Karimbayeva Twitter, TikTok, Reddit va Instagram materiallaridan tuzilgan 120 ming so‘zli korpusda 83 yangi birlikni aniqlab, raqamli platformalar leksik innovatsiyalarning yaratilishi va tarqalishida muhim ekanini qayd etadi [4, 338-339]. Muallif korpus, chastota va kontekstni birlashtiradi, bu esa neologizm faolligini dalillash uchun muhim. Biroq tadqiqot umumiy raqamli diskursga qaratilgan; ta’lim neologizmlarining platformalar, yosh guruhlari va kasbiy guruhlar bo‘yicha farqi alohida tahlil qilinmagan. Shuning uchun ta’limga oid postlar maxsus teglar va mazmuniy mezonlar asosida ajratilishi lozim.

Z.Mustafoqulova o‘zbek oliy ta’limida *onlayn, platforma, feedback, case study, presentation, workshop* va *teamwork* birliklarining faol qo‘llanishini qayd etadi. So‘rov natijalarida respondentlarning qariyb 72 foizi bunday birliklar ta’lim jarayoniga ijobiy ta’sir qilishini bildirgan, ayrim ishtirokchilar esa ortiqcha qo‘llanish tushunmovchilik tug‘dirishini ko‘rsatgan [5, 9-11]. Muallif o‘zlashmalarning lingvodidaktik jihatdan qulayligini yoritadi,

ammo ularning qaysi janrda ko‘proq ishlatilishi va milliy muqobillar bilan raqobati masalasiga e’tibor qaratmaydi. Bu natija neologizmning kommunikativ samarasi adresatning til tajribasi va vaziyatga bog‘liqligini tasdiqlaydi.

S.Berdimurotova zamonaviy o‘zbek OAVida *onlayn-konferensiya, vebinar, striming, podkast, trend, heshteg* va *reels* singari birliklarning faol qo‘llanishini ko‘rsatadi. U yangi birliklar “axborot yetkazishni tezlashtiradi va publitsistik ta’sirni kuchaytiradi”, degan xulosaga keladi [6, 269-271]. Tadqiqotning muhim tomoni neologizmlarning nominativ va uslubiy vazifalarini birgalikda yoritishidir. Biroq unda ta’limga oid birliklar alohida korpus sifatida ajratilmagan, ularning ilmiy yoki rasmiy janrdan OAVga o‘tish yo‘li ham izchil ko‘rsatilmagan. Ta’lim diskursini tadqiq etishda mazkur xulosalar manba va janr belgilari bilan aniqlashtiriladi.

N.Xolmatova o‘zbek ta’limiy diskursida ijobiy xushmuomalalik vositalari o‘qituvchi va ta’lim oluvchi o‘rtasida iliq munosabat yaratishi, faol ishtirokni rag‘batlantirishi va muloqot samaradorligini oshirishini ko‘rsatadi [7, 305-306].

Ushbu tadqiqot bevosita neologizmlar tadqiqiga bag‘ishlanmagan, biroq yangi birlikning kommunikativ ta’siri faqat ma’noga emas, uni qanday izohlash va qanday ohangda taqdim etishga ham bog‘liqligini anglatadi. Yangi termin tushuntirish, rag‘batlantirish va hamkorlik ruhidagi kontekstda berilsa, uning qabul qilinishi osonlashadi; buyruq yoki ortiqcha rasmiylik bilan berilsa, begonalik hissi kuchayishi mumkin.

O‘quv-metodik janrlarga darslik, o‘quv qo‘llanma, fan dasturi, sillabus, metodik tavsiya, topshiriq va baholash mezonlari kiradi. Bu matnlarda neologizmning asosiy vazifasi tushuntirish va amaliy yo‘naltirishdir. Masalan, *teskari sinf, aralash ta’lim, loyiha asosida o‘qitish, o‘zini o‘zi baholash* birliklari metodik matnda jarayon bosqichlari, o‘qituvchi vazifasi va kutiladigan natija bilan birga beriladi. Ilmiy maqolada bahsli bo‘lgan birlik darslik yoki qo‘llanmaga kirgach, tanlangan shaklning me’yorlashuvi kuchayadi. Biroq o‘quv-metodik manbada bir terminning turli tarjimalari qo‘llansa, bu holat o‘qituvchi va ta’lim oluvchida tushunmovchilik tug‘diradi. Demak, mazkur janrda izohning soddaligi, atamaning barqarorligi va auditoriya yoshiga mosligi alohida ahamiyatga ega.

Rasmiy-me’yoriy janrlar qonun, farmon, qaror, nizom, davlat ta’lim standarti, buyruq va yo‘riqnomalarni qamrab oladi. Ularda neologizm yangi institut, ta’lim shakli, lavozim, baholash tartibi yoki boshqaruv usulini rasman nomlash vazifasini bajaradi. *Kredit-modul tizimi, akademik mobillik, masofaviy ta’lim, ta’lim platformasi, mustaqil ta’lim soati* kabi birliklarning rasmiy hujjatlarda takrorlanishi ularni oliy ta’lim muassasalari, OAV va o‘quv-metodik matnlarga tez olib kiradi. Rasmiy qo‘llanish birlikka rasmiy mavqe beradi, ammo uning lisoniy jihatdan eng maqbul variant ekanini anglatmaydi. Hujjatda noaniq yoki uzun shakl tanlansa, matbuot va amaliy muloqotda qisqaroq parallel variantlar paydo bo‘lishi mumkin.

Publitsistik janrlarda neologizm yangilik xabari, reportaj, intervyu, tahliliy maqola va ommabop sharh orqali keng auditoriyaga yetkaziladi. Bu yerda nominativ vazifa axborot berish, izohlash va baholash bilan birlashadi. Masalan, *sun’iy intellekt yordamchisi, mikrosertifikat, ta’lim ekotizimi, raqamli ko‘nikma* kabi birliklar sarlavhada yangilik belgisi sifatida, asosiy matnda esa tushuntiriladigan tushuncha sifatida ishlatiladi. OAV ilmiy yoki rasmiy manbadagi terminni sodda ifodalaydi, uning jamiyat uchun foydasi yoki xavfini baholaydi va takroriy qo‘llanish orqali ommalashtiradi. Shu bilan birga, e’tiborni jalb qilish

maqsadi ayrim birliklarning mazmunini ortiqcha soddalashtirishi yoki ularni vaqtinchalik moda sifatida ko‘rsatishi mumkin.

Janrlararo tarqalish barqarorlashuvning muhim belgisi bo‘lsa-da, barcha janrlar bir xil ta’sir kuchiga ega emas. Rasmiy hujjat birlikni qisqa vaqt ichida ko‘plab muassasalarga olib kirishi mumkin, lekin bu jarayon yuqoridan boshqariladi. Ijtimoiy tarmoqda esa birlik ko‘plab mustaqil foydalanuvchilar tomonidan takrorlanishi mumkin, ammo uning yozilishi va ma’nosi beqaror bo‘ladi. Ilmiy va o‘quv-metodik janrlar ma’noni aniqlashtiradi, OAV keng jamoatchilikka yetkazadi, lug‘at va korpus esa shaklning qo‘llanish holatini qayd etadi. Shu sababli tadqiqotda rasmiy qayd, mustaqil qo‘llanish, janriy qamrov va vaqt davomiyligi alohida ko‘rsatkichlar hisoblanadi. Bir manbada yuz marta takrorlangan birlik bilan o‘nlab mustaqil manbalarda uchragan birlik teng faollik darajasiga ega deb baholanmaydi. Janrlar bo‘yicha me’yorlashtirilgan chastota, manbalar soni va davriy o‘sish birgalikda tekshirilganda faollashuvning haqiqiy ko‘lami aniqroq namoyon bo‘ladi.

Neologizmlarning janrlararo tarqalishini aniqlash uchun har bir birlikning manbasi, sanasi, janri, kommunikativ vazifasi va qo‘llanish konteksti alohida qayd etiladi. Ilmiy maqoladan darslikka, rasmiy hujjatdan OAVga yoki ijtimoiy tarmoqdan ilmiy matnga o‘tish yo‘nalishlari farqlanadi. Nominativ vazifa barcha janrlarda umumiy bo‘lsa-da, ilmiy matnda aniqlik, metodik manbada tushuntirish, ijtimoiy tarmoqda esa baholash va hamjamiyat yaratish ustun bo‘ladi. Birlik qanchalik ko‘p janrda barqaror ma’noda ishlatilsa, uning diskursiv faolligi va til tizimida mustahkamlanish ehtimoli shunchalik yuqori bo‘ladi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1.Hyland K. Academic Discourse: English in a Global Context. – London; New York: Continuum, 2009. – 215 p.

2. Shahnaz A. Marketisation of Higher Education: A Genre Analysis of University Prospectuses in Pakistan // Higher Education Quarterly. – 2022. – Vol. 76. – No. 3. – P. 655-656.

3. Zappavigna M. Discourse of Twitter and Social Media: How We Use Language to Create Affiliation on the Web. – London; New York: Continuum, 2012. – 240 p. – DOI: 10.5040/9781472541642

4. Karimbayeva A.Sh. Lexical Innovation in Digital Discourse: A Corpus-Based Study of Neologisms on Social Media Platforms // Modern Science and Research. – 2025. – Vol. 4. – No. 4. – P. 336-340. DOI: 10.71337/inlibrary.uz.science-research.78546.

5, Mustafoqulova Z.B. O‘zbek pedagogik diskursida anglisizmlarning lingvodidaktik potensiali: ta’lim jarayoniga empirik ta’siri (O‘zbekiston oliy ta’limi misolida) // International Journal of Science and Technology. – 2026. – Vol. 3. – No. 4. – B. 8-13. – DOI: 10.70728/tech.v3.i04.002.

6. Berdimurotova S. Zamonaviy o‘zbek ommaviy axborot vositalarida qo‘llanilayotgan neologizmlarning lisoniy tabiati va uslubiy vazifasi // Xorijiy lingvistika va lingvodidaktika. – 2024. – Maxsus son 4. – B. 266-271. – DOI: 10.71337/inlibrary.uz.foreign-linguistics.67664.

7. Xolmatova N.I. O‘zbek ta’limiy diskursida ijobiy xushmuomalalik strategiyalari // Qo‘qon DPI. Ilmiy xabarlar jurnali. – 2026. – J. 8. – № 4. – B. 304-308. – DOI: 10.70728/c.series.v08.i04.048.

RUS VA O‘ZBEK NUTQ ODOBIDA MINNATDORCHILIKNING MADANIY MA’NOLARI

Turaeva Dilfuza Daminovna
Iqtisodiyot va pedagogika universiteti dotsenti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada rus va o‘zbek nutq odobidagi minnatdorchilikning madaniy ma’nolari qiyosiy-semantik tahlil va pragmatik modellashtirish orqali o‘rganiladi. Olingan yordamni e’tirof etish, xatti-harakatni baholash va ezgu tilak bildirish farqlanadi. Lug‘at materiallari asosida minnatdorchilikni uning asosi, ifodalanish usuli va dialogdagi o‘rni orqali tavsiflash taklif etiladi.*

Kalit so‘zlar. *Minnatdorchilik, nutq odobi, rus tili, o‘zbek tili, madaniy ma’no, ezgu tilak, madaniyatlararo muloqot.*

Аннотация. *В статье исследуются культурные значения благодарности в русском и узбекском речевом этикете посредством сравнительного семантического анализа и прагматического моделирования. Выделяются признание полученной помощи, оценка поведения и выражение добрых пожеланий. На основе словарных материалов предлагается охарактеризовать благодарность с точки зрения ее основы, способа выражения и роли в диалоге.*

Ключевые слова: *благодарность, речевой этикет, русский язык, узбекский язык, культурное значение, добрые пожелания, межкультурный диалог.*

Abstract. *The article examines cultural meanings of gratitude in Russian and Uzbek speech etiquette through comparative semantic analysis and pragmatic modelling. It distinguishes acknowledging help, evaluating an action, and expressing good wishes. Drawing on dictionary material, it proposes describing gratitude through its grounds, mode of expression, and position in dialogue.*

Keywords. *Gratitude, speech etiquette, Russian, Uzbek, cultural meaning, good wishes, intercultural communication.*

Muammoning qo‘yilishi

Minnatdorchilik replikasi hajman kichik, biroq mazmunan murakkab muloqot bo‘lagidir. So‘zlovchi boshqa kishining xatti-harakatini qayd etadi, uning ahamiyatini e’tirof qiladi va o‘z munosabatini ifodalash usulini tanlaydi. Madaniyatlararo muloqotda tanish lug‘aviy muqobil butun vaziyatning tayyor izohi sifatida qabul qilinganda qiyinchilik yuzaga keladi. So‘z tarjimasining o‘zi minnatdorchilik nima sababdan tilak bilan birga kelishi, takrorlanishi yoki, aksincha, qisqa formula bilan cheklanishini ko‘rsatmaydi.

Maqolaning maqsadi rus va o‘zbek nutq odobi materiallari asosida minnatdorchilikning madaniy ahamiyatga ega ma’nolarini ifodalash usullarini aniqlashdir. Tadqiqot savoli quyidagicha qo‘yiladi: minnatdorchilik replikasining qaysi tarkibiy qismlarini bevosita qiyoslash mumkin, qaysilari esa vaziyatni hisobga olishni talab etadi? Bu yerda madaniy ma’no deganda olingan ne’matning qadri va yordam ko‘rsatgan kishiga nisbatan

maqbul munosabat haqidagi til vositalari orqali ifodalangan tasavvur tushuniladi. Bunday ta’rif barcha til egalariga bir xil qarashlarni nisbat bermasdan, muayyan formulalarni tahlil qilish imkonini beradi.

Tadqiqot materiali va metodlari

Ish qiyosiy xususiyatga ega bo‘lib, sifat tahliliga asoslanadi. Leksik materialni rus tilidagi спасибо formulasi, o‘zbek tilidagi rahmat va tashakkur, ularning lug‘at misollari, shuningdek, ma’lumotnoma manbalarida berilgan ezgu tilaklar tashkil etadi [2–7]. Dastlab birliklarning ma’nosi aniqlanadi, keyin minnatdorchilik replikasini kengaytirish usullari qiyoslanadi. Yakuniy bosqichda minnatdorchilikning asosi o‘zgaradigan maxsus tuzilgan vaziyatlar ko‘rib chiqiladi. Bu vaziyatlar haqiqiy suhbat yozuvlari emas, tahliliy modellar sifatida xizmat qiladi; mustaqil so‘rov va chastota hisobi o‘tkazilmagan.

S. Floyd va hammualliflarining minnatdorchilikni his qilish bilan uni muloqotda ifodalashni farqlovchi tadqiqoti metodologik jihatdan muhimdir [1]. Ular sakkiz tildagi norasmiy kundalik muloqot lavhalarini o‘rganib, iltimos bajarilgan 928 holatning 51 tasida, ya’ni 5,5 foizida minnatdorchilik ochiq ifodalanganini qayd etgan. Nutqiy va ayrim noverbal ifodalar hisobga olingan. Tadqiqot tanlanmasiga rus tili kiritilgan, o‘zbek tili esa kiritilmagan. Shu bois bu raqamlar o‘zbek muloqotini tavsiflamaydi va rasmiy vaziyatlarga tatbiq etilmaydi. Mazkur maqola uchun quyidagi tamoyil ahamiyatli: alohida minnatdorchilik formulasining yo‘qligi o‘z-o‘zidan minnatdorlik tuyg‘usi yo‘qligini isbotlamaydi.

Yordamni e’tirof etish va minnatdorchilikni kuchaytirish usullari

«Gramota.ru» portali lug‘atlarida rus tilidagi спасибо olingan yoki taqdim etilayotgan ne’mat uchun minnatdorchilikni ifodalovchi nutq odobi vositasi sifatida izohlanadi [2]. Izoh.uz elektron lug‘atining rahmat maqolasida ham minnatdorchilikni ifodalash uchun qo‘llanish ma’nosi ajratilgan; misollar orasida «Katta rahmat!» keltiriladi [3]. Bu darajada muvofiqlik ancha ravshan: ikkala formula suhbatdoshning xatti-harakatiga ijobiy munosabat bildirish imkonini beradi. «Большое спасибо!» varianti keltirilgan o‘zbekcha misol bilan kuchaytirish vazifasi jihatidan qiyoslanadi, biroq bunday juftlik formulaning tanlanish shartlarini hali tavsiflamaydi.

Keyingi tahlilda minnatdorchilikning kuchlilik darajasini uning asosini ko‘rsatishdan ajratish foydalidir. Muallif tuzgan «Спасибо за помощь с документами» va «Hujjatlar bilan yordam berganingiz uchun rahmat» replikalarida muayyan harakat nomlangan. So‘zlovchi adresatning hissasini ajratib ko‘rsatadi va shu orqali minnatdorchilikni aniq mazmun bilan bog‘laydi. Ruscha replikaga «Вы сэкономили мне много времени» jumlasi qo‘shilsa, minnatdorchilik yordamning natijasi orqali asoslanadi. Bu xatti-harakatning qadri haqidagi qo‘shimcha xabardir; uni спасибо so‘zining hissiy kuchini oshirish bilangina izohlab bo‘lmaydi.

Yana bir vosita — takror. Tashakkur lug‘at maqolasida qahramonning quvonchi qayd etilgan «Tashakkur, tashakkur!» adabiy misoli keltiriladi [4]. Misol takrorning ekspressiv imkoniyati haqida fikr yuritishga asos beradi, biroq bunday qo‘llanish chastotasini ko‘rsatmaydi. U tashakkur so‘zini faqat rasmiy nutqqa qat’iy bog‘lashdan ham ogohlantiradi. Nutq registrini aniqlash uchun kontekst va ishtirokchilar haqidagi ma’lumotlar zarur, alohida lug‘aviy shakl esa o‘zgarmas ijtimoiy masofani belgilamaydi.

So‘zlar soni bilan minnatdorchilikning samimiyligini farqlash lozim. Qisqa formula kichik muloqot almashinuvini yakunlash uchun yetarli bo‘lishi, batafsil izoh esa ko‘rsatilgan

yordamning odatdagidan alohida ahamiyatini ta’kidlashi mumkin. Buning aksi ham istisno etilmaydi: uzun replika tayyor marosimiy qolipni takrorlashi, birgina so‘z esa ta’sirchan ohang bilan aytilishi mumkin. Taqdim etilgan material ifodaning kengligi tuyg‘u chuqurligini bevosita o‘lchaydigan universal mezonni belgilashga imkon bermaydi.

Ezgu tilak orqali minnatdorchilik replikasini kengaytirish

Izoh.uz lug‘atining baraka maqolasida «Baraka top (ko‘r)» birikmasi omad va farovonlik bilan bog‘liq ezgu tilak sifatida qayd etilgan [5]. Uning semantik yo‘nalishi allaqachon olingan yordamni oddiy e’tirof etishdan farq qiladi: tilak adresatning kelajagiga qaratilgan. Shu sababli muallif tuzgan «Rahmat, baraka toping!» modelida ikki tarkibiy qismni — minnatdorchilik ifodasi va ezgu tilakni ajratish mumkin. Ruscha «Спасибо, пусть у вас всё будет благополучно» varianti bu tuzilmani tushuntiradi, biroq har qanday vaziyat uchun universal tayyor tarjima sifatida taklif etilmaydi.

Rus tili materialida ham turg‘un tilaklar mavjud. Xususan, «Gramota.ru» ma’lumot xizmati «Дай Бог здоровья» iborasini samimiy tilakni ifodalovchi nutqiy formula deb tavsiflaydi [6]. Agar u tahlil uchun tuzilgan replikada ko‘rsatilgan yordamdan so‘ng qo‘llansa, minnatdorchilik qo‘shimcha mazmuniy yo‘nalish kasb etadi: so‘zlovchi muayyan ne’matga erishishida yordam bergan kishiga farovonlik tilaydi. Qiyoslashga ezgu tilakning umumiy vazifasi asos bo‘ladi. Ayni paytda sog‘lik, omad va farovonlik tilaklari o‘z mazmunidagi farqlarni saqlaydi.

Demak, ezgu tilakni ikki tildan faqat biriga xos hodisa deb e’lon qilish kerak emas. Ko‘rib chiqilgan misollarda til shakli va tilanayotgan ne’matning aniqlashtirilishi farqlanadi. Ushbu modelning muayyan muhitda ko‘proq tarqalganligi haqida xulosa chiqarish uchun o‘zaro qiyoslash mumkin bo‘lgan muloqot yozuvlari kerak bo‘ladi. Lug‘atda qayd etilishi vositaning tilda mavjudligini tasdiqlaydi, biroq kim, qayerda va qanchalik tez-tez uni qisqa minnatdorchilik o‘rniga tanlashini ko‘rsatmaydi.

So‘z tarixi bilan so‘zlovchining zamonaviy niyati o‘rtasidagi munosabat alohida e’tibor talab etadi. Ma’lumotnoma izohida спасибо so‘zining kelib chiqishi спаси богъ birikmasi bilan bog‘lanadi; ayni paytda zamonaviy so‘z ushbu birikmaning qisqartmasi sifatida idrok etilmasligi ta’kidlanadi [7]. Shu sababli etimologiya спасибо so‘zining har bir qo‘llanishiga diniy niyatni nisbat berishga asos bo‘la olmaydi. Qiyoslash uchun odatiy nutq odobi birligi bilan tarkibida kengaytirilgan mazmun saqlangan ochiq tilakni farqlash samaraliroqdir.

Minnatdorchilikning asosi va replikaning dialogdagi o‘rni

Taklif etilayotgan tavsif sxemasi uch savolni qamrab oladi: nima uchun minnatdorchilik bildiriladi, minnatdorlik qaysi vosita bilan ifodalanadi va replika qaysi oldingi harakatga javob bo‘ladi? Birinchi savol yordamning qadrini aniqlaydi; ikkinchisi qisqa formula, izoh va ezgu tilakni farqlash imkonini beradi; uchinchisi ifodani muloqot ketma-ketligi bilan bog‘laydi. Bunday sxema tahlilni milliy tavsiflar bilan almashtirmaydi, balki rus va o‘zbek materialini ko‘rib chiqish uchun bir xil asoslarni belgilaydi.

Uni muallif tuzgan ikki modelda tekshirib ko‘ramiz. Birinchi vaziyat: suhbatdosh so‘ralgan kitobni olib keldi; javoban «Спасибо» yoki «Rahmat» deyiladi. Minnatdorchilik bajarilgan harakatga tegishli. Ikkinchi vaziyat: suhbatdosh kitobni olib kelishni taklif qiladi, biroq so‘zlovchida uning nusxasi bor; javob «Спасибо, у меня уже есть эта книга» yoki «Rahmat, bu kitob menda bor» shaklida tuziladi. Ikkinchi holatda kitobning o‘zi berilmasa

ham, yordam berishga tayyorlik e’tirof etiladi. Boshlang‘ich formulaning bir xilligi natija uchun minnatdorchilik bildirish bilan taklifni ijobiy baholash o‘rtasidagi farqni yo‘qotmaydi.

Madaniy talqin uchun bu farq muhim: olingan buyum ham, ko‘rsatilgan e’tibor ham qadriyat bo‘lishi mumkin. Alohida so‘zlarni so‘zma-so‘z qiyoslashda mazkur tarkibiy qism ko‘zga tashlanmaydi. Ko‘rib chiqilayotgan modellarda keyingi izoh adresatga so‘zlovchi yordamni qabul qilayotganini yoki qilmayotganini tushunishga imkon beradi. Shu bois tahlil birligi sifatida alohida formulani emas, minnatdorchilik replikasini u javob bo‘layotgan harakat bilan birga olish maqsadga muvofiq.

Sxemani amalda madaniyatlararo vaziyatlarni muhokama qilishda qo‘llash mumkin. Ishtirokchilarga qisqa dialogda minnatdorchilikning asosini aniqlash, baholovchi izoh yoki tilakni ajratish va u olib tashlanganda nima o‘zgarishini tushuntirish taklif etiladi. Masalan, kengaytirilgan replikani спасибо yoki rahmat shakligacha qisqartirish minnatdorchilik ifodasini saqlaydi, biroq yordam natijasi haqidagi ma’lumotni yo‘qotishi mumkin. Bunday topshiriq mazmunni talqin qilishga qaratilgan; ushbu ishda o‘quv usulining samaradorligi eksperimental tekshirilmaydi.

Natijalar va xulosalar

Qiyoslash minnatdorchilik replikasining uch mazmuniy tarkibiy qismini farqlash imkonini berdi: olingan ne’mat yoki ko‘rsatilgan e’tiborni e’tirof etish, xatti-harakat ahamiyatini baholash va adresatga ezgulik tilash. Qisqa спасибо va rahmat formulalari minnatdorchilikni ifodalash vazifasi jihatidan qiyoslanadi. Biroq replikani kengaytirish asosiy so‘zni almashtirishning o‘zi orqali berilmaydigan yangi mazmunni kiritishi mumkin. Ezgu tilak kelajakdagi farovonlik istiqbolini shakllantiradi, asosning izohlanishi esa yordamning so‘zlovchi uchun qadrini ochib beradi.

Minnatdorchilikning madaniy ma’nolari yordam oluvchi bilan uni ko‘rsatuvchi o‘rtasidagi munosabatlarni anglashning tilda mavjud usullarida namoyon bo‘ladi. Ko‘rib chiqilgan material ushbu usullarni milliy madaniyatlarni samimiylik, hissiylik yoki xushmuomalalik bo‘yicha qarama-qarshi qo‘ymasdan tavsiflash mumkinligini ko‘rsatadi. Taklif etilgan sxema formula ma’nosini minnatdorchilikning asosi va uning dialogdagi o‘rni bilan bog‘laydi. Tadqiqotning cheklovi materialning lug‘aviy xususiyati va tahliliy modellardan foydalanilganligidadir. Keyingi tekshiruv kundalik va rasmiy vaziyatlar farqlangan, o‘zaro qiyoslash mumkin bo‘lgan ruscha va o‘zbekcha suhbatlar korpusini talab etadi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Floyd S., Rossi G., Baranova J., Blythe J., Dingemanse M., Kendrick K. H., Zinken J., Enfield N. J. Universals and cultural diversity in the expression of gratitude // Royal Society Open Science. 2018. Vol. 5, no. 5. Article 180391. DOI: 10.1098/rsos.180391.

2.Спасибо // Словари портала «Грамота.ру». URL: https://gramota.ru/poisk?mode=all&query=спасибо (murojaat sanasi: 13.10.2026).

3. Rahmat // Izoh.uz: O‘zbek tilining izohli lug‘ati. URL: https://izoh.uz/word/rahmat (murojaat sanasi: 13.10.2026).

4.Tashakkur // Izoh.uz: O‘zbek tilining izohli lug‘ati. URL: https://izoh.uz/word/tashakkur (murojaat sanasi: 13.10.2026).

5. Baraka // Izoh.uz: O‘zbek tilining izohli lug‘ati. URL: https://izoh.uz/word/baraka (murojaat sanasi: 13.10.2026).

6. Ответ справочной службы на вопрос № 323471 // Грамота.ру. URL: https://gramota.ru/spravka/vopros/323471 (murojaat sanasi: 13.10.2026).

10.7. Ответ справочной службы на вопрос № 269191 // Грамота.ру. URL: https://gramota.ru/spravka/vopros/269191 (murojaat sanasi: 13.10.2026).

RUS-O‘ZBEK BILINGVAL MULOQOTIDA XUSHMUOMALA MUROJAAT SHAKLLARI

Turaeva Dilfuza Daminovna
Iqtisodiyot va pedagogika universiteti dotsenti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada rus-o‘zbek bilingval muloqotidagi xushmuomala murojaat shakllari qiyosiy va kontekstual-pragmatik usullarda o‘rganiladi. Olmoshlar hamda aka va opa murojaatlarining vazifasi suhbatdoshlar munosabati va muloqot sharoitiga bog‘liqligi ko‘rsatiladi. Lug‘at misollari asosida murojaatni tanlash va uning kommunikativ vazifasini tarjimada saqlashga qaratilgan o‘quv tahlili tartibi taklif etiladi.*

Kalit so‘zlar: *Bilingvizm, rus-o‘zbek muloqoti, qiyosiy pragmatika, nutq odobi, murojaat, xushmuomalalik, pragmatik ko‘chirish.*

Аннотация. *В статье с помощью сравнительно-прагматического и контекстуально-прагматического методов исследуются формы вежливого обращения в русско-узбекском двуязычном общении. Показано, что функция местоимений и обращений к брату и сестре зависит от отношений собеседников и условий общения. На основе словарных примеров предложен метод педагогического анализа, направленный на выбор обращения и сохранение его коммуникативной функции в переводе.*

Ключевые слова: *двуязычие, русско-узбекское общение, сравнительная прагматика, речевой этикет, обращение, вежливость, прагматический перенос.*

Abstract. *The article compares polite address forms in Russian–Uzbek bilingual communication using comparative and contextual pragmatic methods. Pronouns and the terms aka and opa are examined in relation to interpersonal relationships and communicative settings. Dictionary examples inform a classroom procedure for choosing address forms and preserving their communicative function in translation.*

Keywords. *Bilingualism, Russian-Uzbek communication, contrastive pragmatics, speech etiquette, forms of address, politeness, pragmatic transfer.*

Muammoning qo‘yilishi

Bir tildan ikkinchi tilga o‘tishda bilingv nafaqat so‘zlar va grammatik konstruksiyalarni, balki suhbatdosh bilan munosabatini ifodalash usulini ham tanlaydi. Bu vazifa, ayniqsa, suhbat boshida yaqqol namoyon bo‘ladi: adresatning e’tiborini jalb etish,

iltimos bilan murojaat qilish va norasmiylikning maqbul darajasini belgilash zarur. Shaklan to‘g‘ri tuzilgan nutqiy ifoda ham muloqot sharoitiga qo‘shimcha ravishda moslashtirilishi mumkin. Shu bois murojaat vositalarini qiyoslash tilshunoslik hamda rus va o‘zbek tillarini o‘qitish uchun ahamiyatlidir.

A. A. Muminova o‘zbek tilidagi sen va siz shakllarining ijtimoiy va hissiy ma’nolarini ko‘rib chiqib, ularning qo‘llanishidagi turlichalikni qayd etadi [1]. T. E. Alimov va M. E. Kupriyanova ikki tildagi salomlashish va murojaat shakllarini, jumladan, qarindoshlik atamalari hamda ism va ota ismi bilan murojaat qilishni qiyoslaydi [2]. Mazkur tadqiqot uchun aniqroq savol muhim: muayyan murojaat usullarining funksional muvofiqligini ularni tashkil etuvchi so‘zlar tarjimasiga bog‘lab qo‘ymasdan, qaysi belgilar asosida aniqlash mumkin?

Tadqiqotning maqsadi rus va o‘zbek tillaridagi murojaat vositalarini qiyoslashning kontekstual asoslarini aniqlash hamda ularni o‘quv vaziyatida tahlil qilish tartibini taklif etishdir. Lug‘aviy muvofiqlik bilan kommunikativ jihatdan o‘rinlilik o‘rtasidagi farq ko‘rib chiqiladi. Ishning hissasi uch vazifani izchil ajratishdan iborat: birlik ma’nosini aniqlash, uning vazifasini belgilash va shu vazifani boshqa tilda ifodalash vositasini tanlash.

Tadqiqot materiali va metodlari

Tadqiqotning daliliy asosini Izoh.uz elektron manbasidagi sen, aka va opa lug‘at maqolalari [3–5], shuningdek, ikki ilmiy nashrdagi nutq odobiga oid tavsiflar tashkil etadi [1; 2]. Lug‘atdagi izohlar va misollar tahlil qilinadi; foydalanuvchilarning sharhlaridan foydalanilmaydi. Bunday material qayd etilgan ma’nolarni qiyoslash va ularning pragmatik talqinini taklif etish imkonini beradi, biroq shakllarning bilingvlarning zamonaviy nutqida qo‘llanish chastotasini aniqlashga asos bo‘lmaydi.

Qiyosiy metod, lug‘aviy ma’nolar tahlili va kontekstual-pragmatik modellashtirish qo‘llanadi. Qiyoslash birligi sifatida murojaat vositasi uni tanlash shartlari bilan birgalikda olinadi. Har bir birlikning bevosita ma’nosi, adresatga munosabati va kommunikativ vazifasini ifodalashning mumkin bo‘lgan usuli aniqlanadi. «Murojaat» atamasi keng kommunikativ ma’noda qo‘llanadi: olmosh orqali murojaat qilish ot bilan ifodalangan murojaatlar bilan bir qatorda ko‘rib chiqiladi, ammo ularning sintaktik xususiyatlari aynanlashtirilmaydi.

Ishda materialning uch turi farqlanadi: nashr etilgan lug‘at misoli, muallif taklif qilgan ruscha variant va maxsus tuzilgan o‘quv vaziyati. Misollarning tarjimalari lug‘atdan olingan misol yoki haqiqiy suhbat yozuvi sifatida taqdim etilmaydi. Mustaqil so‘rov, eksperiment va talabalar nutqini kuzatish ishlari o‘tkazilmagan; xulosalar tanlangan vositalarning sifat tahliliga asoslangan qiyosiga taalluqlidir.

Olmosh orqali murojaat qilishda shakllar va tanlash shartlarining muvofiqligi

Rus tilidagi ты va o‘zbek tilidagi sen, shuningdek, вы va siz juftliklari qiyoslashning boshlang‘ich yo‘nalishini belgilaydi. Biroq xushmuomalalikni tahlil qilishda, avvalo, nutq bir kishiga yoki bir necha kishiga qaratilganini aniqlash zarur. Mazkur ishda, asosan, yakka adresat ko‘rib chiqiladi. Bunday chegaralashda qiyoslash predmeti faqat grammatik shaxs va sonning emas, balki ishtirokchilar o‘rtasidagi munosabatlarning ifodalanishi bo‘ladi.

Izoh.uz lug‘atining sen maqolasida ushbu shaklning o‘zidan kichik yoki yaqin kishiga nisbatan qo‘llanishi qayd etilgan [3]. Demak, shaklning o‘zi xushmuomalalik yo‘qligi haqida xulosa chiqarish uchun yetarli asos bo‘la olmaydi. A. A. Muminova tadqiqotida siz shaklining

hurmat ma’nosida qo‘llanishi bilan bir qatorda, shu shakl orqali bolaga erkalash ohangida murojaat qilish ham tavsiflangan [1, 98–100-b.]. Bu kuzatishlar «yaqinlik — masofa» bir ma’noli qarama-qarshiligining cheklanganligini ko‘rsatadi: hurmatni ifodalovchi shakl hissiy iliqlik bilan uyg‘unlashishi mumkin.

Qiyoslashdan quyidagi metodik xulosa kelib chiqadi: olmosh tanlovini izohlash kamida zarur kontekstni qamrab olishi kerak. O‘quv topshirig‘ida adresatning yoshini ko‘rsatishning o‘zi yetarli emas. Suhbatdoshlarning tanishligi, vaziyat va avvaldan shakllangan muloqot usuli haqida ma’lumot zarur. Agar bunday ma’lumotlar bo‘lmasa, turlicha asoslangan bir necha yechimga yo‘l qo‘yiladi. Bu kutilgan shaklni topishni emas, kommunikativ yechimning asoslanganligini baholash imkonini beradi.

Bilingvning boshqa tilga o‘tishini ham munosabatlarning o‘zgarishi sifatida avtomatik talqin qilish kerak emas. Ikki tanish kishining modellashtirilgan suhbatida til almashishi avvaldan qabul qilingan rasmiylik darajasining saqlanishi bilan birga kechishi mumkin. Shu sababli dialogni tarjima qilishda ikki savolni alohida qo‘yish foydali: nutqiy ifoda tili o‘zgardimi va so‘zlovchining adresatga nisbatan munosabati o‘zgardimi? Bu o‘zgarishlarning bir vaqtda yuz bergani kontekst orqali tasdiqlanishi lozim.

Aka va opa murojaatlarini so‘zma-so‘z tarjima qilish chegaralari

Aka va opa lug‘at maqolalarida qarindoshlik ma’nolari ham, hurmatni ifodalovchi murojaat ma’nolari ham qayd etilgan [4; 5]. Tahlilda oila a’zosini nomlash bilan qarindosh bo‘lmagan kishi bilan aloqa o‘rnatishni farqlash muhim. Bir xil leksik shakl bunday holatlarda turli vazifalarni bajaradi; tarjimada tanlangan ma’no hisobga olinishi kerak.

Aka maqolasida quyidagi misol keltirilgan: «Aka, eski shaharga qaysi avtobus qatnaydi?» [4]. Notanish erkakdan yo‘nalish haqida so‘rash vaziyatida muallif taklif qiladigan funksional tarjima shunday bo‘lishi mumkin: «Подскажите, пожалуйста, какой автобус идёт в старый город?» Bu yerda hurmat bilan aloqa o‘rnatish iltimos shakli va пожалуйста so‘zi orqali ifodalanadi. Aka so‘ziga mos keluvchi alohida ot yo‘q, biroq murojaatning kommunikativ vazifasi saqlanadi. Ushbu yechim ko‘rsatilgan vaziyatga taalluqli bo‘lib, so‘zning doimiy tarjimasi sifatida taklif etilmaydi.

Opa maqolasida «Opa, nima ish bilan shug‘ullanasiz?» misoli berilgan [5]. Uning ruscha varianti «Скажите, пожалуйста, чем вы занимаетесь?» shaklida bo‘lishi mumkin. Tegishli kontekst mavjud bo‘lsa, suhbatdoshlarga ma’lum ism yoki ism va ota ismi bilan murojaat qilishga ham yo‘l qo‘yiladi. Variantlardan birini tanlash suhbat sharoiti bilan belgilanadi; betaraf tarjima dastlabki replikada ifodalanmagan qarindoshlik haqidagi ma’lumotni qo‘shmasligi kerak.

Opa so‘zining hurmat ma’nosida qo‘llanishi izohida nafaqat yoshi katta, balki ayrim hollarda yoshi kichik ayolga ham murojaat qilish mumkinligi alohida ahamiyatga ega [5]. Demak, ushbu birlik ma’nosini faqat «opa», ya’ni rus tilidagi «старшая сестра» qarindoshlik ma’nosi bilan to‘liq tavsiflab bo‘lmaydi. Taklif etilgan tahlilda so‘zning leksik kelib chiqishi va muayyan muloqotdagi vazifasini alohida hisobga olish lozim. Bunda mazkur xulosa barcha qarindoshlik atamalariga yoki o‘zbek nutqining barcha ko‘rinishlariga avtomatik tatbiq etilmaydi.

Qiyoslash funksional muvofiqlik turli hajmdagi birliklar o‘rtasida o‘rnatilishi mumkinligini ko‘rsatadi. Bitta murojaatga ruscha replikaning butun bir qismi: kirish vazifasidagi iltimos, olmosh shakli va xushmuomalalikni ifodalovchi qo‘shimcha vosita mos

kelishi mumkin. Shu sababli tarjimada alohida otning yo‘qligi hurmat munosabati yo‘qolganini anglatmaydi. Nutqiy ifoda yaxlit holda hamda uni berilgan vaziyatda qo‘llash imkoniyati nuqtayi nazaridan tekshirilishi kerak.

Bilingval muloqot va o‘quv modellashtirishi

Mazkur ishda pragmatik ko‘chirish boshqa tildan foydalanishda muloqotni tashkil etishning odatiy usulini qo‘llash deb tushuniladi. Bu har qanday aralash nutqiy ifodaga xato sifatida baho berish vositasi emas, balki yuzaga kelishi mumkin bo‘lgan qiyinchiliklarni tahlil qilish uchun qo‘llanadigan ishchi kategoriyadir. Ruscha replika tarkibida aka yoki opa so‘zining saqlanishi o‘z-o‘zidan xatoni isbotlamaydi: bu shakl ishtirokchilarga tushunarlimi va mazkur muloqot doirasida qabul qilinganmi, shuni aniqlash zarur. Muayyan hamjamiyatni kuzatmasdan, bunday qo‘llanishga yagona baho berib bo‘lmaydi.

Uchta o‘quv vaziyati taklif etiladi. Birinchisi — notanish kishidan yo‘nalish haqida so‘rash. Ta’lim oluvchi aka so‘zi ishtirok etgan lug‘at misolini iltimosning ruscha varianti bilan qiyoslaydi, so‘ng suhbatni hurmat bilan boshlashni qaysi vositalar ta’minlayotganini izohlaydi. Bunda mezon mos keluvchi so‘zlarning majburiy soni emas, vazifaning saqlanishi bo‘ladi.

Ikkinchi vaziyat — ismi va ota ismi ma’lum bo‘lgan o‘qituvchi bilan suhbat. Ruscha replika uchun shart beriladi: ushbu o‘quv guruhida ism va ota ismi bilan murojaat qilish qabul qilingan. Vazifa tegishli shaklni tanlash hamda o‘zbekcha variant uchun qanday qo‘shimcha ma’lumotlar zarurligini muhokama qilishdan iborat. O‘qituvchining yoshi yoki mashg‘ulot tili alohida olinganda to‘liq javob bermaydi. Topshiriq sharti mahalliy me’yorni maxsus belgilaydi va uni barcha ta’lim tashkilotlari uchun umumiy qoida sifatida ko‘rsatmaydi.

Uchinchi vaziyat — avvaldan norasmiy murojaat qilishga kelishib olgan tanishlarning suhbat davomida tilni almashtirishi. Ta’lim oluvchi berilgan munosabatlarni tarjimada saqlaydi va olmosh tanlovini izohlaydi. Keyin shart o‘zgartiriladi: xuddi shu suhbat ishtirokchilarni rasmiy tanishtirish chog‘ida kechadi. Variantlarni qiyoslash bir kishi har doim bir xil shaklni tanlaydi, degan taxminsiz vaziyatning ta’sirini muhokama qilishga imkon beradi.

Topshiriqni bajarish tartibi to‘rt bosqichni qamrab oladi: adresat va replika maqsadini aniqlash; ma’lum munosabatlar va muloqot sharoitini belgilash; tarjima tilidagi vositalarni tanlash; saqlangan vazifa va mumkin bo‘lgan muqobil variantni izohlash. Javob berilgan sharoitga muvofiqligi, kommunikativ maqsadning saqlanishi va izoh sifati bo‘yicha baholanadi. Ushbu tartibning samaradorligi alohida sinovdan o‘tkazishni talab etadi; mazkur maqolada u metodik modellashtirish natijasi sifatida taklif etiladi.

Natijalar va xulosalar

Sifat tahliliga asoslangan qiyoslash uchta natijani ajratish imkonini beradi. Birinchidan, olmosh shakllarining muvofiqligi suhbatdoshlar o‘rtasidagi munosabatlar tahlilining o‘rnini bosa olmaydi. Ikkinchidan, aka va opa so‘zlarining qarindoshlik ma’nosini murojaat vazifasida qo‘llanishidan ajratish zarur: so‘zma-so‘z tarjima asl nutqiy ifodada bo‘lmagan qarindoshlik ma’nosini kiritishi mumkin. Uchinchidan, hurmat vazifasi bir nechta vositaning birikishi orqali ifodalanishi mumkin, shu bois kontekstdagi replikani baholash birligi sifatida olish maqsadga muvofiq.

Ishning amaliy natijasi rus-o‘zbek qiyosiy pragmatikasiga oid topshiriqlarni ishlab chiqishda qo‘llash mumkin bo‘lgan murojaat tanlovini asoslash tartibidir. U vaziyatni hisobga

olgan holda tilga oid yechimni izohlash qobiliyatini rivojlantirishga qaratilgan. Materialning cheklanganligi qiyinchiliklarning tarqalganligi yoki bilingvlar guruhlari o‘rtasidagi farqlar haqida xulosa chiqarishga imkon bermaydi. Keyingi tadqiqotda taklif etilgan mezonlarni yagona tartib asosida yig‘ilgan dialoglar va ta’lim oluvchilarning javoblarida tekshirish, bunda til shakli, so‘zlovchi niyati va adresat talqinini farqlash mumkin.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Муминова А. А. Узбекский речевой этикет: сен (ты), сиз (вы, Вы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 3. С. 95–103. URL: https://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/article/view/7273 (murojaat sanasi: 13.10.2026).

2. Алимов Т. Э., Куприянова М. Е. Социокультурная специфика этикетных форм приветствий и обращений в узбекском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 11. С. 3902–3911. DOI: 10.30853/phil20240550.

3. Sen // Izoh.uz: O‘zbek tilining izohli lug‘ati. URL: https://izoh.uz/word/sen (murojaat sanasi: 13.10.2026).

4. Aka // Izoh.uz: O‘zbek tilining izohli lug‘ati. URL: https://izoh.uz/word/aka (murojaat sanasi: 13.10.2026).

11.5. Opa // Izoh.uz: O‘zbek tilining izohli lug‘ati. URL: https://izoh.uz/word/opa (murojaat sanasi: 13.10.2026).

ПРОБЛЕМЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТРЁХ ЯЗЫКАХ

Шодихонов С. М.
доцент кафедры лингвистики
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются семантические и лексикографические особенности военной терминологии в узбекском, русском и английском языках. Особое внимание уделяется сопоставительному анализу терминологических единиц, отражающих традиционные военные понятия, а также современные явления, связанные с развитием беспилотных технологий, кибербезопасности и гибридных форм ведения войны.*

Ключевые слова: *военная терминология, семантика, лексикография, сопоставительное языкознание, терминологическая система, узбекский язык, русский язык, английский язык, перевод, многязычный словарь.*

Abstract. *The article examines the semantic and lexicographic features of military terminology in Uzbek, Russian, and English. Particular attention is paid to the comparative analysis of*

terminological units representing traditional military concepts, as well as contemporary phenomena associated with the development of unmanned technologies, cybersecurity, and hybrid warfare.

Keywords: *military terminology, semantics, lexicography, contrastive linguistics, terminological system, Uzbek language, Russian language, English language, translation, multilingual dictionary.*

Annotatsiya. *Maqolada o‘zbek, rus va ingliz tillaridagi harbiy terminologiyaning semantik va leksikografik xususiyatlari ko‘rib chiqiladi. An’anaviy harbiy tushunchalarni ifodalovchi terminologik birliklar, shuningdek, uchuvchisiz texnologiyalar, kiberxavfsizlik va gibrid urush shakllarining rivojlanishi bilan bog‘liq zamonaviy hodisalarning qiyosiy tahliliga alohida e’tibor qaratiladi.*

Kalit so‘zlar: *harbiy terminologiya, semantika, leksikografiya, qiyosiy tilshunoslik, terminologik tizim, o‘zbek tili, rus tili, ingliz tili, tarjima, ko‘p tilli lug‘at.*

Военная терминология представляет собой специализированную часть лексической системы языка, отражающую понятийную структуру военной науки, организацию вооружённых сил, виды вооружения, способы ведения боевых действий и современные технологии обеспечения безопасности [5]. В условиях интенсивного развития международного военно-технического сотрудничества, цифровизации военной сферы и расширения межъязыковой коммуникации особую актуальность приобретает изучение военных терминов в сопоставительном аспекте.

Сопоставительный анализ военной терминологии узбекского, русского и английского языков позволяет выявить общие закономерности формирования терминологических систем, установить национально-языковую специфику выражения специальных понятий и определить наиболее эффективные способы передачи терминов при переводе.

Цель статьи заключается в выявлении семантических и лексикографических особенностей военных терминов в узбекском, русском и английском языках на основе сопоставительного анализа терминологических соответствий.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

1. Раскрыть основные теоретические положения изучения военной терминологии.
2. Сопоставить отдельные терминологические единицы узбекского, русского и английского языков.
3. Выявить особенности межъязыковых семантических соответствий.
4. Рассмотреть основные способы перевода современных военных терминов.
5. Определить принципы лексикографического описания военной терминологии в многоязычном словаре.

В современном языкознании термин рассматривается как языковая единица, обозначающая специальное понятие определённой области знания или профессиональной деятельности [1]. В отличие от общеупотребительной лексики, термин функционирует в рамках конкретной понятийной системы, где его значение определяется не только языковыми характеристиками, но и профессиональным контекстом.

Военная терминология обладает рядом специфических признаков. К ним относятся системность, функциональная направленность, относительная точность

значения, наличие устойчивых терминологических сочетаний и зависимость отдельных значений от конкретной военной области.

Например, английский термин *intelligence* в общем языке может обозначать интеллект или умственные способности, тогда как в военно-профессиональном контексте он употребляется в значении разведывательной информации или разведывательной деятельности. Следовательно, выбор эквивалента зависит от контекста и обозначаемого понятия.

В узбекском, русском и английском языках военные термины формируются посредством различных языковых механизмов: словообразования, словосложения, заимствования, калькирования и семантической специализации общеупотребительной лексики [2].

Сопоставительное изучение данных механизмов позволяет установить, какие терминологические единицы обладают прямыми эквивалентами, какие требуют контекстуального уточнения, а какие нуждаются в описательном переводе.

При этом необходимо учитывать, что формальное сходство терминов не всегда свидетельствует о полном совпадении их содержания. Для установления эквивалентности требуется анализ понятия, его признаков, функциональной сферы и контекстов употребления [3].

Для выявления общих и специфических характеристик военной терминологии целесообразно рассмотреть терминологические единицы, относящиеся к традиционной военной сфере и современным направлениям военной деятельности.

Таблица 1. Сопоставление военных терминов в узбекском, русском и английском языках

Узбекский язык	**Русский язык**	**Английский язык**
ҳарбий стратегия (harbiy strategiya)	военная стратегия	military strategy
ҳарбий тактика (harbiy taktika)	военная тактика	military tactics
ҳарбий разведка (harbiy razvedka)	военная разведка	military intelligence
ҳарбий доктрина (harbiy doktrina)	военная доктрина	military doctrine
учувчисиз учиш аппарати (UUA)	беспилотный летательный аппарат (БПЛА)	unmanned aerial vehicle (UAV)
кибероруш (kiberurush)	кибервойна	cyberwarfare
гибрид уруш (gibrid urush)	гибридная война	hybrid warfare
ахборот уруши (axborot urushi)	информационная война	information warfare

Примечание: узбекские соответствия представлены в качестве рабочих вариантов для сопоставительного анализа; при подготовке словаря необходимо проверить их

нормативность, терминологическую закреплённость и употребление в профильных источниках.

Приведённые примеры демонстрируют несколько типов межъязыковых соответствий.

Во-первых, наблюдаются случаи структурного и семантического сходства, когда терминологические единицы имеют близкую модель построения. Например, сочетания *военная стратегия*, *military strategy* и *harbiy strategiya* передают сопоставимое специальное понятие посредством соответствующих языковых средств.

Во-вторых, встречаются термины, при переводе которых необходимо учитывать сложившуюся профессиональную традицию. Так, английское *military intelligence* и русское *военная разведка* обозначают взаимосвязанные понятия, но их семантический объём в конкретном контексте может различаться. Английский термин может акцентировать сбор, обработку и анализ разведывательной информации, тогда как русское соответствие в зависимости от контекста может обозначать как деятельность, так и соответствующую систему или подразделение.

В-третьих, современные термины характеризуются высокой динамичностью. Понятия *cyberwarfare*, *hybrid warfare* и *unmanned aerial vehicle* отражают новые направления военной деятельности и требуют постоянного уточнения их дефиниций в терминологических словарях.

Таким образом, сопоставительный анализ показывает, что при установлении эквивалентности необходимо учитывать не только внешнюю форму термина, но и содержание обозначаемого понятия, сферу применения и функциональные особенности.

Одной из существенных характеристик современной военной терминологии является расширение понятийного поля за счёт развития информационных технологий, беспилотных систем и цифровых средств управления.

Особенно показательными являются термины, связанные с киберпространством и гибридными формами противоборства. Их семантика формируется на пересечении военной науки, информационных технологий, международной безопасности и стратегических коммуникаций.

Рассмотрим несколько примеров:

1. Cyberwarfare — кибервойна.

Данный термин связан с применением киберсредств в условиях конфликта. При его лексикографическом описании необходимо уточнять, какие действия охватываются понятием в конкретном источнике: кибероперации, направленные на нарушение функционирования информационных систем, воздействие на цифровую инфраструктуру или иные действия в киберпространстве. Эти категории нельзя автоматически считать полностью тождественными.

2. Hybrid warfare — гибридная война.

Термин обозначает сложные формы противоборства, при которых сочетаются различные военные и невоенные инструменты воздействия. Его интерпретация может зависеть от научной школы, доктринального документа и политико-военного контекста. Поэтому словарная статья должна включать не только переводной эквивалент, но и дефиницию, раскрывающую основные признаки понятия.

3. Unmanned aerial vehicle — беспилотный летательный аппарат.

В данном случае важным аспектом является разграничение названия конкретного аппарата, беспилотной авиационной системы и более широкого понятия беспилотной системы. В зависимости от контекста английские обозначения *UAV, unmanned aircraft system (UAS)* и *drone* могут иметь различный объём значения. Следовательно, их нельзя во всех случаях использовать как абсолютные синонимы.

Эти примеры подтверждают, что семантическое исследование военных терминов должно включать компонентный анализ значения, изучение контекстов употребления и установление межъязыковых отношений между понятиями.

С точки зрения сопоставительного языкознания особый интерес представляет выявление случаев частичной эквивалентности, когда два термина обозначают близкие, но не полностью совпадающие понятия. Такие случаи требуют специальных помет в переводных словарях и комментариев, предотвращающих смысловые ошибки.

Лексикографическое описание военной терминологии предполагает систематизацию терминов, установление их дефиниций, выявление межъязыковых соответствий и фиксацию особенностей употребления [4].

Кроме того, современная военная терминология требует регулярного обновления. Появление новых технологий и изменение профессиональных стандартов приводят к возникновению новых терминов, изменению существующих дефиниций и закреплению новых сокращений. В связи с этим перспективным направлением является создание электронного трёхъязычного терминологического ресурса с возможностью поиска по термину, дефиниции, тематической области и языку.

При переводе военной терминологии между узбекским, русским и английским языками могут применяться несколько основных способов.

Калькирование. Используется при передаче структурных компонентов исходного термина средствами другого языка, если полученная конструкция соответствует языковым нормам и профессиональному употреблению.

Транслитерация и заимствование. Применяются в случаях, когда иноязычная форма закрепилась в терминологической системе принимающего языка либо её сохранение необходимо для точной идентификации понятия.

Подбор функционального эквивалента. Предполагает использование существующего термина, обозначающего соответствующее или максимально близкое понятие в языке перевода.

Описательный перевод. Используется, если в языке перевода отсутствует устойчивый и достаточно точный эквивалент либо требуется раскрыть содержание нового понятия.

Контекстуальная конкретизация. Применяется тогда, когда многозначный термин приобретает специальное значение в определённой профессиональной ситуации.

Выбор способа перевода должен определяться не только языковой формой, но и понятийным содержанием термина, степенью его стандартизации и адресатом текста [2].

Например, при переводе термина *intelligence* необходимо учитывать, относится ли он к разведывательной деятельности, разведывательной информации или

интеллектуальным способностям. Аналогичным образом перевод терминов, связанных с беспилотными системами, требует разграничения отдельных технических объектов и систем более широкого уровня.

Следовательно, точность перевода военных терминов обеспечивается сочетанием лингвистического анализа, знания специальной предметной области и использования проверенных терминологических источников.

Заключение. Проведённый сопоставительный анализ позволяет сделать вывод о том, что военная терминология узбекского, русского и английского языков представляет собой динамичную систему специальных обозначений, отражающую развитие военной науки, техники и международной профессиональной коммуникации.

Сопоставление терминологических единиц показывает наличие структурно близких соответствий, случаев частичной семантической эквивалентности и терминов, требующих контекстуального уточнения. Особенно заметны эти особенности в сфере кибервойны, гибридных форм противоборства и беспилотных технологий.

Установлено, что лексикографическое описание военных терминов должно основываться на системном разграничении понятий, проверке переводных соответствий и фиксации функциональных особенностей употребления. Важнейшими компонентами словарной статьи выступают заголовочный термин, дефиниция, межъязыковые эквиваленты, тематическая помета, контекст и источник терминологической информации.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при подготовке трёхъязычных военных словарей, разработке учебных материалов, переводе специализированных текстов и совершенствовании терминологической работы.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением сопоставительного материала, формированием корпуса военных терминов трёх языков, изучением терминологии гибридной войны и кибербезопасности, а также разработкой модели многоязычной словарной статьи, обеспечивающей точность и последовательность лексикографического описания.

Список использованной литературы

1. Cabré, M. T. *Terminology: Theory, Methods and Applications*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999.
2. Sager, J. C. *A Practical Course in Terminology Processing*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1990.
3. ISO 704:2022. *Terminology work — Principles and methods*. International Organization for Standardization, 2022.
4. ISO 1087:2019. *Terminology work and terminology science — Vocabulary*. International Organization for Standardization, 2019.
5. Военный энциклопедический словарь / под ред. Н.В. Огаркова. – Москва: Воениздат, 1983. – 863 с.

INGLIZ VA O‘ZBEK DRAMATURGIYASIDA SO‘Z O‘YINING PRAGMATIK VA ESTETIK FUNKSIYALARI QIYOSIY TAHLILI

Absamadov Bahodir Urozovich
filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori (PhD),
Turon universiteti Xorijiy tillar kafedrasi dotsenti v.b.
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. Maqolada so‘z o‘yini komediya poetikasining tarkibiy unsuri sifatida ingliz va o‘zbek dramaturgiyasida qiyosiy o‘rganiladi. Tadqiqot uchun U. Shekspirning “O‘n ikkinchi kecha yoki turfa hangomalar”, “Venetsiya savdogari”, “Qiyiq qizning quyilishi” komediyalari, Hamza Hakimzoda Niyoziyning “Burungi qozilar yoki Maysaraning ishi” hamda Komil Avazning “O‘g‘iltoy” asarlari tanlab olindi. Qiyosiy-tipologik va kontekstual tahlil yordamida so‘z o‘yinining personaj nutqini individuallashtirish, komik konfliktni keskinlashtirish, muallif bilan tomoshabin o‘rtasida yashirin muloqot o‘rnatish va satirik baho ifodalashdagi o‘rni aniqlanadi. Ikkala dramaturgiyada so‘z o‘yini umumiy kulgi mexanizmiga tayanadi. Ingliz komediyasida u ko‘proq hozirjavoblik bellashuvi va so‘z san’atining erkin namoyishi bo‘lib xizmat qilsa, askiya an’anasidan oziqlangan o‘zbek komediyasida ijtimoiy-satirik va axloqiy-didaktik vazifani bajaradi. Bu farq milliy komediya an’analari va estetik qarashlarning o‘ziga xosligi bilan izohlanadi.

Kalit so‘zlar: so‘z o‘yini, komediya poetikasi, dramaturgiya, komik konflikt, personaj nutqi, satira, kinoya, qochirim, askiya, U. Shekspir, Hamza Hakimzoda Niyoziy, Komil Avaz.

Аннотация. В статье игра слов рассматривается в сравнительном аспекте как структурный элемент поэтики комедии в английской и узбекской драматургии. Материалом исследования послужили комедии У. Шекспира «Двенадцатая ночь, или что угодно», «Венецианский купец», «Укрощение строптивой», пьеса Хамзы Хакимзаде Ниязи «Прежние казии, или проделки Майсары», а также произведение Комила Аваза «O‘g‘iltoy». На основе сравнительно-типологического и контекстуального анализа выявляется роль игры слов в индивидуализации речи персонажей, обострении комического конфликта, создании скрытого диалога между автором и зрителем, а также выражении сатирической оценки. Установлено, что в обеих драматургических традициях игра слов опирается на общие механизмы создания комического эффекта. Однако в английской комедии она преимущественно выступает средством словесного состязания и демонстрации речевого мастерства, тогда как в узбекской комедии, восходящей к традиции аскии, выполняет социально-сатирическую и нравственно-дидактическую функции. Выявленные различия обусловлены своеобразием национальных комедийных традиций и эстетических представлений.

Ключевые слова: игра слов, поэтика комедии, драматургия, комический конфликт, речь персонажа, сатира, ирония, намёк, аския, У. Шекспир, Хамза Хакимзаде Ниязи, Комил Аваз.

Abstract. The article examines wordplay as a structural element of comic poetics through a comparative study of English and Uzbek drama. The material comprises W.

Shakespeare's "Twelfth night, or what you will", "The merchant of Venice" and "The taming of the shrew", Hamza Hakimzoda Niyoziy's "Burungi qozilar yoki Maysaraning ishi" ("The former judges, or Maysara's trick") and Komil Avaz's "O'g'iltoy". Comparative-typological and contextual analysis is used to identify the role of wordplay in individualising characters' speech, intensifying comic conflict, establishing implicit communication between author and audience, and conveying satirical judgement. In both traditions wordplay rests on a common comic mechanism. In English comedy it serves mainly as a contest of wit and a free display of verbal art, while in uzbek comedy, which draws on the askiya tradition, it performs a socio-satirical and moral-didactic function. This difference is attributed to the distinctive national comic traditions and aesthetic outlooks.

Keywords: wordplay, poetics of comedy, drama, comic conflict, character speech, satire, irony, innuendo, askiya, W. Shakespeare, Hamza Hakimzoda Niyoziy, Komil Avaz.

Komediyada kulgi ko'pincha so'zning o'zidan tug'iladi. Bu janrda so'z o'yini bezak vazifasini bajarmaydi. U personaj xarakterini ochadi, komik vaziyatni harakatga keltiradi, muallifning voqelikka munosabatini bilvosita ifodalaydi. Turli milliy adabiyotlar komediyalarida so'z o'yinining pragmatik (tomoshabinga ta'sir va u bilan muloqot) hamda estetik (badiiy-obrazli) vazifalarini qiyosiy o'rganish komediya poetikasidagi umumiy va milliy xususiyatlarni ajratib olishga yordam beradi. So'z o'yinida xalqning hazil-mutoyiba an'analari aks etgani uchun u ingliz va o'zbek komediya maktablarining ijodiy uslublarini solishtirishda qulay mezon bo'la oladi.

D. Delabastita so'z o'yinini "qo'llanilayotgan til(lar)ning struktur xususiyatlaridan foydalanib, shakli ko'proq yoki kamroq o'xshash, ma'nosi esa ko'proq yoki kamroq farqli bo'lgan ikki (yoki undan ortiq) lingvistik strukturani kommunikativ jihatdan ahamiyatli tarzda to'qnashtiradigan turli matn hodisalarining umumiy nomi" deb ta'riflaydi [1]. Adabiyotshunos uchun bu ta'rifdagi "kommunikativ ahamiyat" tushunchasi muhim. Dramatik asarda so'z o'yini sahna bilan zal o'rtasidagi muloqotda yashaydi, tomoshabin uni anglab, baholagan paytdagina badiiy ta'sir kuchiga ega bo'ladi. V. Raskin hazilli matnning mohiyatini quyidagicha belgilaydi: "(i) matn to'liq yoki qisman ikki xil skriptga mos keladi; (ii) matn mos keladigan ushbu ikki skript o'zaro alohida ma'noda qarama-qarshidir" [2]. Komediyada bunday qarama-qarshilik odatda ikki dunyoqarash, ikki ijtimoiy qatlam yoki ikki qadriyatning to'qnashuvida ko'rinadi.

Ingliz Uyg'onish davri dramaturgiyasida so'z o'yini komik effekt yaratishning yetakchi usullaridan biri edi. D. Bruster va N. Makkyuenning ta'kidlashicha, Shekspir pyesalaridagi so'z o'yinlari va kinoyalar uning asarlarining markaziy, hatto belgilovchi xususiyatidir [3]. Shekspirning zamondoshi Ben Jonsonning "Yumorlar komediyasi"da (comedy of humours) so'z o'yini va pichinglar boshqacharoq vazifani bajaradi: ular personajni xasislik, maqtanchoqlik kabi muayyan illat atrofida quruvchi satirik vositaga aylanadi.

O'zbek komediyasining ildizlari payrov, qochirim va kinoyaga asoslangan askiya san'atiga borib taqaladi. Bu an'ana professional sahnaga ko'chib, Hamza Hakimzoda Niyoziydan Komil Avazgacha bo'lgan komediograflar ijodida personajlar nutqining ajralmas qismiga aylandi. Xalq kulgi madaniyatining tabiatini tushunishda M. Baxtinning karnaval kulgisi haqidagi qarashlari muhim. Olim bunday kulgining ikki yoqlama xususiyatini shunday

ta’riflaydi: “он весёлый, ликующий и – одновременно – насмешливый, высмеивающий, он и отрицает и утверждает, и хоронит и возрождает” [4]. Baxtin xalq bayram kulgisini sof satiradan farqlaydi: birinchisida kuluvchi ham kulgi obyekti bo‘lgan dunyoning bir qismi hisoblanadi. Bu farqlash quyida ko‘riladigan ingliz va o‘zbek komediyalaridagi so‘z o‘yinlarini baholashda ham asqotadi.

Shekspir ba’zan so‘z o‘yinining o‘zini personajlar munozarasining mavzusiga aylantiradi. “O‘n ikkinchi kecha yoki turfa hangomalar” komediyasidagi Viola va qiziqchi dialogi bunga yorqin misoldir [5]:

Viola. Kimki so‘zni o‘yin qilsa, keyin o‘sha so‘z ko‘cha-ko‘yga o‘yin bo‘lib ketadi.

Qiziqchi. Chunki ot ham so‘z: oti og‘izga tushsa, ko‘cha-ko‘yga gap-so‘z bo‘lib ketadi. Darhaqiqat, so‘zlarning qo‘l-oyog‘iga kishan urilgandan beri ular razillashib ketdi!

Qiziqchi so‘z haqida so‘z o‘yini orqali fikr yuritadi. Uning so‘zlar “qo‘l-oyog‘iga kishan urilgani” haqidagi iborasini shekspirshunoslar ko‘pincha davrdagi senzura va so‘z erkinligining cheklanganligiga ishora deb talqin qiladilar. Shekspir komediyalaridagi masxaraboz obrazi ham aynan shunday vazifani bajaradi: kulgili niqob ostida u boshqalar ayta olmaydigan haqiqatni aytadi.

“Venetsiya savdogari” komediyasida Gratsiano tilidan keltirilgan she’riy parchada Shekspir “dudlab pishirilgan til” taomini nutq a’zosi bo‘lgan til bilan o‘ynab, sukut haqida kinoya yaratadi [6]:

Barakalla, jim turishlik yarashur faqat
Dudlab pishirilgan tilu bikr qizlarga.

“Til” so‘zining ikki ma’nosini to‘qnashtirib, Gratsiano suhbatdoshining kamgapligini masxara qiladi. Bu piching orqali uning o‘zining sergap, hazilkash tabiati ham ko‘rinib qoladi.

“Venetsiya savdogari” komediyasida Lorenso tilidan “Istagan ahmoq so‘z o‘yini qilaverar ekan-da! Shundoq ketaversa, hademay, hozirjavoblik deb sukut saqlash sanaladi-yu, valaqlash yolg‘iz to‘tilarga qoladi” degan piching keltirilgan. Shu o‘rinda u Lanchelotning faqat dasturxon yozish qolganligini eshitib, “Bo‘lmasa, o‘zingiz yoza qoling, sinyor” desa, Lanchelot unga “Yozishmi sinyor? Hech qachon! Men o‘z haddimni bilaman” deya, so‘z o‘yini qiladi. Lorenso esa uning yana so‘zni aylantirganini ta’kidlab, undan oddiy so‘zlarni oddiychasiga tushunishni o‘tinadi. Lanchelot Lorensoga dasturxonga tortilishini, taom yozilishini bildiradi. Shunda Lorenso: “O, qaydasan, idrok? Qancha behuda so‘zlar! Nodon banda o‘tkir so‘zlar olomonini o‘z boshiga yig‘ib olmish! Aniq bilaman, ahmoqlar bor talay, o‘rni, mavqei baland. Haligidek, so‘zamollik ko‘rsatish uchun behudaga jang qilishar haqiqat bilan” deb aytadi.

Lanchelot so‘zni ataylab boshqa ma’noda tushunib, xo‘jayinini o‘z o‘yiniga tortadi. Lorensoning so‘nggi nidosi sahnaga axloqiy-falsafiy mazmun beradi, chunki haddan tashqari so‘zbozlik haqiqatni yashiruvchi “behuda jang”ga aylanib qoladi. Bu sahnada so‘z o‘yini bir vaqtning o‘zida kulgi manbai ham, shu kulgini tanqid qiluvchi mulohazaning obyekti ham bo‘lib turibdi.

“Qiyiq qizning quyilishi” komediyasida Petruchcho bilan Grumio o‘rtasida quyidagi so‘z o‘yini bo‘lib o‘tadi [7]:

Qip-qizil ahmoq u, aziz Gortenzio,
Eshikni mushtlagin dedim merovga,

Ko‘rib turibsanki, ahvol mana shu.

Grumio

Eshikni mushtlagin! O, tangrim! Axir siz o‘zingiz aytmadingizmi mana bunday deb: “Ey, Grumio, ur, ur qattiqroq, kallangga tushiraman bo‘lmasa, ur”. Endi bo‘lsa “eshikni” deysiz.

Grumio buyruqni “noto‘g‘ri” tushunib, xo‘jayin bilan xizmatkor o‘rtasidagi ierarxiyani kulgili tarzda yemiradi. Bu kichik epizod asardagi asosiy komik konflikt, ya’ni hukmronlik uchun kurashning sahna boshidagi ilk in’ikosi sifatida o‘qiladi.

O‘zbek komediyanavisi Komil Avazning “O‘g‘iltoy” komediyasida *“qassob”* so‘zi atrofida qurilgan so‘z o‘yini kuzatiladi [8]:

K. Xeshboyevich. Amaldor bu – amaldor, qassob, bu – qassob. Amaldor buyuradi, qassoblar bajaradi. Qassob yugurdak bo‘ladi.

O‘g‘iltoy. (qotib-qotib kuladi) Yugurdakmish! Mana, qassob Ali aka, ikki qavatli dang‘illama uyi bor, o‘ziyam 150 kilo atrofida, hech yugurmaydiyam, “Mersedes”da yuradi, aytgani-aytgan, degani degan. Yugurdak deysiz, qaytanga, boshqa katta odamlar import mashinalarda kelib, qo‘l qovushtirib turishadi.

Zarrinaxon. O‘g‘lim, Ali akaga bir odam qo‘l qovushtirsa, dadangga o‘nta odam qo‘l qovushtiradi.

O‘g‘iltoy. Baribir qassob zo‘r. Bolalari bir joydayam o‘qimaydi, qiladigan ishlari mol so‘yish, mazza!

Keyinroq malakasiz jarroh ham qassobga qiyoslanadi, “qassob” so‘ziga esa ohangdosh “qallob” so‘zi qo‘shiladi:

Dotsent (keskin o‘rnidan turib) Olti yil mediklikka o‘qib, hech baloyam bo‘lmabsan-da, qassob! (shahd bilan chiqib ketadi)

O‘g‘iltoy. U... u... nima dedi?

Sa’va. Qassob dedi.

O‘g‘iltoy. (dotsentning orqasidan sahna chetiga kelib) Sen, sen ming yil o‘qisang ham o‘sha... o‘sha *qassob* ham bo‘lolmaysan, *qallob!*

“Qassob” so‘zi har bir personaj nutqida yangi ma’no kasb etadi. K. Xeshboyevich uchun u “yugurdak”, O‘g‘iltoy uchun boylik va obro‘ ramzi, dotsent uchun esa haqorat. O‘g‘iltoyning “qassob ham bo‘lolmaysan, qallob!” degan javobida muallif jamiyatdagi qadriyatlar inqirozini, bilim va kasb obro‘sining moddiy boylik oldida tushib ketganini keskin satirik ruhda fosh etadi.

Hamza Hakimzoda Niyoziyning “Burungi qozilar yoki Maysaraning ishi” asarida Maysara hamda Mulla Do‘st obrazlari nutqida ham so‘z o‘yinlarini uchratamiz [9, 27]:

Майсара (Ойхоннинг кўзида ёш кўриб сезгандан юзидан ўпиб, севиб, силкиб). Ойхон, Ойхон! Йиғлабсиз, шекилли? Карнайхон, сурнайхон, эркахон, серкахон, кулиб-кулиб қўйинг, ўргилсин-а, чўргилсин, хамир кўпти тўргулсин. (Чўпон кулур.)

Мулла Дўст (бир қўлида супурги билан супуриб, ўйинга тушиб, қўшиқ айтиб).
Отим Ҳусайнжон вофуриш,
Ҳовлимда йўқ хамиртуриш.
Хотиним билан кунда уруш,
Олмай ўлайин, дейди-ё.

Maysaraning ohangdosh erkalash so‘zlarida uning hozirjavob, mehribon va tadbirkor xarakteri ochiladi. Mulla Do‘st qo‘shig‘idagi qofiyalar esa personajning kulgili ahvolini uning o‘z tili bilan fosh qiladi. Har ikki holatda xalq og‘zaki ijodi va askiya an’anasining sahnaga ko‘chgani yaqqol seziladi.

Tahlil ingliz va o‘zbek komediyalarida so‘z o‘yini murakkab pragmatik-estetik mexanizm ekanini ko‘rsatdi. Pragmatik jihatdan u muallif bilan tomoshabin o‘rtasida yashirin muloqot o‘rnatadi, ijtimoiy munosabatlar, hokimiyat va axloqiy me’yorlarni kinoya orqali baholashga imkon beradi. Estetik jihatdan esa personaj nutqini individuallashtiradi va komik konfliktni keskinlashtiradi.

Shekspir komediyalarida so‘z o‘yini asosan hozirjavoblik bellashuvi, so‘z san’atining erkin namoyishi va masxaraboz obrazi orqali berilgan yashirin tanqid shaklida yuzaga chiqadi. Bu jihatdan u Baxtin ta’riflagan ikki yoqlama bayram kulgisiga yaqin turadi. Askiya an’anasiga tayangan o‘zbek komediyalarida esa ijtimoiy illatlarni fosh etish va axloqiy baho berish birinchi o‘ringa chiqadi. Kulgi mexanizmi umumiy bo‘lsa-da, so‘z o‘yinining badiiy vazifalarini milliy komediya an’anasi va estetik qarashlar belgilaydi. Mavzuni so‘z o‘yinining badiiy tarjimada qayta yaratilishi nuqtayi nazaridan davom ettirish istiqbolli ko‘rinadi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Delabastita, D. (1996). Introduction. *The Translator, 2*(2), 127–139. https://doi.org/10.1080/13556509.1996.10798970
2. Raskin, V. (1985). *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht; Boston; Lancaster: D. Reidel Publishing Company. – 308 p.
3. Bruster, D., & McKeown, N. (2017). Wordplay in Earliest Shakespeare. Philological Quarterly, 96(3), 293-322
4. Бахтин М. М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. – 2-е изд. – Москва: Художественная литература, 1990. – 525 с.
5. В. Шекспир. *Ун иккинчи кеча ёки турфа хангомалар.* Жамол Камол таржимаси. Гофур Гулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти. 1981. – 114 б.
6. В. Шекспир. *Венеция савдогари.* Жамол Камол таржимаси. Гофур Гулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти. 1983. – 148 б.
7. В. Шекспир. *Кийик кизнинг куйилиши.* Жамол Камол таржимаси. Гофур Гулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти. 1981. – 146 б.
8. Avaz Komil. Xiva Dilbandi: (Esselar, dramalar). O‘g‘iltoy. – Toshkent: Yozuvchi nashriyoti, 1996. – 240 b.
9. Hamza Hakimzoda Niyoziy. Burungi qozilar yoki Maysaraning ishi. – Toshkent, 1997. – 56.

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕДОРАЗУМЕНИЯ В РУССКО-УЗБЕКСКОМ ОБЩЕНИИ: РОЛЬ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Сафарова Зульфия Каримовна
и. о. доцента кафедры русского языка и литературы
Университет экономики и педагогики
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются возможные причины недоразумений при интерпретации косвенных речевых актов в русско-узбекском общении. Цель работы — определить, какие расхождения между буквальным содержанием реплики и ожидаемым действием требуют уточнения. Используются прагматический анализ, сопоставление словарных иллюстраций и моделирование диалогов на русском и узбекском языках. Разграничиваются косвенная просьба, контекстно обусловленный отказ и недостаточно конкретизированное приглашение. Показано, что предположение о намерении собеседника следует проверять по предшествующей реплике, распределению действий и последующему ответу. Предложены уточняющие вопросы, позволяющие согласовать понимание без оценки национальных культур по степени прямоты. Выводы имеют теоретико-аналитический характер и не устанавливают частотность недоразумений.*

Ключевые слова: *косвенный речевой акт, коммуникативное недоразумение, прагматика, русский язык, узбекский язык, просьба, уточнение смысла.*

Annotatsiya. *Maqolada rus-o‘zbek muloqotida bilvosita nutqiy aktlarni talqin qilish bilan bog‘liq tushunmovchiliklarning mumkin bo‘lgan sabablari ko‘rib chiqiladi. Ishning maqsadi replikaning bevosita mazmuni va kutilayotgan harakat o‘rtasidagi qaysi tafovutlar aniqlashtirishni talab qilishini belgilashdir. Pragmatik tahlil, lug‘at misollarini qiyoslash hamda rus va o‘zbek tillarida dialoglarni modellashtirish usullari qo‘llanadi. Bilvosita iltimos, kontekstga bog‘liq rad javobi va yetarlicha aniqlashtirilmagan taklif farqlanadi. Suhbatdoshning niyati haqidagi taxminni oldingi replika, harakatlarning taqsimlanishi va keyingi javob asosida tekshirish zarurligi ko‘rsatiladi. Milliy madaniyatlarni to‘g‘ridan-to‘g‘ri gapirish darajasi bo‘yicha baholamasdan, o‘zaro tushunishga xizmat qiladigan aniqlashtiruvchi savollar taklif etiladi. Xulosalar nazariy-tahliliy xususiyatga ega bo‘lib, tushunmovchiliklar chastotasini belgilamaydi.*

Kalit so‘zlar: *bilvosita nutqiy akt, kommunikativ tushunmovchilik, pragmatika, rus tili, o‘zbek tili, iltimos, ma’noni aniqlashtirish.*

Abstract. *The article examines possible sources of misunderstanding when indirect speech acts are interpreted in Russian–Uzbek communication. It identifies discrepancies between literal content and expected action that require clarification. Pragmatic analysis, comparison of dictionary examples, and dialogue modelling are used. Indirect requests, context-dependent refusals, and insufficiently specified invitations are distinguished. Interpretations of speaker intention are assessed against the preceding turn, the allocation of actions, and the subsequent response. Clarification questions are proposed to support mutual*

understanding without ranking national cultures by directness. The findings are theoretical and analytical; they do not establish the frequency of misunderstandings.

Keywords: *indirect speech act, communicative misunderstanding, pragmatics, Russian, Uzbek, request, clarification.*

Проблема и цель исследования

Участники разговора могут понимать каждое слово и при этом по-разному определять, чего собеседник от них ожидает. Вопрос о возможности действия воспринимается как запрос информации, хотя говорящий рассчитывает на помощь. Сообщение о занятости принимается за начало обсуждения расписания, хотя адресат намеревался отказаться. В русско-узбекском общении такие расхождения требуют анализа конкретной последовательности реплик: само различие языков ещё не объясняет возникшее затруднение.

Цель исследования — описать механизмы возможного недоразумения при распознавании косвенной просьбы и отказа, а также отделить их от неопределённости приглашения. Коммуникативным недоразумением в работе называется расхождение между предполагаемым намерением говорящего и интерпретацией адресата, влияющее на дальнейшие действия. Наличие такого расхождения нельзя устанавливать только по необычной формулировке: необходимы сведения о том, какой ответ ожидался и как участники фактически продолжили разговор.

Теоретическая основа и материал

Дж. Серль рассматривает случаи, когда высказывание сохраняет буквальное содержание и одновременно служит выполнению дополнительного речевого действия [1]. Этот подход позволяет объяснить, каким образом сообщение может выступать просьбой, а вопрос — побуждать к поступку. Для настоящего анализа важна связь двух уровней: языковой формы реплики и её функции в совместной деятельности. Косвенность предполагает вывод о намерении; она не равнозначна любому пропуску сведений или недостаточной подробности высказывания.

Не следует также отождествлять косвенность с вежливостью. В исследовании Ш. Блум-Кулки наиболее косвенные стратегии просьбы не получили автоматически наивысших оценок вежливости [2]. Из этого результата для рассматриваемой задачи следует методологическое ограничение: степень прямоты и оценку отношения к адресату нужно анализировать раздельно. Нельзя заранее считать русскую реплику более резкой, а узбекскую — более деликатной, опираясь только на наличие вопросительной формы или намёка.

Материал работы включает словарные иллюстрации употребления mayli и marhamat [3; 4], а также специально составленные русские и узбекские диалоги. Словарные примеры подтверждают зафиксированные значения единиц; модельные диалоги позволяют варьировать контекст и прослеживать альтернативные интерпретации. Все приведённые далее ситуации, кроме прямо обозначенных словарных иллюстраций, сконструированы для анализа. Они не представлены как результаты наблюдения за определёнными участниками или как типичные случаи национального поведения.

Процедура анализа состоит в сопоставлении буквального содержания, предполагаемого намерения и возможного ответа. Затем определяется, какие сведения помогут выбрать между интерпретациями. Русские и узбекские реплики сопоставляются в одинаковой ситуации и с сохранением коммуникативных ролей. Перевод служит пояснением содержания; соответствие отдельных форм не рассматривается как доказательство полной прагматической эквивалентности.

Косвенная просьба и распределение действий

Рассмотрим модель: сотрудник держит папки и обращается к коллеге возле двери — «Вы можете открыть дверь?» Узбекский вариант для той же ситуации: «Eshikni ochib bera olasizmi?» Буквально вопрос касается возможности выполнить действие; в заданном контексте он интерпретируется как просьба открыть дверь. Ответ «Да, могу» без последующего действия удовлетворяет буквальному вопросу, но оставляет предполагаемую просьбу невыполненной. Источник расхождения связан с выбором уровня интерпретации, а не с незнанием значения слова дверь или eshik.

Однако аналогичный вопрос в другой обстановке может быть информационным. Если обсуждается неисправный замок, говорящий действительно выясняет, удаётся ли собеседнику открыть дверь. Поэтому вопросительная конструкция сама по себе не доказывает наличие косвенной просьбы. В первой модели ориентиром выступает наблюдаемая потребность в помощи; во второй — обсуждение технической возможности. При анализе записи разговора эти обстоятельства необходимо фиксировать вместе с репликой.

От просьбы выполнить действие следует отличать запрос разрешения действовать самому. В словарной статье mayli приведён диалог «Kinoga borsam maylimi? — Mayli» [3], который можно передать как «Можно мне пойти в кино? — Можно». Здесь спрашивающий предполагает собственное действие. Для ситуации с дверью различие можно показать авторской парой «Eshikni ochsam maylimi?» — «Можно мне открыть дверь?» и ранее рассмотренной просьбой к собеседнику. Похожая вопросительная организация не устраняет различий в распределении ролей.

Практическое последствие такого разграничения состоит в выборе уточняющего вопроса. Если неясно, кто должен действовать, полезно спросить: «Вы хотите, чтобы я открыл дверь?» — «Eshikni men ochishimni xohlaysizmi?» Ответ позволяет проверить конкретное предположение. В отличие от общего сообщения о непонимании, такое уточнение сразу обозначает спорный компонент и оставляет говорящему возможность подтвердить либо изменить интерпретацию.

Косвенный отказ и неоднозначность объяснения

Следующая модель начинается с предложения: «Встретимся завтра после занятий?» Ответ «Завтра у меня другие дела» сообщает об обстоятельстве, несовместимом или потенциально несовместимом со встречей. Узбекская реплика «Ertaga boshqa ishlarim bor» передаёт аналогичное содержание. Если говорящий намерен отклонить предложение, сообщение о занятости выполняет функцию косвенного отказа. Но без продолжения нельзя исключить, что он лишь предупреждает о необходимости выбрать другое время.

Адресат, который принимает объяснение за приглашение к переговорам, может начать настойчиво подбирать часы. Говорящий, считавший отказ понятным, в этой

модели способен воспринять дальнейшие предложения как давление. Возможна и обратная ситуация: готовность обсудить расписание ошибочно принимается за окончательный отказ. В обоих случаях исходная реплика остаётся грамматически правильной, а затруднение возникает при определении того, какое решение ею сообщается.

Различить эти варианты помогает продолжение. Дополнение «Поэтому встретиться не получится» делает отказ явным. Фраза «Но после шести я свободен» открывает согласование времени. До появления такого уточнения аналитик может говорить лишь о нескольких допустимых прочтениях. Соответственно, для участника разговора уместен вопрос «Другой день подойдёт?» — «Boshqa kun sizga qulaymi?» Он проверяет возможность новой договорённости, не требует раскрывать личные причины и не объявляет предыдущее объяснение неискренним.

Культурная составляющая здесь может проявляться в ожиданиях относительно достаточности объяснения. Один участник считает сообщение о препятствии завершённым ответом, другой ожидает прямо выраженного решения. Чтобы связать это различие с устойчивой нормой определённой группы, нужны сопоставимые наблюдения. В отдельном эпизоде более точным объяснением остаётся несовпадение ожиданий собеседников, которое может зависеть и от ситуации, и от их прежнего опыта общения.

Приглашение и границы косвенности

Словарь Izoh.uz фиксирует у marhamat употребление для выражения приглашения или согласия. Иллюстрация «Cheksam maylimi? — Marhamat!» показывает ответ на запрос разрешения [4]. Один и тот же этикетный элемент, таким образом, включается в разные последовательности общения. Его функцию устанавливают по предшествующему вопросу и предмету разговора. Многозначность слова необходимо отличать от косвенного речевого акта: наличие нескольких значений ещё не означает, что каждое употребление требует вывода о скрытой просьбе.

Рассмотрим авторские реплики «Заходите к нам как-нибудь» и «Bir kuni biznikiga keling». По форме они прямо приглашают к действию, поэтому называть их косвенными приглашениями только из-за отсутствия даты неточно. Неопределённость касается конкретных условий посещения и степени готовности участников перейти к договорённости. Если один собеседник воспринимает реплику как общее выражение расположения, а другой — как уже согласованный визит, появляется риск недоразумения, отличный от буквального понимания косвенной просьбы.

Проверка в этом случае должна касаться времени: «Когда вам будет удобно?» — «Qachon sizga qulay?» Предложение конкретного дня переводит разговор к согласованию встречи. Отсутствие такой конкретизации само по себе не доказывает формальности или неискренности приглашения: участникам могут мешать внешние обстоятельства. Существенно то, возникла ли общая договорённость, на основании которой обе стороны могут планировать действия.

Уточнение как способ согласования смысла

В исследовании М. Дингеманса и соавторов на материале разговоров на двенадцати языках описаны общие способы устранения проблем понимания: общий запрос разъяснения, уточнение отдельного компонента и предложение собственной

версии для подтверждения [5]. Эти результаты используются здесь как основа для выбора уточняющих реплик, а не как свидетельство распространённости конкретных недоразумений в русско-узбекском общении. Сконструированные выше вопросы представляют применение данного подхода к рассматриваемым ситуациям.

Из сопоставления моделей следует, что уточнение должно соответствовать источнику неопределённости. Для просьбы о действии существенен предполагаемый исполнитель; для сообщения о препятствии — возможность дальнейшего согласования; для приглашения — условия встречи. Общее «Я не понял» допустимо, но не всегда показывает собеседнику, что именно требует пояснения. Более конкретный вопрос сокращает число возможных толкований и позволяет продолжить разговор с согласованным пониманием.

При этом отсутствие требуемого действия не следует немедленно считать недоразумением. Адресат может правильно распознать просьбу и сознательно не выполнить её. В модели с дверью различие обнаруживается через пояснение: «Я понял, но сейчас не могу» свидетельствует о распознавании намерения, тогда как «Я думал, вы спрашиваете о замке» указывает на другое прочтение. Такой критерий помогает отделить проблему понимания от несогласия или практического препятствия.

Выводы. На рассмотренном материале выявлены разные основания возможных коммуникативных расхождений. При косвенной просьбе буквальный ответ может не соответствовать ожидаемому действию. При сообщении о занятости остаётся открытым вопрос, выражает ли оно отказ или условие переговоров. В приглашении без даты неопределённость относится прежде всего к договорённости. Эти случаи требуют разных уточнений и не объединяются автоматически понятием национальной непрямоты.

Результатом работы является разграничение косвенности, многозначности этикетной формулы и недостаточной конкретизации условий действия. Для русско-узбекского общения предложены сопоставимые реплики, проверяющие намерение без оценочных суждений о собеседнике. Выводы ограничены теоретическим анализом и моделированием; они не устанавливают причин и частот реальных недоразумений. Дальнейшее исследование предполагает анализ записей диалогов с учётом предшествующей ситуации, ответной реакции и объяснений самих участников.

Список использованной литературы

1. Searle J. R. Indirect speech acts // Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 30–57. DOI: 10.1017/CBO9780511609213.004.

2. Blum-Kulka S. Indirectness and politeness in requests: Same or different? // Journal of Pragmatics. 1987. Vol. 11, no. 2. P. 131–146. DOI: 10.1016/0378-2166(87)90192-5.

3. Mayli // Izoh.uz: O‘zbek tilining izohli lug‘ati. URL: https://izoh.uz/word/mayli (дата обращения: 13.10.2026).

4. Marhamat // Izoh.uz: O‘zbek tilining izohli lug‘ati. URL: https://izoh.uz/word/marhamat (дата обращения: 13.10.2026).

5. Dingemanse M., Roberts S. G., Baranova J., Blythe J., Drew P., Floyd S. et al. Universal Principles in the Repair of Communication Problems // PLOS ONE. 2015. Vol. 10, no. 9. Article e0136100. DOI: 10.1371/journal.pone.0136100.

РУССКИЕ И УЗБЕКСКИЕ ФОРМУЛЫ ОБРАЩЕНИЯ КАК ЗОНА МЕЖКУЛЬТУРНОГО РАСХОЖДЕНИЯ

Шомуратова Орзигул Хусан кизи
и.о.доц. кафедры филологии УИТМ
Карши, Узбекистан

Аннотация. *Статья посвящена обращению как наиболее «чувствительному» участку речевого этикета, на котором студент-узбек, владеющий русским языком на уровне грамматической нормы, чаще всего допускает прагматические сбои. На материале русских и узбекских обращений (имя и отчество, местоимения ты/вы и sen/siz, термины родства в функции обращения, суффикс -jon, формы aka, opa, domla, ustoz) выделены пять зон межкультурного расхождения: асимметрия адресатных шкал, перенос терминов родства, именная модель, обращение к преподавателю, ласкательная деривация.*

Ключевые слова: *речевой этикет, обращение, межкультурная коммуникативная компетенция, прагматическая ошибка, русский язык в Узбекистане, студенты-нефилологи, сопоставительный анализ, лингвокультурология.*

Annotatsiya. *Maqolada murojaat shakllari nutq odobining eng nozik qismi sifatida tahlil qilinadi: rus tilini grammatik jihatdan yaxshi biladigan o‘zbek talabasi aynan shu sohada ko‘proq pragmatik xatoga yo‘l qo‘yadi. Rus va o‘zbek murojaat shakllari (ism va otasining ismi, ты/вы va sen/siz olmoshlari, qarindoshlik atamalarining murojaat vazifasida qo‘llanishi, -jon qo‘shimchasi, aka, opa, domla, ustoz shakllari) asosida madaniyatlararo nomuvofiqlikning beshta zonasi ajratib ko‘rsatilgan. Bu nomuvofiqliklar grammatik emas, balki pragmatik xatolarni keltirib chiqarishi va an’anaviy nazoratda e’tibordan chetda qolishi ko‘rsatib berilgan.*

Kalit so‘zlar: *nutq odobi, murojaat, madaniyatlararo kommunikativ kompetensiya, pragmatik xato, O‘zbekistonda rus tili, nofilolog talabalar, qiyosiy tahlil, lingvokulturologiya.*

Abstract. *The article examines forms of address as the most sensitive area of speech etiquette, where Uzbek students who have mastered Russian grammar still tend to make pragmatic errors. Based on Russian and Uzbek address forms (first name and patronymic, the pronouns ty/vy and sen/siz, kinship terms used as address, the suffix -jon, the forms aka, opa, domla, ustoz), five zones of intercultural divergence are identified: asymmetry of addressee scales, transfer of kinship terms, the naming model, addressing a teacher, and affectionate derivation. It is argued that these divergences produce pragmatic rather than grammatical errors, which usually escape traditional assessment.*

Keywords: *speech etiquette, forms of address, intercultural communicative competence, pragmatic error, Russian in Uzbekistan, non-philology students, contrastive analysis, linguoculturology.*

Русский язык в Узбекистане существует в особом режиме: он не иностранный в полном смысле слова, поскольку присутствует в городской речевой среде, в

медиапространстве, в профессиональной документации, но и не родной для большинства студентов узбекских групп.

Речевой этикет русского языка описан подробно — прежде всего в трудах Н. И. Формановской [2]. Сопоставительные исследования вежливости разных лингвокультур также многочисленны [4]. Однако русско-узбекская пара рассматривается в методической литературе преимущественно на уровне перечня соответствий («здравствуйте — assalomu alaykum»), тогда как обращение как система, в которой выбор формы зависит от возраста, статуса, родства и ситуации, редко становится предметом специального обучения в нефилологической аудитории.

Форму вежливости. Н. И. Формановская описывает обращение как этикетный знак, который одновременно называет адресата и устанавливает тональность общения; выбор между *ты* и *вы*, между полным именем и именем с отчеством сигнализирует о социальной дистанции [2]. П. Браун и С. Левинсон в теории вежливости разграничили позитивную и негативную вежливость, связанные соответственно со стремлением к сближению и к сохранению автономии адресата [6]. Т. В. Ларина, опираясь на эту теорию, выявила особенности русского коммуникативного стиля в сопоставлении с английским и показала, что русская вежливость тяготеет к сокращению дистанции в неформальном общении при достаточно жёсткой статусной иерархии в официальном [5]. Для узбекского языка значимы работы по прагмалингвистике Ш. Сафарова, где рассматриваются национальные особенности речевых актов и роль социальных параметров в выборе языковых средств [6].

С. Г. Тер-Минасова описывает «культурный шок», возникающий при столкновении с чужими нормами общения, и подчёркивает, что ошибки этого рода оцениваются носителями строже, чем грамматические [3]. Д. Б. Гудков вводит разграничение между языковой и коммуникативной ошибкой [5]. Ю. Е. Прохоров разработал понятие национальных социокультурных стереотипов речевого общения и показал их значимость для обучения русскому языку инофонов [6]. М.Байрам предложил модель межкультурной коммуникативной компетенции, в которой наряду со знаниями выделяются установки (любопытство, открытость), умения интерпретировать и соотносить, умения открывать новое и критическая культурная осведомлённость [6]. Э. Холл описал различие высоко- и низкоконтекстных культур [4]; эта оппозиция оказывается продуктивной для объяснения того, почему узбекское обращение «нагружено» информацией о возрасте и родстве больше, чем русское. Методические аспекты обучения этикету отражены в работах А. Н. Щукина [7], а терминологический аппарат уточнён в словаре Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина [6].

Узбекские формы обращения, функционирующие в повседневной и академической коммуникации (*aka, opa, uka, singlim, ota, ona, xola, amaki, domla, ustoz,* суффикс *-jon*, местоимения *sen/siz/siz-lar*); типовые этикетные ситуации, с которыми сталкивается студент нефилологического профиля: учебное взаимодействие с преподавателем, производственная практика, деловая переписка, общение в сфере обслуживания, академическая мобильность. Примеры высказываний в статье сконструированы автором как иллюстративные и отражают регулярные типы употреблений, а не результаты количественного эксперимента; статистические данные в работе не приводятся.

Сопоставление проводилось по пяти параметрам: средства выражения дистанции; использование терминов родства вне родственного круга; структура именования; обращение к лицу высокого статуса в образовательной сфере; ласкательно-оценочная деривация. Для каждого параметра определялся характер расхождения и прогнозировался тип ошибки, возникающей при переносе узбекской модели в русскую речь.

На первый взгляд пары *ты/вы* и *sen/siz* полностью совпадают: обе противопоставляют близость и дистанцию. Различие обнаруживается в условиях переключения. В русском языке переход на *ты* нередко происходит быстро между ровесниками, причём инициатором его, по норме, выступает старший или женщина; отказ от предложения «давай на ты» может восприниматься как холодность. В узбекском общении возрастной параметр доминирует: к старшему даже на год-два обращаются на *siz*, а *sen* по отношению к старшему почти исключён, тогда как младшего можно называть на *sen* без всякого «договора». Кроме того, узбекское *siz* охотно употребляется внутри семьи — к родителям, старшим братьям и сёстрам; русское *вы* по отношению к родителям для современной городской речи архаично. Прогнозируемая ошибка — избыточная дистанция: студент упорно говорит *вы* русскому однокурснику, который на год старше, и тот считывает это как нежелание сближаться.

В узбекском языке термины родства — *aka, opa, uka, singil, xola, amaki* — регулярно используются как обращения к посторонним людям, причём выбор слова кодирует примерное соотношение возрастов. Продавцу на базаре говорят *aka*, пожилой соседке — *xola* или *ona*. В русском языке аналогичные употребления (*отец, мать, сестра, браток, дочка*) существуют, но маркированы как просторечные или фамильярные. Калька «брат, помогите, пожалуйста» в устах студента звучит для русского собеседника стилистически сниженно, хотя по замыслу говорящего это знак уважения. Здесь происходит то, что Д. Б. Гудков называет коммуникативной ошибкой: языковая форма правильна, но её прагматическая ценность в двух культурах различна [5].

Русская официальная модель «имя + отчество» не имеет полного узбекского аналога в живом обращении. Отчество в узбекской традиции фиксируется в документах (*Akmal Rustamovich, Akmal Rustam o‘g‘li*), но в устной речи почтительность выражается иначе — сочетанием имени с *aka*/*opa* (*Akmal aka, Dilnoza opa*) или с формой *-jon*. Студент, привыкший к модели «имя + aka», в русском общении может назвать руководителя практики просто по имени («Сергей, посмотрите, пожалуйста…»), не ощущая, что для русского уха такое обращение к старшему по статусу звучит панибратски. Обратная ошибка — обращение по имени-отчеству к сверстнику в неформальной обстановке, что создаёт комический эффект.

В узбекской академической среде формы *domla* и *ustoz* позволяют обратиться к преподавателю, не называя имени, и при этом выразить высокую степень уважения; *ustoz* к тому же несёт оттенок признания наставничества. В русском вузе безымянное обращение к преподавателю практически отсутствует: *учитель* в функции обращения нехарактерно, *профессор* возможно лишь в узких контекстах, *преподаватель* не используется вовсе. Обязательным оказывается имя и отчество. Если студент не

помнит отчества, он попадает в коммуникативный тупик и нередко выбирает нулевое обращение («Извините…»), что в письменной деловой коммуникации воспринимается как небрежность. Отметим, что в русской речи Узбекистана слово *домла* вполне понятно, однако за пределами региона оно перестаёт выполнять этикетную функцию.

Узбекский суффикс *-jon* (*Nodirajon*, *Akmaljon*, *dadajon*, *oyijon*) обладает широчайшей сочетаемостью и может присоединяться к имени взрослого коллеги, выражая тёплое уважение. Русские уменьшительно-ласкательные формы (*Наташенька*, *Серёжа*, *Ванечка*) значительно чувствительнее к ситуации: А. Вежбицкая подчёркивала, что русская система экспрессивной деривации имён тонко градуирует эмоциональное отношение [7]. Перенос узбекской модели («Ирочка, отправьте, пожалуйста, отчёт») в деловой переписке с малознакомой коллегой создаёт нежелательную фамильярность. Встречается и обратный перенос: студенты, усвоившие русскую сдержанность в официальной речи, начинают избегать *-jon* в узбекском общении со старшими, что воспринимается как сухость. Иными словами, межкультурная компетенция предполагает не замену одной нормы другой, а умение переключаться между ними. Перечисленные зоны неоднородны по природе. Одни основаны на ложной эквивалентности (*siz* = *вы*), другие — на отсутствии аналога (*domla*), третьи — на различной стилистической маркированности формально сходных средств (термины родства, ласкательные суффиксы).

Для нефилологической аудитории, у которой на русский язык отводится ограниченное число часов, обучение обращению должно быть экономным и прицельным.

Предложенная модель не лишена ограничений. Во-первых, русская норма обращения сама неоднородна: молодёжная речь крупных городов допускает обращение по имени к руководителю в некоторых компаниях, особенно в IT-сфере. Преподавателю важно не абсолютизировать «канон» имени и отчества, а показывать его как наиболее безопасный выбор при неопределённости. Во-вторых, русский язык Узбекистана имеет собственную региональную норму, в которой формы *домла*, *ана*, *ака* вполне функциональны и понятны русскоязычным жителям республики. Обучение не должно превращаться в «искоренение» этих форм; речь идёт о навыке их уместного употребления в зависимости от того, где и с кем происходит общение. В-третьих, существует риск стереотипизации: противопоставление «узбекская культура — иерархичная, русская — демократичная» упрощает картину и может быть воспринято студентами как оценочное. Поэтому на этапе рефлексии необходимо подчёркивать, что обе системы обладают собственной логикой и ни одна не является более «вежливой».

Наконец, модель требует проверки в учебной практике. В рамках данной статьи она представлена как теоретически обоснованная конструкция; эмпирическая оценка её эффективности составляет задачу дальнейшего исследования.

Таким образом, обращение оказывается тем участком речевого общения, где студент-узбек, хорошо владеющий русской грамматикой, чаще всего сталкивается с невидимыми для него прагматическими препятствиями.

Перспективы исследования связаны с расширением материала (обращения в письменной деловой коммуникации и в мессенджерах, где нормы особенно подвижны), с включением в сопоставление каракалпакской и таджикской систем обращения,

функционирующих в поликультурном пространстве Узбекистана, а также с опытной проверкой модели в группах студентов технических, медицинских и экономических направлений.

Список использованной литературы

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

2. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 1989. 159 с.

3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.

4. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.

5. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.

6. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

7. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА

Каримов Болта Паттаевич
старший преподаватель, Университет Турон
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье в сопоставительном аспекте рассматривается лексика, обозначающая родственные отношения в русском и узбекском языках. Цель работы — выявить национально-культурную специфику двух терминосистем и установить типы межъязыковых соответствий между ними. Материалом послужила выборка из 152 лексических единиц (68 русских и 84 узбекских), извлечённых методом сплошной выборки из толковых словарей. Применялись сопоставительный метод, компонентный анализ и лингвокультурологическая интерпретация; дополнительно проведено анкетирование 120 студентов. Установлено, что обе системы опираются на разные наборы дифференциальных сем: для узбекского языка релевантны относительный возраст и линия родства, для русского — сторона брачного союза. Полная эквивалентность охватывает 27,9 % русской выборки, частичная — 52,9 %, безэквивалентными оказываются 19,1 % единиц. Результаты применимы в практике преподавания русского языка в узбекской аудитории и в переводческой деятельности.*

Ключевые слова: *лексика родства, термины родства, сопоставительный анализ, компонентный анализ, лингвокультурология, безэквивалентная лексика, лакуна, русский язык, узбекский язык.*

Annotatsiya. *Maqolada rus va o'zbek tillaridagi qarindoshlik munosabatlarini ifodalovchi leksika qiyosiy jihatdan tahlil qilinadi. Tadqiqotning maqsadi — ikki terminologik tizimning milliy-madaniy o'ziga xosligini aniqlash va tillararo muvofiqlik turlarini belgilashdan iborat. Material sifatida izohli lug'atlardan yaxlit tanlash usuli bilan ajratib olingan 152 ta leksik birlik (68 ta ruscha va 84 ta o'zbekcha) xizmat qildi. Qiyosiy metod, komponent tahlil va lingvomadaniy talqin qo'llanildi; qo'shimcha ravishda 120 nafar talaba o'rtasida so'rovnoma o'tkazildi. O'zbek tilida nisbiy yosh va qarindoshlik chizig'i semalari, rus tilida esa nikoh orqali qarindoshlikning qaysi tomoni ekanligi semasi faol ekanligi aniqlandi. To'liq ekvivalentlik ruscha tanlanmaning 27,9 foizini, qisman ekvivalentlik 52,9 foizini tashkil etadi, 19,1 foizi esa ekvivalentsiz birliklardir. Natijalardan o'zbek auditoriyasida rus tilini o'qitishda va tarjimonlik amaliyotida foydalanish mumkin.*

Kalit so'zlar: *qarindoshlik leksikasi, qarindoshlik terminlari, qiyosiy tahlil, komponent tahlil, lingvomadaniyatshunoslik, ekvivalentsiz leksika, lakuna, rus tili, o'zbek tili.*

Abstract. *The article offers a contrastive study of kinship vocabulary in Russian and Uzbek. The aim is to reveal the national and cultural specificity of the two terminological systems and to establish the types of interlingual correspondence between them. The material comprises 152 lexical units (68 Russian and 84 Uzbek) obtained by continuous sampling from explanatory dictionaries. The comparative method, componential analysis and linguocultural interpretation were applied, supplemented by a survey of 120 students. The study shows that the two systems rely on different sets of differential semes: relative age and lineality are relevant for Uzbek, whereas the side of the marital union is relevant for Russian. Full equivalence covers 27.9% of the Russian sample, partial equivalence 52.9%, and 19.1% of the units prove to be non-equivalent. The results may be applied in teaching Russian to Uzbek-speaking learners and in translation practice.*

Keywords: *kinship vocabulary, kinship terms, contrastive analysis, componential analysis, linguoculturology, non-equivalent vocabulary, lacuna, Russian language, Uzbek language.*

Введение. Терминология родства традиционно считается одним из наиболее показательных участков лексической системы языка. Она образует закрытое, строго структурированное множество единиц, принадлежит к ядру основного словарного фонда и изменяется существенно медленнее, чем другие лексические группы. Благодаря этому система терминов родства сохраняет следы исторически сложившейся социальной организации общества и выступает своеобразным зеркалом, в котором отражается принятая в данной культуре модель семьи.

Вместе с тем именно эта группа лексики обнаруживает резкие межъязыковые расхождения. То, что в одном языке выражается одним словом, в другом требует словосочетания или вовсе не имеет регулярного обозначения. Это противоречие между универсальностью самих родственных отношений и неуниверсальностью их языкового

кодирования делает лексику родства удобным и показательным объектом сопоставительного исследования.

Актуальность работы определяется условиями контактного двуязычия в Узбекистане. Расхождения между русской и узбекской терминосистемами становятся источником устойчивых трудностей: при переводе художественных текстов, где термин родства несёт культурную нагрузку, и в практике преподавания русского языка узбекоязычным учащимся, которые регулярно переносят в русскую речь привычное для родного языка противопоставление по возрасту и по линии родства.

Цель статьи — выявить национально-культурную специфику русской и узбекской лексики родства и определить типы межъязыковых соответствий. Задачи исследования: 1) сформировать сопоставимые выборки терминов родства в обоих языках; 2) описать наборы дифференциальных сем, на которые опираются системы; 3) классифицировать соответствия по степени эквивалентности; 4) установить культурные основания выявленных расхождений.

Методология исследования. Материал исследования составили 152 лексические единицы — 68 русских и 84 узбекских, — извлечённые методом сплошной выборки из толковых словарей обоих языков. В выборку включались однословные наименования кровного родства, свойства́ и социально-фиктивного родства; аналитические наименования типа двоюродный брат по матери учитывались лишь как средство заполнения лакун.

Ведущим методом выступил сопоставительный (контрастивный) анализ, проводившийся от значения к форме, что позволяет избежать подчинения описания структуре одного из языков. Семантическая структура каждой единицы раскрывалась посредством компонентного анализа. На основании дефиниций был выделен следующий набор дифференциальных сем:

С1 — пол референта; С2 — поколение относительно точки отсчёта; С3 — относительный возраст внутри одного поколения; С4 — линия родства (отцовская / материнская); С5 — характер связи (кровное родство / свойство); С6 — сторона брачного союза (со стороны мужа / со стороны жены).

Полученные соответствия классифицировались по трём типам: полная эквивалентность (совпадение всех релевантных сем), частичная эквивалентность (гипо-гиперонимические отношения, когда единице одного языка отвечают две и более единицы другого) и безэквивалентность. Культурная мотивированность расхождений устанавливалась методом лингвокультурологической интерпретации. Для проверки выводов о сфере фиктивного родства было проведено анкетирование 120 студентов Университета Турон (60 узбекоязычных и 60 русскоязычных респондентов).

Результаты исследования и их обсуждение. 1. Количественное соотношение выборок. Узбекская выборка превосходит русскую на 23,5 % (84 единицы против 68). Распределение русских единиц по типам соответствий таково: полная эквивалентность — 19 единиц (27,9 %), частичная — 36 единиц (52,9 %), безэквивалентность — 13 единиц (19,1 %). Таким образом, лишь немногим более четверти русских терминов родства имеют в узбекском языке однозначное соответствие, тогда как более половины вступают в отношения частичной эквивалентности. Этот результат подтверждает, что расхождение систем носит не частный, а структурный характер.

2. Сема относительного возраста. Главное расхождение в сфере кровного родства связано с семой С3. В узбекском языке она лексикализована и обязательна: говорящий не может назвать брата или сестру, не указав на их относительный возраст (aka — старший брат, uka — младший брат, opa — старшая сестра, singil — младшая сестра). В русском языке эта сема факультативна и выражается аналитически — старший брат, младшая сестра. Примечательно, что обобщённое значение в узбекском языке передаётся парными словами aka-uka и opa-singil, то есть через сложение двух возрастных полюсов, а не через нейтральную родовую единицу.

Культурное основание этого различия прозрачно: возрастная иерархия выступает в узбекской традиции базовым принципом организации семьи. Старший брат наделяется особым статусом и долей ответственности за младших, что закрепляется и в системе обращений, и в нормах этикета. Русская же модель семьи, в том виде, в каком она отражена в современном языке, относительный возраст сиблингов в число обязательных признаков не включает.

3. Сема линии родства. Вторая зона расхождений — сема С4. Русским словам дядя и тётя в узбекском языке соответствуют четыре единицы: amaki (брат отца), tog'a (брат матери), amma (сестра отца), xola (сестра матери). Та же логика распространяется на двоюродное родство: русскому аналитическому двоюродный брат отвечают узбекские amakivachcha, tog'avachcha, ammavachcha, xolavachcha, каждое из которых прямо указывает, через кого из родственников проходит связь. За этим стоит значимость родовой структуры (urug'), в которой отцовская и материнская линии традиционно выполняют разные социальные функции.

4. Обратная асимметрия. Было бы неточным заключить, что узбекская система дробнее русской во всех отношениях. По ряду позиций соотношение обратное: русские внук и внучка, племянник и племянница различают пол референта, тогда как узбекские nabira и jiyan в этом отношении нейтральны. Следовательно, ни одна из систем не является более дробной абсолютно: каждая детализирована по собственной оси и нейтрализована по той оси, которая для другого языка оказывается ведущей.

Основные соответствия в сфере кровного родства представлены в таблице 1.

Таблица 1. Соответствия в сфере кровного родства

Русский язык	Узбекский язык	Различающая сема
брат	aka / uka	С3 — относительный возраст
сестра	opa / singil	С3 — относительный возраст
дядя	amaki / tog'a	С4 — линия родства
тётя	amma / xola	С4 — линия родства
двоюродный брат (сестра)	amakivachcha, tog'avachcha, ammavachcha, xolavachcha	С4 — линия родства
внук / внучка	nabira	С1 — пол (нейтрализация в узб.)
племянник / племянница	jiyan	С1 — пол (нейтрализация в узб.)
дед, бабушка	bobo, buvi (momo)	полная эквивалентность

5. Термины свойства. Наиболее показательный результат получен в сфере свойства́. Русская система здесь строится на семе С6 — сторона брачного союза: свёкор и тесть, свекровь и тёща, деверь и шурин, золовка и свояченица различаются исключительно тем, со стороны мужа или со стороны жены идёт связь. Узбекская система эту сему последовательно нейтрализует: qaynota покрывает и свёкра, и тестя, qaynona — и свекровь, и тёщу. Зато в ней продолжает действовать сема относительного возраста: qaynaka — старший брат супруга или супруги, qayni (qaynuka) — младший.

Иными словами, две системы различают родственников по свойству по разным основаниям, и это различие носит системный, а не случайный характер. Существенно также состояние русских терминов: деверь, шурин, золовка, свояченица, ятровь в современной речи архаизуются и вытесняются описательными оборотами (брат мужа, сестра жены), тогда как узбекские соответствия сохраняют полную активность. Разная судьба двух подсистем отражает разную значимость широкого круга свойственников в повседневной жизни носителей.

Соответствия в сфере свойства́ приведены в таблице 2.

Таблица 2. Соответствия в сфере свойства́

Русский язык	Узбекский язык	Тип соответствия
свёкор / тесть	qaynota	нейтрализация семы С6
свекровь / тёща	qaynona	нейтрализация семы С6
деверь / шурин	qaynaka / qayni	перераспределение: С6 → С3
золовка / свояченица	qaynopa / qaynsingil	перераспределение: С6 → С3
невестка, сноха	kelin	частичная эквивалентность
зять	kuyov	частичная эквивалентность
свояк	boja	полная эквивалентность
сват, сватья	quda, qudag'ay	полная эквивалентность
ятровь (устар.)	ovsin	архаизация в русском языке
— (лакуна)	kundosh	безэквивалентная единица

6. Безэквивалентная лексика. В узбекской выборке выделяется группа единиц, не имеющих в русском языке однословных соответствий: ovsin (жёны братьев по отношению друг к другу), kundosh (вторая жена по отношению к первой), emikdosh (молочные брат или сестра), to'ng'ich и kenja (первый и последний ребёнок в семье). Каждая из этих лакун культурно мотивирована и указывает на те участки семейных отношений, которые в узбекской традиции получили самостоятельное имя, а в русской остались неназванными либо утратили имя исторически.

7. Фиктивное (социальное) родство. Особую зону составляет употребление терминов родства по отношению к неродственникам. В узбекском языке aka, opa, amaki, xola, bobo, buvi образуют полноценную систему вежливого обращения к незнакомому человеку, выбор в которой определяется возрастом адресата. Проведённое анкетирование подтвердило устойчивость этой нормы: при обращении к

незнакомому человеку средних лет 87 % узбекоязычных респондентов выбрали aka или ора, тогда как среди русскоязычных респондентов вариант дядя / тётя указали лишь 12 %; 71 % предпочли нейтральные формулы извините, молодой человек, девушка.

Таким образом, узбекская лексика родства выполняет не только номинативную, но и регулятивную функцию: она переносит семейную модель отношений на общество в целом, встраивая собеседника в привычную возрастную иерархию. В русском языке подобное употребление ограничено детской речью и разговорно-просторечной сферой.

8. Паремиологический фонд. Выводы подтверждаются и материалом пословиц. В узбекских паремиях высокочастотны образы родителей как источника жизненного образца: Ota ko'rgan o'q yo'nar, ona ko'rgan to'n bichar; Onasini ko'rib qizini ol. Русский фонд располагает содержательными параллелями — Какова матка, таковы и детки; Яблоко от яблони недалеко падает, — однако строит их преимущественно на идее наследования свойств, а не на идее преемственности социальной роли. Общей для обеих культур оказывается метафорическая проекция родства на отечество: Родина-мать и Ona Vatan, что свидетельствует о типологической близости самого механизма переноса при различии его конкретного языкового наполнения.

Заключение. Проведённое сопоставление позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, русская и узбекская системы терминов родства опираются на разные наборы дифференциальных сем. Для узбекского языка обязательны относительный возраст и линия родства, для русского — сторона брачного союза. Эти различия носят системный характер и охватывают выборку целиком.

Во-вторых, полная эквивалентность охватывает лишь 27,9 % русской выборки; преобладают отношения частичной эквивалентности (52,9 %), при которых единице одного языка отвечают две и более единицы другого. Доля безэквивалентных единиц составляет 19,1 %.

В-третьих, ни одну из систем нельзя признать более дробной абсолютно: детализация по одной семантической оси сопровождается нейтрализацией по другой.

В-четвёртых, в узбекском языке лексика родства шире используется в функции обращения, перенося семейную модель на сферу общественных отношений, что подтверждено данными анкетирования.

Практическая ценность полученных результатов связана прежде всего с лингводидактикой: установленные зоны частичной эквивалентности и лакунарности определяют участки, требующие целенаправленной работы при обучении русскому языку в узбекской аудитории, а также представляют интерес для переводческой практики и лексикографии. Перспективу исследования составляет расширение материала за счёт диалектных данных и анализ функционирования терминов родства в текстах разных жанров.

Список использованной литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1996. — 416 с.

2. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. — М.: Просвещение, 1983. — 287 с.

3. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. — М.: Академия, 2001. — 208 с.

4. Морган Л.Г. Древнее общество. — Л.: Изд-во Института народов Севера, 1935. — 350 с.

5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.

6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2000. — 264 с.

7. Трубачёв О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — 212 с.

8. Решетов В.В., Шоабдураҳмонов Ш. Ўзбек диалектологияси. — Тошкент: Ўқитувчи, 1978. — 224 б.

9. Ўзбек тилининг изоҳли луғати: 5 жилдли. — Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2006–2008.

10. Мирзаев Т., Мусоқулов А., Саримсоқов Б. Ўзбек халқ мақоллари. — Тошкент: Шарқ, 2005. — 512 б.

TRANSLATION STRATEGIES FOR PHYTONYM-COMPONENT PHRASEOLOGICAL UNITS IN UZBEK AND ENGLISH: A COMPARATIVE ANALYSIS OF EQUIVALENCE, CALQUING AND DESCRIPTIVE METHODS

Tursunboyev Bektosh Norbo'tayevich
Senior Teacher, Department of English Language and Literature
Karshi State University
Karshi, Uzbekistan

Abstract. *This paper offers a comparative analysis of strategies for translating phytonym-component phraseological units between Uzbek and English. The potential and limitations of equivalence, calquing and descriptive translation are illustrated with examples. It is shown that the choice of strategy depends on the cultural symbolism of the phytonym, the stylistic value of the idiom and the genre of the text.*

Keywords: *phytonym, phraseological unit, translation strategy, equivalence, calquing, descriptive translation, Uzbek, English.*

Аннотация. *В статье представлен сравнительный анализ стратегий перевода фразеологических единиц, содержащих фитонимы, с узбекского языка на английский и наоборот. На конкретных примерах продемонстрированы возможности и ограничения таких приемов, как использование эквивалентов, калькирование и описательный перевод. Показано, что выбор стратегии зависит от культурной символики фитонима, стилистической значимости фразеологизма и жанра текста.*

Ключевые слова: *фитоним, фразеологическая единица, стратегия перевода, эквивалент, калькирование, описательный перевод, узбекский язык, английский язык.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada o‘zbek va ingliz tillarida tarkibida fitonim [o‘simlik nomi] bo‘lgan frazeologik birliklarni tarjima qilish strategiyalarining qiyosiy tahlili taqdim etiladi. Ekvivalentlik, kalka va tavsifiy tarjima usullarining imkoniyatlari hamda cheklovlari misollar yordamida yoritib beriladi. Tarjima strategiyasini tanlash fitonimning madaniy ramziyligi, iboraning uslubiy ahamiyati va matn janriga bog‘liqligi ko‘rsatib o‘tiladi.*

Kalit so‘zlar: *fitonim, frazeologik birlik, tarjima strategiyasi, ekvivalentlik, kalka, tavsifiy tarjima, o‘zbek tili, ingliz tili.*

Phraseological units embody a nation’s worldview, its relationship with nature and its cultural experience. Idioms containing plant names (phytonyms) occupy a distinct place among them, since plant imagery carries different symbolic meanings across cultures. This paper offers a comparative analysis of the main strategies for translating phytonym-component phraseological units between Uzbek and English.

As translation activity between Uzbek and English expands in the context of globalisation, the adequate rendering of phraseological units remains a pressing issue. Phytonym-component idioms in particular often cause difficulty, because alongside lexical meaning they carry national and cultural connotations. The topic therefore calls for separate study from the standpoint of comparative translation studies. As Baker observes, “equivalence can usually be obtained to some extent” but is “influenced by a variety of linguistic and cultural factors” [Baker, 2018, p. 6]. This supports the view that translating plant-based idioms requires attention not only to lexical meaning but also to cultural context.

The study draws on comparative-typological, translation and contextual analysis. Phytonyms were grouped into trees, flowers, fruits and vegetables, and herbs, and their function within idioms and their rendering in translation were examined. The main aim is to identify the potential and limitations of each strategy and to offer practical recommendations for translators. This approach is consistent with Vinogradov’s discussion of phraseological units as “semantically indivisible” expressions whose overall meaning is not simply the sum of their components [Vinogradov, 1947, pp. 351–357; translation from Russian].

Three strategies are examined: equivalence, calquing and descriptive translation. Equivalence, or full correspondence, occurs when meaning, imagery and stylistic colouring coincide in both languages. The English idiom sour grapes and the Uzbek expression meaning “the fox, unable to reach the grapes, called them sour” illustrate this case. Most such pairs go back to a shared cultural source, including Aesopic fables and religious texts. Analogues with a different image but a similar meaning are also found: the Uzbek idiom “qovun tushirmoq” (literally, to drop a melon) may be rendered as put one’s foot in it. Here the phytonym is lost, but the pragmatic meaning is preserved.

Full equivalents also include bear fruit and take root, rendered as “meva bermoq” and “ildiz otmoq”: in both languages the plant image conveys result and consolidation. Partial equivalence occurs when one component is replaced. Turn over a new leaf, for instance, becomes “yangi sahifa ochmoq”, where the image of a leaf gives way to that of a page, yet the meaning is fully preserved.

Calquing relies on component-by-component transfer. Rendering a bed of roses as “atirgullar to‘shagi” or cool as a cucumber as “bodringdek sovuqqon” belongs to this method. It allows a new image to enter the target language, but its meaning depends on context.

Otherwise the reader may take the expression as a free word combination, and the phraseological meaning is lost.

The descriptive method is used when the image is foreign to the target reader. For example, a hard nut to crack is explained as “a very difficult problem,” and beat around the bush as “to avoid coming to the point.” The meaning is conveyed precisely, yet the expressiveness and imagery of the idiom are noticeably reduced.

Observations by phytonym group also lead to interesting conclusions. Flower names(rose, lily, violet; atirgul, lola, binafsha)are often linked with beauty, delicacy and modesty, so equivalents or calques are comparatively easy to find for such units. Shrinking violet, for example, denotes a shy, modest person, yet Uzbek has no directly matching phytonym idiom, so a descriptive rendering is used. Names of fruits and vegetables (apple, peach; qovun, tarvuz) belong to everyday life and therefore often occur in colloquial, humorous or negatively evaluative idioms. Tree names, together with components such as “root”, “branch” and “fruit”, express stability, lineage and continuity.

The chief difficulty for the translator is the difference in the cultural symbolism of phytonyms. In English the oak often stands for strength and endurance, whereas Uzbek culture assigns this role more often to the plane tree, the willow and other local trees. Mechanical transfer of an image from one language to another may therefore evoke a wrong association. Idioms such as gild the lily may remain opaque to an Uzbek reader, so a descriptive rendering, “ortiqcha bezak berish”, is preferable.

In practice the strategies are often combined. Adding a brief explanation to a calque, or restoring an image lost in descriptive translation elsewhere in the text, partly offsets the loss. This approach is especially effective in literary translation, where the author’s style and system of imagery are preserved.

The analysis shows that the choice of strategy depends on the cultural symbolism of the phytonym, the stylistic value of the unit and the genre of the text. Literary translation tends to favour preserving the image, whereas scientific and journalistic texts favour semantic precision. In conclusion, no single method is sufficient for translating phytonym-component idioms; an effective result requires a complex approach that takes the national and cultural features of both languages into account. As Baker explains, “languages do not simply name existing categories, they articulate their own” [Baker, 2018, p. 32, quoting Culler, 1976, pp. 21–22]. This insight is relevant to the culturally specific associations carried by phytonyms.

Practical recommendations for translators can be summarised as follows. First, one should establish whether a full or partial equivalent, and then an analogue, exists in the target language. Second, a calque should be used only when its meaning is easily understood from context and the new image suits the target language. Third, the descriptive method is a last resort, and even then the expressive colouring of the idiom should be preserved wherever possible. In this way the translator remains faithful both to the meaning of the source text and to the stylistic norms of the target language.

References

1. Rahmatullayev Sh. O‘zbek tilining izohli frazeologik lug‘ati. – Tashkent: Fan, 1978.

2. Vinogradov V.V. Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh yedinits v russkom yazyke. – Moscow–Leningrad, 1947.

3. Newmark P. A Textbook of Translation. – New York: Prentice Hall, 1988.

4. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. – London: Routledge, 1992.

РЕЧЕВОЙ АКТ ПРИВЕТСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ, УЗБЕКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Хушманова Шахноза Ибрагимовна,
старший преподаватель
Университет экономики и педагогики
Карши, Узбекистан

Аннотация. *Приветствие — одна из самых частотных форм межличностного общения: оно помогает начать, поддержать или возобновить контакт. Потребность здороваться универсальна, но формы приветствий и их прагматические смыслы в языках и культурах различаются. В статье приветствие рассматривается как речевой акт в английском, узбекском и русском языках с позиций сравнительной прагматики и лингвокультурологии. Опора — теория речевых актов, теория вежливости, речевой этикет и межкультурная прагматика; методы — сопоставительный, контекстуальный, прагматический и лингвокультурный. Анализ показал, что во всех трёх языках приветствие выполняет общую функцию установления контакта, но по-разному выражает формальность, почтительность, близость и дистанцию. Оно не сводится к соответствиям Hello, Salom, Привет, а образует многофункциональное прагматическое поле. Результаты важны для сопоставительной прагматики, перевода и преподавания языков.*

Ключевые слова: *приветствие, речевой акт, прагматика, вежливость, речевой этикет, лингвокультура, фатическое общение, английский, узбекский, русский.*

Abstract. *Greeting is one of the most frequent forms of interpersonal communication, as it helps initiate, maintain, or resume contact. The need to greet others is universal; however, the forms of greetings and their pragmatic meanings vary across languages and cultures. This article examines greetings as speech acts in English, Uzbek, and Russian from the perspectives of contrastive pragmatics and linguocultural studies. The theoretical framework is based on speech act theory, politeness theory, speech etiquette, and intercultural pragmatics. The methods employed include contrastive, contextual, pragmatic, and linguocultural analysis. The findings show that greetings perform the common function of establishing contact in all three languages, but differ in how they express formality, respect, familiarity, and social distance. Greetings cannot be reduced to direct equivalents such as Hello, Salom, and Привет; rather, they constitute a multifunctional pragmatic field. The findings are relevant to contrastive pragmatics, translation, and language teaching.*

Keywords: *greeting, speech act, pragmatics, politeness, speech etiquette, linguoculture, phatic communication, English, Uzbek, Russian.*

Annotatsiya. *Salomlashish shaxslararo muloqotning eng ko‘p uchraydigan shakllaridan biri bo‘lib, u aloqani boshlash, davom ettirish yoki qayta tiklashga xizmat qiladi. Salomlashish ehtiyoji universal xususiyatga ega, biroq salomlashish shakllari va ularning pragmatik ma’nolari turli tillar va madaniyatlarda farqlanadi. Maqolada salomlashish ingliz, o‘zbek va rus tillarida qiyosiy pragmatika hamda lingvomadaniyatshunoslik nuqtayi nazaridan nutqiy akt sifatida o‘rganiladi. Tadqiqotning nazariy asosini nutqiy aktlar nazariyasi, xushmuomalalik nazariyasi, nutqiy etiket va madaniyatlararo pragmatika tashkil etadi. Tadqiqotda qiyosiy, kontekstual, pragmatik va lingvomadaniy tahlil metodlaridan foydalanilgan. Tahlil natijalari shuni ko‘rsatdiki, uchala tilda ham salomlashish aloqani o‘rnatish vazifasini bajaradi, biroq rasmiylik, hurmat, yaqinlik va ijtimoiy masofani ifodalash usullari bilan farqlanadi. Salomlashishni Hello, Salom, Привет kabi bevosita muqobillarga tenglashtirib bo‘lmaydi, chunki u ko‘p funksiyali pragmatik maydonni tashkil etadi. Tadqiqot natijalari qiyosiy pragmatika, tarjimashunoslik va tillarni o‘qitish uchun ahamiyatlidir.*

Kalit so‘zlar: *salomlashish, nutqiy akt, pragmatika, xushmuomalalik, nutqiy etiket, lingvomadaniyat, fatik muloqot, ingliz tili, o‘zbek tili, rus tili.*

Введение. Язык не только передаёт информацию, но и позволяет совершать социальные действия: просить, обещать, благодарить, поздравлять, выстраивать отношения. Этот взгляд лежит в основе теории речевых актов Дж. Остина [1], развитой Дж. Сёрлем [8]. Приветствие занимает среди речевых актов особое место: оно открывает взаимодействие и задаёт рамки дальнейшего разговора. Произнося *Hello*, *Salom* или *Здравствуйте*, говорящий признаёт собеседника и устанавливает или возобновляет контакт (Austin, [1;8].

Приветственный репертуар шире коротких формул: помимо *Hello*, *Salom*, *Привет* в него входят формулы времени суток, гостеприимства, фатические вопросы (*How are you?*, *Qalaysiz?*, *Как дела?*) и формулы встречи после разлуки (*Long time no see*, *Ko‘rishmaganimizga ancha bo‘ldi*, *Давно не виделись*). Они выполняют не одинаковые функции: одни составляют ядро приветствия, другие дополняют его. Так, *Hi* прежде всего устанавливает контакт, а *How are you?* чаще служит фатическим вопросом; *Welcome*, *Xush kelibsiz* и *Добро пожаловать* выражают приём прибывшего и не являются аналогами *Hello*.

Приветствие связано и с вежливостью: по Браун и Левинсону [2], выбор формул зависит от социальной дистанции и относительной власти участников; Лич [6] подчёркивает роль вежливости в регулировании отношений. Кросс-культурный аспект раскрывают Вежбицка [9], связывающая коммуникативные практики с культурно специфичными представлениями, и Дуранти [3], показавший, что приветствие решает более широкие социальные задачи, чем признание собеседника. В русистике оно изучается в системе речевого этикета [4]; узбекская прагмалингвистика рассматривает смысл через контекст, намерение и участников общения [7;5].

Поэтому приветствие трактуется здесь как прагматическое поле. Цель — выявить сходства и различия его реализации в трёх языках с учётом формы, функции, социальных отношений и культурной специфики. Вопросы исследования: какие типы приветственных формул есть в трёх языках; какие функции они выполняют; как на них

влияют официальность, знакомство, возраст и дистанция; что в них универсально и что культурно специфично.

Исходная гипотеза: приветствие универсально на уровне базовой интерактивной функции, а его языковая и прагматическая реализация зависит от языка и культуры.

Методы и материал

Использован качественный подход, объединяющий сопоставительный, прагматический, контекстуальный и лингвокультурный методы. Сравниваются не только значения слов, но и функция, степень официальности и социокультурные условия употребления; приветствие интерпретируется как иллокутивный акт [1;8], а культурно обусловленные смыслы выявляются лингвокультурным методом [9].

Анализ строится по схеме: формула → коммуникативная функция → контекст → социальные отношения → прагматический смысл → культурная специфика.

Материалом послужили репрезентативные приветственные и близкие к ним формулы трёх языков в художественных и дискурсивных контекстах; они разделены на функциональные группы (табл. 1).

Таблица 1. Основные типы приветственных формул в английском, узбекском и русском языках

Функциональная группа	Английский	Узбекский	Русский
Базовое приветствие	Hello, Hi, Hey	Salom, Assalomu alaykum	Привет, Здравствуй, Здравствуйте
Приветствие по времени суток	Good morning, Good afternoon, Good evening	Xayrli tong, Xayrli kun	Доброе утро, Добрый день, Добрый вечер
Официальное приветствие	How do you do?	Assalomu alaykum	Здравствуйте, Добрый день
Формулы гостеприимства	Welcome, Welcome back	Xush kelibsiz	Добро пожаловать
Приветствие + вопрос	How are you?, How have you been?	Qalaysiz?, Yaxshimisiz?	Как дела?, Как поживаете?
Выражение радости от встречи	Nice to see you, Good to see you	Sizni ko‘rib turganimdan xursandman	Рад вас видеть, Рад снова вас видеть
Формула встречи после разлуки	Long time no see	Ko‘rishmaganimizga ancha bo‘ldi	Давно не виделись

Анализ данных

Базовые приветственные формулы

Базовые формулы устанавливают или возобновляют контакт. В английском *Hello* нейтрально, *Hi* и *Hey* неформальны; в узбекском *Salom* — распространённое приветствие, а *Assalomu alaykum* добавляет почтительность; в русском *Привет* неформально, *Здравствуйте* — официально и уважительно [4]. Поэтому *Hello — Salom — Привет* лишь приблизительно соответствуют друг другу. Приветствия по времени суток (*Good morning*, *Доброе утро*, *Xayrli tong*) вводят в речевой акт контекстную

информацию, хотя в узбекском их частотность и распределение иные, чем в английском и русском.

Официальные и почтительные приветствия

Заметнее всего ось официальности. Английское *How do you do?* — конвенциональная формальная формула при первом знакомстве, а не буквальный вопрос о самочувствии, в отличие от *How are you?*. Узбекское *Assalomu alaykum* уместно в широком круге ситуаций и связано с нормами уважения. Русский даёт наиболее наглядный контраст: *Привет* сигнализирует близость, *Здравствуйте* — официальные или дистантные отношения. Формальность закреплена в самой формуле либо создаётся во взаимодействии формулы и контекста.

Формулы гостеприимства

Формулы гостеприимства (*Welcome, Xush kelibsiz, Добро пожаловать*) признают и положительно оценивают приход человека и выстраивают отношения хозяина и гостя: *Welcome to our university, Universitetimizga xush kelibsiz, Добро пожаловать в наш университет*. Поэтому *Xush kelibsiz* корректнее сопоставлять с *Welcome* и *Добро пожаловать*, чем с *Hello* или *Привет*: в сопоставительной прагматике важнее функциональное соответствие, чем лексическое.

Приветствие и фатический вопрос

Приветствие нередко сопровождается фатическим вопросом (*How are you?, Qalaysiz?, Как дела?*), задача которого — поддержать контакт и показать интерес к собеседнику, а не получить развёрнутый ответ; поэтому такие вопросы нельзя считать эквивалентами *Hello*, а буквальный перевод не всегда передаёт тот же эффект. Последняя группа совмещает приветствие с выражением доброжелательности (*Nice to see you, Рад вас видеть, Sizni ko'rib turganimdan xursandman*): она признаёт собеседника и выражает эмоциональную оценку встречи.

Результаты. Во всех трёх языках приветствие образует обширное прагматическое поле. Во-первых, есть конвенциональные формулы установления контакта: *Hello/Hi, Salom/Assalomu alaykum, Привет/Здравствуйте*. Во-вторых, они могут нести дополнительные смыслы — времени, официальности, уважения, близости, гостеприимства, эмоционального отношения, прежнего контакта. В-третьих, часть выражений многофункциональна: фатические вопросы сопровождают приветствие, а *Nice to see you* и *Рад вас видеть* совмещают его с оценкой. В-четвёртых, языки различаются не наличием приветствия, а распределением прагматических значений между формами.

Общую модель можно представить так: ядро приветствия → приветствие по времени суток → официальное/почтительное приветствие → гостеприимство → фатический вопрос → положительная оценка → формула встречи после разлуки. Она показывает, что у приветствия есть ядро и периферия: ядерные формы устанавливают контакт, а периферийные, расширенные выполняют дополнительные прагматические функции.

Обсуждение. Данные подтверждают гипотезу: приветствие универсально по функции [1;8], но вариативно в языковом и социокультурном отношении. Теория вежливости объясняет выбор формул: социальная дистанция и власть [2] проявляются в контрастах *Hi — How do you do?, Salom — Assalomu alaykum, Привет —*

Здравствуйте. Различие формальных и неформальных формул в русском связано с этикетной системой [4], в узбекском важны формы уважения, английский располагает более широким набором контекстуально дифференцированных формул.

Приветствие целесообразно понимать как многофункциональное прагматическое поле: универсально стремление признать другого и установить контакт, культурно специфичны средства, кодирующие уважение, близость, дистанцию, гостеприимство и эмоциональную вовлечённость [9;3]. Функциональное сходство при этом важнее лексического: *Welcome, Xush kelibsiz, Добро пожаловать* и *Long time no see, Ko‘rishmaganimizga ancha bo‘ldi, Давно не виделись* сопоставимы по функции, а не с *Hello*.

Результаты нельзя истолковывать через стереотипы: неверно считать английские приветствия «неформальными», узбекские всегда «почтительными», а русские «формальными». В каждом языке есть формальные и неформальные средства, и их трактовка зависит от контекста и цели общения.

Перспективы дальнейших исследований

Перспективны изучение частотности формул на крупном многоязычном корпусе; зависимость приветствия от возраста, пола, статуса и степени знакомства; соотношение вербального и невербального приветствия (рукопожатия, кивки, объятия, дистанция); цифровая коммуникация, где *Hi, Salom* и *Привет* меняют смысл в зависимости от пунктуации и эмодзи; применение в обучении языкам — учащимся нужно объяснять, когда, с кем и с какой целью уместна формула.

Заключение. Приветствие — базовый речевой акт установления, поддержания и возобновления контакта. Сопоставление английского, узбекского и русского языков показывает, что эта функция универсальна, а её реализация гораздо разнообразнее: в поле приветствия входят формулы времени суток, официальные формулы, гостеприимство, фатические вопросы, выражения радости от встречи и формулы возобновления контакта, причём одна формула может совмещать несколько функций.

Главный вывод: приветствие универсально по функции, но языково- и культурно-специфично в реализации; его интерпретация зависит от формы, контекста, отношений, степени официальности и культурных ожиданий. Интегрированный подход (теория речевых актов, вежливость, прагматика, речевой этикет, лингвокультурный анализ) значим для теоретической лингвистики, межкультурной коммуникации, перевода и обучения языкам.

Список использованной литературы

1. Austin, J. L. (1962). *How to do things with words*. Oxford University Press.
2. Brown, P., & Levinson, S. C. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge University Press.
3. Duranti, A. (1997). Universal and culture-specific properties of greetings. *Journal of Linguistic Anthropology*, 7(1), 63–97.
4. Formanovskaya, N. I. (1987). *Russkiy rechevoy etiket: Lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekty*. Moscow: Russkiy yazyk.
5. Hakimov, M. (2013). *O‘zbek pragmalingvistikasi asoslari*. Tashkent: Akademnashr.
6. Leech, G. N. (1983). *Principles of pragmatics*. Longman.

7. Safarov, Sh. (2008). *Pragmalingvistika*. Toshkent: O‘zbekiston Milliy Ensiklopediyasi.
8. Searle, J. R. (1969). *Speech acts: An essay in the philosophy of language*. Cambridge University Press.
9. Wierzbicka, A. (1991). *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction*. Mouton de Gruyter.

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ В РОМАНЕ К. СИМОНОВА «ЖИВЫЕ И МЁРТВЫЕ»: КУЛЬТУРНЫЙ КОД И ПРОБЛЕМЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕДАЧИ

Юлдашева Лайло Улугбековна
старший преподаватель, Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается антропонимическая номинация в начальных главах романа К. М. Симонова «Живые и мёртвые» (с. 5–72 по изданию 2022 г.), охватывающих первые дни Великой Отечественной войны. Выделены три слоя номинации: семейно-интимный (Маша, Маруся, Ваня, Таня, Надька), служебно-воинский (звание и фамилия, звание без имени) и историко-мемориальный (Тимошенко, Самсонов, Чапаев). Показано, что форма имени маркирует сферу общения персонажа, а мотивированные фамилии (Люсин, Иванов) служат средством косвенной характеристики. Обсуждаются трудности межъязыковой передачи имён и возможности их комментирования при чтении романа в узбекской аудитории.*

Ключевые слова: *антропоним, литературная ономастика, К. Симонов, «Живые и мёртвые», формы обращения, прецедентное имя, межъязыковая передача, узбекская аудитория.*

Annotatsiya. *Maqolada K. M. Simonovning «Живые и мёртвые» romani (trilogiyaning birinchi kitobi) boshlang‘ich boblarida -Ulug‘ Vatan urushining dastlabki kunlarini qamrab olgan qismida (2022-yilgi nashr, 5–72-betlar) -antroponimik nomlanish tahlil qilinadi. Nomlanishning uch qatlami ajratilgan: oilaviy-samimiy (Masha, Marusya, Vanya, Tanya, Nadka), xizmat-harbiy (unvon va familiya, ismsiz unvon) hamda tarixiy-xotira (Timoshenko, Samsonov, Chapayev). Ism shakli qahramonning muloqot sohasini bildirishi, motivlangan familiyalar (Lyusin, Ivanov) esa bilvosita tavsif vositasi bo‘lib xizmat qilishi ko‘rsatilgan. Romanni o‘zbek auditoriyasida o‘qishda ismlarni tillararo uzatish va izohlash muammolari muhokama qilinadi.*

Kalit so‘zlar: *antroponim, adabiy onomastika, K. Simonov, «Живые и мёртвые», murojaat shakllari, pretsedent ism, tillararo uzatish, o‘zbek auditoriyasi.*

Abstract. *The article examines anthroponymic nomination in the opening chapters of Konstantin Simonov’s novel “The Living and the Dead” (pp. 5–72 of the 2022 edition), which cover the first days of the Great Patriotic War. Three layers of naming are identified: intimate-familial (Masha, Marusya, Vanya, Tanya, Nadka), official-military (rank and surname, rank without a name) and historical-memorial (Timoshenko, Samsonov, Chapayev).*

It is shown that the form of a name marks the sphere of a character's communication, while motivated surnames (Lyusin, Ivanov) serve as a means of indirect characterization. The difficulties of interlingual transfer of names and the possibilities of commenting on them when the novel is read in an Uzbek-speaking audience are discussed.

Keywords: *anthroponym, literary onomastics, K. Simonov, "The Living and the Dead", forms of address, precedent name, interlingual transfer, Uzbek-speaking audience.*

Трилогия К. М. Симонова «Живые и мёртвые» [1] - одно из центральных произведений русской литературы о Великой Отечественной войне. По замечанию современных исследователей, специальные работы о трилогии пока нечасты; одна из недавних статей посвящена историософскому принципу ретроспекции в ней [2]. Онимический уровень текста остаётся перспективным объектом литературной ономастики. Имя собственное в художественном произведении не только называет героя: оно участвует в его характеристике, организует ономастическое пространство текста и несёт культурную информацию [3; 4; 5]. Для иноязычного читателя эта информация скрыта в формулах русского именования (имя и отчество, уменьшительные формы, звание в роли обращения) и в отсылках к историческим лицам [6; 7]. Цель статьи - описать типы антропонимической номинации в начальных главах первой книги трилогии и показать, какие трудности они создают при межъязыковой передаче и чтении в узбекской аудитории.

Материал и методы. Материалом послужил начальный фрагмент первой книги - гл. 1 и начало гл. 2 (с. 5–72 по изданию [1]), события которого относятся к концу июня 1941 г. Применялись описательный и контекстуальный анализ, функциональная классификация форм именования одного и того же персонажа в разных коммуникативных ситуациях, лингвокультурологический комментарий [7] и сопоставление с узбекской моделью именования, в которой отцовское имя выражается формами *o'g'li* и *qizi* [8]. Здесь и далее указаны страницы издания [1].

Результаты и обсуждение

1. Семейно-интимный слой. Роман открывается собирательным обозначением семьи по фамилии (семья Синцовых, с. 5), после чего супруги получают асимметричные обозначения: муж - по фамилии, нередко со званием (политрук Синцов), жена - уменьшительным именем (Маша). Имя героя в рассмотренном фрагменте представлено лишь уменьшительной формой в реплике жены (Ваня, с. 14): имя принадлежит интимной сфере, фамилия и звание - служебной. Один и тот же персонаж получает разные номинации в зависимости от говорящего и ситуации: Маша для мужа и повествователя, Маруся для брата (с. 12), сестра Артемьева при обращении к полковнику (с. 10). Старшее поколение называется по имени и отчеству (Татьяна Степановна, с. 10), а годовалая внучка-тёзка - Таня (с. 7): совпадение имён передано двумя формулами, которые маркируют возраст и степень почтительности. Прилагательное от фамилии при топониме (артемьевская квартира на Усачёвке, с. 8) закрепляет жильё за семьёй жены и привязывает её к московскому адресу. К этому слою относится и форма Надька, которую повествователь прямо связывает со школьной средой (с. 63): нейтральное Надя и фамильярное Надька различают круг общения.

2. Служебно-воинский слой. Вне семьи именование смещается к званию и должности. Значительная часть персонажей названа только по званию, роду войск или функции (полковник-танкист, дивизионный комиссар, батальонный комиссар, военюрист второго ранга, комендант города), а обращение строится по формуле «товарищ + звание» (с. 10, 22, 34, 44). Безымянность типизирует: в хаосе первых дней человек определяется не личной историей, а местом в военной иерархии. Фамилия без имени (полковник Полынин, с. 10; политрук Зотов, с. 18; майор Ищенко, с. 60; Портнягин, с. 66) отмечает эпизодических героев; имя и отчество в этом слое в рассмотренном фрагменте не встречаются.

3. Историко-мемориальный слой. Прецедентные имена [9] встраивают события июня 1941 г. в ряд прежних войн: Самсонов и августовская катастрофа 1914 г. (с. 36), восемьсот двенадцатый год (с. 37), Перекоп (с. 37), Халхин-Гол (с. 10, 59), Мадрид (с. 59). Внешность дивизионного комиссара описана через имя Чапаев (с. 39); приказ оставить Борисов связан с именем маршала Тимошенко (с. 18); в формулу «сталинские соколы» входит имя Сталина (с. 55). Отрицательный полюс задан именем Гитлер, которое в репликах персонажей выступает метонимией врага и диверсанта (с. 21, 25). Для читателя, не обладающего соответствующими фоновыми знаниями, эти имена не активируют цепь исторических ассоциаций.

4. Мотивированные фамилии. Повествователь сам обращает внимание на звучание фамилии младшего политрука Люсина, отмечая, что она звучит по-женски (с. 44). Внешняя выправка героя сменяется страхом (с. 49) и визгливым выкриком (с. 69), так что отмеченная женственность фамилии воспринимается как предвестие этого перелома. Противоположный полюс - фамилия Иванов, одна из самых распространённых русских фамилий [10]: капитан-танкист, называя её, говорит: «На моей фамилии вся Россия держится» (с. 72). Типичная фамилия становится символом народной опоры и одновременно подчёркивает безличность героя, названного прежде всего функцией (помощник по тылу командира Семнадцатой танковой бригады, с. 67): Иванов не индивидуализирован, Люсин индивидуализирован и оценён.

5. Проблемы межъязыковой передачи. Выявленные слои требуют разных переводческих и учебных решений [11; 12]. Во-первых, формулы «имя + отчество» и «товарищ + звание» не имеют прямых соответствий в узбекской модели именования, где отцовское имя выражается формами *o‘g‘li* и *qizi* [8], а почтительность - обращениями типа *aka* и *opa*; целесообразно сохранять русскую формулу как культурный маркер и пояснять её при первом употреблении. Во-вторых, уменьшительные формы (Маша, Маруся, Ваня, Таня, Надька) различаются не лексическим значением, а близостью и социальной принадлежностью говорящего; узбекский язык располагает иными средствами выражения ласкательности и фамильярности (например, суффиксами *-jon, -cha*), поэтому замена исходных форм «эквивалентами» разрушила бы оппозиции Маша - Маруся и Надя - Надька. В-третьих, мотивированные и прецедентные имена (Люсин, Иванов, Самсонов, Перекоп) требуют минимального комментария: без него женское звучание фамилии Люсина и общенародный смысл фамилии Иванова недоступны читателю, не знающему русской антропонимической нормы. В поликультурной аудитории [7] целесообразно сочетать транскрипцию имени со сноской или внутритекстовой экспликацией и давать учебные

задания на сопоставление форм номинации одного героя в разных ситуациях (Синцов - Ваня - товарищ политрук).

Выводы. В начальных главах романа выделяются три слоя антропонимической номинации - семейно-интимный, служебно-воинский и историко-мемориальный; форма имени маркирует сферу общения персонажа. Звание без имени типизирует героя, а мотивированные фамилии (Люсин, Иванов) выступают средством косвенной характеристики. Прецедентные имена включают события 1941 г. в ряд прежних войн, но требуют фоновых знаний, которых иноязычный читатель может не иметь. 4. При передаче и изучении романа в узбекской аудитории необходимы сохранение исходных форм имён и минимальный лингвострановедческий комментарий. Перспективным представляется распространение анализа на вторую и третью книги трилогии и сопоставление частотности и функций форм именования в разных книгах.

Список использованной литературы

1. Симонов К. М. Живые и мёртвые. Эксмо; Яуза. 2022. – 576 с.
2. Лоскутникова М. Б., Хлебцова А. В. Историософский принцип художественной ретроспекции в трилогии К. М. Симонова «Живые и мёртвые» // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2025. № 3 (59). – С. 20–34.
3. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Наука. 1973. – 366 с.
4. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Изд-во ЛГУ. 1990. – 104 с.
5. Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. Академия гуманитарных исследований. 2005. – 224 с.
6. Берков В. П. Русские имена и фамилии. Правила употребления. Высшая школа. 2007. – 71 с.
7. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. Русский язык. 1980. – 320 с.
8. Muminova M. A study of anthroponyms in translations of the “Baburnama” text // Foreign Linguistics and Linguodidactics. 2025. Issue 3, No. 2. – P. 34–38.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Наука. 1987. – 264 с.
10. Никонов В. А. География фамилий. Наука. 1988. – 192 с.
11. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. Р. Валент. 2001. – 200 с.
12. Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. Р. Валент. 2005. – 416 с.

ILMIY-TEXNIK REKLAMA MATNLARIDA ISHONTIRISH STRATEGIYASI VA NUTQIY TAKTIKALARNING LINGVOPRAGMATIK XUSUSIYATLARI
(o‘zbek va ingliz tillari misolida)

Qobilova Guliston Otabek qizi
Ijtimoiy fanlar fakulteti, “Filologiya” kafedrasi stajor o’qituvchisi
Axborot Texnologiyalari va Menejment Universiteti
Qarshi, O‘zbekistan

Annotatsiya. *Tezisda ilmiy-texnik reklama matnlarida adresatga ta’sir etishning ishontirish strategiyasi va uni yuzaga chiqaruvchi nutqiy taktikalar lingvopragmatik nuqtayi nazardan ko‘rib chiqiladi. O‘zbek va ingliz tillaridagi modellashtirilgan reklama ifodalari asosida dalillash, manfaatni ta’kidlash, bevosita murojaat hamda ishonch uyg‘otish vositalari qiyoslanadi. Tahlilda reklama da’volarining aniqligi va kommunikativ mas’uliyat masalasiga ham e’tibor qaratiladi.*

Kalit so‘zlar: *ilmiy-texnik reklama, lingvopragmatika, adresat, ishontirish strategiyasi, nutqiy taktika, direktiv, qiyosiy tahlil.*

Abstract. *This thesis examines persuasive strategies and speech tactics used to influence the audience in scientific and technical advertising from a linguopragmatic perspective. Illustrative, author-constructed Uzbek and English examples are compared in terms of argumentation, benefit framing, direct address, and credibility building. Particular attention is paid to the clarity and verifiability of advertising claims as conditions of responsible communication.*

Keywords: *scientific and technical advertising, linguopragmatics, addressee, persuasion strategy, speech tactics, directives, comparative analysis.*

Аннотация. *В тезисе рассматриваются стратегии убеждения и речевые тактики воздействия на адресата в текстах научно-технической рекламы с лингвопрагматической точки зрения. На основе условных примеров, составленных автором на узбекском и английском языках, сопоставляются аргументация, акцентирование выгоды, прямое обращение и формирование доверия. Особое внимание уделяется точности и проверяемости рекламных утверждений.*

Ключевые слова: *научно-техническая реклама, лингвопрагматика, адресат, стратегия убеждения, речевые тактики, директивы, сопоставительный анализ.*

Kirish. Raqamli texnologiyalar, aqlli qurilmalar va innovatsion xizmatlar bozorining kengayishi ilmiy-texnik reklama matnlarining kommunikativ ahamiyatini oshirmoqda. Bunday reklama oddiy xabardor qilish bilan cheklanmaydi: unda texnik tavsif maqsadli auditoriya ehtiyojlariga moslashtirilib, muayyan mahsulotni tanlashga undovchi nutqiy ta’sir vositasiga aylanadi. Shu bois reklama xabarini faqat leksik yoki grammatik birliklar yig‘indisi sifatida emas, balki muayyan maqsad, adresat va vaziyatga bog‘liq pragmatik hodisa sifatida o‘rganish zarur.

Tezisning maqsadi — o‘zbek va ingliz tillaridagi ilmiy-texnik reklamaga xos ishontirish strategiyasining asosiy taktik ko‘rinishlarini aniqlash hamda ularning lisoniy ifodalanishini qiyosiy tavsiflash. Tadqiqotda tavsiflash, pragmatik talqin va qiyoslash usullaridan foydalanildi. Quyidagi reklama namunalarining barchasi tahlil uchun muallif tomonidan tuzilgan; ular real brend reklamalaridan olingan korpus yoki statistik tanlanma hisoblanmaydi.

Nazariy asoslar. Lingvopragmatik yondashuvda nutqiy birlikning mazmuni uning adresatga qanday ta’sir qilishi bilan uzviy bog‘liq. J. Syorlning nutq aktlari nazariyasi [1] reklamadagi «sinab ko‘ring», «tanlang» kabi birliklarni direktiv, ya’ni tinglovchini muayyan harakatga undovchi aktlar sifatida izohlash imkonini beradi. G. Lich reklama tilining ekspressiv va sintaktik xususiyatlariga [2], G. Kuk esa reklama diskursining matn, tasvir, vaziyat va auditoriya bilan aloqasiga e’tibor qaratadi [3]. G. Mayersning yondashuvida reklama ma’nosini shakllantirishda auditoriyaning faol talqini muhim o‘rin tutadi [4].

Mazkur tadqiqotda strategiya deganda reklama beruvchining umumiy kommunikativ maqsadi — adresatni mahsulot qiymatiga ishontirish tushuniladi; taktika esa ushbu maqsadni alohida nutqiy harakatlar orqali amalga oshirish usulidir. Strategiya «nima uchun ta’sir ko‘rsatish?» savoliga, taktika «qanday vosita bilan?» savoliga javob beradi. Ilmiy-texnik reklamada ular ko‘pincha texnik dalil va iste’molchi manfaatini birlashtirishga xizmat qiladi.

Qiyosiy tahlil va muhokama. Dalillash taktikasi. Texnik mahsulot reklamasida «aniqlik», «quvvat», «xavfsizlik», «tezlik» kabi birliklar ratsional tanlov obrazini yaratadi. Masalan, «O‘lchov natijalarini bir ekranda kuzating» va “Monitor measurements on one screen” gaplari mahsulotning vazifasini konkretlashtirib, uning qulayligiga ishora qiladi. Bunda texnik ko‘rsatkichning o‘zi emas, uning foydalanuvchi tajribasiga ta’siri markazga chiqadi. Biroq «mutlaq aniqlik» yoki «100 foiz kafolat» singari dalilsiz absolyutlashtirishlar ishonchni mustahkamlash o‘rniga reklama xabarining haqqoniyligini shubha ostiga qo‘yishi mumkin.

Manfaatni oldinga chiqarish taktikasi. «Vaqtingizni tejang — jarayonni avtomatlashtiring» va “Save time with automated workflows” ifodalarida texnik imkoniyat kundalik ehtiyoj bilan bog‘lanadi. O‘zbekcha namunada «vaqtingizni» shakli adresatga yaqinlikni kuchaytirsa, inglizcha variantda “save time” fe’l birikmasi ixcham foyda va’dasini hosil qiladi. Ikkala nutqiy modelda ham murakkab texnologik jarayon iste’molchi uchun anglashiladigan afzallikka aylantiriladi.

Bevosita undash taktikasi. «Yangi imkoniyatlarni hoziroq sinab ko‘ring» va “Explore new possibilities today” gaplari buyruq mayliga tayangan holda adresatni faol subyektga aylantiradi. O‘zbek tilidagi «-ib ko‘ring» shakli buyruqni tajriba taklifi sifatida yumshatishi mumkin; inglizchadagi “explore” fe’li esa kashf etish va erkin tanlov konnotatsiyasini yuzaga chiqaradi. Bu holat bir xil kommunikativ niyat turli pragmatik tus olishini ko‘rsatadi.

Ishonchni mustahkamlash taktikasi. «Ma’lumotlaringiz himoyasi nazorat ostida» va “Keep your data under control” ifodalari xavfsizlikka doir ehtiyojga murojaat qiladi. Birinchi gapda himoya holati xabar qilinadi, ikkinchisida esa foydalanuvchining boshqaruv imkoniyati urg‘ulanadi. Shuningdek, “designed for reliable performance” kabi ifodalar texnik obro‘ tasavvurini yaratishi mumkin, ammo ishonchlilik haqidagi da’vo real sinov, standart yoki hujjat bilan tasdiqlansagina dalillash vazifasini to‘laqonli bajaradi.

Adresatga moslashtirish taktikasi. Texnik mutaxassisga yo‘naltirilgan matnda «sensor», «integratsiya», «ma’lumotlar uzatish protokoli» singari terminlar axborot aniqligini oshiradi. Keng iste’molchi uchun esa «oson ulanish», «bir necha qadamda sozlash» kabi sodda birliklar tushunarliroq bo‘lishi mumkin. Shuning uchun ishontirishning samaradorligi terminlarning ko‘pligiga emas, balki ular auditoriya bilim darajasi va kommunikativ vazifa bilan qanchalik muvofiqlashganiga bog‘liq.

Qiyosiy jihatdan inglizcha modellashtirilgan misollarda qisqa imperativ konstruksiyalar (“Explore”, “Save”, “Keep”) markaziy o‘rin tutsa, o‘zbekcha namunalarda «-ing», «-ib ko‘ring», «-ingiz» kabi grammatik ko‘rsatkichlar orqali murojaatning xushmuomalalik va shaxsiylashtirish qirralari ochiladi. Biroq bu farqni barcha reklamalarga tatbiq etib bo‘lmaydi: uslub mahsulot turi, media formati va auditoriya bilan ham belgilanadi. H. P. Grays tavsiflagan sifat va miqdor maksimlari [5] nuqtayi nazaridan ham reklama ishonarli bo‘lishi uchun axborot yetarli, aniq hamda chalg‘itmaydigan tarzda taqdim etilishi lozim.

Ritorik savol va muammo–yechim modeli ham ishontirishning muhim vositasidir. Masalan, «Murakkab sozlamalarga vaqt ketayaptimi? Boshqaruvni soddalashtiring» va “Tired of complex setup? Simplify your workflow” tuzilmalarida dastlab ehtiyoj yoki muammo faollashtiriladi, so‘ng yechim taklif qilinadi. Savol haqiqiy ma’lumot so‘rashga emas, adresatning mavjud tajribasini eslatishga xizmat qiladi. Ikkinchi qismdagi direktiv esa xaridorni taklif etilayotgan texnologiya bilan muammoni hal qilish mumkin degan xulosaga yo‘naltiradi. Bunday konstruksiyada auditoriya muammoni o‘ziga tegishli deb qabul qilmasligi ham mumkin; shu sababli ta’sirning samarasi reklama muallifining taxminiga emas, haqiqiy auditoriya ehtiyojiga mos kelishga bog‘liq.

Presuppozitsiya va baholash birliklari reklamaga yashirin pragmatik qatlam qo‘shadi. «Yanada tezkor tizimga o‘ting» jumlasidagi «yanada» unsuri yangi variant avvalgisidan ustun ekanligi haqidagi dastlabki tasavvurni hosil qiladi. Ingliz tilidagi “Upgrade to smarter control” ifodasida esa “smarter” qiyosiy bahosi mavjud yechimning imkoniyati yetarli emasligi haqidagi ma’noni uyg‘otishi mumkin. Demak, bunday birliklar axborot berish bilan birga mahsulotlar o‘rtasida baholovchi ierarxiya ham yaratadi. Biroq qiyoslash mezoni ko‘rsatilmaganda u fakt emas, reklama talqini sifatida qabul qilinishi lozim.

Pragmatik tahlilda nutqiy harakat va uning kutiladigan natijasini farqlash ham muhim. «Ko‘rib chiqing» deyish — direktiv akt; uning real ta’siri esa adresatning sahifaga kirishi, ma’lumot izlashi yoki xarid qilishida namoyon bo‘lishi mumkin. Til birliklarining o‘zi bunday natijani kafolatlamaydi. Shu jihatdan reklama matni haqidagi qiyosiy lingvistik xulosa bilan auditoriya xulqiga oid empirik da’vo bir-biridan ajratilishi zarur. Keyingi bosqichda ikki tildagi haqiqiy reklama namunalarini mahsulot toifasi bo‘yicha tenglashtirib, direktivlar, baholovchi sifatlar, terminlar va dalillovchi birikmalarni alohida kodlash foydali bo‘ladi.

Xulosa. Ilmiy-texnik reklamada adresatga ta’sir ko‘rsatishning asosiy pragmatik mexanizmi texnik xususiyatni foydalanuvchi manfaati bilan bog‘lashdir. Ishontirish strategiyasi dalillash, manfaatni ko‘rsatish, undash, ishonch uyg‘otish va adresatga moslashtirish taktikalarining o‘zaro uyg‘unligi orqali yuzaga chiqadi. O‘zbek va ingliz tillaridagi konstruksiyalar umumiy kommunikativ maqsadga xizmat qilsa-da, bevosita murojaatning grammatik shakli va baholovchi urg‘usi jihatidan farqlanishi mumkin. Keyingi

tadqiqotlarda bu nazariy xulosalarni real, muvozanatli reklama korpusi asosida tekshirish va auditoriya qabulini empirik baholash maqsadga muvofiq.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Searle, J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
2. Leech, G. N. English in Advertising: A Linguistic Study of Advertising in Great Britain. London: Longmans, 1966.
3. Cook, G. The Discourse of Advertising. 2nd ed. London: Routledge, 2001.
4. Myers, G. Words in Ads. London: Edward Arnold, 1994.
5.Grice, H. P. Logic and Conversation. In: Cole, P., Morgan, J. L. (eds.). Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ЗАДАНИЯ В СИСТЕМЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Кобилова Нилуфар Хомидовна
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Шахрисабзский государственный педагогический институт
Шахрисябз, Узбекистан

Аннотация. *В статье исследуются принципы проектирования межкультурных коммуникативных заданий для самостоятельной работы студентов, изучающих русский язык как иностранный. Рассматривается соотношение самостоятельной работы, учебной автономии и межкультурной коммуникативной компетенции. На основе коммуникативно-деятельностного и межкультурного подходов предложена функциональная типология заданий, учитывающая характер речевого решения, степень самостоятельности и способы рефлексивного оценивания. Разработаны четыре учебные ситуации для уровней B1–B2, связанные с академическим общением, речевым этикетом и преодолением коммуникативного недопонимания. Представлены критерии оценивания, позволяющие разграничивать языковую правильность, коммуникативную уместность и обоснованность интерпретации культурного контекста. Установлены методические условия, при которых самостоятельное задание может создавать предпосылки для развития учебной автономии. Результаты имеют теоретико-методический характер и требуют дальнейшей экспериментальной проверки.*

Ключевые слова. *русский язык как иностранный, самостоятельная работа, учебная автономия, межкультурная коммуникативная компетенция, коммуникативное задание, речевой этикет, рефлексия.*

Annotatsiya. *Maqolada rus tilini chet tili sifatida o‘rganayotgan talabalarning mustaqil ishlarini tashkil etishda madaniyatlararo kommunikativ topshiriqlarni loyihalash tamoyillari tadqiq etiladi. Mustaqil ish, o‘quv avtonomiyasi va madaniyatlararo*

kommunikativ kompetensiya o‘rtasidagi munosabat ko‘rib chiqiladi. Kommunikativ-faoliyatga yo‘naltirilgan va madaniyatlararo yondashuvlar asosida nutqiy qaror, mustaqillik darajasi hamda refleksiv baholashni hisobga oluvchi topshiriqlar tasnifi taklif etiladi. B1–B2 darajalari uchun akademik muloqot, nutq etiketi va kommunikativ tushunmovchiliklarni bartaraf etishga qaratilgan to‘rtta o‘quv vaziyati ishlab chiqilgan. Til jihatidan to‘g‘rilik, kommunikativ o‘rinlilik va madaniy kontekstni talqin qilishning asoslanganligini baholash mezonlari belgilangan. Mustaqil topshiriqlar o‘quv avtonomiyasini rivojlantirish uchun sharoit yaratishi mumkin bo‘lgan metodik omillar aniqlangan. Natijalar nazariy-metodik xususiyatga ega bo‘lib, keyingi tajribaviy tekshiruvni talab qiladi.

Kalit so‘zlar. *rus tili chet tili sifatida, mustaqil ish, o‘quv avtonomiyasi, madaniyatlararo kommunikativ kompetensiya, kommunikativ topshiriq, nutq etiketi, refleksiya.*

Abstract. *The article examines the principles of designing intercultural communicative tasks for independent work in Russian as a foreign language. It distinguishes independent work from learner autonomy and explores their relationship with intercultural communicative competence. Drawing on communicative and intercultural approaches, the study proposes a functional classification of tasks based on communicative decision-making, learner independence, and reflective assessment. Four instructional tasks for B1–B2 learners address academic communication, speech etiquette, and the resolution of communicative misunderstandings. Assessment criteria distinguish linguistic accuracy, communicative appropriateness, and reasoned interpretation of cultural context. The analysis identifies methodological conditions under which independent tasks may support the development of learner autonomy. The findings are theoretical and methodological and require subsequent empirical validation.*

Keywords. *Russian as a foreign language, independent work, learner autonomy, intercultural communicative competence, communicative task, speech etiquette, reflection.*

Введение. Самостоятельная работа в обучении русскому языку как иностранному обычно предполагает выполнение студентом заданий вне непосредственного взаимодействия с преподавателем. Однако место выполнения работы ещё не определяет характера учебной деятельности. Воспроизведение речевых образцов и выполнение грамматических упражнений могут способствовать закреплению языкового материала, но не обязательно требуют самостоятельного решения коммуникативной задачи.

Особую методическую проблему представляет организация заданий, в которых студент должен учитывать культурный контекст общения. Знание форм обращения, выражения просьбы или несогласия само по себе не обеспечивает способности пользоваться ими в изменяющихся условиях коммуникации. Одна и та же речевая формула может восприниматься по-разному в зависимости от отношений между собеседниками, ситуации, канала общения и коммуникативных ожиданий.

Предмет настоящего исследования – способы организации межкультурных коммуникативных заданий в системе самостоятельной работы по РКИ. Цель заключается в обосновании их структурных признаков, функциональной

классификации и критериев оценивания. Исследование основано на понятийном анализе, сопоставлении дидактических характеристик заданий и методическом моделировании учебных ситуаций. Экспериментальная апробация разработанной системы не проводилась.

Самостоятельная работа и межкультурная коммуникативная компетенция

В методике преподавания языков необходимо различать самостоятельную работу как форму организации учебного процесса и учебную автономию как способность обучающегося управлять собственной деятельностью. При самостоятельной работе преподаватель может определять содержание, сроки и критерии оценивания, оставляя студенту выполнение конкретных действий. Учебная автономия предполагает более активное участие обучающегося в выборе способов работы, контроле результатов и корректировке принятых решений.

Теоретическое разграничение этих понятий соотносится с подходом H. Holec, рассматривающим автономию через способность обучающегося принимать ответственность за собственное обучение [1]. Для методики РКИ существенна не степень физической удалённости студента от преподавателя, а характер решений, которые он принимает при выполнении задания.

Межкультурная коммуникативная компетенция также не исчерпывается знанием языковых формул и сведений о культуре. В концепции M. Byram важное место занимают умения интерпретировать культурные явления, соотносить различные перспективы и критически осмыслять коммуникативный опыт [2]. Следовательно, межкультурное задание должно побуждать обучающегося не просто узнавать нормативный образец, а устанавливать условия его уместности.

В статье межкультурное коммуникативное задание понимается как учебная задача, предполагающая создание речевого продукта или принятие коммуникативного решения на основе анализа социального и культурного контекста взаимодействия. Его отличительный признак – необходимость учитывать более одной возможной интерпретации ситуации и обосновывать выбранную стратегию.

При проектировании задания целесообразно соотносить коммуникативную цель, исходный материал, действия обучающегося и ожидаемый результат. Такая организация согласуется с принципами коммуникативного проектирования учебных задач, представленными в работе D. Nunan [3]. Межкультурный компонент дополняет данную структуру требованием интерпретации коммуникативных ожиданий, а рефлексивный –необходимостью оценить основания собственного решения.

Функциональная организация межкультурных заданий

Для самостоятельной работы по РКИ предлагается классифицировать межкультурные задания по ведущему коммуникативно-познавательному действию обучающегося. Сравнительно-интерпретационные задания требуют сопоставления вариантов речевого поведения и объяснения условий их употребления. Ситуационно-ролевые предполагают выбор стратегии общения с учётом адресата и коммуникативной цели. Проблемно-коммуникативные ориентированы на выявление и разрешение недопонимания. Проектные объединяют анализ материалов и создание продукта для определённой аудитории. Рефлексивные направлены на самостоятельную оценку ранее принятого коммуникативного решения.

Предложенная классификация носит функциональный характер. Первые четыре типа выделяются по ведущему способу решения задачи; рефлексивные задания – по самостоятельной цели оценивания коммуникативного опыта. Рефлексия при этом может входить в состав любого другого типа задания.

Методическое значение классификации определяется возможностью согласовать три компонента: действие студента, ожидаемый результат и критерий оценивания. Например, в ситуационно-ролевом задании недостаточно проверить грамматическую правильность высказывания: необходимо установить, соответствует ли оно условиям общения и способен ли студент объяснить свой выбор.

Методическое проектирование самостоятельных заданий

Для иллюстрации предложенной системы разработаны четыре задания, ориентированные на обучающихся уровня B1-B2. Указанные уровни определяют предполагаемую сложность речевых действий и подлежат уточнению при работе с конкретной группой.

1. «Обращение к преподавателю». Ситуационно-ролевое задание, уровень B1. Коммуникативная цель – составить уместную письменную просьбу в условиях академического общения. Студент получает три учебных образца электронных сообщений преподавателю, различающихся степенью официальности и полнотой аргументации. Ситуация конкретизирована: обучающийся обращается по электронной почте с просьбой о переносе срока сдачи работы на два дня и должен кратко объяснить причину обращения. Необходимо определить недостатки образцов, составить собственное сообщение объёмом 80–100 слов и прокомментировать выбор речевых средств. Ожидаемый продукт — письмо и пояснение из трёх-четырёх предложений. Самопроверка проводится по вопросам: обозначена ли просьба, учитывается ли статус адресата, предусмотрена ли возможность отказа? Оцениваются языковая корректность, уместность обращения и обоснованность выбранной стратегии.

2. «Разные ожидания — одно высказывание». Сравнительно-интерпретационное задание, уровень B1–B2. Коммуникативная цель — предупредить неоднозначное понимание намерения собеседника. Исходный материал представляет собой учебный диалог: на приглашение участвовать в совместном мероприятии студент отвечает «Я постараюсь прийти». Организатор считает участие подтверждённым, тогда как отвечающий ещё не принял решения. Обучающемуся предлагается объяснить обе интерпретации, определить, какая дополнительная информация необходима собеседникам, и составить два варианта уточняющего диалога. Межкультурный аспект связан с возможным различием коммуникативных ожиданий участников, имеющих неодинаковый опыт общения, а не с приписыванием определённых речевых привычек национальным группам. Ожидаемый продукт – два коротких диалога и пояснение различий между ними. Оцениваются контекстуальная обоснованность интерпретации, точность уточняющих вопросов и способность рассматривать альтернативные объяснения.

3. «Согласование замечаний к совместной работе». Проблемно-коммуникативное задание, уровень B2. Коммуникативная цель – восстановить сотрудничество после неудачно сформулированной критики. Исходный материал – смоделированная переписка участников международной студенческой группы. Один из них кратко

сообщает, что предложенный раздел проекта необходимо полностью переработать; другой воспринимает сообщение как личную отрицательную оценку. Студент должен отделить содержание замечания от его речевого оформления, предложить нейтральную формулировку и подготовить ответ, направленный на уточнение требований. Ожидаемый продукт – два сообщения и краткий план согласования дальнейшей работы. Самопроверка включает анализ того, сохранён ли смысл критического замечания и не создаёт ли новая формулировка дополнительного конфликта. Критерии – точность интерпретации, конструктивность решения, аргументация и речевая уместность.

4. «Памятка для академического общения». Проектное задание, уровень B1-B2. Коммуникативная цель – подготовить практический материал для студентов, начинающих обучение в русскоязычной академической среде. Обучающийся самостоятельно отбирает не менее двух аутентичных образцов: опубликованные образовательной организацией правила переписки, объявления или инструкции. На их основе он составляет памятку, охватывающую три ситуации: обращение с просьбой, уточнение задания и согласование встречи. Каждый рекомендуемый речевой образец сопровождается пояснением условий употребления. Ожидаемый продукт – двуязычная памятка объёмом одну-две страницы с указанием источников. Самопроверка предполагает сопоставление рекомендаций с исходными материалами. Оцениваются достоверность источников, ясность объяснений, языковая корректность и соответствие содержания потребностям адресата.

Представленные задания выполняются индивидуально, а обратная связь предоставляется преподавателем после завершения самостоятельного этапа. При необходимости студент пересматривает первоначальный речевой продукт, фиксируя причины внесённых изменений.

Организация деятельности включает последовательные этапы: постановку коммуникативной задачи, анализ материала, выбор стратегии, создание продукта, самопроверку, рефлексию и обратную связь. В этой последовательности самостоятельность проявляется прежде всего в возможности обосновать решение и при необходимости изменить его.

Для оценивания предлагается использовать шесть критериев: языковую корректность, коммуникативную уместность, интерпретацию культурного контекста, аргументацию, самостоятельность и рефлексию. Каждый критерий может оцениваться по шкале от 0 до 2 баллов: 0 – требуемое действие не проявлено; 1 – проявлено частично; 2 – выполнено с достаточным обоснованием. Максимальная сумма составляет 12 баллов. Такая шкала предназначена для формирующего оценивания и не рассматривается как стандартизированный инструмент диагностики межкультурной компетенции.

Применение заданий в образовательной среде Узбекистана требует учёта различий в языковой подготовке, опыте академического общения и доступности русскоязычной практики. При недостаточном владении речевыми средствами преподаватель может предоставить опорные конструкции, не предопределяя содержание коммуникативного решения. Для более подготовленных обучающихся целесообразно расширять самостоятельность выбора материалов и критериев проверки.

Заключение. Проведённый анализ позволяет установить, что межкультурный характер коммуникативного задания определяется не тематическим присутствием сведений о культуре, а необходимостью интерпретировать условия взаимодействия и принимать обоснованное речевое решение.

Самостоятельная работа может создавать условия для развития учебной автономии при наличии выбора, самоконтроля и возможности пересмотра первоначального решения. Отсутствие непосредственного участия преподавателя само по себе не является достаточным условием автономности.

Предложенная функциональная классификация позволяет соотносить характер учебного действия с ожидаемым коммуникативным продуктом. Разработанные задания демонстрируют различные способы реализации этого принципа в академическом общении, анализе речевой неоднозначности, разрешении недопонимания и самостоятельном проектировании информационного материала.

Оценивание межкультурной самостоятельной деятельности требует разграничения языковой правильности, коммуникативной уместности и обоснованности интерпретации. Предложенная система критериев может использоваться для формирующей обратной связи, однако её диагностические свойства и влияние заданий на развитие компетенций требуют экспериментального исследования.

Список использованной литературы

1. Holec H. Autonomy and Foreign Language Learning. Oxford: Pergamon Press, 1981.
2. Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Clevedon: Multilingual Matters, 1997.
3. Nunan D. Designing Tasks for the Communicative Classroom. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
4. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009.
5. Abduraufova, K. T. (2023). Representation of the geocultural space in AP Chekhov's essays" From Siberia". Fenomen tvorcheskoy lichnosti v kulture: Fatyushchenkovskiye chteniya. Vypusk 10: Materialy X Mezhdunar. nauch. konf.[The phenomenon of the creative personality in culture: Fatyushchenko readings. Iss. 10: Proceedings of X International scientific conference].
6. Абдурауфова, К. Т. (2024). Мифологема пути в очерках АП Чехова «Остров Сахалин».

ПОЭТИКА И ЖАНРОВО-СТРУКТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫХ ПРИЧИТАНИЙ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ ДВУХ НАРОДОВ

Садинова Дилфуза Умировна,
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ жанрово-структурной организации и поэтики похоронно-поминальных причитаний (воплей, плачей / yig'ilar, yug'i) в русской и узбекской фольклорных традициях. На материале аутентичного обрядового фольклора рассматриваются архетипические оппозиции «жизнь – смерть», «свой – чужой», особенности пространственно-временной организации текстов, синтаксический параллелизм, а также система традиционных изобразительно-выразительных средств (метафорика, символика птиц, сакральная лексика). Выявляются этнокультурные универсалии и национально-специфические черты репрезентации ритуальной скорби в славянском и тюркском ареалах.*

Ключевые слова: *похоронно-поминальный фольклор, причитания, плачи, yig'i, поэтика, жанровая структура, русская фольклористика, узбекский фольклор, сопоставительная лингвокультурология.*

Annotatsiya. *Maqolada rus va o‘zbek folklor an’analarida dafn va xotira yig‘ilarining (voy-yig‘ilar, yug‘i) janriy-struktural tashkil etilishi hamda poetikasi qiyosiy-tipologik tahlil qilinadi. Autentik marosim folklori materiallari asosida «hayot – o‘lim», «o‘zining – o‘zganing» kabi arxetipik oppozitsiyalar, matnlarning makon va zamon strukturasi xususiyatlari, sintaktik parallelizm hamda an’anaviy tasviriy-ifodalash vositalari tizimi (metaforika, qushlar simvolikasi, sakral leksika) ko‘rib chiqiladi. Maqolada slavyan va turkiy areallarda marosim qayg‘usining ifodalanishidagi etnomadaniy universaliyalar va milliy-o‘ziga xos jihatlar yoritib berilgan.*

Kalit so‘zlar: *dafn-marosim folklori, yig‘ilar, yug‘i, poetika, janr strukturasi, rus folklorshunosligi, o‘zbek folklori, qiyosiy lingvokultrologiya.*

Abstract. *The article presents a comparative analysis of the genre-structural organization and poetics of funeral and memorial lamentations (wails, laments / yig'ilar, yug'i) in Russian and Uzbek folklore traditions. Based on authentic ritual folklore material, the paper examines archetypal oppositions such as "life – death" and "one's own – alien", the spatiotemporal organization of texts, syntactic parallelism, and the system of traditional figurative and expressive means (metaphorics, bird symbolism, sacred vocabulary). The study reveals ethnocultural universals and national-specific features of representing ritual grief in the Slavic and Turkic cultural domains.*

Keywords: *funeral and memorial folklore, lamentations, laments, yig'i, poetics, genre structure, Russian folkloristics, Uzbek folklore, comparative linguoculturology.*

Введение. Похоронно-поминальный фольклор относится к наиболее древним и устойчивым пластам архаической обрядовой культуры. В условиях перехода человека из земного мира в мир предков причитания (плачи, вопли) выступали не просто эмоциональным излиянием горя, но и обязательным сакральным инструментом ритуального переструктурирования пространства. Вербальное оформление скорби призвано было облегчить переход души умершего, защитить живых от воздействия потусторонних сил и восстановить нарушенный гармонический порядок общины.

Исследование поэтики и структуры обрядовых плачей в сопоставительном аспекте (на материале флективного русского и агглютинативного узбекского языков) позволяет выявить глубинную взаимосвязь между универсальными психоментальными архетипами скорби и национально-специфическими формами их языковой и художественной объективации. Как отмечает К. В. Чистов, «обрядовый плач – это не спонтанный импровизационный текст, а строго регламентированная традицией система поэтических формул, мотивов и синтаксических схем, функционирующая в рамках строго определенного ритуального действия» [5].

В узбекской фольклористике обрядовые плачи (*yig'i, yug'i, marsiya*) аналогично рассматриваются как важнейший элемент ритуального комплекса, сохранивший элементы доисламских (шаманистических и зороастрийских) представлений о мире и человеке. По словам М. Алавиевой, «узбекские обрядовые причитания – это не только выражение личной утраты, но и поэтико-ритуальный код, в котором синтезированы общественные представления о долге, чести, родственном долге и неизбежности мироздания» [1].

Цель настоящей статьи – раскрыть поэтико-стилистическую и жанрово-структурную специфику похоронно-поминальных причитаний в русской и узбекской традициях, выявив их сходства и национальное своеобразие.

Похоронно-поминальные причитания в обеих традициях отличаются жесткой привязанностью к определенным этапам обряда: омыванию, одеванию умершего, выносу тела из дома, погребению и последующим поминальным дням (3, 7, 40 дней, годовщина в узбекской традиции; 3, 9, 40 дней и годовщина – в русской).

Несмотря на языковые и конфессиональные различия, композиционная структура причитаний в русской и узбекской традициях демонстрирует поразительную типологическую общность. Композиционная структура обрядового плача в обеих традициях подчинёна единой логике ритуального действия и разворачивается как последовательная смена пяти ключевых смысловых блоков: она открывается ритуальным обращением и призывом к умершему или предкам (1), за которым следует изображение катастрофы и мотив неожиданности понесенной утраты (2), переходящий в идеализацию и воссоздание идеального портрета ушедшего (3); далее разворачивается описание иномирия с мотивом тяжелого пути и темной дороги (4), а завершает композицию причитание-прошение и фатический финал (5), оформляющий окончательный разрыв связи с миром живых.

В русской традиции (в частности, в знаменитых севернорусских причитаниях, записанных Е. В. Барсовым) причитание начинается с зачина-выклика:

«Ай да выкатитесь, слёзки горючие,

Из моих из очей да ясненьких!
Да открывайся, матушка сыра-земля,
Вылетай, душа, да белая лебедь...»
[2].

В узбекской традиционной культуре причитание (*yig'i*) исполняется женщинами (*yig'ichi*) и открывается ритмизированным зачином с характерными междометиями скорби (*«Вой, болам-а!», «Отам-а, суянчигим-а!»*):

«Qora tog‘im yiqildi-yov, вой отам-а,
Oqar daryom quridi-yov, вой отам-а!
Suyangan chinorimdan ajraldim-yov,
Qaylarga ketdingiz, jonim отам-а...»
(«Рухнула моя черная гора, о отец мой,
Высохла моя текучая река, о отец мой!
Лишилась я чинары, на которую опиралась,
Куда же вы ушли, родной мой отец...»)[4].

2. Поэтика и образно-символическая система

Поэтический язык похоронно-поминального фольклора строится на устойчивых метафорах, ассоциирующихся с разрушением природы, космоса и дома.

В обоих языках смерть главы семьи или близкого человека описывается как космическая катастрофа. В русской традиции отец или муж сравнивается с «крепким дубом», «светлым солнышком», «красным солнышком за горы закатавшимся»:

«Закатилось мое красно солнышко
За те за горы да за высокие,
Повалился мой дуб окряжистый...»[2].

В узбекских причитаниях используются параллельные образы, обусловленные природно-географическим ландшафтом и этнокультурой Средней Азии: *«Qora tog'»* (черная гора – опора семьи), *«Chinor»* (вековая чинара – символ крепости и рода), *«Oqar daryo»* (текучая река – источник жизни и изобилия):

«Uyimning ustuni yiqildi-yov,
Soyamda o‘tirgan chinorim quvradi-yov...»
(«Упал столб моего дома,
Засохла чинара, в тени которой я сидела...»)[1].

Образ души, улетающей в виде птицы, является общечеловеческим архетипом. В русских плачах душа умершего нередко предстает в образе кукушки, сизого сокола или белой лебедушки:

«Ты прилети, моя родимая матушка,
Голубушкой в зеленой сад,
Сизой кукушечкой на яблоньку...»[5].

В узбекском фольклоре душа умершего ассоциируется с перелетной птицей (*«huma», «qulon», «bulbul»*), покидающей свою клетку (*tani / badan*) или родной сад (*bo'ston*):

«Joningiz bir qush bo‘lib uchdimi-yov,
Qaysi bir bog‘larga qo‘ndimi-yov...»
(«Улетела ли ваша душа, став птицей,
Опустилась ли она в далеких садах...») [4].

Синтаксическая организация текстов в обеих традициях подчинена законам параллелизма – ступенчатого, синонимического и противоположного.

Русский плач строится на основе сказительного тонического стиха (3–4-ударного) с характерной тирадой и обязательным аффективным завершением каждой строки (колебанием тона):

«Не из тучушки да часты дождички,
Не из облака да часты громочки –
Проливаются да слезы горькие,
Вырываются да вздохи тяжелые...»[2].

3.2. Узбекская *yig'i*

Узбекское причитание опирается на силлабическую структуру традиционного стиха (*barmoq vazni*), где строфы объединены рифмой или парным параллелизмом (*a-a-b-a* или *a-a-a-a*), поддерживаемым агглютинативными аффиксами и рефренами:

«Mening otam boy edi-ya,
Minishiga toy edi-ya.
Otam tushgan qora go‘rlar,
Buncha qorong'i joy edi-ya...»
(«Мой отец был богат,
Был у него жеребенок для езды.
Темная могила, куда сошел отец,
Что же это за темное место...») [1].

Обсуждение и сравнительный анализ

Сравнительный анализ свидетельствует о наличии глубоких изоморфных и алломорфных черт в фольклоре двух народов:

Параметр сопоставления	Русская фольклорная традиция	Узбекская фольклорная традиция
Исполнитель	Вопленница / плачея (профессиональная или родственница)	*Yig'ichi* (женщина-плакальщица, близкие родственницы)
Ключевые символы	Дуб, солнце, сыра-земля, кукушка, лебедь	Черная гора (*Qora tog'*), чинара, текучая река, сокол/птица
Метро-ритмика	Тонический стих,	Силлабический стих

	растяжные гласные, импровизационная тирада	(*barmoq vazni*), агглютинативные рифмы
Конфессиональный пласт	Двоеверие (православные формулы + языческая атрибутика)	Синтез исламских представлений (*qazo, taqdir*) и архаических плачей

Как замечает П. Г. Богатырев, «обрядовая функция плача строго определяет его поэтические средства: эмоциональный аффект направляется в канву традиционных формул, превращая личное горе в социально признанный и культурно санкционированный ритуал» [2].

Выводы. Похоронно-поминальные причитания в русской и узбекской фольклорных традициях представляют собой строго регламентированную жанровую систему, выполняющую психотерапевтическую, ритуально-магическую и социализирующую функции.

Сопоставительный анализ выявляет архетипические универсалии: бинарную оппозицию «свет/тьма», «жизнь/смерть», метафорику разрушения дома и природы (упавшее дерево, погасшее солнце/сохнущая река), а также орнитоморфную концепцию души. Национально-языковая специфика проявляется в просодической и грамматической структуре: флективный русский язык формирует широкую тирадную импровизационную систему плача на основе тонического стиха, тогда как агглютинативный узбекский язык использует четкий силлабизм (*barmoq vazni*), опираясь на аффиксальную рифму и традиционные формулы скорби.

Список использованной литературы

1. Алавиева, М. Ўзбек маросим фольклори (Узбекский обрядовый фольклор) / М. Алавиева. — Ташкент: Фан, 1974. — 182 с.
2. Барсов, Е. В. Причитания Северного края. В 2 т. Т. 1 / Е. В. Барсов. — СПб.: Наука, 1997. — 545 с.
3. Богатырев, П. Г. Вопросы теории народного искусства / П. Г. Богатырев. — М.: Искусство, 1971. — 544 с.
4. Жарданова, С. Ўзбек дафн-маросим қўшиқларининг поэтикаси (Поэтика узбекских похоронно-обрядовых песен) / С. Жарданова. — Ташкент: Фан, 1982. — 148 с.
5. Чистов, К. В. Фольклор. Текст. Традиция / К. В. Чистов. — М.: ОГИ, 2005. — 272 с.

ВАРИАТИВНОСТЬ НАПИСАНИЯ УЗБЕКСКИХ СОБСТВЕННЫХ ИМЁН В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ

Тургунбоева Эленур Тулкин кизи
преподаватель-стажёр кафедры русского языка и литературы
Шахрисабзский государственный педагогический институт
Шахрисабз, Узбекистан

Аннотация. *Вариативность написания узбекских антропонимов в русскоязычных rus tilidagi rasmiy hujjatlarda turlicha yozilishi yoziv tizimlaridagi farqlar va официальных документах связана с различиями в системах письма и особенностями транслитерации. Различия в передаче имён и фамилий могут приводить к несоответствиям в документах. Актуальность проблемы обусловлена необходимостью единообразного написания антропонимов с сохранением их официально зарегистрированной формы.*

Ключевые слова: *узбекские антропонимы, русскоязычные документы, вариативность написания, транслитерация, имена собственные, официальная документация.*

Annotatsiya. *O‘zbek antroponimlarining transliteratsiya xususiyatlari bilan bog‘liq. Ism va familiyalarni turlicha ifodalash hujjatlarda nomuvofiqliklarni keltirib chiqarishi mumkin. Mazkur muammoning dolzarbligi antroponimlarni ularning rasmiy ro‘yxatga olingan shaklini saqlagan holda yagona tartibda yozish zarurati bilan belgilanadi.*

Kalit so‘zlar: *o‘zbek antroponimlari, rus tilidagi hujjatlar, yozuvdagi variantlilik, transliteratsiya, atoqli otlar, rasmiy hujjatlar.*

Abstract. *Variations in the spelling of Uzbek anthroponyms in official documents in Russian are associated with differences between writing systems and the specific features of transliteration. Variations in the rendering of first names and surnames may lead to inconsistencies in official documents. The relevance of this issue is determined by the need to ensure uniform spelling of anthroponyms while preserving their officially registered forms.*

Keywords: *Uzbek anthroponyms, Russian-language documents, spelling variation, transliteration, proper names, official documentation.*

Антропонимы являются важной частью языковой и культурной идентичности человека. В условиях взаимодействия узбекского и русского языков особую актуальность приобретает проблема передачи узбекских имён и фамилий в русскоязычных официальных документах.

Причины вариативности написания собственных имён: Одной из основных причин вариативности является различие между графическими системами узбекского и русского языков. Узбекский язык использует латинскую графику, в которой присутствуют буквенные сочетания и знаки, не имеющие прямых соответствий в русском алфавите.

При передаче таких слов русскими буквами могут возникать различия, связанные с выбором способа транслитерации. Вариативность написания узбекских антропонимов обусловлена различиями в графических системах, особенностями произношения и отсутствием единообразных подходов к передаче отдельных звуков. Например, узбекские имена *G‘ulom* и *Yo‘ldosh* в русскоязычных документах могут

передаваться как «Гулом» и «Юлдаш». Подобные различия возникают при адаптации узбекских букв и звуков к нормам русского языка. Узбекское имя *Oqsaroy* может передаваться в русскоязычных документах как «Аксарай». Подобные различия в передаче узбекских букв средствами русской графики подчёркивают необходимость единообразного написания антропонимов в официальных документах. Аналогичные трудности могут возникать при передаче имён, содержащих буквы **o‘**, **g‘** и **q** [7]. Названия узбекских городов Qarshi и Shahrisabz в русскоязычных документах пишутся как «Карши» и «Шахрисабз». При анализе подобных примеров необходимо учитывать различие между транслитерацией и традиционной передачей названий [2]. Транслитерация предполагает последовательную передачу букв одной письменности средствами другой, тогда как традиционная форма может основываться на исторически сложившемся употреблении.

В официальных документах единообразие топонимов имеет практическое значение. Различия в написании названий населённых пунктов могут затруднять поиск информации, обработку документов и сопоставление данных из разных источников [7]. Особенно важно придерживаться установленных форм в административных документах, справочниках, образовательных материалах и официальных переводах. Для повышения точности передачи собственных имён необходимо учитывать несколько принципов. Во-первых, следует различать антропонимы и топонимы, поскольку они выполняют разные функции. Во-вторых, необходимо учитывать особенности исходного языка и нормы языка, средствами которого передаётся название. В-третьих, в официальных документах следует сохранять установленную форму персональных данных и не допускать произвольного изменения написания. Дополнительное значение имеет сопоставление узбекских форм с их русскоязычными вариантами [3]. Такой анализ позволяет выявить типичные трудности, определить причины расхождений и выработать рекомендации для последовательного употребления собственных имён в письменной речи.

Изучение данной проблемы способствует совершенствованию межъязыковой передачи антропонимов и снижению количества ошибок в официальной документации. Единообразное написание имён и фамилий имеет важное значение для сохранения национальной идентичности и точности персональных данных. Особенно важна точность написания антропонимов в паспортах, свидетельствах о рождении, дипломах и других официальных документах. Несовпадение вариантов написания одного имени в разных документах может вызвать трудности при установлении личности и оформлении документов.

Подводя итоги, следует отметить, что правильная передача узбекских собственных имён на русский язык является важным условием точности письменной коммуникации. Примеры названий городов Карши и Шахрисабз показывают роль традиционно закрепившихся форм в русскоязычной практике. В свою очередь, написание личных имён и фамилий требует особого внимания, поскольку любые расхождения могут создавать трудности при оформлении и проверке документов. Поэтому соблюдение единообразия в передаче антропонимов и топонимов способствует повышению точности официальной документации и сохранению национальных особенностей узбекских названий.

Список использованной литературы

1. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – Наука, 1973. – 366 с.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – Наука, 1988. – 192 с.
3. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. – Просвещение, 1983. – 224 с.
4. Суперанская А. В. Имя через века и страны. – Наука, 1990. – 190 с.
5. Никонов В. А. Имя и общество. – Наука, 1974. – 278 с.
6. Бегматов Э. Узбекские имена. – Ташкент, 1991. – 417 с.
7. Нафасов Т. Толковый словарь топонимов Узбекистана. – Учитель, 1988. – 288 с.

ФУНКЦИИ ГОРОДСКОГО СИМВОЛА И ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ В СОВРЕМЕННОЙ УЗБЕКСКОЙ И РУССКОЙ МАЛОЙ ПРОЗЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Хамраева Дилафруз Жураевна
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются функции городского символа и типология героев в современной узбекской и русской малой прозе на примере творчества Исажона Султона и Людмилы Петрушевской. Анализируется, как городское пространство выступает метафорой отчуждения, духовного поиска и экзистенциальной ловушки. Выявляется типология героев («вечный странник», «маленький человек», «жертвенный» персонаж) и прослеживаются точки межкультурного диалога в постсоветском литературном пространстве.*

Ключевые слова: *городской символ, типология героев, малая проза, межкультурный диалог, Исажон Султон, Людмила Петрушевская, отчуждение, постсоветская литература, архетип*

Annotatsiya. *Maqolada Isajon Sulton va Lyudmila Petrushevskaya ijodi misolida zamonaviy o‘zbek va rus kichik nasrida shahar simvolining funksiyalari hamda qahramonlar tipologiyasi ko‘rib chiqiladi. Shahar makoni begonalashuv, ruhiy izlanish va ekzistensial qopqon metafasori sifatida qanday namoyon bo‘lishi tahlil qilinadi. Qahramonlar tipologiyasi («abadiy darbadar», «kichik odam», «fidoiy» personaj) aniqlanadi va postsovet adabiy makonida madaniyatlararo muloqot nuqtalari kuzatiladi.*

Kalit so‘zlar: *shahar simvoli, qahramonlar tipologiyasi, kichik proza, madaniyatlararo muloqot, Isajon Sulton, Lyudmila Petrushevskaya, begonalashuv, postsovet adabiyoti, arxetip.*

Abstract. *The article examines the functions of the urban symbol and the typology of characters in contemporary Uzbek and Russian short prose, focusing on the works of Isajon Sulton and Lyudmila Petrushevskaya. It analyzes how urban space serves as a metaphor for*

alienation, spiritual search, and existential trap. The study identifies character typologies (such as the "eternal wanderer," the "little man," and the "sacrificial" character) and traces points of intercultural dialogue within the post-Soviet literary landscape.

Keywords: *urban symbol, character typology, short prose, intercultural dialogue, Isajon Sulton, Lyudmila Petrushevskaya, alienation, post-Soviet literature, archetype.*

Введение. Современная малая проза Узбекистана и России демонстрирует интенсивный межкультурный диалог, в котором городской символ выступает не просто фоном, а активным смыслообразующим элементом. Город становится пространством отчуждения, духовного поиска и трансформации личности. Типология героев отражает универсальные архетипы «маленького человека», одиночки-скитальца и «жертвенного» персонажа, адаптированные к национальным традициям. В качестве репрезентативных авторов выбраны Исажон Султон (узбекская проза) и Людмила Петрушевская (русская проза). Их творчество позволяет проследить, как урбанистические образы и типы героев резонируют в постсоветском культурном пространстве, преодолевая национальные границы.

В рассказах и повестях Исажона Султона город (прежде всего Ташкент и урбанизированные пространства Ферганской долины) функционирует как пространство духовного одиночества и философского поиска. Городской топос часто противопоставляется мифопоэтическому саду, роднику или степи, превращаясь в символ отчуждения современного человека от традиционных ценностей. В романе «Среди людей» («Among the People») герой – обыкновенный служащий – «хотя и проводит дни среди людей, становится всё более далёким от их проблем, жизней и ценностей» [3]. Город здесь – это толпа, которая не спасает от экзистенциальной изоляции, а усугубляет её.

Символика города у Султона часто приобретает постмодернистские черты: многоуровневость, ризоматичность сюжета, где «сюжет представлен как символический лабиринт с центром, который не фиксируется» [2]. В рассказах вроде «Чаша на воде» («Сувдаги коса») городские реалии переплетаются с философскими размышлениями, а пространство становится метафорой текучести человеческой судьбы. Городской символ у Султона выполняет функцию «переходного» пространства: он соединяет земное и трансцендентное, советское прошлое и постсоветскую духовную жажду. Герой оказывается «вечным странником» (как в одноимённом романе), для которого город – лишь временная остановка на пути к поиску Бога и смысла.

Типология героев Султона строится вокруг архетипа одинокого интеллектуала или «маленького человека», переживающего духовный кризис. Это не пассивная жертва, а искатель, способный к внутреннему диалогу с традицией (суфизм, национальный фольклор). Городской символ здесь акцентирует конфликт между коллективом и личностью, между материальной суетой и метафизическим измерением.

У Людмилы Петрушевской город (почти исключительно Москва) выступает как замкнутая система, ловушка, в которой герои вынуждены выживать по собственным, часто жестоким законам. «Город в прозе Петрушевской – это ловушка, в которой её герои пытаются выжить по своим собственным законам. В городе Петрушевской её

герой одинок и предоставлен самому себе, недоверчив, способен в любой момент либо отвергнуть давление насилия, либо, напротив, стать жертвой насилия» [1]. Квартира, кухня, коммуналка, улица и больница – доминирующие топосы, превращающие город в пространство повседневного ада. Петрушевская сама характеризует своих персонажей так: «Это у меня маленькие людишки копошатся, ходят по кухням, занимают деньги, иногда сватаются через парикмахершу… Ни один из этих людей не начальник. Ни один не может не то что руководить движением истории, но и просто руководить. Так себе персонажи. Они как я, как мои соседи» [1]. Городской символ у неё выполняет функцию разоблачения: он обнажает абсурд и жестокость быта, но одновременно позволяет увидеть проблески человечности.

Типология героев Петрушевской включает «жертвенный» тип, «маленького человека» (часто представителя московской интеллигенции – научных сотрудников, защитивших или пишущих диссертации), одинокую женщину, сироту, мать в кризисе. Вопреки распространённому мнению о «жестоком реализме», исследовательницы отмечают, что именно способность к самопожертвованию становится спасительным качеством: «в мире Петрушевской наивысшей ценностью обладает то, что не вписывается в условия этой жестокой борьбы. То, что существует вопреки ей. Это беспомощность и самопожертвование» [4]. Героиня рассказа «По дороге бога Эроса» – «маленькая пухлая немолодая женщина, обременённая заботами, ушедшая в своё тело, как в раковину» [5] – воплощает этот тип.

Сравнение Султона и Петрушевской выявляет глубокие параллели. В обоих случаях город – пространство отчуждения и испытания личности. У узбекского автора он окрашен философско-мифологическим измерением (поиск рая, вечное странничество, суфийские мотивы), у русской – натуралистическим и гротескным (кухня, коммуналка, бытовой ад). Типология героев сближается в образе «маленького человека», который у Султона сохраняет духовную вертикаль, а у Петрушевской – способность к жертвенности вопреки обстоятельствам.

Межкультурный диалог проявляется в общей постсоветской проблематике: утрата коллективных идеалов, одиночество в толпе, поиск смысла в урбанизированном мире. Городской символ у обоих авторов становится универсальным языком, позволяющим говорить о человеке поверх национальных границ. Султон «переводит» восточную традицию на язык современной прозы, Петрушевская – советский и постсоветский быт на язык архетипов. Их малая проза образует своеобразный литературный мост, где узбекский «вечный странник» и русский «маленький людишко» встречаются в общем пространстве городского одиночества и духовного сопротивления.

Таким образом, функции городского символа (отчуждение, ловушка, переходное пространство) и типология героев (одиночка-искатель, жертвенный персонаж, «маленький человек») в творчестве Исажона Султона и Людмилы Петрушевской демонстрируют продуктивность межкультурного диалога. Современная малая проза обоих литературных традиций подтверждает, что город остаётся одним из самых мощных символов человеческого существования в эпоху глобальных перемен.

Список использованной литературы

1. Bakhranova G. Leading Artistic Features of Modern Uzbek Prose (on the Example of the Stories of Isajon Sultan) // Oriental Journal of Philology. — 2025. — Vol. 5. — No. 1. — P. 7–16.

2. Город и дом в системе персонажей малой прозы Л.С. Петрушевской // УчебникFree. — URL: https://uchebnikfree.com/uchebniki-jurnalistika/gorod-dom-sisteme-personajey-maloy-prozyi-15711.html.

3. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: в 2 т. — М.: Академия, 2003. — Т. 2.

4. Липовецкий М. Растратные стратегии, или Метаморфозы «чёрного юмора» // Новое литературное обозрение. — 1994. — № 5.

5. Петрушевская Л.С. Собрание сочинений: в 5 т. — М.: АСТ, 1996. — Т. 1.

6. Султон И. Боқий дарбадар (Вечный странник). — Тошкент: Ўзбекистон, 2011.

7. Султон И. Among the People // Science Shine. International Scientific Journal. — 2025. — Issue 11(46). — Vol. 1.

8. Хасанов С. Постмодернизм и идейно-художественные особенности прозы И. Султана // Зарубежная лингвистика и лингводидактика. — 2024. — Т. 2. — № 3. — С. 154–161.

9. Чупринин С. Людмила Петрушевская // Знамя. — 1989. — № 10.

КАТЕГОРИИ «ХАЖВ» И «КУЛГИ» В УЗБЕКСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ СМЕХА, САТИРЫ И ЮМОРА В УЗБЕКСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

(сопоставление русской и узбекской традиций комического)

Ходжаева Алёна Ботировна
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Университет экономики и педагогики
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются категории «кулги» (смех) и «ҳажв» (сатира) как важнейшие составляющие национальной традиции комического в узбекском литературоведении. Особое внимание уделяется эстетическим, нравственным, воспитательным и социально-критическим функциям смеха в узбекской литературе и драматургии. На основе сопоставления русской и узбекской драматургических традиций определяются общие закономерности и национальное своеобразие комического. Делается вывод о том, что узбекская традиция комического характеризуется органическим сочетанием юмористического, сатирического, нравственно-этического и гуманистического начал.*

Ключевые слова: *кулги, ҳажв, комическое, юмор, сатира, узбекская драматургия, русская драматургия, национальная традиция смеха, трагикомическое, гротеск, ирония, Ходжа Насреддин.*

Abstract.*The article examines the categories of kulgi (laughter) and hajv (satire) as important components of the national tradition of the comic in Uzbek literary studies. Particular attention is paid to the aesthetic, moral, educational, and socially critical functions of laughter in Uzbek literature and drama. By comparing Russian and Uzbek dramatic traditions, the article identifies both common patterns and national specific features of the comic. It concludes that the Uzbek tradition of the comic is characterized by an organic combination of humorous, satirical, moral, ethical, and humanistic principles.*

Keywords: *kulgi, hajv, the comic, humor, satire, Uzbek drama, Russian drama, national tradition of laughter, tragicomedy, grotesque, irony, Khoja Nasreddin.*

Annotatsiya. *Maqolada o‘zbek adabiyotshunosligida komiklikning milliy an’analarini ifodalovchi muhim tushunchalar — «kulgi» va «hajv» kategoriyalari tadqiq etiladi. O‘zbek adabiyoti va dramaturgiyasida kulgining estetik, axloqiy, tarbiyaviy hamda ijtimoiy-tanqidiy funksiyalariga alohida e’tibor qaratiladi. Rus va o‘zbek dramaturgiyasidagi komik an’analarni qiyoslash asosida umumiy qonuniyatlar hamda milliy o‘ziga xosliklar aniqlanadi. Tadqiqot natijasida o‘zbek komik an’anasi yumoristik, hajviy, axloqiy-estetik va insonparvarlik tamoyillarining uzviy uyg‘unligi bilan ajralib turishi asoslanadi.*

Kalit so‘zlar: *kulgi, hajv, komiklik, yumor, satira, o‘zbek dramaturgiyasi, rus dramaturgiyasi, kulgi milliy an’anasi, tragikomiklik, grotesk, kinoya, Xo‘ja Nasriddin.*

Для проведения исследования о комических элементах в узбекской литературе, невозможно обойтись без их рассмотрения в рамках национальной традиции культуры смеха, где существуют два основных понятия: **кулги** (смех) и **ҳажв** (сатира). И эти классификации раскрывают не только эстетический характер комического, но также качества национального художественного мышления, социальную оценочность и этическую осознанность.

Смех (кулги и ҳажв) составляет значительную часть узбекской литературы, отражающей жизнь трудящихся. Классика фольклора Сатирическая поэзия Современная драматургия. В примерах литературы существует комический элемент. Его контекст таков: в узбекской культурной традиции никогда не было просто роли смеха — развлечь; он выражает понимание межчеловеческих отношений и критику недостатков, одновременно утверждая нравственные ценности. Категории кулги, ҳажв играют важную роль в трудах узбекских литературоведов, поскольку эти типы позволяют выделять национальные особенности восприятия комического.

1.Понятие «кулги» в узбекской эстетической традиции. Само слово «кулги» имеет более широкое значение: оно обозначает смех как эстетическое и культурное явление. В узбекской литературной традиции смех рассматривается как нечто большее, чем просто реакция человека на данные, окружающие и оценивающие этот мир. Обычный смех призван быть мудрым, наполненным жизненным опытом; если сказать точнее — это человек, который умеет видеть противоречия реальности. Характерная черта узбекского понятия смеха — его связь с моральным принципом. Смех направлен не столько на унижение или причинение человеку душевной боли, сколько на исправление его пороков.

Таким образом, «кулги» выполняет несколько функций:

– эстетическую;
– воспитательную;
– критическую;
– социальную.
Смех обнажает человеческие слабости, и по тому же пути свидетельствует о добродетелях: честности, трудолюбии, справедливости, сострадании.

2.Ҳажв как форма сатирического изображения. Здесь следует сказать несколько слов об особой части узбекской сатирической системы — ҳажв.
Это вид художественной критики, который стремится высветить социальные и нравственные пороки, называемый Ҳажв (hajv).
Ключевые особенности таковы:
– острота суждения;
– преувеличение отрицательных черт;
– использование иронии;
– разоблачение расхождения между внешним видом и сущностью;

Традиции ҳажв в узбекской литературе складывались столетиями. Это было средство посмеяться над жадностью, невежеством, лицемерием, злоупотреблениями властью и другими социальными недугами. Одновременно «противоядие» сатире заключалось не только в отрицании: оно означало труд ради общественного улучшения.

3.Фольклорные истоки узбекского комического. Узбекская комедийная культура берет свое начало в основном из народного искусства.
Ниже приведены, пожалуй, самые распространенные старушечьи россказни:
– анекдотические истории;
– народные шутки;
– образ остроумного героя;
– сатирические повседневные ситуации.

Особое место отведено образу Ходжи Насреддина — одному из самых узнаваемых проявлений народной смешной мудрости.
Его комедийный образ, смешанный с хитростью и разоблачением человеческой слабости. Ходжа Насреддин не смеется разрушительным смехом: он смеется над несправедливостью, глупостью, лицемерием.
Форма народного героя — мощный элемент в оформлении узбекской сатирической традиции.

4.Традиции сатиры в узбекской литературе.

Использование сатиры как средства общественных изменений стало одной из характерных черт, связанных с отражением развития узбекской литературы XX века.
Подобно тому как это делали драматурги, узбекские писатели использовали комическое, чтобы косвенно высвечивать конфликты между традицией и современностью и иные социальные проблемы (о воспитании, культуре, семейных отношениях).
Сатирическое в драме проявляется через:
– комических персонажей;
– повседневные конфликты;

– речевую характеристику персонажей;
– преувеличение некоторых черт.
Одновременно узбекская сатира продолжает сохранять гуманистические тенденции: объектом осмеяния является не отдельный человек, а отрицательные качества и ошибочные убеждения.

5.Комическое в узбекской драматургии второй половины XX века.

Вторая половина XX века — в узбекской драматургии и обеспечивает драму.
Темы, на которых действительно сосредоточены сильнее всего:
– изменения в семейных отношениях;
– столкновения между поколениями;
– трансформации традиционного сознания;
– социальный статус личности.
Здесь комическое усложняется — в него вплетены психологический и драматический материал.

В пьесах С. Ахмада и Ш. Бошбекова метод, который был использован, предполагает использование комических ситуаций, которые характеризуются значительным смысловым подтекстом. Смех персонажей показывает и их недостатки, и человеческое состояние.
В тех повседневных конфликтах, которые происходят между мужчинами и женщинами, рассматривается проблема традиции изменения: пьеса С. Ахмеда «Бунт невесток» иллюстрирует такой тип сюжета. Столкновение взглядов на семью и социальные роли питает смех.

В комедийно-сатирической пьесе Ш. И. Бошбекова «Темир хотин» намеренная формальная стратегия чрезмерной гротескности позволяет философски воспринимать и осмыслять место человека в обществе, а также значимость и статус нравственно-духовных ценностей.

6.Национальное своеобразие узбекского комического. Анализ русских и узбекских комических традиций выявляет как общие закономерности, так и национальные особенности.
Общая черта заключается в том, что комическое: вскрывает противоречия действительности, выступает как критик, помогает «прочитать» человеческую натуру и при этом абсурдно серьёзно.
Но национальная специфика комизма у узбеков — в особой любви к: семейным отношениям; традициям и обычаям;
групповым ценностям; нормам нравственного поведения.
Тогда как если русская драматургия часто рассказывает о том, как кто-то разбирается со своей собственной психологией и внутренним конфликтом, то узбекская драма показывает человека через систему — как часть семьи и социальных связей.

7.Связь понятий «кулги» и «ҳажв» с трагикомическим. Особенно для целей данного исследования жизненно важно, чтобы какие бы то ни было характеристики комического в узбекском языке не сводились лишь к сатирическому изображению. Конкретные трагикомические эффекты возникают как результат обращения к смеху, сопровождаемому серьезным содержанием — это все более распространенный прием в современной драматургии; драматическая ирония открывает новые горизонты для

события, которое претерпевает трансформацию, поскольку иногда оно становится гротескным благодаря смеху (курсив мой). Зачастую так бывает и с образом главного героя: он может казаться смешным из-за своих привычек или недопонимания, однако то, что в действительности разворачивается в конце этой ситуации, раскрывает серьезную человеческую проблему.

Такое сочетание характерно для произведений, связанных с С. Ахмадом и Ш. Бошбековым. Комическое в их произведениях выполняет двойную функцию:

оно разоблачает устаревшие идеи;

оно сохраняет уважение к личности как носителю определенного жизненного опыта.

Поэтому категории kulgi и hajv являются центральными для узбекской эстетики комического. В то время как Kulgi означает некую общую «плененную» перспективу восприятия природы юмора как художественного впечатления о жизни, hajv — это сатирический путь, более связанный с остро направленной социальной и нравственной критикой. Национально-традиционный узбекский комизм, представленный как смешение элементов, юмора и смеха, сатирических направлений и гуманистического отношения к человеку, — характерная черта. Эти традиции заново развиваются в драматургии второй половины XX века: — комическое как средство понимания социальных изменений, конфликтов между поколениями и отношений с человеком, который ищет свое место в меняющейся реальности.

Национальная специфика комического в узбекской драматургии.

На самом деле изучение комического в узбекской драматургии должно учитывать, что комическая культура от рождения до смерти развивается, взаимодействуя с историческим опытом, традициями, нравственными идеями и особенностями общественного сознания, характерными для каждого народа. Комиксы в литературе не являются монадной формой, существующей вне культурного контекста. Хотя механизмы смешного в целом относительно универсальны — выявление противоречий, «свободное» отношение к нарушениям нормы, комизм, не совпадающий с ожиданиями, — способы, которыми оно художественно обыгрывается, различаются в зависимости от национальной специфики. Традиция изображения комического в узбекской драматургии имеет глубокие корни, сформировавшиеся на основе народного юмора, фольклорной комической культуры и классических литературных традиций. Отличительной чертой узбекского комического является органичное сочетание юмористических и нравственно-этических компонентов.

В противоположность этому смех в традиции узбекского искусства чаще всего выполняет корректирующую, воспитательную и гармонизирующую функцию, а не разрушительную.

Комическое и национальная картина мира.

То, как человек сейчас видит мир, определяет национальную специфику комедии. Наличие ценностей в узбекской культуре: уважение к старшему поколению, важность семьи, сохранение традиций, индивидуальная социальная ответственность и гармония между личным и коллективным — имеет большое значение. Таким образом, комедийные конфликты узбекской драматургии нередко рождаются именно в сфере общественных и семейных отношений.

То, что делает ситуации смешными, — это когда персонаж нарушает нравственные нормы, монотонно упрям, дерзко неспособен осознать перемены времени и т. п.; разрушенные парадигмы никогда не будут био-имитативными.
Но объект насмешки обычно направлен не столько на самого человека как такового, сколько на конкретную несостоятельность или ошибочную жизненную позицию.

Бытовой и семейный комизм в узбекской драматургии. Характерная черта узбекской комедии — сосредоточенность на повседневной жизни. В узбекской драме семья также является отражением общества и демонстрирует наиболее значимые социальные и нравственные проблемы. Это проявляется через конфликт поколений, смену общественных ролей, борьбу (или слияние) традиции и современности, проблему личной свободы. Отсюда — значимость семьи и бытового конфликта в пьесах второй половины XX века.

Комизм же в пьесе Сайда Ахмада «Бунт невесток» возникает из столкновения представлений о том, каким должен быть семейный уклад. Соперничество старого и молодого рождает множество комических ситуаций, но за всем этим стоит серьезная проблема: изменение общественного сознания.

В конечном счете героиня — Фармон-биби — одновременно комична и драматична. Её цель — стремление удержать власть в доме — вызывает улыбку у одних и, в то же время, скрытую нервозность у других: нервозность человека, который, возможно, боится утраты предсказуемости своего мира.

Сатирическое начало в узбекской драматургии. Важной особенностью узбекской комедии является сосредоточенность на доме. Семья в узбекской драме представляет собой модель общества, в которой были раскрыты наиболее важные социальные и нравственные проблемы.

Казахская драматургия Одним из ключевых элементов узбекской драмы является ее многослойность активного использования как базового компонента в сатирическом ключе. Сатирическое изображение направлено против: тупицы; продажного лицемера; профессионального подхода к исполнению обязанностей; эгоизма; злоупотребления властью. Но узбекская сатира дополняется ее гуманным авторским началом. Она не стремится уничтожить объект критики, а скорее — его публичное демонстрирование нравственной необходимости перемен.

Языковые особенности узбекского комического. Язык — самое важное средство создания комического, а также одна из трудностей, с которыми сталкивается узбекская драматургия. Комический эффект достигается через: борьбу с распространённой обыденной речью; через остроумные выражения, повторы; примечательные особенности в речи персонажей и ироничные замечания. В особенности сложно сделать речь каждого персонажа непохожей. Сам способ их разговора показывает их характер, уровень сознательности, на котором они действуют, и то, как они относятся к другим. Комический термин, интегрированный в драматургию: он характеризует человека, но также помогает в формировании конфликта.

Гротеск и условность в современной узбекской драматургии. Может быть, это стало бы последней художественной возможностью комикса в половине XX века. Параллельно, помимо юмора и сатиры, возникают гротеск, условность и ирония. Это

особенно наглядно видно даже в произведениях Шарафа Бошбекова. В пьесе «Темир хотин» условная комическая ситуация и ее пародия оказываются основой для философского размышления о человеке и обществе. Гротеск — это способ преувеличить то или иное явление, чтобы показать читателю его сущность более выразительно. В этом разделе комикс выходит за рамки изображения повседневной жизни и вместо этого приобретает трагикомический характер.

Трагикомическое своеобразие узбекской драматургии. Что по-настоящему характеризует современную узбекскую драматургию, так это медленное усложнение комического. Если традиционная комедия, прежде всего, призвана заставить вас смеяться, то трагикомедия использует смех, чтобы обозначить глубинные противоречия жизни. Персонажи узбекской драмы второй половины прошлого века зачастую живут между двумя мирами: между традицией и современностью; между личными устремлениями и социальными нормами; между тем, что произошло прежде, и тем, что случится дальше.

Эта мимолётность и есть то, что открывает путь трагикомическому.

Сопоставление русской и узбекской традиций комического. Анализ также русских схожих произведений показывает наличие общих закономерностей как в русской, так и в узбекской драматургии.

Обе линии литературы демонстрируют комическое: разоблачение противоречий в обществе; предоставление возможности для исследования характера и человечности; выполнение критической функции; а также проникновение в область трагикомического. Однако есть и различия. С одной стороны, русские пьесы часто сосредоточиваются вокруг центрального персонажа в его психологической борьбе. В узбекском драматургическом искусстве человек обычно показан через семью, родственные и социальные отношения. Обе традиции имеют общее гуманистическое представление о человеке: высмеять человека – значит не просто высмеять его самого, а направить насмешку в той или иной степени на ограниченность или на определённые заблуждения и пороки.

Итак, комическое в русской и узбекской драматургии представляет собой сложное эстетическое явление, сочетающее универсальные художественные формы с национальной спецификой.

Исследования М. Бахтина, В. Проппа и Ю. Борева их подача русской теории комического, позволяющие раскрыть механизмы порождения смеха как сущности, его формы и функции. Комическое — одна из форм, укоренённых в культуре, а сущность традиции смеха как нравственной и социальной категории можно проиллюстрировать через рассмотрение её узбекских идиом, кулги и ҳажв. Комическое в драматургии второй половины XX века движется к всё большей сложности — юмор, сатира, ирония и гротеск постепенно соединяются с трагическим видением жизни.

Именно это взаимодействие становится основой того, что мы понимаем как трагикомическо – одной из ключевых форм, посредством которой художник изображает людей в русской и узбекской драме.

Список использованной литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. - Москва: Художественная литература, 1975.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — Москва: Художественная литература, 1990.
3. Борев Ю.Б. Комическое. — Москва: Искусство, 1970.
4. Борев Ю.Б. Эстетика. Теория литературы. – Москва: АСТ, 2005.
5. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. – Москва: Лабиринт, 1999.
6. Лихачёв Д.С., Панченко А.М. Смеховой мир Древней Руси. — Москва: Наука, 1976.
7. Лук А.Н. Юмор, остроумие, творчество. – Москва: Искусство, 1977.
8. Вулис А.З. Метаморфозы комического. – Москва: Искусство, 1976.
9. Громова М.И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века. – Москва: Флинта, 2010.
10. Каган М.С. Эстетика как философская наука. – Санкт-Петербург: Петрополис, 1997.
11. Лосев А.Ф. История эстетических категорий. – Москва: Искусство, 1995.
12. Выготский Л.С. Психология искусства. – Москва: Искусство, 1986.
13. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. — Москва: Республика, 1997.
14. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. — Dordrecht: Reidel, 1985.
15. Attardo S. Linguistic Theories of Humor. — Berlin: Mouton de Gruyter, 1994.
16. Martin R.A. The Psychology of Humor: An Integrative Approach. – Burlington: Elsevier, 2007.
17. Critchley S. On Humour. — London: Routledge, 2002.
18. Есин А.Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения. – Москва: Флинта, 2015.
19. Чернец Л.В., Хализев В.Е. Теория литературы. – Москва: Академия, 2012.
20. Фадеева Н.И. Трагикомедия: теория жанра. – Москва, 1996.

АГНОНИМЫ В МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЕ: ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НЕИЗВЕСТНОСТИ

Холтураева Феруза Камоловна
ассистент-преподаватель кафедры русского языка и литературы
Университет экономики и педагогики
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются агнонимы как фактор межъязыкового непонимания и переводческих трудностей. Предлагается алгоритм их выявления, контекстуального анализа и передачи средствами цифровых словарей и корпусных ресурсов.*

Ключевые слова: *агноним, перевод, межъязыковая коммуникация, лексическая компетенция, контекст, цифровые словари, языковая личность.*

Annotatsiya. *Maqolada agnonimlar tillararo muloqotdagi tushunmovchilik va tarjima qiyinchiliklarini yuzaga keltiruvchi omil sifatida tahlil qilinadi. Ularni aniqlash, kontekstda o‘rganish va raqamli lug‘atlar yordamida tarjimada ifodalash algoritmi taklif etiladi.*

Kalit so‘zlar*: agnonim, tarjima, tillararo muloqot, leksik kompetensiya, kontekst, raqamli lug‘atlar, til shaxsi.*

Abstract. *The article examines agnonyms as a factor contributing to misunderstanding in interlingual communication and difficulties in translation. It proposes a practical procedure for identifying agnonyms, analysing them in context, and interpreting them with the help of digital dictionaries and corpus resources.*

Keywords: *agnonym, translation, interlingual communication, lexical competence, context, digital dictionaries, language personality.*

Введение. Глобализация культурного пространства усиливает контакты между языками и культурами, расширяет переводческую практику и повышает требования к точности интерпретации текста. Однако владение грамматикой и базовой лексикой ещё не гарантирует полного понимания сообщения. При чтении, переводе и межкультурном общении участник коммуникации может встретить слово, значение или оттенки которого остаются неясными. Такие единицы целесообразно рассматривать в рамках проблемы агнонимии.

Актуальность темы обусловлена тем, что агнонимы связаны не только с индивидуальным словарным запасом, но и с пониманием художественного, научного и общественно-политического текста. Недостаточное знание отдельной лексемы может привести к смысловому упрощению, неоправданной замене, утрате культурной информации или ошибочному выбору эквивалента.

Цель статьи — определить роль агнонимов в межъязыковой коммуникации и переводе, а также предложить практический алгоритм их анализа с применением цифровых ресурсов. Объект исследования — агнонимы в процессе восприятия и

перевода текста; предмет — способы их выявления, контекстуальной интерпретации и передачи на другом языке.

Теоретические основы изучения агнонимов

Понятие «агноним» используется для обозначения слов, неизвестных конкретному носителю языка либо усвоенных им недостаточно полно. В исследованиях В. В. Морковкина и А. В. Морковкиной агнонимы рассматриваются в связи с индивидуальным лексиконом и границами языкового знания [1]. Следовательно, агнонимичность не является постоянным свойством слова: одна и та же единица может быть хорошо знакома специалисту и оставаться неизвестной человеку, не имеющему соответствующего опыта.

Для переводчика это различие принципиально. Исследования агнонимной лексики в художественном тексте подчёркивают необходимость учитывать не только незнакомость слова, но и его роль в восприятии произведения [3; 4]. Незнакомое слово может относиться к терминологии, диалектной или устаревшей лексике, названиям предметов быта, реалиям определённой культуры либо авторским средствам выразительности. Поэтому переводческая работа не должна ограничиваться поиском первого словарного соответствия: необходимо определить значение единицы в контексте и установить её функцию в тексте.

Агнонимы следует отличать от омонимов, паронимов и просто редких слов. Омонимия предполагает совпадение формы разных единиц, паронимия — сходство звучания или написания, тогда как агнонимичность характеризует прежде всего отношение между словом и знаниями конкретного человека. Редкое слово может быть хорошо известно специалисту, а частотное — оставаться непонятным изучающему язык.

Агнонимы как источник переводческих трудностей

В межъязыковой коммуникации агнонимы способны осложнять понимание на нескольких уровнях. На семантическом уровне читатель не распознаёт основное значение слова. На стилистическом уровне он понимает предметное содержание, но не замечает иронии, разговорной окраски или исторического оттенка. На культурном уровне остаётся нераскрытой связь слова с традицией, образом жизни или историческим опытом сообщества.

При переводе трудности проявляются в буквальном воспроизведении слова, выборе слишком широкого эквивалента, необоснованном опущении детали или ошибочном толковании реалии. Названия традиционных блюд, элементов одежды, ремесленных инструментов и региональных предметов быта часто не имеют полного однословного соответствия в другом языке. В таких случаях переводчик должен учитывать не только словарное значение, но и функцию единицы в контексте.

В художественном тексте агноним может создавать национальный колорит, характеризовать персонажа или поддерживать историческую достоверность. Если переводчик заменяет его нейтральным словом без компенсации, текст может стать понятнее, но утратить культурную информацию. Если же слово сохраняется без пояснения, читатель перевода может столкнуться с непониманием. Решение зависит от жанра, адресата, цели перевода и роли единицы.

Методология и алгоритм анализа

В статье используются описательно-аналитический подход, элементы контекстуального и сопоставительного анализа, а также моделирование учебно-переводческой процедуры. Предлагаемый алгоритм имеет прикладной характер и может применяться в обучении филологов, переводчиков и студентов, изучающих русский язык как иностранный. Он не является результатом экспериментальной проверки; эффективность модели должна оцениваться в дальнейшей аудиторной работе.

Первый этап — выявление. При чтении текста студент отмечает слова, значение которых неизвестно, вызывает сомнение либо понятно лишь приблизительно. Важно фиксировать не только полностью незнакомые единицы, но и случаи неполного понимания.

Второй этап — формулирование гипотезы. До обращения к словарю студент записывает предполагаемое значение и указывает, на каких признаках основана догадка: контексте, словообразовательной структуре, сходстве с единицей другого языка или теме текста.

Третий этап — проверка по источникам. Используются толковые, этимологические, терминологические и двуязычные словари, а при наличии доступа — национальные корпуса и другие цифровые ресурсы. Следует сопоставлять несколько источников, поскольку краткий переводной эквивалент не всегда передаёт все смысловые оттенки.

Четвёртый этап — контекстуальный анализ. Студент определяет, что именно обозначает слово в данном фрагменте, какую стилистическую или культурную функцию выполняет и меняется ли его значение в зависимости от ситуации.

Пятый этап — переводческое решение. Возможны подбор функционального эквивалента, описательный перевод, транслитерация или транскрипция с пояснением, сохранение оригинальной формы, а также комбинированный приём. Выбор необходимо обосновать с учётом адресата и жанра.

Шестой этап — проверка результата. Полученный перевод повторно сопоставляется с исходным текстом: сохраняются ли смысл, стилистическая окраска и культурно значимые элементы? В учебной практике полезно просить студента объяснить, почему выбран именно этот вариант.

Цифровые инструменты в работе с агнонимами

Цифровые словари ускоряют поиск значения и позволяют сравнивать формулировки разных источников. Корпусные ресурсы помогают увидеть слово в реальных контекстах, выявить типичные сочетания и уточнить сферу употребления. Электронные таблицы или общие учебные документы можно использовать для создания коллективного словаря агнонимов с указанием исходного контекста, гипотезы, подтверждённого значения, переводческого решения и источника проверки.

Инструменты искусственного интеллекта могут предлагать гипотезы, варианты перевода и вопросы для анализа, но их ответы не следует принимать как окончательное доказательство. Особенно осторожно нужно работать с диалектизмами, историзмами, узкими терминами и культурно специфическими реалиями: автоматическая система может смешивать близкие понятия или создавать неподтверждённые объяснения.

Поэтому каждое значение необходимо проверять по надёжным словарным или корпусным источникам.

В образовательном процессе можно организовать мини-проект «Цифровой словарь агнонимов». Студенты собирают единицы из художественных произведений или специализированных текстов, распределяют их по тематическим группам, устанавливают значения, предлагают варианты перевода и обсуждают спорные случаи. Итогом становится проверяемый учебный ресурс, который можно дополнять по мере освоения новых текстов.

Обсуждение и практическая значимость

Предлагаемый подход соединяет лексикологию, переводоведение, межкультурную коммуникацию и цифровую филологию. Его практическая ценность состоит в том, что студент осваивает не только конкретное слово, но и процедуру работы с лексической неопределённостью. Это особенно важно при чтении аутентичных текстов, где невозможно заранее объяснить всю потенциально незнакомую лексику.

Для оценки учебного результата можно использовать критерии: точность определения значения; умение подтвердить его источником; учёт контекста; обоснованность переводческого решения; сохранение стилистической и культурной информации; корректность ссылок на цифровые ресурсы. Эти критерии представляют собой предлагаемую систему оценивания, а не результаты проведённого эмпирического эксперимента.

В дальнейшем модель может быть проверена на материале русских и узбекских художественных текстов. Сопоставление переводов позволит определить, какие типы агнонимов чаще вызывают трудности у студентов, какие стратегии они выбирают и насколько цифровые инструменты помогают улучшить аргументацию переводческих решений.

Заключение. Агнонимы представляют собой значимый объект современной филологии, поскольку отражают несовпадение между лексическим составом языка и индивидуальным знанием его носителя или изучающего. В межъязыковой коммуникации недостаточное понимание слова может привести к смысловым и культурным потерям, а в переводе требует осознанного выбора стратегии.

Применение цифровых словарей, корпусов и учебных платформ позволяет организовать последовательную работу: выявить неизвестную единицу, сформулировать гипотезу, проверить её по источникам, проанализировать контекст и аргументировать перевод. Искусственный интеллект может использоваться как вспомогательный инструмент, но не заменяет лексикографической проверки и критического анализа.

Таким образом, изучение агнонимов связывает теоретическую лексикологию с практикой перевода и цифровым обучением. Предложенный алгоритм может стать основой учебных заданий и дальнейшего эмпирического исследования на материале русско-узбекской межъязыковой коммуникации.

Список использованной литературы

1. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). — М.: АО «Астра семь», 1997. — 414 с.
2. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы: понятие, состав и смысловое разнообразие: агнонимы как антропоцентрическая по характеру совмещённая единица лексической системы [Электронный ресурс]. — URL: http://www.nspu.net/fileadmin/library/books/2/web/xrest/article/leksika/sostav/mor_art01.htm (дата обращения: 12.10.2026).
3. Морковкина А. В. Русские агнонимы в теоретическом и прикладном рассмотрении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1993. — 19 с.
4. Молчанова Н. С. Агнонимичная лексика в текстах художественных произведений и проблема её восприятия // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2014. — № 5. — С. 230–236.
5. Черняк В. Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня: сб. статей. Вып. 2: Активные языковые процессы конца XX века. — М.: Азбуковник, 2003. — С. 295–304.
6. Михневич А. Е. Агнонимы — феномен языка, знания или культуры? // Язык и социум: материалы VI Международной научной конференции. — Минск, 2004. — Ч. 1. — С. 61–65.
7. Черняк В. Д. Агнонимы в деятельности языковой личности и метаязыковая деятельность носителя языка // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 2 / отв. ред. Н. Д. Голев. — Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. — С. 139–156.
8. Савина Е. О. Агнонимы в языке и тексте // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2014. — Вып. 2. — С. 291–295.
9. Словарные агнонимы русского языка / под ред. Я. Вавжинчика. — Вып. 1. — Warszawa, 2007. — (Semiosis lexicographica; vol. XLIII).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА К. Г. ПАУСТОВСКОГО: СЕМАНТИКА, ОБРАЗНОСТЬ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Шадманова Алёна Сергеевна
преподаватель-ассистент кафедры русского языка и литературы
Университета экономики и педагогики
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются лексические средства создания художественного мира Константина Георгиевича Паустовского. Материалом исследования стали произведения «Мещерская сторона», «Золотая роза», «Тёплый хлеб» и «Телеграмма». Цель работы — выявить, каким образом тематическая лексика природы, слова эмоционально-нравственной семантики, переносные значения и контекстуальные связи формируют авторскую картину мира.*

Ключевые слова: *К. Г. Паустовский, лексикология, художественная речь, лексическое значение, метафора, пейзажная лексика, лингвопоэтика, перевод.*

Annotatsiya*. Maqolada Konstantin Georgiyevich Paustovskiy asarlarida badiiy olamni yaratishda leksik vositalarning o‘rni tahlil qilinadi. Tadqiqot materiali sifatida «Meshchyora o‘lkasi», «Oltin gul», «Issiq non» va «Telegramma» asarlari tanlangan. Ishning maqsadi — tabiatga oid leksika, hissiy-axloqiy ma’no ifodalovchi so‘zlar, ko‘chma ma’nolar va kontekstual aloqalar muallifning badiiy olamini qanday shakllantirishini aniqlash.*

Kalit so‘zlar: *K. G. Paustovskiy, leksikologiya, badiiy nutq, leksik ma’no, metafora, peyzaj leksikasi, lingvopoetika, tarjima.*

Abstract. *The article examines the lexical means through which Konstantin G. Paustovsky creates his literary world. The material includes Meshchera Side, The Golden Rose, Warm Bread, and Telegram. The study aims to identify how nature-related vocabulary, words with emotional and ethical meanings, figurative usage, and contextual relations shape the author’s representation of reality. The methodology combines descriptive and analytical, contextual, and linguopoetic approaches. The analysis suggests that in Paustovsky’s prose, words do more than name objects and phenomena: they establish emotional atmosphere, convey ethical evaluation, and guide the reader’s interpretation. The article also considers the implications of these lexical features for translation and intercultural communication.*

Keywords: *K. G. Paustovsky, lexicology, literary language, lexical meaning, metaphor, landscape vocabulary, linguopoetics, translation.*

Введение. Лексикология изучает словарный состав языка, лексические значения, отношения между словами, происхождение и функционирование лексических единиц. В художественном тексте эти вопросы приобретают особую значимость: слово существует не изолированно, а в системе образов, мотивов и авторских оценок. Поэтому анализ лексики художественного произведения предполагает рассмотрение как словарного значения, так и контекста, в котором слово получает дополнительные смысловые и эмоциональные оттенки. В. В. Виноградов

подчёркивал необходимость изучать язык художественной литературы как особую систему, в которой языковые средства подчинены художественной организации целого [2].

Проза К. Г. Паустовского представляет продуктивный материал для лексикологического анализа. В его произведениях пейзажная деталь, обозначения цвета, звука, запаха и движения часто становятся не фоном повествования, а способом выражения авторского отношения к миру. В «Мещерской стороне» описания природы связаны с вниманием к конкретным предметам и явлениям; в «Золотой розе» размышления о слове и писательском труде формируют метафорическую модель творчества; в рассказах «Тёплый хлеб» и «Телеграмма» лексика участвует в раскрытии нравственных конфликтов и эмоциональных состояний персонажей [1].

Актуальность исследования обусловлена тем, что лексические особенности Паустовского важны не только для литературоведческого прочтения, но и для преподавания русского языка как иностранного, сопоставительной лингвистики и перевода. Образное значение, эмоциональная окраска и культурные ассоциации не всегда передаются при буквальном переводе, поэтому необходимо учитывать функцию слова в контексте.

Цель, материал и методы исследования

Цель статьи — определить основные функции лексических средств в формировании художественного мира Паустовского. Объект исследования — лексическая организация его прозы; предмет — тематические группы слов, переносные значения, оценочная лексика и контекстуальные связи, участвующие в создании образности. Материал составили «Мещерская сторона», «Золотая роза», «Тёплый хлеб» и «Телеграмма». Работа носит качественный аналитический характер: примеры рассматриваются в связи с их художественной функцией, без претензии на исчерпывающий количественный подсчёт всей лексики писателя.

Использованы описательно-аналитический метод, контекстуальный анализ и элементы лингвопоэтического подхода. Описательно-аналитический метод позволяет выделить характерные лексические группы; контекстуальный — определить, как конкретное слово реализует значение в окружении других единиц; лингвопоэтический — установить участие лексики в создании образа, эмоционального тона и авторской оценки. Такой подход согласуется с исследованиями языка художественного произведения, в которых отдельные языковые элементы рассматриваются во взаимосвязи с целостной структурой текста [2; 3].

Результаты и обсуждение

1. Пейзажная лексика как способ организации художественного пространства

Одной из заметных особенностей прозы Паустовского является внимание к предметной конкретности природного мира. Названия водоёмов, лесов, растений, птиц, погодных явлений и оттенков цвета формируют словесную карту пространства. В «Мещерской стороне» пейзаж строится не только на общих обозначениях природы, но и на последовательности точных наблюдений. Лексика помогает читателю различать элементы ландшафта, ощущать смену света и времени суток, воспринимать пространство как живую среду.

С лексикологической точки зрения здесь важно взаимодействие прямого и контекстуального значения. Слова, называющие природные объекты, сохраняют предметную основу, однако их сочетание с глаголами движения, прилагательными цвета и обозначениями звука создаёт дополнительный эмоциональный эффект. В результате пейзажная лексика выполняет одновременно номинативную и эстетическую функции. Исследование Т. В. Сивовой, посвящённое цветовой концептосфере «Мещерской стороны», также показывает продуктивность анализа цветообозначений, их сочетаемости и роли в формировании индивидуально-авторской картины мира [3, с. 54–66].

Особенно значим контекст: одно и то же цветовое или природное обозначение в разных сочетаниях может восприниматься нейтрально либо становиться частью эмоционально насыщенного образа. Поэтому при анализе нельзя ограничиваться выписыванием слов из текста. Необходимо фиксировать словосочетания, синтаксическое окружение и композиционное положение описания.

2. Переносные значения и метафоризация слова

В «Золотой розе» Паустовский осмысляет литературное творчество через образ собирания драгоценных частиц. Сюжет о золотой пыли превращается в метафорическую модель работы писателя: художественное произведение создаётся из малых впечатлений, наблюдений, встреч и слов. Лексема «золото» сохраняет связь с материальной ценностью, но в контексте приобретает символическое значение — обозначает накопленный жизненный опыт и эстетическую ценность детали [1].

Подобный перенос демонстрирует один из центральных вопросов лексикологии — развитие значения слова в речи. Метафорическое употребление основывается на ассоциации между предметной и абстрактной сферами. При этом новое значение не обязательно полностью вытесняет прямое: оба смысловых плана взаимодействуют и усиливают друг друга. Образ золотой пыли одновременно конкретен и символичен, благодаря чему рассуждение о писательском труде становится наглядным.

Для анализа метафоры важно установить исходный признак переноса, контекстуальную опору и художественный результат. В случае «Золотой розы» ценность металла соотносится с ценностью человеческого опыта и слова. Лексическое значение становится механизмом концептуализации: сложный творческий процесс объясняется через доступный зрительный образ.

3. Эмоционально-оценочная лексика и нравственная семантика

В рассказах Паустовского лексика часто участвует в выражении нравственного смысла, не превращаясь при этом в отвлечённую декларацию. В «Тёплом хлебе» развитие сюжета связано с последствиями поступка, чувством вины и возможностью исправления; в «Телеграмме» — с темами памяти, заботы и запоздалого осознания ответственности. Значение отдельных слов раскрывается через их отношение к поступкам персонажей, повествовательной интонации и развитию конфликта [1].

В таких текстах особенно важны слова, обозначающие чувства, отношения между людьми и моральную оценку. Однако эмоциональный смысл создаётся не только прямыми наименованиями чувств. Он может возникать через предметную деталь, контраст описаний, повтор ключевых слов или сопоставление поведения

персонажа с окружающим миром. Следовательно, лексикологический анализ должен учитывать не только словарную дефиницию, но и текстовую функцию лексемы.

Контекстуальная многозначность позволяет слову приобретать дополнительные смысловые оттенки. Например, обозначения тепла и холода могут восприниматься не только в физическом, но и в эмоционально-нравственном плане — как ассоциации с добротой, отчуждением, поддержкой или равнодушием. При этом конкретная интерпретация должна подтверждаться устройством самого текста, а не только общими символическими представлениями читателя.

4. Лексические особенности и межкультурная коммуникация

При переводе прозы Паустовского на другие языки необходимо передать не только предметное значение слова, но и его образную функцию, эмоциональный тон и культурные ассоциации. Природные реалии могут иметь прямые соответствия в другом языке, однако их сочетаемость и ассоциативный фон не всегда совпадают. Сложность возникает и при передаче метафор: буквальный перевод способен сохранить словесную форму, но ослабить смысловую связь, которая делает образ выразительным.

В учебной практике сопоставление русского текста с переводом может быть организовано как лексикологическое исследование. Студенты выделяют ключевые слова, устанавливают их прямые и переносные значения, рассматривают устойчивые сочетания и сравнивают способы передачи образа. Такой анализ развивает языковую наблюдательность и помогает понять, что эквивалентность в переводе зависит от контекста. В более широком плане это соответствует направлению конференции, посвящённому межъязыковой коммуникации, переводу и инновационным интерпретациям литературного процесса.

Таким образом, лексика Паустовского обладает межкультурным потенциалом: через конкретные природные образы и нравственные ситуации она передаёт смыслы, доступные читателям разных языков, но способы их языкового выражения требуют внимательной интерпретации. Сопоставительный подход позволяет одновременно выявлять универсальные элементы образа и особенности его национально-языкового оформления.

Заключение. Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что лексические средства в прозе К. Г. Паустовского выполняют взаимосвязанные функции. Пейзажная лексика формирует предметно-чувственное пространство; метафорические переносы превращают конкретные детали в средство осмысления творческого опыта; эмоционально-оценочные единицы и контекстуальные связи участвуют в раскрытии нравственной проблематики. Значение слова в художественном тексте определяется не только словарным толкованием, но и его окружением, повторяемостью, сочетаемостью и ролью в композиции.

Научная значимость такого подхода заключается в соединении лексикологического и лингвопоэтического анализа. Его практическая ценность связана с изучением художественного текста, преподаванием русского языка как иностранного и подготовкой переводчиков. Перспективным направлением дальнейшей работы является создание сопоставительной картотеки ключевых лексем Паустовского и анализ способов их передачи в узбекских переводах. Для такого этапа потребуется

отдельный корпус оригинальных текстов и переводов, позволяющий систематизировать примеры и проверить наблюдения на более широком материале.

Список использованной литературы

1. Паустовский К. Г. Золотая роза: повести, рассказы. — М.: Советский писатель, 1983. — 368 с.
2. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. — М.: Гослитиздат, 1959. — 654 с.
3. Сивова Т. В. Цветовая концептосфера повести К. Г. Паустовского «Мещерская сторона» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2021. — Т. 25, № 2. — С. 54–66. — DOI: 10.18522/1995-0640-2021-2-54-66.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. — М.: Искусство, 1970. — 384 с.
5. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. — 5-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 384 с.

ОБРАЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ УЗБЕКИСТАНА В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ

Юлдашева Лола Кулдашевна
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности репрезентации Центральной Азии и языковой идентичности в русскоязычной поэзии Узбекистана периода независимости. Особое внимание уделяется Ферганской поэтической школе, в творчестве представителей которой региональное пространство приобретает культурное и художественное значение. Анализируются взаимодействие русского языка с локальным культурным контекстом, роль пространственных образов и особенности авторского самоопределения. Исследование опирается на культурно-исторический и сравнительно-литературный подходы. Делается вывод о том, что русскоязычная поэзия Узбекистана представляет собой самостоятельное литературное явление, в котором региональная специфика сочетается с открытостью межкультурному диалогу.*

Ключевые слова: *русскоязычная поэзия, Узбекистан, Центральная Азия, период независимости, языковая идентичность, Ферганская поэтическая школа, культурный диалог.*

Annotatsiya. *Maqolada O‘zbekiston mustaqilligi davridagi rus tilidagi she’riyatda Markaziy Osiyo obrazining ifodalanishi va til identifikatsiyasi masalalari ko‘rib chiqiladi. Farg‘ona she’riyat maktabiga alohida e’tibor qaratilib, uning vakillari ijodida mintaqaviy makonning madaniy va badiiy ahamiyati tahlil qilinadi. Rus tilining mahalliy madaniy muhit bilan o‘zaro aloqasi, makon obrazlarining o‘rni hamda muallifning o‘zligini anglash*

masalalari yoritiladi. Tadqiqot madaniy-tarixiy va qiyosiy-adabiy yondashuvlarga asoslanadi. O‘zbekiston rus tilidagi she’riyati mintaqaviy o‘ziga xoslik va madaniyatlararo muloqot uyg‘unlashgan mustaqil adabiy hodisa ekanligi ta’kidlanadi.

Kalit so‘zlar: *rus tilidagi she’riyat, O‘zbekiston, Markaziy Osiyo, mustaqillik davri, til identifikatsiyasi, Farg‘ona she’riyat maktabi, madaniy muloqot.*

Abstract. *The article examines the representation of Central Asia and linguistic identity in Russian-language poetry in Uzbekistan during the period of independence. Particular attention is paid to the Fergana School of Poetry, whose representatives give regional space cultural and artistic significance. The study considers the interaction between the Russian language and the local cultural context, the role of spatial imagery, and questions of authorial self-identification. It draws on cultural-historical and comparative literary approaches. The article argues that Russian-language poetry in Uzbekistan constitutes a distinctive literary phenomenon combining regional specificity with openness to intercultural dialogue.*

Keywords: *Russian-language poetry, Uzbekistan, Central Asia, period of independence, linguistic identity, Fergana School of Poetry, cultural dialogue.*

Введение. Русскоязычная литература Узбекистана занимает особое место в культурной жизни страны. Её развитие связано с многоязычной средой, взаимодействием литературных традиций и поиском художественных средств выражения регионального опыта. В период независимости особую значимость приобрели вопросы культурной принадлежности, языкового выбора и авторского самоопределения.

Важным аспектом изучения этой литературы является образ Центральной Азии. В художественном произведении региональное пространство не ограничивается географическим описанием: оно может выражать историческую память, повседневный опыт и индивидуальное восприятие окружающего мира. Поэтому образ региона целесообразно рассматривать во взаимосвязи с языком произведения и культурной позицией автора.

Цель статьи — выявить особенности художественного представления Центральной Азии и определить роль русского языка в формировании культурной и языковой идентичности в русскоязычной поэзии Узбекистана периода независимости. Исследование опирается на культурно-исторический и сравнительно-литературный подходы, а также на анализ научных работ, посвящённых русскоязычной литературе региона.

Русскоязычная поэзия Узбекистана и региональное пространство

Русскоязычная литература Узбекистана развивается в условиях культурного и языкового многообразия. Её своеобразие определяется не только использованием русского языка, но и взаимодействием различных культурных представлений, локальных образов и индивидуальных авторских стратегий. Поэтому язык произведения не следует рассматривать как единственный показатель культурной принадлежности писателя.

Период независимости стал новым историческим контекстом для осмысления регионального опыта и литературного наследия. В произведениях русскоязычных авторов локальная действительность может передаваться через пейзаж, городскую среду, детали повседневности и особенности человеческого восприятия. Такие элементы не просто создают фон, но и участвуют в формировании художественного смысла.

В предыдущем исследовании автором рассматривались тематические и художественные особенности русскоязычной литературы Узбекистана, включая вопросы пространства, идентичности и межкультурного диалога [1]. Настоящая статья развивает эту проблематику, сосредоточиваясь на образе Центральной Азии и роли языкового выбора в поэтическом творчестве.

Особый интерес представляет Ферганская поэтическая школа, с которой связаны имена Шамшада Абдуллаева и Хамдама Закирова. Её значение определяется вниманием к региональному пространству и поиском индивидуальных способов художественного выражения. Исследователи рассматривают Ферганскую школу как заметное явление русскоязычной поэзии, позволяющее осмыслить взаимодействие локального культурного опыта с широким литературным контекстом [2].

В подобной поэтике региональная принадлежность не обязательно выражается через прямое описание национальных обычаев или исторических символов. Она может проявляться в организации пространства, выборе деталей, характере зрительных образов и особенностях авторского восприятия. Фергана становится не только географическим местом, но и частью художественного мышления.

Вместе с тем Ферганскую поэтическую школу нельзя считать полностью однородным явлением. Общность культурной среды не исключает различий в тематике, композиции и языковых средствах отдельных авторов. Поэтому её следует рассматривать как литературный круг, объединённый определёнными художественными поисками, но сохраняющий индивидуальность творческих подходов.

Русский язык и культурная идентичность

Проблема языковой идентичности в русскоязычной литературе Узбекистана связана с вопросом о соотношении языка, культурного опыта и авторского самоопределения. Выбор языка художественного произведения влияет на его выразительные возможности и связь с литературной традицией, однако не определяет однозначно культурную позицию автора.

Русский язык функционирует в Узбекистане в многоязычной среде, взаимодействуя с локальными культурными представлениями. Благодаря этому русскоязычный текст может передавать региональные реалии, особенности повседневной жизни и культурные ассоциации, формируя индивидуальную художественную речь. Такое взаимодействие позволяет автору выражать местный опыт средствами языка, обладающего собственной литературной историей.

Исследование поэтической прозы Шамшада Абдуллаева, проведённое Алессандро Акилли, обращает внимание на взаимодействие локального материала с языковой формой и на значение региональной лексики в изображении Ферганы [3]. Этот аспект важен для понимания того, как конкретная культурная среда становится частью художественной структуры произведения.

Языковая идентичность в литературе не является неизменной характеристикой. Она проявляется в тематике, системе образов, особенностях авторской речи и способах осмысления окружающего мира. При этом региональное содержание не исчезает при использовании русского языка, а получает возможность вступать в диалог с более широким кругом литературных традиций.

Таким образом, русскоязычную поэзию Узбекистана не следует противопоставлять национальной культуре. В ней русский язык выступает средством выражения регионального опыта, а культурная идентичность формируется во взаимодействии языка, места и индивидуального авторского восприятия.

Заключение. Образ Центральной Азии в русскоязычной поэзии Узбекистана периода независимости формируется на пересечении регионального опыта, языкового выбора и индивидуального художественного восприятия. Региональное пространство выступает не только фоном событий, но и важным элементом авторской картины мира.

Опыт Ферганской поэтической школы показывает, что локальная культурная среда может становиться источником самостоятельных художественных решений. При этом общность регионального контекста не исключает различий между авторами и многообразия их поэтик.

Русский язык в рассматриваемой литературе служит средством выражения региональной специфики и включения локального опыта в более широкий культурный диалог. Следовательно, языковая идентичность раскрывается как сложное взаимодействие языка, культурной памяти и индивидуального самосознания. Изучение этих особенностей позволяет глубже понять своеобразие русскоязычной литературы Узбекистана и её место в современном литературном процессе.

Список использованной литературы

1. Юлдашева Л.К. Особенности русскоязычной литературы Узбекистана: тематическое и художественное своеобразие // Научный вестник Бухарского государственного университета. 2025. № 1 (118). С. 50–54. URL: https://buxdu.uz/media/jurnallar/ilmiy_axborot/ilmiy_axborot_1_son_2025_3.pdf.

2. Korchagin K. The Fergana School of Poetry: In Search of a Postcolonial Subject // The Oxford Handbook of Soviet Underground Culture / ed. by M. Lipovetsky et al. Oxford: Oxford University Press, 2023. P. 354–374. DOI: https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780197508213.013.52.

3. Achilli A. Blurred Boundaries in Šamšad Abdullaev's Poetic Prose from Fergana: "Immobility", World Literature, and the Deconstructing Gesture of Self-Orientalization // Asiatische Studien – Études Asiatiques. 2025. Vol. 79, no. 4. P. 895–919. DOI: https://doi.org/10.1515/asia-2025-0034.

EKOLOGIK NEOLOGIZMLARDA MILLIY-MADANIY QADRIYATLARNING IFODALANISHI

Abdullayeva Shaxlo Sayfiyevna
Qarshi davlat universiteti Lingvistika kafedrasi mustaqil izlanuvchisi
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya: *Maqolada ingliz va o‘zbek ekologik diskursida neologizmlar orqali milliy-madaniy qadriyatlarning ifodalanishi qiyosiy tahlil qilinadi. Ekologik neologizmlarning mahalliy tajriba, tabiatga munosabat, resurslardan foydalanish va jamoaviy mas’uliyat bilan bog‘liq semantik-pragmatik xususiyatlari misollar asosida yoritiladi.*

Kalit so‘zlar: *ekologik diskurs, ekologik neologizm, milliy-madaniy qadriyat, yashil makon, yashil mahalla, ekohashar, ekologik mas’uliyat.*

Аннотация: *В статье проводится сравнительный анализ выражения национально-культурных ценностей посредством неологизмов в английском и узбекском экологическом дискурсе. На конкретных примерах раскрываются семантико-прагматические особенности экологических неологизмов, связанные с местным опытом, отношением к природе, использованием ресурсов и коллективной ответственностью.*

Ключевые слова: *экологический дискурс, экологический неологизм, национально-культурные ценности, зелёное пространство, зелёная махалля, экохашар, экологическая ответственность.*

Abstract: *The article presents a comparative analysis of how national and cultural values are expressed through neologisms in English and Uzbek environmental discourse. Using specific examples, it examines the semantic and pragmatic features of ecological neologisms associated with local practices, attitudes toward nature, resource use, and collective responsibility.*

Keywords: *environmental discourse, ecological neologism, national and cultural values, green space, green mahalla, eco-hashar, environmental responsibility.*

Globallashuv va ekologik muammolarning kuchayishi tabiatni muhofaza qilish, resurslardan oqilona foydalanish hamda ekologik mas’uliyatni ifodalovchi yangi til birliklarining faollashuviga sabab bo‘lmoqda. Ekologik neologizmlar yangi tushunchalarni nomlash bilan birga, jamiyatning tabiatga munosabati, kundalik amaliyoti va qadriyatlar tizimini ham aks ettiradi. Shu bois ularni faqat strukturaviy yoki leksik birlik sifatida emas, balki muayyan madaniy tajribani ifodalovchi diskursiv vosita sifatida o‘rganish muhimdir. Ingliz tilidagi *green space, rewilding, plogging* kabi birliklar xalqaro ekologik g‘oyalar bilan bog‘liq bo‘lsa, o‘zbek tilidagi *yashil makon, yashil mahalla, ekohashar* kabi birliklarda mahalla, hashar, obodonlashtirish va tejamkorlikka oid mahalliy tasavvurlar ham faollashadi.

O‘zbek ekologik neologizmlarining milliy-madaniy xususiyati global modelni aynan takrorlamasdan, mahalliy ekologik muammo va qadriyatlar bilan birlashtirishida ko‘rinadi.

Yashil makon birligi inglizcha *green space* bilan qisman mos bo‘lsa-da, o‘zbek diskursida u daraxt ekish, obodonlashtirish va umummilliy loyiha mazmunlarini ham faollashtiradi. *Suvtejamkor, tomchilatib sug‘orish, chang-tuz bo‘roni, Orolbo‘yi* va *mahalla ekologiyasi* kabi birliklar suv tanqisligi, sug‘orma dehqonchilik, Orol fojiasi hamda jamoaviy hududiy mas’uliyatni aks ettiradi. Ingliz tilidagi global *climate action* individual faollik va transmilliy harakatni oldinga chiqarsa, o‘zbekcha *ekologik hashar* yoki *yashil mahalla* jamoaviy mehnat va mahalla qadriyatini ekologik mazmun bilan yangilaydi. Shu sababli milliy xususiyat faqat o‘zbekcha morfema mavjudligida emas, neologizm qaysi ijtimoiy tajriba va madaniy ssenariyni faollashtirishida namoyon bo‘ladi.

Ekologik neologizmlarning raqamli faolligi tilning madaniy o‘zligini saqlash masalasini ham kun tartibiga olib chiqadi. Inglizcha *eco-*, *green-*, *climate-* komponentlari xalqaro tanilish va qidiruv qulayligini ta’minlaydi, o‘zbekcha *yashil, suvtejamkor, tabiatsevar* kabi vositalar esa mazmunni milliy nutq tajribasiga yaqinlashtiradi. S.X. Polvannazirova raqamli o‘zlashuvlar “tilni saqlash va madaniy birdamlik masalalarini ko‘taradi”, deb ta’kidlaydi. [5, 19-34]. Bu fikrni xorijiy birliklarni cheklash talabi sifatida emas, funksional muvozanat zarurati sifatida tushunish lozim. Masalan, *ecochallenge* shakli yoshlar auditoriyasida tez tanilsa, *ekologik chaqiriq* yoki *ekochaqiriq* milliylashgan variant sifatida tushunarliroq bo‘lishi mumkin. Muqobillarning parallel qo‘llanishi ma’lum davrda tabiiy, biroq OAV va ta’limiy platformalar ma’nosi noaniq shaklni izohsiz takrorlamasligi, semantik jihatdan shaffof variantni tanlashi zarur. Bundan tashqari, bir birlikning turli platformalardagi shakli ham qiyoslanishi kerak: yangilik saytida izohli termin, Telegram kanalida qisqa kalka, Instagramda heshteg, TikTokda esa ovoz va tasvir bilan birikkan shior ko‘rinishida namoyon bo‘lishi uning yagona emas, ko‘p qatlamli diskursiv hayotini ko‘rsatadi.

Ekologik neologizmlarda milliy-madaniy qadriyatlarning ifodalanishi yangi birlikning qaysi ekologik obyektni nomlashi bilangina emas, tabiat, resurs, makon, mehnat va jamoaviy mas’uliyat haqidagi qanday tasavvurni faollashtirishi bilan belgilanadi. Sh. Usmanova “Til – madaniyat xazinasi, sandig‘i, majmuyidir”, deb ta’kidlaydi. [10, 6]. Bu fikr ekologik neologizmlarga tatbiq etilganda, ularning tarkibida zamonaviy ekologik bilim bilan birga tarixiy tajriba, axloqiy me’yor va milliy dunyoqarash ham kodlanishi ayonlashadi. A. Stibbe “biz yashaydigan hikoyalar muayyan madaniyatdagi ko‘plab kishilar ongida mavjud bo‘lib, ularning fikri va harakatiga ta’sir qiladi”, deb yozadi. [8, 6]. Bu yondashuvni qo‘llab-quvvatlagan holda, milliy-madaniy ma’noni til jamoasiga o‘zgarmas xususiyat sifatida biriktirishdan saqlanish kerakligini ta’kidlamoqchimiz. Ekologik neologizm millatning “tayyor xarakteri”ni emas, muayyan davr va diskursda ustunlashgan qadriyatlar, tashvishlar va harakat modellarini aks ettiradi.

Ingliz tilidagi ekologik neologizmlarning bir qismida tabiatni inson nazoratidan chiqarish, uning ichki qadrini tan olish va buzilgan ekotizimga mustaqil rivojlanish imkonini berish qadriyati namoyon bo‘ladi. *Rewilding* birligi *re-* va *wild* komponentlari orqali hududni tabiiy jarayonlarga qaytarishni ifodalaydi. Uning inglizcha shaklida *wild* “tartibsiz” emas, inson aralashuvi kamaytirilgan tabiatning ijobiy belgisi sifatida faollashadi. O‘zbekchadagi *qayta yovvoyilashtirish* kalkasi esa *yovvoyi* leksemasining qo‘pol, nazoratsiz yoki madaniylashmagan semalarini uyg‘otib, donor birlikdagi ijobiy ekologik qadriyatni susaytiradi. Shu sababli *tabiiy holatni qayta tiklash* yoki *tabiatning o‘zini tiklashiga sharoit yaratish* muqobillari maqsadga muvofiq. Inglizcha *leave no trace* ham tabiat qo‘ynidagi

individual xulqning asosiy me’yorini “iz qoldirmaslik” formulasi bilan beradi. O‘zbekcha *tabiatda iz qoldirmaslik* tushunarli bo‘lsa-da, u hali ixcham termin darajasida barqarorlashmagan.

Avstraliya ekologik diskursida yaratilgan *solastalgia* neologizmi joy, uy va tabiiy muhitga hissiy bog‘liqlikni yangi konseptual birlikka aylantirdi. G. Albrext va uning hammualliflari “solastalgiya inson o‘z yashash muhitidan ajralmagan holda ekologik o‘zgarish ta’sirida boshdan kechiradigan iztirobdir”, deb izohlaydi. [3, 95]. *Nostalgia* makondan uzoqlashish natijasidagi sog‘inchni anglatsa, *solastalgia* inson o‘z uyida qolgan, ammo tanish landshaft o‘zgargan vaziyatdagi ruhiy yo‘qotishni ifodalaydi. Bu birlik ingliz tilida mahalliy Avstraliya tajribasidan global ekologik hissiyot terminiga aylangan. O‘zbek tilida unga bir leksemali muqobil yo‘q, biroq *Orol fojiasi, Orolbo‘yi iztirobi, yo‘qolgan dengiz sog‘inchi* kabi ifodalar makonning ekologik o‘zgarishi bilan jamoaviy xotirani bog‘laydi. So‘nggi ikki shaklni me’yorlashgan termin emas, *solastalgia* mazmunini milliy tajriba orqali tushuntiruvchi kontekstual nom sifatida baholash lozim. *Orolqum* esa *Orol* va *qum* komponentlarini birlashtirib, suv makonining cho‘l makoniga aylanishini ixcham va hududiy jihatdan aniq ifodalaydi.

Shved tilidan ingliz diskursiga o‘tgan *flygskam* va uning *flight shame* muqobili ekologik qadriyatning ijtimoiy nazorat hamda vijdon bilan bog‘lanishini ko‘rsatadi. N. Wormbs va M. Wolrath Söderberg “parvoz uyati aniq psixologik tavsif emas, ijtimoiy tarmoqlar muhim bo‘lgan emotsional diskursning ommabop javobi sifatida paydo bo‘ldi”, deb qayd etadi. [11, 315]. Mualliflarning fikri birlikning ilmiy termin emas, jamiyatdagi yangi axloqiy me’yorni ommalashtiruvchi diskursiv yorliq ekanini aniq ko‘rsatadi. Shved muhitida tez-tez uchish shaxsiy erkinlikdan tashqari jamoaviy iqlimiy mas’uliyat mezonida baholana boshlagan. Inglizcha *flight shame* bu qadriyatni xalqaro muhokamaga olib chiqdi. O‘zbekcha *parvoz uyati* esa tabiiy birikma emas; u *samolyotda uchishning ekologik zararidan uyalish* degan ma’noni bildiradi, lekin ixchamlikni yo‘qotadi. Bu lakuna mazkur axloqiy munosabat o‘zbek ekologik diskursida hali alohida leksik kategoriyaga aylanmaganini ko‘rsatadi.

Plogging neologizmi shvedcha *plocka* – “termoq” va inglizcha *jogging* qismlaridan tuzilib, yugurish paytida chiqindi yig‘ishni anglatadi. C. Martínez-Mirambell va uning hammualliflari “ploggingni faol ta’lim usuli sifatida qo‘llash o‘quvchilarning ekologik ongini o’stiradi”, degan xulosaga keladi. [4, 11]. Bu natija birlikning madaniy mazmuni faqat sport bilan cheklanmasdan, shaxsiy sog‘lom turmush, jamoat makoni tozaligi va fuqarolik faolligini birlashtirishini ko‘rsatadi. O‘zbek tilidagi *yugurib chiqindi yig‘ish* aniq tavsif, biroq *ploggingning* ixcham va keng qamrovli kuchiga ega emas. Unga mazmunan yaqin *ekohashar* birligida xalqaro *eko-* komponenti o‘zbek madaniyatidagi *hashar* bilan birikadi. *Plogging* individual sport amaliyotidan jamoaviy foyda hosil qilsa, *ekohashar* qo‘shnichilik, ko‘mak va umumiy hudud uchun birgalikda mehnat qilish qadriyatini ekologik maqsadga yo‘naltiradi. Shuning uchun ularni to‘liq ekvivalent emas, turli madaniy ssenariylarga tayangan funksional yaqin nomlar sifatida talqin qilish kerak.

Yaponcha *mottainai* ekologik neologiyaga an’anaviy isrofga qarshi qadriyatning xalqaro qayta faollashuvi sifatida kirgan. Y. Suzuki “mottainai buyum yoki resursning ichki qiymati to‘liq foydalanilmaganda isrof tufayli tug‘iladigan afsus hissidir”, deb ta’rif beradi. [9, 113]. Birlik “isrof bo‘ldi” degan bahodan kengroq bo‘lib, narsaning mavjud qiymatiga hurmat, me’yoriy iste’mol va foydalanilmagan imkoniyat uchun mas’uliyatni birlashtiradi.

Ingliz tilida *mottainai* o‘z shaklini saqlagan madaniy o‘zlashma sifatida qo‘llanib, *reduce, reuse, recycle* tamoyillariga *respect* qadriyatini qo‘shadi. O‘zbek madaniyatidagi *uvol, isrof* va *tejam* tushunchalari unga yaqin axloqiy maydonni tashkil etadi. Biroq *uvol* va *isrof* neologizm emas; ularning zamonaviy ekologik diskursda *suvtejamkor, resurstejamkor, chiqindisiz turmush, oziq-ovqat isrofsizligi* kabi yangi birliklarni mazmunan qo‘llab-quvvatlashi neologik faollashuvdir. O‘zbekcha hosilalarda texnik samaradorlik milliy axloqiy tajriba bilan uyg‘unlashgani sababli ular begona ekologik shiorga qaraganda kuchliroq madaniy motivatsiya yaratishi mumkin.

O‘zbek ekologik neologizmlarida xalqaro *eko-* va *bio-* komponentlarining milliy asoslar bilan birikishi global ekologik bilimning mahalliy qadriyatlar asosida qayta tashkil etilishini ko‘rsatadi. *Ekohashar, ekomahalla, ekofaol, ekotarg‘ibotchi, bioo‘g‘it* va *bioyoqilg‘i* birliklarida birinchi komponent sohaga mansublikni, ikkinchi qism esa o‘zbek adresati uchun tanish faoliyat, makon, shaxs yoki mahsulotni bildiradi. S. Polvannazirova “o‘zlashmalar o‘zbek tili fonologiyasi va morfologiyasiga moslashib, tilning global tendensiyalarga javob berishdagi moslashuvchanligi va ijodkorligini ko‘rsatadi”, deb yozadi.[6, 32]. Muallifning fikri asosli, biroq shakliy moslashuvning o‘zi milliy-madaniy o‘zlashtirishni to‘liq ta’minlamaydi. *Ekobloger* kabi birlik asosan global raqamli rolni ifodalasa, *ekohashar* va *ekomahalla* xalqaro ekologik komponentni mahalliy jamoaviy institut bilan bog‘laydi. Demak, milliylashuv affiks qabul qilish bilangina emas, yangi birlikning mahalliy ijtimoiy ssenariy va qadriyatga biriktirilishi bilan yakunlanadi.

Yashil mahalla, ekomahalla, chiqindidan xoli mahalla va *mahalla ekologiyasi* birliklarida ekologik mas’uliyat individual xulqdan hududiy hamjamiyat majburiyatiga ko‘chadi. E. Sievers mahalla me’yorlari “tartib yaratadi, guruh birdamligini kuchaytiradi va yashovchan shahar jamoalarini saqlaydi”, deb ta’kidlaydi. [7, 93].Bu fikr mahallani faqat ma’muriy hudud deb emas, o‘zaro nazorat, ko‘mak va umumiy manfaatni tashkil etuvchi madaniy institut sifatida anglashga asos beradi. Inglizcha *green neighbourhood* ko‘pincha ko‘kalamzorlashtirish, yurish uchun qulaylik, kam emissiyali transport va yashil infratuzilmani birinchi o’ringa chiqaradi. O‘zbekcha *yashil mahalla* ushbu ekologik belgilar bilan birga obodlik, qo‘shnichilik hamjihatligi va hasharda ishtirok etish mazmunini ham faollashtiradi. Shu bois *green neighbourhood* va *yashil mahalla* lug‘aviy jihatdan yaqin bo‘lsa-da, pragmatik-madaniy hajmi bir xil emas. *Ekomahalla* shaklining muvaffaqiyati ham uning kampaniya nomi bo‘lib qolmasdan, jamoaviy qaror va kuzatiladigan ekologik odat bilan to‘lishiga bog‘liq.

Yashil makon, yashil hovli, obod hudud va *ekohovli* kabi nomlar o‘zbek madaniyatida makonning ekologik qiymatini yashashga qulaylik va estetik tartib bilan birlashtiradi. Inglizcha *green space, urban greening* va *edible landscape* birliklari shahar ekologiyasi, o‘simlik qoplami va oziq beruvchi landshaftning funksional belgilarini nisbatan aniq ko‘rsatadi. O‘zbekcha *yashil makon*da *yashil* komponenti tabiatni, *makon* esa faqat geografik joyni emas, odamlar birgalikda obod qiladigan ijtimoiy muhitni anglatadi. *Ekohovli* esa xalqaro *eko-* komponentini milliy uy-joy madaniyatining asosiy unsuri bo‘lgan *hovli* bilan birlashtiradi; unda daraxt, soya, suv, tomorqa va oilaviy mehnat haqidagi assotsiatsiyalar faollashadi. Biroq *yashil* yoki *eko-* komponentining o‘zi hududning ekologik samaradorligini isbotlamaydi; milliy iliq obraz ilmiy mezon o‘rnini egallamasligi kerak. Shu jihatdan nomning madaniy ta’sirchanligi va referensial aniqligi o‘zaro muvozanatda bo‘lishi zarur.

Ekologik neologizmlardagi milliy-madaniy mazmun faqat so‘zning tarkibi yoki qaysi tildan o‘zlashgani bilan belgilanmaydi; uning qaysi ijtimoiy tajriba, qadriyat va xulq-atvor modelini faollashtirishi ham muhimdir. Ingliz ekologik diskursidagi ayrim birliklar individual ekologik tanlov, tabiatni tabiiy holatiga qaytarish va iqlimiy mas’uliyatni ta’kidlasa, o‘zbek tilidagi yashil mahalla va ekohashar singari birliklar ekologik maqsadlarni mahalla, qo‘shnichilik, hamjihatlik va birgalikdagi mehnat qadriyatlari bilan bog‘laydi. Suvtejamkor, yashil makon va ekohovli kabi birliklarda esa suv tanqisligi, obodonlashtirish hamda yashash makoniga e’tibor kabi mahalliy tajribalar aks etadi. Solastalgia, flight shame va mottainai misollari ayrim ekologik tushunchalarning boshqa tillarda tayyor, to‘liq muqobilga ega bo‘lmasligi yoki milliy kontekst orqali izohlanishini ko‘rsatadi. Demak, tarjima va muqobil tanlashda lug‘aviy yaqinlik bilan bir qatorda pragmatik ta’sir, madaniy assotsiatsiya va tushunarlilik ham hisobga olinishi lozim. Ekologik neologizmlarni me’yorlashtirishda xalqaro terminlarning aniqligi va o‘zbek tilining ichki imkoniyatlari o‘rtasida muvozanat saqlanishi, shuningdek, “yashil” yoki “eko-” kabi komponentlar birlikning o‘z-o‘zidan ekologik samaradorlikni isbotlamasligi e’tibordan chetda qolmasligi kerak. Shunday qilib, ekologik neologizmlar zamonaviy ekologik bilimni milliy-madaniy tajriba bilan uyg‘unlashtiruvchi va jamiyatning ekologik qarashlarini shakllantirishga xizmat qiluvchi til vositalaridir.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1.O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2019-yil 4-oktabrdagi PQ-4477-son 2019–2030-yillar davrida O‘zbekiston Respublikasining “yashil” iqtisodiyotga o‘tish strategiyasini tasdiqlash to‘g‘risidagi qarori. [Elektron resurs]. – URL: https://lex.uz/docs/-4539502 (murojaat sanasi: 15.07.2026).

2. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2022-yil 2-dekabrdagi PQ-436-son 2030-yilgacha O‘zbekiston Respublikasining “yashil” iqtisodiyotga o‘tishiga qaratilgan islohotlar samaradorligini oshirish bo‘yicha chora-tadbirlar to‘g‘risidagi qarori. [Elektron resurs]. – URL: https://lex.uz/uz/docs/-6303230 (murojaat sanasi: 15.07.2026).

3. Albrecht G., Sartore G.-M., Connor L., Higginbotham N., Freeman S., Kelly B., Stain H., Tonna A., Pollard G. Solastalgia: The Distress Caused by Environmental Change // Australasian Psychiatry, 2007. – Vol. 15, Suppl. 1. – P. S.95.

4. Martínez-Mirambell C., Boned-Gómez S., Urrea-Solano M., Baena-Morales S. Step by Step towards a Greener Future: The Role of Plogging in Educating Tomorrow’s Citizens // Sustainability, 2023. – Vol. 15, No. 18. – P. 11.

5. Polvannazirova S.X. Ijtimoiy tarmoqlar va onlayn korpuslar orqali ingliz tilidan o‘zbek tiliga o‘zlashgan neologizmlarning korpus tahlili // O‘zbekistonda xorijiy tillar, 2025. – 11-jild. – № 2 (61). – B. 19-34.

6. Polvannazirova S.X. Ijtimoiy tarmoqlar va onlayn korpuslar orqali ingliz tilidan o‘zbek tiliga o‘zlashgan neologizmlarning korpus tahlili // O‘zbekistonda xorijiy tillar, 2025. – 11-jild, № 2 (61). – B. 32.

7. Sievers E.W. Uzbekistan’s Mahalla: From Soviet to Absolutist Residential Community Associations // The Journal of International and Comparative Law at Chicago-Kent, 2002. – Vol. 2. – P. 93.

8. Stibbe A. Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live By. – London; New York: Routledge, 2015. – P. 6.

9. Suzuki Y. Mottainai Ethics and the Sustainability of Our World // ICR Journal, 2017. – Vol. 8, No. 1. – P. 113.

10. Usmanova Sh. Lingvomadaniyatshunoslik: darslik. – Toshkent: Bookmany print, 2022. – B. 6.

11. Wormbs N., Wolrath Söderberg M. Knowledge, Fear, and Conscience: Reasons to Stop Flying Because of Climate Change // Urban Planning, 2021. – Vol. 6, No. 2. – P. 315.

43.

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ, КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РАЗВИТИЯ И САМОРАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Арсланбекова Санобар Хамидовна
магистрант
Шахрисабзский государственный
педагогический институт
Шахрисабз, Узбекистан

Аннотация. *В статье говорится об общение, который является одним из основных понятий социальной психологии. Это объясняется тем, что общение является основной формой человеческого бытия.*

Ключевые слова: *коммуникация, компетентность, развития, деятельность, дидактическая функция.*

Annotatsiya*. Maqolada ijtimoiy psixologiyaning asosiy tushunchalaridan biri muloqot haqidv so‘z boradi. Chunki muloqot inson mavjudligining birlamchi shaklini tashkil etadi.*

Kalit so‘zlar: *muloqot, kompetensiya, rivojlanish, faoliyat, didaktik funksiya.*

Abstract. *This article discusses communication, which is one of the fundamental concepts in social psychology. This is because communication serves as the primary form of human existence.*

Keywords: *communication, competence, development, activity, didactic function.*

Возможность человека жить и развиваться в обществе предусматривает в качестве своей предпосылки общение как обязательную форму связи с другими людьми. «Общение во всем многообразии форм (вербальное и невербальное), видов (формальное, неформальное и т.д.), типов (межличностное, межгрупповое, межкультурное и т.д.) наиболее наглядно раскрывает специфику человеческого общества». В этих работах общение рассматривается как условие, повышающее эффективность обучения, воспитания и образования. Такой подход позволяет установить связи между общением и образованием, общением и обучением. Ученые подчеркивают, что процесс обучения имеет коммуникативную природу. Так, Б.Г.

Ананьев отмечает, что обучение «не есть только передача и усвоение информации — знаний и правил деятельности. Обучение есть вместе с тем общение, коммуникация, соответствующая структуре общества и господствующему в нем типу межлюдских взаимоотношений».

В связи с этим, общение выполняет дидактическую функцию и определяет характер развития и социального становления человека. Именно в процессе общения происходит социализация личности и самореализация. Таким образом, общение организует социум и позволяет человеку жить и развиваться в нем, соотнося свою деятельность и поведение с действиями других. По этому поводу Т.М. Дридзе пишет: «Нет сферы человеческой деятельности, которая не могла бы быть рассмотрена сквозь призму общения, не говоря уже о том, что и само общение, опосредовано знаками, все более кристаллизируется в самостоятельную деятельность с определенной психологической структурой, с собственной стратегией решения тех или иных коммуникативно-познавательных задач».Общение определяется как процесс установления контактов людей, порождаемых потребностью в совместной деятельности и включающий в себя взаимообогащение информацией, выработку совокупной позиции и единой стратегии взаимодействия. По мнению А.А. Бодалева, общение, это «... сложнейшее переживание отношений общающихся друг к другу, к совместной деятельности, к ее результатам, к самим себе, и одновременно яркий показатель умения общающихся понять и объективно оценить друг друга».

С позиции деятельностного подхода общение – это сложный, многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями в совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека.

Для определения сущности общения большое значение имеет представление о его функциональной и уровневой организации (Б.Д.Парыгин, Г.М. Андреева, А.А. Бодалев, А.А. Брудный, А.А. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, Л.А.Карпенко, В.Н. Панферов, Е.Ф. Тарасов, Я. Яноушек и др.). Так, В.Н. Панферов определял общение как «взаимодействие людей, содержанием которого является взаимное познание и обмен информацией с помощью различных отношений, благоприятных для процесса совместной деятельности».Автор выделял в общении четыре момента: связь, взаимодействие, познание, взаимоотношение, соответственно и четыре подхода к изучению данной проблемы: коммуникативный, информационный, гностический (познавательный) и регулятивный. В психолого-педагогической литературе можно обнаружить разные направления исследования проблемы общения. Так, в отечественной психологии доминирует идея единства общения и деятельности, хотя оно трактуется по-разному. Так Б.Ф.Ломовдеятельность и общение рассматривает как две стороны социального бытия человека, его образа жизни. А.Н. Леонтьев общение понимает как определенную сторону деятельности: оно включено в любую деятельность, есть ее элемент, в то время как саму деятельность можно рассматривать как условие общения. Г.М.Андреева считает, что утверждение единства общения и деятельности означает, и что «любые формы общения есть специфические формы совместной деятельности людей».Данное положение, согласно точке зрения

А.Я.Зимней, позволяет квалифицировать специфическое для педагогического процесса общение как форму совместной учебной деятельности субъектов.

Наконец, общение понимается как особый вид деятельности. Так М.И. Лисина и Д.Б. Эльконин, общение понимают каккоммуникативную деятельность, или деятельность общения, которая выступает самостоятельно на определенном этапе онтогенетического развития человека . А.А. Леонтьев в своих исследованиях общение рассматривает в связи с речевой деятельностью человека. Здесь важно подчеркнуть, что сложность и совершенность именно вербального, речевого общения позволяют рассматривать его как такую форму, «где общие психологические закономерности процессов общения выступают в наиболее характерном, наиболее обнаженном и наиболее доступном исследованию виде».

Наряду с деятельностным подходом к проблеме общения существует другой подход, представители которого общение относят к базовым категориям психологической науки и поэтому его рассматривают с позициисистемного анализа. В этом случае деятельность и общение рассматриваются как две стороны социального бытия человека. При этом категория «деятельность» раскрывает лишь одну сторону бытия человека — отношения «субъект-объекты», другая сторона его социальной жизни - отношения «субъект-субъекты» раскрывается категорией общения (Г.М. Кручинский, Б.Ф. Ломов). Общение, таким образом, понимается как форма взаимодействия субъектов и «субъект-субъект»-ных отношений. ..., а в ходе которых, "... раскрываются не просто действия того или иного субъекта на другого, но как процесс их взаимодействия".

В ряде исследованиях психологического характера ученые выделяют три взаимосвязанных компонента процесса общения: коммуникативного, интерактивного и перцептивного (Г.М. Андреева, А.А. Бодалев, Б.Ф. Ломов, Б.Д. Парыгин, А.В. Петровский). Коммуникативная сторона общения представляет собой обмен информацией между общающимися индивидами, интерактивная — организацию взаимодействия между общающимися индивидами, а перцептивная — восприятие друг друга партнерами по общению и установление на этой основе взаимопонимания и эмоционального контакта.

Список использованной литературы

1.Негматов С.Э. Научные основы обучения лексике узбекского языка в условиях формирования русского национального билингвизма: автореферат дис. ... доктора пед. наук: 13.00.02. - М., 1991 37 с.

2.Ниязова А.Е., Ниязова Р.Е. Формирование коммуникативной компетентности студентов на практических занятиях иностранного языка в вузе. //Материалы международной научно-практической конференции. - Алматы. 2005. - 249 с.

3.О содержании обучения русскому языку в национальной школе.

//Сборник статей под ред. И.В. Баранникова. - М.: Изд. АПН РСФСР, 1960.

4.Ожегов СИ. Словарь русского языка. / Под. ред. Н.Ю.Шведовой. - М.: Русский язык, 1986. - 797с.

5.Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование: готовим к диалогу культур: Пособие для учителей учреждений, обеспечивающих получение общ. сред. образования / Е.И. Пассов. – Мн.: Лексис, 2003. – 184 с. – С. 37-68.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ГОСТЕПРИИМСТВО» И «МЕҲМОНДУСТЛИК» В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Исматова Дурдона
магистрант Университет Турон
Азизова Насиба Бахритдиновна
профессор кафедры русского языка и литературы
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Annotatsiya. *Maqolada rus va o‘zbek tillari dunyo manzarasida “gostepriimstvo” va “mehmondo‘stlik” konseptlarining qiyosiy lingvomadaniy tahlili berilgan. Konsept tushunchaviy, obrazli va qadriyatli tarkibiy qismlar bo‘yicha lug‘at maqolalari, maqollar va folklor matnlari asosida o‘rganilgan. Umumiy qadriyat o‘zagi (mehmondo‘stlik – axloqiy burch va fazilat) bilan bir qatorda rus modelida samimiylik va insoniy yaqinlik, o‘zbek modelida esa muqaddas burch va baraka (ilohiy marhamat) ustuvorligi aniqlangan. Natijalardan til o‘qitish, tarjima va madaniyatlararo muloqotda foydalanish mumkin.*

Kalit so‘zlar: *konsept, mehmondo‘stlik, lingvomadaniyatshunoslik, maqol, baraka, rus tili, o‘zbek tili.*

Аннотация. *В статье представлен сопоставительный лингвокультурологический анализ концептов «гостеприимство» и «меҳмондустлик» в русской и узбекской языковых картинах мира. Концепты описаны по понятийному, образному и ценностному компонентам на материале словарных статей, паремий и фольклорных текстов. Наряду с общим ценностным ядром (гостеприимство как моральный долг и добродетель) установлено, что русская модель ориентирована на душевную близость и радушие, а узбекская – на священный долг и получение бараката (божественной благодати). Результаты применимы в преподавании языков, переводе и межкультурной коммуникации.*

Ключевые слова: *концепт, гостеприимство, лингвокультурология, паремия, баракат, русский язык, узбекский язык.*

Abstract. *The article presents a comparative linguocultural analysis of the concepts of “hospitality” and “mehmondustlik” in the Russian and Uzbek linguistic worldviews. The concepts are described by their conceptual, figurative and value components on the basis of dictionary entries, proverbs and folklore texts. Along with a common value core (hospitality as a moral duty and virtue), the Russian model is shown to focus on cordiality and spiritual closeness, whereas the Uzbek one focuses on sacred duty and receiving baraka (divine*

blessing). The results can be used in language teaching, translation and intercultural communication.

Keywords: *concept, hospitality, linguoculturology, proverb, baraka, Russian language, Uzbek language.*

Введение. Лингвокультурология изучает воплощённые в языке материальные и духовные ценности народа, а её центральной единицей является культурный концепт – многомерная ментальная единица с понятийным, образным и ценностным компонентами [8; 9]. Особый интерес для сопоставления представляют этические концепты, регулирующие социальное взаимодействие и отражающие основы национального характера. К ним относится концепт «гостеприимство». Для русской и узбекской культур гостеприимство – не просто правило этикета, а фундаментальная нравственная ценность, однако его ритуальное наполнение и место в иерархии ценностей имеют яркую национальную специфику.

Сопоставление русской и узбекской концептосфер в этом аспекте представлено фрагментарно, а комплексный анализ концептов «гостеприимство» и «меҳмондустлик» как целостных структур до сих пор не проводился. Цель статьи – выявить универсальные и этноспецифические характеристики этих концептов. Гипотеза: при общем ценностном ядре русская и узбекская лингвокультуры различаются образной составляющей, набором поведенческих сценариев и глубиной социальной регламентации гостеприимства, что отражено в языке.

Методология и материал исследования

В работе использованы трёхкомпонентная модель концепта (понятийный, образный и ценностный компоненты), метод концептуального анализа, этимологический и дефиниционный анализ словарных статей (гость, гостеприимство, меҳмон, меҳмондорчилик), сопоставительный (контрастивный) и интерпретативный анализ, анализ паремий и фольклорных текстов. Материалом послужили толковые, этимологические и фразеологические словари русского и узбекского языков [3; 12], паремиологические сборники [6; 7], русские народные сказки, узбекские дастаны и сказки, а также контексты из Национального корпуса русского языка и художественной литературы Узбекистана.

Результаты и обсуждение

1. Понятийный, образный и ценностный компоненты

Понятийное ядро универсально: гость – лицо, приходящее в дом, гостеприимство – его радушный приём; хозяин обязан принять и угостить гостя, а в узбекской традиции ещё и оказать почёт (ҳурмат). Различия обнаруживаются уже в этимологии. Русское гость связано с понятием «чужой» [12] и потому акцентирует ритуал «принятия» чужака; узбекское меҳмон толкуется как «возвеличивающий дом» и закладывает представление о госте как носителе благодати – бараката, признака, уникального для узбекского концепта.

Образный компонент формируется вокруг разных метафорических моделей. В русской традиции гость – дар и посланец, трапеза – хлеб-соль как символ единения и достатка, а гостеприимство – радушие, открытость и кормление. В узбекской – гость

есть «Божий гость», трапеза – дастархан как сакральное пространство, а приём гостя осмысляется как почёт, жертвование и служение. Русский образный код антропоцентричен (акцент на чувствах), узбекский – теоцентричен (акцент на благодати). Ценностный компонент ядерный для обоих концептов, но различаются его обоснование и санкции (табл. 1).

Таблица 1. Структура концептов «гостеприимство» и «меҳмондустлик»

Признак	Русский язык	Узбекский язык
Этимологический образ	гость – «чужой», ритуал принятия	меҳмон – «возвеличивающий дом»
Метафора гостя	дар, посланец (радость)	Божий гость, носитель бараката
Символ трапезы	хлеб-соль (единение, достаток)	дастархан (сакральное пространство)
Высшая санкция	моральный долг, общественное мнение	священный долг перед Аллахом
Мотивация	радушие, душевная потребность	получение бараката, следование сунне, родовой почёт
Награда	уважение, добрая слава, взаимность	баракат, процветание, милость Аллаха
Наказание	осуждение, стыд, дурная слава	грех, лишение бараката, позор рода
Характер ценности	этическая (добродетель)	этико-религиозная (священный долг)

2. Паремиологический фон

Паремии концентрированно выражают эти установки. Русские пословицы предписывают радушие, щедрость и взаимное уважение, нередко в житейской, ироничной форме («Хоть не богат, а гостям рад», «Для дорогого гостя и ворота настежь»). Узбекские провозглашают приоритет гостя и обещают баракат: «Меҳмон – худойи меҳмон» (‘гость – Божий гость’), «Меҳмон келса, уйга барака келади» (‘если приходит гость, в дом приходит благодать’). Различаются и обязанности гостя: русские паремии требуют быть приветливым и не злоупотреблять гостеприимством («В гостях хорошо, а дома лучше»), узбекские – быть скромным и не проявлять инициативы (табл. 2). Тон русских паремий житейский, иногда ироничный, узбекских – торжественный, сакральный, бескомпромиссный.

Таблица 2. Паремии о гостеприимстве по тематическим группам

Группа	Русские паремии	Узбекские паремии
Императив приёма	Гость на порог – счастье в дом. Для дорогого гостя и ворота настежь.	Меҳмон – худойи меҳмон. Меҳмон – отангдан улуғ.
Щедрость, жертвенность	Что есть в печи, всё на стол мечи.	Меҳмон учун – жон фидо, жон бўлмаса – нон фидо.

Группа	Русские паремии	Узбекские паремии
Правила для гостя	В чужом доме не будь приметлив, а будь приветлив.	Меҳмоннинг икки кунлик ҳурмати.
Взаимность, результат	Как аукнется, так и откликнется.	Меҳмон кетса, барака кетар.

3. Фольклор и невербальный код гостеприимства

В русских сказках гостеприимство – испытание героя и маркер «добрый / злой»: принять угощение значит стать «своим» (ср. «Гуси-лебеди»), а гость может оказаться волшебным существом (Баба-Яга). В узбекских дастанах и сказках оно выступает священным долгом и условием успеха, гость нередко предстаёт святым или посланцем Аллаха, а масштаб гостеприимства часто общественный (пир после победы, приём у правителя). Невербальный код детально регламентирован в обеих культурах и закреплён в языке в устойчивых формулах и названиях (табл. 3).

Таблица 3. Невербальный код гостеприимства

Аспект	Русская традиция	Узбекская традиция
Почётное место	красный угол (под иконами)	тўр (место напротив входа)
Центральный символ	хлеб-соль на рушнике	дастархан, плов, чай
Ритуал угощения	хозяин активно подкладывает еду	строгий порядок подачи блюд, ритуал чаепития
Роль младших	помогают, регламентация слабее	активно обслуживают, демонстрируя почтение
Жесты	рукопожатие, объятия	рукопожатие двумя руками, рука на сердце, наклон головы
Символический смысл	душевная связь, единение	служение гостю, баракат, соблюдение иерархии

Заключение

Концепты «гостеприимство» и «меҳмондустлик» имеют универсальное ядро: гостеприимство как общечеловеческая ценность, моральный долг и добродетель. Вместе с тем на понятийном, образном и ценностном уровнях выявлена глубокая национально-культурная специфика, обусловленная различиями религиозных традиций (православие и ислам) и социального уклада. Русское гостеприимство – прежде всего радушное, душевное, межличностное явление («человек – человек»), узбекское – сакрально-ритуальное, иерархичное этико-религиозное служение, связанное с получением бараката. Обе модели гармоничны в рамках своих культур. Результаты могут быть использованы в преподавании русского и узбекского языков как иностранных, при подготовке переводчиков и специалистов по межкультурной коммуникации; перспективой является изучение концептов в индивидуально-авторских картинах мира и в современном дискурсе.

Список использованной литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2010. – 288 с.

2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

3. Бердиёров Х., Қўнғуров Р., Раҳматуллаев Ш. и др. Ўзбек тилининг изоҳли луғати: 5 жилдли. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2006–2008.

4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелёва. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

5. Воркачёв С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.

6. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1984.

7. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 2000. – 544 с.

8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

9. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

10. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.

11. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986–1987.

13. Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

14. Azizova, N. B. (2024). The concept of “good” in the Russian and Uzbek language worldview. Russian language: research, testing and practice, 10(2), 88-96.

45.

ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА

Нуралиева Нилуфар Улугбек кизи
магистрант
Пардаева Дилфуза Раимовна
доктор филологических наук (DSC) доцент
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *Статья представляет сравнительно-типологический анализ категории родства в русской и узбекской языковых картинах мира. Рассматриваются различия в структуре систем терминов родства, степени детализации, признаках возраста и линии происхождения, а также социальные и этикетные функции этих терминов.*

Ключевые слова: *родство, термины родства, языковая картина мира, русский язык, узбекский язык, типология.*

Abstract. *The article offers a comparative typological analysis of the category of kinship in the Russian and Uzbek linguistic worldviews. It examines differences in the structure of kinship term systems, degree of detail, features of age and descent line, as well as social and etiquette functions of these terms.*

Keywords: *kinship, kinship terms, linguistic worldview, Russian language, Uzbek language, typology.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada rus va o‘zbek tillaridagi dunyoning lisoniy manzarasida qarindoshlik kategoriyasining qiyosiy-tipologik tahlili keltirilgan. Qarindoshlik atamalari tizimlarining tuzilishidagi, ularning tafsilotlanish darajasidagi, yosh va kelib chiqish chizig‘i belgilaridagi farqlar, shuningdek, bu atamalarning ijtimoiy va odob-axloq (etiket) vazifalari ko‘rib chiqiladi.*

Kalit so‘zlar: *qarindoshlik, qarindoshlik atamalari, dunyoning lisoniy manzarasi, rus tili, o‘zbek tili, tipologiya.*

Введение. Система терминов родства является одной из наиболее консервативных и в то же время наиболее социально значимых подсистем лексики. Именно в ней с наибольшей отчётливостью проявляется связь языка с социальной организацией этноса, его ценностными ориентациями и историческим опытом. Сравнительное изучение русской и узбекской моделей родства позволяет увидеть, как культурно-исторический контекст народа формирует специфическую «сетку координат», через которую личность идентифицируется в обществе, выстраиваются отношения власти, ответственности и взаимопомощи [6].

Русская и узбекская системы родства относятся к принципиально разным типологическим классам. Русская система, как подчёркивает З. Д. Попова, в своей современной форме является преимущественно линейной и генерационной: ключевое

значение имеет положение по прямой линии предков и потомков, а также различие поколений [1, с. 78].

Узбекская система, будучи частью тюркской языковой традиции, сохраняет гораздо более сложную историко-типологическую морфологию, унаследованную от древних кочевых и оседлых обществ Центральной Азии [2, с. 42]. Как отмечал М. В. Крюков в своих исследованиях эволюции систем родства, историческое развитие идёт в направлении от сложных классификационных форм к более простым, описательным конструкциям [3, с. 18–25]. В этом смысле современная русская система прошла путь значительного упрощения, тогда как узбекская сохранила большое количество архаичных, детализированных признаков, отражающих социальную структуру традиционного общества.

Наиболее яркое различие между двумя языковыми картинами мира заключается в восприятии времени, возраста и старшинства внутри одного поколения. В узбекском языке возрастная иерархия закреплена лексически и является обязательной. Невозможно назвать родственника просто «брат» или «сестра» без указания на его положение относительно говорящего: aka – старший брат, uka – младший брат, opa – старшая сестра, singil – младшая сестра. Эта дифференциация не только возрастная, но и социально значимая: старший брат (aka) традиционно несёт ответственность за младших, а старшая сестра (opa) обладает особым авторитетом в семейных вопросах.

В русской языковой картине термины «брат» и «сестра» являются возрастными инвариантами. Для указания старшинства используются дополнительные слова («старший брат», «младшая сестра»), что свидетельствует о гораздо меньшей значимости этого признака для базовой идентификации родственника. Возрастная иерархия в русско культуре выражается скорее через поведение и контекст, чем через обязательную лексическую маркировку.

Узбекская языковая картина мира строго разделяет родственников по отцовской и материнской линиям, что типично для патриархальных обществ с чётким противопоставлением «своего» и «пришлого» рода: по отцовской линии: amaki – дядя по отцу amma – тётя по отцу; по материнской линии: tog‘a – дядя по матери xola – тётя по матери.

В современной русской системе эти различия полностью утрачены: существуют универсальные термины «дядя» и «тётя», которые не несут информации о линии родства. Лишь этимологические исследования показывают, что в древнерусском языке существовало противопоставление: «стрый» – дядя по отцу, «вуй» – дядя по матери [4]. Эти слова давно перешли в разряд архаизмов и в живой речи не употребляются.

Одна из самых ярких особенностей узбекской системы – широкое использование терминов родства в качестве этикетных форм обращения даже к посторонним людям. Ю. И. Левин называл такое явление расширением типологии родства за пределы биологических связей [5, с. 52–55]. Обращение «aka» к незнакомому мужчине старшего возраста, «opa» к женщине, «tog‘a» к мужчине средних лет – это не просто вежливость, а способ включить собеседника в «безопасную» зону семейных отношений. Такая практика характерна для коллективистских культур, где важны солидарность и демонстрация уважения.

В русском языке наблюдается противоположный процесс: термины родства всё реже используются к посторонним. Обращения «батя», «мамаша», «сестрёнка» к незнакомым людям чаще воспринимаются как фамильярные или даже грубые. Современная русская речь предпочитает нейтральные формы («мужчина», «женщина», «девушка», имя по отчеству) или вообще обходится без обращения.

Заключение. Русская и узбекская языковые картины мира по- разному организуют категорию родства, отражая фундаментальные различия в социокультурных установках. Русская система стремится к универсализации, упрощению и симметрии, что соответствует модели нуклеарной семьи, индивидуализму и ослаблению роли расширенных родственных связей в городской среде. Узбекская система сохраняет высокую степень детализации, асимметрию и иерархичность, подчёркивая приоритет родовых связей, возрастного старшинства и патрилинейной организации. Это соответствует традиционному обществу, где семья и род остаются основной социальной и экономической единицей.

Современные процессы глобализации, урбанизации и миграции постепенно влияют на обе системы: в русском языке наблюдается дальнейшее упрощение, в узбекском – частичная утрата некоторых архаичных терминов среди городской молодёжи. Однако базовые различия сохраняются и продолжают отражать глубокие культурные коды двух народов.

Значительную группу составляют термины, обозначающие родственников по браку. К ним относятся qaynota и qaynona, обозначающие соответственно свёкра/тестя и свекровь/тёщу в зависимости от точки отсчёта, а также kuyov — зять или жених в соответствующих контекстах, kelin — невестка или невеста. Для точного определения значения этих слов необходимо учитывать ситуацию общения и конкретные семейные отношения.

В узбекском языке распространено и использование слов aka, opa, uka, singil в качестве обращений к людям, не являющимся родственниками. Например, обращение aka может выражать уважительное отношение к мужчине старшего возраста, а opa — к женщине старшего возраста. Подобные формы особенно важны в повседневной коммуникации, поскольку позволяют выразить социальную дистанцию и уважение без использования имени собеседника.

Следовательно, узбекская лексика родства отражает не только систему семейных связей, но и принятые в обществе способы выражения уважения, возрастного старшинства и социальной близости.

Важным культурным аспектом является представление о расширенной семье. Термины родства в узбекском языке позволяют достаточно точно разграничивать многочисленные семейные связи, в том числе отношения между родственниками по отцовской и материнской линиям. Такая дифференциация создаёт возможности для более точного обозначения места человека в системе семейных отношений.

В русском языке также существует богатая система терминов родства, особенно в области родства по браку. Например, слова «деверь», «шурин», «золовка», «свояк» и «ятровка» обозначают определённые отношения между родственниками супругов. Некоторые из этих слов сегодня употребляются реже, имеют книжную или устаревающую окраску либо заменяются описательными выражениями. Тем не менее

они свидетельствуют о развитости русской терминологии родства и свойства. Следовательно, национально-культурные различия нельзя сводить к утверждению, что один язык обладает более богатой системой родственных наименований, чем другой. Каждый язык детализирует те отношения, которые закреплены в его лексической традиции, и располагает средствами для уточнения значений, не выраженных одним словом.

Особого внимания заслуживает эмоционально-оценочный аспект терминов родства. В обоих языках родственные наименования могут использоваться для выражения ласки, близости, солидарности и уважения. При этом конкретная эмоциональная окраска определяется не только словом, но и интонацией, контекстом и отношениями между участниками общения.

Таким образом, термины родства представляют собой важный источник сведений о культурных ценностях и особенностях межличностной коммуникации. Их анализ позволяет глубже понять взаимосвязь языка, общества и национальной картины мира.

Список использованной литературы

1. Попова З. Д. Система терминов родства в русском языке // Вопросы языкознания. 1982. № 3. С. 78–89.
2. Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. Москва: Наука, 1979.
3. Крюков М. В. Система родства китайцев (эволюция и закономерности). Москва: Наука, 1972.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. Москва: Прогресс, 1986–1987.
5. Левин Ю. И. О типологии терминов родства // Семиотика и информатика. Вып. 12. Москва, 1979. С. 45–68.
6. Садыхов А. Термины родства в узбекском языке (сопоставительный аспект). Ташкент: Фан, 1990.

ГЛОБАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ СТУДЕНТОВ

Орзыкулова Маьмура Камоловна
магистрант
Шахрисабзский государственный педагогический институт
Шахрисябз, Узбекистан

Аннотация. *В статье межкультурное взаимодействие русскоязычных и центральноазиатских студентов рассматривается как совместное конструирование смысла в многоязычной университетской среде, а не как простое сопоставление национальных традиций. Цель работы — определить педагогические условия, при которых языковое и культурное разнообразие становится ресурсом академического сотрудничества. На основе анализа научных подходов к межкультурной коммуникативной компетенции предлагается авторская учебно-методическая схема «ДИАЛОГ»: диагностика коммуникативной ситуации, интерпретация возможных смыслов, анализ языковых средств, личное взаимодействие, обратная связь и гибридное закрепление результата. Схема ориентирована на обучение русскому языку как иностранному и может быть реализована посредством аудиторных заданий и цифровых форм совместной работы. Отдельно рассматриваются риски культурных стереотипов, неравного участия и смешения языковой ошибки с недостатком компетентности. Статья имеет теоретико-методический характер; эффективность предложенной схемы требует дальнейшей эмпирической проверки.*

Ключевые слова: *глобальное культурное пространство, межкультурное взаимодействие, Центральная Азия, русский язык как иностранный, многоязычная аудитория, коммуникативная компетенция, blended learning, академическое общение.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada rusiyzabon va markaziy osiyolik talabalarning madaniyatlararo o‘zaro ta’siri milliy an’analarni oddiygina qiyoslash sifatida emas, balki ko‘ptilli universitet muhitida ma’noni birgalikda shakllantirish jarayoni sifatida ko‘rib chiqiladi. Ishning maqsadi — til va madaniy xilma-xillik akademik hamkorlik resursiga aylanadigan pedagogik shart-sharoitlarni aniqlashdan iborat. Madaniyatlararo muloqot kompetensiyasiga oid ilmiy yondashuvlarga tayanib, maqolada «DIALOG» deb nomlangan mualliflik o‘quv-uslubiy sxemasi taklif etiladi: muloqot vaziyatini diagnostika qilish, ehtimoliy ma’nolarni talqin etish, til vositalarini tahlil qilish, shaxsiy o‘zaro ta’sir, qayta aloqa va natijani gibrid shaklda mustahkamlash. Mazkur sxema chet tili sifatida rus tilini o‘qitishga mo‘ljallangan bo‘lib, auditoriya topshiriqlarini raqamli hamkorlik shakllari bilan uyg‘unlashtirishi mumkin. Shuningdek, maqolada stereotiplar, teng bo‘lmagan ishtirok hamda til xatosini umumiy kompetensiya yetishmasligi bilan adashtirib yuborish xavflari alohida ko‘rib chiqiladi. Maqola nazariy-metodik xususiyatga ega bo‘lib, taklif etilgan sxema keyingi empirik tekshiruvni talab etadi.*

Kalit so‘zlar: *global madaniy makon, madaniyatlararo o‘zaro ta’sir, Markaziy Osiyo, chet tili sifatida rus tili, ko‘ptilli auditoriya, muloqot kompetensiyasi, aralash ta’lim (blended learning), akademik muloqot.*

Abstract. *This article views intercultural interaction between Russian-speaking and Central Asian students as the joint construction of meaning in a multilingual university environment rather than a simple comparison of national traditions. It aims to identify educational conditions under which linguistic and cultural diversity can support academic cooperation. Drawing on scholarship on intercultural communicative competence, the article proposes an author-developed teaching sequence called DIALOG: diagnosing a communication situation, interpreting possible meanings, analysing language choices, engaging in direct interaction, reflecting through feedback, and consolidating learning in a blended format. The sequence is designed for Russian as a foreign language courses and can combine classroom tasks with digital collaboration. The article also addresses the risks of stereotyping, unequal participation, and confusing language proficiency with overall competence. It is theoretical and methodological in nature; the proposed sequence requires further empirical evaluation.*

Keywords: *global cultural space, intercultural interaction, Central Asia, Russian as a foreign language, multilingual classroom, communicative competence, blended learning, academic communication.*

Введение. Глобальное культурное пространство проявляется не только в международных поездках и академической мобильности, но и в повседневной жизни университета: в совместных проектах, цифровых дискуссиях, учебных чатах и работе студентов, которые используют разные языки и опираются на неодинаковый социальный опыт. В таких условиях качество образования определяется не одним лишь объёмом усвоенных знаний. Не менее важно, умеют ли участники объяснять свои мысли, уточнять непонятное, сотрудничать при расхождении мнений и воспринимать различия без поспешных оценок.

Для Центральной Азии данная проблема особенно актуальна в силу языкового и культурного многообразия региона. В вузах могут учиться студенты, для которых русский язык является родным, вторым или иностранным; их языковые биографии, образовательный опыт и способы участия в дискуссии различаются. При этом обозначение «центральноазиатские студенты» не описывает единую группу: регион включает разные страны, языки, локальные сообщества и индивидуальные траектории. Поэтому исследование межкультурного общения должно избегать обобщений, будто все представители определённой культуры говорят и ведут себя одинаково.

Цель статьи – рассмотреть межкультурное взаимодействие русскоязычных и центральноазиатских студентов и предложить методическую схему, помогающую использовать языковое разнообразие как ресурс обучения. Для этого анализируются понятия межкультурной коммуникативной компетенции, типичные зоны возможных недоразумений и способы организации учебного диалога. Работа имеет теоретико-методический характер: в ней предлагается авторская схема занятий, но не утверждается, что её эффективность уже подтверждена экспериментально.

1. От культурных различий к совместному конструированию смысла

Межкультурную коммуникацию целесообразно понимать как процесс, в котором участники не только передают сообщения, но и совместно определяют их значение. Смысл высказывания зависит от слов, ситуации, отношений между собеседниками, интонации и предыдущего опыта. Поэтому грамматически правильная реплика не всегда обеспечивает взаимопонимание, а языковая ошибка не обязательно мешает успешному общению, если собеседники умеют переспрашивать и переформулировать мысль.

В модели Майкла Байрама межкультурная коммуникативная компетенция включает установки открытости и любознательности, знания о социальных практиках, умение интерпретировать культурные явления, навыки взаимодействия и критическую культурную осознанность [1]. Это позволяет рассматривать обучающегося не как пассивного получателя сведений о чужой культуре, а как участника диалога, который способен сопоставлять точки зрения и анализировать собственные предположения.

Дарла Дирдорф также подчёркивает взаимосвязь установок, знаний, навыков и результатов межкультурного взаимодействия [2].

Из этого следует важный педагогический вывод: межкультурную компетенцию нельзя сформировать исключительно лекцией о традициях. Необходимы ситуации, в которых студент должен услышать иную позицию, проверить своё понимание, аргументировать решение и осмыслить результат общения.

В предлагаемой статье акцент переносится с перечисления культурных особенностей на анализ конкретных коммуникативных действий. Например, вместо вопроса «Как представители той или иной культуры выражают несогласие?» полезнее поставить вопрос: «Какие языковые средства помогают участникам этой учебной дискуссии не согласиться, сохранив возможность дальнейшего сотрудничества?» Такой поворот снижает риск стереотипизации и позволяет включить материал в практику преподавания русского языка.

2. Университетская аудитория Центральной Азии: ресурсы и возможные барьеры

В многоязычной аудитории студенты могут по-разному владеть русской академической лексикой, привычными речевыми формулами и жанрами учебного общения. Одному легче быстро вступить в дискуссию, другому требуется время, чтобы сформулировать мысль; один привык открыто оспаривать аргументы, другой предпочитает сначала выслушать участников. Эти различия не следует автоматически объяснять национальностью: на них влияют личностные качества, школьный опыт, уровень языковой подготовки, статус в группе и характер конкретной задачи.

Первый возможный барьер связан с неодинаковой интерпретацией речевого поведения. Краткий ответ может быть воспринят как холодность, хотя говорящий стремился выразиться лаконично; пауза может показаться отсутствием интереса, хотя собеседник подбирает слова на неродном языке. Прямой вопрос может восприниматься как полезное уточнение или как резкость. В таких случаях задача преподавателя – научить студентов проверять интерпретацию, а не приписывать партнёру намерение на основании одного признака.

Второй барьер связан с неравномерным участием. Студенты с более высоким уровнем русского языка могут занимать большую часть дискуссионного времени, тогда как менее уверенные участники ограничиваются короткими репликами. Если оценивать

только беглость речи, это неравенство закрепляется. Более справедливая организация работы предусматривает смену ролей, время на подготовку, письменный этап перед устным обсуждением и ясные критерии вклада каждого участника.

Третий барьер возникает при совместных проектах: участники могут по-разному понимать сроки, самостоятельность, распределение обязанностей и приемлемую форму критики. Решением становится не поиск «национального объяснения», а предварительное согласование правил группы: кто отвечает за конкретную часть, когда публикуется черновик, как сообщается о задержке и каким образом принимаются решения [3].

Наряду с трудностями многоязычие создаёт ресурс. Студенты могут сопоставлять способы выражения просьбы и благодарности, объяснять значения слов, обсуждать региональные тексты и знакомить группу с разными культурными перспективами. При таком подходе русский язык выступает общим средством сотрудничества, но не отменяет ценности других языков, на которых участники осмысляют собственный опыт.

3. Авторская методическая схема «ДИАЛОГ»

Для практической работы предлагается схема «ДИАЛОГ», объединяющая шесть последовательных действий. Название служит мнемонической моделью для преподавателя и студентов: Д – диагностика ситуации; И – интерпретация возможных смыслов; А – анализ языковых средств; Л – личное взаимодействие; О – обратная связь; Г – гибридное закрепление. Это авторское методическое предложение, составленное для целей данной статьи на основе общих положений межкультурного и коммуникативного подходов; его нельзя считать уже валидированной диагностической методикой.

Д – диагностика ситуации. Студентам предлагается короткий сценарий из университетской жизни: например, участник команды не ответил на сообщение о распределении задач. Группа сначала отделяет наблюдаемые факты от собственных предположений. Факт – ответа пока нет; предположение – человек игнорирует команду. Такой шаг помогает не смешивать событие с его интерпретацией.

И – интерпретация возможных смыслов. Участники формулируют несколько объяснений ситуации: сообщение могло быть пропущено, адресат мог быть занят, формулировка могла оказаться непонятной или ответ требует дополнительной информации. Цель не в том, чтобы угадать единственную причину, а в том, чтобы увидеть неопределённость и отказаться от поспешного вывода.

А – анализ языковых средств. Студенты сравнивают варианты сообщения: «Почему ты не ответил?», «Уточни, пожалуйста, сможешь ли ты подготовить эту часть», «Возможно, моё сообщение затерялось. Давай согласуем сроки». Они обсуждают тон, ясность просьбы, степень категоричности и уместность формулировки в конкретном контексте.

Л – личное взаимодействие. В парах или малых группах студенты разыгрывают ситуацию, меняясь ролями. Участники должны не просто прочитать подготовленный диалог, а добиться практического результата: уточнить задачу, договориться о сроке и убедиться, что каждый понял договорённость.

О – обратная связь. После ролевой игры группа обсуждает, какие реплики помогли разрешить недоразумение, где возникла неоднозначность и какие вопросы позволили проверить понимание. Обратная связь должна относиться к наблюдаемым действиям и формулировкам, а не к личности или национальной принадлежности участников.

Г – гибридное закрепление. После занятия студенты размещают в учебной онлайн-среде короткую рефлексию, записывают альтернативный вариант диалога или совместно создают список полезных формул академического общения. На следующем занятии материалы используются для повторения и переноса навыка в новую ситуацию.

Схема «ДИАЛОГ» соединяет языковую практику с критическим осмыслением коммуникации. Её можно применять при изучении тем «Просьба и отказ», «Дискуссия», «Электронное письмо», «Работа над проектом», «Обратная связь» и «Разрешение недоразумений». Для начинающих студентов сценарии следует упростить и снабдить речевыми опорами; для уровней B1–B2 можно использовать открытые ситуации, в которых нет единственного готового ответа.

4. Смешанное обучение как пространство продолжения диалога

Blended learning расширяет возможности межкультурной работы, поскольку объединяет непосредственное общение с цифровой подготовкой и последующей рефлексией. До занятия студенты могут ознакомиться с коротким текстом, видеосценарием или набором речевых формул. Во время аудиторной работы они анализируют ситуацию и выполняют ролевую задачу. После занятия – публикуют вывод, записывают аудиореплику или редактируют общий документ. Такая последовательность позволяет распределить речевую нагрузку и предоставляет дополнительное время студентам, которым трудно быстро отвечать устно.

Цифровая среда также даёт возможность взаимодействовать с партнёрами из других групп или образовательных учреждений. Например, студенты могут обменяться видеопрезентациями о правилах академического общения, затем сформулировать уточняющие вопросы и обсудить сходства и различия. При этом сравнение должно строиться вокруг конкретных примеров, а не превращаться в ранжирование культур по принципу «лучше - хуже».

Технология сама по себе не гарантирует межкультурного понимания. Если онлайн-задание сводится к механическому тесту или публикации заранее подготовленного ответа, пространство для диалога остаётся ограниченным. Важны наличие общей задачи, взаимозависимость участников, содержательная обратная связь и возможность пересмотреть первоначальную интерпретацию. Необходимо учитывать доступ к интернету и устройствам, цифровую грамотность, защиту персональных данных и право студента не раскрывать личные сведения.

Оценивание целесообразно проводить по нескольким критериям: ясность и уместность высказывания; умение задавать уточняющие вопросы; аргументированность позиции; уважительное выражение несогласия; способность слушать и переформулировать мысль партнёра; вклад в общий результат. Эти критерии позволяют оценивать не только языковую правильность, но и качество взаимодействия. Их следует заранее объяснять студентам и применять последовательно.

5. Научно-практическая значимость и перспективы проверки модели

Практическая ценность схемы «ДИАЛОГ» состоит в том, что она превращает широкую тему межкультурного взаимодействия в последовательность наблюдаемых учебных действий. Преподаватель может включать её элементы в занятия по РКИ без отдельного курса по культурологии. Модель также позволяет соединить коммуникативные задачи с цифровой практикой, что соответствует логике смешанного обучения [4].

Вместе с тем предложенная схема является гипотезой для методической апробации, а не доказательством повышения компетенции. Для проверки её результативности можно организовать педагогическое исследование в одной или нескольких студенческих группах. На начальном и итоговом этапах студентам предлагается выполнить сопоставимые коммуникативные задания; преподаватель анализирует записи диалогов по единой рубрике, а участники заполняют краткую анкету самооценки. Дополнительно можно изучить качество групповых проектов и рефлексивных комментариев.

При таком исследовании важно заранее определить критерии, обеспечить добровольность участия, не собирать лишние персональные данные и не делать выводов на основании единичных впечатлений. Если в работе не проводился эксперимент, корректно говорить о предложенной модели и перспективах её апробации, но не утверждать, что её эффективность уже доказана. Подобное разграничение усиливает научную добросовестность статьи.

Заключение. Межкультурное взаимодействие русскоязычных и центральноазиатских студентов в глобальном культурном пространстве следует рассматривать как динамический процесс совместного создания смысла. Его успешность зависит не только от знания языка, но и от умения уточнять намерения, учитывать контекст, выражать несогласие без разрушения сотрудничества и пересматривать первоначальные суждения. При этом культурное разнообразие не должно превращаться в набор стереотипов: индивидуальный опыт каждого студента важнее упрощённых представлений о национальных группах.

В статье предложена авторская методическая схема «ДИАЛОГ», включающая диагностику ситуации, интерпретацию, анализ языковых средств, непосредственное взаимодействие, обратную связь и гибридное закрепление. Её можно использовать в преподавании РКИ для работы с ситуациями академического общения. Смешанное обучение предоставляет дополнительные возможности для подготовки, совместного редактирования и рефлексии, но требует педагогически обоснованных заданий и доступной цифровой среды [5].

Перспективой дальнейшей работы является эмпирическая проверка схемы в вузах Центральной Азии с применением входной и итоговой диагностики, наблюдения, анализа речевых продуктов и самооценки студентов [6]. Такой подход позволит уточнить, какие элементы методики наиболее полезны для развития межкультурной коммуникативной компетенции и как адаптировать их к различным уровням владения русским языком.

Список использованной литературы

1. Худойбердиева А.Х. Развитие творческого мышления у школьников начальных классов в инновационной образовательной среде // Язык как фактор интеграции образовательных…, 2024.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000.
4. Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Clevedon: Multilingual Matters, 1997.
5. Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment — Companion Volume. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2020.
6. Deardorff D. K. Identification and Assessment of Intercultural Competence as a Student Outcome of Internationalization // Journal of Studies in International Education. 2006. Vol. 10, No. 3. P. 241–266. DOI: 10.1177/1028315306287002.
7. UNESCO. UNESCO Guidelines on Intercultural Education. Paris: UNESCO, 2006.

ПАРНЫЙ КОНЦЕПТ «ХЛЕБ-СОЛЬ» / «НОН-ТУЗ» В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Сафарова Лайло
магистрант
Университет Турон
Азизова Насиба Бахритдиновна
профессор кафедры русского языка и литературы
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Annotatsiya. *Maqolada rus va o‘zbek lingvomadaniyatlarida “xleb-sol” va “non-tuz” juft konseptlarining qiyosiy tahlili berilgan. Etimologiya, lug‘at ta’riflari, frazeologik birliklar, urf-odatlar va folklor materiallari asosida konseptlarning tushunchaviy, obrazli-perseptiv va ramziy qatlamlari o‘rganilgan. Umumiy semantik o‘zak (mehmondo‘stlik, do‘stlik, minnatdorlik) bilan birga rus tilida odob va samimiy qabul, o‘zbek tilida esa muqaddas, majburiyatli bog‘liqlik (“tuz-non haqqi”) ustuvorligi aniqlangan. Natijalar ikki tilli lug‘atlar tuzishda, til o‘qitish va tarjimada qo‘llanilishi mumkin.*

Kalit so‘zlar: *juft konsept, non, tuz, xleb-sol, lingvomadaniyatshunoslik, frazeologiya, urf-odat.*

Аннотация. *В статье представлен сопоставительный анализ парных концептов «хлеб-соль» и «нон-туз» в русской и узбекской лингвокультурах. На*

материале этимологии, словарных дефиниций, фразеологизмов, обрядов и фольклора описаны понятийный, образно-перцептивный и символический слои концептов. Наряду с общим семантическим ядром (гостеприимство, дружба, благодарность) выявлено, что в русской традиции акцентируются этикет и радушие угощения, а в узбекской – священный, обязательственный характер уз, скрепляемых совместной трапезой («туз-нон ҳаққи»). Результаты применимы в двуязычной лексикографии, преподавании языков и переводе.

Ключевые слова: *парный концепт, хлеб, соль, нон, туз, лингвокультурология, фразеология, обряд.*

Abstract. *The article presents a comparative analysis of the paired concepts "bread-salt" (khleb-sol') and "non-tuz" in Russian and Uzbek linguocultures. On the basis of etymology, dictionary definitions, phraseological units, rituals and folklore, the conceptual, perceptual-figurative and symbolic layers of the concepts are described. Along with a common semantic core (hospitality, friendship, gratitude), the Russian tradition is shown to stress etiquette and cordial treating, whereas the Uzbek one stresses the sacred, binding nature of ties sealed by a shared meal ("tuz-non haqqi"). The results can be applied in bilingual lexicography, language teaching and translation.*

Keywords: *paired concept, bread, salt, non, tuz, linguoculturology, phraseology, ritual.*

Введение. Особый интерес для сопоставительной лингвокультурологии представляют вещные концепты (артефакты): обозначая предметы материальной культуры, они приобретают в языке и сознании носителей глубокие символические смыслы и становятся знаками национальной идентичности [2; 8]. К таким концептам относятся хлеб и соль, занимающие исключительное место в культурах многих народов. Для русской и узбекской лингвокультур они – не просто продукты питания, а культурные символы, вокруг которых формируются этикетные нормы, ритуальные практики, фразеологические и паремиологические фонды.

Особенность этих концептов – их парный характер: в обеих культурах существует устойчивое единство «хлеб-соль» / «нон-туз», имеющее самостоятельное значение, выходящее за рамки суммы составляющих. Символика хлеба и соли описана на славянском материале [3; 5; 12], но комплексный сопоставительный анализ парных концептов в русском и узбекском языках не проводился. Цель статьи – выявить универсальные и этноспецифические характеристики этих концептов.

Методология и материал исследования

В основу положен лингвокультурологический подход к изучению языковых и фразеологических единиц [1; 9]. Применялись метод концептуального анализа, этимологический и компонентный (дефиниционный) анализ словарных статей, сопоставительный (контрастивный) анализ, интерпретативный анализ контекстов, анализ фразеологизмов, паремий и фольклорных текстов, элементы этнолингвистического анализа. Материалом послужили толковые, этимологические и фразеологические словари русского (В.И. Даль, С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова, М. Фасмер) и узбекского языков («Ўзбек тилининг изоҳли луғати», словари Ш. Раҳматуллаева) [4; 6; 10; 11; 13], тексты русского и узбекского фольклора (сказки,

пословицы, обрядовые песни), произведения художественной литературы XIX–XXI вв. и полевые этнографические материалы.

Результаты и обсуждение

1. Этимология и понятийный слой

Лексемы, называющие хлеб и соль, имеют древнее происхождение (табл. 1). Русское хлеб – общеславянское, восходящее к германскому заимствованию (гот. hlaifs); в древнерусском оно фиксируется с XI в. и обозначало как зерно, так и печёный хлеб, а также пищу вообще (хлеб насущный). Узбекское нон заимствовано из персидского (nān «хлеб, лепёшка; пища»). Лексема соль в обоих языках восходит к индоевропейскому корню *sal-, при этом узбекский имеет общетюркское туз и персидское намак (книжное, поэтическое).

Таблица 1. Лексемы-репрезентанты концептов

Лексема	Происхождение	Особенности значения
хлеб	общеслав., из герм. (гот. hlaifs)	печёный хлеб, зерно, «пропитание, средства к существованию»
нон	из перс. nān (тадж.)	прежде всего лепёшка из тандыра, не формовой хлеб; ‘пища, средства к жизни’
соль	общеслав.; и.-е. корень *sal-	приправа; перен. «соль земли», «соль рассказа»
туз	общетюрк. (др.-тюрк. tuz)	соль; ядро парного единства «туз-нон»
намак	из перс. namak	книжное, поэтическое слово «соль»

Словарные дефиниции показывают общее понятийное ядро – «продукт питания из муки, выпеченный» для хлеба и «белое кристаллическое вещество, приправа» для соли. Толковые словари русского языка выделяют три значения слова хлеб (пищевой продукт; зерно; перен. пропитание), а «Ўзбек тилининг изоҳли луғати» – два (выпекаемое из теста в тандыре, печи изделие; вообще пища и средства к жизни). Понятийный слой узбекского концепта «нон» разветвлён за счёт разнообразия лепёшек (оби-нон, патир, ширмой) и способов выпечки, что отражает особенности хлебопечения оседлых народов Средней Азии.

2. Образные и символические признаки

Русский хлеб – прежде всего формовой, пышный, ржаной или пшеничный, узбекский нон – круглая лепёшка, выпеченная в тандыре с характерным рисунком; общим является представление о свежести и аромате как показателях качества. Образ соли в обеих культурах связан с белизной, чистотой и способностью оберегать от порчи. Хлеб символизирует жизнь (хлеб насущный), достаток (хлебное место, нони бутун) и святость и жертву (просфора, нон садақа); соль – дружбу и гостеприимство, очищение и защиту (оберег), а также горечь и испытания (горькая соль).

3. Парное единство и фразеологический фонд

Парное единство функционирует как самостоятельный символ гостеприимства, дружбы и священных уз, но с разным акцентом (табл. 2). В русском языке центральны выражения хлеб-соль водить, хлеб да соль, забыть хлеб-соль; в узбекском – туз-нон

ҳаққи (‘право соли-хлеба’), туз-нон кесмоқ, туз-нонни унутмоқ. Русские фразеологизмы в большей степени акцентируют этикетные, поведенческие аспекты, узбекские – обязательственный, сакральный характер отношений, устанавливаемых через совместную трапезу. Различается и порядок компонентов: в русском фиксировано хлеб-соль, в узбекском чаще туз-нон.

Таблица 2. Парное единство «хлеб-соль» / «нон-туз»

Критерий	**Русский язык**	**Узбекский язык**
Основные значения	гостеприимство, дружба, угощение	гостеприимство, священный долг, верность
Ключевые выражения	хлеб-соль водить, хлеб да соль, забыть хлеб-соль	туз-нон ҳаққи, туз-нон кесмоқ, туз-нонни унутмоқ
Формулы приветствия	Хлеб да соль! – Просим!	Нонингиз бутун бўлсин! Тузингиз бўлсин!
Символика достатка	хлебное место, жить на хлебах	нони бутун, нон гадойи
Клятвы и проклятия	Хлебом клянусь (редко)	нонга айтмоқ (клятва хлебом), туз-нон тутсин (проклятие)

Тематические группы фразеологизмов сопоставимы: гостеприимство и дружба (рус. «хлеб-соль водить, забыть хлеб-соль» – узб. «туз-нон ҳаққи, туз-нонни унутмоқ»); достаток и бедность (рус. «перебиваться с хлеба на квас, хлебное место» – узб. «нони бутун, нон гадойи»); этикет и моральные нормы (рус. «хлеб-соль кушай, а хозяина слушай» – узб. «нонга айтмоқ»); символика соли (рус. «соль земли, насыпать соль на рану»); пословицы (узб. «Нонсиз дастурхон файзсиз, тузсиз ош – бемаза»).

4. Обряды, фольклор и литература

В свадебном обряде русский каравай встречает молодых и делится между гостями, символизируя богатство и плодородие; узбекский обряд нон синдириш (разламывание лепёшки) означает согласие и единение двух семей. В похоронных обрядах обеих культур хлеб – медиатор между мирами живых и умерших и форма поминальной жертвы (кутья, блины у русских; поминальные лепёшки и садақа у узбеков); сакральный смысл русской традиции связан с плодородием и жертвой предкам, узбекской – с бараком и милостыней для спасения души. Функция соли также различается: русские используют её как оберег и символ горечи, узбекские – как символ единства и священных уз. В русских сказках хлеб – средство испытания и награды, в узбекских – благословение и оберег; в поэзии и прозе обеих культур он осмысляется как символ родины, труда и мирной жизни.

Заключение. Парные концепты «хлеб-соль» / «нон-туз» имеют универсальное ядро: хлеб и соль как общечеловеческие символы жизни, достатка и гостеприимства. Вместе с тем русская и узбекская лингвокультуры демонстрируют глубокую национальную специфику на всех уровнях: в различии образов (формовой хлеб – лепёшка), в акцентах символики (этикет и радушие – священный долг и обязательство), в наборе обрядовых функций и фразеологических моделей. Результаты имеют значение для сопоставительной лингвокультурологии, а также для двуязычной лексикографии, преподавания русского и узбекского языков как иностранных и подготовки

переводчиков. Перспективой является привлечение материала других славянских и тюркских языков и изучение концептов в индивидуально-авторских картинах мира.

Список использованной литературы

1. Азизова Н.Б. Лингвокультурологический подход в изучении фразеологических единиц // Miasto Przyszłości. – 2022. – С. 168–172.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2010. – 288 с.
3. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
4. Бердиёров Х., Қўнғуров Р., Раҳматуллаев Ш. и др. Ўзбек тилининг изоҳли луғати: 5 жилдли. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2006–2008.
5. Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000. – 432 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1989–1991.
7. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 2000. – 544 с.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
11. Раҳматуллаев Ш. Ўзбек тилининг изоҳли фразеологик луғати. – Тошкент: Ўқитувчи, 1978. – 408 б.
12. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986–1987.
14. Azizova, N. B. (2024). The concept of “good” in the Russian and Uzbek language
48. worldview. Russian language: research, testing and practice, 10(2), 88-96.

MIP VA MIPVU METODLARI ASOSIDA O‘ZBEK VA INGLIZ TILLARIDAGI G‘AZAB METAFORALARINING CHOG‘ISHTIRMA TAHLILI

Omonova Shahrizoda Mansurovna
Xorijiy filologiya fakulteti 2-bosqich talabasi
Turon universiteti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada o‘zbek va ingliz tillarida g‘azab hissini ifodalovchi metaforik birliklar Pragglejaz Group ishlab chiqqan MIP protsedurasi va uning takomillashgan shakli – MIPVU asosida chog‘ishtirma tahlil qilinadi. Metaforani aniqlash mezonlarining ikki tilning tipologik xususiyatlariga – ingliz tilidagi frazal fe’llar va ko‘p so‘zli birliklarga hamda o‘zbek tilidagi agglutinativ so‘z shakllari va ko‘makchi fe’lli qurilmalarga – qanday tatbiq etilishi ko‘rib chiqiladi. Izohli lug‘atlar asosida tanlangan namunalar issiqlik va qaynayotgan suyuqlik, bosim va portlash, olov va tutun, vertikal harakat hamda nazorat manba sohalari bo‘yicha guruhlanadi. Tahlil ikki tilda g‘azabning tayanch konseptual modeli umumiy ekanini, biroq uning leksik ifodasi, ichki shakli va madaniy talqinida sezilarli farqlar borligini ko‘rsatadi. Tuzilishi turlicha bo‘lgan ikki tilni yagona protsedura asosida qiyoslash uchun leksik birlik chegarasini har ikki tilda bir xil tamoyil bilan belgilash, tuzilishi va to‘liqligi jihatidan qiyoslanadigan lug‘atlarga tayanish hamda g‘azabning fiziologik belgilarini bildiruvchi metonimik ifodalarni metaforadan farqlash zarurligi asoslanadi.*

Kalit so‘zlar: *konseptual metafora, g‘azab konsepti, MIP, MIPVU, metaforaga aloqador so‘z, manba soha, leksik birlik, chog‘ishtirma tilshunoslik.*

Аннотация. *В статье на основе процедуры идентификации метафоры MIP, предложенной группой Pragglejaz, и её усовершенствованной версии MIPVU проводится сопоставительный анализ метафорических единиц, выражающих гнев в узбекском и английском языках. Рассматривается применение критериев выявления метафоры с учётом типологических особенностей обоих языков – фразовых глаголов и многословных единиц в английском языке, агглютинативных словоформ и конструкций со вспомогательными глаголами в узбекском. Примеры, отобранные по толковым словарям, сгруппированы по сферам-источникам «тепло и кипящая жидкость», «давление и взрыв», «огонь и дым», «вертикальное движение» и «контроль». Анализ показывает, что базовая концептуальная модель гнева в обоих языках общая, однако её лексическое воплощение, внутренняя форма и культурная интерпретация существенно различаются. Обосновывается, что для сопоставления двух разноструктурных языков в рамках единой процедуры необходимо определять границы лексической единицы в обоих языках по единому принципу, опираться на сопоставимые по структуре и полноте словари, а также отграничивать от метафоры метонимические обозначения физиологических проявлений гнева.*

Ключевые слова: *концептуальная метафора, концепт «гнев», MIP, MIPVU, слово, связанное с метафорой, сфера-источник, лексическая единица, сопоставительное языкознание.*

Abstract. *The article presents a contrastive analysis of anger metaphors in Uzbek and English based on the Metaphor Identification Procedure (MIP) proposed by the Pragglejaz Group and its refined version, MIPVU. The study considers how the identification criteria apply to the typological features of both languages: phrasal verbs and multi-word units in English, and agglutinative word forms and auxiliary-verb constructions in Uzbek. Examples selected from explanatory dictionaries are grouped according to the source domains of heat and boiling fluid, pressure and explosion, fire and smoke, vertical movement, and control. The analysis shows that the two languages share the core conceptual model of anger but differ considerably in its lexical realisation, inner form and cultural interpretation. The paper argues that comparing two structurally different languages within a single procedure requires defining lexical unit boundaries by the same principle in both languages, relying on dictionaries of comparable structure and coverage, and distinguishing metaphor from metonymic expressions of the physiological effects of anger.*

Keywords: *conceptual metaphor, anger, MIP, MIPVU, metaphor-related word, source domain, lexical unit, contrastive linguistics.*

Kirish. Kognitiv tilshunoslikda metafora nutqning bezagi emas, balki tafakkurning odatiy usuli sifatida qaraladi. J. Lakoff va M. Jonson konseptual metafora nazariyasida inson mavhum tushunchalarni aniqroq, tana tajribasiga yaqin sohalar orqali anglashini koʻrsatgan [1]. Bu qarashga koʻra *qoni qaynadi* yoki *boiling with anger* kabi ifodalar tasodifiy soʻz oʻyini emas: ularda manba soha (issiqlik, suyuqlik, bosim) bilan maqsad soha (gʻazab) oʻrtasidagi barqaror moslik tilda iz qoldiradi.

Hissiyotlar orasida gʻazab eng koʻp oʻrganilganlaridan biridir. G. Lakoff va Z. Kövecses amerika ingliz tilidagi gʻazab ifodalarini tahlil qilib, ular zamirida «gʻazab – idishdagi qizigan suyuqlik» (ANGER IS THE HEAT OF A FLUID IN A CONTAINER) metaforasi hamda gʻazabning fiziologik ta’siri – tana harorati, ichki bosim, qizarish – haqidagi xalq tasavvurlari yotishini aniqlagan [2]. Kövecses keyinchalik bu modelni boshqa tillar materiali bilan solishtirib, uning tana tajribasiga tayangan umumiy oʻzagi va madaniyatga bogʻliq variantlari borligini koʻrsatdi: masalan, xitoy tilida gʻazab koʻproq gaz (*qi*) sifatida, yapon tilida esa qorin (*hara*) bilan bogʻliq holda tasavvur qilinadi [3]. Demak, bir xil fiziologik asos turli tillarda turlicha «oʻqiladi» va bu farqni faqat qiyosiy tahlil ochib beradi.

Oʻzbek tilshunosligida kognitiv yondashuvning nazariy asoslari Sh. Safarov tadqiqotlarida yoritilgan [4]. Soʻnggi yillarda oʻzbek tilidagi metafora va metonimiyaning milliy tafakkur bilan aloqasi ham alohida oʻrganilmoqda [5]. Shunga qaramay, hissiyot metaforalari, jumladan, gʻazab ifodalari koʻpincha tadqiqotchining intuitsiyasiga tayanib ajratiladi: qaysi soʻz metaforik qoʻllangani aniq mezon bilan tekshirilmaydi. Natijada turli ishlarda olingan xulosalarni bir-biri bilan solishtirish qiyinlashadi.

Bu muammoni yengish uchun metaforani aniqlashning rasmiylashtirilgan protseduralari – MIP [6] va MIPVU [7] ishlab chiqilgan. MIPVUni turli tillarga moslashtirish tajribasi maxsus toʻplamda umumlashtirilgan [8], undagi alohida bob oʻzbek tiliga bagʻishlangan [9]. Biroq bu protseduralar oʻzbek va ingliz tillaridagi gʻazab metaforalarini qiyoslashda hozircha izchil qoʻllanmagan.

O‘zbek tilidagi g‘azab ifodalari «O‘zbek tilining izohli lug‘ati» [10] asosida, ingliz tilidagi ifodalar esa MIPVU mualliflari tavsiya etgan Macmillan va Longman lug‘atlari asosida [7] tanlandi. Maqolada keltirilgan jumlalar namunaviy xarakterga ega: ular protsedura bosqichlarini ko‘rsatish uchun olingan va miqdoriy xulosa chiqarishga mo‘ljallanmagan. Tadqiqotda chog‘ishtirma, komponent va kognitiv tahlil usullaridan foydalanildi.

MIP to‘rt bosqichdan iborat [6]. Avval matn umumiy mazmunini anglash uchun to‘liq o‘qiladi, so‘ng undagi leksik birliklar ajratiladi. Har bir birlik uchun uning kontekstdagi ma’nosi aniqlanadi va shu so‘zning boshqa kontekstlarda asosiyroq (*basic*) ma’nosi bor-yo‘qligi tekshiriladi. Pragglejaz Group asosiyroq ma’no deganda odatda aniqroq (tasavvur qilish, ko‘rish, his qilish mumkin bo‘lgan), tana harakatiga yaqinroq, aniqroq chegaralangan va tarixan oldinroq paydo bo‘lgan ma’noni tushunadi; bunda asosiy ma’no eng ko‘p ishlatiladigan ma’no bo‘lishi shart emas [6]. Agar kontekstual ma’no asosiy ma’nodan farq qilsa-yu, u bilan qiyoslash orqali tushunilsa, birlik metaforik qo‘llangan deb belgilanadi.

MIPVU bu bosqichlarni aniqlashtiradi va kengaytiradi [7]. Birinchidan, unda leksik birlik tushunchasi qat’iy belgilanadi: frazal fe’llar, ayrim qo‘shma so‘zlar va *of course* kabi barqaror ko‘p so‘zli birliklar (*polywords*) bitta birlik sifatida qaraladi. Ikkinchidan, tahlil natijasi «metafora» emas, «metaforaga aloqador so‘z» (*metaphor-related word*, MRW) deb nomlanadi va uning turlari farqlanadi: bilvosita metafora (kontekstual va asosiy ma’no o‘rtasidagi ziddiyat), bevosita metafora (o‘xshatishdagi kabi manba soha ochiq ifodalangan holat) va yashirin metafora (olmosh yoki ellipsis orqali avvalgi metaforaga ishora). *Like, as if, xuddi, go‘yo* kabi signal so‘zlar alohida – MFlag sifatida belgilanadi. Uchinchidan, qaror qabul qilish qiyin bo‘lgan holatlar uchun WIDLII (*When in doubt, leave it in* – «shubha bo‘lsa, belgilangan holda qoldir») toifasi kiritilgan. To‘rtinchidan, MIPdan farqli o‘laroq, MIPVU ma’nolarni zamonaviy sinxron lug‘atlar asosida aniqlaydi va etimologik ma’nolarni hisobga olmaydi [7].

Oxirgi talab chog‘ishtirma tadqiqot uchun alohida ahamiyatga ega. Har ikki til uchun tuzilishi va to‘liqligi jihatidan qiyoslanadigan izohli lug‘atlar tanlanmasa, bir tildagi so‘z «metaforik», boshqa tildagi uning muqobili esa «nometaforik» deb belgilanishi faqat lug‘atlar farqidan kelib chiqishi mumkin. MIPVUni turli tillarga moslashtirgan tadqiqotchilar ham lug‘at tanlovini protseduraning eng nozik nuqtalaridan biri sifatida ko‘rsatadi [8].

Ingliz tili materialida sinovdan o‘tgan protsedurani o‘zbek tiliga ko‘chirishda dastlabki qiyinchilik leksik birlik chegarasi bilan bog‘liq. O‘zbek tili agglutinativ til bo‘lgani uchun grammatik ma’nolar o‘zakka ketma-ket qo‘shiladigan affikslar orqali ifodalanadi: *qaynayotgan edi* yoki *tutaqib ketganidan* shakllarida bitta fe’l o‘zagi atrofida ravishdosh, zamon, shaxs-son va kelishik ko‘rsatkichlari jamlangan. S. G. Kaya o‘zbek tilida MIPVUni qo‘llash tajribasini tahlil qilib, leksik birlikni belgilash va lug‘at manbasini tanlash masalalariga alohida to‘xtaladi [9]. Mazkur tadqiqotda lug‘atda bosh so‘z sifatida berilgan shakl leksik birlik deb olindi, so‘z o‘zgartuvchi affikslar esa metaforiklikni belgilamaydigan grammatik ko‘rsatkichlar sifatida baholandi. Shu bois *jahli* so‘zidagi egalik qo‘shimchasi alohida tahlil qilinmaydi. *Jahl* va *g‘azab* so‘zlarining o‘zi esa maqsad sohani to‘g‘ridan to‘g‘ri nomlaydi va MRW hisoblanmaydi.

Ikkinchi muammo ko‘makchi fe’lli qurilmalar bilan bog‘liq. *Tutaqib ketdi, portlab ketdi, qaynab ketdi* kabi birikmalarda *ketmoq* fe’li «bir joydan uzoqlashmoq» degan asosiy ma’nosida emas, harakatning to‘liq va keskin yuz berganini ko‘rsatuvchi aspektual vazifada

keladi. Agar bunday fe'llar har safar MRW sifatida belgilansa, tahlil natijasi sun'iy ravishda ko‘payib ketadi. Shu sababli ingliz tilida yordamchi vazifadagi *be, have* fe'llari metafora sifatida belgilanmaganiga o‘xshash tarzda, biz ko‘makchi fe'lni grammatiklashgan element deb hisobladik va metaforiklikni yetakchi fe'l (*tutaqmoq, portlamoq, qaynamoq*) bo‘yicha baholadik. Bu yechim munozarali ekanini ta'kidlash lozim: ko‘makchi fe'llarning grammatiklashuv darajasi bir xil emas va ularning har biri uchun alohida mezon ishlab chiqish kelgusi tadqiqotlar vazifasidir.

Uchinchi muammo frazeologik birliklarga taalluqli. MIPVU iboralarni, polyword ro‘yxatiga kirganlaridan tashqari, bir butun birlik sifatida emas, tarkibidagi so‘zlar bo‘yicha tahlil qiladi [7]. Masalan, *sabr kosasi to‘ldi* iborasida *kosa* va *to‘lmoq* so‘zlari alohida-alohida MRW sifatida belgilanadi. *Jahli chiqdi* birikmasidagi *chiqmoq* fe'lining asosiy ma'nosi «ichkaridan tashqariga yoki pastdan yuqoriga harakatlanmoq»dir, kontekstual ma'nosi esa «g‘azab paydo bo‘lmoq, g‘azablanmoq». Ikki ma'no o‘rtasidagi farq va o‘xshashlik (g‘azab idishdan ko‘tarilib chiquvchi modda sifatida) aniq bo‘lgani uchun *chiqmoq* MRW deb topiladi. Bu ma'noning lug‘atda alohida qayd etilishi, ya'ni metaforaning konvensionallashgani uning metaforikligini inkor etmaydi: MIPVU an'anaviylashgan metaforalarni ham belgilaydi [7].

To‘rtinchi muammo metafora va metonimiya chegarasidir. G‘azabning fiziologik belgilarini bildiruvchi *yuzi qizardi, qovog‘ini soldi, red with anger, tremble with rage* kabi ifodalar «ta'sir sabab o‘rnida» tamoyili asosidagi metonimiyaga tayanadi [2; 3]. *Yuzi qizardi* jumlasida *qizarmoq* fe'li o‘z asosiy ma'nosida qo‘llangan, shuning uchun MRW emas, garchi u butun holda g‘azabga ishora qilsa-da. Bu farqni hisobga olmaslik metonimik ifodalarni metafora sifatida sanab, natijani buzib ko‘rsatishga olib keladi. Quyidagi jadvalda protsedura qadamlari namunaviy jumlalarda ko‘rsatilgan.

1-jadval. MIPVU bo‘yicha namunaviy tahlil

Jumla va leksik birlik	**Kontekstual ma'no**	**Asosiy ma'no**	**Qaror**
Qonim qaynab ketdi → qaynamoq	g‘azab keskin kuchaymoq	suyuqlik qizib, pufakchalar chiqarib ko‘pirmoq	MRW (bilvosita metafora)
Qonim qaynab ketdi → ketmoq	harakatning to‘liq va keskinligi	bir joydan uzoqlashmoq	ko‘makchi fe'l; grammatik element sifatida tahlildan chiqarildi
Qonim qaynab ketdi → qon	qon	qon	MRW emas: referent o‘zgarmagan
Jahli chiqdi → chiqmoq	g‘azablanmoq	ichkaridan tashqariga harakatlanmoq	MRW (konvensional metafora)
His words made my blood boil →	become very angry	(of liquid) reach the temperature at	MRW (bilvosita metafora)

Jumla va leksik birlik	Kontekstual ma’no	Asosiy ma’no	Qaror
boil		which it bubbles	
He blew up at me → blow up	suddenly become very angry	explode, be destroyed by an explosion	frazal fe’l – bitta leksik birlik; MRW
Xuddi qozondek qaynardi → xuddi; *qozon*	o‘xshatish signali; manba soha	–	*xuddi* – MFlag; *qozon* – bevosita metafora
Yuzi qizardi → qizarmoq	qizil tusga kirmoq	qizil tusga kirmoq	MRW emas; metonimik asos

3. G‘azab metaforalarining manba sohalari bo‘yicha chog‘ishtirma tahlili

Aniqlangan MRWlarni manba sohalari bo‘yicha guruhlash ikki tildagi g‘azab modelining umumiy va farqli qatlamlarini ko‘rishga imkon beradi (2-jadval).

2-jadval. G‘azab metaforalarining manba sohalari

Manba soha	O‘zbek tili	Ingliz tili
Issiqlik, qaynayotgan suyuqlik	*qoni qaynadi, zardasi qaynadi, ichi qaynadi*	*boil, seethe, simmer, make one’s blood boil, hot under the collar*
Idishdan toshish	*g‘azabi toshdi, sabr kosasi to‘ldi*	*boil over, be filled with anger*
Bosim, portlash	*portlab ketdi, jahlini bosdi, g‘azabini ichiga yutdi*	*explode, blow up, blow one’s top, bottle up, swallow one’s anger*
Olov, tutun	*tutaqib ketdi, g‘azab o‘ti*	*fume, smoulder, flare up, fiery temper*
Vertikal harakat	*jahli chiqdi, jahldan tushdi*	*anger rose, calm down*
Nazorat, raqib, jonivor	*jahli tutdi, jahlini jilovladi*	*lose / keep one’s temper, be seized with rage, rein in one’s anger*

Issiqlik va qaynayotgan suyuqlik. Bu guruh ikki til uchun ham markaziy hisoblanadi va Lakoff hamda Kövecses tavsiflagan modelga to‘liq mos keladi [2]. Biroq ifoda vositalarida farq bor. Ingliz tilida g‘azab darajasi leksik vositalar bilan pog‘onalanadi: *simmer* (sekin qaynamoq) – *seethe* – *boil* – *boil over*. O‘zbek tilida esa ko‘p hollarda bitta *qaynamoq* fe’li qo‘llanadi, darajani esa ko‘makchi fe’llar (*qaynab ketdi*, *qaynab toshdi*) ifodalaydi. Boshqacha aytganda, ingliz tilida leksik yo‘l bilan beriladigan ma’no farqi o‘zbek tilida grammatik yo‘l bilan beriladi. Yana bir nozik jihat: *qoni qaynamoq* birikmasi kontekstga ko‘ra g‘ayrat-shijoatni ham bildiradi (*yoshlik qoni qaynaydi*). Demak, bir xil manba soha bir

necha hissiy holatga xizmat qiladi va g‘azab ma’nosi faqat kontekstda aniqlanadi. MIP aynan shu sababli birlikni alohida emas, kontekstda baholashni talab qiladi [6].

Bosim, portlash va idishdan toshish. Idish metaforasi suyuqlik qizigandan keyin bosim ortishi va oxir-oqibat «portlash» bilan davom etadi. *Portlab ketdi* va *blow up, explode* ifodalari bu bosqichni ikki tilda deyarli bir xil aks ettiradi. G‘azabni boshqarish ham shu model doirasida tasavvur qilinadi: o‘zbek tilidagi *jahlini bosmoq* va *g‘azabini ichiga yutmoq* ingliz tilidagi *bottle up* va *swallow one’s anger* bilan mazmunan yaqin. Ayni paytda *sabr kosasi to‘ldi* iborasida idish g‘azabning o‘zi emas, sabr sifatida tasavvur qilinadi – g‘azab sabr «idishi» to‘lib bo‘lganidan keyin boshlanadi. Bu ifoda modelni boshqa nuqtadan ko‘rsatadi va ingliz tilida aynan shu tuzilishdagi keng tarqalgan muqobilga ega emas. O‘zbek tilida g‘azabni ichda saqlashni bildiruvchi ifodalarning ko‘pligi uni oshkor qilmaslikni ma’qullovchi muloqot me’yorlari bilan bog‘liq bo‘lishi mumkin, biroq bu farazni tasdiqlash uchun korpus ma’lumotlari zarur.

Olov va tutun. Bu guruhda ikki til o‘rtasida qiziqarli parallellik kuzatiladi. O‘zbek tilidagi *tutaqmoq* fe’li ham, ingliz tilidagi *fume* fe’li ham tutun bilan bog‘liq ichki shaklga ega va har ikkisi kuchli, ammo hali portlamagan g‘azabni ifodalaydi. Ingliz tilida bu soha *flare up, smoulder, fiery temper* kabi birliklar bilan ancha keng ifodalangan. O‘zbek tilidagi *g‘azab o‘ti* qaratqichli birikmasida esa *o‘t* so‘zi bilvosita metafora sifatida belgilanadi, chunki uning kontekstual ma’nosi «kuchli g‘azab», asosiy ma’nosi «olov»dir.

Madaniy-milliy o‘ziga xoslik. O‘zbek tilidagi *zarda* so‘zi lug‘atda «o‘t suyuqligi» va ko‘chma ma’noda «jahl, achchiq» ma’nolarida berilgan [10]. *Zardasi qaynadi* ifodasida g‘azab tanadagi muayyan suyuqlik bilan bog‘lanadi, bu esa xalq tibbiyotidagi tasavvurlar bilan aloqador. Ingliz tilida ham g‘azabni tana suyuqliklari bilan bog‘lovchi qadimgi (gumoral) tasavvurlarning izi saqlangan, biroq Kövecses ta’kidlaganidek, zamonaviy ingliz tilida ular asosan umumiy «issiq suyuqlik» modeliga singib ketgan [3]. O‘zbek tilida esa *ich* (*ichi qaynadi, ichiga yutdi*) g‘azab joylashgan idish sifatida tez-tez qo‘llanadi. Milliy tafakkurning metafora va metonimiya shakllanishidagi o‘rni haqidagi qarashlar [5] bu farqlarni tasodif emas, balki tilning dunyoqarash bilan bog‘liqligi natijasi sifatida izohlashga imkon beradi.

O‘tkazilgan tahlil o‘zbek va ingliz tillarida g‘azab metaforalari umumiy kognitiv asosga ega bo‘lsa-da, ularning lisoniy ifodalanishi va madaniy talqinida o‘ziga xos xususiyatlar mavjudligini ko‘rsatadi. Har ikki tilda g‘azabning qizigan suyuqlik, bosim va portlash bilan bog‘liq obrazlar orqali ifodalanishi insonning umumiy fiziologik tajribasi bilan izohlanadi. Shu bilan birga, ingliz tilida g‘azab darajasini ifodalashda leksik vositalar, o‘zbek tilida esa ko‘makchi fe’lli qurilmalar va turg‘un birikmalar muhim o‘rin tutadi. Jahli chiqmoq, sabr kosasi to‘ldi, zardasi qaynadi va ichiga yutmoq kabi birliklar o‘zbek tilida g‘azab konseptining o‘ziga xos semantik hamda madaniy xususiyatlarini namoyon etadi. Kelgusida parallel va qiyoslanadigan korpuslar asosida metaforalarning chastotasini aniqlash hamda annotatorlararo kelishuvni statistik baholash mazkur xulosalarning empirik ishonchliligini oshirish imkonini beradi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
2. Lakoff G., Kövecses Z. The cognitive model of anger inherent in American English // Holland D., Quinn N. (Eds.). Cultural models in language and thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – P. 195–221.
3. Kövecses Z. Metaphor and emotion: Language, culture, and body in human feeling. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 223 p.
4. Safarov Sh. Kognitiv tilshunoslik. – Jizzax: Sangzor, 2006.
5. Hakimova M., Rahmatova F. O‘zbek tilida metafora va metonimiya shakllanishida milliy tafakkurning o‘rni // O‘zbekiston: til va madaniyat (Uzbekistan: Language and Culture). – 2025. – Vol. 4. – B. 6–22. https://doi.org/10.52773/tsuull.uzlc.2025.4/DSYH9832
6. Pragglejaz Group. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse // Metaphor and Symbol. – 2007. – Vol. 22, No. 1. – P. 1–39. https://doi.org/10.1080/10926480709336752
7. Steen G. J., Dorst A. G., Herrmann J. B., Kaal A. A., Krennmayr T., Pasma T. A method for linguistic metaphor identification: From MIP to MIPVU. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. – 238 p. – (Converging Evidence in Language and Communication Research; 14). https://doi.org/10.1075/celcr.14
8. Nacey S., Dorst A. G., Krennmayr T., Reijnierse W. G. (Eds.). Metaphor identification in multiple languages: MIPVU around the world. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2019. – vi + 330 p. – (Converging Evidence in Language and Communication Research; 22). https://doi.org/10.1075/celcr.22
9. Kaya S. G. Linguistic metaphor identification in Uzbek // Nacey S., Dorst A. G., Krennmayr T., Reijnierse W. G. (Eds.). Metaphor identification in multiple languages: MIPVU around the world. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2019. – P. 227–245. https://doi.org/10.1075/celcr.22.11kay
10. O‘zbek tilining izohli lug‘ati: 5 jildlik / A. Madvaliyev tahriri ostida. – Toshkent: O‘zbekiston milliy ensiklopediyasi, 2006–2008.

3- SHU'BA

TARJIMA NAZARIYASI VA AMALIYOTI, TARJIMASHUNOSLIK ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION; TRANSLATION STUDIES

THE RELATIONSHIP BETWEEN STEREOTYPICAL CONCEPTS, CULTURE, AND SOCIETY IN LITERARY TRANSLATION

Toshtemir Alimov
Associate Professor, Department of English
Doctor of Philosophy (PhD) in Philology
Karshi State University
Karshi, Uzbekistan

Abstract. *This article examines the relationship between stereotypes, cultural values, and social patterns in the process of literary translation. Particular attention is given to the way stereotypical ideas are created, maintained, and transferred from one cultural environment into another through language and literary texts. The study also considers how differences between societies may influence the translator's interpretation and choice of linguistic forms.*

Keywords: *stereotypes, cultural patterns, social norms, literary translation, cultural identity, gender stereotypes, language and culture.*

Аннотация. *В статье рассматривается взаимосвязь между стереотипами, культурными ценностями и социальными моделями в процессе художественного перевода. Особое внимание уделяется тому, как стереотипные представления формируются, поддерживаются и переносятся из одной культурной среды в другую посредством языка и литературных текстов. В работе также анализируется влияние различий между обществами на интерпретацию текста переводчиком и выбор им языковых средств.*

Ключевые слова: *стереотипы, культурные модели, социальные нормы, художественный перевод, культурная идентичность, гендерные стереотипы, язык и культура.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada badiiy tarjima jarayonida stereotiplar, madaniy qadriyatlar va ijtimoiy andozalar o'rtasidagi o'zaro bog'liqlik tahlil qilinadi. Stereotipik qarashlarning shakllanishi, saqlanib qolishi hamda til va badiiy matnlar orqali bir madaniy muhitdan boshqasiga o'tishi masalasiga alohida e'tibor qaratiladi. Shuningdek, tadqiqotda jamiyatlar o'rtasidagi farqlar tarjimonning talqini va til vositalarini tanlashiga qanday ta'sir ko'rsatishi mumkinligi ham ko'rib chiqiladi.*

Kalit so‘zlar: *stereotiplar, madaniy andozalar, ijtimoiy me’yorlar, badiiy tarjima, madaniy o‘ziga xoslik, gender stereotiplari, til va madaniyat.*

Every society develops certain behavioral expectations that influence how its members communicate, behave, and interact with one another. These expectations can gradually become established as social norms. Consequently, people from outside a particular cultural environment may develop generalized ideas about all members of that society. Individuals who behave differently from these established expectations may sometimes be viewed negatively because their behavior does not correspond to the image that others have already formed.

Stereotypes are not identical in all parts of the world. They differ depending on historical circumstances, cultural traditions, social structures, and individual experience. Therefore, an assumption that is common in one society may have a completely different meaning in another. This difference becomes especially important in literary translation, because translators work between two linguistic and cultural systems.

The concept of stereotyping has been discussed by numerous scholars. Patricia B. Campbell and Jennifer N. Storo, for example, examine stereotypes in relation to gender and point out that objects, activities, or social roles may be associated with either boys or girls. Craig McGarty, Vincent Y. Yzerbyt, and Russell Spears, meanwhile, describe stereotypes as interconnected sets of beliefs concerning particular social categories.

Different dictionaries also provide explanations of the concept. In general, a stereotype can be viewed as a simplified and generalized mental representation of a person, group, object, or phenomenon. Such representations are often based on previously acquired knowledge rather than on an objective examination of every individual case.

From the perspective of social psychology, stereotypes can therefore be regarded as generalized beliefs concerning particular categories of people. They may also be connected with customs, traditions, and established patterns of behavior. However, such representations should not automatically be regarded as accurate descriptions of reality.

Historical Development of the Concept

The origin of the word *stereotype* can be traced to French. The term *stéréotype* consists of elements associated with the ideas of something solid, fixed, printed, or reproduced. Originally, the word belonged to the field of printing rather than psychology.

The term was used in typography to describe a printing plate capable of reproducing the same material repeatedly. Over time, the meaning of the word expanded and began to refer to something fixed or resistant to change. The modern psychological understanding of the term became particularly prominent in the twentieth century.

American journalist Walter Lippmann played an important role in introducing the concept of stereotypes into modern social thought. In his 1922 work *Public Opinion*, he used the term to describe the mental images through which people interpret the surrounding world. According to this approach, individuals do not always perceive reality directly; instead, their understanding is often influenced by previously formed social ideas and experiences.

As a result, the concept gradually moved beyond academic terminology and became widely used in everyday communication, journalism, and mass media.

In general, stereotypes can be understood as relatively stable ideas that people associate with particular groups or objects. They may develop when individuals generalize certain characteristics, compare one group with another, or categorize people according to perceived similarities and differences. When a particular assumption becomes widely accepted, it can turn into a collective social belief.

Types of Stereotypes

Stereotypes can be divided into a number of categories. Among the most frequently discussed are racial, cultural, and gender stereotypes.

Racial Stereotypes

Racial stereotyping occurs when individuals are categorized according to perceived physical or external characteristics. These may include skin color, facial structure, hair, eyes, body shape, nose, or lips.

One of the historically significant examples can be found in the relationship between Black and white populations in the United States. Racial stereotypes were reinforced by social inequalities that developed during the period of slavery and continued to influence American society afterward.

Some stereotypes have attempted to establish a hierarchy between racial groups by presenting one group as more attractive, capable, or socially privileged than another. At the same time, stereotypes may also appear in apparently positive forms. For instance, the assumption that Black people are naturally talented in sports is itself a generalized belief and does not accurately describe every individual.

Historical experience demonstrates that racial stereotypes can contribute to discrimination and unequal treatment. Therefore, even when a stereotype appears positive, it remains problematic when an individual is judged primarily according to membership in a particular racial category.

Cultural Stereotypes

Culture includes many elements of collective life, including customs, traditions, beliefs, language, religion, art, literature, values, and patterns of behavior. When generalized ideas are created around these characteristics, they can be described as cultural stereotypes.

Cultural stereotypes often develop because people attempt to understand unfamiliar communities through simplified images. For example, individuals may associate a particular nationality with certain foods, traditions, forms of communication, or behavioral patterns. Such associations may sometimes contain an element of truth, but they cannot represent every member of a cultural group.

Lawrence Blum emphasizes that stereotypes can function as cultural units shared by members of a society and can also be recognized by people outside that culture. This demonstrates that stereotypes are not restricted to individuals; they can become part of broader cultural knowledge.

Gender Stereotypes

Gender stereotypes are connected with assumptions concerning the behavior, abilities, emotional characteristics, and social roles of men and women. Researchers have long attempted to determine whether there are objective differences between the sexes that could justify traditional gender expectations.

However, many studies indicate that men and women have considerably more similarities than differences. Emotional reactions, for example, are not completely determined by biological sex. Cultural expectations can influence how emotions are expressed. In many societies, men may be encouraged to hide sadness or fear and express anger more openly, while women may be expected to display emotions such as sadness and anxiety more freely.

Such expectations can reinforce unequal social roles. Although some gender stereotypes may appear positive—for example, describing women as caring or intuitive—they may still have negative consequences if society values these qualities less than characteristics traditionally associated with men, such as rationality, independence, or assertiveness.

Gender stereotypes can therefore affect both women and men by limiting the range of behaviors considered socially acceptable.

Translation Problems Associated with Social Gender

Social gender is influenced by historical, cultural, and contextual conditions. Since these conditions differ between societies and historical periods, translators may encounter difficulties when a source text does not explicitly identify the gender of a character.

The difficulty is that the novel does not provide sufficient information about the cook's gender. Consequently, translators working in languages with grammatical gender may be forced to make a decision that is not required in the original English sentence.

C

o

n

c

l

u

s

i

The study of stereotypes is especially important in literary translation because a translator works simultaneously with language, culture, social norms, and historical context. A stereotypical concept that is easily understood in one society may not have the same meaning in another. Therefore, successful translation requires not only linguistic competence but also awareness of cultural ideas, social differences, and the cultural connotations of stereotypes. Although stereotypes may sometimes simplify reality, they also reflect widely shared beliefs and assumptions in literary texts. Understanding these mechanisms helps translators recognize hidden meanings, avoid misinterpretation, and make appropriate decisions when transferring culturally loaded expressions from the source language into the target language.

References

1. Alekseeva, I.S. Text and Translation. Issues of Theory. – Moscow: International Relations, 2008. – 184 p.
2. Alimov, T.A. Translation Theory. Translation in the Field of Professional Communication. – Moscow: Editorial URSS, 2005. – 160 p.
3. Vinogradov, V.S. Lexical Issues in Translating Literary Prose. – Moscow, 1978.
4. Vinson, L. Simultaneous Translation from Russian into English: Techniques, Skills, Guidelines (Translation from English). – Moscow: RyuValent, 2017. – 320 p.

BADIIY TARJIMADA SUN'IY INTELLEKTNING AFZALLIKLARI VA KAMCHILIKLARI

Mahmudov Alisher Yo'ldoshevich
Qarshi davlat universiteti dotsenti, f.f.f d. (PhD)
Qarshi, O'zbekiston

Annotatsiya. Mazkur maqolada badiiy tarjima jarayonida sun'iy intellekt texnologiyalaridan foydalanishning asosiy afzalliklari va kamchiliklari tahlil qilinadi. Sun'iy intellektning tarjima tezligi, leksik muqobillarni aniqlash, matnni dastlabki tahrirdan o'tkazish va tarjimon faoliyatini yengillashtirishdagi imkoniyatlari yoritiladi. Shuningdek, badiiy matnlardagi obrazlilik, metafora, milliy-madaniy birliklar, muallif uslubi va hissiy ta'sirni to'laqonli ifodalashda yuzaga keladigan muammolar ko'rib chiqiladi. Badiiy tarjimada inson tarjimonining ijodiy tafakkuri, lingvistik kompetensiyasi va madaniy bilimlari muhim ahamiyatga ega ekanligi asoslanadi. Sun'iy intellektdan inson ijodkorligini almashtiruvchi vosita sifatida emas, balki tarjima sifatini oshirishga xizmat qiluvchi yordamchi texnologiya sifatida foydalanish zarurligi ta'kidlanadi.

Kalit so'zlar: badiiy tarjima, sun'iy intellekt, mashina tarjimasi, tarjimon mahorati, lingvistik kompetensiya, madaniy kontekst, metafora, tarjima sifati.

Аннотация. В статье рассматриваются основные преимущества и недостатки использования технологий искусственного интеллекта в художественном переводе. Анализируются возможности искусственного интеллекта в ускорении перевода, подборе лексических эквивалентов, предварительном редактировании текста и облегчении работы переводчика. Особое внимание уделяется трудностям передачи образности, метафор, национально-культурных реалий, авторского стиля и эмоциональной выразительности художественного произведения. Обосновывается значимость творческого мышления, языковой компетенции и культурных знаний переводчика. Подчёркивается, что искусственный интеллект целесообразно рассматривать не как замену человеческому творчеству, а как вспомогательный инструмент повышения качества художественного перевода.

Ключевые слова: художественный перевод, искусственный интеллект, машинный перевод, мастерство переводчика, языковая компетенция, культурный контекст, метафора, качество перевода.

Abstract. This article examines the main advantages and limitations of artificial intelligence in literary translation. It explores the potential of AI to accelerate translation, identify lexical equivalents, support preliminary editing, and reduce translators' workload. Particular attention is paid to the difficulties of conveying imagery, metaphors, culture-specific expressions, authorial style, and emotional nuances. The article emphasizes the importance of human creativity, linguistic competence, and cultural knowledge in producing high-quality literary translations. It argues that artificial intelligence should be regarded as a supporting technology rather than a replacement for human translators.

Keywords: literary translation, artificial intelligence, machine translation, translator competence, linguistic competence, cultural context, metaphor, translation quality.

Bugungi globallashuv sharoitida turli xalqlarning adabiy merosini o‘rganish, milliy adabiyot namunalarini xorijiy tillarga tarjima qilish va madaniyatlararo muloqotni rivojlantirish muhim ahamiyat kasb etmoqda. Bu jarayonda raqamli texnologiyalar, xususan, sun’iy intellektga asoslangan tarjima vositalari keng qo‘llanilmoqda. Mazkur texnologiyalar matnni tezkor qayta ishlash, muqobil tarjima variantlarini taklif etish va tarjimon mehnatini yengillashtirish imkonini beradi.

Biroq badiiy tarjima oddiy axborot uzatish jarayoni emas. Unda muallifning individual uslubi, estetik qarashlari, milliy tafakkuri va ruhiy kechinmalari boshqa tilda qayta yaratiladi. Shu sababli badiiy tarjimada til birliklarining lug‘aviy ma’nosini saqlash bilan bir qatorda, matnning badiiy-estetik xususiyatlarini ham qayta ifodalash talab etiladi. Zamonaviy tadqiqotlar sun’iy intellekt tarjima sifatini yaxshilashga yordam berishini, biroq ijodiylik va madaniy mazmunni yetkazishda muayyan cheklovlar saqlanib qolayotganini ko‘rsatadi [1; 2].

Maqolaning maqsadi badiiy tarjimada sun’iy intellektdan foydalanish imkoniyatlari va cheklovlarini tahlil qilish hamda inson tarjimoni bilan texnologiya o‘rtasidagi samarali hamkorlik tamoyillarini asoslashdan iborat.

Sun’iy intellektning eng muhim afzalliklaridan biri tarjima jarayonini tezlashtirishidir. Katta hajmdagi matnlarni dastlabki tarjima qilish, takroriy iboralarni aniqlash va turli leksik variantlarni taklif etish orqali tarjimonning vaqtini tejash mumkin. Bu, ayniqsa, ko‘p jildli asarlar, romanlar va katta hajmdagi nasriy matnlar bilan ishlashda ahamiyatlidir.

Ikkinchidan, sun’iy intellekt kontekstga mos so‘z va iboralarni tanlashda, grammatik tuzilmalarni qayta shakllantirishda hamda tarjima matnidagi ayrim nomuvofiqliklarni aniqlashda yordam beradi. Tarjimon bir nechta variantni qiyoslab, asarning mazmuni va uslubiga mos keladigan ifodani tanlashi mumkin. Bunda texnologiya tayyor yechimni mutlaq haqiqat sifatida emas, balki tahrir va ijodiy tanlov uchun material sifatida taqdim etadi.

Uchinchidan, sun’iy intellekt tarjimonning tahrir jarayonini yengillashtiradi. Matndagi takrorlar, grammatik xatolar va terminologik nomuvofiqliklarni aniqlash, jumlalarni turli uslublarda qayta ifodalash kabi vazifalar tarjima sifatini oshirishga xizmat qilishi mumkin. Shuningdek, kam o‘rganilgan adabiy asarlar bilan ishlashda dastlabki tarjima nusxasini olish tadqiqotchiga matnning umumiy mazmunini tezroq anglash imkonini beradi.

Guerberof-Arenas va Toral tadqiqotida inson tomonidan mustaqil bajarilgan badiiy tarjima ijodiylik mezonlari bo‘yicha mashina tarjimasidan yuqori natija ko‘rsatgani aniqlangan. Shu bilan birga, mashina tarjimasi va inson tahriri birgalikda qo‘llanganda ayrim vazifalarni bajarish uchun foydali imkoniyatlar mavjudligi ham ko‘rinadi [1]. Demak, sun’iy intellektning samaradorligi undan qanday maqsadda va qay darajada foydalanilishiga bog‘liq.

Badiiy tarjimada sun’iy intellektning asosiy muammolaridan biri ko‘chma ma’nolarni va obrazli ifodalarni to‘laqonli talqin qilish bilan bog‘liq. Metafora, kinoya, ramz, xalqona iboralar va muallifga xos individual ifodalar ko‘pincha keng madaniy hamda kontekstual bilimlarni talab etadi. So‘zlarning lug‘aviy ma’nosini to‘g‘ri berishning o‘zi bunday birliklarning badiiy ta’sirini saqlash uchun yetarli emas.

Masalan, o‘zbek tilidagi “ko‘ngli tog‘dek ko‘tarildi” iborasi insonning ruhiy holatini obrazli ifodalaydi. Uni boshqa tilga so‘zma-so‘z tarjima qilish o‘rniga, mazmun va hissiy

ta’sirni saqlaydigan muqobil ifodani tanlash zarur. Bunday qaror tarjimondan nafaqat til bilimini, balki madaniy tafakkur va badiiy sezgirlikni ham talab qiladi.

Ikkinchi muammo muallif uslubini saqlashdir. Har bir yozuvchining o‘ziga xos sintaksisi, ritmi, so‘z tanlashi va hikoya qilish usuli mavjud. Sun’iy intellekt ayrim holatlarda matnni grammatik jihatdan ravonlashtirsa-da, muallifga xos noodatiy ifodalarni soddalashtirishi yoki ularning badiiy vazifasini susaytirishi mumkin. Ayniqsa, she’riyatda qofiya, ritm, tovush uyg‘unligi va ko‘p ma’nolilikni bir vaqtning o‘zida saqlash murakkab masaladir. Badiiy tarjimaga oid tadqiqotlarda mashina tarjimasi ijodiy yechimlarni cheklashi mumkinligi qayd etilgan [1].

Uchinchi muammo milliy-madaniy birliklarning tarjimasidir. Urf-odatlar, tarixiy ishoralar, xalq og‘zaki ijodiga oid obrazlar va mahalliy turmush tarzini ifodalovchi tushunchalar har doim ham boshqa tilda to‘g‘ridan-to‘g‘ri muqobilga ega bo‘lmaydi. Sun’iy intellekt bunday birliklarning tashqi ma’nosini yetkazishi mumkin, biroq ularning tarixiy yoki madaniy qatlamini noto‘g‘ri talqin qilishi ehtimoli mavjud.

To‘rtinchidan, sun’iy intellekt ayrim vaziyatlarda asl matnda bo‘lmagan mazmunni qo‘shishi, muhim qismlarni tushirib qoldirishi yoki bir xil tushunchani turlicha tarjima qilishi mumkin. Shuning uchun tarjima natijasini asl matn bilan solishtirish, mazmuniy izchillikni tekshirish va shubhali o‘rinlarni qayta ko‘rib chiqish talab etiladi [2].

Beshinchidan, texnologiyaga ortiqcha tayanish tarjimonning mustaqil fikrlashi va ijodiy izlanishiga salbiy ta’sir ko‘rsatishi mumkin. Bundan tashqari, mualliflik huquqi, matnlarning maxfiyligi va foydalanilgan vositalarning ma’lumotlarni qayta ishlash tartibi ham e’tiborga olinishi lozim.

Badiiy tarjima sifatini oshirish uchun sun’iy intellekt va inson tarjimonining imkoniyatlarini o‘zaro uyg‘unlashtirish maqsadga muvofiq. Bunda dastlab texnologiya yordamida matnning birlamchi tarjimasi yoki muqobil ifodalar tayyorlanadi. Keyingi bosqichda tarjimon ularni asl matn bilan qiyoslaydi, semantik xatolarni tuzatadi, madaniy birliklarning muqobilini tanlaydi va muallif uslubini qayta tiklaydi.

Tarjimonning vazifasi faqat xatolarni tuzatish bilan cheklanmaydi. U matnning estetik yaxlitligini, obrazlar tizimini, qahramonlar nutqidagi individuallikni va o‘quvchiga ta’sirini nazorat qilishi kerak. Sun’iy intellekt taklif etgan variantlar orasidan tanlov qilishda ham tarjimonning kasbiy tajribasi va ijodiy qarori hal qiluvchi ahamiyatga ega.

Shuningdek, o‘zbek tilidagi badiiy matnlar va ularning sifatli tarjimalaridan iborat elektron korpuslarni rivojlantirish muhimdir. Bunday resurslar milliy iboralar, tarixiy tushunchalar, adabiy obrazlar va uslubiy xususiyatlarni hisobga oluvchi tarjima tizimlarini takomillashtirishga yordam berishi mumkin. Bunda til va madaniy xilma-xillikni asrash hamda texnologiyalardan mas’uliyat bilan foydalanish tamoyillariga amal qilish zarur [3].

Xulosa qilib aytganda, sun’iy intellekt badiiy tarjima jarayonini tezlashtirish, muqobil tarjima variantlarini taklif etish va matnni tahrirlashda muhim yordamchi vosita hisoblanadi. Biroq uning imkoniyatlari obrazlilik, milliy-madaniy mazmun, muallif uslubi va badiiy ta’sirni qayta yaratishda cheklanishi mumkin.

Badiiy tarjimaning muvaffaqiyati texnologik imkoniyatlar bilan insonning ijodiy tafakkuri, lingvistik mahorati va madaniy bilimlari uyg‘unligiga bog‘liq. Shu bois sun’iy intellekt tarjimonni almashtiruvchi mustaqil ijodkor sifatida emas, balki uning kasbiy

faoliyatini qo‘llab-quvvatlovchi vosita sifatida qo‘llanishi lozim. Yakuniy tarjima uchun mas’uliyat tarjimon zimmasida qoladi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Guerberof-Arenas A., Toral A. Creativity in Translation: Machine Translation as a Constraint for Literary Texts // Translation Spaces. — 2022. — Vol. 11, No. 2. — P. 184–212. — DOI: 10.1075/ts.21025.gue.

2. Lee J. A Preliminary Study on the Application of Machine Translation to Literary Translation: Focusing on ChatGPT and NMT Outputs // The Journal of Translation Studies. — 2026. — Vol. 27, No. 1. — P. 193–224. — DOI: 10.15749/jts.2026.27.1.006.

3. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. — Paris: UNESCO, 2021.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В АНГЛИЙСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА

Хужакулов Суннатулло Анвар угли
Университет экономики и педагогики, доцент
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В тезисах рассматриваются семантические особенности юридических терминов английского и узбекского языков, факторы их формирования и основные проблемы, возникающие в процессе межъязыкового перевода. В условиях глобализации, развития международного сотрудничества и расширения правовых отношений особую актуальность приобретает обеспечение точности и смысловой эквивалентности юридической терминологии. Различия в языковой структуре, национальных правовых системах и юридических традициях обусловливают сложность передачи специализированных правовых понятий средствами другого языка.*

Ключевые слова: *юридическая терминология, английский язык, узбекский язык, семантика, юридический перевод, терминологическая эквивалентность, правовой дискурс, контекст, семантическая трансформация, искусственный интеллект.*

Annotatsiya. Ushbu maqola ingliz va o'zbek tillaridagi huquqiy atamalarning semantik xususiyatlari, ularni shakllantiruvchi omillar va tillararo tarjimada yuzaga keladigan asosiy qiyinchiliklarni o'rganadi. Globallashuv, xalqaro hamkorlikning rivojlanishi va huquqiy munosabatlarning kengayishi sharoitida huquqiy terminologiyaning aniqligi va semantik ekvivalentligini ta'minlash ayniqsa muhimdir. Til tuzilishi, milliy huquqiy tizimlar va huquqiy an'analardagi farqlar ixtisoslashgan huquqiy tushunchalarni boshqa tilga tarjima qilishni murakkablashtiradi.

Kalit so'zlar: huquqiy terminologiya, ingliz, o'zbek, semantika, huquqiy tarjima, terminologik ekvivalentlik, huquqiy diskurs, kontekst, semantik transformatsiya, sun'iy intellekt.

Abstract. *This paper examines the semantic features of legal terms in the English and Uzbek languages, the factors influencing their formation, and the primary challenges that arise during interlingual translation. In the context of globalization, the development of international cooperation, and the expansion of legal relations, ensuring the accuracy and semantic equivalence of legal terminology has become particularly significant. Differences in linguistic structure, national legal systems, and legal traditions complicate the conveyance of specialized legal concepts into another language.*

Keywords: *legal terminology, English language, Uzbek language, semantics, legal translation, terminological equivalence, legal discourse, context, semantic transformation, artificial intelligence.*

Введение. Современное языкознание уделяет значительное внимание исследованию специальной лексики, выявлению её семантических характеристик и определению степени межъязыкового соответствия терминологических единиц. Особенно актуальным данное направление становится в условиях расширения международных экономических связей, развития межгосударственного сотрудничества и увеличения объёма обмена юридическими документами. Точный перевод правовых текстов имеет принципиальное значение, поскольку от правильной интерпретации терминов могут зависеть содержание прав и обязанностей сторон, понимание нормативных предписаний и эффективность юридической коммуникации.

Юридические термины представляют собой специализированные языковые единицы, обозначающие правовые понятия, институты, процедуры, юридические статусы и отношения между субъектами права. Их основная функция заключается в точном обозначении правовых понятий, передаче нормативной информации и обеспечении смысловой последовательности юридического дискурса. Вместе с тем значение юридического термина не всегда является неизменным: оно может зависеть от отрасли права, особенностей национальной правовой системы, жанра документа и конкретной коммуникативной ситуации.

Сопоставительное изучение юридической терминологии английского и узбекского языков представляет особый научный интерес. Английский язык широко используется в международных договорах, коммерческих соглашениях, арбитражных документах и других формах международной правовой коммуникации. Узбекская юридическая терминология развивается в рамках национального законодательства, судебно-правовой системы и международного сотрудничества. Между терминологическими единицами двух языков существуют отношения непосредственного соответствия, однако во многих случаях обнаруживаются частичная эквивалентность, семантические различия и отсутствие прямых аналогов отдельных правовых институтов.

Семантические особенности юридических терминов

В терминоведении специальные термины рассматриваются как языковые единицы, обозначающие понятия определённой области знаний или профессиональной деятельности. В работах Э. Вюстера особое внимание уделяется отношениям между термином и обозначаемым понятием. М. Т. Кабре рассматривает терминологию во взаимосвязи языка, знания и коммуникации. Данные теоретические подходы позволяют

исследовать юридические термины не только как лексические единицы, но и как средства выражения специализированного правового знания.

Одной из важнейших семантических характеристик юридических терминов является **понятийная точность**. Юридический термин должен обозначать определённое понятие и обеспечивать его разграничение с другими понятиями соответствующей системы. Например, английские термины *plaintiff* и *defendant* обозначают участников судебного разбирательства, обладающих различным процессуальным статусом. В узбекском языке они могут передаваться соответственно терминами *da'vogar* («истец») и *javobgar* («ответчик») [1]. Однако при переводе необходимо учитывать вид судопроизводства и особенности процессуальной терминологии, поскольку обозначения участников могут различаться в зависимости от характера дела.

Второй существенной характеристикой выступает **системность**. Юридические термины функционируют не изолированно, а в рамках взаимосвязанных понятийных систем. Например, термины *court, judge, judgment, appeal, jurisdiction* формируют семантическое поле, связанное с судебной деятельностью и осуществлением правосудия [2]. Их узбекские соответствия – «суд», «судья», «судебное решение», «апелляция» и «юрисдикция» - также связаны между собой отношениями понятийной зависимости. Для правильного понимания каждого термина необходимо учитывать его место в соответствующей правовой системе.

Третья характеристика – **контекстуальная обусловленность значения**. Некоторые слова в общеупотребительном языке имеют одно значение, тогда как в юридическом дискурсе приобретают специализированное содержание. Например, английское слово *consideration* в общеязыковом употреблении может означать «рассмотрение» или «внимание». В договорном праве, особенно в традиции английского общего права, оно обозначает специальное понятие, связанное с юридическим признанием договорного обязательства. Поэтому перевод данного термина посредством обычного слова «внимание» не передаёт его правового содержания. В подобных случаях необходимы специальное терминологическое соответствие или пояснительный перевод.

Четвёртая характеристика – **многозначность**. Английский термин *claim* в зависимости от контекста может обозначать иск, требование или право требования. Его конкретное значение определяется типом юридического документа и функцией термина в высказывании. Так, выражение *to bring a claim* в соответствующем процессуальном контексте может переводиться как «предъявить иск» или «обратиться с исковым требованием» [3]. Следовательно, выбор первого словарного эквивалента без анализа контекста не всегда обеспечивает адекватный перевод.

Пятая характеристика – **семантическая изменчивость**. Под влиянием экономических, социальных и технологических изменений правовые понятия развиваются, а значения терминов могут расширяться или уточняться. Например, *digital evidence, cybercrime, data protection* обозначают понятия, приобретающие особое значение в условиях цифровизации общественных отношений. Их узбекские соответствия – «цифровое доказательство», «киберпреступность» и «защита

персональных данных» - должны использоваться с учётом соответствующих нормативных документов и сложившейся профессиональной практики [4].

Основные проблемы перевода юридических терминов с английского языка на узбекский

Главная задача юридического перевода состоит в максимально точной передаче правового содержания исходного текста средствами другого языка. Однако между английскими и узбекскими юридическими терминами далеко не всегда существует полная эквивалентность. С. Шарчевич в своих исследованиях подчёркивает специфику юридического перевода и необходимость учитывать правовую природу переводимого текста. Д. Као также рассматривает перевод права как деятельность, требующую не только лингвистической компетенции, но и понимания соответствующих правовых понятий.

Первая проблема связана с **полной и частичной эквивалентностью**. В некоторых случаях термины двух языков обозначают достаточно близкие понятия. Однако совпадение словарных значений или внешней формы не гарантирует идентичности юридического содержания. Различия в законодательстве, судебной практике и институциональной организации могут обусловливать несовпадение объёма соответствующих понятий.

Например, термин *trust* в английском общем праве обозначает специальный правовой институт, связанный с управлением имуществом в интересах другого лица или определённых бенефициаров. Его непосредственная замена узбекским словом *ishonch* («доверие») не позволяет полностью передать институциональное содержание понятия. В подобных случаях переводчик должен учитывать функцию правового института и его место в соответствующей правовой системе [5].

Вторая проблема обусловлена **семантическим расширением и сужением.** Семантическое расширение предполагает увеличение сферы употребления термина, тогда как сужение связано с ограничением его значения определённой областью или ситуацией. Например, английский термин *liability* в различных контекстах может передаваться как «ответственность», «обязательство» или «ответственность за причинённый ущерб». Выбор соответствия зависит от характера правоотношения и функции термина в конкретном документе.

Третья проблема связана с **национально-правовыми различиями**. Каждая правовая система формируется под влиянием исторических условий, законодательных традиций и судебной практики. Вследствие этого понятие, существующее в одной правовой системе, может не иметь точного аналога в другой. Например, термин *equity* обладает специфическим историческим и доктринальным содержанием в английской правовой традиции [6]. Его перевод исключительно словом «справедливость» в некоторых контекстах может привести к утрате специального юридического значения. В подобных ситуациях целесообразно использовать пояснительный перевод с учётом конкретного правового контекста.

Четвёртая проблема заключается в **грамматических и синтаксических различиях** английского и узбекского языков. В английских юридических текстах широко используются сложные именные конструкции, которые при переводе на узбекский язык могут требовать изменения структуры словосочетания и применения

дополнительных грамматических средств. Например, выражение *the protection of contractual rights* естественно передаётся на узбекский язык как *shartnomaviy huquqlarni himoya qilish* («защита договорных прав») [7]. При этом переводчик должен учитывать не только содержание отдельных слов, но и грамматическую естественность всей конструкции.

Современные подходы к переводу юридической терминологии

Повышение качества юридического перевода предполагает сочетание традиционных лингвистических методов с современными цифровыми технологиями.

Во-первых, **сопоставительно-сравнительный анализ** позволяет выявить сходства и различия между английскими и узбекскими юридическими терминами. С помощью данного метода исследуются структура терминов, их словарное значение, сфера употребления и функциональные характеристики. Особое внимание следует уделять случаям, когда внешне сходные термины обозначают разные понятия в национальных правовых системах.

Во-вторых, **контекстуальный анализ** помогает установить конкретное значение термина в юридическом тексте. При этом термин рассматривается не изолированно, а в рамках предложения, документа и соответствующего правового отношения. Материалы договоров, судебных решений, законодательных актов и международных соглашений представляют важную эмпирическую базу для подобного исследования.

В-третьих, значительные возможности открывают **электронные корпуса и терминологические базы данных.** Создание сопоставительных корпусов английских и узбекских юридических текстов позволяет исследовать частотность терминов, особенности их сочетаемости и контекстуальные варианты. В терминологических базах могут фиксироваться определения, переводческие соответствия, примеры употребления, тематическая принадлежность и источники нормативного характера.

В-четвёртых, перспективным направлением является использование **искусственного интеллекта и нейронного машинного перевода**. Современные системы позволяют оперативно обрабатывать большие объёмы текстов, выявлять повторяющиеся термины и предлагать варианты перевода. Вместе с тем автоматические системы не всегда способны правильно интерпретировать сложные юридические конструкции, национально-специфические понятия и многозначные термины. Ошибочный перевод может привести к искажению содержания правового документа.

Поэтому результаты автоматического перевода должны проверяться квалифицированными переводчиками и специалистами в области права. Искусственный интеллект целесообразно рассматривать как вспомогательный инструмент, повышающий эффективность профессиональной деятельности, но не заменяющий экспертную оценку юридического содержания.

В-пятых, важную роль играет **терминологическая стандартизация.** Использование единого глоссария и согласованных переводческих решений позволяет избежать неоправданного варьирования терминов в пределах одного документа. Это особенно актуально при переводе международных договоров, нормативных актов и

коммерческих соглашений, где последовательность терминологического употребления имеет принципиальное значение.

Комплексное применение указанных подходов способствует повышению точности юридического перевода, уменьшению риска смысловых искажений и совершенствованию межъязыковой правовой коммуникации.

Заключение. Проведённый анализ показывает, что семантические особенности юридических терминов английского и узбекского языков обусловлены взаимодействием лингвистических, контекстуальных и национально-правовых факторов. Юридические термины не только обозначают специальные понятия, но и отражают особенности правовых систем, институциональных отношений и исторического развития общества. Поэтому их перевод требует комплексного подхода, учитывающего словарное значение, функциональную нагрузку и правовое содержание соответствующих единиц.

На основании рассмотренных положений можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, эквивалентность английских и узбекских юридических терминов может быть полной, частичной или контекстуально обусловленной. Во-вторых, многозначность, семантическое расширение и сужение, а также различия между национальными правовыми системами представляют собой основные проблемы юридического перевода.В-третьих, использование сопоставительного и контекстуального анализа позволяет точнее устанавливать значение терминов и выбирать адекватные переводческие соответствия. В-четвёртых, электронные корпуса, терминологические базы данных и технологии искусственного интеллекта создают новые возможности для совершенствования переводческой практики, однако их результаты нуждаются в профессиональной проверке. В-пятых, последовательное использование терминологии и сохранение юридического содержания являются важнейшими условиями эффективной международной правовой коммуникации.

Таким образом, сопоставительное исследование семантики юридических терминов английского и узбекского языков способствует развитию современной лингвистики, терминоведения и переводоведения. Полученные теоретические положения могут применяться при совершенствовании двуязычных юридических словарей, разработке электронных терминологических ресурсов и повышении качества перевода правовых документов.

Список использованной литературы

1. Baker, M. *In Other Words: A Coursebook on Translation*. 2nd ed. London: Routledge, 2011.

2. Cabré, M. T. *Terminology: Theory, Methods and Applications*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999.

3. Cao, D. *Translating Law*. Clevedon: Multilingual Matters, 2007.

4. Šarčević, S. *New Approach to Legal Translation*. The Hague: Kluwer Law International, 1997.

5. Tiersma, P. M. *Legal Language*. Chicago: University of Chicago Press, 1999.

6. Wüster, E. *Einführung in die Allgemeine Terminologielehre und Terminologische Lexikographie*. 2. Auflage. Bonn: Romanistischer Verlag, 1985.
7. Bowker, L., Pearson, J. *Working with Specialized Language: A Practical Guide to Using Corpora*. London: Routledge, 2002.

O‘ZBEK NASRINING RUSCHA TARJIMALARIDA MILLIY-MADANIY REALIYALARNING BERILISHI

Annaeva Lola Rasulovna
Iqtisodiyot va pedagogika universitetining dotsenti vazifasini bajaruvchi
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada «O‘tkan kunlar» romani va «O‘g‘ri» hikoyasining ruscha tarjimalarida milliy-madaniy realiyalarning berilishi o‘rganiladi. M. Safarov va I. Boronina tarjimalari kontekstual tahlil hamda lug‘at asosida tekshiriladi. Nomni saqlash, tavsifiy tarjima va funksional yaqinlashtirish qiyoslanadi. Madaniy mazmunning saqlanishida predmet ma’nosining aniqligi va izohning o‘quvchi uchun qulayligi muhimligi ko‘rsatiladi.*

Kalit so‘zlar. *Milliy-madaniy realiya, badiiy tarjima, o‘zbek nasri, rus tili, tarjima izohi, Abdulla Qodiriy, Abdulla Qahhor.*

Аннотация. *В статье исследуется представление национально-культурных реалий в русских переводах романа «Минувшие дни » и рассказа «Вор». Переводы М. Сафарова и И. Борониной анализируются на основе контекстуального анализа и словаря. Сравниваются сохранение имен, описательный перевод и функциональная аппроксимация. Показана важность точности смысла предмета и удобства пояснения для читателя при сохранении культурного содержания.*

Ключевые слова: *национально-культурная реальность, литературный перевод, узбекская проза, русский язык, пояснение к переводу, Абдулла Кодирий, Абдулла Каххор.*

Abstract. *The article examines culture-specific items in Russian translations of O‘tkan kunlar and O‘g‘ri by M. Safarov and I. Boronina. Contextual analysis and dictionary verification are used to compare retention, descriptive rendering, and functional approximation. Referential accuracy and accessible explanations are shown to be important for preserving cultural content.*

Keywords. *Culture-specific item, literary translation, Uzbek prose, Russian, translation commentary, Abdulla Qodiriy, Abdulla Qahhor.*

Realiyalarni tarjimada berish muammosi

Badiiy asardagi milliy-madaniy realiya predmet, urf-odat yoki ijtimoiy institutni nomlash va ayni paytda tasvirlanayotgan voqelikni muayyan muhit bilan bog‘lash imkonini beradi. Asliyat o‘quvchisi uchun bu aloqa odatiy bo‘lishi mumkin. Tarjimada esa u alohida vazifaga aylanadi: notanish nom matnning o‘ziga xosligini saqlaydi, biroq ba’zan voqeani tushunishni qiyinlashtiradi. Umumiste’moldagi muqobil o‘qishni yengillashtiradi, ammo predmet yoki tarixiy vaziyat haqidagi tasavvurni o‘zgartirishi mumkin.

S. Vlaxov va S. Florin realiyalarni turmush, madaniyat, tarixiy davr va ijtimoiy tuzumning o‘ziga xos unsurlarini bildiruvchi nomlar bilan bog‘laydi [1]. Mazkur ishda milliy-madaniy o‘ziga xoslik predmetning faqat bir xalqqa mansubligi haqidagi da’vo sifatida emas, so‘zning tasvirlanayotgan madaniy muhit bilan aloqasi sifatida tushuniladi. Bu Markaziy Osiyoning boshqa madaniyatlarida ham ma’lum bo‘lgan hodisalar uchraydigan o‘zbek nasri uchun muhimdir.

Tadqiqotning maqsadi realiyani turlicha berishda uning qaysi xususiyatlari saqlanishi va bunda nashrning izohlar tizimi qanday o‘rin tutishini aniqlashdir. Asosiy savol predmetga oid aniqlik bilan badiiy vazifaning o‘zaro nisbatiga taalluqlidir. Tarjimani faqat milliy belgilangan so‘zning mavjudligiga qarab baholash kerak emas: o‘quvchi shu so‘z nimani bildirishi va tegishli detal epizodda nima uchun ahamiyatli ekanini tushuna oladimi, shuni aniqlash zarur.

Material va qiyoslash tartibi

Materialni Abdulla Qodiriyning «O‘tkan kunlar» romani boshlanishi [2] va M. Safarovning 2009-yilda nashr etilgan «Минувшие дни» tarjimasidagi unga mos sahifalar [3, 6–8-b.], shuningdek, Abdulla Qahhorning «O‘g‘ri» hikoyasi [4] va I. Borononing 1972-yildagi tanlangan asarlar birinchi jildida «Воры» nomi bilan chop etilgan tarjimasi tashkil etadi [5, 41–44-b.]. Qo‘shimcha ravishda shu jildning izohli lug‘ati ham ko‘rib chiqildi [5, 494-b.]. Tahlil ko‘rsatilgan matn variantlariga taalluqli; asarlarning barcha ruscha tarjimalari qiyoslanmaydi.

Tahlil birligi sifatida asliyatdagi nom bilan uning tarjimada berilishi o‘rtasidagi muvofiqlik yaqin kontekst bilan birga olinadi. Har bir holatda berish usuli, o‘quvchi foydalanishi mumkin bo‘lgan izoh va mazmuniy urg‘uning ehtimoliy o‘zgarishi aniqlanadi. Tancha va azayimxon ma’nolari elektron izohli lug‘at bo‘yicha aniqlashtiriladi [6; 7]. Qisqa iqtiboslar muayyan muvofiqliklarni tekshirish uchun keltiriladi. Ish sifat tahliliga asoslanadi: tarjima usullari chastotasi va o‘quvchi eksperimenti natijalari da’vo qilinmaydi.

Material tanlashda madaniy obyektning nomi bilan uni o‘rab turgan tavsif farqlanadi. Sahifa osti izohi predmet haqidagi ma’lumotni to‘ldirishi mumkin, biroq personajlar harakatidan yuzaga keladigan badiiy bahoni berishi shart emas. Shu sababli izoh va asosiy matn birgalikda ko‘rib chiqiladi. O‘rganilgan nashrlardagi ayrim tahririy izohlarning muallifligi aniqlanmaydi: sahifa osti izohining mavjudligi uni avtomatik ravishda tarjimonga nisbat bermasdan, chop etilgan tarjimaning xususiyati sifatida qayd etiladi.

Maishiy realiya va predmetning izohlanishi

Otabekning mehmonlar bilan dastlabki suhbatida o‘zbekcha tanchaga shakliga ruscha «к сандалу» shakli mos keladi [2, 1-bob; 3, 8-b.]. Nashrda cho‘g‘ solingan chuqurcha ustiga o‘rnatilgan pastak stolchani o‘z ichiga oluvchi isitish moslamasi izohlanadi. Lug‘atda tancha so‘zi shevaga oidligi qayd etilib, sandal orqali tushuntiriladi [6]. Demak, bu yerda asliyatdagi so‘zning tovush shaklini bevosita qayta yaratish emas, ayni maishiy moslamaning boshqa nomini tanlash va keyin izohlash kuzatiladi.

Ushbu misol o‘xshashlikning shakliy mezoni nima uchun yetarli emasligini ko‘rsatadi. Nomning almashtirilishi predmetga aloqadorlikni saqlashi mumkin, biroq dastlabki birlikning mahalliy bo‘yog‘i kamroq seziladi. Bunday yechimni baholash uchun predmetni tanib olish vazifasi bilan uni nomlash xususiyatlarini qayta yaratish vazifasini farqlash kerak. Tovush shaklining yo‘qolishi o‘z-o‘zidan maishiy realiyaning tarjimadan yo‘qolganini anglatmaydi.

Bu holatda sahifa osti izohining afzalligi badiiy bayon bilan ma’lumotni ajratishdan iborat. O‘quvchi personajlar suhbatini o‘qishda davom etishi, zarur bo‘lsa, notanish predmetning tuzilishi haqidagi izohga murojaat qilishi mumkin. Shu bilan birga, izoh o‘quvchidan qo‘shimcha harakatni talab etadi. Uning hajmi maishiy moslamaning barcha variantlari tarixini bayon qilish istagi bilan emas, noto‘g‘ri tasavvurning oldini oladigan belgilar bilan belgilanishi kerak.

Diniy realiyaning tavsifiy tarjimasi

Roman boshidagi vaqt tavsifida shom azoni birikmasi «призывы к вечерней молитве» deb berilgan [2, 1-bob; 3, 6-b.]. Tarjima hodisani uning vazifasi va amalga oshish vaqti orqali ochib beradi. Alohida atamani saqlash o‘rniga tushunarli tavsif qo‘llanib, u manzarali boshlanishga qo‘shimcha ma’lumotnomasiz kiritilgan. Rus o‘quvchisi atrofdagi makonda nima eshitilayotgani va voqea kunning qaysi paytiga tegishli ekani haqida ma’lumot oladi.

Bunday usul an’ana bilan tanish o‘quvchi uchun bitta nomda mujassam bo‘lishi mumkin bo‘lgan mazmunni ochiq ifodalaydi. Biroq tavsifiy formula madaniy nomning o‘zini saqlamaydi. Shu bois atama bilan tavsif o‘rtasidagi tanlov parchaning vazifasiga bog‘liq. Agar tovush va vaqt foni muhim bo‘lsa, funksional tarjima bayonni qo‘llab-quvvatlashi mumkin; agar nom keyinchalik muhokama predmetiga aylansa, uning olib tashlanishi alohida tekshirishni talab etadi.

Birgina bunday muvofiqlik asosida asarning diniy mazmuni umuman neytrallashtirilgani haqida fikr yuritib bo‘lmaydi. Buning uchun barcha tegishli epizodlar va takrorlanuvchi nomlarni tahlil qilish kerak bo‘lardi. Tanlangan parchada aniqroq o‘zgarish qayd etilgan: ixcham nom kengaytirilgan tavsifga aylantirilgan. Bu kuzatish mahalliy yechim tahlilini butun tarjimaga baho berish bilan almashtirmasdan, berish usullarini qiyoslash imkonini beradi.

Ma’muriy nomlar va izohli lug‘at

Qahhor hikoyasidagi ellikboshi, mingboshi va amin nomlari «элликбаши», «мингбаши» va «амин» shakllarida berilgan [4; 5, 41–43-b.]. Jild oxirida bu nomlarni mahalliy ma’muriy lavozimlar bilan bog‘lovchi lug‘at mavjud [5, 494-b.]. Shunday qilib, madaniy belgilangan nomlar bayon ichida saqlanadi, qisqa izoh esa uning tashqarisiga chiqariladi.

Bunday yechimni tahlil qilishda lavozimni tanib olish bilan munosabatlar tizimi haqidagi tasavvurni farqlash ayniqsa muhim. Umumiy чиновник, ya’ni amaldor so‘zi hokimiyatga mansublikni ko‘rsatgan bo‘lardi, biroq uning alohida vakillarini izchil ajratishga imkon bermasdi. Bir nechta nomning saqlanishi shunday imkoniyatni beradi. Ayni paytda notanish shakllar to‘plamining o‘zi vakolatlar qanday taqsimlanganini hali tushuntirmaydi: ma’lumotning bir qismini o‘quvchi harakatlar va replikalardan olishi kerak.

Izohli lug‘at realiyaga takroran murojaat qilishda foydalidir, chunki ma’lumotlarni bir joyga jamlaydi. Uning cheklovi so‘zning dastlabki qo‘llanishidan uzoqda joylashganligi bilan bog‘liq. O‘quvchi notanish nomni o‘tkazib yuborishi yoki ma’lumotni darhol topmasligi mumkin. Demak, tarjimani baholash izohdan foydalanish imkoniyatiga oid tahririy yechimni ham qamrab oladi. Saqlangan shakl va tushunish mumkin bo‘lgan ma’no nashr sifatining turli xususiyatlaridir.

Funksional muvofiqlik va mazmuniy siljish

Azayimxon so‘zini berishda boshqa yechim kuzatiladi. O‘zbekcha hikoyada bu nom marosimiy yo‘l bilan yordam so‘rashga bog‘langan, ruscha tarjimada esa «ворожка» so‘zi va fol ochish harakati qo‘llangan [4; 5, 43-b.]. Azayimxon lug‘at maqolasida duo va afsunlar vositasida davolash bilan shug‘ullanuvchi shaxs ko‘rsatilgan [7]. Muqobillik personajlarni yashirin kuchlarga ta’sir ko‘rsatishning taxmin qilinadigan qobiliyati jihatidan yaqinlashtiradi, biroq nomlarni to‘liq teng ma’noli qilmaydi.

Bu yerda funksional yaqinlik personaj mashg‘uloti haqidagi tasavvurning o‘zgarishi bilan birga kechishi mumkin. Fol ochish noma’lum narsani bilishni, afsun amaliyoti esa ta’sir ko‘rsatishni nazarda tutadi. Har ikkala harakat o‘quvchi tomonidan g‘ayritabiiy yordamga murojaat sifatida qabul qilinsa ham, bu farq ruscha so‘z tanlovini baholashda muhim. Shu sababli mazkur holatni aniq lug‘aviy muqobillik sifatida emas, yaqinlashtirib berish sifatida tavsiflash maqsadga muvofiq.

Atrofdagi fe’llarni ham tekshirish foydalidir: madaniy ma’no birgina ot orqali shakllanmaydi. Asliyatdagi nomni saqlab, harakatni noaniq tavsiflash ham noto‘g‘ri tasavvur yaratishi mumkin edi. Aksincha, tavsifiy tarjima sodir bo‘layotgan voqeani to‘g‘ri bersa, atamaning yo‘qligini qoplay oladi. Yakuniy bahoda butun parcha hisobga olinishi kerak; o‘zlashma yoki ruscha muqobilni avtomatik afzal ko‘rish bu yerda yetarli emas.

Tarjima yechimini baholash asoslari

Ko‘rib chiqilgan holatlar predmetga oid aniqlik, madaniy nomning saqlanishi va izohning o‘quvchi uchun qulayligini farqlash imkonini beradi. Ushbu xususiyatlar turlicha birikishi mumkin. Milliy belgilangan so‘z tushunarsiz qolishi, batafsil izoh o‘qishni sekinlashtirishi, tanish muqobil esa ortiqcha assotsiatsiyalarni uyg‘otishi mumkin. Tahlil vazifasi tanlangan usulga oldindan ijobiy yoki salbiy baho berishdan emas, uning muayyan oqibatini aniqlashdan iborat.

Tarjima bilan amaliy ishlashda dastlab o‘quvchi sahnani noto‘g‘ri tushunmasligi uchun zarur eng kam ma’lumotni aniqlash taklif etiladi. Maishiy predmet uchun bu uning tuzilishi va vazifasi, lavozim uchun hokimiyat munosabatlaridagi o‘rni, marosimga oid nom uchun esa harakat xususiyati bo‘lishi mumkin. Keyin ushbu ma’lumotlar qayerda mavjudligini: asosiy matnda, yaqin tavsifda, sahifa osti izohida yoki lug‘atda ekanini tekshirish lozim. Shundan keyingina qo‘shimcha izoh masalasi asosli hal etiladi.

Bunday tartib ortiqcha tushuntirishdan qochishga yordam beradi. Agar personaj harakati zarur belgini allaqachon ochib bersa, uni izohda takrorlash ortiqcha bo‘lishi mumkin. Agar ruscha muqobil boshqa predmet haqidagi tasavvurni uyg‘otsa, milliy so‘zlar sonini ko‘paytirishning o‘zi muammoni hal etmaydi. Izoh tushunishdagi muayyan bo‘shliqni bartaraf etishi va tanlangan epizod bilan aloqani saqlashi kerak.

Xulosa. M. Safarov va I. Boronina tarjimalari materialida realiyalarni berishning turli usullari ko‘rib chiqildi: yaqin nomni tanlash va izohlash, mazmunni tavsif orqali ochish, madaniy nomni lug‘aviy izoh bilan saqlash hamda funksional yaqinlashtirish. Har bir usul dastlabki birlikning ayrim xususiyatlarini saqlaydi va boshqalarini zaiflashtirishi mumkin. Shu sababli baholash predmet ma’nosi va detalning bayondagi vazifasini tekshirishni talab etadi.

Tadqiqot natijasi saqlangan shakl bilan saqlangan madaniy mazmunni farqlashdan iborat. Nomning o‘zi bilan bir qatorda izohning o‘quvchi uchun qulayligi va harakat

tavsifining aniqligi ham muhim bo‘lib chiqadi. Xulosalar ikki asardan tanlangan parchalarga taalluqli bo‘lib, o‘zbek nasri tarjimasining butun tarixini tavsiflamaydi. Keyingi tadqiqotda bitta matnning turli ruscha variantlarini qiyoslash va qaysi izohlar o‘quvchilarga tasvirlangan vaziyatni tiklashda haqiqatan yordam berishini tekshirish mumkin.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.

2. Qodiriy A. O‘tkan kunlar. 1-bob // Яндекс Книги. URL: https://books.yandex.ru/books/djZgbouJ/read-online (murojaat sanasi: 13.10.2026).

3. Кадыри А. Минувшие дни / пер. с узб. М. Сафарова. Ташкент: Sharq, 2009. С. 6–8.

4. Qahhor A. O‘g‘ri // Tafakkur. URL: https://tafakkur.net/ogri/abdulla-qahhor.uz (murojaat sanasi: 13.10.2026).

5. Каххар А. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. Рассказы и пьесы. Ташкент: Издательство литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1972. С. 41–44 (Воры / пер. И. Борониной), 494 (Пояснительный словарь).

6. Tancha // Izoh.uz: O‘zbek tilining izohli lug‘ati. URL: https://izoh.uz/word/tancha (murojaat sanasi: 13.10.2026).

9. 7. Azayimxon // Izoh.uz: O‘zbek tilining izohli lug‘ati. URL: https://izoh.uz/word/azayimxon (murojaat sanasi: 13.10.2026).

ОТ НАЦИОНАЛЬНОГО СЛОВА К ГЛОБАЛЬНОМУ СМЫСЛУ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ В РУССКО-УЗБЕКСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Гуломова Дилфуза Ибодуллаевна
старший преподаватель кафедры филологии
Университет информационных технологий и менеджмента
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье исследуется проблема передачи национально-культурных концептов при переводе с узбекского языка на русский и с русского языка на узбекский. Особое внимание уделяется языковым единицам, значение которых выходит за пределы словарного толкования и отражает исторический опыт, духовные ценности, традиции и особенности национального мировосприятия. На материале русской и узбекской лексики анализируются трудности достижения межъязыковой эквивалентности, особенности передачи культурно маркированных слов и роль переводчика в сохранении национальной специфики текста. Обосновывается необходимость комплексного подхода, объединяющего лингвистический, лингвокультурологический и контекстуальный анализ. Подчеркивается, что адекватный перевод культурных концептов предполагает не механическую замену слов, а интерпретацию смыслов с учетом культурного опыта носителей языка.*

Ключевые слова: *национально-культурный концепт, русско-узбекский перевод, лингвокультурология, языковая картина мира, культурная семантика, межъязыковая эквивалентность, национальная идентичность, художественный перевод, культурный контекст.*

Annotatsiya. *Maqolada o‘zbek tilidan rus tiliga va rus tilidan o‘zbek tiliga tarjima qilishda milliy-madaniy konseptlarni berish muammosi tadqiq etiladi. Asosiy e’tibor ma’nosi lug‘aviy izohdan tashqariga chiqadigan hamda xalqning tarixiy tajribasi, ma’naviy qadriyatlari, an’analari va milliy dunyoqarash xususiyatlarini aks ettiruvchi til birliklariga qaratiladi. Rus va o‘zbek leksikasi materialida tillararo ekvivalentlikka erishishdagi qiyinchiliklar, madaniy jihatdan belgilangan so‘zlarni tarjimada berish xususiyatlari hamda matnning milliy o‘ziga xosligini saqlashda tarjimonning roli tahlil qilinadi. Lingvistik, lingvokulturologik va kontekstual tahlilni birlashtiruvchi kompleks yondashuv zarurligi asoslab beriladi. Madaniy konseptlarning adekvat tarjimasi so‘zlarni mexanik almashtirishni emas, balki til egalarining madaniy tajribasini hisobga olgan holda ma’nolarni talqin etishni taqozo etishi ta’kidlanadi.*

Kalit so‘zlar: *milliy-madaniy konsept, ruscha-o‘zbekcha tarjima, lingvokulturologiya, olamning lisoniy manzarasi, madaniy semantika, tillararo ekvivalentlik, milliy o‘zlik, badiiy tarjima, madaniy kontekst.*

Abstract. *The article examines the problem of rendering national and cultural concepts in translation from Uzbek into Russian and from Russian into Uzbek. Particular attention is paid to linguistic units whose meaning goes beyond dictionary definitions and reflects the historical experience, spiritual values, traditions and specific features of the national worldview. Based on Russian and Uzbek vocabulary, the paper analyses the difficulties of achieving interlingual equivalence, the ways of rendering culturally marked words and the role of the translator in preserving the national specificity of the text. The need for an integrated approach combining linguistic, linguoculturological and contextual analysis is substantiated. It is emphasized that an adequate translation of cultural concepts requires not a mechanical substitution of words but an interpretation of meanings that takes into account the cultural experience of native speakers.*

Keywords: *national and cultural concept, Russian–Uzbek translation, linguoculturology, linguistic worldview, cultural semantics, interlingual equivalence, national identity, literary translation, cultural context.*

Введение. В условиях глобализации язык становится не только средством передачи информации, но и важнейшим механизмом сохранения и трансляции национальной культуры [4]. Расширение международных контактов, развитие цифровой коммуникации и увеличение объема переводной литературы усиливают потребность в точной передаче культурных смыслов, заложенных в словах, выражениях и художественных текстах. Не случайно в современном переводоведении перевод все чаще рассматривается как форма межкультурного взаимодействия, а не только как межъязыковое преобразование [6].

Особую сложность представляет перевод лексических единиц, которые обозначают не просто предмет или явление, а целый комплекс исторически сложившихся представлений, эмоциональных ассоциаций и социальных ценностей. Подобные единицы отражают национальную картину мира и нередко не имеют полного соответствия в другом языке.

Например, узбекские слова *махалля, хашар, меҳр-оқибат* и *андиша* связаны с определенными формами общественной жизни, нравственными установками и традициями. Их перевод на русский язык требует учета культурного контекста. Аналогичные трудности возникают при передаче русских слов *тоска, авось, соборность* и других лексических единиц, содержание которых формируется под влиянием культурной и исторической традиции.

Актуальность исследования определяется необходимостью выявления способов передачи национально-культурных смыслов в русско-узбекском переводе и поиска эффективных методов преодоления межъязыковых и межкультурных различий.

Цель исследования — определить основные трудности передачи национально-культурных концептов в русско-узбекском переводе и обосновать лингвокультурологические принципы выбора переводческих соответствий.

Объект исследования — национально-культурные концепты, выраженные средствами русского и узбекского языков.

Предмет исследования — способы передачи культурной семантики при переводе и условия сохранения национальной специфики исходного текста.

Материалом исследования послужили культурно маркированные лексические единицы русского и узбекского языков (*махалля, хашар, меҳр-оқибат, андиша, тоска, авось, соборность, дружба* и др.), а также контекстуальные примеры их употребления и возможные варианты перевода.

В работе применяются описательный, сопоставительно-семантический и контекстуальный методы анализа, позволяющие рассматривать языковые единицы в единстве их значения, употребления и культурной обусловленности. Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области лингвокультурологии и переводоведения [1–8].

Результаты и обсуждение. 1. Национально-культурный концепт как единица языковой картины мира

Понятие концепта занимает важное место в современной лингвистике и лингвокультурологии. Концепт можно определить как ментальное образование, объединяющее знания о явлении, его языковое выражение, эмоциональные оценки и культурные ассоциации.

В отличие от отдельного словарного значения, концепт имеет более сложную структуру. Он включает понятийный компонент, связанный с содержанием явления, образный компонент, формирующий представления о нем, и ценностный компонент, отражающий отношение общества к соответствующему явлению [1].

В исследованиях В. И. Карасика значительное внимание уделяется взаимосвязи языка, личности и культуры [1]. Работы Ю. С. Степанова позволяют рассматривать концепты как элементы культурного сознания, содержащие исторически сложившиеся

смыслы [3]. Подходы этих исследователей создают теоретическую основу для анализа культурно значимой лексики и ее функционирования в разных языках.

Национально-культурные концепты формируются под влиянием истории, географических условий, религиозных и нравственных представлений, общественных отношений и повседневного опыта народа. При этом их содержание не является абсолютно неизменным: оно может трансформироваться под воздействием социальных процессов, образования, массовой культуры и международных контактов.

В русском и узбекском языках существуют концепты, связанные с универсальными человеческими ценностями, однако способы их языкового выражения и культурного осмысления могут различаться. Например, понятия семьи, уважения к старшим, гостеприимства и взаимопомощи представлены в обеих культурах. Вместе с тем конкретные формы проявления этих ценностей, их языковое обозначение и коммуникативные функции не всегда совпадают.

Следовательно, сопоставительное изучение концептов должно учитывать не только наличие сходных понятий, но и различия в их содержании, эмоциональной окраске и культурных ассоциациях.

2. Специфика передачи узбекских культурных концептов на русский язык

Одной из центральных проблем русско-узбекского перевода является отсутствие полного семантического соответствия между отдельными культурно маркированными словами. В подобных случаях переводчик должен определить, какая часть исходного смысла является основной для конкретного контекста и каким образом ее можно передать средствами другого языка. Рассмотрим несколько примеров.

2.1. «Махалля». В узбекской культуре махалля представляет собой не только территориальную общность жителей определенной части населенного пункта, но и социальное пространство, в котором реализуются отношения соседства, взаимопомощи, коллективной ответственности и участия в общественной жизни. В зависимости от контекста слово может передаваться посредством описательного выражения («традиционная местная община», «соседская община») или транслитерации *махалля* с пояснением.

Узбекский текст: *«Маҳалла аҳли оилага ёрдам бериш учун йиғилди».*

Возможный перевод: *«Жители махалли собрались, чтобы помочь семье».*

В данном случае сохранение слова *махалля* позволяет подчеркнуть национальную специфику общественных отношений. При необходимости читателю можно дополнительно объяснить значение этого понятия в примечании.

2.2. «Хашар». Хашар связан с традицией коллективного выполнения общественно полезной работы или оказания безвозмездной помощи человеку, семье либо сообществу. Перевод «коллективная помощь» передает основное содержание понятия, но не всегда отражает его традиционный и общественный характер.

Узбекский текст: *«Қишлоқ аҳли ҳашар йўли билан кўчани тозалади».*

Возможный перевод: *«Жители кишлака совместными усилиями очистили улицу в рамках традиционного хашара».*

В этом примере описательный компонент помогает раскрыть значение слова, а сохранение национального термина подчеркивает его культурную специфику.

2.3. «Меҳр-оқибат». Данное выражение объединяет значения душевной теплоты, заботы, доброжелательности, привязанности и нравственной ответственности в отношениях между людьми. В зависимости от контекста возможны варианты «доброта и забота», «сердечное отношение», «душевная теплота» или «человеческое участие». Однако ни один из этих вариантов не является универсальным эквивалентом: выбор зависит от содержания высказывания и от того, какие смысловые компоненты необходимо сохранить.

2.4. «Андиша». Это слово может обозначать осмотрительность, сдержанность, тактичность, учет общественного мнения и стремление избежать поступков, способных причинить неудобство другим людям. В одном контексте наиболее подходящим соответствием будет «тактичность», в другом — «осмотрительность» или «деликатность». В отдельных случаях требуется развернутое объяснение.

Таким образом, перевод культурно значимой лексики требует отказа от принципа единственного постоянного соответствия. Одно и то же слово может иметь несколько переводческих решений, обусловленных контекстом.

3. Передача русских культурных концептов на узбекский язык

Проблема культурной эквивалентности возникает и при переводе с русского языка на узбекский. Некоторые русские слова имеют широкую семантику, объединяют различные эмоциональные состояния или связаны с определенными культурными традициями.

Рассмотрим концепт *тоска*. В зависимости от контекста он может обозначать печаль, душевную тяжесть, чувство одиночества, томление или глубокую эмоциональную неудовлетворенность. Например, выражение «тоска по родине» может быть передано на узбекский язык как «ватан соғинчи». Однако в другом контексте, где подчеркивается внутреннее беспокойство или подавленное состояние, потребуется иное переводческое решение (например, «ғам», «ғусса», «зериканлик»).

Следовательно, переводчик должен учитывать не только словарное значение слова, но и его эмоциональную интенсивность, сочетаемость и функцию в тексте.

Другим примером является слово *авось*, выражающее надежду на благоприятный исход при отсутствии полной уверенности в результате. Его значение может передаваться узбекскими выражениями, связанными с надеждой, предположением или расчетом на удачу («балки», «насиб қилса», «омадга ишониб»). Конкретный вариант определяется контекстом и отношением говорящего к ситуации.

Особого внимания заслуживает концепт *соборность*, который в русской интеллектуальной и религиозно-философской традиции связан с идеей духовного единства, общности и коллективной ответственности [3]. Прямая замена этого слова узбекским обозначением общности не всегда передает его историко-философское содержание. В научном тексте целесообразно использовать пояснительный перевод (например, «маънавий бирлик», «руҳий жамоавийлик») с сохранением исходного термина.

Приведенные примеры показывают, что культурные различия проявляются не только в безэквивалентной лексике, но и в словах, для которых существуют

формальные соответствия. Даже при наличии близкого словарного значения могут различаться культурные ассоциации и прагматические оттенки.

4. Основные переводческие стратегии передачи культурных концептов

Анализ русско-узбекских языковых соответствий с опорой на известные классификации переводческих приемов [2; 7] позволяет выделить несколько основных стратегий передачи национально-культурных концептов.

Первая стратегия — прямое лексическое соответствие. Она применяется в тех случаях, когда языковые единицы обладают достаточно близким значением и выполняют сходную функцию в контексте. Например, русское слово *дружба* во многих ситуациях соответствует узбекскому слову *дўстлик*. При этом конкретные оттенки значения необходимо определять с учетом речевого окружения.

Вторая стратегия — описательный перевод. Этот способ используется, когда одно слово не может передать содержание исходного концепта. Значение раскрывается с помощью словосочетания или краткого объяснения. Так, понятие *хашар* в тексте для иностранного читателя может быть передано как «традиционная форма коллективной взаимопомощи».

Третья стратегия — транслитерация или транскрипция с пояснением. Она особенно эффективна при передаче культурно специфических реалий, которые имеют самостоятельную ценность для понимания национальной культуры. Сохранение слов *махалля* и *хашар* позволяет не только передать информацию, но и познакомить читателя с культурой другого народа.

Четвертая стратегия — функциональная замена. Она предполагает использование единицы языка перевода, которая выполняет сходную коммуникативную функцию, хотя ее значение не полностью совпадает со значением оригинала. Этот способ требует осторожности, поскольку чрезмерная адаптация может привести к утрате национального колорита.

Пятая стратегия — контекстуальная компенсация. Если отдельное культурное значение невозможно передать непосредственно, переводчик может раскрыть его посредством соседних слов, описания ситуации или дополнительных смысловых акцентов [5].

Выбор стратегии зависит от жанра текста, предполагаемого читателя, коммуникативной задачи и степени культурной специфичности исходной единицы. В научной литературе предпочтение следует отдавать точности понятий и последовательности терминологии. В художественном переводе необходимо дополнительно учитывать образность, ритм, эмоциональное воздействие и индивидуальный стиль автора.

Таким образом, адекватный перевод представляет собой не механическую замену языковых единиц, а обоснованный выбор средств выражения, позволяющих максимально сохранить смысловую и культурную структуру оригинала.

5. Культурная эквивалентность и сохранение национальной идентичности

Понятие эквивалентности в переводоведении не ограничивается формальным совпадением словарных значений. Оно включает передачу содержания,

коммуникативной функции, стилистических характеристик и культурных ассоциаций текста [2; 5].

В русско-узбекском переводе достижение культурной эквивалентности особенно важно при работе с художественными произведениями, пословицами, фразеологизмами, обращениями и описаниями традиционного уклада жизни.

Переводчик постоянно решает задачу выбора между сохранением чужой культурной специфики и адаптацией текста к восприятию нового читателя; в терминологии Л. Венути эти тенденции обозначаются как «форенизация» и «доместикация» [8]. Чрезмерная буквальность способна сделать текст непонятным, а чрезмерная адаптация — устранить особенности национальной культуры. Поэтому оптимальным представляется гибкий подход, при котором решение принимается с учетом конкретного контекста.

Например, в художественном произведении узбекское слово *махалля* может выполнять не только номинативную, но и символическую функцию. Оно способно обозначать пространство детства, социальную принадлежность героя, коллективную память и систему межличностных отношений. Замена этого слова нейтральным выражением «район» может привести к существенному смысловому упрощению.

Аналогичным образом при переводе русской художественной прозы необходимо учитывать культурные ассоциации слов, связанных с историческими событиями, общественными институтами и особенностями повседневной жизни.

Сохранение национальной идентичности в переводе не означает полного отказа от адаптации. Оно предполагает осознанное отношение к культурно значимым элементам текста и стремление не допустить необоснованного исчезновения их смысловой нагрузки.

В этом отношении переводчик выступает посредником между культурами. Его задача заключается не только в обеспечении языковой понятности, но и в создании условий для более глубокого понимания иной системы ценностей [4].

6. Перспективы исследования культурных концептов в цифровую эпоху

Развитие цифровых технологий открывает новые возможности для сопоставительного изучения русской и узбекской лексики. Электронные корпуса, цифровые словари и инструменты автоматизированного анализа позволяют исследовать употребление слов в различных жанрах, исторических периодах и коммуникативных ситуациях.

Одним из перспективных направлений является создание параллельных корпусов, включающих оригинальные тексты на русском и узбекском языках и соответствующие переводы. Такие ресурсы позволят выявлять устойчивые переводческие соответствия, анализировать способы передачи культурно маркированной лексики и сравнивать различные переводческие решения.

Например, на материале параллельного корпуса можно исследовать, какими средствами передаются узбекские концепты *меҳр-оқибат*, *андиша* и *хашар* в русских переводах художественной литературы. Аналогичный анализ может быть проведен для русских слов *тоска*, *авось* и *соборность* в узбекских переводах.

Важным инструментом становится и искусственный интеллект, способный предлагать варианты перевода и выявлять контекстуальные связи. Однако автоматические системы могут не учитывать историческую семантику, культурные ассоциации и индивидуальную авторскую интонацию. Поэтому результаты машинного перевода нуждаются в критической проверке. Особенно это относится к художественным произведениям и научным текстам, в которых точность передачи понятий имеет принципиальное значение.

Перспективным направлением является также создание электронных лингвокультурологических словарей, содержащих не только определения, но и примеры употребления, культурные комментарии, варианты перевода и сведения об ограничениях соответствующих эквивалентов. Подобные ресурсы могут использоваться в переводческой практике, преподавании русского и узбекского языков, подготовке будущих филологов и проведении межкультурных исследований.

Следовательно, цифровые технологии способны существенно расширить исследовательские возможности современной филологии, если их применение сочетается с глубоким знанием языка, культуры и методологии научного анализа.

Заключение. Проведенное исследование показывает, что передача национально-культурных концептов является одной из наиболее сложных задач русско-узбекского перевода. Ее решение требует учета не только лексического значения слова, но и культурных ассоциаций, исторического опыта, эмоциональной оценки и коммуникативной функции.

Сопоставительный анализ русской и узбекской лексики свидетельствует о том, что даже близкие по значению единицы могут различаться по содержанию и культурной нагрузке. В то же время отсутствие прямого соответствия не означает невозможности адекватного перевода: необходимые смыслы могут передаваться с помощью описания, сохранения оригинального термина, функциональной замены и контекстуальной компенсации.

Научная значимость лингвокультурологического подхода заключается в том, что он позволяет рассматривать перевод как процесс интерпретации национального опыта средствами другого языка. Практическая ценность данного подхода связана с повышением качества художественного и научного перевода, развитием межкультурной коммуникации и совершенствованием подготовки специалистов в области филологии.

В условиях глобализации особенно важно сохранять баланс между доступностью текста для иностранного читателя и уважением к культурной специфике оригинала. Перевод не должен устранять различия между культурами, поскольку именно эти различия обогащают межкультурный диалог.

Таким образом, переход от национального слова к глобальному смыслу предполагает глубокое понимание языковой семантики, культурного контекста и коммуникативных целей. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением сопоставительного анализа русской и узбекской лексики, созданием электронных лингвокультурологических ресурсов и изучением возможностей цифровых технологий в передаче национально-культурных значений.

Список использованной литературы

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
3. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
5. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. – 3rd ed. – London; New York: Routledge, 2018. – 380 p.
6. Bassnett S. Translation Studies. – 4th ed. – London; New York: Routledge, 2014. – 206 p.
7. Newmark P. A Textbook of Translation. – New York; London: Prentice Hall, 1988. – 292 p.
8. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. – 2nd ed. – London; New York: Routledge, 2008. – 353 p.

ПЕРЕВОД КАК ФОРМА МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ: ПЕРЕДАЧА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ В РУССКО-УЗБЕКСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Гуломова Дилфуза Ибодуллаевна
старший преподаватель кафедры филологии
Университет информационных технологий и менеджмента
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается перевод как важнейшая форма межъязыковой и межкультурной коммуникации в условиях глобализации литературного процесса. Анализируются теоретические подходы к соотношению перевода и мировой литературы, проблема непереводимого и передачи национально-культурной специфики (реалий, образной и фразеологической лексики, культурных концептов) в русско-узбекских художественных переводах. Описаны стратегии доместикации и форенизации, основные приёмы передачи культурно-маркированных единиц, а также влияние цифровых технологий - машинного перевода и корпусных методов - на интерпретацию литературного процесса. Сформулированы выводы о подготовке филологов-переводчиков в вузе.*

Ключевые слова: *художественный перевод, межъязыковая коммуникация, мировая литература, реалии, доместикация, форенизация, русско-узбекские литературные связи, машинный перевод.*

Annotatsiya. *Maqolada globallashuv sharoitida adabiy jarayonda tarjima tillararo va madaniyatlararo aloqaning muhim shakli sifatida o'rganiladi. Tarjima va jahon adabiyoti o'rtasidagi nisbatga doir nazariy yondashuvlar, tarjimasizlik muammosi hamda milliy-*

madaniy xususiyatlarning (realiyalar, obrazli va frazeologik birliklar, madaniy konseptlar) rus-o‘zbek badiiy tarjimalarida berilishi tahlil qilinadi. Domestikatsiya va forenizatsiya strategiyalari, madaniy belgili birliklarni berish usullari, shuningdek, raqamli texnologiyalarning - mashina tarjimasi va korpus usullarining - adabiy jarayonni talqin qilishga ta’siri bayon etilgan. Oliy ta’limda filolog-tarjimonlar tayyorlash bo‘yicha xulosalar shakllantirilgan.

Kalit so‘zlar: *badiiy tarjima, tillararo aloqa, jahon adabiyoti, realiyalar, domestikatsiya, forenizatsiya, rus-o‘zbek adabiy aloqalari, mashina tarjimasi.*

Abstract. *The article considers translation as a key form of interlingual and intercultural communication in the globalised literary process. It analyses theoretical approaches to the relationship between translation and world literature, the problem of untranslatability and the rendering of national and cultural specificity (realia, figurative and phraseological units, cultural concepts) in Russian–Uzbek literary translation. The strategies of domestication and foreignisation, the main techniques for rendering culture-specific items, and the impact of digital technologies, namely machine translation and corpus methods, on the interpretation of literary processes are described. Conclusions are drawn on training philologists and translators at university.*

Keywords: *literary translation, interlingual communication, world literature, realia, domestication, foreignisation, Russian–Uzbek literary relations, machine translation.*

Введение. Современная филология развивается в условиях, когда национальные литературы и языки оказываются в постоянном взаимодействии. Расширение международных контактов, развитие цифровых платформ, рост числа переводных изданий и одновременное распространение машинного перевода меняют не только практику общения, но и сам способ существования литературы: произведение всё чаще читается не только на языке оригинала, но и в переводе, а перевод становится полноправным участником литературного процесса.

Для Узбекистана, где на протяжении многих десятилетий сложились устойчивые русско-узбекские литературные и языковые связи, проблемы перевода имеют особое значение. Русский язык выступал и продолжает выступать посредником между узбекской литературой и мировым читателем, а также каналом, через который узбекскому читателю были доступны произведения зарубежных авторов. Вместе с тем перевод между русским и узбекским языками сопряжён с серьёзными трудностями, связанными с различиями языковых систем (флективный строй русского и агглютинативный строй узбекского языка), культурных традиций, образной системы и норм речевого этикета.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, возрастающей ролью перевода как средства включения национальных литератур в глобальное культурное пространство; во-вторых, необходимостью осмысления переводческих стратегий, позволяющих сохранить национально-культурную специфику оригинала; в-третьих, влиянием цифровых технологий на переводческую деятельность и интерпретацию литературы. Цель статьи — рассмотреть перевод как форму межъязыковой

коммуникации и описать способы передачи национально-культурной специфики в русско-узбекских переводах. Задачи: раскрыть теоретические основы взаимосвязи перевода и мирового литературного процесса; охарактеризовать культурно-маркированные единицы и трудности их перевода; сопоставить переводческие стратегии и приёмы; определить влияние цифровых технологий и сформулировать выводы для подготовки филологов. Методы: описательно-аналитический, сопоставительный, метод культурно-семиотического анализа.

1. Перевод и мировой литературный процесс: теоретические основы

В лингвистике и литературоведении перевод традиционно рассматривается на нескольких уровнях. Р. Якобсон выделил три вида перевода: внутриязыковой (переформулирование), межъязыковой (собственно перевод) и межсемиотический (перевод вербальных знаков в знаки иных систем) [7]. Такая классификация показывает, что перевод — это не только замена слов одного языка словами другого, но и универсальный механизм интерпретации, действующий в культуре в целом. Применительно к литературе межъязыковой перевод оказывается условием её выхода за пределы национальной языковой общности.

Значительное влияние на современное понимание перевода оказали идеи М. М. Бахтина о диалоге культур. По Бахтину, чужая культура полнее и глубже раскрывается лишь в глазах другой культуры, причём смысл рождается на пересечении двух сознаний [1]. Для переводоведения это означает, что перевод — не пассивное копирование, а диалог, в котором переводчик выступает посредником, интерпретатором и соавтором. Ю. М. Лотман в концепции семиосферы описывает границу между культурными пространствами как механизм, который переводит чужие тексты на язык «своей» семиотики [5]. Перевод тем самым оказывается способом, которым одна культура «осваивает» другую, избирательно включая её тексты в собственную систему.

Вопрос о месте перевода в мировой литературе по-разному решается в современных концепциях. Д. Дамрош понимает мировую литературу не как заранее заданный канон, а как способ циркуляции и чтения: произведение становится частью мировой литературы, когда активно живёт за пределами своей культуры происхождения, и нередко именно перевод позволяет тексту обрести новые смыслы [10]. Ф. Моретти предлагает рассматривать мировую литературу как единую неравномерную систему и применять методы «дистантного чтения» [11]. П. Казанова описывает «мировую республику словесности» как пространство, организованное по принципу центра и периферии, где литературы малых языков получают признание во многом благодаря переводу на языки-посредники [12]. Эти подходы важны для осмысления положения узбекской литературы: переводы на русский язык долгое время были для неё основным путём выхода к широкому читателю.

Отечественное переводоведение рассматривает художественный перевод как творческий процесс, направленный на воссоздание эстетического эффекта оригинала. Г. Гачечиладзе подчёркивает, что художественный перевод — это не только языковое, но и литературное явление, участвующее в развитии литератур и обогащающее принимающую культуру [4]. В. Н. Комиссаров и Л. С. Бархударов описывают перевод через понятие эквивалентности и выделяют уровни, на которых она достигается — от

знака до ситуации и коммуникативной цели [3; 6]. Практика, однако, показывает, что полная эквивалентность недостижима, и в художественном переводе речь идёт скорее о стремлении к адекватности: сохранению того, что в произведении существенно, и допустимой потере того, что выразить в другом языке невозможно.

2. Национально-культурная специфика и проблема непереводимого

Наиболее ярко различия культур проявляются в лексике и образной системе. К числу наиболее трудных для перевода единиц относятся реалии — слова и словосочетания, которые обозначают предметы, явления и понятия, характерные для быта, культуры, социального и исторического развития одного народа и чуждые другому [8]. В русско-узбекском переводе к ним относятся наименования национальной одежды, блюд, обрядов, форм общественной жизни: дастархан, махалля, хашар, тўй, ош (плов), чойхона и др. Такие слова не имеют полных эквивалентов, поскольку за ними стоит особая культурная ситуация. Слово махалля, например, обозначает не просто городской квартал, но и традиционную форму территориальной общины с собственными нормами взаимопомощи, а слово хашар — коллективную безвозмездную работу, основанную на взаимной поддержке соседей.

Вторая группа трудностей связана с образной и фразеологической лексикой. Пословицы, поговорки, идиомы отражают национальный опыт и мировидение, а потому редко совпадают по образной основе. Так, узбекская пословица «Бир қўлда чапак чалинмас» («Одной рукой не похлопаешь») по смыслу соотносится с русской «Один в поле не воин», но образ совершенно иной; пословица «Қош қўяман деб, кўз чиқарма» по значению близка выражению «хотел как лучше, а получилось как всегда». В подобных случаях переводчику приходится выбирать между сохранением образа, который может оказаться непонятным читателю, и использованием функционального аналога, который передаёт смысл, но стирает национальный колорит.

Особую категорию составляют культурные концепты — ключевые для национального сознания понятия, не имеющие точных соответствий. Показательно узбекское слово кўнгил, которое объединяет значения «душа», «сердце», «настроение», «желание», «чувство» и широко используется в классической и современной поэзии, в устойчивых выражениях (кўнгли тоза, кўнгли тўқ, кўнгил қолиши). В русском языке подобный комплекс значений распределяется между несколькими словами (душа, сердце, настроение, расположение), что неизбежно приводит к утрате части смысловых оттенков и ассоциаций. Подобные примеры демонстрируют справедливость наблюдения С. Влахова и С. Флорина о том, что проблема «непереводимого» в действительности является проблемой выбора способа передачи, а не абсолютной невозможности перевода [8].

Не менее значимы различия в речевом этикете и коммуникативных нормах. Формы обращения, степень почтительности, использование «вежливого» множественного числа, обращения по родству и возрасту в узбекском языке имеют иное распределение, чем в русском. Для художественного текста, особенно диалогов, это важно: неверный выбор формы обращения может исказить социальные отношения между героями. Наконец, существенную роль играют стилистические и ритмические особенности: в узбекской литературной традиции сохраняется значительная роль восточной образности, развёрнутых метафор и сравнений, поэтических интонаций, что

требует от переводчика на русский язык особого чутья в выборе средств, чтобы не превратить образность в стилистическую избыточность.

3. Переводческие стратегии: доместикация и форенизация

В современном переводоведении принято различать две базовые стратегии. Доместикация предполагает приспособление текста к нормам и ожиданиям принимающей культуры: чужие реалии заменяются привычными аналогами, синтаксис и стиль приводятся к литературной норме языка перевода. Форенизация, напротив, ориентирована на сохранение чужеродности: переводчик намеренно оставляет в тексте маркеры иной культуры, допуская определённую «странность» языка. Л. Венути, предложивший эти термины в их современном понимании, указывает, что преобладание гладкого, «прозрачного» перевода делает переводчика «невидимым» и маскирует культурное различие [9]. С. Баснетт и А. Лефевер подчёркивают, что выбор стратегии определяется не только языковыми, но и идеологическими, издательскими и литературными факторами [2].

На практике переводчик редко придерживается одной стратегии последовательно; чаще выбор делается применительно к конкретной единице текста. При передаче реалий в русско-узбекском переводе используется набор типичных приёмов:

транскрипция (транслитерация), при которой слово сохраняется в звуковой форме оригинала (дастархан, хашар); этот приём сохраняет колорит, но требует пояснения для неподготовленного читателя;

калькирование, при котором единицы воспроизводятся по частям (например, «дом чая» для чойхона), что допустимо лишь тогда, когда результат не вызывает ложных ассоциаций;

описательный (разъяснительный) перевод, передающий значение слова развёрнутым выражением (хашар — «коллективная работа соседей на общую пользу»); он точен, но громоздок и может нарушить ритм фразы;

функциональный аналог, заменяющий реалию близким по функции понятием культуры перевода (тўй — «свадьба», «торжество»); его недостаток — утрата национального своеобразия;

комментарий и сноска, сопровождающие транскрибированную единицу; они сохраняют колорит и обеспечивают понимание, однако при чрезмерном использовании затрудняют чтение художественного текста.

Выбор приёма зависит от жанра произведения, читательской аудитории, роли единицы в тексте и общего замысла переводчика. В произведениях, где национальный быт составляет существенную часть содержания, оправданной оказывается форенизация с минимальным комментированием; в произведениях, где акцент сделан на универсальных проблемах, допустима большая степень адаптации. Важно, что каждое решение влияет на то, какой образ узбекской культуры формируется у русскоязычного читателя: чрезмерная экзотизация создаёт стереотипный образ «Востока», а чрезмерная адаптация лишает культуру самобытности.

4.Цифровая эпоха: машинный перевод и новые подходы к интерпретации литературного процесса

Развитие нейронных систем машинного перевода и больших языковых моделей существенно изменило практику перевода. Современные системы обеспечивают достаточное для понимания качество перевода информативных текстов, особенно между языками с большими массивами параллельных данных. Для пары «русский — узбекский» качество перевода в последние годы заметно выросло, однако для художественных текстов остаются серьёзные ограничения: системы склонны к буквализму, нивелируют стилистические особенности, ошибаются в передаче реалий, образных выражений, подтекста и интонации автора. Машина оперирует вероятностями употребления слов в текстах, но не обладает культурной памятью и эстетическим опытом, которые необходимы для творческого решения переводческой задачи.

Тем не менее цифровые технологии открывают и новые возможности для филологии. Во-первых, машинный перевод может служить инструментом первичного ознакомления с текстами, которые ранее не переводились, расширяя круг произведений, доступных исследователю и читателю. Во-вторых, параллельные и сопоставимые корпуса позволяют изучать переводческие решения на большом материале: частотность тех или иных приёмов передачи реалий, различия между переводами одного текста, динамику норм перевода. В-третьих, методы цифровой гуманитаристики, в том числе «дистантное чтение», дают возможность анализировать литературный процесс количественно, выявлять тематические и жанровые тенденции в переводной литературе [11]. Всё это не отменяет качественного анализа, но дополняет его.

Принципиальным остаётся вопрос об ответственности и авторстве. Если перевод создан или частично выполнен машиной, возникает проблема определения статуса переводчика, критериев качества и этики использования технологий. Представляется, что наиболее продуктивной является модель «человек в центре»: машинный перевод используется как черновой инструмент, а окончательные решения принимает филолог, обладающий языковой и культурной компетенцией и способный интерпретировать текст в его эстетической целостности. Именно поэтому перевод остаётся пространством, где филологическая подготовка не теряет значения, а, напротив, приобретает новое измерение — критической оценки результатов автоматической обработки языка.

5.Подготовка филологов в области перевода и межкультурной коммуникации

Рассмотренные проблемы определяют требования к подготовке филологов в вузе. Во-первых, необходим сопоставительный анализ русского и узбекского языков на всех уровнях — от фонетики до прагматики, поскольку знание различий систем позволяет прогнозировать переводческие трудности. Во-вторых, целесообразно включать в учебный процесс сопоставление нескольких переводов одного произведения: студенты определяют использованные стратегии, оценивают их последствия для восприятия текста и аргументируют свои решения. В-третьих, полезны практикумы по переводу фрагментов художественных и публицистических текстов с

обязательной рефлексией: студент объясняет, почему выбрал тот или иной приём передачи реалий, пословиц, образов.

В-четвёртых, нужно формировать умение критически работать с машинным переводом: студентам предлагается сравнить перевод, выполненный автоматической системой, с авторитетным переводом, выявить и классифицировать расхождения, отредактировать текст. Такой вид работы развивает языковое чутьё и аналитические навыки, снижает доверие к автоматическим результатам без проверки. В-пятых, в курсах литературы и культурологии необходимо рассматривать переводы как часть национального и мирового литературного процесса, а не как вторичные тексты: история русско-узбекских литературных связей, роль переводчиков, рецепция переводной литературы читателем — всё это входит в предмет современной филологии.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Перевод является не только языковой операцией, но и формой межъязыковой и межкультурной коммуникации, обеспечивающей включение национальных литератур в глобальное культурное пространство. Передача национально-культурной специфики — реалий, образных и фразеологических единиц, культурных концептов, норм речевого этикета — остаётся центральной трудностью русско-узбекского художественного перевода; «непереводимое» следует понимать как проблему выбора стратегии, а не как невозможность перевода. Стратегии доместикации и форенизации не противопоставлены абсолютно, их оптимальное сочетание определяется жанром, адресатом и замыслом переводчика. Цифровые технологии расширяют возможности исследования и практики перевода, но не заменяют творческой и интерпретирующей роли филолога. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется корпусный анализ русско-узбекских переводов художественной литературы и разработка учебных материалов по переводу культурно-маркированной лексики.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.

2. Bassnett S., Lefevere A. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. — Clevedon: Multilingual Matters, 1998.

3. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. — М.: Международные отношения, 1975. — 240 с.

4. Гачечиладзе Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. — М.: Советский писатель, 1980. — 190 с.

5. Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПб, 2000. — 704 с.

6. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990. — 253 с.

7. Jakobson R. On linguistic aspects of translation // On Translation / ed. R. A. Brower. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1959. — P. 232–239.

8. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М.: Международные отношения, 1980. — 343 с.

9. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. — London; New York: Routledge, 1995.
10. Damrosch D. What Is World Literature? — Princeton: Princeton University Press, 2003.
11. Moretti F. Conjectures on world literature // New Left Review. — 2000. — No. 1. — P. 54–68.
10. 12. Casanova P. The World Republic of Letters. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.

RAQAMLI TARJIMASHUNOSLIK:CAT VOSITALARI, NEYRON MASHINA TARJIMASI VA POST-TAHRIR KOMPETENSIYALARI

Avazova Lobar Buriyevna
Iqtisodiyot va pedagogika universiteti
Rus tili va adabiyoti kafedrasi o'qituvchisi
Qarshi, O'zbekiston

Annotatsiya. *Mazkur maqolada raqamli tarjimashunoslikning zamonaviy rivojlanish tendensiyalari, tarjima jarayonida qo'llaniladigan kompyuter yordamidagi tarjima (CAT) vositalari, neyron mashina tarjimasi hamda post-tahrir kompetensiyalarining ahamiyati yoritiladi. Raqamli texnologiyalarning tarjimonlik faoliyatiga ta'siri, tarjima samaradorligi va sifatini oshirishdagi imkoniyatlari hamda mavjud muammolari tahlil qilinadi. Shuningdek, mashina tarjimasi natijalarini tahrirlash, terminologik izchillikni ta'minlash, lingvistik va madaniy xususiyatlarni saqlashda inson tarjimonining o'rni ko'rib chiqiladi. Zamonaviy tarjimondan talab etiladigan raqamli savodxonlik, texnologik vositalardan foydalanish va tarjima sifatini tanqidiy baholash kompetensiyalariga alohida e'tibor qaratiladi.*

Kalit so'zlar: *raqamli tarjimashunoslik, CAT vositalari, neyron mashina tarjimasi, post-tahrir, tarjimon kompetensiyalari, tarjima texnologiyalari, tarjima sifati, raqamli savodxonlik, tarjima xotirasi, sun'iy intellekt.*

Abstract*. This article examines contemporary trends in digital translation studies, focusing on computer-assisted translation (CAT) tools, neural machine translation, and the importance of post-editing competencies. It analyzes the impact of digital technologies on translation practices, their potential to improve translation efficiency and quality, and the challenges associated with their implementation. Particular attention is paid to the role of human translators in editing machine-generated translations, maintaining terminological consistency, and preserving linguistic and cultural features. The article also highlights the key competencies required of modern translators, including digital literacy, proficiency in translation technologies, and the ability to critically evaluate translation quality.*

Keywords: *digital translation studies, CAT tools, neural machine translation, post-editing, translator competencies, translation technologies, translation quality, digital literacy, translation memory, artificial intelligence.*

Аннотация. *В статье рассматриваются современные тенденции развития цифрового переводоведения, особое внимание уделяется инструментам автоматизированного перевода (CAT), нейронному машинному переводу и компетенциям постредактирования. Анализируется влияние цифровых технологий на*

переводческую деятельность, их возможности в повышении эффективности и качества перевода, а также проблемы, возникающие при их использовании. Особое внимание уделяется роли человека-переводчика в редактировании результатов машинного перевода, обеспечении терминологической согласованности и сохранении языковых и культурных особенностей исходного текста. Кроме того, рассматриваются ключевые компетенции современного переводчика, включая цифровую грамотность, навыки работы с переводческими технологиями и способность критически оценивать качество перевода.

Ключевые слова: *цифровое переводоведение, CAT-инструменты, нейронный машинный перевод, постредактирование, компетенции переводчика, переводческие технологии, качество перевода, цифровая грамотность, память переводов, искусственный интеллект.*

Kirish. XXI asrda axborot-kommunikatsiya texnologiyalarining jadal rivojlanishi inson faoliyatining barcha sohalarida, jumladan, tilshunoslik va tarjimashunoslikda ham tub o‘zgarishlarni yuzaga keltirmoqda. Globallashuv jarayonlarining jadallashuvi, xalqaro hamkorlikning kengayishi, ilmiy-texnik axborot almashinuvining ortishi hamda turli tillarda yaratilayotgan ma’lumotlar hajmining keskin ko‘payishi tarjima faoliyatiga bo‘lgan ehtiyojni yanada kuchaytirmoqda. Bunday sharoitda tarjima nafaqat tillar o‘rtasidagi lingvistik vositachilik, balki turli xalqlar, madaniyatlar va bilim sohalari o‘rtasida samarali muloqotni ta’minlovchi muhim vosita sifatida namoyon bo‘lmoqda. Shu bilan birga, raqamli texnologiyalarning tarjima jarayoniga kirib kelishi tarjimonlik kasbining mazmuni, ish usullari va kasbiy kompetensiyalariga bo‘lgan talablarning o‘zgarishiga sabab bo‘lmoqda..An’anaviy tarjima jarayonida asosiy e’tibor tarjimonning lingvistik bilimlari, matn mazmunini to‘g‘ri anglash qobiliyati va tarjima tilida tabiiy ifoda yaratish mahoratiga qaratilgan bo‘lsa, bugungi raqamli muhitda ushbu ko‘nikmalar bilan bir qatorda zamonaviy texnologiyalardan samarali foydalanish ham muhim ahamiyat kasb etmoqda. Xususan, kompyuter yordamidagi tarjima (Computer-Assisted Translation — CAT) vositalari, tarjima xotirasi tizimlari, elektron terminologik bazalar, neyron mashina tarjimasi (Neural Machine Translation — NMT) va generativ sun’iy intellekt texnologiyalari tarjima faoliyatining ajralmas tarkibiy qismlariga aylanib bormoqda. Mazkur vositalar katta hajmdagi matnlarni qisqa muddatda qayta ishlash, terminologik izchillikni saqlash, takrorlanuvchi birliklarni samarali tarjima qilish va tarjimon mehnat unumdorligini oshirish imkonini bermoqda.

Raqamli tarjimashunoslik zamonaviy tarjima jarayonlarini axborot texnologiyalari bilan uzviy bog‘liq holda o‘rganuvchi muhim ilmiy yo‘nalishlardan biridir.[1] Ushbu yo‘nalish tarjima faoliyatida qo‘llaniladigan dasturiy vositalarning imkoniyatlari, mashina tarjimasi tizimlarining ishlash xususiyatlari, inson va texnologiya o‘rtasidagi hamkorlik hamda tarjima sifatini baholash mezonlarini tadqiq etishni qamrab oladi. Ayniqsa, neyron mashina tarjimasi texnologiyalarining takomillashuvi tarjimashunoslik oldiga yangi ilmiy va amaliy vazifalarni qo‘ymoqda. Zamonaviy tizimlar ko‘plab matnlarni ravon va grammatik jihatdan to‘g‘ri tarjima qila olsa-da, ayrim holatlarda kontekstual ma’noni noto‘g‘ri talqin qilish, madaniy xususiyatlarni yetarlicha aks ettirmaslik, terminologik nomuvofiqlik va uslubiy xatolarga yo‘l qo‘yishi mumkin. Shu sababli mashina tarjimasi natijalarini inson

tomonidan tekshirish va takomillashtirish jarayoni, ya’ni post-tahrirlash (post-editing), zamonaviy tarjimonlik faoliyatining muhim yo‘nalishiga aylanmoqda.

Post-tahrirlash jarayoni tarjimondan nafaqat yuqori darajadagi lingvistik bilimlarni, balki mashina tarjimasi natijalarini tanqidiy baholash, semantik va grammatik xatolarni aniqlash, terminologik muvofiqlikni ta’minlash hamda matnning uslubiy xususiyatlarini saqlash ko‘nikmalarini ham talab qiladi. Bunda tarjimonning vazifasi mashina tomonidan yaratilgan matnni shunchaki tahrirlash bilan cheklanmaydi, balki uning mazmunan aniqligi, kommunikativ maqsadga muvofiqligi va madaniy jihatdan to‘g‘riligini ta’minlashni ham o‘z ichiga oladi. Demak, raqamli texnologiyalar tarjimonning o‘rnini to‘liq egallashdan ko‘ra, uning faoliyatini o‘zgartiruvchi va yangi kasbiy imkoniyatlarni yuzaga keltiruvchi vositalar sifatida qaralishi lozim.Mazkur jarayon zamonaviy tarjimonlarda yangi kompetensiyalarni shakllantirish zaruratini yuzaga keltirmoqda. Jumladan, raqamli savodxonlik, CAT dasturlaridan foydalanish, tarjima xotiralari va terminologik bazalarni boshqarish, neyron mashina tarjimasi natijalarini tahlil qilish, post-tahrirlash strategiyalarini qo‘llash, sun’iy intellekt yaratgan axborotni tekshirish hamda maxfiy ma’lumotlarni himoya qilish shular jumlasidandir. Shu bilan birga, tanqidiy fikrlash, madaniyatlararo muloqot, mustaqil qaror qabul qilish va kasbiy etika tamoyillariga rioya qilish kabi insoniy kompetensiyalar ham o‘z ahamiyatini saqlab qolmoqda. Ayniqsa, o‘zbek tilining raqamli tarjima tizimlaridagi imkoniyatlarini kengaytirish, milliy-madaniy birliklarning tarjimada to‘g‘ri ifodalanishini ta’minlash va o‘zbek tilidagi matnlar uchun sifatli tarjima yechimlarini ishlab chiqish masalalari alohida e’tiborga loyiqdir.Mavzuning dolzarbligi tarjima texnologiyalarining jadal rivojlanishi bilan bir qatorda, ushbu texnologiyalardan samarali foydalanishga qodir, yuqori malakali va raqamli kompetensiyalarga ega mutaxassislarni tayyorlash zarurati bilan belgilanadi. Bugungi kunda tarjimonlardan faqat ikki yoki undan ortiq tilni bilish emas, balki raqamli vositalarni to‘g‘ri tanlash, ularning imkoniyatlari va cheklovlarini anglash, tarjima sifatini mustaqil baholash hamda inson va mashina hamkorligini samarali tashkil etish talab etilmoqda. Shu jihatdan raqamli tarjimashunoslikni o‘rganish nazariy bilimlarni amaliy ko‘nikmalar bilan uyg‘unlashtirish va tarjimonlik kasbining kelajakdagi rivojlanish yo‘nalishlarini belgilashda muhim ahamiyatga ega.Ushbu maqolaning **maqsadi** raqamli tarjimashunoslik doirasida CAT vositalari, neyron mashina tarjimasi va post-tahrirlash texnologiyalarining o‘rnini o‘rganish, ularning tarjima jarayonining samaradorligi va sifatiga ta’sirini tahlil qilish hamda zamonaviy tarjimon uchun zarur bo‘lgan kasbiy kompetensiyalarni aniqlashdan iborat.[2]

Tadqiqot obyekti. Mazkur tadqiqotning obyekti raqamli tarjimashunoslik sharoitida amalga oshiriladigan tarjima jarayoni hamda ushbu jarayonda zamonaviy raqamli texnologiyalar, kompyuter yordamidagi tarjima (Computer-Assisted Translation — CAT) vositalari, neyron mashina tarjimasi (Neural Machine Translation — NMT) tizimlari va post-tahrirlash (post-editing) usullarining qo‘llanilish xususiyatlaridan iborat.[3] Tadqiqot doirasida tarjima faoliyatining an’anaviy shakllardan raqamli texnologiyalar bilan integratsiyalashgan zamonaviy jarayonlarga o‘tishi, mazkur o‘zgarishlarning tarjima samaradorligi, matn mazmunining aniqligi, terminologik izchillik va umumiy tarjima sifatiga ta’siri o‘rganiladi. Shuningdek, raqamli vositalarning tarjimon mehnatini tashkil etish, katta hajmdagi matnlarni qayta ishlash, takrorlanuvchi til birliklarini tarjima qilish hamda turli sohalarga oid terminologiyani boshqarishdagi imkoniyatlari tadqiq etiladi.

Tadqiqot obyektining muhim tarkibiy qismlaridan biri kompyuter yordamidagi tarjima vositalarining tarjima jarayonidagi funksional imkoniyatlaridir. CAT vositalari tarjimonlarga tarjima xotirasi, terminologik ma’lumotlar bazalari, matn segmentatsiyasi va avtomatik sifat nazorati kabi imkoniyatlardan foydalanish orqali tarjima ishlarini tizimli tashkil etishga yordam beradi. Bunday texnologiyalar, ayniqsa, bir xil terminlar va iboralar ko‘p takrorlanadigan texnik, ilmiy, huquqiy hamda rasmiy matnlarni tarjima qilishda muhim ahamiyat kasb etadi. Shu nuqtayi nazardan, tadqiqotda CAT vositalarining tarjima jarayonini tezlashtirish, terminologik birliklarning bir xilda qo‘llanilishini ta’minlash va inson omili bilan bog‘liq ayrim xatolarni kamaytirishdagi o‘rni ko‘rib chiqiladi.[4]

Tadqiqot obyektining yana bir muhim yo‘nalishi neyron mashina tarjimasi tizimlarining ishlash xususiyatlari va ularning zamonaviy tarjima amaliyotidagi o‘rnidir. Neyron mashina tarjimasi katta hajmdagi lingvistik ma’lumotlar asosida matnlarni bir tildan boshqa tilga avtomatik o‘girish imkonini beruvchi texnologiya hisoblanadi. Mazkur tizimlar matnning grammatik tuzilishi, so‘zlar o‘rtasidagi munosabatlar va kontekstual bog‘liqliklarni hisobga olishga intiladi. Biroq ularning natijalari har doim ham asl matn mazmunini to‘liq va aniq ifodalay olmaydi. Xususan, ko‘p ma’noli so‘zlar, frazeologik birliklar, milliy-madaniy tushunchalar, kinoya, uslubiy vositalar va sohaga xos terminlarni tarjima qilishda turli muammolar yuzaga kelishi mumkin.[5] Shu sababli tadqiqotda neyron mashina tarjimasi tizimlarining imkoniyatlari bilan bir qatorda, ularning lingvistik va kontekstual cheklovlari ham o‘rganiladi.Bundan tashqari, tadqiqot obyektida mashina tarjimasi natijalarini inson tomonidan tekshirish va takomillashtirish jarayoni, ya’ni post-tahrirlash alohida o‘rin egallaydi. Post-tahrirlash avtomatik tarjima natijasidagi semantik, grammatik, leksik, terminologik va uslubiy kamchiliklarni aniqlash hamda bartaraf etishga qaratilgan faoliyatdir. Ushbu jarayon tarjimondan nafaqat yuqori darajadagi til bilimlarini, balki mashina yaratgan matnni tanqidiy baholash, asl matn bilan qiyoslash, ma’no aniqligini tekshirish va tarjima matnining maqsadli auditoriyaga muvofiqligini ta’minlash ko‘nikmalarini ham talab qiladi. Shu jihatdan post-tahrirlash raqamli tarjimashunoslikda inson va texnologiya o‘rtasidagi hamkorlikni namoyon etuvchi muhim jarayon sifatida qaraladi.Tadqiqot obyektining yana bir muhim jihati raqamli tarjima texnologiyalarining zamonaviy tarjimon faoliyati va kasbiy kompetensiyalariga ta’siridir[6]

Tadqiqot metodlari. Mazkur maqolada raqamli tarjimashunoslik, kompyuter yordamidagi tarjima (CAT) vositalari, neyron mashina tarjimasi (NMT) hamda post-tahrirlash kompetensiyalarini o‘rganishda nazariy tahlil va qiyosiy tahlil metodlaridan foydalaniladi. Ushbu metodlar tadqiqot mavzusining ilmiy-nazariy asoslarini yoritish, zamonaviy tarjima texnologiyalarining xususiyatlarini aniqlash va ularning tarjima jarayoniga ta’sirini tahlil qilishga xizmat qiladi.

1. Nazariy tahlil metodi

Nazariy tahlil metodi tadqiqot mavzusiga oid ilmiy adabiyotlar, monografiyalar, ilmiy maqolalar, xalqaro standartlar va boshqa nazariy manbalarni o‘rganish hamda umumlashtirishga asoslanadi. Mazkur metod yordamida raqamli tarjimashunoslikning shakllanishi va rivojlanishi, CAT vositalarining funksional imkoniyatlari, neyron mashina tarjimasining nazariy asoslari hamda post-tahrirlash jarayonining mazmun-mohiyati tahlil qilinadi. Shuningdek, zamonaviy tarjimon uchun zarur bo‘lgan raqamli savodxonlik,

texnologik kompetensiya, terminologik boshqaruv va tahririy ko‘nikmalar haqidagi ilmiy qarashlar o‘rganiladi.

Ushbu metod orqali turli tadqiqotchilarning raqamli tarjima texnologiyalari, inson va mashina hamkorligi hamda tarjima sifatini ta’minlashga doir fikrlari tizimlashtiriladi. Olingan nazariy ma’lumotlar asosida raqamli texnologiyalarning tarjimonlik faoliyatidagi o‘rni, imkoniyatlari va mavjud cheklovlari aniqlanadi. Natijada tadqiqotning ilmiy-nazariy asoslari shakllantirilib, zamonaviy tarjimon kompetensiyalarining asosiy tarkibiy qismlarini belgilash uchun nazariy zamin yaratiladi.[8]

2. Qiyosiy tahlil metodi

Qiyosiy tahlil metodi tarjima jarayonida qo‘llaniladigan turli texnologiyalar, usullar va yondashuvlarning o‘xshash hamda farqli jihatlarini aniqlashga qaratiladi. Mazkur tadqiqotda ushbu metod yordamida an’anaviy tarjima, CAT vositalari yordamida bajariladigan tarjima va neyron mashina tarjimasi natijalari o‘rtasidagi farqlar tahlil qilinadi. Bunda tarjima aniqligi, grammatik to‘g‘rilik, terminologik izchillik, uslubiy moslik va kontekstual ma’noning saqlanishi kabi mezonlarga e’tibor qaratiladi.Shuningdek, qiyosiy tahlil orqali mashina tarjimasi natijalari bilan inson tomonidan tahrirlangan matnlar o‘rtasidagi farqlarni aniqlash, post-tahrirlashning tarjima sifatiga ta’sirini baholash hamda raqamli vositalarning samarali va cheklangan jihatlarini ochib berish mumkin. O‘zbek va ingliz tillaridagi matnlar misolida so‘z va iboralarning tarjimasi, terminologik muvofiqlik, frazeologik birliklarning ifodalanishi hamda milliy-madaniy xususiyatlarning saqlanishi qiyosiy o‘rganilishi mumkin.Ushbu metodning qo‘llanilishi raqamli tarjima vositalarining amaliy imkoniyatlarini aniqlash, inson tarjimonining tahririy faoliyati ahamiyatini asoslash va turli tarjima yondashuvlarining samaradorligini baholashga yordam beradi.[9]

Xulosa. Xulosa qilib aytganda, raqamli tarjimashunoslik zamonaviy tilshunoslik va tarjima nazariyasining jadal rivojlanib borayotgan yo‘nalishlaridan biri bo‘lib, axborot-kommunikatsiya texnologiyalarining taraqqiyoti tarjimonlik faoliyatining mazmuni, usullari va kasbiy talablariga sezilarli ta’sir ko‘rsatmoqda. Globallashuv sharoitida turli tillardagi axborotlarni tezkor, aniq va sifatli tarjima qilishga bo‘lgan ehtiyojning ortishi CAT vositalari, neyron mashina tarjimasi va post-tahrirlash texnologiyalarining ahamiyatini yanada oshirmoqda. Mazkur texnologiyalar tarjima jarayonini avtomatlashtirish, mehnat unumdorligini oshirish, terminologik izchillikni ta’minlash va katta hajmdagi matnlarni qayta ishlash imkoniyatlarini kengaytirmoqda.

Tadqiqot doirasida ko‘rib chiqilgan kompyuter yordamidagi tarjima vositalari tarjimonning ish jarayonini tizimlashtirish, ilgari tarjima qilingan matnlardan foydalanish, terminologik birliklarni bir xilda qo‘llash va takrorlanuvchi til elementlarini qayta ishlashda muhim ahamiyatga ega ekanligi bilan ajralib turadi. Tarjima xotirasi va terminologik bazalar tarjima sifatining izchilligini ta’minlashga ko‘maklashadi. Biroq CAT vositalarining samaradorligi ulardan foydalanayotgan mutaxassisning bilim va ko‘nikmalari, dastur imkoniyatlarini to‘g‘ri qo‘llashi hamda tarjima natijalarini nazorat qilishiga ham bog‘liqdir.

Neyron mashina tarjimasi tizimlari esa zamonaviy tarjima amaliyotida katta imkoniyatlarni yuzaga keltirmoqda. Ushbu tizimlar matnlarni qisqa vaqt ichida tarjima qilish, turli tillar o‘rtasidagi axborot almashinuvini tezlashtirish va tarjimon mehnatini yengillashtirishga xizmat qiladi. Shu bilan birga, mashina tarjimasida kontekstual ma’noni noto‘g‘ri talqin qilish, ko‘p ma’noli so‘zlarni noo‘rin tarjima qilish, milliy-madaniy

xususiyatlarni yetarlicha aks ettirmaslik va sohaga oid terminologiyada nomuvofiqliklarga yo‘l qo‘yish kabi muammolar uchrashi mumkin. Demak, avtomatik tarjima natijalarini tekshirish, baholash va zarur hollarda takomillashtirish tarjima sifatini ta’minlashning muhim shartlaridan biri hisoblanadi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati:

1. Bowker, L. (2002). *Computer-Aided Translation Technology: A Practical Introduction*. Ottawa: University of Ottawa Press.

2. European Commission, Directorate-General for Translation. (2022). *European Master’s in Translation (EMT) Competence Framework 2022*. Brussels: European Commission. **Elektron manba** .

3. ISO. (2015). *ISO 17100:2015: Translation Services — Requirements for Translation Services*. Geneva: International Organization for Standardization. **Rasmiy manba** .

4. ISO. (2017). *ISO 18587:2017: Translation Services — Post-editing of Machine Translation Output — Requirements*. Geneva: International Organization for Standardization. **Rasmiy manba** .

5. Koehn, P. (2020). *Neural Machine Translation*. Cambridge: Cambridge University Press. **https://doi.org/10.1017/9781108608480** .

6. O’Hagan, M. (Ed.). (2020). *The Routledge Handbook of Translation and Technology*. London: Routledge. **Nashriyot sahifasi** .

7. European Commission. (2022). *Updated Version of the EMT Competence Framework Now Available*. Brussels: Directorate-General for Translation. **Elektron manba** .

8. Koehn, P. (2020). *Neural Machine Translation: Evaluation, Neural Networks and Translation Models*. Cambridge: Cambridge University Press.

9. Hutchins, W. J., & Somers, H. L. (1992). *An Introduction to Machine Translation*. London: Academic Press.

10. Bowker, L., & Fisher, D. (2010). Computer-aided translation. In Y. Gambier & L. van Doorslaer (Eds.), *Handbook of Translation Studies* (Vol. 1). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.

ЦВЕТООБРАЗЫ А. БЛОКА В УЗБЕКСКОМ ПЕРЕВОДЕ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Акифьева Олеся Олеговна
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности передачи цветовой символики поэзии Александра Блока при переводе на узбекский язык. На материале предоставленных переводов (цикл «Стихи о Прекрасной Даме» и смежные тексты) анализируется трансформация мистических цветовых кодов оригинала в витальные, природно-материальные метафоры. Выявляется разница между символистской «мерцающей» палитрой Блока и конкретно-чувственной цветописью узбекского перевода. Особое внимание уделяется сдвигу от вертикальной (небесной) символики к горизонтальной (земной, биологической).*

Ключевые слова: *А. Блок, символизм, цветообраз, художественный перевод, рецепция, узбекская поэзия, мистический код, витализм.*

Annotatsiya. *Maqolada Aleksandr Blok she'riyatidagi rang ramziyligining o'zbek tiliga tarjima qilinish xususiyatlari ko'rib chiqiladi. Taqdim etilgan tarjimalar («Go'zal xonim haqidagi she'rlar» turkumi va unga yaqin matnlar) asosida asl nusxadagi mistik rang kodlarining hayotiy, tabiiy-moddiy metaforalarga aylanishi tahlil qilinadi. Blokning ramziy «miltillovchi» rang palitrasi bilan o'zbek tarjimasidagi aniq-hissiy rang tasviri o'rtasidagi farq ochib beriladi. Vertikal (samoviy) ramziylikdan gorizontal (yeriy, biologik) ramziylikka siljishiga alohida e'tibor qaratiladi.*

Kalit so‘zlar: *A. Blok, simvolizm, rang obrazi, badiiy tarjima, retsepsiya, o'zbek she'riyati, mistik kod, vitalizm.*

Abstract. *The article examines the peculiarities of conveying the color symbolism of Alexander Blok's poetry in translation into the Uzbek language. Based on the provided translations (the cycle "Verses about the Beautiful Lady" and related texts), the transformation of the mystical color codes of the original into vital, natural-material metaphors is analyzed. The difference between Blok's symbolist "flickering" palette and the concrete-sensual color painting of the Uzbek translation is revealed. Special attention is paid to the shift from vertical (celestial) symbolism to horizontal (earthly, biological) symbolism.*

Keywords: *A. Blok, symbolism, color image, literary translation, reception, Uzbek poetry, mystical code, vitalism.*

Введение. Творчество Александра Блока, центральной фигуры русского символизма, представляет собой сложную систему художественных кодов, где цвет играет роль не просто изобразительного средства, а инструмента метафизического познания. Перевод поэзии Блока на языки народов Центральной Азии, в частности на узбекский язык, сталкивается с фундаментальной проблемой: как передать

«мерцающую», иррациональную символику, не имеющую прямых аналогов в национальной поэтической традиции, тяготеющей к конкретике и чувственной образности?

Представленный в данном исследовании материал — фрагменты узбекских переводов, условно соответствующих циклу «Стихи о Прекрасной Даме» и поздней лирике, — позволяет проследить, как меняется цветовая парадигма при переходе из одной лингвокультурной системы в другую. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения механизмов адаптации русского символизма в восточном поэтическом контексте. Цель — выявить разницу в передаче цвета между оригиналом и переводом и сформулировать основные векторы этой трансформации.

Исследование опирается на метод сопоставительного анализа оригинального текста и перевода, а также на герменевтический подход к интерпретации цветовых символов. Теоретической базой служат труды по теории перевода и литературоведческому анализу символистской поэтики [1, 3].

Основная часть. Для понимания сути трансформации необходимо прежде всего рассмотреть оригинальную цветовую систему А.А. Блока. В его лирике цвет — это всегда знак «Иного», трансцендентного мира. Лазурь, золото, серебро, белый — это не столько физические характеристики, сколько эманации Вечной Жены, Софии. Они обладают свойством мерцания и нематериальности. Напротив, тьма, черный, багровый — это знаки падения, демонизма, «страшного мира» [2]. Обратимся к анализу предоставленного узбекского текста. Уже в первых строках мы наблюдаем смену цветовой доминанты:

Bahorni kuyladi malika xushnud / Navolar, ohanglar uchgan mahali.

(Весну воспела довольная королева / В час, когда летели мелодии и напевы).

В оригинале Блока весна часто предстает в ореоле мистического ожидания, с преобладанием голубых и золотых тонов («Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»). В узбекском переводе весна становится «*олтин баҳор*» (золотая весна) и «*ўтли баҳор*» (огненная весна). Цвет здесь теряет свою мистическую прозрачность, приобретая материальную плотность и температуру. Золото у Блока — это отсвет небесного света, у переводчика — это цвет урожая, цвет земли, цвет физического тепла [4].

Далее рассмотрим образ тьмы. В переводе читаем:

Ko‘ksimga urildi bo‘g‘iq zorlar jim / Had bilmas zimiston og‘ushlarida.

(В мою грудь ударили глухие рыдания молча / В объятиях не знающей границ зимы).

Слово «*зимистон*» (зима, стужа, мрак) выступает здесь синонимом хаоса. Однако, если у Блока тьма — это часто отсутствие света, пустота, то в узбекском тексте тьма активна и агрессивна: она «объятия», она «поглощает». Показательна строка:

Parchala zulmatning qora, chinqiroq / Yutaman deb turgan dolg‘alarini!

(Разорви черные, пронзительные волны мрака, / Готовые поглотить!).

Здесь мы видим тавтологическое усиление цвета: «*зулматнинг қора*» (чернота мрака). Переводчику недостаточно одного слова «мрак», он удваивает цветовую характеристику, делая тьму физически осязаемой, почти материальной субстанцией.

Это принципиально отличается от блоковского «мерцающего» сумрака, где цвет размыт и неуловим.

Особый интерес представляет цветовая метафора крови и огня:

Qonlaringdan oqib chiqqan saxarning / Gullayotgan otash ishqidan bo'l.

(Из твоей крови вытекшего рассвета / Будь от цветущей огненной любви).

В оригинале Блока мотив крови часто связан с жертвенностью, трагизмом, «багровым закатом» (например, в «Двенадцати» или «На поле Куликовом»). В узбекском переводе «*қон*» (кровь) и «*оташ*» (огонь) не несут трагической нагрузки. Они трансформируются в витальную силу, источник цветения и любви. Цвет крови здесь — это не цвет смерти, а цвет жизни, прорывающейся сквозь землю. Это смещение от трагического символизма к жизнеутверждающему витализму, что глубоко созвучно узбекской классической поэзии (Навои, Мукими), где кровь сердца — метафора страстной любви, а не метафизической гибели [5].

Наконец, обратим внимание на водные и небесные образы:

Tubsizlikda esa oqar tiniq suv.

(А в бездне течет чистая вода).

У Блока вода часто символизирует забвение, хаос, «мутную» стихию. В переводе вода — «*тиниқ*» (чистая, прозрачная). Это лишает образ двойственности, присущей символизму. Чистота воды здесь — это не мистическая непорочность, а природная ясность, естественное состояние мира.

Таким образом, мы можем констатировать смену цветового вектора. У Блока цвет работает на вертикали: от земли к небу, от материального к идеальному. Лазурь и золото — это знаки горнего мира. В узбекском переводе цвет работает на горизонтали: он укоренен в земле, в природе, в биологии. Золото — это цвет урожая, черный — цвет почвы, красный — цвет крови и цветения.

Переводчик не стремится сохранить мистическую многозначность блоковского цвета. Вместо этого он натурализует его, делает частью чувственного, осязаемого мира. Это не ошибка перевода, а осознанная стратегия адаптации, продиктованная нормами узбекского поэтического языка, который требует конкретности и эмоциональной ясности [6].

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Цветообразы в узбекском переводе лирики А. Блока претерпевают существенную трансформацию. Мистическая, «мерцающая» палитра оригинала, где цвет является знаком трансцендентного, заменяется на конкретно-чувственную, витальную цветопись.

Основные различия:

Десимволизация: цвет теряет свою метафизическую двойственность.

Натурализация: цвет становится атрибутом физического мира (весна, кровь, земля).

Смена вектора: от вертикальной (небесной) символики к горизонтальной (земной, биологической).

Витализм: трагические цвета (кровь, огонь) переосмысливаются как источники жизни и цветения.

Таким образом, узбекский перевод не просто передает содержание, но и пересоздает образную систему Блока, адаптируя ее к эстетическим запросам национальной литературы, тяготеющей к жизнеутверждающему пафосу и чувственной конкретике.

Список использованной литературы

1. Блок А. А. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 1. Стихотворения 1897–1904. — М.: Гослитиздат, 1960. — 720 с.

2. Гинзбург Л. Я. О лирике. — Л.: Советский писатель, 1974. — 408 с.

3. Жирмунский В. М. Поэзия Александра Блока. — Пг.: Картонный домик, 1922. — 104 с.

4. Каримов Н. Узбекская поэзия XX века и вопросы художественного перевода. — Ташкент: Фан, 1990. — 180 с.

5. Навои А. Сокровищница мыслей. — Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1983. — 320 с.

6. Саломов Г. Тил ва таржима (Язык и перевод). — Ташкент: Укитувчи, 1983. — 232 с.

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В ФУНКЦИИ ОБРАЩЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ: МОДЕЛЬ ВЫБОРА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Зокирова Д.Э.
преподаватель кафедры филологии УИТМ
Карши, Узбекистан

Аннотация. *Статья посвящена передаче на русский язык узбекских терминов родства, употреблённых в функции обращения: aka, opa, uka, singil, yanga, pochcha, amaki, tog‘a, xola, amma, ota, ona, bolam, а также ласкательно-почтительных элементов -jon и -xon. Эти единицы рассматриваются как особый класс безэквивалентной лексики: денотат у них, как правило, есть и в русской культуре, однако узбекское слово несёт сведения о возрасте, социальной дистанции и уважении, которые русское обращение выражает иными средствами или не выражает вовсе. На материале авторского корпуса контекстов, смоделированных по образцу узбекской художественной прозы и бытового диалога, сопоставлены шесть способов передачи: транслитерация, функциональная замена, генерализация, описательный перевод, компенсация и опущение. Результаты могут использоваться в практике художественного перевода и в преподавании переводоведения в вузах Узбекистана.*

Ключевые слова: *безэквивалентная лексика, термины родства, обращение, речевой этикет, узбекско-русский перевод, транслитерация, функциональная замена, форенизация.*

Annotatsiya. *Maqolada o‘zbek tilidagi qarindoshlik atamalarining murojaat vazifasida qo‘llanishi va ularni rus tiliga o‘girish usullari tahlil qilinadi: aka, opa, uka, singil, yanga, pochcha, amaki, tog‘a, xola, amma, ota, ona, bolam, shuningdek, erkalash va hurmat ma’nosini bildiruvchi -jon va -xon qo‘shimchalari. Bu birliklar ekvivalentsiz leksikaning alohida turi sifatida ko‘rib chiqiladi: ularning denotati rus madaniyatida ham mavjud, biroq o‘zbekcha so‘z yosh, ijtimoiy masofa va hurmat haqidagi axborotni ham tashiydi. Muallif tomonidan tuzilgan kontekstlar korpusi asosida oltita tarjima usuli qiyoslanadi: transliteratsiya, funksional almashtirish, umumlashtirish, tasviriy tarjima, kompensatsiya va tushirib qoldirish. Qarindoshlik turi (haqiqiy yoki shartli), murojaatning sintaktik o‘rni va tarjima kitobxoni hisobga olinadigan uch parametrli strategiya tanlash modeli taklif etiladi. Domestikatsiya va forenizatsiya o‘rtasidagi tanlov tarjimonning umumiy yondashuviga emas, balki aniq replikadagi parametrlar uyg‘unligiga bog‘liq ekani ko‘rsatiladi.*

Kalit so‘zlar: *ekvivalentsiz leksika, qarindoshlik atamalari, murojaat, nutq odobi, o‘zbekcha-ruscha tarjima, transliteratsiya, funksional almashtirish, forenizatsiya.*

Abstract. *The article examines how Uzbek kinship terms used as forms of address are rendered into Russian: aka, opa, uka, singil, yanga, pochcha, amaki, tog‘a, xola, amma, ota, ona, bolam, together with the affectionate and honorific elements -jon and -xon. These units are treated as a specific class of culture-bound vocabulary: their referents exist in Russian culture, yet the Uzbek word additionally encodes age, social distance and deference, which Russian address forms convey by other means or leave unexpressed. Using an author-compiled set of contexts modelled on Uzbek fiction and everyday dialogue, the study compares six procedures: transliteration, functional substitution, generalization, descriptive translation, compensation and omission*

Keywords: *culture-bound vocabulary, kinship terms, forms of address, speech etiquette, Uzbek-Russian translation, transliteration, functional substitution, foreignization.*

Перевод узбекской прозы на русский язык обычно обсуждают на примере вещных реалий: *дастархан, чапан, сюзане, бешик, тандыр*. Эти слова заметны, их легко перечислить, и для многих из них в русском языке уже сложилась устойчивая транслитерированная форма. Значительно реже предметом специального анализа становится другой пласт культурно -маркированной лексики, который в тексте встречается гораздо чаще, чем любой предмет быта, — термины родства, используемые как обращения. Реплика «*Aka, choy ichasizmi?*», адресованная незнакомому продавцу на рынке, содержит не меньше этнокультурной информации, чем описание праздничного стола, но переводчик нередко не замечает этой информации, потому что слово *aka* внешне имеет готовое соответствие — «брат».

Актуальность темы определяется тем, что в узбекском речевом этикете система родственных обращений распространена далеко за пределы семьи: ею оформляется общение с соседями, коллегами, водителями, учителями, случайными прохожими. Русская система обращений устроена иначе: она опирается на имя-отчество, на противопоставление «ты/вы» и на небольшой набор нейтральных форм, тогда как родственные слова в обращении к чужим людям («отец», «мать», «братишка»,

«сестрёнка») стилистически снижены или окрашены просторечно. Переводчик оказывается между двумя рисками: сохранить узбекскую форму и получить текст, перегруженный иноязычными вкраплениями, или заменить её русской и тем самым стереть ту сетку возрастных и статусных отношений, на которой держится узбекский диалог.

С.Влахов и С.Флорин выделяют реалии как слова, называющие элементы быта, истории и культуры одного народа, и относят к ним, наряду с предметными, также ономастические и этикетные единицы; среди способов передачи они называют транскрипцию, кальку, освоение, приблизительный и описательный перевод. Именно этот случай, на наш взгляд, представляют родственные обращения: понятие «старший брат» существует и в русском языке, но фон узбекского *aka* — уважение к старшему, обязательность обращения к незнакомому мужчине старше себя, возможность сочетания с именем — русскому слову «брат» не принадлежит.

Л.С. Бархударов описывает переводческие трансформации (замены, добавления, опущения, перестановки) и отдельно рассматривает передачу безэквивалентной лексики через транслитерацию, кальку, описательный перевод и приближённое соответствиеВ.Н. Комиссаров разработал теорию уровней эквивалентности, согласно которой эквивалентность может достигаться на уровне цели коммуникации, описания ситуации или семантики знаков. Для обращений это различение принципиально: перевод *aka* словом «брат» сохраняет семантику знака, но нарушает эквивалентность на уровне цели коммуникации, если в оригинале говорящий просто вежливо подзывает таксиста.

Обзор показывает, что инструментарий для анализа есть, но применялся он преимущественно к предметным реалиям. Родственные обращения при этом оказываются в «слепой зоне»: формально они не безэквивалентны, а потому выпадают из списков реалий, хотя функционально ведут себя именно как реалии. Узбекская система родственных номинаций различает ряд признаков, которые в русском языке не грамматикализованы и не лексикализованы. Так, *aka* и *uka* противопоставлены по возрасту относительно говорящего (старший и младший брат), так же как *opa* и *singil*; *amaki* и *tog‘a* различают дядю по отцу и по матери, *amma* и *xola* — тётю по отцу и по матери; *yanga* обозначает жену старшего брата (а также жену дяди), *pochcha* — мужа старшей сестры. Русские «брат», «сестра», «дядя», «тётя», «невестка», «зять» снимают значительную часть этих различий.

При переходе в функцию обращения слово приобретает ещё три характеристики. Во-первых, оно перестаёт требовать реального родства: *aka* обращено к любому мужчине несколько старше говорящего, *opa* — к женщине, *xola* и *amaki* — к людям поколения родителей, *ota* и *ona* — к пожилым. Такое употребление мы называем **фиктивным родством**. Во-вторых, обращение может стоять после имени, образуя единый этикетный комплекс: *Karim aka, Dilnoza opa, Salim amaki*. В этой позиции термин родства близок к почтительной частице и почти утрачивает предметное значение. В-третьих, к нему присоединяются ласкательные и почтительные элементы: *xolajon, akajon, opajon, bolam*, а к именам — *-jon* и *-xon* (*Anvarjon, Gulnoraxon*).

В итоге одно и то же слово *aka* в трёх репликах — «*Akam ishdan qaytdi*», «*Karim aka, kiring*», «*Aka, bekatgacha olib borasizmi?*» — выполняет три разные функции: номинацию родственника, почтительное оформление имени и вежливое привлечение внимания незнакомца. Переводческая задача в этих случаях различна, хотя словарь предлагает для всех трёх одно соответствие.

Транслитерация («ака», «опа», «хола», «домла») — наиболее «форенизирующий» способ. В постпозиции к имени она работает лучше всего: форма «Карим-ака» давно освоена русскими текстами об Узбекистане, читатель воспринимает её как часть имени и без пояснений понимает, что Карим старше и уважаем. Сложнее с автономным обращением: «Ака, довезёте до остановки?» понятно читателю в Узбекистане, где эти слова входят в местный русский узус, но для внешнего читателя первая встреча с «ака» требует контекстной опоры. Транслитерация терминов с узкой семантикой (*pochcha, yanga*) без пояснения превращается в непрозрачный набор звуков.

Функциональная замена подбирает русскую форму, выполняющую ту же этикетную работу. Обращение пожилого человека к юноше *bolam* естественно передаётся как «сынок», к девушке — «дочка», «доченька»; обращение свекрови к невестке *kelin* в ласковом контексте — также «доченька». Здесь русская культура располагает действительно близким ресурсом, и замена не вызывает потерь. Но для обращения младшего к старшему такого ресурса почти нет: «Брат, довезёшь?» вносит уличную, иногда криминально окрашенную интонацию, «отец» в адрес незнакомого старика звучит грубовато, а «мать» и вовсе просторечно. Функциональная замена, таким образом, асимметрична: она надёжна «сверху вниз» и рискованна «снизу вверх».

Генерализация заменяет родственное обращение нейтральной формой вежливости или вовсе переносит вежливость в другой элемент высказывания: «*Aka, bekatgacha olib borasizmi?*» — «Простите, не довезёте до остановки?». Смысл сохранён, стилистика безупречна, но читатель теряет признак, который в узбекском тексте сообщает о возрасте собеседника и о том, что говорящий соблюдает норму уважения. Если такой признак сюжетно нагружен, генерализация недопустима.

Описательный перевод необходим там, где различие по линии родства значимо для содержания. Фразы «*Tog‘am kelibdi*» и «*Amakim kelibdi*» обе переводятся как «Дядя приехал», но если в повествовании важно, что речь идёт о родне матери (например, в эпизоде сватовства или раздела наследства), переводчик вынужден добавить: «Приехал дядя, мамин брат». В функции обращения описательный перевод невозможен — никто не обращается к человеку фразой «дядя по матери», — поэтому информация переносится в авторскую речь.

Компенсация восстанавливает утраченный этикетный признак в другом месте текста: через местоимение «вы», через выбор глагольной формы, через ремарку. Например, «*Xolajon, o‘tiring, charchagansiz*» можно передать как «Присаживайтесь, тётушка, вы же устали» — уменьшительное «тётушка» частично компенсирует утрату *-jon*, а «вы» сохраняет дистанцию уважения, свойственную узбекскому «-siz».

Опущение оправдано при высокой плотности обращений в диалоге. Узбекская устная речь допускает повторение *aka* или *opa* в нескольких репликах подряд; в русском тексте такое повторение воспринимается как навязчивость. Переводчик может

сохранить обращение в первой реплике и опускать его в последующих, не нарушая общего впечатления.

Узбекские термины родства в функции обращения образуют класс единиц, которые выглядят переводимыми, но ведут себя как реалии: денотативное соответствие в русском языке есть, а соответствия по этикетной функции, как правило, нет. Ошибка, которую чаще всего порождает эта «ложная эквивалентность», — механическая передача *aka* как «брат» и *ota* как «отец» в обращении к незнакомым людям, ведущая к стилистическому снижению реплики.

Сопоставление шести способов передачи (транслитерации, функциональной замены, генерализации, описательного перевода, компенсации и опущения) показало, что их эффективность зависит от контекста. Предложенная трёхпараметровая модель (тип референции, синтаксическая позиция, адресат перевода) выделяет три зоны — удержания, замены и различения — и позволяет обосновывать выбор для каждой реплики, сохраняя единство переводческих решений в пределах текста. Оппозиция доместикации и форенизации при таком подходе работает как шкала, а не как бинарная установка.

Перспективы исследования связаны с проверкой модели на материале опубликованных переводов узбекской прозы и драматургии, с её распространением на обращения, не связанные с родством (*domla, usta, hoji*), а также с обратным направлением — передачей русских имён-отчеств и уменьшительных форм в переводах на узбекский язык.

Список использованной литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). — М.: Международные отношения, 1975. — 240 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990. — 253 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Русский язык, 1983. — 269 с.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово/Slovo, 2000. — 262 с.

TRANSLATION PROBLEMS OF MILITARY TERMS IN ENGLISH AND UZBEK LANGUAGES (BASED ON INTERNET MEDIA)

Qahramanov Islom Botir o‘g‘li
A trainee teacher at University of Economics and Pedagogy
Karshi, Uzbekistan

Abstract. *This article examines the translation of English military terms into Uzbek in internet media. The study is based on a parallel corpus of 120 English–Uzbek article pairs, from which 347 military terms were extracted and analysed using a mixed qualitative–quantitative design. Problems arise at three levels: lexical (competing equivalents), stylistic (register mismatch, 84%) and conceptual (doctrinal gaps, 38%). A separate pattern was found in rank titles, where formal similarity conceals non-equivalence. A three-step decision procedure—concept check, register check and gloss decision—is proposed for translators and editors.*

Keywords: *military terminology; translation; English; Uzbek; internet media; register; doctrinal gap; rank titles.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada ingliz tilidagi harbiy terminlarning internet ommaviy axborot vositalarida o‘zbek tiliga tarjima qilinishidagi muammolar tahlil qilinadi. Tadqiqot 120 juft inglizcha–o‘zbekcha maqoladan tuzilgan parallel korpusga asoslanib, undan 347 ta harbiy termin ajratib olindi va sifat hamda miqdor jihatidan tahlil qilindi. Qiyinchiliklar leksik, uslubiy (register nomuvofiqligi — 84%) va tushunchaviy (doktrinal bo‘shliq — 38%) darajalarda namoyon bo‘ladi; harbiy unvonlarda shakliy o‘xshashlik noekvivalentlikni yashiradi. Uch bosqichli algoritm (tushuncha tekshiruvi, register tekshiruvi, izoh berish qarori) taklif etiladi.*

Kalit so‘zlar: *harbiy terminologiya; tarjima; ingliz tili; o‘zbek tili; internet media; register; doktrinal bo‘shliq; harbiy unvonlar.*

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы перевода английских военных терминов на узбекский язык в интернет - СМИ. Исследование основано на параллельном корпусе из 120 пар англо-узбекских статей, из которого проанализированы 347 военных терминов. Трудности возникают на лексическом, стилистическом (регистровое несоответствие — 84%) и понятийном (доктринальные лакуны — 38%) уровнях; формальное сходство воинских званий скрывает неэквивалентность. Предложен трёхэтапный алгоритм перевода: проверка понятия, проверка регистра и решение о комментарии.*

Ключевые слова: *военная терминология; перевод; английский язык; узбекский язык; интернет-СМИ; регистр; доктринальная лакуна; воинские звания.*

1. Introduction

Internet media are now the main channel through which Uzbek readers receive international news on wars, security policy and foreign armed forces. Uzbek versions are prepared quickly, usually by journalists who are not specialists in military affairs, so military terms—which carry a dense institutional, legal and sometimes ideological load—are exposed to a high risk of distortion. Classical terminology science expects a term to be monosemantic,

systemic and stylistically neutral [19; 20], but in media discourse these requirements are routinely violated. The Uzbek military lexicon is especially sensitive because it has several historical layers: a Turkic and Perso-Arabic layer (*qo‘shin*, *otashkesim*), a large Russian-mediated Soviet layer (*leytenant*, *polkovnik*, *shtab*) and a newer English-mediated layer that has grown since Uzbekistan joined NATO’s Partnership for Peace in 1994.

The translation of political and media discourse [2; 11], and terminology theory [3; 14], are well studied, but English–Uzbek military terms in internet media have received little systematic attention. Uzbek works [7; 13] concentrate on literary translation and general equivalence, while Russian studies [17; 18] describe the English–Russian pair, whose solutions cannot be transferred to Uzbek because the rank structure, institutions and media norms differ. We draw on Vinay and Darbelnet’s procedures [16], Nida’s [9] and Newmark’s [8] equivalence types, Venuti’s domestication and foreignization [15], skopos theory [10], and the view of news translation as rewriting (“transediting”) [12].

The aim of the article is to classify the main translation problems of English military terms in Uzbek internet media and to propose a practical procedure for solving them. Research questions: (RQ1) what types of problems occur; (RQ2) how frequent are register mismatches and doctrinal gaps; (RQ3) which strategies are available and what are their consequences.

2. Methods

The study uses a mixed qualitative–quantitative design based on contrastive analysis of a parallel corpus [1]. The corpus consists of 120 article pairs, each including an English source text from an international news outlet and its Uzbek version from an Uzbek internet portal; the texts deal with armed conflicts, defence policy and military cooperation. Because media versions are often partly rewritten, only pairs in which the Uzbek text clearly reproduces the original were included.

From the English texts 347 military terms were extracted manually and aligned with their Uzbek renderings. They were classified into six groups: general operational terms; ranks and titles; institutions and units; weapons and equipment; tactical and legal–operational concepts; and figurative expressions and euphemisms. Source meanings were verified against the DoD Dictionary of Military and Associated Terms [6]. Four problem types were coded (Table 1); one term could receive more than one code, so percentages overlap. Strategies were classified following [16] and [8]: transcription, calque, functional equivalent, descriptive rendering, and omission or generalisation.

Table 1. Problem types and operational definitions

Problem type	Operational definition
Lexical	Unstable (competing equivalents), literal or unmotivated rendering
Register mismatch	Different stylistic level, emotional colouring or neutrality from the source
Doctrinal gap	Concept exists only in the doctrine or institutional structure of the source country or alliance
Rank-title mismatch	Formally similar title occupying a different position in the hierarchy

3. Results

3.1. Overview

Of the 347 terms, register mismatch was recorded at a rate of 84% and doctrinal gaps at 38%. The categories are not mutually exclusive, so the figures cannot be summed. Stylistic

distortion is the most pervasive problem, but doctrinal gaps are more serious: a register mismatch changes how the reader feels about an event, whereas a doctrinal gap changes what the reader believes the event or institution to be.

3.2. Lexical problems and register mismatch

Several English terms have competing Uzbek equivalents: *ceasefire* is rendered as *otashkesim* and as *o‘t ochishni to‘xtatish*, a calque of the Russian *прекращение огня*; *drone* as *dron* and *uchuvchisiz uchish apparati*. Such doublets violate monosemy. Idioms rendered word for word lose their sense: *boots on the ground* as *yerdagi etiklar* is unintelligible and needs a functional equivalent (*quruqlikdagi harbiy kontingent*); *friendly fire* as *do‘stona o‘t* conceals the accidental fire on one’s own forces.

Register mismatch was the dominant problem. English reporting relies on a neutral, technical or euphemistic register (*collateral damage*, *neutralise a target*, *kinetic action*), and Uzbek versions shift it in two directions: intensification (*neutralise* → *yo‘q qilish*, “destroy”) and flattening (different types of strikes all rendered as *hujum*, “attack”). The choice among *militants*, *insurgents*, *rebels* and *terrorists* is a framing decision [2; 4], yet Uzbek versions use *jangarilar*, *isyonchilar* and *terrorchilar* without a consistent mapping.

Table 3. Illustrative cases and suggested renderings

English term	Typical Uzbek rendering	Suggested rendering
ceasefire	otashkesim; o‘t ochishni to‘xtatish	otashkesim (one form used consistently)
boots on the ground	yerdagi etiklar (literal)	quruqlikdagi harbiy kontingent
friendly fire	do‘stona o‘t (literal)	o‘z qo‘shinlari tomonidan o‘qqa tutilish
collateral damage	kollateral zarar; yon zarar	tinch aholiga yetkazilgan zarar (kollateral zarar)
National Guard (US)	Milliy gvardiya	AQSh Milliy gvardiyasi + gloss (reserve component under federal and state command)

3.3. Doctrinal gaps

A doctrinal gap arises when the English term names a concept existing only within the doctrine, legal framework or institutional structure of the source country. The Uzbek reader then lacks not a word but the concept. *National Guard* is formally matched by *Milliy gvardiya*, but the US National Guard is a reserve component under dual federal and state command, unlike the institution of the same name in Uzbekistan. A calque of *Chairman of the Joint Chiefs of Staff* does not tell the reader that the holder is the principal military adviser to the head of state and does not command troops. Gaps were most frequent among institutions and units, tactical and legal–operational concepts, and ranks.

3.4. Rank titles: the illusion of equivalence

Ranks are usually transliterated and look as transparent as international words, but the Uzbek system derives from the Soviet one, while English reports use the Anglo-American or NATO system (Table 2). The reader cannot detect the error because the form is familiar; for this reason rank mistranslation is the most hidden problem found, and we regard it as an original finding of the study. A landlocked country with no sea-going naval tradition also has no stable usage norm for naval ranks, so translators improvise.

Table 2. Typical rank-title mismatches

English rank	Uzbek counterpart	Problem
brigadier general	none	One-star rank below major general; the lowest general rank in the Soviet-derived system is *general-mayor*
major general	general-mayor	Same label, different position in the two hierarchies
captain (navy)	kapitan	Naval captain is comparable to an army colonel; Uzbek *kapitan* is

		a junior-to-middle army officer
sergeant major	serjant-mayor	Senior NCO appointment with no counterpart in the Soviet-derived sergeant scale

3.5. Translation strategies

Five strategies were identified. Transcription is fast but opaque for doctrinal terms; calque preserves structure but risks importing Russian-mediated or literal forms; a functional equivalent works only when the concept exists in both systems (*mudofaa vaziri*); a descriptive rendering solves gaps and idioms but lengthens the text; omission or generalisation saves space but loses information and produces flattening. No single strategy suits all problem types.

4. Discussion

The results show that translating military terms in internet media is a problem of concepts and discourse, not only of words. Three factors explain the high rates. First, production conditions: the Uzbek text is often the result of transediting [12] under time pressure and without an editorial glossary. Second, Russian mediation of the Uzbek military lexicon, which brings Soviet-type solutions into texts whose source belongs to another military system [17; 18]. Third, the stylistic norm of the target medium, which may tolerate more emotive colouring than English news style [4], so register shifts are not perceived as errors.

Theoretically, doctrinal gaps confirm that a term names a concept within a system [3; 14; 20]; institutional military terms behave like Newmark's cultural terms [8]. The usual domesticating tendency of media translation is precisely what creates misleading equivalence (*Milliy gvardiya* for the US National Guard). A controlled foreignizing approach—transcription with a short gloss at first mention—preserves both recognisability and accuracy and agrees with the skopos of informing a non-expert reader [10]. The register findings extend Hatim and Mason [5] and Baker [2]: register is part of meaning, and in conflict reporting it may amount to taking sides.

On this basis we propose a three-step procedure: (1) **concept check**—establish whether the source concept exists in the Uzbek military system using an authoritative dictionary [6]; if it exists, use the established term, if only partly, a functional equivalent, if not, go to step 3; (2) **register check**—determine the register of the source term and choose an Uzbek term of the same level, reproducing the source distinction between armed actors; (3) **gloss decision**—for doctrinal gaps and rank titles use transcription with a short explanation at first mention and keep the form consistent; for idioms use a descriptive or functional equivalent. The procedure needs a bilingual glossary with doctrinal notes and a rank table showing each rank's position in its hierarchy.

The study has limitations: the corpus is limited to internet media, the selection of closely parallel pairs excludes the most heavily rewritten items (so real distortion may be higher), and the coding of register and doctrinal categories is interpretive. Further research could test reader reception experimentally and develop a full English–Uzbek military glossary.

5. Conclusion

The analysis of 120 article pairs and 347 terms identified four problem types (RQ1); register mismatch (84%) and doctrinal gaps (38%) proved structural rather than incidental

(RQ2); and none of the five strategies is universally adequate—transcription and calque are efficient but may hide conceptual differences, while descriptive rendering is accurate but costly in space (RQ3). Military terms in media translation must be treated as concept-bound units: the translator should first ask whether the concept exists in the target system and only then look for a word. The finding on rank titles shows that the most dangerous errors are those that look correct. The results may serve terminological standardisation in Uzbek news media and the teaching of military translation.

References

1. Baker M. Corpus linguistics and translation studies: Implications and applications // Baker M., Francis G., Tognini-Bonelli E. (eds.). Text and Technology. Amsterdam: John Benjamins, 1993. P. 233–250.
2. Baker M. Translation and Conflict: A Narrative Account. London: Routledge, 2006. 200 p.
3. Cabré M. T. Terminology: Theory, Methods and Applications. Amsterdam: John Benjamins, 1999. 247 p.
4. Fairclough N. Media Discourse. London: Edward Arnold, 1995. 216 p.
5. Hatim B., Mason I. The Translator as Communicator. London: Routledge, 1997. 248 p.
6. Joint Chiefs of Staff. DOD Dictionary of Military and Associated Terms. Washington, DC: U.S. Department of Defense, 2021.
7. Musayev Q. Tarjima nazariyasi asoslari. Toshkent: Fan, 2005. 352 b.
8. Newmark P. A Textbook of Translation. New York: Prentice Hall, 1988. 292 p.
9. Nida E. A. Toward a Science of Translating. Leiden: Brill, 1964. 331 p.
10. Nord C. Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained. Manchester: St. Jerome, 1997. 164 p.
11. Schäffner C. Political discourse analysis from the point of view of translation studies // Journal of Language and Politics. 2004. Vol. 3, No. 1. P. 117–150.
12. Stetting K. Transediting: A new term for coping with the grey area between editing and translating // Proceedings from the Fourth Nordic Conference for English Studies. Copenhagen: University of Copenhagen, 1989. P. 371–382.
13. Salomov G‘. Tarjima nazariyasiga kirish. Toshkent: O‘qituvchi, 1983. 232 b.
14. Temmerman R. Towards New Ways of Terminology Description: The Sociocognitive Approach. Amsterdam: John Benjamins, 2000. 258 p.
15. Venuti L. The Translator’s Invisibility: A History of Translation. London: Routledge, 1995. 353 p.
16. Vinay J.-P., Darbelnet J. Comparative Stylistics of French and English. Amsterdam: John Benjamins, 1995. 358 p.
17. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
18. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
19. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 158 с.
20. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. М.: Наука, 1989. 246 с.

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Мирабдуллева Малика Махмуджон кизи
преподаватель
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности межъязыковой коммуникации в процессе художественного перевода. Особое внимание уделяется проблеме передачи языковых и культурных особенностей художественного текста с русского языка на узбекский. Художественный перевод рассматривается как сложный процесс межъязыкового и межкультурного взаимодействия, предполагающий не только передачу содержания оригинала, но и сохранение его стилистической, эмоциональной и национально-культурной специфики. Анализируются основные трудности передачи диалогической речи, лексических единиц, фразеологизмов и национально-культурных реалий. Подчеркивается необходимость применения сопоставительного подхода при переводе с русского языка на узбекский.*

Ключевые слова: *межъязыковая коммуникация, межкультурная коммуникация, художественный перевод, переводоведение, русский язык, узбекский язык, диалогическая речь, сопоставительное языкознание.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada badiiy tarjima jarayonida tillararo muloqotning o‘ziga xos xususiyatlari ko‘rib chiqiladi. Rus tilidagi badiiy matnni o‘zbek tiliga tarjima qilishda til va madaniyat bilan bog‘liq muammolarga alohida e’tibor qaratiladi. Badiiy tarjima asl matn mazmunini boshqa tilga o‘girish bilan birga uning uslubiy, hissiy va milliy-madaniy xususiyatlarini saqlashni ham talab qiladigan murakkab jarayon sifatida talqin qilinadi. Dialogik nutq, leksik birliklar, frazeologizmlar va milliy-madaniy realiyalarni tarjima qilishdagi qiyinchiliklar tahlil qilinadi. Rus tilidan o‘zbek tiliga tarjima jarayonida qiyosiy yondashuvdan foydalanish zarurligi ta’kidlanadi.*

Kalit so‘zlar: *tillararo muloqot, madaniyatlararo muloqot, badiiy tarjima, tarjimashunoslik, rus tili, o‘zbek tili, dialogik nutq, qiyosiy tilshunoslik.*

Abstract. *The article examines the specific features of interlingual communication in literary translation. Particular attention is paid to the transfer of linguistic and cultural characteristics of literary texts from Russian into Uzbek. Literary translation is viewed as a complex process of interlingual and intercultural interaction that involves not only the transfer of the content of the original text but also the preservation of its stylistic, emotional and national-cultural characteristics. The article analyzes the difficulties of translating dialogical speech, lexical units, phraseological expressions and culturally specific realia. The importance of a comparative approach in Russian-Uzbek literary translation is emphasized.*

Keywords: *interlingual communication, intercultural communication, literary translation, translation studies, Russian language, Uzbek language, dialogical speech, comparative linguistics.*

Введение. В современном мире расширение международных контактов способствует активному взаимодействию языков и культур. В этих условиях особое значение приобретает межъязыковая коммуникация, которая предполагает передачу информации между носителями разных языков.

Одной из важнейших форм межъязыковой коммуникации является перевод. В трудах по теории перевода перевод рассматривается как сложный вид речевой деятельности, направленный на создание текста на языке перевода, функционально соответствующего исходному тексту.[1] Особое место занимает художественный перевод, поскольку художественный текст содержит не только информацию, но и эмоционально-экспрессивные, стилистические и культурные компоненты. Как отмечает Л. С. Бархударов, перевод связан с преобразованием языковой структуры оригинала при сохранении его содержания.[2]

В информационном письме международной научно-практической конференции среди основных направлений названы межъязыковая и межкультурная коммуникация, теория и практика перевода, сопоставительное языкознание и проблемы билингвизма. Именно поэтому изучение проблем художественного перевода с русского языка на узбекский является актуальным направлением современного филологического исследования.

1. Межъязыковая коммуникация и перевод

Межъязыковая коммуникация осуществляется в условиях взаимодействия различных языковых систем. Каждый язык обладает собственной грамматической структурой, лексическим составом и системой стилистических средств.

В процессе перевода необходимо учитывать различия между исходным языком и языком перевода. В. Н. Комиссаров подчеркивает, что переводческая деятельность связана с необходимостью достижения смысловой и коммуникативной эквивалентности между оригиналом и переводом.[3]

Русский и узбекский языки относятся к различным языковым системам. Поэтому при их сопоставлении обнаруживаются различия в грамматическом строе, порядке слов, способах выражения грамматических значений и организации текста.

Например: «Я сегодня не пойду» — «Men bugun bormayman». В русском предложении субъект выражен самостоятельным местоимением «я». В узбекском языке значение первого лица дополнительно выражается грамматической формой сказуемого. Следовательно, одинаковое коммуникативное содержание может выражаться различными языковыми средствами.

2. Художественный перевод как форма межкультурной коммуникации

Художественный перевод выполняет важную функцию в диалоге культур. Благодаря переводу произведения одной национальной литературы становятся доступными представителям другой культуры.

Однако художественный текст тесно связан с национальной культурой. В нем отражаются традиции, обычаи, особенности быта, национальная психология и исторический опыт народа.

А. В. Фёдоров отмечает, что при переводе необходимо учитывать не только языковую форму текста, но и его стилистические особенности.[4] Поэтому перевод художественного произведения требует комплексного анализа.

Особую трудность представляют реалии — слова и выражения, связанные с определенной культурой. Переводчик должен определить, каким способом лучше передать такую единицу: сохранить ее в оригинальной форме, подобрать аналог или использовать описательный перевод.

Таким образом, переводчик выступает посредником не только между языками, но и между культурами.

3. Особенности передачи диалогической речи

Особенно сложной является передача диалогической речи. Диалог отличается от письменного повествования непосредственностью, эмоциональностью и ситуативностью.

В художественном произведении реплики персонажей выполняют не только коммуникативную, но и характеризующую функцию. По особенностям речи можно определить возраст, социальное положение, эмоциональное состояние и индивидуальные особенности персонажа.

Например:

— Ты куда?

— Домой.

Обе реплики являются неполными предложениями, однако в конкретной ситуации их смысл легко восстанавливается.

При переводе:

— Qayerga?

— Uyga.

сохраняется краткость и разговорный характер диалога.

Подобные конструкции показывают, что переводчик должен учитывать не только грамматическую структуру предложения, но и его коммуникативную функцию.

По мнению А. Д. Швейцера, при переводе необходимо учитывать коммуникативную направленность текста и функцию языковых средств.[5] Именно поэтому при передаче диалога буквальный перевод не всегда является оптимальным решением.

4. Лексические и фразеологические трудности

Значительные трудности возникают при переводе фразеологизмов. Устойчивые выражения часто обладают образным значением, которое невозможно передать путем дословного перевода.

Например, русское выражение «бить баклуши» означает «бездельничать». Дословная передача компонентов этого выражения может привести к потере его значения.

В подобных случаях переводчик должен найти функционально соответствующее выражение или передать значение описательно.

Важную роль играет и контекст. Одно и то же слово в разных ситуациях может приобретать различные значения. Поэтому переводчик должен учитывать не только словарное значение, но и конкретное употребление слова в художественном тексте.

С. Влахов и С. Флорин обращают особое внимание на перевод национально-культурных элементов, которые требуют учета специфики культуры исходного текста.[6]

5. Сопоставительный подход к русско-узбекскому переводу

Сопоставительное изучение русского и узбекского языков позволяет выявить особенности, которые непосредственно влияют на переводческий процесс.

Одним из существенных различий является порядок слов.

Русский: «Студент прочитал книгу».

Узбекский: «Talaba kitobni o‘qidi».

В русском языке в нейтральном предложении сказуемое обычно располагается после подлежащего и дополнения. В узбекском языке сказуемое, как правило, занимает конечную позицию.

При переводе художественного текста такие структурные различия должны учитываться для создания естественного текста на языке перевода.

Кроме того, русский язык обладает развитой системой падежных форм, тогда как в узбекском языке грамматические отношения во многих случаях выражаются посредством аффиксов.

Таким образом, сопоставительный анализ позволяет определить, какие элементы оригинала могут быть переданы непосредственно, а какие требуют переводческих трансформаций.

6. Переводческие трансформации

Для достижения адекватности перевода используются различные переводческие трансформации. Среди них можно выделить лексические и грамматические замены, перестановки, добавления, опущения, конкретизацию, генерализацию и описательный перевод.

Л. С. Бархударов рассматривает переводческие преобразования как важное средство достижения соответствия между оригиналом и переводом.[1]

Например, при переводе русского предложения на узбекский может потребоваться изменение порядка слов: «Вчера вечером студент встретил своего друга» — «Kecha kechqurun talaba do‘stini uchratdi».

Смысл предложения сохраняется, однако структура высказывания изменяется в соответствии с нормами узбекского языка.

Таким образом, переводческая трансформация не является отступлением от оригинала. Напротив, она часто необходима для сохранения его содержания и коммуникативной функции.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что художественный перевод представляет собой сложный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации. Его задача заключается не только в передаче содержания исходного текста, но и в сохранении его стилистической, эмоциональной и национально-культурной специфики.

Сопоставление русского и узбекского языков показывает наличие существенных различий в грамматическом строе, порядке слов, способах выражения грамматических значений и организации диалогической речи.

Особую сложность представляют неполные предложения, разговорная лексика, фразеологические единицы и национально-культурные реалии. Их адекватная передача требует учета контекста и коммуникативной ситуации.

Следовательно, переводчик должен обладать не только высоким уровнем языковой компетенции, но и глубоким знанием культуры обоих языков. Именно сочетание лингвистического и культурологического подходов позволяет создать адекватный и естественный художественный перевод.

Перспективным направлением дальнейшего исследования является более детальное сопоставление способов передачи русской диалогической речи в узбекских переводах художественных произведений.

Список использованной литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. — М.: Международные отношения, 1975.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М.: Международные отношения, 1980.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода. — М.: Издательство Московского университета, 2004.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990.
5. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода. — М.: Высшая школа, 1983.
6. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. — М.: Наука, 1988.

ЭКОПОЭТИКА В.П.АСТАФЬЕВА И СПЕЦИФИКА ЕЁ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В УЗБЕКСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Астанова Дильдора Зиёдовна
соискатель, учитель русского языка 13-школы
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье исследуется функционально-семантический и лингвокультурологический потенциал природно-географического кода в прозе В. П. Астафьева («Царь-рыба»), а также особенности его трансляции при переводе на узбекский язык. В центре внимания-переводческие стратегии воспроизведения этнопоэтических реалий, фитонимической и зоонимической лексики, а также олицетворительной метафорики. На основе сопоставительного анализа выявляются основные виды трансформаций при передаче антологического подтекста произведений.*

Ключевые слова: *сравнительное литературоведение, переводоведение, экопоэтика, В.П.Астафьев, переводческие трансформации, реалия, доместикация, форенизация.*

Abstract. *The article examines the functional semantic and linguoculturological potential of the natural-geographic code in the prose of V. P Astafyev (“The King-Fish”), as well as the specifics of its transmission in Uzbek translation. The focus is on translation strategies for reproducing ethnopoetic realities, dialect phytonymic and zoonymic*

vocabulary, and personifying metaphors. Based on comparative analysis, the main types of transformations in conveying the ontological subtext of works are identified.

***Keywords**: comparative literature, translation studies, ecopoetics, V.P. Astafye, "The King-Fish" translation transformations, reality, domestication, forenization.*

***Annotatsiya**. Maqolada V.P.Astafyev ("Poshsho-baliq") hikoyalar to'plamidagi tabiiy-geografik kodning funktsional-semantik va lingvokulturolojik salohiyati hamda uning o'zbek tiliga tarjima qilish xususiyatlari tadbiq etiladi. Etnopoetik realiyalar, fitonimik va zoonimik leksika, shuningdek, jonlantirish metaforalarini qayta yaratishdagi tarjima strategiyalari diqqat markazida turadi.*

***Kalit sozlar**: qiyosiy adabiyotshunoslik, tarjimashunoslik, ekopoetika, V.P.Astafyev, "Poshsho-baliq", tarjima transformatsiyalar, realiya, domestikatsiya, forenizatsiya.*

Введение. В современном сравнительном литературоведении и переводоведении особый интерес представляет исследование «экологического дискурса» и способов его языковой объективации. В литературе второй половины 20 века образы природы перестают выполнять лишь фановую или декоративную функцию, превращаясь в полноценных субъектов художественного пространства и нравственных цензоров. Ярчайшим примером такого подхода выступает творчество В. П. Астафьева.

Проблема исследования: При переводе произведений с выраженной этно-экологической и региональной спецификой с флективного (русского) на агглютинативный (узбекский) язык возникает межязыковой и межкультурный барьер. Переводчику необходимо не просто передать денотативное значение пейзажной лексики, но и сохранить эстетический, антологический и философский подтекст оригинала, формируемый спецификой национального мировосприятия.

Актуальность работы обусловлена необходимостью системного описания переводческих трансформаций при трансляции эстетики природы В. Астафьева в узбекскую лингвокультуру в контексте задач современного сравнительного литературоведения.

Цель исследования. Выявить функционально-семантические особенности природного кода и определить эффективные переводческие стратегии при репрезентации экопоэтикиВ. Астафьева на узбекском языке.

Гипотеза исследования: Эквивалентность передачи природного кода Астафьева достигается за счёт сочетания лексических аналогов и функционально-стилистических компенсаций, позволяющих адаптировать сибирские реалии к системе узбекского языка.

Материалы и методы. Материал исследования, исследовательский корпус составили:

1. Повествование в рассказах В.П.Астафьева «Царь-рыба» (оригинал на русском языке).
2. Параллельные фрагменты репрезентации и перевода произведения на узбекский язык ("Poshsho-baliq").

Общий объём выборки составил 100 пейзажных контекстов, содержащих сибирские диалектизмы, фитонимы, гидронимы и антропоморфные метафоры.

В работе использован комплекс лингвистических и литературоведческих методов: Сопоставительно-типологический метод-для выявления общности и различий в концептуализации природы авторами; Сравнительно - переводоведческий анализ - для выявления трансформаций на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях; Метод лингвокультурологического анализа - для интерпретации безэквивалентной лексики и культурных реалий; Метод описательной статистики – при классификации видов трансформаций.

Результаты. В ходе сопоставительного анализа оригиналов и переводов были получены следующие результаты, систематизированные по типам переводческих задач: Передача безэквивалентной лексики и реалий природы анализ показал, что при трансляции географических и фитонимических реалий преобладают три основные стратегии. В текстах В.Астафьева диалектизмы сибирской тайги (тальник, заездок, наледь) в 65% случаев подвергаются генерализации (гиперонимической замене), что оправдано отсутствием прямых эквивалентов в узбекской терминологии флоры и фауны. Воспроизведение олицетворительной метафорики при передаче антроморфных метафор выявлено высокое соответствие эмоционально- экспрессивного фона. Пример (В. Астафьев): Оригинал: «Река шумела, сердилась, била волной в яр…». Перевод: «Daryo shovqin solar, g'azablanar, to'lqinlarini qig'oqqa uradi». Анализ: Преобразование структуры предложения обусловлено правилом топологии узбекского языка (порядок SOV), однако глагольная градация полностью воспроизводит динамику оригинала. Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что перевод экопоэтического текста требует не просто механической замены единиц, а перекодирования культурно-экологического подтекста. Проблема сибирского локатива у Астафьева содержит локально-маркированные сибирские диалектизмы. Их перевод на узбекский язык часто приводит к частичной утрате местного колорита, однако стратегия генерализации позволяет сохранить главную философско-этическую мысль автора. Сравнение с исследованиями в области лингвокультурологии и теории перевода показывает, что передача экопоэтики на агглютинативные языки опирается преимущественно на функционально-стилистическую компенсацию, а не на дословный перевод.

Природа в повествовании «Царь-рыба» В. Астафьева выполняют субъектную и морально-этическую функцию, выступая мерилом человеческих поступков. Главной сложностью при репрезентации прозы В. Астафьева на узбекском языке является безэквивалентная фитонимическая лексика Сибири. Основной стратегией при передаче прозы В.Астафьева на узбекский язык выступает сочетание функциональных аналогов и компенсаций, что сохраняет экософский подтекст произведения.

Список использованной литературы

1. Астафьев, В. П. Царь-рыба: Повествование в рассказах. - М.: Эксмо, 2019. - 416 с.
2.Astafyev V.P. Poshsho-baliq. / Hikoyalar to'plami. – Toshkent: G'afur G'ulom nomidagi adabiyot va san'at nashriyoti.
3. Виноградов, В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы. - М.: КДУ, 2016. - 240 с.
4. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). - М.: Высшая школа, 1990. - 253 с.

5.Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. - М.: Наука, 1988. - 215 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ И ИХ ПЕРЕВОДА

Абдурашидова Ирода Азамжон кизи
Магистрант
Наманганский государственный институт иностранных языков имени Исхоккона Ибрата Узбекистан

Аннотация.*В статье рассматриваются теоретические основы изучения национально-поэтических концептов= и особенности их передачи в художественном переводе. Определяются основные подходы к анализу концептов, отражающих национально-культурную специфику художественного мышления. Раскрываются взаимосвязь языка и культуры, роль концептов в формировании художественной картины мира и трудности сохранения национальных, образных и эмоционально-оценочных компонентов при переводе. Методологическую основу составляют концептуальный, лингвокультурологический, контекстуальный, интерпретационный и сопоставительно-сравнительный методы. Обосновывается необходимость учитывать не только словарное значение языковой единицы, но и её культурные ассоциации, художественную функцию и индивидуально-авторское содержание.*

Ключевые слова: *национально-поэтический концепт, концептосфера, языковая картина мира, лингвокультурология, художественный перевод, национальная специфика, межкультурная коммуникация.*

Annotatsiya.*Maqolada milliy-poetik konseptlarni o‘rganishning nazariy asoslari va ularni badiiy tarjimada ifodalash xususiyatlari ko‘rib chiqiladi. Badiiy tafakkurning milliy-madaniy o‘ziga xosligini aks ettiruvchi konseptlarni tahlil qilish yondashuvlari yoritiladi. Til va madaniyat munosabati, konseptlarning badiiy olam manzarasini shakllantirishdagi o‘rni hamda tarjimada milliy, obrazli va hissiy-baholovchi xususiyatlarni saqlash muammolari ko‘rib chiqiladi. Tadqiqot konseptual, lingvomadaniy, kontekstual va qiyosiy-tahliliy metodlarga asoslanadi.*

Kalit so‘zlar: *milliy-poetik konsept, konseptosfera, olamning lisoniy manzarasi, lingvomadaniyatshunoslik, badiiy tarjima, milliy o‘ziga xoslik, madaniyatlararo muloqot.*

Abstract.*The article examines the theoretical foundations of national-poetic concepts and the challenges of translating them in literary discourse. It outlines approaches to concepts that reflect the national and cultural characteristics of artistic thought, explores the relationship between language and culture, and considers the role of concepts in shaping a literary worldview. Particular attention is paid to preserving cultural, figurative, emotional, and evaluative meanings in translation. The methodology combines conceptual, linguocultural, contextual, interpretive, and comparative analysis. The article argues that*

translation should account for lexical meaning as well as cultural associations, artistic functions, and author-specific interpretation.

Keywords: *national-poetic concept, conceptual sphere, linguistic worldview, linguoculturology, literary translation, national specificity, intercultural communication.*

Введение. Современная филология уделяет значительное внимание взаимодействию языка, культуры, национального сознания и художественного творчества. В этом контексте актуально изучение национально-поэтических концептов, через которые в художественном тексте отражается культурный опыт общества. Язык служит не только средством коммуникации, но и способом сохранения исторической памяти, общественных ценностей и представлений о мире. Они проявляются в лексике, фразеологии, метафорах, символах и художественных образах, а в литературном произведении получают дополнительное значение благодаря авторскому стилю.

Цель исследования — определить теоретические основы изучения национально-поэтических концептов и выявить принципы их интерпретации и передачи средствами другого языка. Для достижения цели необходимо рассмотреть научные подходы к понятию «концепт», определить особенности национально-поэтического концепта, выявить роль культурных и авторских компонентов, систематизировать переводческие стратегии и обозначить перспективы сопоставительного изучения узбекской и русской прозы. Объектом исследования являются национально-поэтические концепты в художественном дискурсе; предметом — их структурные, культурные и художественные особенности, а также способы передачи при переводе.

Обзор литературы и методология. Понятие концепта занимает важное место в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Ю. С. Степанов связывает концепты с культурными константами и исторической памятью, что позволяет рассматривать их как элементы культурного наследия [1]. В. И. Карасик подчёркивает ценностное содержание культурных концептов и их связь с языковой личностью [2]. В. А. Маслова рассматривает язык и культуру как взаимосвязанные объекты исследования и предлагает учитывать национальные традиции и коллективный опыт [3].

В теории перевода важны работы П. Ньюмарка о передаче культурно обусловленной лексики [4], М. Бейкер о лексической неэквивалентности [5] и Л. Венути о сохранении либо адаптации культурной специфики [6]. Эти подходы показывают, что формальное соответствие слов не всегда обеспечивает сохранение культурного содержания оригинала.

Методологическую основу статьи составляют: концептуальный анализ, выявляющий смысловые компоненты концепта; лингвокультурологический анализ, устанавливающий связь языковых единиц с культурными представлениями; контекстуальный анализ, учитывающий функционирование концепта в произведении; сопоставительно-сравнительный метод, выявляющий сходства и различия в узбекской и русской прозе; интерпретационный метод, позволяющий учитывать авторскую позицию и художественную функцию образов. Статья носит теоретический характер и задаёт основу для последующего анализа конкретных произведений.

Результаты и обсуждение. Национально-поэтический концепт можно рассматривать как сложное смысловое образование, объединяющее языковое значение, национально-культурные представления и индивидуально-авторскую интерпретацию. Он не ограничивается словарным определением: в его структуру входят устойчивые ассоциации, исторические представления, эмоциональные оценки и символические значения. В художественном тексте они развиваются через систему образов, мотивов и сюжетных связей. При этом концепт не следует понимать как одинаковое для всех представителей культуры содержание: его значение меняется в зависимости от эпохи, социальной среды, литературного направления и личного опыта автора.

В структуре национально-поэтического концепта можно выделить несколько взаимосвязанных компонентов. Понятийный компонент включает основные смысловые признаки; образный формируется с помощью метафор, сравнений и символов; ценностно-оценочный отражает отношение к явлению; эмоциональный связан с переживаниями персонажа, повествователя или читателя; национально-культурный включает ассоциации, обусловленные историей и традициями; индивидуально-авторский показывает, как писатель переосмысливает традиционные значения. Их взаимодействие формирует смысловую глубину концепта и определяет его функцию в произведении.

Национально-поэтические концепты участвуют в формировании художественной картины мира, связывая индивидуальный опыт автора с культурными представлениями сообщества. Для сопоставления особенно важны концепты «родина», «дом», «семья», «память», «судьба», «честь» и «свобода». Хотя подобные понятия встречаются в разных литературных традициях, их содержание зависит от исторического и культурного контекста. Например, «дом» может обозначать жилище, семейное единство, защищённость, память о предках или утрату привычного мира. «Родина» может связываться не только с территорией, но и с родным языком, детством, семейной памятью и культурными традициями.

Поэтому концепт нельзя интерпретировать только на основе словарного значения. Необходимо учитывать его повторяемость в тексте, связи с другими образами, эмоциональную окраску и роль в раскрытии авторского замысла. При сопоставлении узбекской и русской прозы важно избегать заранее заданного противопоставления культур: общее наименование не гарантирует полного совпадения значений, однако культурные различия не исключают универсальных смысловых компонентов.

Передача национально-поэтических концептов при переводе представляет собой многоуровневую задачу. Первая трудность связана с отсутствием полного соответствия между языками: близкие по словарному значению единицы могут различаться культурными ассоциациями и оценочной окраской [4; 5]. Вторая проблема — сохранение образности. Метафора, понятная в исходной культуре, может восприниматься иначе в другой; буквальный перевод способен сохранить форму, но ослабить художественный эффект. И наоборот, замена исходного образа привычным для читателя переводного текста может уменьшить национальный колорит.

Третья трудность заключается в передаче эмоционально-оценочных компонентов. Слова, связанные с семьёй, нравственными ценностями и исторической памятью, вызывают неодинаковые ассоциации у разных читателей. Кроме того, переводчику

важно сохранить индивидуально-авторскую интерпретацию: писатель может переосмысливать традиционные символы, критически их оценивать или создавать новые значения. Унификация таких смыслов приводит к потере художественной индивидуальности.

В зависимости от контекста применяются несколько стратегий передачи концептов: 1) заимствование или транслитерация — для сохранения национально маркированного наименования; 2) описательный перевод — для раскрытия содержания при отсутствии краткого эквивалента; 3) функциональный эквивалент — для передачи сходной функции средствами языка перевода; 4) контекстуальная замена — когда буквальная передача не воспроизводит смысл или художественный эффект; 5) компенсация — для восполнения утраченных смысловых или стилистических особенностей в другом фрагменте; 6) сохранение исходного образа с пояснением — для удержания национального колорита и облегчения понимания.

Ни одна стратегия не является универсальной. Заимствование оправданно при передаче уникального культурного обозначения, но не всегда необходимо, если смысл понятен из контекста. Описательный перевод уточняет значение, однако чрезмерные пояснения могут нарушить темп повествования. Поэтому решение должно приниматься на основе анализа произведения с учётом не только предметного значения, но и художественной функции концепта.

Теоретические положения могут быть использованы при сопоставительном изучении узбекской и русской прозы XX–XXI веков. Перспективно исследовать концепты «родина», «дом», «семья», «честь», «память» и «судьба» в оригиналах и переводах. Анализ целесообразно проводить поэтапно: выявить языковые средства выражения концепта; определить метафоры, символы, ассоциации и эмоциональные характеристики; установить его роль в системе персонажей и сюжетных связей; сопоставить оригинал и перевод, отметив сохранённые, преобразованные или утраченные компоненты. Следует анализировать достаточно широкий контекст, поскольку концепт может выражаться не одним словом, а системой образов и сюжетных элементов.

Заключение. Национально-поэтические концепты представляют собой сложные смысловые образования, объединяющие языковые, когнитивные, культурные и эстетические компоненты. Их содержание формируется на пересечении коллективного культурного опыта и индивидуально-авторского мышления. Их изучение требует комплексного подхода: когнитивная лингвистика помогает исследовать структуру знаний, лингвокультурология — выявлять культурно обусловленные значения, а переводоведение — анализировать способы передачи этих значений на другом языке.

Основные трудности перевода связаны с отсутствием полных культурных соответствий, различиями образных ассоциаций, передачей эмоционально-оценочных оттенков и сохранением авторской интерпретации. Поэтому адекватность перевода определяется не только совпадением отдельных слов, но и сохранением смысловой структуры, художественной функции и культурной значимости концепта. Сопоставительное изучение узбекской и русской прозы позволяет выявить как общие способы художественного осмысления действительности, так и национально

обусловленные особенности. Для обоснованных выводов необходим анализ конкретных произведений и их переводов.

Список использованной литературы

1. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002.

3. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: Академия, 2001.

4. Newmark P. A Textbook of Translation. — New York: Prentice Hall, 1988.

5. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. 3rd ed. — London; New York: Routledge, 2018.

6. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. — London; New York: Routledge, 1995.

ПОНЯТИЕ «ПЕРЕВОД» И ЕГО ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В УЗБЕКСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА

Вардияшвили Назли Афдандил кизи
магистрант Каршинского государственного университета
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В данной работе рассматривается понятие «перевод» как форма межязыковой и межкультурной коммуникации на примере узбекских интерпретаций произведений И. С. Тургенева. Анализируются основные способы и трансформации (калькирование, синтаксическая перестройка, функционально-адекватный перевод, передача безэквивалентной лексики и реалий), применяемые узбекскими переводчиками при воссоздании художественного мира и стиля русского писателя. Особое внимание уделяется сохранению лиризма, психологизма и национального колорита оригинала в контексте узбекской переводческой школы.*

Ключевые слова: *перевод, переводоведение, И. С. Тургенев, узбекские интерпретации, способы перевода, переводческие трансформации, художественный перевод, безэквивалентная лексика, национальный колорит.*

Annotatsiya. *Ushbu ishda I. S. Turgenev asarlarining o'zbekcha talqinlari misolida «tarjima» tushunchasi tillararo va madaniyatlararo muloqot shakli sifatida ko'rib chiqiladi. O'zbek tarjimonlari tomonidan rus yozuvchisining badiiy olami va uslubini qayta yaratishda qo'llanilgan asosiy usullar va transformatsiyalar (kalkalash, sintaktik qayta qurish, funktsional-adekvat tarjima, ekvivalentiz iboralar va realliklarni berish) tahlil qilinadi. O'zbek tarjima maktabi kontekstida asl nusxaning lirizmi, psixologizmi va milliy koloritini saqlab qolishga alohida e'tibor qaratilgan.*

Kalit so'zlar: *tarjima, tarjimashunoslik, I. S. Turgenev, o'zbekcha talqinlar, tarjima usullari, tarjima transformatsiyalari, badiiy tarjima, ekvivalentisiz leksika, milliy kolorit.*

Abstract. *This paper explores the concept of "translation" as a form of interlingual and intercultural communication, focusing on Uzbek interpretations of I. S. Turgenev's works. It analyzes the key translation methods and transformations (calque, syntactic restructuring, functional-adequate translation, and the rendering of non-equivalent vocabulary and cultural realia) employed by Uzbek translators to recreate the author's artistic vision and style. Special attention is paid to preserving the lyricism, psychological depth, and cultural nuances of the original text within the Uzbek translation tradition.*

Keywords: *translation, translation studies, I. S. Turgenev, Uzbek interpretations, translation methods, translation transformations, literary translation, non-equivalent vocabulary, cultural realia.*

Содержание. Перевод выполняет одну из важнейших социальных функций – делает возможным межнациональное, межъязыковое общение. На сегодняшний день существует несколько определений понятия «перевод». Так, в учебном пособии Казаковой Т.А. «*Практические основы перевода» дано следующее определение – «перевод – это преобразование сообщения на исходном языке в сообщение на языке перевода*» [2]. Р.К. Миньяр-Белоручев понимает перевод как «*вид речевой деятельности, удваивающий компоненты коммуникации, целью которого является передача сообщения в тех случаях, когда коды, которыми пользуются источник и получатель, не совпадают*» [4]. По мнению Латышева Л.К. перевод – это «*вид языкового посредничества, общественное предназначение которого заключается в том, чтобы в максимально возможной мере приблизить опосредованную двуязычную коммуникацию по полноте, эффективности и естественности общения к обычной одноязычной коммуникации*» [3]. М.П. Брандес и В.И. Провоторов определили перевод как «*вид языкового посредничества, при котором содержание иноязычного текста оригинала передается на другой язык путем создания на этом языке коммуникативно равноценного текста*» [1].

Таким образом, обобщим данные выше определения, можно сказать, что перевод представляет собой предмет лингвистической переводческой теории, он является межъязыковой трансформацией текста оригинала с использованием определенных переводческих способов во время процесса перевода. Исходный текст преобразуется переводчиком в новый переводной текст, который эквивалентен исходному тексту.

Методы исследования. Главная цель перевода - достижение адекватности. Адекватный, или, как его еще называют, эквивалентный перевод - это, прежде всего, такой перевод, которой осуществляется на уровне, необходимом и достаточном для передачи неизменного плана содержания при соблюдении соответствующего плана выражения, т.е. норм переводящего языка.

Основное требование к переводу - максимально возможная степень его эквивалентности оригиналу как в плане семантико-структурного подобия, так и в плане потенциального воздействия на адресата. В первой квалификации выделяют:

- художественный перевод, цель которого заключается в воспроизведении художественного образа и оказании на читателя перевода такого же эстетического и эмоционального воздействия, какое оказывает исходный текст;
- информационный (специальный), который призван сообщать сведения научного,

делового, общеполитического и бытового характера.

В психолингвистической классификации выделяют письменный перевод, который подразделяется на а) полный письменный перевод, б) реферативный перевод, в) аннотационный перевод.

Выполняя перевод, переводчик прежде всего должен определить способ перевода. В зависимости от коммуникативного задания выделяют ***полный*** или ***сокращённый*** перевод.

Обсуждения. К ***сокращённому переводу*** можно прибегнуть при работе с любыми типами текстов. Существует два способа сокращённого перевода: выборочный, когда переводчик выбирает ключевые, на его взгляд, единицы исходного текста и переводит их полностью; и ***функциональный перевод***, суть которого заключается «*заключается в компоновании переводного текста из функционально преобразованных единиц исходного текста. Функциональное преобразование может основываться на лексико-семантических, грамматических, и стилистических трансформациях исходного текста, примененных в целях его общего сокращения или упрощения*» [5].

Анализ литературы по статье .Основной целью ***полного перевода*** «*является тщательное воспроизведение всех компонентов информационной упорядоченности исходного текста в единицах переводящего языка*» [6]. К основным способам полного перевода относятся буквальный перевод, семантический перевод и коммуникативный перевод**.**

Буквальный перевод используется в основном в научной сфере. Он заключается в «пословном воспроизведении исходного текста в единицах переводящего языка» [7].

Семантический перевод – *более полная подача контекстуального значения элементов исходного текста в единицах переводящего языка*» [8]. К семантическому переводу прибегают, когда хотят перевести тексты, имеющие высокий социальный статус (например, исторические документы, уникальные образцы эпоса и пр.)

Коммуникативным переводом называют полный литературный перевод текстов, имеющих социально-культурную значимость, предназначенных для массового читателя, например, стихи.

В реальном переводческом процессе при переводе сложных текстов применяют различные способы перевода, однако один из них всегда является ведущим и определяет характер отношений между исходным и переводным текстом.

Результаты. Рассмотрим на примерах некоторые способы перевода.

а) Перевод с помощью эквивалента, когда слова или словосочетания исходного языка имеют полное соответствие в переводящем языке.

Русский язык	**Узбекский язык**	**Пояснение**
«- Что это? - спросил я у подошедшего ко мне старика в плисовом жилете, **синих** чулках и башмаках с пряжками». [И.С. Тургенев: 1961, 15]	«- Bu nima? — deb so‘radim men yonimga kelgan, baxmal jilet kiygan, **ko‘k** paypoqlari va to‘g‘nog‘ichli etiklari bilan qadimiy libosdagi muhtaram cholni».	Синий- ko‘k, полный эквивалент

б) Использование функционального аналога. В этом случае языковая единица исходного языка передается такой единицей ПЯ, которая вызывает сходную реакцию у зарубежного читателя.

Русский язык	Узбекский язык	Пояснение
«Было что-то свое, особенное, в складе ее **смугловатого**, круглого лица, с небольшим тонким носом, почти детскими щечками и **черными, светлыми** глазами». [И.С. Тургенев: 1961, 18]	«Uning **qo‘ng‘ir**, yumaloq yuzida, mayda ingichka burni, deyarli bolajonak yonoqlari va qora, yorug‘ ko‘zlari bilan o‘ziga xos, g‘ayrioddiy narsa bor edi».	Смугловатое лицо → qo‘ng‘ir yuz – слово «qo‘ng‘ir» передаёт оттенок смуглой кожи, нобез уменьшительного оттенка «-оватый». Чёрные, светлые глаза → qora, yorug‘ ko‘zlar – «yorug» (букв. «светлые, яркие») может означать блеск или живость взгляда.

в) Описательный перевод - способ перевода, использующийся в тех случаях, когда не существует никакой другой возможности передачи языковой единицы вследствие отсутствия эквивалентов и аналогов в ПЯ. Описательный перевод заключается в передаче значения иностранного слова при помощи более-менее распространенного объяснения.

Русский язык	Узбекский язык	Пояснение
«Петух на высокой готической колокольне блестел **бледным золотом**; таким же золотом переливались струйки по черному глянцу речки». [И.С. Тургенев: 1961, 14]	«Baland gotik qo‘ng‘iroqxonada xo‘roz **oppoq oltin rangda** porlardi; xuddi shunday oltin chiziqlar qora jilolanayotgan daryochaning usti bo‘ylab oqib ketardi».	блестел бледным золотом → oppoq oltin rangda porlardi - oppoq здесь передаёт оттенок «бледного» (букв. «белесый»)

г) Транслитерация - формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка, буквенная имитация формы исходного слова.

д) Переводческая транскрипция - это формальное пофонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова.

При анализе перевода выбранных нами из оригинала произведений И.С. Тургенева имён прилагательных, обозначающих цвет, не было найдено ни одного примера, иллюстрирующего транскрипцию и транслитерацию.

е) Калькирование. Наряду с переводческой транслитерацией иногда применяется калькирование - воспроизведение не звукового, а комбинаторного состава слова или словосочетания (иными словами перевод по частям слова или словосочетания), когда составные части слова (морфемы) или части фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами переводящего языка.

Краткое содержание. В отличие от транскрипции, калькирование не всегда бывает простой механической операцией перенесения исходной формы в переводящий язык; зачастую приходится прибегать к некоторым трансформациям. В первую очередь это касается изменения падежных форм, количества слов в словосочетании, аффиксов, порядка слов, морфологического или синтаксического статуса слов и т.п.

Новое слово или словосочетание, придуманное переводчиком и позволяющее передать смысловое содержание языковой единицы. От калькирования данный способ отличается отсутствием этимологической связи с оригинальным словом.

Помимо этого переводчикам часто приходится прибегать к различным лексико-грамматическим трансформациям единиц ИЯ. В переводоведении принято различать **семь видов лексических трансформаций:**

Дифференциация значений - это передача значения широкого абстрактного понятия ИЯ без его полного уточнения;

Генерализация значения

Генерализация (процесс, обратный конкретизации) исходного значения имеет место в тех случаях, когда мера информационной упорядоченности исходной единицы выше меры упорядоченности соответствующей ей по смыслу единицы в переводящем языке и заключается в замене частного общим, видового понятия родовым .

Русский язык	Узбекский язык	Пояснение
«Майданов декламировал нам отрывки из поэмы своей "Убийца"(дело роисходило в самом разгаре романтизма), которую он намеревался издать в **черной** обертке с заглавными буквами **кровавого** цвета». [И.С. Тургенев: 1961, 67]	«Maydanov bizga o‘zining "Qotil" dostoni parchasini o‘qib berdi (bu romantizmning eng qizg‘in paytida bo‘lgan hodisa), u she’rni **qora** muqova bilan, bosh harflari qon **qizil** chop etmoqchi edi».	Черный - qora, это эквивалент. Кровавый- qizil, красный. Это генерализация.

Контекстуальный перевод - «замена словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним». В данном случае переводчик обращает внимание на соответствия, которые слово может иметь в контексте в отличие от его значений, приведенных в словаре. Содержание слова передается, таким образом, при помощи трансформированного соответствующим образом контекста, причем важную роль играет и передача коннотативного значения языковой единицы;

Антонимический перевод - замена какого-либо понятия, выраженного в подлиннике, прямо противоположным понятием в переводе с соответствующей перестройкой контекста;

Целостное преобразование – преобразование «внутренней формы отрезка речевой цепи, причем преобразование не по элементам, целостное» ;

Компенсация. Сущность приема заключается в том, что, допустив некоторые потери при передаче определенного образа, переводчик восполняет их, создавая другой образ такой же стилистической направленности. К приему компенсации следует прибегать только тогда, когда другие способы передачи стилистических особенностей оригинала невозможны.

Список использованной литературы

1.Брандес, М. П. Предпереводческий анализ текста : учебное пособие / М. П. Брандес, В. И. Провоторов. – 3-е изд., стереотип. – Москва : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 224 с.
2.Казакова Т.А. Использование инновационных технологий дистанционного обучения в вузе.
3.Латышев Л. К., Провоторов В. И. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе. — М., 2001.
4.Миньяр-Белоручев Р.К. Методика обучения переводу на слух. М.: Изд. Института Международных отношений, 1959. 190 с
5.Тургенев И.С. Дворянское гнездо. — М.: АСТ, 2017.Turgenev I.S. "Otalar va bolalar" (узбекский перевод). — Тошкент: Yangi asr avlodi, 2019.
6.Тургенев И.С. Дворянское гнездо. — М.: АСТ, 2017.Turgenev I.S. "Otalar va bolalar" (узбекский перевод). — Тошкент: Yangi asr avlodi, 2019.
7. 4. Тургенев И.С. Рудин // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1987 - 1990. Т. 5. С. 197 - 325.
8.Хамидова З. Художественный перевод и проблема передачи цветообозначений. — Ташкент: Университет, 2015.

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ПЕРЕВОДОВ: КРИТЕРИИ И МЕТОДЫ
(на материале переводов узбекской поэзии на русский язык)

Суюнова Анора Абдулатиф кизи
магистрант 2-го курса специальности «Русский язык и литература»
Шахрисабзский государственный педагогический институт
Узбекистан
Научный руководитель: Буранова Ж.А

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические основы и критерии экспертной оценки переводов. Особое внимание уделено поэтическому переводу как наиболее сложному виду переводческой деятельности. Определены основные параметры экспертизы: семантическая эквивалентность, стилистическая адекватность, сохранение образной системы, ритмико-интонационная организация и национально-культурная специфика. Предложена многоуровневая модель оценки, применимая к переводам узбекской поэзии на русский язык.*

Ключевые слова: *экспертная оценка перевода, художественный перевод, поэтический перевод, эквивалентность, адекватность, образность, узбекская поэзия.*

Annotatsiya. *Maqolada tarjimalarni ekspert baholashning nazariy asoslari va mezonlari yoritilgan. She'riy tarjima eng murakkab tarjima turi sifatida alohida tahlil qilinadi. Semantik ekvivalentlik, uslubiy adekvatlik, obrazlar tizimining saqlanishi, ritmik-ohangdorlik va milliy-madaniy xususiyatlar ekspertiza parametrlari sifatida belgilangan. O'zbek she'riyatining rus tiliga tarjimalarini baholashga mo'ljallangan ko'p bosqichli model taklif etiladi.*

Kalit so'zlar: *tarjimaning ekspert baholashi, badiiy tarjima, she'riy tarjima, ekvivalentlik, adekvatlik, obrazlilik, o'zbek she'riyati.*

Abstract. *The article examines the theoretical foundations and criteria of expert translation assessment, focusing on poetic translation as the most complex type of translation activity. The main parameters of expert evaluation are identified: semantic equivalence, stylistic adequacy, preservation of the imagery system, rhythmic and intonational organization, and national-cultural specificity. A multi-level assessment model applicable to Russian translations of Uzbek poetry is proposed.*

Keywords: *expert translation assessment, literary translation, poetic translation, equivalence, adequacy, imagery, Uzbek poetry.*

Введение. Экспертная оценка перевода – одна из центральных проблем современной переводоведческой науки. С ростом числа переводов возрастает потребность в объективных, проверяемых критериях, позволяющих отличить адекватный перевод от вольного пересказа или буквального копирования формы оригинала. Особенно остро эта проблема стоит в области поэтического перевода, где значимо не только содержание, но и звучание, ритм, образность и культурные коды [1].

Для узбекско-русской переводческой традиции вопрос приобретает особую актуальность: русский язык долгое время служил основным посредником, через который узбекская поэзия становилась известна мировому читателю [2]. Качество этих переводов определяет, какой образ национальной литературы формируется у иноязычной аудитории. Переводы, выполненные несколько десятилетий назад, нередко переиздаются и цитируются без критического осмысления, тогда как требования к точности передачи образной системы и национального колорита за это время изменились.

Проблема осложняется тем, что оценка поэтического перевода традиционно строится на субъективных впечатлениях рецензента: перевод признается «удачным» или «неудачным» без четкого указания, по каким параметрам и в какой мере. Отсутствие единой процедуры затрудняет сопоставление разных переводов одного произведения и обоснованный выбор лучшего варианта для публикации или учебного использования.

Цель исследования – систематизировать критерии экспертной оценки переводов и обосновать модель их применения к поэтическим текстам. **Задачи:** 1) рассмотреть понятия эквивалентности и адекватности; 2) выделить уровни анализа переводного текста; 3) определить типичные переводческие трудности при переводе с узбекского на русский; 4) описать типичные ошибки и переводческие трансформации;

5) предложить многоуровневую модель оценки с критериями и процедурой её применения.

В работе использованы описательный и сопоставительный методы, сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и перевода, а также метод экспертных оценок, предполагающий последовательное сопоставление текстов по заданным параметрам. Материалом для рассмотрения послужили общие закономерности перевода узбекской классической и современной поэзии на русский язык. Теоретической основой стали положения современного переводоведения о типах эквивалентности и переводческих трансформациях.

Основная часть. 1. Понятие и задачи экспертной оценки перевода

Экспертная оценка перевода — это упорядоченная процедура сопоставления переводного текста с оригиналом по заранее определенным параметрам, завершающаяся обоснованным заключением о качестве перевода. От литературной критики и рецензирования она отличается большей формализованностью: эксперт не ограничивается общим впечатлением, а фиксирует конкретные расхождения, определяет их характер и оценивает степень влияния на целостность текста [3].

Основные задачи экспертизы: 1) установить, насколько полно и точно передано содержание оригинала; 2) определить, сохранены ли художественно-эстетические качества произведения; 3) выявить переводческие ошибки и отделить их от оправданных трансформаций; 4) сформулировать рекомендации по доработке перевода. Важно, что эксперт оценивает не только «потери», но и творческие находки переводчика, поскольку в поэтическом переводе компенсация утраченного на одном уровне приобретением на другом является нормальным и часто необходимым приемом.

2. Эквивалентность и адекватность как основа оценки

В переводоведении принято различать эквивалентность (степень близости перевода к оригиналу на разных языковых уровнях) и адекватность (соответствие перевода его назначению, жанру и условиям коммуникации). Для эксперта это принципиальное различие: перевод может быть формально эквивалентен, но неадекватен, если искажает стиль и эмоциональный строй произведения [4].

Классические подходы к эквивалентности связаны с именами Ю. Найды, различавшего формальную и динамическую эквивалентность [5]., В. Н. Комиссарова, выделившего уровни эквивалентности от передачи цели коммуникации до сохранения значений языковых знаков[6], а также Я. И. Рецкера, описавшего закономерные соответствия и переводческие трансформации [7]. В поэтическом переводе принцип максимальной формальной близости часто вступает в противоречие с требованием сохранить эстетическое воздействие: дословная передача стихотворной строки нередко разрушает ритм и образ. Поэтому для художественного перевода ведущим критерием выступает адекватность, понимаемая как сохранение художественного эффекта оригинала при допустимых отступлениях от его буквальной формы[8].

3. Уровни экспертного анализа

Экспертизу переводного текста целесообразно проводить поэтапно:

1. **Смысловой уровень** — полнота и точность передачи содержания, отсутствие смысловых искажений, пропусков и необоснованных добавлений.

2. **Лексико-стилистический уровень** — подбор лексики, сохранение регистра, передача метафор, эпитетов, сравнений.

3. **Образный уровень** — сохранение системы образов оригинала. Образное мышление переводчика выступает здесь как условие воссоздания художественной картины мира [9,10].

4. **Формальный уровень** — ритм, рифма, строфика, интонация. В узбекской поэзии это, в частности, аруз, бармак и их современные видоизменения, которые не имеют прямых аналогов в русской силлабо-тонике [11].

5. **Национально-культурный уровень** — реалии, фразеологизмы, имена собственные, культурные ассоциации.

Уровни не изолированы друг от друга: смысловая точность может быть принесена в жертву ритму, а образная верность — рифме. Задача эксперта состоит в том, чтобы определить, оправдана ли каждая такая жертва художественным замыслом и не приводит ли она к обеднению текста в целом [12].

4. Специфика перевода узбекской поэзии на русский язык

4.1. Реалии и культурно-маркированная лексика. Узбекская поэзия насыщена мифологическими, религиозными и бытовыми образами, не имеющими готовых соответствий в русском языке [13]. Выбор между транслитерацией, калькой, описательным переводом и приблизительным аналогом должен быть обоснован: транслитерация сохраняет колорит, но может быть непонятна читателю, описание понятно, но разрушает ритм и лаконичность строки. Эксперт оценивает не сам выбранный прием, а его соответствие жанру, адресату и общему тону произведения.

4.2. Ономастика. Имена собственные в поэзии часто несут символическую нагрузку. Имена легендарных влюбленных, исторических личностей, названия городов и местностей воспринимаются носителем языка оригинала как носители готовых смыслов и ассоциаций [14]. Для русского читателя эти ассоциации могут отсутствовать, поэтому утрата или замена имени без компенсации обедняет текст. Экспертная оценка должна фиксировать, сохранено ли имя, как оно передано (транскрипция, адаптация, замена нарицательным словом) и компенсирован ли его символический смысл контекстом.

4.3. Формальная организация стиха. Классическая узбекская поэзия опирается на аруз — систему, основанную на чередовании долгих и кратких слогов, а также на устойчивые жанровые формы, такие как газель с обязательной системой рифм и повторяющимся рефреном-редифом. Народная и значительная часть новой поэзии использует бармак — силлабический стих с равным числом слогов в строке и цезурой. Русское стихосложение, напротив, основано на силлабо-тоническом принципе, в котором значима позиция ударных слогов [15]. Прямой передачи аруза средствами русской силлабо-тоники не существует, поэтому переводчик вынужден выбирать стихотворный размер, который воспроизводит общее музыкальное впечатление. Редиф и сложная система рифмовки в переводе нередко упрощаются или исчезают, что эксперт должен фиксировать как потерю на формальном уровне и оценивать степень ее компенсации.

4.4. Различия в строе языков. Агглютинативность узбекского языка и флективность русского приводят к изменению синтаксической организации и плотности высказывания [16]. Одно слово оригинала с рядом аффиксов может потребовать целого словосочетания в переводе, что увеличивает длину строки. Особую проблему создает отсутствие в узбекском языке категории грамматического рода: местоимение третьего лица не указывает на пол, и в лирике это позволяет сохранять неопределенность адресата. Русский язык вынуждает переводчика определять род в формах прошедшего времени, прилагательных и местоимениях, из-за чего поэтическая многозначность может быть невольно снята.

4.5. Образная система. Восточная поэтическая символика (сад, соловей, роза, вино, путь и др.) образует устойчивый код, понятный читателю, знакомому с традицией [11]. Переводчик, не владеющий этим контекстом, рискует превратить символ в бытовую картинку: например, образ соловья и розы может быть прочитан русским читателем как простое описание природы, а не как условное обозначение влюбленного и возлюбленной. Поэтому экспертиза образного уровня включает проверку знания переводчиком традиционной символики и умения передать ее без утраты многослойности.

5. Типичные ошибки и переводческие трансформации

Для обоснованной оценки эксперту необходимо различать ошибки и допустимые трансформации. К ошибкам, как правило, относят:

- смысловые искажения и пропуски, меняющие содержание строки или строфы;
- необоснованные добавления, привносящие образы и смыслы, которых нет в оригинале;
- стилистическое снижение или повышение регистра (разговорная лексика на месте высокой и наоборот);
- подмену культурно-специфичного образа нейтральным или чуждым оригиналу;
- нарушение ритмической и интонационной организации без художественного оправдания;
- ложное прочтение реалий и имен собственных.

К допустимым и часто необходимым трансформациям относятся перестановки, замены, добавления и опущения, если они обусловлены различиями языковых систем или нормами стихотворной речи и не нарушают художественного замысла. Критерием оправданности трансформации служит ее функциональная необходимость: если отступление помогает сохранить образ, ритм или эмоциональный тон, оно рассматривается как удачное решение, а не как ошибка [1]. Отдельное внимание уделяется приему компенсации, когда утраченный в одном месте художественный эффект восполняется в другом месте текст [2].

6. Многоуровневая модель оценки

Предлагается оценивать каждый параметр по шкале от 0 до 3 баллов с обязательным письменным обоснованием. Такая процедура снижает субъективность и позволяет выявить, на каком уровне перевод теряет адекватность: смысловом,

образном или формальном. Привлечение нескольких независимых экспертов и сопоставление их оценок повышает надежность результата. Параметры и критерии оценки представлены в таблице 1.

Таблица 1

Параметры и критерии экспертной оценки поэтического перевода

Параметр	Что оценивается	Баллы
Смысловой	Полнота и точность содержания; отсутствие искажений, пропусков и необоснованных добавлений	0–3
Лексико-стилистический	Подбор лексики, сохранение регистра, передача метафор, эпитетов и сравнений	0–3
Образный	Сохранение системы образов и традиционной символики оригинала	0–3
Формальный	Ритм, рифма, строфика, интонация; компенсация утраченных форм (аруз, редиф)	0–3
Национально-культурный	Передача реалий, ономастики, фразеологизмов и культурных ассоциаций	0–3

Примечание: шкала баллов — 0 (параметр не соблюден), 1 (соблюден частично, с существенными потерями), 2 (соблюден в основном), 3 (соблюден полностью). Составлено автором.

Процедура экспертизы включает следующие этапы: 1) предварительный анализ оригинала (жанр, тема, образная система, формальные особенности, культурный контекст); 2) построчное сопоставление оригинала и перевода с фиксацией расхождений; 3) классификация расхождений по уровням и определение их характера (ошибка, оправданная трансформация, компенсация); 4) выставление баллов по каждому параметру с письменным обоснованием; 5) формулирование общего заключения и рекомендаций. Итоговое заключение должно содержать не только суммарную оценку, но и описание сильных и слабых сторон перевода, что делает его полезным как для переводчика, так и для редактора и читателя.

Для сопоставления нескольких переводов одного стихотворения оценки по каждому параметру могут быть сведены в профиль, показывающий, в чем именно один перевод превосходит другой. Это важно, поскольку перевод, сильный в образном плане, может уступать в ритмическом, и выбор лучшего варианта зависит от назначения издания: научного, учебного или массового.

Заключение. Экспертная оценка перевода должна быть комплексной: она не сводится к поиску ошибок, а включает анализ того, как переводчик решает компромисс между точностью, образностью и формой. Для поэтических переводов с узбекского языка на русский особенно важны образный и национально-культурный уровни, поскольку именно здесь происходят наиболее значимые потери, связанные с различиями поэтических традиций, символики и стихосложения.

Предложенная многоуровневая модель, основанная на пяти параметрах и четырехбалльной шкале с обязательным обоснованием, позволяет сделать оценку более прозрачной и воспроизводимой. Она может быть использована как в научном анализе, так и в практике рецензирования переводов, а также в подготовке будущих переводчиков. Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется апробация модели на конкретных переводах узбекской классической и современной поэзии и сопоставление оценок независимых экспертов.

Список использованной литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980.
3. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. – М.: Наука, 1984.
4. Гачечиладзе Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. – М.: Советский писатель, 1980.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990.
6. Левый И. Искусство перевода. – М.: Прогресс, 1974.
7. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. – Л.: Просвещение, 1972.
8. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. – М.: Международные отношения, 1974.
9. Саломов Ғ. Таржима назарияси асослари. – Тошкент: Ўқитувчи, 1983.
10. Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. – Л.: Учпедгиз, 1959.
11. Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. – М.: Наследие, 2000.
12. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – М.: Высшая школа, 1983.
13. Худойбердиева А. Х. Теоретические основы формирования образно-креативного мышления у школьников //dǩZ dSmSe [hS^ ïSca YfcS^. – С. 12.
14. Худойбердиева А. Х. Развитие творческого мышления у школьников начальных классов в инновационной образовательной среде // Язык как фактор интеграции образовательных …, 2024.
15. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988.
16. Nida E. A. Toward a Science of Translating. – Leiden: Brill, 1964.

4- SHU'BA

ADABIY JARAYONNING INNOVATSION TALQINLARI
ИННОВАЦИОННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА
INNOVATIVE INTERPRETATIONS OF THE LITERARY PROCESS

JADID ADABIYOTIDA MILLIY UYG'ONISH G'OYASI VA BADIIY TAFAKKUR EVOLYUTSIYASI

Ernazarova Gulnoza Hamroyevna
Qarshi davlat universiteti
Yangi o'zbek adabiyoti va adabiyot nazariyasi
kafedrasi mudiri, filologiya fanlari doktori (DSc),
professor, Qarshi, O'zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada jadid adabiyotida milliy uyg'onish g'oyasining badiiy talqini va shu davr badiiy tafakkurining tadrijiy rivoji tahlil qilinadi. Ma'rifat, ona tili, millat va vatan tushunchalari jadid adabiyotining g'oyaviy o'zagi sifatida ko'rib chiqiladi. Badiiy tafakkur evolyutsiyasida uch bosqich ajratiladi: ma'rifatparvar-didaktik, romantik-ramziy va realistik-psixologik. Har bir bosqichda janrlar tizimi, qahramon konsepsiyasi va badiiy ifoda vositalarining yangilanishi M. Behbudiy, A. Avloniy, Fitrat, Cho'lpon va A. Qodiriy asarlari misolida ko'rsatib beriladi.*

Kalit so'zlar: *jadid adabiyoti, milliy uyg'onish, ma'rifatparvarlik, badiiy tafakkur, evolyutsiya, drama, roman, ramziylik.*

Аннотация. *В статье анализируется художественная интерпретация идеи национального пробуждения в джадидской литературе и эволюция художественного мышления этого периода. Просвещение, родной язык, нация и родина рассматриваются как идейное ядро джадидской литературы. В эволюции художественного мышления выделены три этапа: просветительско-дидактический, романтико-символический и реалистически-психологический. На примере произведений М. Бехбуди, А. Авлони, Фитрата, Чолпана и А. Кадыри показано обновление системы жанров, концепции героя и средств художественной выразительности на каждом этапе.*

Ключевые слова: *джадидская литература, национальное пробуждение, просветительство, художественное мышление, эволюция, драма, роман, символизм.*

Abstract. *The paper analyses the artistic interpretation of the idea of national awakening in Jadid literature and the evolution of literary thought in that period. Enlightenment, the native language, the nation and the homeland are examined as the ideological core of Jadid literature. Three stages in the evolution of literary thought are identified: enlightenment-didactic, romantic-symbolic, and realist-psychological. Drawing on*

works by M. Behbudiy, A. Avloniy, Fitrat, Cho‘lpon and A. Qodiriy, the paper traces how the genre system, the conception of the hero and the means of artistic expression were renewed at each stage.

Keywords: *Jadid literature, national awakening, enlightenment, literary thought, evolution, drama, novel, symbolism.*

XIX asr oxiri – XX asr boshlarida Turkistonda shakllangan jadidchilik harakati o‘zbek xalqi tarixida ijtimoiy, madaniy va ma’naviy yangilanishning burilish nuqtasi bo‘ldi. Jadidlar millat qoloqligining asosiy sababini jaholatda ko‘rdilar. Undan chiqish yo‘lini esa yangi usul maktablari, milliy matbuot, teatr va yangi adabiyotda izladilar [5; 9]. Bu harakatda adabiyot shunchaki estetik hodisa emas, balki jamiyatni uyg‘otish quroli vazifasini bajardi.

Mustaqillik yillarida jadidlar merosi qayta kashf etildi: ularning asarlari nashr qilindi, ilmiy tadqiqotlar ko‘lami sezilarli darajada kengaydi [6]. So‘nggi yillarda bu merosga davlat va jamiyat miqyosidagi e’tibor yanada kuchaydi. Shunga qaramay, milliy uyg‘onish g‘oyasi bilan badiiy shakl o‘rtasidagi munosabat masalasi hali to‘liq yoritilgan emas. Boshqacha aytganda, g‘oya badiiy tafakkurni qanday o‘zgartirgani va adabiyotning ichki tadriji qanday kechgani alohida tadqiqotni talab qiladi.

Jadid adabiyotida milliy uyg‘onish g‘oyasi to‘rt tayanch tushuncha - ma’rifat, til, millat va vatan atrofida shakllandi. Ular bir-biridan ajralgan holda emas, balki yaxlit dastur sifatida namoyon bo‘ldi.

Ma’rifat. Jadidlar uchun ma’rifat millatni qutqarishning birinchi va asosiy sharti edi. Munavvarqori Abdurashidxonov, Abdulla Avloniy va boshqa ma’rifatparvarlar ochgan usuli jadid maktablari savodxonlikni tez o‘rgatish bilan birga dunyoviy fanlarni ham o‘qitishga yo‘naltirilgan edi. Avloniy «Turkiy Guliston yoxud axloq» (1913) asarida bu masalani hayot-mamot darajasiga ko‘taradi: «Tarbiya biz uchun yo hayot – yo mamot, yo najot – yo halokat, yo saodat – yo falokat masalasidur». Shu tariqa tarbiya va ma’rifat badiiy-publitsistik matnda millat taqdiri bilan bevosita bog‘lanadi.

Til. Ona tilining mavqei va boshqa tillarni egallash zarurati jadidlar diqqat markazida turdi. Mahmudxo‘ja Behbudiy «Oyina» jurnalida (1913) e’lon qilingan «Ikki emas, to‘rt til lozim» maqolasida turkiy, fors, arab va rus tillarini bilish millat taraqqiyoti uchun shart ekanini asoslab bergan [1]. Fitrat esa 1918 yilda tashkil etilgan «Chig‘atoy gurungi» jamiyati orqali milliy til va adabiyotni tadqiq etish hamda isloh qilish ishiga rahbarlik qildi [3].

Millat. Millat tushunchasi jadid adabiyotida tanqidiy nigoh orqali shakllandi. Fitratning «Munozara» (1909) va «Hind sayyohi bayonoti» asarlarida Buxoro hayoti chetdan kelgan kuzatuvchi – firangi yoki hind sayyohi ko‘zi bilan baholanadi [3]. Bu usul muallifga ichki muammolarni ochiq aytish imkonini berdi. Natijada millat «o‘zini o‘zi anglashi» kerak bo‘lgan sub’ekt sifatida talqin qilina boshladi.

Vatan. Vatan obrazi dastlab ma’rifiy-publitsistik ruhda, keyinchalik esa chuqur lirik kechinma sifatida gavdalandi. Ayniqsa, Cho‘lpon lirikasida vatan qayg‘usi va ozodlik orzusi uyg‘unlashib, shaxsiy dard bilan millat dardi yaxlit badiiy tuyg‘uga aylandi [2; 8].

Bu g‘oyalarni targ‘ib qilishda matbuot va teatr muhim rol o‘ynadi. Behbudiy teatrni «ibratxona» deb atadi. Uning «Padarkush» dramasi (1911 yilda yozilgan, 1913 yilda nashr etilgan) 1914 yilda Samarqand va Toshkentda sahnalashtirilib, milliy teatrning boshlanishiga asos bo‘ldi [7].

Milliy uyg‘onish g‘oyasi o‘zgarmas qolipda emas, balki badiiy tafakkurning yangilanishi bilan birga rivojlandi. Tahlil asosida jadid adabiyotida uch bosqichni ajratish mumkin (1-jadval).

1-jadval. Jadid adabiyotida badiiy tafakkur evolyutsiyasi bosqichlari

Bosqich	Yetakchi janrlar	Qahramon konsepsiyasi	Asosiy asarlar
Ma’rifatparvar-didaktik (taxminan 1905–1917)	publitsistik maqola, didaktik drama, axloqiy-ta’limiy asar	ma’rifatli va jaholatli qahramonlar qarama-qarshiligi	Behbudiy «Padarkush», Avloniy «Turkiy Guliston yoxud axloq», Hamza «Yangi saodat»
Romantik-ramziy (1917 – 1920-yillar o‘rtalari)	lirika, tarixiy drama	ozodlikka intiluvchi lirik «men», isyonkor shaxs	Cho‘lpon «Uyg‘onish», «Buloqlar», «Tong sirlari»; Fitrat «Abulfayzxon»
Realistik-psixologik (1920-yillar – 1930-yillar)	roman	ichki dunyosi murakkab, tarix va zamon kesishmasidagi shaxs	Qodiriy «O‘tgan kunlar», «Mehrobdan chayon»; Cho‘lpon «Kecha va kunduz»

Birinchi bosqichda g‘oya badiiylikdan ustun turadi. «Padarkush» dramasida jaholat va ma’rifat to‘qnashuvi ochiq ko‘rsatiladi: o‘qimagan boy o‘g‘lining fojiasi butun millat uchun ogohlantiruvchi ibrat sifatida taqdim etiladi. Muallif nuqtai nazarini bevosita ifodalovchi qahramon – Ziyoli nasihat ohangida so‘zlaydi. Bu davr adabiyoti uchun publitsistika va badiiy matn o‘rtasidagi chegaraning shartliligi xosdir [6; 7].

Ikkinchi bosqichda nasihat o‘rnini ramz va timsol egallaydi. She’riyatda aruzdan barmoq vazniga o‘tish jarayoni faollashadi. Cho‘lpon lirikasida tong, kecha, bahor kabi obrazlar ijtimoiy-siyosiy ma’no kasb etib, uyg‘onish g‘oyasini bevosita aytmasdan, his-tuyg‘u orqali yetkazadi [2; 8]. Fitratning «Abulfayzxon» tarixiy fojiasi esa o‘zbek dramaturgiyasida tarixiy material orqali hokimiyat va axloq muammosini qo‘yishning yangi namunasini yaratdi [3].

Uchinchi bosqichda g‘oya qahramon ruhiyati va voqealar mantig‘i ichiga singadi. Abdulla Qodiriy «O‘tgan kunlar» romanining muqaddimasida yozadi: «Moziyga qaytib ish ko‘rish xayrlik, deydilar». Tarixga murojaat bu yerda zamonaga ko‘zgu tutish vositasidir: milliy parokandalik va ichki nizolar fojiasi kitobxonni bugungi kun haqida o‘ylashga undaydi [4]. Cho‘lponning «Kecha va kunduz» romanida esa ayol taqdiri orqali butun jamiyat ahvoli psixologik chuqurlik bilan ochib beriladi.

Shunday qilib, jadid adabiyotida badiiy tafakkur nasihatdan ramzga, ramzdan psixologik tahlilga qarab rivojlandi. Muallif ovozi asta-sekin qahramon ongi ichiga ko‘chdi,

g‘oya esa to‘g‘ridan-to‘g‘ri da’vatdan badiiy obraz va syujet mantig‘iga aylandi. Bu jarayon o‘zbek adabiyotining yangi davr adabiyoti sifatida shakllanishini belgilab berdi.

Jadid adabiyotida milliy uyg‘onish g‘oyasi ma’rifat, til, millat va vatan tushunchalarini birlashtirgan yaxlit ma’naviy dastur sifatida namoyon bo‘ldi. Bu g‘oya o‘zbek adabiyotining janrlar tizimini tubdan yangiladi: milliy drama va teatr, yangi she’riyat hamda roman janri aynan shu davrda shakllandi.

Badiiy tafakkur evolyutsiyasi ma’rifatparvar-didaktik, romantik-ramziy va realistik-psixologik bosqichlardan o‘tdi. Har bir bosqichda g‘oya bilan badiiy shakl o‘rtasidagi munosabat o‘zgardi: ochiq nasihatdan ramziy ifodaga, undan esa qahramon ruhiyatini chuqur tahlil qilishga o‘tildi. Jadidlar merosini ana shu tadrijiy rivoj nuqtai nazaridan o‘rganish o‘zbek adabiyotshunosligining dolzarb vazifalaridan biri bo‘lib qolmoqda. Tadqiqot natijalaridan oliy ta’limda «Milliy uyg‘onish davri o‘zbek adabiyoti» kursini o‘qitishda foydalanish mumkin.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Behbudiy M. Tanlangan asarlar. - Toshkent: Ma’naviyat, 1997.
2. Cho‘lpon. Asarlar: 3 jildlik. - Toshkent: G‘afur G‘ulom nomidagi Adabiyot va san’at nashriyoti, 1994–1995.
3. Fitrat A. Tanlangan asarlar: 5 jildlik. - Toshkent: Ma’naviyat, 2000–2010.
4. Normatov U. Qodiriy bog‘i. - Toshkent: Yozuvchi, 1995.
5. Qosimov B. Milliy uyg‘onish: jasorat, ma’rifat, fidoyilik. - Toshkent: Ma’naviyat, 2002.
6. Qosimov B., Yusupov Sh., Dolimov U., Rizayev Sh., Ahmedov S. Milliy uyg‘onish davri o‘zbek adabiyoti. - Toshkent: Ma’naviyat, 2004.
7. Rizayev Sh. Jadid dramasi. - Toshkent: Sharq, 1997.
8. Sharafiddinov O. Cho‘lponni anglash. - Toshkent: Yozuvchi, 1994.
9. Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. - Berkeley: University of California Press, 1998.

ФУНКЦИЯ ИЗУСТНОГО РАССКАЗА В ПРОЗЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ НАСТАСЬИ РЕНЬЖИНОЙ

Кучинский Андрей Юрьевич
старший преподаватель УзГУМЯ
Ташкент, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается специфика функционирования изустного рассказа как структурообразующего и смыслопорождающего элемента в прозе современного автора Настасьи Реньжиной. На материале анализа ее текстов (в частности, фрагментов произведений «Леший, верни моего отца», 2022 и «Последний паром Заболотья», 2026) исследуется, как устная нарративная традиция трансформируется, утрачивая фольклорную идилличность. Некоторое внимание уделяется механизмам перехода от устной речи к письменному тексту*

Ключевые слова: *Настасья Реньжина, современная русская проза, изустный рассказ, устная традиция, речевая характеристика, вербализация, амбивалентность.*

Annotatsiya. *Maqolada zamonaviy yozuvchi Nastasya Renjinaning nasrida og‘zaki hikoyaning tuzilish va ma’no hosil qiluvchi element sifatida ishlash xususiyatlari ko‘rib chiqiladi. Uning matnlarini tahlil qilish asosida (xususan, "Leshiy, otamni qaytarib ber", 2022 va "Zabolotye so‘nggi paromi", 2026 asarlarining parchalari) og‘zaki hikoya qilish an’anasi qanday o‘zgarib, folkloriy idilliklikni yo‘qotayotgani o‘rganiladi. Og‘zaki nutqdan yozma matnga o‘tish mexanizmlariga ma’lum darajada e’tibor qaratilgan.*

Kalit so'zlar: *Nastasya Renjina, zamonaviy rus nasri, og'zaki hikoya, og'zaki an'ana, nutq xususiyatlari, og'zaki nutq, ambivalentlik.*

Annotation. *The article examines the features of the oral story as a structure and meaning-forming element in the prose of the modern writer Nastasya Renjina. Based on the analysis of his texts (in particular, excerpts from the works "Leshiy, return my father", 2022 and "the last ferry of Zabolotye", 2026), it is studied how the tradition of oral storytelling is changing and losing folkloric idyllism. To some extent, attention is paid to the mechanisms of the transition from oral to written text.*

Keywords: *Nastasya Renjina, modern Russian prose, oral narrative, oral tradition, speech features, oral speech, ambivalence.*

Современная русская литература и возможно, даже шире – современный литературный процесс в целом характеризуются активным обращением писателей к архаическим формам повествования. Однако, в отличие от семантической слитности, нерасчленённости литературы постмодерна, где фольклорные жанры часто выступали объектом иронической деконструкции, в прозе русских писателей второго поколения XXI века, к которой можно отнести творчество Настасьи Реньжиной, изустный рассказ выполняет функцию уже не текста-стилизации, а инструмента глубокого психологического и бытийного изучения личности персонажей. «”Изустность” рассказа, вставной новеллы перестает быть маркером исключительно “этнографизма” и становится маркером пограничного состояния сознания» [2, с. 367-368]. В нашей статье мы пытаемся выявить механизмы и функции использования устного нарратива в текстах этой современной российской писательницы.

Традиционно изустный рассказ в русской литературе (от Н.С. Лескова до А. Ремизова) был связан с фигурой рассказчика, обладающего цельной, пусть и специфической, картиной мира. Можно утверждать, что в творчестве Настасьи Реньжиной происходит и воссоздание традиции передачи в художественном тексте изустного рассказа, и деконструкция «сказа». Это хорошо заметно в зачине одной из частей дебютной повести Н. Реньжиной «Леший, верни моего отца» (2022): «Реньжа – это сойка на местном диалекте. Правда, многие местные об этом не знают: слишком уж слово устарелое. А фамилия живет – Реньжины. Фактически то же, что и Сойкины. (…) По легенде какой-то мой пра-пра-прадед (не знаю, в какой степени “пра”) был дворовым крестьянином, служил при местном барине. У меня в роду вообще нет голубых кровей, так уж сложилось. Так вот. Барин этот очень хотел держать у себя во

дворе птиц, но соколов-ястребов в наших краях не так и много, а вот соек предостаточно. В итоге завел барин соек. Главным при сойках поставил прадеда моего. Соек сойками тогда не называли – только реньжами. И деда моего заодно Реньжой кликали, а от этого прозвища и фамилия пошла. (…) Каждому из Реньжиных фамилия очень подходит: все мы с виду обычные, но суетные, а только тронь, такой крик поднимем, мама не горюй, бабушка не плачь…» [3].

В прозе Настасьи Реньжиной устная речь возникает в разных ситуациях – как в ситуации бытового общения, так и в моменты предельного напряжения, когда вербализация становится единственным способом удержания образа пусть в субъективно окрашенной, но всё же в условной реальности, возникающей в пространстве изустного рассказа. В анализируемых фрагментах произведений «Леший, верни моего отца» (2022) и «Последний паром Заболотья» (2026) изустный рассказ (а в конкретном случае – отцовская сказка) выступает в качестве едва ли не одного из действующих лиц повествования: «Девочка очень любила сказки. Михаил уже столько их рассказал дочке, и всем известных, и самим выдуманных, на сотню книг хватило бы. Приносил всякие безделицы, что находил на улице, – необычный камешек, красивую шишку, странную деревяшку, вот как сейчас. Для каждой сочинял волшебную историю и на Аленкины вопросы нередко придумывал сказки»[4, с. 49].

У Н. Реньжиной изустный рассказ может выполнять функцию «экзистенциального якоря» (соотнесения рассказа с действительностью с большей степенью присутствия логичности в соотносимости с личным опытом именно в изустном рассказе («Говорил мне папа: “Не ходи, доча, в ельник, не верь глазам своим. Обманет-запутает-заплутает. Вместо белого гриба поганку подсунет. И ягоды в нем только волчьи. Не ходи, доча в ельник”» [3]). Так, например, герой, осознавая мистичность либо абсурдность происходящего, может прерывать молчание исключительно для подтверждения собственного бытия: «К паромной переправе Михаил шел пешком (…) Михаилу нравился этот путь – спокойный, тихий, слышен только птичий щебет. Если повезет, можно зайца спугнуть, смотреть ему вслед, свистнуть: “Эге-гей! Косой! Беги быстрей!”» [4, с. 93]. Речь в таком случае может и не нести информативной нагрузки, ее прагматическая цель в данном случае – суггестивная, направленная на создание определенного состояния, побуждения к какому-либо действию. Это роднит нарративную структуру Реньжиной с поэтикой литературы модернизма 1960-х – 1970-х годов, где коммуникативная функция речи уже распадается, но сам акт говорения сохраняет витальную (жизненную) функцию. Также нормативная устная реплика может стать и нередко становится защитным ритуалом против надвигающейся инфернальности, небытия.: «Я говорю тебе, не тронь мою сестру. Она ещё маленькая. Не тяни к ней свои мшистые лапы! Не смотри на нее своими угольками-глазами. Не разевай на нее свой черный рот, не выпускай из него на нее летучих мышей и воронов. Встану я между тобой и сестрой, заслоню от тебя, не пущу к тебе» [3].

Изустный рассказ в текстах Реньжиной принципиально диалогичен, однако эта диалогичность чаще всего носит не конструирующий наррацию характер, а скорее напротив, характер деструктивный. Речь героев распадается на короткие, рубленые реплики создают эффект психологической напряженности. Паромщик Михаил

рассказывает сказку дочери, но новые и новые вопросы девочки заставляют его не просто «корректировать» содержание своего рассказ, но и как можно скорее завершить свой рассказ, боясь разрушить душевное спокойствие ребенка: «– Что это? – повторила Алена.

– Частичка древнего корабля, – Михаил говорил полутоном, будто сказку сказывал. – На нем плавали славные путешественники (…) Это дороже жемчуга. В деревяшке этой вся удача славных путешественников.

– Отчего ж они тогда потонули? – удивилась девочка.

– Кто?

– Путешественники. Деревяшка со дна, значит, и весь корабль там.

– Дак корабль там, а путешественники остались живы, – выкрутился Михаил. – Спаслись.

– Все-все?

– Все-все спаслись до одного. Выплыли. Славные путешественники очень хорошо плавали.

– А что потом? – спросила Алена.

– А потом… – Михаил задумался. – Потом жили они долго, счастливо, богато. Построили себе новый корабль, а этот оставили на дне, чтобы их удача не досталась никому. Себе же забрали по крошечной деревяшке от него, вот такой, как у тебя, и до конца дней носили эти деревяшки с собой повсюду.

– Особенно в странствиях?

– Особенно в странствиях.» [4, с. 48-49].

Функция изустности в данном контексте – фиксация неизбежного распада хронотопа. Устная речь, по своей природе сиюминутная и привязанная к «здесь и сейчас», в прозе Реньжиной сталкивается с непреодолимым препятствием в виде неизбежности столкновения сказки с реальностью.

Необходимо сразу же отметить несколько важных особенностей прозы исследуемого автора. При всей сложности текстов этого писателя, Настатсья Реньжина воспринимается читателями прежде всего как автор бестселлеров; такие ее произведения, как повесть «Леший, верни моего отца», повесть «Бабушка сказала сидеть тихо» (2024), роман «Сгинь!» (2025) и даже рассматриваемый нами здесь роман «Последний паром Заболотья» рассматриваются в качестве образцов так называемого «фолк-хоррора», модного направления современной русской литературы (к фолк-хоррору относят, в частности такие разнородные произведения, как «Лес» С. Тюльбашевой, «Саспыга» К. Шаинян, «Последний день лета» А. Подшибякина).

«Фолк-хоррор» – особый поджанр литературы ужасов (также получивший распространение и в кинематографе), «использующий элементы фольклора, народных преданий и легенд для построения сюжета и передачи саспенса (состояния тревожного ожидания, беспокойства)» [5]. Сама писательница была чрезвычайно удивлена тем, что книжные обозреватели и так называемые «бук-блогеры» называют ее повесть «Бабушка сказала сидеть тихо» «фолк-хоррором»: ведь в книге не было ничего мистического или фольклорного: «Я когда впервые услышала, удивилась (…) Потенциальные читатели узнают, что это фолк-хоррор, в аннотации про домового написано, а в книге его нет. Не важно, какие смыслы я закладывала в (своё)

произведение, каким жанром я сама его позиционирую. То, что читатель прочёл – он прочёл, а я живу с этим, соглашаюсь или нет – уже не так важно» [2]. Необходимо отметить, что из трех книг Н. Реньжиной жанровым традициям фолк-хоррора соответствует только её третье изданное произведение, роман «Сгинь!» (2024), а «Леший, верни моего отца», «Бабушка сказала сидеть тихо» и «Последний паром Заболотья» только содержат в себе отдельные жанровые элементы этого яркого явления современной русской литературы.

Функция изустного рассказа в прозе Настасьи Реньжиной двойственна, амбивалентна. С одной стороны, он нередко выступает как архаическая попытка человека защититься от хаоса с помощью слова. С другой стороны, эта речь обнажает свою несостоятельность: она не способна ни изменить реальность, ни наладить подлинный контакт между героями.

В отличие от классического сказа, направленного на сохранение и передачу культурной памяти, изустный рассказ у Реньжиной фиксирует момент распада этой памяти и самого субъекта. Устная традиция в ее прозе лишается утешительной интонации и становится инструментом остранения и фиксации трагедии, где слово – своеобразный последний рубеж обороны перед абсолютным, немым молчанием инфернального мира.

Список использованной литературы

1. Бобылева Д. «Людям интересно, не маньяк ли я сама»: разговор Дарьи Бобылёвой с Настасьей Реньжиной. – М., «Смысловая 226», 2026. / https://media226.ru/senses/interview/111-ludam-interesno-ne-man-ak-li-a-sama-razgovor-dar-i-bobylevoj-s-nastas-ej-ren-zinoj-1

2. Лобин А. М. Утопический дискурс в российской фантастике рубежа XX–XXI веков. / Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX веков [Электронный ресурс]: колл. монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. – С. 367 – 392.

3. Реньжина Н. Леший, верни моего отца (Сборник рассказов) [Электронная публикация, номинант.]. М., Литературная премия «Лицей» им. А.С. Пушкина, 2022./ https://pushkinprize.ru/2022/06/08/настасья-реньжина/

4. Реньжина Н. Последний паром Заболотья. – М.: Эксмо, 2026. – 288 с.

5. Хорушевский И. Тьма внутри страшнее тьмы снаружи: семь русскоязычных книг, от которых по коже бегут мурашки. – М., «Правила жизни», 2024. / https://www.pravilamag.ru/letters/731593-tma-vnutri-strashnee-tmy-snaruji-7-russkoyazychnyh-knig-ot-kotoryh-po-koje-begut-murashki/?utm_source=cyclowiki.org&utm_medium=referral&utm_campaign=cyclowiki.org&utm_referrer=cyclowiki.org

ПОРТРЕТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АМИРА ТЕМУРА В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Пардаева Дилфуза Раимовна
д.ф.н. (DSc), доцент, заведующая
кафедрой русского языка и литературы
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье в сопоставительном аспекте рассматривается портретная характеристика Амира Темура в русской и узбекской литературе. Анализируются исторические источники, сформировавшие портрет (свидетельства Р.Г. де Клавихо, Ибн Арабшаха, Шарафуддина Али Йазди), древнерусская «Повесть о Темир-Аксаке», роман С.П. Бородина «Звёзды над Самаркандом» и произведения узбекской литературы периода независимости. Особое внимание уделено мотиву хромоты: в русской традиции он функционирует как знак-стигма, в узбекской переосмысляется как след боевого ранения. Показано, что русская литература тяготеет к внешнему, «наблюдаемому» портрету, а узбекская – к внутреннему и эпитетному. Это различие обусловлено позицией «чужого» и «своего» взгляда.*

Ключевые слова: *Амир Темур, портретная характеристика, сравнительное литературоведение, имагология, «свой / чужой», мотив хромоты, исторический роман.*

Annotatsiya. *Maqolada Amir Temurning rus va o‘zbek adabiyotidagi portret tavsifi qiyosiy jihatdan tahlil qilinadi. Portretning shakllanishiga asos bo‘lgan tarixiy manbalar (R.G. de Klavixo, Ibn Arabshoh, Sharafuddin Ali Yazdiy guvohliklari), qadimgi rus «Temir-Aksak haqida qissa»si, S.P. Borodinning «Samarqand uzra yulduzlar» romani hamda mustaqillik davri o‘zbek adabiyoti asarlari o‘rganiladi. Oqsoqlik motiviga alohida e’tibor qaratiladi: rus an’anasida u tamg‘a-belgi vazifasini bajarsa, o‘zbek adabiyotida jangda olingan jarohat izi sifatida qayta talqin etiladi. Rus adabiyoti tashqi, «kuzatiladigan» portretga, o‘zbek adabiyoti esa ichki va sifatlovchi (epitetli) portretga moyilligi ko‘rsatiladi. Bu farq «begona» va «o‘zimiz» nigohi pozitsiyasi bilan izohlanadi.*

Kalit so‘zlar: *Amir Temur, portret tavsifi, qiyosiy adabiyotshunoslik, imagologiya, «o‘zimiz / begona», oqsoqlik motivi, tarixiy roman.*

Abstract. *The paper offers a comparative study of the portrayal of Amir Temur (Tamerlane) in Russian and Uzbek literature. It examines the historical sources that shaped his portrait (the accounts of R.G. de Clavijo, Ibn Arabshah and Sharaf al-Din Ali Yazdi), the Old Russian “Tale of Temir-Aksak”, S.P. Borodin’s novel “Stars over Samarkand” and Uzbek literary works of the independence period. Particular attention is paid to the motif of lameness, which functions as a stigma in the Russian tradition and is reinterpreted in Uzbek literature as the trace of a battle wound. Russian literature is shown to favour an external, “observed” portrait, whereas Uzbek literature favours an inner, epithet-based one. The difference is explained by the vantage point of the “other” and of the “self”.*

Keywords: *Amir Temur, literary portrait, comparative literature, imagology, self and other, motif of lameness, historical novel.*

Портрет – одно из главных средств характеристики героя. Когда же героем становится историческая личность, описание внешности неизбежно несёт оценку. Автор выбирает, какие черты выдвинуть, а какие опустить, и этот выбор отражает отношение культуры к изображаемому. Амир Темур (1336-1405) в этом отношении представляет особый случай. Его облик известен по описаниям очевидца-иностранца [5], критически настроенного биографа [7] и придворного историографа [10]. К ним в XX веке добавились данные антропологического исследования и скульптурная реконструкция М.М. Герасимова [2]. Литература каждого народа отбирала из этих источников своё.

Литературный портрет Амира Темура в обеих традициях опирается на небольшой круг источников, созданных с прямо противоположных позиций.

Таблица 1. Источники портрета Амира Темура

Источник	Позиция автора	Доминанта портрета
Р.Г. де Клавихо, «Дневник путешествия…» (аудиенция 1404 г.)	иностранец-очевидец, посол Кастилии	старость и физическая слабость на фоне роскоши двора
Ибн Арабшах, «Чудеса предопределения в делах Тимура»	критически настроенный биограф, бывший пленник	подробный физический портрет, сочетание силы и увечья
Шарафуддин Али Йезди, «Зафарнаме» (1420-е гг.)	придворный историограф Тимуридов	портрет заменён титулами и эпитетами (Сохибкиран)
М.М. Герасимов, антропологическая реконструкция (1941)	учёный-антрополог	физическая мощь, подтверждённые травмы правой ноги и руки

Руй Клавихо, принятый Темуром в Самарканде за несколько месяцев до его смерти, фиксирует контраст между великолепием обстановки и старческой немощью правителя: послов подводят ближе, потому что Амир Темур уже плохо видит [5]. Это взгляд наблюдателя, который смотрит на властителя со стороны и фиксирует то, что видит.

Ибн Арабшах даёт наиболее полное описание внешности: высокий рост, крупная голова и широкий лоб, мощное телосложение, длинная борода, хромота на правую ногу, громкий голос [7]. Примечательно, что даже критически настроенный автор отмечает и нравственные черты, достойные уважения: Темур не терпел лжи и пустых шуток и предпочитал горькую правду. Таким образом, уже в источнике внешний портрет перерастает в психологический.

У Али Йазди, напротив, физический облик практически отсутствует. Его замещают титул «Сохибкиран» («владыка счастливого сочетания светил») и цепочки возвышенных эпитетов [10]. Придворная традиция связывает ранения Амира Темура с боем в Систане, то есть придаёт физическому недостатку героический смысл. Наконец, вскрытие гробницы в Гур-Эмире в 1941 году подтвердило травмы правых конечностей и позволило М.М. Герасимову создать скульптурную реконструкцию лица [2]. Эта реконструкция стала зрительной основой для позднейших литературных и изобразительных портретов в обеих культурах.

«Повесть о Темир-Аксаке». В древнерусской повести о походе 1395 года портрет сведён к имени. Прозвище Темир-Аксак сочетает два тюркских слова: *темир* («железо») и *аксак* («хромой»). Повесть снабжает его уничижительной легендой: герой в юности был вором, за кражу ему перебили ногу, и он оковал её железом [6]. Физический изъян здесь – не примета внешности, а стигма, видимый знак низкого происхождения и порока. В рамках провиденциальной картины мира внешний дефект и нравственная ущербность оказываются тождественны. Так формируется принцип, который можно назвать портретом-приговором.

Источники XIX века. Перевод дневника Клавихо, выполненный И.И. Срезневским (1881), ввёл в русскую культуру иной образ [5]. Это уже не легендарный «нечестивец», а реальный старик-властитель в окружении восточной роскоши. Портрет приобретает зримые детали, но остаётся взглядом иностранца, наблюдающего чужую цивилизацию извне.

Роман С.П. Бородина. В цикле «Звёзды над Самаркандом» (первая книга - «Хромой Тимур») физический недостаток вновь вынесен в заглавие [1]. Это наследие русской традиции именования, но функция детали иная. Роман создавался уже после работ Герасимова, когда облик Тимура стал научно документированным. Хромота здесь уже не приговор, а реалистическая деталь. Она входит в круг подробностей, через которые писатель передаёт контраст стареющего, страдающего от физической боли тела и несгибаемой, «железной» воли. Вместе с тем портрет у С.Бородина подчинён классовой концепции советского исторического романа. По нашим наблюдениям, описание властителя строится как внешнее: читатель видит Тимура глазами придворных, ремесленников, послов, и лишь изредка повествование проникает в его сознание. При всей психологической сложности портрета дистанция между автором и героем, таким образом, сохраняется.

В узбекской культуре портрет Амира Темура изначально сложился как портрет-эпитет. Вслед за «Зафарнаме» йездиевского типа традиция обозначает его через титулы *Sohibqiron, Jahongir*, а не через черты внешности [10]. Особое место занимают «Тузуки Темура», подлинность которых дискуссионна [11]. Изложение ведётся здесь от первого лица, и перед читателем возникает своего рода автопортрет. Правитель характеризует себя не внешностью, а принципами: совещанием, справедливостью, заботой о подданных. Это внутренний портрет в чистом виде.

Джадидский период. В литературе национального пробуждения Темур предстаёт не столько лицом, сколько символом утраченного величия. Внешний облик здесь заменяют зримые знаки памяти – мавзолей, столица, держава, к которым обращается

лирический герой. Портрет становится метонимическим: о герое говорит то, что он построил.

Период независимости. После 1991 года формируется канонический зримый образ Амира Темура, закреплённый в памятниках Ташкента (1993), Самарканда и Шахрисябза (1996). В нём подчёркнуты величие и сила, а физический недостаток не акцентируется. Литература этого времени наследует портрет-эпитет, но дополняет его психологическим измерением. Уже название стихотворной драмы А. Арипова «Sohibqiron» восходит к тимуридскому титулу [9]. При этом драматическая форма выдвигает на первый план речевой и психологический портрет: монологи и раздумья героя о власти, долге и смерти.

В романе-эпопее Мухаммада Али «Ulug‘ saltanat» Амир Темур показан в сосредоточении семейных и династических связей, в том числе глазами сыновей [8]. По нашим наблюдениям, физические детали здесь не скрываются, но подчинены внутренней характеристике. Хромота воспринимается как след боевого ранения, то есть как знак мужества, а не порока. Так одна и та же деталь, зафиксированная источниками и антропологией, получает в узбекской литературе противоположную оценку.

Сопоставление позволяет выделить две модели портрета Амира Темура, которые опираются на одни и те же факты, но интерпретируют их по-разному (таблица 2).

Таблица 2. Модели портрета Амира Темура в русской и узбекской литературе

Параметр	Русская литература	Узбекская литература
Позиция наблюдения	взгляд извне, «чужой»	взгляд изнутри, «свой»
Тип портрета	внешний, «наблюдаемый»	эпитетный и внутренний
Доминирующая деталь	хромота, старость, физическая боль	величие, мудрость, справедливость
Трактовка хромоты	стигма (легенда о краже), затем реалистическая деталь	след боевого ранения, знак мужества
Опорные источники	«Повесть о Темир-Аксаке», Клавихо	«Зафарнаме» Йезди, «Тузуки Темура»
Функция портрета	снижение, затем демифологизация	героизация, символ идентичности

Расхождение моделей объясняется прежде всего позицией наблюдения. Для русской культуры Амир Темур – иноземный правитель, чей облик доступен лишь со стороны. Отсюда внимание к видимой детали и особенно к физическому недостатку: именно он становится опознавательным знаком «чужого» [12]. Для узбекской культуры

Амир Темур – предок и основатель государства, поэтому портрет строится по логике идеала и переносит акцент с тела на дух.

Вместе с тем наблюдается и встречное движение. Русский исторический роман XX века уходит от портрета-приговора к реалистическому и психологическому. Узбекская литература периода независимости от портрета-эпитета движется к живому человеческому облику, в котором есть место и старости, и сомнению. Обе традиции, таким образом, сходятся в интересе к внутреннему миру героя, но приходят к нему с разных сторон.

Портретная характеристика Амира Темура в русской и узбекской литературе опирается на общий круг источников, но следует двум разным моделям. Русская традиция строит внешний, «наблюдаемый» портрет, в центре которого физический недостаток. От портрета-приговора древнерусской повести она приходит к реалистическому портрету в романе С.П. Бородина, но сохраняет дистанцию «чужого» взгляда. Узбекская традиция исходит из портрета-эпитета тимуридской историографии и автопортрета «Тузуков». В период независимости она наполняет образ психологическим содержанием.

Ключом к сопоставлению служит мотив хромоты. Один и тот же документально подтверждённый факт в одной культуре становится стигмой, в другой – знаком достоинства. Это наглядно подтверждает имагологический тезис: портрет исторического героя говорит о культуре, создавшей его, не меньше, чем о самом герое. Перспективным представляется сопоставительное изучение речевой характеристики Темура и передачи его портрета в переводах русских и узбекских текстов.

Список использованной литературы

1. Бородин С.П. Звёзды над Самаркандом: роман. - В режиме доступа: https://www.ziyouz.com/books/uzbeklib_ru/zhizn_i_dejatelnost_velikih_predkov_uzbekistana
2. Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). - М.: Изд-во АН СССР, 1955.
3. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы / пер. со словац. - М.: Прогресс, 1979.
4. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. - Л.: Наука, 1979.
5. Клавихо Р.Г. де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. / пер. И.И. Срезневского. - СПб., 1881.
6. Повесть о Темир-Аксаке // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6: XIV – середина XV века. - СПб.: Наука, 1999.
7. Ibn Arabshoh. Amir Temur tarixi (Ajoyib al-maqdur fi tarixi Taymur) / arab tilidan U. Uvatov tarjimasi. - Toshkent: Mehnat, 1992.
8. Muhammad Ali. Ulug‘ saltanat: roman-epopeya. – В режиме доступа: https://ziyouz.uz/ozbek-nasri/muhammad-ali/mu-ammad-ali-ulu-saltanat-roman
9. Oripov A. Sohibqiron: she’riy drama. – В режиме доступа: https://qr.natlib.uz/file/read/b7126090-9b02-46be-aeb9-2a2764e34c2f.pdf
10. Sharafuddin Ali Yazdiy. Zafarnoma. - Toshkent: Sharq, 1997.

11. Temur tuzuklari. - Toshkent: G‘afur G‘ulom nomidagi Adabiyot va san’at nashriyoti, 1991.
12. Pageaux D.-H. La littérature générale et comparée. - Paris: Armand Colin, 1994.

ПАМЯТЬ И ХАРАКТЕР В УЗБЕКСКОЙ ПРОЗЕ (на материале романов Уткира Хашимова)

Файзуллаев Холмумин
PhD, доцент кафедры узбекского языка и литературы
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В тезисе рассматривается роль памяти в создании характера в трёх романах Уткира Хашимова: «Нур борки, соя бор» (1977), «Икки эшик ораси» (1982–1985) и «Тушда кечган умрлар» (1991–1992). На основе нарратологического и сравнительного анализа выделены три модели повествования о памяти: ретроспективный портрет, создаваемый всезнающим повествователем; исповедь нескольких рассказчиков, включая голос умершего; монтаж документов, в котором главным носителем памяти становится скрытый дневник. Показано, что от модели к модели меняется не только форма воспоминания, но и способ построения характера: характер, объясняемый автором, сменяется характером, раскрывающим себя в собственном голосе, а затем характером, который читатель восстанавливает из противоречащих друг другу документов.*

Ключевые слова: *память, характер, повествователь, ретроспекция, исповедь, дневник, монтаж, Уткир Хашимов, узбекский роман.*

Annotatsiya. *Tezisda O‘tkir Hoshimovning “Nur borki, soya bor” (1977), “Ikki eshik orasi” (1982–1985) va “Tushda kechgan umrlar” (1991–1992) romanlarida xotiraning xarakter yaratishdagi o‘rni ko‘rib chiqiladi. Narratologik va qiyosiy tahlil asosida xotira hikoyasining uch modeli ajratildi: hamma narsani biluvchi hikoyachi yaratadigan retrospektiv portret; bir necha hikoyachining, jumladan, marhum ovozining iqrori; xotiraning asosiy tashuvchisi yashirin kundalik bo‘lgan hujjatlar montaji. Modeldan modelga o‘tgan sari xotira shakli bilan birga xarakter yaratish usuli ham o‘zgarishi ko‘rsatildi: muallif izohlaydigan xarakter o‘rnini o‘z ovozida o‘zini ochadigan xarakter, so‘ng esa o‘quvchi bir-biriga zid hujjatlardan tiklaydigan xarakter egallaydi.*

Kalit so‘zlar: *xotira, xarakter, hikoyachi, retrospeksiya, iqror, kundalik, montaj, O‘tkir Hoshimov, o‘zbek romani.*

Abstract. *The paper examines the role of memory in the creation of character in three novels by O‘tkir Hoshimov: “Nur borki, soya bor” (1977), “Ikki eshik orasi” (1982–1985) and “Tushda kechgan umrlar” (1991–1992). On the basis of narratological and comparative analysis, three models of narrating memory are identified: a retrospective portrait created by an omniscient narrator; the confession of several narrators, including the voice of a dead man; and a montage of documents in which a secret diary becomes the main bearer of memory. It is shown that, from one model to the next, not only the form of recollection*

changes but also the way character is constructed: a character explained by the author gives way to a character who reveals himself in his own voice, and then to a character whom the reader reconstructs from contradictory documents.

Keywords: *memory, character, narrator, retrospection, confession, diary, montage, O‘tkir Hoshimov, Uzbek novel.*

Память в художественной прозе нередко изучается как мотив или тема: исследователи отмечают, о чём вспоминает герой и какое значение имеет для него прошлое. Значительно реже внимание уделяется тому, как устроено само повествование о памяти и кто в произведении имеет право вспоминать. Между тем именно от этого во многом зависит способ создания характера. Если прошлое героя излагает повествователь, характер объясняется извне; если о прошлом говорит сам герой, характер раскрывается изнутри и может оказаться противоречивым. Романы Уткира Хашимова дают удобный материал для наблюдения над этой зависимостью, поскольку три его крупных произведения созданы в разные периоды и построены по разным повествовательным принципам. Первый роман вышел в 1977 году, а годы работы над вторым и третьим указаны самим автором в конце текстов.

Цель тезисов состоит в том, чтобы выявить модели повествования о памяти в трёх романах писателя и показать, как каждая из них связана со способом построения характера. Для этого необходимо определить тип повествователя в каждом романе, установить, в какой форме в нём подаётся прошлое героя, и сопоставить полученные модели между собой. В качестве теоретической основы использовано разграничение повествовательных инстанций, предложенное Ж. Женеттом. Исследователь различает повествователя, не участвующего в рассказываемой истории (гетеродиегетического), и повествователя, который сам является её участником (гомодиегетического) [5, p. 212–262]. Цитаты из романов Уткира Хашимова приводятся в нашем переводе; страницы романа «Тушда кечган умрлар» указаны по электронной версии издания 2002 года. Учитывались также наблюдения Л. Я. Гинзбург, рассматривавшей литературного героя как единство, которое складывается из объяснительных связей между поступками персонажа и их мотивировками [1].

Первая модель представлена в романе «Нур борки, соя бор» (буквально «Где свет, там и тень»; в русских выходных данных издания 1977 года — «Светотени»). Повествование здесь ведётся от третьего лица, и повествователь знает о персонажах больше, чем они сами. Особенно ясно это проявляется в эпизоде выписки главного героя, журналиста Шерзода, из больницы. Покидая её, он испытывает неожиданную привязанность ко всему, что ещё недавно его раздражало, а повествователь объясняет это состояние: «Он и сам не знал, отчего так происходит, и не подозревал, что сердце его переполняет тоска оттого, что здесь остаются его воспоминания» [3, с. 80]. Герой испытывает это переживание, но не осознаёт его природы, а смысл переживания формулирует повествователь. Память здесь не столько принадлежит герою, сколько служит повествователю инструментом объяснения.

Та же закономерность определяет и ретроспективные портреты второстепенных персонажей. Биография Сирожиддина от детства до аспирантуры излагается сжатой хроникой и объясняет, почему он привык получать всё готовым и научился

лицемерить. Детское воспоминание Сайфи Сокиевича о песчаных замках, которые он строил из мокрого песка и которые рассыпались под солнцем, приходит к нему в момент кризиса и превращается в аллегорию его жизни: окружавшие его люди оказываются такими же друзьями, слепленными из мокрого песка. В обоих случаях прошлое вводится повествователем в нужный момент и подаётся как готовое объяснение характера. Характер в этой модели завершён и понятен: читатель получает его вместе с ключом к нему.

Несколько сложнее устроен образ Шоиры, медсестры, с которой Шерзод знакомится в больнице. Однажды, услышав, как её маленькая дочь, растущая без отца, грозит другому ребёнку папой, которого рядом нет, Шоира вспоминает собственное детство и слова матери, некогда сказанные ей в ответ на вопрос об отце. Эти слова звучат в её памяти так, словно были произнесены только что, и героиня с ужасом понимает, что обрекает дочь на собственную судьбу. Позднее она осознаёт, что, мстя окружающим за свою неудачную жизнь, в действительности наказывает саму себя. Здесь память уже начинает работать изнутри героини и становится механизмом её нравственного пробуждения. Однако и в этом случае смысл воспоминания окончательно формулирует повествователь, а не сама Шоира. Поэтому эпизод можно рассматривать как переходный: в рамках первой модели уже намечаются элементы второй.

Вторая модель складывается в романе «Икки эшик ораси» («Между двумя дверями»). Сорок семь глав романа, а также пролог и эпилог излагаются от первого лица девятью рассказчиками, и название каждой главы указывает, кому принадлежит рассказ. Здесь уже нет повествователя, который знает больше героев: каждый рассказчик знает только свою часть истории и вспоминает её по-своему. Одно и то же событие может быть рассказано несколькими персонажами, и каждый придаёт ему собственный смысл. Так, встреча на базаре предстаёт в воспоминании ребёнка — как столкновение с вором, в воспоминании его отца Шомурода — как след давнего предательства, а в монологе Умара — как случайная опасность, которой удалось избежать. Характер в этой модели не объясняется извне, а раскрывается в том, как герой вспоминает, что он забывает и в чём оправдывает себя.

Особое место во второй модели занимает фигура Музаффара, которому принадлежат четырнадцать глав романа, а также пролог и эпилог. Читатель слышит его голос в разном возрасте: малышом, первоклассником, подростком, студентом и, наконец, взрослым бригадиром. От главы к главе меняется не только содержание его воспоминаний, но и само отношение к прошлому. Ребёнок видит поступки взрослых, но не понимает их смысла; подросток начинает задавать вопросы; взрослый знает всю правду и уже не может себя простить. Характер героя, таким образом, не задан заранее, а складывается вместе с его памятью и на глазах читателя проходит путь от неведения к знанию и чувству вины.

Предельной формой этой модели становится глава, в которой говорит погибший на войне Кимсан. Тридцать шестая глава открывается обращением мёртвого к живым: «Вы думаете, мёртвые ничего не видят? Вы думаете, мёртвые ничего не слышат?..» [2, с. 623]. Голос умершего восполняет то, чего не может знать ни один живой рассказчик: обстоятельства гибели Кимсана так и остаются неизвестными его матери, которая и

спустя десятилетия оплакивает сына, и любившей его Робии. Память в этом романе распределена между многими сознаниями, и полная картина возникает лишь в сознании читателя, который сопоставляет все голоса, включая голос умершего.

Третья модель представлена в романе «Тушда кечган умрлар» («Жизни, прошедшие во сне»). Роман состоит из тридцати озаглавленных разделов, и названия многих из них указывают на документальные и фольклорные жанры: протокол допроса, беседа коллег, дневник, сказки соседки Курбоной. Главным носителем памяти становится дневник Рустама, участника Афганской войны, погибшего при невыясненных обстоятельствах. Пять разделов дневника занимают почти половину текста романа. Уже в первой записи герой подчёркивает, что дневник останется тайным: «Одно я знаю точно. Эту тетрадь никто не увидит. Никто!» [4, с. 38]. Следователи, ведущие дело о смерти Рустама, о дневнике не знают, и официальные протоколы оказываются дальше всего от истины.

В этой модели характер не излагается повествователем и не высказывается героем в обращении к собеседнику. Он восстанавливается читателем из столкновения документов разного рода. Рустам предстаёт в показаниях соседа Васильева — как опасный дебошир, в показаниях и воспоминаниях жены — как вспыльчивый, но заботливый и ранимый человек, а в собственном дневнике — как человек, не способный ни забыть войну, ни приспособиться к несправедливости мирной жизни. Память здесь становится предметом борьбы: важно не только то, что помнится, но и то, чья память получает голос.

Особенно показателен в этом отношении образ бывшего чекиста по прозвищу Комиссар. Его прошлое раскрывается главным образом через собственные воспоминания, тогда как Курбоной, чья семья пострадала от него, на допросе о нём молчит, а её трагедия излагается в отдельной главе через восприятие девочки-подростка. Характер Комиссара строится на том, что он выбирает для воспоминания. Вспоминая молодость, он видит в своих поступках исполнение служебного долга и не допускает мысли о вине. Детское унижение, когда сверстники сбросили его в арык Конкус, превращается в его памяти в источник жизненной программы: уже тогда он поклялся стать Комиссаром и перестрелять обидчиков. Первое убийство, совершённое им на фронте, ещё некоторое время не даёт ему покоя, но затем, как сказано в романе, он к этому привык. Избирательность памяти становится, таким образом, главной чертой характера: герой является тем, что он помнит, и тем, что он позволил себе забыть. В отличие от первой модели, повествователь здесь не объясняет героя, а лишь показывает, как работает его память, оставляя оценку читателю.

Сопоставление трёх моделей представлено в таблице.

Таблица 1

Модели повествования о памяти в романах Уткира Хашимова

Роман	Повествователь	Форма памяти	Способ создания характера
«Нур борки, соя бор» (1977)	Всезнающий, от третьего лица	Ретроспективный портрет, вводимый	Характер объясняется извне

Роман	Повествователь	Форма памяти	Способ создания характера
		повествователем	
«Икки эшик ораси» (1982–1985)	Девять рассказчиков от первого лица	Исповедь, повторный рассказ одного события, голос умершего	Характер раскрывается в собственном голосе героя
«Тушда кечган умрлар» (1991–1992)	Повествователь от третьего лица, документы и дневник от первого лица	Скрытый дневник, протоколы, сказки	Характер восстанавливается читателем из противоречивых свидетельств

Таблица показывает, что от романа к роману последовательно уменьшается знание повествователя и возрастает роль читателя. В первом романе читатель получает готовую интерпретацию, во втором должен сопоставить несколько версий одного события, в третьем вынужден сам решать, какому документу верить. Одновременно меняется и содержание понятия характера. Сначала характер понимается как нечто, имеющее объяснение в прошлом; затем как способ, которым человек рассказывает о собственном прошлом; наконец, как результат столкновения разных свидетельств, ни одно из которых не является окончательным.

Эту эволюцию соблазнительно связать со сменой исторических эпох: первый роман опубликован в 1977 году, третий завершён на рубеже распада советского государства и обретения Узбекистаном независимости. Эпиграф к роману «Тушда кечган умрлар» прямо говорит о том, что без независимости эта книга не увидела бы свет. Тем не менее подобную связь следует рассматривать лишь как вероятное объяснение. Три романа одного автора не позволяют делать выводы обо всей узбекской прозе, и для обобщения необходимо сопоставление с произведениями других писателей того же времени. В этом состоит основное ограничение предлагаемого исследования.

Таким образом, в романах Уткира Хашимова выделяются три модели повествования о памяти, каждой из которых соответствует свой способ создания характера: объясняющий ретроспективный портрет, многоголосая исповедь и документальный монтаж. Научная новизна работы состоит в том, что память рассмотрена не как тема, а как повествовательная модель характеризации, и в том, что предложена типология этих моделей на материале трёх романов писателя. Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется проверка этой типологии на материале других узбекских романов 1970–1990-х годов.

Список использованной литературы

1. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. – Л.: Советский писатель, 1979.
2. Ҳошимов Ў. Икки эшик ораси: роман. – Тошкент: Янги аср авлоди, 2016.
3. Ҳошимов Ў. Нур борки, соя бор: роман. – Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1977.

4. Ҳошимов Ў. Тушда кечган умрлар [Электронный ресурс]: роман. – Тошкент: Ғ. Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 2002. – URL: https://www.ziyouz.com
5. Genette G. Narrative Discourse: An Essay in Method / transl. by J. E. Lewin. – Ithaca: Cornell University Press, 1980.

ABDULLA QODIRIYNING ULOQDA HIKOYASIDA BOLA NIGOHI VA KECHIKTIRILGAN ANGLASH

Azizova Dilfuza Mahmudovna
dotsent v. b
Iqtisodiyot va pedagogika universiteti.
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada Abdulla Qodiriyning «Uloqda» hikoyasida bola nigohi, axborotning kechiktirilishi va final o‘rtasidagi bog‘lanish tahlil qilinadi. Yaqindan o‘qish asosida yakuniy xabar oldingi sahnalarning bahosini o‘zgartirishi ko‘rsatiladi. Qahramon bilimi bilan o‘quvchi talqini farqlanib, matn daliliga tayangan o‘qish mezonlari taklif etiladi.*

Kalit so‘zlar: *bola nigohi; fokalizatsiya; hikoyachi; final; kechiktirish; qayta talqin; badiiy detal.*

Аннотация. *В статье анализируется связь между взглядом ребенка, задержкой информации и финалом в рассказе «Улокда» Абдуллы Кадыри. На основе внимательного прочтения показано, что финальное послание изменяет оценку предыдущих сцен. Различаются знания героя и интерпретация читателя, а также предлагаются критерии чтения, основанные на текстовых данных.*

Ключевые слова: *взгляд ребенка; фокализация; рассказчик; финал; задержка; переосмысление; художественная деталь.*

Abstract. *The article examines the relationship between a child’s perspective, delayed information and the ending of Abdulla Qodiriy’s story Uloqda. Close reading shows how the final disclosure changes the evaluation of earlier scenes. Distinguishing the character’s knowledge from the reader’s interpretation, the study proposes criteria for a textually grounded reading.*

Keywords: *child perspective; focalization; narrator; ending; delay; reinterpretation; literary detail.*

Kirish. «Uloqda» hikoyasini faqat xalq o‘yini tasviri yoki bolalik xotirasi sifatida sharhlash uning kompozitsion imkoniyatlarini to‘liq ochmaydi. Asarning ta’sir kuchi voqealar tarkibidagina emas, ularning kim tomonidan, qaysi vaqtda va qanday bilim doirasida anglanishida namoyon bo‘ladi. Maqolaning asosiy tezisi shuki, hikoyadagi fojia yakunda ma’lum bo‘ladigan alohida hodisa bo‘lib qolmay, oldingi tomosha sahnalarini ham qayta baholashga majbur qiladigan ma’no markaziga aylanadi. Bu ta’sir bola nigohi bilan axborotning kechiktirilishi o‘rtasidagi bog‘lanish orqali yuzaga keladi.

Tadqiqot maqsadi Turg‘unning o‘zini namoyish etishga intilishi, maydondagi kuzatish imkoniyatining cheklanishi va yakuniy xabarni yagona narrativ munosabatda izohlashdir. Tahlil savoli quyidagicha qo‘yiladi: hikoyachi voqeani yashirmagan holda qanday qilib uning haqiqiy og‘irligini kech anglatadi? Masalaga shu tarzda yondashish qahramonning sodda idrokini matnning umumiy badiiy bahosi bilan tenglashtirishdan saqlaydi.

Manba va tahlil usuli

Tahlil materiali sifatida hikoyaning Ziyouz elektron kutubxonasidagi lotin yozuvli matni olindi [1]. Ish asarning syujet ketma-ketligi, nutqiy vaziyatlari va yakuniga tayangan sifat tahlilidir. Qo‘lyozma hamda bosma nashrlar qiyosi bajarilmagani sababli matnning tarixiy variantlari haqida xulosa chiqarilmaydi. Elektron matn bu yerda muayyan o‘qish manbasi vazifasini bajaradi; undan foydalanish ushbu nusxani tanqidiy nashr deb baholashni anglatmaydi.

Nazariy tayanch sifatida fokalizatsiya va voqeaviylik tushunchalari qo‘llanadi. B. Niederhoff fokalizatsiyani hikoya axborotining muayyan tajriba va bilimga nisbatan tanlanishi yoki cheklanishi orqali tushuntiradi [2]. P. Hühn esa holatning oddiy o‘zgarishi bilan talqinda muhim, kutilmagan burilish sifatida ajratiladigan voqeani farqlaydi [3]. Mazkur tushunchalar tayyor qolip sifatida emas, matndagi axborot taqsimoti va final vazifasini aniqlashtiruvchi vosita sifatida ishlatiladi.

Tahlilda har bir muhim epizod uch savol asosida ko‘rib chiqiladi: qahramon nimani bevosita idrok etadi, uning talqiniga qaysi cheklov ta’sir qiladi va keyingi xabar avvalgi ma’lumotning qiymatini qanday o‘zgartiradi? Bu tartib voqea bayonini uning sharhidan ajratish imkonini beradi. Birinchi shaxsda so‘zlashning o‘zi yetarli mezon emas: hikoyachi ovozi bilan voqeani boshdan kechirayotgan bolaning bilim doirasi alohida hisobga olinadi.

O‘zini ko‘rsatish istagi va idrokning tanlanishi

Hikoya boshidagi ot anjomlari, kiyim va tashqi ko‘rinishga e’tibor bolaning tomoshaga qanday istak bilan kirib borishini ko‘rsatadi [1]. Ushbu detallarni faqat etnografik bezak deb o‘qish yetarli emas. Ular qahramon uchun ko‘rinishning amaliy harakatdan oldin turishini anglatadi: bola o‘zini bo‘lajak chavandoz sifatida tasavvur qiladi va atrofdagilarning e’tirofini kutadi. Demak, uning nigohi boshidanoq betaraf kuzatuvchi nigohi emas, ma’qullanishga ehtiyoj sezayotgan ishtirokchi nigohidir.

«Turg‘un chavandoz» deb atalish qahramonning o‘zini baholashiga tashqi tasdiq beradi [1]. Bu nomlashni muallifning bolaga bergan xolis tavsifi bilan tenglashtirish mumkin emas. Kattalar murojaati bilan bola istagi o‘zaro kuchayib, hali erishilmagan maqomni nutqda tayyor holatda taqdim etadi. Natijada o‘quvchi tashqi maqtovning qahramon tajribasidan oldinga o‘tishini ko‘radi. Hikoyaning keyingi qismida aynan shu maftunlik maydondagi xavfni darhol baholashga imkon bermaydigan idrokiy fon bo‘lib xizmat qiladi.

Kattalarning kulgisiga ma’nosini to‘la anglamay qo‘shilish holati ham shu bog‘lanishni ochadi [1]. Jamoaga mansub bo‘lish istagi mazmunni tushunishdan oldin keladi. Bola biror voqeani ko‘rishi yoki tovushni eshitishi uning ijtimoiy ma’nosini to‘liq egallaganini bildirmaydi. Shuning uchun hikoyachining kuzatuvchanligini bilimning mukammalligi bilan adashtirmaslik kerak. Matn o‘quvchiga ko‘p detal beradi, biroq ularning bahosi qahramon ongida birdan shakllanmaydi.

Maydon shovqini va bilimning cheklanishi

Tomoshabinlar nutqining almashib borishi maydonni bir ovozli manzara bo‘lishdan chiqaradi. Nutqlar yagona xulosa bermaydi; ularning yonma-yon kelishi shaxsiy kuzatish bilan jamoaviy ishonch o‘rtasidagi farqni sezdiradi. Bola o‘z bahosini hali mustaqil shakllantirmagan vaziyatda ko‘pchilikning ovozi uning diqqatini boshqaradi. Bunda jamoa adashmas bilim egasi sifatida emas, hayajonni birgalikda ishlab chiqarayotgan muhit sifatida talqin qilinishi mumkin. Bu muallif tomonidan ochiq aytilgan hukm emas, nutqlar joylashuviga tayangan o‘qishdir.

Hal qiluvchi paytda Turg‘unning o‘rtaga kira olmasligi fazoviy to‘siq bilan axborot cheklanishini birlashtiradi [1]. Markazdagi hodisa chekkadagi kuzatuvchiga boshqalarning so‘zlari orqali yetib keladi. Demak, nigohning torayishi mavhum psixologik tavsif orqali emas, tananing maydondagi joylashuvi orqali asoslanadi. Qahramonning ko‘rish imkoniyati kamaygan sari eshitilgan baholarga bog‘liqligi ortadi. Fokalizatsiya shu o‘rinda matnning aniq fazoviy tashkilidan ajralmaydi.

Hodisaning «Hech narsa emas» va «Yo‘q, sag‘al» kabi kamaytiruvchi ifodalar bilan berilishi axborot bilan bahoni ajratish zarurligini ko‘rsatadi [1]. Bu so‘zlar voqeaning o‘zi emas, personajlarning o‘sha paytdagi bahosidir. Ularni muallifning ishonchli izohi sifatida qabul qilish finaldagi ziddiyatni yo‘qotadi. Bunda har bir so‘zlovchini ataylab aldayotgan shaxs deb belgilash uchun ham dalil yetarli emas. Matn mahalliy bahoning cheklanganligini ko‘rsatadi, uning sababini esa barcha personajlar uchun bir xil tushuntirmaydi.

Davom etgan tomosha va kechikkan xabar

Jarohatdan so‘ng o‘yinning davom etishi bilan bolaning tomoshani kuzatishda qolishi yonma-yon beriladi [1]. Mazkur yaqinlik ikki xil vaqtni sezdiradi: jamoaning odatiy faoliyati qayta tiklanadi, alohida inson bilan bog‘liq falokat esa yakunlanmagan holda qoladi. Hikoya hodisaning tibbiy tafsilotlarini kengaytirmaydi. Aksincha, uning keyingi oqibatini kundalik maromdan tashqarida ushlab turadi. Natijada tomoshaning davomiyligi beparvolik haqida tayyor hukmdan ko‘ra kuchliroq savol tug‘diradi: qaysi hayotiy ma’lumot ko‘pchilik diqqatidan chiqib ketmoqda?

Bu joylashuvni butun jamoaning bir xil axloqiy pozitsiyasi deb mutlaqlashtirish to‘g‘ri emas. Esonboyni maydondan olib chiqish, yordam ko‘rsatishga urinish va uni kuzatib ketish ham matnda mavjud [1]. Shunday ekan, asarda faqat shafqatsizlik tasvirlangan degan xulosa dalilni qisqartiradi. Muammo yordamning umuman yo‘qligida emas, hodisaning og‘irligi bilan tomosha maromining bir makonda yonma-yon yashashidadir. Qarama-qarshi harakatlarni saqlab o‘qish badiiy bahoning murakkabligini ochadi.

Ertalab onaning «Esonboyning janozasida» degan javobi oldingi taxminlarni bekor qiladi [1]. Yakun yangi fakt qo‘shish bilan birga, oldingi so‘zlarning o‘quvchi ongidagi vaznini o‘zgartiradi. Kamaytiruvchi baholar endi xotirjamlik asosi bo‘la olmaydi; davom etgan o‘yin esa vaqtinchalik odatiylik sifatida ko‘rinadi. Kechiktirishning badiiy vazifasi shundan iboratki, o‘quvchi haqiqatni tayyor izoh tarzida emas, avvalgi bilimining yetishmasligini sezish orqali qabul qiladi.

Finalning talqin chegarasi

«Mening uyqum o‘chdi» jumlasi jismoniy uyg‘onish bilan bilimdagi keskin o‘zgarishni tutashtiradi [1]. Buni bolaning butun dunyoqarashi tamoman yangilangani haqidagi dalilga aylantirish ortiqcha bo‘ladi: hikoya uning keyingi hayotini ko‘rsatmaydi.

Matn bilan asoslanadigan torroq xulosa shuki, qahramon ilgari odatiy tomosha deb qabul qilgan kunning qaytarilmas oqibati bilan yuzlashadi. Jumlaning ixchamligi aynan shu chegarada kuchli: o‘zgarish qayd qilinadi, lekin uning kelajakdagi natijasi muallif tomonidan to‘liq izohlanmaydi.

Shu nuqtada voqeaviylik ikki sathda ajraladi. Hikoya dunyosida Esonboyning halokati qaytarilmas hodisadir; qahramon idrokida esa uning oqibatini bilish keskin burilishdir. P. Hühn ta’kidlagan talqinga bog‘liq voqea ahamiyati bu farqni ko‘rishga yordam beradi [3]. O‘quvchi uchun finalning kuchi mazkur ikki sathning turli vaqtda ochilishidan kelib chiqadi. Fojia sodir bo‘lgan vaqt bilan uning ma’nosi anglangan vaqt bir-biriga teng emas.

Bu kuzatish hikoya finalini tasodifiy hayratlantirish usuli sifatida tushunishni ham cheklaydi. Yakun oldingi detallardan uzilgan emas: maqtov, jamoaga qo‘shilish, ko‘rishning to‘silishi va yengillashtiruvchi so‘zlar keyingi anglash uchun zamin yaratadi. O‘quvchi qayta o‘qiganda shu aloqalarni bir tizimga birlashtiradi. Demak, finalning vazifasi faqat so‘nggi nuqtani qo‘yish emas, boshidan beri mavjud bo‘lgan baholash muammosini ko‘rinadigan qilishdir.

Xulosa. «Uloqda» hikoyasida bola nigohi axborotni shunchaki kamaytiradigan vosita bo‘lib qolmaydi; u e’tirofga intilish, boshqalarning bahosiga suyanish va voqea markazidan chetda qolish orqali izchil shakllanadi. Yakuniy xabar esa shu cheklangan bilimning oqibatini ochib, tomosha kunini qayta talqin qilishga undaydi. Maqolada taklif etilgan o‘qishning natijasi qahramonning vaqtinchalik tasavvuri bilan asarning umumiy ma’no tuzilishini farqlash zarurligidir. Bu yondashuv jadid nasrini o‘rganishda g‘oyaviy xulosani aniq kompozitsion va nutqiy dalil bilan asoslashga xizmat qiladi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Qodiriy A. Uloqda: hikoya. Ziyouz elektron kutubxonasi. URL: https://n.ziyouz.com/portal-haqida/xarita/uzbek-nasri/abdulla-qodiriy-1894-1938/abdulla-qodiriy-uloqda-hikoya (murojaat sanasi: 18.10.2026).
2. Niederhoff B. Focalization. The Living Handbook of Narratology. 2013-yil 24-sentabrda yangilangan. URL: https://www-archiv.fdm.uni-hamburg.de/lhn/node/18.html (murojaat sanasi: 18.10.2026).
3. Hühn P. Event and Eventfulness. The Living Handbook of Narratology. 2013-yil 13-sentabrda yangilangan. URL: https://www-archiv.fdm.uni-hamburg.de/lhn/node/39.html (murojaat sanasi: 18.10.2026).

МИФОПОЭТИКА И ФИЛОСОФСКО-АЛЛЕГОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ Л. М. ЛЕОНОВА «ПИРАМИДА»

Юлдашева Гузаль Нугмоналиевна
преподаватель русского языка в УМЭД
Ташкент, Узбекистан

Аннотация. *В статье исследуются мифопоэтическая структура и философско-аллегорический дискурс романа Л. М. Леонова «Пирамида». Цель работы — определить, как библейские, апокрифические и эсхатологические мотивы взаимодействуют с символикой заглавного образа и системой персонажей. Используются мифопоэтический, мотивный и герменевтический методы. Показано, что пирамида выступает многозначной моделью мироустройства, а образы Дымкова и Шатаницкого раскрывают противостояние созидательного и разрушительного начал. Сделан вывод, что миф в романе служит способом осмысления исторического кризиса и нравственной ответственности человека.*

Ключевые слова: *Л. М. Леонов, «Пирамида», мифопоэтика, аллегория, библейские мотивы, эсхатология, символ.*

Abstract. *The article explores the mythopoetic structure and philosophical-allegorical discourse of Leonid Leonov's The Pyramid. It examines how biblical, apocryphal and eschatological motifs interact with the title symbol and the characters. Using mythopoetic, motif-based and hermeneutic approaches, the study interprets the pyramid as an ambivalent model of the universe and reads Dymkov and Shatanitsky as figures associated with creative and destructive principles. The article argues that myth enables Leonov to interpret historical crisis and human moral responsibility.*

Keywords: *Leonid Leonov, The Pyramid, mythopoetics, allegory, biblical motifs, eschatology, symbol.*

Annotatsiya. *Maqolada L. M. Leonovning «Piramida» romanidagi mifopoetik tuzilma va falsafiy-alegorik diskurs o'rganiladi. Bibliyaviy, apokrifik va esxatologik motivlarning asar nomidagi ramz hamda qahramonlar tizimi bilan aloqasi tahlil qilinadi. Mifopoetik, motiv va germenevtik yondashuvlar asosida piramida olam tuzilishining ko'p ma'noli modeli sifatida talqin etiladi. Dymkov va Shatanitskiy obrazlari bunyodkorlik va vayronkorlik tamoyillari qarama-qarshiligini ifodalashi ko'rsatiladi. Xulosa qilib, mif tarixiy inqiroz va insonning axloqiy mas'uliyatini anglash vositasi ekani asoslanadi.*

Kalit so'zlar: *L. M. Leonov, «Piramida», mifopoetika, allegoriya, bibliyaviy motivlar, esxatologiya, ramz.*

Роман Л. М. Леонова «Пирамида», опубликованный отдельным изданием в 1994 году, соединяет историческую конкретику с религиозно-мифологическими образами, фантастикой и философскими размышлениями. В центре произведения — вопросы о природе зла, пределах человеческого знания, соотношении веры и разума, свободе и

власти. Эти проблемы раскрываются не только через рассуждения персонажей, но и посредством символов, аллюзий и архетипических сюжетов.

Актуальность темы связана с тем, что мифологические элементы организуют смысловое пространство романа, помогая соотнести кризисы XX века с универсальными вопросами человеческого существования. Исследователи отмечают значение христианской символики и народно-мифологических элементов в образе ангела, а также роль гностических мотивов в осмыслении борьбы добра и зла. Цель статьи — выявить функции основных мифологем и аллегорических образов в философском содержании «Пирамиды».

Методология исследования. Исследование опирается на мифопоэтический метод, позволяющий выявить преобразование традиционных сюжетов; мотивный анализ, направленный на повторяющиеся темы падения, искушения, чуда и катастрофы; и герменевтический подход, учитывающий культурные источники и связи между разными смысловыми уровнями произведения. Анализ носит качественный характер и предполагает сопоставление образов романа с библейскими мотивами и результатами леоноведческих исследований.

Символика пирамиды и мифологический уровень романа

Заглавный образ обладает несколькими значениями. Пирамида ассоциируется с древней культурой, сакральным знанием и вертикальной организацией мира. Её основание и вершина предполагают иерархию, движение вверх и концентрацию власти. В художественном пространстве Леонова эта форма может быть понята как модель мироздания и одновременно как метафора общества, стремящегося к абсолютному порядку.

Однако движение к вершине не обязательно означает духовное совершенствование. Оно может выражать гордыню, желание обладать исключительным знанием или подчинять других. Исследователь А. А. Дырдин указывает, что «экфразы органично входят в текст „Пирамиды“, отсылая читателя к онтологическим оппозициям добра и зла, неба и земли, вечного и преходящего» [3]. В таком контексте пирамида становится амбивалентным знаком: она выражает стремление к высшему смыслу, но одновременно напоминает об опасности иерархии, превращённой в инструмент господства.

Мифопоэтический принцип проявляется также в соединении бытового, исторического и трансцендентного планов. Реальное соседствует с фантастическим, а частные события получают значение, выходящее за пределы конкретной эпохи. В результате роман не сводится ни к реалистической хронике, ни к отвлечённой притче: его смысл возникает на пересечении истории, мифа и религиозного размышления.

Библейские мотивы и аллегорическая система персонажей

Библейская традиция в «Пирамиде» проявляется через мотивы падения, искушения, греха и ожидания катастрофы. Они образуют не набор внешних отсылок, а систему, в которой нравственный выбор человека соотносится с судьбой мира. Образ ангела Дымкова вводит в повествование трансцендентное измерение. При этом его присутствие не разрешает противоречий автоматически: миссия героя осложняется несовершенством земного существования и неспособностью людей однозначно воспринять духовный опыт. Е. В. Гайнуллова рассматривает образ ангела как

«рефлексивную трансформацию традиционных прототипов христианской культуры в сочетании с ее народно-мифологическим переложением, усиленную контаминацией со сказочными мотивами» [1].

Смысловая оппозиция Дымкова и Шатаницкого раскрывает столкновение созидательного и разрушительного начал. Дымков связан с духовным посредничеством и возможностью нравственного прозрения; Шатаницкий воплощает логику соблазна, подчинения и отрицания высшего смысла. Однако это противостояние не является упрощённой схемой добра и зла. Леонов показывает, что разрушительные силы получают влияние не только благодаря внешнему воздействию, но и из-за человеческой готовности отказаться от ответственности и принять власть как абсолютную ценность.

Гностические мотивы усложняют религиозную проблематику романа. В. О. Кубышкина выделяет в романе Л. М. Леонова «Пирамида» гностические мотивы, среди которых — «идея создания мира как роковой ошибки, мотив тайного знания (гнозиса), образ Софии, образ Демиурга» [2].

Включение подобных представлений не означает, что роман предлагает единственную завершённую доктрину. Напротив, различные картины мира сталкиваются, а читатель вынужден сопоставлять их объяснительные возможности. Философский дискурс строится как напряжённый поиск ответа на вопрос о происхождении зла и возможности спасения.

Образы Дуни Лоскутовой и отца Матвея дополняют эту систему человеческим и нравственным измерением. Через Дуню духовная проблематика соотносится с непосредственным жизненным опытом, состраданием и отношением к другому. Отец Матвей представляет религиозную традицию, но его присутствие не устраняет сомнений и вопросов, возникающих перед лицом исторических катастроф. Вера и разум в романе не просто исключают друг друга: они обнаруживают пределы, когда пытаются объяснить сложность мира единственной формулой.

Результаты и выводы. Анализ позволяет сделать три вывода. Во-первых, мифопоэтика романа строится на преобразовании библейских, апокрифических и гностических мотивов, которые выводят исторические события на уровень универсальных нравственных вопросов. Во-вторых, пирамида является многозначным символом мироустройства и социальной иерархии: она связывает стремление к высшему знанию с риском гордыни и господства. В-третьих, аллегорические образы Дымкова и Шатаницкого, дополненные персонажами Дуни и отца Матвея, раскрывают конфликт веры, разума, власти и ответственности.

Таким образом, мифопоэтика и философско-аллегорический дискурс «Пирамиды» образуют единую художественную систему. Миф позволяет Леонову осмыслить исторический опыт XX века в масштабе вечных вопросов, а аллегория связывает метафизическую проблематику с нравственным выбором человека. Многозначность образов не предлагает простого ответа, но подчёркивает необходимость личной ответственности за сохранение человеческих и духовных ценностей.

Список использованной литературы

1. Гайнуллова Е. В. Религиозно-символическое содержание образа ангела в романе Л. М. Леонова «Пирамида» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2010. Т. 16, № 5. С. 168–173. DOI: 10.18287/2542-0445-2010-16-5-168-173.
2. Кубышкина В. О. Художественное осмысление философии гностиков в романе Л. Леонова «Пирамида» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. Вып. 12, ч. 3.
3. Дырдин А. А. Новозаветные метафоры моря и огня в «Пирамиде» Л. М. Леонова // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21, № 4. DOI: 10.15393/j9.art.2023.13102.
4. Леонов Л. М. Пирамида: роман: в 3 кн. М.: Голос, 1994.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ТРАДИЦИОННОЙ УЗБЕКСКОЙ ЛАКОНИЧНОЙ ПРОЗЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННОГО ЖАНРА ДРАББЛ

Аннаева Лола Расуловна
и. о. доцента кафедры русского языка и литературы
Университет экономики и педагогики
Карши, Узбекистан

Аннотация. *Статья посвящена сопоставительно-типологическому анализу принципов текстовой компрессии в традиционной узбекской лаконичной прозе (латифа, ҳикоят, ривоят) и в современном жанре драббл — строго регламентированной по объёму (100 слов) форме англоязычной прозы, возникшей в 1980-е годы.*

Ключевые слова: *лаконичная проза; драббл; латифа; ҳикоят; малые прозаические формы; текстовая компрессия; жанровая трансформация; сопоставительное литературоведение; узбекская литературная традиция; флэш-фикшн.*

Annotatsiya. *Maqolada o‘zbek adabiyotidagi an’anaviy lo‘nda nasr janrlari (latifa, hikoyat va rivoyat) hamda 1980-yillarda yuzaga kelgan, hajmi qat’iy ravishda 100 so‘z bilan chegaralangan ingliz tilidagi zamonaviy drabbl janrida matn kompressiyasi tamoyillari qiyosiy-tipologik jihatdan tahlil qilinadi.*

Kalit so‘zlar: *lo‘nda nasr; drabbl; latifa; hikoyat; rivoyat; kichik nasriy shakllar; matn kompressiyasi; janr transformatsiyasi; qiyosiy adabiyotshunoslik; o‘zbek adabiy an’anasi; flesh-fikshn.*

Abstract. *The article presents a comparative-typological analysis of textual compression principles in traditional Uzbek laconic prose (latifa, hikoyat, rivoyat) and in the modern drabble genre — a strictly regulated English-language prose form limited to exactly 100 words that emerged in the 1980s.*

Keywords: *laconic prose; drabble; latifa; hikoyat; small prose forms; textual compression; genre transformation; comparative literary studies; Uzbek literary tradition; flash fiction.*

Введение. Интерес к малым прозаическим формам закономерно усиливается в условиях цифровой коммуникации, требующей экономии текста при сохранении смысловой полноты высказывания. Драббл — англоязычный прозаический жанр, конституирующим признаком которого выступает жёсткое ограничение объёма ровно ста словами, — к настоящему времени вышел за пределы жанровой игры и рассматривается как самостоятельная форма художественной компрессии с устойчивым структурным каноном. Узбекская словесность, в свою очередь, издавна вырабатывала собственные модели лаконичного повествования — латифу, ҳикоят, ривоят, — где предельная краткость есть органическое, а не внешне заданное свойство жанра.

Актуальность обращения к драбблу как к жанровой оптике определяется тем, что традиционные узбекские лаконичные формы изучались преимущественно в рамках фольклористики и истории литературы и редко становились предметом сопоставительно-типологического анализа в категориях современной теории компрессии текста, тогда как сам драббл остаётся малоосмысленным на незападном материале.

Цель статьи — установить типологическое сходство и функциональное различие между историческими принципами лаконизма узбекской прозы и формальным каноном драббла и оценить эвристический потенциал последнего как инструмента переосмысления национальной традиции. Научная новизна состоит в первом прямом сопоставлении узбекской лаконичной прозы с драбблом; практическая значимость связана с возможностью использования результатов в преподавании русского языка и литературного творчества студентам-филологам и нефилологам Узбекистана.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили историко-литературные описания драббла [6; 7], энциклопедические данные по истории узбекской литературы [2], наблюдения над современной узбекской новеллистикой [3], а также иллюстративный текст, специально сконструированный автором по модели драббла на сюжетной основе латифы (авторская стилизация, не выдаваемая за фольклорную запись). Основным методом выступает сравнительно-типологический; применяются также структурно-семантический и элементы жанрово-функционального анализа. Теоретическую базу составляют концепция речевых жанров М.М. Бахтина [1], положение Б.М. Эйхенбаума об «обманутом ожидании» как приёме новеллистической композиции [5] и концепция остранения В.Б. Шкловского [4].

Основная часть

1. Драббл: формальный канон

Драббл возник в начале 1980-х годов как игровая практика британского студенческого научно-фантастического сообщества Бирмингемского университета; первым институционализирующим жанр событием стал выход 1 апреля 1988 года антологии «The Drabble Project» под редакцией Р. Мидса, Д.Б. Уэйка и Р. Робинсона — ровно сто текстов объёмом ровно сто слов каждый; среди авторов — Т. Пратчетт, Н.

Гейман, А. Кларк [6]. Конституирующим признаком жанра выступает не тематика, а именно числовое ограничение: это сближает драббл с твёрдыми строфическими формами поэзии (сонет, рубаи, хайку), где идентичность также задаётся внешним, точно подсчитываемым параметром. От автора требуется не механическое сокращение, а полнота повествовательной структуры (завязка — развитие — развязка) в условиях предельной языковой экономии [7].

2. Лаконизм в традиционной узбекской прозе

В отличие от драббла, где ограничение объёма — внешнее правило, узбекская традиция выработала лаконичные формы, в которых краткость органична. Латифа — комическая миниатюра, классически связываемая с циклом о Ходже Насреддине (Афанди), — строится на предельно экономном сюжете (одна ситуация, один поворот), разрешающемся острой репликой персонажа. Ҳикоят — более широкий по объёму термин тюрко-персидской традиции, варьирующийся от кратких поучительных миниатюр до развёрнутых сводов; в статье рассматривается его компактная разновидность. Ривоят — короткое полуисторическое предание — демонстрирует аналогичную установку на компактность. В. Бражников указывает на значение фольклорной повествовательной традиции как основы позднейших литературных структур [2], а С. Камилова отмечает, что современная узбекская новеллистика продолжает линию лаконизма, смещаясь от развёрнутого сюжета к концентрированному, символически насыщенному мгновению [3].

3. Сопоставительно-типологический анализ

Сопоставление обнаруживает как структурное сходство, так и функциональное различие (табл. 1).

Таблица 1. Сопоставление латифы/ҳикоята и драббла

Параметр	**Латифа / ҳикоят / ривоят**	**Драббл**
Ограничение объёма	Органично-жанровое (устная традиция)	Формально-игровое (100 слов)
Способ бытования	Устно-письменная традиция	Письменно-цифровая практика
Финальная точка	Нукта (дидактико-ироническая)	Твист (эстетико-игровой)
Адресация	Дидактико-этическая	Эстетико-игровая

Ключевое сходство — роль финальной смысловой точки: нукта в латифе и твист в драббле выполняют функцию, сопоставимую с механизмом «обманутого ожидания» по Б.М. Эйхенбауму [5], — что следует трактовать не как заимствование, а как типологическую конвергенцию, обусловленную общими законами компрессированного повествования. Принципиальное различие — в природе ограничения: в латифе краткость есть следствие устной традиции и не измеряется числом слов, тогда как в драббле экономия языка институционализирована как точное числовое правило.

4. Иллюстрация структурного переноса

Продуктивность сопоставления демонстрирует иллюстративный текст, созданный автором по модели драббла на сюжетной основе латифы о Ходже Афанди (не аутентичная запись, а авторская стилизация):

«Ходжа Афанди пришёл на базар, где спорили два учёных мужа: чья речь длиннее, та и мудрее. Спор длился с утра до полудня. Один из спорщиков обратился к Афанди: “Рассуди нас, о мудрейший!” Афанди снял с плеч чапан, сложил его вчетверо и произнёс одно слово: “Складность”. Учёные мужи замерли в недоумении. “Объясни!” — потребовали они хором. Афанди улыбнулся: “Сложенный чапан греет так же, как разложенный, но занимает меньше места в хурджине. Так и мудрость: чем она складнее, тем дальше её унесёшь”. С этими словами он забрал свой плов из большого казана на базаре и удалился, оставив спорщиков считать слова в собственных речах».

(авторская иллюстрация; 100 слов)

Текст сохраняет структурные признаки латифы (единство ситуации, диалог, разрешение через афористическую реплику) и одновременно укладывается в канон драббла, что подтверждает типологическую совместимость моделей и позволяет рассматривать драббл как инструмент остранения в терминологии В.Б. Шкловского [4]: непривычная внешняя форма заставляет по-новому увидеть композиционную дисциплину, издавна присущую собственной традиции. На этом основании подобное упражнение — переложение сюжета латифы или ҳикоята в формат драббла — может использоваться в преподавании русского языка и литературного творчества студентам узбекских вузов как инструмент развития навыка языковой экономии.

Заключение. Традиционная узбекская лаконичная проза и современный драббл, при различии происхождения и способа бытования, обнаруживают структурное родство на уровне семантической компрессии и приёма финальной смысловой точки [5]; различие носит функционально-исторический, а не структурный характер. Драббл может выполнять по отношению к узбекской лаконичной прозе функцию остраняющего инструмента, позволяющего заново осмыслить композиционные принципы латифы и ҳикоята. Исследование носит теоретический, сопоставительно-типологический характер; перспективным направлением дальнейшей работы представляется формирование параллельного корпуса современных узбекских лаконичных текстов и опубликованных драбблов для их количественного сопоставления.

Список использованной литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С. 237–280.
2. Бражников В. Узбекская литература // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. — Т. 7. — М.: Советская энциклопедия, 1972. — С. 730–742.
3. Камилова С. Некоторые тенденции развития узбекского рассказа в период независимости [Электронный ресурс] // Ziyouz.uz. — URL: https://ziyouz.uz/ru/2012-09-02-11-30-49/49-2012-09-02-10-46-12/659-2012-09-07-07-01-58 (дата обращения: 04.09.2026).
4. Шкловский В.Б. О теории прозы. — М.: Федерация, 1929. — 267 с.
5. Эйхенбаум Б.М. О. Генри и теория новеллы [Электронный ресурс] // ОПОЯЗ. — URL: https://www.opojaz.ru/ohenry/ohenry01.html (дата обращения: 04.09.2026).

6. A History of the Drabble [Электронный ресурс] // Drablr.com. — URL: https://drablr.com/history-of-the-drabble (дата обращения: 04.09.2026).
7. What Is a Drabble in Writing? [Электронный ресурс] // Writer's Digest. — URL: https://www.writersdigest.com/write-better-fiction/what-is-a-drabble-in-writing (дата обращения: 04.09.2026).

GLOBALLASHUV SHAROITIDA ZAMONAVIY O‘ZBEK NASRI TILIDA MILLIY MADANIY O‘ZLIK

Annaeva Lola Rasulovna
dotsent vazifasini bajaruvchi
Iqtisodiyot va pedagogika universiteti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada zamonaviy o‘zbek nasrida milliy madaniy o‘zlikning til vositalari orqali ifodalanishi o‘rganiladi. Nazar Eshonqul va Ulug‘bek Hamdam hikoyalaridagi madaniy ahamiyatli nomlar kontekstual-semantik va qiyosiy usullarda tahlil qilinadi. So‘zning lug‘aviy ma’nosi, madaniy assotsiatsiyalari va bayondagi vazifasi farqlanadi. Globallashuv madaniyatlararo talqin konteksti sifatida ko‘rib chiqiladi.*

Kalit so‘zlar. *Milliy madaniy o‘zlik, globallashuv, o‘zbek nasri, badiiy matn tili, madaniy xotira, realiya, kontekst.*

Аннотация. *В статье исследуется выражение национальной культурной идентичности посредством языковых средств в современной узбекской прозе. Культурно значимые имена в рассказах Назара Эшонкуля и Улугбека Хамдама анализируются с использованием контекстуально-семантического и сравнительного методов. Выделяются лексическое значение слова, его культурные ассоциации и функция в повествовании. Глобализация рассматривается как контекст межкультурной интерпретации.*

Ключевые слова: *национальная культурная идентичность, глобализация, узбекская проза, язык литературного текста, культурная память, реальность, контекст.*

Abstract. *The article examines how language expresses national cultural identity in contemporary Uzbek prose. Culturally significant names in stories by Nazar Eshonqul and Ulug‘bek Hamdam are analysed using contextual semantic and comparative methods. Lexical meaning, cultural associations, and narrative function are distinguished. Globalization is considered a context for intercultural interpretation.*

Keywords. *National cultural identity, globalization, Uzbek prose, literary language, cultural memory, culture-specific item, context.*

Muammoning qo‘yilishi. Adabiyotdagi milliy madaniy o‘zlik masalasi badiiy matnning qanday tuzilganiga e’tibor qaratishni talab etadi. Mahalliy nomlar va maishiy buyumlarning mavjudligi tasvirlangan muhitni tanib olish imkonini beradi, biroq o‘z-o‘zidan

uning qadriy mazmunini hali tushuntirmaydi. Muayyan so‘zni kim aytayotgani, u qanday kechinma bilan bog‘langani va inson bilan jamoa o‘rtasida qanday munosabatlarni o‘rnatayotgani muhimdir. Shu sababli nasrning lisoniy o‘ziga xosligini badiiy bayon bilan birlikda ko‘rib chiqish maqsadga muvofiq.

Asar turli madaniy tajribaga ega o‘quvchilarga yo‘naltirilganda global kontekst bunday yondashuvning ahamiyatini oshiradi. UNESCOning Madaniy xilma-xillik to‘g‘risidagi umumjahon deklaratsiyasida globallashuv bir vaqtning o‘zida xilma-xillik uchun sinov hamda yangilangan muloqot sharti sifatida ko‘rsatilgan. Uning 7-moddasi ijodni madaniy an’ana va madaniyatlar o‘rtasidagi aloqalar bilan bog‘laydi [1]. Adabiy tadqiqot uchun bu tashqi tajribaga ochiqlik asarning milliy xususiyatini inkor etmaydigan talqin yo‘nalishini belgilaydi.

Ishning maqsadi zamonaviy o‘zbek nasridan olingan ayrim misollar asosida madaniy ahamiyatga ega nomlarning badiiy ma’no yaratishdagi ishtirok usullarini aniqlashdir. Tadqiqot savoli quyidagicha qo‘yiladi: predmet yoki shaxsni nomlovchi so‘z qanday sharoitda mansublik, xotira yoxud qadriy tanlovni ifodalash vositasiga aylanadi? Maqolada globallashuvning muayyan muallif shakllariga sababiy ta’siri aniqlanmaydi; ularni madaniyatlararo makonda talqin qilish imkoniyatlari ko‘rib chiqiladi.

Tadqiqot materiali va metodologiyasi

Asosiy material — Nazar Eshonqulning «Shamolni tutib bo‘lmaydi» hikoyasi boshlanishidagi parcha [2] va Ulug‘bek Hamdamning «Bir piyola suv» hikoyasidagi qahramonning yo‘lda to‘xtashi epizodidir [3]. Asarlarning o‘zbek tilidagi elektron nashrlaridan foydalaniladi. Zamonaviy nasr deganda XX asr oxiri — XXI asr boshidagi adabiy jarayon tushuniladi; asarlarning saytda joylashtirilgan sanalari ularning yaratilish sanalari sifatida olinmaydi. Ikki parcha leksikaning turli vazifalarini qiyoslash imkonini beradi, biroq milliy adabiyotning butun ko‘lamini ifodalamaydi.

Yordamchi manbalar sifatida Izoh.uz elektron lug‘atining piyola va karvonsaroy maqolalari [4; 5], shuningdek, N. Eshonqulning adabiy yangilanish haqidagi suhbati olinadi [6]. Lug‘at predmet ma’nosini aniqlash, muallif fikri esa adibning an’analar muloqotidagi pozitsiyasini ko‘rib chiqish uchun qo‘llanadi. Ushbu manbalar badiiy kontekstlar tahlilining o‘rnini bosmaydi. Lug‘at manbasidagi foydalanuvchi sharhlari materialga kiritilmaydi.

Metodika kontekstual-semantik tahlil bilan bayon vazifalarini qiyoslashni birlashtiradi. Tanlangan nom uchun u bildirayotgan obyekt, yaqin so‘z muhiti va mazmuniy qarama-qarshilikdagi ishtiroki aniqlanadi. Qisqa o‘zbekcha parchalar havolalar bilan keltiriladi; ularning izohlari ishchi ma’noviy muqobillar vazifasini bajaradi. Tahlil doirasida madaniy o‘zlik deganda insonning muayyan muhitga xos ismlar, xotira, predmetlar va qadriyatlar bilan matnda ifodalangan aloqasi tushuniladi. Ushbu operatsional tushuncha shu muhitning barcha vakillariga xos yagona va o‘zgarmas xarakterni nazarda tutmaydi.

Nomlash va jamoa xotirasi

N. Eshonqul hikoyasining boshida eski uyning buzilishi qishloq aholisining kechinmalari bilan bog‘lanadi. «tersotaliklar» shakli ularni ma’lum joyga mansublik orqali birlashtiradi, «Bayna momoning uyini» birikmasi esa imoratni muayyan inson bilan bog‘laydi [2]. Jamoaviy nom bilan shaxs ismining yonma-yon kelishi xotiraning ikki ko‘lamini: muhitning umumiy tarixi va alohida inson taqdirini yaratadi. Uy ularning kesishgan nuqtasida idrok etiladi.

Bayon eski imoratga bir ma’noli bo‘lmagan baho berish imkonini qoldiradi: uning tashqi ko‘rinishi yangi uylarga qarama-qarshi qo‘yiladi, biroq yo‘qotish buzilishni kuzatayotgan aholiga ham ta’sir qiladi. «o‘zlarining ham nimalarinidir» noaniq ifodasi, taxminan «ularning o‘zlaridagi nimanidir ham» ma’nosida, ushbu yo‘qotishning to‘liq anglanmaganligini ifodalaydi [2]. Taklif etilgan talqinda madaniy xotira ochiq bayonot bilan emas, yo‘qolayotgan narsani nomlashdagi qiyinchilik orqali namoyon bo‘ladi. Bunda aholining o‘ziga grammatik ishora ham, yo‘qotilayotgan narsaning noaniqligi ham muhimdir.

Bunday parcha o‘zlikni so‘zlar o‘rtasidagi munosabatlar orqali o‘rganish imkonini beradi. Qishloqning alohida olingan nomi joyni ko‘rsatadi, biroq uning shaxsni nomlash va jamoaviy kechinma tasviri bilan o‘zaro aloqasi qadriy nuqtayi nazarni shakllantiradi. Bu yerda milliy xususiyat maishiy hayotning tashqi tanishligi bilan tugamaydi: u insonning umumiy o‘tmish bilan aloqasini til orqali anglash usulini ham qamrab oladi.

Predmet ma’nosi va ramziy vazifa

Izoh.uz lug‘atida piyola yuqoriga tomon kengayib boradigan, taglikli, asosan choy uchun ishlatiladigan kichik idish sifatida izohlanadi [4]. Ushbu izoh predmet shaklini aniqlashtiradi, biroq «mehmondo‘stlik», «ma’naviy tashnalik» yoki «taqdir» kabi tayyor ma’nolarni o‘z ichiga olmaydi. Bunday ma’nolar faqat muayyan kontekstda yuzaga kelishi mumkin. Lug‘aviy ma’no bilan badiiy vazifani farqlash har bir maishiy predmetga o‘zboshimchalik bilan doimiy milliy ramziylik nisbat berishning oldini oladi.

U. Hamdam hikoyasida «bir piyola suv» birikmasi qahramon uchun zarur ichimlikning kichik o‘lchovini bildiradi. To‘xtash epizodidagi «munaqqash mis piyolani» aniqlashtirishi, ya’ni naqsh bilan bezatilgan mis piyola, predmetning moddiy aniqligini saqlaydi. Biroq ichilgan suv uchun haq to‘lash yo‘lovchini holdan toydiruvchi kutishga tortadi va topshiriqdan chalg‘itadi [3]. Taklif etilgan talqinda mazmuniy ta’sir suvning oz miqdori bilan yo‘qotilayotgan vaqt o‘rtasidagi nomutanosiblikka asoslanadi. Maishiy leksika ehtiyojni qondirishning badali haqidagi axloqiy savolning bir qismiga aylanadi.

Karvonsaroy nomi to‘xtash joyini qahramon yo‘lini davom ettirish niyatiga zid ravishda ushlanib qoladigan makon bilan birlashtiradi [3]. Uning vazifasi alohida etnografik izoh orqali emas, personajning harakatlari orqali ochiladi. Kutilgan yordamdan to‘siqqa tomon mazmuniy siljish madaniy jihatdan tanish predmetlikni tasvirlangan muhitdan tashqaridagi o‘quvchi uchun ham tushunarli mas’uliyat muammosi bilan bog‘lash imkonini beradi.

Lug‘atda karvonsaroy karvonlarning to‘xtashi va tunashi uchun moslashtirilgan joy ma’nosiga ega; odamlar doimiy kelib-ketib turadigan makonning so‘zlashuv tilidagi nomi ham alohida keltiriladi [5]. Bir nechta ma’noning mavjudligi kontekstni tekshirishni ayniqsa zarur qiladi. Lug‘aviy ko‘pma’nolilik barcha ma’nolarni istalgan qo‘llanishga avtomatik ko‘chirishga ruxsat bermaydi. Tahlil uchun avval predmetga oid vaziyat aniqlanadi, keyin uning baholash nuqtayi nazaridan qanday tashkil etilgani ko‘rib chiqiladi.

Milliy an’ana va adabiy shaklning ochiqligi

Madaniy o‘zlikni ifodalash boshqa adabiyotlarda ma’lum bo‘lgan badiiy usullardan albatta voz kechishni talab etmaydi. N. Eshonqul 2005-yildagi suhbatida individual uslubni «g‘arbiy» va «sharqiy» yo‘nalishlarga mexanik taqsimlashga e’tiroz bildiradi. Insonning o‘zini anglashini muhokama qilar ekan, u turli madaniy manbalarni qiyoslaydi, jumladan,

Kamyu, Go‘ro‘g‘li va Alpomish obrazlariga murojaat etadi [6]. Bu sanab o‘tilgan an’analarning aynanligini isbotlovchi dalil emas, muallif pozitsiyasining ifodasidir.

Mazkur tadqiqot uchun yozuvchi taklif etgan savol qo‘yish usuli muhim: badiiy izlanishlarning tashqi o‘xshashligi muallif tajribasining mustaqilligini bekor qilmaydi. Uning fikrini barcha asarlarni tushunishning universal kaliti sifatida ishlatish kerak emas. Bu fikr shaklni oldindan milliy yoki begona deb e’lon qilish o‘rniga madaniy xotira bilan tanlangan shaklning muayyan o‘zaro aloqasini ko‘rsatishdan iborat tahlil vazifasini belgilashga yordam beradi.

Madaniyatlararo talqin sharoitida ikki soddalashtirishdan qochish ayniqsa muhim. Birinchisi asarni noodatiy buyumlar va urf-odatlar to‘plamiga aylantiradi; ikkinchisi esa barcha madaniy xususiyatli so‘zlarni umumiy nomlar bilan almashtirib, faqat mavhum axloqiy xulosani qoldiradi. Har ikki holatda til shakli bilan ma’no o‘rtasidagi aloqa zaiflashadi. Sharh o‘quvchiga predmetni tushunishga yordam berishi, biroq uning vazifasini talqin qilishning yagona usulini oldindan belgilamasligi kerak.

Amaliy jihatdan bu ma’lumot beruvchi izoh bilan tahliliy izohni ajratishni anglatadi. Avval so‘z nimani nomlayotgani aniqlashtiriladi; so‘ng o‘quvchi asarning o‘zidagi harakat, baho va takrorga murojaat qiladi. Predmet haqidagi ma’lumot butun bir xalq xarakteri to‘g‘risidagi hukmga aylanmasligi kerak. Xuddi shuningdek, personaj xatti-harakatiga berilgan salbiy baho tasvirlangan madaniy hamjamiyatga avtomatik ko‘chirilmaydi.

Natijalar muhokamasi

Qiyoslash til birligining predmet jihatidan tanishligi bilan qadriy vazifasini farqlashga asos beradi. Birinchisi so‘zni madaniy muhit bilan bog‘lashni ta’minlaydi. Ikkinchisi nom mansublik, yo‘qotish, kutish yoki mas’uliyat munosabatlarida ishtirok etganda yuzaga keladi. Demak, realiyaning mavjudligi tahlilning boshlanishidir, uning yakunlangan natijasi emas. Grammatik aloqalar va yaqin kontekstga e’tibor so‘zlar ro‘yxatidan badiiy ma’noni tushuntirishga o‘tish imkonini beradi.

Bunday yondashuvda milliy o‘ziga xoslik har bir predmet yoki kechinmaning mutlaq noyobligini isbotlashni talab etmaydi. Masala asar o‘z muhiti uchun tanish tajriba shakllarini qanday tashkil etishidadir. Bir xil turdagi hayotiy muammo turlicha so‘z ifodasiga ega bo‘lishi mumkin. Shu bois madaniy xususiyatni alohida so‘zning faqat bir madaniyatga mansubligini tasdiqlashdan emas, vositalarning birikishi, ularning bahosi va kompozitsiyadagi o‘rnidan izlash maqsadga muvofiq.

Ishning metodik natijasi madaniy ahamiyatli nomga beriladigan savollar ketma-ketligidir: u qaysi obyektni bildiradi; kimning nuqtayi nazari bilan bog‘langan; qanday mazmuniy aloqani saqlaydi; umumlashtiruvchi so‘z bilan almashtirilganda nima yo‘qoladi? Oxirgi savol muallif matnini tuzatish taklifi emas, tahliliy tekshiruvdir. U realiya faqat voqea joyini belgilash uchun kerakmi yoki uni baholashda ham ishtirok etadimi, shuni aniqlashga yordam beradi.

Xulosa. Ko‘rib chiqilgan misollarda o‘zbek nasri tili inson, muhit va xotirani badiiy bog‘lash vositasi sifatida namoyon bo‘ladi. Madaniy o‘zlik muayyan nomlar orqali ham, ularning baho va bayon nuqtayi nazari bilan o‘zaro aloqasi orqali ham ifodalanadi. Bunda asarning boshqa madaniyat vakillari uchun tushunarliligi uning lisoniy xususiyatlarini yo‘qotishni talab etmaydi.

Taklif etilgan tahlil lug‘aviy ma’nodan kontekstual vazifaga o‘tishning samaradorligini ko‘rsatadi. Uning chegaralari material hajmining kichikligi bilan belgilanadi: aniqlangan usullar zamonaviy nasrning barcha yo‘nalishlarini tavsiflamaydi va globallashuv sababli yuzaga kelgan o‘zgarishlarni isbotlamaydi. Keyingi ishda mualliflar va janrlarning kengroq doirasini qiyoslash, turli nomlash usullari madaniy meros bilan aloqani qanday qo‘llab-quvvatlashi, qayta talqin qilishi yoki muammoli masala sifatida qo‘yishini tekshirish mumkin.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity. Paris, 2 November 2001. URL: https://www.unesco.org/en/legal-affairs/unesco-universal-declaration-cultural-diversity (murojaat sanasi: 13.10.2026).
2. Eshonqul N. Shamolni tutib bo‘lmaydi: hikoya // Ziyouz. URL: https://www.ziyouz.com/portal-haqida/xarita/uzbek-nasri/nazar-eshonqul-1962/nazar-eshonqul-shamolni-tutib-bo-lmaydi-hikoya (murojaat sanasi: 13.10.2026).
3. Hamdam U. Bir piyola suv: hikoya // Ziyouz. URL: https://www.ziyouz.com/portal-haqida/xarita/uzbek-nasri/ulug-bek-hamdam-1968/ulug-bek-hamdam-bir-piyola-suv-hikoya (murojaat sanasi: 13.10.2026).
4. Piyola // Izoh.uz: O‘zbek tilining izohli lug‘ati. URL: https://izoh.uz/word/piyola (murojaat sanasi: 13.10.2026).
5. Karvonsaroy // Izoh.uz: O‘zbek tilining izohli lug‘ati. URL: https://izoh.uz/word/karvonsaroy (murojaat sanasi: 13.10.2026).
6. Eshonqul N. Adabiyot baribir yangilanaveradi / suhbatdosh Sh. Salomov // O‘zbekiston adabiyoti va san’ati. 2005. № 45. Elektron nashr: Ziyouz. URL: https://www.ziyouz.com/portal-haqida/xarita/suhbatlar/nazar-eshonqul-adabiyot-baribir-yangilanaveradi (murojaat sanasi: 13.10.2026).

ISHONCHSIZ HIKOYACHI ZAMONAVIY NASRDA KITOBXON TALQININI TASHKIL ETISH USULI SIFATIDA

Nabieva Dilrabo Abduraupovna
dotsent vazifasini bajaruvchi
Iqtisodiyot va pedagogika universiteti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada ishonchsiz hikoyachining kitobxon talqiniga ta’siri Julian Barnes romani va narratologik tadqiqotlar asosida o‘rganiladi. Axborot manbasini aniqlash, sababiy izohni tekshirish va detallar ahamiyatini qayta baholash farqlanadi. Xotira cheklanganligini tan olish ongli aldovni isbotlamasligi ko‘rsatiladi. Ishonchsizlikning matndagi asoslarini tavsiflash uchun tahlil ketma-ketligi taklif etiladi.*

Kalit so‘zlar. *Ishonchsiz hikoyachi, narratologiya, kitobxon talqini, zamonaviy nasr, Julian Barnes, xotira, narrativ nuqtayi nazar.*

Аннотация. *В статье рассматривается влияние ненадежного рассказчика на интерпретацию читателя на основе романа Джулиана Барнса и его нарратологических исследований. Проводится различие между идентификацией источника информации, изучением причинно-следственных объяснений и переоценкой значимости деталей. Показано, что признание ограничений памяти не доказывает сознательный обман. Предложена последовательность анализа для описания основ ненадежности в тексте.*

Ключевые слова: *Ненадежный рассказчик, нарратология, интерпретация читателя, современная проза, Джулиан Барнс, память, точка зрения повествования.*

Abstract. *The article examines how an unreliable narrator shapes interpretation, drawing on an opening excerpt from Julian Barnes’s novel and narratological studies. It distinguishes identifying information sources, testing causal explanations, and reassessing details. Acknowledging memory limitations does not establish deliberate deception. An analytical sequence is proposed for describing textual grounds for distrust.*

Keywords. *Unreliable narrator, narratology, reader interpretation, contemporary prose, Julian Barnes, memory, narrative perspective.*

Muammoning qo‘yilishi

Birinchi shaxs tilidan bayon qilish personaj tajribasini anglash imkonini beradi, ayni paytda esa ma’lumotlarni uning nuqtayi nazari bilan cheklaydi. Shu sababli hikoyaning ishonchliligi masalasini faqat faktik xato mavjudligi orqali hal qilib bo‘lmaydi. Hikoyachi harakatni aniq tasvirlab, uning sababini bahsli izohlashi; unutuvchanligini tan olgan holda o‘tmishga berilgan muayyan bahoni qat’iy himoya qilishi mumkin. Adabiyotshunoslik tahlilida xabar bilan uni tushunishning mumkin bo‘lgan usuli o‘rtasidagi tafovut aynan qayerda yuzaga kelishini aniqlash muhim.

Maqolaning maqsadi o‘z ishonchliligini muhokama predmetiga aylantiradigan bayonda talqinni tashkil etish usullarini aniqlashdir. Tadqiqot savoli quyidagicha qo‘yiladi:

barcha voqealar haqida mustaqil guvohlikka ega bo‘lmagan kitobxonga hikoyachi talqinini tekshirish imkonini matnning qaysi xususiyatlari beradi? Ishchi farazga ko‘ra, ishonchsizlik hikoyaning kuzatish, izohlash va baholash darajalari o‘rtasidagi munosabatlar orqali namoyon bo‘ladi. Ishning tahliliy natijasi dastlabki ishonchdan talqinni qayta ko‘rib chiqishga o‘tishni asoslashga yordam beradigan savollar ketma-ketligidir.

Tadqiqot materiali va metodlari

Asosiy material — Julian Barnesning «The Sense of an Ending» (2011) romanidan Bookreporter saytida nashr etilgan boshlang‘ich parcha [1]. Kirishdagi xotiralar ro‘yxati, xotiraning ishonchliligiga oid izohlar va maktabdagi tarixiy sababiyat muhokamasi ko‘rib chiqiladi. Tahlil inglizcha matn asosida olib boriladi; qisqa iboraning tarjimasi maqola muallifi tomonidan bajarilgan. Romanning keyingi kompozitsiyasiga murojaat Elizabeth Purdy tadqiqoti bilan qiyoslash doirasida chegaralanadi [5]. Bunday ajratish parcha ustidagi bevosita kuzatish bilan nashr etilgan ilmiy talqindan foydalanish o‘rtasidagi farqni saqlaydi.

O‘zaro bog‘liq uch metod qo‘llanadi. Bayon tuzilishini tahlil qilish ma’lumotlar kimga tegishli va qaysi asosda taqdim etilganini aniqlaydi. Matnni sinchiklab o‘qish cheklovchi izohlar, faktdan hukmga o‘tishlar va detallarni ajratib ko‘rsatish usullarini ochadi. Ilmiy talqinlarni qiyoslash taklif etilayotgan xulosalarning chegaralarini aniqlashtiradi. Tadqiqot so‘rov yoki eksperimentlarni o‘z ichiga olmaydi: kitobxon talqinini tashkil etish deganda muayyan auditoriyaning o‘lchangan xulq-atvori emas, matn yaratadigan imkoniyatlar tushuniladi.

Tahlilning nazariy asoslari

D. Shen sharhida ishonchsizlik xabar berish, talqin qilish va baholashga nisbatan ko‘rib chiqiladi; bir darajadagi ishonchlilik boshqa darajadagi ishonchlilikni albatta nazarda tutmaydi [2]. Bu farqlash hikoyachini umumiy tarzda yolg‘onchilikda ayblashdan voz kechish imkonini beradi. Masalan, uchrashuv haqidagi xabar va uchrashuvning boshqa ishtirokchisi niyatlarini izohlash turli asoslarni talab etadi: birinchisi voqeada hozir bo‘lishga tayanishi mumkin, ikkinchisi esa boshqa kishining ichki holati haqida xulosa chiqarishni nazarda tutadi.

J. Phelan ishonchlilik va ishonchsizlik nisbatini faqat ikki barqaror tur qarama-qarshiligi sifatida emas, kontinuum sifatida ko‘rib chiqishni taklif etadi [3]. Mazkur tadqiqot uchun bu alohida holatni tekshirish zarurligini anglatadi: muayyan izohga shubha boshqa ma’lumotlarni avtomatik bekor qilmaydi. W. Schmid matn asosida qayta tiklanadigan implitsit kitobxon bilan asarning real qabul qiluvchisi o‘rtasidagi farqni ta’kidlaydi [4]. Shu bois bu yerda «matn tekshirishga undaydi» ifodasi universal psixologik ta’sirni emas, asoslangan talqin imkoniyatini bildiradi.

Shu asosda uchta tahliliy savol taklif etiladi. Birinchisi: hikoyachi aytayotgan ma’lumotni qayerdan biladi? Ikkinchisi: ushbu ma’lumot u taklif qilgan sababiy izoh uchun yetarlimi? Uchinchisi: nima uchun aynan shu detalga katta ahamiyat beriladi? Oxirgi savol ayniqsa muhim: material tanlovi bevosita faktik xato bo‘lmaganda ham tushunishni yo‘naltirishi mumkin. Tekshirish predmeti faqat alohida da’voning rostligi emas, da’volarning ishonarli hikoyaga birlashtirilish usuli ham bo‘ladi.

Tahlil natijalari va muhokamasi

Roman boshida xotiralar alohida obrazlar ro‘yxati sifatida beriladi. Hikoyachi ro‘yxat oldidan «in no particular order», ya’ni «muayyan tartibga solinmagan holda» iborasini qo‘llaydi, so‘ng sanab o‘tilgan manzaralarning oxirgisini bevosita kuzatmaganini tan oladi

[1]. Shunday qilib, kirishning o‘zidayoq xotirada qolgan bilan ko‘rilgan farqlanadi. Bu axborot manbai haqida savol berishga muayyan asos yaratadi, biroq butun hikoyani ataylab yolg‘on tuzilgan deb e’lon qilishga hali imkon bermaydi.

Taklif etilgan talqinda cheklovchi izoh ikki vazifani bajaradi. U aniqlikka da’voni chegaralaydi va ayni paytda ishonchni qo‘llab-quvvatlashi mumkin: so‘zlovchi o‘z bilimi chegaralarini ochiq tan oladi. O‘zaro mos ikki taxmin yuzaga keladi: hikoyachi ochiq gapirishga intiladi, biroq uning ochiqligi faktik to‘liqlikni ta’minlamaydi. Bunday vaziyat nutqiy xulqning samimiyligi bilan aytilayotgan ma’lumotning dalillanganligini alohida baholashni talab etadi. Qo‘shimcha asossiz bir bahodan ikkinchisiga o‘tish talqinning o‘zidagi xato bo‘lar edi.

Tahlilning birinchi natijasi obrazning maqomi bilan uning ifodaliligini farqlash zarurligidir. Yorqin detal bevosita hozir bo‘lish tasavvurini uyg‘otishi mumkin, holbuki bayonning o‘zi boshqa manbaga yo‘l qo‘yadi. Tekshirish uchun muqobil imkoniyatlarni belgilash yetarli: kuzatish, boshqa kishining xabari, keyinchalik qayta tiklash. Ular orasidan matn ko‘rsatmalari asosida tanlash lozim. Agar ko‘rsatmalar yetarli bo‘lmasa, noaniqlik tahlil natijasi sifatida saqlanadi; uni personajga psixologik tashxis qo‘yish yoki ongli aldov taxmini bilan to‘ldirish kerak emas.

Ikkinchi jihat maktabdagi tarix haqidagi suhbat orqali ochiladi. Nashr etilgan parchada tarixiy sabablar va tasodifning roli muhokama qilinadi; o‘tmishni izchil tushuntirish imkoniyati bahs predmetiga aylanadi [1]. Taklif etilgan talqinda bu epizod shaxsiy bayonga ham xuddi shu savolni qo‘yish uchun asos bo‘ladi: hikoyachi tarqoq ma’lumotlarni qanday qilib izchil talqinga aylantiradi? Savollarning o‘xshashligi muhim, biroq u maktabdagi suhbatdoshlar bilan roman muallifi pozitsiyalarining aynanligini isbotlamaydi.

Bu yerda ketma-ketlikni sababiyatdan ajratish muhim. Bir epizod boshqasidan so‘ng bayon etilgan bo‘lsa, kompozitsion aloqa sababiy aloqani hali tasdiqlamaydi. Dalillangan talqin uchun qo‘shimcha asos: xatti-harakat motivi, harakatlarning bevosita aloqasi yoki boshqa personaj guvohligi topilishi zarur. Bunday asosning yo‘qligi taxmin qilinayotgan aloqani imkonsiz qilmaydi; u aloqaning maqomini aniqlangan munosabatdan farazga o‘zgartiradi. Demak, ishonchsizlik o‘z izohiga bo‘lgan ishonch darajasini doimiy aniqlashtirish zarurati orqali o‘qishni tashkil etishi mumkin.

Uchinchi jihat ahamiyatning taqsimlanishiga taalluqli. E. Purdy hikoyachi xotirasini aks-sado kamerasi sifatida tavsiflaydi: tanlangan xotiralarning takrorlanishi ularning rolini kuchaytiradi va hikoyachining o‘tmish talqini qayta hosil bo‘lishiga yordam beradi. Tadqiqotchi kirishdagi ro‘yxatni romanning keyingi rivoji bilan bog‘laydi va dastlabki urg‘ular ma’no izlashni qanday yo‘naltirishini ko‘rsatadi [5, 32–36-b.]. Ushbu fikr detallar tanlovini alohida faktni yashirish bilangina izohlanmaydigan, talqinni tashkil etishning mustaqil mexanizmi sifatida ko‘rib chiqish imkonini beradi.

Shu bilan birga, kitobxonning xato talqinga jalb etilishi haqidagi tezis aniqlashtirishni talab qiladi. Detalning matnda ajratib ko‘rsatilishi har bir kitobxon taklif etilgan bahoni qabul qilishini kafolatlamaydi. Bevosita kuzatish bo‘lmaganini tan olishning o‘ziyoq tanqidiy masofaga imkon beradi. Shu bois raqobatlashuvchi imkoniyatlar haqida gapirish samaraliroq: taklif etilgan urg‘ular taqsimotiga ergashish yoki uning asoslarini tekshirish. Bunday aniqlashtirish real va implitsit kitobxonni farqlashga mos keladi hamda Purdy kuzatishlarining izohlovchi qimmatini saqlaydi.

Amalda taklif etilgan yondashuv qisqa tahliliy tartib orqali amalga oshiriladi. Dastlab hikoyachining muayyan da’vosi qayd etiladi. Keyin uning asosi ko‘rsatiladi va tavsif izohdan ajratiladi. Shundan so‘ng ma’noning mumkin bo‘lgan ikki talqini shakllantirilib, har biri uchun matndan tasdiq topiladi. Yakuniy bosqich — qanday yangi dalil tanlovni o‘zgartirishi mumkinligini aniqlash. Bunday tartib talqinni tekshirish mumkin bo‘lgan holga keltiradi: tadqiqotchi faqat yakuniy hukmni emas, uni qayta ko‘rib chiqish shartlarini ham ko‘rsatadi.

Alohida cheklov axloqiy baholash bilan bog‘liq. Boshqalarning motivlari haqidagi bilim yetishmasligini avtomatik ravishda hikoyachining aybsizligi daliliga aylantirib bo‘lmaydi; aniqlangan xato esa, o‘z navbatida, uning barcha keyingi voqealar uchun javobgarligini tasdiqlamaydi. Bunday xulosalar mustaqil dalillashni talab etadi. Shu sababli ishonchlilikni tekshirish va xatti-harakatni baholash o‘zaro bog‘liq, biroq alohida amallar bo‘lib qolishi kerak. Aynan ularni aralashtirish murakkab nasrni haddan tashqari qat’iy talqin qilishga olib kelishi mumkin.

Xulosa. Ko‘rib chiqilgan materialda talqinni tashkil etishning uch usuli ajratildi: axborot manbai haqida savol qo‘yish, sababiy izohni muammo sifatida ko‘rib chiqish va detallar ahamiyatini taqsimlash. Barnes romanining boshlang‘ich parchasi dastlabki ikki amalning asoslarini kuzatish imkonini beradi; Purdy tadqiqoti esa xotiralarni tanlash va takrorlashning kompozitsion rolini ochadi. Olingan natija ushbu tahliliy holatga taalluqli bo‘lib, butun zamonaviy nasrning universal modelini belgilamaydi.

Ishonchsiz hikoyachini kitobxon farazlarini qayta ko‘rib chiqish sharti sifatida o‘rganish samaralidir. Bunday tushunish xato, bilimning to‘liq emasligi va ongli aldov o‘rtasidagi, shuningdek, matniy imkoniyat bilan real kitobxon munosabati o‘rtasidagi farqlarni saqlashni talab etadi. Taklif etilgan tahlil ketma-ketligidan birinchi shaxs tilidan bayon qilishni o‘rganishda foydalanish mumkin. Uni keyinchalik tekshirish ishonchsizlik turli darajalarda: faktik, sababiy va baholash darajalarida namoyon bo‘ladigan bir nechta asarni qiyoslashni nazarda tutadi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Barnes J. The Sense of an Ending: Excerpt // Bookreporter. URL: https://www.bookreporter.com/reviews/the-sense-of-an-ending/excerpt (murojaat sanasi: 13.10.2026).

2. Shen D. Unreliability // The Living Handbook of Narratology / ed. by P. Hühn et al. 2011; revised 2013. URL: https://www-archiv.fdm.uni-hamburg.de/lhn/node/66.html (murojaat sanasi: 13.10.2026).

3. Phelan J. Reliable, Unreliable, and Deficient Narration: A Rhetorical Account // Narrative Culture. 2017. Vol. 4, no. 1. Article 7. URL: https://digitalcommons.wayne.edu/narrative/vol4/iss1/7/ (murojaat sanasi: 13.10.2026).

4. Schmid W. Implied Reader // The Living Handbook of Narratology / ed. by P. Hühn et al. 2013; revised 2014. URL: https://www-archiv.fdm.uni-hamburg.de/lhn/node/59.html (murojaat sanasi: 13.10.2026).

5. Purdy E. “You still don’t get it. You never have and you never will.”: Memory as an Echo Chamber in Julian Barnes’s The Sense of an Ending // MHRA Working Papers in the Humanities. 2020. Vol. 15. P. 29–37. DOI: 10.59860/wph.a1659d8.

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI ВЕКА
(на материале прозы Лукмона Бурихана и Зульфии Куралбой кизи)

Набиева Дилрабо Абдурауповна
и. о. доцента кафедры русского языка и литературы
Университет экономики и педагогики
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается образ женщины в узбекской прозе начала XXI века на материале романов «Jaziramadagi odamlar» Лукмона Бурихана, «Armon asirasi» и рассказа «Yozsiz yil» Зульфии Куралбой кизи. Цель работы — сопоставить способы изображения женского достоинства и личного выбора. Сравнительно-типологический подход сочетается с анализом повествовательной перспективы и литературно-критических интерпретаций. Выделены три аспекта: противоречие между общественным идеалом и потребностями героини, нравственная самостоятельность в повседневной жизни и материнская забота как деятельная позиция. Показано, что этические характеристики персонажа следует рассматривать вместе с распределением права на оценку и решение. Выводы относятся к выбранным произведениям и не претендуют на описание всей узбекской литературы столетия.*

Ключевые слова: *узбекская литература XXI века, образ женщины, Лукмон Бурихан, Зульфия Куралбой кизи, психологизм, повествовательная перспектива, личный выбор.*

Annotatsiya. *Maqolada XXI asr boshidagi o‘zbek nasrida ayol obrazi Luqmon Bo‘rixonning «Jaziramadagi odamlar» romani, Zulfiya Qurolboy qizining «Armon asirasi» romani va «Yozsiz yil» hikoyasi misolida ko‘rib chiqiladi. Maqsad — ayol qadr-qimmati va shaxsiy tanlovining badiiy tasvir usullarini qiyoslash. Qiyosiy-tipologik yondashuv bayon nuqtayi nazari va adabiy-tanqidiy talqinlar tahlili bilan birlashtiriladi. Uch jihat ajratiladi: jamoatchilik ideali bilan qahramon ehtiyojlari o‘rtasidagi ziddiyat, kundalik hayotdagi axloqiy mustaqillik va onalik g‘amxo‘rligining faol pozitsiya sifatida namoyon bo‘lishi. Qahramonning axloqiy xususiyatlarini baholash va qaror qabul qilish huquqining kimga tegishli ekani bilan birga o‘rganish zarurligi asoslanadi. Xulosalar tanlangan asarlarga taalluqli bo‘lib, butun asr o‘zbek adabiyotini qamrab olishni da’vo qilmaydi.*

Kalit so‘zlar: *XXI asr o‘zbek adabiyoti, ayol obrazi, Luqmon Bo‘rixon, Zulfiya Qurolboy qizi, psixologizm, bayon nuqtayi nazari, shaxsiy tanlov.*

Abstract. *The article examines the representation of women in early twenty-first-century Uzbek prose through Luqmon Bo‘rixon’s novel Jaziramadagi odamlar and Zulfiya Qurolboy qizi’s novel Armon asirasi and short story Yozsiz yil. It compares representations of women’s dignity and personal choice using a comparative typological approach, narrative perspective analysis, and critical interpretations. Three aspects are distinguished: tension between public ideals and personal needs, moral agency in everyday life, and maternal care as active engagement. Ethical characterization is considered alongside the distribution of*

authority to judge and decide. The findings are limited to the selected works rather than the literature of the entire century.

Keywords: *twenty-first-century Uzbek literature, representation of women, Luqmon Bo'rixon, Zulfiya Qurolboy qizi, psychological characterization, narrative perspective, personal choice.*

Введение. Образ женщины требует анализа, выходящего за пределы перечня положительных качеств — верности, терпения, заботливости. Такие характеристики ещё не объясняют, каким образом героиня участвует в развитии конфликта, кому принадлежит право судить о её поступках и может ли она выражать собственные желания. Для литературоведческого исследования существенно различие между уважением к женщине как носительнице определённой роли и признанием её самостоятельной личностью. Именно это различие составляет проблему настоящей статьи.

В исследованиях современной узбекской прозы уже рассмотрены психологическая выразительность женских характеров и способы их художественного построения. К. И. Эгамбердиева обращает внимание на противоречивость изображения женщины у Зульфии Куралбой кизи, на отказ писательницы от сглаживания отрицательных черт [3]. Ю. Турдиева связывает характеристику персонажа с композицией, речью, портретом и повествованием, анализируя, в частности, роман Лукмона Бурихана [2]. Эти наблюдения позволяют поставить более конкретный вопрос: как нравственная оценка героини соотносится с предоставленной ей возможностью действовать и выбирать?

Цель статьи — сопоставить способы изображения женского достоинства и личного выбора в трёх произведениях. В качестве рабочего критерия используется не противопоставление «традиционной» и «современной» женщины, а соотношение внешней оценки, собственного желания и поступка. Такой подход позволяет избежать механического отождествления семейной роли с пассивностью, а внешнего неповиновения — с внутренней свободой.

Материал и методика анализа

Материал ограничен прозой начала XXI века: романом «Jaziramadagi odamlar» Лукмона Бурихана, изданным в 2005 году [6], романом «Armon asirasi» и рассказом «Yozsiz yil» Зульфии Куралбой кизи. У. Норматов относит два последних произведения к публикациям 2009 года [4]. Условные переводы названий — «Люди в зное», «Пленница несбывшихся надежд» и «Год без лета» — используются как пояснения, а не как названия проверенных русских изданий. Время публикации отделяется от времени изображённых событий: произведение XXI века может обращаться к опыту предшествующего столетия.

Работа имеет обзорно-аналитический характер. Непосредственное чтение электронного текста «Yozsiz yil» [1] сочетается с сопоставлением опубликованных разборов романов у Ю. Турдиевой, К. И. Эгамбердиевой и У. Норматова [2–4]. Интерпретации исследователей обозначаются отдельно от предлагаемых выводов. Применяются сравнительно-типологический метод и элементы нарратологического анализа. Различение того, кто рассказывает, и того, чьим восприятием организован эпизод, опирается на понятие фокализации, изложенное Б. Нидерхоффом [5].

Для сопоставления ставятся три вопроса. Какое требование предъявляет героине её окружение? Каким способом читатель узнаёт о её собственном отношении к происходящему? Изменяет ли её решение развитие отношений между персонажами? Единицей рассмотрения становится не изолированный эпитет, а связь ситуации, оценки и действия. Выбор двух авторов и трёх произведений не позволяет устанавливать частотность образных моделей или описывать эволюцию всей национальной литературы.

Лолахон и противоречия общественной идеализации

В разборе «Jaziramadagi odamlar» Ю. Турдиева выделяет Лолахон как молодую вдову, наделённую собственными надеждами и потребностью в счастье. Исследовательница показывает, что сведения о её желаниях препятствуют превращению персонажа в условное существо, лишённое человеческих потребностей [2]. Для настоящего сопоставления это существенно: идеализация способна возвысить женщину и одновременно ограничить допустимые формы её поведения. Тогда уважение оказывается зависимым от постоянного соответствия чужому представлению о верности.

Особую роль получает повествовательное посредничество Самада. Характеристика героини проходит через восприятие другого персонажа; поэтому читателю необходимо различать изображаемую женщину и создаваемое вокруг неё представление [2]. Такой ракурс позволяет сформулировать аналитическую гипотезу: конфликт Лолахон связан не только с обстоятельствами её судьбы, но и с правом окружающих определять смысл этой судьбы. Здесь образ женщины становится средством проверки того, насколько общественное признание совместимо с признанием личной жизни.

Насиба и неоднозначность самоотверженности

Образ Насибы в «Armon asirasi» допускает сопоставление разных критических акцентов. У. Норматов видит в её заботе о других нравственную силу, способную противостоять отчуждению; особое значение он придаёт воздействию героини на Талгата и Хулкар [4]. В этой интерпретации повседневная помощь обладает сюжетообразующим значением: женщина не только переносит последствия чужих поступков, но и меняет характер межличностных отношений.

К. И. Эгамбердиева, признавая стойкость Насибы, обращает внимание также на её незащищённость и склонность приносить себя в жертву [3]. Различие оценок не следует устранять выбором единственного определения. Предлагаемое прочтение удерживает обе стороны: способность поддерживать другого свидетельствует об активности, однако сама по себе ещё не означает возможности распоряжаться собственной жизнью. Самоотверженность необходимо анализировать вместе с её последствиями для героини. Иначе похвала доброте незаметно превращается в одобрение положения, при котором её потребности постоянно откладываются.

Такое сопоставление критических позиций позволяет различать нравственную значимость поступка и социальную защищённость совершающего его человека. Эти характеристики могут не совпадать. Женский образ приобретает аналитическую сложность именно там, где читателю приходится одновременно признавать ценность заботы и спрашивать о её личной цене.

Бувгул и материнская забота как действие

В рассказе «Yozsiz yil» Бувгул ухаживает за сыном Собиром, чья жизнь изменилась после автомобильной аварии. Уже начальные эпизоды связывают материнство с повторяющимся трудом, тревогой и необходимостью противостоять отчаянию [1]. Героиня раскрывается через конкретные действия, а не только через возвышенную характеристику. В этом отношении образ матери получает телесную и временную определённость: забота занимает дни и годы, требует сил и не устраняет неопределённости будущего.

Показателен эпизод воображаемой свадьбы Собира: Бувгул принимает предложенную сыном ситуацию и танцует по его просьбе. Сцена соединяет внешнее праздничное действие и внутреннюю боль; читатель видит расхождение между поведением и переживанием [1]. В предлагаемой интерпретации это не бесчувственное подчинение роли, а трудное решение поддержать близкого. Оно не отменяет страдания самой женщины. Поэтому описание её стойкости должно сохранять внимание к пределам человеческих сил.

У. Норматов рассматривает рассказ как художественно значительное воплощение материнской любви и подчёркивает связь развития событий с психологическими изменениями персонажей [4]. Вместе с тем аналитическое чтение не должно превращать исключительную самоотдачу героини в универсальное требование к каждой матери. Художественная убедительность конкретной судьбы не равнозначна предписанию всем женщинам повторять её.

Результаты сопоставления и обсуждение

Сопоставление позволяет предложить различение трёх форм признания героини: признания её добродетелей, значимости её поступков и права на собственное решение. Эти формы не тождественны. Положительная оценка окружающих не гарантирует свободы, а способность влиять на чужую судьбу не всегда означает защищённость собственной. Данное различение составляет основной результат обзорно-аналитического рассмотрения выбранного материала.

Для описания женского образа недостаточно ответить, «хорошая» ли перед нами женщина. Требуется установить, кем и на каких основаниях дана оценка. Здесь нарратологическая перспектива дополняет этическую: распределение знания о персонаже определяет, что читатель может понять самостоятельно, а что получает через чужую характеристику [5]. Практически это означает необходимость сопоставлять высказывания окружающих с речью, поступками и доступными читателю переживаниями героини, не приравнивая отдельную реплику персонажа к окончательной авторской позиции.

Предложенный подход также помогает точнее работать с понятием национального своеобразия. Его следует раскрывать через конкретные отношения, речевые формы, обстоятельства выбора и художественные детали. Обобщение «узбекская женщина терпелива» подменяет анализ утверждением о целой группе людей. В литературоведческой работе корректнее говорить о том, как определённый автор создаёт характер, какие условия делают терпение возможным или вынужденным и что обнаруживается за внешним соблюдением нормы.

Результаты могут использоваться на занятиях по современной узбекской литературе и сравнительному литературоведению. Продуктивное задание — разделить в выбранном эпизоде характеристику, данную окружающими, собственную позицию героини и последствия её действия, после чего обосновать вывод текстом. Это сохраняет связь обсуждения гендерной проблематики с поэтикой произведения и позволяет избежать сведения занятия к отвлечённому спору о должном поведении женщины.

Ограничения связаны с небольшим составом материала и использованием литературно-критических разборов для сопоставления романных образов. Поэтому выделенные аспекты рассматриваются как аналитическая схема, а не как законченная типология. Её дальнейшая проверка требует обращения к полным текстам более широкого круга произведений, включая поэзию и драматургию, а также к прозе 2020-х годов.

Заключение. На выбранном материале образ женщины раскрывается через несовпадение общественной роли и личного опыта. Рассмотренные критические интерпретации и анализ рассказа позволяют связать женское достоинство с активностью героини, сохраняя внимание к её уязвимости. Основной вывод состоит в необходимости различать нравственное одобрение, реальную возможность действовать и право принимать решения. Такое различение делает анализ конкретнее: семейная принадлежность, забота и верность рассматриваются не как исчерпывающие определения женщины, а как отношения, внутри которых формируется индивидуальный характер. Предложенная перспектива открывает возможность дальнейшего сопоставления женских образов в разных жанрах узбекской литературы XXI века.

Список использованной литературы

1. Zulfiya Qurolboy qizi. Yozsiz yil: hikoya [Электронный ресурс]. 52 с. в электронном файле. URL: https://uzbekliterature.uz/sites/default/files/zulfiya_qurolboy_qizi._yozsiz_yil_hikoya.pdf (дата обращения: 12.10.2026).
2. Turdiyeva Y. Badiiy asarda xarakter // O‘zbekiston: til va madaniyat. 2024. № 1 (2). B. 46–58. DOI: 10.47689/ULAC-vol1-iss1-y2024-pp46-58.
3. Egamberdiyeva K. I. Zulfiya Qurolboy qizi asarlarida o‘zbek ayoli ruhiyati tasviri // O‘zbekistonda xorijiy tillar. 2022. № 5 (46). B. 161–173. DOI: 10.36078/1673250654.
4. Normatov U. Qalbdagi benazir ziyo. Январь 2010 г. // Xurshid Davron kutubxonasi [Электронный ресурс]. URL: https://kh-davron.uz/kutubxona/uzbek/umarali-normatov-zulfiya-qurolboy.html (дата обращения: 12.10.2026).
5. Niederhoff B. Focalization // The Living Handbook of Narratology. 2011. Обновлено 24.09.2013. URL: https://www-archiv.fdm.uni-hamburg.de/lhn/node/18.html (дата обращения: 12.10.2026).
6. Jaziramadagi odamlar / Luqmon Bo‘rixon. Библиографическая запись издания: Toshkent: G‘afur G‘ulom, 2005. 336 b. // Электронный каталог Ургенчского государственного университета. URL: https://akbt.urdu.uz/uz/books/9872 (дата обращения: 12.10.2026).

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ И КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ В КНИГЕ А. П. ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН»

Абдурауфова Камола Тулкинбек кизи
Заведующая кафедрой русского языка и литературы
Шахрисабзский государственный педагогический институт
Шахрисябз, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются пространственные образы книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» в аспекте их культурной семантики. Исследуется взаимодействие географической конкретности, документального наблюдения, социальной характеристики и повествовательной оценки. На материале эпизодов приближения к острову, подъёма к маяку на мысе Жонкиер и описания каторжных поселений выявляются различные способы формирования пространственных значений. Особое внимание уделяется соотношению морской границы, физического перемещения и административного ограничения свободы. Устанавливается, что культурное осмысление территории определяется не устойчивой символикой географических объектов, а изменением позиции наблюдателя и включением пространственных характеристик в изображение человеческих отношений. Разграничиваются интертекстуальная ассоциация, метафорическая образность и социально обусловленная семантика пространства. Делается вывод о том, что пространственная организация книги участвует в раскрытии противоречий сахалинской колонизации и нравственной оценке каторжной действительности, сохраняя связь с документально-исследовательской природой произведения.*

Ключевые слова: *А. П. Чехов, «Остров Сахалин», культурная семантика, художественное пространство, путевая проза, каторга, повествовательная перспектива.*

Annotatsiya. *Maqolada A. P. Chexovning «Saxalin oroli» asaridagi makon obrazlari madaniy semantika nuqtayi nazaridan o‘rganiladi. Geografik aniqlik, hujjatli kuzatuv, ijtimoiy tavsif va hikoyachining baholovchi munosabati o‘rtasidagi bog‘liqlik tahlil qilinadi. Orolga yaqinlashish, Jonkyer burnidagi mayoqqa ko‘tarilish hamda katorga manzilgohlarini tasvirlash epizodlari asosida makon ma’nolarining shakllanish usullari aniqlanadi. Dengiz chegarasi, jismoniy harakat va erkinlikning ma’muriy cheklanishi o‘rtasidagi munosabatga alohida e’tibor qaratiladi. Tadqiqot natijasida hududning madaniy talqini geografik obyektlarning o‘zgarmas ramziy ma’nolari bilan emas, balki kuzatuvchi nuqtayi nazarining o‘zgarishi va makon xususiyatlarining insoniy munosabatlar tasviriga qo‘shilishi bilan belgilanadi, degan xulosa asoslanadi. Intertekstual ishora, metaforik obrazlilik va makonning ijtimoiy mazmuni farqlanadi. Asardagi makon tasviri Saxalindagi mustamlakachilik va katorga hayotining ziddiyatlarini ochishga xizmat qilishi ko‘rsatiladi.*

Kalit so‘zlar: *A. P. Chexov, «Saxalin oroli», madaniy semantika, badiiy makon, safar nasri, katorga, hikoyachi nuqtayi nazari.*

Abstract. *The article examines spatial imagery in Anton Chekhov's Sakhalin Island from the perspective of cultural semantics. It explores the relationship between geographical specificity, documentary observation, social description, and narrative evaluation. Through close readings of the approach to the island, the ascent to the lighthouse at Cape Zhonkier, and descriptions of penal settlements, the study identifies different mechanisms through which spatial meanings emerge. Particular attention is given to the relationship between maritime boundaries, physical mobility, and administrative restrictions on freedom. The analysis demonstrates that the cultural interpretation of territory depends less on fixed geographical symbolism than on shifts in the observer's perspective and the representation of human relationships. Intertextual allusion, metaphorical imagery, and socially conditioned spatial meanings are distinguished. The article concludes that spatial representation contributes to Chekhov's examination of the contradictions of Sakhalin's penal colonization and to his ethical assessment of convict life while remaining grounded in documentary observation.*

Keywords: *Anton Chekhov, Sakhalin Island, cultural semantics, literary space, travel writing, penal colony, narrative perspective.*

Введение. Пространство в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» представлено с необычной для художественной прозы степенью географической и социальной конкретности. Описание берегов, дорог, поселений, природных условий и административных учреждений включено в исследование островной жизни. Вместе с тем предметная точность не исключает образного осмысления действительности. Пространственная деталь способна выражать не только особенности местности, но и положение человека в каторжной системе, характер его отношений с окружающей средой, возможность или невозможность свободного перемещения.

Исследовательская проблема заключается в определении условий, при которых географическое описание приобретает культурно-семантическое значение. Для её решения недостаточно выделить традиционные пространственные противопоставления — своё и чужое, свобода и несвобода, центр и периферия. Необходимо установить, каким образом эти отношения возникают в конкретной повествовательной ситуации и насколько они подтверждаются текстом.

Цель исследования – выявить связь пространственных образов с изменением повествовательной перспективы и социальной оценкой сахалинской действительности. Материалом послужили первая и седьмая главы книги, содержащие эпизоды морского путешествия, подъёма к маяку и описания поселений. Основной метод — контекстуальный анализ пространственных деталей с учётом их композиционного положения и культурных ассоциаций. Теоретическим ориентиром выступает концепция хронотопа М. М. Бахтина, предполагающая содержательную взаимосвязь пространственных и временных отношений [2].

Географическая граница и культурное восприятие острова

В первой главе пространственное изображение строится как последовательное приближение к неизвестной территории. Сахалин первоначально предстаёт перед путешественником в виде удалённого очертания, едва различимого сквозь туман. Однако неопределённость зрительного впечатления сопровождается вполне

определённым социальным знанием: перед наблюдателем находится остров, связанный с каторгой [1, с. 46].

Характерно, что ощущение предельной удалённости возникает ещё до непосредственного знакомства с островной жизнью. Чехов использует выражение «конец света» [1, с. 46]. Его смысл не сводится к обозначению географической окраины. В данном контексте пространственная удалённость передаёт переживание выхода за пределы привычного мира. При этом субъективность оценки подчёркнута самой формой высказывания: речь идёт о впечатлении наблюдателя, а не об объективном свойстве территории.

С этим впечатлением связана античная ассоциация с Одиссеем. Сопоставление собственного путешествия со странствием героя, оказавшегося среди неизвестных ему существ, обнаруживает действие культурной памяти [1, гл. I, с. 46]. Но последующее развитие эпизода существенно ограничивает мифологическую перспективу. Первоначально непонятные фигуры на лодках оказываются людьми, предлагающими пассажирам птицу. Необычное объясняется повседневной ситуацией, доступной непосредственному наблюдению.

В этом переходе от неопределённого впечатления к конкретному объяснению проявляется характерная особенность повествовательного метода Чехова. Культурная ассоциация фиксирует первоначальное состояние сознания путешественника, но не становится окончательным способом истолкования действительности. Неизвестное постепенно утрачивает фантастический характер, приобретая предметную и социальную определённость.

Значение морского пространства также неоднородно. В первой главе оно связано не только с переживанием удалённости, но и с практическими условиями передвижения. Рассуждая о высокой стоимости пароходного сообщения, Чехов обнаруживает противоречие между задачами колонизации и ограниченной транспортной доступностью территории [1, с. 44]. Тем самым море оказывается включено в экономические и административные отношения. Пространственная отделённость острова приобретает социальное содержание, не утрачивая своего географического значения.

Маяк на мысе Жонкиер: изменение точки зрения и нравственная оценка

В седьмой главе особую выразительность приобретает описание маяка на мысе Жонкиер. Образ строится на сопоставлении двух способов восприятия одного объекта. При дневном освещении маяк сохраняет обыденный вид небольшого сооружения; ночью его свет вызывает метафорическое уподобление каторги живому существу, наблюдающему за окружающим миром [1, с. 107].

Метафора возникает из конкретного зрительного впечатления. Её художественная функция заключается в переносе характеристики отдельного сооружения на всё каторжное пространство. При этом маяк не превращается в устойчивый мифологический символ: образ обусловлен определённым временем суток, освещением и положением наблюдателя.

Следующее описание развивает пространственную тему иначе. Дорога к маяку поднимается по склону, постепенно открывая более широкую перспективу. Перемещение сопровождается изменением внутреннего состояния повествователя.

Физическая дистанция от поселения позволяет иначе увидеть привычные разговоры о наказаниях, побегах и насилии [1, с. 107].

Особенно существенно, что Чехов отмечает способность человека быстро привыкать к нравственно ненормальной среде. Внизу каторжная повседневность незаметно вовлекает наблюдателя в собственный круг интересов. На высоте возникает возможность критически оценить то, что ещё недавно воспринималось как обычное содержание жизни.

Пространственное противопоставление верха и низа получает здесь нравственный смысл. Однако его источник — не отвлечённая мифологическая вертикаль, а конкретное изменение дистанции между наблюдателем и социальной действительностью. Подъём к маяку становится условием восстановления оценочного взгляда.

Эта интерпретация получает дополнительное подтверждение в продолжении эпизода. Открывающийся с высоты материковый берег вызывает у повествователя мысль о невозможности покинуть Сахалин и желание представить себя на месте каторжного, стремящегося к побегу [1, с. 108].

Следовательно, расширение зрительного горизонта не означает освобождения от сахалинской действительности. Напротив, видимость другого берега усиливает сознание несвободы. Пространство, физически открытое взгляду, остаётся недоступным для человека, ограниченного каторжным положением. Так возникает существенное различие между возможностью видеть и возможностью перемещаться.

Дорога и поселение: социальные значения пространства

В описании сахалинских поселений пространственные характеристики получают иной характер. Здесь Чехова интересует прежде всего соотношение административной организации территории и условий человеческого существования.

Показателен эпизод посещения Красного Яра в седьмой главе. Путь к селению описывается через последовательность природных и дорожных впечатлений. Новая дорога, тайговая просека и богатая растительность создают представление о территории, потенциально пригодной для освоения. Однако непосредственное знакомство с поселением разрушает возможность оценивать её исключительно по внешнему виду [1, с. 119–120].

Внутреннее пространство Красного Яра характеризуется незавершённостью построек, неудобством передвижения, недостатком хозяйственных условий. Чехов связывает эти обстоятельства не только с природной средой, но и с непродуманностью административных решений. Особенно показательно описание домов, возводимых из сырого и некачественного леса. Их временный характер объясняется стремлением поселенцев завершить установленный срок и уехать на материк [1, с. 120].

Жилище в данном эпизоде становится свидетельством противоречия между формальным заселением территории и отсутствием устойчивой связи человека с местом. Поселенец вынужден строить дом, но не воспринимает остров как пространство желательного будущего. Поэтому непрочность построек имеет не только хозяйственное, но и социально-психологическое значение.

Вместе с тем эту характеристику нельзя распространять на все сахалинские поселения. В той же главе Чехов описывает Корсаковское, внешне напоминающее

благополучную русскую деревню, с обжитыми дворами, палисадниками и признаками устойчивого хозяйства [1, с. 108–109]. Сопоставление двух поселений позволяет отказаться от представления об острове как об однородном пространстве разорения.

Различие Красного Яра и Корсаковского обнаруживает зависимость культурной семантики места от конкретных условий его существования. Одна и та же административная категория поселения не предполагает одинакового характера человеческой жизни. Внешняя благоустроенность, однако, также не устраняет принадлежности территории к каторжной системе.

Важное значение приобретает и мотив дороги. Для путешественника дорога открывает возможность последовательного изучения острова; для поселенца перемещение определяется системой административного надзора. Поэтому пространственная доступность не равнозначна свободе. Повествователь способен передвигаться между селениями, сопоставлять увиденное и изменять собственную оценку, тогда как жители включены в территориальную организацию, ограничивающую их жизненные перспективы.

В результате дорога и поселение обнаруживают взаимосвязь физического пространства с правовым и социальным положением человека. Культурное значение возникает не из символической природы этих объектов, а из различия человеческих возможностей, которые они выявляют.

Заключение. Исследование пространственных образов книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» позволяет установить несколько особенностей их культурной семантики.

Первоначальное восприятие острова определяется сочетанием географической удалённости и культурных представлений о неизвестной территории. Античная ассоциация с Одиссеем выражает состояние путешественника, но последующее уточнение наблюдений ограничивает возможность последовательного мифопоэтического прочтения эпизода.

Образ маяка на мысе Жонкиер обнаруживает зависимость культурного значения пространства от повествовательной перспективы. Изменение точки наблюдения позволяет перейти от привычного восприятия каторжной повседневности к её нравственной оценке. Видимость материкового берега одновременно выявляет противоречие между зрительной открытостью пространства и ограничением человеческой свободы.

Сопоставление Красного Яра и Корсаковского показывает неоднородность островного пространства. Особенности застройки, хозяйственного устройства и отношения жителей к месту отражают различные формы взаимодействия человека с территорией. Пространственная характеристика становится способом исследования социальных отношений, сохраняя документальную конкретность.

Таким образом, культурные смыслы в «Острове Сахалине» формируются преимущественно через изменение позиции наблюдателя и включение географических реалий в социально-нравственный контекст. Художественная образность не противостоит документальному исследованию, а возникает внутри него, позволяя Чехову раскрыть человеческое содержание описываемой действительности.

Список использованной литературы

1. Чехов А. П. Остров Сахалин // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 14/15. М.: Наука, 1978. С. 39–372.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
3. Нин Шилэй. (2025). Очерки А. П. Чехова «Из Сибири» и «Остров Сахалин» в аспекте социальной проблематики [Chekhov's essays "From Siberia" and "Sakhalin Island" in the context of social issues] [Кандидатская диссертация, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова]. ИСТИНА.
4. Abduraufova, K. T. (2023). Representation of the geocultural space in AP Chekhov's essays" From Siberia". Fenomen tvorcheskoy lichnosti v kulture: Fatyushchenkovskiye chteniya. Vypusk 10: Materialy X Mezhdunar. nauch. konf.[The phenomenon of the creative personality in culture: Fatyushchenko readings. Iss. 10: Proceedings of X International scientific conference].
5. Абдурауфова, К. Т. (2024). Мифологема пути в очерках АП Чехова «Остров Сахалин». федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет», профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков, 154.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРОВЫХ ФОРМ В ЛИТЕРАТУРЕ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: СЕТЕВОЙ РОМАН, ИНТЕРАКТИВНАЯ ПОЭЗИЯ И МИКРОПРОЗА

Бердюгин Илья Александрович
старший преподаватель цикла управления воздушным движением и воздушной навигации
Институт военной авиации Республики Узбекистан
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье представлен подробный теоретико-методологический и поэтологический анализ процессов трансформации традиционных литературных жанров в условиях глобальной цифровизации и функционирования сетевых медиаплатформ. На материале сетевых романов, интерактивной и кинетической поэзии, а также цифровой микропрозы (флеш-фикшн, твиттер-рассказов, сериальных паблик-историй) авторами выявляются фундаментальные сдвиги в структуре нарратива, авторской интенции и рецептивной эстетике. Вводятся и систематизируются понятия гипертекстуальности, мультимедийности, эргодичности и интерактивности как системообразующих факторов электронного литературного процесса. Особое внимание уделяется децентрализации авторской позиции, формированию партисипаторной культуры читательского сотворчества и трансформации читателя в «прозьюмера». Делается вывод о том, что цифровая словесность формирует самостоятельную художественную парадигму, меняющую статус литературного произведения как отчуждаемого печатного объекта в сторону динамического цифрового процесса.*

***Ключевые слова**: цифровая литература, электронная словесность, сетевой роман, интерактивная поэзия, микропроза, гипертекст, эргодическая литература, мультимедийность, партисипаторная культура, трансформация жанров, нарратология.*

***Abstract.** The article provides a detailed theoretical, methodological, and poetological analysis of the transformation of traditional literary genres in the context of global digitalization and the functioning of network media platforms. Based on the material of web novels, interactive and kinetic poetry, as well as digital flash fiction (twitter fiction, serial public narratives), the authors identify fundamental shifts in narrative structure, authorial intention, and receptive aesthetics. Concepts of hypertextuality, multimedia, ergodicity, and interactivity are introduced and systematized as backbone factors of the electronic literary process. Special attention is paid to the decentralization of authorial authority, the formation of a participatory culture of reader co-creation, and the transformation of the reader into a "prosumer". It is concluded that digital literature forms an independent artistic paradigm, shifting the status of a literary work from a static printed object toward a dynamic digital process.*

***Keywords:** digital literature, electronic literature, web novel, interactive poetry, flash fiction, hypertext, ergodic literature, multimedia, participatory culture, genre transformation, narratology.*

***Annotatsiya.** Ushbu maqolada global raqamlashtirish va tarmoq media-platformalari faoliyati sharoitida an’anaviy adabiy janrlarning transformatsiyalashuvi jarayonlari chuqur nazariy-uslubiy hamda poetologik jihatdan tahlil qilinadi. Tarmoq romanlari, interaktiv va kinetik poeziya, shuningdek, raqamli mikroproza (flesh-fikshn, tvitter-hikoyalar, serialli pablik-hikoyalar) materiallari asosida mualliflar narrativ strukturasi, mualliflik intentsiyasi va retseptiv estetikadagi tub o‘zgarishlarni aniqlaydilar. Gipermatnlilik, multimedialik, ergodiklik va interaktivlik tushunchalari raqamli adabiy jarayonning tizim hosil qiluvchi omillari sifatida tizimlashtiriladi. Mualliflik mavqeining detsentralizatsiyasi, kitobxon hammuallifligining tsivilizatsiyalashgan (partisipator) madaniyatini shakllantirish va kitobxonning "prozyumer"ga aylanishiga alohida e’tibor qaratiladi. Raqamli adabiyot badiiy asar maqomini bosma ob’ektdan dinamik raqamli jarayonga o‘zgartiruvchi mustaqil adabiy paradigmani shakllantiradi degan xulosaga kelinadi.*

***Kalit so‘zlar:** raqamli adabiyot, elektron adabiyot, tarmoq romani, interaktiv poeziya, mikroproza, gipermatn, ergodik adabiyot, multimedialik, partisipator madaniyat, janrlar transformatsiyasi, narratologiya.*

1. Введение. Современный культурный ландшафт XXI века переживает глубокую трансформацию, обусловленную тотальным проникновением цифровых технологий, сетевых коммуникаций и искусственного интеллекта во все сферы гуманитарного знания. Литература как наиболее чувствительный к социокультурным сдвигам вербальный институт испытывает фундаментальные изменения. Переход от медиума печатной книги к цифровому экрану (мониторам компьютеров, планшетов, смарт-устройств) ознаменовал не просто технологическую смену носителя

информации, но и коренной пересмотр традиционной поэтики, структуры жанров, характера авторства и природы эстетического восприятия.

В классическом литературоведении книга рассматривалась как стабильный, закрытый, законченный текст, обладающий четкой пространственно-временной архитектоникой и монопольным авторским статусом (по М.М. Бахтину, Ж. Женетту, Р. Барту). Однако появление цифровой словесности (Electronic Literature, Cybertext, Digital Fiction) взламывает эту традицию. Цифровой текст становится динамическим, открытым, поликодовым и нелинейным.

Теоретические основания исследования цифровых медиа и э-литературы формировались в трудах Т. Нельсона [Nelson, 1981], разработавшего концепцию гипертекста, Э. Аарсета [Aarseth, 1997], введшего понятие «эргодической литературы», Н. К. Хайлес [Hayles, 2008], обосновавшей телесность и материальность цифрового знака, а также Л. Мановича [Manovich, 2001], выделившего базовые законы языка новых медиа. В отечественной филологии вопросы функционирования сетевой литературы осмысляются в исследованиях М.Н. Эпштейна [2019], О.В. Зырянова [2021], В.Б. Зусева-Озкана [2019] и др.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью систематизации и глубокого поэтологического анализа новых жанровых образований, которые возникают на стыке словесного искусства, программирования, веб-дизайна и социальных сетей.

Цель исследования — раскрыть механизмы и специфику трансформации классических жанровых форм (романа, поэзии, малой прозы) под воздействием цифровой среды, выявив ключевые параметры новой поэтики сетевой словесности.

1. Сетевой роман: от гипертекстового эксперимента к платформенной эпопее.

Роман как наиболее синтетический и эластичный жанр литературы моментально среагировал на появление цифровых медиа. Эволюция сетевого романа демонстрирует масштабный переход от лабораторных экспериментов с гипертекстовыми базами данных к массовым платформенным формам, определяющим contemporary-культуру.

1.1. Архитектоника гипертекстуального нарратива: структура и нелинейность.

В традиционном печатном романе нарратив разворачивается линейно: от начальной страницы к финальной. Цифровой сетевой роман преодолевает эту линейность благодаря гипертексту. В терминах Т. Нельсона и Э. Аарсета, гипертекст представляет собой систему дискретных текстовых фрагментов (лексий / lexias), связанных между собой электронными гиперссылками (узлами / nodes).

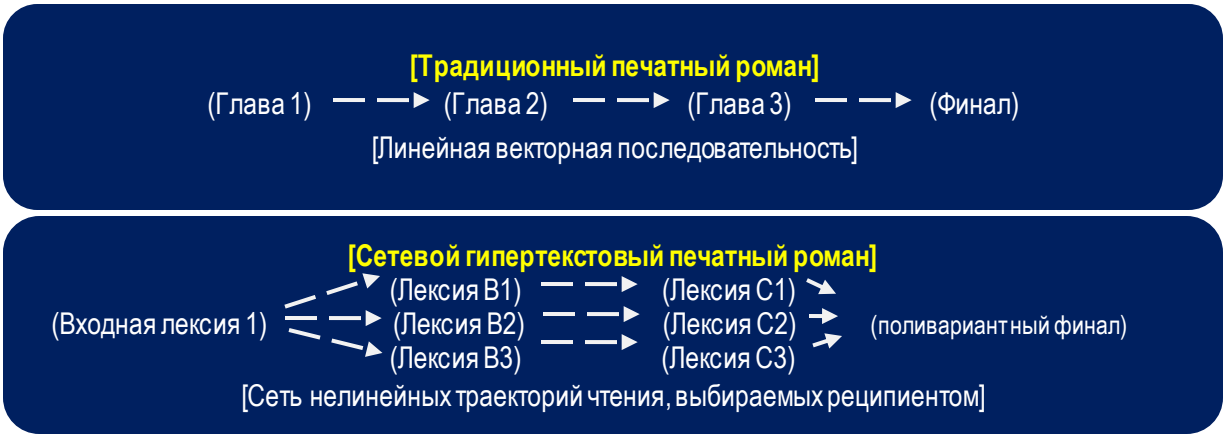


Схема 1. Сравнительная архитектоника нерративных структур.

Классическим примером такой архитектоники служит гипертекстовый роман Майкла Джойса «Afternoon, a story» (1987) [Joyce, 1987], состоящий из 539 лексий и 951 гиперссылки. Читатель, нажимая на разные ключевые слова, строит собственный индивидуальный сюжет. В результате возникает феномен эргодической литературы (от греч. ergon — работа, keleuthos — путь), в которой для прочтения текста требуется осознанное нетривиальное физическое усилие реципиента по навигации в тексте [Aarseth, 1997].

Главные поэтические последствия гипертекстуализации романа:

1. ***Децентрированность сюжета:*** исчезает единая фабульная магистраль; сюжет становится облаком возможностей (network narrative).

2. ***Аболиция категорического финала:*** произведение принципиально разомкнуто; читатель может никогда не дойти до «официального» конца или открыть десятки вариантов завершения истории.

3. ***Фрагментация сознания персонажа:*** внутренний мир героев раскрывается не последовательно, а мозаично.

1.2. Платформенность, процессуальность и коллективное соавторство.

Современный этап развития сетевого романа связан с функционированием специализированных литературных платформ и систем самопубликаций (Wattpad, LitNet, Author.Today, Royal Road). Здесь сетевой роман приобретает качество сериальности (онлайн-онгоинга).

В платформенном сетевом романе автор публикует произведение поглавно (в режиме real-time). Читатели под каждой главой оставляют сотни комментариев, строят гипотезы, критикуют сюжетные повороты. Под воздействием этой обратной связи автор часто меняет замысел произведения, вводит или убивает персонажей по просьбам аудитории. Возникает феномен со-причастного творчества (партисипаторной культуры), концептуализированный Генри Дженкинсом [Jenkins, 2006]. Читатель превращается из пассивного потребителя в «прозьюмера» (producer + consumer), напрямую участвующего в конструировании художественного мира.

2. Интерактивная поэзия: кинетика, синтез и алгоритмический генезис.

Поэзия, исторически ориентированная на ритмико-интонационную, звуковую и сугубо вербальную выразительность, в цифровой среде переживает глубокий семиотический синтез, превращаясь в гибридное визуально-вербально-алгоритмическое искусство.

2.1. Кинетическая и аудиовизуальная поэзия (Kinetic & Concrete Digital Poetry).

В цифровом пространстве словесный знак утрачивает статичность, свойственную бумажной странице. Поэтический текст обретает дополнительные измерения: время, движение, пространственный объем и звуковое сопровождение.

Ключевыми разновидностями интерактивной поэзии становятся:

1. Кинетическая поэзия: текст функционирует как анимация. Буквы и строфы передвигаются по экрану, распадаются, сталкиваются, меняют масштаб и цвет в зависимости от алгоритма или действий пользователя.

2. ***3D-поэзия и виртуальные поэтические пространства:*** стихотворение проектируется в виде трехмерной архитектурной конструкции, сквозь которую читатель передвигается с помощью виртуальной камеры или VR-гарнитуры (например, проекты Брайана Кимпбелла).

Схема 2. Семиотическая структура интерактивного поэтического объекта.

В результате такого синтеза происходит ресемиотизация стихотворения: смысловая нагрузка равномерно распределяется между вербальным словом, динамикой его появления на экране и интерактивным ответом программы на действия реципиента [Naji, 2021].

2.2. Генеративная поэзия и децентрализация Авторства.

Отдельный вектор трансформации поэтического жанра представлен генеративной (алгоритмической) поэзией. В данном случае текст создается специальным программным кодом, алгоритмом или нейросетевой моделью (LLM) в момент запроса пользователя.

При функционировании генеративной поэзии возникает ситуация радикального «смерти автора» (в терминах Р. Барта):

1. ***Программист/Поэт*** создает не сам текст, а алгоритмическую матрицу (правила сочетаемости, словарные базы, промпты).

2. ***Алгоритм*** генерирует уникальное, никогда ранее не существовавшее стихотворение.

3. ***Читатель***, нажимая кнопку генерации или задавая параметры, активирует процесс стихосложения.

Таким образом, авторство становится рассредоточенным и распределенным между человеком, машиной и пользователем.

3. Микропроза в сетевых медиа: поэтика минимализма и клиповая рецепция.

В эпоху быстрых медиа (fast media) и информационной перегрузки наблюдается масштабный взрывной рост сверхкратких жанровых форм. Ограничения интернет-платформ по количеству символов, а также формирование у аудитории «клипового мышления» привели к формированию уникальной поэтики цифровой микропрозы.

3.1. Жанровое разнообразие цифровой микропрозы.

Цифровая микропроза представлена целым спектром гибких, адаптированных к сетевой среде жанров:

1. ***Флеш-фикшн (Flash Fiction):*** предельно сжатый рассказ объемом от 100 до 500 слов, обладающий развитой драматургией и пуантированным (неожиданным) финалом.

2. ***Твиттер-рассказы (Twitterature / Microfiction):*** произведения, жестко ограниченные форматом одного или нескольких постов (ранее 140, ныне 280 символов).

3. ***Паблик-истории и сетевые треды (Reddit-stories, Telegram-проза):*** серийные микрорассказы, публикующееся в формате коротких постов с использованием эмодзи, медиафайлов и голосовых сообщений.

3.2. Поэтологические параметры и клиповая эстетика.

Главной чертой цифровой микропрозы является её высокая смысловая плотность (компрессия смыслов). Автор цифрового микрорассказа вынужден отказаться от развернутых пейзажных описаний, длинных экспозиций и сложных ретардаций.

Поэтика микропрозы опирается на следующие элементы:

1. Эллиптичность: осознанное пропущение сюжетных звеньев, которые читатель должен достроить самостоятельно.

2. Поликодовый контекст: текст микрорассказа часто функционирует в неразрывной связи с заглавным изображением (мемом, фотографией), хэштегами и даже секцией комментариев.

3. Прецедентность: широкое использование культурных кодов, мем-культуры и узнаваемых стереотипов для мгновенного погружения читателя в художественный мир без лишних описаний.

4. Выводы и заключение.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровая эпоха не ведет к упадку или гибели традиционных литературных жанров, а выступает мощнейшим каталогатором их глубокой трансфигурации и обновления.

В ходе работы выявлены следующие ключевые закономерности:

Сетевой роман эволюционирует от монологового авторского высказывания к гипертекстуальной, нелинейной и платформенной структуре, где фундаментальную роль играет партисипаторная культура читательского соавторства.

Интерактивная поэзия преодолевает рамки чистого вербализма, синтезируя слово, кинетическую графику, звук и алгоритмический код. В генеративной поэзии происходит децентрализация авторской интенции.

Цифровая микропроза адаптирует нарративную структуру под законы клиповой рецепции, формируя новую эстетику сверхкраткого, эллиптичного и поликодового текста.

Таким образом, литература цифровой эпохи демонстрирует глобальный сдвиг парадигмы: от эстетики готового, статичного печатного объекта (книги) к эстетике динамического, открытого, интерактивного цифрового процесса. Анализ и теоретическое осмысление этих процессов составляют перспективное и стратегически важное направление современной филологии и теории литературы.

Список использованной литературы

1. Aarseth, E. J. (1997). Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
2. Hayles, N. K. (2008). Electronic Literature: New Horizons for the Literary. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
3. Jenkins, H. (2006). Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York: New York University Press.
4. Зусев-Озкан, В. Б. (2019). Историческая поэтика жанра: от теории к практике. Вопросы литературы, (3), 12–35.
5. Зырянов, О. В. (2021). Эволюция литературных жанров в цифровую эпоху: проблемы и перспективы. Филологический класс, 26(2), 45–56.
6. Рабинович, В. С. (2020). Трансформация нарративных структур в сетевой прозе. Вестник Томского государственного университета. Филология, (65), 180–198.
7. Черняк, М. А. (2019). Сети «микропрозы»: феномен массовой литературы XXI века. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена.
8. Эпштейн, М. Н. (2019). Будущее гуманитарных наук: Техногуманизм, цифровая филология и виртуалистика. Москва: Центр гуманитарных инициатив.

FENIMOR KUPER VA O‘ZBEK TARIXIY NASRIDA XALQ QAHRAMONI OBRAZINING TIPOLOGIK XUSUSIYATLARI

Qosimov Anvar Bahron o‘g‘li
Xorijiy til nazaryasi va amaliyoti kafedrasi, katta o‘qituvchisi
Shahrisabz davlat pedagogika institute, Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Mazkur tezisda Amerika adabiyotining yirik namoyandasi Jeyms Fenimor Kuper ijodi hamda o‘zbek tarixiy nasrida xalq qahramoni obrazining shakllanishi va badiiy talqini qiyosiy-tipologik aspektda tadqiq etiladi. Kuperning “Josus”, “So‘nggi mohikan” romanlari, Abdulla Qodiriyning “O‘tkan kunlar” va Pirimqul Qodirovning “Yulduzli tunlar” asarlaridagi qahramonlar xarakteri, ularning xalq taqdiri, tarixiy voqelik va ijtimoiy muhit bilan munosabati tahlil qilinadi. Xalq qahramoni obrazining vatanparvarlik, fidoyilik, milliy o‘zlikni anglash, ma’naviy mas’uliyat va tarixiy xotira kabi tipologik belgilari aniqlanadi. Shuningdek, Amerika va o‘zbek tarixiy romanlarida qahramon konsepsiyasining mushtarak hamda milliy o‘ziga xos xususiyatlari yoritiladi.*

Kalit so‘zlar: *Fenimor Kuper, o‘zbek tarixiy nasri, xalq qahramoni, tipologiya, tarixiy roman, milliy o‘zlik, vatanparvarlik, epik talqin, tarixiy xotira, badiiy obraz.*

Аннотация. *В данном тезисе в сравнительно-типологическом аспекте исследуются особенности формирования и художественной интерпретации образа народного героя в творчестве выдающегося представителя американской литературы Джеймса Фенимора Купера и в узбекской исторической прозе. Анализируются характеры героев романов Купера «Шпион», «Последний из могикан», Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» и Пиримкула Кадырова «Звёздные ночи», их*

взаимоотношения с судьбой народа, исторической действительностью и социальной средой. Выявляются типологические признаки образа народного героя, связанные с патриотизмом, самоотверженностью, национальным самосознанием, нравственной ответственностью и исторической памятью. Освещаются общие и национально-специфические особенности художественной концепции героя в американском и узбекском историческом романе.

Ключевые слова: *Фенимор Купер, узбекская историческая проза, народный герой, типология, исторический роман, национальная идентичность, патриотизм, эпическая интерпретация, историческая память, художественный образ.*

Abstract.*This thesis examines the formation and artistic interpretation of the folk hero in the works of James Fenimore Cooper, a prominent representative of American literature, and in Uzbek historical prose from a comparative-typological perspective. The study analyzes the characters in Cooper's The Spy and The Last of the Mohicans, Abdulla Qodiriy's Bygone Days, and Pirimqul Qodirov's Starry Nights, focusing on their relationships with the destiny of the people, historical reality, and the social environment. The research identifies the major typological features of the folk hero, including patriotism, self-sacrifice, national identity, moral responsibility, and historical memory. It also explores the common and nationally distinctive characteristics of heroic representation in American and Uzbek historical novels.*

Keywords: *James Fenimore Cooper, Uzbek historical prose, folk hero, typology, historical novel, national identity, patriotism, epic interpretation, historical memory, literary character.*

Kirish. Jahon adabiyoti taraqqiyotida tarixiy roman janri xalqning ijtimoiy-siyosiy hayoti, milliy o‘zligini anglash jarayoni va tarixiy xotirasini badiiy aks ettirishning muhim shakllaridan biri hisoblanadi. Ayniqsa, xalq taqdiri bilan chambarchas bog‘liq qahramonlar obrazini yaratish tarixiy nasrning asosiy poetik xususiyatlaridan biridir. Bunday obrazlarda muayyan davrning ijtimoiy ziddiyatlari, xalqning ma’naviy ideallari, erkinlikka intilishi hamda tarixiy taraqqiyot haqidagi tasavvurlari mujassamlashadi.

Amerika adabiyotida Jeyms Fenimor Kuper tarixiy voqelik va shaxs taqdirini o‘zaro bog‘liq holda tasvirlagan adiblardan biri sanaladi. Uning “Josus” va “So‘nggi mohikan” romanlarida tarixiy jarayonlar fonida shakllangan qahramonlik, fidoyilik, sadoqat hamda insoniy burch masalalari muhim o‘rin egallaydi [1; 2]. O‘zbek tarixiy nasrida esa Abdulla Qodiriy, Pirimqul Qodirov singari adiblar xalqning tarixiy tajribasi, milliy davlatchilik, ijtimoiy ziddiyatlar va insoniy qadriyatlarni badiiy qahramonlar orqali yoritganlar [3; 4].

Mazkur asarlarni qiyosiy o‘rganish xalq qahramoni obrazining turli milliy adabiyotlarda yuzaga keladigan umumiy tipologik xususiyatlarini aniqlashga xizmat qiladi. Bunda qahramonning shaxsiy manfaatlardan yuksalib, xalq va jamiyat taqdiri uchun mas’uliyatni his etishi asosiy mezon sifatida namoyon bo‘ladi.

Tadqiqotning maqsadi Fenimor Kuper va o‘zbek tarixiy nasrida xalq qahramoni obrazining badiiy-estetik mohiyatini ochib berish, qahramon xarakteridagi tipologik mushtaraklik va milliy o‘ziga xoslikni aniqlashdan iborat. Tadqiqotda qiyosiy-tipologik, tarixiy-adabiy va obrazlar tizimini tahlil qilish metodlaridan foydalanildi.

Xalq qahramoni obrazining nazariy-tipologik asoslari

Adabiyotshunoslikda xalq qahramoni tushunchasi faqat xalq orasidan chiqqan yoki janglarda jasorat ko‘rsatgan shaxsni anglatmaydi. Badiiy qahramonning xalq manfaatlariga munosabati, ijtimoiy mas’uliyati, axloqiy pozitsiyasi va tarixiy jarayonlardagi ishtiroki ham uning xalq qahramoni sifatida talqin qilinishida muhim ahamiyat kasb etadi.

Tarixiy roman nazariyasini tadqiq etgan Georg Lukach tarixiy nasrning o‘ziga xosligini shaxsiy taqdir va tarixiy-ijtimoiy jarayonlar o‘rtasidagi uzviy aloqadorlik bilan izohlaydi. Uning tarixiy roman haqidagi nazariy qarashlari qahramonni muayyan davrning ijtimoiy munosabatlari, ziddiyatlari va tarixiy o‘zgarishlari doirasida o‘rganish zarurligini ko‘rsatadi [5].

Shu nuqtayi nazardan, xalq qahramoni obrazining tipologik belgilari sifatida uning tarixiy muhit bilan bog‘liqligi, xalq manfaatlariga daxldorligi, fidoyilikka tayyorligi, axloqiy tanlov oldidagi qat’iyati hamda individual taqdiri orqali umumxalq muammolarini ifodalashi ko‘rsatilishi mumkin.

Bunday xususiyatlar turli xalqlar adabiyotida bir-biriga yaqin ko‘rinishda namoyon bo‘lsa-da, ularning badiiy ifodasi milliy mentalitet, tarixiy sharoit va adabiy an’analarga ko‘ra farqlanadi. Binobarin, Fenimor Kuper va o‘zbek tarixiy nasrini qiyoslashda faqat qahramonlarning o‘xshash jihatlarini emas, balki ularning tarixiy vazifasi va muallif konsepsiyasidagi farqlarni ham hisobga olish lozim.

Fenimor Kuper romanlarida xalq qahramonining badiiy talqini

Fenimor Kuperning “Josus” romanida Amerika mustaqillik urushi davridagi siyosiy va harbiy ziddiyatlar oddiy inson taqdiri orqali ochib beriladi. Asarning markaziy qahramonlaridan biri Garvi Birch tashqi ko‘rinishidan oddiy savdogar sifatida namoyon bo‘lsa-da, uning faoliyatida vatan manfaatlariga sadoqat va fidoyilik yetakchi o‘rin tutadi [1].

Garvi Birch obrazining muhim xususiyati shundaki, uning qahramonligi ijtimoiy mavqe, harbiy unvon yoki shaxsiy shuhrat bilan belgilanmaydi. Aksincha, u xalq manfaatlari uchun o‘z obro‘si, tinchligi va xavfsizligini qurbon qilishga tayyor shaxs sifatida tasvirlanadi. Qahramonning haqiqiy maqsadi atrofdagilarga noma’lum bo‘lishi esa uning xarakterida ichki dramatizmni kuchaytiradi.

Garvi Birch faoliyatida tashqi baho va ichki mohiyat o‘rtasidagi ziddiyat yetakchi badiiy konfliktga aylanadi. Jamiyatning ayrim vakillari uni shubhali shaxs sifatida qabul qilgan bir sharoitda qahramon o‘z e’tiqodidan voz kechmaydi. Natijada yozuvchi xalq qahramonini an’anaviy jangchi emas, balki axloqiy matonat va yashirin fidoyilik timsoli sifatida yaratadi.

Kuperning “So‘nggi mohikan” romanida esa qahramonlik konsepsiyasi murakkabroq tarixiy va etnomadaniy mazmun kasb etadi. Asarda Unkas, Chingachguk va Natty Bamppo obrazlari orqali jasorat, do‘stlik, sadoqat, tabiat bilan uyg‘unlik hamda insoniy burch masalalari tasvirlanadi [2].

Ayniqsa, Unkas obrazida o‘z xalqining ma’naviy merosi, ajdodlar an’anasi va tarixiy davomiyligi bilan bog‘liq belgilar mujassam. Uning shaxsiy qismati mohikanlar xalqining tarixiy taqdiri bilan ramziy aloqadorlikda tasvirlanadi. Shu jihatdan Unkas faqat individual qahramon emas, balki muayyan etnik jamoaning tarixiy xotirasini ifodalovchi obraz sifatida ham ahamiyatlidir.

Shu bilan birga, “So‘nggi mohikan” romanida tubjoy xalqlar tasvirini bevosita Amerika mustaqillik harakatining ifodasi sifatida baholash biryoqlama bo‘ladi. Asar voqealari mustamlakachi davlatlar o‘rtasidagi kurash sharoitida kechadi. Tubjoy xalqlar esa ushbu qarama-qarshiliklarning murakkab ishtirokchilari sifatida namoyon bo‘ladi. Kuperning badiiy talqinida ularga nisbatan romantik ideallashtirish bilan davrga xos madaniy stereotiplar ham yonma-yon mavjud.

Demak, Kuper ijodida xalq qahramoni obrazi ikki asosiy ko‘rinishda namoyon bo‘ladi: Garvi Birch timsolida xalq manfaatlari uchun yashirin kurashuvchi fidoyi shaxs, Unkas timsolida esa o‘z xalqining ma’naviy merosi va tarixiy taqdiri bilan bog‘langan qahramon gavdalanadi.

O‘zbek tarixiy nasrida xalq qahramoni konsepsiyasi

O‘zbek tarixiy nasrida xalq qahramoni obrazi milliy birlik, ijtimoiy adolat, vatanparvarlik, ma’naviy mas’uliyat va tarixiy xotira kabi tushunchalar bilan uzviy bog‘liq holda shakllanadi. Abdulla Qodiriyning “O‘tkan kunlar” romanidagi Otabek obrazi bu borada alohida ahamiyatga ega. Otabek o‘z davrining ijtimoiy munosabatlariga tanqidiy qaraydigan, yangicha tafakkurga intiladigan, xalq hayotidagi muammolarga befarq bo‘lmagan qahramon sifatida gavdalanadi. Uning dunyoqarashida jamiyat taraqqiyoti, adolatli boshqaruv va milliy birlik haqidagi qarashlar muhim o‘rin tutadi [3].

Otabekning qahramonligi bevosita qurolli milliy ozodlik kurashidagi ishtiroki bilan emas, balki tarixiy muhitdagi ijtimoiy illatlarga munosabati, shaxsiy e’tiqodi va ma’naviy tanlovi orqali namoyon bo‘ladi. U o‘z manfaatlari doirasidan chiqib, jamiyat istiqboli haqida fikr yuritishga intiladi. Shu ma’noda Otabek xalq qahramonining ma’rifatparvarlik va islohotparvarlikka yaqin tipini ifodalaydi.

Pirimqul Qodirovning “Yulduzli tunlar” romanida esa xalq qahramoni konsepsiyasi tarixiy shaxs va davlat arbobi obrazi orqali yoritiladi. Romandagi Zahiriddin Muhammad Bobur murakkab siyosiy vaziyat, sulolaviy ziddiyatlar, hokimiyat uchun kurash va Vatan sog‘inchi sharoitida tasvirlanadi [4].

Bobur obrazining o‘ziga xosligi uning sarkardalik, davlat arbobligi va ijodkorlik xususiyatlarining bir butun badiiy xarakterda mujassamlashganidadir. Romanda qahramonning shaxsiy iztiroblari va tarixiy mas’uliyati o‘zaro uyg‘unlashadi. Uning ichki kechinmalari orqali insoniy qadriyatlar, davlat taqdiri va tarixiy burch masalalari ochib beriladi.

Boburni xalq qahramoni sifatida talqin qilishda uning faqat g‘alabalari yoki siyosiy faoliyatini emas, balki murakkab tarixiy tanlovlari va ichki ziddiyatlarini ham hisobga olish muhimdir. Chunki “Yulduzli tunlar” romanida qahramon ideallashtirilgan biryoqlama obraz emas, balki tarixiy sharoit ta’sirida qaror qabul qiluvchi, g‘alaba va mag‘lubiyatlarni boshdan kechiruvchi shaxs sifatida gavdalanadi.

Shunday qilib, o‘zbek tarixiy nasrida Otabek obrazi xalq manfaatini anglashga intiluvchi ma’rifatparvar shaxs tipini, Bobur obrazi esa tarixiy mas’uliyatni zimmasiga olgan murakkab siyosiy-ma’naviy yetakchi tipini namoyon etadi.

Xulosa. Fenimor Kuper va o‘zbek tarixiy nasrida xalq qahramoni obrazining qiyosiy-tipologik tahlili quyidagi ilmiy xulosalarni shakllantirish imkonini beradi. Avvalo, har ikki adabiyotda xalq qahramoni muayyan tarixiy davrning ijtimoiy-ma’naviy muammolarini

o‘zida mujassamlashtiruvchi badiiy xarakter sifatida namoyon bo‘ladi. Qahramonning xalq taqdiri bilan bog‘liqligi uning tipologik mohiyatini belgilovchi asosiy mezonlardan biridir.

Ikkinchidan, Fenimor Kuper romanlarida qahramonlik ko‘proq shaxsiy jasorat, fidoyilik va tarixiy ziddiyatlar sharoitidagi axloqiy tanlov orqali ifodalansa, o‘zbek tarixiy nasrida unga milliy birlik, ma’rifatparvarlik, davlatchilik va ijtimoiy mas’uliyat masalalari ham qo‘shiladi.

Uchinchidan, Garvi Birch, Unkas, Otabek va Bobur obrazlari o‘rtasidagi tipologik yaqinlik ularning tarixiy vazifalari bir xil ekanini bildirmaydi. Aksincha, bu obrazlar turli ijtimoiy-madaniy sharoitlarda xalq manfaatlari va tarixiy mas’uliyatning badiiy ifodalanish imkoniyatlarini ko‘rsatadi.

To‘rtinchidan, xalq qahramoni obrazining epik talqinida tarixiy voqelik, individual xarakter, ijtimoiy konflikt va muallifning badiiy-estetik konsepsiyasi o‘zaro uzviy birlikni tashkil etadi.

Demak, Fenimor Kuper va o‘zbek tarixiy nasridagi xalq qahramoni obrazlarini qiyosiy o‘rganish milliy adabiyotlar o‘rtasidagi tipologik mushtarakliklarni aniqlash bilan birga, ularning o‘ziga xos tarixiy tafakkuri, ma’naviy qadriyatlari va badiiy-estetik tamoyillarini yoritishga xizmat qiladi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Cooper J. F. The Spy: A Tale of the Neutral Ground. – 1821. – Project Gutenberg. https://www.gutenberg.org/ebooks/9845
2. Cooper J. F. The Last of the Mohicans: A Narrative of 1757. – 1826. – Project Gutenberg. https://www.gutenberg.org/ebooks/940
3. Qodiriy A. O‘tkan kunlar. – Toshkent: Ziyo nashr, 2023. – 448 b.
4. Qodirov P. Yulduzli tunlar. – Toshkent: Dunyo nashr, 2024. – 640 b.
5. Lukács G. The Historical Novel. Translated by Hannah and Stanley Mitchell. – London: Merlin Press, 1962.
6. Cooper J. F. The Pioneers; Or, The Sources of the Susquehanna. – 1823. – Project Gutenberg. https://www.gutenberg.org/ebooks/2275
7. Cooper J. F. The Pathfinder; Or, The Inland Sea. – 1840. – Project Gutenberg. https://www.gutenberg.org/ebooks/1880
8. Bakhtin M. M. The Dialogic Imagination: Four Essays. Edited by Michael Holquist. Translated by Caryl Emerson and Michael Holquist. – Austin: University of Texas Press, 1981.
9. Wellek R., Warren A. Theory of Literature. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1949. – 403 p.
10. Said E. W. Culture and Imperialism. – New York: Alfred A. Knopf, 1993. – 380 p.
11. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – Revised edition. – London: Verso, 2006.
12. Bhabha H. K. The Location of Culture. – London: Routledge, 1994.
13. Genette G. Narrative Discourse: An Essay in Method. Translated by Jane E. Lewin. – Ithaca: Cornell University Press, 1980.

14. Auerbach E. Mimesis: The Representation of Reality in Western Literature. Translated by Willard R. Trask. – Princeton: Princeton University Press, 1953.
15. Quronov D. Adabiyot nazariyasi asoslari. – Toshkent: Akademnashr, 2018.

OZODLIK, VATANPARVARLIK VA MILLIY O‘ZLIK MOTIVLARINING FENIMOR KUPER HAMDA O‘ZBEK NASRIDAGI POETIK TALQINI

Qosimov Anvar Bahron o‘g‘li
Xorijiy til nazaryasi va amaliyoti kafedrasi katta o‘qituvchisi
Shahrisabz davlat pedagogika instituti
Shahrisabz, O‘zbekiston

Maqolada Jeyms Fenimor Kuperning «So‘nggi mohikan», «Izquvar» va «Kiyik ovchisi» romanlari Abdulla Qodiriyning «O‘tkan kunlar» hamda Cho‘lponning «Kecha va kunduz» asarlari bilan qiyosiy o‘rganiladi. Ozodlik, vatanparvarlik va milliy o‘zlik motivlarining syujet, obraz, makon, ramz va konflikt orqali ifodalanishi tarixiy-qiyosiy, poetik va kontekstual tahlil asosida izohlanadi. Natijada Kuper nasrida erkinlik chegaraviy makondagi axloqiy tanlov, o‘zbek nasrida esa ijtimoiy islohot, ma’rifat va millat taqdiri bilan uzviy bog‘liqligi aniqlanadi.

Kalit so‘zlar: ozodlik, vatanparvarlik, milliy o‘zlik, Fenimor Kuper, Abdulla Qodiriy, Cho‘lpon, qiyosiy poetika, tarixiy roman.

Аннотация. В статье сопоставляются романы Джеймса Фенимора Купера «Последний из могикан», «Следопыт» и «Зверобой» с произведениями Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» и Чулпана «Ночь и день». Историко-сравнительный и поэтический анализ выявляет, как мотивы свободы, патриотизма и национальной идентичности реализуются через сюжет, характеры, пространство, символику и конфликт. Показано, что у Купера свобода связана с нравственным выбором на пограничье, тогда как в узбекской прозе она осмысляется также через просвещение, реформы и судьбу нации.

Ключевые слова: свобода, патриотизм, национальная идентичность, Фенимор Купер, Абдулла Кадыри, Чулпан, сравнительная поэтика, исторический роман.

This article compares James Fenimore Cooper’s The Last of the Mohicans, The Pathfinder and The Deerslayer with Abdulla Qodiriy’s O‘tkan kunlar and Cho‘lpon’s Kecha va kunduz. Using comparative-historical, close-reading and contextual approaches, it examines how freedom, patriotism and national identity are articulated through plot, characterization, setting, symbolism and conflict. The study finds that Cooper frequently dramatizes freedom as ethical choice in contested frontier spaces, whereas Uzbek prose additionally connects liberation to enlightenment, social reform and the fate of the nation.

Keywords: freedom, patriotism, national identity, James Fenimore Cooper, Abdulla Qodiriy, Cho‘lpon, comparative poetics, historical fiction.

Ozodlik, vatanparvarlik va milliy o‘zlik adabiyotda faqat g‘oyaviy shior sifatida emas, balki insonning o‘z muhitiga munosabati, ma’naviy tanlovi va tarixiy xotirasini belgilovchi poetik omillar sifatida namoyon bo‘ladi. Shu bois mazkur tushunchalarni turli milliy adabiyotlar misolida qiyoslash ularning umumiy insoniy mazmuni bilan birga tarixiy sharoitga bog‘liq o‘ziga xosligini ham ochib beradi. XIX asr Amerika adabiyotining taniqli vakili Jeyms Fenimor Kuper va XX asr boshidagi o‘zbek romanchiligi bir-biridan uzoq makon va davrlarda shakllanganiga qaramay, shaxs, jamiyat va tarix o‘rtasidagi murakkab munosabatlarni badiiy tadqiq etadi.

Tadqiqot muammosi va metodologiyasi

Tadqiqotning asosiy muammosi uch motivning mazmunan o‘xshashligini sanab o‘tish emas, ularning aynan qanday badiiy shakl va tasvir vositalari bilan vujudga kelishini aniqlashdan iborat. Ozodlik motivi qahramonning qaror qabul qilish imkoniyati va unga to‘sqinlik qiluvchi kuchlar bilan bog‘liq; vatanparvarlik motivi yurtdagi odamlar, makon va tarixiy xotiraga mas’uliyatni bildiradi; milliy o‘zlik esa til, urf-odat, qadriyat va tarixiy mansublikni anglash jarayonida shakllanadi. Ushbu tushunchalar bir-biriga yaqin bo‘lsa-da, ularni aynanlashtirish badiiy asardagi ichki ziddiyatlarni soddalashtiradi.

Material sifatida Kuperning «So‘nggi mohikan» (1826), «Izquvar» (1840), «Kiyik ovchisi» (1841), Qodiriyning «O‘tkan kunlar» (1922–1925 yillarda e’lon qilingan), Cho‘lponning «Kecha va kunduz» (1936) asarlari tanlandi. Tanlovning mezoni — asarlarning tarixiy o‘zgarish va madaniy mansublik muammolarini qahramon taqdiri bilan bog‘lab yoritishidir. Kuperdagi Amerika chegaraviy hududlari va mahalliy xalqlarning murakkab tasviri o‘zbek romanlaridagi mustamlaka bosimi, mahalliy ijtimoiy munosabatlar va yangilanish ehtiyoji bilan bevosita tenglashtirilmaydi: ular qiyoslash uchun turli tarixiy kontekstlardir. [1]

Tadqiqotda to‘rtta o‘zaro to‘ldiruvchi usul qo‘llandi. Qiyosiy-tarixiy yondashuv asarlar yaratilgan davrlarning siyosiy va madaniy shartlarini farqlaydi. Yaqin matniy o‘qish qahramonlarning xatti-harakati, rivoyat nuqtayi nazari va konflikt tashkilini kuzatadi. Motiv tahlili erkinlik, yurtga sadoqat hamda mansublikning takroriy ifodalarini aniqlaydi. [2] Poetik-kontekstual tahlil esa makon, tabiat tasviri, dialog va ramzlarning g‘oyaviy vazifasini izohlaydi. Xulosalar mazkur tanlangan besh asar doirasida chiqariladi; ular butun Amerika yoki o‘zbek nasriga avtomatik tatbiq etilmaydi.

Ozodlik: individual tanlovdan ijtimoiy mas’uliyatgacha

Kuper qahramonlaridan Natti Bamppo ko‘pincha qat’iy ijtimoiy chegaralarga sig‘maydigan, o‘z vijdoni asosida harakat qiladigan shaxs sifatida gavdalanadi. «Kiyik ovchisi» romanida uning axloqiy qat’iyati oddiy sarguzasht vositasigina emas: qahramon erkinligini zo‘ravonlik qilish imkoniyati emas, ma’lum tamoyildan chekinmaslik belgilaydi. Bu jihat ozodlikni huquqiy tushunchadan kengroq — insonning o‘z qarori uchun mas’uliyati sifatida ko‘rishga imkon yaratadi. [3]

Biroq Kuper tasviridagi «erkin» chegara hududi barcha qatnashchilar uchun teng makon emas. Mustamlakachilik va yer uchun kurash mahalliy xalqlar hayotiga xavf tug‘diradi. Demak, personajning shaxsiy erkinligi haqidagi tasavvur boshqa guruhlarning tarixiy

yo‘qotishlari bilan kesishgan nuqtada murakkablashadi. Roman poetikasidagi ana shu ziddiyat ozodlik motiviga biryoqlama tantanavor tus berishdan saqlaydi.

Ozodlik motivining o‘zbek nasridagi badiiy ko‘rinishi

«O‘tkan kunlar»da erkinlikning asosiy badiiy maydoni qahramonning oilaviy, axloqiy va ijtimoiy tanlovidir. Otabekning yangicha fikrlashi eskicha munosabatlar bilan to‘qnashadi; uning muhabbat va oilaviy hayotga doir qarorlari jamiyatdagi odatlar ta’siridan xoli emas. Shu sababli romandagi ozodlik «xohlaganini qilish» emas, inson baxti bilan jamoaviy me’yor o‘rtasidagi mutanosiblikni izlashdir. Muallif qahramon shaxsiy fojiaga yuz tutishi orqali ijtimoiy tuzumdagi nuqsonlarni bilvosita ko‘rsatadi. [4]

Cho‘lponning «Kecha va kunduz» romanida esa ozodlik masalasi yanada keskin ijtimoiy-psixologik tus oladi. Zebi taqdiri orqali ayolning ovozi, irodasi va hayot yo‘lini tanlash imkoniyatlari cheklangan muhit ochiladi. Qahramon hayotidagi bosimlar xususiy oilaviy hodisa bilan tugamaydi: ular kengroq ijtimoiy munosabatlarning alomati sifatida ko‘rinadi. Shu tariqa ayol erkinligi haqidagi syujet milliy uyg‘onish va jamiyatning axloqiy yangilanishi bilan bog‘lanadi. [5]

Uch adibda ham erkinlik konflikt orqali ko‘rinadi, biroq konfliktning markazi turlicha. Kuper asarlarida tashqi xavf, tabiiy makon va qarama-qarshi guruhlar bilan uchrashuv muhim o‘rin tutsa, Qodiriy va Cho‘lponda ijtimoiy institutlar, oila, urf-odat va shaxsiy taqdir o‘rtasidagi kolliziya kuchliroq seziladi. Bunday farq janr va tarixiy tajriba bilan bog‘liq: chegara sarguzashti hamda ijtimoiy-psixologik roman ayni motivni har xil estetik vositalar bilan ishga soladi.

Vatanparvarlik: makon, xotira va burch

Kuper nasrida o‘rmon, daryo, ko‘l va yo‘llar oddiy dekoratsiya emas, balki makonni bilish va unga munosabatni sinovdan o‘tkazuvchi faol poetik unsurlardir. «So‘nggi mohikan»da tabiat manzaralari qahramonlarning yo‘l topishi, bir-biriga ishonishi va omon qolishi bilan chambarchas bog‘lanadi. [6] Makonning tasviri vatan tushunchasini murakkablashtiradi: ayni hudud bir xalq uchun ajdodlar yurti, boshqalar uchun esa egallanayotgan chegara sifatida idrok etiladi. Shunday qilib, yurtga sadoqat motivi turli qahramonlar nutqi va harakatida bir xil ma’no kasb etmaydi.

«O‘tkan kunlar»da vatanparvarlik to‘g‘ridan-to‘g‘ri balandparvoz chaqiriqlardan ko‘ra, yurt boshqaruvi, ichki nizolar va jamiyat kelajagi haqidagi tashvishlarda namoyon bo‘ladi. Otabekning savdo, taraqqiyot va ijtimoiy tartibga doir qarashlari orqali xususiy manfaatdan kengroq bo‘lgan umumiy mas’uliyat masalasi yuzaga chiqadi. Tarixiy muhitning tanqidiy tasviri yurtdagi beqarorlikni shunchaki manzara emas, personajlar taqdiriga ta’sir etuvchi sabab darajasiga ko‘taradi.

Milliy o‘zlik: obraz, til va madaniy xotira

Milliy o‘zlik motivi bir qarashda qahramonlarning qaysi xalqqa mansubligi bilan belgilangandek tuyuladi. Aslida esa badiiy matnda bu mansublik qadriyatlar, xotira, qarindoshlik rishtalari, so‘zlashuv usullari va o‘zga guruhga munosabat yordamida quriladi. «So‘nggi mohikan»da Unkas va Chingachguk obrazlari mahalliy xalqlar tarixiy mavjudligi va yo‘qotishlarining ramziy ifodasiga aylantiriladi. Roman nomining o‘zi davomiylikning uzilishi haqidagi fojiaviy mazmunni kuchaytiradi; biroq uni barcha mahalliy xalqlarning tarixiy «yo‘qolishi» haqidagi dalil sifatida qabul qilish noto‘g‘ri bo‘ladi. Bu, avvalo, muayyan davr adabiy tasavvuridir.

Kuperning hindularni tasvirlashidagi romantik ideallashtirish va stereotiplar ham qiyosiy tahlildan chetda qolmasligi zarur. Ayrim personajlar ulug‘vor axloqiy mezonlar bilan yoritilgan bo‘lsa, boshqalari keskin qarama-qarshilikka asoslangan xarakterlar sifatida beriladi. Bunday poetik ikkilik milliy o‘zlikni ifodalash bilan bir vaqtda «o‘zimiz–o‘zgalar» chegarasini ham yaratadi. Shuning uchun badiiy matnning tasviriy kuchini e’tirof etish uning tarixiy qarashlarini tanqidsiz qabul qilishni anglatmaydi. [7]

Qodiriy romanida milliy o‘zlik shahar hayoti, muomala odobi, oilaviy aloqalar va xalqning tarixiy tajribasi vositasida seziladi. Toshkent hamda Marg‘ilon kabi makonlar faqat voqealar kechadigan manzil emas: ular mahalliy hayotning ijtimoiy va madaniy qatlamlarini ifodalaydi. Qahramonlarning nutqi va marosimlarga munosabati jamiyatning ichki rang-barangligini aks ettirib, milliy madaniyatni o‘zgarmas qolip tarzida emas, tortishuv va yangilanish maydoni tarzida ko‘rsatadi.

«Kecha va kunduz»ning nomlanishidagi vaqtga oid qarama-qarshilik ham ramziy ahamiyatga ega. «Kecha» va «kunduz» oppozitsiyasi qorong‘ilikdan yorug‘likka o‘tish haqidagi ma’rifiy talqinni taklif etadi, lekin romanning murakkab ijtimoiy fojialarini oddiy optimistik sxemaga tushirib qo‘ymaydi. Cho‘lpon turli ovozlarni bir maydonda to‘qnashtirib, milliy o‘zlikning qanday ijtimoiy sharoitda anglanishi yoki bostirilishini ko‘rsatadi. [8]

Poetik vositalarning qiyosiy tizimi

Tanlangan asarlarda uch motivni faol qiluvchi kamida besh poetik mexanizm ko‘zga tashlanadi: syujetdagi sinov, obrazning axloqiy tanlovi, tarixiy makon, ziddiyatli dialog va ramziy detallar. [9] Kuperdagi yo‘l va o‘rmon obrazlari harakatdagi shaxsni sinovga olib kirsa, Qodiriydagi shahar hamda xonadon munosabatlari shaxsning ijtimoiy bog‘liqligini kuchaytiradi; Cho‘lpondagi yorug‘lik va zulmat semantikasi esa tarixiy bosimning ruhiy oqibatlarini umumlashtiradi.

Qiyosiy kuzatuvlar va tadqiqot natijalari

Tahlil natijalari uch motiv bir xil tushunchaviy maydonga mansub bo‘lsa ham, bir xil badiiy vazifani bajarmasligini ko‘rsatadi. Birinchidan, ozodlik Kuper romanlarida ko‘proq axloqiy mustaqillik va xavfli makondagi qaror bilan, Qodiriy va Cho‘lpon romanlarida esa shaxsning ijtimoiy cheklovlardan chiqishga intilishi bilan bog‘lanadi. Bu kuzatuv muayyan epizodlarni umumlashtirish natijasi bo‘lib, barcha personajlar yoki asarlarning yagona g‘oyasi haqidagi mutlaq hukm emas.

Ikkinchidan, vatanparvarlik Kuperda makonga mansublikning bahsli tabiati orqali ochiladi. Turli guruhlar bir hududni turlicha tarixiy ma’noda qabul qiladi. Qodiriyda esa vatanparvarlikning muhim ko‘rinishi millat istiqboli uchun ichki illatlarni tanqid qilishdir. Shu nuqtada poetik paradoks yuzaga keladi: yurtga muhabbat uning kamchiliklarini yashirishdan emas, aynan ularni ko‘rsatishdan namoyon bo‘ladi. Cho‘lponda bu tanqid ijtimoiy adolatsizlik va inson huquqlari muammosiga bevosita ulanadi.

Uchinchidan, milliy o‘zlikning poetik tuzilishi ko‘p ovozli xarakterga ega. «So‘nggi mohikan»da mahalliy xalqlar taqdiri romantik elegiya tusini oladi; «O‘tkan kunlar»da madaniy mansublik kundalik urf-odat va tarixiy shahar muhiti orqali ko‘rsatiladi; «Kecha va kunduz»da esa milliy ongning uyg‘onishi bilan to‘qnashuvchi ijtimoiy kuchlar markazga chiqadi. Binobarin, ayni motiv bir asarda tarixiy yo‘qotish, boshqa asarda o‘zini anglash, uchinchisida esa islohot ehtiyoji tarzida shakllanishi mumkin.

To‘rtinchidan, qahramonning shaxsiy taqdiri va umumiy tarix o‘rtasidagi bog‘lanish barcha tanlangan matnlarda asosiy estetik ko‘prik vazifasini bajaradi. Natti Bampponing me’yorlarga sodiqligi, Otabekning yangicha qarashlari va Zebining cheklangan imkoniyatlari boshqa-boshqa syujetga mansub bo‘lsa-da, barchasi o‘z muhitida insoniy qadr-qimmat uchun kurashning turli shakllarini ochadi. Ularni bir xillikka keltirish o‘rniga, tarixiy farqni saqlagan holda qiyoslash ilmiy xulosaning ishonchliligini oshiradi.

Qiyosiy natijalar motivlarni faqat mavzu darajasida izlash yetarli emasligini tasdiqlaydi. Masalan, «erkinlik» so‘zi matnda kam ishlatilsa ham, qahramon o‘z tanlovini himoya qilayotgan sahnalarda ozodlik motivi kuchli namoyon bo‘lishi mumkin. Xuddi shunday, vatanparvarlik bevosita vatan haqidagi nutqdagina emas, xalq taqdiriga daxldor qaror, iztirob yoki tanqidda ham ifodalanadi. Shu sababli mazkur tadqiqotda motivning poetik funksiyasi uning deklarativ ifodasidan ustun qo‘yildi.

Taqqoslashning cheklovi ham mavjud: Kuperning romantik-tarixiy sarguzasht romani bilan o‘zbek ijtimoiy-tarixiy va psixologik romanchiligi o‘rtasida janriy, mafkuraviy va davriy tafovut katta. Bunday farqlar yo‘qotilganda yuzaki o‘xshashliklar paydo bo‘ladi. Mazkur ishda adabiy jarayonlarni bevosita ta’sir va o‘zlashtirish sifatida emas, tipologik qiyoslash sifatida talqin etish afzal ko‘rildi.

Xulosa. Jeyms Fenimor Kuper, Abdulla Qodiriy va Cho‘lpon asarlarini qiyosiy o‘rganish ozodlik, vatanparvarlik va milliy o‘zlik motivlari milliy adabiyotlarning tarixiy tajribasiga qarab turlicha poetik shakllanishini ko‘rsatdi. Kuper romanlarida ozodlik individual axloqiy qaror, tabiat va xavfli chegara makoni bilan uzviy bog‘langan; Qodiriyda u ijtimoiy munosabatlarni yangilash istagi va insoniy baxt uchun kurash bilan; Cho‘lponda esa ijtimoiy tengsizlik, ayol taqdiri va ma’rifat masalalari bilan kesishadi.

Tadqiqotdan kelib chiqadigan birinchi ilmiy xulosa shuki, motivni aniqlash uchun faqat mavzuni nomlash emas, uning syujet va konflikt tarkibidagi vazifasini ko‘rsatish zarur. Ikkinchi xulosa: vatanparvarlik yurtning badiiy ideallashtirilishi bilangina cheklanmay, jamiyat nuqsonlarini tanqidiy ochib berish orqali ham yuzaga chiqadi. Uchinchi xulosa: milliy o‘zlik til, xotira, tarixiy makon, urf-odat va qahramonlararo munosabatlar orqali shakllanadigan ko‘p qatlamli badiiy konstruksiyadir.

Shunday qilib, tanlangan besh asarning qiyosiy tahlili umumiy axloqiy qadriyatlar bilan milliy-tarixiy farqlarni birgalikda hisobga olish lozimligini asoslaydi. Natijalar qiyosiy adabiyotshunoslikda motiv poetikasini o‘rganish, badiiy obrazning tarixiy ma’nosini ochish va dars jarayonida Amerika hamda o‘zbek romanlarini qiyosiy talqin etishda qo‘llanishi mumkin. Kelgusida ushbu kuzatuvlarni kengroq matn korpusi va aniq epizodlar qiyosi bilan chuqurlashtirish maqsadga muvofiq.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Cooper, J. F. The Last of the Mohicans. 1826. https://www.gutenberg.org/ebooks/940
2. Cooper, J. F. The Pathfinder; or, The Inland Sea. 1840.
https://www.gutenberg.org/ebooks/1880
3. Cooper, J. F. The Deerslayer; or, The First War-Path. 1841.
https://www.gutenberg.org/ebooks/3285
4. Qodiriy, A. O‘tkan kunlar. Roman. 1922–1925.

https://www.ziyouz.com/portal-haqida/xarita/uzbek-nasri/abdulla-qodiriy-1894-1938/abdulla-qodiriy-o-tkan-kunlar-roman
5. Cho‘lpon, A. Kecha va kunduz. Roman. 1936.
https://www.ziyouz.com/portal-haqida/xarita/uzbek-nasri/abdulhamid-cho-lpon-1897-1938/abdulhamid-cho-lpon-kecha-va-kunduz-roman
6. Said, E. W. Culture and Imperialism. New York: Knopf, 1993.
https://www.penguinrandomhouse.com/books/159778/culture-and-imperialism-by-edward-w-said/
7. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983.
https://www.versobooks.com/products/1126-imagined-communities
8. Bakhtin, M. M. The Dialogic Imagination: Four Essays. Austin: University of Texas Press, 1981.
https://utpress.utexas.edu/9780292715349/the-dialogic-imagination/
9. Slotkin, R. Regeneration Through Violence: The Mythology of the American Frontier, 1600–1860. Middletown: Wesleyan University Press, 1973.
https://search.worldcat.org/title/Regeneration-through-violence-%3A-the-mythology-of-the-American-frontier-1600-1860/oclc/333612

ПРОБЛЕМА СЕМЬИ, ЛЮБВИ И ЖЕНСКОЙ СВОБОДЫ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» И УЗБЕКСКОЙ ПРОЗЕ

Рахматуллаева Комила Нормамат кизи
старший преподаватель
Университет экономики и педагогики
Карши, Узбекистан

***Аннотация**: В статье рассматривается художественная интерпретация проблем семьи, любви, женской свободы и нравственного выбора в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и романе Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» («Ўткан кунлар»). На основе сравнительно-типологического анализа раскрываются особенности изображения женской судьбы в контексте личных чувств, семейных отношений, общественных норм и национально-культурных ценностей. Посредством анализа образов Анны Карениной, Кумуш и Зайнаб исследуются противоречия между стремлением к личному счастью и социальными предписаниями, роль брака как общественного института, возможности самостоятельного выбора женщины и влияние общественного мнения на судьбу личности. Особое внимание уделяется психологической характеристике героинь, нравственным конфликтам и своеобразию художественного осмысления женской свободы в русской и узбекской литературных традициях.*

***Ключевые слова**: Л. Н. Толстой, Абдулла Кадыри, «Анна Каренина», «Минувшие дни», женская свобода, семья, любовь, нравственность, брак, женский образ, сравнительно-типологический анализ, социальные нормы, нравственный выбор.*

Annotatsiya. *Maqolada L. N. Tolstoyning «Anna Karenina» romani va Abdulla Qodiriyning «O‘tkan kunlar» romanida oila, muhabbat, ayol erkinligi va axloqiy tanlov muammolarining badiiy talqini ko‘rib chiqiladi. Qiyosiy-tipologik tahlil asosida shaxsiy his-tuyg‘ular, oilaviy munosabatlar, ijtimoiy me’yorlar hamda milliy-madaniy qadriyatlar kontekstida ayol taqdirining tasvirlanish xususiyatlari ochib beriladi. Anna Karenina, Kumush va Zaynab obrazlarini tahlil qilish orqali shaxsiy baxtga intilish va ijtimoiy talablar o‘rtasidagi ziddiyatlar, nikohning ijtimoiy institut sifatidagi o‘rni, ayolning mustaqil tanlov qilish imkoniyatlari hamda jamoatchilik fikrining shaxs taqdiriga ta’siri tadqiq etiladi. Qahramonlarning psixologik tavsifi, axloqiy ziddiyatlar va rus hamda o‘zbek adabiy an’analarida ayol erkinligining badiiy talqin etilish o‘ziga xos xususiyatlariga alohida e’tibor qaratiladi.*

Kalit so‘zlar: *L. N. Tolstoy, Abdulla Qodiriy, «Anna Karenina», «O‘tkan kunlar», ayol erkinligi, oila, muhabbat, axloq, nikoh, ayol obrazi, qiyosiy-tipologik tahlil, ijtimoiy me’yorlar, axloqiy tanlov.*

Abstract. *This article examines the literary interpretation of the problems of family, love, women’s freedom, and moral choice in L. N. Tolstoy’s novel Anna Karenina and Abdulla Kadiri’s novel Bygone Days (O‘tkan kunlar). Based on a comparative-typological analysis, the article reveals the specific features of the portrayal of women’s destinies in the context of personal feelings, family relationships, social norms, and national and cultural values. Through an analysis of the characters of Anna Karenina, Kumush, and Zaynab, the study explores the contradictions between the pursuit of personal happiness and social expectations, the role of marriage as a social institution, women’s opportunities for independent choice, and the influence of public opinion on individual destinies. Particular attention is paid to the psychological characterization of the heroines, moral conflicts, and the distinctive features of the literary interpretation of women’s freedom in Russian and Uzbek literary traditions.*

Keywords: *L. N. Tolstoy, Abdulla Kadiri, Anna Karenina, Bygone Days (O‘tkan kunlar), women’s freedom, family, love, morality, marriage, female character, comparative-typological analysis, social norms, moral choice.*

Введение. Современное литературоведение уделяет значительное внимание исследованию личности, семейных отношений, нравственного выбора и свободы человека в художественном произведении. Особую актуальность эти вопросы приобретают при изучении женских образов, посредством которых раскрываются противоречия между индивидуальными чувствами, общественными нормами и традиционными представлениями о семейном долге. В русской и узбекской литературе проблемы семьи, любви и положения женщины получили глубокое художественное осмысление, что создаёт предпосылки для сравнительно-типологического анализа национальных литературных традиций.

Одним из наиболее значительных произведений русской классической литературы, раскрывающих противоречия между личным счастьем и общественной моралью, является роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Писатель исследует внутренний мир человека, сложность семейных отношений и зависимость личной судьбы от социальных обстоятельств. Образ Анны Карениной воплощает трагическое столкновение стремления к любви и эмоциональной свободе с общественными требованиями и семейными обязательствами [1]. В литературоведении роман рассматривается также как произведение, позволяющее исследовать исторические представления о браке, любви и нравственной ответственности личности [4].

В узбекской литературе проблематика семьи, любви и нравственного выбора получила яркое художественное воплощение в романе Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» («Ўткан

кунлар»). Через судьбы Отабека, Кумуш и Зайнаб писатель раскрывает противоречия между личными чувствами, семейными традициями и общественными установками. Семейные отношения в произведении становятся пространством, в котором обнаруживаются как возможности человеческого счастья, так и разрушительные последствия ревности, недопонимания и ограниченности традиционных представлений о браке [2]. Женские образы романа представляют интерес для литературоведческого анализа благодаря различиям в их характерах, мотивах поступков и способах реагирования на сложившиеся обстоятельства [7].
Актуальность сопоставления этих произведений обусловлена необходимостью выявления общих и национально-специфических особенностей изображения женской судьбы в русской и узбекской прозе. При этом сопоставительный подход предполагает не отождествление героинь, а изучение сходства и различий в художественном воплощении их внутренних конфликтов, жизненных обстоятельств и нравственного выбора. Важно учитывать, что романы создавались в различных исторических и культурных условиях, поэтому типологическое сходство проблематики не свидетельствует само по себе о прямой литературной зависимости между произведениями.

Теоретической основой анализа выступает представление о художественном произведении как целостной системе, в которой характеры персонажей, сюжетные отношения и социально-нравственные конфликты взаимосвязаны. Ю. М. Лотман рассматривал художественный текст как сложную знаковую структуру, значение элементов которой раскрывается через их взаимодействие [3]. Данный подход позволяет исследовать образы Анны Карениной, Кумуш и Зайнаб в контексте общей проблематики произведений, учитывая их отношения с другими персонажами и окружающей социальной средой.

Материалы и методы

Материалом статьи послужили романы Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и Абдуллы Кадыри «Минувшие дни». Основное внимание уделяется женским образам Анны Карениной, Кумуш и Зайнаб, а также системе семейных отношений, в рамках которой формируются их характеры и развиваются основные конфликты.

В исследовании применяется сравнительно-типологический метод, позволяющий выявить сходства и различия в изображении женской судьбы, семейных отношений и нравственного выбора. Историко-контекстуальный метод используется для рассмотрения произведений с учётом общественных условий и культурных представлений соответствующих эпох. Психологический анализ направлен на изучение внутреннего мира героинь, мотивов их поступков, эмоциональных переживаний и противоречий.

Структурно-сопоставительный анализ позволяет рассматривать женские образы в системе взаимоотношений с другими персонажами, определяя их роль в развитии сюжета и раскрытии авторской позиции. При интерпретации произведений учитывается концепция художественного текста как целостной системы, в которой смысл персонажа формируется во взаимодействии с другими элементами произведения [3].

При анализе романа Толстого также принимаются во внимание литературоведческие подходы, рассматривающие связь между изображением брака, любовных отношений и историческими представлениями о положении женщины [4; 5]. Эти подходы позволяют учитывать неоднозначность авторской позиции и избегать сведения художественного конфликта к простому противопоставлению личности и общества.

Результаты и обсуждение.

В романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» семья представлена как сложная система эмоциональных, нравственных и социальных отношений. Внешнее соответствие общественным нормам не всегда обеспечивает внутреннюю гармонию супругов. Уже в начале произведения семейный кризис в доме Облонских обозначает одну из центральных проблем

романа: противоречие между формальным сохранением брака и действительным состоянием человеческих отношений [1].

Семейная жизнь Анны Карениной также развивается в условиях внутреннего несоответствия между внешним благополучием и личными переживаниями. Её брак с Алексеем Александровичем Карениным не обеспечивает необходимой эмоциональной близости. Возникновение чувства к Вронскому становится поворотным моментом, после которого героиня вынуждена переосмыслить своё положение в семье и обществе. Однако стремление к личному счастью не приводит к освобождению от социальных ограничений: напротив, оно сопровождается постепенным разрушением прежних связей и усилением внутреннего конфликта [1].

Особенность изображения семьи в романе заключается в том, что Толстой показывает различные модели супружеских отношений. Семейная жизнь Облонских, отношения Анны и Каренина, а также история Левина и Кити раскрывают неодинаковые способы взаимодействия личных чувств, нравственных обязательств и повседневной ответственности. Такое композиционное сопоставление позволяет рассматривать судьбу Анны не изолированно, а в рамках общей системы семейных отношений романа [1; 4].

В исследовании Г. Морсона подчёркивается значимость исторического подхода к пониманию брака и семьи в романе Толстого. Исследователь обращает внимание на связь любви с повседневной жизнью, временной перспективой и характером человеческих отношений [4]. В рамках рассматриваемой статьи данный подход позволяет утверждать, что семейный конфликт в «Анне Карениной» раскрывается не только через отдельные эмоциональные переживания, но и через невозможность установить устойчивые отношения, основанные на доверии и взаимном понимании.

Таким образом, семья в романе Толстого выступает не только пространством личной жизни, но и институтом, регулирующим поведение человека посредством общественных ожиданий. Писатель показывает, что устойчивость семейных отношений не может основываться исключительно на соблюдении внешних правил: она предполагает эмоциональную близость, взаимопонимание и нравственную ответственность.

В романе Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» семейные отношения раскрываются в иной исторической и культурной обстановке. Значительное место в произведении занимают родственные связи, брачные обычаи, авторитет старших и влияние семейного окружения на решения персонажей. Любовь Отабека и Кумуш сталкивается с обстоятельствами, обусловленными традиционными представлениями о браке и семейных обязательствах [2].

Ситуация осложняется браком Отабека с Зайнаб. В результате формируется конфликт, в котором пересекаются личные чувства, семейные решения и стремление героинь сохранить своё положение. Семья оказывается пространством не только любви и взаимной привязанности, но и соперничества, ревности и психологического напряжения.

При этом художественная позиция Кадыри не сводится к однозначному противопоставлению традиции и личного счастья. Писатель показывает, что последствия семейных конфликтов зависят от поведения самих персонажей, характера их отношений и невозможности разрешить возникшие противоречия мирным путём. Через трагические события раскрывается уязвимость человека в ситуации, когда личные переживания вступают в конфликт с установившимся порядком семейной жизни [2].

Проблема женской свободы является одной из центральных в романе «Анна Каренина». Судьба главной героини показывает, насколько сложно женщине реализовать стремление к личному счастью в условиях общественных норм, регулирующих семейное и нравственное поведение. Анна оказывается перед выбором между сохранением прежнего социального положения и следованием собственным чувствам [1].

В исследовании Г. Грин рассматриваются противоречия в изображении женщин, характера и общества в романе Толстого. Автор обращает внимание на сложность интерпретации женских персонажей и неоднозначность художественного отношения к их судьбам [5]. Этот подход позволяет рассматривать Анну не только как нарушительницу общественных норм, но и как личность, чьи переживания раскрывают противоречия самой социальной системы.

При этом Толстой не изображает героиню исключительно жертвой обстоятельств. Её решения, эмоциональные реакции и отношения с окружающими имеют самостоятельное значение для развития сюжета. Художественная сложность образа определяется взаимодействием личной ответственности и общественного давления. Анна стремится обрести свободу, однако её положение осложняется осуждением, одиночеством и постепенным разрушением доверия в отношениях с Вронским.

Свобода в романе оказывается не только правом на самостоятельный выбор, но и сложной нравственно-психологической проблемой. Личное решение не освобождает человека от последствий поступков, а общественные ограничения могут усугублять внутренний конфликт. Толстой показывает, что противоречие между индивидуальными потребностями и социальными ожиданиями способно привести к трагическому исходу [1; 5].

В «Минувших днях» женская свобода раскрывается через судьбы Кумуш и Зайнаб. Их положение определяется семейными отношениями, брачными обычаями и влиянием окружающих. Кумуш стремится сохранить любовь и семейное счастье, но не обладает полной возможностью самостоятельно контролировать обстоятельства, от которых зависит её судьба [2].

Образ Кумуш раскрывает уязвимость женщины в ситуации, когда личное счастье оказывается зависимым от решений других людей и внутрисемейных противоречий. Её трагическая гибель подчёркивает разрушительность конфликта, в котором отсутствует возможность мирного разрешения противоречий.

Образ Зайнаб представляет другую сторону проблемы. Её стремление сохранить собственное положение в семье превращается в разрушительное противостояние. Если судьба Кумуш связана прежде всего с зависимостью от обстоятельств, то история Зайнаб показывает, как внутреннее напряжение и ревность могут привести к поступку, имеющему трагические последствия [2; 7].

Современные работы, посвящённые женским образам в романе Кадыри, также обращают внимание на связь психологических характеристик героинь с социальной средой и особенностями их положения в семье [7]. В рамках настоящего сопоставления это позволяет рассматривать Кумуш и Зайнаб не как условные противоположности, а как самостоятельные художественные характеры, чьи поступки формируются в сложной системе межличностных отношений.

Выводы. Проведённое сопоставление романов Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» позволяет выявить общие и национально-специфические особенности художественного изображения семьи, любви и женской свободы.

В обоих произведениях семья представлена как важнейшая сфера человеческой жизни, в которой проявляются противоречия между личными чувствами, нравственными обязательствами и общественными нормами. Вместе с тем способы раскрытия семейного конфликта различаются в соответствии с историческим и национально-культурным контекстом каждого романа [1; 2; 4].

Любовь в произведениях выступает не только как эмоциональное переживание, но и как фактор, определяющий нравственный выбор персонажей. Она связана с вопросами ответственности, верности, взаимопонимания и последствий человеческих поступков. Анализ

подтверждает, что любовный конфликт приобретает трагическое значение в тех случаях, когда личные чувства сталкиваются с социальными ограничениями или сопровождаются разрушением отношений между людьми [1; 2].

Образы Анны Карениной, Кумуш и Зайнаб демонстрируют различные формы проявления женской судьбы. Анна переживает внутренний конфликт между стремлением к личному счастью и общественными ограничениями. Кумуш стремится сохранить любовь и семейное благополучие, однако становится жертвой разрушительного внутрисемейного противостояния. Зайнаб представляет образ героини, чьи переживания и стремление сохранить собственное положение приводят к трагическому поступку [1; 2; 5; 7].

Типологическое сходство произведений заключается не в тождестве характеров или судеб героинь, а в обращении писателей к проблеме ограниченности личной свободы и противоречиям между индивидуальными чувствами и общественными установками.

Применение структурного подхода позволяет рассматривать женские образы как элементы целостной художественной системы, значение которых раскрывается через взаимодействие с другими персонажами и развитие сюжета [3]. Психологический анализ, в свою очередь, выявляет индивидуальные особенности героинь и показывает, что их судьбы нельзя объяснить исключительно воздействием внешней среды или одним нравственным решением [1; 2; 5].

Таким образом, сопоставление романов Л. Н. Толстого и Абдуллы Кадыри позволяет глубже понять особенности художественного осмысления женской судьбы в русской и узбекской прозе. Рассматриваемые произведения сохраняют научную значимость благодаря постановке вопросов о человеческом достоинстве, нравственном выборе, семейной ответственности и возможности личного счастья в условиях общественных ограничений.

Список использованной литературы:

1. Толстой Л. Н. Анна Каренина: роман. — М.: Эксмо, 2011. — 864 с.
2. Кадыри А. Минувшие дни: роман / пер. с узб. Л. Бать и В. Смирновой; под ред. С. Евгенова. — Ташкент: Государственное издательство художественной литературы, 1958. — 373 с.
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. — М.: Искусство, 1970. — 384 с.
4. Морсон Г. С. Marriage, Love, and Time in Tolstoy's Anna Karenina [Брак, любовь и время в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»] // Journal of Family Theory & Review. — 2010. — Vol. 2, № 4. — P. 353–369. — DOI: https://doi.org/10.1111/j.1756-2589.2010.00066.x.
5. Greene G. Women, Character, and Society in Tolstoy's «Anna Karenina» [Женщины, характер и общество в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»] // Frontiers: A Journal of Women Studies. — 1977. — Vol. 2, № 1. — P. 106–125. — DOI: https://doi.org/10.2307/3346113.
6. Лоунсбери О. The «Woman Question» [«Женский вопрос»] // Tolstoy in Context / под ред. A. A. Berman. — Cambridge: Cambridge University Press, 2022. — P. 111–118. — DOI: https://doi.org/10.1017/9781108782876.018.
7. Шукурова О. The Typology of Female Characters in the Novels Intibah and Days Gone By [Типология женских образов в романах «Интибах» и «Минувшие дни»] // The Lingua Spectrum. — Электронный ресурс. — URL: https://lingvospektr.uz/index.php/lngsp/article/view/1049 (дата обращения: 15.10.2026).

ФЕНОМЕН СУДЬБЫ В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ПРОЗЕ XXI ВЕКА (на материале романа Л.Улицкой «Лестница Якова» и романа У.Хамдама «Равновесие» («Muvozanat»)

Бердиева Лайло Сиддиковна
преподаватель кафедры филологии
Университет информационных технологий и менеджмента
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается феномен судьбы (судьба / taqdir) в русской и узбекской прозе XXI века на материале романа Л. Улицкой «Лестница Якова» и романа У. Хамдама «Muvozanat» («Равновесие»). Анализируется, как в произведении Улицкой судьба эксплицируется через метафору родовой лестницы, соединяющую личную биографию, семейную память и большую историю, а в романе Хамдама – через поиск внутреннего и социального равновесия (muvozanat) героем Юсуфом в эпоху общественных перемен. Показано, что в обеих национальных традициях судьба перестаёт быть только внешним роком и становится пространством этического выбора и духовного становления личности.*

Ключевые слова: *судьба, taqdir, русская проза, узбекская проза.*

Annotatsiya. *Maqolada XXI asr rus va o‘zbek nasrida taqdir (sudba / taqdir) fenomeni L. Ulitskayaning «Yakov zinapoyasi» hamda U. Hamdamning «Muvozanat» romanlari materialida ko‘rib chiqiladi. Ulitskaya asarida taqdir oilaviy zinapoya metaforasi orqali shaxsiy biografiya, oilaviy xotira va katta tarixni bog‘lab ifodalanishi, Hamdam romanida esa Yusuf qahramonining ijtimoiy o‘zgarishlar davrida ichki va ijtimoiy muvozanat (muvozanat) izlash yo‘li sifatida ochilishi tahlil etiladi. Har ikki milliy an’anada taqdir faqat tashqi qismat bo‘lib qolmay, axloqiy tanlov va shaxs ma’naviy kamolot maydoniga aylanishi ko‘rsatiladi.*

Kalit so‘zlar: *taqdir, sudba, rus nasri, o‘zbek nasri.*

Abstract. *The article examines the phenomenon of fate (sudba / taqdir) in Russian and Uzbek prose of the 21st century based on L. Ulitskaya’s novel Jacob’s Ladder and U. Hamdam’s novel Muvozanat (Equilibrium). It analyzes how in Ulitskaya’s work fate is explicated through the metaphor of the family ladder connecting personal biography, generational memory and major history, while in Hamdam’s novel it is revealed through the hero Yusuf’s search for inner and social balance (muvozanat) in an era of social change. The study demonstrates that in both national traditions fate ceases to be merely an external destiny and becomes a space of ethical choice and spiritual becoming of the individual.*

Keywords: *fate, taqdir, Russian prose, Uzbek prose.*

Феномен судьбы (судьба / taqdir) принадлежит к числу ключевых концептов, формирующих национальную картину мира и одновременно обладающих универсальной антропологической глубиной. В русской культурной традиции судьба часто осмысляется как предопределённость, рок, «жребий», тесно связанный с идеями испытания, страдания, исторической вины и возможности личного выбора. В узбекской

(тюркско-мусульманской) традиции судьбы несёт оттенок божественного предопределения, но одновременно оставляет пространство для человеческой воли, терпения (sabr) и нравственного ответа. В прозе XXI века оба национальных варианта концепта получают сложную художественную экспликацию: судьба перестаёт быть только внешним роком и становится пространством внутренней работы героя, диалога с историей, родом и собственной идентичностью.

В качестве объектов анализа избраны два репрезентативных произведения: роман Людмилы Улицкой «Лестница Якова» (2015) и роман Улугбека Хамдама «Muvozanat» («Равновесие», 2007). Оба текста обращаются к феномену судьбы через призму личной и семейной истории, поиска смысла и восстановления внутренней гармонии.

В романе Людмилы Улицкой «Лестница Якова» судьба разворачивается как многоуровневая конструкция, соединяющая личную биографию, семейную хронику и большую историю XX века. Центральный образ – библейская лестница Якова – становится метафорой восхождения и одновременно предопределённости: каждый «ярус» жизни героев оказывается связан с предыдущими и последующими поколениями. Судьба здесь не столько слепой рок, сколько цепь выборов, ошибок, молчаний и внезапных прозрений, передающихся по наследству.

Улицкая показывает, как исторические катастрофы (революции, войны, репрессии, эмиграция) вписываются в интимную ткань семейной судьбы. Герои романа постоянно ощущают давление «родовой лестницы»: они либо пытаются вырваться из неё, либо, напротив, ищут в ней опору и смысл. Судьба предстаёт одновременно как бремя и как дар – возможность продолжения рода, сохранения памяти, обретения идентичности через знание о предках. Писательница избегает фатализма: даже в самых жёстких обстоятельствах у человека остаётся пространство свободного нравственного выбора. Именно этот выбор и превращает предопределённость в личную судьбу.

Таким образом, в русской прозе XXI века (на примере Улицкой) феномен судьбы эксплицируется как сложное взаимодействие исторической необходимости, родовой памяти и индивидуальной ответственности. Судьба не уничтожает свободу, а ставит её перед лицом истории и рода.

В романе Улугбека Хамдама «Muvozanat» («Равновесие») феномен taqdir приобретает ярко выраженный философско-психологический характер. Главный герой – Юсуф – живёт в эпоху сложных общественных перемен (годы обретения независимости) и постоянно ощущает утрату внутренней и внешней гармонии. Его судьба разворачивается как долгий, мучительный путь к восстановлению muvozanat – равновесия между материальным и духовным, личным и общественным, разумом и верой. Автор прямо указывает на центральную идею романа: «Asar bosh qahramoni Yusuf ana shu evrilishlarda ba’zan boy berib qo‘yilgan muvozanat sari talpinib yashaydi» («Главный герой произведения Юсуф в этих переменах порой теряет равновесие и стремится к его восстановлению») [3, b. 3]. Yusuf теряет друзей, работу, семью, даже ребёнка, но не отказывается от главного – поиска высшей ценности. «U hayotida, atrofida nimalar yuz bergan va berishi mumkin bo‘lgan bo‘lmasin, baribir, insonni tutib turgan oliy qadriyat – Muvozanatdan, unga erishish mashaqqatidan yuz o‘girmadi» («Что бы ни происходило в его жизни и вокруг него, он всё равно не отвернулся от высшей

ценности, удерживающей человека, – от Равновесия и от трудности его достижения») [3, b. 4].

Судьба в понимании Хамдама – это не пассивное принятие предопределения, а активное усилие по восстановлению гармонии. Один корень этого равновесия находится в самом человеке, другой – в обществе, в котором он живёт. Поэтому taqdir Yusufa оказывается неразрывно связан с судьбой страны: «Istiqlol va yurt obodligi masalasi Yusuf nazarda tutgan va o‘zi romanning boshidan oxirigacha intilgan ulug‘ Muvozanatning ajralmas halqalaridir» («Вопрос независимости и процветания страны является неотъемлемым звеном того великого Равновесия, к которому стремился Юсуф от начала до конца романа») [3, b. 4–5]. Герой проходит через любовные треугольники, материальные искушения, духовные кризисы, но сохраняет верность внутреннему компасу. Его судьба – это постоянная борьба с хаосом (как внешним, так и внутренним) ради обретения равновесия. В этом смысле роман Хамдама продолжает национальную традицию осмысления судьбы как пути испытания и одновременно открывает её философское измерение, актуальное для человека XXI века.

Сопоставление двух романов позволяет увидеть как общие, так и национально-специфические черты художественной экспликации феномена судьбы в русской и узбекской прозе XXI века.

У Улицкой судьба разворачивается преимущественно в горизонтали рода и истории: она связывается с памятью, кровью, поколениями, с «лестницей», по которой можно подниматься или с которой можно сорваться. Свобода проявляется в способности осознанно принять или отвергнуть родовое наследство.

У Хамдама судьба разворачивается в вертикали личности и общества: она связана с поиском muvozanat (равновесия), с восстановлением гармонии между внутренним миром человека и внешними переменами эпохи. Свобода проявляется в упорном стремлении к высшей ценности даже ценой тяжёлых потерь.

При всех различиях оба писателя показывают, что в XXI веке феномен судьбы перестаёт быть только внешним роком. Он становится пространством внутренней работы, этического выбора и поиска смысла. Русская и узбекская проза, каждая своими средствами, утверждают: человек не только несёт свою судьбу – он способен её осмыслить, принять или оспорить, превратив предопределение в акт человеческого достоинства и стремления к гармонии.

Список использованной литературы

1. Улицкая Л. Е. Лестница Якова: роман. — М.: АСТ, 2015. — 736 с.
2. Hamdam U. Muvozanat: roman. — Toshkent: Sharq, 2007. — 266 b.
3. Хамдам У. Равновесие / пер. с узб. // Звезда Востока. — 2012. (отдельные публикации фрагментов и переводов).
4. Косимов У. А. The Problem of Balance in the Novel “Muvozanat” // Ethiopian International Journal of Multidisciplinary Research. — 2023. — Vol. 10, No. 11. — P. 74–76.
5. Ташанов К. Ю., Нортожиева Н. Ч. Inson uyg‘unligining badiiy talqini (Ulug‘bek Hamdamning “Muvozanat” romani misolida) // КиберЛенинка.
6. Уралова Д. М. “Muvozanat” romanida ramziy obraz va poetik mazmun // ORIENS. — 2023. — B. 1346–1351.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МИФЫ И ФОЛЬКЛОР В ОБРАЗЕ ЗЕМЛИ И СТИХИИ КАК ОСНОВА АВТОРСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
(на материале повести В. П. Астафьева «Царь-рыба»)

Муродходжаева Малика Алишер кизи
преподаватель кафедры русского языка
Университет экономики и педагогики
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается отражение фольклорно-мифологических и традиционных народных представлений в книге В. П. Астафьева «Царь-рыба». На материале эпизода противоборства Зиновия Игнатьича с сакральным образом реки Енисей выявляется роль архаических архетипов (в частности, идеи космического порядка и мотива «Матери — Сырой Земли») в становлении нравственно-философской концепции автора. Исследование доказывает, что ключевым условием преодоления экологического и прагматического кризиса в отношениях человека и природы является обращение к этическим истокам народного миросозерцания.*

Ключевые слова: *В. П. Астафьев, «Царь-рыба», фольклорно-мифологические истоки, авторское мировоззрение, образ земли/воды, архетип, национальная традиция, покаяние.*

Annotatsiya. *Maqolada V. P. Astafyevning "Shoh-baliq" (Царь-рыба) asarida folklor-mifologik va an'anaviy xalq qarashlarining aks etishi ko‘rib chiqiladi. Zinoviy Ignatichning muqaddas Yenisey daryosi timsoli bilan to‘qnashuvi epizodi misolida muallifning axloqiy-falsafiy konsepsiyasi shakllanishida arxaik arxetiplarning (xususan, koinot tartiboti g‘oyasi hamda "Ona — Nam Yer" motivi) tutgan o‘rni ochib beriladi. Tadqiqot inson va tabiat o‘rtasidagi munosabatlardagi ekologik va pragmatik inqirozni yengib o‘tishning asosiy sharti xalq dunyoqarashining ma'naviy-axloqiy ildizlariga murojaat qilish ekanligini isbotlaydi.*

Kalit so‘zlar: *V. P. Astafyev, "Shoh-baliq", folklor-mifologik ildizlar, muallif dunyoqarashi, yer/suv timsoli, arxetip, milliy an'ana, tavba-tazarru (tavba).*

Abstract. *The article examines the reflection of folklore, mythological, and traditional folk concepts in V. P. Astafyev’s book The King-Fish. Focusing on the episode of Zinoviy Ignatich’s struggle with the sacred image of the Yenisei River, the study highlights the role of archaic archetypes—specifically the idea of cosmic order and the motif of "Mother Earth" (Mother Earth, the Damp)—in shaping the author’s moral and philosophical vision. The research proves that returning to the ethical origins of the folk worldview is a crucial condition for overcoming the ecological and pragmatic crisis in the relationship between humanity and nature.*

Keywords: *V. P. Astafyev, The King-Fish, folklore and mythological origins, author's worldview, imagery of earth/water, archetype, national tradition, repentance.*

Введение. Творчество Виктора Петровича Астафьева глубоко укоренено в народной почве, в традиционном крестьянском и сибирском мировосприятии. В итоговом произведении писателя — повествовании в рассказах «Царь-рыба» (1976) —

особое место занимает проблема взаимоотношений человека и окружающего мира. Природа у Астафьева не выступает безучастным фоном для разворачивания сюжета; она сакрализована и наделена чертами древнего мифологического субъекта.

Актуальность исследования заключается в исследовании процесса преломления народных фольклорно-мифологических представлений о мире и справедливости в писательскую концепцию духовного возрождения личности через призму категорий совести и ответственности.

1. Стихия воды и земли как сакральное пространство в поэтике В. П. Астафьева

Согласно народно-мифологическим представлениям, рубеж, разделяющий сушу и речную гладь (представленную в тексте величественным Енисеем), выступает сакрализованной пограничной зоной. Игнатьич, утвердившийся в статусе самопровозглашенного «царя природы» и полновластного речного хозяина, сохраняет уверенность в своем превосходстве лишь до тех пор, пока не сталкивается один на один с архаической мощью природного бытия. В критический момент схватки с гигантским осетром (Царь-рыбой) пространственные ориентиры героя меняются. Земное притяжение, тяжесть воды и глубина соединяются в единый карающий и очистительный комплекс. Как отмечает сам Астафьев в кульминационные минуты внутреннего монолога героя, обращаясь к идее высшего суда: *«Природа, она, брат, тоже женского рода!»* Эта фраза напрямую отсылает к архаическому архетипу **Матери-Земли / Матери-Природы**, которая выступает не просто источником материальных благ, а высшим нравственным судьей, требующим от человека ответственности за содеянное.

2. Фольклорный мотив испытания и греха в судьбе Игнатьича

Столкновение Игнатьича с Царь-рыбой разворачивается по законам древнейшего архаического мифа о прохождении инициации — духовного перерождения человека через запредельное страдание и прямой контакт с ликом смерти. В традиционной народной мифопоэтике гигантский речной исполин или царь-животное выступает не просто обитателем глубин, а хтоническим стражем иного пространства, персонифицирующим зыбкую грань между бытием и небытием.

В художественно-философской системе В. П. Астафьева эта роковая встреча превращается в ключевой момент потрясающего душу духовного прозрения. Оказавшись в плену собственных снастей и зависнув на капроновых удах над ледяной пучиной Енисея, герой переживает стремительное разрушение главной иллюзии эпохи — представления о человеке как «покорителе» и «царе природы», наделенном правом бездумно истощать естественные богатства. Ощущение собственного бессилия перед сакральной стихией срывает с него спесь удачливого добытчика и запускает процесс катарсического воскрешения личной и родовой памяти.

В этот пограничный миг между жизнью и гибелью перед взором Игнатьича во всей своей неприглядности предстает его главный неискупленный грех юности — затаенная жестокость и предательство по отношению к Глашке. В сознании персонажа, как и в авторской концепции бытия, происходит органическое слияние нравственной ответственности перед человеком и этического долга перед окружающим миром. Вина перед надруганной женщиной и вина перед разоряемой землей оказываются гранями единой духовной катастрофы. Астафьев убедительно доказывает, что природная стихия проявляет абсолютную нетерпимость к хищническому потребительству точно так же, как некупленная человеческая совесть отказывается прощать измену и предательство.

3. Мотив покаяния как основа авторского идеала

В народно-поэтической традиции встрече человека с мифической Царь-рыбой издавна придавался особый сакральный смысл: любое соприкосновение с этим хозяином вод, а тем более попытка его подчинения, требует от человека внутренней чистоты и духовной кротости. Архаические поверья накладывают строгое табу на проявляемые перед лицом природного исполина жадность, гордыню и хвастовство, поскольку прагматический и хищнический расчет неизбежно влечет за собой неизбежную расплату.

Главный герой, Зиновий Игнатьич, многократно нарушает эти вековые этические заветы всей своей браконьерской практикой, где потребительский успех и житейский расчет долгое время вытесняли нравственный закон. Однако ключевая сцена противостояния, перерастающая в трагическое «со-угасание» и последующее духовно-физическое сближение раненого человека и израненной рыбы, выступает как переломный момент экзистенциального порядка.

Оказываясь на грани бытия и смерти, Игнатьич переживает глубокую внутреннюю метаморфозу. Акт добровольного дарования свободы сакральному существу (сопровождаемый словами: *«Иди, рыба, иди! Поживи сколько можешь! Я про тебя никому не скажу!»*) превращается из простого жеста спасения в ритуальный катарсис — освобождение души от накопленного груза греха и эгоизма. Рыба в данном контексте перестает быть объектным трофеем и обретает статус духовно-символического медиатора, через которого осуществляется высший суд и последующее прощение.

Трансформируя архаический миф об искуплении и согрешении, В. П. Астафьев выстраивает целостную философско-этическую концепцию:

Преодоление антропоцентризма: разрушение мироздания начинается в тот момент, когда человек провозглашает себя абсолютным «властелином» природы, игнорируя её сакральные законы;

Катарсический характер покаяния: мировая гармония и внутреннее равновесие личности восстанавливаются не силовым путем, а исключительно через преодоление собственной гордыни, искреннее покаяние и осознание своей вины;

Единство природно-нравственной экосистемы: субъект способен обрести духовное спасение только тогда, когда перестает противопоставлять себя внешнему миру и осознает себя неразрывным, ответственным частью единого космического порядка.

Заключение. Подводя итоги проведенного исследования, следует подчеркнуть, что в повествовании В. П. Астафьева «Царь-рыба» архаические мифопоэтические матрицы и фольклорные элементы (включая архетип Матери-Земли, сакральный статус речной стихии и образ тотемного карающего начала) составляют смысловое и концептуальное ядро авторской философии. Писатель обращается к древнейшим пластам традиционного сознания не в качестве декоративной стилизации, а как к действенному инструменту экзистенциального и социально-философского анализа современной эпохи.

На примере драматического противостояния Зиновия Игнатьича с сакральным воплощением Енисея Астафьев наглядно демонстрирует, что индивидуальный нравственный выбор каждого отдельного человека неизбежно приобретает космический и бытийный

масштаб. Проведя сакрализацию пространства природы, прозаик обосновывает ключевую идею всего своего творчества: прогрессирующий экологический кризис представляет собой не что иное, как внешнее проявление духовного распада и ценностного дефолта человека.

Потребительско-хищническое освоение мира природы неизбежно ведет к внутренней деградации личности и разрушению социальных связей. В связи с этим путь к преодолению антропогенной и моральной катастрофы автор видит исключительно в катарсическом покаянии личности, сохранении историко-культурной памяти и бескомпромиссном возвращении к изначальным народно-этическим устоям. Таким образом, осмысление фольклорно-мифологического контекста «Царь-рыбы» не только раскрывает глубину астафьевского гуманизма, но и доказывает неослабевающую актуальность его наследия для современного литературоведения и социальной этики.

Список использованной литературы

1. Астафьев, В. П. Царь-рыба : повесть в рассказах / В. П. Астафьев. — М. : Эксмо, 2020. — 480 с.
2. Большакова, А. Ю. Нация и усадьба: Литературоведение. Русская литература XIX–XX вв. в контексте национальной ментальности / А. Ю. Большакова. — М. : ИМЛИ РАН, 2008. — 552 с. *(О концепте «Земли» и традиционном мирозерцании)*.
3. Гончаров, П. А. Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы последней трети XX века / П. А. Гончаров. — Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. — 386 с.
4. Ковтун, Н. В. Русская литературная утопия второй половины XX века / Н. В. Ковтун. — М. : Флинта : Наука, 2008. — 520 с. *(Анализ архаических архетипов и сакрализации природы у Астафьева)*.
5. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. — 4-е изд. — М. : Восточная литература, 2000. — 407 с.
6. Недзвецкий, В. А. В. П. Астафьев и его повесть «Царь-рыба» // Русская словесность. — 2004. — № 4. — С. 18–25.
7. Топоров, В. Н. Древо жизни: Поверхностные связи и глубинные структуры / В. Н. Топоров. — М. : Языки славянских культур, 2010. — 1048 с. *(Теоретическая база по архетипам стихий и космического порядка)*.

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ, СОВЕРШИВШЕЙ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ПРОЗЕ XIX–XX ВЕКОВ

(на материале романов Л. Н. Толстого «Воскресение» и А. Кадыри «Минувшие дни»)

Рахманова Махлиё Илхомовна
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается художественная интерпретация образа женщины, совершившей преступление, в русской и узбекской прозе XIX–XX веков. На материале Екатерины Масловой из романа Л. Н. Толстого «Воскресение» и Зайнаб из романа А. Кадыри «Минувшие дни» анализируются социальные, психологические и национально-культурные причины женской трагедии. Сопоставление позволяет выявить общие мотивы — уязвимость женщины в патриархальном обществе, зависимость от мужской воли, нравственное падение и возможность духовного возрождения — а также различия в авторской оценке вины, наказания и надежды на очищение.*

Ключевые слова: *женский образ, преступление, вина, нравственность, Л. Н. Толстой, А. Кадыри, русская проза, узбекская проза, компаративное литературоведение.*

Abstract. *This article examines the artistic representation of a woman who commits a crime in Russian and Uzbek prose of the 19th–20th centuries. Based on Ekaterina Maslova from Leo Tolstoy's Resurrection and Zaynab from Abdulla Qodiriy's Days Gone By, the study analyses the social, psychological, and national-cultural causes of female tragedy. The comparison reveals common motifs — women's vulnerability in patriarchal society, dependence on male authority, moral decline, and the possibility of spiritual renewal — as well as differences in the authors' treatment of guilt, punishment, and redemption.*

Keywords: *female image, crime, guilt, morality, Leo Tolstoy, Abdulla Qodiriy, Russian prose, Uzbek prose, comparative literature.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada XIX–XX asrlar rus va o'zbek nasrida jinoyat sodir etgan ayol obrazining badiiy talqini o'rganiladi. Lev Tolstoyning "Tirilish" romanidagi Yekaterina Maslova va Abdulla Qodiriyning "O'tgan kunlar" romanidagi Zaynab misolida ayol fojiasining ijtimoiy, psixologik va milliy-madaniy sabablari tahlil qilinadi. Qiyosiy tahlil orqali patriarxal jamiyatda ayolning zaif mavqei, erkak hokimiyatiga qaramligi, axloqiy tanazzul va ma'naviy tiklanish imkoniyati kabi umumiy motivlar, shuningdek, ayblov, jazo va ma'naviy poklanish haqidagi mualliflik qarashlari o'rtasidagi farqlar aniqlanadi.*

Kalit so'zlar: *ayol obrazı, jinoyat, ayblov, axloq, Lev Tolstoy, Abdulla Qodiriy, rus nasri, o'zbek nasri, qiyosiy adabiyotshunoslik.*

Введение. Женский образ, связанный с преступлением, занимает особое место в литературе XIX–XX веков. Он позволяет писателю не только показать отдельную человеческую драму, но и поставить вопрос о социальной несправедливости, двойных моральных стандартах и границах личной ответственности [1].

В русской и узбекской прозе такие героини редко изображаются как «злодейки» в чистом виде: их поступки обычно объясняются обстоятельствами жизни, зависимым положением, обманутым доверием и давлением общественных норм [2].

Цель данной статьи — сопоставить образы Екатерины Масловой в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» [3] и Зайнаб в романе А. Кадыри «Минувшие дни» [4], чтобы определить, как в двух национальных литературных традициях осмысляется феномен женской вины и преступления.

Екатерина Маслова: жертва обстоятельств и носительница вины.

Екатерина Маслова — одна из наиболее трагических героинь русской литературы. В начале романа она предстаёт чистой, доверчивой девушкой, способной на искреннее чувство [5].

Однако соблазнение со стороны Нехлюдова, последующее изгнание, бедность и необходимость выживать приводят её к падению. Судебное обвинение в отравлении купца становится кульминацией её социальной трагедии: женщина, сама многократно пострадавшая от несправедливости, оказывается перед лицом уголовного наказания.

Толстой не оправдывает Маслову полностью, но последовательно показывает, что её вина неотделима от вины общества [6].

Суд, полиция, аристократическая среда и двойная мораль мужского мира создают условия, в которых женщина лишается защиты и выбора. Важно, что писатель изображает не только внешнюю биографию героини, но и её внутреннее преображение: в финале Катюша отказывается от брака с Нехлюдовым, выбирает самостоятельный путь и обретает нравственную опору.

Таким образом, «воскресение» героини — это не формальное прощение, а возвращение к достоинству, состраданию и внутренней свободе [7].

Зайнаб: ревность, власть традиции и нравственный выбор.

Образ Зайнаб в романе А. Кадыри «Минувшие дни» раскрывается в ином культурно-историческом контексте. Зайнаб — молодая женщина из уважаемой ташкентской семьи, вторая жена Атабека. Её характер отмечен ревностью, скрытностью, эмоциональной неустойчивостью и стремлением удержать внимание мужа. Именно эти качества становятся источником конфликта, в котором личные переживания героини перерастают в поступок, имеющий тяжёлые нравственные и социальные последствия.

В отличие от Масловой, Зайнаб не проходит через судебную систему и каторгу, однако её также можно рассматривать как жертву патриархального уклада [9]. Положение женщины в традиционном обществе определяется её принадлежностью к семье и мужу; личное счастье, право на выбор и возможность открыто выражать чувства оказываются ограниченными. Кадыри показывает, что ревность Зайнаб — не просто отрицательная черта, а болезненная реакция на унижение, одиночество и борьбу за место в семейной иерархии.

При этом автор не снимает с героини моральной ответственности. Зайнаб совершает поступок, который разрушает судьбы других людей и обнажает разрушительную силу страсти, не подчинённой нравственному закону [10].

В этом смысле её образ близок к трагическому типу: читатель видит и вину героини, и те обстоятельства, которые сделали её уязвимой.

Таблица 1.

Сопоставительный анализ

Аспект	Екатерина Маслова	Зайнаб
Источник трагедии	Социальное неравенство, соблазнение, бедность, несправедливый суд	Ревность, семейная иерархия, зависимое положение женщины
Характер поступка	Обвинение в преступлении, связанном с отравлением	Поступок, продиктованный ревностью и стремлением удержать мужа
Авторская оценка	Сочувствие при сохранении нравственной требовательности	Критика страсти и эгоизма, но с пониманием социальной обусловленности
Путь героини	От падения к духовному возрождению	От личной драмы к нравственному и жизненному поражению
Основная идея	Общество должно увидеть в осуждённой женщине личность	Традиционный уклад искажает отношения между мужчиной и женщиной

Общим для обоих образов является то, что преступление не изображается как изолированный акт злой воли. Толстой и Кадыри связывают его с более широкой системой отношений: с социальным неравенством, бесправием женщины, лицемерием и неспособностью общества защитить человека. Различие состоит в финале: Маслова получает возможность нравственного обновления, тогда как Зайнаб остаётся в пространстве трагического поражения.

Заключение. Сопоставление Екатерины Масловой и Зайнаб демонстрирует, что образ женщины, совершившей преступление, в русской и узбекской прозе выполняет не только сюжетную, но и нравственно-философскую функцию. Через судьбу таких героинь писатели исследуют границы вины, цену социальной несправедливости и возможность духовного преображения. Толстой подчёркивает идею возрождения личности через сострадание и нравственный выбор, а Кадыри — разрушительное влияние патриархальных традиций и неразрешённых внутренних конфликтов. Вместе оба образа свидетельствуют о глубоком гуманистическом содержании русской и узбекской литературы.

Список использованной литературы

1. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. С. 87–102.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Академия, 1998. С. 24–31.

3. Толстой Л. Н. Воскресение // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 32. М.: Художественная литература, 1935.
4. Қодирий А. Ўтган кунлар. Тошкент: Ўзбекистон, 1989.
5. Толстой Л. Н. Воскресение // ПСС: в 90 т. Т. 32. М., 1935; Масолова Е. А. Роман Л. Н. Толстого «Воскресение»: социальный, христианский и мифопоэтический дискурс. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. С. 82–96.
6. Тарасов А. Б. Феномен праведничества в художественной картине мира Л. Н. Толстого: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.01.01. М., 2006. С. 14–18.
7. Масолова Е. А. Евангельский текст в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Проблемы исторической поэтики. 2015. Вып. 13. С. 421–435.
8. Қодирий А. Ўтган кунлар. Тошкент: Ўзбекистон, 1989. Б. 45–78.
9. Қодирий А. Ўтган кунлар. Тошкент: Ўзбекистон, 1989. Б. 79–112.
10. Масолова Е. А. Роман Л. Н. Толстого «Воскресение»: социальный, христианский и мифопоэтический дискурс. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. С. 112–130.

ОБРАЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ КАК ОБЪЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Турсунова Дилнавоз Тулкиновна
ассистент-преподаватель кафедры русского языка и литературы
Шахрисабзский государственный педагогический институт
Шахрисабз, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается образ исторической личности как объект художественного осмысления в русском и узбекском литературоведении, анализируются особенности его эволюции в художественной прозе двух литературных традиций и предлагаются методы цифровой диагностики таких образов в условиях цифровой трансформации гуманитарного образования. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью цифровых технологий в литературоведческом анализе: корпусные методы, частотный и контекстный анализ текста открывают новые возможности для сравнительного изучения исторического романа.*

Ключевые слова: *историческая личность, русская литература, узбекская литература, художественное осмысление, исторический роман, цифровые гуманитарные науки, сравнительный анализ.*

Annotatsiya. *Maqolada tarixiy shaxs obrazi rus va o‘zbek adabiyotshunosligida badiiy anglash ob’ekti sifatida ko‘rib chiqiladi. Ikki adabiy an’anadagi badiiy nasrda uning evolyutsiyasi xususiyatlari tahlil qilinadi. Gumanitar ta’limning raqamli transformatsiyasi sharoitida bunday obrazlarni raqamli diagnostika qilish usullari taklif etiladi. Tadqiqotning dolzarbligi adabiyotshunoslik tahlilida raqamli texnologiyalarning ortib borayotgan roli bilan bog‘liq: korpus metodlari, chastotali va kontekstual matn tahlili tarixiy romanni qiyosiy o‘rganish uchun yangi imkoniyatlar ochadi.*

Kalit so‘zlar: *tarixiy shaxs, rus adabiyoti, o‘zbek adabiyoti, badiiy anglash, tarixiy roman, raqamli gumanitar fanlar, qiyosiy tahlil.*

Abstract. *The article examines the image of a historical personality as an object of artistic comprehension in Russian and Uzbek literary studies. The features of its evolution in the artistic prose of two literary traditions are analyzed. Methods for digital diagnostics of such images in the context of the digital transformation of humanitarian education are proposed. The relevance of the study is due to the increasing role of digital technologies in literary analysis: corpus methods, frequency and contextual text analysis open up new opportunities for comparative study of the historical novel.*

Keywords: *historical personality, Russian literature, Uzbek literature, artistic comprehension, historical novel, digital humanities, comparative analysis.*

Введение. Образ исторической личности занимает особое место в художественной системе литературы: он соединяет документальное и вымышленное, факт и миф, индивидуальное и национальное. В русском литературоведении художественное осмысление исторических фигур традиционно рассматривалось через призму проблемы «героя и толпы», власти и народа, личности и исторической необходимости [1; 2]. В узбекском литературоведении ключевыми остаются категории национальной памяти, справедливого правителя и духовного наставника, восходящие к классической поэтике [3; 4].

В условиях цифровой трансформации образования гуманитарное знание приобретает новые инструменты: корпусная лингвистика, текстомайнинг, визуализация семантических сетей позволяют верифицировать традиционные литературоведческие интуиции количественными данными [5; 6]. Между тем методические разработки, соединяющие сравнительно-литературный анализ образов исторических личностей с цифровыми технологиями в школьном и вузовском курсе литературы, остаются фрагментарными.

Цель исследования – выявить типологические сходства и различия в художественном осмыслении исторических личностей в русской и узбекской прозе и разработать методику применения цифровых инструментов для их изучения в образовательном процессе.

Задачи: 1) охарактеризовать эволюцию образа исторической личности в русской и узбекской литературах; 2) провести корпусный анализ художественных текстов; 3) сформулировать типологические закономерности; 4) предложить методические рекомендации по использованию цифровых технологий на уроках литературы.

Методы. Исследование опирается на сравнительно-типологический метод, разработанный школой м. Бахтина и академиком В. М. Жирмунским [2], и методику цифровых гуманитарных наук (digital humanities). Аналитический материал составили прозаические произведения русских и узбекских писателей второй половины XX - начала XXI века, в центре которых находятся исторические фигуры: Амир Темур, Алишер Навои, Александр Невский, Петр I, Иван Грозный, Владимир Ленин и другие.

Была сформирована электронная корпусная выборка объёмом 340 фрагментов текста (170 фрагментов из русской и 170 из узбекской прозы). Для каждого фрагмента

фиксировались: доминантная функция образа (идентификационная, аксиологическая, мифологическая), тип художественной детали (портретная, бытовая, символическая, топонимическая), категория повествования (панегирическая, драматическая, ироническая). Частотность категорий подсчитывалась в программах AntConc и Python (библиотека NLTK), результаты визуализировались диаграммами. Достоверность различий оценивалась с помощью χ^2-критерия Пирсона.

Результаты. Анализ корпуса показал, что образ исторической личности в обеих литературах выполняет преимущественно идентификационную (41% фрагментов) и аксиологическую (33%) функции. Однако структура доминантных семантических полей различается, что отражено в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная структура художественного осмысления исторической личности

Категория анализа	Русская проза (%)	Узбекская проза (%)
Идентификационная функция	38	44
Аксиологическая функция	35	31
Мифологизация образа	12	27
Драматический тип повествования	48	29
Символические и топонимические детали	21	34

Различия по категории «мифологизация образа» (12% против 27%) достоверны ($\chi^2 = 8{,}4$; $p<0{,}01$). В русской традиции исторический герой чаще поставлен в ситуацию морального выбора и столкновения с исторической необходимостью (классические примеры — проза о Петре I и Иване Грозном), что соответствует европейской модели исторического романа [1]. В узбекской прозе образ Амира Темура и Алишера Навои тяготеет к конструированию национального мифа справедливого владыки и просветителя, продолжая традицию Восточной поэтики [3; 4].

Корпусный анализ также выявил устойчивые коллокации: в узбекских текстах имя Амира Темура регулярно сочетается с лексемами «справедливость», «мудрость», «государь», тогда как в русских текстах имя Петра I чаще окружают слова «воля», «борьба», «жертва». Это количественно подтверждает различие аксиологических матриц двух литературных традиций.

Обсуждение. Полученные результаты согласуются с положениями о типологической общности и национальной своеобразии исторического романа [2; 4]: обе литературы используют образ исторической личности как концентрат национального самосознания, но механизмы осмысления различаются. В русской традиции действует принцип драматизации истории, в узбекской — принцип идеализации, восходящий к жанру «наме» (похвальное слово).

Практическая значимость исследования состоит в том, что предложенная корпусная методика может быть адаптирована для уроков литературы: учащиеся с помощью доступных цифровых инструментов (N-Критико, AntConc, онлайн-тренажёры текстового анализа) могут самостоятельно выявлять доминантные

художественные средства, что соответствует концепции цифровой педагогики и направлению learning analytics [5; 6]. Ограничения исследования: выборка сфокусирована на прозе и не включает поэзию и драматургию; корпус ограничен одним периодом. Перспективным направлением является расширение корпуса за счёт мультимодальных текстов (кино, диджитал-комиксы) и применение методов искусственного интеллекта для анализа авторской индивидуальности.

Выводы. Исследование показало, что образ исторической личности в русском и узбекском литературоведении выступает универсальным механизмом художественного освоения истории, при этом в русской традиции доминирует диалектика личности и исторической необходимости, а в узбекской — синтез исторического и мифологического, выражающийся в идеализации образа правителя-просветителя. Корпусный анализ количественно подтвердил выявленные различия.

На основе результатов предлагаются следующие рекомендации: 1) включить элементы цифрового текстового анализа в программы по литературе для сравнительного изучения исторических романов; 2) разработать электронный банк фрагментов художественных текстов об исторических личностях на русском и узбекском языках; 3) проводить межпредметные интегрированные уроки (литература + история + информатика) с использованием инструментов digital humanities; 4) организовать повышение квалификации учителей словесности по цифровым методам анализа текста.

Список использованной литературы

1. Брандес М. П. Исторический роман: проблемы типологии. — М.: Наука, 1978. — 264 с.

2. Жирмунский В. М. Теория литературы. История литературы. Сравнительное литературоведение. — Л.: Наука, 1985. — 536 с.

3. Алиев Б. Художественное осмысление исторической личности в узбекской советской прозе. — Ташкент: Фан, 1982. — 198 с.

4. Каримов Ш. Образ Амира Темура в узбекской литературе: миф и история // Узбек тили ва адабиёти. — 2019. — № 3. — С. 22–31.

5. Schreibman S., Siemens R., Unsworth J. A Companion to Digital Humanities. — Oxford: Blackwell, 2004. — 611 p.

6. Jockers M. L. Macroanalysis: Digital Methods and Literary History. — Urbana: University of Illinois Press, 2013. — 192 p.

BADIIY ASARLARDA QO‘RQUV MOTIVINING PSIXOLOGIK IFODALANISHI

Homidov Humoyun Ramazon o‘g‘li
Xorijiy tillar fakulteti o‘qituvchisi
Turon universiteti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada qo‘rquv motivining badiiy asarlarda psixologik ifodalanishiga oid nazariy masalalar yoritiladi. Qo‘rquvning ruhiy kechinma va adabiy motiv sifatidagi xususiyatlari, uni tasvirlashda ichki monolog, psixologik narratsiya, portret va fokalizatsiyaning imkoniyatlari ko‘rib chiqiladi. Qahramon qo‘rquvini ifodalash bilan o‘quvchida qo‘rquv uyg‘otish o‘rtasidagi farq nazariy jihatdan izohlanadi.*

Kalit so‘zlar: *qo‘rquv motivi, badiiy psixologizm, ruhiy kechinma, ichki monolog, psixologik narratsiya, fokalizatsiya, ichki konflikt.*

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические вопросы психологического выражения мотива страха в литературных произведениях. Раскрываются особенности страха как эмоционального переживания и литературного мотива, рассматриваются возможности внутреннего монолога, психологического повествования, портрета и фокализации в его изображении. Теоретически разграничиваются изображение страха персонажа и создание чувства страха у читателя.*

Ключевые слова: *мотив страха, художественный психологизм, эмоциональное переживание, внутренний монолог, психологическое повествование, фокализация, внутренний конфликт.*

Abstract. *The article examines theoretical approaches to the psychological representation of the fear motif in literary works. It considers fear as both an emotional experience and a literary motif, exploring the representational functions of interior monologue, psychological narration, character portraiture, and focalization. A theoretical distinction is drawn between representing a character's fear and eliciting fear in the reader.*

Keywords: *fear motif, literary psychologism, emotional experience, interior monologue, psychological narration, focalization, internal conflict.*

Kirish. Badiiy adabiyot insonning ichki dunyosi, hissiy kechinmalari va ruhiy ziddiyatlarini ifodalash imkoniyatlari bilan ajralib turadi. Ushbu kechinmalar orasida qo‘rquv shaxsning xavfga munosabati, o‘zligini anglash jarayoni va axloqiy tanlovlarini ochib berishda muhim o‘rin egallaydi. Badiiy matnda qo‘rquv tashqi tahdidga javob, noma’lumlikdan bezovtalanish, aybdorlik hissi yoki ichki qarama-qarshilik shaklida namoyon bo‘lishi mumkin. Uning adabiy ifodasi esa kechinmaning mavjudligini qayd etish bilan cheklanmay, shu holatning qahramon idroki, nutqi va xatti-harakatlariga ta’sirini tasvirlashni ham qamrab oladi. Qo‘rquvni psixologik hodisa sifatida o‘rganish bilan uning badiiy talqinini tadqiq etish o‘zaro bog‘liq, ammo vazifalari jihatidan farqli yo‘nalishlardir. Psixologik yondashuv qo‘rquvning yuzaga kelish sabablari va kechish xususiyatlariga e’tibor qaratsa, adabiyotshunoslik ushbu kechinmaning matnda qanday tashkil etilgani, qaysi tasvir vositalari orqali ifodalangani va qanday poetik vazifa bajarayotganini tekshiradi. Shu sababli adabiy qahramonning qo‘rquvini real inson ruhiyatining bevosita nusxasi sifatida qabul qilish yetarli

emas. U muallifning badiiy niyati, asarning janriy xususiyatlari va hikoya qilish usuli orqali yaratilgan estetik hodisadir.

Tadqiqot metodologiyasi. Ushbu maqolada psixoanalitik, tavsifiy-tahliliy, badiiy-tahliliy, kontekstual tahlil, germenevtik tahlil, psixologik tahlilva matn tahlili metodlaridan foydalanildi.

Natijalar va muhokama. Qo‘rquv motivining psixologik ifodalanishini o‘rganish, avvalo, ruhiy kechinma bilan uning badiiy tasviri o‘rtasidagi munosabatni aniqlashtirishni talab etadi. Qo‘rquv psixologik hodisa sifatida insonning real yoki tasavvur qilingan tahdidga munosabatini bildiradi.[1] Badiiy matnda esa ushbu kechinma til, tasvir, kompozitsiya va hikoya qilish vositalari orqali qayta yaratiladi. Shu sababli adabiy qo‘rquvni ruhiy holatning oddiy bayoni sifatida tushunish yetarli emas. Uning ifodalanishi qahramonning xavfni qanday idrok etishi, unga qanday ma’no berishi va shu idrok asosida qanday harakat qilishini qamrab oladi.

Qo‘rquvning motiv darajasida namoyon bo‘lishi uning asar tuzilishida muayyan vazifa bajarishi bilan belgilanadi. Qo‘rquv haqidagi alohida xabar qahramonning vaqtinchalik holatini bildirishi mumkin. Biroq ushbu holat tahdidni kutish, xavfdan qochish, yashirinish, shubhalanish yoki qarshilik ko‘rsatish kabi vaziyatlar bilan mazmuniy bog‘langanda motiv sifatida o‘rganiladi.[3] Bunda takror faqat bir so‘zning qayta qo‘llanishidan iborat bo‘lmaydi. Qo‘rquv turli epizodlarda boshqa-boshqa belgilar orqali ifodalanib, yagona mazmuniy yo‘nalishni shakllantirishi mumkin. Demak, motivning barqarorligi uning tashqi shakli o‘zgarmasligida emas, matndagi ma’no va vazifalarining o‘zaro aloqadorligida namoyon bo‘ladi. Nazariy aniqlik uchun qo‘rquv, xavotir, vahima va dahshat tushunchalarini farqlash zarur. Mazkur tadqiqot doirasida qo‘rquvni anglangan yoki tasavvur qilingan tahdidga qaratilgan kechinma, xavotirni esa ko‘pincha kelajakdagi ehtimoliy xavf va noaniqlik bilan bog‘liq bezovtalik sifatida ajratish mumkin.[4] Vahima kechinmaning keskin kuchayishi va xatti-harakatni boshqarishning izdan chiqishi bilan, dahshat esa nihoyatda kuchli qo‘rquv va ruhiy larzaga tushish bilan tavsiflanishi mumkin. Bu farqlarni mutlaq chegaralar sifatida qabul qilish to‘g‘ri emas: badiiy nutqda mazkur holatlar bir-biriga o‘tadi, ularni ifodalovchi so‘zlarning ma’nosi esa kontekstga qarab o‘zgaradi. Shu bois atamaning mavjudligidan ko‘ra, tasvirlangan kechinmaning xususiyatlari ustuvor mezon bo‘lishi kerak.

Qo‘rquv motivining psixologik tuzilishini tahlil qilish uchun uning bir necha o‘zaro bog‘liq tomonlarini ajratish mumkin. Birinchisi – tahdidning manbai; ikkinchisi – qahramonning unga bergan bahosi; uchinchisi – hissiy va jismoniy javob; to‘rtinchisi – yuzaga kelgan xatti-harakatdir. Ushbu ajratish maqola uchun taklif etilayotgan tahlil modelidir.[7] U qo‘rquvning tashqi sababini aniqlash bilan cheklanmasdan, sababning qahramon ongida qanday qayta ishlanishini ham tekshirish imkonini beradi. Chunki tahdidning kuchi bilan kechinmaning kuchi har doim bir xil nisbatda bo‘lmaydi. Qahramon xotirasi, oldingi tajribasi, tasavvurlari va axloqiy qarashlari xavfning subyektiv ko‘lamini belgilashi mumkin. Psixoanalitik yondashuv qo‘rquvning anglanmagan istaklar, siqib chiqarilgan xotiralar va ichki ziddiyatlar bilan munosabatini o‘rganishga yo‘l ochadi. Zigmund Freydning 1919-yildagi “Das Unheimliche” tadqiqotida tanish narsaning begona va bezovta qiluvchi tus olishi bilan bog‘liq kechinma muhokama qilinadi. Ushbu qarashga ko‘ra, bezovtalik faqat mutlaqo noma’lum hodisadan kelib chiqmaydi; ilgari tanish bo‘lgan narsaning o‘zgacha idrok etilishi ham uning manbai bo‘lishi mumkin. Biroq bu tushuncha

barcha qo‘rquv shakllarini tushuntiruvchi universal mezon emas. Adabiy tadqiqotda u tanishlik va begonalik, xotira va qaytish, o‘zlik va o‘zgalik munosabatlarini tekshirishga xizmat qiluvchi muayyan nazariy imkoniyat sifatida qo‘llanishi lozim. [8]

Qo‘rquvning badiiy ifodalanishida ichki konflikt muhim o‘rin tutadi. Qahramon bir vaqtning o‘zida xavfdan qochishni va o‘z burchini bajarishni, haqiqatni bilishni va undan himoyalanishni istashi mumkin. Qarama-qarshi intilishlar qo‘rquvni murakkab ruhiy jarayonga aylantiradi. Bunday vaziyatda kechinma faqat zaiflik belgisi bo‘lib qolmaydi: u mas’uliyatni anglash, o‘z xatti-harakatini baholash yoki axloqiy tanlov qilish bilan bog‘lanadi. Shuning uchun qo‘rquv motivining ma’nosi uning qahramonni harakatsizlantirishi yoxud faol qarorga undashi bilan ham belgilanadi. Badiiy psixologizm qo‘rquvning ichki mazmunini ochishda turli ifoda shakllarini birlashtiradi. Bu shakllarni tizimlashtirishda Dorrit Konning *Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction* asaridagi tasnif muhim nazariy asos bo‘la oladi. Olima uchinchi shaxs hikoyasida ongni tasvirlashning psixologik narratsiya, bevosita berilgan ichki monolog va hikoya qilingan monolog shakllarini ajratadi.[9] Ushbu tasnif aynan qo‘rquvga bag‘ishlanmagan bo‘lsa-da, undan qo‘rquv kechinmasining qanday nutqiy shaklda yetkazilishini tekshirishda foydalanish mumkin.

Psixologik narratsiyada qahramonning ruhiy holati hikoyachi nutqi orqali bayon qilinadi. Hikoyachi kechinmaning sabablarini izohlashi, uning davomiyligini umumlashtirishi yoki qahramonning o‘zi aniq anglamagan holatni ifodalashi mumkin. Qo‘rquvni tasvirlashda bu shakl tashqi vaziyat bilan ichki javob o‘rtasidagi aloqani tushuntirishga yordam beradi. Ayni paytda hikoyachining bahosi bilan qahramonning o‘zini anglashi farqlanishi lozim. Qahramon qo‘rqayotganini inkor etishi, hikoyachi esa uning xatti-harakatlaridagi qo‘rquv belgilarini ko‘rsatishi mumkin. Bunday tafovut ruhiy tasvirning murakkabligini oshiradi. Ichki monologda esa qahramonning fikri uning o‘z nutqiga yaqin shaklda beriladi. Savollar, ikkilanishlar, o‘zini ishontirish va ehtimoliy oqibatlarni tasavvur qilish qo‘rquvning fikrlash jarayoniga ta’sirini ochadi. Bu usul qahramonning xavfni qanday nomlashi va unga qanday javob izlashini ko‘rsatadi.[10] Biroq ichki monolog qahramon ongining barcha qatlamlarini to‘liq ifodalaydi, deb bo‘lmaydi. Uning so‘z bilan ifodalangan fikrlari anglanmagan hislar, tana reaksiyalari yoki o‘zini oqlash istagi bilan mos kelmasligi mumkin. Hikoya qilingan monologda qahramonning fikrlash usuli bilan hikoyachi nutqi o‘zaro yaqinlashadi. Bunday ifodada uchinchi shaxsdagi bayon saqlangan holda qahramonga xos baholar, savollar va hissiy ohang seziladi. Qo‘rquvning shu tarzda tasvirlanishi hikoya bilan kechinma orasidagi masofani qisqartiradi. O‘quvchi hodisani tashqaridan kuzatish bilan birga, qahramonning subyektiv baholash tarziga ham yaqinlashadi. Tahlilda esa qaysi baho hikoyachiga, qaysi biri qahramonga tegishli ekanini kontekst asosida aniqlash talab etiladi.

Qo‘rquv motivining narrativ tashkil etilishida fokalizatsiya alohida ahamiyatga ega. Jerar Jenett tasnifida nol, ichki va tashqi fokalizatsiya farqlanadi. Bu farq hikoyada axborotning qahramon bilimi va idrokiga nisbatan qanday chegaralanganini aniqlashga yordam beradi. Qo‘rquvni o‘rganishda mazkur yondashuv tahdidning o‘zi bilan uning idrok etilishi o‘rtasidagi tafovutni ochadi. Ichki fokalizatsiyada xavf qahramonning cheklangan bilimi orqali anglashiladi. Tashqi fokalizatsiyada esa uning kechinmasi ko‘proq kuzatiladigan harakat, nutq va tana belgilaridan kelib chiqib tushuniladi. Shunday qilib, qo‘rquvning mazmuni bilan birga, u haqidagi axborotning berilish usuli ham badiiy ta’sirni belgilaydi.

Tana va portret tasviri qo‘rquvning bilvosita ifodalanishida muhim vositadir. Titroq, rang o‘zgarishi, nafasning tezlashishi, qotib qolish yoki nutqdagi uzilish kabi belgilar matnda ruhiy taranglikni anglatishi mumkin. Biroq ularning hech biri alohida olinganda faqat qo‘rquvni bildirmaydi. Bir xil jismoniy belgi g‘azab, sovuq, charchoq yoki boshqa holat bilan ham bog‘lanishi mumkin. Shu sababli tana tasvirini psixologik talqin qilishda vaziyat, qahramon fikrlari va keyingi harakatlar hisobga olinishi zarur. Badiiy detalning ma’nosi uning boshqa matniy belgilar bilan munosabatida aniqlanadi.

Xulosa. Qo‘rquv motivining psixologik ifodalanishi ruhiy kechinmaning badiiy mazmun va shaklga aylanishi bilan bog‘liq murakkab jarayondir. Uning motiv sifatidagi maqomi matnda takrorlanishi bilangina emas, qahramon idroki, ichki konflikti va xatti-harakatlari bilan mazmuniy aloqa hosil qilishi orqali belgilanadi. Shu sababli qo‘rquvni tadqiq etishda tahdid manbai, uning subyektiv baholanishi, hissiy javob va harakat o‘rtasidagi munosabatlarni birgalikda o‘rganish zarur. Qo‘rquvning badiiy ifodasi ichki monolog, psixologik narratsiya, fokalizatsiya, portret, tana reaksiyalari hamda til va kompozitsiya vositalari orqali yuzaga keladi. Ushbu vositalarning hech biri alohida holda qo‘rquvning doimiy belgisi hisoblanmaydi. Ularning psixologik ma’nosi kontekst, hikoya qilish usuli va asarning umumiy poetik tuzilishi asosida aniqlanadi. Psixoanalitik va narratologik yondashuvlar esa qo‘rquvning ichki manbalari hamda uni tasvirlash mexanizmlarini turli jihatlardan yoritishga yordam beradi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1.Арасту. Поэтика. – Т.: “Янги аср авлоди”, 2011. – 352 б.

2.Jo‘raqulov U. Hududsiz jilva. – Toshkent: Fan, 2006. – 174 b.

3.Normatov U. Nasrimiz ufqlari. – T.: Adabiyot va san'at, 1974; 224 b

4.Quronov D. Adabiyot nazariyasi asoslari.– Toshkent: akademnashr, 2018. – 480 b.

5.Quronov D. va boshqalar. Adabiyotshunoslik lug‘ati. – Toshkent: Akademnashr, 2010. – 400 b.

6.Xolliyeva G. Qiyosiy adabiyotshunoslik. – Toshkent: Akademnashr, 2020. – 156 b.

7.Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – Москва: “Высшая школа”, 1989. – 405 с

8.Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – Москва: “Лабиринт”, 2001. – 192 с

9.Жирмунский В.В. Тюркский героический эпос. – Ленинград: “Наука”, 1974. – 728 с

10. Бахтин М. Романда замон ва хронотоп шакллари (Таржимон, сўзбоши, изоҳ ва шарҳлар муаллифи: У.Жўракулов). – Т.: “Akademnashr”, 2015. – 288 б.

ДИМИНУТИВЫ КАК ЧЕРТА ИДИОСТИЛЯ В. РАСПУТИНА И У. ХОШИМОВА

Хужаназарова Ойжамол Шавкатжон кизи
преподаватель, Азиатский технологический университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье диминутивы рассматриваются как значимая черта идиостиля двух писателей – русского прозаика В. Г. Распутина и узбекского прозаика У. Хошимова. На материале рассказов и повестей «Уроки французского», «Последний срок», «Прощание с Матёрой», «Живи и помни» и «Дунёнинг ишлари», «Икки эшик ораси», «Баҳор қайтмайди» описаны структурные типы диминутивов, их частотность, функционально-семантические и лингвокультурные особенности. Установлено, что у обоих авторов диминутивы выходят за рамки выражения «малости» и становятся средством создания речевого портрета персонажа, маркером деревенской (кишлачной) языковой среды и носителем ключевых для авторской картины мира этических смыслов. Показаны изоморфные и алломорфные черты диминутивности в русском и узбекском художественном тексте.*

Ключевые слова: *диминутив, идиостиль, субъективная оценка, экспрессивность, В. Распутин, У. Хошимов, сопоставительная стилистика, лингвокультурология, художественный текст.*

Annotatsiya. *Maqolada diminutivlar ikki yozuvchi – rus nosiri V. G. Rasputin va o‘zbek nosiri O‘. Hoshimov idiouslubining muhim belgisi sifatida tadqiq etiladi. «Fransuz tili saboqlari», «So‘nggi muddat», «Matyora bilan vidolashuv», «Yasha va eslab yur» hamda «Dunyoning ishlari», «Ikki eshik orasi», «Bahor qaytmaydi» asarlari materialida diminutivlarning tuzilish turlari, qo‘llanish chastotasi, funksional-semantik va lingvomadaniy xususiyatlari tavsiflanadi. Ikkala muallifda ham diminutivlar «kichiklik» ma’nosidan tashqariga chiqib, personajning nutqiy portretini yaratish vositasiga, qishloq nutqiy muhitining belgisiga va muallif olamining asosiy axloqiy ma’nolarini ifodalovchi unsurga aylanishi aniqlangan. Rus va o‘zbek badiiy matnida diminutivlikning izomorf va allomorf belgilari ko‘rsatilgan.*

Kalit so‘zlar: *diminutiv, idiouslub, subyektiv baho, ekspressivlik, V. Rasputin, O‘. Hoshimov, qiyosiy stilistika, lingvomadaniyatshunoslik, badiiy matn.*

Abstract. *The article treats diminutives as a significant feature of the individual style of two writers – the Russian prose writer V. G. Rasputin and the Uzbek prose writer O‘. Hoshimov. Drawing on “French Lessons”, “The Last Term”, “Farewell to Matyora”, “Live and Remember” and “Dunyoning ishlari”, “Ikki eshik orasi”, “Bahor qaytmaydi”, the paper describes the structural types of diminutives, their frequency, and their functional-semantic and linguocultural properties. It is established that in both authors diminutives go beyond the expression of “smallness” and become a means of creating a character’s speech portrait, a marker of the rural (village) speech environment, and a carrier of the ethical meanings that are central to each author’s worldview. Isomorphic and allomorphic features of diminutiveness in Russian and Uzbek literary texts are identified.*

Keywords: *diminutive, individual style, subjective evaluation, expressiveness, V. Rasputin, O‘. Hoshimov, comparative stylistics, cultural linguistics, literary text.*

Введение. Категория диминутивности – одна из наиболее «живых» и национально маркированных категорий в языках разного строя. В русском языке она реализуется прежде всего морфологически, через развитую систему суффиксов субъективной оценки (-к-, -ик, -чик, -очк-/-ечк-, -оньк-/-еньк-, -ушк-/-юшк-, -ышк-, -иц-, -ец и др.)[1], в узбекском – через ограниченный набор аффиксов (-ча, -чоқ/-чак, -гина, -жон, -хон, -той, -лоқ)[1] и широкий спектр лексико-синтаксических средств (слова кичкина, кичик, митти, озгина, обращения болам, жоним, қўзичоғим, тойчоғим). Если в грамматическом аспекте диминутивы обоих языков описаны достаточно полно (В. В. Виноградов, Е. А. Земская, А. Вежбицкая, А. Ғуломов, Ш. Раҳматуллаев, Б. Менглиев и др.)[3], то их роль как элемента индивидуального авторского стиля – идиостиля – остаётся изученной фрагментарно, а в сопоставительном русско-узбекском плане практически не рассматривалась.

Под идиостилем вслед за В. В. Виноградовым и В. П. Григорьевым[2] мы понимаем систему содержательно и формально взаимосвязанных языковых средств, отражающих авторскую картину мира и образующих устойчивую индивидуальную манеру письма. В этом смысле диминутив становится чертой идиостиля тогда, когда он (1) употребляется регулярно и статистически значимо чаще, чем в нейтральной прозе; (2) закреплён за определёнными типами персонажей, ситуаций и тем; (3) несёт не только оценочную, но и концептуальную нагрузку, т. е. участвует в выражении ключевых для автора смыслов.

Выбор В. Распутина и У. Хошимова для сопоставления не случаен. Оба писателя принадлежат к одному поколению (1937 и 1941 гг. рождения), оба выросли в сельской среде и сделали деревню (кишлак) и живущего в ней «простого» человека главным предметом изображения; оба тяготеют к лирико-психологической прозе, в которой авторское слово сливается с несобственно-прямой речью героев; наконец, для обоих центральными являются образы матери, старухи, ребёнка – носителей народной нравственности. Именно эти типологические сходства делают сопоставление диминутивов в их прозе методологически корректным.

Цель статьи – выявить функции диминутивов как черты идиостиля В. Распутина и У. Хошимова, установить общее и специфическое в их употреблении и показать, как национально-языковые средства диминутивности обслуживают сходные художественные задачи.

Материал и методология исследования. Материалом послужили рассказы и повести В. Распутина «Уроки французского» (1973), «Последний срок» (1970), «Прощание с Матёрой» (1976), «Живи и помни» (1974), «Василий и Василиса» (1967)[1] и произведения У. Хошимова «Дунёнинг ишлари» (1982), «Икки эшик ораси» (1986), «Баҳор қайтмайди» (1970), «Нур борки, соя бор» (1976)[2]. Методом сплошной выборки из текстов извлечено 1240 словоупотреблений диминутивных единиц (712 – у Распутина, 528 – у Хошимова). Единицей анализа признавалось слово или словосочетание, содержащее формальный показатель диминутивности либо выражающее значение малости/ласкательности лексически.

Применялись следующие методы: описательный (инвентаризация и классификация единиц), структурно-семантический (выделение словообразовательных типов и сем), контекстуально-стилистический (определение функции единицы в конкретном фрагменте), количественный (подсчёт частотности и индекса диминутивности – числа диминутивов на 1000 словоупотреблений) и сопоставительный. Для учёта лингвокультурной составляющей использовался лингвокультурологический комментарий, опирающийся на работы В. А. Масловой[3] и Н. Маҳмудова.

Результаты исследования. У В.Распутина абсолютно преобладают суффиксальные субстантивные диминутивы (86% выборки). Наиболее продуктивны суффиксы -к- например: избёнка, лодчонка, старушонка, девчонка, ребятишки; -ушк-/-юшк- например: старушка, избушка, речушка, Дарьюшка, Настёнушка; -оньк-/-еньк- например: маленький, тихонько, легонько, Танечка; -очк-/-ечк- например: водочка, картошечка, чашечка; -иц-/-ц- например: водица, землица, деревцо. Заметен пласт адъективных и адвербиальных диминутивов: беленький, худенький, тихонечко, помаленьку, а также диминутивы от имён собственных: Настёна, Андрюша, Катеринка. Специфически «распутинскими» следует признать диминутивы-диалектизмы и просторечные формы: тятенька, маненько, оттудова-то, посейчас, рыбёшка, картошка «в мундире»[1].

У У. Хошимова морфологические диминутивы составляют лишь 47% выборки; остальное приходится на лексико-синтаксические и фразеологические средства. Среди аффиксальных преобладают имена с -жон и -хон (Расулжон, Мунисахон, ойижон, дадажон, опажон), формы на -гина (болагинам, қизгинам, онагинам, жонгинам, озгина, сал-пал), на -ча (уйча, қизча, кутича, кўчача), на -чоқ/-чак (кўзичоқ, тойчоқ, келинчак, кулча). Лексические диминутивы представлены словами кичкина, митти, жажжи, нимжон, а также ласкательными обращениями-перифразами: кўзичоғим, тойчоғим, кўзимнинг оқу қораси, жигарбандим, болам-чақам. Особую группу образуют редупликации и парные слова с уменьшительно-смягчающей семантикой (кичик-кичик, оз-моз, секин-секин, аста-секин), не имеющие прямых структурных соответствий в русском языке[1].

Индекс диминутивности в прозе Распутина составил в среднем 9,3 единицы на 1 000 словоупотреблений (максимум – в «Последнем сроке» и «Прощании с Матёрой», где доминирует речь старух: 11,8 и 10,6), в прозе Хошимова – 6,1 (максимум в «Дунёнинг ишлари» – 8,4, где повествование ведётся от лица сына о матери). Для сравнения, в нейтральной публицистике обоих языков индекс не превышает 1,5–2. Таким образом, у обоих авторов диминутивы выступают как статистически значимая, а значит идиостилевая характеристика текста. Различие абсолютных показателей объясняется прежде всего типологически: русский язык располагает более развитой системой суффиксов субъективной оценки, и значительная часть узбекских эквивалентов реализуется описательно либо интонационно.

Анализ контекстов позволил выделить пять функций, общих для обоих писателей, и две функции, специфичные для каждого.

Общие функции: а) номинативно-дименсивная (собственно уменьшительная: избушка, лодчонка; уйча, қутича) – наименее частотная, не более 12–14% словоупотреблений; б) эмотивно-оценочная (выражение нежности, жалости, сочувствия: старушка, Настёнушка, ребятишки; болагинам, қизгинам, ойижон) – ведущая у обоих авторов (около 45%); в) характерологическая – диминутивы как маркер речевого портрета: у Распутина ими насыщена речь старухи Анны («Последний срок»), Дарьи («Прощание с Матёрой»), матери рассказчика («Уроки французского»); у Хошимова – речь матери и бабушки в «Дунёнинг ишлари», Робии в «Икки эшик ораси»; г) социально-локализующая – диминутивы сигнализируют о деревенской/кишлачной, «непричёсанной» народной речи в противоположность городской и официальной (ср. контраст речи Дарьи и «начальства» в «Прощании с Матёрой»; речи кишлачных женщин и городских чиновников у Хошимова); д) ритмико-интонационная – диминутивы с суффиксами -оньк-/-еньк-, -ушк- и узбекские формы на -гина, -жон создают напевность, «сказовую» интонацию, сближающую авторскую прозу с фольклорной.

У Распутина выделяется *ироническая и деминутивно-пейоративная* функция: уменьшительные формы в речи или в оценке персонажей-«обсевков» (Петруха в «Прощании с Матёрой»), в описании нового посёлка и его «домиков», «улочек» передают авторское неприятие суррогатной, лишённой корней жизни. Диминутив здесь не ласкает, а умаляет, обнажает мелкость. Для Хошимова такое употребление нехарактерно: в узбекской культурной традиции уменьшительно-ласкательная форма почти не допускает иронического переосмысления по отношению к старшим и близким. Зато у Хошимова ярко выражена *этикетно-регулятивная* функция: аффиксы -жон, -хон, формы болам, қизим, обращения с -гина выполняют роль показателей вежливости, возрастной и родственной иерархии, уважения к собеседнику. Пропуск такого диминутива (обращение к старшему по имени без -жон/-ака/-опа) в тексте «Икки эшик ораси» становится сигналом конфликта или отчуждения. В русской прозе Распутина этикетная функция диминутивов выражена значительно слабее и ограничена ласковыми формами имён.

Наиболее существенный результат заключается в том, что у обоих писателей диминутивы «прикреплены» к ядерным концептам их художественного мира. У Распутина это концепты «дом – земля – память – старость»: избушка, землица, водица, Матёра с её старушками, деревцо (царственный лиственъ) – всё, что подлежит затоплению и забвению, называется уменьшительно, и диминутив становится знаком хрупкости, уязвимости и одновременно бесконечной ценности уходящего мира. У Хошимова диминутивы концентрируются вокруг концептов «она (мать) – бола (дитя) – оила (семья) – меҳр (сердечная привязанность)»: ойижон, онагинам, болагинам, жигарбандим. В «Дунёнинг ишлари» диминутив – это, по существу, язык любви между матерью и сыном; именно через уменьшительно-ласкательные формы передаётся та «меҳр», которую автор считает основой нравственного мира человека. Таким образом, формально «мелкая» морфологическая единица у обоих авторов приобретает аксиологический статус.

Изоморфные и алломорфные черты. К изоморфным (общим) чертам относятся: доминирование эмотивно-оценочной функции над собственно

уменьшительной; сосредоточение диминутивов в речи женских и возрастных персонажей и в описании детства; связь диминутивов с темой дома и малой родины; использование диминутивов как средства стилизации народной речи. Алломорфными (специфическими) оказываются: у Распутина – богатство суффиксальных вариантов, активность адъективных и адвербиальных диминутивов, диалектная окраска, возможность иронического переосмысления; у Хошимова – преобладание лексико-синтаксических и перифрастических средств, редупликации, высокая этикетная нагруженность аффиксов -жон/-хон и обращений, практически полное отсутствие пейоративного диминутива. Эти различия обусловлены как типологией языков (флективный и агглютинативный), так и этнокультурными нормами общения: в узбекской лингвокультуре диминутив – прежде всего средство выражения уважения и родственной близости, в русской – средство выражения широкого спектра эмоций, от нежности до пренебрежения.

Переводческий аспект. Сопоставление оригиналов с существующими переводами (узбекские переводы «Уроков французского» и «Прощания с Матёрой»; русские переводы «Дунёнинг ишлари») показывает, что именно диминутивы чаще всего подвергаются нейтрализации: старушонка передаётся как кампир, избушка – как уй, болагинам – как «сынок» или «мой мальчик», редупликации оз-моз, аста-секин – одним наречием. При этом утрачивается не столько денотат, сколько идиостилевая интонация – то, что делает прозу Распутина «распутинской», а прозу Хошимова – «хошимовской». Для адекватного перевода целесообразно компенсировать диминутивность в других местах текста, использовать уменьшительные формы имён собственных и ласкательные обращения принимающего языка, сохранять ритмические повторы.

Выводы. Диминутивы в прозе В. Распутина и У. Хошимова являются не окказиональным украшением, а устойчивым и статистически значимым элементом идиостиля: их частотность в 4–6 раз превышает среднюю для нейтральной прозы, они закреплены за определёнными типами персонажей, ситуаций и тем. Ведущей функцией диминутивов у обоих писателей является эмотивно-оценочная; собственно уменьшительное значение отходит на периферию. Диминутив выступает как средство создания речевого портрета, маркер народной деревенской речи и носитель ритмико-интонационной организации текста. В обоих идиостилях диминутивы «обслуживают» ядерные концепты авторской картины мира: у Распутина – «дом, земля, память, старость», у Хошимова – «мать, дитя, семья, меҳр», приобретая аксиологический статус знака хрупкого, но высшего по ценности мира.

Алломорфные черты обусловлены типологией языков и этнокультурными нормами: русский диминутив морфологически богаче и допускает ироническое переосмысление; узбекский – беднее морфологически, но компенсирует это лексико-синтаксическими средствами и несёт выраженную этикетную нагрузку. Диминутивы относятся к наиболее «уязвимым» при переводе элементам идиостиля, что требует от переводчика специальной стратегии компенсации. Перспективу исследования составляет расширение материала за счёт всего корпуса прозы обоих писателей и построение сопоставительного словаря диминутивов русского и узбекского художественного текста.

Список использованной литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
2. Григорьев В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. – М.: Наука, 1983. – 225 с.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
4. Распутин В. Г. Повести и рассказы. – М.: Эксмо, 2007. – 640 с.
5. Распутин В. Г. Уроки французского: рассказы. – М.: Детская литература, 2012. – 144 с.
6. Ҳошимов Ў. Дунёнинг ишлари: қисса. – Тошкент: Шарқ, 2005. – 224 б.
7. Ҳошимов Ў. Икки эшик ораси: роман. – Тошкент: Янги аср авлоди, 2011. – 544 б.
8. Раҳматуллаев Ш. Ҳозирги адабий ўзбек тили. – Тошкент: Университет, 2006. – 464 б.
9. Родимкина А. М. Уменьшительно-оценочные существительные в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Л., 1980. – 20 с.

ДВЕ МОДЕЛИ УЗБЕКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПОРТРЕТА: АБДУЛЛА КАХХАР В ИНТЕРПРЕТАЦИИ М. КУШЖАНОВА И О. ШАРАФИДДИНОВА

Юлдошев Дилмурод Неъмат угли
преподаватель кафедры узбекского языка и литературы
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *На материале двух литературных портретов Абдуллы Каххара — «Известный новеллист» (1970) М. Кушжанова и «Грани дарования» (1967) О. Шарафиддинова — в статье исследуется построение литературного портрета в узбекской критике. С помощью сравнительно-типологического, структурного и нарратологического анализа рассмотрены зачин, композиционная основа, авторская позиция, типы аргументов и способ оценки в каждом портрете. Выделены классификационно-проблемная и эссеистическая модели. Показано, что невнимание к личности писателя, которое принято считать общей чертой советских портретов, связано скорее с выбором модели, чем с эпохой. Установлен также первоисточник формулировки, которой в научной литературе оценивается описательность портрета «Известный новеллист».*

Ключевые слова: *литературный портрет, модель жанра, композиция, авторская позиция, аргумент, свидетельство, полемика, описательность, источниковедческая проверка.*

Annotatsiya. *Maqolada o‘zbek tanqidchiligidagi adabiy portret janrining ikki tuzilish modeli Abdulla Qahhor haqidagi ikki portret – M.Qo‘shjonovning «Mashhur hikoyanavis» (1970) va O.Sharafiddinovning «Iste’dod jilolari» (1967) asarlari materialida aniqlandi. Qiyosiy-tipologik, struktural va narratologik tahlil yordamida portretlarning boshlanishi, kompozitsiya asosi, muallif pozitsiyasi, dalil turlari va baholash usuli o‘rganildi. Natijada*

tasnifiy-problematik va esse-portret modellari farqlandi. Sho‘ro davri portretlariga xos deb hisoblangan yozuvchi shaxsiga e’tiborsizlik davrdan ko‘ra ko‘proq model tanlovi bilan bog‘liq ekani ko‘rsatildi. «Mashhur hikoyanavis» portretidagi bayonchilik haqidagi bahoda qo‘llangan ifodaning birlamchi manbasi ham aniqlandi.

Kalit so‘zlar: *adabiy portret, janr modeli, kompozitsiya, muallif pozitsiyasi, dalil, guvohlik, polemika, bayonchilik, manbashunoslik tekshiruvi.*

Abstract. *Drawing on two literary portraits of Abdulla Qahhor – M. Qoshjonov’s “The Renowned Short-Story Writer” (1970) and O. Sharafiddinov’s “Facets of Talent” (1967) – the article identifies two structural models of the literary portrait in Uzbek criticism. Comparative-typological, structural and narratological analysis is applied to the opening, compositional basis, authorial position, types of evidence and mode of evaluation of each portrait. A classificatory-problematic model and an essayistic model are distinguished. It is shown that the neglect of the writer’s personality usually ascribed to Soviet-era portraits depends more on the chosen model than on the period. The primary source of the wording used in scholarship to assess descriptiveness in Qoshjonov’s portrait “The Renowned Short-Story Writer” is also identified.*

Keywords: *literary portrait, genre model, composition, authorial position, evidence, testimony, polemics, descriptiveness, source verification.*

Литературный портрет — один из ведущих жанров узбекской критики второй половины XX века: представление читателя о творчестве многих писателей складывалось именно через портреты. Однако внутреннее устройство жанра изучено мало. В «Адабиётшунослик луғати» («Словаре литературоведения») литературному портрету как жанру критики отведено лишь краткое пояснение: «распространённый в критике жанр литературно-критических произведений, освещающих жизнь и творчество писателя, определяется как литературный портрет и в обиходе часто именуется просто портретом» [2, с. 227]. Определение указывает на предмет портрета, но оставляет открытым вопрос о том, как он строится, какую позицию занимает в нём автор и на какие доказательства опирается.

Ш. Ахмедова относит М. Кушжанова и О. Шарафиддинова, наряду с И. Султаном, У. Норматовым и И. Гафуровым, к «мастерам литературного портрета» [1, с. 61]. По её словам, хотя в творчестве Кушжанова этот жанр «занимает одно из ведущих мест», мастерство критика-портретиста «глубоко не изучено» [1, с. 63]. Причина, на наш взгляд, ещё и в том, что портреты разных критиков обычно рассматриваются по отдельности, без сопоставления. В результате остаётся неясным, чем обусловлена черта, которую принято считать индивидуальной особенностью того или иного критика: эпохой, личной манерой или выбранным типом портрета. Ответ на этот вопрос мы ищем, сопоставляя два портрета одного писателя.

Материалом послужили два портрета Абдуллы Каххара, авторы которых знали писателя лично, что создаёт для сравнения равные условия. Портрет М. Кушжанова «Машҳур ҳикоянавис» («Известный новеллист») написан в 1970 году и включён в первый том его книги «Сайланма» («Избранное», 1982) [3, с. 108–123]. Портрет О. Шарафиддинова «Истеъдод жилолари» («Грани дарования») датирован 1967 годом и вошёл в одноимённую книгу критика 1976 года [5, с. 96–152].

Портреты сопоставлялись по пяти параметрам: зачин, композиционная основа, авторская позиция, типы аргументов и способ оценки. Сравнительно-типологический метод позволил разграничить общие и отличительные признаки двух текстов, структурный анализ — описать их композицию, нарратологический подход — определить позицию авторского «я». Кроме того, существующие оценки портретов были проверены источниковедчески: цитаты во вторичных источниках сверялись с первоисточниками. Цитаты из узбекоязычных источников приводятся в нашем переводе; названия узбекских произведений даются в оригинале, а при первом упоминании — с буквальным переводом в скобках (книга О. Шарафиддинова — с её официальным русским названием). Названия двух анализируемых портретов и книги «Сайланма» после первого упоминания приводятся в переводе.

Различие между портретами обнаруживается уже в зачинах. Кушжанов начинает с обобщения: «Когда речь заходит о культурном уровне какого-либо народа, в первую очередь перед нашим мысленным взором встают крупные деятели культуры, взращённые этим народом» [3, с. 108]. Далее приводятся слова Б. Кербабаева о Каххаре и очерчивается широта творчества писателя. Оговорив, что, говоря о таком масштабном художнике, лучше, по-видимому, остановиться «на одной-двух» важнейших сторонах его творчества, критик прямо формулирует свою задачу: «Здесь мы поставили перед собой цель поделиться своими соображениями об идейных и проблемных направлениях творчества Абдуллы Каххара» [3, с. 109]. Предметом портрета, таким образом, оказывается не личность писателя, а направления его творчества.

Этот зачин заставляет уточнить обобщение Ш. Ахмедовой, согласно которому каждый портрет критика начинается «настолько занимательно, что сразу привлекает внимание читателя», а уже первая фраза отсылает к «таинственному узлу» [1, с. 64]. В качестве примеров исследовательница приводит портреты, в заглавие которых вынесены слова самих поэтов: «Мен ўзбек халқи номидан сўзлайман!» («Я говорю от имени узбекского народа!») о Х. Алимджане и «Эшитинг, шеър ўқийман» («Слушайте, я читаю стихи») о К. Хикмате. Для таких портретов наблюдение справедливо, однако «Известный новеллист» открывается традиционным обобщающим вступлением, поэтому распространять эту черту на все портреты Кушжанова нельзя.

Шарафиддинов начинает с личного свидетельства: «Мне довелось вместе с Абдуллой Каххаром объездить немало мест нашей республики» [5, с. 96]. Вспомнив, где ему приходилось видеть уважение народа к писателю, критик ставит вопросы, поиск ответа на которые и составляет содержание портрета: «Раз это так, то чем он заслужил любовь народа? В чём та сила, что возвысила его до столь высокого положения и окрылила его славу? В чём секрет того, что народ гордится Абдуллой Каххаром?» [5, с. 97]. Если первый портрет скрепляет классификация по проблемам, то второй — единый центральный вопрос.

Различие зачинов предопределяет и композицию. Хотя Кушжанов заявляет о намерении остановиться лишь на одной-двух сторонах творчества, разделы его портрета последовательно охватывают тематические группы произведений Каххара. Сначала рассматриваются рассказы о трагедиях прошлого: «Анор» («Гранат»), «Ўғри» («Вор»), «Даҳшат» («Ужас»), «Бемор» («Больная»), а также повесть «Ўтмишдан

эртаклар» («Сказки о прошлом»). Затем речь идёт о сатирических произведениях и пьесах, о героях, «сбившихся с пути, а затем вставших на верный путь», о психологических рассказах и, наконец, о проблеме положительного героя [3, с. 109–122]. Завершают портрет страницы об общественной деятельности писателя и его наставничестве: «Абдулла Каххар был наставником и подлинным учителем молодого поколения нашей литературы» [3, с. 122]. Такое построение обеспечивает широту охвата: на шестнадцати страницах названы почти все жанры и основные произведения писателя. Но места для каждого произведения остаётся мало, и анализ нередко сменяется пересказом сюжета, как, например, на страницах о рассказах «Асрор бобо» («Дед Асрор») и «Маҳалла» («Махалля») [3, с. 117–118].

Портрет Шарафиддинова занимает 57 страниц, то есть более чем в три раза больше. Его части выделены не по группам произведений, а по «граням» дарования: жизненность и современность, создание характера, интерес к отрицательным явлениям, смех, писательский труд, язык и стиль. Произведения привлекаются для доказательства этих свойств, поэтому одни и те же тексты — «Даҳшат», «Ўғри», повесть «Синчалак» («Трясогузка») — появляются в разных частях портрета с разной целью. Такое построение ближе к логике эссе, чем к научной классификации.

Ещё заметнее различие авторских позиций. У Кушжанова автор выступает как наблюдатель-аналитик: личное знакомство с Каххаром в тексте почти не отражено, а местоимение «мы» употребляется в обобщающем, научном значении. Доказательства черпаются из произведений Каххара и из высказываний его современников — Б. Кербабаева и И. Ле [3, с. 108, 121].

Шарафиддинов, напротив, участвует в событиях как свидетель, и его свидетельство получает статус аргумента. Рассказывая о работе Каххара над пьесой «Сўнгги нусхалар» («Последние экземпляры»), он вспоминает, как в 1962 году, когда писатель, закончив пьесу, заболел, критик вместе с А. Якубовым и П. Кадыровым навестил его. На предположение гостей, что причина болезни — переутомление, Каххар ответил: «С чего мне уставать? Ну, написал тысячу страниц, только и всего». Поскольку обычная пьеса занимает 50–60 страниц (выходило, что Каххар написал как бы пятнадцать пьес), эти слова, признаётся критик, показались ему тогда бахвальством. Далее следует: «Через некоторое время Абдулла-ака передал мне черновые варианты пьесы. Они и сейчас у меня» [5, с. 140]. История рассказа «Даҳшат» восстанавливается по записной книжке писателя: «Впервые запись о рассказе Абдулла Каххар сделал в своей записной книжке в 1952 году» [5, с. 141]. Такие мемуарные и архивные материалы могли оказаться только в руках критика, близкого к писателю. Они дополняют критический анализ творческой историей произведения.

Это сопоставление позволяет уточнить ещё один вывод Ш. Ахмедовой. Исследовательница называет невнимание к личной жизни писателя и его отношениям с окружающими «одним из основных недостатков» портретов советских лет, распространяет это суждение на творчество Кушжанова и объясняет сам этот недостаток идеологией того времени [1, с. 62–63]. Однако в портрете Шарафиддинова, написанном в те же годы, широко представлены манера работы писателя, его привычки и личные беседы с ним. Этот пример показывает, что указанная черта связана не столько с эпохой, сколько с моделью, которую выбирает критик.

Различаются и способы оценки. Кушжанов прибегает преимущественно к сравнению и риторическому вопросу. О главе «Тешиктош» из повести «Ўтмишдан эртаклар» он спрашивает, не волнует ли она сильнее, чем «Анор», один из лучших рассказов писателя [3, с. 111]. Сатира Каххара оценивается в сопоставлении с русской классикой: «Произведения писателя в этой области поднялись до уровня большой сатиры, подобно произведениям Н. Гоголя и А. Чехова» [3, с. 112]. Рассказ «Асрор бобо» сопоставляется с народным преданием о двух влюблённых, победивших смерть, и эта параллель завершается фразой: «Так любовь, оказывается, победила смерть» [3, с. 118]. Композиционная требовательность критика особенно отчётливо проявляется в оценке романа «Қўшчинор чироқлари» («Огни Кошчинара»): «В результате в общем композиционном скелете романа возникла раздвоенность. Писатель объединил материал двух романов, попытался вместить в один роман мысль, предназначенную для двух романов» [3, с. 116].

У Шарафиддинова оценка приобретает полемический характер. Он открыто признаёт, что отрицательные явления действительно занимают в творчестве Каххара больше места, чем положительные, — именно в этом состоит давно бытующий упрёк в адрес писателя [5, с. 126]. Однако критик возражает: если писатель, поставив отрицательное явление в центр, «страстно осуждает и разоблачает его, то за это писателя следует не осыпать упрёками, а воздать ему хвалу» [5, с. 127]. Интерес к таким темам он объясняет «характером дарования» писателя [5, с. 128]. Предъявляя же художнику требования наподобие «пиши о положительном, не пиши об отрицательном», критики, по словам Шарафиддинова, оказываются в положении «бесцеремонного человека, который, не постучав и не спросив разрешения, ворвался в чужой дом и в грязных чарыках забрался на почётное место» [5, с. 127]. В этих фрагментах портрет превращается в критическое выступление в защиту писателя.

Оба текста, как произведения советской эпохи, не свободны от обязательных идеологических формул. Кушжанов отмечает, что в повести «Синчалак» «руководящая роль партии показана верно и убедительно» [3, с. 121]. Шарафиддинов пишет о романе «Сароб» («Мираж»): «мы убеждаемся в неизбежности краха буржуазной идеологии в столкновении с советской действительностью» [5, с. 101]. Различие заключается в месте этих формул. В классификационной модели они образуют самостоятельные тематические блоки (проблема положительного героя, руководящая роль партии в повести «Синчалак»), в эссеистической — остаются отдельными фразами, обозначающими исторический контекст.

Источниковедческая проверка уточняет и происхождение оценки, данной Ш. Ахмедовой. О портрете «Известный новеллист» исследовательница пишет, что «в содержательно совершенных, зрелых произведениях, даже в анализе повестей и романов, видны признаки описательности, приметы комментаторства» [1, с. 64]. Сверка показала, что эта фраза почти дословно повторяет фразу из предисловия Н. Худайберганова к «Избранному» 1982 года: «в содержательно совершенных, зрелых произведениях, даже в художественных открытиях, порой проступают признаки описательности, приметы комментаторства» [4, с. 5]. С предисловием совпадают и соседние фразы Ахмедовой: о неровном развитии таланта даже у Белинского и Добролюбова и о том, что критик порой «вместо того чтобы проникнуть в суть

отдельных сложных, противоречивых явлений, ограничивается их описанием» [1, с. 64; 4, с. 4–5]. Однако у Худайберганова приведённая фраза относится не к портрету Каххара, а к зрелым произведениям вообще и подкрепляется ссылкой на Л. Якименко, отмечавшего подобные приметы в «Тихом Доне» М. Шолохова. Склонность Кушжанова в отдельных случаях прибегать к «комментированию, толкованию, изложению содержания» литературных явлений Худайберганов отмечает лишь в общем виде, применительно к его критике в целом, прежде всего к периоду её становления [4, с. 4–5]. Отнесение этой характеристики именно к портрету «Известный новеллист» принадлежит Ахмедовой.

В той же части работы Ахмедовой есть и библиографическая неточность. При упоминании портрета «Нафосат шайдоси» («Влюблённый в прекрасное»), посвящённого Айбеку, в её ссылке указано «123 б.» [1, с. 63]. Это не соответствует ни страницам портрета (80–107), ни объёму книги (384 страницы); на 123-й странице заканчивается портрет «Известный новеллист» [3, с. 80–107, 123].

Наше сопоставление отчасти подтверждает общее замечание Худайберганова и оценку Ахмедовой: элементов пересказа в портрете «Известный новеллист» действительно много. Однако их следует объяснять не только недостатками мастерства критика, но и выбранной моделью. Классификационный портрет, фактически охватывающий всё творчество писателя на шестнадцати страницах, не может обойтись без краткого изложения содержания. Эссеистический портрет, напротив, достигает глубины анализа ценой отказа от полноты охвата.

Таким образом, сопоставление двух портретов Абдуллы Каххара позволяет выделить две модели узбекского литературного портрета. В классификационно-проблемной модели, представленной портретом М. Кушжанова, произведения группируются по проблемам, автор занимает позицию наблюдателя-аналитика, а аргументы извлекаются преимущественно из художественного текста. Эта модель обеспечивает широту охвата, но при ограниченном объёме тяготеет к описательности. В эссеистической модели О. Шарафиддинова текст строится вокруг одного центрального вопроса, автор выступает как свидетель, а мемуарные и архивные материалы служат аргументами. Творческая история и полемика углубляют анализ, однако пласты творчества писателя охватываются неравномерно.

Полученные результаты позволяют также уточнить две оценки, сложившиеся в литературе. Невнимание к личности писателя, которое принято считать общей чертой советских портретов, у двух критиков проявляется по-разному: эта черта зависит прежде всего от выбранной модели, а не от эпохи. Формулировка, которой Ш. Ахмедова характеризует описательность портрета «Известный новеллист», заимствована из предисловия Н. Худайберганова, где она относилась к зрелым произведениям вообще, а не к этому портрету. Это указывает на необходимость сверять оценки вторичных источников с первоисточником. Предложенная система параметров (зачин, композиционная основа, авторская позиция, тип аргумента, способ оценки) может быть применена и к портретам других критиков, в частности У. Норматова и И. Гафурова.

Список использованной литературы

1. Ахмедова Ш. Адабий танқид жанрлари тараққиёти: услубий қўлланма. Бухоро: Бухоро давлат университети, 2021. – 181 б.
2. Қуронов Д., Мамажонов З., Шералиева М. Адабиётшунослик луғати. Тошкент: Akademnashr, 2010. – 400 б.
3. Қўшжонов М. Сайланма. Икки жилдлик. 1-жилд. Адабий портретлар. Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1982. – 384 б.
4. Худойберганов Н. Оламлардан олам яратади (Устоз ижоди: қайдлар, кузатишлар, баҳслар) // Қўшжонов М. Сайланма. Икки жилдлик. 1-жилд. Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1982. – Б. 3–18.
5. Шарафиддинов О. Истеъдод жилолари: адабий портретлар. Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1976. – 232 б.

THE RELATIONSHIP BETWEEN LANDSCAPE AND PSYCHOLOGICAL STATES IN THE NOVELS OF SAID AHMAD AND ERNEST HEMINGWAY

Kholmuradova Madina Abdimalik qizi
Doctoral student
Karshi State University
Karshi, Uzbekistan

Abstract. *This article examines the relationship between landscape and psychological states in the novels of Said Ahmad and Ernest Hemingway. The study focuses on how natural surroundings, weather conditions, and landscape imagery reflect the emotional experiences, inner conflicts, and spiritual development of literary characters. Particular attention is given to Hemingway's concise narrative style and symbolic representation of nature, as well as Said Ahmad's portrayal of landscape through national traditions, social relationships, and collective historical experiences. The research analyzes selected novels, including "A Farewell to Arms", "The Old Man and the Sea", and "Ufq", to identify similarities and differences in the writers' artistic approaches.*

Keywords: *Landscape, psychological states, landscape imagery, psychological characterization, symbolism, nature, emotional atmosphere, literary style, comparative analysis, Uzbek literature, American literature, human experience, narrative technique.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada Said Ahmad va Ernest Heminguey romanlarida tabiat manzarasi (peyzaj) hamda psixologik holatlar o'rtasidagi o'zaro bog'liqlik tahlil qilinadi. Tadqiqotda tabiiy muhit, ob-havo sharoitlari va manzara tasvirlari adabiy qahramonlarning hissiy kechinmalari, ichki ziddiyatlari hamda ma'naviy rivojlanishini qanday aks ettirishi masalasiga e'tibor qaratiladi. Xususan, Hemingueyning ixcham bayon uslubi va tabiatni ramziy ifodalash mahorati, shuningdek, Said Ahmadning tabiat manzarasini milliy an'analar, ijtimoiy munosabatlar va umumiy tarixiy tajribalar orqali tasvirlash xususiyatlari o'rganiladi. Mualliflarning badiiy yondashuvlaridagi o'xshashlik va farqlarni aniqlash maqsadida "Alvido, qurol", "Chol va dengiz" hamda "Ufq" kabi asarlar tahlilga tortiladi.*

Kalit so‘zlar: *Tabiat manzarasi (peyzaj), psixologik holatlar, manzara tasvirlari, psixologik xarakteristika, ramziylik, tabiat, hissiy muhit, badiiy uslub, qiyosiy tahlil, o‘zbek adabiyoti, Amerika adabiyoti, insoniy tajriba, bayon texnikasi.*

Аннотация. *В данной статье рассматривается взаимосвязь между пейзажем и психологическими состояниями в романах Саида Ахмада и Эрнеста Хемингуэя. Исследование сосредоточено на том, как природное окружение, погодные условия и пейзажные образы отражают эмоциональные переживания, внутренние конфликты и духовное развитие литературных персонажей. Особое внимание уделяется лаконичному стилю повествования Хемингуэя и его символическому изображению природы, а также подходу Саида Ахмада, который раскрывает пейзаж через призму национальных традиций, социальных отношений и коллективного исторического опыта. В работе анализируются отдельные романы, в том числе “Прощай, оружие!”, “Старик и море” и “Уфк” (“Горизонт”), что позволяет выявить сходства и различия в художественных методах авторов.*

Ключевые слова: *пейзаж, психологические состояния, пейзажные образы, психологическая характеристика персонажей, символизм, природа, эмоциональная атмосфера, литературный стиль, сравнительный анализ, узбекская литература, американская литература, человеческий опыт, повествовательная техника.*

Introduction. The relationship between landscape and psychological states is one of the significant aspects of literary representation in the novels of Said Ahmad and Ernest Hemingway. In literary works, landscape serves not only as a background for events but also as an important artistic device that reveals the emotional experiences, inner conflicts, and spiritual conditions of characters. Descriptions of nature, weather, geographical surroundings, and the atmosphere of a particular place often reflect feelings such as loneliness, fear, sadness, hope, and courage. Through landscape imagery, writers create a deeper connection between the external environment and the psychological world of their characters.

Ernest Hemingway, one of the most influential American writers of the twentieth century, is known for his concise narrative style, realistic descriptions, and symbolic use of natural elements. In his novels, landscape frequently reflects the emotional and psychological experiences of individuals facing war, suffering, loss, and existential uncertainty. For example, in "A Farewell to Arms" , descriptions of rain, mountains, and war-affected landscapes contribute to the atmosphere of fear, separation, and emotional instability. Similarly, in 'The Old Man and the Sea", the sea represents both the challenges of human existence and the protagonist’s determination, endurance, and spiritual strength. Hemingway’s restrained style allows natural images to communicate complex psychological meanings without excessive explanation. [2]

Said Ahmad, a prominent Uzbek writer, also uses landscape as an important means of expressing human emotions and social experiences. His novel "Ufq" presents the lives of ordinary people during the difficult years of war and explores themes of sacrifice, family relationships, patriotism, suffering, and hope. Descriptions of villages, fields, roads, and rural surroundings create an authentic picture of Uzbek life and reflect the psychological conditions of the characters. In his works, landscape is closely connected with national traditions,

cultural values, collective memory, and the relationship between individuals and their social environment.

Landscape and psychological states in the novels: “A Farewell to Arms”, “The Old Man and the Sea”, “Ufq”

Although Said Ahmad and Hemingway belong to different literary and cultural traditions, their works demonstrate significant similarities in the artistic representation of landscape. Both writers use environmental details to intensify emotional experiences, reveal hidden feelings, and develop the central themes of their narratives. However, their approaches differ in terms of narrative style, symbolism, and cultural emphasis. Hemingway generally relies on concise descriptions and indirect psychological expression, whereas Said Ahmad often connects landscape with social relationships, national identity, and collective experience.

The purpose of this study is to examine the relationship between landscape and psychological states in the novels of Said Ahmad and Ernest Hemingway. The research focuses on landscape imagery, symbolism, emotional atmosphere, and the influence of the natural environment on character development. Comparative and stylistic methods are employed to identify the similarities and differences between the two writers’ artistic approaches. The study aims to demonstrate how landscape contributes to psychological characterization and how literary descriptions of nature reflect universal human emotions alongside distinctive national and cultural experiences.

The comparative study of landscape and psychological states in the novels of Said Ahmad and Ernest Hemingway demonstrates that landscape is an essential element of artistic expression. In the works of both authors, natural surroundings perform several functions: they establish the atmosphere, contribute to character development, reinforce the central themes, and reveal the psychological experiences of individuals. Landscape is therefore not merely a physical setting but also a meaningful artistic instrument through which writers communicate emotions, conflicts, and philosophical ideas. [3] Hemingway’s novels illustrate the close relationship between nature and the inner world of human beings. His descriptions are generally concise, realistic, and symbolically significant. Natural elements such as rain, the sea, mountains, and landscapes affected by war often reflect the emotional conditions of the characters. In "A Farewell to Arms", rain becomes associated with suffering, loss, and the uncertainty of human existence, while the natural environment surrounding the characters intensifies the novel’s tragic atmosphere. [4] In "The Old Man and the Sea", the sea represents both an external challenge and an opportunity for demonstrating courage, patience, and endurance. Through these images, Hemingway explores the ability of individuals to confront difficulties and preserve their dignity.

Said Ahmad also employs landscape to reveal psychological experiences, but his artistic approach is closely associated with Uzbek culture, social relationships, and collective historical memory. In "Ufq", rural landscapes and descriptions of everyday surroundings contribute to the representation of wartime hardship, separation, sacrifice, and hope. The natural environment reflects not only the emotional experiences of individual characters but also the suffering and resilience of the wider community. Through landscape, Said Ahmad expresses the importance of family, homeland, cultural traditions, and human solidarity. [1] Despite differences in their literary traditions and stylistic techniques, both writers demonstrate that the external environment can reflect the internal world of human beings.

Hemingway frequently conveys psychological meaning through understatement and symbolic natural details, whereas Said Ahmad often integrates landscape with social circumstances and national values. Their approaches differ in form, but both create a meaningful relationship between nature, human consciousness, and the events of the narrative.

Conclusion. Landscape serves as a powerful means of psychological characterization in the novels of Said Ahmad and Ernest Hemingway. Their works reveal that descriptions of nature can communicate emotions that remain unspoken, intensify dramatic situations, and deepen the reader's understanding of human experience. This comparative analysis highlights the artistic significance of landscape in English and Uzbek literature and demonstrates how different literary traditions explore universal themes of suffering, hope, courage, loneliness, and resilience through the interaction between the natural environment and the human psyche.

References

1. Ахмад С. Уфқ / С. Ахмад. — Тошкент : Шарқ, 2019.
2. Baker C. Ernest Hemingway: A Life Story / C. Baker. — New York : Charles Scribner's Sons, 1969.
3. Donaldson S. The Cambridge Companion to Hemingway / ed. by S. Donaldson. — Cambridge : Cambridge University Press, 1996.
4. Hemingway E. A Farewell to Arms / E. Hemingway. — New York : Charles Scribner's Sons, 1929.

СЕРДЦЕ И РАЗУМ В НРАВСТВЕННОМ ВЫБОРЕ ГЕРОЯ: РОМАНЫ «МИНУВШИЕ ДНИ» А. КАДЫРИ И «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» И. С. ТУРГЕНЕВА

(типологический аспект)

Матхалилова Гузал Алишеровна
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье на материале романов А. Кадыри «Минувшие дни» и И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» рассматривается категория нравственного выбора героя. Сопоставление носит типологический характер: оно основано на сходстве художественных решений, а не на доказанном влиянии одного автора на другого. Анализируются ключевые сцены, система образов (герои, героини, антагонисты, носители старшего поколения), роль человеческих слабостей в психологии героев, конфликт «сердца» и «разума», источники долга в двух культурных традициях и особенности художественного психологизма писателей.*

Ключевые слова: *диалог культур, типологическое сопоставление, А. Кадыри, И. С. Тургенев, нравственный выбор, художественный психологизм, сердце и разум.*

Annotatsiya. *Maqolada A. Qodiriyning «O'tkan kunlar» va I. S. Turgenevning «Dvoryanlar uyasi» romanlari asosida qahramonning axloqiy tanlovi kategoriyasi tadqiq etiladi. Taqqoslash tipologik xarakterga ega: u bir yozuvchining ikkinchisiga ta'siri isbotlanganiga emas, badiiy yechimlarning o'xshashligiga tayanadi. Asosiy sahnalar,*

obrazlar tizimi (qahramonlar, qahramon ayollar, antagonistlar, keksa avlod vakillari), «qalb» va «aql» to‘qnashuvi, ikki madaniy an’anada burch manbalari hamda yozuvchilar badiiy psixologizmining o‘ziga xosligi tahlil qilinadi.

Kalit so‘zlar: *madaniyatlar muloqoti, tipologik qiyoslash, A. Qodiriy, I. S. Turgenev, axloqiy tanlov, badiiy psixologizm, qalb va aql.*

Abstract. *Using the novels "The Days Gone By" by A. Qodiriy and "A Nest of Gentlefolk" by I. S. Turgenev, the article examines the category of the hero's moral choice. The comparison is typological: it rests on similar artistic solutions rather than on a proven influence of one author on the other. The article analyses key scenes, the system of characters (heroes, heroines, antagonists, representatives of the older generation), the conflict of "heart" and "mind", the sources of duty in the two cultural traditions, and the features of the writers' artistic psychologism.*

Keywords: *dialogue of cultures, typological comparison, A. Qodiriy, I. S. Turgenev, moral choice, artistic psychologism, heart and mind.*

Введение. Литературный процесс никогда не был замкнут в пределах одного государства или языка. Диалог культур возникает там, где произведения разных народов обращаются к общим духовно-нравственным вопросам и при этом сохраняют национальную самобытность. Один из таких вопросов — нравственный выбор человека, оказавшегося между личным чувством и обязательствами перед семьёй, обществом, верой.

Цель статьи — сопоставить решение этого вопроса в романе Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» и в романе Ивана Сергеевича Тургенева «Дворянское гнездо». Следует оговорить характер сопоставления. Сведений о непосредственном влиянии Тургенева на Кадыри в настоящей работе не приводится, поэтому речь идёт о типологических параллелях, то есть о сходстве, возникающем независимо при близких историко-культурных обстоятельствах. Различие между генетическими связями и типологическими схождениями обосновано в трудах В. М. Жирмунского [4]. Роман Кадыри, первый крупный роман в узбекской прозе, соединяет реалистическое изображение быта с романтической возвышенностью чувства; Тургенев строит повествование на тонком анализе душевных состояний.

Анализ построен от сцены к образу: сначала рассматриваются ключевые эпизоды каждого романа, затем сопоставляются герои, героини, антагонисты и представители старшего поколения, после чего выявляются средства психологизма.

Цепь испытаний в романе «Минувшие дни»

Роман Кадыри строится как цепь испытаний, каждое из которых заставляет героя выбирать. Первое испытание задано отцом. Родители Отабека, прежде всего Юсуфбек-хаджи, человек справедливый и верный данному слову, настаивают, чтобы сын женился вторично, ссылаясь на семейные обязательства. Отабек, любящий Кумуш, не может ни ослушаться отца, ни предать жену. Эта сцена трагична именно потому, что в ней сталкиваются два нравственных обязательства, а не добро и зло. Отец в романе не злодей: его беда в том, что добродетель верности слову оборачивается страданием для сына и его семьи.

Свой выбор делает и Кумуш. Согласие на положение жены при второй супруге даётся ей ценой внутренней борьбы: в её отношении к Зайнаб чувство ревности спорит с представлением о должном поведении женщины. Автор не скрывает этой борьбы, и героиня воспринимается как живой человек, а не как безупречный идеал.

Следующие эпизоды переносят выбор Отабека в пространство общественных испытаний. Он вынужден покинуть дом Кумуш, а затем оказывается под угрозой казни, к которой приводят интриги и клевета Хомида, человека, готового за деньги прибегнуть к услугам убийц. Здесь герою противостоит уже не воля близких, а откровенная злая воля, и нравственное испытание состоит в том, чтобы сохранить достоинство. После гибели Кумуш Отабек покидает родительский дом. Последняя сцена романа, поминки по Кумуш, устроенные Юсуфбеком-хаджи, возвращает читателя к теме отцовской ответственности: старшее поколение, определившее судьбу героев, оплакивает последствия собственного решения.

Выбор Лаврецкого и Лизы в «Дворянском гнезде»

Роман Тургенева с первых сцен задаёт религиозно-нравственный фон выбора. Возвращение Лаврецкого в дом Марфы Тимофеевны, где горит лампада перед иконой, воспринимается как возвращение к корням, а церковные службы, на которые приходит герой, становятся смысловыми вехами сюжета. На обедне Лаврецкий впервые ощущает умиротворение, но на вечерне в доме Калитиных остаётся в стороне и уходит озадаченным верой Лизы: его чувство остаётся скорее культурным, а её вера является личной и жизненной.

Любовь героев раскрывается в сценах, где несказанное важнее сказанного. Музыка Лемма, учителя Лизы, выражает чувства точнее слов, а контрастом ей служит молитва Лизы в ночной тишине. В споре Лаврецкого с Паншиным о путях России обнаруживается различие двух типов сознания: глубокого, связанного с почвой и совестью, и блестящего, но поверхностного.

Кульминацией становится цепь событий, в которых личное счастье оказывается совсем близким. Ложное известие о смерти Варвары Павловны открывает Лаврецкому и Лизе возможность любви. Ночная встреча героев и катастрофа следующего дня, возвращение живой жены, разрушают эту надежду. Лиза не спорит с судьбой и принимает отказ от любви как веление совести: счастье, построенное на чужом несчастье, для неё невозможно, и она просит Лаврецкого не порывать с женой. Прощание происходит в церкви, когда Лаврецкий приходит на позднюю службу и видит Лизу, погружённую в молитву, а сам остаётся чужим для молящихся. В эпилоге, спустя годы, герой приходит в знакомый дом, где выросло новое поколение, а затем в монастырь, где видит Лизу: она проходит мимо, не взглянув на него, и лишь едва заметная дрожь ресниц выдаёт, что она почувствовала его присутствие. Этот жест красноречивее любых объяснений.

Сопоставление героев и системы образов

Герои обоих романов совершают выбор в пользу долга, но источник этого долга различен. Для Отабека долг связан с волей отца, честью рода и обычаем. Для Лаврецкого и Лизы он коренится в личной совести и религиозном чувстве вины. Данные различия наглядно видны в сводной таблице.

Критерий	«Минувшие дни» (А. Кадыри)	«Дворянское гнездо» (И. С. Тургенев)
Герой	Отабек, просвещённый сын купца, живущий в рамках семейного и общинного уклада	Лаврецкий, дворянин, вернувшийся на родину после разочарования в браке
Источник долга	Слово отца, честь рода, обычай	Личная совесть, вера, чувство вины перед Богом
Героиня	Кумуш: терпение, борьба с ревностью, принятие судьбы	Лиза: сознательный отказ от счастья, молитва, смирение
Преграда счастью	Давление семьи и злая воля Хомида	Возвращение законной жены, прошлое героя
Старшее поколение	Юсуфбек-хаджи: справедлив, но связан данным словом	Марфа Тимофеевна: прямая, сочувствующая, но бессильная помочь
Финал	Гибель Кумуш, уход Отабека из родительского дома, поминки	Уход Лизы в монастырь, одиночество Лаврецкого

Особый интерес представляют женские образы. Кумуш и Лиза близки глубиной чувства, чистотой и готовностью к жертве. Однако Кумуш — жертва внешних обстоятельств: её судьбу определяют воля старших, интриги врагов и семейный порядок, а её сила проявляется в терпении и в умении сохранить достоинство. Лиза, напротив, делает выбор сама, и её отказ от любви есть акт сознательного самоотречения. Поэтому трагизм Кумуш — трагизм страдательный, а трагизм Лизы — трагизм избранного пути.

Не менее показательно сопоставление антагонистов. Хомид у Кадыри — открытый злодей, чьи мотивы корысть и зависть, и зло в романе имеет конкретное лицо. У Тургенева зло безлико: Варвара Павловна не совершает преступлений, она обаятельна и легкомысленна, и именно будничность её возвращения оказывается разрушительной. Так по-разному осмысливается природа препятствия: у Кадыри счастье губит чужая злая воля, у Тургенева — собственное прошлое и случай.

Близки и фигуры старшего поколения. Юсуфбек-хаджи и Марфа Тимофеевна выступают носителями нравственной меры, каждый по-своему честны и справедливы. Но если Юсуфбек-хаджи сам становится невольным источником беды, связав сына обещанием, то Марфа Тимофеевна лишь сочувствует героям и бессильна им помочь. Наконец, в обоих романах есть верный спутник героя, понимающий его без объяснений: Хасанали рядом с Отабеком и Лемм рядом с Лизой и Лаврецким. Первый воплощает преданность, второй — высшее чувство, переданное музыкой.

Человеческая слабость как источник трагедии

Сила обоих романов в том, что их герои не безупречны. Нравственный выбор в них совершают живые люди, которым свойственны нерешительность, ревность,

усталость, стыд за собственные чувства, и именно эти слабости делают трагедию правдоподобной.

Слабость Отабека — не трусость, а неспособность разорвать связь с родительской волей. Он образован, любит искренне и глубоко, но в решающий момент не находит в себе сил возразить отцу и оказывается между двумя долгами, не умея выбрать ни один из них до конца. Его нерешительность вызвана не отсутствием характера, а воспитанием, в котором почтение к старшим стоит выше личного желания, и читатель одновременно жалеет героя и упрекает его.

Не свободна от слабостей и Кумуш. Обещая смириться с положением жены при второй супруге, она не может подавить ревность и вступает с Зайнаб в молчаливое соперничество. Эта сцена важна для психологической правды образа: идеальная героиня оказывается способна на мелкое чувство, и автор не осуждает её, а показывает, как трудно человеку жить по высоким правилам, когда душа протестует.

У Тургенева человеческая слабость проявляется тоньше. Лаврецкий — человек, которому жизнь не раз ломала волю: он пассивен, склонен к самоиронии и скорее принимает обстоятельства, чем борется с ними. Показательна сцена, в которой он читает в газете известие о смерти жены: вместо скорби он испытывает растерянность и смутный стыд за то, что горя нет, а есть робкая надежда на новую жизнь. Герой судит себя строже, чем его судил бы читатель, и это самосуд, а не торжество.

Лиза Калитина также переживает внутренний разлад. Её сила воли соединена с чувством, что она не вправе быть счастливой: страх перед собственным счастьем, воспитанная религиозностью мнительность, представление о расплате за радость определяют её решение. Здесь слабость и сила неразделимы, и отказ от любви можно читать одновременно как подвиг и как бегство от жизни, что и придаёт образу неоднозначность.

Сравнение показывает, что у Кадыри слабость героев обусловлена давлением среды, а у Тургенева — устройством самой личности, склонной к самоограничению и рефлексии. Но и там и здесь психологическая правда достигается тем, что автор не скрывает противоречий: герои колеблются, ошибаются, стыдятся себя, и их выбор поэтому воспринимается как живой человеческий поступок, а не как иллюстрация морали.

Особенности художественного психологизма

Психологизм Тургенева строится на косвенных средствах: пейзаже, музыке, жесте, паузе, подтексте. Душевное состояние героев передано через образы природы и звуки, которые заменяют прямое объяснение чувств, как в сцене с музыкой Лемма или в финальном эпизоде в монастыре, где вся глубина переживания заключена в одном взгляде, которого не происходит. Кадыри обращается к иным средствам: диалогу, церемонному речевому этикету, обрядовым ситуациям, в которых каждое слово и поступок несут нравственный смысл. Сдержанность Отабека перед отцом, молчаливое терпение Кумуш, формы вежливости, которые соблюдают или нарушают персонажи, раскрывают чувство лучше прямых признаний.

Заключение. Типологическое сопоставление «Минувших дней» и «Дворянского гнезда» показывает, что писатели, принадлежащие к разным культурам и языкам, приходят к близким выводам о цене нравственного выбора. В обоих романах конфликт «сердца» и «разума» не имеет простого решения, а благородство героев проявляется в готовности пожертвовать личным счастьем. Вместе с тем источник долга, природа препятствия и средства психологического изображения у авторов различны: у Кадыри выбор определяется общиной и словом старших, у Тургенева — личной совестью и верой. Именно эта разница делает сопоставление плодотворным: она позволяет увидеть национальную специфику каждой традиции на фоне общих человеческих вопросов.

Список использованной литературы

1. Кадыри А. Минувшие дни. — Ташкент: Шарк, 2018. — 416 с.
2. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. — М.: Наука, 1980–1986.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
4. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. — Л.: Наука, 1979. — 493 с.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. — М.: Искусство, 1970. — 384 с.

РЕКОНСТРУКЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ А.П. ЧЕХОВА

Абдихалимова Захро Шухрат кизи
Шахрисабзский государственный педагогический институт
Шахрисабз, Узбекистан

Аннотация. *В статье предпринимается попытка реконструкции коммуникативной личности А.П. Чехова на основе анализа его эпистолярного наследия, мемуарных свидетельств современников и художественных текстов. Рассматриваются основные параметры коммуникативного поведения писателя: речевые стратегии, тактики вежливости, стилистическое разнообразие, прагматические установки. Выделяются характерные черты чеховской коммуникативной личности – лаконизм, ироническая дистанция, эмпатическая включённость, языковая толерантность. Делается вывод о том, что коммуникативная личность Чехова представляет собой уникальный синтез интеллигентской речевой культуры конца XIX века и индивидуально-авторских черт, оказавших влияние на последующую традицию русской словесности.*

Ключевые слова: *коммуникативная личность, А.П. Чехов, эпистолярное наследие, речевое поведение, языковая личность, коммуникативные стратегии, русская литература.*

Annotatsiya. *Maqolada A.P. Chexovning epistolyar merosi, zamondoshlarining xotiralari va badiiy matnlarini tahlil qilish asosida uning kommunikativ shaxsiyatini qayta tiklashga harakat qilingan. Yozuvchining kommunikativ xulq-atvorining asosiy parametrlari ko‘rib chiqiladi: nutq strategiyalari, xushmuomalalik taktikasi, stilistik xilma-xillik va*

pragmatik munosabatlar. Chexovning kommunikativ shaxsiyatining o‘ziga xos xususiyatlari hisoblangan lakonizm, istehzoli masofa, empatik inklyuzivlik va lingvistik bag‘rikenglik kabilar haqida so‘z boradi. Chexovning kommunikativ shaxsiyati XIX -asr oxiridagi ziyolilarning nutq madaniyati va rus adabiyotining keyingi an’analariga ta’sir ko‘rsatgan individual mualliflik xususiyatlarining noyob sintezini ifodalaydi degan xulosaga kelingan.

Kalit so‘zlar: *kommunikativ shaxsiyat, A.P. Chexov, epistolyar merosi, nutq xatti-harakati, lingvistik shaxsiyat, kommunikativ strategiyalar, rus adabiyoti.*

Abstract. *The article attempts to reconstruct the communicative personality of A.P. Chekhov based on the analysis of his epistolary heritage, memoir evidence of contemporaries and literary texts. The main parameters of the writer's communicative behavior are considered: speech strategies, politeness tactics, stylistic diversity, pragmatic attitudes. Characteristic features of Chekhov's communicative personality are identified – laconism, ironic distance, empathic involvement, linguistic tolerance. The conclusion is drawn that Chekhov's communicative personality represents a unique synthesis of the intelligentsia speech culture of the late 19th century and individual authorial features that influenced the subsequent tradition of Russian literature.*

Keywords: *communicative personality, A.P. Chekhov, epistolary heritage, speech behavior, linguistic personality, communicative strategies, Russian literature.*

Введение. Антропоцентрическая парадигма современного гуманитарного знания обусловила устойчивый интерес исследователей к феномену языковой и – шире – коммуникативной личности. Понятие «коммуникативная личность», введённое в научный оборот В.И. Карасиком, В.П. Конецкой, В.В. Красных и развиваемое в работах последних десятилетий, позволяет описать человека не только как носителя языка, но и как субъекта дискурсивной деятельности, обладающего индивидуальной системой коммуникативных предпочтений, стратегий и ценностей.

Реконструкция коммуникативной личности выдающегося писателя представляет особый научный интерес, поскольку даёт возможность через анализ сохранившихся текстов восстановить целостный образ говорящего субъекта, его речевую манеру, прагматические установки и ценностные ориентиры. А.П. Чехов как объект подобного анализа представляет уникальный случай: писатель оставил после себя обширное эпистолярное наследие – более четырёх с половиной тысяч писем, многочисленные дневниковые записи, художественные произведения, в которых отчётливо проступает индивидуальный голос автора.

Цель настоящей статьи – реконструировать основные параметры коммуникативной личности А.П. Чехова на основе комплексного анализа эпистолярных, мемуарных и художественных источников. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определить теоретико-методологические основания реконструкции коммуникативной личности; выявить доминантные черты речевого поведения А.П. Чехова; описать характерные коммуникативные стратегии и тактики писателя; обозначить место чеховской коммуникативной личности в контексте русской речевой культуры конца XIX – начала XX века.

1. Теоретические основания реконструкции коммуникативной личности

Понятие коммуникативной личности, восходящее к концепции языковой личности Ю.Н. Караулова, представляет собой более узкое, но одновременно более операциональное понятие. Если языковая личность характеризуется через три уровня – вербально-семантический, лингвокогнитивный (тезаурусный) и мотивационный, – то коммуникативная личность описывается через параметры коммуникативного поведения: репертуар речевых жанров, стратегии и тактики общения, систему коммуникативных ценностей, нормы речевого этикета.

В.И. Карасик определяет коммуникативную личность как «обобщённый образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций». В рамках данного подхода личность писателя реконструируется на основе совокупности его текстов, причём наибольшую ценность представляют тексты непосредственной коммуникации – письма, записные книжки, мемуарные свидетельства собеседников.

Методологически реконструкция коммуникативной личности А.П. Чехова опирается на следующие принципы: 1) принцип источниковедческой комплексности – привлечение разнородных источников (эпистолярных, мемуарных, художественных); 2) принцип контекстуальности – учёт исторического, социокультурного и биографического контекста; 3) принцип триангуляции – сопоставление автохарактеристик писателя с внешними свидетельствами; 4) принцип дискурсивной адекватности – анализ речевого поведения с учётом коммуникативной ситуации.

2. Эпистолярное наследие как источник реконструкции

Эпистолярное наследие А.П. Чехова представляет собой исключительный по объёму и качеству материал для реконструкции коммуникативной личности писателя. Полное собрание сочинений и писем содержит двенадцать томов эпистолярия, охватывающего период с 1875 по 1904 год. Адресатами Чехова выступали члены семьи, литераторы (А.С. Суворин, М. Горький, И.А. Бунин, Л.Н. Толстой, В.Г. Короленко), театральные деятели (К.С. Станиславский, Вл.И. Немирович-Данченко, О.Л. Книппер), издатели, врачи, общественные деятели.

Жанровое и стилистическое разнообразие чеховских писем поражает исследователей. Письма к брату Александру окрашены в иронически-фамильярные тона, отличаются обилием каламбуров, прозвищ, языковой игры. Письма к А.С. Суворину представляют образец интеллектуальной публицистики, где обсуждаются вопросы литературы, философии, общественной жизни. Письма к О.Л. Книппер демонстрируют лирическую теплоту, тщательно скрываемую за иронией. Деловая переписка с издателями выдержана в подчёркнуто корректном, лаконичном стиле.

3. Доминантные черты коммуникативного поведения А.П. Чехова

Систематизация результатов анализа эпистолярного наследия и мемуарных источников позволяет выделить пять основных параметров коммуникативной личности писателя, представленных в таблице 1.

Таблица 1 – Параметры коммуникативной личности А.П. Чехова

Параметр	Содержание	Языковые / поведенческие маркеры

Параметр	Содержание	Языковые / поведенческие маркеры
Лаконизм	Экономия речевых средств, точность формулировок	Простой синтаксис, отсутствие риторических украшений, краткие письма
Ироническая дистанция	Мягкая ирония и самоирония как способ установления дистанции	Каламбуры, шутливые подписи («Антуан», «Schopenhauer»), иронические автохарактеристики
Эмпатическая включённость	Внимание к адресату, сочувственное отношение	Поддерживающие реплики, врачебная практика, благотворительность, поездка на Сахалин
Языковая толерантность	Уважение к чужому слову и манере речи	Отсутствие нормативного диктата, корректное редактирование чужих текстов
Демократизм	Равенство в общении вне зависимости от статуса	Корректность в общении с разными социальными слоями, отсутствие сословной чванливости
Стилистическая гибкость	Адаптация речевого регистра к адресату и ситуации	Различная тональность писем к братьям, А.С. Суворину, О.Л. Книппер, издателям

3.1. Лаконизм. Известный чеховский афоризм «Краткость – сестра таланта», прозвучавший в письме к брату Александру (1889), стал девизом не только литературного, но и эпистолярного, и устного речевого поведения писателя. Современники единодушно отмечают немногословность Чехова в разговоре, его склонность к точной, экономной формулировке мысли. И.А. Бунин вспоминал, что Чехов «не любил длинных разговоров, длинных писем, длинных рассуждений». Языковая экономия проявляется на всех уровнях: лексическом (избегание избыточных синонимических нагромождений), синтаксическом (преобладание простых и сложноподчинённых предложений умеренной длины), композиционном (отсутствие риторических украшений, прямой переход к сути).

3.2. Ироническая дистанция. Ирония является одной из системообразующих черт чеховской коммуникативной личности. Она проявляется как в самоиронии (характеристика собственной литературной деятельности, описание физических недугов в письмах последних лет), так и в иронической оценке окружающего мира. Чеховская ирония, в отличие от романтической или сатирической, носит мягкий, преимущественно сочувственный характер; она устанавливает дистанцию между говорящим и предметом речи, но не разрушает эмпатическую связь с собеседником.

3.3. Эмпатическая включённость. За внешней сдержанностью и иронической дистанцией скрывается глубокая эмпатическая чувствительность Чехова. Письма писателя свидетельствуют о его внимании к адресату, способности тонко чувствовать чужое настроение, выбирать слова, способные ободрить, поддержать, утешить. Поездка на Сахалин (1890), систематическая врачебная практика, благотворительная деятельность в Мелихове, помощь голодающим крестьянам – всё это коммуникативно-деятельностные проявления эмпатии писателя.

3.4. Языковая толерантность. Чехов проявляет в речевом поведении высокую языковую толерантность – уважение к чужому слову, чужой манере выражения. В его письмах редко встречаются прямые языковые оценки собеседников, нет следов ригоризма или нормативного диктата. При этом сам Чехов был последовательным сторонником чистоты и точности литературного языка, что проявлялось в редакторской работе с собственными текстами и в советах молодым литераторам.

3.5. Демократизм речевого поведения. Сын лавочника, внук крепостного, Чехов сохранял в речевом поведении демократические установки, чуждые сословной чванливости. Он одинаково корректно общался с представителями разных социальных слоёв – крестьянами, рабочими-строителями в Мелихове, прислугой, интеллигенцией, аристократами. Эта черта во многом определяет универсальную привлекательность чеховского голоса для читателей разных эпох и культур.

4. Коммуникативные стратегии и тактики

Анализ эпистолярного наследия позволяет выделить ряд устойчивых коммуникативных стратегий, характеризующих речевое поведение А.П. Чехова. Стратегия минимизации лица – стремление избегать самовозвышения, акцентирования собственных заслуг, что проявляется в систематическом самоумалении («моя водевильная пьеска», «мои рассказики»). Стратегия позитивной вежливости – внимание к адресату, использование тактик одобрения, поддержки, проявления интереса к делам собеседника. Стратегия ухода от конфликта – предпочтение мягких форм несогласия, использование иронии вместо прямой критики, готовность к компромиссу.

Среди коммуникативных тактик особо выделяются: тактика комплимента (часто иронически окрашенного), тактика самоиронии как способа установления равноправного контакта, тактика конкретизации (предпочтение конкретных образов отвлечённым рассуждениям), тактика дидактического сдерживания (нежелание поучать, навязывать собственное мнение).

Заключение. Реконструкция коммуникативной личности А.П. Чехова на основе комплексного анализа эпистолярных, мемуарных и художественных источников позволяет выделить ряд её сущностных характеристик. Чеховская коммуникативная личность представляет собой синтез высокой коммуникативной компетенции, способности к стилистическому варьированию в зависимости от адресата и ситуации, последовательной этической установки на уважение к собеседнику.

Доминантные черты – лаконизм, ироническая дистанция, эмпатическая включённость, языковая толерантность, демократизм – формируют узнаваемый коммуникативный портрет, оказавший существенное влияние на последующую традицию русской словесности и шире – на интеллигентскую речевую культуру XX

века. Изучение коммуникативной личности писателей такого масштаба, как Чехов, представляет не только историко-литературный, но и культурологический, лингводидактический интерес, поскольку даёт материал для формирования речевого идеала современного носителя языка.

Список использованной литературы

1. Бунин И.А. О Чехове: Незаконченная рукопись. – М.: Чеховский издательский дом, 2014. – 256 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
4. Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 261 с.
5. Конецкая В.П. Социология коммуникации. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
7. Кубасов А.В. Проза А.П. Чехова: искусство стилизации. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1998. – 399 с.
8. Паперный З.С. Записные книжки Чехова. – М.: Советский писатель, 1976. – 391 с.
9. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 492 с.
10. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. – М.: Наука, 1974–1983.
11. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. – М.: Наука, 1971. – 291 с.
12. Чудаков А.П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. – М.: Советский писатель, 1986. – 379 с.

ИДЕОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ: “АННА КАРЕНИНА” КАК ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТОЛСТОГО

Базарова Нодира Шамсиена
старший преподаватель кафедры русского языка и литературы
Бозорова Бибихоним Бахтиер кизи
магистрант
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье «Идеостилистический портрет женщины: “Анна Каренина” как поле исследования Толстого» рассматривается концепт «женщина» как один из центральных в романе Л. Н. Толстого – не в качестве статичного литературного конструкта, а как динамическое воплощение идеологических и нравственных смыслов. На материале ключевых женских образов (Анны Карениной, Кити Щербацкой, Долли Облонской, Бетси Тверской) раскрывается специфика идеостиля Толстого: его философская позиция, система морально-нравственных ценностей и художественные приёмы (психологическая деталь, ирония, авторские отступления). Особое внимание уделено тому, как через тонкие штрихи – интонации, взгляды, паузы, жесты – автор передаёт внутренний разлад и противоречия женской души, избегая прямолинейных оценок и доверяя читателю самостоятельное осмысление. Показано, как контрастные образы выстраивают шкалу женского опыта: от подлинной нравственной работы до светского притворства. Статья демонстрирует, что «Анна Каренина» – это не только эпическое полотно жизни русского общества XIX века, но и глубокое исследование женской природы, раскрывающее вечные вопросы любви, брака, долга и поиска смысла жизни.*

Ключевые слова: *идеостиль, женские образы, внутренний конфликт, литературная характерология, нравственные ценности, психологическая деталь, художественный приём*

.

Annotatsiya. *«Ayolning ideostilistik portreti: “Anna Karenina” Tolstoy tadqiqotining obyekti sifatida» maqolasida L. N. Tolstoy romanidagi markaziy tushunchalardan biri bo‘lgan «ayol» konsepti ko‘rib chiqiladi – u statik adabiy konstrukt sifatida emas, balki g‘oyaviy va axloqiy ma’nolarning dinamik gavdalanishi sifatida tahlil etiladi. Asosiy ayol obrazlari (Anna Karenina, Kiti Shcherbatskaya, Dolli Oblonskaya, Betsi Tverskaya) materiali asosida Tolstoy ideostilining o‘ziga xosligi: uning falsafiy pozitsiyasi, ma’naviy-axloqiy qadriyatlar tizimi va badiiy usullari (psixologik detal, ironiya, muallif chekinishlari) ochib beriladi. Muallif to‘g‘ridan-to‘g‘ri baho berishdan qochgan holda, nozik chizgilar – intonatsiya, qarashlar, pauzalar, xatti-harakatlar orqali ayol ruhining ichki qarama-qarshiliklari hamda ziddiyatlarini qanday yetkazgani va xulosani kitobxonning o‘ziga havola etgani alohida e’tibor markazida bo‘ladi. Qarama-qarshi obrazlar ayollik tajribasi shkalasini – haqiqiy axloqiy mehnatdan tortib kiborlar jamiyatidagi soxtalikkacha qanday shakllantirishi ko‘rsatib berilgan. Maqola «Anna Karenina» nafaqat XIX asr rus jamiyati*

hayotining epik tasviri, balki ayol tabiatining chuqur tadqiqoti bo‘lib, sevgi, nikoh, burch va hayot mazmunini izlash kabi abadiy savollarni ochib berishini ko‘rsatadi.

Kalit so‘zlar: *ideostil, ayol obrazlari, ichki konflikt, adabiy xarakterologiya, axloqiy qadriyatlar, psixologik detal, badiiy usul.*

Abstract. *The article "The Ideostylic Portrait of a Woman: 'Anna Karenina' as a Field of Tolstoy's Research" examines the concept of "woman" as one of the central themes in L. N. Tolstoy's novel – not as a static literary construct, but as a dynamic embodiment of ideological and moral meanings. Based on the material of key female characters (Anna Karenina, Kitty Shcherbatskaya, Dolly Oblonskaya, Betsy Tverskaya), the article reveals the specifics of Tolstoy's ideostyle: his philosophical position, system of moral values, and artistic devices (psychological detail, irony, authorial digressions). Special attention is paid to how, through subtle touches—intonations, glances, pauses, gestures – the author conveys the inner discord and contradictions of the female soul, avoiding straightforward judgments and trusting the reader to interpret independently. It is shown how contrasting images build a scale of female experience: from genuine moral work to high-society pretense. The article demonstrates that "Anna Karenina" is not only an epic canvas of 19th-century Russian society, but also a profound study of female nature, revealing eternal questions of love, marriage, duty, and the search for the meaning of life.*

Keywords: *ideostyle, female characters, inner conflict, literary characterology, moral values, psychological detail, artistic device.*

Введение. Роман Льва Николаевича Толстого “Анна Каренина” – это не просто эпическое полотно жизни русского общества XIX века, но и глубочайшее погружение в вечные вопросы бытия, страстей и моральных ориентиров. Неоспоримо, что среди многообразия тем, поднятых писателем, концепт “женщина” занимает одно из центральных мест, становясь объектом пристального, многоаспектного исследования через призму уникального идеостиля Толстого. Именно в “Анне Карениной” этот идеостиль раскрывается во всей своей сложности, превращая роман в истинное поле исследования толстовского видения женской природы, ее фундаментальной роли в социуме и неповторимой траектории индивидуальной судьбы.

Идеостиль Толстого, как известно, представляет собой неразрывное единство авторской философии, системы морально-нравственных ценностей и неповторимых художественных средств воплощения. В контексте “Анны Карениной” он работает как мощный инструмент, позволяющий воспринимать образ женщины не как статичный литературный конструкт, а как носителя определенной идеологии, как живое воплощение как нравственных высот, так и глубочайших безнравственных падений. В рамках романа Толстой с поразительным мастерством задействует весь арсенал стилистических приемов: от филигранной детализации психологического портрета до тонкой, зачастую обезоруживающей иронии и глубоких авторских отступлений. Все это призвано служить одной цели – обнажить, раскрыть и осмыслить сложные, порой мучительные противоречия женской души.

Центральной фигурой этого глубоко идеостилистического исследования, несомненно, является Анна Каренина. Её образ – это не застывшая скульптура, а пульсирующий, развивающийся динамический процесс, отражающий неустанную,

зачастую отчаянную внутреннюю борьбу. Эта борьба разворачивается между жесткими рамками социальных норм и устоявшихся правил, между всепоглощающими, инстинктивными личными желаниями и фундаментальными, часто неосознанными моральными установками. Важно подчеркнуть, что Толстой намеренно избегает прямолинейных, однозначных авторских оценок. Вместо этого, он виртуозно направляет читательское восприятие через тонкую стилистику повествования, тщательный выбор слов, досконального описание жестов и мимики. Именно эти детали подвигают читателя к глубокому, самостоятельному пониманию. Первый раз, когда Анна предстает перед нами на балу, её образ поражает своей внешней, почти гипнотической притягательностью. Однако, в этом ослепительном сиянии уже проглядывает некая скрытая тревога, предчувствие грядущей бури: «Она была оживлена, возбуждена, и в то же время было что-то такое, что ее заставляло краснеть и колебаться…» [5]

Это неопределенное «что-то» становится ключом к её будущей судьбе, предвестником разворачивающейся драмы, знаком того, что под безупречной внешней гармонией уже зреет внутренний разлад, обреченный на трагическое развитие. Толстой, как истинный художник слова, использует эту кажущуюся незначительной деталь, чтобы создать многогранный, глубоко психологичный образ, полный внутренних противоречий.

Это «что-то» – предвестник грядущих событий, знак того, что внешняя гармония скрывает внутренний разлад. Толстой виртуозно передаёт это через тонкие детали, создавая сложный, многогранный образ. Уже в первых сценах романа бытовая, почти камерная ситуация (семейный разлад в доме Облонских) становится метафорой более глубокого кризиса: частная драма разрастается до масштаба нравственного перелома эпохи. Писатель не прибегает к прямым декларациям – он показывает напряжение через мелочи: интонации, взгляды, паузы, жесты. Например, смятение Долли, её молчаливые слёзы и попытки сохранить достоинство в унизительной ситуации говорят о конфликте сильнее любых обвинений. Именно в этой сдержанности и проявляется идеостиль Толстого: он доверяет читателю способность увидеть за бытовым – экзистенциальное, за частным – общее.

В противовес Анне образ Катерины Александровны Щербацкой, или Кити, представляет собой иной идеологический полюс. Кити воплощает традиционные женские добродетели: скромность, преданность, стремление к семейному счастью. Толстой изображает её с теплотой и симпатией, подчёркивая её естественность и чистоту: «Ей хотелось быть любимой, и она боялась, что её не любят» [5]. Эта простая, но глубокая мысль отражает её искренность и уязвимость, которые Толстой ценил в женской натуре. Путь Кити – это не статичный идеал, а живая эволюция: от юношеской растерянности и болезненного самолюбия (её разочарование в Вронском, обида на Левина) к постепенному взрослению и обретению внутренней опоры. В сценах с Левиным Толстой особенно тонко фиксирует моменты, когда слова уступают место молчанию, а понимание рождается из общей тишины и совместной работы. Так, бытовые заботы, разговоры о хозяйстве, даже мелкие ссоры становятся для Кити школой любви – не романтической, а подлинной, требующей терпения и самоотдачи. Идеостиль автора здесь проявляется в отказе от пафоса: он не возводит Кити на

пьедестал, а показывает её путь как трудный, но органичный процесс нравственного становления.

Однако исследование женской природы в «Анне Карениной» не ограничивается только этими двумя фигурами. Важны и другие женские персонажи, каждый из которых дополняет общую картину. Долли Облонская – это образ женщины, вынужденной ежедневно лавировать между долгом и болью, между сохранением семьи и личными страданиями. Её жизнь полна разочарований и компромиссов, но именно в ней Толстой раскрывает силу тихой, незаметной добродетели: умение прощать, заботиться, сохранять тепло в доме вопреки всему. Бетси Тверская, напротив, олицетворяет светскую холодность и расчётливость. Её мир – это пространство масок, где чувства заменяются правилами приличия, а искренность воспринимается как слабость. Через контраст этих образов Толстой выстраивает целую шкалу женского опыта: от подлинной нравственной работы (Долли, Кити) до пустоты светского притворства (Бетси).

Каждый образ – это штрих в общей мозаике толстовского видения, позволяющий понять, как автор разграничивает истинную женственность от её имитации, искренность от притворства. При этом Толстой не стремится к однозначным оценкам: даже в Бетси он замечает не только пороки, но и человеческие слабости, а в Долли подчёркивает не только добродетель, но и усталость, и горечь. Такой подход отражает его философскую позицию: он не судит, а исследует; не выносит приговоры, а показывает сложность человеческой природы.

Анализируя идеостиль Толстого в «Анне Карениной», мы видим, что он стремится не просто описать женщин, но и передать их внутренний мир, их мотивации, их страдания и радости. Автор не идеализирует своих героинь, но и не осуждает их бездушно. Он показывает, как их поступки, их выбор, их судьба тесно связаны с их внутренним состоянием, с их пониманием нравственных законов. Психологизм Толстого строится на внимании к противоречиям: в одной и той же героине уживаются сила и слабость, гордость и уязвимость, желание быть счастливой и страх перед собственным выбором. Именно эта многослойность делает женские образы романа столь живыми и убедительными.

Заключение. Таким образом, «Анна Каренина» действительно является бесценным полем для исследования идеостиля Толстого в контексте его отношения к женщине. Через мастерское владение языком, глубокий психологизм и авторскую рефлексию Толстой создаёт галерею женских образов, которые продолжают волновать и заставлять задуматься читателей по всему миру. Эти героини раскрывают вечные вопросы о любви, браке, долге и поиске смысла жизни, и каждый читатель находит в них что-то своё – будь то сочувствие, узнавание или внутренний спор с автором.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Художественная литература, 1972.
2. Бочаров С. Г. Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: комментарий // Толстой Л. Н. Анна Каренина. — М., 1987.

3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. — М.: Искусство, 1970.
4. Строганова Е. Н. Женские образы в русской литературе XIX века: идеология и поэтика. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2010.
5. Толстой Л. Н. Анна Каренина: роман. — Любое академическое или комментированное издание.
6. Чичерин А. В. Идеи и формы в творчестве Толстого // Чичерин А. В. Сила поэтического слова: статьи, воспоминания. — М.: Советский писатель, 1985.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПОВТОРОВ, ПАРЦЕЛЛЯЦИИ И УСЕЧЁННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. ДОВЛАТОВА

Джураев Шахрух Нурсахатович
магистрант
Пардаева Дилфуза Раимовна
доктор филологических наук (DSc), доцент
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В данной работе рассматриваются стилистические особенности художественного языка Сергея Довлатова, в частности роль повторов, парцелляции и усечённых синтаксических конструкций. Анализируется их влияние на выразительность художественного текста, создание разговорной интонации, передачу эмоционального состояния персонажей и формирование индивидуального авторского стиля. Особое внимание уделяется функциям синтаксических средств в произведениях «Чемодан», «Компромисс», «Заповедник» и «Зона». Установлено, что повторы, парцелляция и усечённые конструкции выступают важными средствами художественной организации повествования, усиливают смысловые акценты и способствуют созданию иронического эффекта.*

Ключевые слова: *Сергей Довлатов, художественный стиль, синтаксис, стилистика, повтор, парцелляция, усечённые конструкции, экспрессивность, разговорная речь, авторская ирония.*

Annotatsiya. *Ushbu ishda Sergey Dovlatov badiiy tilining uslubiy xususiyatlari, xususan, takrorlar, parselyatsiya va qisqartirilgan sintaktik konstruksiyalarning o‘rni hamda ahamiyati ko‘rib chiqiladi. Ularning badiiy matn ifodaliligiga, so‘zlashuv ohangini yaratishga, qahramonlarning hissiy holatini aks ettirishga va yozuvchining individual mualliflik uslubini shakllantirishga ta’siri tahlil qilinadi. «Chamadon», «Kompromiss», «Qo‘riqxona» va «Zona» asarlarida sintaktik vositalarning bajaradigan vazifalariga alohida e’tibor qaratiladi. Tadqiqot natijasida takrorlar, parselyatsiya va qisqartirilgan sintaktik konstruksiyalar badiiy bayonni tashkil etishning muhim vositalari ekanligi, ular mazmuniy urg‘ularni kuchaytirishi hamda kinoyaviy ta’sirni yuzaga keltirishga xizmat qilishi aniqlanadi.*

Kalit so‘zlar*: Sergey Dovlatov, badiiy uslub, sintaksis, stilistika, takror, parselyatsiya, qisqartirilgan konstruksiyalar, ekspressivlik, so‘zlashuv nutqi, muallif kinoyasi.*

Abstract.*This paper examines the stylistic features of Sergei Dovlatov's literary language, with particular emphasis on the role of repetition, parcellation, and truncated syntactic constructions. It analyzes their influence on the expressiveness of literary texts, the creation of conversational intonation, the representation of characters' emotional states, and the formation of the author's individual writing style. Special attention is paid to the stylistic functions of syntactic devices in Dovlatov's works The Suitcase, The Compromise, Pushkin Hills, and The Zone. The study establishes that repetition, parcellation, and truncated syntactic constructions serve as important means of organizing literary narration, emphasizing key semantic elements, and contributing to the creation of ironic effects.*

Keywords*: Sergei Dovlatov, literary style, syntax, stylistics, repetition, parcellation, truncated constructions, expressiveness, conversational speech, authorial irony*.

Введение. Сергей Довлатов занимает особое место в русской литературе второй половины XX века. Его произведения отличаются лаконичностью, выразительностью, ироничностью и своеобразной организацией художественной речи. Одной из характерных особенностей прозы писателя является стремление к простоте языкового выражения при сохранении глубокого философского и психологического содержания. Индивидуальный стиль С. Довлатова формируется благодаря особому использованию лексических и синтаксических средств. Значительную роль в его произведениях играют повторы, парцелляция и усечённые конструкции. Эти средства позволяют автору передавать особенности живой разговорной речи, создавать эмоциональную напряжённость, выделять важные смысловые элементы и усиливать иронический характер повествования.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения синтаксических особенностей художественной прозы С. Довлатова и определения роли экспрессивных конструкций в формировании индивидуального авторского стиля.

Цель исследования - выявить и охарактеризовать стилистические функции повторов, парцелляции и усечённых конструкций в произведениях С. Довлатова.

Основная часть. Одной из характерных черт прозы Сергея Довлатова является синтаксическая лаконичность. Писатель часто использует короткие предложения, диалогические формы, неполные конструкции и выразительные синтаксические сочетания. Благодаря этому его повествование приобретает естественность, динамичность и интонационную близость к устной речи [1].

Особое место в художественном языке писателя занимают повторы. Повтор представляет собой стилистический приём, основанный на намеренном воспроизведении одного и того же слова, словосочетания или синтаксической конструкции [2]. В художественном тексте повтор выполняет эмоционально-экспрессивную, смысловыделительную и ритмообразующую функции [3]. В произведениях С. Довлатова повторы способствуют акцентированию внимания

читателя на важных деталях повествования. Они используются для передачи внутреннего состояния персонажей, усиления выразительности диалогов и создания особого ритма художественной речи.

В сборнике «Чемодан» повторяющиеся речевые модели и мотивы помогают объединять отдельные истории в единое повествовательное пространство. Каждый предмет становится поводом для воспоминания о прошлом, а повторяемость жизненных ситуаций подчёркивает противоречивость человеческого существования [4].

В произведении «Компромисс» повторы участвуют в создании сатирического эффекта. Сопоставление официального газетного сообщения с реальными обстоятельствами событий позволяет обнаружить противоречия между идеологизированным языком и повседневной действительностью [5].

Повторяющиеся речевые формулы становятся средством критического изображения бюрократической системы.

Наряду с повторами важную стилистическую роль в прозе Довлатова играет парцелляция. Парцелляция представляет собой намеренное расчленение единой синтаксической конструкции на несколько самостоятельных интонационно-смысловых отрезков. При этом отдельная часть высказывания оформляется как самостоятельное предложение, хотя сохраняет тесную грамматическую и смысловую связь с основной конструкцией [6]. Например, условную парцеллированную конструкцию можно представить следующим образом: «Он хотел уехать. Навсегда. Без сожаления». В данном примере отдельные компоненты усиливают эмоциональную значимость высказывания и акцентируют внимание на решительности действия. Этот пример является иллюстрацией синтаксического приёма, а не цитатой из произведений Довлатова.

В прозе С. Довлатова парцелляция выполняет несколько важных функций. Прежде всего, она способствует созданию разговорной интонации. Благодаря расчленённой структуре предложения повествование становится более естественным и приближённым к живой речи. Кроме того, парцелляция позволяет выделять отдельные детали, усиливать эмоциональное воздействие текста и создавать эффект неожиданности. Особенно заметно это в иронических эпизодах, где короткая заключительная конструкция способна изменить смысл предыдущего высказывания [7].

Третьим важным средством организации повествования у С. Довлатова являются усечённые конструкции. Усечёнными (неполными, эллиптическими) называют конструкции, в которых опущен компонент, легко восстанавливаемый из контекста или речевой ситуации [8]. В отличие от парцелляции, связанной прежде всего с интонационным выделением, усечение основано на экономии языковых средств. Автор не договаривает то, что читатель способен достроить самостоятельно, и тем самым придаёт тексту динамичность, разговорность и подтекст. В иронических эпизодах недосказанность превращает читателя в соучастника авторской шутки.

Эти функции особенно заметны в диалогах и коротких репликах персонажей, характерных для произведений «Заповедник» и «Зона». Так, в начале «Заповедника» на деликатный намёк экскурсовода, где можно найти туалет, попутчик рассказчика отвечает

неполной репликой: «В смысле – уборная?». В ней опущены компоненты, понятные из ситуации, поэтому реплика звучит как живая устная речь, а прямое слово «уборная» иронически снимает эвфемизм экскурсовода [9]. Повторы, парцелляция и усечённые конструкции действуют в тексте не изолированно, а как единая система. Усечение сжимает фразу, повтор задаёт ритм и накапливает оценку, парцелляция выделяет смысловой центр и завершает высказывание ироническим акцентом. Именно их сочетание создаёт узнаваемую довлатовскую манеру: краткую, выразительную и внешне непринуждённую.

Заключение. Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, повторы, парцелляция и усечённые конструкции являются важными синтаксическими средствами формирования индивидуального стиля С. Довлатова. Во-вторых, повторы выполняют ритмообразующую и смыслоподчёркивающую функции и участвуют в создании сатирического эффекта; парцелляция формирует разговорную интонацию и эффект неожиданности; усечённые конструкции обеспечивают лаконизм, динамику и подтекст. В-третьих, взаимодействие этих приёмов определяет краткую, экспрессивную и иронически окрашенную манеру повествования писателя.

Список использованной литературы

1. Довлатов, С. Д. Чемодан: повесть / С. Д. Довлатов. - СПб.: Азбука, 2020. - 160 с.
2. Довлатов, С. Д. Компромисс: сборник / С. Д. Довлатов. - СПб.: Азбука, 2021. - 224 с.
3. Довлатов, С. Д. Заповедник: повесть / С. Д. Довлатов. - СПб.: Азбука, 2019. - 192 с.
4. Довлатов, С. Д. Зона. Записки надзирателя / С. Д. Довлатов. - СПб.: Азбука, 2022. - 192 с.
5. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. - М.: Наука, 1980. - 360 с.
6. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка / И. Р. Гальперин. - М.: Высшая школа, 1981. - 316 с.
7. Розенталь, Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. - М.: Высшая школа, 1987. - 399 с.
8. Солганик, Г. Я. Стилистика текста: учебное пособие / Г. Я. Солганик. - М.: Флинта : Наука, 1997. 256 с.
9. Валгина, Н. С. Теория текста : учебное пособие / Н. С. Валгина. - М.: Логос, 2003. - 280 с.
10. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. - М.: Флинта, Наука, 2002. - 384 с.

BADIIY ADABIYOTDA MOTIV TUSHUNCHASI VA UNING SYUJET YARATISHDAGI O‘RNI

Qo‘chqorova Dilafro‘z Marat qizi
Xorijiy tillar fakulteti talabasi
Ilmiy rahbar: **Homidov Humoyun Ramazon o‘g‘li**
Xorijiy tillar fakulteti o‘qituvchisi
Turon universiteti

Annotatsiya. *Maqolada motiv tushunchasining nazariy mohiyati va uning badiiy asar syujetini shakllantirishdagi o‘rni yoritiladi. Motivning mavzu va syujet bilan aloqasi, voqealarni o‘zaro bog‘lash hamda qahramon harakatlarini asoslashdagi vazifalari tahlil qilinadi.*

Kalit so‘zlar: *motiv, syujet, mavzu, kompozitsiya, badiiy asar, qahramon, poetika.*

Аннотация. *В статье раскрываются теоретическая сущность понятия мотива и его роль в формировании сюжета литературного произведения. Анализируются связь мотива с темой и сюжетом, его функции в объединении событий и обосновании поступков персонажей.*

Ключевые слова: *мотив, сюжет, тема, композиция, литературное произведение, персонаж, поэтика.*

Abstract. *The article examines the theoretical meaning of motif and its role in shaping literary plots. It explores the relationship between motif, theme, and plot, focusing on how motifs connect events and provide grounds for characters’ actions.*

Keywords: *motif, plot, theme, composition, literary work, character, poetics.*

Kirish. Badiiy asarning mazmuni va tuzilishini anglashda voqealarning qanday tashkil etilgani, qahramonlar harakatining sabablari hamda takrorlanuvchi ma’no birliklarini aniqlash muhim ahamiyatga ega. Ushbu masalalarni o‘rganishda motiv tushunchasi alohida o‘rin tutadi. Motiv asarning turli qismlarini mazmunan bog‘lash, konfliktni rivojlantirish va muallifning badiiy niyatini ifodalashga xizmat qiladi. Shu sababli uni tadqiq etish syujetning tashqi voqealar ketma-ketligi bilan birga, ichki mazmuniy aloqalarini ham ochib berish imkonini yaratadi. Adabiyotshunoslikda motiv tushunchasi turli nazariy yondashuvlar asosida izohlanadi. Ayrim talqinlarda u takrorlanuvchi voqea yoki vaziyat bilan bog‘lansa, boshqa yondashuvlarda obraz, harakat yoxud ma’no birligi sifatida qaraladi. Mazkur maqolada motiv badiiy matnda muayyan vaziyat, harakat yoki obraz orqali namoyon bo‘lib, voqealarning rivojlanishi va mazmuniy yaxlitligiga ta’sir ko‘rsatuvchi birlik sifatida tushuniladi. Uning takrorlanishi bir asar doirasida ham, turli davr va milliy adabiyotlarga mansub asarlar o‘rtasida ham kuzatilishi mumkin. Motivning nazariy xususiyatlarini aniqlashda uni mavzu va syujetdan farqlash zarur. Mavzu asarda tasvirlanadigan hayotiy masalalar doirasini bildirsa, syujet voqealarning badiiy tashkil etilishini ifodalaydi. Motiv esa shu voqealarni yuzaga keltirish, o‘zaro bog‘lash yoki ularning mazmunini chuqurlashtirishda ishtirok etadi. Masalan, safar motivi qahramonning yangi makon va sinovlarga duch kelishini ta’minlashi, qasos

motivi konfliktni harakatga keltirishi, sirni ochish motivi esa voqealar rivojini muayyan maqsadga yo‘naltirishi mumkin. Biroq motivning syujetdagi vazifasi har bir asarning janri, kompozitsiyasi va badiiy konsepsiyasiga qarab o‘zgaradi.

Tadqiqot metodologiyasi. Ushbu maqolada psixoanalitik, tavsifiy-tahliliy, badiiy-tahliliy, kontekstual tahlil, germenevtik tahlil, psixologik tahlilva matn tahlili metodlaridan foydalanildi.

Natijalar va muhokama. Motiv badiiy asarning mazmuniy va strukturaviy tashkil topishida ishtirok etuvchi muhim poetik birlikdir.[1] U muayyan harakat, vaziyat, obraz yoki kechinma orqali namoyon bo‘lib, voqealar o‘rtasidagi aloqalarni shakllantirishga xizmat qiladi. Biroq motivni asarda uchragan har qanday detal yoki hodisa bilan tenglashtirish to‘g‘ri emas. Muayyan unsur motiv darajasida talqin qilinishi uchun uning matndagi mazmuniy ahamiyati, boshqa unsurlar bilan aloqasi va badiiy yaxlitlikni yaratishdagi vazifasi aniqlanishi lozim.[2] Masalan, yo‘l tasviri oddiy makon belgisi bo‘lishi mumkin; u qahramonning izlanishi, sinovlardan o‘tishi va o‘zgarishi bilan bog‘langanda safar motivining tarkibiy qismiga aylanadi. Motivning nazariy mohiyatini tushunishda Boris Tomashevskiyning qarashlari muhim ahamiyatga ega. Olim “Teoriya literatury. Poetika” asarining tematika haqidagi qismida motivni asarning yanada kichik tematik birliklarga ajratilmaydigan qismining mavzusi sifatida izohlaydi.[7] Ushbu yondashuv motivni asar mazmunini tashkil etuvchi elementar birlik sifatida o‘rganishga imkon beradi. Demak, motiv faqat turli asarlarda takrorlanadigan hodisa emas, balki alohida matnning voqeaviy va mazmuniy tuzilishida ham aniqlanishi mumkin. Motiv, mavzu va syujet o‘rtasidagi munosabat ularning vazifalarini farqlash orqali ochiladi.[8] Mavzu asarda tasvirlangan hayotiy masalalar doirasini belgilaydi. Syujet voqealarning badiiy tashkil etilishi, ularning o‘zaro aloqasi va rivojlanish tartibini ifodalaydi. Motiv esa mazkur voqealarni yuzaga keltirish, bog‘lash yoki ularning ma’nosini chuqurlashtirishda qatnashadi. Masalan, adolatsizlik mavzusidagi asarda yo‘qotish, yordam izlash, aldov va umidsizlik motivlari birgalikda harakat qilishi mumkin. Mavzu asarning umumiy muammosini anglatsa, motivlar ushbu muammoning konkret voqea va vaziyatlarda ochilishiga xizmat qiladi. Motivning syujet yaratishdagi dastlabki vazifasi voqealar rivojiga turtki berishdir.[4] Qahramonning biror narsani yo‘qotishi, noma’lum xabar olishi, taqiqni buzishi yoki safarga chiqishi dastlabki vaziyatni o‘zgartiradi. Natijada qahramon oldida hal etilishi zarur bo‘lgan muammo paydo bo‘ladi. Bunday holatda motiv boshlang‘ich vaziyat bilan keyingi voqealar o‘rtasida bog‘lovchi vazifasini bajaradi. Ammo motivning ahamiyati voqeani boshlab berish bilangina cheklanmaydi: u keyingi harakatlarda o‘zgarib, yangi ma’no kasb etishi ham mumkin.

Tomashevskiy motivlarni fabuladagi vazifasiga ko‘ra bog‘liq va erkin, vaziyatni o‘zgartirish xususiyatiga ko‘ra esa dinamik va statik turlarga ajratadi. Bog‘liq motivlar voqealarning sababiy-vaqt aloqalarini ta’minlaydi; ularni chiqarib tashlash voqealar izchilligiga zarar yetkazadi. Erkin motivlar esa ushbu izchillikni buzmagan holda qisqartirilishi mumkin, biroq ular asarning badiiy ta’siri uchun ahamiyatli bo‘lib qoladi. Dinamik motivlar vaziyatni o‘zgartiradi, statik motivlar esa muayyan holatni tasvirlaydi. Olim bu ikki tasnifni aynanlashtirmaydi: erkin motivlar ko‘pincha statik bo‘lsa-da, har qanday statik motiv erkin hisoblanmaydi. Ushbu tasnifdan kelib chiqib, syujetni faqat faol harakatlar yig‘indisi sifatida tushunish yetarli emas. Qahramonning kutishi, qo‘rquvi yoki biror makonni kuzatishi voqeani bevosita o‘zgartirmasligi mumkin, ammo o‘quvchining keyingi hodisani

qabul qilishiga ta’sir etadi. Masalan, xavfli hodisadan oldingi sukut tasviri tashqi harakatni sekinlashtirib, ruhiy taranglikni kuchaytirishi mumkin. Bunda statik unsur voqeaning hissiy va mazmuniy tayyorgarligini ta’minlaydi. Shu sababli motivning syujetdagi ahamiyati uning qancha harakat yuzaga keltirgani bilangina o‘lchanmaydi. Motivning yana bir muhim vazifasi konfliktni shakllantirish va chuqurlashtirishdir. Qasos motivi qahramonlar o‘rtasidagi qarama-qarshilikni kuchaytirishi, taqiqni buzish motivi inson bilan ijtimoiy yoki axloqiy me’yor o‘rtasidagi ziddiyatni yuzaga chiqarishi mumkin. Qo‘rquv motivi esa tashqi xavf bilan birga ichki kurashni ham ifodalaydi. Qahramonning biror hodisadan qo‘rqishi uning qarorlarini belgilaydi; shu qarorlar yangi voqealarga sabab bo‘ladi. Natijada kechinma va harakat o‘rtasida o‘zaro ta’sir yuzaga keladi.[10]

Motivning syujet yaratishdagi o‘rnini aniqlash uchun uning dastlabki namoyon bo‘lishi, voqealar davomida o‘zgarishi va yakundagi natijasi izchil tekshirilishi kerak. Bunda qahramonning harakati, konfliktning kuchayishi, epizodlar o‘rtasidagi aloqalar va takrorlanuvchi detallar asosiy dalil bo‘lib xizmat qiladi. Shunday tahlil motivni shunchaki nomlashdan uning badiiy mexanizmini tushuntirishga o‘tish imkonini beradi. Natijada syujetning qanday qurilgani bilan birga, nima uchun aynan shu voqealar orqali muayyan mazmun ifodalangani ham ochiladi.

Xulosa. Motiv badiiy asarning mazmuniy va strukturaviy yaxlitligini ta’minlovchi muhim poetik birlikdir. U voqealar rivojiga turtki berish, epizodlarni o‘zaro bog‘lash, konfliktni chuqurlashtirish hamda qahramon xarakterini ochish orqali syujetning shakllanishida ishtirok etadi. Shu jihatdan motivni faqat takrorlanuvchi unsur sifatida izohlash uning badiiy imkoniyatlarini to‘liq qamrab olmaydi. Motivning ahamiyati matndagi vazifasi va voqealar davomida qanday mazmuniy o‘zgarishga uchrashi bilan belgilanadi. Motivni tadqiq etishda uni mavzu, obraz, detal va psixologik motivatsiyadan farqlash metodologik aniqlikni ta’minlaydi. Uning dastlabki namoyon bo‘lishi, boshqa motivlar bilan aloqasi, rivojlanishi va yakundagi vazifasini matniy dalillar asosida o‘rganish zarur. Bunday yondashuv syujetni voqealar ketma-ketligi sifatida tavsiflashdan tashqari, uning ichki mazmuniy bog‘lanishlarini ochib berishga xizmat qiladi.

Foydalangan adabiyotlar ro‘yxati:

1.Арасту. Поэтика. – Т.: “Янги аср авлоди”, 2011. – 352 б.

2.Jo‘raqulov U. Hududsiz jilva. – Toshkent: Fan, 2006. – 174 b.

3.Normatov U. Nasrimiz ufqlari. – T.: Adabiyot va san'at, 1974; 224 b

4.Quronov D. Adabiyot nazariyasi asoslari.– Toshkent: akademnashr, 2018. – 480 b.

5.Quronov D. va boshqalar. Adabiyotshunoslik lug‘ati. – Toshkent: Akademnashr, 2010. – 400 b.

6.Xolliyeva G. Qiyosiy adabiyotshunoslik. – Toshkent: Akademnashr, 2020. – 156 b.

7.Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – Москва: “Высшая школа”, 1989. – 405 с

8.Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – Москва: “Лабиринт”, 2001. – 192 с

9.Жирмунский В.В. Тюркский героический эпос. – Ленинград: “Наука”, 1974. – 728 с

10. Бахтин М. Романда замон ва хронотоп шакллари (Таржимон, сўзбоши, изоҳ ва шарҳлар муаллифи: У.Жўракулов). – Т.: “Akademnashr”, 2015. – 288 б.

ЛИТЕРАТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Расулова Азиза Гофур кизи
студентка 2-курса
Научный руководитель: **Шадманова Алёна Сергеевна**
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Университет экономики и педагогики
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается влияние цифровых технологий на современную культуру чтения и литературоведческие исследования. Особое внимание уделяется изменению способов взаимодействия читателя с художественным текстом в цифровой среде, включая использование электронных библиотек, цифровых архивов, литературных интернет-ресурсов и гипертекстовых форм представления информации. Анализируются преимущества и проблемы цифрового чтения, связанные с нелинейностью, фрагментарностью восприятия и необходимостью сохранения целостного понимания художественного произведения. Рассматриваются возможности цифровой гуманитаристики и концепции «дальнего чтения» для изучения больших массивов литературных текстов. Показано, что цифровые и количественные методы позволяют выявлять новые закономерности литературного процесса, однако не могут полностью заменить традиционное внимательное чтение и литературоведческую интерпретацию.*

Ключевые слова: *цифровизация, цифровые технологии, культура чтения, цифровая гуманитаристика, литературоведение, цифровое чтение, художественный текст, дальнее чтение, электронная литература, литературный анализ.*

Abstract. *The article examines the influence of digital technologies on contemporary reading culture and literary studies. Particular attention is paid to changes in the ways readers interact with literary texts in the digital environment, including the use of electronic libraries, digital archives, literary Internet resources, and hypertextual forms of information presentation. The study analyzes the advantages and challenges of digital reading associated with nonlinear and fragmented perception, as well as the need to preserve a holistic understanding of a literary work. The possibilities of digital humanities and the concept of "distant reading" for studying large collections of literary texts are also considered. The study demonstrates that digital and quantitative methods make it possible to identify new patterns in literary processes; however, they cannot completely replace close reading and literary interpretation.*

Keywords: *digitalization, digital technologies, reading culture, digital humanities, literary studies, digital reading, literary text, distant reading, electronic literature, literary analysis.*

Annotatsiya. *Maqolada raqamli texnologiyalarning zamonaviy kitobxonlik madaniyati va adabiyotshunoslik tadqiqotlariga ta'siri ko'rib chiqiladi. Raqamli muhitda kitobxonning badiiy matn bilan o'zaro munosabatidagi o'zgarishlarga, jumladan, elektron kutubxonalar, raqamli arxivlar, adabiy internet resurslari va axborotni gipermatn shaklida taqdim etish imkoniyatlaridan foydalanishga alohida e'tibor qaratiladi. Raqamli o'qishning afzalliklari va muammolari, xususan, matnning nochiziqli va parchalangan holda idrok etilishi hamda badiiy asarni yaxlit anglash zarurati tahlil qilinadi. Katta hajmdagi adabiy matnlarni o'rganishda raqamli gumanitar fanlar va "uzoqdan o'qish" konsepsiyasining imkoniyatlari ko'rib chiqiladi. Tadqiqot natijalari raqamli va miqdoriy*

usullar adabiy jarayonning yangi qonuniyatlarini aniqlash imkonini berishini, biroq ular badiiy matnni diqqat bilan o‘qish va adabiy talqin qilishni to‘liq almashtira olmasligini ko‘rsatadi.

Kalit so‘zlar: *raqamlashtirish, raqamli texnologiyalar, kitobxonlik madaniyati, raqamli gumanitar fanlar, adabiyotshunoslik, raqamli o‘qish, badiiy matn, uzoqdan o‘qish, elektron adabiyot, adabiy tahlil.*

Введение. Современная культура чтения развивается в условиях активной цифровизации. Электронные библиотеки, литературные интернет-ресурсы, цифровые архивы и различные формы электронного представления текста постепенно меняют способы обращения человека к художественной литературе. При этом цифровая трансформация затрагивает не только техническую сторону чтения, но и характер восприятия литературного произведения, способы поиска информации и формы взаимодействия читателя с текстом [1]. Особый интерес представляет изменение самого пространства существования художественного произведения. В цифровой среде текст может приобретать черты нелинейности, фрагментарности и интерактивности, что приводит к изменению традиционных отношений между автором, произведением и читателем [2]. В результате перед литературоведением возникает необходимость исследовать не только художественный текст, но и новые способы его существования и восприятия.

Развитие цифровой гуманитаристики существенно расширило возможности литературоведческого анализа. Использование больших текстовых массивов позволяет исследовать закономерности литературного процесса, которые трудно обнаружить при последовательном изучении отдельных произведений [1]. Одним из таких направлений стало «дальнее чтение», предполагающее обращение к большим корпусам художественных текстов и применение количественных методов [3]. Однако количественное расширение исследовательского материала не отменяет необходимости внимательного анализа конкретного произведения. Художественная литература сохраняет смысловую многозначность, а такие категории, как авторская позиция, подтекст, символ, художественная деталь и психологизм, требуют интерпретации. Поэтому цифровой анализ целесообразно рассматривать не как замену традиционного литературоведения, а как возможность расширить исследовательский материал и обнаружить новые закономерности [6].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления изменений, происходящих в восприятии художественной литературы под воздействием цифровых технологий.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей современного цифрового чтения и определении возможностей и проблем, возникающих при взаимодействии читателя с художественным произведением в новой информационной среде.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили современные формы существования художественной литературы в цифровой среде: электронные тексты, литературные интернет-ресурсы, цифровые архивы и электронные издания классической литературы.

В работе применены описательно-аналитический, сравнительный и интерпретационный методы. Описательно-аналитический метод использован для характеристики изменений современной культуры чтения. Сравнительный метод позволил сопоставить традиционные и цифровые способы взаимодействия с литературным произведением. Интерпретационный метод

применялся при рассмотрении художественной детали, образной структуры и авторской позиции.

Результаты исследования

Одним из наиболее заметных результатов цифровизации стало расширение доступа к литературному наследию. Электронные издания позволяют объединять художественный текст, справочные сведения, комментарии и различные формы визуализации материала. В современных исследованиях подобные формы представления классической литературы рассматриваются уже не просто как электронные копии печатных книг, а как особый способ организации литературного знания [4].

Вместе с тем цифровая форма меняет характер взаимодействия с произведением. Гипертекст позволяет читателю выбирать направление движения внутри материала, обращаться к дополнительной информации и самостоятельно выстраивать последовательность чтения. Подобная организация текста усиливает интерактивность, но одновременно может способствовать его фрагментарному восприятию [2].

Особенно значимой становится проблема понимания прочитанного. Само умение воспроизвести содержание произведения ещё не свидетельствует о глубоком понимании художественного текста. Читатель должен устанавливать смысловые связи, учитывать контекст и соотносить отдельные элементы произведения с его общей структурой [5].

Эта проблема особенно заметна при чтении художественной литературы. Смысл произведения далеко не всегда выражается непосредственно. Автор может раскрывать внутреннее состояние персонажа через жест, пейзаж, предметную деталь или небольшую реплику. Поэтому художественное чтение предполагает не только получение информации, но и её осмысление, установление внутренних связей между различными элементами произведения [5]. Например, в произведениях К. Г. Паустовского описание природы нельзя воспринимать только как фон происходящих событий. Свет, дождь, снег, вода, лес и другие природные образы часто связаны с эмоциональным состоянием персонажа и общей атмосферой произведения. При поверхностном чтении подобные детали могут остаться незамеченными, тогда как литературоведческий анализ позволяет увидеть их связь с авторским замыслом.

Цифровые методы дают возможность рассматривать литературу и в более широком масштабе. Концепция «дальнего чтения» предполагает работу не с одним или несколькими произведениями, а с большими текстовыми массивами [3]. Исследователь получает возможность проследить распространение жанров, изменение литературных форм, повторяемость мотивов и другие закономерности литературного процесса. Такой подход меняет масштаб литературоведческого наблюдения, поскольку в центре внимания оказываются уже не только отдельные произведения, но и значительные массивы литературных текстов [3].

Однако цифровой анализ не должен становиться заменой непосредственной работы с произведением. Количественные показатели позволяют обнаружить определённую закономерность, но сами по себе не всегда объясняют её художественное значение. Поэтому наиболее продуктивным представляется соединение цифрового исследования больших массивов литературы с внимательным чтением отдельных произведений [6].

Отдельного внимания заслуживают цифровые издания классической литературы. Современные проекты, посвящённые наследию А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и других писателей, позволяют объединять тексты, биографические материалы и дополнительные сведения в едином информационном пространстве [4]. Благодаря этому классическое произведение включается в новые формы исследовательской и читательской работы.

Возможности цифровой среды особенно важны при сравнительном изучении литератур. Электронные коллекции и корпуса позволяют работать с оригинальными и переводными

текстами, сопоставлять различные редакции произведения, прослеживать особенности передачи художественных образов и авторского стиля. Применение цифровой разметки художественного текста также создаёт дополнительные возможности для систематизации и анализа литературного материала [7].

Вместе с тем цифровая среда не должна приводить к замене самого произведения кратким изложением или готовой интерпретацией. Возможность быстро получить сведения о сюжете и персонажах создаёт иллюзию понимания текста. Между тем знание последовательности событий ещё не означает понимания авторской позиции и художественной идеи. Понимание текста предполагает более сложную мыслительную работу, связанную с установлением смысловых отношений между его отдельными элементами [5].

Обсуждение результатов

Проведённый анализ показывает, что цифровизация литературы имеет двойственный характер. С одной стороны, она существенно расширяет доступ к художественному наследию и создаёт новые возможности для литературоведческого исследования [1; 4]. С другой стороны, новые способы представления информации требуют более осознанного отношения к процессу чтения и интерпретации художественного текста [2; 5].

Показательно, что в современной цифровой гуманитаристике исследователь получает возможность менять масштаб наблюдения: переходить от отдельного произведения к большому корпусу текстов и затем возвращаться к конкретному художественному материалу [3; 6]. Такое сочетание представляется особенно перспективным для литературоведения.

Технология может показать, насколько часто определённый образ встречается в произведениях писателя, выявить повторяемость слов, персонажей и других формализуемых элементов художественного текста [7]. Однако художественная функция этих элементов устанавливается только при обращении к конкретному контексту. Например, высокая частотность природной лексики в произведениях определённого автора сама по себе ещё не доказывает особого значения природы в его художественном мире. Для такого вывода необходимо установить, какую роль пейзаж играет в композиции, каким образом он связан с персонажами и какие смысловые отношения возникают между человеком и окружающим пространством.

Следовательно, количественный показатель следует рассматривать как основание для дальнейшего анализа, а не как готовый литературоведческий вывод. Цифровой инструмент помогает обнаружить закономерность, после чего исследователю необходимо вернуться к конкретному произведению и определить её художественный смысл [3; 6]. Таким образом, цифровые технологии расширяют исследовательские возможности литературоведа, но не устраняют необходимость профессиональной интерпретации. Наиболее перспективной представляется модель, в которой количественный анализ и внимательное чтение дополняют друг друга [6].

Заключение. Цифровая эпоха существенно изменила условия существования и восприятия художественной литературы. Электронные библиотеки, цифровые архивы и новые формы представления классических произведений сделали литературное наследие значительно доступнее и расширили возможности исследовательской работы [1; 4]. В то же время изменился характер взаимодействия человека с текстом. Нелинейность, фрагментарность и интерактивность становятся заметными характеристиками цифровой текстовой среды [2]. Это требует от современного читателя умения не только находить информацию, но и сохранять целостность восприятия художественного произведения.

Для литературоведения цифровые методы открывают новые исследовательские перспективы. Работа с большими корпусами позволяет выявлять закономерности литературного процесса, исследовать значительные текстовые массивы и менять масштаб научного наблюдения [3]. Разметка и систематизация художественных текстов предоставляют дополнительные возможности для изучения их формальных и содержательных особенностей [7].

Однако статистические результаты не могут самостоятельно раскрыть художественный смысл произведения. Количественные данные приобретают литературоведческую ценность тогда, когда получают обоснованную интерпретацию [6].

Поэтому перспективным направлением представляется сочетание цифровых методов и традиционной литературоведческой интерпретации. Технология помогает исследователю увидеть новые связи и закономерности, тогда как понимание художественной детали, авторской позиции, символики и культурного контекста по-прежнему требует внимательного обращения к самому произведению.

Список использованной литературы

1. Манович, Л. Язык новых медиа / Л. Манович; пер. с англ. Д. Кульчицкой.- Москва: Ад Маргинем Пресс, 2018. — 400 с.
2. Ландоу, Дж. П. Гипертекст 3.0: критическая теория и новые медиа в эпоху глобализации / Дж. П. Ландоу. — 3-е изд. — Балтимор: Johns Hopkins University Press, 2006. — 436 p.
3. Moretti, F. Distant Reading / F. Moretti. — London; New York: Verso, 2013. — 244 p.
4. Вигурский, К. В. Электронные издания и цифровые библиотеки: проблемы и перспективы / К. В. Вигурский // Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы. — 2015. — № 2. — С. 12–18.
5. Залевская, А. А. Текст и его понимание: монография / А. А. Залевская. — Тверь: Тверской государственный университет, 2001. — 177 с.
6. Schreibman, S. A New Companion to Digital Humanities / S. Schreibman, R. Siemens, J. Unsworth. — Chichester: Wiley Blackwell, 2016. — 594 p.
7. Бонч-Осмоловская, А. А. Цифровые методы в гуманитарных исследованиях / А. А. Бонч-Осмоловская // Цифровые гуманитарные исследования. — 2015. — № 1. — С. 5–17.

ZAMONAVIY NASRDA XOTIRA MOTIVI VA SHAXS O‘ZLIGINI ANGLASH MUAMMOSI

Shodiyeva Gulira’no Tulqin qizi
Turon universiteti Xorijiy tillar fakulteti talabasi
Ilmiy rahbar: Homidov Humoyun Ramazon o‘g‘li
Turon universiteti Xorijiy tillar fakulteti o‘qituvchisi

Annotatsiya. Maqolada zamonaviy nasrda xotira motivining shaxs o‘zligini anglash jarayonidagi badiiy-psixologik vazifalari yoritiladi. Xotiraning o‘tmish va bugunni bog‘lash, shaxsiy tajribani qayta baholash hamda qahramonning ichki ziddiyatlarini ochishdagi o‘rni ko‘rib chiqiladi. Shuningdek, xotira motivining retrospeksiya, ichki monolog va subyektiv vaqt bilan aloqasi tahlil qilinadi.

Kalit so‘zlar: zamonaviy nasr, xotira motivi, o‘zlikni anglash, shaxsiy identitet, retrospeksiya, ichki monolog, subyektiv vaqt, badiiy psixologizm.

Аннотация. В статье рассматриваются художественно-психологические функции мотива памяти в процессе самоосмысления личности в современной прозе. Раскрывается роль памяти в установлении связи между прошлым и настоящим, переоценке личного опыта и изображении внутренних противоречий персонажа. Анализируется связь мотива памяти с ретроспекцией, внутренним монологом и субъективным временем.

Ключевые слова: современная проза, мотив памяти, самоосмысление, личностная идентичность, ретроспекция, внутренний монолог, субъективное время, художественный психологизм.

Abstract. The article examines the literary and psychological functions of the memory motif in the process of self-understanding in contemporary prose. It explores the role of memory in connecting the past with the present, reassessing personal experience, and revealing characters’ internal conflicts. The relationship between the memory motif, flashback, interior monologue, and subjective time is also considered.

Keywords: contemporary prose, memory motif, self-understanding, personal identity, flashback, interior monologue, subjective time, literary psychologism.

Kirish. holatini tushunishi va o‘z hayotiga ma’no berishiga xizmat qiladi. Shu jihatdan u shaxsning o‘zligini anglash jarayonini ifodalovchi badiiy vosita sifatida namoyon bo‘ladi. Xotiraning tanlovchanligi va subyektivligi o‘tmish voqealarining qahramon ongida turlicha talqin qilinishiga imkon yaratadi. Unutilgan, bostirilgan yoki qayta anglangan kechinmalar ichki ziddiyatlarni ochib, shaxsning o‘zi haqidagi tasavvurini o‘zgartirishi mumkin. Bu jarayonni o‘rganish xotira motivining psixologik mazmuni va poetik vazifalarini aniqlash uchun dolzarbdir.

Tadqiqot metodologiyasi. Ushbu maqolada psixoanalitik, tavsifiy-tahliliy, badiiy-tahliliy, kontekstual tahlil, germenevtik tahlil, psixologik tahlilva matn tahlili metodlaridan foydalanildi.

Natijalar va muhokama. Zamonaviy nasrda xotira motivi insonning o‘tmish tajribasi bilan hozirgi holati o‘rtasidagi munosabatni ochib beruvchi muhim poetik birlikdir.[1] Qahramon o‘z hayotini eslash orqali kechmish voqealarga munosabat bildiradi, qarorlarini qayta baholaydi va bugungi holatining sabablarini tushunishga intiladi. Shu jarayonda xotira shaxs o‘zligini anglashning badiiy shakliga aylanadi. Uning mazmuni “nima sodir bo‘lgan?” savoli bilan cheklanmay, “bu voqea meni qanday o‘zgartirdi?” va “men bugun kimman?” kabi savollarni ham qamrab oladi. Xotira motivining nazariy xususiyatlarini aniqlashda uni oddiy eslash holatidan farqlash zarur. Asarda o‘tmish haqidagi har qanday ma’lumot xotira motivini yuzaga keltirmaydi. Eslash qahramonning ichki dunyosi, tanlovi va voqealar rivoji bilan mazmuniy aloqa hosil qilganda motiv sifatida ahamiyat kasb etadi. Bunda xotira matn davomida qayta namoyon bo‘lishi yoki birgina muhim epizod orqali butun asarning mazmuniy yo‘nalishini belgilashi mumkin. Demak, uning badiiy qiymati takrorlanish sonidan ko‘ra, asar tuzilishida bajargan vazifasi bilan aniqlanadi.[2]

Shaxs o‘zligini anglash o‘z hayotiy tajribasini muayyan yaxlitlikda tushunishga intilish bilan bog‘liq. Insonning o‘zi haqidagi tasavvuri o‘tmishdagi harakatlari, yaqinlari bilan munosabatlari, yo‘qotishlari va erishgan natijalarini qanday talqin qilishiga qarab shakllanadi. Adabiy qahramon ham xotira orqali hayotidagi turli davrlarni bir-biriga bog‘laydi.[3] Biroq bu bog‘lanish doimo uyg‘un bo‘lavermaydi. O‘tmishdagi qarashlar bilan bugungi e’tiqodlar o‘rtasidagi tafovut ichki konfliktni yuzaga keltirishi mumkin. Shuning uchun xotira shaxsning davomiyligini ta’minlash bilan birga, uning o‘zi haqidagi barqaror tasavvurini shubha ostiga ham qo‘yadi. Xotiraning badiiy tasvirida uning tanlovchanligi alohida ahamiyatga ega. Qahramon o‘tmishdagi barcha voqealarni bir xil darajada eslamaydi: ayrim lahzalar batafsil tiklansa, boshqalari parcha-parcha yoki noaniq holda namoyon bo‘ladi. Bu farq uning hozirgi ehtiyoji, hissiy holati va o‘tmishga munosabatini ochib berishi mumkin. Shu bois xotira bayonini voqealarning to‘liq va xolis qaydi sifatida qabul qilish yetarli emas. Tahlilda qahramon nimalarni eslayotgani bilan birga, nimalarni chetlab o‘tayotgani va qaysi hodisalarga qayta-qayta murojaat qilayotgani ham hisobga olinishi lozim.[4] Xotira motivining kompozitsion ifodasida retrospeksiya muhim vosita hisoblanadi. Retrospeksiya hikoyaning joriy vaqtiga nisbatan oldin sodir bo‘lgan voqealarni bayonga kiritadi. Xotira bilan retrospeksiya o‘zaro yaqin bo‘lsa-da, aynan bir tushuncha emas. Retrospektiv ma’lumot hikoyachi tomonidan qahramonning eslash jarayonisiz ham berilishi mumkin. Xotira tasvirida esa o‘tmishning kim tomonidan, qanday vaziyatda va qanday hissiy munosabat bilan tiklanayotgani muhimdir. Shunday qilib, retrospeksiya voqealarning joylashish tartibini, xotira motivi esa eslashning mazmuniy va psixologik vazifasini yoritadi. Subyektiv vaqt xotiraning badiiy tashkil etilishida muhim o‘rin tutadi.[5] Qahramon uchun bir necha soniyalik hodisa uzoq yillar davomida ahamiyatini saqlashi, katta vaqt oralig‘i esa qisqa jumlalar bilan umumlashtirilishi mumkin. Bu holat xronologik davomiylik bilan kechinmaning ruhiy ko‘lami o‘rtasidagi farqni ko‘rsatadi. O‘tmishdagi voqeaning qayta eslanishi uni hozirgi zamon tajribasiga yaqinlashtiradi. Natijada kechmish yakunlangan hodisa sifatida qolmay, qahramonning bugungi qarorlari va o‘zini baholashida ishtirok etadi.

Ichki monolog xotira bilan o‘zlikni anglash o‘rtasidagi munosabatni ochish imkonini beradi. Qahramon eslangan voqeani ichki nutqida izohlaydi, o‘ziga savol beradi, avvalgi qarorini oqlaydi yoki undan afsuslanadi. Bunda xotiraning mazmuni bilan unga berilgan baho o‘rtasidagi tafovut yuzaga chiqadi.[6] Bir voqea dastlab muvaffaqiyat sifatida eslansa,

keyinchalik aybdorlik manbai sifatida anglanishi mumkin. Shaxsning o‘zligini anglash jarayoni aynan shu qayta talqin qilishda namoyon bo‘ladi: o‘tmishdagi hodisa o‘zgarmaydi, ammo uning qahramon hayotidagi ma’nosi yangilanadi. Xotira motivi aybdorlik, yo‘qotish, sog‘inch va begonalashuv kabi kechinmalar bilan tutashishi mumkin. Aybdorlik bilan bog‘langan xotirada qahramon o‘z mas’uliyatini anglash yoki undan qochish o‘rtasida qoladi. Yo‘qotish bilan bog‘langan xotira esa yo‘q inson yoki makonning qahramon ichki dunyosida saqlanib qolishini ifodalaydi.[7] Sog‘inch o‘tmishni ideallashtirishga olib kelishi mumkin, biroq keyingi mulohaza bu tasavvurni o‘zgartirishi ham ehtimol. Shu jihatdan eslash doimo ruhiy taskin bermaydi; u qahramonning ichki ziddiyatlarini kuchaytirishi ham mumkin. Shaxsiy xotira oilaviy va jamoaviy xotira bilan ham munosabatga kirishadi. Qahramonning o‘zi haqidagi tasavvurida bevosita boshdan kechirgan voqealari bilan birga, yaqinlaridan eshitgan hikoyalar, avlodlar tajribasi va jamoaga mansublik tuyg‘usi ishtirok etadi. Biroq shaxsiy eslash bilan oilada yoki jamiyatda qabul qilingan talqin o‘rtasida qarama-qarshilik yuzaga kelishi mumkin. Bunday vaziyatda o‘zlikni anglash tayyor tasavvurlarni qabul qilish bilan cheklanmay, ularga munosabat bildirish va mustaqil baho berishni ham talab etadi.

Unutish ham xotira motivining mazmunini ochishda ahamiyatlidir. Matndagi sukut, uzilgan eslash yoki bir voqeani tilga olishdan qochish o‘tmish bilan murakkab munosabatni ifodalashi mumkin. Biroq har qanday bo‘shliqni ruhiy jarohat yoki bostirilgan xotira belgisi deb baholash to‘g‘ri emas.[8] Uning vazifasi hikoya konteksti, qahramon nutqi va boshqa matniy dalillar asosida aniqlanishi kerak. Unutish ayrim hollarda o‘zlikdagi uzilishni bildirsa, boshqa holatda o‘tmish ta’siridan uzoqlashishga intilishni anglatishi mumkin. Xotira motivining shaxs o‘zligini anglashdagi vazifasini tekshirish uchun eslashga turtki bergan holat, eslangan voqea, unga bildirilgan munosabat va undan keyingi o‘zgarish izchil o‘rganilishi lozim. Ayniqsa, qahramonning xotiradan oldingi va keyingi o‘zini baholashi o‘rtasidagi farq muhim mezondir.[9] Bu yondashuv xotirani o‘tmish haqidagi axborot manbai sifatida tavsiflashdan uning shaxsiy identitetni shakllantirish, saqlash yoki qayta ko‘rib chiqishdagi badiiy vazifasini aniqlashga o‘tish imkonini beradi.

Xulosa. Zamonaviy nasrda xotira motivi qahramonning o‘tmish tajribasini bugungi qarashlari bilan bog‘lab, shaxs o‘zligini anglash jarayonini yoritadi. Eslash orqali qahramon o‘z harakatlarini qayta baholaydi, ichki ziddiyatlarining sabablarini tushunishga va hayotiy tajribasiga ma’no berishga intiladi. Shu jihatdan xotira shaxsiy identitetning davomiyligini ta’minlashi bilan birga, insonning o‘zi haqidagi tasavvurini o‘zgartirishi ham mumkin. Xotira motivining badiiy imkoniyatlari retrospeksiya, ichki monolog va subyektiv vaqt orqali namoyon bo‘ladi. Uning tanlovchanligi, unutish bilan munosabati hamda shaxsiy va jamoaviy talqinlar o‘rtasidagi tafovut o‘zlikni anglashning murakkabligini ochib beradi. Demak, xotira motivini o‘rganishda eslangan voqeaning mazmuni bilan birga, uning qanday tiklangani, qayta talqin qilingani va qahramonning o‘ziga munosabatiga qanday ta’sir ko‘rsatgani ham asosiy mezon bo‘lishi lozim.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1.Арасту. Поэтика. – Т.: “Янги аср авлоди”, 2011. – 352 б.
2.Jo‘raqulov U. Hududsiz jilva. – Toshkent: Fan, 2006. – 174 b.
3.Normatov U. Nasrimiz ufqlari. – T.: Adabiyot va san'at, 1974; 224 b
4.Quronov D. Adabiyot nazariyasi asoslari.– Toshkent: akademnashr, 2018. – 480 b.

5.Quronov D. va boshqalar. Adabiyotshunoslik lug‘ati. – Toshkent: Akademnashr, 2010. – 400 b.

6.Xolliyeva G. Qiyosiy adabiyotshunoslik. – Toshkent: Akademnashr, 2020. – 156 b.

7.Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – Москва: “Высшая школа”, 1989. – 405 с

8.Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – Москва: “Лабиринт”, 2001. – 192 с

9.Жирмунский В.В. Тюркский героический эпос. – Ленинград: “Наука”, 1974. – 728 с

10. Бахтин М. Романда замон ва хронотоп шакллари (Таржимон, сўзбоши, изоҳ ва шарҳлар муаллифи: У.Жўрақулов). – Т.: “Akademnashr”, 2015. – 288 б.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВИЗУАЛЬНОСТЬ В ПОЭЗИИ ШАМШОДА АБДУЛЛАЕВА

Юлдашева Лола Кулдашевна
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Уралова Гулшан Дилшодовна
студентка 4-го курса направления «Филология и обучение языкам (русский язык)»
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности художественного пространства и визуальности в поэзии Шамшода Абдуллаева. На материале стихотворения из сборника «Неподвижная поверхность» (2003) анализируются зрительные образы, пространственная организация текста и взаимодействие поэтического слова с живописной и фотографической образностью. Особое внимание уделяется мотивам неподвижности, наблюдения и изменения восприятия. Показано, что конкретные детали окружающего мира постепенно приобретают философское значение, превращая описание местности в размышление о природе художественного видения. Делается вывод о том, что визуальность выступает важным принципом организации поэтического текста и позволяет соединить локальную конкретику с более широкими вопросами человеческого восприятия и культурного опыта.*

Ключевые слова: *Шамшод Абдуллаев, русскоязычная поэзия, художественное пространство, визуальность, живописность, образ, восприятие, Ферганская поэтическая школа.*

Annotatsiya. *Maqolada Shamshad Abdullayev she’riyatida badiiy makon va vizuallik xususiyatlari tahlil qilinadi. «Nepodvijnaya poverxnost» (2003) to‘plamidagi she’r asosida ko‘rish obrazlari, matnning makoniy tashkil etilishi hamda poetik so‘zning tasviriy san’at va fotografik obrazlar bilan munosabati o‘rganiladi. Harakatsizlik, kuzatish va idrokning o‘zgarishi motivlariga alohida e’tibor qaratiladi. Atrof-muhitning aniq detallari asta-sekin falsafiy mazmun kasb etib, joy tasvirini badiiy ko‘rish tabiati haqidagi mulohazaga*

aylantirishi ko‘rsatib beriladi. Vizuallik poetik matnni tashkil etuvchi muhim tamoyil bo‘lib, mahalliy voqelikni inson idroki va madaniy tajriba bilan bog‘liq kengroq masalalar bilan uyg‘unlashtirishi asoslanadi.

Kalit so‘zlar: *Shamshad Abdullayev, rus tilidagi she’riyat, badiiy makon, vizuallik, tasviriylik, obraz, idrok, Farg‘ona she’riyat maktabi.*

Abstract. *The article examines literary space and visuality in the poetry of Shamshad Abdullaev. Based on a poem published in the collection Неподвижная поверхность (2003), it analyzes visual imagery, the spatial organization of the text, and the interaction between poetic language and painting and photography. Particular attention is paid to the motifs of stillness, observation, and changing perception. The article demonstrates how concrete details of the surrounding world gradually acquire philosophical significance, transforming the description of a place into a reflection on the nature of artistic vision. It concludes that visuality is a key organizing principle in the poem, connecting local detail with broader questions of human perception and cultural experience.*

Keywords: *Shamshad Abdullaev, Russian-language poetry, literary space, visuality, pictorial imagery, image, perception, Fergana School of Poetry.*

Введение. Русскоязычная литература Узбекистана представляет собой значимую часть современного литературного процесса, в котором взаимодействуют различные культурные традиции и индивидуальные художественные стратегии. Одним из интересных явлений этой литературы является творчество Шамшода Абдуллаева, связанное с Ферганской поэтической школой. Его произведения привлекают внимание исследователей особым отношением к пространству, зрительным деталям и возможностям поэтического языка [2; 3].

Художественное пространство в поэзии не ограничивается описанием места действия. Оно формирует перспективу наблюдения, определяет отношения между предметами и влияет на восприятие изображаемого мира. Визуальность, в свою очередь, позволяет поэту организовать текст таким образом, чтобы читатель не только воспринимал словесное описание, но и мысленно выстраивал определённую картину.

Цель настоящей статьи — выявить особенности художественного пространства и визуальной образности в стихотворении Шамшода Абдуллаева из сборника «Неподвижная поверхность». Основное внимание уделяется организации зрительных образов, взаимодействию поэтического текста с живописной и фотографической образностью, а также переходу от конкретного описания к размышлению о природе восприятия.

Актуальность исследования обусловлена возможностью рассмотреть русскоязычную поэзию Узбекистана через анализ конкретного произведения, выявляя не только его тематические особенности, но и способы организации художественного материала.

1. Пространство и зрительная организация поэтического текста

В стихотворении, начинающемся строкой «Когда мы заменим свой мир…», пространство создаётся посредством последовательного предъявления зрительных деталей. Поэт изображает летний пейзаж, белую стену, освещённую солнцем, жёлтого кота, пыльную поверхность земли и камешки. Описание строится не как

последовательный рассказ о происходящих событиях, а как ряд отдельных зрительных впечатлений.

Уже первые образы — «летнее пламя», «белая стена, залитая огнем», «желтый, худосочный кот» — формируют атмосферу неподвижности и напряжённой жары [1]. Цветовые характеристики выделяют отдельные предметы, тогда как отсутствие деревьев и навеса усиливает ощущение открытого, незащищённого пространства. Взгляд словно перемещается от одного объекта к другому, фиксируя их форму, цвет и положение.

Пространство организовано через контрасты. Белая стена и жёлтый кот выделяются на фоне раскалённой местности; хрупкость отдельных деталей противопоставляется интенсивности солнечного света. При этом окружающий мир не выглядит полностью статичным: солнечный жар словно преобразует предметы, изменяя их привычное восприятие. Образ расплавленных насекомых подчёркивает предельную интенсивность жары и придаёт пейзажу почти нереальное качество.

Особое значение имеет характеристика кота, который кажется мёртвым, если не учитывать «пугающую обдуманность его позы» [1]. Внешняя неподвижность здесь не равнозначна отсутствию смысла. Напротив, именно поза животного заставляет наблюдателя задуматься о том, что скрывается за видимой поверхностью. Предмет изображения становится поводом для интерпретации, а зрительное наблюдение постепенно приобретает интеллектуальный характер.

Таким образом, поэтическое пространство Абдуллаева создаётся не столько посредством подробного описания местности, сколько через отбор выразительных деталей и отношения между ними. Читатель получает отдельные зрительные фрагменты, из которых складывается целостная, но внутренне напряжённая картина. Такой принцип организации текста делает сам процесс наблюдения важной частью художественного содержания.

2. Взаимодействие поэзии, живописи и фотографии

Важнейшая особенность рассматриваемого стихотворения — его связь с визуальными искусствами. В тексте появляется название «Местность близ реки Арно», а изображённая сцена характеризуется как «немой кадр» [1]. Эти детали позволяют рассматривать поэтическое описание в соотношении с живописным полотном и фотографическим изображением.

Упоминание конкретной местности создаёт эффект пространственной определённости, однако дальнейшее развитие текста переносит внимание с географического названия на особенности самого изображения. Появление трёх юношей описывается так, словно в уже существующую картину вводятся фигуры из другого художественного произведения. Возникает ощущение наложения разных изображений, не полностью совпадающих друг с другом.

Образ «захватанной пленки» усиливает фотографическую ассоциацию [1]. Плёнка хранит следы изображения, но одновременно оказывается уязвимой, поскольку её поверхность может быть повреждена. С этим мотивом соотносится «трогательная хрупкость» визуального мира. В результате пространство воспринимается не только как предмет наблюдения, но и как изображение, сохранность которого вызывает сомнение.

Поэтический текст при этом не становится простым словесным эквивалентом картины или фотографии. Слова способны последовательно разворачивать то, что в визуальном искусстве воспринимается одновременно. Поэт выделяет отдельные элементы, меняет направление внимания и вводит вопросы, которые нарушают первоначальную цельность пейзажа. Поэтому визуальность здесь связана не только с тем, что изображено, но и с тем, как организован процесс восприятия.

Сопоставление поэзии с живописью и фотографией помогает раскрыть особенности художественного метода Абдуллаева. Пространство его стихотворения напоминает зафиксированное изображение, однако словесная форма позволяет подвергнуть это изображение сомнению и переосмыслению. Неподвижность становится условием для движения мысли, а зрительная картина — отправной точкой для размышления о границах восприятия.

3. От конкретного пейзажа к философии восприятия

В заключительной части стихотворения происходит смысловой переход от описания местности к размышлению о человеческом восприятии. Финальные строки — «мы учимся видеть вне нас, где необретенное уже утрачено» — расширяют значение предшествующих образов [1]. Теперь речь идёт не только о пейзаже, предметах и фигурах, но и о способности человека видеть мир за пределами привычного опыта.

Глагол «учимся» подчёркивает процессуальность восприятия. Видение представлено не как автоматическое отражение окружающей действительности, а как приобретаемая способность, требующая изменения привычной позиции наблюдателя. Выражение «вне нас» обозначает выход за границы субъективного взгляда, хотя возможность такого выхода остаётся открытым вопросом.

Особенно неоднозначна формула «где необретенное уже утрачено». Она соединяет представления о приобретении и потере, создавая парадоксальную временную перспективу. То, что ещё не стало частью личного опыта, уже воспринимается как утраченное. Благодаря этой формуле стихотворение выходит за пределы описания конкретной местности и затрагивает проблему отношений между восприятием, памятью и невозможностью полностью присвоить увиденное.

Начальная и заключительная части текста оказываются связаны общей проблемой видения. В начале читатель наблюдает предметы, освещённые солнцем, и пытается понять их положение в пространстве. В финале сам акт наблюдения становится предметом размышления. Таким образом, композиция стихотворения строится на переходе от внешнего изображения к осмыслению процесса восприятия.

Подобная организация текста позволяет говорить о философском измерении визуальности в поэзии Абдуллаева. Зрительный образ не исчерпывается конкретным предметом, а открывает возможность для дальнейшей интерпретации. Именно поэтому стихотворение сохраняет смысловую неоднозначность: оно не предлагает окончательного ответа, но заставляет читателя пересмотреть собственные способы видеть и понимать окружающий мир.

Заключение. Анализ стихотворения Шамшода Абдуллаева из сборника «Неподвижная поверхность» показывает, что художественное пространство и визуальность играют ключевую роль в организации поэтического текста. Пространство формируется через отбор зрительных деталей, цветовые контрасты и ощущение

неподвижности, а затем приобретает дополнительное значение благодаря ассоциациям с живописью и фотографией.

Образ «немого кадра» и мотив хрупкой плёнки позволяют осмыслить изображённый мир как неустойчивую конструкцию, зависящую от позиции наблюдателя. В заключительных строках конкретный пейзаж превращается в размышление о возможностях человеческого восприятия и границах личного опыта.

Следовательно, визуальность в рассматриваемом стихотворении выступает не только способом изображения действительности, но и принципом организации мысли. Через неё Абдуллаев соединяет конкретность пространства с философской проблематикой, демонстрируя возможности русскоязычной поэзии Узбекистана в художественном освоении локального опыта и универсальных вопросов человеческого существования.

Список использованной литературы

1. Абдуллаев Ш. Неподвижная поверхность. — М.: Новое литературное обозрение, 2003. — С. 43.

2. Korchagin K. The Fergana School of Poetry: In Search of a Postcolonial Subject // The Oxford Handbook of Soviet Underground Culture / ed. by M. Lipovetsky et al. — Oxford: Oxford University Press, 2023. — P. 354–374. — DOI: https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780197508213.013.52.

3. Achilli A. Blurred Boundaries in Šamšad Abdullaev's Poetic Prose from Fergana: "Immobility", World Literature, and the Deconstructing Gesture of Self-Orientalization // Asiatische Studien – Études Asiatiques. — 2025. — Vol. 79, no. 4. — P. 895–919. — DOI: https://doi.org/10.1515/asia-2025-0034.

4. Юлдашева Л.К. Особенности русскоязычной литературы Узбекистана: тематическое и художественное своеобразие // Научный вестник Бухарского государственного университета. — 2025. — № 1 (118). — С. 50–54. URL: https://buxdu.uz/media/jurnallar/ilmiy_axborot/ilmiy_axborot_1_son_2025_3.pdf.

ГРОТЕСК ГОГОЛЯ: «СМЕШНОЕ» И «СТРАШНОЕ» В ПОВЕСТЯХ «ВИЙ» И «ШИНЕЛЬ»

Юлдашева Лола Кулдашевна
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Холмирзаева Нилуфар Маннoновна
студентка 4-го курса
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *Статья посвящена взаимодействию комического, трагического и фантастического в прозе Н.В.Гоголя. На материале повестей «Вий» и «Шинель» рассматриваются функции гротеска и способы соединения смешного и страшного. Сопоставление произведений позволяет выявить различия в изображении страха: в «Шинели» он связан прежде всего с социальным унижением и равнодушием окружающих, а в «Вии» — с вторжением сверхъестественного и психологическим состоянием героя.*

Ключевые слова: *Н.В.Гоголь, гротеск, комическое, трагическое, фантастическое, «Вий», «Шинель», социальная сатира, мистический страх.*

Annotatsiya. *Maqola N.V.Gogol nasrida kulgili, fojiaviy va fantastik unsurlarning o‘zaro ta’sirigabag‘ishlangan.«Viy» va «Shinel» qissalari misolida groteskning vazifalari hamda kulgili va dahshatli hodisalarning uyg‘unlashish usullari ko‘rib chiqiladi. Asarlarni qiyosiy tahlil qilish orqali qo‘rquv tasviridagi farqlar aniqlanadi: «Shinel»da qo‘rquv, avvalo, ijtimoiy tahqirlanish va atrofdagilarning befarqligi bilan bog‘liq bo‘lsa, «Viy»da u g‘ayritabiiy kuchlarning aralashuvi va qahramonning ruhiy holati bilan izohlanadi.*

Kalit so‘zlar: *N.V.Gogol, grotesk, komiklik, fojiaviylik, fantastika, «Viy», «Shinel», ijtimoiy satira, mistik qo‘rquv.*

Abstract. *The article examines the interaction of the comic, the tragic, and the fantastic in N. V. Gogol’s prose. Using the short stories Viy and The Overcoat as examples, it explores the function of the grotesque and the ways in which the humorous and the terrifying are combined. A comparative analysis of the two works reveals differences in the portrayal of fear: in The Overcoat, fear is primarily associated with social humiliation and the indifference of others, whereas in Viy, it stems from the intrusion of the supernatural and the protagonist’s psychological state.*

Keywords: *N.V.Gogol, grotesque, comic, tragic, fantastic, Viy, The Overcoat, social satire, mystical fear.*

Введение. В художественном мире Н. В. Гоголя реальность нередко сочетается с фантастикой, а комическое приобретает трагическое или тревожное звучание.

Одним из средств такого художественного взаимодействия выступает гротеск, основанный на резком нарушении привычных пропорций, преувеличении и соединении разнородных явлений. В повестях «Вий» и «Шинель» смешное и страшное соотносятся по-разному, однако в обоих произведениях это взаимодействие позволяет раскрыть уязвимость человека и противоречивость окружающего мира.

Цель статьи — выявить особенности гротеска в повестях «Вий» и «Шинель» и определить роль комического и страшного в раскрытии их идейного содержания. Основной метод исследования — сопоставительный анализ художественных образов, сюжетных эпизодов и особенностей повествования.

Гротеск в повести Н. В. Гоголя «Шинель»

В повести «Шинель» взаимодействие комического и трагического раскрывается прежде всего через образ Акакия Акакиевича Башмачкина и противопоставление его беззащитности равнодушию окружающих [2]. В начале произведения рассказчик обращает внимание на привычки героя, его ограниченный круг интересов и особенности поведения. Комический эффект создаётся как характеристикой чиновника, так и повествовательной интонацией, в которой иронические детали соседствуют с описанием унизительного положения героя. По мере развития сюжета за внешней комичностью всё отчётливее обнаруживается человеческая уязвимость Башмачкина.

Особое значение имеет эпизод, в котором Акакий Акакиевич обращается к сослуживцам со словами: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» [2]. Эта реплика выявляет страдание человека, не способного защитить себя от унижения. Комическое изображение героя тем самым осложняется сочувствием к нему и осуждением среды, в которой насмешка становится привычной формой обращения с беззащитным человеком.

Шинель играет в повести не только сюжетную, но и смыслообразующую роль. Её приобретение становится для Башмачкина важным событием, временно меняющим его повседневное существование; вещь воспринимается как «светлый гость» [2, с.156]. Потеря шинели превращается в тяжёлое испытание, а невозможность добиться помощи от представителей власти подчёркивает социальную незащищённость героя.

После смерти Башмачкина повествование приобретает фантастический характер: в Петербурге появляется призрак чиновника, срывающий шинели с прохожих [2, с.169]. В финале призрак отнимает шинель у «значительного лица», прежде отказавшего герою в помощи. Возникает гротескный переворот привычного соотношения сил: человек, бывший бесправным при жизни, после смерти сам становится источником страха.

При интерпретации финала значима работа И. Ф. Анненского «О формах фантастического у Гоголя». Исследователь обращает внимание на чувство несправедливости, которое возникает у читателя по отношению к герою, и отмечает, что реалистическое наказание генерала или его полное нравственное перерождение могло бы придать повести характер нравоучительной сказки [1, с.273-274]. В таком контексте фантастический эпизод нарушает привычный порядок повествования и заставляет персонажа, ранее демонстрировавшего черствость, испытать страх.

Образ призрака можно также сопоставить с фольклорным мотивом беспокойного духа, связанного с пережитой несправедливостью. Это сопоставление следует рассматривать как интерпретационную параллель, а не как доказательство прямого заимствования конкретного фольклорного сюжета. В целом гротеск в «Шинели» возникает благодаря взаимодействию комического, трагического и фантастического: изображение странностей героя постепенно раскрывает его

уязвимость, социальное равнодушие приводит к трагическому исходу, а фантастический финал изменяет привычное соотношение власти и бесправия.

Гротеск в повести Н. В. Гоголя «Вий»

В повести «Вий» бытовые эпизоды постепенно уступают место мистическому ужасу [3]. В начале произведения Гоголь изображает жизнь бурсаков — Хомы Брута, Халявы и Тиберия Горобца — через бытовые привычки, беспечность и комические ситуации [3, с.177]. Этот фон контрастирует с последующим вторжением сверхъестественного и усиливает напряжение повествования.

Положение Хомы осложняется зависимостью от воли ректора и сотника: герой оказывается вовлечён в испытание, которого не выбирал сам. Наиболее отчётливо взаимодействие смешного и страшного проявляется в эпизодах трёх ночей в церкви [3, с.195]. Попытки Хомы защититься молитвой и очерченным кругом не устраняют опасности; с каждой ночью его уверенность ослабевает, а страх нарастает.

В работе «О формах фантастического у Гоголя» И. Ф. Анненский рассматривает мистический страх как важнейший психологический мотив «Вия» [1, с.268-269]. Гоголь передаёт внутреннее состояние героя посредством последовательного усиления напряжения: тревога перерастает в ужас и оцепенение. Фантастическое в повести связано не только с изображением сверхъестественных существ, но и с тем, как герой переживает столкновение с непостижимой силой.

Кульминацией становится появление Вия — чудовищного существа с железным лицом и длинными веками [3, с.212]. Хома нарушает запрет не смотреть на него и погибает [3,с.214]. Трагический финал сопровождается возвращением товарищей философа к привычной бытовой речи. Контраст между пережитым ужасом и обыденностью подчёркивает своеобразие гоголевского повествования: страшное не отменяет бытового мира, но резко обнаруживает его уязвимость. Таким образом, гротеск в «Вии» связан с соединением комических бытовых деталей и фантастических образов, а также с изображением беспомощности человека перед неизвестным.

Сравнительный анализ повестей «Шинель» и «Вий»

Сопоставление повестей позволяет выявить как общие, так и различные функции гротеска. В обоих произведениях человек оказывается беззащитным перед обстоятельствами, которые нарушают привычный порядок жизни. Однако источники страха различаются: в «Шинели» он обусловлен социальным унижением и равнодушием окружающих [2], а в «Вии» — столкновением героя с фантастическими силами [3].

В «Шинели» комические детали характеристики Башмачкина постепенно приобретают трагическое значение. Потеря шинели и отказ в помощи обнаруживают жестокость бюрократической среды, а фантастический финал переворачивает установленную иерархию: бывший объект насмешек становится фигурой, вызывающей страх. При этом сводить финал исключительно к мотиву возмездия было бы упрощением: образ призрака допускает несколько интерпретаций и сохраняет смысловую неоднозначность.

В «Вии» комические эпизоды, связанные с повседневной жизнью бурсаков, контрастируют с нарастанием мистического ужаса. Если в «Шинели» трагизм формируется преимущественно в социальном пространстве, то в «Вии» центральным

становится переживание человека, столкнувшегося с непостижимой силой. Гротеск в обоих случаях нарушает устойчивое восприятие действительности, но выполняет разные функции: в первой повести он обнажает социальную несправедливость, во второй — усиливает ощущение опасности и ограниченности человеческих возможностей.

Таким образом, сопоставление «Шинели» и «Вия» показывает, что смешное и страшное у Гоголя не существуют изолированно. Комическое может выявлять трагизм повседневной жизни, а фантастическое — усиливать ощущение человеческой уязвимости. Вместе с тем конкретные функции гротеска определяются жанровой природой произведения, характером конфликта и способом изображения героя.

Заключение. Анализ повестей Н. В. Гоголя «Шинель» и «Вий» показывает, что гротеск является одним из средств взаимодействия комического, трагического и фантастического. В «Шинели» он раскрывает последствия социального унижения и равнодушия, а в «Вии» участвует в создании мистического страха и изображении столкновения человека с необъяснимыми силами.

Несмотря на различие сюжетов, оба произведения демонстрируют непрочность привычной действительности и ограниченность возможностей человекапередлицомвраждебныхобстоятельств.Следовательно, взаимодействие смешного и страшного выполняет не только эмоциональную, но исмысловуюфункцию:онопомогаетраскрытьпроблемычеловеческого достоинства, социальной несправедливости и уязвимости личности.

Список использованной литературы

1. Анненский И. Ф. О формах фантастического у Гоголя // Анненский И. Ф. Книги отражений. — М.: Наука, 1979. — С. 267–275.
2. Гоголь Н. В. Шинель // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. — М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937–1952. — Т. 3: Повести. — С. 141–174.
3. Гоголь Н. В. Вий // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. — М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937–1952. — Т. 2: Вечера на хуторе близ Диканьки. — С. 175–218.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

Норова Малика Дилшодовна
соискатель
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В данной статье рассматриваются филологические и лингвокультурологические аспекты вербализации эмоций в художественном тексте. Анализируется взаимосвязь между языковыми средствами выражения эмоциональных состояний и спецификой национального менталитета. Описаны лексический, фразеологический, метафорический, синтаксический и текстовый уровни вербализации эмоций; на материале русской и узбекской художественной литературы показано, как концептуализация эмоций отражает национально-специфическое мировосприятие и*

культурные ценности народа. Выделены трудности передачи национально-маркированных эмотивных концептов при переводе.

Ключевые слова: *вербализация эмоций, эмотивность, лингвокультурология, национальный менталитет, художественный текст, языковая картина мира, эмотивный концепт.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada badiiy matnda emotsiyalarni verbalizatsiya qilishning filologik va lingvomadaniy jihatlari ko'rib chiqiladi. Emotsional holatlarni ifodalashning til vositalari va milliy mentalitet xususiyatlari o'rtasidagi bog'liqlik tahlil qilinadi. Emotsiyalarni verbalizatsiya qilishning leksik, frazeologik, metaforik, sintaktik va matniy darajalari tavsiflanadi. Rus va o'zbek badiiy adabiyoti misollarida emotsiyalarning konseptualizatsiyasi xalqning milliy-o'ziga xos dunyoqarashi va madaniy qadriyatlarini aks ettirishi ko'rsatib berilgan.*

Kalit so'zlar: *emotsiyalarni verbalizatsiya qilish, emotivlik, lingvokulturologiya, milliy mentalitet, badiiy matn, dunyoning til manzarasi, emotiv konsept.*

Abstract. *This article examines the philological and linguoculturological aspects of the verbalization of emotions in a literary text. The relationship between the linguistic means of expressing emotional states and the specifics of the national mentality is analyzed. The lexical, phraseological, metaphorical, syntactic and textual levels of emotion verbalization are described. Using examples from Russian and Uzbek fiction, the article demonstrates how the conceptualization of emotions reflects the nationally specific worldview and cultural values of a people, and outlines the difficulties of translating nationally marked emotive concepts.*

Keywords: *verbalization of emotions, emotivity, linguoculturology, national mentality, literary text, linguistic picture of the world, emotive concept.*

Эмоции представляют собой не только универсальную психофизиологическую реакцию человека на окружающую действительность, но и важнейший элемент национальной культуры. В современной филологии и лингвокультурологии, развивающихся в русле антропоцентрической парадигмы, особое внимание уделяется исследование способов языкового воплощения (вербализации) эмоциональных состояний. Интерес к этой проблеме объясняется тем, что в эмоциональной сфере наиболее ярко проявляются различия между этносами: то, что и как человек чувствует, как оценивает свои переживания и в каких формах позволяет себе их выражать, во многом определяется культурными нормами и ценностями сообщества [5; 9; 15; 19].

Художественный текст служит уникальным материалом для изучения того, как в структуре языка запечатлевается национальный менталитет. В отличие от повседневного общения, художественная речь представляет эмоции не фрагментарно, а в целостной системе образов, сюжетных ситуаций и авторских оценок [3; 14].

Актуальность исследования определяется возрастающим интересом к сопоставительному изучению эмотивных концептов различных лингвокультур, а также недостаточной изученностью способов вербализации эмоций в произведениях русской и узбекской литературы в сопоставительном аспекте.

Целью данного исследования является анализ специфики вербализации эмоций в художественном тексте как средства репрезентации национально-культурного мировосприятия. Объектом исследования служат эмотивные средства языка в художественном тексте, предметом – их национально-культурная специфика. Материалом исследования послужили произведения русской (А.П. Чехов) и узбекской (А. Кодирий, Чулпон, У. Хошимов) художественной литературы, а также данные толковых и фразеологических словарей.

1. В лингвистике изучение эмоций связано с понятием эмотивности – способности языковых единиц и текста в целом выражать, называть и описывать эмоциональные состояния. В.И. Шаховский и Л.Г. Бабенко разграничивают единицы, называющие эмоции (радость, гнев, hayajon), описывающие их через внешние проявления, и выражающие их непосредственно [2; 19; 20]. Связь языка и национального мировидения была обоснована ещё В. фон Гумбольдтом [7] и развивается в трудах по языковой картине мира [1; 11; 21]. Под менталитетом принято понимать исторически сложившийся способ мышления и чувствования, характерный для этнической или социальной общности [8; 11].

Центральной единицей лингвокультурологического описания выступает концепт [10; 17]. Эмотивные концепты изучались на материале различных языков [6; 12; 16], а сопоставительный подход А. Вежбицкой доказал, что многие эмоциональные слова не имеют точных эквивалентов в других языках, а их значения культурно обусловлены [4; 5; 24]. В рамках филологического анализа текста [3; 14] эмоциональная тональность рассматривается как один из системообразующих признаков.

2. Вербализация эмоций в художественном тексте осуществляется на нескольких ключевых языковых и текстовых уровнях:

2.1. Ядро составляют существительные, глаголы и прилагательные, прямо называющие эмоции. Национальная специфика проявляется в структуре синонимических рядов и безэквивалентной лексике. Например, в узбекском языке чувство стыда и скромности дифференцируется рядом лексем (uyat, sharm, hayo, andisha, ibo), тогда как русский язык противопоставляет стыд и совесть. Эмоциональная оценка кодируется и словообразованием (русские суффиксы -ушк-, -оньк- и узбекские аффиксы -jon, -cha, -oy).

2.2. В русском языке эмоциональные состояния часто связываются с душой и сердцем (камень на душе, кошки скребут на душе, сердце ёкнуло). В узбекском языке эмоциональная сфера концентрируется вокруг ko‘ngil и yurak (ko‘ngli cho‘kdi, ko‘ngli ochildi, yuragi shuv etdi, ichi yondi). В обеих культурах эмоции локализуются во внутреннем пространстве человека, но образные модели различаются [18].

2.3. Эмоции концептуализируются через образы стихий, огня, давления [13; 22]. В русских текстах гнев «кипит», тоска «гложет», горе «обрушивается»; в узбекских – чувство «горит» (yuragi kuydi, ichi yondi), настроение «темнеет» (dili siyoh bo‘ldi).

2.4. В русском языке значимую роль играют безличные и дативные конструкции (мне тоскливо, ему стало стыдно), представляющие эмоцию как состояние, возникающее независимо от воли субъекта [5]. В узбекском языке эмоции нередко выражаются аналитическими конструкциями с глаголами bo‘lmoq, qilmoq, kelmoq, chiqmoq (xafa bo‘ldi, alam qildi, jahli chiqdi) и развитой системой междометий (voy, attang, obbo).

2.5. Эмоция может передаваться без прямой номинации – через описание жестов, мимики, пейзажа, несобственно-прямой речи и умолчания. Степень открытости выражения чувств регулируется культурно-этикетными нормами.

3. В русской лингвокультуре ключевую роль играют концепты «тоска» и «душа». Понятие «тоска» включает душевную тревогу, безвыходность и духовный поиск. По наблюдениям А. Вежбицкой, слово тоска отражает внимание к глубине и неопределённости внутреннего переживания [4; 5]. В рассказе А.П. Чехова «Тоска» (1886) эмоция извозчика Ионы Потапова вербализуется на текстовом уровне: через сюжетный повтор неудавшихся попыток высказаться и сумеречный пейзаж. Концепт «душа» (излить душу, душа болит) выступает главным органом эмоциональной жизни [16], обусловливая психологизм русской прозы.

В узбекской лингвокультуре центральное место занимает концепт «ko‘ngil» (сердце, душа, настроение), укоренённый в суфийской поэтической традиции (Алишер Навои). Забота о

чужих чувствах (ko‘ngilni og‘ritmaslik) выступает высшей этической нормой. Комплекс лексем uyat, hayo, andisha, sharm, ibo объединяет эмоциональный и нормативно-оценочный компоненты, регулируя поведение человека в коллективе. В романе А. Кодирия «O‘tkan kunlar» любовь героев передана сдержанно – через взгляды, паузы и этикетные поступки, что отражает этическую норму неразглашения интимных чувств. В прозе Чулпона («Kecha va kunduz») и У. Хошимова («Dunyoning ishlari») эмотивность тесно связана с семейно-родственными ценностями и культом уважения старших.

Узбекские эквиваленты тоски дифференцированы: sog‘inch (тоска по человеку/месту), hijron (боль разлуки), armon (сожаление о несбывшемся), g‘am/qayg‘u (страдание), zerikish (скука), что подтверждает безэквивалентный характер русского концепта.

4. Безэквивалентные эмотивные концепты требуют от переводчика выбора между контекстуальной заменой, описательным переводом и комментарием. Русское тоска передаётся на узбекский язык как sog‘inch, g‘am, zerikish или iztirob в зависимости от контекста, при этом происходит частичная перегруппировка смысловых акцентов. Узбекское uyat в русском языке варьируется от стыдно до неприлично и совестно. Фразеологизмы с образами ko‘ngil / yurak и душа / сердце требуют трансформаций для сохранения экспрессивности [18].

Заключение. Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы: 1) вербализация эмоций осуществляется на лексическом, фразеологическом, метафорическом, синтаксическом и текстовом уровнях, обладающих национальной спецификой; 2) русская лингвокультура ориентирована на интроспекцию и глубокий психологический анализ (концепты душа, тоска), тогда как узбекская – на этикетно-нормативную регуляцию, семейно-родственную иерархию и концепты ko‘ngil, uyat, hayo, sog‘inch; 3) национально-маркированные эмотивные концепты создают переводческие лакуны, требующие учета лингвокультурологического контекста.

Перспективы исследования связаны с составлением сопоставительного корпуса эмотивных единиц русской и узбекской литературы и их количественным анализом.

Список использованной литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в языке и речи. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. – 184 с.
3. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 520 с.
4. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
6. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 192 с.
7. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
8. Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – М.: Индрик, 1993. – 328 с.
9. Изард К. Э. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2012. – 464 с.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
11. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – 624 с.
12. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
13. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

14. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
15. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
16. Пименова М. В. Концептуальные исследования. Введение. – М.: Флинта, 2011. – 176 с.
17. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
18. Телия В. Н. Русская фразеология. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
19. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – М.: Либроком, 2012. – 208 с.
20. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
21. Шмелёв А. Д. Русская языковая модель мира. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
22. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. – Cambridge CUP, 2000.
23. Safarov Sh. Kognitiv tilshunoslik. – Jizzax: Sangzor, 2006.
24. Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures. – Cambridge CUP, 1999.

5- SHU'BA

QIYOSIY TILSHUNOSLIK VA BILINGVIZM MUAMMOLARI
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА
COMPARATIVE LINGUISTICS AND PROBLEMS OF BILINGUALISM

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОЗИЦИОННЫХ АЛЛОФОНОВ ГЛУХОГО СМЫЧНО-ВЗРЫВНОГО СОГЛАСНОГО [t] ПРИ ВНУТРИСЛОВНОЙ И МЕЖСЛОВНОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ ЭЛЕМЕНТАМИ СОЧЕТАНИЙ СГ В РЕЧИ РУССКО-АНГЛИЙСКИХ БИЛИНГВОВ

Долматова Екатерина Дмитриевна
Заместитель декана факультета английского языка, доцент кафедры фонетики и практики английской речи факультета английского языка учреждения образования «Белорусский государственный университет иностранных языков» кандидат филологических наук, доцент
г. Минск, Республика Беларусь

Annotatsiya. *Maqolada rus-ingliz bilingvlari nutqida СГ birikmalaridagi ichki so'z va so'zlararo bog'lanishda ingliz tilining jarangsiz portlovchi-yopiquvchi [t] undoshining realizatsiyalanish variativligi xususiyatini aniqlashga qaratilgan kompleks tadqiqot doirasida olib borilgan auditiv tahlil natijalari keltiriladi. Aniqlanishicha, eng ishonchli tarzda Г_С so'zlararo stigidagi so'z boshi allofonlari identifikatsiya qilinadi. ГСГ ichki so'z stigidagi intervokal allofonlar va С_Г so'zlararo stigidagi so'z oxiri allofonlari esa ko'proq Г_С bilan aralashib ketadi. Barcha pozitsiyalarda undoshning aspiratsiyalangan variantlari ustunlik qiladi, variantlar taqsimoti esa stik turiga qarab sezilarli darajada farqlanadi. Xatolar asimmetriyasi so'z boshi stigining perseptiv ajralib turishi, shuningdek bilingvlar talaffuzining giperkorreksiyasi bilan izohlanadi, bu esa so'zlararo chegaralarning neytrallashuviga olib keladi.*

Аннотация. *В статье приводятся результаты аудитивного анализа в рамках комплексного исследования, направленного на установление характера вариативности в реализации английского глухого смычно-взрывного согласного [t] при внутрисловной и межсловной связи в сочетаниях СГ в речи русско-английских билингвов. Установлено, что наиболее надёжно идентифицируются словоначальные аллофоны на межсловном стыке Г_С. Интервокальные аллофоны на внутрисловном стыке ГСГ и словоконечные аллофоны на межсловном стыке С_Г чаще смешиваются с Г_С. Во всех позициях преобладают аспирированные варианты согласного, при этом распределение вариантов значимо различается в зависимости от типа стыка. Асимметрия ошибок объясняется перцептивной выделенностью словоначального стыка, а также возможной гиперкоррекцией произношения билингвов, что ведёт к нейтрализации межсловных границ.*

Abstract. *The article presents the results of an auditory analysis within a* **wide-ranging** *study aimed at establishing the nature of variability in the realization of the English voiceless plosive consonant [t] in intra-word and inter-word junctions in CV combinations in the speech of Russian-English bilinguals. It has been established that word-initial allophones at the inter-word juncture Г_С are identified most reliably. Intervocalic allophones at the intra-word juncture ГСГ and word-final allophones at the inter-word juncture С_Г are more often confused with Г_С. In all positions, aspirated variants of the consonant predominate, and the distribution of variants differs significantly depending on the type of juncture. The asymmetry of errors is explained by the perceptual salience of the word-initial juncture, as well as by the possible hypercorrection in the pronunciation of bilinguals, which leads to the neutralization of word boundaries.*

Несмотря на то, что сегментация речевого потока остается дискуссионной проблемой [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9 и др.], а согласные признаются важнейшим средством маркировки границ слов, реализация стыковых аллофонов в соединениях типа «согласный + гласный» (СГ) не получила освещения и процесс сегментации в речи билингвов, который позволяет проверить универсальность механизмов опоры на согласные при выделении слов. Этим определяется необходимость настоящего исследования, направленного на установление характера вариативности в реализации английских глухих смычно-взрывных согласных фонем при межсловной и внутрисловной связи в сочетании СГ в речи русско-английских билингвов.

Непосредственный объект исследования – фонетические модификации английского глухого смычно-взрывного согласного [t] в сочетаниях типа «согласный + гласный» (СГ) при внутрисловной и межсловной связи в речи билингвов.

Предмет исследования – аллофонические модификации английского глухого смычно-взрывного согласного [t] и особенности его перцептивной идентификации в зависимости от типа стыка.

Для исследования роли согласных в смысловой сегментации английской речи билингвов был подобран и записан экспериментальный материал, представляющий собой фразы с тремя типами стыков, элементами которых был глухой смычно-взрывной согласный [t]:

1. межсловный стык типа «**гласный + согласный» (Г_С) со словоначальным аллофоном [t]**– например, *a t̲all* ‘высокий, большой, сложный’;

2. межсловный стык типа «**согласный + гласный» (С_Г) со словоконечным аллофоном [t] – например,** *at̲ all* ‘совсем, любой ценой’;

3. внутрисловный стык типа «**г**ласный + согласный + гласный» **(ГСГ) с интервокальным аллофоном [t] – например,** *at̲oll* ‘атолл’.

Запись материала осуществлялась с привлечением 10 дикторов–билингвов, студентов 4 курса факультета английского языка учреждения образования «Белорусский государственный университет иностранных языков.

В соответствии с задачами исследования экспериментальный материал был подвергнут изучению с помощью комплексной методики. В данной статье представлены результаты аудитивного анализа с элементами математико-статистической обработки полученных данных.

Аудитивный анализ в исследовании включал несколько этапов с привлечением преподавателей кафедры фонетики и практики английской речи (n=12). На первом этапе перед ними была поставлена задача оценить произношение студентов с точки зрения владения ими произносительной нормой английского языка по шкале от 1 до 10 баллов.

Согласно полученным данным, средние оценки произносительных навыков испытуемых варьировались в диапазоне 7–8 баллов, что указывает на достаточно высокий уровень владения ими произносительной нормой. Степень иноязычного акцента варьировала от «едва заметного» до «сильного», что подтверждает неоднородность выборки испытуемых. По мнению аудиторов, одной из ключевых причин снижения оценок стала недостаточная гибкость в выборе стыковых аллофонов при произнесении межсловных сочетаний. Это подчёркивает необходимость целенаправленной работы над фонетическими модификациями согласных на межсловных стыках.

Далее аудиторам-фонетистам было предложено определить, какой вариант реализации глухого смычно-взрывного согласного [t] использует каждый студент в исследуемой позиции. Перечень признаков включал: степень глухости/звонкости (полная/частичная); степень аспирации (сильная, слабая, ее отсутствие); характер взрыва (сильный, слабый, отсутствие); тип звука по соотношению смычки и взрыва (собственно смычный, аффрицированный, фрикатизированный). Результаты данного этапа аудитивного анализа представлены в Таблица 1.

Таблица 1 – Распределение воспринимаемых вариантов согласных стыковых аллофонов в речи билингвов

Вариант реализации стыкового аллофона согласного	Г_С (n = 560)		ГСГ (n = 210)		С_Г (n = 280)	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Аффрицированный	14	2,5	21	10	–	–
Неаспирированный	21	3,8	–	–	35	12,5
Одноударный	–	–	–	–	28	10
Озвонченный	7	1,3	–	–	7	2,5
Сильноаспирированный	149	26,6	77	36,7	35	12,5
Слабоаспирированный	77	13,8	35	16,7	98	35
Среднеаспирированный	292	52,1	77	36,7	70	25
Фрикатизированный	–	–	–	–	7	2,5

Примечание: различия между вариантами в пределах столбца проверялись статистически; ввиду малого числа наблюдений для отдельных вариантов попарные различия в таблице не маркированы; прочерк означает отсутствие варианта.

Согласно полученным данным, распределение вариантов реализации [t] значимо различается в зависимости от типа стыка (χ^2 = 289,065; df = 14; p < 0,001). Дополнительно были применены точный критерий Фишера (270,669; p < 0,001) и оценка значимости методом Монте-Карло (p < 0,001; 99 % доверительный интервал: 0,000–0,000). Все три критерия дают согласованный результат, что подтверждает статистическую значимость связи между типом стыка и вариантом реализации согласного и позиционную обусловленность аллофонического варьирования.

Во всех трех типах стыков (Г_С, ГСГ и С_Г) в речи билингвов преобладают аспирированные варианты согласного [t] – сильноаспирированный, среднеаспирированный и слабоаспирированный: 92,5 % в Г_С, 90,0 % в ГСГ и 72,5 % в С_Г. Именно эти три варианта представлены в каждой позиции, тогда как неаспирированные, аффрицированные, одноударные, озвонченные и фрикатизированные встречаются лишь в одной или двух позициях, а в некоторых отсутствуют полностью.

На втором этапе аудитивного анализа из экспериментальных фраз в исполнении десяти билингвов с помощью Sound Forge 14.0 были отсегментированы совпадающие по фонемному составу части смежных слов, так что полученные фонемные последовательности потенциально представляли собой минимальные пары фонетических слов**, например**:

1. *She asked for [**a tall**] iced latte at the café.* ‘Она попросила большой айс-латте в кафе’.

2. *They climbed [**a tall**] icy mountain before sunrise.* ‘Они взобрались на высокую заснеженную гору до рассвета’.

3. *The sailors discovered an [**atoll**] oasis hidden from view.* ‘Моряки обнаружили оазис на атолле, скрытый от посторонних глаз’.

Выделение этих сочетаний из контекста фразы устраняло возможность грамматической или смысловой подсказки и позволяла получить достоверные данные о перцептивной идентификации типа стыка (диеремы) между смежными согласным и гласным (СГ), а следовательно, и позиционного аллофона согласного (словоконечного или словоначального) на основе фонетической информации. Аудиторам (n=7) необходимо было прослушать в случайном порядке изолированные стимулы (n=**1050)** и определить тип стыка: Г_С (*a tall*), С_Г (*at all*) или ГСГ (*atoll*). Ответ фиксировался в английской графике; правильная запись означала идентификацию позиционного аллофона в изучаемых типах стыка.

Анализ ответов аудиторов показал, что общая точность идентификации стимулов с изучаемыми позиционными аллофонами [t] при восприятии речи билингвов составила 81,8% (859 из 1050).

В таблице 2 приведены результаты идентификации стимулов в зависимости от типа СГ-стыка у билингвов.

Таблица 2 – Идентификация стимулов в зависимости от типа СГ-стыка у билингвов, %

Тип стыка	Г_С	ГСГ	С_Г
Г_С	87,5[a]	4,8[b]	7,7[b]
ГСГ	19,5[a]	76,2[b]	4,3[c]
С_Г	17,9[a]	7,5[b]	74,6[c]

Примечание: попарные сравнения пропорций проводились z-критерием для долей с поправкой Бонферрони (уровень значимости $p > 0{,}0167$). Одинаковые надстрочные индексы указывают на отсутствие значимых различий; сравнение выполнено в пределах строки (тип предъявленного стимула).

Как видно из приведенных в таблице 2 данных, точность идентификации словоначальных аллофонов на межсловном стыке Г_С составила 87,5%. Это может объясняться тем, что в позиции Г_С аспирированные варианты смычно-взрывного согласного [t] составляют 92,5% (среднеаспирированные – 52,1%, сильноаспирированные – 26,6%, слабоаспирированные – 13,8 %; таблица 1). Именно наличие аспирации – независимо от ее степени – слушатели уверенно используют как сигнал начала слова. Точность распознавания интервокальных согласных на внутрисловном стыке ГСГ и словоконечных согласных на межсловном стыке С_Г составила 76,2% и 74,6% соответственно, при этом основные ошибки связаны с восприятием данных стимулов как словоначальных в стыке Г_С (19,5% и 17,9% случаев), тогда как сам словоначальный согласный на межсловном стыке Г_С смешивается с со словоконечными и интервокальными согласными в 12,5 случаев. Статистическая значимость выявленных различий подтверждена критерием χ^2 Пирсона (1027,794; df= 4; p < 0,001). Наиболее вероятным объяснением асимметрии ошибок является то, что словоначальный согласный в стыке Г_С у билингвов обладает более сильными и устойчивым перцептивными ключами и поэтому «притягивает» ответы при восприятии неоднозначных стимулов. Вместе с тем не исключается и влияние гиперкоррекции – тенденции билингвов усиливать аспирацию в позициях, где это не требуется, что ведет к нейтрализации межсловных границ.

На внутриакцентном межсловном стыке С_Г словоконечные аллофоны в речи билингвов модифицируются, иногда совпадая со словоначальными аллофонами во внутрисловном сочетании Г_С, что ведет к нейтрализации межсловных границ. Выбор варианта определяется степенью коартикуляции: тесная смысловая связь слов усиливает коартикуляцию и подчеркивает целостность речевого фрагмента; ее отсутствие выделяет более важный элемент. Билингвы, в отличие от носителей языка [5; 6; 7; 8], стремятся подчеркнуть различия между словоначальными и словоконечными согласными: этим объясняется высокая доля аспирированных реализаций [t] во всех позициях (92,5% в Г_С, 90,0% в ГСГ, 72,5% в С_Г). Однако в стыках С_Г и ГСГ выбираемые ими варианты сближаются со словоначальными, что ведет к нейтрализации границ. Таким образом, стратегия дифференциации не всегда достигает цели: на месловном стыке Г_С она обеспечивает надежную идентификацию, тогда как в стыках С_Г и ГСГ приводит к смешению со стыком Г_С. Использование конкретного варианта аллофона (взрывного, аффрицированного, оглушённого и др.) отражает фонетическую компетенцию билингва: при потенциально неоднозначной интерпретации он выбирает вариант, обеспечивающий, по его представлению, однозначную смысловую сегментацию.

Можно предположить, что степень нейтрализации позиционных аллофонических различий связана с уровнем владения английским языком: при более высоком уровне владения вероятнее «размывание» межсловных и внутрисловных границ. Проверка этой гипотезы требует сопоставления групп билингвов с разным уровнем произносительной нормы и является задачей дальнейших исследований.

Список использованной литературы

1. Nakatani L., Dukes K. D. Locus of Segmental Cues for Word Juncture // Journal of the Acoustical Society of America. 1977. – Vol. 62. – P. 714–719.
2. Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – 199 с.
3. Quene H. Duration cues for word segmentation in Dutch // Journal of Phonetics. 1986. – Vol. 20. – P. 331–350.
4. Каленчук М. Л. О делимитативной функции фонем // Проблемы фонетики. IV: сб. ст. М., 2002. – С. 27–31.
5. Долматова Е. Д. Акустические различия и перцептивная идентификация аллофонов сегментных единиц // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, Минск, 24–25 апреля 2007 г.: в 5 ч. Ч. 3. Минск : МГЛУ, 2007. – С. 6–9.
6. Karnevskaya E. B., Dolmatova E. D. The Role of Plosive Consonants in the Perception of Word Boundaries // SPECOM 2009: proceedings of 13th International Conference Speech and Computer, S.-Petersburg, June 21–25, 2009. S.-Petersburg, 2009. – P. 426–429.
7. Карневская Е. Б., Долматова Е. Д. Перцептивные модификации словоконечных согласных при разных типах просодического стыка // Актуальные проблемы современной прикладной лингвистики: сб. науч. ст. / редкол.: Л. Н. Беляева, Т. В. Бусел, Р. В. Детскина [и др.]. Минск : МГЛУ, 2017. – С. 139–145.
8. Карневская Е. Б., Долматова Е. Д. Просодические ключи к распознаванию межсловного и внутрисловного соединения фонем // Фонетика в современной лингвистической парадигме: сб. науч. ст. / редкол.: Е. Б. Карневская (отв. ред.) [и др.]. Минск : МГЛУ, 2021. – С. 71–76.
9. Карташевская Ю. В. Система фонетико-фонологических средств делимитации речевого потока в английском языке (на материале американской монологической речи). Минск : МГЛУ, 2022. – с.12–16

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ» В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Азизова Насиба Бахритдиновна
доктор философии (PhD), профессор
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Annotatsiya. *Maqolada rus va o‘zbek tillarida “lisoniy shaxs” konseptini qiyosiy lingvomadaniy o‘rganish natijalari yoritilgan. Tahlil Yu.N.Karaulovning uch darajali modeli va D.S.Lixachevning konseptosfera tushunchasi asosida, har ikki tilning milliy korpuslari ma’lumotlarini jalb etgan holda olib borilgan. Rus konseptosferasi ontologik va ekzistensial kategoriyalarga (“haqiqat”, “vijdon”, “taqdir”, “iroda”), o‘zbek konseptosferasi esa ijtimoiy-axloqiy uyg‘unlikka (“nomus”, “iltifot”, “mezon”, “sabr-qanoat”) yo‘nalganligi aniqlangan. Leksik, kognitiv va pragmatik darajalardagi farqlar hamda raqamli muloqotdagi yaqinlashuv tendensiyalari ko‘rsatilgan.*

Kalit so‘zlar: *lisoniy shaxs, konsept, konseptosfera, lingvomadaniyatshunoslik, qiyosiy tahlil, rus tili, o‘zbek tili.*

Аннотация. *В статье представлены результаты сопоставительного лингвокультурологического исследования концепта «языковая личность» в русском и узбекском языках. Анализ выполнен на основе трёхуровневой модели Ю.Н. Караулова и понятия концептосферы Д.С. Лихачёва с привлечением данных национальных корпусов обоих языков. Установлено, что русская концептосфера ориентирована на онтологические и экзистенциальные категории («правда», «совесть», «судьба», «воля»), а узбекская – на социально-этическую гармонию («nomus», «iltifot», «mezon», «sabr-qanoat»). Показаны различия на лексическом, когнитивном и прагматическом уровнях, а также тенденции сближения в цифровой коммуникации.*

Ключевые слова: *языковая личность, концепт, концептосфера, лингвокультурология, сопоставительный анализ, русский язык, узбекский язык.*

Abstract. *The article presents the results of a comparative linguocultural study of the concept of “linguistic personality” in Russian and Uzbek. The analysis is based on Yu.N. Karaulov’s three-level model and D.S. Likhachev’s notion of the conceptosphere, supplemented by data from the national corpora of both languages. It is shown that the Russian conceptosphere is oriented towards ontological and existential categories (pravda, sovest’, sud’ba, volya), whereas the Uzbek one is oriented towards social and ethical harmony (nomus, iltifot, mezon, sabr-qanoat). Differences at the lexical, cognitive and pragmatic levels and trends of convergence in digital communication are described.*

Keywords: *linguistic personality, concept, conceptosphere, linguoculturology, comparative analysis, Russian language, Uzbek language.*

Введение. Антропоцентрическая парадигма, рассматривающая язык в неразрывной связи с мышлением, культурой и деятельностью человека, определяет развитие современной лингвистики. Её центральными категориями являются языковая личность и концепт [1; 3]. Языковая личность понимается как совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие речевых произведений; в национальной лингвокультуре она формируется как носитель особой системы концептов и коммуникативных норм.

Русский и узбекский языки принадлежат к разным семьям – славянской и тюркской, развивались в разных цивилизационных традициях (православно-европейской и тюркско-исламской), но на протяжении столетий находятся в тесном контакте, а двуязычие широко распространено в узбекском обществе. Тем не менее сопоставительное лингвокультурологическое исследование концепта «языковая личность» на материале этих языков до сих пор не проводилось: в узбекском языкознании проблема разрабатывается преимущественно в теоретическом плане [11].

Цель статьи – выявить национально-культурную специфику концепта языковой личности в русском и узбекском языках на лексическом, когнитивном и прагматическом уровнях. Задачи: описать историко-культурные основы двух моделей; сопоставить ядерные концепты; проверить выводы на корпусных данных; определить современные тенденции.

Методология и материал исследования

Теоретической основой послужили трёхуровневая модель языковой личности Ю.Н. Караулова (вербально-семантический, когнитивно-тезаурусный и мотивационно-прагматический уровни) [1, с. 48], понятие концептосферы Д.С. Лихачёва [2] и принцип А. Вежбицкой, согласно которому сопоставление семантики разных языков раскрывает различные способы осмысления мира [4]. Применялись методы лингвокультурологического, концептуального, семантического и сопоставительно-контрастивного анализа, анализ фразеологии и паремий, корпусный анализ.

Эмпирическую базу составляют более 500 лексических единиц, около 200 фразеологизмов, свыше 60 текстовых фрагментов и 300 лексических концептов русского и узбекского языков; отбор проводился по критериям частотности, культурной маркированности, устойчивости и сопоставимости. Для количественной проверки использованы Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru) и корпус узбекского языка (uzbekcorpus.uz) (дата обращения: 20.01.2026) [12].

Результаты и обсуждение. ***1. Историко-культурные основы двух моделей***

Русская модель восходит к православной антропологии, в которой слово (логос) понимается как онтологическая категория, а речевое поведение регулируется понятиями «правда-истина» и «правда-справедливость». Выделены пять этапов её развития: древнерусский (XI–XVII вв.; идеал «кроткого и смиренного слова»), XVIII – первая половина XIX в. (светско-литературная модель), вторая половина XIX – начало XX в. (философско-рефлексивная модель), советский (идеологизированная коллективная модель) и современный (поливариантная модель в условиях глобализации и цифровизации).

Узбекская модель сформировалась под влиянием трёх культурных пластов: тюркско-кочевого (VI–XI вв.; эпико-устная модель), исламско-персоязычного (IX–XV вв.; этико-суфийская модель, в которой речь регулируется идеями «zabon-ehtiyot» – осторожности в слове – и «so‘zning qadri» – ценности слова, ср. творчество А. Яссави и А. Навои) и советско-современного (XX–XXI вв.; поликультурная модель).

2. Ядерные концепты

Ядро русской концептосферы образуют «правда», «совесть», «душа», «тоска», «судьба», «простота», «воля», «разгул / удаль», «наивность», «авось»; ядро узбекской – «nomus», «iltifot», «mezon», «keng ko‘ngil», «Vatan», «sabr-qanoat», «ulug‘vorlik», «xushmuomala», «ostonalik», «ma’rifat» (табл. 1). По В.В. Колесову, «правда» – истина, прошедшая через совесть [5, с. 143]; она порождает коммуникативные установки «резать правду-матку» и «справедливый гнев». Узбекское «nomus» требует избегать слов, ставящих собеседника в неловкое положение, что формирует высокую коммуникативную осторожность; «mezon» предписывает меру в речи: «So‘zni mezoni bilan aytgan kishi donodir» (‘мудр тот, кто говорит слово с мерой’; А. Навои) [10, т. 10, с. 156].

Таблица 1. Ядерные концепты русской и узбекской концептосфер языковой личности

Русский язык	Узбекский язык
«Правда» – истина и нравственная справедливость	«Nomus» – честь, достоинство; регулятор публичной речи
«Совесть» – внутренний регулятор речевого поведения	«Iltifot» – внимание, иерархичность общения
«Душа» – интроспекция, «говорить от души»	«Mezon» – мера, умеренность в речи
«Тоска» – эмоциональность, философская рефлексия	«Keng ko‘ngil» – гостеприимство, терпимость
«Судьба» – предопределённость или бунт против неё	«Vatan» – сакральная связь с землёй и родом
«Простота» – недостаток и высшее достоинство	«Sabr-qanoat» – терпение и довольство малым
«Воля» – внутренняя и пространственная свобода	«Ulug‘vorlik» – великодушие, щедрость
«Разгул / удаль» – предельное самовыражение	«Xushmuomala» – искусство приятного общения
«Наивность» – «святая простота»	«Ostonalik» – неспешность, вдумчивость в беседе
«Авось» – упование на случай	«Ma’rifat» – просвещённость, культура речи

3. Различия по уровням модели Ю.Н. Караулова

Различия проявляются на всех уровнях структуры языковой личности (табл. 2). На вербально-семантическом уровне русский язык тяготеет к абстрактной лексике и фразеологии с компонентами «душа», «сердце» (душа в душу, отвести душу, сердце кровью обливается), узбекский – к предметной лексике семьи, дома и труда и фразеологизмам с компонентами «til», «yuz», «o‘lchov». На когнитивном и

мотивационно-прагматическом уровнях русская модель ориентирована на понимание и согласие по истине, узбекская – на сохранение гармонии и избегание конфликта.

Таблица 2. Сопоставление русской и узбекской языковой личности по уровням модели

Параметр	Русский язык	Узбекский язык
Лексика	абстрактные существительные («душа», «судьба», «пространство»), глаголы переживания	предметная лексика (семья, дом, труд), прилагательные-характеристики (sabrli)
Фразеология	компоненты «душа», «сердце»	компоненты «til», «yuz», «o‘lchov»
Речевые формулы	гипербола, уменьшительные («ручеёк», «домик»)	формулы вежливости и благопожеланий («Oq yo‘l!»)
Поле «истина»	дихотомия «правда – ложь»	триада «rostlik – o‘rinlilik – e’tibor»
Время	эсхатологическая перспектива («пока не поздно»)	циклическое восприятие («Sabring – bog‘ bo‘lur»)
Цель общения	понимание, согласие по истине	сохранение гармонии, избегание конфликта
Самопрезентация, конфликт	самоирония, прямое выяснение («Давай выясним!»)	косвенная самопрезентация через семью и предков; смягчение («Keling, suhbatlashaylik»)

4. Корпусные данные

Выводы проверены на корпусных данных по концептам «Родина / Vatan» и «труд / mehnat» (табл. 3). В русском корпусе «Родина» реализуется прежде всего через долг и защиту (защита Родины – 124; служение Родине – 76), тогда как в узбекском преобладает сочетание «ona Vatan» (156), актуализирующее семейность и сакральность. «Труд» в русском языке чаще выступает как вид деятельности (физический труд – 89; умственный труд – 67), в узбекском – как процесс и личное качество (mehnat qilmoq – 98; mehnatsevar – 76). Приведены абсолютные частоты из корпусов разного объёма, поэтому интерпретация качественная: сопоставляются доминирующие модели сочетаемости, а не объёмы употребления.

Таблица 3. Коллокации концептов «Родина / Vatan» и «труд / mehnat» (абсолютная частота)

Концепт	Язык	Сочетание	Частота	Семантическое поле
Родина / Vatan	русский	защита Родины	124	защита, долг
	русский	любовь к Родине	98	чувство, верность
	русский	служение Родине	76	долг, обязанность
	узбекский	Vatan himoyasi	87	защита, долг
	узбекский	Vatan muhabbati	112	чувство, верность
	узбекский	ona Vatan	156	семейность, сакральность

Концепт	Язык	Сочетание	Частота	Семантическое поле
Труд / mehnat	русский	физический труд	89	физическая деятельность
	русский	умственный труд	67	умственная деятельность
	русский	трудовая деятельность	54	официальная деятельность
	узбекский	mehnat qilmoq	98	процесс
	узбекский	mehnatsevar	76	личное качество
	узбекский	mehnatni sevmoq	45	чувство

5. Речевые жанры и современные тенденции

Различия проявляются и в жанровой системе. Русская исповедь направлена на очищение через покаяние перед другим человеком, узбекская «munojot» – интимный разговор с Богом, не рассчитанный на публику и сохраняющий достоинство говорящего. Русский спор ценится как «борьба идей» и допускает эмоциональность; узбекская «munozara» тяготеет к соблюдению этикета, и важна не победа, а поиск взаимоприемлемого решения. Застольная беседа в русской традиции связана с «открытостью» (ср. пословицу «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке»), в узбекской – это ритуал, сохраняющий иерархию и укрепляющий общинные связи.

Глобализация и цифровизация вызывают сближение: усиление эмоциональной экспрессии в русскоязычном интернет-общении (прописные буквы, обилие смайлов), адаптация узбекской вежливости в социальных сетях в виде клишированных формул, возрождение религиозно-этической регуляции речи в обеих культурах. Одновременно сохраняются различия: русская языковая личность демонстрирует высокую языковую рефлексию (споры о нормах), узбекская – гибкость в выборе языка (узбекский / русский / английский) в зависимости от ситуации.

Заключение. Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, русская и узбекская модели языковой личности основаны на разных цивилизационных традициях – православно-европейской и тюркско-исламской. Во-вторых, главное различие лежит в иерархии коммуникативных ценностей: для русской модели приоритетны подлинность и искренность высказывания, для узбекской – его гармонизирующая функция; соответственно, русская концептосфера ориентирована на онтологические и экзистенциальные категории, а узбекская – на социально-этическую гармонию и духовное совершенствование. В-третьих, различия прослеживаются на всех уровнях структуры языковой личности – от лексических предпочтений до мотивов общения – и подтверждаются корпусными данными. В-четвёртых, в современной коммуникации наблюдается взаимодействие традиционных оснований и глобальных влияний, формирующее гибридные типы языковой личности.

Практическая значимость результатов состоит в возможности их использования при создании двуязычных словарей (на их основе составлен русско-узбекский тематический словарь из 300 концептов), в преподавании русского и узбекского языков как иностранных, переводоведении и межкультурной коммуникации. Перспективой исследования является расширение корпусной проверки на остальные ядерные

концепты («правда», «совесть», «nomus», «iltifot») и использование нормализованных частот.

Список использованной литературы

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
2. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. – New York: Oxford University Press, 1997.
5. Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
6. Шмелёв А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 492 с.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
8. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990.
9. Mo‘minov I.M. XX asr o‘zbek falsafiy fikri: asosiy yondashuvlar va muammolar. – Toshkent: Fan, 2007. – 280 b.
10. Navoiy A. Mukammal asarlar to‘plami: 20 jild. – Toshkent: Fan, 1968–1970. – T. 10.
11. Азизова Н.Б. Лингвокультурологическая интерпретация фразеологизмов русского и узбекского языков. – Qarshi: Big Makro World, 2025. – 98 с.
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: https://ruscorpora.ru; Корпус узбекского языка [Электронный ресурс]. – URL: https://uzbekcorpus.uz (дата обращения: 20.01.2026).
13. Азизова Н.Б. 2026. Языковая личность в произведениях мыслителей Центральной Азии. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 45(2): 330–342. DOI:10.52575/2712-7451-2026-45-2-330-342 EDN: PRLNXA
14. Азизова, Н. Б. Концептуальная модель языковой личности в рамках антропоцентрической лингвистики / Н. Б. Азизова // Вестник БГУИЯ. Сер. 1, Филология. – 2026. – № 3 (5). – С. 7–13.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ИМЯ СОБСТВЕННОЕ» В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

Сайдуллаева Рано Ибодовна
доцент
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается терминологическое поле «имя собственное» в русской и узбекской ономастике. На материале терминологических словарей Н. В. Подольской и Э. Бегматова, Н. Улукова, а также современных работ по ономастической терминологии предложена модель поля из четырёх уровней (ядро, метаязык дисциплины, классы онимов, процессы и связи) и выделены четыре типа соответствий русских и узбекских терминов: интернационализмы, исконные эквиваленты, частичные эквиваленты и безэквивалентные единицы.*

Ключевые слова: *ономастика, терминологическое поле, имя собственное, ономастическая терминология, русский язык, узбекский язык, сопоставительный анализ, терминологический словарь.*

Annotatsiya. *Maqolada rus va o‘zbek onomastikasidagi «atoqli ot» terminologik maydoni tahlil qilinadi. N. V. Podolskaya, E. Begmatov va N. Uluqov lug‘atlari hamda onomastik terminologiyaga oid tadqiqotlar asosida to‘rt darajali maydon modeli (yadro, fan metatili, onimlar sinflari, jarayonlar va munosabatlar) taklif etiladi, rus va o‘zbek terminlari o‘rtasidagi to‘rt xil moslik: baynalmilal terminlar, o‘zbekcha ekvivalentlar, qisman ekvivalentlar va ekvivalentsiz birliklarga ajratiladi.*

Kalit so‘zlar: *onomastika, terminologik maydon, atoqli ot, onomastik terminologiya, rus tili, o‘zbek tili, qiyosiy tahlil, terminologik lug‘at.*

Abstract. *This article examines the terminological field of "proper name" within the context of Russian and Uzbek onomastics. Drawing on terminological dictionaries by N. V. Podolskaya, E. Begmatov, and N. Ulukov, as well as contemporary research on onomastic terminology, the study proposes a four-level model of this field (comprising the core, the discipline’s metalanguage, classes of onyms, and processes and relationships). Furthermore, it identifies four types of correspondences between Russian and Uzbek terms: internationalisms, native equivalents, partial equivalents, and non-equivalent units.*

Keywords: *onomastics, terminological field, proper name, onomastic terminology, Russian language, Uzbek language, comparative analysis, terminological dictionary.*

Введение. Имя собственное - центральная единица ономастики, а терминология науки о нём представляет собой систему, организованную понятийно и отражающую структуру предметной области [1]. Под терминологическим полем «имя собственное» мы понимаем совокупность терминов, которые обозначают собственное имя, его

разряды, науку о нём и процессы перехода между разрядами имён. Русская ономастическая терминология описана в словаре Н. В. Подольской [2], узбекская в «Толковом словаре терминов узбекской ономастики» Э. Бегматова и Н. Улукова [3]. С момента их выхода появилось много новых терминов, а определения некоторых прежних изменились; упорядочение ономастической терминологии названо одной из актуальных задач узбекской ономастики [4]. Сопоставление двух терминологических полей необходимо и для составления двуязычных словарей, и для преподавания ономастики в русско-узбекской среде. Цель статьи - описать структуру поля «имя собственное» в русской и узбекской ономастике и определить типы соответствий между его терминами.

Материал и методы. Материалом послужили определения и состав терминов в словарях [2; 3], в первом издании словаря Н. В. Подольской [5] и в работах по ономастической терминологии [4; 6–9]. Применялись сопоставительно-лексикографический анализ определений, компонентный анализ состава понятий и классификация типов соответствий. Узбекские термины даны латиницей, русские - кириллицей.

Результаты и обсуждение. 1. Структура поля. Основой поля служит противопоставление «имя собственное - имя нарицательное», которому в узбекской терминологии соответствует пара *atoqli ot - turdosh ot* [6]. Показательно, что само понятие «термин» передаётся в узбекском языкознании тремя словами - *termin, atama* и *istiloh*, причём *atama* шире и охватывает в том числе единицы, связанные с ономастикой [6]. По наблюдению М. Ю. Ходжиевой, в ономастической терминологии необходимо различать два аспекта: собственные имена, относимые к разделам ономастики (*Buxoro, Toshkent* - топонимы; *Baxtiyor, Nodira* - антропонимы; *Amudaryo, Zarafshon* - гидронимы), и нарицательные слова, являющиеся собственно терминами [6]. С учётом этого и русских источников [2; 7] мы выделяем в поле четыре уровня: 1) ядро - имя собственное / *atoqli ot*, оним; 2) метаязык дисциплины - ономастика / *onomastika*, ономастикон, ономастическое пространство / *onomastik makon* [4]; 3) классы и подклассы онимов - антропоним, топоним, гидроним, ойконим, урбаноним и др.; 4) процессы и связи между разрядами - онимизация, трансонимизация, ономастическая конверсия.

2. Типы соответствий. Сопоставление терминов выявляет четыре типа соответствий (табл. 1). В узбекском языкознании принято не искать исконных замен для интернационализмов [6], поэтому исконные эквиваленты имеют прежде всего общие термины. Частичные эквиваленты различаются объёмом понятий: *laqab* входит в ряд вторичных имён наряду с *taxallus, nisba, unvon* и *kunya* [10], а *transpozitsiya* многозначна (см. п. 4). Лакуны асимметричны: *nisba* и *kunya* не имеют русских соответствий [10], русскому *отчество* в узбекском соответствуют описательные формы [11], а описательное обозначение «названия внутрисельских объектов», появившееся в русской ономастике, не имеет узбекского термина [4].

Таблица 1. Типы соответствий русских и узбекских терминов поля «имя собственное»

Тип соответствия	Русские и узбекские термины	Комментарий
Интернационализмы	антропоним -*antroponim*; топоним -*toponim*; гидроним -*gidronim*; ойконим -*oykonim*; урбаноним -*urbanonim*; годоним -*godonim*	Форма и значение совпадают; замен не ищут [6]
Исконные эквиваленты	имя собственное -*atoqli ot*; имя нарицательное -*turdosh ot*; онимизация -*atoqlilashuv* (*onimizatsiya*)	Эквиваленты общих терминов [6; 8]
Частичные эквиваленты	прозвище -*laqab*; псевдоним -*taxallus*; трансонимизация – *transpozitsiya*	Объёмы понятий не совпадают [8; 10]
Безэквивалентные единицы	*nisba, kunya* (нет русских соответствий); отчество (в узбекском -*otasining ismi, o'g'li / qizi*); названия внутрисельских объектов (узбекского термина нет)	Лакуны в обоих направлениях [4; 10; 11]

3. Урбаноним: динамика термина и перенос структуры понятия. Термин «урбаноним» показывает, как складывается и меняется терминологическая единица. В работах Н. В. Подольской он появился в двух вариантах - *урбоним* (1972) и *урбаноним* (1974) [4]; в первом издании словаря основным термином стал *урбаноним* с вариантом *урбоним* [5], во втором издании вариант снят [2; 4]. По данным Р. В. Разумова, в 2000-е гг. термин вошёл в названия 9 из 18 защищённых в России по теме диссертаций, а по данным научной электронной библиотеки используется в 60 публикациях, из них в 33 как ключевое слово [9]. Состав понятия при этом менялся (табл. 2). Узбекский словарь [3] даёт определение с тем же составом из пяти видов, что и второе издание словаря Н. В. Подольской, и относит урбаноним к видам топонима [4]; узбекская терминография, таким образом, перенесла русскую структуру понятия, причём позже: в «Толковом словаре топонимов Узбекистана» Т. Нафасова (1988) термина ещё нет [4]. Спорным остаётся объём понятия: Т. В. Шмелёва относит к урбанонимам названия учреждений, тогда как А. В. Суперанская их исключает, считая эргонимы самостоятельной группой [4]. О. Т. Бегимов предлагает включить в состав урбанонимов также названия мостов (гефуронимы, термин В. И. Супруна [12]), памятников (монументонимы), городские дримонимы и некронимы (эти термины уже есть в словаре [2]), названия фонтанов и остановок, а эргонимы исключить, поскольку они не имеют топографической привязки [4].

Таблица 2. Состав понятия «урбаноним» в источниках

Источник	Термин	Виды онимов в составе понятия
Подольская, 1978 [5]	урбаноним (вариант урбоним)	агоронимы, годонимы, название отдельного здания, городские хоронимы
Подольская, 1988 [2]	урбаноним	агоронимы, годонимы, городские хоронимы, экклезионимы, ойкодомонимы
Бегматов, Улуков, 2006 [3]	*urbanonim*	*agoronim*, *godonim*, *xoronim*, *ekklezionim*, *oykodomonim* (вид топонима)
Бегимов, 2025 [4] (предложение)	*urbanonim*	агоронимы, годонимы, городские гефуронимы, городские хоронимы, экклезионимы, ойкодомонимы, городские дримонимы, некронимы, памятники, названия фонтанов и остановок автобусов; эргонимы исключены

4. Конверсия и транспозиция: один круг явлений - несколько терминов. В русской ономастике А. В. Суперанская предложила термин *ономастическая конверсия* для перехода слова в имя собственное без изменений или с едва заметными изменениями [7]; он вошёл и в узбекский словарь (*onomastik konversiya*) [3; 8]. Для перехода одного разряда онимов в другой Н. В. Подольская употребляет термин *трансонимизация* [5; 8], активный и в современных работах [13]. В узбекской ономастике картина менее единая: для этой области применялись метафора, метонимия, калькирование и трансформация, а З. Дусимов предложил для топонимов термин *transpozitsiya*; Н. Улуков разграничивает конверсию (нарицательное → собственное) и транспозицию (одно собственное → другое: антропоним → топоним, ойконим → гидроним); Н. Саттарова считает целесообразным называть транспозицией любое образование онима от онима, а конверсию рассматривать как принцип номинации, а не способ словообразования [8]. Термин *transpozitsiya* при этом многозначен: в общелингвистическом словаре он означает нехарактерное использование грамматических категорий [8]. Русскому ряду *онимизация* / *трансонимизация* в узбекской терминологии соответствует ряд единиц разного происхождения (*atoqlilashuv* / *onimizatsiya*, *onomastik konversiya*, *transpozitsiya*), причём *transpozitsiya* совпадает по форме с общелингвистическим термином, но в ономастике употребляется в более узком значении.

Выводы. Поле «имя собственное» в обеих традициях описывается четырьмя уровнями: ядро, метаязык дисциплины, классы онимов, процессы и связи; русскому *имя собственное* соответствует узбекское *atoqli ot*, противопоставленное *turdosh ot*. Между русскими и узбекскими терминами выделяются четыре типа соответствий: интернационализмы, исконные эквиваленты, частичные эквиваленты и безэквивалентные единицы. Узбекская терминография воспроизводит структуру русской (состав понятия «урбаноним» в словаре 2006 г. совпадает с составом во втором издании словаря Н. В. Подольской), но позже и с расхождениями в объёме понятий и терминах (*transpozitsiya* - *трансонимизация*). Для упорядочения поля целесообразно

пересмотреть состав спорных понятий, согласовать термины процессов перехода и подготовить двуязычный словарь, в котором для каждой пары указан тип соответствия. Количественное соотношение типов соответствий требует отдельного исследования на полных словниках.

Список использованной литературы

1. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. Наука. 1977. – 246 с.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. Наука. 1988. – 192 с.
3. Begmatov E., Uluqov N. O‘zbek onomastikasi terminlarining izohli lug‘ati. NamDU. 2006. – 105 b.
4. Begimov O. T. O‘zbek onomastikasida urbanonimiyaga oid terminologiyaning qo‘llanishi masalasi // Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2025. Vol. 5, No. 8. – B. 87–94.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Наука. 1978. – 200 с.
6. Xojiyeva M. Y. Termin, terminologiya va onomastika // Scientific Reports of Bukhara State University. 2024. No. 11 (116). – B. 111–114.
7. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Наука. 1973. – 366 с.
8. Sattarova N. Godonimlar talqinida konversiya va transpozitsiya usuli // Foreign Linguistics and Linguodidactics. 2024. Issue 2, No. 5. – B. 59–63.
9. Разумов Р. В. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. – С. 14–19.
10. Xusanova Z. Laqablarning o‘zbek antroponimikasidagi o‘rni // Universal Scientific Research. 2024. Vol. 2, No. 6. – B. 362–375.
11. Muminova M. A study of anthroponyms in translations of the “Baburnama” text // Foreign Linguistics and Linguodidactics. 2025. Issue 3, No. 2. – P. 34–38.
12. Супрун В. И. Размышления над ономастической терминологией // Известия ВГПУ. 2011. № 8. – С. 133–138.
13. Корнева В. В. Трансонимизация как способ расширения ономастикона (на материале испанского языка) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. № 1. – С. 60–68.

RUS VA O‘ZBEK TILLARIDA IMKONIYAT HAMDA ZARURAT IFODASINING QIYOSIY TAHLILI

Nabieva Dilrabo Abduraupovna
dotsent vazifasini bajaruvchi
Iqtisodiyot va pedagogika universiteti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada rus va o‘zbek tillarida imkoniyat hamda zaruratni ifodalovchi konstruksiyalar funksional-semantik jihatdan qiyoslanadi. Qobiliyat, vaziyatga bog‘liq imkoniyat, ruxsat, taxmin va zarurat farqlanadi. Tillararo muqobil tanlashda kontekst, konstruksiya tuzilishi va inkorning ta’sir doirasi muhimligi ko‘rsatiladi. Taqiq bilan majburiyat yo‘qligini ajratishga asoslangan ikki tilli grammatik izohlash tartibi taklif etiladi.*

Kalit so‘zlar. *Qiyosiy tilshunoslik, modallik, imkoniyat, zarurat, rus tili, o‘zbek tili, inkor, tillararo muqobillik.*

Аннотация. *В статье проводится с функционально-семантической точки зрения сравнение конструкций, выражающих возможность и необходимость в русском и узбекском языках. Различаются способность, ситуативная возможность, разрешение, предположение и необходимость. Показана важность контекста, структуры конструкции и области действия отрицания при выборе межъязыковых альтернатив. Предложена двуязычная процедура грамматической интерпретации, основанная на различении запрета и необязательности.*

Ключевые слова: *сравнительная лингвистика, модальность, возможность, необходимость, русский язык, узбекский язык, отрицание, межъязыковые альтернативы.*

Abstract. *The article compares Russian and Uzbek constructions expressing possibility and necessity using functional-semantic analysis. Ability, circumstantial possibility, permission, inference, and necessity are distinguished. Context, constructional form, and negation scope are shown to guide cross-linguistic equivalence. A procedure for bilingual grammatical commentary is proposed, emphasizing the distinction between prohibition and absence of obligation.*

Keywords. *Contrastive linguistics, modality, possibility, necessity, Russian, Uzbek, negation, cross-linguistic equivalence.*

Muammoning qo‘yilishi

Imkoniyat va zarurat haqidagi nutqiy ifodalar faqat harakatni emas, uning amalga oshish shartlarini ham tavsiflaydi. «Он может выступить» xabari bir necha talqinga yo‘l qo‘yadi: shaxs zarur tayyorgarlikka ega, vaziyat chiqish qilishga imkon beradi yoki ishtirok etishga ruxsat berilgan. Tarjimada muqobilni tanlash ushbu munosabatlarning qaysi biri nazarda tutilganiga bog‘liq. Shu sababli modal vositalarni qiyoslash alohida so‘zdan konstruksiya va kontekstga o‘tishni talab etadi.

Maqolaning maqsadi rus va o‘zbek tillaridagi imkoniyat va zarurat vositalari o‘rtasidagi muqobillikning semantik hamda konstruktiv asoslarini aniqlashdir. Uch vazifa ko‘rib chiqiladi: asosiy ma’nolarni farqlash, ularni ifodalash usullarini qiyoslash va inkorning rolini aniqlash. Tadqiqot savoli quyidagicha: tillararo uzatishda konstruksiyani almashtirish qobiliyatni ruxsatga, taxminni ko‘rsatmaga yoki majburiyat yo‘qligini taqiqqa aylantirmasligi uchun qaysi belgilarni saqlash zarur?

Material va metodlar. Nazariy asosni J. van der Auwera va A. Ammannning vaziyatga oid imkoniyat haqidagi tipologik tavsifi [1], «Русская грамматика» qoidalari [2] hamda Gerenning o‘zbek tilidagi zamon, aspekt va modallik tizimi tavsifi tashkil etadi [3]. Mumkin va kerak ma’nolari Izoh.uz elektron izohli lug‘ati maqolalari asosida aniqlashtiriladi [4; 5]. Asosan hozirgi va kelasi zamon mazmunidagi tasdiq hamda inkor konstruksiyalar qiyoslanadi; mayllar va zamon shakllarining to‘liq tizimi ish doirasidan tashqarida qoladi.

Quyidagi barcha ikki tilli misollar tahlil uchun maxsus tuzilgan; ular korpusdan olingan iqtiboslar yoki informantlar nutqi yozuvlari emas. Funksional-semantik qiyoslash qo‘llanadi: dastlab harakat bilan uning shartlari o‘rtasidagi munosabat aniqlanadi, so‘ng ikki til konstruksiyalari tanlanadi. Kontekstual aniqlashtirish zarur talqinni ajratishga, inkor o‘rnini o‘zgartirish esa taqiq va majburiy emaslik ma’nolarini qiyoslashga imkon beradi. Ishda shakllarning qo‘llanish chastotasi haqida miqdoriy xulosalar berilmaydi.

Semantik farqlash asoslari

WALS tipologik tavsifida qobiliyat, ruxsat va vaziyat bilan shartlangan imkoniyat situativ imkoniyat sifatida birlashtiriladi. Epistemik imkoniyat xabarning rostligini baholashga taalluqli: so‘zlovchi muayyan holat mavjud bo‘lishi mumkinligini tan oladi [1]. Qiyoslashda bu darajalarni farqlash muhim. Harakat uchun sharoit mavjudligi harakat kelgusida yuz berishi yoki allaqachon yuz bergani haqidagi taxmin bilan teng emas.

«Русская грамматика»da imkoniyat, zarurat va boshqa modal ma’nolarni leksik jihatdan ifodalovchi modal fe’llar hamda predikativlar ajratiladi [2]. Demak, ko‘rib chiqilayotgan semantik soha bitta so‘z turkumi bilan chegaralanmaydi. O‘zbek tili tavsifi ham turli konstruksiyalarni: olmoq, mumkin, kerak, shart va boshqa vositalar bilan birikmalarni qamrab oladi [3, 42–51-b.]. Mazkur ishda qiyoslashning asosi morfologik tuzilishning bir xil bo‘lishi talabi emas, ma’noning umumiyligidir.

To‘rt belgini hisobga olish taklif etiladi: modallik manbai, uning kuchi, harakat ishtirokchisi va inkorning ta’sir doirasi. Manba sifatida ishtirokchining xususiyatlari, vaziyat, belgilangan qoida yoki so‘zlovchining bilimi kelishi mumkin. Modallik kuchi mumkinlik va zarurlik o‘rtasidagi farqni tavsiflaydi. Ishtirokchi qobiliyat yoki majburiyat kimga tegishli ekanini ko‘rsatadi. Inkorning ta’sir doirasi harakatning o‘zi, uning imkoniyati yoki uni bajarish talabi inkor qilinayotganini aniqlaydi. Bu belgilar modallikning to‘liq tasnifi sifatida emas, tahliliy sxema sifatida qo‘llanadi.

Imkoniyatning ifodalanishi

Qobiliyatni quyidagi juftlik ko‘rsatadi: «После тренировки я могу проплыть сто метров» — «Mashqdan keyin men yuz metr suza olaman». Rus tilidagi «могу» infinitiv bilan birikadi, o‘zbek tilidagi suza olaman esa ravishdosh shakli va olmoq ko‘makchi fe’lini o‘z ichiga oladi. Olmoq ishtirokidagi konstruksiya qobiliyatni, jumladan, orttirilgan qobiliyatni ifodalovchi vosita sifatida tavsiflangan [3, 42–44-b.]. Mashq konteksti imkoniyatning asosini belgilaydi; bunday aniqlashtirishsiz alohida jumla kengroq talqinga yo‘l qo‘yishi mumkin edi.

Vaziyat bilan shartlangan imkoniyat boshqacha ifodalanadi: «При хорошем освещении этот текст можно прочитать» — «Yorug‘lik yaxshi bo‘lsa, bu matnni o‘qish mumkin». Bu yerda boshqa shaxsning ruxsati emas, idrok etish sharoiti muhim. Mumkin lug‘at maqolasida harakatning amalga oshirilishi mumkinligi ma’nosi ruxsat ma’nosidan alohida ajratilgan [4]. Qiyoslash «можно»ni mumkin orqali tarjima qilish nima uchun asosli bo‘lishini ko‘rsatadi, biroq ushbu muqobillikning o‘zi modallik turini hali belgilamaydi.

Ruxsatni qoida konteksti orqali ajratish mumkin: «По правилам посетителям можно фотографировать» — «Qoidalarga ko‘ra, tashrif buyuruvchilar suratga olishlari mumkin». Imkoniyatning manbai belgilangan tartibdir. Tashqi jihatdan har ikki tildagi juftlik harakatni amalga oshirish mumkinligi haqidagi xabardagi vositalardan foydalanadi, biroq semantik asos boshqacha. Ikki tilli izohda so‘zga tushuntirishsiz yagona muqobil berishdan ko‘ra ushbu asosni ko‘rsatish foydaliroq.

Taxmin quyidagi juftlikda ko‘rinadi: «Возможно, он сейчас в библиотеке» — «U hozir kutubxonada bo‘lishi mumkin». Nutqiy ifoda shaxsga kutubxonada bo‘lishga ruxsat bermaydi va uning u yerga borish qobiliyatini baholamaydi. U holatning mumkin bo‘lgan talqinini bildiradi. Lug‘atda mumkin so‘zining ehtimollik ma’nosi qayd etilgan [4]. Shunday qilib, bitta o‘zbekcha birlik rus tilida «может» ishtirokidagi shaxsli konstruksiya orqali ham, «возможно» kirish so‘zi orqali ham berilishi mumkin bo‘lgan bir nechta semantik munosabatda ishtirok etadi.

Ko‘rib chiqilgan misollardan shaklning bir xilligi imkoniyat asosining bir xilligini ta’minlamasligi kelib chiqadi. Qiyoslashda nutqiy ifodani «qobiliyatga ega», «vaziyat imkon beradi», «qoida ruxsat beradi» yoki «so‘zlovchi ehtimol deb biladi» tarzidagi izohga kengaytirish mumkinligini tekshirish zarur. Bunday izohlar tarjimaga so‘zma-so‘z kiritish uchun mo‘ljallanmagan. Ular tanlangan variant aynan qaysi aloqani saqlashi kerakligini aniqlashga yordam beradi.

Zaruratning ifodalanishi

Maqsad bilan shartlangan zaruratni quyidagi juftlik ko‘rsatadi: «Чтобы закончить работу сегодня, нам нужно начать сейчас» — «Ishni bugun tugatish uchun hozir boshlashimiz kerak». Talab qabul qilingan maqsaddan kelib chiqadi. Agar maqsad bekor qilinsa, zarurat yo‘qolishi mumkin. Har ikki tilda uni ifodalash uchun zaruratning ancha keng ma’nosiga ega vositalar mavjud bo‘lsa-da, ayni jihat ushbu holatni shartsiz ko‘rsatmadan farqlaydi.

Me’yoriy kontekstda boshqa juftlik mumkin: «По условиям конкурса участники должны указать имя автора» — «Tanlov shartlariga ko‘ra, ishtirokchilar muallifning ismini ko‘rsatishlari kerak». Rus tilidagi «должны» va o‘zbek tilidagi kerak bu yerda boshlang‘ich hol komponenti tufayli qoida bilan bog‘lanadi. Ushbu misoldan «должен = kerak» doimiy tengligini chiqarib bo‘lmaydi: me’yoriy talqin butun konstruksiya va berilgan kontekst bilan ta’minlanadi.

Kerak lug‘aviy tavsifida harakat zaruratini bildiruvchi -(i)sh shakli bilan birikma va taxminni bildiruvchi shart mayli shakli bilan birikma farqlanadi [5]. Qiyoslaymiz: «Он должен подготовить ответ» — «U javob tayyorlashi kerak»; «Он, вероятно, знает ответ» — «U javobni bilsa kerak». Asosiy fe’l shaklining o‘zgarishi modal munosabatning o‘zgarishi bilan birga kechadi. Shu bois faqat kerakning o‘zini tarjima qilish konstruksiyaning semantik jihatdan muhim qismini e’tibordan chetda qoldiradi.

Rus tilida ham ko‘rsatma bilan so‘zlovchining xulosasi farqlanadi: «Он должен прийти к девяти» me’yoriy talqinga yo‘l qo‘yadi, «Судя по свету в окне, он должен быть дома» esa belgi asosidagi xulosani bildiradi. Ikkinchi holat uchun o‘zbekcha «Derazadagi yorug‘likka qaraganda, u uyda bo‘lsa kerak» varianti mumkin. Muqobillik so‘zlarning bir xil qat’iylik darajasi orqali emas, asosning xususiyati orqali belgilanadi. Misol boshqa tarjima usullarini istisno qilmasdan, berilgan vaziyatdagi talqinni ko‘rsatadi.

Inkorda taqiq va majburiyat yo‘qligining farqlanishi

Eng yaqqol farq inkorda namoyon bo‘ladi. «Вам не обязательно приходить завтра» — «Ertaga kelishingiz shart emas» juftligi majburiyatni bekor qiladi, biroq o‘z-o‘zidan kelishni taqiqlamaydi. Shart emas ishtirokidagi shakl majburiylik yo‘qligi sifatida tavsiflanadi [3, 51-b.]. Bu yerda harakatni tanlash imkoniyati saqlanadi. Shu sababli nutqiy ifodani «ammo xohlasangiz, keling» so‘zlari bilan ziddiyatsiz davom ettirish mumkin.

«По правилам сюда нельзя входить» — «Qoidalarga ko‘ra, bu yerga kirish mumkin emas» juftligida boshqa munosabat ifodalangan. Ushbu kontekstda harakatga ruxsat berilganligi inkor qilinadi. Alohida shartlar qo‘shilmasa, «ammo xohlasangiz, kiring» davomi belgilangan taqiqqa zid bo‘lar edi. «Нельзя» so‘zi va mumkin emas birikmasi har doim ham taqiqni bildirmaydi: boshqa kontekstda ular imkonsizlikni ifodalashi mumkin. Shu bois misolda qoidaning mavjudligi hal qiluvchi ahamiyatga ega.

Inkorning ta’sir doirasidagi farq o‘zbek tilidagi «Sizning kelishingiz shart emas» va «Siz kelmasligingiz kerak» juftligida ayniqsa ravshan. Birinchi konstruksiya kelish majburiyati yo‘qligiga, ikkinchisi esa ko‘rsatma beruvchi kontekstda kelmaslik talabiga mos keladi. Bir holatda inkor modal talabga, ikkinchisida esa talab tarkibidagi harakatga taalluqli. Ruscha «Вам не обязательно приходить» va «Вы должны воздержаться от прихода» muqobillari o‘zbekcha tuzilishni so‘zma-so‘z takrorlamasdan, ushbu farqni saqlaydi.

«Не нужно» ifodasi alohida ehtiyotkorlikni talab etadi: «Вам не нужно приносить копию, она уже есть» zaruratni bekor qiladi, «Не нужно перебивать» esa harakatni to‘xtatishga undash vazifasini bajarishi mumkin. Demak, zaruratning har qanday inkorini erkin tanlov berish bilan mexanik tenglashtirish noaniq bo‘lar edi. Tahlilda nafaqat inkorning o‘rni, balki nutqiy ifodaning kommunikativ vazifasi ham hisobga olinishi kerak.

Natijalar va xulosalar

Qiyoslash asosiy ma’nolarning umumiyligini, biroq ularning konstruksiyalar o‘rtasida turlicha taqsimlanishini ko‘rsatadi. Imkoniyat qobiliyat, harakatni amalga oshirish mumkinligi, ruxsat va taxminni qamrab oladi; zarurat maqsad, qoida yoki mavjud ma’lumotlardan chiqarilgan xulosaga tayanishi mumkin. Muqobillik modallik asosi aniqlangandan keyin belgilanadi. Harakat ishtirokchisining ifodalanishi va asosiy fe’l shaklidagi farqlar semantik yaqinlik gap tuzilishining so‘zma-so‘z mos kelishini nazarda tutmasligini ko‘rsatadi.

Ishning amaliy natijasi muqobilni tanlash ketma-ketligidir: modal ma’noni aniqlash, uning manbaini belgilash, ishtirokchini ajratish, inkorning ta’sir doirasini tekshirish va shundan keyin ikkinchi til konstruksiyasini tanlash. Majburiyat yo‘qligi bilan harakatni bajarmaslik talabi o‘rtasidagi farqni saqlash ayniqsa muhim. Bunday ketma-ketlik ikki tilli grammatik izohlar va tarjima yechimlarini tushuntirish uchun qo‘llanishi mumkin.

Xulosalar grammatik tavsiflar va illyustrativ qiyoslashga asoslangani sababli qo‘llanish chastotasi yoki til egalarining tanlovlarini tavsiflamaydi. Keyingi tekshiruv janrlar

va kontekstlar farqlangan parallel korpusni talab etadi. Hozirgi bosqichda muqobillikning kontekst va konstruksiya bilan shartlanganligi haqidagi xulosa asoslanadi: alohida «можно», «должен», mumkin va kerak so‘zlarini emas, modal munosabatni yaxlit holda qiyoslash lozim.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Van der Auwera J., Ammann A. Situational Possibility // The World Atlas of Language Structures Online / ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath. Ch. 74. URL: https://wals.info/chapter/74 (murojaat sanasi: 13.10.2026).
2. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. Раздел «Общие сведения о модальности и обзор субъективно-модальных значений». Elektron versiya: https://slovari.ru/default.aspx?0a0=1795&p=5315&s=0 (murojaat sanasi: 13.10.2026).
3. Guérin H. The Uzbek Tense/Aspect/Modality System. P. 42–51. Elektron nusxa: University of Chicago, CEERES. URL: https://ceeres.uchicago.edu/resources/uzbek-tenseaspectmodality-system (murojaat sanasi: 13.10.2026).
4. Mumkin // Izoh.uz: O‘zbek tilining izohli lug‘ati. URL: https://izoh.uz/word/mumkin (murojaat sanasi: 13.10.2026).
5. Kerak // Izoh.uz: O‘zbek tilining izohli lug‘ati. URL: https://izoh.uz/word/kerak (murojaat sanasi: 13.10.2026).

СТРУКТУРНЫЕ И СМЫСЛОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ УСТУПИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Тураева Дилфуза Даминовна
доктор философии (PhD) по филологическим наукам
Университет экономики и педагогики
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье сопоставляются способы выражения уступительных отношений в русском и узбекском языках. Цель работы — установить условия смыслового соответствия конструкций с хотя, даже если, несмотря на и узбекских форм на -sa ham, -sa-da, а также сочетаний с qaramay. Используются сопоставительно-семантический анализ и контекстная трансформация специально сконструированных примеров.*

Ключевые слова: *сопоставительное языкознание, русский язык, узбекский язык, уступительные конструкции, условие, синтаксическое соответствие, перевод.*

Annotatsiya. *Maqolada rus va o‘zbek tillarida to‘siqsizlik munosabatini ifodalash vositalari qiyoslanadi. Maqsad хотя, даже если, несмотря на vositalari qatnashgan ruscha qurilmalar bilan o‘zbek tilidagi -sa ham, -sa-da shakllari hamda qaramay ko‘makchili birikmalarning mazmuniy muvofiqlik shartlarini aniqlashdir. Maxsus tuzilgan misollar qiyosiy-semantik tahlil va kontekstni o‘zgartirish usullari yordamida o‘rganiladi.*

Kalit so‘zlar: *qiyosiy tilshunoslik, rus tili, o‘zbek tili, to‘siqsiz qurilmalar, shart, sintaktik muvofiqlik, tarjima.*

Abstract. *The article compares concessive constructions in Russian and Uzbek. It identifies conditions for semantic correspondence between Russian хотя, даже если and несмотря на and Uzbek constructions with -sa ham, -sa-da and qaramay. The method combines contrastive semantic analysis with contextual transformations of constructed examples. Acknowledged obstacles are distinguished from hypothetical conditions and contrast without an obligatory concessive reading.*

Keywords: *contrastive linguistics, Russian, Uzbek, concessive constructions, condition, syntactic correspondence, translation.*

Проблема и цель исследования

Уступительное высказывание соединяет обстоятельство и результат, который сохраняется вопреки связанному с этим обстоятельством ожиданию. Для сопоставления языков существенно определить, какими средствами оформляется такое отношение и какую информацию говорящий представляет как установленную. Перевод, сохраняющий только общую идею противопоставления, способен изменить степень уверенности в исходной ситуации или принадлежность признака определённому участнику.

Цель статьи — установить структурные и смысловые соответствия ряда русских и узбекских уступительных конструкций. Рассматриваются русские хотя, даже если, несмотря на, а также узбекские -sa ham, -sa-da и qaramay. Основной вопрос состоит в том, при каких условиях эти средства передают сопоставимое содержание и когда требуется изменение синтаксического построения. Работа ограничена нейтральными повествовательными высказываниями; все разновидности уступки и их жанровое распределение не исследуются.

Источники и метод сопоставления

В «Русской грамматике» уступительная связь описывается через недостаточность основания для отмены другой ситуации; выделяется также гипотетическая уступительность [1]. В монографии Х. Кодировой сопоставлены русские и узбекские средства оформления уступительных придаточных, включая -sa ham и -sa-da [2]. Э. Герен рассматривает сочетание условной формы с ham и -da в системе узбекских глагольных конструкций [3]. Употребление qaramay с дательным падежом отражено в учебно-методическом комплексе по практической грамматике узбекского языка [4].

Метод включает семантическое сопоставление и контролируемое изменение контекста. Сначала задаётся одна ситуация, затем изменяется её временная отнесённость или степень определённости; после этого сравниваются допустимые формулировки. Все примеры далее сконструированы для настоящего анализа и не являются корпусными цитатами либо записями студенческой речи. Такая процедура позволяет изолировать рассматриваемое различие, но не устанавливает распространённость конструкций в реальном общении.

Единицей сравнения служит высказывание, а не отдельный союз или аффикс. Для каждой пары учитываются статус препятствующей ситуации, способ оформления связи и сохранение участников. Перевод определяется всем предложением и его окружением.

Признанное препятствие и предполагаемое условие

Рассмотрим пару: «Хотя задание было трудным, студент выполнил его самостоятельно» — «Topshiriq qiyin bo‘lsa ham, talaba uni mustaqil bajardi». В обоих высказываниях трудность и самостоятельное выполнение совместимы в описываемой ситуации. Ожидание относится к связи между ними: трудное задание могло потребовать помощи. Однако само наличие трудности не отрицается. В данном контексте узбекская форма bo‘lsa ham передаёт уступительное отношение, несмотря на участие показателя условного наклонения.

Теперь изменим временную перспективу: «Даже если задание будет трудным, студент выполнит его самостоятельно» — «Topshiriq qiyin bo‘lsa ham, talaba uni mustaqil bajaradi». Здесь трудность допускается как возможная, а самостоятельность выполнения утверждается независимо от неё. Сходная узбекская зависимая часть сочетается с иной формой главного сказуемого и иной коммуникативной установкой. Замена русского даже если на хотя способна представить ожидаемую трудность более определённо, чем предполагается исходным контекстом.

Отсюда следует практический критерий: перед переводом нужно выяснить, сообщается ли об уже признанном обстоятельстве или лишь рассматривается возможность его возникновения. При недостаточном контексте следует сохранять неоднозначность либо уточнять ситуацию по соседним предложениям. Нельзя объявлять -sa ham постоянным эквивалентом одного русского союза. В приведённой паре различие выявляется благодаря сопоставлению завершённого действия с прогнозом, а не посредством изолированного перевода аффикса.

Фактичность при этом нельзя механически приравнивать к прошедшему времени. В предложении «Хотя завтра у нас занятия, мы найдём время для встречи» будущие занятия представлены как известный план. В узбекском варианте «Ertaga darsimiz bo‘lsa ham, uchrashuv uchun vaqt topamiz» такое прочтение поддерживается контекстом расписания. Если же говорящий ещё не знает, будут ли занятия, русский вариант с даже если точнее передаёт допущение. Таким образом, временная форма и статус сообщаемого должны проверяться раздельно.

Союзная связь и оформление зависимого сказуемого

В русской конструкции «Хотя текст короткий, его анализ требует времени» показатель отношения располагается перед зависимой частью. Узбекское соответствие «Matn qisqa bo‘lsa ham, uni tahlil qilish vaqt talab etadi» содержит показатель -sa в составе bo‘lsa и следующий за ним компонент ham. Структурное различие проявляется в том, где выражена связь: русское средство вводит часть, а узбекское связано с оформлением её сказуемого. Это наблюдение относится к выбранным моделям и не сводит весь узбекский синтаксис к одному способу связи.

Вариант «Matn qisqa bo‘lsa-da, uni tahlil qilish vaqt talab etadi» сохраняет уступительное отношение. Однако соответствие -sa ham и -sa-da в данном примере не

доказывает их полной взаимозаменяемости. Вывод о стилистической предпочтительности потребовал бы отдельного жанрового исследования.

При сопоставлении важно сохранять и распределение информации. Вариант «Его анализ требует времени, хотя текст короткий» сначала сообщает основной результат, затем добавляет уступительное обстоятельство. Содержательная связь остаётся, но порядок предъявления сведений меняется. В нейтральном узбекском соответствии зависимый компонент можно оставить перед главным и обеспечить нужный акцент окружающим контекстом. Механическое копирование порядка частей не является обязательным условием точного перевода.

Именные конструкции с уступительным значением

Пара «Несмотря на усталость, исследователь продолжил работу» — «Charchoqqa qaramay, tadqiqotchi ishini davom ettirdi» представляет препятствие в форме именного компонента. В русском выражении несмотря на предшествует существительному, в узбекском qaramay следует за формой charchoqqa. Существительное charchoq получает показатель дательного падежа с обусловленным основой вариантом -qa. Сопоставление показывает, почему соответствие по значению не требует совпадения порядка служебного средства и имени.

Сжатая именная конструкция может оставлять участника состояния невыраженным. В приведённом примере усталость естественно связывается с исследователем, однако грамматическая форма самого слова не называет её носителя. Если это существенно, выбирается развёрнутое высказывание: «Хотя исследователь устал, он продолжил работу» — «Tadqiqotchi charchagan bo‘lsa ham, ishini davom ettirdi». Такой переход уточняет участника, сохраняя отношение между препятствием и продолжением действия.

Обратное преобразование не всегда безразлично для смысла. В предложении «Хотя помощник устал, исследователь продолжил работу» состояния и действия относятся к разным лицам. Замена первой части сочетанием «несмотря на усталость» без уточнения способна создать неверное впечатление об одном участнике. Поэтому при синтаксическом сокращении нужно отдельно проверять, не исчезает ли значимая информация о носителе признака. Это требование одинаково важно при движении перевода в обоих направлениях.

Уступка и противопоставление

Сопоставим «Текст короткий, но трудный» и «Хотя текст короткий, он трудный». Первое предложение соединяет контрастирующие характеристики; второе явнее представляет краткость как обстоятельство, вопреки которому сохраняется трудность. Узбекская пара «Matn qisqa, lekin qiyin» и «Matn qisqa bo‘lsa ham, qiyin» позволяет построить аналогичное различение. Во всех случаях оценка зависит от подразумеваемого ожидания, что небольшой объём облегчает работу с текстом.

Наличие lekin или но само по себе не устанавливает уступительного отношения. В высказывании «Первый текст короткий, а второй длинный» — «Birinchi matn qisqa, ikkinchisi esa uzun» сопоставляются признаки разных объектов. Здесь нет необходимости считать одну ситуацию препятствием для другой. Если переводчик заменяет простое сопоставление уступительной конструкцией, он добавляет смысловую зависимость, которую исходное высказывание не выражало.

Полезный диагностический вопрос состоит в том, какое ожидание не оправдывается. В примере о трудном задании это предположение о необходимости помощи; в примере об усталости — возможность прекратить работу. Если правдоподобное ожидание нельзя восстановить без произвольного добавления обстоятельств, уступительное истолкование требует осторожности. Диагностика помогает обосновать решение, но не заменяет контекста и не превращается в универсальный тест для любого предложения.

Результаты и практическое применение

Сопоставление выявляет контекстные и структурные соответствия. Конструкции с хотя и -sa ham передают признанное препятствие; даже если и та же узбекская модель допускают предполагаемое условие. Именная группа с несмотря на соотносится с qaramay при различном порядке компонентов и падежном оформлении. Совпадение формы не гарантирует тождества значения.

Предлагаемый порядок анализа начинается с определения ситуации и её статуса. Затем устанавливается, кто является носителем признака и исполнителем действия. После этого выбирается полная либо именная конструкция, проверяются форма связи и смысловой акцент. Завершающий шаг — обратный пересказ: сохраняются ли при нём исходные участники, степень определённости и отвергнутое ожидание? Такой порядок пригоден для объяснения конкретного переводческого решения.

В учебной работе можно предложить студентам один узбекский пример с двумя контекстами: рассказом о завершённом событии и обсуждением возможного будущего. Задача состоит в выборе между хотя и даже если с письменным объяснением. Другое упражнение — преобразование полной части в именную при обязательном сохранении участника. Эти задания направлены на осознание значения конструкции; их результативность не измерялась в настоящем исследовании.

Выводы. Уступительные конструкции русского и узбекского языков сопоставимы через отношение препятствия и сохраняющегося результата. Для точного установления соответствия необходимо учитывать статус первой ситуации, устройство зависимого компонента и распределение участников. Контекстный анализ показывает ограниченность пословного перевода и позволяет объяснить выбор синтаксического варианта без предположения о полном совпадении языковых моделей.

Работа систематизирует различия на специально подобранных примерах. Дальнейшая проверка на корпусе текстов и параллельных переводов позволит уточнить стилистические ограничения, позиционное варьирование и частоту неоднозначных случаев.

Список использованной литературы

1. Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. II: Синтаксис. М.: Наука, 1980. 709 с. § 3043–3057. URL: https://rusgram.narod.ru/3043-3057.html (дата обращения: 14.10.2026).

2. Qodirova X. O‘zbek va rus tillari sintaksisining tipologiyasi: monografiya. Toshkent, 2021. 128 b. URL: https://tsuull.uz/sites/default/files/kodirova_saytga_0.pdf (дата обращения: 14.10.2026).

3. Guérin H. The Uzbek Tense/Aspect/Modality System. 133 p. URL: https://yep.uz/wp-content/uploads/2021/07/Uzbek-Tense_Aspect_Modality-System.pdf (дата обращения: 14.10.2026).
4. O‘zbek tilining amaliy grammatikasi: o‘quv-uslubiy majmua / tuzuvchi M. M. Yuldashev. Toshkent: O‘zbekiston davlat san’at va madaniyat instituti, 2018. 176 b. URL: https://api.ziyonet.uz/uploads/books/49959/5dd7852a478d5.pdf (дата обращения: 14.10.2026).

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И ДИАПАЗОН ЗНАЧЕНИЙ ЗООНИМОВ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Искаков Мухаммад Сабирович
старший преподаватель
Азиатский технологический университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье сопоставляются семантика и диапазон значений зоонимов в русском и узбекском языках. На материале пословиц и фразеологизмов рассматриваются их переносные и символические значения, а также национально-культурные различия. Показано, что образы животных отражают языковую картину мира и могут по-разному оцениваться в двух культурах.*

Ключевые слова: *зооним, семантика, метафора, фразеологизм, лингвокультурология.*

Annotatsiya. *Maqolada rus va o‘zbek tillaridagi zoonimlarning semantikasi va ma’no ko‘lami qiyosiy tahlil qilinadi. Maqol va frazeologizmlar asosida ularning ko‘chma hamda ramziy ma’nolari, shuningdek, milliy-madaniy farqlari ko‘rib chiqiladi. Hayvon obrazlari ikki xalqning olamni idrok etishini aks ettirishi va turlicha baholanishi ko‘rsatiladi.*

Kalit so‘zlar: *zoonim, semantika, metafora, frazeologizm, lingvomadaniyatshunoslik*

Abstract. *The article compares the semantics and range of meanings of zoonyms in Russian and Uzbek. Using proverbs and phraseological units, it examines their figurative and symbolic meanings as well as national and cultural differences. The analysis shows that animal imagery reflects each language community’s worldview and may carry different evaluations across the two cultures.*

Keywords*: zoonym, semantics, metaphor, phraseology, linguocultural studies.*

Введение. Языковая картина мира каждого народа отражает его культурные, социальные и исторические особенности. Язык служит не только средством общения, но и важнейшим инструментом познания действительности, в котором закреплены результаты коллективного опыта, традиций и образа мышления народа. В структуре любого языка особое место занимают слова, связанные с окружающей природой, особенно с животным миром, поскольку животные на протяжении всей истории

человечества играли значительную роль в жизни человека — как источник пищи, труда, символа силы, ловкости или верности [2].

Одним из наиболее интересных и многослойных элементов лексической системы являются **зоонимы** — названия животных, которые не только выполняют номинативную функцию, но и активно участвуют в формировании переносных значений, метафор, символов и образных выражений. Зоонимы отражают не только природные реалии, но и эмоционально-оценочное восприятие человека, его отношение к миру и обществу. Через зоонимы язык выражает систему моральных и культурных ценностей, а также особенности национального характера [1; 5].

В русском и узбекском языках зоонимы широко употребляются в пословицах, поговорках, фразеологических единицах и художественных текстах. Они несут не только описательную, но и культурно-символическую нагрузку. Например, такие зоонимы, как волк, лиса, собака, лошадь, имеют богатую ассоциативную структуру и в разных языках могут выражать противоположные черты характера. Так, если в русском языке волк нередко символизирует жестокость и дикость, то в узбекской культуре бўри воспринимается как символ смелости и лидерства [3; 4] [2; 3].

Таким образом, анализ зоонимов открывает широкие возможности для изучения национально-культурной специфики языка. Через систему зоонимов можно выявить особенности мировосприятия, традиций, верований и фольклорного наследия народа. Сопоставление зоонимической лексики русского и узбекского языков позволяет определить, какие черты в их семантике являются универсальными, а какие — уникальными и культурно обусловленными.

Особую актуальность данная тема приобретает в контексте перевода и межкультурной коммуникации. При передаче пословиц, идиом и устойчивых выражений, содержащих зоонимы, переводчик сталкивается с трудностями, связанными с несоответствием символических значений. Например, фразеологизм *«как баран на новые ворота»* в русском языке имеет ироническое значение «удивляться, не понимать», тогда как в узбекском языке аналогичного выражения нет, и перевод требует пояснения или поиска функционального эквивалента [1; 5].

Следовательно, исследование семантики зоонимов в русском и узбекском языках имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. Оно способствует более глубокому пониманию национально-культурных различий, развитию межъязыковых сопоставлений и совершенствованию перевода художественных и публицистических текстов.

Цель настоящего исследования — выявить семантическую классификацию и диапазон значений зоонимов в русском и узбекском языках, определить их символические и культурные особенности, а также рассмотреть трудности перевода таких единиц с учётом различий в языковой картине мира.

Методы исследования. В исследовании применялся комплекс методов, обеспечивающих всесторонний анализ семантики и функционально-культурных особенностей зоонимов в русском и узбекском языках. Каждый из выбранных методов направлен на решение конкретных задач и позволяет получить объективные результаты.

Сравнительно-сопоставительный метод.

Данный метод использовался для выявления общих и отличительных черт в семантическом наполнении и употреблении зоонимов двух языков. Сравнение проводилось на уровне лексических значений, фразеологических сочетаний, пословиц и метафорических переносов. Благодаря этому методу определены как универсальные элементы зоонимической картины мира, так и специфические национально-культурные особенности, свойственные только одному из языков [1; 5].

Семантический анализ.

Семантический метод позволил рассмотреть внутреннюю структуру значения зоонимов, их денотативные и коннотативные компоненты. Особое внимание уделялось выявлению эмоционально-оценочных и символических оттенков, которые формируют культурную специфику употребления. На этом этапе анализировались такие аспекты, как многозначность, метафоризация и перенос значений в зависимости от контекста.

Контекстуальный анализ.

Контекстуальный метод применялся для изучения функционирования зоонимов в составе пословиц, поговорок, фразеологических оборотов и художественных текстов. Анализ контекста позволил определить, в каких ситуациях зооним приобретает переносное значение, какова его прагматическая функция (ирония, похвала, порицание и др.), а также какие культурные ассоциации активизируются при его употреблении.

Лингвокультурологический подход.

Этот подход обеспечил возможность комплексного осмысления зоонимов как культурно маркированных единиц. Он позволил выявить связь между языком и национальным менталитетом, определить роль зоонимов в формировании языковой картины мира и в передаче культурных ценностей. Лингвокультурологический анализ особенно важен при сопоставлении фразеологизмов, так как именно они наиболее ярко отражают образное мышление и этнокультурную специфику народа [2; 3; 4] [2; 3].

Этимологический и когнитивный элементы анализа.

В ряде случаев для уточнения происхождения и семантической эволюции отдельных зоонимов применялся этимологический анализ. Когнитивный аспект исследования позволил рассмотреть, каким образом образы животных закрепляются в сознании носителей языка и как они влияют на формирование устойчивых культурных стереотипов [1; 5].

Таким образом, использование перечисленных методов в совокупности обеспечило комплексный и многоуровневый анализ зоонимов, что позволило не только установить семантические закономерности, но и раскрыть культурно-символическое значение этих единиц в русском и узбекском языках.

Результаты и обсуждение

1. Семантические группы зоонимов

Проведённый анализ показал, что в русском и узбекском языках зоонимы образуют несколько устойчивых семантических групп, отражающих универсальные и национально-специфические особенности восприятия животного мира [3; 4].

1.1. Домашние животные (корова, собака, кошка; сигир, ит, мушук)

Данная группа тесно связана с повседневной жизнью человека и выражает представления о верности, доброте, трудолюбии или, напротив, лени и ограниченности.

1. Рус.: *«Собака — лучший друг человека»* — положительная коннотация, символ преданности.

2. Узб.: *«Ит одамнинг дўсти»* — аналогичный смысл, но в узбекской культуре собака имеет и амбивалентное значение, связанное с религиозными и культурными представлениями.

Кошка (*кошечка / мушук*) в обоих языках ассоциируется с мягкостью, домашним уютом, однако в русском языке встречаются и негативные оттенки (*«как кошка с собакой» — вражда*), тогда как в узбекском мышук кўпроқ меҳр, наргислик ва ором рамзи сифатида қабул қилинади.

1.2. Дикие животные (волк, медведь, лиса; бўри, айиқ, тулки)

Эта группа зоонимов играет важную роль в выражении нравственно-психологических характеристик человека.

1. Рус.: *«Хитрая, как лиса», «Сильный, как медведь», «Волк в овечьей шкуре»* — в этих выражениях животные выступают как метафоры человеческих качеств.

2. Узб.: *«Тулкидек айёр», «Бўридек жасур»* — в узбекской культуре волк рассматривается как символ эрлик, мардлик ва ҳимоя, что отличает его от русского образа, где волк — опасный, агрессивный хищник.
Таким образом, при внешнем сходстве лексем наблюдается различие в культурно-семантической оценке.

1.3. Птицы (ворона, орёл, соловей; қарға, бурғут, булбул)

Птицы традиционно символизируют свободу, вдохновение и духовность.

1. Рус.: *«Поёт, как соловей»* — положительная коннотация, образ поэта, певца.

2. Узб.: *«Булбулдек куйлайди»* — аналогичный символ, прочно укоренившийся в классической поэзии (Алишер Навоий, Бабур).
В то же время некоторые зоонимы приобретают отрицательные значения: *«Ворона каркает», «Қарғадай ғийбатчи»* — в обоих языках обозначают неприятные, навязчивые черты.

1.4. Насекомые и мелкие животные (муха, пчела, комар; пашша, ари, чивин)

Данная группа чаще всего используется в ироническом или негативном контексте, хотя отдельные единицы имеют положительные коннотации.

Рус.: *«Работает, как пчела»* — трудолюбие.

Узб.: *«Аридек меҳнаткаш»* — аналогичный перенос значения.
Однако такие слова, как *муха* или *чивин*, имеют комические или пренебрежительные оттенки (*«надоел, как муха», «чивиндек безовта»*).

2. Метафорическое и символическое значение

Зоонимы обоих языков активно участвуют в формировании метафорического слоя лексики, где животные становятся носителями типичных человеческих черт [1; 5].

В **русском языке** они часто передают социально-психологические коннотации:

1. *осёл* — упрямство, ограниченность;
2. *медведь* — сила, неуклюжесть;
3. *заяц* — трусость;
4. *лиса* — хитрость;
5. *собака* — верность, но иногда грубость (*«собачья жизнь»*).

В **узбекском языке** аналогичные зоонимы нередко приобретают дополнительные культурные оттенки:

1. *эшак* — не только упрямство, но и терпеливый труд;
2. *бўри* — мардлик ва етакчилик рамзи;
3. *тулки* — айёрлик ва ҳийлакорлик;
4. *қуш* — орзу ва озодлик тимсоли;
5. *от* — севги, мардлик ва шон-шуҳрат рамзи.

Таким образом, при общей символике прослеживаются различия, обусловленные культурными традициями, религиозными нормами и фольклорными архетипами [2; 3; 4].

3. Диапазон семантических значений

Семантический диапазон зоонимов в обоих языках охватывает несколько уровней:

1. **Денотативный уровень** — прямое значение, обозначающее конкретное животное (*корова, сигир, волк, бўри*).

2. **Конотативный уровень** — переносное, эмоционально-оценочное значение (*хитрый как лиса, тулкидек айёр*).

3. **Символический уровень** — культурно закреплённый образ, отражающий ценности народа (*бургут — эркинлик ва жасорат рамзи, орёл — величие и сила государства*).

Каждый уровень взаимодействует с другими, формируя сложную сеть ассоциаций, где один и тот же зооним может иметь как положительные, так и отрицательные оттенки.

Например, зооним *собака* в русском языке одновременно выражает и положительные (*верность*), и отрицательные (*«собачья жизнь»*) значения. В узбекском же *ит* в пословицах нередко служит носителем иронии yoki камситувчи маъно, лекин айрим ҳолларда (масалан, “Ит ҳам ўз хонасини ҳимоя қилади”) унинг ижобий роли ҳам кўринади.

Таким образом, анализ показал, что система зоонимов в русском и узбекском языках отражает универсальные механизмы метафоризации, но наполняется национально-специфическим содержанием. Зоонимы функционируют не только как номинативные единицы, но и как важные элементы культурного кода, через которые раскрываются стереотипы, менталитет и ценностная система народа [1; 3; 5].

Заключение. Проведённое исследование показало, что семантическая классификация и диапазон значений зоонимов в русском и узбекском языках обладают

как универсальными, так и национально-специфическими характеристиками. Несмотря на общие черты в восприятии животных как носителей определённых человеческих качеств — трудолюбия, смелости, хитрости, верности или лени — различия проявляются в оценочных и символических оттенках их употребления.

Так, в русском языке зоонимы чаще отражают индивидуально-психологические или социальные характеристики человека, тогда как в узбекском языке они нередко несут культурно-моральный и этический смысл, связанный с традиционными представлениями о поведении и нормах общения. Например, образ волка в узбекской культуре ассоциируется с мужеством и независимостью, в то время как в русской — с агрессией и опасностью.

Сопоставительный анализ также выявил, что переносные значения зоонимов формируются под влиянием образного мышления, фольклора и этнолингвистических факторов. Русские и узбекские пословицы, поговорки и фразеологизмы с зоонимами служат не только средством оценки человеческих качеств, но и отражением мировоззрения, системы ценностей и культурного опыта народа [3; 4; 5] [2; 3; 4].

Таким образом, изучение зоонимов представляет собой важное направление лингвокультурологических исследований, поскольку позволяет глубже понять менталитет, мировосприятие и языковую картину мира носителей каждого языка, а также способствует более точному и адекватному переводу межкультурных образов.

Список использованной литературы

1. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в развитии значения слова. — М.: Наука, 1988.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.
3. Бегматов Э. Ўзбек тилидаги фразеологик бирикмаларнинг миллий-мәнавий хусусиятлари. — Тошкент, 1998.
4. Ахмедова М. Ўзбек тилида ҳайвонлар номлари ва уларнинг маъно қатламлари. — Т., 2016.
5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Chicago, 1980.

STRUCTURAL-GRAMMATICAL PATTERNS AND LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF MULTICOMPONENT TERMS IN ENGLISH AND UZBEK (MEDICAL AND LEGAL TERMINOLOGY)

Nazarov Sardor Shamurodovich
Senior Lecturer, University of Economics and Pedagogy
Karshi, Uzbekistan

Abstract. *This article examines the structural-grammatical organization and lexicographic representation of multicomponent medical and legal terms in English and Uzbek. Descriptive, comparative, componential and quantitative methods are applied to two purposefully selected dictionary-based datasets: 220 Uzbek medical terms and 200 English legal terms. Among the medical terms, 131 (59.5%) contain two components; in the legal dataset, the noun + noun pattern accounts for 110 items (55%). The analysis identifies recurrent modifier–head relations, language-specific grammatical marking and challenges concerning orthographic variation and translation equivalence. Practical recommendations are proposed for bilingual dictionaries and electronic terminological databases.*

Keywords: *multicomponent term, medical terminology, legal terminology, structural model, English, Uzbek, lexicography, translation equivalence.*

Annotatsiya. *Maqolada ingliz va o‘zbek tillaridagi tibbiyot hamda huquq sohasiga oid ko‘p komponentli terminlarning struktur-grammatik tuzilishi va leksikografik talqini tahlil qilinadi. Tavsifiy, qiyosiy, komponent va statistik tahlil usullari asosida lug‘atlardan tanlangan 220 ta o‘zbekcha tibbiy hamda 200 ta inglizcha yuridik termin o‘rganiladi. Tibbiy tanlanmada ikki komponentli terminlar 131 tani (59,5%), yuridik tanlanmada ot + ot modeli 110 tani (55%) tashkil etadi. Terminlarning grammatik bog‘lanishi, imloviy variantlari va tarjima muqobillari yoritilib, ikki tilli lug‘atlar hamda elektron terminologik bazalarni takomillashtirish bo‘yicha tavsiyalar beriladi.*

Kalit so‘zlar: *ko‘p komponentli termin, tibbiyot terminologiyasi, huquq terminologiyasi, struktur model, ingliz tili, o‘zbek tili, leksikografiya, tarjima ekvivalentligi.*

Аннотация. *В статье рассматриваются структурно-грамматические особенности и лексикографическое представление многокомпонентных медицинских и юридических терминов в английском и узбекском языках. На основе описательного, сопоставительного, компонентного и количественного методов анализируются две выборки из словарей: 220 узбекских медицинских и 200 английских юридических терминов. Среди медицинских единиц 131 термин (59,5%) имеет два компонента; в юридической выборке модель «существительное + существительное» представлена 110 единицами (55%). Выявлены особенности связей между компонентами, орфографической вариативности и переводной эквивалентности; предложены рекомендации для двуязычной лексикографии и электронных терминологических баз.*

Ключевые слова: *многокомпонентный термин, медицинская терминология, юридическая терминология, структурная модель, английский язык, узбекский язык, лексикография, переводная эквивалентность.*

INTRODUCTION

Medical research and legal documentation increasingly cross linguistic boundaries, requiring accurate recognition and translation of specialized concepts. Many such concepts are designated by stable sequences of two or more components. Expressions such as blood pressure, heart failure and criminal liability are formally transparent but denote established professional concepts. In English–Uzbek communication, a compact nominal sequence may require Uzbek possessive marking, a different internal structure or descriptive expansion.

The problem is how to describe the grammatical structure of a multicomponent term and record it lexicographically without losing conceptual unity. This article identifies patterns in selected medical and legal terminology, interprets English–Uzbek correspondences, and proposes lexicographic guidelines. It draws on the author's broader comparative dissertation research [8].

THEORETICAL FRAMEWORK AND METHODS

Terminology research connects linguistic form with specialized knowledge. Cabré interprets terms as units of specialized communication [1], while research on English word formation describes heads and modifiers in nominal patterns [2; 3]. Uzbek scholars Madvaliyev and Dadaboyev examine grammatical formation, borrowing and standardization [4; 7]. Here, a multicomponent term is a recurrent, domain-relevant expression consisting of at least two elements which jointly name one concept. Written separation alone does not establish its terminological status.

The material consists of two purposive samples used in the author's dissertation: 220 Uzbek medical terms from Tibbiy atamalar lug'ati [5] and 200 English legal terms from O'zbekcha-ruscha-inglizcha yuridik atamalar lug'ati [6]. They differ in domain and language and do not form a balanced parallel corpus. Units were coded for component count, grammatical sequence, head–modifier relation, conceptual unity and dictionary treatment. Descriptive, synchronous, structural-grammatical, componential, comparative and frequency methods were employed. Bilingual examples supported interpretation of translation issues.

RESULTS AND ANALYSIS

The medical sample displays a clear preference for relatively short terminological constructions. Table 1 gives the component-count distribution. The percentages are recalculated from the observed counts and rounded to one decimal place.

Table 1. Distribution of 220 selected Uzbek medical terms by component number

Number of components	**Terms (n)**	**Share (%)**
Two	131	59.5
Three	52	23.6
Four	17	7.7
Five or more	20	9.1
Total	220	100.0*

** Component percentages are rounded independently.*

The two-component group includes gen terapiyasi (“gene therapy”) and nerv tuguni (“nerve ganglion”), as well as ichki kasalliklar (“internal diseases”) and tolali tog‘ay (“fibrous cartilage”). English medical examples include N + N patterns (blood pressure, liver disease, nerve cell) and Adj + N patterns (chronic disease, congenital anomaly, pulmonary edema). In both languages the modifier narrows the class indicated by the head [5; 8].

The legal sample is classified by grammatical models rather than constituent number (Table 2). The noun + noun category constitutes 55%, and together with adjective + noun makes up 75% of the examined English legal terms.

Table 2. Structural models of 200 selected English legal terms

Model	**Terms (n)**	**Share (%)**
Noun + noun	110	55
Adjective + noun	40	20
Verb + noun	18	9
Noun + adjective	12	6
Verb + adverb	8	4
Adverb + noun	6	3
Adjective + adjective	4	2
Other models	2	1
Total	200	100

These frequencies describe the selected legal dictionary material and should not be generalized to all English legal terminology. The bilingual correspondences human rights – inson huquqlari, constitutional law – konstitutsiyaviy huquq and criminal liability – jinoiy javobgarlik illustrate nominal modification. Uzbek grammatical relations may also be marked through the possessive suffix -i, as in huquqlari and yetishmovchiligi. Hence the seemingly parallel N + N formations need not share identical morphosyntactic realization.

COMPARATIVE AND LEXICOGRAPHIC DISCUSSION

Equivalence operates at the conceptual rather than merely literal level. Heart failure – yurak yetishmovchiligi preserves a medical concept while adding Uzbek possessive morphology. Chronic disease – surunkali kasallik is structurally more direct. By contrast, blood pressure monitor – qon bosimini o‘lchash qurilmasi requires an expanded Uzbek construction that states the measuring action. In legal usage, rule of law corresponds to the established expression qonun ustuvorligi. These examples distinguish structural resemblance from semantic and functional equivalence [8].

Term boundaries create a related difficulty: N + N or Adj + N shape alone does not prove terminological status. Conceptual stability, domain-specific use and limited substitution are stronger indicators. Abbreviations require separate treatment: International Criminal Court

and ICC denote one institution, but their full and shortened forms have distinct grammatical and dictionary labels.

Dictionary comparisons also reveal separate and solid spellings, including maslahat xonasi / maslahatxona and yakka boshchilik / yakkaboshchilik [8]. Such variants are not necessarily equally normative. A bilingual terminological entry should identify the preferred spelling against an authoritative source and include (1) lemma and variants, (2) grammar and domain, (3) a concise specialist definition, (4) a verified equivalent, (5) contextual usage, and (6) relevant abbreviations and cross-references.

Dictionary entries for blood pressure monitor and rule of law should record their Uzbek equivalents (qon bosimini o‘lchash qurilmasi; qonun ustuvorligi), domain-specific definitions, and corpus annotations identifying the complete terms.

CONCLUSION

The findings are threefold. First, 131 of 220 Uzbek medical terms (59.5%) are two-component units, and 110 of 200 English legal terms (55%) follow N + N. Second, shared professional concepts may be expressed through distinct grammatical devices, especially Uzbek possessive morphology and descriptive expansion. Third, lexicographic accuracy depends on conceptual definition, preferred spelling, grammatical analysis and verified translation equivalents. These samples differ in language and domain; their frequencies describe the samples and cannot measure overall typological differences. Further studies should employ aligned bilingual corpora and broader representative datasets.

References

1. Cabré, M. T. Terminology: Theory, Methods and Applications. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1999.
2. Bauer, L. English Word-Formation. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
3. Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. A Comprehensive Grammar of the English Language. London: Longman, 1985. – 1779 p.
4. Madvaliyev, A. O‘zbek terminologiyasi va leksikografiyasi masalalari. Toshkent: O‘zbekiston milliy ensiklopediyasi, 2017.
5. Usmonxodjayev, A., Abilov, O‘., Turaxanova, M. Tibbiy atamalar lug‘ati. Toshkent: Donishmand ziyosi, 2022. – 400 b.
6. Kurganov, A. M., Djuzbayeva, D. S. O‘zbekcha-ruscha-inglizcha yuridik atamalar lug‘ati. Toshkent: IIV akademiyasi, 2020. – 200 b.
7. Dadaboyev, H. O‘zbek terminologiyasi. Toshkent: Yoshlar nashriyot uyi, 2020. – 136 b.
8. Nazarov, S. Sh. Structural-Grammatical Features and Lexicographic Interpretation of Multicomponent Terms in English and Uzbek (Based on Medical and Legal Terminology). Abstract of PhD dissertation. Karshi, 2026.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В РАССКАЗАХ И ПОВЕСТЯХ Ч. АЙТМАТОВА
(на материале русского и узбекского языков)

Тиллаева Муяссар Ербазаровна
старший преподаватель кафедры русского языка и литературы
Шахрисабзский государственный педагогический институт
Шахрисябз, Узбекистан

Аннотация. *Статья посвящена исследованию лингвокультурологических и переводческих особенностей устойчивых словосочетаний в рассказах и повестях Чингиза Айтматова. На материале русского оригинала и его переводов на узбекский язык, выполненных А. Рашидовым, анализируются механизмы транслингвального текстообразования. Особое внимание уделяется соматическим и анималистическим фразеологизмам, а также национально-маркированным калькам. В ходе сопоставительного анализа выявляются основные переводческие стратегии (подбор абсолютных эквивалентов, аналогов и калькирование), обусловленные генетическим родством тюркских языков и общностью культурно-исторического бэкграунда.*

Ключевые слова: *Чингиз Айтматов, устойчивые словосочетания, фразеологизмы, идиостиль, лингвокультурология, художественный перевод, билингвизм, соматизмы, анималистическая фразеология, русский язык, узбекский язык.*

Annotatsiya. *Maqola Chingiz Aytmatov hikoya va qissalaridagi turg‘un so‘z birikmalarining lingvokulturalogik hamda tarjima xususiyatlarini tadqiq etishga bag‘ishlangan. Ch. Aytmatovning rus tilidagi asarlari va ularning A. Rashidov tomonidan amalga oshirilgan o‘zbek tilidagi tarjimalari asosida translingval matn yaratish mexanizmlari tahlil qilingan. Somatik va animalististik frazeologizmlar hamda milliy-madaniy kalkalarga alohida e’tibor qaratilgan. Qiyosiy tahlil jarayonida turkiy tillarning genetik qarindoshligi hamda madaniy-tarixiy mushtaraklikka asoslangan asosiy tarjima strategiyalari (mutloq ekvivalentlar, muqobillar tanlash va kalkalash) aniqlangan.*

Kalit so‘zlar: *Chingiz Aytmatov, turg‘un so‘z birikmalari, frazeologizmlar, idiostil, lingvokulturalogiya, badiiy tarjima, bilingvizm, somatizmlar, animalististik frazeologiya, rus tili, o‘zbek tili.*

Abstract. *The article investigates the linguacultural and translational features of stable collocations in the short stories and novellas by Chingiz Aitmatov. Based on the Russian source texts and their Uzbek translations executed by A. Rashidov, the mechanisms of translingual text generation are analyzed. Special attention is paid to somatic and animalistic phraseological units, as well as culturally marked calques. Through a comparative analysis, the main translation strategies (selection of absolute equivalents, analogues, and calquing) are identified, which are determined by the genetic relationship of the Turkic languages and a shared cultural and historical background.*

Keywords: *Chingiz Aitmatov, stable collocations, phraseological units, idiostyle, linguaculturalology, literary translation, bilingualism, somatisms, animalistic phraseology, Russian language, Uzbek language.*

Введение. Творчество Чингиза Айтматова представляет собой уникальное билингвальное пространство, в котором гармонично соединились традиции русской реалистической прозы и глубинная философско-мифологическая картина мира тюркских народов. Будучи двуязычным автором, Айтматов не просто переводил свои мысли с одного языка на другой, а создавал особый индивидуально-авторский стиль (идиостиль). Важнейшим маркером этого стиля выступают устойчивые словосочетания (фразеологизмы, идиомы, зоонимы и паремии).

Актуальность лингвокультурологического сопоставления оригинальных текстов Ч. Айтматова и их переводов на узбекский язык обусловлена генетическим родством узбекского и киргизского языков, а также общностью центральноазиатского культурного пространства. Изучение того, как устойчивые выражения переходят из русскоязычного контекста автора в узбекскую языковую среду, позволяет выявить глубинные механизмы межкультурной коммуникации и законы художественного перевода в условиях транслингвального текстообразования.

Объектом исследования являются устойчивые словосочетания (фразеологизмы, идиомы, устойчивые метафорические обороты), функционирующие в художественном пространстве рассказов, повестей и романов Ч. Айтматова.

Предметом исследования выступают лингвокультурологические особенности и переводческие трансформации данных устойчивых словосочетаний при их передаче с русского языка (языка оригинала) на узбекский язык.

Методы исследования. В работе использован комплекс методов филологического анализа: метод сплошной выборки при сборе материала, сравнительно-сопоставительный метод, метод лингвокультурологического и контекстуального анализа художественного текста, а также элементы компонентного анализа фразеологических единиц.

Практическая глава: Сравнительный лингвокультурологический анализ фразеологических единиц.

Для практического анализа привлечены оригинальные тексты повестей и романов Ч. Айтматова и их классические переводы на узбекский язык, выполненные выдающимся переводчиком. В ходе исследования устойчивые сочетания были разделены на несколько лексико-семантических групп в зависимости от их когнитивной структуры и способов передачи на язык перевода.

1. Соматические устойчивые сочетания (с компонентами «сердце», «глаза», «лицо»)

Соматический код является одним из древнейших в культуре. Айтматов часто использует русские фразеологизмы этой группы, но переводчик, опираясь на общую тюркскую ментальность, мастерски возвращает им исконный национальный колорит.

Русский оригинал: *«У него сердце разрывалось от жалости»*.

Узбекский перевод (Кириллица): *«Бундан унинг юрак-бағри эзилди»*.

Узбекский перевод (Латиница): *«Bundan uning yurak-bag‘ri ezildi».Лингвистический комментарий:* Вместо монокомпонентного *yurak* (сердце)

переводчик использует парное устойчивое сочетание *yurak-bag‘ri* (букв. «сердце и печень/внутренности»), что глубоко укоренено в восточной поэтической традиции передачи наивысшей степени страдания.

2. Национально-маркированные тюркские кальки и концепт чести

Айтматов умышленно калькировал некоторые тюркские идиомы на русский язык, чтобы русскоязычный читатель почувствовал ментальность его героев. В узбекском языке такие фразы не нуждаются в адаптации и переводятся абсолютными эквивалентами.

Русский оригинал: *«Чтобы дед перед людьми лица не потерял»* («Белый пароход»).

Узбекский перевод (Кириллица): *«Бобом одамлар олдида юзи ерга қарамасин деб»*.

Узбекский перевод (Латиница): *«Bobom odamlar oldida yuzi yerga qaramasin deb»*.*Лингвистический комментарий:* Метафора «потери лица» (*yuzi yerga qaramoq / yuzi shuvut bo'lmoq*) одинаково актуальна для обеих тюркских лингвокультур и отражает категорию коллективного стыда и чести.

3. Анималистические фразеологизмы и фразеологизмы-зоонимы

Особое место в идиостиле Айтматова занимает анималистический пласт. Животные в его произведениях (лошади, волки) антропоморфизированы и наделены глубоким психологизмом. Писатель использует устойчивые выражения с зоонимным компонентом не только для характеристики персонажей, но и для демонстрации неразрывной связи человека с природой.

А. Образ коня (на материале повести «Прощай, Гульсары!»): В тюркской традиции конь — это альтер-эго мужчины, его крылья и верный спутник. Айтматов использует фразеосочетания, подчеркивающие этот статус, которые на узбекский язык переводятся емкими национальными паремиями.

Русский оригинал: *«Конь — крылья человека»* (авторская актуализация поговорки).

Узбекский перевод (Кириллица): *«От — йигитнинг йўлдоши, унга қанот»*.

Узбекский перевод (Латиница): *«Ot — yigitning yo‘ldoshi, unga qanot»*.

При передаче метафор угасания жизни коня и человека, А. Рашидов использует фразеологические аналоги:

Русский оригинал: *«Его былая слава сошла на нет, конь сдал свои позиции»*.

Узбекский перевод (Кириллица): *«Унинг аввалги довруғидан асар ҳам қолмади, отдан уввос кетди»*.

Узбекский перевод (Латиница): *«Uning avvalgi dovrug‘idan asar ham qolmadi, otdan uvvos ketdi»*.*Лингвистический комментарий:* Переводческое выражение *«отдан уввос кетди»* (букв. «из коня ушел пыл/сила») возвращает образу кочевой колорит, утраченный в более нейтральном русском «сдал позиции».

Б. Образ волка (на материале романа «Плаха»): Волки (Акбара и Ташчайнар) у Айтматова символизируют чистую, первозданную природу, противостоящую жестокости человека. Писатель описывает повадки волков, используя устойчивые сочетания, близкие к библейским мотивам и общечеловеческой фразеологии.

Русский оригинал: *«Они выли, изливая свою волчью душу»*.

Узбекский перевод (Кириллица): *«Улар ув тортиб, бўрилик зор-интизорлигини тўкиб сочдилар»*.

Узбекский перевод (Латиница): *«Ular uv tortib, bo‘rilik zor-intizorligini тўкиб sochdilar»*.

При описании трагедии потери волчат Айтматов вводит метафору «сухого плача» или «волчьей скорби»:

Русский оригинал: *«Волчица выла без слез, сердце ее превратилось в камень»*.

Узбекский перевод (Кириллица): *«Бўри она ёш чиқармай увлади, унинг юраги тошга айланди»*.

Узбекский перевод (Латиница): *«Bo‘ri ona yosh chiqarmay uvladi, uning yuragi toshga aylandi».Лингвистический комментарий:* Фразеологический аналог *«юрак тошга айланди»* (*yurak toshga aylandi*) является абсолютным эквивалентом русского «сердце превратилось в камень», что демонстрирует универсальный характер метафоризации горя в славянской и тюркской картинах мира.

В. Концепт верблюда и мифопоэтические идиомы (на материале романа «И дольше века длится день»)

В романе «И дольше века длится день» одним из ключевых образов-символов сакральной связи человека со степью Сарозяк выступает верблюд Каранар. Описание этого животного строится на устойчивых эпитетах и архаичных фразеологизмах.

Русский оригинал: *«Буранный Каранар — верблюд чистой крови, не знавший усталости»*.

Узбекский перевод (Кириллица): *«Боронли Қаранор — чарчоқ нималигини билмайдиган асил зотли туя эди»*.

Узбекский перевод (Латиница): *«Boronli Qaranor — charchoq nimaligini bilmaydigan asil zotli tuya edi».Лингвистический комментарий:* Русское идиоматическое выражение «чистой крови» переводчик заменяет устойчивым тюркским сочетанием *«asil zotli»*, имеющим более глубокие исторические корни в животноводческой культуре региона.

Также в романе Айтматов часто использует фразеологизм «манкурт» / «память манкурта», который сам по себе превратился в устойчивое выражение и международный фразеологический концепт:

Русский оригинал: *«Он стал манкуртом, человеком без роду и племени»*.

Узбекский перевод (Кириллица): *«У манқуртга, уруғ-аймоғини унутган кимсага айланди»*.

Узбекский перевод (Латиница): *«U manqurtga, urug‘-aymog‘ini unutgan kimsaga aylandi».Лингвистический комментарий:* Русское библейско-литературное выражение «без роду и племени» Рашидов адаптирует через устойчивый этнографический оборот *«urug‘-aymog‘ini unutgan»* (забывший свой род-племя), что идеально бьет в саму суть айтматовской легенды о манкуртизме и потере исторической памяти.

Выводы. Сравнительно-сопоставительный анализ устойчивых словосочетаний в оригинале и переводе произведений Ч. Айтматова подтверждает транслингвальную природу его текстов. Его русский художественный язык глубоко укоренен в тюркской ментальной почве.

Включение в практический анализ анималистических фразеологизмов (образов волков и коней) показало, что зоонимный код Айтматова служит мощным инструментом психологизации текста. Переводчик Асиль Рашидов успешно преодолевает переводческую асимметрию, применяя стратегии поиска тюркских фразеологических соответствий. Благодаря общему культурно-историческому и этнографическому бэкграунду узбекского и киргизского народов, узбекский перевод органично восстанавливает первоначальные смысловые пласты айтматовских идиом, сохраняя их мифопоэтическую и эмоционально-экспрессивную целостность.

Список использованной литературы

1. Айтматов, Ч. Т. Белый пароход. Прощай, Гульсары! Плаха: Повести и романы / Ч. Т. Айтматов. — М.: Молодая гвардия, 1983. — 624 с.
2. Айтматов, Ч. Оқ кема [Текст] : Повесть / Чингиз Айтматов ; [Таржимон А. Рашидов]. — Тошкент : Ёш гвардия, 1971. — 184 б.
3. Айтматов, Ч. Қиёмат (Плаха) [Текст] : Роман / Чингиз Айтматов ; [Таржимон И. Ғафуров, А. Рашидов]. — Тошкент : Шарқ, 1988. — 320 б.
4. Гачев, Г. Д. Чингиз Айтматов: В свете мировой культуры / Г. Д. Гачев. — Фрунзе: Адабият, 1989. — 484 с.
5. Жапаркулова, Н. Н. Особенности использования фразеологизмов с компонентом-зоонимом в повести Ч. Т. Айтматова «Белый пароход» (на материале русского и киргизского языков) // Мир науки, культуры, образования. — 2021. — № 4 (89). — С. 112–115.
6. Рашидов, А. Об узбекских переводах произведений Чингиза Айтматова // Материалы международной научной конференции ТДОУУЛ. — Ташкент, 2024. — С. 45–50.
7. Тагаев, М. Дж. Транслингвальные процессы в индивидуально-авторской картине мира Ч. Айтматова / М. Дж. Тагаев, М. С. Чинлода // Культура и цивилизация. — 2024. — Том 14, № 117. — С. 95–102.
8. Умарова, М. Фразеологизмы и национально-культурная специфика в произведениях Чингиза Айтматова // Scientific and Technical Journal of Uzbekistan. — 2026. — Vol. 5, № 3. — С. 120–125.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Мейлиева Мохиба Олмурадовна
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ основных глагольных категорий (вида, времени, наклонения, залога, лица и числа) в русской и узбекской языковых картинах мира. На основе анализа выявляются глубокие типологические и когнитивные различия между флективным (синтетическим) русским и агглютинативным узбекским языками. Особое внимание уделено категории вида: в русском языке она представлена бинарной оппозицией совершенного и несовершенного видов и грамматикализует внутреннюю структуру действия (процесс/результат), тогда как в узбекском языке аспектуальные значения передаются лексико-грамматическими средствами (аффиксами, вспомогательными глаголами и контекстом). Исследуются также различия в организации временных форм, наклонений, залогов и личных окончаний. Показано, как грамматические особенности двух языков отражают разные способы концептуализации действия. Полученные результаты имеют теоретическое значение для типологии и практическую ценность для методики преподавания языков в межкультурной аудитории.*

Ключевые слова: *глагольные категории, русская языковая картина мира, узбекская языковая картина мира, категория вида, аспектуальность, сравнительно-сопоставительный анализ, типология языков.*

Annotatsiya. *Maqolada rus va o‘zbek tillarining lisoniy manzaralaridagi asosiy fe’l kategoriyalari (tur, zamon, mayl, nisbat, shaxs va son) qiyosiy-chog‘ishtirma tahlil qilinadi. Tahlil natijasida flektiv (sintetik) rus tili bilan agglyutinativ o‘zbek tili o‘rtasidagi chuqur tipologik va kognitiv farqlar ochib beriladi. Fe’l turiga (vid) alohida e’tibor qaratilgan: rus tilida u tugallangan va tugallanmagan turlarning ikkilik (binar) qarama-qarshiligi sifatida namoyon bo‘lib, harakatning ichki tuzilishini (jarayon/natija) grammatikallashtiradi; o‘zbek tilida esa aspektual ma’nolar leksik-grammatik vositalar (affikslar, ko‘makchi fe’llar va kontekst) yordamida ifodalanadi. Shuningdek, zamon shakllari, mayllar, nisbatlar va shaxs-son qo‘shimchalarini tashkil etishdagi farqlar o‘rganiladi. Ikki tilning grammatik xususiyatlari harakatni konseptuallashtirishning turlicha usullarini qanday aks ettirishi ko‘rsatib berilgan. Olingan natijalar tilshunoslik tipologiyasi uchun nazariy ahamiyatga ega bo‘lib, tillarni o‘qitish metodikasida amaliy ahamiyat kasb etadi.*

Kalit so‘zlar: *fe’l kategoriyalari, rus tili lisoniy manzarasi, o‘zbek tili lisoniy manzarasi, fe’l turi (aspekt), aspektuallik, qiyosiy-chog‘ishtirma tahlil, til tipologiyasi.*

Abstract. *The article presents a comparative analysis of the main verbal categories (aspect, tense, mood, voice, person, and number) within the Russian and Uzbek linguistic*

worldviews. Based on this analysis, the study reveals profound typological and cognitive differences between the inflectional (synthetic) Russian language and the agglutinative Uzbek language. Special attention is paid to the category of aspect: in Russian, it is represented by a binary opposition of perfective and imperfective aspects and grammaticalizes the internal structure of an action (process versus result), whereas in Uzbek, aspectual meanings are conveyed through lexical and grammatical means (affixes, auxiliary verbs, and context). The differences in the organization of tense forms, moods, voices, and personal endings are also examined. The article demonstrates how the grammatical features of the two languages reflect different ways of conceptualizing actions. These findings are of theoretical significance for typology and practical value for methods of language teaching in intercultural classrooms.

Keywords: *verbal categories, Russian linguistic worldview, Uzbek linguistic worldview, category of aspect, aspectuality, comparative analysis, language typology.*

Введение. Глагол занимает центральное место в языковой картине мира любого народа, поскольку именно через глагольные формы фиксируется восприятие действия, времени, результата, процесса, модальности и отношения говорящего к происходящему. Глагол не просто называет действие – он структурирует опыт, задаёт способы членения реальности на события, процессы и состояния. Поэтому сравнительно-сопоставительный анализ глагольных категорий русского и узбекского языков позволяет выявить не только типологические различия морфологических систем, но и глубинные особенности национального мировосприятия, закреплённые в грамматике.

Русский язык как флективный (синтетический) характеризуется развитой системой грамматических категорий, среди которых особое, системообразующее место занимает вид. Категория вида пронизывает всю глагольную парадигму, влияет на образование временных форм, на сочетаемость с обстоятельствами и даже на синтаксическую организацию предложения. Узбекский язык как типичный представитель агглютинативного строя опирается на последовательную аффиксацию, вспомогательные глаголы и контекстуальные средства выражения аспектуальных значений. Грамматические значения в нём выражаются преимущественно аналитически и агглютинативно, что создаёт принципиально иную организацию глагольной семантики.

Как отмечают исследователи, «вид является ключевым для русской глагольной системы и влияет на выбор временных форм. Узбекский язык не имеет категории вида в русском понимании; вместо этого используются специальные словообразовательные форманты и контекстуальные средства, выражающие завершённость или длительность действия» [5]. Это наблюдение становится отправной точкой для более широкого сопоставления. Различия в организации глагольных категорий отражают не только формальные особенности двух языков, но и разные способы концептуализации действия: русский язык грамматикализует внутреннюю структуру действия (процесс / результат), тогда как узбекский язык более гибко передаёт аспектуальные оттенки через контекст и словообразовательные средства.

Актуальность сравнительно-сопоставительного анализа обусловлена несколькими факторами. Во-первых, теоретическим интересом к типологии глагольных систем и к проблеме языковой картины мира. Во-вторых, практической необходимостью: при обучении русскому языку в узбекской аудитории и узбекскому языку в русской аудитории наибольшие трудности вызывают именно видо-временные отношения и способы выражения аспектуальности. В-третьих, недостаточной изученностью вопроса в аспекте именно языковой картины мира: большинство работ ограничиваются формально-грамматическим сопоставлением, оставляя в стороне когнитивные и культурные импликации.

Цель настоящей статьи – провести сравнительно-сопоставительный анализ основных глагольных категорий (вид, время, наклонение, залог, лицо и число) в контексте русских и узбекских языковых картин мира. Особое внимание уделяется тому, как грамматические различия отражаются в способах восприятия и категоризации действия носителями двух языков.

Центральным и наиболее глубоким различием между русской и узбекской глагольными системами является категория вида. В русском языке вид представлен бинарным противопоставлением совершенного и несовершенного вида и является полноценной грамматической категорией. Каждый глагол (за редким исключением двувидовых и одновидовых) принадлежит к одному из двух видов, а видовые пары (*делать – сделать, писать – написать, читать – прочитать*) образуют системную оппозицию. Совершенный вид акцентирует результат, целостность, завершённость и ограниченность действия во времени. Несовершенный вид передаёт процесс, длительность, повторяемость, неограниченность или попытку. Эта оппозиция носит обязательный характер: говорящий на русском языке практически в каждом высказывании вынужден выбирать между «процессом» и «результатом».

Такая обязательность выбора отражает важнейшую особенность русской языковой картины мира. Носитель русского языка постоянно «упаковывает» действие либо как целостный, достигнутый результат, либо как развёрнутый во времени процесс. В этом проявляется особое внимание к внутренней структуре действия, к его фазовости и предельности. Как справедливо отмечается в исследованиях, категория вида в русском языке является одной из центральных грамматических категорий и «представлена противопоставлением совершенного и несовершенного видов, которые выражают завершённость и процессуальность действия соответственно» [2].

В узбекском языке грамматической категории вида в русском понимании нет. Отсутствует обязательное морфологическое противопоставление форм, аналогичное русской видовой паре. Аспектуальные значения – завершённость, длительность, многократность, интенсивность, начинательность и другие – передаются лексико-грамматическими средствами. К ним относятся: словообразовательные аффиксы; вспомогательные глаголы (*olmoq, bo‘lmoq, yotmoq, turmoq, chiqmoq, ketmoq* и др.); аналитические конструкции; контекст и лексическое значение самого глагола.

«В узбекском языке категория вида в традиционном понимании отсутствует. Однако аспектуальные значения передаются с помощью лексико-грамматических средств, таких как аффиксы, вспомогательные глаголы и контекст» [2]. Например, значение завершённости может выражаться конструкциями типа *o‘qib chiqdi* (прочитал

до конца, дочитал), *yozib qo‘ydi* (написал и оставил), а значение длительности или продолженности – *o‘qib yuribdi*, *yozib turibdi*. Многократность часто передаётся аффиксами или редупликацией, а начинательность – специальными вспомогательными глаголами. Это фундаментальное различие отражает особенности двух языковых картин мира. Русская картина мира через категорию вида акцентирует внимание на результате и внутренней динамике действия: действие мыслится либо как процесс, либо как достигнутый предел. Узбекская языковая картина мира в большей степени ориентирована на временную последовательность событий и на ситуативный контекст. Аспектуальные оттенки здесь не грамматикализованы жёстко, а остаются более гибкими и зависимыми от коммуникативной ситуации. В результате носитель узбекского языка обладает большей свободой в выборе средств выражения характера действия, но при этом вынужден опираться на контекст и дополнительные лексические показатели.

Таким образом, категория вида в русском языке и способы выражения аспектуальности в узбекском языке представляют собой не просто разные грамматические механизмы, а разные способы концептуализации действия. Русский язык «заставляет» говорящего постоянно определять, завершено ли действие и какова его внутренняя структура. Узбекский язык оставляет эти характеристики более открытыми, передавая их комплексом средств, среди которых контекст играет ведущую роль. Именно это различие лежит в основе многих трудностей межъязыковой интерференции и требует особого внимания как в теоретических, так и в прикладных исследованиях.

Обе языковые системы различают настоящее, прошедшее и будущее время, однако их внутренняя организация и связь с другими глагольными категориями существенно различаются. В русском языке временные формы находятся в тесной, почти неразрывной зависимости от категории вида. Настоящее время образуется исключительно от глаголов несовершенного вида (*читаю, пишу, иду*). Будущее время имеет две принципиально разные формы: простое будущее от глаголов совершенного вида (*прочитаю, напишу*) и сложное будущее от глаголов несовершенного вида (*буду читать, буду писать*). Прошедшее время также тесно связано с видом и дополнительно маркируется по роду и числу. Таким образом, в русской глагольной системе время и вид образуют единый видовременной комплекс, в котором выбор временной формы во многом предопределён видовой характеристикой глагола.

В узбекском языке временная система устроена иначе. Она более аналитична и значительно менее жёстко связана с аспектуальностью. Настоящее-общее время (*o‘qiyman*, *yozaman*) может передавать как актуальное действие, происходящее в момент речи, так и обычное, повторяющееся или вневременное действие. Прошедшее время представлено несколькими формами, различающимися по степени отнесённости к моменту речи, очевидности и результативности: простая форма (*o‘qidim*), перфектная (*o‘qiganman*), плюсквамперфектная (*o‘qigan edim*) и другие. Будущее время также имеет несколько способов выражения, зависящих от степени уверенности и намерения говорящего. «Главное отличие категорий времен русских и узбекских глаголов состоит в том, что в узбекском языке категория времени обладает большей самостоятельностью и разнообразием форм» [4].

Эти структурные различия напрямую отражаются в языковых картинах мира. В русской языковой картине мира время часто воспринимается через призму завершённости / незавершённости: говорящий не просто относит действие к прошлому, настоящему или будущему, но одновременно определяет, достигнуто ли его внутреннее завершение. В узбекской языковой картине мира время в большей степени осмысляется через призму актуальности, последовательности событий и степени очевидности. Аспектуальные характеристики при этом остаются более гибкими и контекстуально обусловленными. В результате русское высказывание о действии почти всегда несёт информацию о его внутренней структуре, тогда как узбекское – о его месте в цепи событий и отношении к моменту речи.

Системы наклонения в двух языках также обнаруживают существенные различия как в составе, так и в семантической нагрузке. В русском языке традиционно выделяются три наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное (условное). Сослагательное наклонение образуется аналитически (форма на -л + частица *бы*) и выражает гипотетичность, желательность или условие. Повелительное наклонение имеет развитую систему форм, включая вежливые и совместные варианты.

В узбекском языке система наклонений более дифференцирована. Выделяются изъявительное наклонение (*xabar mayli*), повелительно-желательное (*buyruq-istak mayli*), условное (*shart mayli*) и наклонение цели (*maqsad mayli*). Наличие особого наклонения цели позволяет более точно передавать намерение и целенаправленность действия. Условное наклонение образуется аффиксом *-sa* и обладает широким спектром значений – от собственно условия до желательности и предположения. Таким образом, узбекская система наклонений предоставляет говорящему более тонкие инструменты для выражения модальных оттенков, связанных с целью и условием.

Категория залога также организована по-разному. В русском языке залог представлен прежде всего оппозицией действительного и страдательного залога, причём страдательный залог имеет как синтетические, так и аналитические формы. В узбекском языке залоговая система значительно более развита и включает несколько специализированных форм (побудительный, страдательный, взаимный, возвратный и др.), выражаемых преимущественно аффиксами. Это позволяет более детально маркировать характер участия субъектов в действии.

Категории лица и числа обнаруживают яркое типологическое различие. В русском языке лицо и число выражаются флективно – одним окончанием, которое одновременно указывает и на лицо, и на число (*иду – идёшь – идёт*). В узбекском языке эти значения передаются отдельными, чётко сегментируемыми аффиксами (*-man, -san, -di, -miz, -siz, -dilar*), что полностью соответствует агглютинативному строю. «Русский язык демонстрирует сложную систему видовых и залоговых отношений, узбекский – продуктивную аффиксацию и разнообразие залогов» [1]. В совокупности эти различия показывают, что русская глагольная система тяготеет к синтетическому, компактному выражению нескольких грамматических значений в одной форме, тогда как узбекская система предпочитает аналитичность и последовательную аффиксацию, при которой каждое значение получает отдельный показатель.

Заключение. Сравнительно-сопоставительный анализ глагольных категорий русского и узбекского языков выявляет глубокие типологические и когнитивные

различия, закреплённые в языковых картинах мира двух народов. Русская глагольная система ориентирована на грамматикализованное выражение аспектуальности и тесную, почти неразрывную связь вида и времени. Это отражает языковую картину мира, в которой особое внимание уделяется внутренней структуре действия, его предельности, результативности и процессуальности. Говорящий на русском языке постоянно вынужден определять, мыслится ли действие как целостный результат или как развёрнутый процесс.

Узбекская глагольная система компенсирует отсутствие грамматической категории вида развитой системой аффиксов, вспомогательных глаголов и контекстуальных средств. Временные формы обладают большей самостоятельностью, а система наклонений и залогов отличается большей дифференцированностью. Это соответствует более ситуативному, последовательному и контекстно-зависимому восприятию действия, при котором аспектуальные характеристики не грамматикализуются жёстко, а остаются гибкими и открытыми для контекстуальной интерпретации.

Выявленные различия имеют важное значение не только для теоретической лингвистики и типологии, но и для прикладных областей – прежде всего для методики преподавания русского языка в узбекской аудитории и узбекского языка в русской аудитории. Интерференция наиболее ярко проявляется именно в сфере видо-временных отношений и способов выражения аспектуальности. Понимание глубинных различий в языковых картинах мира позволяет более точно прогнозировать типичные ошибки и выстраивать эффективные стратегии обучения. Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ глагольных категорий оказывается не только описанием формальных систем, но и ключом к пониманию различных способов концептуализации действия в русской и узбекской культурах.

Список использованной литературы

1. Abdurasulova U. A., Kudratova M. S. Сопоставительный анализ структуры глаголов в русском и узбекском языках // Journal of International Scientific Research. — 2025.
2. Розикова С. А. Сравнительно-сопоставительный анализ видовременных форм глагола в русском и узбекском языках // ILM FAN XABARNOMASI. — 2026.
3. Сравнение глагольных форм в русском и узбекском языках // Worldly Journals / IQRO. — 2025.
4. Умуркулов Б. У. Современный узбекский язык (цит. по материалам конференций 2024–2025).
5. Шомуродова, С. Сравнение глагольных форм в русском и узбекском языках / С. Шомуродова // IQRO / Worldly Journals. — 2025. — Т. 19, № 1. — С. 193 [600–603].

ICONICITY IN ENGLISH AND UZBEK COORDINATION: A COMPARATIVE COGNITIVE-LINGUISTIC STUDY

Ruziev Fazliddin Baxriddin O'g'li
stajyor o'qituvchi
Iqtisodiyot va pedagogika universiteti
Qarshi, O'zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada ingliz va o'zbek tillaridagi teng bog'lanishli tuzilmalarda ikonik munosabatlar qiyosiy-kognitiv nuqtayi nazardan ko'rib chiqiladi. Tadqiqot masofa ikonikligi va vaqt tartibi ikonikligiga qaratilgan. Masofa ikonikligi mazmunan yaqin birliklarning sintaktik jihatdan ham yaqin joylashishi bilan, vaqt tartibi ikonikligi esa birliklar ketma-ketligining voqealar ketma-ketligini aks ettirishi bilan izohlanadi. Ingliz tilidagi "and" hamda o'zbek tilidagi "va" yordamida tuzilgan birikmalar qiyoslanib, bu tamoyillar ikki tilda ham kuzatilishi mumkinligi ko'rsatiladi. Tahlil sifat jihatidan olib borilib, natijalar qat'iy qoida emas, balki kontekstga bog'liq tendensiyalar sifatida talqin qilinadi.*

Kalit so'zlar: *ikoniklik, koordinatsiya, teng bog'lanish, masofa ikonikligi, vaqt tartibi ikonikligi, ingliz tili, o'zbek tili, kognitiv tilshunoslik.*

Аннотация. *В статье сопоставляются иконические отношения в сочинительных конструкциях английского и узбекского языков с когнитивно-лингвистической точки зрения. Основное внимание уделяется иконичности расстояния и иконичности временного порядка. Первая проявляется в тенденции размещать концептуально связанные элементы близко друг к другу; вторая — в соответствии порядка языковых элементов последовательности событий. Рассматриваются конструкции с английским союзом "and" и узбекским "va". Анализ показывает, что оба принципа могут наблюдаться в двух языках, однако их реализация зависит от контекста и не является абсолютно обязательной.*

Ключевые слова: *иконичность, сочинение, сочинительная конструкция, иконичность расстояния, иконичность временного порядка, английский язык, узбекский язык, когнитивная лингвистика.*

Abstract. *This article compares iconic relations in English and Uzbek coordination from a cognitive-linguistic perspective. It focuses on distance iconicity and temporal-order iconicity. Distance iconicity concerns the tendency for conceptually related elements to occur close together in linguistic structure, while temporal-order iconicity concerns the correspondence between linguistic order and the order of events or actions. Coordinated constructions involving English "and" and Uzbek "va" are considered. The analysis suggests that both principles can be observed in the two languages, while emphasizing that iconicity is a context-sensitive tendency rather than an exceptionless grammatical rule.*

Keywords: *iconicity, coordination, coordinate structure, distance iconicity, temporal-order iconicity, English, Uzbek, cognitive linguistics.*

1. Introduction

Language is not only a system of arbitrary signs. In some constructions, the form of an expression reflects aspects of its meaning or conceptual organization. Such form–meaning correspondences are commonly discussed under the term iconicity [10, 13]. Iconic relations do not eliminate arbitrariness from language, but they can help explain why particular arrangements of words feel natural or meaningful to speakers [4]. This article examines iconicity in coordination, focusing on English and Uzbek.

Coordination links units of comparable syntactic status, including words, phrases, and clauses. In English, "and" is a frequent coordinating conjunction; in Uzbek, "va" serves a broadly comparable function. The comparison asks whether the order and proximity of coordinated elements reflect conceptual relations between the ideas expressed. Two questions guide the discussion: how does distance between coordinated elements relate to conceptual closeness, and to what extent does the order of coordinated elements correspond to the temporal order of events?

The article offers a qualitative synthesis of the comparative argument developed in the underlying thesis. It does not claim that every coordinate construction follows iconic principles. Rather, it identifies tendencies that help explain relationships among syntax, meaning, and discourse.

2. Theoretical framework: diagrammatic iconicity

Iconicity can be understood as a motivated resemblance or correspondence between some aspect of a linguistic sign and what it represents [10, 13]. In diagrammatic iconicity, the resemblance is structural: relationships among linguistic forms parallel relationships among the concepts expressed. A sequence of clauses may mirror a sequence of events, for example, or closely related meanings may be expressed by elements that are structurally close [5, 8, 9]. Distance iconicity concerns the tendency for conceptual distance to be reflected in linguistic distance. When two ideas are strongly associated, speakers may place their expressions close together; intervening material may make the relation more elaborated [6, 7]. This is not a mechanical rule, because syntax, emphasis, and information structure can also determine word order [2, 11, 12].

Temporal-order iconicity concerns the alignment between expression order and event order. A sentence such as "She opened the door and entered the room" presents the opening before the entering, matching clause order to the event sequence. This ordering reflects a tendency for linguistic elements to follow the temporal sequence of the events they describe [8, 11]. The two principles are related but distinct: one concerns proximity, the other chronology.

3. Methodology and scope

The study follows a qualitative comparative approach grounded in cognitive linguistics. It considers English and Uzbek coordinate structures, especially examples connected by "and" and "va", and interprets them in relation to distance and temporal order. The underlying thesis draws on English examples from the Corpus of Contemporary American English (COCA) and literary sources, and on Uzbek examples collected from native speakers [14]. This article synthesizes the thesis's central comparative argument rather than presenting a new quantitative corpus study.

The analysis identifies the meaning of each coordinated unit, compares linear arrangement with conceptual relations or event chronology, and then considers similarities between the two languages. Because the evidence is qualitative, findings are descriptive tendencies. Frequency differences or statistically significant contrasts would require a larger, consistently annotated dataset.

4. Distance iconicity in English and Uzbek

In coordination, conceptually associated actions, objects, or propositions can be expressed as adjacent units linked by a conjunction. Their proximity supports the interpretation that they form one coordinated sequence. The conjunction marks the grammatical relation, while the compact structure can help the listener process the items as connected. This analysis follows the distance principle discussed by [6, 7, 8] and applied to coordinate structures by [14].

English examples discussed in the literature include adjective coordination such as "naive and sentimental" and "sweet and sad," where the possibility of omitting the conjunction depends partly on the semantic compatibility of the modifiers [7, 8]. More generally, expressions for closely associated items can be packaged as compact pairs, while semantically contrasting items may require an overt coordinator.

Comparable patterns occur in Uzbek. Ruziev's [14] analysis compares structures such as "qizil lentalar va oq lentalar" ("red ribbons and white ribbons") with "qizil va oq lentalar" ("red and white ribbons"). The placement of the conjunction and repetition of the noun can influence whether the colors are interpreted as belonging to separate sets of ribbons or to the same set, illustrating the relationship between linguistic distance and conceptual grouping [6, 14].

Conceptual closeness does not always require syntactic adjacency. Speakers can insert modifiers, parenthetical material, or clauses between related expressions for clarification or emphasis. Nor are adjacent elements necessarily conceptually close merely because they occur next to one another. Distance iconicity is therefore best treated as a tendency: structural proximity may reinforce a relation already supported by meaning and context.

The cross-linguistic relevance is that both languages can use conjunctions to join elements within a compact structure. This is compatible with the idea that language users organize expressions in ways that reflect conceptual grouping. Nevertheless, differences between the grammatical systems of English and Uzbek mean that the principle does not predict identical word order in every construction.

5. Temporal-order iconicity

Temporal-order iconicity is visible when coordinated clauses or predicates describe actions unfolding over time. If event A occurs before event B, speakers often mention A first. Newmeyer [12] describes this tendency in coordinate structures, and discusses its relevance to the ordering of conjuncts. For example, "He picked up his bag and left the house" aligns the clause sequence with the chronology: picking up the bag precedes leaving.

Uzbek can express a similar relationship in examples such as "Jon kirib keldi va o'tirdi" ("John came in and sat down"), discussed in the source thesis [14]. The first clause names the earlier action and the second names the later one. In both languages, the listener can infer temporal progression without an explicit phrase such as "after that" [9, 12, 14].

This order can contribute to narrative coherence. When actions are recounted chronologically, the linguistic sequence and the listener's mental representation move in parallel, making the account easier to follow. Yet temporal order is not obligatory. Speakers may reverse the order of mention to foreground a result, create suspense, provide background, or organize information around importance rather than chronology; coordination is also shaped by pragmatic and discourse factors [1, 3, 12].

The comparison therefore identifies a shared possibility rather than a universal constraint. In both English and Uzbek, coordinate order can mirror event order, but interpretation depends on context, verb meaning, and discourse goals. An adequate account distinguishes the default chronological reading from cases in which the speaker deliberately organizes information differently.

6. Comparative discussion

The comparison suggests that English and Uzbek coordination can be described through the same broad iconic principles. Under distance iconicity, adjacent coordinated elements may be understood as conceptually associated; under temporal-order iconicity, the sequence of clauses may reflect the sequence of events. These interpretations align with the distinction between structure-concept and structure-discourse iconicity associated with Newmeyer [11, 12] and applied to coordination by Ruziev [14]. In each case, form contributes to interpretation without determining it completely.

Coordination should therefore be treated not only as a formal operation joining grammatically equivalent units, but also as a means of presenting conceptual groupings and event sequences. The conjunction signals coordination, while the order and arrangement of the units can provide additional cues about how the speaker conceptualizes the message.

The similarities are compatible with the idea that iconicity reflects general cognitive pressures, including a preference for aligning linguistic order with conceptual order when no competing discourse requirement intervenes [4, 5]. However, a qualitative comparison cannot establish that the two languages use these patterns with equal frequency. The original study itself notes that its limited number of examples restricts statistical generalization and recommends further quantitative research [14].

Iconicity is best treated as one explanatory factor among several. Grammar constrains possible structures, semantics establishes relations among events and entities, and pragmatics shapes what speakers choose to emphasize. These dimensions should be considered together rather than attributing every observed order to iconic motivation alone.

7. Conclusion

This article has examined distance iconicity and temporal-order iconicity in English and Uzbek coordination. The examples indicate that closely associated elements may be packaged together and that event sequences may be presented chronologically in constructions using English "and" and Uzbek "va". These patterns support earlier accounts of diagrammatic iconicity [5, 6, 11, 12] and the comparative findings reported for Uzbek and English [14].

The conclusion is limited: iconicity helps explain recurring tendencies in coordinate structures, but it is not an exceptionless rule. Word order can also be shaped by grammar, emphasis, and discourse purpose. Future research could test the tendencies through a larger parallel corpus of English and Uzbek, with coordinated structures annotated for semantic

relation, event chronology, genre, and intervening material. Such a design would allow researchers to compare not only illustrative examples but also their distribution across the two languages.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Blakemore, D., & Carston, R. (2005). The pragmatics of sentential coordination with and. Lingua, 115(4), 569–589. https://doi.org/10.1016/j.lingua.2003.09.016
2. Bolinger, D. (1977). Meaning and form. Longman.
3. Carston, R. (2002). Thoughts and utterances: The pragmatics of explicit communication. Blackwell. https://doi.org/10.1002/9780470754603
4. Dingemanse, M., Blasi, D. E., Lupyan, G., Christiansen, M. H., & Monaghan, P. (2015). Arbitrariness, iconicity, and systematicity in language. Trends in Cognitive Sciences, 19(9), 603–615. https://doi.org/10.1016/j.tics.2015.07.013
5. Haiman, J. (1980). The iconicity of grammar: Isomorphism and motivation. Language, 56(3), 515–540. https://doi.org/10.2307/414448
6. Haiman, J. (1983). Iconic and economic motivation. Language, 59(4), 781–819. https://doi.org/10.2307/413373
7. Haiman, J. (1985). Natural syntax: Iconicity and erosion. Cambridge University Press.
8. Haiman, J. (1994). Iconicity. In R. E. Asher (Ed.), The encyclopedia of language and linguistics (pp. 1–25). Pergamon. [Please verify publication details against the edition you consulted.]
9. Hiraga, M. (1994). Diagrams and metaphors: Iconic aspects in language. Journal of Pragmatics, 22(1), 5–21. https://doi.org/10.1016/0378-2166(94)90053-1
10. Jakobson, R. (1971). Selected writings (Vol. 2: Word and language). Mouton.
11. Newmeyer, F. J. (1992). Iconicity and generative grammar. Language, 68(4), 756–796. https://doi.org/10.2307/416852
12. Newmeyer, F. J. (1998). Language form and language function. MIT Press. https://doi.org/10.7551/mitpress/4115.001.0001
13. Peirce, C. S. (1932). The icon, index, and symbol. In C. Hartshorne & P. Weiss (Eds.), Collected papers of Charles Sanders Peirce (Vol. 2: Elements of logic, pp. 156–173). Harvard University Press.
14. Ruziev, F. (2024). Iconicity in coordination structures: A comparative study of English and Uzbek [Master’s research report]. Dong-A University.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НАЗВАНИЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Хушмуродова Камола Бахтиёр кизи
преподаватель кафедры иностранных языков
университет Турон
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются лексико-семантические особенности названий транспортных средств в русском и узбекском языках. Особое внимание уделяется выявлению общих и специфических характеристик транспортной лексики, анализу семантических групп, способов номинации и функционирования соответствующих языковых единиц. Сопоставительное исследование направлено на установление сходств и различий в значениях наименований транспортных средств, а также на изучение роли заимствований и языковых контактов в формировании данной лексической группы. Материал исследования позволяет выявить особенности отражения транспортной сферы в русской и узбекской языковых картинах мира. Результаты работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях сопоставительной лексикологии, семантики и межъязыковых контактов.*

Ключевые слова: *транспортная лексика, названия транспортных средств, лексико-семантические особенности, сопоставительный анализ, семантическая группа, номинация, заимствования, русский язык, узбекский язык.*

Annotatsiya. *Maqolada rus va o‘zbek tillaridagi transport vositalari nomlarining leksik-semantik xususiyatlari ko‘rib chiqiladi. Transport leksikasining umumiy va o‘ziga xos jihatlarini aniqlash, semantik guruhlarni tahlil qilish, nomlash usullari hamda tegishli til birliklarining qo‘llanish xususiyatlarini o‘rganishga alohida e’tibor qaratiladi. Qiyosiy tadqiqot transport vositalari nomlari ma’nolaridagi o‘xshashlik va farqlarni aniqlash, shuningdek, o‘zlashmalar va tillararo aloqalarning mazkur leksik guruh shakllanishidagi rolini o‘rganishga qaratilgan. Tadqiqot materiallari rus va o‘zbek tillarining olam lisoniy manzarasida transport sohasining aks etish xususiyatlarini aniqlash imkonini beradi. Ish natijalaridan qiyosiy leksikologiya, semantika va tillararo aloqalarni o‘rganishga oid keyingi tadqiqotlarda foydalanish mumkin.*

Kalit so‘zlar: *transport leksikasi, transport vositalari nomlari, leksik-semantik xususiyatlar, qiyosiy tahlil, semantik guruh, nominatsiya, o‘zlashmalar, rus tili, o‘zbek tili.*

Abstract. *The article examines the lexical and semantic features of vehicle names in Russian and Uzbek. Particular attention is paid to identifying the common and distinctive characteristics of transport vocabulary, analyzing semantic groups and naming patterns, and exploring the use of relevant linguistic units. The comparative study aims to identify similarities and differences in the meanings of vehicle names and to investigate the role of borrowings and language contact in the formation of this lexical group. The research findings help reveal how the transport sector is represented in the linguistic worldviews of Russian*

and Uzbek. The results may contribute to further studies in contrastive lexicology, semantics, and interlinguistic contact.

Keywords: *transport vocabulary, vehicle names, lexical and semantic features, comparative analysis, semantic group, nomination, borrowings, Russian language, Uzbek language.*

Транспортная лексика представляет собой важную тематическую группу слов, отражающую развитие общества, технический прогресс и особенности повседневной коммуникации. Названия транспортных средств занимают значительное место в лексических системах русского и узбекского языков, поскольку непосредственно связаны с передвижением людей и грузов, организацией дорожного движения и развитием транспортной инфраструктуры. Изучение данной лексики в сопоставительном аспекте позволяет выявить как универсальные закономерности номинации, так и национально-языковую специфику обозначения транспортных средств.

Лексико-семантический анализ предполагает рассмотрение значения слова, его места в системе языка, отношений с другими лексическими единицами и особенностей употребления в различных коммуникативных ситуациях [3]. В русском и узбекском языках названия транспортных средств образуют систему взаимосвязанных единиц, которые различаются по назначению, способу передвижения, конструктивным характеристикам и сфере использования.

В обоих языках можно выделить несколько основных семантических групп транспортной лексики. К первой группе относятся названия автомобильного транспорта: *автомобиль — avtomobil, автобус — avtobus, грузовик — yuk mashinasi, такси — taksi*. Ко второй группе относятся наименования железнодорожного транспорта: *поезд — poyezd, электричка — elektr poyezd*. Третью группу составляют названия воздушного транспорта: *самолёт — samolyot, вертолёт — vertolyot*. Отдельную группу образуют наименования водного транспорта: *корабль — kema, лодка — qayiq*. Приведённые примеры демонстрируют наличие общих тематических категорий, при этом отдельные наименования различаются по степени лексического соответствия и особенностям употребления.

Одним из существенных аспектов сопоставления является происхождение названий транспортных средств. В русском и узбекском языках представлены как исконные слова, так и заимствованные лексические единицы. Например, слова *автобус* и *такси* используются в обоих языках и обладают близким значением [1]. Их распространение связано с международными процессами развития транспорта и формированием общей технической терминологии. При этом заимствованные слова адаптируются к фонетическим, грамматическим и орфографическим нормам принимающего языка. В узбекском языке это проявляется, в частности, в написании *avtobus, taksi, poyezd,* [2] тогда как в русском языке соответствующие формы представлены как *автобус, такси, поезд* [1].

Особый интерес представляет соотношение однословных и составных наименований. В русском языке для обозначения определённых видов транспорта широко используются слова *грузовик, легковушка, электричка* [1]. В узбекском языке наряду с заимствованными словами употребляются описательные и составные номинации, например, *yuk mashinasi* («грузовой автомобиль»), *yo‘lovchi avtobusi* («пассажирский автобус»). Однако подобные различия не являются абсолютными: в обоих языках встречаются как простые, так и составные наименования. Выбор конкретной языковой единицы зависит от контекста, коммуникативной ситуации и степени терминологической точности.

Важную роль в организации транспортной лексики играют синонимические и родо-видовые отношения. Например, русские слова *автомобиль* и *машина* могут выступать как близкие по значению единицы в разговорной речи, хотя слово *машина* обладает более широким значением и не всегда обозначает именно транспортное средство. В узбекском языке слово *mashina* также широко употребляется в значении «автомобиль». В обоих языках существуют родовые наименования, обозначающие общую категорию транспортных средств, и видовые названия, уточняющие их назначение или тип: *транспорт — автомобиль — грузовик*; *transport — avtomobil — yuk mashinasi*. Такие отношения свидетельствуют о системной организации исследуемой лексики.

Лексико-семантические особенности названий транспортных средств проявляются и в разговорной речи. В русском языке распространены слова *тачка, легковушка, маршрутка*, которые отличаются от нейтральных наименований стилистической окраской. В узбекской разговорной речи также употребляются сокращённые, разговорные и контекстуально обусловленные обозначения автомобилей. При этом степень распространённости конкретных форм может зависеть от региона, возраста говорящих и коммуникативной среды. Поэтому разговорные наименования необходимо рассматривать не только как варианты обозначения предмета, но и как элементы социальной коммуникации [4].

Современная транспортная лексика развивается под влиянием технологических изменений и международных языковых контактов. Появление новых моделей автомобилей, видов общественного транспорта и цифровых сервисов способствует распространению новых терминов и коммерческих названий. Наименования автомобилей, такие как *Tracker, Malibu, Cobalt*, используются в узбекоязычной речи наряду с русскими и узбекскими общеупотребительными словами [6]. Подобные названия относятся прежде всего к коммерческим обозначениям конкретных моделей и не должны автоматически отождествляться с родовыми названиями транспортных средств. Их употребление, однако, представляет интерес для изучения современной языковой практики и процессов языкового взаимодействия.

Сопоставительный анализ показывает, что транспортная лексика русского и узбекского языков характеризуется общностью тематической организации и одновременно различиями в составе, происхождении, словообразовательных моделях и стилистическом функционировании отдельных единиц. Общность обусловлена универсальностью самой транспортной сферы и международным характером многих технических терминов. Различия связаны с историей языков, особенностями их лексических систем, развитием национальной транспортной инфраструктуры и спецификой речевого употребления.

Таким образом, названия транспортных средств в русском и узбекском языках образуют динамичную лексико-семантическую систему, в которой взаимодействуют исконные и заимствованные элементы, нейтральные и разговорные обозначения, родовые и видовые понятия. Их комплексное изучение позволяет глубже понять закономерности формирования транспортной лексики, механизмы языковой номинации и особенности межъязыкового взаимодействия.

Список использованной литературы

1. Ожегов С. Толковый словарь русского языка.М. 2012. - С.1737.
2. O’zbek tilining izohli lug’ati. 5 jild. A. Madvaliyev tahriri ostida. Toshkent. 2006 .
3. Реформатский А. А. Введение в языковедение: учебник для студентов филологических специальностей высших педагогических учебных заведений. – 5-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 536 с.

4. Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
5. Д.Э. Розенталь. Современный русский язык. – М.: Айрис-Пресс, 2005.
6. Ashurova Z. O'zbek tilining sohada qo'llanilishi. O'quv qo'llanma.- Samarqand:SamISI nashri. 2021.- 120 bet.

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В РУССКИХ И УЗБЕКСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Шералиева Шохидахон Валижон кизи
преподаватель русского языка и литературы
Университет информационных технологий и менеджмента
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье проводится сравнительный анализ отражения национального менталитета в русских и узбекских пословицах и поговорках. В исследовании рассматриваются лингвокультурологические особенности паремиологических единиц, отражающих традиции, нравственные представления, семейные ценности, отношение к труду и межличностные отношения двух народов. На примере пословиц, сходных и различающихся по смыслу, выявляются общие черты и национальная специфика мировоззрения русских и узбеков. Основная цель исследования заключается в определении роли пословиц и поговорок в выражении народной культуры и национального менталитета.*

Ключевые слова: *пословица, поговорка, национальный менталитет, паремиология, лингвокультура, устное народное творчество, сравнительный анализ, национальные ценности.*

Annotatsiya. *Maqolada rus va o'zbek maqol hamda matallarida milliy mentalitetning aks etishi qiyosiy tahlil qilinadi. Tadqiqotda ikki xalqning urf-odatlari, axloqiy qarashlari, oilaviy qadriyatlari, mehnatga munosabati va shaxslararo munosabatlarini ifodalovchi paremiologik birliklarning lingvomadaniy xususiyatlari ko'rib chiqiladi. Ma'no jihatidan o'xshash va farqli bo'lgan maqol hamda matallar misolida rus va o'zbek xalqlari dunyoqarashining umumiy jihatlari va milliy o'ziga xosliklari aniqlanadi. Tadqiqotning asosiy maqsadi xalq madaniyati va milliy mentalitetni ifodalashda maqol hamda matallarning tutgan o'rnini belgilashdan iborat.*

Kalit so'zlar: *maqol, matal, milliy mentalitet, paremiologiya, lingvomadaniyat, xalq og'zaki ijodi, qiyosiy tahlil, milliy qadriyatlar.*

Abstract. *This article presents a comparative analysis of the representation of national mentality in Russian and Uzbek proverbs and sayings. It examines the linguocultural features of paroemiological units that reflect the traditions, moral principles, family values, attitudes toward work, and interpersonal relationships of the two peoples. Proverbs with similar and different meanings are analyzed to identify shared cultural values and distinctive features of Russian and Uzbek worldviews. The study aims to determine the role of proverbs and sayings in expressing folk culture and national mentality.*

Keywords: *proverb, saying, national mentality, paremiology, linguoculture, oral folklore, comparative analysis, national values.*

Введение. Язык представляет собой важное общественное явление, в котором отражаются история, культура, мировоззрение и национальные ценности народа. Жизненный опыт каждого народа, его нравственные взгляды и представления, сформировавшиеся на протяжении многих поколений, находят отражение в языке, особенно в произведениях устного народного творчества. В этом отношении пословицы и поговорки являются важным лингвистическим и культурным источником изучения национального менталитета.

Пословицы и поговорки формировались на основе многовекового жизненного опыта народа и передавались из поколения в поколение в устной форме. В краткой и образной форме они выражают представления людей о жизни, труде, семье, дружбе, нравственности и обществе. Изучение пословиц и поговорок позволяет выявить не только лексико-семантические особенности языка, но и культурные ценности и мировоззрение определённого народа.

Русский и узбекский народы обладают богатым паремиологическим наследием. В пословицах обоих народов отражаются такие общечеловеческие ценности, как трудолюбие, честность, дружба, терпение, уважение к старшим и доброжелательное отношение к окружающим. Вместе с тем некоторые пословицы демонстрируют национальные особенности, связанные с историческим опытом народа, образом жизни, общественными отношениями и традициями.

Актуальность темы определяется необходимостью выявления общих человеческих ценностей и специфических культурных особенностей русского и узбекского народов посредством сравнительного изучения их пословиц и поговорок.

Цель исследования - провести сравнительный анализ особенностей отражения национального менталитета в русских и узбекских пословицах и поговорках.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

-выявить лингвистические и культурные особенности пословиц и поговорок;

-изучить национальные ценности, выраженные в русских и узбекских паремиологических единицах;

-сопоставить пословицы, сходные и различающиеся по смыслу;

-раскрыть значение пословиц и поговорок в межкультурной коммуникации.

Методы исследования. В статье используются описательный, сравнительно-сопоставительный, семантический и лингвокультурологический методы анализа. Примеры распределяются по тематическим группам, связанным с трудом, дружбой, знаниями, семьёй и межличностными отношениями.

Основная часть. 1. Пословицы и поговорки как отражение национального менталитета

Пословицы и поговорки являются важными жанрами устного народного творчества, в содержании которых отражаются жизненный опыт и общественные взгляды народа. Пословица, как правило, выражает законченную мысль, определённый вывод или наставление. Поговорка чаще передаёт мысль посредством образного выражения, однако не всегда представляет собой самостоятельное суждение или завершённый вывод.

Понятие национального менталитета обозначает совокупность характерных представлений народа, проявляющихся в его историческом опыте, ценностях, способах восприятия мира и общественных отношениях. Пословицы и поговорки представляют собой одну из языковых форм закрепления этих представлений.

Например, русская пословица «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда» выражает необходимость труда и усилий. Узбекская пословица «Mehnatning tagi - rohat» («За трудом следует благополучие») передаёт сходную мысль. В обеих пословицах достижение цели связывается с трудом и настойчивостью человека.[1]

Эти примеры свидетельствуют о положительном отношении к труду, отражённом в паремиологическом наследии обоих народов. Однако образы и структура пословиц различаются: в русской пословице необходимость труда передаётся через ситуацию рыбной ловли, а в узбекской обобщается взаимосвязь между трудом и его результатом.

Таким образом, общее содержание пословиц может совпадать, однако их образная система и языковые средства отражают национально-культурные особенности.

2. Отражение отношения к труду и знаниям

Трудолюбие, получение знаний и накопление опыта занимают важное место в паремиологическом наследии русского и узбекского народов.

Одна из русских народных пословиц гласит: «Делу время, потехе час»[2]. Она выражает необходимость соблюдения баланса между работой и отдыхом, а также умения правильно распределять время.

Узбекская пословица «Yetti o‘lchab, bir kes» [3](«Семь раз отмерь, один раз отрежь») подчёркивает необходимость тщательно обдумывать свои действия, проявлять предусмотрительность и учитывать возможные последствия перед началом работы.

Содержание этих пословиц не является полностью тождественным. В первой подчёркиваются правильное распределение времени и ответственное отношение к работе, во второй - необходимость предварительного обдумывания решения и оценки его последствий. Тем не менее обе пословицы отражают значимость организованности, ответственности и разумного подхода к повседневной деятельности.

Отношение к знаниям и опыту также находит отражение в пословицах. Русская пословица «Век живи - век учись» означает, что человек должен учиться на протяжении всей жизни. Узбекская пословица «Bilagi zo‘r birni yiqar, bilimi zo‘r mingni yiqar»[4] («Сильный рукой одолеет одного, сильный знанием — тысячу») подчёркивает силу знаний и их значение в жизни общества.

Рассмотренные примеры показывают, что знания и опыт являются важными ценностями в паремиологии обоих народов. При этом в русской пословице акцентируется идея непрерывного обучения, а в узбекской образно выражается мысль о том, что знания открывают человеку широкие возможности и дают ему преимущество.

3. Семья, уважение к старшим и человеческие отношения

Семейные и родственные отношения занимают важное место в традиционной культуре узбекского народа. Уважение к старшим, забота о младших, сохранение семейной чести и стремление жить в согласии с окружающими отражаются во многих узбекских пословицах.

Например, пословица «Qarisi bor uyning parisi bor»[] («Дом, в котором есть старшие, обладает особым благословением») выражает значимость пожилых людей в семье, их жизненного опыта и духовного авторитета. В данной пословице присутствие старшего поколения рассматривается как духовное богатство семьи.

В русской пословице «При солнышке тепло, при матери добро» отражается значение материнской любви в жизни человека. В ней тепло солнца сопоставляется с добротой и заботой матери.

Несмотря на различия в используемых образах, эти пословицы объединяет идея семейной любви, взаимоотношений между поколениями и потребности человека в духовной поддержке. Вместе с тем в узбекской пословице особо подчёркивается роль старших в семье, а в русской - значение материнской любви.

Дружба и человеческие отношения также занимают важное место в пословицах обоих народов. Русская пословица «Старый друг лучше новых двух» выражает ценность многолетней дружбы и доверия. Узбекская пословица «Do‘st achitib gapirar, dushman kuldirib»[5] («Друг говорит горькую правду, а враг старается угодить») подчёркивает искренность настоящего друга и его готовность дать честный совет.

Эти примеры раскрывают две важные стороны дружбы: в русской пословице акцентируется доверие, сформировавшееся с течением времени, а в узбекской — искренность и правдивость.

4. Гостеприимство и национальная культура

Гостеприимство является одной из важных культурных ценностей русского и узбекского народов. Вместе с тем его проявления в повседневной жизни могут различаться в зависимости от исторических, региональных и семейных традиций.

В узбекской культуре широко распространены обычаи встречать гостя с уважением, накрывать дастархан, предлагать угощение и чай. Эта культурная традиция находит отражение в пословице «Mehmon otangdan ulug‘»[6] («Гость почётнее отца»).

Пословица подчёркивает необходимость проявлять уважение к гостю и оказывать ему особое внимание.

В паремиологическом наследии русского народа также встречаются выражения, отражающие традиции гостеприимства и ответственность хозяина перед гостем. Например, выражение «Чем богаты, тем и рады» [10]означает готовность человека искренне предложить гостю то, что у него есть.

Рассмотренные выражения раскрывают различные стороны гостеприимства. В узбекской пословице подчёркивается высокий статус гостя, а в русском выражении - искреннее желание поделиться имеющимся, независимо от материальных возможностей.

Следует отметить, что эти различия нельзя рассматривать как особенности, одинаково присущие всем русским или узбекским семьям. Пословицы отражают обобщённые культурные представления, однако поведение и мировоззрение каждого человека также зависят от его индивидуального опыта.

5. Сравнительные лингвокультурологические особенности русских и узбекских пословиц

Сопоставление русских и узбекских пословиц показывает, что наряду с общечеловеческими ценностями в их содержании присутствуют национальные образы и культурные акценты.

Во-первых, в пословицах обоих народов важное место занимают труд, знания, дружба, семья и нравственность. Это можно объяснить наличием сходного жизненного опыта и общих человеческих потребностей в различных культурах.

Различия проявляются в образной системе пословиц и смысловых акцентах. Например, в пословице «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда» используется образ, связанный с рыбной ловлей, тогда как в узбекской пословице «Mehnatning tagi - rohat» непосредственно выражается взаимосвязь между трудом и его результатом

В узбекских пословицах нередко особо подчёркиваются уважение к старшим, родственные связи и почитание гостя. В русских пословицах также высоко ценятся семья, материнская любовь, дружба и труд. Поэтому эти особенности целесообразно рассматривать не как абсолютные противопоставления, а как смысловые акценты, характерные для различных паремиологических традиций.

Важным аспектом сравнительного анализа является грамматическая и синтаксическая структура пословиц. В русском языке широко используются глагольные конструкции и предикативные единицы. В узбекском языке встречаются как глагольные, так и именные конструкции, а также краткие параллельные структуры. Однако объяснять подобные особенности исключительно национальным менталитетом недостаточно: необходимо учитывать грамматический строй языка, жанровую специфику пословиц и особенности их исторического формирования.

Таким образом, сравнительное изучение русских и узбекских пословиц позволяет глубже понять взаимосвязь языка, мышления и культуры.

Заключение. Проведённый сравнительный лингвокультурологический анализ показывает, что русские и узбекские пословицы и поговорки являются важными языковыми единицами, отражающими исторический опыт, мировоззрение и нравственные ценности народа. В их содержании находят выражение такие общечеловеческие ценности, как трудолюбие, знания, дружба, семья, доброта и гостеприимство.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о наличии как смысловых сходств, так и различий в образах, средствах выражения и культурных ценностях, на которых делается особый акцент в русском и узбекском паремиологическом наследии. Например, в пословицах о труде и знаниях общие идеи передаются посредством различных образов, тогда как в пословицах о семье и гостеприимстве проявляется влияние определённых культурных традиций.

Результаты исследования показывают, что пословицы и поговорки необходимо изучать не только как языковые единицы, но и как средства сохранения культурной памяти и народного опыта. Вместе с тем на основании отдельных пословиц нельзя делать категоричные выводы о менталитете целого народа. Для более глубокого исследования необходимо анализировать обширный паремиологический корпус, исторические источники и контексты употребления пословиц.

В целом сравнительное изучение русских и узбекских пословиц и поговорок способствует выявлению культурной близости и самобытности двух народов, а также развитию межкультурной коммуникации и лингвокультурологической компетенции.

Список использованной литературы

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. - Москва: Русская книга, 1993.
2. Шомақсудов Ш., Шораҳмедов Ш. Ҳикматнома: ўзбек мақолларининг изоҳли луғати. - Тошкент: Ўзбек совет энциклопедияси бош редакцияси, 1990.
3. Мирзаев Т., Мусоқулов А., Саримсоқов Б. Ўзбек халқ мақоллари. - Тошкент: Шарқ, 2005.
4. Мирзаев Т., Саримсоқов Б. (масъул муҳаррирлар). Ўзбек халқ мақоллари. 1-том. — Тошкент: Фан, 1987. — 368 б.
5. Мирзаев Т., Мусоқулов А., Саримсоқов Б. (тузувчилар). Ўзбек халқ мақоллари. — Тошкент: Шарқ, 2005. — 512 б.
6. Шомақсудов Ш., Шораҳмедов Ш. Ҳикматнома: ўзбек мақолларининг изоҳли луғати. — Тошкент: Ўзбек Совет Энциклопедияси Бош редакцияси, 1990. — 523 б.
7. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.

ПРОЗВИЩНЫЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: РУССКО-УЗБЕКСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Бобоназарова Фарангиз Илхом кизи
соискатель
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются прозвищные антропонимические номинации русского и узбекского языков в социолингвистическом аспекте. Уточняется соотношение русского «прозвища» и узбекского laqab в системе вторичных имён, выделяются общие мотивационные модели и предлагается набор социолингвистических параметров (возраст, пол, статус, тип сообщества, оценочная установка, позиция именующего, языковой контакт), пригодный для сопоставительного описания. На историко-литературных примерах показано, что одно и то же лицо может получать разные прозвищные номинации в разных группах, а узбекский laqab выполняет дифференцирующую функцию внутри локального сообщества. Результаты могут быть использованы в сопоставительных исследованиях неофициальной антропонимии.*

Ключевые слова: *антропоним, прозвище, laqab, социолингвистика, неофициальная номинация, русский язык, узбекский язык, сопоставительная ономастика.*

Annotatsiya. *Maqolada rus va o‘zbek tillaridagi laqab antroponimik nominatsiyalari sotsiolingvistik jihatdan tahlil qilinadi. Rus tilidagi prozvishche va o‘zbek tilidagi laqabning ikkilamchi nomlar tizimidagi nisbati aniqlashtiriladi, ikkala tilga xos umumiy motivatsion modellar ajratiladi hamda qiyosiy tavsif uchun mos sotsiolingvistik parametrlar to‘plami (yosh, jins, maqom, jamoa turi, baholash munosabati, nomlovchining mavqei, tillar aloqasi) taklif etiladi. Tarixiy-adabiy misollar asosida bir shaxs turli guruhlarda turlicha laqab olishi hamda o‘zbek laqabi mahalliy jamoa ichida farqlash vazifasini bajarishi ko‘rsatilgan. Natijalardan norasmiy antroponimiyani qiyosiy o‘rganishda foydalanish mumkin.*

Kalit so‘zlar: *antroponim, laqab, sotsiolingvistika, norasmiy nomlash, rus tili, o‘zbek tili, qiyosiy onomastika.*

Abstract. *The article examines nickname anthroponymic nominations in Russian and Uzbek from a sociolinguistic perspective. The relation between the Russian prozvishche and the Uzbek laqab within the system of secondary names is clarified, motivational models common to both languages are identified, and a set of sociolinguistic parameters (age, gender, status, type of community, evaluative attitude, the namer’s position, language contact) suitable for contrastive description is proposed. Historical and literary examples show that the same person may receive different nicknames in different groups, and that the Uzbek laqab performs a differentiating function within a local community. The results can be used in contrastive studies of informal anthroponymy.*

Keywords: *anthroponym, nickname, laqab, sociolinguistics, informal nomination, Russian, Uzbek, contrastive onomastics.*

Именование человека в повседневном общении не исчерпывается официальной антропонимической формулой: наряду с именем, отчеством и фамилией функционируют неофициальные номинации, среди которых особое место занимают прозвища. Прозвище понимают как дополнительное неофициальное имя, даваемое человеку окружающими по какому-либо признаку и функционирующее преимущественно в неофициальной сфере общения [1; 2]. В антропонимическом поле оно занимает периферию: в отличие от официального имени прозвище факультативно, изменчиво и ограничено сферой употребления [2]. Именно эта подвижность делает его чувствительным к социальным условиям возникновения и употребления и объясняет интерес к прозвищам в социолингвистике, которая рассматривает имя собственное как элемент социальной коммуникации [3; 4].

Социолингвистический подход к прозвищам реализован на материале русских и американских школьных прозвищ [2] и различных социолектов немецкого языка [1]; татарские прозвища описаны в историко-лингвистическом аспекте [5]. В узбекской ономастике *laqab* изучается преимущественно в лингвистическом и историко-культурном планах [6–9]. Сопоставительное социолингвистическое описание русских и узбекских прозвищных номинаций требует единой методики. Цель статьи -наметить её основу: уточнить соотношение терминов, выявить общие мотивационные модели и определить параметры социолингвистического анализа.

Материал и методы. Материалом послужили прозвищные номинации, описанные в научной литературе [1; 2; 6–9], в том числе примеры из «Бабур-наме», проанализированные в [9], а также общеизвестные исторические прозвища русских и среднеазиатских правителей. Применялись сопоставительный, мотивационный и социолингвистический анализ; выводы работ [1; 2], выполненных на русском, американском и немецком материале, использованы как ориентиры для сопоставления.

Результаты и обсуждение

1. Термины и статус. Терминологическая база русской ономастики описана в [10], однако определение прозвища и его границ с кличкой, прозваньем, псевдонимом и никнеймом остаётся дискуссионным [1; 2]; прозвище, псевдоним и никнейм объединяет дополнительность и необязательность, а различают их время возникновения, авторство и сфера функционирования [2]. В узбекском языкознании *laqab* относят к вторичным именам (*ikkilamchi nomlar*) наряду с *taxallus* (литературный псевдоним), *nisba* (имя по происхождению или месту), *unvon* (титул) и *kunya* [7]. Для сопоставления существенны два наблюдения. Во-первых, *nisba* и *kunya* не имеют прямых русских соответствий, поэтому набор смежных категорий в двух системах не совпадает. Во-вторых, *laqab* различают по оценке -положительные, нейтральные и отрицательные [7], а также по устойчивости, выделяя закреплённые (постоянные) *laqab* [8]. В исследовании русских школьных прозвищ оценка выявлена через реакции носителей: от удовольствия и гордости до обиды и ненависти [2].

2. Мотивационные модели. Русские и узбекские материалы показывают совпадение основных мотивационных моделей: прозвище даётся по внешнему или физическому признаку, по характеру и поведению, по занятию, по происхождению и месту жительства, по событию из жизни, по звучанию или форме имени [1; 2; 7; 9]. В русской исторической антропонимии это Василий Косой и Василий Тёмный (физический признак), Иван Калита (букв. «кошель»; атрибут), Ярослав Мудрый и Иван Грозный (качество личности и впечатление, производимое на окружающих), Дмитрий Донской (событие и место); лексикографическая фиксация русских прозвищ представлена в [11]. В узбекском материале «Бабур-наме» [9] засвидетельствованы *Ibrohim Chopuq* (по следу сабельного удара на лице), *Abulqosim ko‘hbur* (по ремеслу: каменотёс), *Qanbar Ali salloh* (по ремеслу отца: мясник), *Sulton Ahmadxon*, известный как *Olachaxon* (по военным успехам; *laqab* объясняется как «хан-убийца»). При совпадении мотивов различаются конкретные единицы и их культурные коннотации, что согласуется с выводом об универсальности мотивационных моделей, сделанным на материале русских и американских школьных прозвищ [2].

3. Социолингвистические параметры. Для сопоставительного описания предлагается набор параметров (табл. 1), каждый из которых опирается на данные предшествующих исследований или формулирует гипотезу для проверки на русском и узбекском полевом материале.

Таблица 1. Социолингвистические параметры описания прозвищных номинаций

Параметр	**Содержание**	**Опора на данные**
Возраст	Детские прозвища чаще формально мотивированы (производные от имени и фамилии), у взрослых преобладает семантическая мотивация	Немецкий материал: доля формально мотивированных прозвищ -96,1 % у дошкольников и младших школьников, 40,4 % у подростков, 9,7 % в молодёжном социолекте [1]
Пол	Мужчины чаще используют прозвища в повседневном общении	Русские и американские школьники [2]
Социальный статус	Прозвище отражает положение в иерархии коллектива; обращение по прозвищу характерно для ситуации равенства, «заглазные» прозвища -для ситуации неравенства	[2]
Тип сообщества	Школа, профессиональная группа, село или *mahalla*, семья: набор мотивов различается	Социолекты немецкого языка [1]; различение тёзок внутри общины: *Ibrohim* → *Ibrohim Chopuq* [9]
Оценочная установка	Положительные, нейтральные и отрицательные прозвища; шкала реакций носителя	[2; 7; 8]
Позиция именующего (свой / чужой)	Одно лицо получает разные номинации у разных групп	Тамерлан и *Sohibqiron*; *Olachaxon* и *O‘ljaxon* [9]
Языковой контакт	Рабочая гипотеза: при русско-узбекском билингвизме русские лексемы (должность, звание, профессия) становятся мотивирующей базой узбекских прозвищ, а узбекские прозвища функционируют в русскоязычной среде	Требует проверки на полевом материале

4. Позиция именующего. Прозвище отражает не только признак носителя, но и позицию именующей группы. Один и тот же правитель, Амир Темур, известен в европейской традиции как Тамерлан (от персидского *Timur-e Lang*, «Тимур Хромой»), тогда как в узбекской традиции закрепился почётный *laqab Sohibqiron*. Для *Sulton Ahmadxon* наряду с *Olachaxon* зафиксирован вариант *O‘ljaxon*, которым, по сведениям [9], называли его шейбанидские узбеки. Это согласуется с тем, что в школьной

коммуникации прозвище характеризует не только адресата, но и именующего [2]: социолингвистический анализ должен учитывать не только носителя прозвища, но и именующий коллектив, его оценку и цель номинации.

5. Дифференцирующая функция и закрепление. В обеих традициях прозвище различает людей с одним именем: в «Бабур-наме» *laqab* отличает одного *Ibrohim* от других носителей этого имени [9], а в русской истории прозвище-эпитет различает правителей-тёзок (Василий Косой и Василий Тёмный). Прозвище может закрепляться и в наследуемой фамилии; для русского языка это описано в [12], а для узбекского материала показательно наследование ремесленного *laqab* от отца к сыну (*Qanbar Ali salloh*) [9].

6. Языковой контакт (гипотеза). В условиях русско-узбекского билингвизма логично предположить появление прозвищ на основе русских лексем, обозначающих должность, звание или профессию, и узбекских прозвищ, функционирующих в русскоязычной среде. Это положение носит рабочий характер и требует подтверждения на полевом материале с учётом возраста, пола и типа сообщества информантов.

Выводы. Русское прозвище и узбекский *laqab* сопоставимы как неофициальные (вторичные) имена, но их терминологическое окружение различно: *laqab* входит в систему вторичных имён (*taxallus, nisba, unvon, kunya*) [7]. Основные мотивационные модели совпадают, различаются конкретные единицы и их культурные коннотации. Для сопоставительного социолингвистического описания применим набор из семи параметров: возраст, пол, статус, тип сообщества, оценочная установка, позиция именующего, языковой контакт. Одно и то же лицо может получать разные прозвищные номинации у разных групп, что требует учёта именующего коллектива. Перспективным представляется создание параллельных корпусов русских и узбекских прозвищ, стратифицированных по предложенным параметрам, и проверка контактной гипотезы.

Список использованной литературы:

1. Шпар Т. В. Прозвищные антропонимические номинации в социолингвистическом аспекте (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. Уфа. 2012. – 264 с.

2. Стаханова И. С. Прагматика школьных прозвищ: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 2011. – 173 с.

3. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. РГГУ. 2001. – 439 с.

4. Бахнян К. В. Социолингвистический анализ антропонимов // Теоретические проблемы социальной лингвистики. Наука. 1981. – С. 305–324.

5. Гасимова С. И. Историко-лингвистический анализ татарских прозвищ: дис. ... канд. филол. наук. Казань. 2006. – 322 с.

6. Begmatov E. A. O‘zbek tili antroponimikasi. Fan. 2013. – 264 b.

7. Xusanova Z. Laqablarning o‘zbek antroponimikasidagi o‘rni // Universal Scientific Research. 2024. Vol. 2, No. 6. – B. 362–375.

8. Imamova X. K. Turk va o‘zbek tillaridagi kishi oti, unvoni va laqablarining chog‘ishtirma tadqiqi // O‘zbekistonda xorijiy tillar. 2025. Vol. 11, No. 5 (64). – B. 113–127.

9. Muminova M. A study of anthroponyms in translations of the “Baburnama” text // Foreign Linguistics and Linguodidactics. 2025. Issue 3, No. 2. – P. 34–38.

10. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Наука. 1988. – 192 с.

11. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ. ОЛМА Медиа Групп. 2007. – 704 с.

12. Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. Прогресс. 1995. – 448 с.

STRUCTURAL AND PRAGMATIC FEATURES OF SYNTACTIC PARALLELISM IN UZBEK AND ENGLISH ADVERTISING TEXTS

Mo‘minova Muhayyo Abdumurot qizi
Doctoral Researcher, Karshi State University
Uzbekistan

Abstract. *This study investigates syntactic parallelism as a structural resource for organizing pragmatic meaning in Uzbek and English advertising. A purposive set of eight excerpts (four per language) from a documented working corpus is examined through segment-level syntactic comparison and contextual interpretation. The framework distinguishes structural correspondence from rhetorical repetition, semantic contrast and possible inferential effects. The selected texts instantiate predicative, nominal, quantitative and imperative patterns. Parallel form helps to present comparable attributes, align a product with an everyday activity or sequence consumer actions, although audience responses were not experimentally tested. The small illustrative set does not support language-wide frequency claims.*

Keywords: *advertising discourse; syntactic parallelism; contrastive linguistics; pragmatics; repetition; imperative constructions.*

Annotatsiya. *Maqolada o‘zbek va ingliz reklama matnlaridagi sintaktik parallelizmning tuzilishi hamda kontekstdagi pragmatik vazifalari tahlil qilinadi. Har ikki tildan to‘rttadan, jami sakkizta reklama fragmenti maqsadli tanlanib, struktur-segmentatsion, tavsifiy-qiyosiy va pragmatik tahlilga tortildi. Predikativ, imperativ va nominal modellar leksik takror hamda semantik kontrastdan farqlanadi. Natijalar parallelizmning ikki tilda umumiy tashkiliy vosita ekanini ko‘rsatadi, biroq namunalar chastota yoki eksperimental samaradorlik haqida xulosa chiqarishga asos bo‘lmaydi.*

Kalit so‘zlar: *reklama diskursi; sintaktik parallelizm; qiyosiy tilshunoslik; pragmatika; takror; buyruq konstruktsiyalari.*

Аннотация. *В статье рассматриваются структурная организация и контекстуальные прагматические функции синтаксического параллелизма в узбекской и английской рекламе. Методами структурного членения, описательного сопоставления и прагматической интерпретации проанализированы восемь целенаправленно отобранных фрагментов — по четыре на каждом языке.*

Разграничиваются предикативные, императивные и номинативные модели, лексический повтор и смысловой контраст. Материал позволяет выявить сходные принципы организации текста, но не предназначен для подсчёта частотности или оценки экспериментально доказанной эффективности воздействия.

Ключевые слова: *рекламный дискурс; синтаксический параллелизм; сопоставительное языкознание; прагматика; повтор; императив.*

Introduction. Advertising discourse conveys commercial propositions through choices of clause structure, segment order and patterns of recurrence as well as lexical selection. Leech's grammatical account of English advertising [4] provides a starting point for treating abbreviated clauses and nominal groups as analysable units rather than defective sentences. Cook [5] places prosody and parallelism within advertising discourse and stresses the interaction between language and its broader textual, visual and communicative setting. Consequently, the present study treats a slogan as a sequence of communicative segments and does not infer a full advertisement's function from isolated grammar alone. The research questions are: (i) what forms of correspondence connect adjacent segments in selected Uzbek and English advertisements, and (ii) what contextual pragmatic roles can reasonably be assigned to them?

Korablyova [1, pp. 78–79] differentiates complete from incomplete structural correspondence; Voronina [2, pp. 94–101] situates parallelism among expressive syntactic devices; and Ksenzenko [3, pp. 328–330] discusses nominal and elliptical parallel series. McQuarrie and Mick [7] classify rhetorical figures through schemes and tropes and describe repetition as one relevant rhetorical operation. Their framework is useful here, but parallel syntax, lexical recurrence and semantic antithesis are coded independently rather than presumed identical. Tanaka's pragmatic treatment of advertising [6] and Sperber and Wilson's account of inferential communication [10] inform the distinction between what an advertisement formally says and what an audience may infer; neither provides direct empirical proof of the response to the slogans examined here.

Materials and methods. Eight texts were purposively selected from the author's advertising master corpus. There are four excerpts in each language, not a statistically representative sample. The working collection records advertising medium, verbal wording, linguistic codes and source notes. Source status is uneven: some Uzbek items derive from user transcriptions of audiovisual advertisements, while some English examples have official brand-source records. The present study therefore analyzes the wording as documented in the research corpus and does not present unverified recordings as newly authenticated primary sources.

The unit of comparison was an adjacent verbal segment, whether a finite clause, imperative, nominal group or action nominal with a quantitative complement. Each pair or sequence was examined for (a) syntactic nucleus and correspondence of component roles, (b) lexical recurrence, (c) semantic relation and (d) plausible local pragmatic function. Full and partial structural correspondence were kept separate. The distinction echoes the syntactic accounts [1–3] and the scheme/trope distinction in advertising rhetoric [7]. Inferences about

suggested benefits were treated as interpretive hypotheses following pragmatic approaches [6, 10], not as measured consumer attitudes or conversion outcomes.

Results and discussion. Table 1 presents the balanced sample. Each entry is a textual example, not a separate experimental observation. The discussion below brings the structural evidence into dialogue with linguistic, rhetorical and pragmatic accounts [4–7, 10].

Corpus ID / language	Advertising excerpt	Structural diagnostic
UZ001 / Uzbek	Chilla yondiradi, yangi Sprite salqinlantiradi!	Subject + finite predicate / subject + finite predicate
UZ063 / Uzbek	Yangi dizayn, yangi daraja	Modifier + noun / modifier + noun
UZ072 / Uzbek	BORJOMI oching, rohatlaning, yengillikni his eting	Three imperatives; partial structural correspondence
UZ074 / Uzbek	Bolangizga planshet olib berish — 30 minut. Kredit bo‘yicha javob olish — 1 minut.	Action nominal + time / action nominal + time
EN002 / English	Have a break, have a KitKat	Have + a + noun / have + a + noun
EN009 / English	Tap. Pay. Go.	Three bare imperative verbs
EN010 / English	Build relationships. Build communities. Build careers.	Build + plural noun / repeated three times
EN012 / English	No Pain, More Gain	Determiner/quantifier + noun / parallel nominal fragment

UZ001, Chilla yondiradi, yangi Sprite salqinlantiradi!, aligns two subject–predicate clauses. The first describes summer heat as a source of discomfort, the second attributes an opposed effect to a named product. The same predicative relation makes the opposition readily legible even though the clauses contain no repeated content word. Thus, formal parallelism and semantic antithesis coexist without being interchangeable. In rhetorical terms [7], structural recurrence can frame a contrast; the reading of the drink as the proposed solution remains a contextual inference, not a grammatical property of the clauses [6, 10].

UZ063, yangi dizayn, yangi daraja, pairs two adjective–noun groups. The repeated initial modifier is anaphoric while the shared nominal template establishes syntactic parallelism. The grouping presents the two attributes as jointly positive and comparable. Leech’s account of advertising grammar [4] helps motivate analysing such non-clausal expressions as meaningful advertising units. However, the wording alone does not establish whether the claim is visually highlighted or more memorable to viewers; Cook’s discussion of the accompanying communicative setting [5] indicates why the full advertisement would matter for that claim.

UZ072, BORJOMI oching, rohatlaning, yengillikni his eting, consists of three directives addressed in the Uzbek respectful second-person form. Their communicative orientation is shared, while the final predicate is expanded with an object and a complex verbal phrase. The pattern is therefore partially, not fully, parallel. Its sequence invites an action–experience–benefit interpretation; this trajectory is a locally plausible inference from the order of expressions [6], not evidence that all audiences experience these steps.

UZ074 juxtaposes Bolangizga planshet olib berish-30 minut and Kredit bo‘yicha javob olish-1 minut. Each segment places an action nominal beside a time measure. The shared syntactic frame allows the time values to be compared, thereby foregrounding the numerical difference. These are not necessarily cases of an omitted finite verb: no single verbal restoration is forced by the displayed wording. This restraint follows the requirement to separate observed structure from inferred background propositions, a distinction relevant to the pragmatic framework [10].

EN002, Have a break, have a KitKat, repeats the imperative have + a + noun template and the verb have. One directive names a routine pause, and the next brings the product into that routine. Here the formal pattern itself is repeated and therefore corresponds more directly to the rhetorical operation of repetition described by McQuarrie and Mick [7]. The wording is recorded on the official brand-information page [9]. The slogan invites an association between taking a break and consuming the product; how audiences interpret or retain it cannot be determined from grammatical evidence alone [6].

EN009, Tap. Pay. Go., consists of three minimal imperatives, each realized by a bare verb. The same clause type links discrete stages into a procedural sequence, without repeating a particular lexeme. This is closer to grammatical than lexical recurrence. Compared with UZ072, the English sequence is shorter and more formally uniform, whereas the Uzbek sequence contains morphologically marked polite directives and a longer final segment. The contrast illustrates distinct linguistic realizations in two examples, not an established general tendency for all advertising in either language [4, 5].

EN010, Build relationships. Build communities. Build careers., repeats a transitive imperative and its initial verb, substituting the object at each step. The sequence moves across interpersonal, social and occupational spheres. Lexical anaphora combines with syntactic parallelism, while the semantic link across the three objects must be interpreted from the context. In McQuarrie and Mick’s terminology [7], repeated formal patterning is a rhetorical resource; this case should not automatically be called gradation unless a defensible rising scale is independently demonstrated.

EN012, No Pain, More Gain, is a two-part nominal construction joining short determiner/quantifier–noun groups. The opposition no/more and the rhyme pain/gain add semantic and phonological patterning to the shared format. As Cook [5] emphasizes, formal sound patterning is one aspect of how advertising discourse is organized, but its specific perceptual effects cannot be asserted without reader-response evidence. This exact verbal item is recorded in the working corpus as an Advil-related example; the attribution and campaign setting remain pending primary-source confirmation and should be treated as provisional.

The eight excerpts suggest three analytical distinctions. First, syntactic correspondence does not require identical words: the Sprite and Tap. Pay. Go. examples contrast with the lexical repetition of KitKat and Build relationships. Second, similar templates can support different local functions: presenting attributes, contrasting conditions, sequencing actions or rendering quantities comparable. Third, formal structure licenses possible interpretations but cannot demonstrate persuasion. Leech [4] and Cook [5] support attention to advertising grammar and discourse form; Tanaka [6] and relevance theory [10] motivate caution about interpretation; McQuarrie and Mick [7] provide a framework for identifying rhetorical patterning without conflating syntactic and semantic categories. The

balance of examples is methodological, not a basis for quantitative equivalence between languages.

Conclusion. A close comparison of four Uzbek and four English excerpts shows that predicative alignment, repeated nominal templates, quantitative juxtaposition and directive sequences all provide opportunities for syntactic parallelism. The principal diagnostic is the recurrence of syntactic roles or constructional frames; lexical anaphora, semantic antithesis and rhyme are additional properties. The study advances a transparent segment-based distinction and cautiously interprets the pragmatic functions of observed forms. Given the purposive sample and uneven primary-source availability, these observations must not be generalized as cross-language frequencies or causal evidence of consumer impact. Future work should validate original recordings and official copy, independently annotate a larger balanced dataset and, where feasible, test interpretations with readers.

References

1. Кораблева Е. А. Экспрессивные синтаксические средства создания рекламного текста на английском языке: дис. ... канд. филол. наук. — Тула, 2008. [Page references in text: 78–79; full metadata requires final check.]
2. Воронина Е. Б. Словообразовательные и синтаксические особенности рекламных текстов в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 2011. — 136 с.
3. Ксензенко О. А. Теоретико-методологические основы лингвистического рекламоведения как интегративной отрасли языкознания: дис. ... д-ра филол. наук. — Москва, 2022.
4. Leech G. N. English in Advertising: A Linguistic Study of Advertising in Great Britain. — London: Longmans, 1966. — 210 p.
5. Cook G. The Discourse of Advertising. 2nd ed. — London: Routledge, 2001. — 256 p.
6. Tanaka K. Advertising Language: A Pragmatic Approach to Advertisements in Britain and Japan. — London: Routledge, 1994.
7. McQuarrie E. F., Mick D. G. Figures of Rhetoric in Advertising Language // Journal of Consumer Research. — 1996. — Vol. 22, No. 4. — P. 424–438. DOI: 10.1086/209459.
8. Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. 2nd ed. — Oxford: Blackwell, 1995.
9. Nestlé. KitKat: Official Brand Information. https://www.nestle.com/brands/chocolate-confectionery/kitkat (accessed: 14 October 2026).

ВЫРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОГО И ИРРЕАЛЬНОГО ВОПРОСА В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Очилова Хабиба Акрамовна
докторант
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается проблема языковой репрезентации категории модальности в сфере вопросительных высказываний на материале узбекского и английского языков. Особое внимание уделяется разграничению реальных (информативных) и ирреальных (риторических, гипотетических, побудительных) вопросов с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы. На основе сопоставительного анализа выявляются универсальные и специфические грамматические, лексические и интонационные средства выражения данных смыслов в тюркских и германских языках. Результаты исследования вносят вклад в теоретическую и сопоставительную типологию языков, а также могут быть использованы в вузовских курсах общего языкознания и теоретической грамматики.*

Ключевые слова. *реальный вопрос, ирреальный вопрос, модальность, сопоставительная лингвистика, узбекский язык, английский язык, прагматика, речевой акт.*

Abstract. *The article examines the linguistic representation of the category of modality in interrogative utterances based on Uzbek and English materials. Special attention is paid to differentiating real (informative) and irreal (rhetorical, hypothetical, directive) questions from the perspective of the cognitive-discursive paradigm. Based on a comparative analysis, universal and specific grammatical, lexical, and intonational means of expressing these meanings in Turkic and Germanic languages are identified. The research findings contribute to theoretical and comparative language typology and can be applied in university courses on general linguistics and theoretical grammar.*

Keywords: *real question, irreal question, modality, comparative linguistics, Uzbek language, English language, pragmatics, speech act.*

Annotatsiya. *Maqolada o‘zbek va ingliz tillari materiali asosida so‘roq gaplar doirasida modalik kategoriya lisoniy ifodalanishining muammolari ko‘rib chiqiladi. Kognitiv-diskursiv paradigma nuqtai nazaridan real (informativ) va irreal (ritorik, faraziy, undov) so‘roqlarni farqlashga alohida e’tibor qaratiladi. Chishtiy va german tillarida mazkur ma’nolarni ifodalovchi universal hamda o‘ziga xos grammatik, leksik va intonatsion vositalar qiyosiy tahlil asosida aniqlanadi. Tadqiqot natijalari nazariy va qiyosiy tilshunoslik tipologiyasiga o‘z hissasini qo‘shadi hamda oliy o‘quv yurtlarining umumiy tilshunoslik va nazariy grammatika kurslarida foydalanish uchun tavsiya etiladi.*

Kalit so‘zlar. *real so‘roq, irreal so‘roq, modalik, qiyosiy tilshunoslik, o‘zbek tili, ingliz tili, pragmatika, nutq akti.*

Введение. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью глубокого теоретического осмысления категории вопросительности в ее тесной связи с категорией модальности. В современной лингвистике общепризнано, что вопросительное предложение не исчерпывается лишь функцией запроса информации, а представляет собой сложный прагматико-семантический конструкт. Особое место в этой парадигме занимают оппозиции реального и ирреального вопросов, отражающие отражение объективной и субъективной действительности в сознании говорящего. [6]

Цель статьи заключается в комплексном сопоставительном исследовании структурно-семантических и прагматических особенностей выражения реальных и ирреальных вопросов в разноструктурных языках — узбекском (агглютинативном) и английском (аналитическом). [5]

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели в работе применены методы системного, сопоставительного, трансформационного и контекстуального анализа. В качестве эмпирического материала использовались тексты художественной литературы, публицистики, а также разговорная речь на узбекском и английском языках, извлеченные из академических корпусов и авторских картотек. [4]

Методологической базой послужили труды ведущих отечественных и зарубежных лингвистов в области теории речевых актов, прагмалингвистики и функциональной грамматики (Дж. Остин, Дж. Серль, В. Виноградов, Ш. Балли, а также исследования узбекской лингвистической школы в области синтаксиса). [2]

Для выявления специфики реализации модальных смыслов реального и ирреального вопросов в разноструктурных языках (узбекском и английском) использовались следующие частнонаучные методы:

Сопоставительно-типологический метод, позволивший установить изоморфные (общие) и алломорфные (дифференциальные) черты в структуре вопросительных высказываний агглютинативного (узбекского) и аналитического (английского) языков. [4]

Контекстуально-прагматический анализ, направленный на изучение функционирования вопросительных единиц в реальном дискурсе с учетом иллокутивной силы высказывания и коммуникативной интенции говорящего. Данный метод позволил разграничить информативные запросы от имплицитных, риторических и гипотетических конструкций.Трансформационный метод, применяемый для проверки синтаксической деривации вопросительных предложений, выявления ядерных и периферийных средств выражения модальности. [2]

Результаты и обсуждение. Категория реального вопроса в сопоставляемых языках

Реальный вопрос (информативный, истинный вопрос) характеризуется перлокутивным намерением говорящего восполнить лакуну в знании о действительности. В узбекском языке базовыми маркерами выступают вопросительные частицы (-mi, -chi), вопросительные месторождения (kim, nima, qayerda), а также специфическая вопросительная интонация: [4]

- *Bu vazifani o‘zingiz qildingizmi?* (Узб.)

- *Did you do this task yourself?* (Англ.)

В обоих языках реальный вопрос требует эксплицитного ответа и ориентирован на верификацию факта. Однако в английском языке доминирует синтаксический маркер — инверсия подлежащего и вспомогательного глагола (Auxiliary Subject Verb), тогда как в узбекском преобладает агглютинативное присоединение аффикса к релевантному слову предложения с вариативным синтаксическим порядком (SOV). [5]

Репрезентация ирреального вопроса

Ирреальный вопрос выходит за рамки простого запроса информации. Он включает в себя риторические вопросы, гипотетические предположения, сомнения и побуждения, где презумпция знания уже сформирована или отрицается самим вопросом: [2]

- *Kim buni bilmaydi?* (Разве кто-то этого не знает? / Риторический вопрос, выражающий всеобщую осведомленность) (Узб.)

- *Who wouldn't want to succeed?* (Кто же не захочет преуспеть?) (Англ.)

В ходе анализа выявлено, что ирреальные вопросы в английском языке часто строятся на основе отрицательных форм вспомогательных глаголов (who wouldn't, isn't it), создавая сильный модальный эффект долженствования или очевидности. В узбекском языке ирреальность формируется за счет синтеза вопросительных частиц с модальными словами (axir, nahotki), усилительными аффиксами и особой эмфатической интонацией: [5]

- *Nahotki sen buni tushunmasang?* (Узб. — Неужели ты этого не понимаешь?)

Контрастивный анализ показывает, что если в английском языке ирреальность тяготеет к аналитическим конструкциям с модальными глаголами и отрицанием, то узбекский язык активно использует лексико-синтаксические модусы и аффиксальные комплексы [4].

Проведенный сопоставительный анализ показал, что категория вопросительности в узбекском и английском языках представляет собой многоуровневое функционально-семантическое поле, ядро которого составляют прямые (реальные) вопросы, а периферию - модально осложненные (ирреальные) структуры.

Национально-специфические особенности выражения реального вопроса [6].

В английском языке выражение реального вопроса строго регламентировано синтаксически. Обязательным маркером выступает инверсия (позиция вспомогательного или модального глагола перед подлежащим), подкрепленная восходящей интонацией: [5]

- *Does he know the truth?* В узбекском языке, благодаря агглютинативном строю и гибкому порядку слов (SOV), реальный вопрос реализуется преимущественно за счет присоединения аффиксальных показателей (-mi, -chi) к релевантному слову-центру реплики при сохранении базового порядка членов предложения: [5]

- *U haqiqatni biladimi?*

Таким образом, если в английском языке ведущим является аналитическо-синтаксический способ (порядок слов), то в узбекском — морфолого-интонационный (аффиксация).

Прагматико-семантическая типология ирреальных вопросов

Ирреальные вопросы в обоих языках функционируют как средство скрытого

воздействия, экспрессивной оценки и выражения модальной нереальности (сомнения, уверенности, упрека, отрицания). [4]

В английском языке ирреальность (особенно риторический вопрос) часто строится на принципах отрицательной поляризации (negative interrogation), когда вопросительная форма с отрицанием имплицирует утверждение максимальной степени категоричности:

- *Haven't I told you before?* (Я же говорил тебе раньше! Утверждение). В узбекском языке аналогичный прагматический эффект достигается за счет привлечения модальных слов и частиц с оттенком удивления, сомнения или очевидности (nahotki, axir, -a(-ya)), а также за счет использования отрицательных аффиксов сказуемого:

- *Nahotki buni oldindan sezmadingiz?* (Неужели вы не почувствовали этого заранее?). [2]

Обсуждая полученные результаты, важно подчеркнуть, что ирреальные вопросы в сопоставляемых языках выполняют мощную текстообразующую функцию. В англоязычном художественном дискурсе они чаще служат инструментом внутренней рефлексии персонажа, в то время как в узбекском дискурсе они глубоко укоренены в национально-культурном контексте диалогического общения, выполняя регулирующую этикетно-прагматическую роль (воздействие на адресата через апелляцию к общеизвестным истинам или эмоциональному опыту) [2].

Заключение. Проведенное сопоставительное исследование позволяет сделать вывод о том, что оппозиция реального и ирреального вопросов в узбекском и английском языках имеет как универсальные когнитивные основания, так и типологические особенности, обусловленные грамматическим строем языков. Реальные вопросы ориентированы на информативный запрос через инверсию (в английском) и аффиксацию/частицы (в узбекском), в то время как ирреальные вопросы выступают мощным инструментом прагматического воздействия, реализуя категории экспрессивности, модальности и оценки. Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении дискурсивных маркеров ирреальности в диалогической речи. [6]

Список использованной литературы

1. Виноградов В. В. О грамматической омонимии в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. — М.: Наука, 1975. — С. 50–70.

2. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. — М.: Прогресс, 1986. — С. 151–169.

3. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л.: Учпедгиз, 1941. — 620 с.

4. Sayfullayeva R. H. va boshqalar. Hozirgi o‘zbek adabiy tili. — Toshkent: Fan va texnologiya, 2020. — 440 b.

5. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. — Longman: London and New York, 1985. — 1779 p.

6. Palmer F. R. Mood and Modality. — Cambridge University Press, 2001. — 236 p.

7. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. — М.: Наука, 1976. — 383 с.

8. Почепцов Г. Г. Прагматический аспект предложения // Иностранные языки в школе. — 1985. — № 6. — С. 10–14.

9. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 400 с.

10. Lyons J. Semantics. — Cambridge: Cambridge University Press, 1977. — Vol. 2. — 371 p.

INGLIZ VA O‘ZBEK TILLARIDA “GUL” / “FLOWER” KONSEPTINING LINGVOKULTUROLOGIK XUSUSIYATLARI

Ergasheva Sevara O’tkir qizi
tayanch doktorant
Qarshi davlat universityeti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada ingliz va o‘zbek tillarida “gul” / “flower” konseptining lingvokulturologik xususiyatlari qiyosiy tahlil qilinadi. Konseptning tushuncha, obraz va qadriyat qatlamlari leksikografik manbalar, frazeologik birliklar, maqollar, antroponimlar va badiiy matn materiallari asosida o‘rganiladi. Tadqiqot natijasida konseptning har ikki tilda go‘zallik, yoshlik va o‘tkinchilik g‘oyalari bilan bog‘liq umumiy (izomorf) belgilari hamda milliy-madaniy o‘ziga xos (allomorf) jihatlari aniqlangan.*

Kalit so‘zlar: *lingvokulturologiya, konsept, gul, flower, frazeologik birlik, maqol, milliy-madaniy o‘ziga xoslik, qiyosiy tahlil.*

Аннотация. *В статье проводится сопоставительный анализ лингвокультурологических особенностей концепта «gul» / «flower» в английском и узбекском языках. Понятийный, образный и ценностный слои концепта исследуются на материале лексикографических источников, фразеологических единиц, пословиц, антропонимов и художественных текстов. Выявлены общие (изоморфные) признаки концепта, связанные с идеями красоты, молодости и быстротечности, а также его национально-культурная специфика (алломорфные признаки).*

Ключевые слова: *лингвокультурология, концепт, цветок, фразеологическая единица, пословица, национально-культурная специфика, сопоставительный анализ.*

Abstract. *The article presents a comparative analysis of the linguocultural features of the concept “gul” / “flower” in English and Uzbek. The notional, figurative and evaluative layers of the concept are studied on the basis of dictionary data, phraseological units, proverbs, personal names and literary texts. The study identifies the shared (isomorphic) features of the concept, connected with the ideas of beauty, youth and transience, as well as its nationally and culturally specific (allomorphic) features.*

Keywords: *linguoculturology, concept, flower, phraseological unit, proverb, national and cultural specificity, comparative analysis.*

Kirish. Globallashuv sharoitida tillararo va madaniyatlararo muloqotning samaradorligi so‘z va iboralar ortidagi milliy-madaniy ma’nolarni anglash bilan bevosita bog‘liq. Bir xil

predmetni ifodalovchi so‘z turli xalqlar ongida turlicha obraz va baholarni yuzaga chiqaradi. Shu sababli zamonaviy tilshunoslikda til va madaniyat munosabatini o‘rganuvchi lingvokulturologiya yetakchi yo‘nalishlardan biriga aylandi. V.A. Maslova ta’rificha, lingvokulturologiya “tilshunoslik va madaniyatshunoslik tutashgan nuqtada yuzaga kelgan hamda xalq madaniyatining tilda aks etgan va mustahkamlangan ko‘rinishlarini o‘rganuvchi” sohadir [4]. A. Vejbitskaya ham jamiyat hayoti bilan uning tili leksikasi o‘rtasida juda yaqin bog‘liqlik borligini, ayrim “kalit so‘zlar” orqali butun bir madaniyatni anglash mumkinligini ko‘rsatadi [12].

Lingvokulturologiyaning markaziy tushunchasi konseptdir. Yu.S. Stepanov konseptni “inson ongidagi madaniyatning quyuqlashgan ko‘rinishi”, ya’ni madaniyat inson mental olamiga kiradigan asosiy birlik sifatida talqin qiladi [9]. Kognitiv tilshunoslikda esa konseptual metafora inson tafakkurining kundalik hayotda keng ishlatiladigan vositasi ekani ta’kidlanadi [2]. F. Sharifian madaniy konseptualizatsiyalar til egalari jamoasi tomonidan umumiy holda shakllanishi va til birliklarida mustahkamlanishini asoslab bergan [6].

“Gul” konsepti o‘zbek madaniyatida, ayniqsa, mumtoz she’riyatda markaziy obrazlardan biri bo‘lsa, ingliz madaniyatida “flower” va xususan “rose” so‘zlari ramziy ma’nolarga boy. Ammo ikki til materialini lingvokulturologik jihatdan qiyoslash hali yetarlicha o‘rganilmagan. Mazkur maqolaning maqsadi – ingliz va o‘zbek tillarida “gul” / “flower” konseptining umumiy va milliy-madaniy o‘ziga xos jihatlarini aniqlashdan iborat.

Metodologiya. Tadqiqot materiali sifatida “O‘zbek tilining izohli lug‘ati” [5], “Ma’nolar maxzani” maqollar to‘plami, “The Oxford Dictionary of Idioms” lug‘ati hamda ingliz va o‘zbek badiiy matnlaridan olingan misollar xizmat qildi. Tahlilda qiyosiy-chog‘ishtirma, komponent tahlil, lingvokulturologik sharhlash va konseptual tahlil metodlaridan foydalanildi. Konsept tuzilishi tushuncha (lug‘aviy ma’no), obraz (metafora va qiyoslar) va qadriyat (baho va ramz) qatlamlari bo‘yicha tavsiflandi. N. Mahmudov ta’kidlaganidek, tilni uning egasi bo‘lgan xalq madaniyatidan ajratgan holda mukammal o‘rganib bo‘lmaydi [3].

Tahlil va natijalar. 1. Tushuncha qatlami. Lug‘aviy ma’no jihatidan ikki tildagi birliklar asosan mos keladi: “gul” ham, “flower” ham o‘simlikning rangli, xushbo‘y ko‘payish a’zosini anglatadi. Biroq o‘zbek tilidagi “gul” so‘zi ma’no doirasi kengroq: u “naqsh, bezak” (gulli do‘ppi, gilamning gullari), “eng sara qism” (yigitlarning guli) ma’nolarida ham qo‘llanadi [5]. Ingliz tilida “the flower of something” birikmasi xuddi shunday “eng yaxshi, sara qism” ma’nosini beradi: “the flower of the nation’s youth”. Bu holat konseptning “eng go‘zal va eng qimmatli” degan umumiy belgisi ikki madaniyatda ham mavjudligini ko‘rsatadi.

2. Obraz qatlami. Frazeologik birliklar konseptning obrazli tomonini yaqqol namoyon qiladi. Har ikki tilda gul go‘zallik, yoshlik va baxt timsoli hisoblanadi. O‘zbek tilida “guldek qiz”, “gul yuzli”, “yuzi gul-gul yonmoq”, “guli ochilmoq” (xursand bo‘lmoq), “gullab-yashnamoq” iboralari ijobiy bahoni ifodalaydi. Ingliz tilida esa “a bed of roses” (osoyishta, tashvishsiz hayot), “to come up roses” (yaxshi natija bilan tugamoq), “to see through rose-coloured glasses” (narsalarni haddan tashqari yaxshi ko‘rmoq), “as fresh as a daisy” (tetik, bardam) birliklari qo‘llanadi [8]. V.N. Teliya frazeologizmlarni madaniy ma’lumotni avloddan avlodga yetkazuvchi “madaniyat tili”ning belgilari sifatida baholaydi [10].

Shu bilan birga, ingliz frazeologiyasida gul nomlari bilan bog‘liq salbiy baholi birliklar ham uchraydi: “a shrinking violet” (o‘ta uyatchan odam), “a wallflower” (davrada chetda qolgan, raqsga tushmaydigan odam), “to gild the lily” (keraksiz bezab, buzib qo‘ymoq), “to be pushing up daisies” (o‘lgan bo‘lmoq, hazil ma’noda). Ingliz tilida “nip something in the bud” (biror ishni boshlanishidayoq to‘xtatmoq) iborasida esa gulning “g‘uncha” bosqichi ishning ibtidosi bilan qiyoslanadi. O‘zbek tilida bunday ma’nolar gul obrazi bilan kam ifodalanadi, bu esa ingliz madaniyatida bog‘dorchilik amaliyoti bilan bog‘liq kundalik tajribaning tilda keng aks etganini ko‘rsatadi.

Konseptning obraz qatlamida gulning hayotiy sikli inson umriga ko‘chiriladi. Ingliz tilida “to blossom” (yetilmoq, chiroyi ochilmoq), “to be in full bloom” (eng yashnagan, kamolot davrida bo‘lmoq), “a late bloomer” (qobiliyati kech namoyon bo‘lgan odam) birliklari shu modelga asoslanadi. O‘zbek tilida “g‘unchadek” (yosh, nozik), “gulday so‘lmoq”, “yuzi so‘lmoq” kabi iboralar, shuningdek, yoshlikni “umr bahori” deb atash ham xuddi shu konseptual metaforaga – “Inson hayoti – gulning ochilishi va so‘lishi” tasavvuriga tayanadi. Demak, bu metafora ikki madaniyat uchun umumiy bo‘lib, u gulning go‘zalligi bilan birga uning o‘tkinchiligini ham ta’kidlaydi.

3. Qadriyat qatlami. Maqollar konseptning axloqiy-qadriyatli mazmunini ochib beradi. “Tikansiz gul bo‘lmas” va ingliz tilidagi “No rose without a thorn” maqollari deyarli to‘liq ekvivalent bo‘lib, har qanday go‘zallik va baxt qiyinchilik bilan birga kelishi haqidagi umuminsoniy tajribani ifodalaydi. “Bir gul bilan bahor kelmas” maqoli shakl jihatidan ingliz tilidagi “One swallow does not make a summer” maqoliga mos keladi, ammo ingliz tilida bu g‘oya gul emas, qaldirg‘och obrazi orqali beriladi [7]. Bu misol bir xil ma’no turli madaniyatlarda turli obrazlar bilan konseptuallashuvini ko‘rsatadi.

O‘zbek mumtoz adabiyotida “gul va bulbul” juftligi alohida ahamiyatga ega: gul – ma’shuqa, go‘zallik va ilohiy ishq ramzi, bulbul esa oshiq timsoli sifatida talqin qilinadi. Alisher Navoiy va boshqa mumtoz shoirlar ijodida “gul”, “lola”, “g‘uncha”, “sunbul” obrazlari yor husnining turli belgilarini ifodalaydi. Ingliz she’riyatida ham atirgul sevgi va go‘zallik ramzidir (R. Bernsning “My love is like a red, red rose” satri), biroq unda ilohiy-tasavvufiy qatlam yetakchi emas. Z. Kyovechesning ta’kidlashicha, asosiy konseptual metaforalar universal bo‘lsa-da, ularning madaniy talqini xalqlarda farqlanadi [1].

4. Antroponimik va marosim qatlami. Gul nomlari ikki tilda ham ayollar ismlarini yasashda faol qo‘llanadi. O‘zbek tilida “Gulnora”, “Gulchehra”, “Gulbahor”, “Lola”, “Nargiza”, “Rayhon” kabi ismlar keng tarqalgan bo‘lib, ularning ko‘pchiligi “gul” komponentli qo‘shma so‘zlardir. Ingliz tilida esa “Rose”, “Lily”, “Daisy”, “Violet”, “Iris” kabi ismlar mustaqil gul nomlaridan olinadi. Bundan tashqari, o‘zbek to‘y va bayram marosimlarida gul yangi hayot, baxt va farovonlik timsoli sifatida ishlatiladi, ingliz madaniyatida esa turli gullar ma’lum ma’nolarni bildirishi (masalan, qizil atirgul – sevgi, lola – xotira) bilan bog‘liq an’ana mavjud.

5. Tarjima jihati. Konseptning milliy-madaniy o‘ziga xosligi tarjimada alohida e’tibor talab qiladi. Masalan, “Life is not a bed of roses” jumlasini so‘zma-so‘z “Hayot atirgullar to‘shagi emas” deb tarjima qilish o‘zbek kitobxoniga g‘alati tuyuladi, shu sababli uni “Hayot faqat roxat-farog‘atdan iborat emas” tarzida mazmuniy tarjima qilish maqsadga muvofiq. “A wallflower” birligini “devor guli” deb berish ham ma’noni yetkazmaydi, uni “davrada chetda qolgan, tortinchoq odam” deb izohlash lozim. Aksincha, o‘zbek mumtoz she’riyatidagi “gul”

obrazini ingliz tiliga o‘girishda tarjimonlar ko‘pincha “rose” so‘zini tanlaydi, chunki ingliz kitobxoni uchun aynan atirgul sevgi va go‘zallikning eng tanish ramzi hisoblanadi. Bu holat V.V. Vorobyov ta’kidlagan lingvokulturemalarning tarjimada madaniy moslashtirilishi zarurligini tasdiqlaydi [11].

Konseptning milliy-madaniy o‘ziga xosligi ayrim gul nomlarining ramziy maqomida ham ko‘rinadi. Ingliz madaniyatida atirgul Angliyaning milliy ramzi hisoblanadi: XV asrdagi Lankasterlar va Yorklar sulolalari o‘rtasidagi urush tarixda “Wars of the Roses” (Qizil va oq atirgullar urushi) deb nom olgan, keyinchalik ikki sulola birlashuvining belgisi sifatida “Tudor rose” ramzi paydo bo‘lgan. Shuning uchun ingliz tilida “rose” so‘zi go‘zallikdan tashqari tarixiy-milliy assotsiatsiyalarga ham ega. O‘zbek madaniyatida esa bahor va uyg‘onish timsoli bo‘lgan lola alohida o‘rin tutadi: Farg‘ona vodiysida qadimdan o‘tkazib kelinayotgan “Lola sayli” bayrami, xalq qo‘shiqlari va she’riyatdagi “lola yuzli”, “lolaqizg‘aldoq” obrazlari buning dalilidir. Rayhon esa o‘zbek xonadonida xushbo‘ylik, mehmondo‘stlik va pokizalik ramzi sifatida qadrlanadi. Ingliz tilida “tulip” va “basil” so‘zlari bunday ramziy yuklamaga ega emas. Bu holat bir xil denotatga ega so‘zlarning ikki tilda turlicha lingvokulturema maqomiga ega bo‘lishini ko‘rsatadi.

Shuningdek, konseptning til birliklarida aks etishi ijtimoiy-maishiy hayot bilan ham bog‘liq. O‘zbek tilida “gul” komponentli so‘zlar hunarmandchilik terminologiyasida keng qo‘llanadi: “gulchi” (gul ekuvchi, gul sotuvchi), “gulkor” (naqqosh), “gulbadan”, “gulzor”, “guldon”, “gultoj” kabi so‘zlar shular jumlasidandir. Ingliz tilida esa “florist”, “flowerbed”, “bouquet”, “garland” kabi birliklarning ko‘pi lotin va fransuz tillaridan o‘zlashgan bo‘lib, ular asosan nominativ vazifa bajaradi va ramziy-baholovchi ma’no kasb etmaydi. Demak, o‘zbek tilida konsept so‘z yasalishi jihatidan ham sermahsul hisoblanadi.

Tahlil natijalari quyidagi jadvalda umumlashtirildi:

Konsept qatlami	**Ingliz tili (flower)**	**O‘zbek tili (gul)**	**Munosabat**
Tushuncha	o‘simlik guli; “the flower of” – sara qism	o‘simlik guli; naqsh, bezak; sara qism	qisman mos (o‘zbek tilida keng)
Obraz	a bed of roses, come up roses, fresh as a daisy	guldek qiz, yuzi gul-gul yonmoq, guli ochilmoq	izomorf
Salbiy baho	shrinking violet, wallflower, gild the lily	deyarli uchramaydi	allomorf
Qadriyat (maqol)	No rose without a thorn	Tikansiz gul bo‘lmas	to‘liq ekvivalent
Ramz	atirgul – sevgi, go‘zallik	gul va bulbul – ma’shuqa va oshiq, ilohiy ishq	qisman mos
Antroponimlar	Rose, Lily, Daisy, Violet	Gulnora, Gulchehra, Lola, Nargiza	izomorf, yasalishi farqli
Hayot sikli metaforasi	blossom, in full bloom, late bloomer	g‘unchadek, gulday so‘lmoq, umr bahori	izomorf

Xulosa. O‘tkazilgan tahlil “gul” / “flower” konsepti ingliz va o‘zbek lingvomadaniyatlarida go‘zallik, yoshlik, baxt va o‘tkinchilik g‘oyalari bilan bog‘liq umumiy yadroga ega ekanini ko‘rsatdi. Shu bilan birga, o‘zbek tilida konsept ma’no doirasi kengroq bo‘lib, u naqsh-bezak, sara qism ma’nolarini ham qamrab oladi va mumtoz adabiyot orqali tasavvufiy-ramziy qatlamga ega. Ingliz tilida esa konsept bog‘dorchilik tajribasi bilan bog‘liq

bo‘lib, salbiy baholi frazeologik birliklarda ham faol qo‘llanadi. Konseptning milliy-madaniy o‘ziga xosligini hisobga olish tarjima amaliyotida ekvivalent tanlash, ingliz tilini o‘qitishda esa madaniyatlararo kompetensiyani shakllantirish uchun muhim ahamiyatga ega. Kelgusida konseptni korpus ma’lumotlari asosida keng ko‘lamda o‘rganish maqsadga muvofiq.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Kövecses Z. Metaphor in Culture: Universality and Variation. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 314 p.

2. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

3. Mahmudov N. Tilning mukammal tadqiqi yo‘llarini izlab… // O‘zbek tili va adabiyoti. – 2012. – № 5. – B. 3–16.

4. Maslova V.A. Lingvokulturologiya. – M.: Academia, 2001. – 208 s.

5. O‘zbek tilining izohli lug‘ati. 5 jildlik. 1-jild. – Toshkent: O‘zbekiston milliy ensiklopediyasi, 2006. – 680 b.

6. Sharifian F. Cultural Linguistics: Cultural Conceptualisations and Language. – Amsterdam: John Benjamins, 2017. – 171 p.

7. Shomaqsudov Sh., Shorahmedov Sh. Ma’nolar maxzani. – Toshkent: O‘zbekiston milliy ensiklopediyasi, 2001. – 448 b.

8. Siefring J. (ed.) The Oxford Dictionary of Idioms. 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 340 p.

9. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar russkoy kultury. – M.: Yazyki russkoy kultury, 1997. – 824 s.

10. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya: semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty. – M.: Yazyki russkoy kultury, 1996. – 288 s.

11. Vorobyov V.V. Lingvokulturologiya (teoriya i metody). – M.: Izd-vo RUDN, 1997. – 331 s.

12. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. – New York: Oxford University Press, 1997. – 317 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ГУМАНИЗМА В УЗБЕКСКОЙ И РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Эшкуватова Дилором Файзуллаевна
соискатель, Шахрисабзский государственный
педагогический институт
Карши, Узбекистан

Annotatsiya. *Maqolada o‘zbek va rus mumtoz adabiyotida insonparvarlik konseptlarining lingvomadaniy ifodalanishi qiyosiy aspektda tahlil qilingan. Material A.Navoiyning «Xamsa»si, A.S.Pushkin ijodi, A.Qodiriyning «O‘tkan kunlar» va A.Cho‘lponning «Kecha va kunduz» romanlari, F.M.Dostoyevskiy nasri hamda L.N.Tolstoyning «Urush va tinchlik» asaridan olingan. Leksik, frazeologik, paremiologik va diskursiv darajalar tahlili o‘zbek an’anasida insonparvarlik aniq-faol, tana bilan bog‘liq obrazlar («bag‘ir», «ko‘ngil») orqali, rus an’anasida esa mavhum, kitobiy leksika va «faol imo» («qo‘l») orqali ifodalanishini ko‘rsatdi. Ijtimoiy-rolli va ekzistensial-shaxsiy modellar aniqlandi.*

Kalit so‘zlar: *insonparvarlik, konsept, lingvomadaniyatshunoslik, qiyosiy tahlil, mumtoz adabiyot, o‘zbek tili, rus tili.*

Аннотация. *В статье в сопоставительном аспекте анализируется лингвокультурная репрезентация концептов гуманизма в узбекской и русской классической литературе. Материалом послужили «Хамса» А. Навои, творчество А.С. Пушкина, романы «Ўткан кунлар» А. Кадыри и «Кеча ва кундуз» А. Чўлпона, проза Ф.М. Достоевского и «Война и мир» Л.Н. Толстого. Анализ лексического, фразеологического, паремиологического и дискурсивного уровней показал, что узбекская традиция выражает гуманность через конкретно-деятельную, телесно опосредованную лексику и метафору «вместимости» (бағир, кўнгил), русская – через отвлечённую книжную лексику и метафору «деятельного жеста» (рука, сердце). Выявлены социально-ролевая и экзистенциально-личностная модели.*

Ключевые слова: *гуманизм, концепт, лингвокультурология, сопоставительный анализ, классическая литература, узбекский язык, русский язык.*

Abstract. *The article offers a comparative analysis of the linguocultural representation of the concepts of humanism in Uzbek and Russian classical literature. The material comprises Navoi’s Khamsa, the works of A.S. Pushkin, Qodiriy’s “O‘tkan kunlar” and Cho‘lpon’s “Kecha va kunduz”, the prose of F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy’s “War and Peace”. The analysis of the lexical, phraseological, paremiological and discursive levels shows that the Uzbek tradition expresses humaneness through concrete, bodily mediated vocabulary and the metaphor of “capacity” (bag‘ir, ko‘ngil), while the Russian tradition uses abstract, bookish vocabulary and the metaphor of an “active gesture” (hand, heart). A socio-role and an existential-personal model are identified.*

Keywords: *humanism, concept, linguoculturology, comparative analysis, classical literature, Uzbek language, Russian language.*

Введение. Концепт гуманизма (узб. инсонпарварлик) аккумулирует представления народа о человечности, милосердии, сострадании, справедливости и человеческом достоинстве и потому выступает этическим ядром национальной концептосферы [8; 12]. В художественном слове классиков он раскрывает не только индивидуальную картину мира писателя, но и культурный код целого народа, складывавшийся на протяжении веков его исторического, религиозного и философского развития. Сопоставление того, как один и тот же по этической природе концепт вербализуется в двух генетически неродственных, но исторически тесно соприкасавшихся лингвокультурах, позволяет увидеть его общечеловеческое ядро и национально обусловленные оттенки смысла.

Теоретико-методологический фундамент концептуального анализа заложен трудами Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, А. Вежбицкой, Е.С. Кубряковой [5; 8; 11; 12]; в узбекской филологии смежные вопросы разрабатывали Ш. Сафаров, Н. Маҳмудов, Д. Худойберганова [13; 14; 16], а концепт языковой личности в узбекской и русской классической литературе (Навои, Пушкин, Толстой, Гоголь, Бабур) исследован в работах Н.Б. Азизовой [1–3]. Однако концепт гуманизма в узбекско-русском сопоставительном аспекте на материале классики самостоятельным исследованием не становился. Цель статьи – выявить универсальные и национально-специфические грани концептов гуманизма в узбекской и русской классической литературе на лексическом, фразеологическом, паремиологическом и дискурсивном уровнях.

Методология и материал исследования. Работа опирается на метод концептуального анализа, лингвокультурологический, сопоставительно-контрастивный, компонентный и контекстуальный анализ с элементами количественного (частотного) анализа. Применена пятиэтапная методика: отбор материала и составление картотеки контекстов с указанием источника и частотности; компонентный и контекстуальный анализ значения; реконструкция структуры концепта (ядро, ближняя и дальняя периферия); дискурсивная квалификация контекстов (дидактический, философский, психологический дискурс); сопоставление структур с выделением универсальных и национально-специфических черт. Принцип тождества основания сравнения предполагает, что сравниваются не слова-переводы, а независимо реконструированные в каждом языке структуры концепта [7; 13]; такой подход согласуется с опытом сопоставительного анализа узбекской и русской классики на единой методологической основе [2].

Материалом послужили шесть вершинных произведений двух традиций: «Хамса» А. Навои [18], романы «Ўткан кунлар» А. Кадыри [19] и «Кеча ва кундуз» А. Чўлпона [20], творчество А.С. Пушкина [22], проза Ф.М. Достоевского [21] и роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир» [23]. Относительная представленность лексических средств и дискурсивных типов оценивалась по градуальной шкале (1 – минимальная, 5 – максимальная представленность), что позволяет сопоставлять традиции по единым параметрам; приводимые ниже оценки следует понимать как градуальные, а не как абсолютные частоты.

Результаты и обсуждение. ***1. Лексический уровень***

Лексические поля концептов гуманизма, достоинства и человеческой души различаются устойчиво (табл. 1). Узбекская традиция тяготеет к конкретно-деятельной, телесно опосредованной лексике: меҳр – это забота, а не отвлечённое чувство, юраги орзикди – телесная реакция, а не названное чувство. Русская традиция чаще прибегает к отвлечённой, книжной, нередко религиозно окрашенной лексике (милость, благодать, вечность). Выбор конкретной или отвлечённой лексики при выражении родственных идей – лингвокультурологически значимый факт, а не случайность идиостиля [5]. В «Хамсе» Навои оценки показывают жанровое распределение: в дидактической поэме «Хайрат ул-аброр» максимально представлены шафқат, карам и адл (по 5), тогда как в романтической поэме «Фарҳод ва Ширин» ведущим становится меҳр (5 против 4 в «Хайрат ул-аброр»), а адл и инсоф опускаются до 1 (о лингвокультурологической реконструкции идей Навои см. [3]).

Таблица 1. Ключевые лексические поля концептов в узбекской и русской традициях

Концепт	Узбекская традиция	Русская традиция
Гуманизм	меҳр, шафқат, карам, адл, инсоф – деятельная забота, «взращивание» блага	милость, сострадание, человеколюбие, благодать – книжно-высокий, сакрально окрашенный регистр
Человеческое достоинство	иззат, номус, ор, шаън – переживание и защита собственного достоинства	достоинство / унижение, гордость / смирение, вина / искупление – парные оппозиции
Человеческая душа	юраги орзикди, кўзлари ёшланди – телесно-психофизиологическая лексика, имплицитность	вечность, бесконечность, любовь – контраст отвлечённой и бытовой лексики

2. Фразеологический и паремиологический уровни

Узбекская фразеология гуманности строится вокруг соматизмов бағир («грудь», «нутро») и кўнгил («сердце» как вместилище чувств; ср. «кўнгил кўтармоқ»), русская – вокруг лексем рука (инструмент помощи) и сердце / душа (средоточие сострадания). Тем самым при сходстве конечного смысла (гуманность как забота о другом) две традиции метафоризируют его через разные телесные источники: узбекская – через образ вместилища, способного «уместить» чужую беду, русская – через образ руки, действенно облегчающей эту беду (о телесной метафоре см. [17]). На паремиологическом уровне сопоставление «Одамга яхшилик қил, дарёга ташлагандек бўл» и «Что посеешь, то и пожнёшь» показывает, что узбекская паремиология связывает добро с бескорыстием и религиозно-этической безусловностью, русская – со взаимностью и практическим результатом.

Итоговая градуальная оценка плотности языковых уровней (табл. 2) показывает, что узбекская традиция на раннем этапе (Навои) в наибольшей степени опирается на фразеологический и паремиологический уровни как «формульные» средства выражения дидактического содержания, а русская изначально тяготеет к лексическому и – при переходе от Пушкина к Толстому – к дискурсивному уровню; в обеих

традициях роль дискурсивного (имплицитного, психологического) уровня к более позднему этапу возрастает.

Таблица 2. Плотность языковых уровней репрезентации концептов (шкала 1–5)

Языковой уровень	Узбекская традиция	Русская традиция
Лексический	4	5
Фразеологический	5	3
Паремиологический	5	4
Дискурсивный (имплицитный)	3 → 5 (динамика)	4 → 5 (динамика)

3. Дискурсивные векторы реализации концептов

Сопоставление дидактического, философского и психологического дискурсов (табл. 3) показало, что дидактический дискурс убедительно доминирует лишь в «Хамсе» Навои (5), тогда как в остальных произведениях преобладают философский и психологический типы, чья представленность нарастает по мере приближения к XX веку. На этой основе предложена типология: дидактический тип (Навои), философско-психологический синтетический (Пушкин, Кадыри, Толстой), философско-полифонический (Достоевский, где, по М.М. Бахтину [4], существует множество равноправных «правд» героев-идеологов) и имплицитно-психологический (Чўлпон: отсутствие прямой номинации, доминирование детали и подтекста). Типология не совпадает механически с делением на узбекский и русский материал, что говорит об общих закономерностях эволюции гуманистического дискурса; роль литературы «Золотого века» как «законодателя» речевых моделей и типов национальной языковой личности показана в [1].

Таблица 3. Дискурсивные показатели шести произведений (шкала 1–5) и тип произведения

Произведение	Дидакт.	Философ.	Психол.	Тип
«Хамса» А. Навои	5	2	3	дидактический
Творчество А.С. Пушкина	1	4	4	философско-психологический
«Ўтган кунлар» А. Кадыри	3	2	4	философско-психологический
Проза Ф.М. Достоевского	1	5	5	философско-полифонический
«Кеча ва кундуз» А. Чўлпона	1	2	5	имплицитно-психологический
«Война и мир» Л.Н. Толстого	1	4	5	философско-психологический

4. Сопоставление внутри пар произведений

В каждой паре сходство обнаруживается на уровне общей коммуникативной установки или художественной техники, а различие – на уровне способа реализации. Навои и Пушкин объединены программной, декларативной установкой на гуманизм (у Навои – в дидактических главах «Хайрат ул-аброр», у Пушкина – в «Памятнике»), но у первого она обращена к правителю, у второго выражена как философская

саморефлексия. Кадыри и Достоевского сближает сострадание к социально уязвимому герою как путь к достоинству; однако Кумуш сохраняет внутреннее достоинство вопреки обстоятельствам, а Раскольников восстанавливает его через кризис и деятельное сострадание Сони. Чўлпон и Толстой разрабатывают имплицитную, телесно опосредованную технику психологизма (в обоих произведениях психологический дискурс – 5 из 5), но краткости и умолчанию Чўлпона противостоит развёрнутая «диалектика души» Толстого.

5. Обобщающая модель

Результаты обобщены в модели (табл. 4): общее ценностное ядро гуманистического концепта реализуется в двух структурно различных, исторически и религиозно обусловленных моделях – социально-ролевой (узбекская традиция, где гуманность есть исполнение заданной общиной роли, а идеал – «комил инсон», деятельный мудрец-подвижник) и экзистенциально-личностной (русская традиция, где гуманность есть результат индивидуального, нередко драматического нравственного выбора). Различия отчасти объясняются и неодновременностью историко-литературных этапов: произведения Навои (XV в.), Кадыри (1920-е гг.), Чўлпона (1930-е гг.) соотнесены с русскими текстами 1830-х, 1860-х и 1860–1880-х гг., поэтому часть расхождений – следствие разных стадий перехода от дидактической словесности к психологическому модернизму.

Таблица 4. Обобщающая модель узбекской и русской концептосфер гуманизма

Параметр	Узбекская концептосфера	Русская концептосфера
Онтологический вектор	социально-этический (исполнение роли в общине)	экзистенциальный (индивидуальный нравственный выбор)
Образная доминанта	«вместимость» (бағир, кўнгил)	«деятельный жест» (рука, сердце)
Историческая динамика	дидактика → имплицитный психологизм	философская рефлексия → психологизм
Тип идеала	«комил инсон» – мудрец-подвижник	кающийся / сострадающий герой

Заключение. Проведённое сопоставление позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, концепты гуманизма в узбекской и русской классике обладают общим ценностным ядром и различаются способами языковой репрезентации. Во-вторых, различия устойчиво проявляются на лексическом (конкретно-деятельная и телесно опосредованная лексика против отвлечённой книжной), фразеологическом (метафора «вместимости» против метафоры «деятельного жеста») и паремиологическом (бескорыстие против взаимности) уровнях. В-третьих, дискурсивная динамика в обеих традициях идёт от дидактики к философскому и психологическому дискурсу, но с разными исходными точками и темпом. В-четвёртых, различия объясняются как национально-культурной спецификой, так и неодновременностью историко-литературных этапов.

Практическая значимость состоит в возможности использовать результаты в преподавании узбекского и русского языков как иностранных (сопоставительный

лингвокультурологический комментарий к этическим концептам), в переводе (например, «бағри кенг» точнее передаётся не словом «щедрый», а описанием «тот, чьё сердце вмещает чужую беду»; см. принцип функциональной эквивалентности [10]), в сопоставительной лексикографии (структура «ядро – ближняя – дальняя периферия») и в литературном образовании (сопоставление сцены под небом Аустерлица у Толстого и сцены свадьбы Зебихон у Чўлпона). Ограничением работы является градуальный характер оценок; перспективой – расширение корпуса за счёт узбекской литературы XX века в целом и других национальных традиций, а также сопоставление результатов с данными исследований языковой личности в классической литературе [2; 3].

Список использованной литературы

1. Азизова Н.Б. Выражение русской языковой личности в классической литературе «Золотого века»: структура, архетипы и современные трансформации // O‘zMU xabarlari. – Ташкент, 2026. – № 2. – С. 1–3.

2. Азизова Н.Б. Исследование концепта языковой личности в русской и узбекской классической литературе (на примере А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Алишера Навои, Захириддина Бабура) // Yangi davr ilm-fani: inson uchun innovatsion g‘oya va yechimlar: материалы II республиканской научно-практической конференции. – Ташкент, 2026. – С. 129–134.

3. Азизова Н.Б. Языковая личность как культурный концепт: реконструкция идей Алишера Навои и их релевантность для современной лингвокультурологии // Ijtimoiy-gumanitar fanlarning dolzarb muammolari. – Самарканд, 2026. – № 3 (6). – С. 160–168. DOI: 10.47390/SPR1342V6I3Y2026.

4. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1972. – 470 с.

5. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

6. Воробьёв В.В. Лингвокультурология: теория и методы. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 331 с.

7. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.

8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

10. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.

11. Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.

13. Маҳмудов Н. Тил тилсими тадқиқи. – Тошкент: Мумтоз сўз, 2017. – 296 б.

14. Сафаров Ш. Когнитив тилшунослик. – Самарқанд: СамДЧТИ, 2006. – 92 б.

15. Хайитметов А. Навоий ижодида инсонпарварлик ғоялари. – Тошкент: Фан, 1968. – 216 б.

16. Худойберганова Д. Матннинг антропоцентрик талқини. – Тошкент: Фан, 2013. – 148 б.
17. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
18. Алишер Навоий. Хамса. Ҳайрат ул-аброр. – Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1989. – 384 б.
19. Абдулла Қодирий. Ўткан кунлар: Роман. – Тошкент: Шарқ, 2014. – 448 б.
20. Абдулҳамид Чўлпон. Кеча ва кундуз: Роман. – Тошкент: Шарқ, 2019. – 224 б.
21. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1973. – Т. 6. – 423 с.
22. Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах. – М.: Наука, 1975. – 216 с.
23. Толстой Л.Н. Война и мир: Роман-эпопея // Полн. собр. соч.: В 90 т. – М.: Худож. лит., 1937–1940. – Т. 9–12.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Абдукахорова Азиза Кодиржоновна
магистрант кафедры русского языка и литературы
Сайдуллаева Рано Ибадовна
доцент кафедры русского языка и литературы
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье предпринимается сопоставительный анализ безэквивалентной лексики русского и узбекского языков в лингвокультурологическом освещении. Основное внимание сосредоточено на выявлении этнокультурной специфики номинаций, отражающих бытовой уклад, социальные институты, обрядовые практики и аксиологические доминанты двух народов. На материале предметно-бытовых и ментально-этических реалий показано, что безэквивалентные единицы аккумулируют уникальные фоновые знания социума, определяя характер национальных картин мира и специфику межкультурной коммуникации.*

Ключевые слова: *безэквивалентная лексика, лингвокультурология, реалии, фоновые знания, языковая картина мира, русский язык, узбекский язык, сопоставительный анализ.*

Annotatsiya. *Maqolada rus va o‘zbek tillaridagi muqobilsiz leksika lingvomadaniyatshunoslik nuqtayi nazaridan qiyosiy tahlil qilinadi. Asosiy e’tibor ikki xalqning turmush tarzi, ijtimoiy institutlari, marosim amaliyotlari va aksiologik dominantalarini aks ettiruvchi nominatsiyalarning etnomadaniy o‘ziga xosligini aniqlashga qaratilgan. Predmet-maishiy hamda mental-axloqiy realiyalar materialida muqobilsiz leksik birliklar jamiyatga xos noyob fon bilimlarini o‘zida mujassamlashtirishi, milliy olam manzaralarining xususiyatlari va madaniyatlararo muloqotning o‘ziga xos jihatlarini belgilashi ko‘rsatib berilgan.*

Kalit so‘zlar: *muqobilsiz leksika, lingvomadaniyatshunoslik, realiyalar, fon bilimlari, olamning lisoniy manzarasi, rus tili, o‘zbek tili, qiyosiy tahlil.*

Abstract. *This article presents a comparative analysis of non-equivalent vocabulary in the Russian and Uzbek languages from a linguocultural perspective. Particular attention is paid to identifying the ethnocultural specificity of lexical units reflecting the everyday way of life, social institutions, ritual practices, and axiological dominants of the two peoples. Drawing on material and everyday-life realities as well as mental and ethical concepts, the study demonstrates that non-equivalent lexical units accumulate unique sociocultural background knowledge, shaping the distinctive features of national worldviews and the specific characteristics of intercultural communication.*

Keywords: *non-equivalent vocabulary, linguoculturology, cultural realia, background knowledge, linguistic worldview, Russian language, Uzbek language, comparative analysis.*

Изучение взаимодействия языка и культуры относится к фундаментальным направлениям современной семасиологии и лингвокультурологии. При сопоставительном описании генетически разноструктурных языков особое значение приобретает безэквивалентная лексика – единицы одного языка, не имеющие регулярных однословных или фразеологических соответствий в лексической системе другого языка в силу отсутствия самого денотата в материальной или духовной культуре адресата. В концепции Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова такие слова рассматриваются как носители национально-культурной информации и концентрированное выражение фоновых знаний социума [1]. По определению С. Влахова и С. Флорина, реалии представляют собой лексические маркеры исторического, географического и бытового своеобразия народа, требующие при межъязыковом сопоставлении экспликации этнографического контекста [2]. В свою очередь, У. К. Юсупов подчеркивал, что сопоставительное исследование лексических систем позволяет не только обнаружить абсолютные и относительные лакуны, но и описать ментальные границы членения внеязыковой действительности носителями контактирующих языков [3]. В лингвокультурологическом ракурсе, развиваемом В. А. Масловой, безэквивалентные единицы функционируют как аккумуляторы культурной памяти, фиксирующие ценностные приоритеты этнического коллектива [4].

Наиболее наглядно национальная самобытность проявляется в сфере материально-бытовой и гастрономической культуры. В узбекском языке пласт безэквивалентной кулинарной лексики сформирован номинациями традиционных блюд, способов их приготовления и посуды: *сумаляк* – сакральное весеннее ритуальное блюдо из пророщенных зерен пшеницы; *патыр* – сдобная слоеная лепешка, выпекаемая в тандыре; *курт* – высушенный кисломолочный концентрат кочевого происхождения; *пиала* – специфическая полусферическая посуда для чаепития без ручки. Каждый из данных терминов не сводится к описательному переводу, поскольку сопряжен с ритуалами гостеприимства и сезонными праздниками. В русском языке аналогичный статус имеют единицы *щи* (основное горячее заправочное блюдо с капустой), *окрошка* (холодный суп на квасной основе), *квас* (хлебный напиток брожения), а также лексемы предметно-жилищного уклада: *изба* (срубный деревянный жилой дом), *сени* (неотапливаемая входная часть крестьянского жилища), *русская*

печь (многофункциональное сооружение, выступавшее в традиционной культуре центром обогрева, приготовления пищи и сакрального пространства дома).

Существенный интерес представляет группа социально-нормативной и обрядовой безэквивалентной лексики. В узбекской лингвокультуре ведущую роль играют лексемы, обозначающие традиционные формы коллективной организации и солидарности. Слово *махалля* выходит за рамки понятия «квартал» или «микрорайон», выступая автономным социально-этическим институтом самоуправления, контроля норм поведения и взаимопомощи. Понятие *хашар* обозначает обычай добровольного коллективного и безвозмездного труда членов общины для решения общественно значимых задач или помощи нуждающемуся односельчанину. Обрядовая специфика манифестируется в номинациях семейного цикла: *келин салом* – традиционный ритуал почтительного поклона молодой невестки родственникам мужа, сопровождающийся ответными благопожеланиями и дарами; *гап* – форма регулярного общения и взаимовыручки внутри замкнутой возрастной или профессиональной микрогруппы. В русском языке параллельные институты общинного труда и праздничной культуры выражаются через реалии *посиделки* (зимнее собрание деревенской молодежи для совместной работы и досуга), *толока* (крестьянская взаимопомощь при неотложных хозяйственных работах), а также циклы календарной обрядности: *масленица* (недельный ритуал проводов зимы и встречи весны), *колядки* (обрядовые рождественские песнопения с обходом дворов). В обеих системах безэквивалентные лексемы служат маркерами социальной связанности индивида с коллективом, однако в узбекском дискурсе они теснее сопряжены с нормами семейно-родовой и возрастной субординации.

Наибольшей сложностью при сопоставительном анализе обладают ментально-этические концепты и абстрактные номинации нравственной сферы. Как отмечала В. Н. Телия, культурные смыслы укореняются в образном основании слова и воспроизводятся через специфические культурные коннотации [5]. В узбекском языке высокой лингвокультурологической плотностью обладают категории *андиша* – внутренний регулятор тактичности, сдержанности и деликатности, предписывающий человеку воздержаться от резких суждений из уважения к собеседнику; *мехр-окибат* – синкретичное понятие, объединяющее душевное тепло, верность родственным узам, постоянство заботы и взаимное милосердие; *ор-номус* – синтез понятий чести, личного и родового достоинства, требующий защиты репутации семьи. В русском ментальном пространстве аналогичный статус труднопереводимых, культурно нагруженных номинаций имеют концепты *тоска* (специфическое эмоционально-экзистенциальное состояние душевной тягости, соединяющее грусть, тревогу и томление), *авось* (иррациональная надежда на благоприятный исход вопреки обстоятельствам), *раздолье* и *удаль* (сочетание неограниченного пространственного масштаба и бесстрашного проявления внутренних сил). И безэквивалентность переходит из денотативной плоскости в концептуальную, обнажая ключевые аксиологические доминанты национального самосознания.

Таким образом, безэквивалентная лексика русского и узбекского языков представляет собой неоднородный, структурно организованный пласт языковых единиц, маркирующий различия в материальной культуре, социальном укладе и

духовно-нравственных ориентирах народов. Итак, исследование данных единиц подтверждает, что лакунарность в лексической системе не препятствует взаимопониманию, но требует глубокой экспликации культурных коннотаций.

Список использованной литературы

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1990. – 246 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М. : Международные отношения, 1980. – 342 с.
3. Юсупов У. К. Теоретические основы сопоставительной лингвистики. – Ташкент : Фан, 2007. – 126 с.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
6. Азизова, Н. Б. (2013). Глобализация и проблемы развития языков и культур.(на примере узбекского языка). GISAP. Philological sciences, (1), 3-6.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ПРЕДИКАТИВНОЙ ФУНКЦИЕЙ

Бозорова Зарнигор
магистрант
Шахрисабзский государственный педагогический институт
Шахрисябз, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности сопоставления фразеологизмов с предикативной функцией в русском и узбекском языках. Основное внимание уделяется структурно-семантическим характеристикам данных фразеологических единиц, их грамматическим особенностям и функционированию в речи. Анализируются сходства и различия в способах выражения предикативного значения, а также национально-культурная специфика фразеологизмов в сопоставляемых языках. Особое значение придаётся выявлению эквивалентных и безэквивалентных фразеологических единиц, их семантическим особенностям и роли в формировании выразительности высказывания. Результаты исследования могут способствовать углублённому изучению фразеологии русского и узбекского языков и расширению представлений о межъязыковых связях.*

Ключевые слова: *фразеологизм, предикативная функция, сопоставительный анализ, русский язык, узбекский язык, фразеологическая единица, семантика, грамматическая структура, межъязыковое сопоставление, национально-культурная специфика.*

Abstract. *This article examines the specific features of comparing phraseological units with a predicative function in Russian and Uzbek. Particular attention is paid to the structural and semantic characteristics of these phraseological units, their grammatical features, and their functioning in speech. The study analyzes similarities and differences in the ways predicative meaning is expressed, as well as the national and cultural characteristics of phraseological units in the languages under comparison. Particular importance is attached to identifying equivalent and non-equivalent phraseological units, examining their semantic features, and determining their role in enhancing the expressiveness of utterances. The findings of the study may contribute to a deeper understanding of phraseology in Russian and Uzbek and broaden perspectives on interlinguistic relations.*

Keywords*: phraseological unit, predicative function, comparative analysis, Russian language, Uzbek language, phraseology, semantics, grammatical structure, cross-linguistic comparison, national and cultural characteristics.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada rus va o‘zbek tillarida predikativ funksiyaga ega frazeologizmlarni qiyoslashning o‘ziga xos xususiyatlari ko‘rib chiqiladi. Asosiy e’tibor mazkur frazeologik birliklarning struktur-semantik xususiyatlari, grammatik jihatlari hamda nutqda qo‘llanishiga qaratiladi. Qiyoslanayotgan tillarda predikativ ma’noni ifodalash usullaridagi o‘xshashlik va farqlar, shuningdek, frazeologizmlarning milliy-madaniy xususiyatlari tahlil qilinadi. Muqobil va muqobili mavjud bo‘lmagan frazeologik birliklarni aniqlash, ularning semantik xususiyatlarini o‘rganish hamda fikr ifodalashning ta’sirchanligini oshirishdagi rolini belgilashga alohida ahamiyat beriladi. Tadqiqot natijalari rus va o‘zbek tillari frazeologiyasini yanada chuqurroq o‘rganishga hamda tillararo aloqalar haqidagi tasavvurlarni kengaytirishga xizmat qilishi mumkin.*

Kalit so‘zlar: *frazeologizm, predikativ funksiya, qiyosiy tahlil, rus tili, o‘zbek tili, frazeologik birlik, semantika, grammatik tuzilish, tillararo qiyoslash, milliy-madaniy xususiyatlar.*

Предикативные фразеологизмы функционируют в предложении в роли сказуемого и выражают действие, состояние или процесс. В русском и узбекском языках данная группа является наиболее многочисленной и семантически дифференцированной. К предикативным фразеологизмам относятся единицы, выражающие физические и психические состояния, интеллектуальную деятельность, коммуникативные акты и эмоциональные реакции [23].

Фразеологизмы, описывающие физические состояния, в русском языке опираются на образы горячего и холодного: «кипятком кипеть», «кровь стынет в жилах», «леденеть от страха», «гореть от стыда». В узбекском языке доминируют иные образы — жажды, огня и тяжести: «qoni qaynamoq» (кипеть кровью — злиться), «tizza-tizza titramoq» (сильно дрожать), «ko'ngli yonmoq» (гореть сердцем — страдать). Тем не менее универсальный образ «огня» как символа сильной эмоции присутствует в обоих языках: «гореть от нетерпения» — «sabrsizlikdan yonmoq» [24].

Предикативные фразеологизмы, обозначающие интеллектуальную деятельность, демонстрируют значительную степень типологической близости. В русском языке: «ломать голову», «копать в памяти», «вести за нос», «вешать лапшу на уши». В узбекском языке: «bosh qotirmoq» (замораживать голову — ломать голову), «xotirani qozimoq» (пахать память — копать в памяти), «burnidan olib ketmoq» (вести за нос), «qo'liga tushirmoq» (попасть в руки — обмануть). Несмотря на структурные различия, образная основа данных единиц совпадает, что свидетельствует о межъязыковой унификации когнитивных моделей интеллектуального процесса [25].

Коммуникативные предикативные фразеологизмы в русском языке включают выражения «бросать слова на ветер», «вести свои пять копеек», «молоть языком», «замолкнуть как вкопанный». Узбекские аналоги: «so'zni shamolga sovurmoq» (бросать слова на ветер), «o'z fikrini aytmoq» (высказать свое мнение), «tilini aylantirmoq» (вертеть языком — молоть языком), «tili qotib qolmoq» (язык застыл — замолкнуть). В данной группе наблюдается высокий процент полных эквивалентов, что объясняется универсальностью коммуникативного опыта и метафоризации речевой деятельности [6].

В таблице 4 представлены предикативные фразеологизмы, выражающие эмоциональные состояния.

Русский фразеологизм	Узбекский фразеологизм	Значение
кипятком кипеть	qoni qaynamoq	Сильно злиться
кровь стынет в жилах	tizza-tizza titramoq	Сильно бояться
ломать голову	bosh qotirmoq	Ломать голову
вести за нос	burnidan olib ketmoq	Обманывать
молоть языком	tilini aylantirmoq	Болтать

Таблица 4 — Предикативные фразеологизмы, выражающие эмоциональные состояния

Структурное сравнение фразеологических единиц русского и узбекского языков выявляет ряд типологических параллелей и различий, обусловленных как общелингвистическими закономерностями, так и спецификой грамматического строя каждого языка. В обоих языках продуктивны двухкомпонентные и трехкомпонентные структуры, однако их морфологическая реализация существенно различается [12].

В русском языке преобладают именные фразеологизмы с вершиной-существительным: «медвежья услуга», «кошкина печень», «гусиная кожа». В узбекском языке именные фразеологизмы также широко представлены, но их структура часто включает притяжательные аффиксы и послелоги: «ayiqning mehmonchilligi» (медвежья услуга), «mushukning jigari» (кошкина печень), «g'ozning terisi» (гусиная кожа). Сходство образной основы при морфологическом несходстве является характерным признаком типологических аналогов в данной группе [8].

Глагольные фразеологизмы в русском языке чаще всего представлены сочетанием глагола с прямым или косвенным дополнением: «бить баклуши», «держать в ежовых рукавицах», «пускать пыль в глаза». В узбекском языке глагольные фразеологизмы имеют аналогичную структуру, однако отношения

между глаголом и именными компонентами выражаются послелогами и аффиксами: «bambuldarni urmoq» (бить баклуши), «temir qo'l bilan ushlamoq» (держать в ежовых рукавицах), «ko'zga chang soldirmoq» (пускать пыль в глаза). Синтаксическая модель «глагол + дополнение» универсальна для обоих языков, тогда как способы выражения грамматических связей различны [29].

В узбекском языке значительно более продуктивны, чем в русском, фразеологизмы, образованные от глагольных словосочетаний с наречиями и местоимениями. Примерами служат «bir to'xtamay» (безостановочно), «bir narsa qilmoq» (сделать что-то — в значении наказать, придраться), «bir ish qilmoq» (содеять дело — совершить подвиг). В русском языке подобные единицы обычно не фразеологизируются, оставаясь свободными словосочетаниями. Данное различие объясняется спецификой узбекского глагола, который в сочетании с различными наречными и местоименными формами способен образовывать устойчивые семантически целостные единицы [30].

Важным структурным параметром является наличие в составе фразеологизмов архаических, диалектных и заимствованных элементов. В русской фразеологии архаизмы представлены единицами типа «вешать голову», «куй железо, пока горячо», «где наша не пропадала». В узбекской фразеологии архаические элементы чаще связаны с персидскими и арабскими заимствованиями: «dil shikast bo'lmoq» (разбитое сердце — от перс. dil + shikast), «jon fidoy bo'lmoq» (стать жертвой души — преданно служить, от араб. fidā). Наличие лексических заимствований в структуре фразеологизмов расширяет семантические коннотации единиц и создает дополнительные трудности для перевода [31].

В таблице 5 приведены структурные модели фразеологизмов с указанием частотности в сопоставляемых языках.

Список использованной литературы

1.Автономова, Н. С. Познание и перевод. Опыт когнитивной лингвистики / Н. С. Автономова. – Москва : Наука, 2018. – 312 с. *(или другой профильный источник по коммуникативной фразеологике)*

2.Рахматуллаев, Ш. Узбек тилининг фразеологик луғати / Ш. Рахматуллаев. – Тошкент : Қомуслар бош таҳририяти, 1992. – 368 б.

3. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. –Москва : Высшая школа, 2001. – 721 с.

4.Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – Москва : Феникс, 2005. – 381 с.

5. Юсупов, У. К. Сопоставительная лингвистика / У. К. Юсупов. –Тошкент : Университет, 2007. – 114 с.

6.Баранов, А. Н. Идиоматика и когнитивная лингвистика / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Москва : Знак, 2009. – 312 с.

7.Шаҳмамуродов, Т. Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков / Т. Шаҳмамуродов. – Тошкент : Ўқитувчи, 1990. — 240 с.

8.Маматов, А. Э. Узбек тили фразеологиясининг назарий асослари / А. Э. Маматов. –Тошкент : Akademnashr, 2019. – 296 б.

9. А. Худойбердиева . Развитие творческого мышления у школьников начальных классов в инновационной образовательной среде.Т., - 2024.

КОНЦЕПТ «ТРУД / МЕҲНАТ» В РУССКИХ И УЗБЕКСКИХ ПАРЕМИЯХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Мелиева Малика
магистрант
Университет Турон
Азизова Насиба Бахритдиновна
профессор кафедры русского языка и литературы
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Annotatsiya. *Maqolada rus va o‘zbek maqollarida “mehnat” konseptining lingvomadaniy xususiyatlari qiyosiy aspektda tahlil qilingan. Empirik asosni 250 ta rus va 220 ta o‘zbek maqol-matali tashkil etadi. Leksik-semantik tahlil har ikki tilda mehnat tushunchasi kuch sarflash, og‘irlik va sinov semantikasi bilan bog‘liqligini ko‘rsatdi; maqollar tematik guruhlarga ajratildi. Universal belgilar (mehnat – hayot asosi, mehnat va sabr, dangasalikni qoralash) bilan birga rus tilida jarayon, sabr va og‘irlik, o‘zbek tilida esa natija, hunar va jamoaviy hamjihatlik (hashar) ustuvorligi aniqlangan.*

Kalit so‘zlar: *konsept, mehnat, maqol, paremiologiya, lingvomadaniyatshunoslik, hunar, hashar.*

Аннотация. *В статье в сопоставительном аспекте анализируются лингвокультурные характеристики концепта «труд / меҳнат» в русских и узбекских паремиях. Эмпирическую базу составили 250 русских и 220 узбекских пословиц и поговорок. Лексико-семантический анализ показал, что в обоих языках понятие труда связано с семантикой усилия, тяжести и испытания; паремии разбиты на тематические группы. Наряду с универсальными признаками (труд как основа жизни, связь труда и терпения, осуждение лени) выявлено, что русский концепт акцентирует процессуальность, терпение и тяжесть, а узбекский – результативность, мастерство и коллективную взаимопомощь (хашар).*

Ключевые слова: *концепт, труд, меҳнат, пословица, паремиология, лингвокультурология, мастерство.*

Abstract. *The article presents a comparative analysis of the linguocultural characteristics of the concept “labour / mehnat” in Russian and Uzbek proverbs. The empirical basis comprises 250 Russian and 220 Uzbek proverbs and sayings. Lexico-semantic analysis showed that in both languages labour is linked to the semantics of effort, hardship and trial; the proverbs were grouped thematically. Along with universal features (labour as the basis of life, the link between labour and patience, condemnation of laziness), the Russian*

concept emphasises process, patience and hardship, while the Uzbek one emphasises result, craftsmanship and collective mutual help (hashar).

Keywords: *concept, labour, mehnat, proverb, paremiology, linguoculturology, craftsmanship.*

Введение. Концепт «труд» относится к базовым концептам любой национальной картины мира [8; 10]: трудовая деятельность лежит в основе существования общества, однако её восприятие, мотивация, цели и оценка существенно варьируются в зависимости от культурных, религиозных, географических и исторических факторов [6]. Особый интерес для выявления этих различий представляет паремиологический фонд: пословицы и поговорки аккумулируют многовековой опыт, этические и эстетические идеалы этноса, и именно в них концепт предстаёт не в абстрактно-словарном, а в «живом», оценочном, образно мотивированном виде [9].

Концепт «труд» изучен на материале отдельных языков и в сопоставлении с английским и китайским языками [2; 3; 5], однако комплексного сопоставительного исследования на материале русских и узбекских пословиц до настоящего времени проведено не было. Цель статьи – выявить универсальные и национально-специфические особенности концепта «труд / меҳнат» в русской и узбекской паремиологии.

Методология и материал исследования

Эмпирическую базу составили 250 русских и 220 узбекских пословиц и поговорок о труде, отобранных методом сплошной выборки из сборников В.И. Даля [4] и Т. Мирзаева [11], а также из электронного ресурса Maqollar.uz [12]. Использованы описательный метод, компонентный и этимологический анализ, метод полевого моделирования концепта, тематическая классификация, сопоставительный анализ и элементы статистического подсчёта для выявления наиболее частотных тематических групп.

Результаты и обсуждение. ***1. Лексико-семантический уровень***

Этимологический анализ ключевых репрезентантов показал общую тенденцию: понятие труда связано с семантикой усилия, тяжести и испытания (табл. 1). Русское труд общеславянское; в древнерусском трудъ означало «работа, старание, забота, страдание, горе», что объясняет концептуализацию труда как тяжёлого дела, требующего терпения. Слово работа восходит к *orbota «неволя» (ср. раб), и оттенок вынужденности сохранился в выражениях «работать из-под палки». Узбекское меҳнат заимствовано из арабского (миҳна «испытание, трудность»), а исконно тюркское иш нейтрально и обозначает любое дело.

Таблица 1. Ключевые репрезентанты концепта «труд / меҳнат»

Лексема	Происхождение и исходное значение	Коннотация
труд	общеслав.; родственно лит. trūsas «работа, хлопоты», др.-инд. trudati «мучит»	усилие, тяжесть, страдание
работа	от общеслав. *orbota «неволя», родственно раб	вынужденность, обязательность

Лексема	Происхождение и исходное значение	Коннотация
меҳнат	из арабского миҳна «испытание, бедствие»	преодоление, усилие
иш	исконно тюркское, «дело, занятие»	нейтральное, широкое

Значимость концепта подтверждается словообразовательной активностью. Гнездо с вершиной трудиться в русском языке включает более 150 производных, гнездо с вершиной работа – около 200 (по данным [7]); гнездо антонимичной вершины лень значительно скромнее – 20–25 единиц. Это соотношение показывает, что положительно оцениваемая деятельность разработана языком детальнее отрицательно оцениваемой. В узбекском языке гнездо меҳнат также продуктивно (меҳнаткаш, меҳнаткашлик, меҳнатсевар, меҳнатбоп, меҳнатталаб, меҳнатдўст, меҳнатдош), как и гнездо глагола ишла- (ишчи, ишчан, ишсиз, ишлов); по объёму и разнообразию гнёзда двух языков сопоставимы.

2. Тематическая классификация паремий

Тематическая классификация выявила по пять основных групп в каждом языке (табл. 2). В русских паремиях группа «Труд и терпение» – одна из самых многочисленных, что отражает специфику национального характера: труд осмысляется как процесс, требующий времени и смирения. Группа «Труд и результат» показывает амбивалентное отношение к богатству («От трудов праведных не нажить палат каменных» и «Труд кормит, а лень портит»). В узбекских паремиях особое место занимают мастерство (ҳунар), которое ценится выше материального богатства («Яхши ҳунар бойликдан азиз» – ‘хорошее мастерство дороже богатства’), образы оазисного земледелия (вода, хлопок, тутовое дерево) и коллективный труд – хашар.

Таблица 2. Тематические группы паремий о труде

№	Русские паремии	Узбекские паремии
1	Философия труда: «Без труда не вынешь и рыбку из пруда»	Труд как благо и украшение человека: «Меҳнат инсонни безайди»
2	Труд и терпение: «Терпенье и труд всё перетрут»	Труд и мастерство: «Ҳунарли ошар, ҳунарсиз тушар»
3	Труд и результат: «От трудов праведных не нажить палат каменных»	Труд земледельца и скотовода: «Ер меҳнатсеварни яхши кўради»
4	Оценка человека по труду: «Дело мастера боится»	Осуждение лени: «Танбалнинг куни тўймас»
5	Осуждение лени: «Под лежачий камень вода не течёт»	Коллективный труд (хашар): «Кўпчилик кўтарган юк енгил»

3. Универсальное и национально-специфическое

Сопоставление позволило выделить универсалии: утверждение труда как основы жизни («Без труда не вынешь и рыбку из пруда» – «Меҳнатсиз ҳеч нарса бўлмас»), связь труда и терпения («Терпенье и труд всё перетрут» – «Сабр қилган – муродига етган»), негативная оценка лени («Под лежачий камень вода не течёт» – «Ётган тошга сув юқмас»), оценка человека по труду («Дерево ценят по плодам, а человека по делам» – «Дарахтни меваси билан, инсонни меҳнати билан билишади»). Национальная специфика обусловлена хозяйственным укладом (рискованное земледелие и пахота у русских, оазисное земледелие и ремесло у узбеков), социальной организацией

(ценность коллективного труда – хашара, не имеющая столь яркого выражения в русских паремиях) и религиозно-этическими установками: в русских паремиях сильнее амбивалентность отношения к богатству, в узбекских достаток – закономерный результат усердия и мастерства.

Структурообразующей для концептуального поля является оппозиция «труд – лень»: образ ленивого сходен (рус. лентяй, узб. дангаса, ялқов), но способы его образной репрезентации различны: рус. «лежать на печи», узб. «ждать, что еда сама войдёт в рот»; русская пословица «У ленивого что на дворе, то и на столе» указывает на отсутствие запасов, узбекская «Дангасанинг ози ҳам, кўзи ҳам тўймас» – на вечную неудовлетворённость ленивого.

Заключение. Анализ 250 русских и 220 узбекских паремий подтвердил гипотезу о том, что за универсальностью понятия «труд» стоят глубинные национально-культурные различия. Русский концепт «труд» в большей степени акцентирует процессуальность, терпение и тяжесть, узбекский «меҳнат» – результативность, мастерство и социальную солидарность. Эти различия необходимо учитывать в практике межкультурной коммуникации, перевода и преподавания русского и узбекского языков как иностранных. Перспективой исследования является изучение гендерного аспекта паремий о труде и привлечение материала других тюркских и славянских языков.

Список использованной литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
2. Басова Л.В. Концепт ТРУД в русском языке (на материале пословиц и поговорок): дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – 192 с.
3. Берендеева М.С., Цинь Мэн. Структура лингвокультурных концептов ТРУД / 劳动 в русской и китайской картинах мира на материале публицистических текстов 1940-х – 1970-х годов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2022. – Т. 21, № 9. – С. 47–55.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1984.
5. Жуков К.А. Языковое воплощение концепта «Труд» в пословичной картине мира (на материале русской и английской паремиологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2004. – 26 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Прашкович С.С. Словообразовательные гнёзда делать, работать, трудиться в современном русском языке // Вестник Пермского университета. – 2008. – Вып. 2 (7). – С. 88–93.
8. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
9. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

10. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии. – Волгоград: Перемена, 2003. – 233 с.
11. Ўзбек халқ мақоллари / тўпловчи ва нашрга тайёрловчи Т. Мирзаев. – Тошкент: Ўқитувчи, 1989. – 336 б.
12. Maqollar.uz. Меҳнат ҳақида мақоллар [Электронный ресурс]. – URL: https://maqollar.uz/mehnat-haqida-maqollar (дата обращения: 10.02.2024).
13. Azizova, N. B. (2024). The concept of "good" in the Russian and Uzbek language worldview. Russian language: research, testing and practice, 10(2), 88-96.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ И КАЛЬКИ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Нуриддинова Зульфия Хусниддин кизи
магистрант
Шахрисабзский государственный
педагогический институт
Шахрисябз, Узбекистан

Аннотация. *В статье говорится, что фразеологические эквиваленты представляют собой наиболее полное тип межъязыковых соответствий, при котором фразеологизмы двух языков совпадают по всем основным параметрам: лексическому составу, грамматической структуре, образной основе, стилистической принадлежности и эмоционально-экспрессивной окраске, что обусловлено общностью их культурно-исторических источников или универсальностью когнитивных механизмов их возникновения.*

Ключевые слова: *фразеология, эквивалент, грамматическая структура, фразеологические эквиваленты, формирование, коммуникация, компетенция.*

Annotatsiya. *Maqolada frazeologik ekvivalentlar tillararo muvofiqlikning eng to‘liq turi sifatida ko‘rib chiqiladi; bunda ikki tilga oid frazeologik birliklar barcha asosiy parametrlar — leksik tarkib, grammatik tuzilish, obrazlilik, uslubiy mansublik hamda hissiy-ifodaviy bo‘yoqdorlik jihatidan o‘zaro mos keladi. Bunday moslik umumiy madaniy-tarixiy ildizlar yoki ularning shakllanishiga asos bo‘luvchi kognitiv mexanizmlarning umumiyligi bilan izohlanadi.*

Kalit so‘zlar: *frazeologiya, ekvivalent, grammatik tuzilish, frazeologik ekvivalentlar, shakllanish, muloqot, kompetensiya.*

Abstract. *The article states that phraseological equivalents represent the most complete type of interlingual correspondence, wherein phraseological units from two languages coincide across all key parameters—lexical composition, grammatical structure, imagery, stylistic affiliation, and emotional-expressive coloring—a phenomenon driven by shared cultural-historical origins or the universality of the cognitive mechanisms underlying their emergence.*

Keywords: *phraseology, equivalent, grammatical structure, phraseological equivalents, formation, communication, competence.*

В корпусе сопоставляемых языков выявлено значительное количество полных фразеологических эквивалентов, которые восходят к общебиблейским, общелитературным или общекультурным источникам, а также к параллельному развитию народной мудрости и наблюдений над окружающей действительностью, что свидетельствует о единстве человеческого опыта независимо от языковой принадлежности. Фразеологические кальки составляют особую группу межъязыковых соответствий, которые возникли в результате прямого или опосредованного заимствования одного языка из другого при сохранении лексического состава и грамматической структуры оригинала, при этом семантическое значение кальки полностью воспроизводит значение исходной фразеологической единицы.

Анализ материала показал, что в узбекском языке имеется значительное число фразеологических калек, заимствованных из русского языка в советский и постсоветский периоды, что обусловлено интенсивными политическими, экономическими и культурными контактами между двумя народами, а также функционированием русского языка в качестве языка межнационального общения на территории Узбекистана. Наряду с полными эквивалентами и кальками в сопоставляемых языках широко представлены частичные эквиваленты, которые совпадают по образной основе и общему семантическому значению, но различаются в лексическом составе или грамматической структуре, что требует от переводчика умения выбирать наиболее адекватный контекстуальный вариант перевода.

Установление границ между фразеологическими эквивалентами и кальками представляет собой сложную методологическую задачу, поскольку в ряде случаев затруднительно определить, имеет ли данное сходство параллельное происхождение или является результатом языкового контакта, поэтому необходим комплексный анализ с привлечением историко-этимологических, культурологических и статистических данных.

Фразеологические эквиваленты составляют наиболее полный тип межъязыковых соответствий, при котором фразеологизмы двух языков совпадают по лексическому составу, грамматической структуре, образной основе, стилистической принадлежности и эмоционально-экспрессивной окраске, что обусловлено общностью их культурно-исторических источников или универсальностью когнитивных механизмов их возникновения. В корпусе сопоставляемых языков выявлено значительное количество полных фразеологических эквивалентов, которые восходят к общебиблейским, общелитературным или общекультурным источникам, а также к параллельному развитию народной мудрости и наблюдений над окружающей действительностью, что свидетельствует о единстве человеческого опыта независимо от языковой принадлежности.

Фразеологические кальки представляют собой особую группу межъязыковых соответствий, которые возникли в результате прямого или опосредованного заимствования одного языка из другого при сохранении

лексического состава и грамматической структуры оригинала, при этом семантическое значение кальки полностью воспроизводит значение исходной фразеологической единицы. В узбекском языке имеется значительное число фразеологических калек, заимствованных из русского языка в советский и постсоветский периоды, что обусловлено интенсивными политическими, экономическими и культурными контактами между двумя народами, а также функционированием русского языка в качестве языка межнационального общения на территории Узбекистана.

Наряду с полными эквивалентами и кальками в сопоставляемых языках широко представлены частичные эквиваленты, которые совпадают по образной основе и общему семантическому значению, но различаются в лексическом составе или грамматической структуре, что требует от переводчика умения выбирать наиболее адекватный контекстуальный вариант перевода.

Установление границ между фразеологическими эквивалентами и кальками представляет собой сложную методологическую задачу, поскольку в ряде случаев затруднительно определить, имеет ли данное сходство параллельное происхождение или является результатом языкового контакта, поэтому необходим комплексный анализ с привлечением историко-этимологических, культурологических и статистических данных. Полные фразеологические эквиваленты русского и узбекского языков демонстрируют совпадение не только внешней формы, но и внутреннего содержания, что обеспечивает возможность прямого перевода без существенных потерь в передаче образности, экспрессии и стилистической окраски фразеологизма.

Частичные эквиваленты характеризуются совпадением образной основы при различии в лексическом воплощении, что объясняется национальной спецификой восприятия действительности и различиями в материальной культуре, природных условиях и социальных реалиях двух народов. Фразеологические кальки в узбекском языке часто сохраняют русскую грамматическую модель или порядок слов, что создаёт определённые трудности в их адаптации к узбекской грамматической системе и требует от носителей языка специальных усилий при их употреблении в речи.

Современный узбекский язык продолжает активно заимствовать фразеологизмы из русского языка, особенно в сферах науки, техники, политики и международных отношений, что свидетельствует о продолжающемся языковом контакте и необходимости постоянного лексикографического фиксирования новых калек. Различие между эквивалентами и кальками имеет важное значение для лексикографической практики, поскольку в словарных статьях необходимо чётко дифференцировать единицы параллельного происхождения и единицы заимствованного характера, что позволяет пользователям словаря правильно интерпретировать переводные соответствия и избегать стилистических несоответствий. Теоретические и практические результаты анализа фразеологических эквивалентов и калек имеют важное значение для методики преподавания русского языка как иностранного в узбекской аудитории, поскольку правильное дифференцирование данных категорий позволяет избежать ошибок при

переводе и обеспечивает более глубокое понимание национально-культурной специфики каждого из сопоставляемых языков.

Таким образом, изучение фразеологических эквивалентов и калек в русском и узбекском языках создаёт необходимую основу для дальнейшего семантического и культурологического анализа фразеологических единиц, поскольку установление характера межъязыковых соответствий является ключевым этапом в типологическом сопоставлении фразеологии двух языков.

Список использованной литературы

1. Умарходжаев М.И.Принципы составления многоязычного фразеологического словаря. – М.: 1972,-290 с

2. Уразова З.Р. История развития узбекской фразеологии / З.Р. Уразова. — Ташкент: Фан, 1980. — 192 с.

3. Усманова Ш. Соматические фразеологизмы в узбекском и турецком языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук в 1998 г.

4. Худайберганова С. и др. Узбекские народные пословицы, Ташкент, 1978.

- Шамсиддинов Х. Функционально-семантические синонимы слов узбекского языка. Диссертация на соискание ученой степени доктора наук 1999 г.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ РУССКО-УЗБЕКСКИХ ТЕКСТАХ

Саидова Чарос Шарифджановна
магистрант
Шахрисабзский государственный педагогический институт
Научный руководитель: Хамраева Ё. Н.
Шахрисябз, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются лексико-грамматические поля как способ описания взаимодействия лексических и грамматических средств при выражении одного и того же смысла в русском и узбекском языках. Материалом служат параллельные русско-узбекские тексты. Показано, что при переводе семантическое ядро поля сохраняется, тогда как набор языковых средств его выражения существенно различается: русский язык опирается преимущественно на флексию и словообразование, узбекский – на агглютинативные аффиксы и аналитические (вспомогательные) конструкции. Предложена схема сопоставительного анализа поля в параллельных текстах, обозначены перспективы использования результатов в преподавании русского языка в узбекоязычной аудитории.*

Ключевые слова: *лексико-грамматическое поле, параллельные тексты, русский язык, узбекский язык, сопоставительная лингвистика, перевод, функционально-семантическое поле.*

Annotatsiya. *Maqolada rus va o‘zbek tillarida bir xil ma'noni ifodalashda leksik va grammatik vositalarning o'zaro munosabatini tavsiflash usuli sifatida leksik-grammatik*

maydonlar tahlil qilinadi. Material sifatida parallel rus-o‘zbek matnlari olingan. Tarjimada maydonning semantik yadrosi saqlanishi, uni ifodalovchi vositalar tarkibi esa sezilarli darajada farq qilishi ko‘rsatilgan.

Kalit so‘zlar: *leksik-grammatik maydon, parallel matnlar, rus tili, o'zbek tili, chog'ishtirma tilshunoslik, tarjima*

Abstract. *The article examines lexico-grammatical fields as a tool for describing the interaction of lexical and grammatical means in expressing the same meaning in Russian and Uzbek. The material is parallel Russian-Uzbek texts. It is shown that the semantic core of a field is preserved in translation, while the set of linguistic means expressing it differs considerably: Russian relies mainly on inflection and word formation, Uzbek on agglutinative affixes and analytical constructions. A scheme for contrastive analysis of a field in parallel texts is proposed.*

Keywords: *lexico-grammatical field, parallel texts, Russian language, Uzbek language, contrastive linguistics, translation, functional-semantic field.*

Введение. Сопоставительное изучение русского и узбекского языков сохраняет актуальность в условиях двуязычия и расширения русскоязычного образования в Узбекистане. Русский язык относится к флективным языкам синтетического строя, узбекский – к агглютинативным тюркским языкам. Различие типологий приводит к тому, что одно и то же содержание в двух языках передаётся разными по природе средствами: там, где русский язык использует падежную флексию, предлог или видовую пару глаголов, узбекский может применять послеложный аффикс, деепричастную форму или вспомогательный глагол.

Для описания таких соответствий недостаточно раздельного анализа лексики и грамматики. Понятие поля позволяет объединить в одной системе единицы разных уровней, связанные общей семантической функцией. Цель статьи – охарактеризовать лексико-грамматические поля как объект сопоставительного анализа и показать возможности их изучения на материале параллельных русско-узбекских текстов. Для достижения цели решаются следующие задачи: уточнить понятие лексико-грамматического поля; определить статус параллельных текстов как источника данных; выявить типы соответствий между средствами выражения поля в двух языках; наметить методику описания.

Актуальность темы обусловлена и практическими потребностями: типичные ошибки узбекоязычных учащихся в русской речи (в выборе падежа, вида глагола, рода) во многом объясняются межъязыковой интерференцией, а значит, нуждаются в системном сопоставительном описании.

Материалы и методы исследования. Материалом послужили параллельные русско-узбекские тексты художественного, публицистического и учебного характера, а также авторские сопоставительные примеры. Использованы методы: сопоставительный, описательный, метод полевого анализа, метод сплошной выборки, приёмы количественной обработки и трансформационный анализ перевода. Единицей сопоставления выступает не отдельное слово или форма, а семантическая функция

(например, принадлежность, необходимость, локализация во времени), для которой в каждом языке выявляется набор средств выражения.

Теоретические основы. Идея поля в языкознании восходит к работам Й. Триера, описавшего лексику как систему взаимосвязанных семантических участков . В отечественной лингвистике теория поля развивалась в трудах Г. С. Щура , Д. Н. Шмелёва , А. А. Уфимцевой . Принципиальное значение для настоящего исследования имеет теория функциональной грамматики А. В. Бондарко, в которой функционально-семантическое поле определяется как система разноуровневых языковых средств (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических), объединённых общей семантической функцией [1].

В рамках этого подхода под **лексико-грамматическим полем** мы понимаем совокупность лексических и грамматических средств одного или разных языков, взаимодействующих при выражении определённой семантической категории. Поле имеет **ядро** (наиболее специализированные и регулярные средства) и **периферию** (средства, для которых данная функция является вторичной или контекстно обусловленной). Границы поля нежёсткие, возможно пересечение полей.

Параллельные тексты – это оригинал и его перевод, рассматриваемые как единый объект исследования. С точки зрения теории перевода они фиксируют эквивалентность на уровне содержания при различии форм [2]. Это позволяет считать перевод своего рода «естественным экспериментом»: переводчик, не имея возможности сохранить форму, вынужден искать функциональный эквивалент, и именно этот выбор показывает, какие средства двух языков занимают в полях сопоставимые позиции [3].

Результаты и обсуждение. 1. Поле временной локализации и аспектуальности

В русском языке значимую роль играет категория вида: противопоставление несовершенного и совершенного вида (*читал – прочитал*) сочетается с лексическими показателями (*уже, ещё, вдруг, всегда*). В узбекском языке аналогичные значения выражаются формами прошедшего времени, деепричастиями на *-ib* в сочетании со вспомогательными глаголами, а также лексическими показателями:

Он читал книгу. – U kitob o'qidi / o'qiyotgan edi.

Он прочитал книгу. – U kitobni o'qib chiqdi.

В первом случае различие закреплено в грамматике русского глагола, во втором распределено между аффиксом и аналитической конструкцией. Значение завершённости в узбекском языке передаётся вспомогательным глаголом *chiqmoq*, то есть лексико-грамматическим средством.

2. Поле посессивности

Русский язык выражает принадлежность конструкцией «у + родительный падеж + *есть*», узбекский – посессивными аффиксами и словом *bor*:

У меня есть книга. – Mening kitobim bor.

Это мой дом. – Bu mening uyim.

В русском предложении принадлежность выражена предлогом, падежом и глаголом-связкой; в узбекском – аффиксом принадлежности *-im* на существительном и

экзистенциальным предикативом *bor*. Ядро поля в обоих языках сохраняется, но средства относятся к разным уровням системы.

3. Поле модальности необходимости

Русские безличные конструкции с дативом (*мне нужно идти*) соответствуют узбекским конструкциям с модальным словом *kerak* и формой на *-ish*:

Мне нужно идти. – Menga ketish kerak.

Ему необходимо учиться. – Unga o'qish zarur.

Здесь наблюдается высокая степень структурного сходства: в обоих случаях субъект оформляется дательным падежом, а необходимость выражается лексической единицей. Это иллюстрирует тезис о том, что поля могут обнаруживать как типологическое расхождение, так и неожиданные схождения.

4. Поле категории рода

Грамматическая категория рода, обязательная для русских имён и прошедшего времени глагола, в узбекском языке отсутствует. Соответственно, при переводе с узбекского на русский форма *U keldi* получает варианты *он пришёл / она пришла*, выбор между которыми определяется только контекстом. При обратном переводе родовая информация утрачивается или передаётся лексически (*opa, aka, ayol, erkak*). Данный пример показывает, что в параллельных текстах поле может иметь в одном языке грамматическое, а в другом исключительно лексическое выражение [1].

5. Типы соответствий

На основании анализа можно выделить три типа соответствий между средствами выражения поля:

1 **Полное структурное соответствие** – средства одного типа и уровня (поле необходимости);

2 **Функциональное соответствие при структурном различии** – грамматическое средство одного языка соответствует лексико-грамматическому в другом (поле аспектуальности, поле посессивности);

3 **Нулевое соответствие** – в одном из языков средство отсутствует и значение выражается контекстуально или лексически (поле рода).

Эта типология служит основой для описания трудностей усвоения русского языка узбекоязычными обучающимися: наибольшие сложности вызывают поля второго и третьего типов.

6. Схема сопоставительного анализа

Предлагается следующая последовательность работы с параллельными текстами: (1) выделение семантической функции; (2) выборка единиц, её выражающих, в оригинале и переводе; (3) определение уровня каждого средства (лексика, морфология, синтаксис); (4) установление ядра и периферии в каждом языке; (5) квалификация типа соответствия; (6) учёт переводческих трансформаций (опущение, добавление, замена, перестановка); (7) формулирование методических выводов.

Заключение. Анализ показал, что лексико-грамматическое поле является продуктивной единицей сопоставительного описания русского и узбекского языков. Параллельные тексты позволяют выявить функциональные эквиваленты и увидеть, как различия типологического строя реализуются на уровне конкретных языковых средств.

Полученные результаты могут быть использованы при составлении учебных пособий и упражнений по русскому языку для узбекоязычных школ и вузов, при разработке курсов по сопоставительной грамматике и переводу. Перспективой исследования является создание электронной базы параллельных текстов с разметкой по семантическим полям.

Список использованной литературы

1. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.
2. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
5. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. – Heidelberg: Winter, 1931. – 350 S.
6. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 256 с.
7. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
8. Уфимцева А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
9. Худойбердиева А. Х. Теоретические основы формирования образно-креативного мышления у школьников //dǩZ dSmSe [hS^ ïSca YfcS^. – С. 12.
10. Худойбердиева А. Х. Развитие творческого мышления у школьников начальных классов в инновационной образовательной среде // Язык как фактор интеграции образовательных … – 2024. – Я 41.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЗООНИМОВ (на материале русской, английской и узбекской лингвокультур)

Тошкулова Шахноза Хотам кизи
магистрант
Азизова Насиба Бахритдиновна,
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются символические значения зоонимов в различных языковых и культурных системах. Особое внимание уделяется сопоставлению английской, русской и узбекской лингвокультур, в которых названия животных используются для выражения человеческих качеств, нравственных оценок, социальных отношений и представлений об окружающем мире. Актуальность исследования обусловлена тем, что зоонимы представляют собой не только наименования животных, но и значимые элементы языковой картины мира, отражающие исторический опыт, традиции и культурные ассоциации носителей языка.*

Ключевые слова: *зооним, символическое значение, лингвокультурология, языковая картина мира, национальная культура, фразеология, пословица, метафора, английский язык, русский язык, узбекский язык.*

Annotatsiya. *Maqolada zoomimlarning turli lingvistik va madaniy tizimlardagi ramziy ma'nolari ko'rib chiqiladi. Ingliz, rus va o'zbek lingvomadaniyatlarini qiyoslashga alohida e'tibor qaratiladi, ularda hayvon nomlari insoniy fazilatlar, axloqiy baholar, ijtimoiy munosabatlar va atrof-muhit haqidagi tasavvurlarni ifodalash uchun qo'llaniladi. Tadqiqotning dolzarbligi zoomimlar nafaqat hayvonlarning nomlari, balki til egalarining tarixiy tajribasi, an'analari va madaniy assotsiatsiyalarini aks ettiruvchi lingvistik dunyoqarashning muhim elementlari ekanligi bilan bog'liq.*

Kalit so'zlar: *zoonim, ramziy ma'no, lingvomadaniyatshunoslik, dunyoning lingvistik manzarasi, milliy madaniyat, frazeologiya, maqol, metafora, ingliz tili, rus tili, o'zbek tili.*

Abstract. *The article examines the symbolic meanings of zoonyms in various linguistic and cultural systems. Special attention is paid to the comparison of English, Russian, and Uzbek linguocultures, in which animal names are used to express human qualities, moral evaluations, social relations, and perceptions of the surrounding world. The relevance of the study is due to the fact that zoonyms are not only names of animals but also significant elements of the linguistic worldview, reflecting the historical experience, traditions, and cultural associations of native speakers.*

Keywords: *zoonym, symbolic meaning, linguoculturology, linguistic worldview, national culture, phraseology, proverb, metaphor, English language, Russian language, Uzbek language.*

Язык является не только средством общения, но и важнейшим способом сохранения и передачи культурного опыта народа. В словах, устойчивых выражениях, пословицах и поговорках отражаются представления человека о природе, обществе, нравственных ценностях и особенностях человеческого поведения. Особое место в этом отношении занимают названия животных, которые широко используются для характеристики людей, выражения эмоционального отношения к действительности и передачи народных представлений о различных качествах личности. Благодаря многовековому взаимодействию человека с животным миром названия животных приобрели дополнительные значения и стали важной частью образной системы многих языков.

В лингвистике названия животных принято обозначать термином «зоонимы». В широком понимании зоонимы представляют собой лексические единицы, называющие животных. В более узком значении термин может использоваться для обозначения индивидуальных кличек животных. В настоящем исследовании зоонимы рассматриваются в широком значении, то есть как названия животных, которые участвуют в формировании переносных, оценочных и символических смыслов.

Символическое значение зоонима возникает в процессе культурного осмысления животного и закрепления определённых ассоциаций в языке. Например, лиса во многих языковых сообществах ассоциируется с хитростью, волк может символизировать опасность или хищническое поведение, а собака в зависимости от контекста может обозначать верность, преданность, агрессию или нежелательное поведение. При этом подобные соответствия нельзя считать абсолютно

универсальными: значение конкретного зоонима определяется языковой традицией и контекстом употребления.

Особый интерес представляет сопоставление английской, русской и узбекской лингвокультур. Эти языки принадлежат к разным языковым системам и развивались в различных исторических и культурных условиях. Вместе с тем их носители на протяжении длительного времени взаимодействовали с животными в повседневной жизни, сельском хозяйстве, хозяйственной деятельности и фольклоре. Общность человеческого опыта создала предпосылки для возникновения сходных образных моделей, тогда как различия природной среды, традиционного уклада жизни и культурных представлений обусловили формирование специфических символических значений [5].

Актуальность темы связана с необходимостью выявления того, каким образом названия животных отражают культурные особенности носителей языка. Изучение зоонимов позволяет установить, какие человеческие качества ассоциируются с определёнными животными, как формируется положительная или отрицательная оценка и почему одинаковые названия могут получать различные интерпретации в разных языках. Данный вопрос имеет практическое значение для перевода, изучения иностранных языков и развития межкультурной компетенции, поскольку буквальное понимание образного выражения не всегда позволяет правильно определить его смысл.

Цель статьи - выявить общие и специфические особенности символического значения зоонимов в английской, русской и узбекской лингвокультурах. Для достижения этой цели необходимо рассмотреть понятие зоонима и его символическую функцию, определить основные способы формирования переносных значений названий животных, сопоставить примеры из трёх языков и установить роль культурного контекста в интерпретации зоонимических образовх.

Объектом исследования являются зоонимы, функционирующие в английском, русском и узбекском языках. Предмет исследования составляют их символические, переносные и оценочные значения, проявляющиеся в пословицах, поговорках и устойчивых выражениях. Материал исследования включает общеупотребительные языковые единицы, используемые для выражения человеческих качеств, моделей поведения и культурных представлений[3]. Основными методами исследования выступают описательный, семантический, сравнительно-сопоставительный и лингвокультурологический анализ.

Теоретическую основу исследования составляют положения о взаимосвязи языка и культуры, метафорической организации мышления и культурной специфике образных выражений. В работе учитывается подход Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которому метафора представляет собой не только стилистический приём, но и один из способов концептуализации опыта. Важное значение имеют также исследования Д. Добровольского и Э. Пиирайнен, посвящённые образной фразеологии и межкультурным различиям в понимании устойчивых выражений. Эти подходы позволяют рассматривать зоонимы как элементы языковой картины мира, значение которых формируется на пересечении языковой системы, коллективного опыта и культурных традиций.

Зоонимы занимают важное место в лексической и фразеологической системах языка. Первичное значение названия животного связано с обозначением определённого представителя животного мира, однако в процессе употребления слово может приобретать дополнительные смысловые оттенки [3]. Если особенности поведения животного регулярно используются для характеристики человека, между прямым значением слова и его переносным употреблением формируется устойчивая ассоциативная связь. В результате название животного начинает обозначать не только само животное, но и определённое человеческое качество, поведение или социальную роль.

Например, выражения «хитрый как лиса», «голодный как волк» и «работать как лошадь» основаны на переносе представлений о животных на человека. В первом случае актуализируется традиционная ассоциация лисы с хитростью, во втором – представление о сильном голоде, в третьем – образ лошади как животного, выполняющего тяжёлую работу. В каждом примере зооним становится средством образной характеристики, позволяющим передать смысл кратко и выразительно.

Символическое значение следует отличать от прямого лексического значения. Название «лиса» в своём основном значении обозначает животное, тогда как в характеристике «он настоящий лис» оно может выражать представление о хитром или изворотливом человеке. При этом переносное значение не обязательно закрепляется за словом во всех ситуациях: оно может возникать только в конкретном контексте. В устойчивых выражениях такая ассоциация закрепляется традицией и становится понятной носителям языка без дополнительного объяснения.

Символизация животных тесно связана с наблюдениями человека за природой. Быстрота, сила, повадки, способ добывания пищи, отношения с другими животными и роль в хозяйственной жизни становились источниками образных ассоциаций. Однако культура не просто воспроизводит объективные особенности животных, а отбирает и переосмысливает отдельные признаки. Одно и то же животное может выступать символом различных качеств, а его оценка может изменяться в зависимости от жанра, контекста и традиции.

Например, волк в некоторых выражениях представляет угрозу и агрессивность, тогда как в других культурных контекстах может восприниматься как символ независимости, выносливости или силы. Собака может быть символом преданности и дружбы, но одновременно использоваться в отрицательных сравнениях. Следовательно, символическое значение животного нельзя устанавливать только на основании его биологических характеристик. Необходимо учитывать конкретные языковые формы, в которых образ закреплён и воспроизводится [1].

Важнейшим механизмом формирования символического значения является метафорический перенос. В основе такого переноса лежит сопоставление человека с животным по определённому признаку. Если человеку приписываются хитрость лисы, сила льва или трудолюбие пчелы, происходит концептуальное соотнесение человеческого поведения с представлением о животном. При этом в языковом сознании актуализируется не весь комплекс свойств животного, а лишь тот признак, который необходим для конкретной характеристики.

Вторым механизмом выступает оценочная интерпретация. Названия животных нередко используются для выражения одобрения, восхищения, неодобрения, насмешки или оскорбления. Например, сравнение человека со львом может подчёркивать его смелость, тогда как сравнение с ослом в ряде языковых контекстов указывает на упрямство или недостаток сообразительности. Подобная оценка не является обязательной для каждого употребления соответствующего зоонима: её формируют устойчивое выражение, интонация и коммуникативная ситуация.

Третьим механизмом является культурная конвенционализация, то есть закрепление образного значения в коллективной языковой практике. Пословицы, поговорки и фразеологизмы сохраняют подобные значения и передают их следующим поколениям. Благодаря устойчивости выражений носители языка могут понимать символический смысл даже тогда, когда первоначальные исторические обстоятельства возникновения выражения уже не осознаются [4].

Пословицы особенно важны для исследования зоонимов, поскольку они выражают обобщённые представления о человеческом поведении и социальных отношениях. В пословице животное часто становится участником условной ситуации, которая служит моделью человеческой жизни. Действия животных интерпретируются как аналог поведения людей, а итог выражения содержит определённую оценку или жизненное наблюдение. При этом необходимо учитывать, что пословица не всегда представляет собой прямое описание национального характера: она свидетельствует о существовании определённого образа в языковой традиции, но не доказывает, что все носители культуры одинаково воспринимают соответствующее животное [2].

Сопоставление образа волка показывает, что культурная символика животных часто основана на универсальных наблюдениях за природой, но получает конкретное содержание через языковую традицию. Представление о хищнике как об источнике угрозы может возникать в разных культурах независимо друг от друга. Вместе с тем отношение к силе, независимости и коллективному поведению животных способно формировать дополнительные значения, которые необходимо исследовать на конкретном языковом материале.

Не менее значимым является образ лисы, которая во многих языках традиционно связывается с хитростью и изворотливостью. В английском языке слово *fox* может использоваться как характеристика хитрого человека, а выражение *as sly as a fox* обозначает человека, проявляющего особую ловкость или способность находить обходные пути. В русском языке распространено сравнение «хитрый как лиса», которое передаёт сходное значение. В узбекском языке лиса также может выступать в качестве образа хитрого и изворотливого персонажа в сказках и образных выражениях.

Символическое значение птицы, таким образом, может формироваться как на основании наблюдаемых свойств животного, так и в результате исторического закрепления определённого образа. Способность летать способствует ассоциациям со свободой, тогда как участие птицы в пословице может связывать её с предусмотрительностью и практической пользой. В конкретном выражении значение определяется не только названием животного, но и всей образной ситуацией.

Отдельное место в сопоставлении английской, русской и узбекской культур занимает образ верблюда. Его символическое значение особенно важно рассматривать

с учётом природных и хозяйственных условий, в которых это животное использовалось. В Центральной Азии верблюд исторически играл значимую роль в перевозке грузов, передвижении по засушливым территориям и хозяйственной жизни. Поэтому в узбекском культурном пространстве его образ связан с выносливостью, способностью переносить трудные условия и приспособленностью к определённой природной среде.

В английском и русском языках верблюд также известен как животное, способное переносить жару и длительное отсутствие воды, однако его роль в повседневной фразеологии и народных представлениях может отличаться от роли в культурах Центральной Азии. Различия в частотности употребления и характере образных ассоциаций связаны не только с языком, но и с историей хозяйственной деятельности, природными условиями и культурными контактами.

Вместе с тем было бы неправильно утверждать, что верблюд обладает исключительно положительным значением в узбекской культуре или что он не имеет символических функций в английской и русской традициях. Для подтверждения подобных утверждений необходим систематический анализ словарей, фразеологических источников и фольклорных текстов. В настоящем исследовании образ верблюда рассматривается прежде всего как пример культурно обусловленной значимости животного, которая может различаться в зависимости от исторического опыта языкового сообщества.

Сопоставление зоонимов в трёх языках позволяет выделить несколько общих принципов формирования символических значений. Во-первых, во всех рассматриваемых языках названия животных могут использоваться для характеристики человеческих качеств и моделей поведения. Во-вторых, метафорический перенос часто основывается на выделении отдельных особенностей животного, которые соотносятся с действиями или свойствами человека. В-третьих, пословицы и устойчивые выражения закрепляют определённые образы и передают их в качестве элемента коллективного языкового опыта [8].

С лингвокультурологической точки зрения зоонимы представляют интерес как языковые единицы, в которых соединяются предметное значение, образность и культурная оценка. Их анализ помогает выявить, какие свойства окружающего мира становятся значимыми для определённого языкового сообщества и каким образом эти свойства переносятся на человеческие отношения. Однако наличие определённого выражения не позволяет автоматически делать выводы обо всей культуре. Языковой материал отражает одну из форм культурного опыта, но не исчерпывает разнообразия индивидуальных и социальных представлений.

Таким образом, сравнительный анализ зоонимов требует комплексного подхода, сочетающего изучение словарных значений, устойчивых выражений, контекста и культурной информации. Только при таком подходе можно избежать упрощённых утверждений о том, что определённое животное во всех случаях имеет одно и то же символическое значение. Более точное описание предполагает выявление как общих ассоциативных моделей, так и различий в их языковом закреплении.

Список использованной литературы

1. Добровольский Д. О., Пиирайнен Э. *Figurative Language: Cross-Cultural and Cross-Linguistic Perspectives*. — Amsterdam: Elsevier, 2005.
2. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. — Chicago: University of Chicago Press, 1980.
3. Телия В. Н. *Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
4. Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. — М.: Прогресс, 1993.
5. Mirzayeva D. I., Uktamova A. I. Linguistic Analysis of Animal Symbols in Uzbek and English Languages // *Modern Science and Research*. — 2025. — Т. 2, № 5. — С. 1138–1144. — DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.15493767.
6. Safarova D. Image of Animals in Folk Proverbs and Phrases in English and Uzbek // *Academic Research in Modern Science*. — 2024. — С. 103–106. — DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.14054906.
7. Sirojiddinova D. Lexical-Semantical and Mental Features of English and Uzbek Proverbs with the Components «Zoonyms» // *Центральноазиатский журнал образования и инноваций*. — 2026. — Т. 5, № 2. — С. 31–35. — DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18494194.
8. Egamberdiyeva Y. B. Comparative Analysis of Zoonymic Units in English and Uzbek Proverbs and Sayings // *Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture*. — Т. 7, № 2. — DOI: https://doi.org/10.51699/cajlpc.v7i2.1459.
9. Bo‘riyev D. A. Paremiological Meanings Expressed Through Animal Names in the English and Uzbek Languages // *Research Focus International Scientific Journal*. — 2026. — Т. 4, № 12. — DOI: https://doi.org/10.66073/researchfocus.v4i12.1904.

6- SHU'BA

RUS VA JAHON ADABIYOTI MADANIYATLAR MULOQOTIDA РУССКАЯ И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР RUSSIAN AND WORLD LITERATURE IN THE DIALOGUE OF CULTURES

JAHON ADABIYOTI VA JADIDLAR BADIIY MEROSIDA INTERTEKSTUALLIK

G'aniyev Ilhom Muzaffarovich
filologiya fanlari doktori
Xalqaro Yassaviy mukofoti laureati
Qarshi, O'zbekiston

Annotatsiya. *Mazkur ilmiy-tahliliy maqola badiiy matnlararo uzviy bog'liqlikni va adabiy davomiylikni ta'minlovchi asosiy omil sanalgan intertekstuallik hodisasining tahliliga bag'ishlangan. Ishda bu hodisaning jadid adabiyoti namoyandalari ijodi misolida namoyon bo'lishi tadqiq etiladi. Maqolada Fitratning asosiy dramatik asari "Abulfayzxon" hamda Qodiriyning "O'tkan kunlar" va "Mehrobdan chayon" romanlari global adabiy jarayonning ayrim durdonalari ("Makbet", "Parma ibodatxonasi") bilan g'oyaviy, falsafiy va uslubiy jihatdan qiyosan o'rganiladi. Tahlil natijalari jadid adabiyotining dunyo adabiyoti konteksidagi o'rni va uning universal g'oyaviy mundarijasini ochib beradi.*

Kalit so'zlar: *intertekstuallik, drama, dramaturgiya, tragediya, madaniy xotira, adabiy aloqa, ramziylik, ko'p qatlamlilik, madaniy kontekst, ijtimoiy-falsafiy g'oya, qiyosiy tahlil, an'ana va yangilanish, psixologizm, matnlararo bog'liqlik.*

Аннотация. *Данная научно-аналитическая статья посвящена анализу явления интертекстуальности – ключевого фактора, обеспечивающего органичную связь между художественными текстами и литературную преемственность. В работе исследуется проявление этого феномена на примере творчества представителей джадидской литературы. В статье эталонные литературные образцы – основное драматическое произведение Фитрата ("Абульфайзхан") и романы Кадыри "Минувшие дни" и "Скорпион из алтаря" – сравниваются с некоторыми шедеврами мирового литературного процесса ("Макбет", "Пармская обитель") с точки зрения их идейной, философской и стилистической общности. Результаты анализа раскрывают место джадидской литературы в контексте мировой литературы и ее универсальное идейное содержание.*

Ключевые слова: *интертекстуальность, драма, драматургия, трагедия, культурная память, литературная связь, символизм, многослойность, культурный контекст, социально-философская идея, сравнительный анализ, традиция и обновление, психологизм, межтекстовая связь.*

Abctract. *This scientific and analytical article is dedicated to the analysis of the phenomenon of intertextuality, which is considered the key factor ensuring the organic connection between literary texts and literary continuity. The work investigates the manifestation of this phenomenon using the example of the creative works of the representatives of Jadid literature. In the article, canonical literary examples – Fitrat's main dramatic work ("Abulfayzkhon") and Qodiriy's novels "O‘tkan kunlar" (Days Gone By) and "Mehrobdan chayon" (The Scorpion from the Altar) – are comparatively studied with certain masterpieces of the global literary process ("Macbeth", "The Charterhouse of Parma") in terms of their ideological, philosophical, and stylistic aspects. The results of the analysis reveal the place of Jadid literature within the context of world literature and its universal conceptual content.*

Keywords: *intertextuality, drama, dramaturgy, tragedy, cultural memory, literary connection, symbolism, multilayeredness, cultural context, socio-philosophical idea, comparative analysis, tradition and renewal, psychologism, intertextual relationship.*

Kirish. Badiiy ijod namunalarining matnlararo uzviy bog’liqligini va aynan matniy harakatini ifodalovchi intertekstuallik hodisasi turli yozma manbalar, asotirlar, ilohiy kitoblar hamda shu kabi boshqa xil madaniy meros ko’rinishlaridan iqtiboslar keltirilishi, ularga bevosita yoki bilvosita ishoralar qilinishi bilan xarakterlanadi. Qayd etish lozimki, bu hol tegishli asar matnini chandon boyitib, uning mazmun-mohiyatini teranroq anglash uchun baland saviyadagi ilmiy salohiyatga ega bo’lishni taqozo etadi. Umuman olganda, intertekstuallik muayyan kitobning qaysidir o’rinlarida o’zga ijod namunalariga, chunonchi, yozma badiiy asarlarga, tarixiy voqealarga, turli mif, afsona va rivoyatlarga murojaat bo’lganida matnlar o’rtasida vujudga keladigan uzviy hamda tizimli bog’liqlikdir.

Masalaga atroflicha diqqat kirishsak, turli rakurslardagi o’ziga xos qarama-qarshi jihatlar uyg’unligini ta’minlash zarurati san’at asari va matnlar orasidagi intertekstual voqelikka kompleks (murakkab) yondashuvni taqozo etishini sezamiz. Tabiiyki, bunda intellektual va ijtimoiy zarurat, bir qobiqqa, turg’un pozitsiya hamda mahdudona qarashlarga bog’lanib qolmaslik mas’uliyati, xususan, ushbu kichik tadqiqotimizda ko’zda tutilganidek, etalon maqomidagi jadid ma’rifatparvarlarimiz merosini tor mental doirada emas, balki dunyo adabiyoti konteksida o’rganish ehtiyoji doimiy kun tartibida turibdi.

Jahon adabiyotshunosligidagi umumiy konsensusga ko’ra, aynan so’z san’atida voqelanuvchi intertekstuallik madaniy xotira, mazmundorlik va adabiy aloqadorlik kabi muhim omillarning o’zaro sintezi sanaladi. Muayyan ijod namunasida dong’i chiqqan o’zga asar hamda ko’hna manbalarga ishoralar (alluziya, talmeh, parodiya va hokazo) bo’lishi, eski matn yangicha kontekst va ma’no kasb etib, turli davr hamda muhitlarning ijodkorlari ramziy ma’noda bir-birlari bilan “suhbatdosh” bo’lishlari mazkur adabiy-estetik hodisa uchun xarakterli jihatlardir. Biz ushbu ishimizda jadidchilik harakatining Abdurauf Fitrat va Abdulla Qodiriy kabi namoyandalari qalamiga mansub sara asarlarda mavjud intertekstual xususiyatlarni dunyo so’z san’atining ayrim durdonalariga qiyosan yoritishga harakat qildik.

Asosiy qism. O’tgan asr boshlarida Turkiston xalqlari ozodligi va taraqqiyoti bayroqdorlari sifatida ijtimoiy-siyosiy, madaniy-ma’naviy hamda adabiy hayotimizda maydonga chiqqan jadid ijodkorlarining o’lmas asarlaridagi yangilanish tamoyillari, ilm-ma’rifatga, o’zlikni tanishga da’vat, asriy jaholatdan qutulish istagi tirik nafas, uyg’oq ruh

o’laroq bugun ham ustuvor. Masalaga sof badiiy-estetik jihatdan yondashsak ham, gumanistik va axloqiy tomondan qarasak ham, aynan Behbudiy, Munavvar qori, Avloniy, Fitrat, Qodiriy, Cho’lpon, Usmon Nosir va shu kabi boshqa qator munavvar shaxslarning fidokorona faoliyati bugungi serqirra, qizg’in adabiy jarayon uchun tamal toshini qo’yganini anglaymiz. Bu muhim omildan tashqari boshqa bir faktorga ham diqqat qaratsak: aynan jadid ijodkorlarimiz shoir, nosir (ilk romannavis), dastlabki dramaturg, tarjimon, publisist va munaqqid sifatida milliy an’anaviy muhitni jahon ilg’or adabiyoti bilan bevosita bog’lab, tamoman yangi bosqich hamda davrga olib kirganlar. Ayon haqiqat shuki, ular shu yo’sin o’z asarlari bilan so’z san’atimizni badiiy-falsafiy g’oya, voqelikka munosabat, poetik tasvir usullari, janriy kriteriylar jihatidan hozirgacha barqaror global adabiy jarayonning tarkibiy qismiga aylantirdilar.

Hozirgina ta’kidlaganimiz ikki muhim omil, ayniqsa, jadid adabiyotining jahon ilg’or so’z san’ati sintezi o’laroq adabiyotimiz tarixi va ma’naviy hayotimizdagi beqiyos o’rni ko’plab masalalar qatori intertekstuallik konteksida ham yaqqol seziladi. Xususan, ilk o’zbek tragediyanavisi Abdurauf Fitrat (1886-1938) ning ijtimoiy-falsafiy ruh, tragik pafos, azaliy va abadiy muammolar tadqiqi jihatidan buyuk Shekspir dramaturgiyasiga hamohang ijodi fikrimiz dalilidir.

Xo’sh, jadid dramaturgi tanlagan hayotiy materiallar, chunonchi, “Abulfayzxon” tragediyasiga syujet asosi bo’lgan qonli tarixiy voqeliklar, “Chin sevish”da tasvirlangan o’zga el hayoti manzaralari, “Shaytonning Tangriga isyoni”da gavdalangan ilohiy motiv va sharqona asotirlar, qisqacha aytganda, bunday intertekstual omillar zamirida qanday haqiqatlar yotibdi?! Ular aynan qanday badiiy va ijtimoiy maqsadlar yo’lida boshlang’ich matn yoki birlamchi manba vazifasini o’tagan?! Millat fidoyisining adabiy faoliyati bu boradagi aynan qanday kriteriy hamda ko’rinishlarga ko’ra “Hamlet”, “Qirol Lir”, “Makbet”, “Romeo va Julyetta”, “Otello” singari javohirlar muallifi sanalgan daho merosiga tutash?!

Shu o’rinda quyidagi aksiomani ta’kidlasak: istibdod va zulmga, ma’naviy va ta’limiy qoloqlikka qarshi kurash, ma’rifatparvarlik, islohotchilik, ilg’or yurtlar (asosan Yevropa) taraqqiyotining progressiv jihatlaridan mazlum Turkiston xalqlari hayotini o’nglashda foydalanish bilan bog’liq maslaklar jadidizm tamoyillarining yadrosini tashkil etadi. Fitrat butun adabiy, ilmiy, siyosiy, ijtimoiy, madaniy, publisistik faoliyatida bo’lganidek dramaturgiyada ham mazkur tamoyillarga qat’iy ergashgan. Buning uchun esa u xuddi Shekspir kabi asosan tarixiy voqealarga, diniy va mifologik motivlarga tayangan holda o’zining yaxlit tizim ko’rinishidagi taraqqiyparvar, nekbin va universal g’oyalarini ilgari surgan. Boshqacha aytganda, jadid dramaturgi murakkab zamonasi-yu talato’pli jamiyati voqeligini to’g’ridan-to’g’ri yoki ochiqdan-ochiq aks ettirmay, o’z asarlari mavzu-mundarijasini, tafsilot va personajlarini moziy qatidan hamda g’ayb olamidan olgan. Tabiiyki, bu hol “Abulfayzxon”, “Vose’ qo’zg’oloni”, “Arslon”, “Shaytonning tangriga isyoni” singari dramatik ijod namunalarida ko’p qatlamli, murakkab uslubli va hatto kinoyaomuz ramziylikka zamin hozirlagan. O’z navbatida, Antik davrning ayrim mif va tarixiy asarlari, ayniqsa, O’rta asrlar Yevropasining turli hududlarida yuz bergan siyosiy-ijtimoiy qasirg’alar tafsilotlari, ular haqidagi qator xronikalardan yuksak darajada foydalanish salohiyati ingliz dramaturgiga jahoniy shuhrat keltirgani dunyo adabiyoti ixlosmandlariga yaxshi ma’lum. Bu o’rinda Plutarxning “Qiyosiy hayotnomalar”, Sakson Grammatikning “Daniyaliklarning qahramonliklari”, monmutlik Jefrining “Britaniya qirollari tarixi”, “Holinshed yilnomalari”

singari tarixiy asarlari angliyalik sohir qalam sohibiga bergan cheksiz ilhom haqida gap boryapti. Shekspirona hamda fitratona intertekstual yondashuv deya avvalo yuqorida eslatilgan jihatlarni baholash mumkin.

Dastlab "Makbet" hamda "Abulfayzxon" tragediyalari o'rtasidagi matnlararo mushtaraklik masalasiga to'xtalsak. Bu g'oyaviy-falsafiy yondashuv va qahramonlar psixologiyasini ochib berish usullarida yaqqol ko'rinadi. Har ikki drama "yovuzlik orqasida tiklangan hokimiyatning inqirozi tarixiy zaruratdir" qabilidagi dunyoqarash asosida yozilgan. Makbet ham, Abulfayzxon ham turli aldov, fitna, hiyla-nayrang va qirg'inlar bilan taxtni egallashgan. Shu sabab bu manfiy personajlar mudom shubha va qo'rquv ostida yashab, o'z lashkarboshilari, saroy a'yonlari, hatto yaqinlarining boshiga yetishadi. Eslatish joizki, Makbet shotland qiroli Dunkanni o'ldirib, bu qotillikni hukmdorning ikki eshikboniga to'nkaydi. O'z qilmishini yashirish uchun ularning qo'liga sovuq qurol tutqazib, ikkalasini ham burdalaydi. Shu tariqa bir qotillik ketidan galdagi qotilliklar yuz beraveradi. So'ng Makbet Shotlandiya taxtini egallagach, o'z qilmishlarini o'ylab, qo'rquv va sarosimaga tushadi. Ich-ichini vahima, ishtiboh hamda g'ulg'ula yemirib, lashkarboshi Bankoni ham o'ldirtiradi. Ketma-ket qatllar bilan ham uning yuragi tinchimaydi. Ertami-kechmi jinoyatlariga yarasha jazo muqarrarligini o'ylab, "*Omonatdur boshimdagi toj*" deydi.

Taassufki, bunday dahshatli fojialar Fitratning ulug' safdoshi Qodiriy ta'biricha, "tariximizning eng kirlik, qora kunlari" Buxoro xonligida ham yuz bergan. Britaniya va Turkistonning mudhish kechmishini o'zaro qiyoslar ekanmiz, saroy ichida yuz bergan turli fitnalar, aldov, zo'rlik, qirg'inbarot alaloqibat o'sha muhitni kunpayakun qilishiga takror va takror amin bo'lamiz. Xususan, xonlik taxtiga o'tirgach, Abulfayzxon ham xuddi shotlandiyalik "hamtovog'"i kabi "Bu butun janjallarni o'lim bitiradi" degan tutumga ko'ra ish tutib, hunrezlikka mukkasidan ketadi. Oqibatda Buxoro o'lkasi siyosiy-iqtisodiy inqirozga yuz tutib, Nodirshohga tobe yurtga aylanadi. Aysh-ishratga berilgan irodasiz, qat'iyatsiz xon mamlakatni halokatdan qutqarishga qodir emas. U Farhod otaliq va Ibrohim inoqlarning haq so'zlaridan, tanbehlaridan zarracha xulosa qilmay, "otasi asrab olgan o'zining sodiq qullari" Ulfat hamda Davlatning qo'lida qo'g'irchoqqa aylangan.

Tabiiyki, hokimiyat vasvasasida qon ustiga qon to'kib, ta'qib ustiga ta'qibni kuchaytirib, elga haddan ortiq jabr-zulm qilgan bu ikki yovuzlik timsoli o'z-o'zidan shunday bo'lib qolishgani yo'q: Shekspir Makbetning qotilga aylanish jarayonida ledi Makbetning yovuzlikka undovchi ta'sirini yoritgani holda Fitrat tragediyasida Abulfayzxon vujudidagi vijdonning so'nggi sasini uning o'ng "qo'l"i Ulfat o'chiradi.

Ledi Makbet eriga uning "mardonavorligi"ni pesh qilsa, Ulfat Abulfayzxonni "xoqonimiz" deya ko'kka ko'tarib, qatag'onga undayveradi: "*Podshohliq qon bilan sug'orilaturg'an bir og'ochdir. Qon oqib turmag'an yerda bu og'ochning qurub qolishi aniqdir*". [7. 183.]

E'tiborlisi, ikki salbiy personajning iztiroblari, vijdoniy azoblari ham bir-biriga yaqin tarzda tasvirlanadi. Makbet o'z o'rindig'ida Bankoning arvohini ko'rib, "*Qoning qotgan, iliging puch suyaklaringda, Menga kiprik qoqmay boqqan ko'zlaring – basir*" [9. 232.] deya talvasaga tushadi. Fitrat tragediyasida esa bunga yovuq holat Abulfayzxonning tushida ifodalangan. Qonxo'r mustabidning qurbonlari – akasi, Farhod otaliqning boshi, bir mazluma ko'rinib, uch sharpa unga hujum qiladi. Shunda xon jon holatda uyg'onib ketadi. U vijdon azobiga uchrab, ruhiy iztirobga g'arq bo'ladi. Gunohlarini eslab, "uff..." deya og'ir tin

olarkan, o’z qilmishlaridan eziladi. Xon vijdon oldida ayni shunday ma’naviy jazoga mahkum edi. Tarixan Abulfayzxonning qatllari oz emas, naq o’ttiz yetti yil (1711-1747-yillar mobaynida) davom etganini eslasak, muallif tarixiy haqiqatni ustalik bilan badiiy haqiqatga aylantira olganini anglaymiz.

Umuman, Makbet “*Qasos va intiqom biz o’zimiz quygan zahar to’la kosani o’zimizga tutar*” deya o’z qotilliklari tufayli bir umr ruhiy azob tortishga mahkum ekanligini tan oladi. Abulfayzxon ham shunga monand “*Bunlar u dunyoda ham menga qarshi birlashganga o’xshaylar, meni tinch qo’ymaylar, chog’i*” deya o’z qilmishlariga iqror bo’ladi. Bu misolga ham bilvosita intertekstual yondashuv namunasi sifatida qarash mumkin.

Endi bo’lsa “*... butun insoniyat tomonidan toj kiygizilgan va na undan oldin, na undan keyin raqibi bo‘lmagan dramatik shoirlar shohining nurli tojidagi eng porloq olmosdir*” [3. 12.] deya buyuk munaqqid Vissarion Belinskiy tomonidan g’oyat yuksak baholangan tragediyaga diqqat qaratamiz.

Klavdiy Hamletning otasini – o’ziga tug’ishgan akasi bo’lmish qirolni o’ldirib, Daniya taxtini egallagan. Boz ustiga, qotil o’sha fojiadan ko’p o’tmay marhumning bevasi (ya’ni Hamletning onasi)ga uylanib olgan. Hamlet bu voqealar zamirida “allaqanday sir” borligini dargumon qiladi. Otasining arvohi unga bor haqiqatni, ya’ni otasi amakisi tomonidan o’ldirilganligini aytgach, shahzoda arvohining so’zlariga ishonqiramay, avvaliga “Bu balki iblisdir” degan shubhaga boradi. Aktyorlardan otasining o’limi voqeasini ijro etishlarini so’rab, o’z amakisini – Daniyaning yangi qiroli Klavdiyni zimdan kuzatgach, ota arvohining so’zlari rost ekanligiga qat’iy amin bo’ladi. Shunda bu mudhish haqiqatlardan dahshatga tushgan sofdil, pok vijdonli yigit “*Daniya – zindon”* deya nolavor hayqiradi...

Shu yo’sin Hamlet iztirob iskanjasida tentib yurarkan, uning ko’ziga bot-bot qotil amakisi Klavdiy ham, mamlakat taxti ham “go’sht to’rvasi” bo’lib ko’rinadi, Mulozim Marsel tili bilan aytganda, “*Daniya davlatida qandaydir chirish bor*”.

Shu o’rinda pyesa tafsilotlarini to’xtatib, bevosita qiyosiy tahlilga o’tamiz: Hamletning arvoh bilan kechadigan muloqot-dialogi “Abulfayzxon”dagi Xayol va Rahim biy munozarasini eslataadi. Daniyalik qahramon arvohning haq so’zlarini eshitib, gumonlardan xalos bo’lgani holda Xayol Abulfayzxonning o’n besh yashar o’g’li Abdulmo’minni o’ldirib, taxtni egallagan Rahimbiyning basharasiga bor g’azab va nafratini to’kib soladi. Fojialardagi bu epizodlar har ikki ijodkorning chirkin feodal jamiyat hamda manfur hokimi mutlaqlarning kirdikorlariga qaratilgan aybnoma (protest)dir. Shu tariqa tragediyalarda istibdod mafkurasi, tutumi va shafqatsiz jinoyatlari bilan umuminsoniy, gumanistik qarashlar o’rtasidagi qarama-qarshilik san’atkorona ochib berilgan.

Qadimgi Daniya voqeligida sobiq qirol arvohining ogohnomasi (“*Endi Hamlet, quloq sol, gap tarqaldiki, Go’yo meni bog’chada uxlaganimda Ilon chaqib o’ldirgan. Daniya ahli Bu soxta afsonaga aldanib ketdi. Endi bilgin, ey mening oliyzot o’g’lim, Ilon – otang qotili, – bugun bemalol – Uning tojin kiyibdir... Sen o’zingni otangga o’g’il deb bilsang, Daniya shohlarining yotoqxonasi O’ynashlarga bo’lmasin bir ishratxona*” [8. 48.]) bir шахсга каратилган. Turkiston tuprog’ida Xayol aytadigan achchiq va keskin haqiqat esa yanada fojeiy ijtimoiy voqea darajasiga ko’tarilib, umumbashariy mohiyat kasb etgan:

“*Ey qora kuch, ey qurib ketgur taxt! Hech gunohi bo’lmagan bolalardan, tog’ kabi yigitlardan milyonchalari sen uchun qurbon bo’lib ketarlar. Insonlar tomonidan yaratilg’on minglarcha tangrining – eng buzuqboshi, eng shumi! Ey, qop-qora saodat sensan. Ostingda*

qolg'onlarni ezgusi bir falokat yuki bo'lg'oning kabi, ustingga chiqqonlarning borliqlarini yondirguvchi bir olov tepasidirsan!"

Katta ehtimol bilan Fitrat teran falsafiy-ijtimoiy mazmun yuklagan Xayol timsolini yaratishda "Hamlet"dagi Arvoh obrazidan ta'sirlangan. Albatta, Yevropa Uyg'onish davri hamda Turkiston jadid dramaturgiyasi darg'alari ijodidagi shu singari egiz va intertekstual xususiyatlarga bejiz to'xtalganimiz yo'q. Zamirida intertekstuallik omili yotgan yangi davr, yangi ijtimoiy kontekst Shekspir hamda Fitrat asarlaridagi dardli so'roqlarga javob, azaliy muammolarga yechim izlaydi. Dramaning adabiy matn o'laroq qudrati shundaki, u yillar davomida qayta-qayta o'qilib, har bir jamiyat tafakkurida, har bir shaxs shuurida yangicha ma'no-mazmun kasb etadi. Shu yo'sin insoniyatning fojeiy ko'rguliklari badiiyat ko'zgusida gavdalanadi. Tabiiyki, Shekspir darajasidagi daholarni to'la anglash ular davridan mutlaqo farqli yangi madaniy, ijtimoiy va intellektual kontekstni taqozo qiladi. Intertekstual omil ayni shu chog'da yaqqol namoyon bo'ladi. Modomiki, bir necha asrlik eski matnni har safar yangi o'quvchi o'qib, o'z bilimi, tajribasi va madaniy saviyasi asosida anglar ekan, asar zamiridagi yashirin jihatlar kashf bo'laveradi.

Endi esa dramaturgiya dunyosidan ikki romanchilik maktabiga o'tamiz. Matnlar o'rtasidagi uzviylik omili buyuk adiblar – fransuz Stendal (Mari-Anri Beyl) hamda vatandoshimiz Abdulla Qodiriy ijodini ham o'zaro tutashtirgan. Ularning asosiy asarlari yaratilgan davriy oraliq bir asrga yaqin (XIX asrning dastlabki yarmi va XX asrning ilk choragi). Jo'g'rofiy makonlari esa bir-biridan sezilarli darajada olisda – Shimoliy Italiya hamda Turkiston. Shunga qaramay, ikkala romannavisning ijod javharida o'zaro mushtarak holda inson qadri (qadrsizligi), erki (erksizligi) motivlarini, sira adog'i yo'q ijtimoiy fojialarni ko'rish, tuyish, anglash mumkin. Shu muhim qirra umumiylik – matnlar orasidagi g'oyaviy, falsafiy va uslubiy muloqotni yuzaga keltirgan. Xususan, Stendalning "Parma ibodatxonasi" (1839) va Qodiriyning "O'tkan kunlar" (1926) romanlarini bog'lovchi intertekstual rishta avvalo mustabid hokimiyatga xos zulm mashinasi hamda uning g'oyat tuban fitna mexanizmini ochib bergani bois hamohangdir.

Stendal gertsoginya Sanseverina tilidan mo'jaz Parma davlati saroyidagi fitna-fujurni qimorbozlar o'yiniga o'xshatadi: "*Saroy juda bema'ni, lekin alomat joy... U yer xuddi qiziq qarta o'yiniga o'xshaydi. Lekin bu o'yinning ham o'z qonun-qoidalari bor*" [6. 99.].

Ha, bunda asosiy qoida haqiqat va vijdon emas, balki fitna san'ati!

O'zbek romanchiligining to'ng'ich namunasida esa bu azaliy baloning sharqona ko'rinishi Yusufbek hojining o'g'li Otabekka aytgan xitobida ifoda topgan: "*Siyosat to'g'rilarida o'ylanibroq so'zla! Arzimagan sabablar bilan talaf (nobud) bo'lgan jonlarni hamisha ko'z oldingda tut!*" [11. 59-60.]

Har ikki romanda fitnakorlik manbayi bir: hasad va shuhratparastlik. Stendal aytganidek, "*Hasadning esa, ko'p jihatdan, xuddi muhabbat kabi ko'zi ko'r bo'ladi*". Ayni shu so'qir hasad illati Fabritsioni o'z akasi Askanio politsiyaga chaqib berishga, "O'tkan kunlar" va "Mehrobdan chayon"da esa Homid hamda mulla Abdurahmonlarni, shuningdek, qipchoq elatiga tish qayragan irqchi yirtqichlarni fitnaga boshlaydi. Shu o'rinda yaqqol sezilayotgan intertekstuallik bizga ochib berayotgan shafqatsiz haqiqat shuki, mentaliteti, yashash tarzi, e'tiqodi, dunyoqarashi batamom o'zgacha bo'lgan ikki jamiyat, ikki mamlakat hamda ikki tuzumda ham tubanlikning mohiyati o'zgarmas ekan!

Kezi kelganda, hokimiyat va vijdon masalasi ham graf Moska va Yusufbek hoji, ma'lum darajada, Sultonalining iztiroblari shamoyilida kun tartibiga chiqadi. Fitna muhitida yashab, "umumiy qozonda qaynashsa-da", o'z diyonat va vijdonlarini saqlab qolishga tirishgan bu ongli kishilar qismatidagi o'xshashlik intertekstual tahlil jarayonida ko'zga tashlanadi.

Hokimiyat iyerarxiyasida muayyan kuch, mavqe hamda ta'sirga ega ekaniga qaramay, parmalik graf "*Bu quvnoqlikdan deyarli mustabid hokimiyat va qahr-g'azab hidi kelmaydimi axir?*" deya iztirob chekadi. Shunda biz, kitobxon rolidagi kishilar ham xuddi u kabi battol va munofiq tuzumning qahhor hamda aldamchi uqubatini his qilamiz.

O'z navbatida, Moskaning o'zbek qismatdoshi Yusufbek hoji bunday hol haqida quyidagicha haqqoniy xulosaga keladi: "*Bizning xalqning holiga yig'lashni ham bilmaysan, kulishni ham!.. Fuqaroning yana qanday ko'rguliklari bor ekan, o'g'lim!*" [11. 59.]

Tom ma'noda ota maqomidagi har ikki personaj o'z zamonalarining siyosiy, ijtimoiy va axloqiy tanazzulini allaqachon anglab yetishgan. Italyan grafi "Bizning saroyimizdagi axloqsizliklar oldida bunisi hech gap emas. Mustabid hokimiyatning shunisi qulayki, u xalqlarning ko'z oldida istagan narsani tabarruk qilib beradi" degan achchiq haqiqatlariga javoban hazrat Qodiriy XIX asr voqeligida azim Turkiston madrasalari va mehroblarini qamrab olgan axloqsiz kimsalar hamda "chayon"larning badkirdorligidan yozg'irgandek go'yo!

Qolaversa, fitna, riyo, jaholat va umuman, jamiki axloqsizlik e'tiqod vositasida niqoblangani haqqoniy va realistik yo'sinda ochib berilgan "Mehrobdan chayon" romanida hukmdor Xudoyorxon hukmi ostida "birinchi istinodgoh bo'lg'an ulamolar"ning ichki-tashqi ahvoli, axloqi, madrasa va oila hayotidagi iflosgarchiliklari ro'yi-rost ko'rsatilgan. Stendal ta'biri bilan aytganda, razolatni "tabarruk qilib berish"ning mashriqzamin o'tmishidagi mudhish in'ikosi ham ayni shu!

Stendal va Qodiriy ijodidagi intertekstual rishta syujetdagi ayrim kichik unsur va detallarda ham ko'rinadi. Ayniqsa, maktub detali bu borada salmoqli ahamiyatga ega. Parma shahrining qo'rqoq va olchoq diktatori – shahzoda Ernesto IV o'zi yoqtirmaydigan graf Moskaga sitam yetkazish uchun fitna xatini yozadi. Bunga juda o'xshash voqea "O'tkan kunlar" romanida ham yuz beradi: badnafs, hasadgo'y, palid Homid g'araz va fitna orqasida Otabek nomidan Kumushga soxta xat yo'llaydi. Ikkala holatda ham badkirdorlar maqsadi bir xil: o'z dushmani qalbini jarohatlash hamda shaxsiy tuban manfaat yo'lida hech narsadan, chunonchi fitna va pravokatsiyadan ham tap-tortmaslik.

Faqat bundagi tavofut shundaki, graf Moska fitna xatini o'qiboq shahzodaning yozish uslubini tanib, og'ir-bosiqligi, mulohazakor va omilkorligi bois undan ma'nan yuqori ekanini isbotlaydi. Qodiriy qahramonlari esa jahl va ruhiy zarba tufayli ehtirosga berilib, o'sha xat soxta ekanini anglashmaydi. Bu hol fojiaga olib keladi – Kumushga uylanayotgan bir bechora yigit behudaga o'lib ketadi. Ustiga-ustak, Otabek epchillik qilmaganida, sohibjamol yorining nomusi toptalgan bo'lardi.

Maktub faktoridan kelib chiquvchi asosiy xulosa shuki, mustabid hokimiyatning fitna quroli o'laroq G'arbda ham, Sharqda ham aynan yolg'on ovoza, chalg'ituvchi so'z, provokatsion da'vatlar ko'plarning boshiga yetgan, yangi-yangi g'avg'olarni boshlagan. Bunga bashariyatning to bugunga qadar necha ming yillik kechmishi guvoh!

Masalaning yana bir o'ziga xos qirrasi shuki, farang va o'zbek ijodkorlari personajlarning ma'naviy tanazzulini, ayniqsa, yuqori tabaqa vakillari shuuridagi ruhiy bo'shliqni mohirona tasvirlaganlar. Deylik, Stendal dahosi navqiron Fabritsioning haqqoniy mushohadalari orqali aslzodalarning badbin muhitiga ko'zgu tutadi: "*Kiborlar jamiyatida esa biz buning aksini ko'ramiz, – deya o'ylardi Fabritsio, – unda hozir hamma nazokatli qilib gapirishni biladi, biroq odamlarning dili bo'm-bo'sh*". Ommaviy tus olgan bunday ruhiy xastalik xuddi malika Klara-Paolina baxtiqaro bo'lgani kabi saroy ahli shaxsiy baxtga erisha olmasligining bosh sababidir.

E'tiborlisi, Qodiriy romanlarida huvillagan qalblar fojiasi yanada mudhish manzara kasb etgan: "Mehrobdan chayon"dagi Xudoyorxon, mulla Abdurahmon, Shahodat munshiy kabi personajlar qismati ana shunday ruhiy bo'shliq va axloqiy yemirilishning yaqqol ko'rinishidir. Chunonchi, sohibjamol Ra'noga va o'z orzusidagi amalga erisha olmay, mirzo Anvarga qasdlashgan hasad bandasi yoshligida Buxoroda "*boshiga kokil kiyib, o'n olti yashar qiz suratiga kirishi*", va keyinchalik Qo'qon hukmdorining bosh munshiyiga aylanishi "qalbi bo'm-bo'sh" kimsadan yuqori martabadagi bir zahar-zaqqum chayonga evrilish jarayonidan iborat.

Stendal va Qodiriy romanlardagi intertekstual xususiyatlardan yana biri zulmda chegara bilmagan totalitar rejim insonning hurlikka moyil isyonkor qalbi va sof muhabbati oldida ojiz ekanini tasvirlashda ko'rinadi. Buyuk farang romannavisi shahzodaning taassufini shunday bayon etadi: "*Ha, qadrdon do'stim, bir narsani tan olmog'imiz kerak: Bizga nazokatli muhabbat baxsh etadigan ninhona baxt oldida nafsi qondirilgan shuhratparastlik gashti va hatto cheklanmagan hokimiyat ham hech gap bo'lmay qolar ekan*".

Bu monarx o'z hududi miqyosida yetarlicha qudratga ega bo'lsa-da, gersoginya Sanseverinaning sevgisini qozona olmaydi. Bunday an'anaviy intriga "Mehrobdan chayon"da haddi a'losiga chiqqan: Xudoyorxonning Ra'noga bo'lgan nisbatan hayvoniy ehtirosi qizning Anvarga nisbatan samimiy, beg'ubor muhabbati qarshisida dosh berolmaydi (Shu o'rinda romanning "Jasur qiz", "Xayr endi, Ra'no!" kabi boblarini eslash joiz). Asar muqaddimasida "*mamlakat xotin-qizlarini istagancha tasarruf etishi, bunga qarshi kelguchilar tilasa kim bo'lmasin, rahmsiz jazo berishi – romanning mavzu'idir*" [10. 2.] deya ta'kidlangani holda Ra'no sevgilisi Anvar va uning do'st-birodarlari ko'rsatgan jasorat bois tom ma'noda ajdaho domidan qochib qutuladi.

Umuman, "Parma ibodatxonasi" va ikki o'zbek romanini shu yo'sin matnlararo uzviylikda o'zaro chog'ishtirar ekanmiz, Stendal va Qodiriyning betakror asarlari bir-biriga "ko'zgu" tutgandek tuyiladi nazarimizda.

Foydalanilgan adabiyotlar ro'yxati

1. Allen, Graham. (2000). Intertextuality (The New Critical Idiom). London, New York: Routledge. 208 p.

2. Genette, Gerard. (1997). Palimpsests: Literature in the Second Degree (Ch. Newman, A. Nettelbeck, Tarj.). Lincoln, Nebraska: University of Nebraska Press. 450 p.

3. Белинский В. Гамлет, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета // Полное собрание сочинений. В 13 т. / Ред. Ф. М. Головенченко. – Москва: Издательство АН СССР, 1953. – Т.2. – С.12-15.

4. Белинский В. Танланган асарлар: рус тилидан таржима. – Т.: Ўздавнашр, 1955. – Б.220.
5. Гулямова Д. Драматургия Шекспира на узбекском языке. Автореферат кан.филол.н.Ташкент, 1971. – 24 С.
6. Стендаль. Парма ибодатхонаси. – Т., Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1985 йил. –
7. Фитрат Абдурауф. Танланган асарлар. 1-жилд. – Т.: “Маънавият”, 2000. – Б.256.
8. Шекспир В. Танланган асарлар. 5 жилдлик. 3-жилд. – Т.: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1983. – Б.640.
9. Шекспир В. Танланган асарлар. 5 жилдлик. 4-жилд. – Т.: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1985. – Б.520.
10. Қодирий Абдулла. Меҳробдан чаён. – Т.: “Ўқитувчи”, 1978. – Б.244.
11. Қодирий Абдулла. Ўткан кунлар. Т.: “Info Capital Group”, 2017. – Б.488.
12. Қосимов Б. Миллий уйғониш: жасорат, маърифат, фидойилик. – Т.: “Маънавият”, 2002. – Б.400.
13. Ғаниев И. Фитратнинг трагедия яратиш маҳорати. – Т.: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1994. – Б.145.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ ДОБРА И ЗЛА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Раззокулова Азиза Курбонмурод кизи
магистрант
Шахрисабзский государственный педагогический институт
Шахрисябз, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические основы изучения категорий добра и зла в русской литературе, раскрываются философские, этические и эстетические аспекты их художественного воплощения. Особое внимание уделяется взаимодействию нравственного выбора, внутреннего конфликта личности и авторского понимания человеческой природы. На материале произведений А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого анализируются основные способы художественного осмысления добра и зла, их связь с проблемами свободы, ответственности, совести, сострадания и духовного преображения. Обосновывается положение о том, что в русской литературе добро и зло выступают не только как противоположные нравственные категории, но и как важнейшие принципы организации художественного конфликта, психологического анализа и философского содержания произведения. Делается вывод о значимости комплексного подхода к изучению данных категорий, предполагающего сочетание литературоведческого, философского, этического и историко-культурного методов исследования.*

Ключевые слова: *добро, зло, русская литература, нравственный выбор, этика, совесть, свобода личности, духовность, художественный конфликт, нравственная ответственность.*

Annotatsiya. *Maqolada rus adabiyotida ezgulik va yovuzlik kategoriyalarini o‘rganishning nazariy asoslari, ularning falsafiy, axloqiy va estetik jihatlari tahlil qilinadi. Insonning axloqiy tanlovi, ichki ziddiyatlari va yozuvchining inson tabiatiga munosabati masalalariga alohida e’tibor qaratiladi. A. S. Pushkin, F. M. Dostoyevskiy va L. N. Tolstoy asarlari misolida ezgulik va yovuzlikning badiiy talqini, ularning erkinlik, mas’uliyat, vijdon, rahm-shafqat va ma’naviy o‘zgarish bilan aloqasi yoritiladi. Rus adabiyotida mazkur tushunchalar nafaqat qarama-qarshi axloqiy kategoriyalar, balki badiiy ziddiyat, psixologik tahlil va falsafiy mazmunni shakllantiruvchi muhim omillar ekanligi asoslanadi. Ushbu hodisalarni o‘rganishda adabiyotshunoslik, falsafa, etika va tarixiy-madaniy tahlil usullarini birlashtiruvchi kompleks yondashuvning ahamiyati ta’kidlanadi.*

Kalit so‘zlar: *ezgulik, yovuzlik, rus adabiyoti, axloqiy tanlov, etika, vijdon, shaxs erkinligi, ma’naviyat, badiiy ziddiyat, axloqiy mas’uliyat.*

Abstract. *The article examines the theoretical foundations for studying good and evil in Russian literature, focusing on their philosophical, ethical, and aesthetic dimensions. Particular attention is given to moral choice, the inner conflicts of individuals, and literary interpretations of human nature. Drawing on selected works by Alexander Pushkin, Fyodor Dostoevsky, and Leo Tolstoy, the study explores the artistic representation of good and evil and their relationship to freedom, responsibility, conscience, compassion, and spiritual transformation. It argues that these categories function not merely as opposing moral concepts but also as essential elements of literary conflict, psychological characterization, and philosophical reflection. The article concludes that a comprehensive approach combining literary criticism, philosophy, ethics, and historical-cultural analysis is necessary for a deeper understanding of the representation of good and evil in Russian literature.*

Keywords: *good, evil, Russian literature, moral choice, ethics, conscience, individual freedom, spirituality, literary conflict, moral responsibility.*

Введение. Проблема добра и зла занимает особое место в истории мировой литературы, поскольку связана с фундаментальными вопросами человеческого существования: что определяет нравственную ценность поступка, в какой степени человек отвечает за собственные действия, возможно ли преодоление зла и каким образом личность приходит к осознанию нравственной истины. В русской литературе эти вопросы приобретают особую глубину благодаря тесному взаимодействию художественного творчества с философской мыслью, религиозными представлениями, общественными противоречиями и психологическим исследованием человека.

Добро и зло представляют собой не только универсальные этические категории, но и сложные культурные понятия, содержание которых меняется в зависимости от исторической эпохи, мировоззрения автора и особенностей художественного произведения [1]. В литературе они выражаются посредством поступков героев, системы персонажей, сюжетных столкновений, внутренних монологов, символических образов и авторских оценок. При этом нравственное содержание произведения не всегда сводится к прямому противопоставлению положительного и отрицательного персонажей. Нередко писатель показывает противоречивость человеческой природы,

соединение благородных стремлений с эгоистическими желаниями и возможность нравственного падения даже человека, считающего себя носителем истины [2].

Актуальность изучения данной темы обусловлена необходимостью более глубокого осмысления нравственного содержания русской классической литературы и определения методологических принципов анализа этических категорий в художественном тексте. Произведения русских писателей позволяют исследовать не только исторические представления о добре и зле, но и общечеловеческие вопросы ответственности, милосердия, справедливости и духовного развития личности.

Цель статьи заключается в определении теоретических основ изучения темы добра и зла в русской литературе и выявлении основных способов их художественного воплощения.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: раскрыть содержание понятий добра и зла в философско-этическом контексте; определить особенности их функционирования в литературном произведении; рассмотреть нравственную проблематику творчества А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого; обозначить основные методы литературоведческого исследования данных категорий.

Объектом исследования выступает русская литература как пространство художественного осмысления нравственных ценностей. Предметом исследования являются теоретические подходы к изучению добра и зла, а также способы их художественного выражения в произведениях русских писателей.

Методологическую основу составляют историко-литературный, сравнительно-типологический, герменевтический и этико-философский методы. Их сочетание позволяет рассматривать художественный текст одновременно как эстетическое произведение, отражение определённой исторической эпохи и форму постановки нравственных вопросов.

Теоретические подходы к пониманию добра и зла

В философской и этической традиции добро обычно связывается с представлениями о нравственной ценности поступков, уважении к человеку, справедливости, милосердии и стремлении к гармоничному взаимодействию личности с окружающим миром. Зло, напротив, ассоциируется с разрушением нравственных связей, насилием, эгоизмом, унижением человеческого достоинства и отрицанием ответственности перед другими людьми. Однако такое разграничение не означает, что содержание рассматриваемых категорий во всех исторических и культурных условиях является неизменным.

Для литературоведения принципиально важно учитывать, что добро и зло в художественном произведении существуют не только в форме отвлечённых идей, но и в конкретных жизненных ситуациях. Писатель исследует обстоятельства, в которых человек принимает решение, мотивы его поведения, последствия совершённых действий и изменения, происходящие в его сознании. Поэтому художественное осмысление нравственности нередко оказывается сложнее, чем теоретическое определение соответствующих понятий.

Одним из продуктивных подходов является этический анализ, направленный на выявление нравственных критериев, которыми руководствуются персонажи. В рамках

данного подхода исследуются соотношение намерения и поступка, ответственность человека за последствия собственных решений, способность признавать ошибки и готовность учитывать интересы других людей.

Философский подход позволяет рассматривать добро и зло в контексте вопросов свободы, смысла жизни, справедливости и человеческого достоинства. В таком случае художественное произведение становится пространством постановки вопросов, не всегда допускающих однозначный ответ. Литературный герой может оказаться перед выбором между личной выгодой и нравственным долгом, формальной справедливостью и милосердием, свободой индивидуального решения и ответственностью перед обществом.

Не менее значим психологический подход. Он предполагает изучение внутренних противоречий персонажа, его самооправдания, чувства вины, страха, сострадания и стремления к нравственному восстановлению. Зло в этом контексте может проявляться не только как сознательное причинение вреда, но и как результат духовной ограниченности, равнодушия, гордыни или убеждённости в собственной исключительности.

Особое значение имеет историко-культурный подход, поскольку нравственные конфликты литературы формируются в определённой системе общественных отношений. Представления о справедливости, долге, вере, личной свободе и общественном благе связаны с культурными нормами и историческими обстоятельствами. Вместе с тем художественная литература способна выходить за пределы конкретной эпохи, превращая исторически обусловленный конфликт в общечеловеческую проблему.

Таким образом, теоретическое изучение добра и зла требует комплексного подхода. Анализ этих категорий должен учитывать одновременно содержание нравственных идей, психологию персонажей, структуру художественного конфликта и мировоззренческую позицию автора.

Добро и зло как принципы художественного конфликта

В литературном произведении категории добра и зла выполняют несколько взаимосвязанных функций. Прежде всего, они формируют нравственную основу конфликта, определяя противоречия между желаниями персонажей, их представлениями о должном и реальными последствиями поступков.

При этом конфликт между добром и злом не обязательно выражается в непосредственном противостоянии двух героев. Он может разворачиваться внутри сознания одного персонажа, который одновременно стремится к нравственно оправданной цели и использует сомнительные средства её достижения. Важнейшим средством раскрытия данной проблемы становится система персонажей. Через сопоставление героев с различными жизненными принципами автор исследует границы личной ответственности и предлагает читателю самостоятельно оценить мотивы и последствия их действий. Однако персонажи не должны автоматически отождествляться с авторской позицией: художественная многозначность допускает расхождение между высказываниями героя, его реальным поведением и смыслом всего произведения.

Значительную роль играет композиция. Последовательность событий, кризисные ситуации, кульминационные решения и финал произведения могут демонстрировать нравственные последствия выбора. Иногда персонаж осознаёт ошибочность своих убеждений лишь после столкновения с результатами собственных поступков. В других случаях автор оставляет конфликт открытым, подчёркивая сложность моральной оценки и невозможность исчерпывающего объяснения человеческого поведения.

Нравственная проблематика в русской литературе

Русская литература предоставляет широкие возможности для изучения добра и зла, поскольку нравственные вопросы в ней часто соединяются с проблемами человеческой свободы, общественной несправедливости, духовного кризиса и поиска жизненного смысла.

В произведениях А. С. Пушкина нравственный конфликт нередко раскрывается через столкновение личных стремлений с историческими обстоятельствами, общественными нормами и ответственностью за принятые решения. В повести «Капитанская дочка» проблема добра и зла представлена через испытание человеческого достоинства в условиях исторического потрясения. В творчестве Ф. М. Достоевского проблема добра и зла приобретает выраженный философско-психологический характер. Писатель исследует причины нравственного падения, механизмы самооправдания и возможность духовного возрождения человека. Его герои нередко пытаются подчинить моральные нормы отвлечённым теориям, стремясь доказать, что определённые люди имеют право переступать общепринятые границы ради предполагаемой высшей цели.

Особенно отчётливо данная проблематика проявляется в романе «Преступление и наказание». Теория Родиона Раскольникова строится на предположении, что исключительная личность может позволить себе нарушение нравственного закона. Однако совершённое преступление приводит героя к тяжёлому внутреннему кризису. Раскольников сталкивается с невозможностью полностью отделить рациональное обоснование поступка от его человеческих последствий. Его переживания демонстрируют, что нравственная проблема не исчерпывается юридической оценкой деяния: она затрагивает отношения человека с собственной совестью, другими людьми и самим собой [3].

В произведениях Л. Н. Толстого категории добра и зла тесно связаны с нравственным самопознанием и критикой внешних форм благополучия. Писатель показывает, что общественное положение, материальное богатство и признание окружающих не гарантируют внутренней нравственной состоятельности. Подлинная ценность личности определяется её отношением к другим людям, способностью к состраданию и готовностью пересматривать собственные убеждения.

В романе «Война и мир» нравственное развитие персонажей осуществляется через жизненные испытания, потери, семейные отношения и переоценку прежних представлений. Пьер Безухов и Андрей Болконский проходят сложные этапы духовного поиска, в ходе которых меняется их понимание счастья, долга и человеческого достоинства. Добро у Толстого раскрывается не столько через

декларацию правильных убеждений, сколько через постепенное изменение отношения человека к жизни и окружающим [4].

Основные методы изучения темы добра и зла

Для последовательного исследования нравственных категорий в русской литературе целесообразно использовать несколько взаимодополняющих методов.

Историко-литературный метод предполагает изучение произведения в контексте эпохи его создания. Он помогает определить, каким образом общественные отношения, философские идеи и культурные нормы влияют на художественное понимание нравственных проблем.

Герменевтический метод направлен на интерпретацию смысла художественного текста с учётом его композиции, образной системы, повествовательной организации и смысловых противоречий. Он особенно важен при анализе произведений, в которых нравственные оценки не выражены непосредственно, а формируются через взаимодействие различных точек зрения.

Этико-философский метод предполагает исследование категорий добра и зла в связи с понятиями свободы, долга, справедливости, совести и ответственности. Этот подход позволяет определить, какие нравственные вопросы ставит автор и каким образом они соотносятся с поведением героев.

При этом важно учитывать, что нравственная позиция автора не всегда совпадает с мнением отдельного персонажа. Поэтому интерпретация должна опираться на совокупность текстовых признаков, а не на единичное высказывание героя. Такой принцип позволяет обеспечить научную обоснованность выводов и избежать упрощённого толкования художественного произведения.

Заключение. Проведённое теоретическое рассмотрение позволяет утверждать, что категории добра и зла составляют один из важнейших смысловых уровней русской литературы. Их художественная функция не ограничивается противопоставлением нравственно правильного и неправильного поведения. Через данные категории писатели исследуют свободу личности, ответственность за поступки, противоречия человеческой природы, значение совести и возможности духовного изменения.

Анализ произведений А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого показывает, что проблема добра и зла получает различные формы художественного воплощения в зависимости от авторского мировоззрения и характера произведения. Вместе с тем общим для рассматриваемых писателей является внимание к нравственному выбору и его последствиям. Человек в их произведениях раскрывается не только через собственные убеждения, но и через действия, отношения с другими людьми и способность осознавать ответственность за причинённое зло.

Установлено, что наиболее продуктивным способом изучения данной темы является комплексный анализ, объединяющий историко-литературный, сравнительно-типологический, герменевтический, психологический и этико-философский подходы. Их применение позволяет рассматривать нравственные категории в единстве содержания и художественной формы, учитывая сложность авторской позиции и неоднозначность человеческого поведения [5].

Список использованной литературы

1. Аристотель. Никомахова этика / пер. с древнегреч. — М.: Академический проект, 2011.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советская Россия, 1979.
3. Пушкин А. С. Капитанская дочка // Полное собрание сочинений: в 10 т. — М.: Наука, 1977–1979.
4. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. — СПб.: Азбука, 2022.
5. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. — М.: Эксмо, 2022.
6. Толстой Л. Н. Война и мир: роман-эпопея. — М.: Эксмо, 2021.
7. Худойбердиева А. Х. Развитие творческого мышления у школьников начальных классов в инновационной образовательной среде // Язык как фактор интеграции образовательных процессов. — 2024.
8. Толстой Л. Н. Исповедь. В чём моя вера? — М.: Республика, 1994.
9. Селиверстова Н. А. Парадоксы толстовской этики ненасилия // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. — 2018.
10. Morson G. S. Dostoevskii, Fëdor Mikhailovich (1821–81) // Routledge Encyclopedia of Philosophy. — London: Routledge, 1998.

СИМВОЛИКА СВЕТА И ТЬМЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Эшмуродова Иноятхон
магистрант
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье исследуются лексико-семантические поля света и тьмы в древнерусском памятнике «Слово о полку Игореве». Рассмотрены существительные, прилагательные, глаголы и слова категории состояния, обозначающие свет (свет, солнце, заря, белый, светлый, тресветлый, светиться) и тьму (тьма, ночь, полночь, вечер, мгла, чёрный, тёмный, меркнуть, гаснуть, темно). Показано, что данные лексемы выполняют как буквальное, так и символическое значение: свет символизирует жизнь, порядок, власть и божественное присутствие, тьма - хаос, угрозу и мистическую неопределённость. Анализ демонстрирует, как древнерусская литература интегрирует физические и метафорические значения через различные лексемы, формируя сложную и многоплановую символику света и тьмы, отражающую мировоззрение эпохи и художественные приёмы автора.*

Ключевые слова*: лексема, семантическое поле, свет, тьма, «Слово о полку Игореве».*

Annotatsiya. *Maqolada qadimgi rus yodgorligi bo‘lgan «Igor polki haqida qissa» (“Слово о полку Игореве”) asaridagi yorug‘lik va qorong‘ilikning leksik-semantik maydonlari tadqiq etiladi. Yorug‘likni (svet, solntse, zarya, bely, svetly, tresvetly, svetitsya -*

yorug‘lik, quyosh, tong, oq, yorug‘, uch karra yorug‘, yorug‘lik sochmoq) va qorong‘ilikni (tma, noch, polnoch, vecher, mgla, cherny, temny, merknut, gasnut, temno - zulmat, tun, yarmim tun, oqshom, tuman/g‘ubor, qora, qorong‘i, xira tortmoq, so‘nmoq, qorong‘i) bildiruvchi otlar, sifatlar, fe’llar va holat so‘zlari ko‘rib chiqilgan. Ko‘rsatilishicha, mazkur leksemalar ham to‘g‘ridan-to‘g‘ri (literal), ham ramziy ma’nolarni bajaradi: yorug‘lik hayot, tartib, hokimiyat va ilohiy huzur-halovatni ramziy qilsa, qorong‘ilik - tartibsizlik (xaos), xavf va mistik noaniqlikni anglatadi. Tahlil qadimgi rus adabiyoti davr dunyoqarashi va muallifning badiiy usullarini aks ettiruvchi yorug‘lik va qorong‘ilikning murakkab hamda ko‘p qirrali ramziyligini shakllantirgan holda, turli leksemalar orqali jismoniy va metaforik ma’nolarni qanday uyg‘unlashtirganini ko‘rsatib beradi.

Kalit so‘zlar: *leksema, semantik maydon, yorug‘lik, qorong‘ilik, «Igor polki haqida qissa».*

Abstract. *The article explores the lexico-semantic fields of light and darkness in the Old Russian literary monument "The Tale of Igor's Campaign". It examines nouns, adjectives, verbs, and words of the category of state denoting light (svet, solntse, zarya, bely, svetly, tresvetly, svetitsya - light, sun, dawn, white, bright, triply bright, to glow) and darkness (tma, noch, polnoch, vecher, mgla, cherny, temny, merknut, gasnut, temno - darkness, night, midnight, evening, haze, black, dark, to grow dim, to fade, dark). It is shown that these lexemes perform both literal and symbolic meanings: light symbolizes life, order, power, and divine presence, while darkness symbolizes chaos, threat, and mystical uncertainty. The analysis demonstrates how Old Russian literature integrates physical and metaphorical meanings through various lexemes, forming a complex and multifaceted symbolism of light and darkness that reflects the worldview of the era and the author's artistic devices.*

Keywords: *lexeme, semantic field, light, darkness, "The Tale of Igor's Campaign".*

Введение. Философская мысль на протяжении веков рассматривала оппозицию света и тьмы как одну из фундаментальных для понимания устройства мира. Свет трактуется как «условие и первопричина бытия», тогда как тьма – как «добытийное состояние, хаос». В этой бинарности просматривается не только онтологическое различие, но и особая ценностная нагрузка: свет символизирует красоту, радость, чистоту, святость и благо, а тьма - уродство, горе, безнравственность и зло. [5; 6]. В философии знания эта оппозиция приобретает дополнительный смысловой объём: свет предстает как источник познания и просвещения, тогда как тьма выражает незнание и культурную отсталость. Такое многослойное понимание концептов света и тьмы позволяет видеть в них не просто метафоры, а устойчивые смысловые структуры, определявшие мировоззрение различных эпох.[1; 3] В древнерусской литературе эти представления оказываются особенно значимыми, так как формируют основу символического мышления и воздействуют на способы художественного воплощения действительности.[1]

Сущность проблемы исследования. Проблема символики света и тьмы занимает важное место в изучении древнерусской литературы, поскольку данные образы обладают не только прямым лексическим значением, но и сложной системой художественных, философских и культурных смыслов. В литературных произведениях средневековой Руси природные явления нередко выступают средствами выражения

представлений человека об окружающем мире, жизни, смерти, добре, опасности и божественном порядке. В этом отношении особый интерес представляет памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», в котором образы солнца, света, зари, ночи, тьмы и мглы участвуют в создании эмоционально насыщенной картины происходящих событий.[1; 3] Их значение раскрывается не только через обозначение времени суток или состояния окружающей среды, но и посредством символических ассоциаций, связанных с судьбой князей и исходом военного похода[4].

Сущность исследуемой проблемы заключается в необходимости определить, каким образом лексические единицы, обозначающие свет и тьму, формируют целостную систему противопоставленных образов и какие смысловые функции они выполняют в художественном тексте. В произведении свет может выступать символом жизненной силы, значимости персонажей, ясности и порядка, тогда как тьма нередко передаёт ощущение угрозы, неопределённости, тревоги и приближения неблагоприятных событий. Однако данные значения не всегда являются однозначными, поскольку одна и та же лексема в зависимости от контекста может выполнять как описательную, так и символическую функцию.[4] Например, образ солнца обозначает естественное небесное светило, но одновременно приобретает значение художественного символа, связанного с положением князей и развитием событий. Именно взаимодействие прямых и переносных значений определяет сложность исследуемого языкового материала.[1; 3]

Описание методологии исследования. Методологическая основа исследования определяется поставленной целью — выявить лексико-семантические особенности символики света и тьмы в «Слове о полку Игореве» и установить функциональную роль соответствующих языковых единиц в художественном тексте. В качестве основного материала используются приведённые в статье лексемы, обозначающие световые явления, затемнение пространства, определённые периоды суток и процессы изменения интенсивности света. Исследование строится на принципе комплексного рассмотрения языковых единиц с учётом их принадлежности к определённой части речи, лексического значения и контекста употребления. Такой подход позволяет последовательно перейти от описания отдельных слов к выявлению общих семантических закономерностей.

Одним из основных методов выступает описательный метод, посредством которого выявляются и систематизируются лексемы, входящие в состав полей света и тьмы. На данном этапе языковые единицы распределяются по группам в соответствии с их грамматическими характеристиками. К полю света относятся существительные «свет», «солнце», «заря», прилагательные «белый», «светлый», «тресветлый» и глагол «светиться». Поле тьмы представлено существительными «тьма», «ночь», «полночь», «вечер», «мгла», прилагательными «чёрный» и «тёмный», глаголами «меркнуть» и «гаснуть», а также словом категории состояния «темно». Систематизация материала создаёт основу для дальнейшего сопоставления лексических единиц и определения их места в общей структуре исследуемых семантических полей. Важное значение имеет лексико-семантический метод, направленный на установление основных и дополнительных значений анализируемых слов. С его помощью определяется, какие лексемы непосредственно обозначают физические явления, а какие приобретают

переносный смысл в определённых художественных ситуациях. Например, существительное «солнце» обозначает небесное светило, однако в выражении «два солнца померкоста» приобретает символическую связь с князьями. Аналогичным образом лексема «тьма» обозначает отсутствие света, но в контексте военного похода усиливает представление об опасности и неблагоприятном развитии событий. Лексико-семантический анализ позволяет выявить общие смысловые признаки слов и определить характер отношений между противопоставленными полями.[1; 4]

Результаты, полученные автором исследования. В ходе исследования установлено, что лексико-семантическое поле света в «Слове о полку Игореве» представлено языковыми единицами различных частей речи, которые объединяются общим семантическим признаком освещённости, сияния и визуальной ясности. Центральное место среди существительных занимает лексема «солнце», употребление которой в предоставленном материале обозначено семью случаями. Существительное «свет» представлено пятью употреблениями, а лексема «заря» — тремя. Полученные сведения показывают, что образы небесного светила, света и зари составляют важную часть исследуемой образной системы. [1; 3]При этом каждое слово выполняет собственную функцию: «солнце» обозначает источник света и может символизировать значимость персонажей, «свет» передаёт состояние освещённости и приобретает дополнительные переносные значения, а «заря» связана с переходом между временными состояниями суток и предчувствием последующих событий.[4]

Анализ существительного «свет» показал, что его семантика не ограничивается обозначением физического явления. В приведённых примерах «заря свет запала» и «На реце на Каяле тьма свет покрыла» данная лексема участвует в описании изменения освещённости окружающего пространства. Вместе с тем в выражении «один брат, один свет светлый ты Игорю» слово приобретает образное значение и выступает средством выражения значимости адресата. Следовательно, лексема «свет» обладает контекстуальной многозначностью: в одном случае она связана с природной реальностью, в другом — с эмоциональной оценкой и характеристикой персонажа. Это подтверждает необходимость учитывать условия употребления слова при определении его художественной функции. Особое значение в исследуемом материале имеет лексема «солнце». [1]Согласно приведённым данным, она встречается семь раз и используется как для обозначения природного явления, так и для создания символических образов. В выражении «Тогда Игорь възре на светлое солнце» солнце выступает непосредственно наблюдаемым небесным объектом. В то же время сочетания «два солнца померкоста» и «чрьныя тучя съморя идут, хотят прикрыти д̃ солнца» позволяют рассматривать солнечный образ в связи с символическим изображением князей и неблагоприятного развития событий. Таким образом, солнце выполняет несколько взаимосвязанных функций: формирует природный фон повествования, подчёркивает значимость персонажей и участвует в создании предчувствия опасности. Его затемнение или померкание приобретает особую выразительность благодаря противопоставлению естественного света и наступающей тьмы.[4]

Исследование лексемы «заря», представленной тремя употреблениями, выявило её связь с временными переходами и изменением эмоционального фона повествования.

Выражения «заря свет запала», «Другаго дни велми рано кровавыя зори свет поведают» и «Погасоша вечеру зари» демонстрируют участие данного образа в описании наступления и исчезновения света. При этом сочетание «кровавыя зори» усиливает тревожную окраску образа и связывает природное явление с предчувствием неблагоприятных событий. Следовательно, заря в исследуемом произведении может выступать не только обозначением определённого времени суток, но и средством художественного предвосхищения дальнейшего развития повествования. Результаты анализа прилагательных «белый», «светлый» и «тресветлый» свидетельствуют о значимости цветовых и качественных характеристик в формировании поля света. В предоставленном материале прилагательное «белый» указано в двух случаях, «светлый» — в трёх, а «тресветлый» — в одном. Лексема «белый» используется в сочетаниях «бела хорюговь» и «белым гоголем на воду», характеризуя цвет и зрительные свойства предметов. Прилагательное «светлый» в выражениях «светлое солнце» и «светлый ты Игорю» передаёт признаки яркости и приобретает дополнительную оценочную функцию. Слово «тресветлый» в обращении «светлое и тресветлое слънце» усиливает характеристику сияния. Эти примеры позволяют заключить, что прилагательные не только уточняют признаки объектов, но и повышают выразительность художественных образов. Рассмотрение глагола «светиться», который, согласно предоставленным данным, употребляется один раз в выражении «Солнце светится на небесе», позволило определить его основную функциональную особенность. В отличие от существительных и прилагательных, называющих объект или характеризующих его состояние, данный глагол передаёт процесс излучения света. Благодаря этому образ солнца приобретает динамический характер, а описание природного явления становится частью общего художественного изображения. Таким образом, поле света включает не только названия объектов и их характеристики, но и обозначения процессов, посредством которых раскрывается изменение состояния окружающего мира. Анализ лексико-семантического поля тьмы показал, что оно обладает разнообразным грамматическим составом и выражает значения отсутствия света, наступления ночного времени, затемнения и угасания. Среди существительных наиболее часто употребляется лексема «ночь», представленная пятью случаями. Существительное «тьма» указано в четырёх случаях, а слова «полночь» и «вечер» — по три раза. Лексема «мгла» представлена двумя употреблениями. Данные показатели свидетельствуют о разнообразии средств, с помощью которых в произведении передаются темнота, временные изменения и состояние окружающего пространства. При этом символическое содержание каждой единицы зависит от контекста и её взаимодействия с другими элементами художественного текста. Особого внимания заслуживает существительное «тьма», которое в предоставленном материале встречается четыре раза. В выражениях «Тогда Игорь възре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты» и «На реце на Каяле тьма свет покрыла» тьма обозначает затемнение пространства, однако одновременно усиливает тревожное восприятие происходящего. Контраст между светом и тьмой создаёт выразительную художественную оппозицию, посредством которой природное явление приобретает дополнительный смысл. В контексте военного похода такое затемнение может интерпретироваться как образ неблагоприятного положения и предчувствия опасности.

Следовательно, лексема «тьма» выполняет как описательную, так и эмоционально-символическую функцию[1].

Конкретные данные исследования. Количественные сведения, приведённые в исходном материале статьи, позволяют охарактеризовать распределение анализируемых лексем по частоте употребления и грамматическим категориям. В поле света выделены три существительных, три прилагательных и один глагол. Согласно указанным показателям, существительное «солнце» употребляется семь раз, «свет» — пять раз, «заря» — три раза. Среди прилагательных лексема «светлый» представлена тремя случаями, «белый» — двумя, «тресветлый» — одним. Глагол «светиться» указан в одном случае. Таким образом, суммарная частотность перечисленных единиц поля света составляет 22 употребления по данным предоставленного текста.[1; 4] Поле тьмы в исходном материале включает пять существительных, два прилагательных, два глагола и одно слово категории состояния.[4] Среди существительных «ночь» употребляется пять раз, «тьма» — четыре раза, «полночь» и «вечер» — по три раза, «мгла» — два раза. Прилагательное «чёрный» указано в трёх случаях, «тёмный» — в одном. Глагол «меркнуть» представлен двумя употреблениями, «гаснуть» — одним, а слово категории состояния «темно» — одним. Общая сумма перечисленных показателей составляет 25 употреблений. Данные суммы получены путём сложения частот, указанных в исходном материале, и не означают, что весь текст произведения был независимо проверен и полностью размечен [1].

Выводы исследования. Проведённый лексико-семантический анализ показывает, что символика света и тьмы в «Слове о полку Игореве» представляет собой сложную систему художественных средств, объединяющую прямые значения языковых единиц и их контекстуальные символические функции. Исследуемые лексемы обозначают природные явления, цветовые признаки, временные состояния и процессы изменения освещённости. Одновременно они участвуют в создании эмоциональной атмосферы произведения, помогают раскрывать значимость персонажей и усиливают выразительность повествования.[1; 4] Следовательно, оппозиция света и тьмы выступает не только способом описания окружающего мира, но и важным элементом смысловой организации художественного текста. Установлено, что поле света включает существительные «свет», «солнце», «заря», прилагательные «белый», «светлый», «тресветлый» и глагол «светиться». Данные единицы выражают значения освещённости, яркости и визуальной ясности, а в определённых контекстах приобретают дополнительные смысловые оттенки. Особенно показательным является образ солнца, который в одних случаях обозначает природное светило, а в других соотносится с князьями и их судьбой. Лексемы «свет» и «заря» также способны выходить за пределы прямого значения, формируя образы жизненной силы, предвестия и эмоционального напряжения. Это подтверждает многозначность исследуемого поля и его важную роль в создании художественной образности произведения.

Список использованной литературы

1. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. -М.: Искусство, 1976. -367 с.

2. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая типология пути). - М.: Ad Marginem, 1995. - 545 с.

3. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. - М., 2000. - 480 с.

4. Слово о полку Игореве, Игоря сына Святославля, внука Ольгова (оригинальный текст) [Электронный ресурс]. - URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/slovo-o-polku-igoreve/#1 (дата обращения: 14.11.2025).

5. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. Красота в природе // Владимир Соловьев. Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. - СПб.: Художественная литература, Санкт-Петербургское отделение, 1994. - 526 с.

6. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т. 1; У водоразделов мысли. Т. 2. - М.: Правда, 1990. - Т. 2. - 446 с.

ЖЕНСКИЕ ИМЕНА В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ»

Юсупова Ситора Максудовна
магистрант
Международного инновационного университета
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются женские антропонимы в романе В. Набокова «Приглашение на казнь» как целостная система, раскрывающая характеры персонажей и авторскую концепцию женского начала. Имена Марфиньки, Цецилии Ц. и Эммочки анализируются в соотношении с сюжетными функциями героинь. Показано, что уменьшительная форма имени Марфиньки маскирует её кукольность и бездуховность, звуковая перекличка имён Цецилии и Цинцинната создаёт иллюзию несостоявшейся близости, а сказочное звучание имени Эммочки оборачивается ложным обещанием спасения. Делается вывод о том, что женские имена в романе выполняют двойную функцию: характеризуют персонажа и одновременно разрушают романтический канон спасительной женской любви.*

Ключевые слова: *В. Набоков, «Приглашение на казнь», антропоним, женские имена, ономастика, кукольность, мотив предательства, романтический канон.*

Annotatsiya. *Maqolada V. Nabokovning «Qatlga taklif» romanidagi ayol antroponimlari personajlar xarakterini va muallifning ayollik haqidagi konsepsiyasini ochib beruvchi yaxlit tizim sifatida ko‘rib chiqiladi. Marfinka, Tsetsiliya Ts. va Emmochka ismlari qahramonlarning syujetdagi vazifalari bilan bog‘liq holda tahlil qilinadi. Marfinka ismining erkalash shakli uning qo‘g‘irchoqsimonligi va ma’naviy bo‘shligini niqoblashi, Tsetsiliya va Tsintsinnat ismlarining tovushdagi uyg‘unligi ro‘yobga chiqmagan yaqinlik illyuziyasini yaratishi, Emmochka ismining ertaknamo jarangi esa najot haqidagi yolg‘on va’daga aylanishi ko‘rsatib beriladi. Xulosa qilinishicha, romanda ayol ismlari ikki xil vazifani bajaradi: personajni tavsiflaydi va ayni paytda najotbaxsh ayol muhabbati haqidagi romantik kanonni barbod qiladi.*

Kalit so‘zlar: *V. Nabokov, «Qatlga taklif», antroponim, ayol ismlari, onomastika, qo‘g‘irchoqsimonlik, xiyonat motivi, romantik kanon.*

Abstract. *The article examines female anthroponyms in V. Nabokov’s novel “Invitation to a Beheading” as a coherent system that reveals both the characters and the author’s conception of the feminine. The names of Marfinka, Cecilia C. and Emmochka are analysed in relation to the heroines’ plot functions. It is shown that the diminutive form of Marfinka’s name conceals her doll-like nature and spiritual emptiness, the phonetic echo between the names of Cecilia and Cincinnatus creates an illusion of closeness that is never realised, and the fairy-tale sound of Emmochka’s name turns into a false promise of rescue. The author concludes that female names in the novel perform a dual function: they characterise the heroine and at the same time destroy the romantic canon of redemptive female love.*

Keywords: *V. Nabokov, “Invitation to a Beheading”, anthroponym, female names, onomastics, doll-likeness, betrayal motif, romantic canon.*

Введение. Роман Владимира Набокова «Приглашение на казнь» (1935-1936) представляет собой одно из наиболее герметичных и загадочных произведений русской литературы XX века. В мире, где реальность зыбка, а персонажи напоминают кукол в руках неведомого режиссёра, система имён собственных приобретает особую значимость. Антропонимы у Набокова никогда не бывают случайными: они служат свёрнутыми смысловыми программами, задающими траекторию интерпретации образа.

Женские персонажи в «Приглашении на казнь» немногочисленны, но именно они формируют эмоциональный центр романа. Главный герой, Цинциннат Ц., окружён женщинами, которые либо предают его, либо оказываются неспособны на подлинный контакт. Жена Марфинька и мать Цецилия Ц. – две фигуры, чьи имена несут на себе основную смысловую нагрузку. Периферийным, но структурно важным персонажем является Эммочка, дочь директора тюрьмы, чьё имя также заслуживает внимания.

Цель настоящей работы – рассмотреть женские антропонимы в романе как систему, раскрывающую как характерологию персонажей, так и общую концепцию женского начала в набоковском художественном мире. Материалом анализа служат имена Марфиньки, Цецилии Ц. и Эммочки в их соотношении с сюжетными функциями и символическими коннотациями.

Основная часть.Марфинька: имя как маркер кукольности

Жена Цинцинната носит имя Марфинька, которое упоминается в романе исключительно в уменьшительно-ласкательной форме. Как отмечают исследователи, эта форма указывает на «трепетное, тёплое отношение к ней Цинцинната и оттеняет её детскость». Однако за кажущейся теплотой скрывается иная функция: уменьшительность здесь оборачивается знаком неполноценности, усечённости личности. Марфинька не просто «маленькая» – она недоросла до полноценного человеческого существования [1].

Значение имени, образованного от древнееврейского «госпожа», «хозяйка», вступает в ироническое противоречие с положением героини . Марфинька не является хозяйкой даже собственной жизни: она изменяет мужу со всеми подряд, включая

тюремщиков и палача, и её поведение управляется исключительно физиологией. Исследователи характеризуют её как «безжалостную пародию», «глупую куклу в запутанных декорациях романа». Кукольность подчёркнута и в портрете: «кукольный румянец, блестящий лоб с детской выпуклостью, редкие брови вверх, высоко над круглыми, карими глазами» [1].

Речь Марфиньки ограничена, однообразна и предсказуема. Её язык – это «своеобразный Новояз, который должен не расширять, а сужать горизонты мысли». Письмо Цинциннаты вызывает у неё ужас именно потому, что оно не укладывается в привычные шаблоны: «это бред какой-то», «каждое твоё слово невозможно, недопустимо». Марфинька не способна на диалог в подлинном смысле слова; она лишь транслирует готовые формулы, заученные роли. Цинциннат отчаянно пытается «оживить» её, достучаться до её души, но все попытки оканчиваются неудачей. Его крик «Марфинька, на миг вырвись и пойми, что меня убивают, что мы окружены куклами и что ты сама кукла» остаётся без ответа.

Цецилия Ц.: мать как несостоявшийся спаситель.

Мать Цинциннаты носит имя Цецилия, которое графически и фонетически перекликается с именем сына: оба начинаются с буквы «Ц», создавая звуковую связь между персонажами . Эта перекличка неслучайна: мать структурно близка Цинциннату, её речь по богатству образов и чувств напоминает стиль его собственных записок . Она – единственный человек, с которым у героя завязывается диалог в полном смысле этого слова, а не обмен заученными репликами [2;5].

Однако эта близость оказывается обманчивой. Цецилия бросила сына сразу после рождения; Цинциннат видит её в своей жизни лишь однажды. Его изначальная потребность в материнской любви остаётся нереализованной. В тюрьме, куда она приходит на свидание, герой на мгновение улавливает в её взгляде «ту последнюю, верную, все объясняющую и ото всего охраняющую точку», которую он и в себе умел нащупать . Но «мгновение накренилось и пронеслось», унеся с собою «бурю истины» . Влажный взгляд матери обманывает его так же, как и всё остальное в этом мире [4].

Показательна профессия Цецилии: она работает акушеркой, помогает рождаться детям, но отказалась от собственного сына. Это ироническое несоответствие между профессиональной функцией и материнским долгом подчёркивает трагизм ситуации. Цецилия – не злодейка, но она принадлежит миру, который не способен на подлинное чувство. Её имя, звучащее почти как «це-це» (насекомое, переносчик сонной болезни), возможно, содержит и этот скрытый намёк: она часть того сонного царства, из которого Цинциннат безуспешно пытается вырваться.

Эммочка: ложная надежда

Дочь директора тюрьмы Эммочка появляется в романе как фигура, связанная с мотивом бегства. В каталоге тюремной библиотеки Цинциннат находит её рисунки, изображающие побег узника, и именно она обещает ему освобождение: «Мы убежим, и вы на мне женитесь». Имя Эммочка, уменьшительное от Эмма, звучит почти как имя сказочной героини, и это неслучайно: в сознании Цинциннаты возникает отражение романтического сюжета о прекрасной спасительнице [3].

Однако Набоков расставляет ловушку не только для героя, но и для читателя. Эммочка, поначалу взявшая на себя роль спасительницы, в итоге обманывает

Цинцинната: вместо желанной свободы он попадает в директорскую квартиру. Мотив побега оказывается пародийно вывернутым: вместо благородного избавителя к герою вваливаются палач мсье Пьер и директор Родриг Иванович. Эммочка — ребёнок, но её «детскость» не спасительна, а обманчива. Она принадлежит тому же миру кукол, что и остальные, и её обещание – лишь ещё одна декорация, которая рухнет в финале.

Обсуждение. Система женских имён в «Приглашении на казнь» обнаруживает последовательную закономерность: все женские персонажи, окружающие Цинцинната, так или иначе связаны с мотивом предательства или несостоявшегося спасения. Марфинька воплощает физиологическую, бездуховную сторону женского начала; её имя с уменьшительным суффиксом маскирует пустоту под видимостью тепла. Цецилия, чьё имя фонетически сближено с именем сына, оказывается неспособной реализовать материнскую функцию, несмотря на проблеск подлинного чувства в момент встречи. Эммочка, чьё имя вызывает сказочные ассоциации, обманывает ожидания, связанные с её «спасительной» ролью.

Исследователи отмечают, что в мире романа действует принцип кукольности, связанный с отсутствием души: персонажи, среди которых особую группу составляют близкие герою женщины – жена и мать, – классифицируются по степени этой кукольности. В Марфиньке «усилены физиологичность, женская ветренность, безответственность, она равна своей физиологии и движима ею» . В Цецилии, напротив, «важно то, что она бросила сына», и его потребность в любви осталась нереализованной, но при этом мать структурно близка ему по стилю речи и богатству образов.

Выбор имён подчинён этой логике. «Марфинька» с её простонародным, «почвенным» звучанием маркирует пошлость и духовную непроницаемость. «Цецилия» с её латинской основой и звуковой перекличкой с именем сына создаёт иллюзию близости, которая не реализуется. «Эммочка» с её уменьшительной формой и литературными ассоциациями оказывается ложным обещанием. Все три имени работают на разрушение романтического канона: женщина в мире «Приглашения на казнь» не спасает и не любит — она либо предаёт, либо отсутствует, либо обманывает.

Выводы. Женские антропонимы в романе Набокова «Приглашение на казнь» образуют систему, подчинённую общей художественной задаче: развенчанию иллюзии о спасительной женской любви. Марфинька, чьё уменьшительное имя маскирует кукольность, воплощает торжество пошлости и физиологии. Цецилия, чьё имя звучит в унисон с именем сына, оказывается матерью, неспособной на материнство. Эммочка, чьё имя обещает сказку, обманывает ожидания. Каждое из имён выполняет двойную функцию: оно характеризует персонажа и одновременно деконструирует ожидания, связанные с его сюжетной ролью.

Антропонимический анализ позволяет увидеть, что Набоков выстраивает женские имена как инструменты разрушения романтического канона. В мире, где декорации рушатся, а куклы оказываются куклами, имя не спасает и не защищает. Оно лишь обозначает место персонажа в системе ложных отражений, из которой Цинциннату удаётся вырваться только в финале – в одиночестве, без женщины, без имени, за пределами любого текста.

Список использованной литературы

1. Романович А. А. Приёмы создания образа Марфиньки в романе В. Набокова «Приглашение на казнь» // Репозиторий БГПУ. – 2017.
2. Идея кукольности в романе В. Набокова «Приглашение на казнь» // Вестник Бурятского государственного университета. – С. 78-79.
3. Мотив бегства в «Приглашении на казнь»: Эммочка и ложное спасение // Русская литература. – 2000. – № 2. – С. 85–86.
4. Беляк Г. Н. Диссертация: поэтика Набокова. – Пушкинский Дом. – С. 129, 174.
5. Анализ образа Цецилии Ц. в романе «Приглашение на казнь» // Материалы Казахского национального педагогического университета. – С. 47.

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА: МЕЖДУ ОБЩЕСТВЕННЫМИ НОРМАМИ И ЛИЧНОЙ СВОБОДОЙ

Ахмедов Нумон Нейматович
старший преподаватель кафедры русского языка и литературы
Шахрисабзского государственного педагогического института
Бойназарова Хулкар Рахматулла кизи
студентка 3-го курса направления «Родной язык и литература (русский язык)»
Шахрисабзского государственного педагогического института
Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается проблема женской судьбы в русской литературе XIX века в контексте противоречий между общественными предписаниями, семейно-нравственными установками и стремлением личности к внутренней независимости. На материале произведений А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и А. Н. Островского исследуются особенности художественного воплощения женских характеров, их нравственные ориентиры и способы разрешения жизненных конфликтов. Особое внимание уделяется образам Татьяны Лариной, Лизы Калитиной, Наташи Ростовой, Анны Карениной, Сони Мармеладовой и Катерины Кабановой. Сопоставление героинь позволяет выявить различные модели женского поведения и определить, как личный выбор женщины соотносится с требованиями общества. Установлено, что русская классическая литература не только отражала ограниченность социальных возможностей женщины в XIX столетии, но и ставила вопрос о её праве на самостоятельное нравственное решение, любовь и духовное самоопределение.*

Ключевые слова: *русская литература XIX века, женские образы, женская судьба, личная свобода, общественные нормы, патриархальные отношения, нравственный выбор, критический реализм, социальный конфликт.*

Annotatsiya. Maqolada XIX asr rus adabiyotida ayol taqdiri muammosi ijtimoiy talablar, oilaviy-axloqiy qarashlar va shaxsning ichki mustaqillikka intilishi o‘rtasidagi ziddiyatlar kontekstida ko‘rib chiqiladi. A. S. Pushkin, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, F. M.

Dostoyevskiy va A. N. Ostrovskiy asarlari misolida ayol obrazlarining badiiy talqini, ularning axloqiy mezonlari hamda hayotiy ziddiyatlarni hal etish usullari tadqiq etiladi. Tatyana Larina, Liza Kalitina, Natasha Rostova, Anna Karenina, Sonya Marmeladova va Katerina Kabanova obrazlariga alohida e'tibor qaratiladi. Qahramonlarni qiyosiy tahlil qilish orqali ayollar xulq-atvorining turli modellari aniqlanadi hamda ayolning shaxsiy tanlovi jamiyat talablari bilan qay darajada muvofiqlashishi o'rganiladi. Tadqiqot natijasida rus mumtoz adabiyoti nafaqat XIX asrda ayollarning ijtimoiy imkoniyatlari cheklanganligini aks ettirgani, balki ularning mustaqil axloqiy qaror qabul qilish, sevgi va ma'naviy o'zligini anglash huquqi masalasini ham ko'targani aniqlanadi.

Kalit so'zlar: *XIX asr rus adabiyoti, ayol obrazlari, ayol taqdiri, shaxsiy erkinlik, ijtimoiy me'yorlar, patriarxal munosabatlar, axloqiy tanlov, tanqidiy realizm, ijtimoiy ziddiyat.*

Abstract. The article examines the issue of women's fate in nineteenth-century Russian literature in the context of conflicts between social expectations, family and moral conventions, and the individual's striving for inner independence. Drawing on the works of A. S. Pushkin, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky, and A. N. Ostrovsky, the study explores the artistic portrayal of female characters, their moral values, and the ways in which they resolve conflicts in their lives. Particular attention is paid to the characters of Tatyana Larina, Liza Kalitina, Natasha Rostova, Anna Karenina, Sonya Marmeladova, and Katerina Kabanova. A comparative analysis of these heroines reveals different models of female behavior and examines how women's personal choices relate to societal expectations. The study concludes that Russian classical literature not only reflected the limitations of women's social opportunities in the nineteenth century but also raised the question of women's right to make independent moral decisions, experience love, and achieve spiritual self-determination.

Keywords: *nineteenth-century Russian literature, female characters, women's fate, personal freedom, social norms, patriarchal relations, moral choice, critical realism, social conflict.*

Введение. Русская литература XIX века представляет собой важный источник для изучения общественных отношений, нравственных представлений и духовных поисков человека. Особое место в ней занимает тема женской судьбы, поскольку положение женщины в обществе во многом определялось сословной принадлежностью, семейными традициями, материальной зависимостью и нормами общественной морали. Эти обстоятельства нередко ограничивали возможность самостоятельного выбора, превращая личную жизнь женщины в пространство противоречия между собственными желаниями и ожиданиями окружающих.

На протяжении XIX века художественное осмысление женского характера постепенно приобретало всё большую глубину. Если в ранней сентиментальной литературе внимание преимущественно сосредоточивалось на способности героини искренне чувствовать и страдать, то в произведениях зрелого реализма женский образ становился средством исследования социальных противоречий. Писатели обращались к вопросам брака, любви, семейной ответственности, нравственного долга и свободы

личности, показывая, что судьба женщины зависит не только от её характера, но и от исторических условий.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью комплексного изучения женских образов русской классики, позволяющих раскрыть особенности взаимоотношений личности и общества. Обращение к произведениям А. С. Пушкина [6], И. С. Тургенева [9], Л. Н. Толстого [7; 8], Ф. М. Достоевского [2] и А. Н. Островского [5] даёт возможность проследить различные способы художественного осмысления женской самостоятельности и нравственного выбора.

Цель исследования — выявить особенности изображения женских судеб в русской литературе XIX века и определить, каким образом конфликт между общественными предписаниями и личными стремлениями героинь раскрывает нравственные и социальные противоречия эпохи.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

рассмотреть основные тенденции изображения женщины в русской литературе XIX века;

проанализировать особенности женских характеров в произведениях русских классиков;

сопоставить нравственные позиции героинь и способы разрешения ими жизненных конфликтов;

определить значение женских образов для раскрытия проблемы личной свободы и общественной ответственности.

Методологическую основу работы составляют сравнительно-сопоставительный, историко-литературный и текстуальный методы анализа. Их применение позволяет рассматривать художественные образы с учётом исторического контекста и индивидуального авторского подхода.

Формирование традиции изображения женской судьбы в русской литературе связано с постепенным расширением представлений о внутреннем мире человека. Одним из значимых произведений, в которых личное переживание женщины становится центральной темой, является повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» [3]. Главная героиня обладает способностью к глубокому чувству, однако её искренность и доверие вступают в противоречие с социальными обстоятельствами и поведением возлюбленного. Трагическая развязка подчёркивает уязвимость человека, чьи надежды оказываются разрушены под воздействием внешних обстоятельств.

В литературе первой половины XIX века женский характер всё чаще раскрывается не только через эмоциональные переживания, но и через нравственную позицию. В романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» [6] Татьяна Ларина становится одним из наиболее выразительных примеров подобного подхода. Она не ограничивается ролью влюблённой девушки: её поступки определяются внутренними убеждениями, чувством ответственности и пониманием нравственного долга.

В дальнейшем развитие реалистической традиции позволило писателям исследовать противоречия между индивидуальными потребностями женщины и общественными требованиями. Женские персонажи стали представлять различные жизненные модели: от сохранения верности собственным принципам до попытки

открытого противостояния устоявшемуся порядку. При этом авторская оценка героинь не всегда сводилась к однозначному осуждению или восхищению. Их поступки нередко раскрывали сложность человеческой природы и несовершенство социальных отношений.

Таким образом, эволюция женского образа в русской литературе XIX века свидетельствует о переходе от преимущественно эмоционального изображения героини к более глубокому исследованию её личности, мировоззрения и места в обществе.

Татьяна Ларина занимает особое место среди женских образов русской классики [1; 6]. Её характер формируется под воздействием чувств, чтения, семейного воспитания и размышлений о собственном предназначении. Искреннее признание в любви к Онегину свидетельствует о способности героини самостоятельно выразить свои переживания, не подчиняясь условностям светского поведения.

Однако наиболее полно её нравственная зрелость проявляется в финале романа. Став замужней женщиной и встретившись вновь с Онегиным, Татьяна признаётся, что по-прежнему любит его, но отказывается нарушить обязательства перед мужем [4; 6]. Её решение нельзя рассматривать исключительно как покорность общественным нормам. В нём проявляется осознанное стремление сохранить верность собственным представлениям о чести и ответственности.

Вместе с тем образ Татьяны не устраняет противоречия между личным чувством и социальным долгом. Героиня сохраняет внутреннюю независимость именно потому, что способна самостоятельно определить границы допустимого для себя поведения. Её трагедия заключается в невозможности соединить любовь и нравственные обязательства без внутренней утраты.

Другой вариант женской судьбы представлен в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» [9]. Лиза Калитина отличается религиозностью, сдержанностью и склонностью к глубокому самоанализу. Её жизненные решения определяются не стремлением к общественному признанию, а поиском духовной опоры и нравственного смысла.

Любовь Лизы к Лаврецкому сталкивается с обстоятельствами, которые делают их совместное будущее практически невозможным. После крушения надежд героиня выбирает уход от привычной жизни и вступает на путь религиозного служения. Этот поступок отражает как силу её внутренних убеждений, так и ограниченность возможностей личного счастья в условиях существующих нравственных представлений.

Сопоставление Татьяны Лариной и Лизы Калитиной выявляет существенное различие между их жизненными стратегиями. Татьяна остаётся в обществе, принимая ответственность за сделанный выбор, тогда как Лиза отказывается от прежних надежд ради духовного самоопределения. При этом обе героини стремятся сохранить внутреннюю цельность и не готовы поступиться принципами ради удовлетворения личных желаний.

В романе-эпопее «Война и мир» [8] Л. Н. Толстой создаёт систему женских образов, позволяющую исследовать различные представления о любви, семье, нравственности и человеческом достоинстве. Наташа Ростова, княжна Марья

Болконская, Соня и Элен Курагина отличаются мировоззрением, темпераментом и отношением к жизненным испытаниям.

Наташа Ростова олицетворяет эмоциональную непосредственность, жизненную энергию и способность к глубокому сопереживанию. Её характер раскрывается через многочисленные испытания, заставляющие героиню пересматривать собственные представления о любви и счастье. Ошибка, связанная с увлечением Анатолем Курагиным, становится серьёзным нравственным кризисом. Наташа переживает разочарование, чувство вины и утрату прежней уверенности в себе.

Однако Толстой не ограничивается осуждением героини. Пережитое способствует её внутреннему изменению и более глубокому пониманию ответственности перед близкими. Наташа проявляет душевную силу не только в личных отношениях, но и в обстоятельствах Отечественной войны 1812 года, когда поддерживает семью и настаивает на использовании подвод для перевозки раненых. В этих эпизодах личное чувство перерастает в деятельное сострадание.

Иной тип женского характера воплощён в княжне Марье Болконской. Её внешняя непривлекательность противопоставлена духовной красоте, выражающейся в доброте, терпении и религиозном чувстве. Отношения с властным отцом становятся для героини постоянным испытанием. Стремясь сохранить уважение к нему, Марья одновременно переживает внутреннюю боль и нуждается в самостоятельном осмыслении собственной жизни.

Нравственное достоинство княжны проявляется в способности к прощению и состраданию. В отличие от героинь, ориентированных преимущественно на личные желания, она воспринимает заботу о других как важную часть своего предназначения. Вместе с тем её образ нельзя свести только к самоотречению: духовная устойчивость позволяет ей сохранить собственное представление о добре и справедливости.

Соня и Элен Курагина представляют другие модели женского поведения. Соня отличается преданностью семье и готовностью жертвовать собственными интересами ради близких. Однако её самоотверженность не приводит к обретению личного счастья. В её судьбе обнаруживается противоречие между нравственной ценностью жертвы и зависимостью женщины от решений окружающих.

Элен, напротив, связана с миром светских условностей, внешнего блеска и расчёта. В её образе Толстой критически раскрывает общество, в котором внешняя привлекательность и выгодное положение нередко оказываются важнее искренности и духовной глубины.

Таким образом, женские персонажи «Войны и мира» позволяют автору показать, что истинная ценность человека определяется не общественным статусом и внешностью, а внутренними качествами, способностью к состраданию и отношением к другим людям.

Одним из наиболее сложных воплощений конфликта между личными чувствами и общественными нормами является Анна Каренина — главная героиня одноимённого романа Л. Н. Толстого [7]. Её судьба показывает, насколько противоречивыми могут быть отношения между индивидуальным стремлением к счастью и требованиями общества.

Анна не удовлетворяется существованием, основанным исключительно на исполнении семейных обязанностей и соблюдении внешних правил приличия. Встреча с Вронским становится поворотным моментом, после которого героиня стремится изменить свою жизнь в соответствии с собственными чувствами. Однако её выбор вступает в конфликт с общественными представлениями о браке, женской верности и допустимом поведении.

При этом положение Анны оказывается неравным положению мужчины. Светское общество значительно строже оценивает её поступки, ограничивает возможности полноценного общения и фактически лишает героиню привычного социального пространства. Отношения с Вронским, первоначально воспринимаемые как возможность освобождения, постепенно становятся источником тревоги, неуверенности и эмоциональной зависимости.

Трагедия Анны обусловлена не одной причиной. Важную роль играют общественное осуждение, сложность семейных отношений, разлука с сыном, внутренние противоречия и невозможность обрести устойчивое чувство защищённости. Толстой показывает, как внешнее давление усиливает психологический кризис, не позволяя героине найти гармонию между любовью, материнством и личной самостоятельностью.

В то же время роман не предлагает упрощённого противопоставления свободной личности и безусловно враждебного общества. Автор исследует последствия решений, внутреннюю противоречивость человеческих чувств и ответственность человека перед близкими. Судьба Анны становится художественным исследованием общественных двойных стандартов и тех условий, в которых стремление женщины к самостоятельности может привести к глубокому внутреннему конфликту.

В отличие от Татьяны Лариной, Анна пытается изменить существующий порядок личной жизни, не находя способа примирить свои желания с социальными требованиями. Сопоставление героинь выявляет различие между сохранением нравственных обязательств и стремлением к свободе, а также показывает, что ни один жизненный выбор не существует вне исторической и общественной среды.

В произведениях Ф. М. Достоевского и А. Н. Островского женская судьба раскрывается через столкновение личности с социальным неравенством, семейным давлением и нравственными противоречиями. При этом особое значение приобретает вопрос о возможности сохранить человеческое достоинство в обстоятельствах, ограничивающих свободу выбора.

В романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [2] Соня Мармеладова оказывается в положении, при котором материальная нужда вынуждает её пойти на тяжёлые нравственные жертвы ради спасения семьи от голода. Её судьба свидетельствует о разрушительном воздействии бедности и социальной незащищённости. Общество осуждает героиню, не принимая во внимание обстоятельства, которые привели её к подобному решению.

Однако Соня сохраняет способность к состраданию, вере и духовной поддержке другого человека. Её отношения с Раскольниковым раскрывают нравственную силу героини, которая не стремится господствовать над окружающими, но помогает им осознать ответственность за собственные поступки. В данном случае внутренняя

свобода проявляется не в независимости от всех внешних обстоятельств, а в сохранении нравственных ориентиров вопреки унижению и страданию.

Особенно остро проблема женской несвободы представлена в драме А. Н. Островского «Гроза» [5]. Катерина Кабанова живёт в условиях патриархального семейного уклада, где поведение женщины контролируется старшими членами семьи, а самостоятельность воспринимается как нарушение установленного порядка. В доме Кабановых формальное соблюдение традиций подменяет искренние нравственные отношения.

Катерина отличается чувствительностью, стремлением к душевной гармонии и потребностью в свободе. Она не может полностью приспособиться к атмосфере постоянного давления, поскольку её представления о жизни основаны на искренности и внутренней правде. Чувство к Борису становится попыткой вырваться из замкнутого семейного пространства, но одновременно усиливает конфликт между личными желаниями и религиозно-нравственными убеждениями героини.

Признание Катерины в измене свидетельствует о неспособности жить в постоянном противоречии между внешним поведением и внутренними переживаниями. Однако её откровенность не приводит к освобождению: общество не предлагает ей возможности начать новую жизнь, а семейная среда продолжает оставаться враждебной. Трагический финал становится выражением глубины конфликта между потребностью личности в свободе и жестокостью окружающего порядка.

Сопоставление Сони Мармеладовой и Катерины Кабановой позволяет выявить два различных способа существования в условиях несвободы. Соня сохраняет нравственную устойчивость благодаря вере и состраданию, тогда как Катерина не находит возможности преодолеть противоречия между внутренним миром и внешними требованиями. Обе героини, однако, заставляют читателя задуматься о социальной ответственности общества за судьбы людей, оказавшихся в уязвимом положении.

Рассмотренные произведения демонстрируют разнообразие художественных моделей женской судьбы. Несмотря на различия в характерах и обстоятельствах, героини русской классической литературы объединены стремлением обрести внутреннюю опору и определить собственное отношение к любви, долгу и общественным требованиям.

Татьяна Ларина отстаивает нравственные принципы, принимая ответственность за своё решение. Лиза Калитина обращается к духовному служению, отказываясь от прежних надежд. Наташа Ростова проходит путь от эмоциональной непосредственности к более зрелому пониманию любви и ответственности. Анна Каренина стремится к личному счастью, но сталкивается с общественным осуждением и глубоким внутренним кризисом. Соня Мармеладова сохраняет человечность в условиях социальной уязвимости, а Катерина Кабанова становится символом трагического столкновения внутренней свободы с патриархальным семейным укладом. Сопоставление данных образов позволяет выделить несколько важных особенностей изображения женщины в литературе XIX века.

Во-первых, женский характер становится способом исследования общественных отношений. Семья, брак и светское окружение представлены не только как

обстоятельства частной жизни, но и как структуры, определяющие возможности личного выбора.

Во-вторых, нравственная самостоятельность героинь не всегда совпадает с внешней независимостью. Женщина может сохранять внутреннюю свободу, даже если её жизненные возможности ограничены обстоятельствами. Вместе с тем следование общественным нормам не обязательно означает отсутствие самостоятельного мышления.

В-третьих, трагическая развязка в судьбах отдельных героинь раскрывает противоречия между личными потребностями и общественными ожиданиями. Такие финалы позволяют писателям поставить вопрос о справедливости существующего порядка и цене, которую человек вынужден платить за попытку изменить свою жизнь.

Наконец, русская литература XIX века не предлагает единственной модели женского счастья. В произведениях разных авторов свобода, любовь, верность, духовность и ответственность получают неодинаковое истолкование. Именно разнообразие художественных решений делает женские образы значимыми для изучения нравственных и социальных проблем эпохи.

Заключение. Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что женские образы занимают важное место в системе нравственных и социальных проблем русской литературы XIX века. Через судьбы Татьяны Лариной, Лизы Калитиной, Наташи Ростовой, Анны Карениной, Сони Мармеладовой и Катерины Кабановой писатели раскрывают противоречия между личными стремлениями человека и требованиями окружающего общества.

Исследование показало, что женская судьба в произведениях русских классиков не сводится к вопросу о любви или семейном благополучии. Она связана с проблемами человеческого достоинства, свободы выбора, материальной зависимости, нравственной ответственности и права личности на самоопределение. Внутренний мир героинь раскрывается через их поступки, переживания и отношение к жизненным испытаниям.

Особое значение имеет тот факт, что русские писатели изображали женщин не только как участниц семейных и любовных конфликтов, но и как самостоятельных личностей, способных к глубоким нравственным переживаниям и осмыслению собственной жизни. Даже в тех случаях, когда героини не достигают желаемого счастья, их судьбы позволяют выявить противоречия общественного устройства и ограниченность традиционных представлений о женском предназначении.

Таким образом, русская литература XIX века стала важным пространством художественного осмысления женской личности. Анализ женских образов помогает глубже понять исторические особенности эпохи и увидеть, как вопросы любви, свободы, равенства и общественного осуждения приобретают универсальное значение. Обращение к этим произведениям сохраняет актуальность и сегодня, поскольку проблема соотношения личного выбора и общественных ожиданий продолжает оставаться значимой для современного человека.

Список использованной литературы

1. Белинский В. Г. Статьи о русской литературе. — М.: Юрайт, 2020.
2. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. — М.: АСТ, 2021.

3. Карамзин Н. М. Бедная Лиза. — М.: Эксмо, 2020.
4. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий. — СПб.: Азбука, 2021.
5. Островский А. Н. Гроза. — М.: Эксмо, 2022.
6. Пушкин А. С. Евгений Онегин. — М.: АСТ, 2021.
7. Толстой Л. Н. Анна Каренина. — М.: Эксмо, 2022.
8. Толстой Л. Н. Война и мир. — М.: АСТ, 2021.
9. Тургенев И. С. Дворянское гнездо. — М.: Эксмо, 2020.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ

Ахмедов Нумон Нейматович
старший преподаватель
Ташмуратова Бахор Искандар кизи
студентка 3-го курса направления «Родной язык и литература (русский язык)»
Шахрисабзский государственный педагогический институт
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются основные этапы развития русской литературы от древнерусской письменности до современного литературного процесса. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения взаимосвязи исторических преобразований, художественного новаторства и культурной преемственности. Научная проблема заключается в определении закономерностей, благодаря которым русская литература сохраняет связь между различными эпохами, одновременно изменяя способы изображения человека и общества. Цель работы — выявить особенности литературного развития и определить устойчивые темы, объединяющие произведения разных исторических периодов. Методологическую основу составляют историко-литературный, сравнительно-исторический и культурологический подходы. Результаты анализа показывают, что русская литература развивается как целостный, но неоднородный процесс, в котором художественные формы меняются, а нравственно-философские вопросы сохраняют актуальность. Делается вывод о значении литературной преемственности для сохранения культурного наследия и развития межкультурного диалога.*

Ключевые слова: *русская литература, литературный процесс, историческая периодизация, художественная традиция, преемственность, русская классика, культурное наследие.*

Annotatsiya. *Maqolada qadimgi rus yozma adabiyotidan tortib zamonaviy adabiy jarayongacha bo‘lgan rus adabiyoti rivojlanishining asosiy bosqichlari ko‘rib chiqiladi. Tadqiqotning dolzarbligi tarixiy o‘zgarishlar, badiiy yangiliklar va madaniy davomiylik o‘rtasidagi o‘zaro bog‘liqlikni o‘rganish zarurati bilan belgilanadi. Ilmiy muammo rus adabiyotining turli davrlar o‘rtasidagi aloqani saqlab qolishi bilan birga, inson va jamiyatni*

tasvirlash usullarini o‘zgartirib borishiga imkon beruvchi qonuniyatlarni aniqlashdan iborat. Ishning maqsadi adabiy rivojlanish xususiyatlarini ochib berish hamda turli tarixiy davrlarga mansub asarlarni birlashtiruvchi barqaror mavzularni aniqlashdir. Tadqiqotning metodologik asosini tarixiy-adabiy, qiyosiy-tarixiy va madaniyatshunoslik yondashuvlari tashkil etadi. Tahlil natijalari rus adabiyoti yaxlit, biroq bir xil bo‘lmagan jarayon sifatida rivojlanishini, bunda badiiy shakllar o‘zgarib borishi, axloqiy-falsafiy masalalar esa o‘z dolzarbligini saqlab qolishini ko‘rsatadi. Xulosa qilib aytganda, adabiy davomiylik madaniy merosni saqlash va madaniyatlararo muloqotni rivojlantirishda muhim ahamiyatga ega.

Kalit so‘zlar: *rus adabiyoti, adabiy jarayon, tarixiy davrlashtirish, badiiy an’ana, vorisiylik, rus mumtoz adabiyoti, madaniy meros.*

Abstract. *The article examines the main stages of Russian literature, from Old Russian written traditions to contemporary literary developments. The research focuses on the relationship between historical transformations, artistic innovation, and cultural continuity. The aim is to identify the main patterns of literary development and the recurring themes connecting different historical periods. The study employs historical-literary, comparative-historical, and cultural approaches. The findings suggest that Russian literature represents a continuous yet diverse process in which artistic forms change while ethical and philosophical concerns remain relevant. The article concludes that literary continuity plays an important role in preserving cultural heritage and promoting intercultural dialogue.*

Keywords: *Russian literature, literary history, artistic tradition, continuity, Russian classics, cultural heritage.*

Введение. Русская литература является важной частью мировой культуры. На протяжении многих столетий она отражала исторические события, общественные изменения и духовные поиски человека. Литературные произведения позволяют не только узнать о жизни людей разных эпох, но и понять их представления о нравственности, справедливости, свободе и ответственности.

Актуальность исследования определяется необходимостью рассматривать историю русской литературы не только как последовательность исторических периодов, но и как процесс взаимодействия художественных традиций и новых эстетических форм. Теоретическую основу работы составляют исследования Д. С. Лихачёва, посвящённые поэтике и историческому развитию русской литературы [2; 3], А. С. Бушмина о литературной преемственности [1] и В. Е. Хализева по теории литературы [4].

Научная проблема заключается в выявлении закономерностей, благодаря которым русская литература, изменяясь под влиянием исторических обстоятельств, сохраняет связь между различными эпохами.

Цель исследования — определить основные этапы развития русской литературы и выявить особенности взаимодействия исторических изменений, художественного новаторства и культурной преемственности.

Для достижения поставленной цели используются историко-литературный, сравнительно-исторический и культурологический методы. Гипотеза исследования состоит в том, что литературная преемственность обеспечивается сохранением и

переосмыслением нравственно-философских проблем, несмотря на изменение художественных направлений и способов изображения человека.

Формирование древнерусской литературы связано с распространением письменности и принятием христианства на Руси в 988 году. В этот период развивались летописание, житийная литература, поучения и воинские повести. Основными задачами письменности были сохранение исторической памяти, передача религиозных представлений и формирование нравственных ориентиров.

Одним из важнейших памятников является «Повесть временных лет», содержащая сведения о происхождении Руси и деятельности князей. Особое место занимает «Слово о полку Игореве», в котором повествование о походе князя Игоря против половцев сочетается с размышлениями о судьбе родной земли и необходимости единства.

Как отмечает Д. С. Лихачёв, древнерусскую литературу следует рассматривать с учётом её исторической специфики и особенностей художественной системы [2; 3]. Её значение заключается в формировании основ письменной традиции и сохранении культурной памяти.

Таким образом, древнерусская литература заложила основы последующего литературного развития, сформировав представления о нравственном долге, служении родной земле и ответственности человека перед обществом.

XVIII век стал периодом существенного преобразования русской литературы. Развитие образования, науки, книгоиздания и светской культуры способствовало появлению новых жанров и расширению выразительных возможностей русского языка.

Михаил Васильевич Ломоносов внёс значительный вклад в развитие стихосложения и литературного языка. Гавриил Романович Державин обновил одическую традицию, сочетая торжественность поэзии с индивидуальными размышлениями о человеке и обществе.

В комедии Дениса Ивановича Фонвизина «Недоросль» подвергаются критике невежество, сословные предрассудки и недостатки воспитания. В конце столетия получил распространение сентиментализм, ярким примером которого стала повесть Николая Михайловича Карамзина «Бедная Лиза». В центре внимания писателя находились чувства человека, его внутренний мир и способность к глубоким переживаниям.

Важным результатом литературного развития XVIII века стало расширение тематики произведений и формирование более разнообразных способов изображения личности. Литература постепенно отходила от преимущественно нормативных моделей и уделяла больше внимания индивидуальности героя.

Таким образом, литература XVIII века подготовила переход к русской классике XIX столетия, способствуя развитию литературного языка, жанров и индивидуального авторского стиля.

XIX век традиционно называют золотым веком русской литературы. В этот период получили развитие романтизм, реализм и психологическая проза. Художественные произведения стали пространством глубокого осмысления личности, общества и нравственного выбора.

Александр Сергеевич Пушкин сыграл важнейшую роль в становлении современного русского литературного языка. В романе в стихах «Евгений Онегин» [5] изображение общественной жизни сочетается с психологическим анализом героев. В повести «Капитанская дочка» раскрываются проблемы чести, долга и ответственности.

Михаил Юрьевич Лермонтов в романе «Герой нашего времени» исследовал внутренние противоречия личности и её отношения с обществом. Николай Васильевич Гоголь в произведениях «Ревизор» и «Мёртвые души» [6] использовал сатиру для критики бюрократизма, корыстолюбия и человеческих пороков.

Во второй половине XIX века усилилось внимание к социальным и философским проблемам. В романе Ивана Сергеевича Тургенева «Отцы и дети» [7] раскрывается конфликт поколений, связанный с различиями в мировоззрении и отношении к общественным преобразованиям. Фёдор Михайлович Достоевский в романе «Преступление и наказание» [8] исследует совесть, свободу и нравственную ответственность человека. Лев Николаевич Толстой в произведениях «Война и мир» [9] и «Анна Каренина» обращается к проблемам истории, семьи, любви и нравственного выбора.

Анализ этих произведений показывает, что одной из важнейших особенностей литературы XIX века стало углубление психологизма. Человек изображается как сложная личность, чьи поступки определяются взаимодействием внутренних убеждений, социальных условий и нравственных противоречий.

Особое значение имело развитие реалистического метода, позволившего писателям раскрывать характеры в тесной связи с исторической и общественной средой. Вместе с тем русская классическая литература не ограничивалась изображением действительности: она ставила вопросы о смысле жизни, справедливости и границах человеческой свободы.

Конец XIX – начало XX века стали периодом интенсивных художественных экспериментов. В литературе получили развитие символизм, акмеизм и футуризм, каждый из которых предложил собственное понимание поэтического языка и художественного образа.

Александр Александрович Блок использовал символические образы для выражения духовных поисков и размышлений о судьбе России. Анна Андреевна Ахматова раскрывала внутренний мир человека через точность художественной детали, лаконичность и эмоциональную выразительность. Сергей Александрович Есенин обращался к образам природы, родины и русской деревни. Владимир Владимирович Маяковский экспериментировал с ритмом, словотворчеством и формой стихотворения.

Поэтические направления Серебряного века различались эстетическими принципами, однако каждое из них стремилось обновить художественный язык и расширить возможности литературного выражения. Серебряный век продемонстрировал, что развитие литературы происходит не только через изменение тематики, но и посредством преобразования художественной формы. Эксперименты с ритмом, метафорой, символом и словом значительно расширили выразительные возможности русской словесности.

После революции 1917 года литература развивалась в условиях масштабных общественных преобразований и усиления идеологического контроля. В произведениях отражались революция, Гражданская война, индустриализация, военные испытания, социальные конфликты и судьбы отдельных людей.

Максим Горький обращался к проблемам человеческого достоинства, общественных преобразований и положения личности. В романе Михаила Александровича Шолохова «Тихий Дон» [10] революция и Гражданская война представлены через судьбы донского казачества и внутренние конфликты героев.

Особое значение приобрела литература о Второй мировой войне. В повести Бориса Львовича Васильева «А зори здесь тихие…» раскрываются темы мужества, самопожертвования и трагизма человеческих судеб. Поэма Александра Трифоновича Твардовского «Василий Тёркин» показывает стойкость человека в условиях военных испытаний, соединяя героическое содержание с народной речевой традицией.

Вместе с тем развитие литературы сопровождалось цензурными ограничениями, которые влияли на публикацию произведений и выражение авторской позиции. Часть писателей была вынуждена работать в условиях идеологического давления, а некоторые произведения получили возможность широкого распространения только спустя годы после создания. Поэтому советское литературное наследие необходимо рассматривать с учётом как художественных достижений, так и исторических ограничений. Этот период характеризуется сложным взаимодействием официальных эстетических требований, авторского замысла и стремления литературы к правдивому изображению действительности.

Во второй половине XX века усилился интерес к индивидуальному опыту человека, исторической памяти и нравственным противоречиям. В произведениях Валентина Григорьевича Распутина, в частности в повести «Прощание с Матёрой» [11], исследуются связь человека с родной землёй, традиционный уклад жизни и последствия общественных преобразований.

Александр Исаевич Солженицын обращался к трагическим страницам истории, проблемам политических репрессий и человеческого достоинства. Его произведения способствовали осмыслению исторического опыта и расширению общественного обсуждения прошлого.

В конце XX — начале XXI века литературный процесс стал более разнообразным в тематическом, жанровом и стилистическом отношениях. Современные авторы обращаются к проблемам личной идентичности, исторической памяти, семейных отношений, социальных изменений и поиска смысла существования.

Существенную роль в распространении литературы играют цифровые технологии. Электронные библиотеки, интернет-платформы и сетевые издания расширяют возможности чтения, публикации и обсуждения произведений. Наряду с традиционными печатными изданиями развиваются новые формы взаимодействия автора и читателя.

При этом классическая литература сохраняет значение благодаря универсальности затрагиваемых вопросов: любви, ответственности, свободы, справедливости и нравственного выбора. Современная литература демонстрирует

взаимодействие традиции и новаторства, подтверждая, что культурное наследие не остаётся неизменным, а постоянно переосмысливается новыми поколениями авторов.

Результаты анализа и обсуждение. Сопоставление основных этапов развития русской литературы позволяет выявить несколько закономерностей, характеризующих её историческую динамику и преемственность.

Во-первых, литературный процесс тесно связан с историческими и культурными преобразованиями. Изменения общественного устройства, системы образования, культурных ценностей и общественных отношений влияли на тематику произведений, жанры и художественные методы. В результате литература выступала одновременно отражением исторической действительности и формой её художественного осмысления.

Во-вторых, на протяжении столетий усложнялись способы изображения человека. Древнерусская литература преимущественно опиралась на религиозные и нравственные представления, тогда как в литературе XVIII–XIX веков усилилось внимание к индивидуальным чувствам, психологическим противоречиям и социальному поведению. В литературе XX–XXI веков расширилось осмысление исторической памяти, личной идентичности и сложных взаимоотношений личности с обществом.

В-третьих, устойчивой особенностью русской литературы является преемственность нравственно-философской проблематики. В произведениях разных эпох рассматриваются вопросы справедливости, человеческого достоинства, свободы и ответственности. Однако художественные способы раскрытия этих тем меняются в соответствии с эстетическими и историческими условиями.

В-четвёртых, преемственность не исключает новаторства. А. С. Бушмин рассматривает литературное развитие в связи с взаимодействием традиции и её последующего преобразования [1]. Новые художественные направления возникают не изолированно, а в диалоге с предшествующим литературным опытом. Они могут продолжать отдельные традиции, переосмысливать их или вступать с ними в полемику.

В-пятых, литературное наследие сохраняет значение благодаря способности произведений разных эпох выходить за пределы конкретного исторического контекста. Проблемы нравственного выбора, ответственности за собственные поступки и отношений человека с обществом продолжают вызывать интерес у новых поколений читателей.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что развитие русской литературы определяется взаимодействием исторических обстоятельств, изменений художественной формы и устойчивых нравственных вопросов. При этом исследование носит качественный обзорно-аналитический характер и не претендует на исчерпывающий охват всех авторов, произведений и литературных направлений.

Заключение. Таким образом, русская литература прошла сложный путь развития, в ходе которого сформировались разнообразные художественные направления и способы изображения человека. Древнерусская словесность заложила основы письменной культуры, литература XVIII века подготовила развитие новой художественной системы, а XIX век стал периодом расцвета русской классики.

Серебряный век расширил выразительные возможности поэзии, литература XX века отразила противоречивый исторический опыт, а литература конца XX — начала XXI века продолжила исследование проблем личности и общества в изменяющихся культурных условиях.

Результаты анализа показывают, что основным условием целостности литературного процесса является взаимодействие преемственности и художественного обновления. Несмотря на смену эпох, русская литература сохраняет внимание к нравственному выбору, человеческому достоинству, исторической памяти и отношениям между личностью и обществом.

Научная значимость исследования заключается в систематизации основных этапов литературного развития с точки зрения взаимосвязи исторических изменений и художественных традиций. Практическая значимость состоит в возможности использования результатов при преподавании истории русской литературы и подготовке учебно-исследовательских материалов.

Список использованной литературы

1. Бушмин А. С. Преемственность в развитии литературы. — Л.: Наука, 1975.
2. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — 2-е изд., доп. — Л.: Художественная литература, Ленинградское отделение, 1971.
3. Лихачёв Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков: эпохи и стили. — Л.: Наука, 1973.
4. Хализев В. Е. Теория литературы. — 6-е изд., испр. — М.: Академия, 2013.
5. Пушкин А. С. Евгений Онегин: роман в стихах, поэмы, драмы, сказки. — М.: Э, 2016. — 637 с. — (Русская классика). — ISBN 978-5-699-35677-5.
6. Гоголь Н. В. Мёртвые души: поэма / Н. В. Гоголь; худож. А. М. Лаптев; коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.: Детская литература, 2015. — Т. 1. — 447 с. — ISBN 978-5-08-005419-8.
7. Тургенев И. С. Отцы и дети. — М.: АСТ, 2014. — ISBN 978-5-389-04996-3.
8. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: роман. — М.: АСТ, 2015. — 541 с. — (Русская классика). — ISBN 978-5-17-061927-6.
9. Толстой Л. Н. Война и мир: роман: в 2 т. — М.: АСТ, 2015. — Кн. 1, т. 1–2. — 734 с. — ISBN 978-5-17-060765-5.
10. Шолохов М. А. Тихий Дон: роман. — М.: АСТ, 2010. — Т. 1. — 702 с. — ISBN 978-5-17-063289-3.
11. Распутин В. Г. Прощание с Матёрой: повести, рассказы. — М.: Эксмо, 2010. — 704 с. — (Библиотека всемирной литературы). — ISBN 978-5-699-43186-1.

ЖИВОЕ СЛОВО В ЦИФРОВОМ МИРЕ: РОЛЬ ТРАДИЦИОННОГО ЧТЕНИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ РАЗВИТИИ И СЕМЕЙНОМ ВОСПИТАНИИ

Ахмедов Нумон Нейматович
старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Шахрисабзского государственного педагогического института
Шигаева Фироза Шавкатовна
студентка направления «Родной язык и литература (русский язык)» Шахрисабзского государственного педагогического института
Шахрисабз, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается значение традиционного чтения в условиях расширения цифрового информационного пространства и изменения привычных форм взаимодействия между родителями и детьми. Цель исследования заключается в выявлении педагогических и психологических возможностей семейного чтения как средства развития читательской культуры, познавательной активности и эмоциональной отзывчивости ребёнка. Особое внимание уделяется сопоставлению чтения печатных и электронных текстов, роли родительского примера в формировании читательских привычек и условиям создания благоприятной литературной среды в семье. На основе анализа научных публикаций и педагогических подходов обосновывается необходимость осознанного использования цифровых устройств и сохранения регулярного чтения художественной и познавательной литературы. Предлагаются практические рекомендации по организации совместного чтения, обсуждению литературных произведений, формированию домашней библиотеки и применению ненасильственных методов воспитания. Делается вывод о том, что устойчивый интерес к литературе развивается преимущественно в атмосфере эмоциональной поддержки, личного примера взрослых и свободного доступа ребёнка к книгам.*

Ключевые слова: *традиционное чтение, печатная книга, цифровая среда, читательская культура, семейное воспитание, родительский пример, когнитивное развитие, эмоциональный интеллект, домашняя библиотека, совместное чтение.*

Annotatsiya. Maqolada raqamli axborot makonining kengayishi hamda ota-onalar va bolalar o‘rtasidagi o‘zaro munosabatlarning odatiy shakllari o‘zgarib borayotgan sharoitda an’anaviy o‘qishning ahamiyati ko‘rib chiqiladi. Tadqiqotning maqsadi oilaviy mutolaaning bolaning kitobxonlik madaniyati, bilish faolligi va hissiy ta’sirchanligini rivojlantirish vositasi sifatidagi pedagogik va psixologik imkoniyatlarini aniqlashdan iborat. Bosma va elektron matnlarni o‘qishning o‘ziga xos xususiyatlarini taqqoslash, bolada kitobxonlik odatlarini shakllantirishda ota-onalarning shaxsiy namunasining o‘rni hamda oilada qulay adabiy muhitni yaratish shartlariga alohida e’tibor qaratiladi. Ilmiy nashrlar tahlili va pedagogik yondashuvlar asosida raqamli qurilmalardan ongli ravishda foydalanish hamda badiiy va ilmiy-ommabop adabiyotlarni muntazam o‘qish an’anasini saqlab qolish zarurligi asoslab beriladi. Birgalikda mutolaa qilishni tashkil etish, adabiy asarlarni muhokama qilish, uy kutubxonasini shakllantirish va tarbiyada zo‘ravonliksiz usullardan foydalanish bo‘yicha

amaliy tavsiyalar taklif etiladi. Xulosa qilib aytganda, adabiyotga nisbatan barqaror qiziqish, asosan, hissiy qo‘llab-quvvatlash, kattalarning shaxsiy namunasi va bolaning kitoblardan erkin foydalanish imkoniyati mavjud bo‘lgan muhitda rivojlanadi.

Kalit so‘zlar: *an’anaviy o‘qish, bosma kitob, raqamli muhit, kitobxonlik madaniyati, oilaviy tarbiya, ota-onalarning shaxsiy namunasi, kognitiv rivojlanish, hissiy intellekt, uy kutubxonasi, birgalikda mutolaa qilish.*

Abstract. *The article examines the significance of traditional reading in the context of the expanding digital information environment and changing patterns of interaction between parents and children. The aim of the study is to identify the pedagogical and psychological potential of family reading as a means of developing children's reading culture, cognitive engagement, and emotional responsiveness. Particular attention is paid to comparing the reading of printed and electronic texts, the role of parental example in fostering reading habits, and the conditions necessary for creating a supportive literary environment within the family. Based on an analysis of scholarly publications and pedagogical approaches, the article substantiates the need for the conscious use of digital devices and the preservation of regular reading of fiction and popular science literature. Practical recommendations are proposed for organizing shared reading, discussing literary works, building a home library, and applying non-coercive parenting methods. The article concludes that a lasting interest in literature develops primarily in an environment characterized by emotional support, the personal example of adults, and children's free access to books.*

Keywords: *traditional reading, printed book, digital environment, reading culture, family upbringing, parental example, cognitive development, emotional intelligence, home library, shared reading.*

Введение. Развитие информационных технологий существенно изменило способы получения, хранения и распространения знаний. Электронные библиотеки, образовательные платформы и мобильные приложения расширили возможности самостоятельного обучения. Вместе с тем распространение цифровых устройств поставило перед педагогикой и психологией новые вопросы, связанные с организацией внимания, качеством восприятия текста и формированием устойчивых познавательных интересов у детей.

В современных условиях особую актуальность приобретает проблема сохранения культуры вдумчивого чтения. Обилие доступной информации не всегда сопровождается её глубоким осмыслением. Быстрое переключение между сообщениями, изображениями и видеоматериалами может затруднять продолжительную работу с объёмными текстами, особенно если цифровые устройства используются без учёта возраста ребёнка и образовательных целей. Однако было бы неправильно рассматривать все электронные форматы как препятствие для интеллектуального развития. Значение имеет не только технический носитель, но и содержание материала, характер читательской деятельности и условия, в которых она осуществляется.

Чтение представляет собой сложный познавательный процесс, включающий распознавание письменных знаков, понимание языковых конструкций, установление

логических связей, интерпретацию смыслов и соотнесение прочитанного с личным опытом. М. Вулф рассматривает формирование навыка чтения как результат сложной адаптации человеческого мозга, в ходе которой взаимодействуют языковые, зрительные и когнитивные процессы [1]. Следовательно, развитие читательской культуры необходимо рассматривать не только как задачу обучения грамоте, но и как важное направление интеллектуального и личностного становления человека.

Не менее значима роль семьи. Именно в домашней среде ребёнок впервые знакомится с книгой как источником знаний, эмоциональных переживаний и общения. Отношение родителей к чтению, доступность литературы и характер обсуждения прочитанного способны влиять на формирование интереса к художественному слову. Поэтому исследование семейного чтения требует комплексного подхода, объединяющего положения педагогики, психологии развития и современных исследований читательской деятельности.

Цель статьи — определить педагогические и психологические возможности традиционного чтения в развитии ребёнка и обосновать эффективные способы формирования читательской культуры в семье в условиях цифровизации.

Для достижения поставленной цели рассматриваются следующие задачи:

1. раскрыть значение чтения для развития познавательных и языковых способностей;
2. проанализировать особенности восприятия печатных и электронных текстов;
3. определить значение родительского примера в формировании читательских привычек;
4. систематизировать практические методы организации семейного чтения;
5. обосновать необходимость ненасильственного и индивидуально ориентированного подхода к литературному воспитанию.

Чтение является многоуровневой интеллектуальной деятельностью, которая предполагает не только восприятие письменной информации, но и активное конструирование смысла. Для понимания текста читатель устанавливает причинно-следственные связи, соотносит отдельные эпизоды, прогнозирует дальнейшее развитие событий и оценивает мотивы персонажей. Подобная деятельность создаёт условия для развития аналитического мышления, речевых навыков и способности к самостоятельной интерпретации информации.

Особое значение имеет чтение произведений, содержание которых требует последовательного осмысления. В процессе знакомства с литературным текстом ребёнок удерживает в памяти сведения о персонажах, сопоставляет их поступки и возвращается к ранее прочитанным эпизодам. Благодаря этому чтение может выступать одним из средств развития произвольного внимания и смысловой памяти. Вместе с тем результат зависит от сложности произведения, уровня подготовки читателя, регулярности занятий и степени понимания материала.

Исследования нейропсихологии чтения показывают, что способность читать не возникает автоматически, а формируется посредством обучения и практики. М. Вулф подчёркивает пластичность процессов, обеспечивающих чтение, и обращает внимание на необходимость сохранения условий для глубокого понимания текста в современной

информационной среде [1]. В педагогическом аспекте это означает, что ребёнку важно не только научиться быстро распознавать слова, но и освоить способы осмысленного чтения: задавать вопросы, выделять главную мысль, устанавливать связи между событиями и формулировать собственные выводы.

Художественная литература обладает также значительным воспитательным потенциалом. Знакомясь с различными жизненными ситуациями, читатель получает возможность рассматривать события с позиции другого человека. Переживания литературных героев могут становиться поводом для разговора о дружбе, ответственности, справедливости, взаимопомощи и нравственном выборе. При этом воспитательное значение произведения определяется не только его содержанием, но и тем, насколько свободно ребёнок может выражать собственное мнение и обсуждать неоднозначные поступки персонажей.

Важным аспектом является связь чтения с эмоциональным благополучием. Спокойное обращение к интересной книге может создавать условия для переключения внимания с повседневных забот, снижения субъективного напряжения и восстановления эмоционального равновесия. Однако чтение не следует рассматривать как универсальное средство лечения стресса или психологических нарушений. Его возможный положительный эффект зависит от индивидуальных особенностей человека и характера читательского опыта.

Таким образом, систематическое чтение следует рассматривать как один из компонентов комплексного развития личности. Оно способствует расширению словарного запаса, совершенствованию понимания речи, формированию аналитических навыков и обогащению эмоционального опыта. Для достижения этих результатов необходимы регулярность, доступность литературы и соответствие содержания возрастным интересам ребёнка.

Распространение электронных устройств привело к расширению представлений о формах чтения. Сегодня человек может обращаться к одному и тому же произведению в печатном издании, электронной библиотеке или мобильном приложении. Каждый формат обладает определёнными преимуществами, поэтому противопоставление бумажной и электронной книги требует научно обоснованного подхода.

Одним из значимых исследований в данной области является систематический обзор и метаанализ В. Клинтон, опубликованный в журнале *Journal of Research in Reading*. Автор обобщила результаты 33 исследований, включавших в общей сложности 2799 участников. Полученные данные свидетельствуют о небольшом преимуществе чтения с бумаги по сравнению с экраном в отношении понимания текста. При этом различия зависели от типа материала: преимущество печатного формата проявлялось преимущественно при чтении информационных текстов, тогда как для повествовательных произведений существенных различий обнаружено не было [2].

Эти результаты позволяют выделить несколько особенностей традиционного чтения.

Во-первых, печатная книга обеспечивает устойчивую организацию читательского пространства. Страницы имеют постоянное расположение, а объём

прочитанного легко соотнести с физической структурой издания. Такая организация может помогать ориентироваться в тексте, возвращаться к предыдущим фрагментам и поддерживать последовательность чтения.

Во-вторых, бумажная книга создаёт условия для взаимодействия с текстом без постоянного переключения на другие цифровые функции. При чтении печатного издания отсутствуют встроенные уведомления и ссылки на посторонние материалы, характерные для многих цифровых платформ [3]. Это не означает, что любой экран неизбежно отвлекает читателя: электронное устройство в режиме чтения также может обеспечивать достаточно спокойную рабочую среду. Однако организация цифрового пространства имеет существенное значение для поддержания внимания.

В-третьих, печатное издание может выполнять особую культурную и эмоциональную функцию. Возможность самостоятельно выбирать книги, оформлять домашнюю библиотеку, делать заметки на полях и сохранять понравившиеся цитаты способствует формированию индивидуального читательского опыта. Для ребёнка книга может становиться предметом личной ценности, связанным с воспоминаниями о семейных беседах, совместном чтении и значимых событиях.

В то же время электронные форматы расширяют доступ к литературе, особенно в случаях, когда печатные издания трудно приобрести или найти. Электронные библиотеки позволяют быстро искать информацию, изменять размер шрифта и использовать дополнительные инструменты, облегчающие чтение. Поэтому педагогически обоснованным представляется не полный отказ от цифровых технологий, а выбор формата в соответствии с задачей.

Если требуется внимательно изучить сложный учебный материал, полезно организовать чтение таким образом, чтобы ничто не отвлекало от текста, а понимание проверялось посредством вопросов и пересказа. Для поиска сведений и обращения к электронным источникам цифровые устройства могут быть эффективным инструментом. Художественную литературу при этом целесообразно включать в регулярную читательскую практику независимо от выбранного носителя.

Следовательно, основная задача современного образования и семейного воспитания заключается не в противопоставлении традиций и технологий, а в формировании осознанной культуры чтения, предполагающей глубокое понимание содержания, критическую оценку информации и разумное использование цифровых ресурсов.

Формирование читательских привычек начинается задолго до того, как ребёнок самостоятельно осваивает письменную речь. В раннем возрасте большое значение имеют устные рассказы, рассматривание иллюстраций, чтение вслух и эмоциональный контакт со взрослым. Постепенно книга становится частью повседневного опыта ребёнка и может приобретать устойчивую связь с удовольствием от общения и познания нового.

В данном процессе существенную роль играет поведение родителей. Дети наблюдают за привычками взрослых, обращают внимание на то, как они проводят свободное время, получают информацию и относятся к обучению. Если чтение присутствует в повседневной жизни семьи, ребёнок имеет возможность воспринимать его как естественную и социально значимую деятельность.

Напротив, ситуация, в которой взрослые постоянно используют смартфоны для развлечения, но одновременно требуют от ребёнка проводить много времени за книгой, может создавать противоречие между словами и реальным поведением. В подобных обстоятельствах требование читать рискует восприниматься как внешнее ограничение, а не как приглашение к интересной деятельности.

Этот вопрос целесообразно рассматривать в контексте социального научения и формирования привычек [4]. Личный пример родителей не гарантирует автоматического возникновения у ребёнка любви к литературе, поскольку на его интересы влияют также возраст, индивидуальные способности, школьная среда, отношения со сверстниками и доступность подходящих произведений. Тем не менее последовательность между воспитательными требованиями взрослых и их собственными действиями создаёт более благоприятные условия для усвоения желаемой модели поведения.

Особое значение имеет характер родительского общения. Если после прочтения книги взрослый предлагает ребёнку поделиться впечатлениями, объяснить поступки героев или рассказать о понравившемся эпизоде, чтение приобретает диалогический характер. При этом важно избегать превращения каждой беседы в проверку знаний. Постоянное требование пересказывать текст, отвечать на вопросы по образцу или демонстрировать обязательный результат может снижать удовольствие от чтения.

Гораздо продуктивнее поддерживать любознательность ребёнка посредством открытых вопросов: почему персонаж поступил определённым образом, какие чувства он испытывал, мог ли он выбрать другое решение? Подобное обсуждение развивает речь, способность аргументировать собственную позицию и уважительно воспринимать альтернативные точки зрения.

Таким образом, родительский пример следует понимать не как единственный фактор воспитания, а как важнейшее условие создания семейной культуры чтения. Она формируется через доступность книг, регулярность совместных занятий, уважение к интересам ребёнка и заинтересованное участие взрослых в его интеллектуальном развитии.

Эффективность семейного чтения зависит от того, насколько органично оно включено в повседневную жизнь. Чрезмерный контроль, постоянные требования и использование книги исключительно как учебной обязанности могут вызывать отрицательное отношение к литературе. Поэтому предпочтение следует отдавать методам, основанным на добровольном участии, эмоциональной поддержке и постепенном формировании самостоятельности.

Книги должны находиться в пределах досягаемости ребёнка. Желательно предусмотреть отдельную полку или небольшое пространство, где будут представлены произведения разных жанров, красочные издания, познавательная литература и книги, соответствующие возрасту. Важно, чтобы ребёнок мог самостоятельно выбирать произведение и возвращаться к нему по собственному желанию.

При формировании читательского интереса необходимо учитывать личные предпочтения детей. Одному ребёнку могут нравиться приключенческие истории, другому — сказки, рассказы о природе, исторические сюжеты или научно-популярные издания. Не следует оценивать интерес к литературе исключительно по количеству

прочитанных страниц или сложности выбранного произведения. На начальном этапе важнее сформировать положительное отношение к чтению.

Даже непродолжительные, но систематические занятия могут стать важной частью семейного общения. Родители могут читать вслух, по очереди озвучивать реплики персонажей, рассматривать иллюстрации и обсуждать содержание. Постепенно ребёнку следует предоставлять больше самостоятельности, сохраняя возможность обратиться к взрослому за разъяснением или советом.

После завершения произведения можно предложить ребёнку рассказать о наиболее запомнившемся эпизоде, объяснить отношение к герою или придумать альтернативное продолжение истории. Подобные задания способствуют развитию воображения и самостоятельного мышления. При этом взрослому важно не навязывать единственно правильную интерпретацию художественного произведения, а учитывать аргументы и эмоциональные реакции ребёнка.

Дарение книг на дни рождения и другие семейные праздники может способствовать формированию положительного отношения к чтению. Наибольшую ценность такой подарок приобретает тогда, когда родители учитывают интересы ребёнка и объясняют, почему выбрали именно это произведение. Книгу не следует преподносить как замену всем другим подаркам или как обязательное вознаграждение за хорошее поведение: её значение определяется прежде всего личным интересом и содержанием.

Для поддержания читательской активности полезно договариваться о времени, свободном от развлекательных уведомлений и постоянного переключения между приложениями. Например, семья может выделить определённый период для совместного чтения, во время которого взрослые также откладывают смартфоны. Подобная практика должна опираться на понятные и последовательные правила, применяемые ко всем членам семьи с учётом их обязанностей и возраста.

Поддержка ребёнка не должна ограничиваться похвалой за количество прочитанных книг. Не менее важно замечать его любознательность, самостоятельный выбор произведения, попытки объяснить сложный эпизод и желание поделиться впечатлениями. Искренняя заинтересованность родителей помогает ребёнку почувствовать, что его интеллектуальные усилия имеют значение.

Воспитание должно основываться на уважении к достоинству ребёнка и отказе от физического воздействия. Однако предлагать книгу в качестве обязательного наказания за проступок также педагогически нецелесообразно. Если чтение постоянно связывается с ограничениями и неприятными переживаниями, оно может утратить привлекательность и восприниматься как форма принуждения.

Вместо этого взрослым следует спокойно объяснять последствия поступка, устанавливать разумные границы, помогать ребёнку осмысливать ситуацию и выбирать способы исправления допущенной ошибки. Литературное произведение можно использовать позднее как повод для обсуждения похожего конфликта или нравственного выбора персонажа, но не как средство подавления протеста и не как замену конструктивному разговору.

Предложенные методы не предполагают единого обязательного сценария для всех семей. Их применение должно учитывать возраст ребёнка, уровень владения

чтением, индивидуальные особенности и реальные возможности родителей. Главным критерием эффективности является постепенное формирование самостоятельного интереса к литературе, а не формальное выполнение установленных норм.

Современная образовательная среда требует формирования у детей не только технических навыков, но и способности самостоятельно работать с информацией. Умение находить необходимые сведения должно дополняться навыками критического анализа, проверки достоверности источников и понимания авторской позиции [5]. В этом отношении чтение объёмных текстов сохраняет важное образовательное значение.

Цифровые технологии могут использоваться для расширения читательского опыта. Электронные каталоги, аудиокниги, образовательные платформы и цифровые архивы помогают знакомиться с произведениями, которые трудно найти в обычной библиотеке. Аудиоформат, в частности, может быть полезен детям, испытывающим трудности с самостоятельным чтением, хотя прослушивание текста не во всех случаях заменяет практику работы с письменной речью.

Перспективным направлением представляется сочетание семейного чтения с деятельностью образовательных учреждений. Школы, библиотеки и вузы могут организовывать литературные встречи, тематические выставки, читательские клубы и совместные проекты для родителей и детей. Подобные мероприятия создают дополнительные возможности для обмена впечатлениями и знакомства с произведениями различных жанров.

Вместе с тем при организации таких инициатив необходимо учитывать доступность литературы, языковые предпочтения семьи и индивидуальные потребности ребёнка. Навязывание исключительно классического репертуара без учёта интересов начинающего читателя способно снизить мотивацию. Более продуктивным является постепенное расширение круга чтения: от привлекательных для ребёнка произведений к текстам, требующим более сложного анализа и самостоятельной интерпретации.

Следовательно, сохранение традиций чтения в цифровую эпоху не означает отказа от технического прогресса. Речь идёт о формировании сбалансированной информационной культуры, при которой цифровые ресурсы используются осознанно, а книга остаётся важным средством развития языка, мышления и эмоционального опыта.

Заключение. Проведённый анализ позволяет рассматривать традиционное чтение как значимый компонент интеллектуального, речевого и личностного развития ребёнка. Работа с литературным текстом создаёт условия для совершенствования понимания прочитанного, расширения словарного запаса, развития аналитических способностей и осмысления нравственных вопросов. При этом положительные результаты зависят от регулярности чтения, соответствия произведений возрастным особенностям и характера педагогического сопровождения.

Сопоставление печатного и электронного форматов показывает, что бумажная книга может обеспечивать определённые преимущества при работе с информационными текстами, однако научные данные не подтверждают универсального превосходства печатного носителя во всех ситуациях. Поэтому приоритетным направлением следует считать развитие осознанной читательской

практики, предполагающей понимание содержания, сосредоточенность и критическое отношение к информации.

Особое значение в формировании читательской культуры имеет семья. Родительский пример, доступность книг, совместное обсуждение произведений и уважение к индивидуальным интересам ребёнка создают благоприятную основу для возникновения устойчивой мотивации к чтению. Напротив, чрезмерное давление и использование литературы в качестве наказания могут формировать отрицательные ассоциации и снижать интерес к самостоятельному познанию.

Таким образом, задача современного семейного воспитания заключается в создании такой среды, в которой книга воспринимается не как обязательное требование взрослых, а как естественный источник знаний, воображения и эмоционального опыта. Сочетание традиционного чтения с разумным использованием цифровых ресурсов позволяет поддерживать познавательную активность ребёнка и способствует развитию самостоятельной, мыслящей и социально ответственной личности.

Список использованной литературы

1. Wolf, M. *Proust and the Squid: The Story and Science of the Reading Brain*. — New York: HarperCollins, 2007.

2. Clinton, V. Reading from Paper Compared to Screens: A Systematic Review and Meta-Analysis // *Journal of Research in Reading*. — 2019. — Vol. 42, No. 2. — P. 288–325. — DOI: https://doi.org/10.1111/1467-9817.12269.

3. Carr, N. *The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains*. — New York: W. W. Norton & Company, 2010.

4. Bauer, J. *Warum ich fühle, was du fühlst: Intuitive Kommunikation und das Geheimnis der Spiegelneurone*. — Hamburg: Hoffmann und Campe, 2005.

5. Willingham, D. T. *Why Don't Students Like School? A Cognitive Scientist Answers Questions About How the Mind Works and What It Means for the Classroom*. — San Francisco: Jossey-Bass, 2009.

ФЕНОМЕН «РУССКОЙ ДУШИ» И ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА И Л. Н. ТОЛСТОГО

Ахмедов Нумон Нейматович
Старший преподаватель кафедры языка и литературы Шахрисабзского государственного педагогического института.
Эргашова Юлдуз Норкуловна
Студентка 3-го курса направления «Русский язык в иноязычных группах» Шахрисабзского государственного педагогического института
Шахрисабз, Узбекистан

Аннотация. *В статье исследуются особенности художественного воплощения феномена «русской души» и нравственного идеала женщины в произведениях А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого. Основное внимание уделяется сравнительному анализу образов Татьяны Лариной из романа в стихах «Евгений Онегин» и Наташи Ростовой из романа-эпопеи «Война и мир». Рассматриваются духовная глубина героинь, искренность чувств, связь с народными традициями, нравственная устойчивость и способность к состраданию. На основе анализа художественных эпизодов выявляются общие и индивидуальные особенности характеров героинь. Установлено, что образ Татьяны Лариной раскрывает значение внутреннего достоинства, самостоятельности морального выбора и верности нравственным принципам, тогда как образ Наташи Ростовой подчёркивает роль эмоциональной открытости, жизненной энергии и деятельного милосердия. Делается вывод о том, что сопоставление этих персонажей позволяет глубже понять особенности художественной интерпретации национального характера и женского идеала в русской классической литературе XIX века.*

Ключевые слова: *русская классическая литература, феномен русской души, женский образ, национальный характер, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Татьяна Ларина, Наташа Ростова, нравственный идеал, духовность, народные традиции, нравственный выбор.*

Abstract. *This article examines the artistic representation of the Russian soul and the moral ideal of womanhood in the works of Alexander Pushkin and Leo Tolstoy. Particular attention is given to a comparative analysis of Tatyana Larina in Pushkin's verse novel Eugene Onegin and Natasha Rostova in Tolstoy's epic novel War and Peace. The study explores the heroines' spiritual depth, emotional sincerity, connection with folk traditions, moral integrity, and capacity for compassion. Through an analysis of selected episodes, the article identifies both the common and distinctive features of the two characters. Tatyana Larina is interpreted as an embodiment of inner dignity, independent moral judgment, and fidelity to ethical principles, whereas Natasha Rostova represents emotional openness, vitality, and active compassion. The article concludes that comparing these characters provides a deeper understanding of the artistic interpretation of national identity and the female ideal in nineteenth-century Russian classical literature.*

Keywords: *Russian classical literature, the Russian soul, female characters, national identity, Alexander Pushkin, Leo Tolstoy, Tatyana Larina, Natasha Rostova, moral ideal, spirituality, folk traditions, moral choice.*

Annotatsiya. *Maqolada A. S. Pushkin va L. N. Tolstoy asarlarida «rus ruhi» fenomeni hamda ayolning axloqiy ideali badiiy ifodalanish xususiyatlari tadqiq etiladi. Asosiy e'tibor Pushkinning «Yevgeniy Onegin» she'riy romanidagi Tatyana Larina va Tolstoyning «Urush va tinchlik» roman-epopeyasidagi Natasha Rostova obrazlarini qiyosiy tahlil qilishga qaratilgan. Qahramonlarning ma'naviy olami, his-tuyg'ularining samimiyligi, xalq an'analari bilan bog'liqligi, axloqiy barqarorligi va hamdardlik ko'rsatish qobiliyati o'rganiladi. Badiiy epizodlar tahlili asosida qahramonlar xarakterining mushtarak va o'ziga xos jihatlari aniqlanadi. Tatyana Larina obrazida ichki qadr-qimmat, mustaqil axloqiy tanlov va ma'naviy tamoyillarga sodiqlik, Natasha Rostova obrazida esa hissiy ochiqlik, hayotbaxsh kuch va amaliy mehr-shafqat xususiyatlari ustuvor ekani asoslanadi. Ushbu obrazlarni qiyosiy o'rganish XIX asr rus mumtoz adabiyotida milliy xarakter va ayol idealining badiiy talqinini chuqurroq anglash imkonini berishi xulosa qilinadi.*

Kalit so'zlar: *rus mumtoz adabiyoti, rus ruhi fenomeni, ayol obrazi, milliy xarakter, A. S. Pushkin, L. N. Tolstoy, Tatyana Larina, Natasha Rostova, axloqiy ideal, ma'naviyat, xalq an'analari, axloqiy tanlov*.

Введение. Русская литература XIX века представляет собой важный этап развития художественной мысли, в рамках которого особое значение приобрели вопросы национального самосознания, нравственного выбора и духовного становления личности. Писатели стремились раскрыть не только внешние обстоятельства человеческой жизни, но и внутренние противоречия, определяющие поведение человека, его отношение к окружающим и собственным моральным убеждениям.

В этом контексте понятие «русская душа» рассматривается как литературно-культурная категория, связанная с представлениями об искренности, душевной открытости, сострадании, нравственной ответственности и приверженности народным традициям. При этом оно не трактуется как неизменное свойство всех представителей определённого народа, а анализируется через конкретные художественные образы и авторские представления о духовных ценностях.

Одним из наиболее выразительных способов раскрытия этих качеств стало создание женских характеров. Женщина в русской классической литературе нередко выступает не только участницей сюжетных событий, но и носительницей нравственных ориентиров, посредством которых автор оценивает общественные отношения, семейные ценности и подлинность человеческих чувств.

Особый интерес представляют Татьяна Ларина из романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и Наташа Ростова из романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир». В литературно-критической традиции образ Татьяны рассматривался как одно из значительных художественных воплощений русской женщины; в частности, В. Г. Белинский посвятил этому вопросу специальный раздел своего исследования о творчестве Пушкина [1]. Культурно-исторический подход к анализу дворянской среды и её традиций представлен в трудах Ю. М. Лотмана [2].

Несмотря на различия в характерах героинь, их жизненном опыте и художественном воплощении, обе они связаны с поиском подлинных духовных ценностей. Через судьбы этих персонажей писатели раскрывают взаимодействие личных чувств, общественных требований, семейных отношений и национальных традиций.

Цель исследования — выявить общие и индивидуальные особенности художественного воплощения феномена русской души в образах Татьяны Лариной и Наташи Ростовой.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

1. Раскрыть основные духовно-нравственные характеристики героинь.
2. Исследовать роль народной культуры и культурной среды в формировании их характеров.
3. Сопоставить авторские представления о женском нравственном идеале.
4. Определить значение рассматриваемых образов в художественной системе русской классической литературы XIX века.

Объект исследования — женские образы в произведениях А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого.

Предмет исследования — духовно-нравственные качества Татьяны Лариной и Наташи Ростовой, посредством которых раскрываются представления писателей о национальном характере и идеале женщины.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир» [3; 4]. Анализ охватывает эпизоды, в которых раскрываются отношения героинь с окружающим обществом, народной культурой, природой и близкими людьми, а также ситуации нравственного выбора.

В работе применяются сравнительно-сопоставительный, историко-литературный и текстуальный методы. Сравнительно-сопоставительный метод позволяет выявить общие и отличительные черты характеров героинь. Историко-литературный подход используется для рассмотрения образов в контексте художественных и общественных представлений XIX века. Текстуальный анализ направлен на интерпретацию ключевых эпизодов произведений и определение их значения для понимания авторской концепции личности.

При рассмотрении культурной среды учитывается исследование Ю. М. Лотмана, посвящённое быту, традициям и культурным нормам русского дворянства [2]. При анализе образа Татьяны также принимаются во внимание литературно-критические наблюдения В. Г. Белинского [1].

Методологический принцип исследования заключается в том, что интерпретационные выводы основываются прежде всего на анализе художественных текстов. Понятие «русская душа» рассматривается как исследовательская категория, позволяющая сопоставлять авторские представления о духовности и национальном характере, а не как универсальная характеристика всех представителей народа.

В романе «Евгений Онегин» А. С. Пушкин создаёт образ героини, внутренняя красота которой противопоставлена внешним требованиям светского общества.

Татьяна Ларина интересна прежде всего глубиной переживаний, самостоятельностью суждений и способностью сохранять нравственные убеждения в сложных жизненных обстоятельствах [1; 3].

Характеристика Татьяны строится на противопоставлении её внутреннего мира окружающей действительности. Она не стремится подражать светским манерам, не испытывает особой потребности в шумных развлечениях и предпочитает уединение поверхностному общению. Её склонность к размышлениям, чтению и мечтам свидетельствует о богатстве внутренней жизни.

Важным условием формирования характера героини становится её связь с народной культурой. Сельская обстановка, рассказы няни, старинные обычаи, предания и гадания создают культурную среду, в которой развивается её мировосприятие. Эти элементы не только характеризуют повседневную жизнь Татьяны, но и подчёркивают её эмоциональную близость к традиционному укладу [2; 3].

Особую роль играет образ няни, выступающей посредником между Татьяной и миром народных представлений. Через общение с ней героиня соприкасается с опытом старшего поколения, народной речью и устными преданиями. Благодаря этому её внутренний мир приобретает индивидуальность, отличающую её от представителей светского общества.

Другой существенной особенностью Татьяны является искренность чувств. Её письмо к Онегину представляет собой открытое выражение любви, не подчинённое правилам светского поведения. Решившись первой признаться в своих чувствах, героиня принимает на себя риск быть непонятой или отвергнутой. В этом поступке проявляются эмоциональная открытость и готовность самостоятельно отвечать за собственный выбор [3].

Вместе с тем Пушкин показывает, что искренность не избавляет человека от разочарований. Ответ Онегина становится для Татьяны жизненным испытанием, способствующим более глубокому пониманию окружающих и самой себя. Изменение социального положения героини впоследствии не приводит к утрате её внутренней самостоятельности.

В финале романа Татьяна оказывается перед сложным нравственным выбором. Она признаётся, что продолжает любить Онегина, но отказывается изменить принятому решению. Её слова «Но я другому отдана; / Я буду век ему верна» выражают противоречие между личным чувством и нравственной ответственностью [3, гл. VIII].

Этот эпизод позволяет рассматривать Татьяну не просто как символ верности супружескому долгу, но и как личность, способную самостоятельно определять нравственные границы своего поведения. Её решение приобретает значение выражения внутреннего достоинства и ответственности.

Таким образом, нравственный идеал Пушкина раскрывается через сочетание эмоциональной глубины, духовной самостоятельности и верности собственным убеждениям. Татьяна Ларина становится героиней, чья красота определяется прежде всего внутренней цельностью и способностью принимать осознанные решения.

В романе-эпопее «Война и мир» Л. Н. Толстой представляет иной тип женского характера. Наташа Ростова отличается эмоциональной непосредственностью, жизненной активностью и восприимчивостью к переживаниям окружающих. Её

личность раскрывается в процессе развития, через радостные события, ошибки, разочарования и нравственные испытания [4].

В отличие от Татьяны Лариной, склонной к уединению и размышлениям, Наташа легко выражает свои чувства и активно взаимодействует с окружающим миром. Она способна искренне радоваться, остро переживать огорчения и эмоционально реагировать на происходящее. Толстой противопоставляет её естественность условностям светского общества, в котором внешняя вежливость не всегда соответствует подлинным чувствам.

Однако непосредственность Наташи не означает безошибочности её поведения. История её отношений с Анатолем Курагиным показывает, что героиня может поддаваться сильным впечатлениям и принимать поспешные решения. Пережитое становится для неё серьёзным испытанием, которое способствует осознанию собственных ошибок и необходимости нравственной ответственности.

Важным эпизодом раскрытия национально-культурных качеств Наташи является её танец в доме дядюшки после охоты. Услышав народную мелодию, героиня естественно включается в танец, хотя воспитывалась в дворянской среде. Этот эпизод подчёркивает её связь с народной культурой и способность воспринимать традицию как естественную часть собственного внутреннего мира [4, т. II, ч. IV].

Смысл сцены заключается не только в изображении танцевального мастерства. Через движения и эмоциональное поведение героини Толстой показывает, что национальная традиция может восприниматься как органическая часть культурного опыта человека. Наташа выражает внутреннее чувство, возникающее в непосредственном взаимодействии с народной мелодией.

Не менее значимым качеством героини является сострадание. Во время Отечественной войны 1812 года Наташа настаивает на том, чтобы подводы Ростовых использовались для перевозки раненых, а не семейного имущества. В этом эпизоде проявляется её способность ставить человеческую жизнь выше материальных ценностей [4, т. III].

Данный поступок раскрывает деятельный характер её нравственности. Сострадание Наташи не ограничивается эмоциональным переживанием: оно становится основанием конкретного решения, направленного на помощь другим людям.

Подобная особенность проявляется и в отношениях героини с близкими. Заботясь о князе Андрее Болконском и поддерживая мать после гибели Пети, Наташа направляет свои силы на облегчение чужих страданий. Постепенно эмоциональная восприимчивость превращается в способность к самоотдаче и ответственному отношению к окружающим [4].

В эпилоге романа Наташа предстает женой и матерью. Этот этап её жизни отражает представления Толстого о значении семьи, взаимной заботы и продолжения жизни. Вместе с тем образ героини следует рассматривать в контексте авторского мировоззрения и исторических представлений о женском предназначении.

Таким образом, Наташа Ростова представляет динамическую модель нравственного становления. Её духовная красота раскрывается через естественность,

эмоциональную открытость, связь с народной культурой, способность к состраданию и готовность изменяться под воздействием жизненных обстоятельств.

Сопоставление героинь позволяет выявить общие основания их духовного мира и различия в художественной интерпретации женского идеала.

Первое существенное сходство заключается в противопоставлении внутренней подлинности внешним условностям общества. Татьяна сохраняет самостоятельность суждений даже после изменения своего социального положения. Наташа отличается естественностью поведения и способностью выражать чувства без стремления соответствовать искусственным нормам светского общения [3; 4].

Второе сходство связано с отношением героинь к народной культуре. В образе Татьяны эта связь раскрывается через сельскую жизнь, рассказы няни, предания и обычаи. В характере Наташи она проявляется через непосредственное восприятие народной музыки и танца. В обоих случаях народная культура становится средством художественного выражения национально-культурной принадлежности героинь.

Вместе с тем различия между ними принципиальны. Татьяна характеризуется внутренней сосредоточенностью, склонностью к размышлению и устойчивостью нравственных решений. Наташа, напротив, отличается эмоциональной подвижностью, непосредственностью и динамичным развитием характера.

Различается и роль любви в судьбах героинь. Для Татьяны любовь к Онегину становится испытанием внутренней независимости и верности нравственному выбору. Для Наташи отношения с другими людьми выступают одним из главных путей самопознания и духовного взросления.

Неодинаково проявляется и нравственная сила героинь. Татьяна демонстрирует её прежде всего в способности сохранить верность принятому решению, несмотря на сильное чувство. Наташа проявляет нравственную зрелость через сострадание, самоотдачу и готовность действовать ради благополучия других людей.

Сопоставление позволяет выделить два взаимодополняющих типа художественного идеала: нравственную стойкость и внутреннюю цельность у Пушкина, жизненную энергию, эмоциональную открытость и деятельное сострадание у Толстого. При этом обе героини не являются абстрактными символами без индивидуальных особенностей: их духовный мир раскрывается через противоречия, переживания и конкретные жизненные обстоятельства.

Рассмотренные образы показывают, что понятие «русская душа» в литературе XIX века не имеет единственного художественного выражения. Оно раскрывается через разные способы взаимодействия личности с культурной традицией, обществом и собственными нравственными убеждениями.

В образе Татьяны Лариной национально-культурное начало связано с народными преданиями, природой, семейным воспитанием и верностью нравственным принципам. В образе Наташи Ростовой оно проявляется через эмоциональную связь с народной культурой, непосредственность переживаний и готовность к состраданию.

Таким образом, национальный идеал у Пушкина и Толстого раскрывается не через внешние признаки или декларативное выражение патриотических чувств, а через внутренний мир героев и характер их поступков.

При этом необходимо учитывать историческую обусловленность представлений о женском предназначении. Пушкин и Толстой создавали произведения в разные периоды XIX века и использовали различные художественные способы изображения женщины. Поэтому их идеалы следует рассматривать в контексте авторского мировоззрения, а не как универсальную модель женского поведения.

Научная значимость сопоставления заключается в выявлении общих нравственных ориентиров при сохранении индивидуальности каждого художественного образа. Татьяна и Наташа демонстрируют, что духовная красота может выражаться как в способности сохранять внутренние убеждения, так и в готовности к эмоциональному развитию, состраданию и помощи другим.

Заключение. Проведённое исследование позволяет заключить, что образы Татьяны Лариной и Наташи Ростовой представляют значимые художественные воплощения нравственного идеала в русской классической литературе XIX века.

Татьяна Ларина раскрывается через внутреннюю цельность, самостоятельность суждений, искренность чувств и верность принятому решению. Её нравственная сила заключается в способности сохранять личное достоинство даже в условиях противоречия между любовью и ответственностью.

Наташа Ростова воплощает эмоциональную открытость, жизненную энергию, связь с народной культурой и деятельное сострадание. Её духовное развитие происходит через переживания, ошибки, нравственные испытания и постепенное осознание ответственности перед другими людьми.

Сопоставление героинь выявляет как общие основания их характеров, так и различия авторских подходов. Пушкин акцентирует внимание на внутренней самостоятельности и нравственной стойкости личности, тогда как Толстой показывает значение эмоционального опыта, сострадания и духовного изменения.

Результаты анализа позволяют рассматривать феномен «русской души» как многогранное литературно-культурное понятие, раскрывающееся через искренность, внутреннее достоинство, связь с народными традициями и нравственное содержание поступков. Значимость образов Татьяны Лариной и Наташи Ростовой определяется возможностью исследовать сложные вопросы любви, долга, морального выбора и духовного развития человека.

Таким образом, произведения А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого демонстрируют, что художественный идеал женщины формируется на пересечении личных качеств, культурной среды и нравственных ценностей эпохи. Сочетание индивидуальности, духовной глубины и психологической убедительности обеспечивает непреходящее значение этих героинь в истории русской литературы.

Список использованной литературы

1. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья девятая. Электронный текст: *Викитека*. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Сочинения_Александра_Пушкина_(Белинский)/Статья_девятая (дата обращения: 19.10.2026).

2. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). 2-е изд., доп. — СПб.: Искусство-СПБ, 1994. — 415 с.

Электронный каталог Российской государственной библиотеки: https://search.rsl.ru/ru/record/01004457659 (дата обращения: 19.10.2026).

3. Пушкин А. С. Евгений Онегин: роман в стихах. Электронный текст: *Викитека*. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Евгений_Онегин_(Пушкин) (дата обращения: 19.10.2026).

4. Толстой Л. Н. Война и мир: роман-эпопея. Электронный текст: *Викитека*. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Война_и_мир_(Толстой) (дата обращения: 19.10.2026).

АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ИМЁН ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ЮРИЯ ОЛЕШИ «ТРИ ТОЛСТЯКА»

Мухаммад Омар Шабнам Усмановна
студентка 2- курса
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье исследуются особенности именования персонажей сказки Юрия Карловича Олеши «Три толстяка». Основное внимание уделяется семантике антропонимов, их историческим, мифологическим и литературным источникам, а также художественным приёмам, с помощью которых создаются комические эффекты, пародия, художественный пересмотр известных имён и создании смысловых контрастов. Отдельное внимание уделяется именам Тутти и Суок, значение которых раскрывается в финале произведения. Анализ имён персонажей позволяет глубже понять авторскую позицию, отношение к традициям и современности, а также особенности художественного мышления писателя.*

Ключевые слова: *Юрий Олеша, Три толстяка, антропонимы, ономастика, литературные имена, интертекстуальность, пародия, художественный образ.*

Annotatsiya. *Ushbu maqola Yuriy Karlovich Olesha ning “Uch baqaloq” ertagidagi qahramonlarga nom qo‘yish an’analarini o‘rganishga bag‘ishlangan. Unda antroponimlarning tarixiy, mifologik va adabiy manbalari hamda asar tuzilishidagi badiiy funktsiyalariga e’tibor qaratilgan. Unda muallifning madaniy ishoralar, taniqli nomlarning parodik qayta talqinlari va semantik qarama-qarshiliklarni yaratish asosida “gapiruvchi” nomlardan foydalanishi o‘rganiladi. Tutti va Suok ismlariga alohida e’tibor qaratiladi, ularning ma’nolari ertak oxirida ochib beriladi. Ushbu tadqiqot bizga antroponimlarning badiiy obrazlarni shakllantirishdagi rolini aniqlash va yozuvchining individual uslubining xususiyatlarini aniqlash imkonini beradi.*

Kalit so‘zlar: *Yuriy Olesha, “Uch baqaloq”, antroponim, onomastika, gapiruvchi nomlar, ism semantikasi, adabiy ishora, intertekstuallik, parodiya, badiiy obraz.*

Abstract. *This article examines the naming of characters in the fairy tale “The Three Fat Men” by Yuri Karlovich Olesha. The primary focus is on the semantics of the*

anthroponyms, their historical, mythological, and literary origins, and their artistic functions within the structure of the work. The study explores the author's use of "speaking" (meaningful) names - a technique rooted in cultural allusions, the parodic reinterpretation of well-known names, and the creation of semantic contrasts. Special attention is given to the names Tutti and Suok, the significance of which is revealed toward the end of the story. The research sheds light on the role of anthroponyms in the development of literary characters and highlights key features of the author's individual style.

Keywords: *Yuri Olesha, "The Three Fat Men", anthroponym, onomastics, "speaking" names, semantics of names, literary allusion, intertextuality, parody, literary character.*

Введение. Имена собственные в художественном произведении представляют собой не только средство обозначения персонажей, но и важный элемент авторской организации текста. Они могут содержать скрытые смыслы, отсылать к историческим событиям и литературным произведениям, отражать особенности характера героя и создавать определённое эмоциональное впечатление у читателя. В литературоведении анализ имён позволяет глубже понять систему персонажей и выявить дополнительные смысловые уровни произведения.

Особый интерес в данном отношении представляет сказка Юрия Карловича Олеши «Три толстяка», в которой система имён отличается разнообразием и выразительной семантической нагрузкой. Автор обращается к античной истории, мифологии, мировой литературе и цирковому искусству, используя известные имена в необычных художественных контекстах. В результате традиционные культурные ассоциации приобретают новые значения, а отдельные антропонимы становятся источником иронии и пародии.

Одним из наиболее показательных примеров является финал произведения, в котором значение имён главных героев раскрывается непосредственно в тексте:

«Прости меня, Тутти, – что на языке обездоленных значит: "Разлученный". Прости меня, Суок, – что значит: "Вся жизнь"…» [Олеша, 1956, с. 245].

Данное признание учёного Туба имеет принципиальное значение для понимания антропонимической системы сказки. Оно указывает на то, что имена персонажей не являются случайными обозначениями, а включены в систему художественных смыслов, формирующихся на протяжении всего повествования. При этом приведённые значения следует рассматривать именно как авторскую сказочную интерпретацию, а не как научно установленную этимологию соответствующих слов.

Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного рассмотрения имён персонажей как средства художественной выразительности и выявления их роли в раскрытии авторского замысла.

Цель исследования – определить специфику имён персонажей сказки Ю. К. Олеши «Три толстяка», выявить их культурные источники и установить основные художественные функции.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: рассмотреть особенности антропонимов в художественном тексте; проанализировать происхождение и семантику отдельных имён; выявить их связь с историческими,

мифологическими и литературными источниками; определить роль пародии и языковой игры в создании образов персонажей.

В работе используются описательный, семантический, контекстуальный и интертекстуальный методы анализа.

1. Антропонимы как элемент художественной системы произведения

В лингвистике имена собственные, обозначающие людей, изучаются в рамках антропонимики – раздела ономастики. В художественном тексте антропонимы приобретают дополнительные функции: они могут характеризовать персонажей, формировать читательские ожидания, создавать культурные ассоциации и участвовать в выражении авторской оценки.

В «Трёх толстяках» система имён организована таким образом, что за многими из них обнаруживаются исторические или литературные параллели. При этом Олеша не ограничивается прямым заимствованием известных имён, а переосмысливает их в соответствии с логикой собственного художественного мира. Возникает своеобразная игра между первоначальной культурной ассоциацией и новым образом персонажа.

Характерной особенностью авторского подхода является пародийное использование имён, связанных с выдающимися историческими личностями, мифологическими героями и персонажами мировой литературы. В результате имя может вступать в противоречие с внешностью, социальным положением или поведением героя. Именно это несоответствие становится источником комического эффекта.

Следовательно, анализ антропонимов в произведении предполагает не только рассмотрение их возможной этимологии, но и изучение контекста, в котором они функционируют. Важно также различать достоверно установленные источники имён и исследовательские гипотезы, основанные на сходстве имён и культурных ассоциациях.

2. Античные и мифологические аллюзии в именах персонажей

Одним из источников антропонимической системы «Трёх толстяков» является античная культура. Интерес Юрия Олеши к древности объясняется, в частности, его образованием: в 1917 году писатель окончил Одесскую Первую Ришельевскую гимназию с золотой медалью и отличными успехами, особенно в словесности [Олеша 8, л. 5]. Знакомство с классической традицией нашло отражение в его литературном творчестве.

Примером обращения к античной культуре служит имя канатоходца Тибула. Оно вызывает ассоциацию с древнеримским поэтом Альбием Тибуллом, жившим в I веке до нашей эры и известным своими любовными элегиями. Тибулл принадлежал к кругу римской литературной культуры и был связан с Мессалой Корвином, покровителем поэтов и политическим деятелем.

Вместе с тем между античным поэтом и героем Олеши существует заметное несоответствие. Вместо представителя изящной лирической традиции читатель встречает циркового артиста, который участвует в восстании против власти Трёх Толстяков. Такое сопоставление позволяет интерпретировать имя как пародийное переосмысление античного культурного образа.

Дополнительную ассоциацию вызывает возможное прочтение имени Тибул в обратном направлении – как «любит». Подобная интерпретация встречается в

исследованиях имён персонажей Олеши, однако её не следует считать доказанным авторским намерением. Более обоснованным представляется комплексный подход, учитывающий как возможную языковую игру, так и культурную ассоциацию с именем древнеримского поэта.

Другой выразительный пример – имя тётушки Ганимед. В древнегреческой мифологии Ганимед был прекрасным юношей, которого Зевс похитил и перенёс на Олимп. Такой же прием номинации В. Гюго использовал в «Отверженных», где Мабефа прозвал свою старую экономку тетушкой Плутарх. В этом контексте отчетливо проступает пародийность наделения старой девы именем полюбившегося Зевсу и вечно юного героя греческой мифологии.

Таким образом, античные и мифологические имена в произведении выступают не просто декоративными элементами. Они позволяют писателю вступать в диалог с культурной традицией и одновременно нарушать привычные ассоциативные связи, создавая пародийный эффект.

3. Литературные источники и интертекстуальность имён

Значительную группу составляют имена, вызывающие ассоциации с мировой литературой. Их анализ позволяет установить дополнительные связи между произведением Олеши и предшествующей культурной традицией.

Имя оружейника Просперо(от лат. prospero – “благоприятствующий”) напоминает о персонаже пьесы Уильяма Шекспира «Буря». Шекспировский Просперо – законный герцог Милана, лишённый власти и стремящийся восстановить справедливость. В сказке Олеши оружейник также становится участником борьбы против несправедливого общественного устройства. Несмотря на различия между персонажами, сходство имён позволяет предположить наличие литературной аллюзии, усиливающей тему противостояния угнетению и восстановления справедливости.

Имя Лаура связано с творческой биографией Франческо Петрарки, который воспевал свою возлюбленную в сонетах. Однако в произведении Олеши Лаура – бородатый попугай-доносчик. Несоответствие между возвышенной поэтической традицией и образом птицы, выполняющей функцию осведомителя, формирует иронический эффект. Здесь особенно отчётливо проявляется авторский приём переосмысления культурно значимого имени в неожиданном контексте.

Интерес представляет также антропоним Бонавентура: святой Бонавентура (Джованни Фиданца) –итальянский теолог XIII в., генерал нищенствующего ордена францисканцев и кардинал Католической церкви, – у Олеши, поляка по происхождению, неверующего католика, превратился в зажиточного графа, капитана дворцовой гвардии.

Историческим носителем этого имени был Бонавентура, или Джованни Фиданца, итальянский теолог XIII века, представитель францисканского ордена и кардинал Католической церкви. У Олеши же Бонавентура является зажиточным графом и капитаном дворцовой гвардии. Контраст между историко-религиозным прототипом и персонажем сказки демонстрирует характерное для писателя преобразование культурных образов.

Кроме того, имя Бонавентура ассоциируется с героем романа Жюля Верна «Таинственный остров» – Бонавентуром Пенкрофом. Кроме того, для неоромантика

Олеши это имя могло быть значимо еще и потому, что под псевдонимом Бонавентура публиковал свои стихи, а также роман «Ночные бдения» Ф. Шеллинг.

Доктор Гаспар Арнери (источник фамилии неясен), как известно, носит имя одного из трех волхвов, принесших младенцу Иисусу дары на Рождество. Верующим Олеша, судя по всему, не был, и, видимо, этим отчасти объясняется уточнение, что «время волшебников прошло» и такие слова о герое: «Конечно, ничего общего он не имел с волшебниками и шарлатанами, дурачившими слишком доверчивый народ» (с. 131-132). Писатель, как бы следуя карнавальным законам, переворачивает мировую историю и культуру с ног на голову.

Возможность нескольких литературных ассоциаций расширяет интерпретационное пространство антропонима, хотя конкретный источник авторского выбора требует отдельного документального подтверждения.

В совокупности эти примеры показывают, что имена персонажей Олеши могут функционировать как своеобразные культурные знаки. Их значение определяется не только происхождением, но и тем, как они взаимодействуют с сюжетом и образной системой произведения.

4. Имена Тутти и Суок: авторская семантика и символика

Особое место в системе имён сказки занимают антропонимы Тутти и Суок. В отличие от ряда других имён, культурные ассоциации которых раскрываются посредством обращения к истории, мифологии и литературе, значения этих имён непосредственно объясняются в финале произведения. Учёный Туб обращается к детям со словами: «Прости меня, Тутти, – что на языке обездоленных значит: “Разлученный”. Прости меня, Суок, – что значит: “Вся жизнь”…» [Олеша, 1956, с. 245]. Данное признание позволяет рассматривать имена героев как важный элемент авторского замысла, связанный с их судьбами и основной сюжетной линией сказки.

Имя Тутти представляет интерес и с точки зрения итальянского языка, в котором слово *tutti* означает «все». Эта языковая ассоциация позволяет расширить интерпретацию образа героя. В финале сказки Тутти воссоединяется со своей сестрой Суок, а история разлучённых детей приобретает значение возвращения к человеческим связям и обретения возможности быть среди людей. В символическом прочтении движение героя «ко всем» может рассматриваться как преодоление изоляции, в которой он находился, и восстановление связи с окружающим миром, в том числе с народом, выступающим против власти Трёх Толстяков. При этом итальянское значение имени следует рассматривать как дополнительную языковую ассоциацию, а не как единственное или документально подтверждённое объяснение авторского выбора.

Имя Суок, которое в финале сказки получает значение «Вся жизнь», также обладает символическим потенциалом. Оно может интерпретироваться как выражение жизненного начала, человеческой привязанности и надежды на восстановление разрушенных семейных связей. В отличие от Тутти, чьё имя в авторском объяснении акцентирует разлуку, имя Суок связывается с полнотой жизни и её продолжением. Такое смысловое противопоставление подчёркивает взаимодополняемость образов брата и сестры.

В этом проявляется одна из особенностей авторского метода: имя не только обозначает персонажа, но и концентрирует в себе его судьбу. Раскрытие значений

Тутти и Суок в финале выполняет композиционную функцию, возвращая читателя к центральному конфликту произведения и придавая истории разлучённых детей дополнительную эмоциональную глубину.

5. Цирковая эстетика и комическая функция антропонимов

Система имён «Трёх толстяков» тесно связана с цирковой эстетикой, которая занимает важное место в художественном мире сказки. Цирк предполагает перевоплощение, зрелищность, гротеск и нарушение привычных представлений о действительности. Эти особенности отражаются и в именовании персонажей.

Показателен образ клоуна Августа. С одной стороны, имя восходит к латинскому *Augustus*, связанному со значениями «величественный» и «священный», и напоминает об имени римского императора Октавиана Августа. С другой стороны, Август – традиционное амплуа комического клоуна, обычно неловкого и суетливого. В русском цирке соответствующий тип клоуна нередко называли Рыжим. Отголоски этого амплуа сохранились в том эпизоде «Трех толстяков», когда Суок узнает в негре Тибула: «Клоун, который ничего не видел и решил, что произошло самое ужасное, упал с того, на чем сидел, и остался без движения. Тибул поднял его за штаны» (с. 197).

Таким образом, имя Август объединяет историческую и цирковую ассоциации. Их взаимодействие создаёт контраст между величием императорского титула и комическим характером циркового персонажа. Этот контраст соответствует общей тенденции Олеши к пародийному преобразованию известных культурных образов.

Особый интерес представляет имя капитана Черепа. Оно может быть связано с цирковыми артистами начала XX века, выступавшими под этой фамилией. В исследовательской литературе отмечается, что акробаты Арман и Антонио Череп участвовали в театральной постановке «Мудрец» Сергея Эйзенштейна в 1923 году [Гарин, 1974, с. 69]. Ранее они выступали в Одессе, где их цирковые номера наблюдал поэт Эдуард Багрицкий [Тарловский, 1936, с. 225].

Возможная связь имени персонажа с реальным артистом подтверждается и исследованиями, посвящёнными деятельности Фабрики эксцентрического актёра (ФЭКС), где Арман и Антонио Череп преподавали акробатику [Багров, 2003, с. 234-235; Чурилова, 2012, с. 276-277].

А так же можно рассматривать и с точки зрения языковой игры. В исследовательской литературе встречается интерпретация данного антропонима как ананима – слова, приобретающего смысл при прочтении в обратном направлении: «Череп» – «Перец». Подобный приём позволяет предположить, что Олеша экспериментирует не только с культурными ассоциациями, но и с формой имени, создавая дополнительные смысловые связи. Эти сведения позволяют рассматривать антропоним Череп в контексте цирковой культуры эпохи Олеши, хотя степень осознанности конкретной отсылки требует осторожной оценки.

Культурные связи обнаруживаются и в имени дядюшки Бризака, хозяина балаганчика, в котором хранятся костюмы артистов и платья танцовщицы Суок, носит имя, которое в начале XX в. в России было известно многим. Еще в XIX в. семья французов основала в Петербурге дом моделей «Альбер Бризак», главными клиентами которого впоследствии стали жены двух последних императоров, их дочери и другие представительницы царской семьи [Двор российских императоров, с. 56-61]. Данная

параллель позволяет предположить, что имя персонажа связано с культурной средой, знакомой писателю.

Таким образом, цирковая группа антропонимов объединяет элементы пародии, культурной памяти и исторической конкретики. Имена персонажей помогают воссоздать атмосферу балагана, в котором реальные культурные ассоциации преобразуются в соответствии с художественной логикой сказки.

Заключение. Анализ имён персонажей сказки Юрия Олеши «Три толстяка» позволяет сделать вывод о том, что антропонимы являются значимым компонентом художественной структуры произведения. Они выполняют не только номинативную функцию, но и участвуют в создании образов, формировании комического эффекта, выражении авторской иронии и расширении культурного контекста.

Система имён произведения включает несколько взаимосвязанных групп: антропонимы, отсылающие к античной истории и мифологии; имена, связанные с мировой литературой; имена, отражающие цирковую среду и культурную действительность эпохи; наконец, имена, значение которых определяется внутренней логикой сказочного повествования.

Особенно показательным является авторское объяснение имён Тутти и Суок. В финале произведения они приобретают символическую связь с разлукой, человеческой привязанностью и восстановлением семейных отношений. В то же время имена Тибул, Ганимед, Просперо, Лаура, Бонавентура, Август и Череп демонстрируют разнообразие приёмов культурного переосмысления и пародийного использования антропонимов.

Следовательно, специфика именования персонажей в «Трёх толстяках» заключается в сочетании семантической выразительности, интертекстуальности и языковой игры. Изучение этих особенностей позволяет глубже понять художественный метод Юрия Олеши и раскрыть дополнительные смысловые уровни произведения.

Список использованной литературы

1. Олеша Ю. К. Три толстяка. – М.: Детская литература, 1956. – С. 245.
2. Гарин И. Источник о цирковых артистах Армане и Антонио Череп. – 1974. – С. 69.
3. Тарловский М. Источник об Эдуарде Багрицком и цирковых артистах Череп. – 1936. – С. 225.
4. Багров П. Источник о Фабрике эксцентрического актёра (ФЭКС). – 2003. – С. 234-235.
5. Чурилова. Источник о деятельности ФЭКС и преподавании акробатики. –2012. – С. 276-277.
6. Двор российских императоров. – С. 56-61.
7. Олеша Ю. К. Биографический источник: сведения об окончании Первой Ришельевской гимназии (рукопись или архивный документ). – Л. 5.

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Шокирова Севара
студентка
научный руководитель:
Буранова Жамила Алиевна
доцент кафедры русского языка и литературы
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются образы животных в русских народных сказках как важнейшие репрезентанты фольклорной картины мира. Анализируются символические функции зооморфных персонажей (волк, медведь, лиса, заяц и др.), их нарративные роли и способность кодировать моральные, социальные и культурные смыслы. Показано, что животные в сказках выступают носителями устойчивых представлений о человеческих качествах, ценностях и связи человека с природой, способствуя формированию национальной идентичности и культурной памяти.*

Ключевые слова: *фольклорная картина мира, образы животных, русские народные сказки, зооморфная символика, моральные уроки, культурная память, национальная идентичность.*

Annotatsiya. *Maqolada rus xalq ertaklaridagi hayvon obrazlari folklor dunyoqarashining muhim ifodalovchilari sifatida ko‘rib chiqiladi. Zoomorf personajlarning (bo‘ri, ayiq, tulki, quyon va boshqalar) ramziy funksiyalari, narrativ rollari hamda axloqiy, ijtimoiy va madaniy ma’nolarni kodlash qobiliyati tahlil etiladi. Ertaklardagi hayvonlar insoniy xususiyatlar, qadriyatlar va insonning tabiat bilan bog‘liqligi haqidagi barqaror tasavvurlarning tashuvchilari bo‘lib, milliy o‘zlik va madaniy xotirani shakllantirishga xizmat qilishi ko‘rsatiladi.*

Kalit so‘zlar: *folklor dunyoqarashi, hayvon obrazlari, rus xalq ertaklari, zoomorf ramziylik, axloqiy saboqlar, madaniy xotira, milliy o‘zlik.*

Abstract. *The article examines animal images in Russian folk tales as key representants of the folklore worldview. It analyzes the symbolic functions of zoomorphic characters (the wolf, the bear, the fox, the hare, etc.), their narrative roles, and their capacity to encode moral, social, and cultural meanings. It is shown that animals in folk tales act as carriers of stable ideas about human qualities, values, and the relationship between humans and nature, contributing to the formation of national identity and cultural memory.*

Keywords: *folklore worldview, animal images, Russian folk tales, zoomorphic symbolism, moral lessons, cultural memory, national identity.*

Введение. Образы животных в русских народных сказках представляют собой один из важнейших репрезентантов фольклорной картины мира. Они выступают не просто персонажами сюжета, а носителями устойчивых культурных смыслов, в которых закреплены представления о человеческих качествах, социальных

отношениях, моральных нормах и связи человека с природой. Как отмечает Л. В. Боярская, «животные в русских народных сказках функционируют как знаки, через которые фольклорное сознание кодирует опыт взаимодействия с миром» [Боярская, 2010, с. 17]. Именно поэтому изучение зооморфных образов позволяет реконструировать ключевые элементы русской фольклорной картины мира – систему ценностей, стереотипы поведения и способы осмысления реальности.

Значимость темы определяется тем, что животные в сказках одновременно выполняют развлекательную, дидактическую и моделирующую функции. Они становятся выразителями социального и морального опыта, помогая формировать национальную идентичность и культурную память. Цель исследования – выявить, каким образом образы животных репрезентируют основные параметры русской фольклорной картины мира, а также определить их роль в трансляции нравственных установок и культурных стереотипов.

Русские народные сказки глубоко укоренены в архаическом фольклоре и сохраняют следы мифологических и анимистических представлений. Образы животных формировались на протяжении веков под влиянием охотничьего опыта, земледельческих культов и позднейших христианских напластований. По мнению Т. П. Ивановой, «эволюция зооморфных персонажей отражает переход от мифологического восприятия животных как духов-помощников или духов-вредителей к их морально-аллегорическому осмыслению» [Иванова, 2015, с. 42].

В фольклорной картине мира животные выступают посредниками между человеком и природой, между миром людей и миром духов. Волк, медведь, лиса, заяц, сова и другие персонажи несут в себе память о тотемических представлениях, но одновременно функционируют как аллегории человеческих свойств. Эта двойственность делает их особенно продуктивными для выражения коллективного опыта.

В русской фольклорной картине мира складывается устойчивая система зооморфных символов.

Волк чаще всего репрезентирует агрессию, опасность и разрушительное начало. Он воплощает враждебные силы внешнего мира, но иногда выступает и как носитель справедливости (в сказках, где волк наказывает более злых персонажей).

Медведь символизирует силу, власть и одновременно простодушие. Его образ амбивалентен: с одной стороны – грозный хозяин леса, с другой – добродушный, даже комический персонаж. Эта двойственность отражает представление о природе как о силе, которая может быть и опасной, и покровительствующей.

Лиса является классическим воплощением хитрости, изворотливости и манипулятивного ума. Как пишет Н. А. Сидорова, «лиса в русских сказках – это не просто хитрец, а персонаж, демонстрирующий, что интеллект и ловкость способны побеждать грубую физическую силу» [Сидорова, 2018, с. 67].

Заяц обычно символизирует трусость и осторожность, но в ряде сюжетов обнаруживает находчивость. Сова и другие птицы часто выступают носителями мудрости и знания.

Эти образы образуют систему оппозиций (сила – хитрость, прямота – изворотливость, агрессия – миролюбие), которые структурируют фольклорную картину мира и задают модели поведения.

В сказочном нарративе животные выполняют несколько устойчивых функций: помощники героя (конь, серый волк в некоторых вариантах, птицы); противники и вредители (волк, иногда медведь); мудрецы –советчики; трикстеры (лиса).

Эти роли позволяют сказке моделировать социальные отношения и нравственные коллизии. Через взаимодействие человека и животного фольклорное сознание осмысляет темы дружбы, предательства, справедливости и воздаяния. Животные становятся не просто действующими лицами, а «зеркалами», в которых отражаются человеческие добродетели и пороки.

Одной из важнейших функций зооморфных образов является трансляция моральных уроков. Хитрость лисы предостерегает от излишней доверчивости, сила медведя учит уважению к мощи природы, трусость зайца показывает опасность паники. По наблюдению Е. С. Васильевой, «аллегорические образы животных формируют моральное сознание слушателя, побуждая его соотносить свои поступки с поступками сказочных персонажей» [Васильева, 2016, с. 89].

Таким образом, животные в сказках выполняют воспитательную функцию, закрепляя в сознании устойчивые представления о добре и зле, о допустимом и недопустимом поведении.

В современной культуре традиционные образы животных продолжают сохранять свою значимость. Они воспроизводятся в литературе, анимации, рекламе и повседневном языке, выполняя роль связующего звена между фольклорной традицией и актуальным сознанием. Волк, медведь и лиса остаются узнаваемыми символами, через которые поддерживается преемственность культурной памяти. Даже в условиях урбанизации и глобализации эти образы продолжают участвовать в формировании национальной идентичности.

Заключение. Образы животных в русских народных сказках выступают важнейшими репрезентантами фольклорной картины мира. Они кодируют представления о человеческих качествах, социальных отношениях, моральных нормах и связи человека с природой. Через систему зооморфных символов фольклорное сознание моделирует реальность, передаёт нравственный опыт и сохраняет культурную память. Изучение этих образов позволяет не только глубже понять структуру русской народной сказки, но и реконструировать устойчивые элементы национального мировосприятия, которые сохраняют свою актуальность и в современную эпоху.

Список использованной литературы

1. Боярская Л. В. Символика животных в русских народных сказках. — М.: Наука, 2010.
2. Иванова Т. П. Фольклор и его влияние на культуру. — СПб.: Питер, 2015.
3. Сидорова Н. А. Образы животных в фольклоре. — Екатеринбург: Урал. ун-т, 2018.
4. Петров В. И. Русские сказки: структура и смысл. — Казань: Казанский ун-т, 2012.
5. Васильева Е. С. Моральные уроки в сказках. — Новосибирск: Сибирское обозрение, 2016.
6. Смирнов А. Г. Животные в русской культуре. — Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2019.

7- SHU’BA

FILOLOGIK TADQIQOTLAR VA TILLARNI O‘QITISHDA RAQAMLI TEXNOLOGIYALAR HAMDA SUN’IY INTELLEKT
ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКОВ
DIGITAL TECHNOLOGIES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PHILOLOGICAL RESEARCH AND LANGUAGE TEACHING

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ КОРПУСНОГО МЕНЕДЖЕРА ANTCONC ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА «РУССКИЙ АЛФАВИТ»)

Голубева Кристина Григорьевна
директор Института русского языка ФГБОУ ВО
Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. *В статье рассматриваются возможности корпусного менеджера AntConc для моделирования номинативного поля концепта на материале концепта «Русский алфавит». Описаны этапы формирования исследовательского корпуса и применение инструментов конкорданса, коллокационного анализа, частотных списков, кластеров и ключевых слов. Показано, что корпусная процедура позволяет выделить ядро, приядерную зону и периферию поля на основе количественных данных, а также выявить оценочные и метафорические репрезентации концепта. Сформулированы преимущества и ограничения программы при работе с русскоязычным материалом.*

Ключевые слова: *корпусная лингвистика, AntConc, концепт, номинативное поле, русский алфавит, конкорданс, коллокация.*

Annotatsiya. *Maqolada AntConc korpus menejerining konsept nominativ maydonini modellashtirishdagi imkoniyatlari «Rus alifbosi» konsepti misolida tahlil qilinadi. Tadqiqot korpusini shakllantirish bosqichlari hamda konkordans, kollokatsion tahlil, chastotali ro‘yxatlar, klasterlar va kalit so‘zlar vositalarining qo‘llanishi tavsiflanadi. Korpus tahlili maydonning yadrosi, yadroga yaqin qatlami va periferiyasini miqdoriy ma’lumotlar asosida ajratish, shuningdek, konseptning baholovchi va metaforik reprezentatsiyalarini aniqlash imkonini berishi ko‘rsatiladi. Dasturning rus tilidagi material bilan ishlashdagi afzalliklari va cheklovlari belgilab beriladi.*

Kalit so‘zlar: *korpus lingvistikasi, AntConc, konsept, nominativ maydon, rus alifbosi, konkordans, kollokatsiya.*

Abstract. *The paper examines the capabilities of the AntConc corpus manager for modelling the nominative field of a concept, using the concept "Russian alphabet" as a case study. It describes the stages of compiling a research corpus and the use of the concordance, collocation, word list, cluster and keyword tools. The corpus-based procedure is shown to distinguish the core, the near-core zone and the periphery of the field on quantitative grounds, and to reveal evaluative and metaphorical representations of the concept. The strengths and limitations of the software for Russian-language data are outlined.*

Keywords: *corpus linguistics, AntConc, concept, nominative field, Russian alphabet, concordance, collocation.*

За последние два десятилетия корпусные методы стали полноправным инструментом когнитивно-дискурсивных исследований. Традиционное описание концепта опирается преимущественно на словарные дефиниции, интроспекцию исследователя и ограниченную выборку контекстов. Корпус же позволяет проверить гипотезы на большом массиве реальных употреблений и получить воспроизводимые результаты [1; 8]. В.А. Плунгян подчёркивает, что корпус является не только инструментом, но и особой исследовательской «идеологией»: лингвист идёт от наблюдаемых данных, а не от сконструированных примеров [4].

В теории З.Д. Поповой и И.А. Стернина номинативное поле концепта понимается как совокупность языковых средств, объективирующих концепт в определённый период развития общества [5]. В него входят прямые номинации, синонимы, дериваты, фразеологизмы, прецедентные единицы и контекстуальные номинации. Именно такое многообразие единиц делает поле удобным объектом корпусного анализа.

Концепт «Русский алфавит» относится к числу культурно значимых: Ю.С. Степанов включает «Алфавит» в словарь констант русской культуры [6]. С алфавитом связаны имена Кирилла и Мефодия, петровская реформа гражданского шрифта, орфографическая реформа 1917–1918 гг., исключившая ять, фиту и «и десятеричное», а также ежегодный День славянской письменности и культуры [2]. При этом слово *алфавит* в повседневном употреблении часто выступает в служебной функции упорядочивания (*по алфавиту*, *в алфавитном порядке*). Разграничить культурно нагруженные и технические употребления без количественных данных трудно.

AntConc – это бесплатный кроссплатформенный корпусный менеджер, разработанный Л. Энтони (Университет Васэда, Япония) [7]. Программа работает с текстами в кодировке Unicode, поэтому кириллический материал обрабатывается без дополнительной настройки. В актуальных версиях 4.x интегрированы инструменты KWIC (конкорданс), Plot (распределение по текстам), File (просмотр исходного текста), Cluster и N-Gram (устойчивые сочетания), Collocate (сочетаемость), Word (частотный список), Keyword (ключевые слова относительно референтного корпуса) и Wordcloud.

Исследовательский корпус составили тексты трёх типов: научно-популярные и учебные тексты об истории письменности, публицистические материалы, а также контексты из Национального корпуса русского языка, отобранные по запросам *алфавит*, *азбука*, *кириллица*, *буква* [3].

Анализ проводился в шесть шагов:

1. **Word** – построение частотного списка и отбор лексем, номинирующих концепт или его части.

2. **Keyword** – выявление слов, статистически характерных для исследовательского корпуса по сравнению с референтным (показатель keyness).

3. **Collocate** – извлечение коллокатов ядерных лексем в окне ±4 слова с ранжированием по мерам ассоциации (MI, логарифмическое правдоподобие).

4. **Cluster / N-Gram** – поиск устойчивых сочетаний и фразеологических единиц.

5. **KWIC** – качественный анализ контекстов, снятие омонимии и разграничение прямых и переносных значений.

6. **Plot** – проверка равномерности распределения единиц по текстам, чтобы отделить устойчивые номинации от авторских.

Принадлежность единицы к той или иной зоне поля определялась по совокупности трёх критериев: частотность, степень распространённости по текстам и сила связи с ядерными лексемами.

Корпусная процедура позволила распределить единицы поля по трём зонам. Результат обобщён в таблице 1.

Таблица 1. Номинативное поле концепта «Русский алфавит» и инструменты его выявления

Зона поля	Языковые единицы	Инструменты AntConc
Ядро	*алфавит, азбука, кириллица, буква*; сочетания *русский алфавит, буквы алфавита, русская азбука*	Word, Keyword, Cluster
Приядерная зона	названия графических единиц (*литера, знак, прописная, строчная*); имена создателей (*Кирилл и Мефодий*); исторические вехи (*гражданский шрифт, реформа орфографии*); отдельные буквы как объект обсуждения (*ё, твёрдый знак*)	Collocate, KWIC
Периферия	исчезнувшие буквы (*ять, фита, ижица*); фразеологизмы (*от аза до ижицы, азбучная истина, ни аза не знать, прописать ижицу*); метафорические употребления (*азбука бизнеса, буква закона*)	Cluster, N-Gram, KWIC

Ядро поля образуют прямые номинации с наибольшей частотностью и равномерным распределением по текстам. Анализ коллокатов показал, что лексемы *алфавит* и *азбука* синонимичны лишь частично. *Алфавит* тяготеет к системно-техническим контекстам (*латинский, кириллический, порядок, по алфавиту*), тогда как *азбука* чаще встречается в культурно-исторических и педагогических контекстах (*славянская, первая, учить*). Лексема *кириллица* сочетается с лексикой наследия и

идентичности (*наследие, славянский, сохранение*), что указывает на её ценностную нагруженность.

Приядерная зона выявляется преимущественно через коллокации ядерных слов. Сюда входят прецедентные имена (*Кирилл и Мефодий, Пётр I*), наименования событий языковой истории и отдельные буквы, ставшие предметом общественной дискуссии. Особенно показателен пример буквы *ё*: конкорданс демонстрирует устойчивую связь с лексикой спора и нормы (*обязательность, защита, употребление*).

Периферия включает низкочастотные, но культурно маркированные единицы. Инструменты Cluster и N-Gram позволили автоматически извлечь фразеологизмы, сохранившие названия старославянских букв (*аз, ижица*). На периферии же находятся метафорические употребления, в которых *азбука* означает «основы чего-либо», а *буква* - «формальная сторона» (*буква закона*). Эти контексты показывают, что концепт служит источником метафорического осмысления других сфер: начального знания, порядка, нормы.

Опыт работы позволяет выделить следующие преимущества программы при исследовании номинативного поля.

• Доступность. Программа бесплатна, работает в Windows, macOS и Linux и не требует навыков программирования. Это делает её удобной для магистрантских и аспирантских исследований и учебного процесса.

• Связность инструментов. Из списка коллокатов или кластеров можно сразу перейти к конкордансу и исходному тексту. Количественные данные таким образом непосредственно проверяются качественным анализом.

• Объективация структуры поля. Частотность, распределение по текстам и меры ассоциации дают формальные основания для разграничения ядра и периферии. Ранее эта граница часто определялась интуитивно.

• Воспроизводимость. Параметры поиска (маски, окно, мера ассоциации, порог частоты) легко фиксируются. Другой исследователь может повторить процедуру на том же или новом материале.

• Выявление неочевидного. Корпус показал высокую долю служебных употреблений *алфавита* и метафорические приращения смысла у *азбуки*. Эти факты трудно обнаружить при словарном подходе.

Вместе с тем выявлены и ограничения программы, связанные прежде всего с флективным строем русского языка.

• Отсутствие морфологической разметки и лемматизации. Словоформы *алфавит, алфавита, алфавиту* учитываются как разные единицы. Проблема решается предварительной обработкой корпуса внешним лемматизатором (например, MyStem) или списком лемм, но это требует дополнительных усилий.

• Омонимия и полисемия. Разграничение значений (*буква* как графический знак и как «точный смысл») остаётся ручной работой исследователя.

• Масштаб. Для корпусов в сотни миллионов словоупотреблений целесообразнее использовать серверные системы с грамматической разметкой (НКРЯ, Sketch Engine). AntConc наиболее эффективен на специализированных исследовательских корпусах среднего объёма.

• Зависимость от состава корпуса. Результаты отражают жанровую структуру материала. Поэтому принципы отбора текстов должны быть явно описаны и обоснованы [1].

Корпусный менеджер AntConc доказал свою эффективность как инструмент моделирования номинативного поля концепта. В случае концепта «Русский алфавит» сочетание частотного, коллокационного и кластерного анализа позволило обоснованно разграничить ядро, приядерную зону и периферию поля. Кроме того, анализ выявил различие между системно-техническим и культурно-ценностным планами концепта, а также его метафорический потенциал.

Наиболее продуктивно сочетание AntConc с внешней лемматизацией корпуса и обязательной качественной интерпретацией контекстов. Программа не заменяет исследователя, но даёт ему эмпирическую опору и делает выводы проверяемыми. Предложенная методика может быть перенесена на изучение других концептов, в том числе в сопоставительном аспекте, и использована в преподавании русского языка и лингвистических дисциплин.

Список использованной литературы

1. Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика: учебник. 3-е изд., перераб. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020.

2. Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. 2-е изд. - М.: Наука, 1988.

3. Национальный корпус русского языка. - URL: https://ruscorpora.ru.

4. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении, 2008. - № 2 (16). - С. 7-20.

5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. - М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. - 314 с.

6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. - М.: Академический проект, 2004. - 992 с.

7. Anthony L. AntConc [Computer Software]. - Tokyo: Waseda University. - URL: https://www.laurenceanthony.net/software.

8. McEnery T., Hardie A. Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice. - Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ ФОРМИРОВАНИЮ КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Худойбердиева Асила Хомидовна
доцент кафедры русского языка и литературы
Шахрисабзский государственный педагогический институт
Шахрисябз, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается проблема развития творческого мышления учащихся начальных классов в условиях инновационной образовательной среды. Раскрываются педагогические условия, способствующие формированию креативного мышления, включая активизацию познавательной деятельности, использование инновационных образовательных технологий, а также создание благоприятной психолого-педагогической среды.*

Ключевые слова: *творческое мышление, начальная школа, инновационная образовательная среда, креативность, педагогические условия, инновационные технологии, мотивация обучения, межпредметная интеграция, самостоятельная деятельность, развитие личности.*

Annotatsiya. *Maqolada innovatsion ta'lim muhitida boshlang'ich sinf o'quvchilarining ijodiy fikrlashini rivojlantirish muammosi ko'rib chiqiladi. Ijodiy fikrlashni shakllantirishga ta'sir etuvchi pedagogik shart-sharoitlar, jumladan, o'quvchilarning bilish faoliyatini faollashtirish, innovatsion ta'lim texnologiyalaridan foydalanish hamda ijobiy psixologik-pedagogik muhitni yaratish masalalari yoritilgan.*

Kalit so'zlar: *ijodiy fikrlash, boshlang'ich ta'lim, innovatsion ta'lim muhiti, kreativlik, pedagogik sharoitlar, innovatsion texnologiyalar, motivatsiya, fanlararo integratsiya, mustaqil faoliyat, shaxs rivoji.*

Abstract. *This article examines the problem of developing creative thinking in primary school students within an innovative educational environment. It highlights pedagogical conditions that contribute to the formation of creative thinking, including the activation of cognitive activity, the use of innovative educational technologies, and the creation of a favorable psychological and pedagogical environment.*

Keywords: *creative thinking, primary education, innovative educational environment, creativity, pedagogical conditions, innovative technologies, learning motivation, interdisciplinary integration, independent activity, personal development.*

Введение. В современных условиях динамичного развития общества и постоянного обновления знания перед начальным образованием встает важнейшая задача — не просто передать учащимся определенный объем фундаментальных сведений, но и сформировать у них гибкость ума, способность к адаптации и креативность. Творческое мышление выступает ключевым ресурсом гармоничного развития личности младшего школьника. Переход к инновационным образовательным

технологиям становится объективной необходимостью, обеспечивающей качественное обновление традиционной образовательной среды.

Теоретико-методологические основы развития творческого мышления. Творческое мышление по своей природе является сложным, многоаспектным феноменом. В современной психолого-педагогической науке развитие творческих способностей учащихся рассматривается как результат взаимодействия дивергентных и конвергентных мыслительных процессов. Дивергентное мышление отвечает за поиск оригинальных, нестандартных и многовариантных путей решения поставленной проблемы. К его ключевым показателям относятся беглость, гибкость, оригинальность, глубина проработки иди, а также чувствительность к скрытым противоречиям.

В свою очередь, конвергентное мышление обеспечивает логический анализ, систематизацию, синтез и критическую оценку выдвинутых гипотез, направляя мыслительный процесс на отбор наиболее оптимального и эффективного решения. Результаты многочисленных исследовательских программ и метаанализов педагогических моделей подтверждают: максимальная успешность образовательного процесса достигается лишь при целенаправленном и сбалансированном развитии как дивергентных, так и конвергентных структур мышления. Для этого в учебном процессе должны систематически создаваться ситуации проблемного характера, требующие от школьников самостоятельного поиска и выработки новых алгоритмов действий.

Концептуальное осмысление природы творчества восходит к фундаментальным трудам Я. А. Пономарева, согласно которым творчество в широком научном смысле определяется как специфика взаимодействия, выступающая источником и двигателем развития. Необходимым условием данного процесса является непрерывное возникновение новых структурных конфигураций и качественная трансформация самих форм деятельности. Применительно к младшему школьному возрасту творческий потенциал рассматривается не как статический набор индивидуальных черт, а как динамическая система, подлежащая активному формированию и развертыванию во взаимосвязанной системе «учитель — ученик — образовательная среда».

Творческое мышление представляет собой специфическую форму познавательной деятельности, результатом которой становится открытие принципиально нового знания или усовершенствованного способа решения конкретной задачи. Сущность творческого мышления проявляется в его способности выходить за пределы привычных стереотипов, привычных алгоритмов и жестко заданных схем. Оно направлено на конструирование новаторских замыслов, обнаружение скрытых взаимосвязей и комплексный охват объектов действительности во всем их многообразии.

Ограниченность традиционной репродуктивной системы обучения. Сравнительный анализ традиционной и инновационной систем обучения позволяет выявить ключевые противоречия, препятствующие формированию креативности. Традиционное обучение имеет неоспоримое преимущество в виде экономичной и быстрой передачи большого объема готовой информации за минимальное время. Однако при такой организации образовательного процесса знания усваиваются

учащимися преимущественно в готовом виде, без раскрытия логики их возникновения и способов доказательства их истинности.

При традиционном подходе деятельность учащихся сводится к запоминанию, воспроизведению и применению полученных сведений в стандартных, аналогичных ситуациях. Доминирующие в данном типе обучения задания (такие как «запомни», «вставь пропущенную букву», «подчеркни», «выполни по образцу», «реши по примеру») ориентированы преимущественно на развитие памяти, а не мыслительных операций. Вследствие этого у школьников формируется устойчивый репродуктивный стиль познавательной деятельности. Школа памяти, несмотря на ее историческую роль, в современных условиях демонстрирует низкую эффективность в контексте формирования самостоятельности, инициативности и творческого мышления.

Среди ключевых недостатков традиционного обучения следует назвать возникающее противоречие между стремительно возрастающим объемом учебной информации и ограниченными возможностями её глубокого усвоения учащимися. Кроме того, традиционная фронтальная работа не позволяет адаптировать темп освоения учебного материала к индивидуально-психологическим особенностям и познавательным потребностям каждого младшего школьника.

Педагогические условия формирования креативности в инновационной среде. Преодоление указанных противоречий возможно при обеспечении комплекса педагогических условий, способствующих активизации креативного потенциала учащихся начальной школы:

1. Создание благоприятной психолого-педагогической среды. Формирование творческого мышления невозможно в атмосферных условиях давления и строгого регламента. Учащийся должен чувствовать психологическую защищенность, безусловную поддержку учителя, отсутствие страха совершить ошибку и свободу в выражении собственных мыслей.

2. Внедрение инновационных образовательных технологий. Эффективность формирования креативности существенно возрастает при использовании технологий проблемного обучения, проектной деятельности, кейс-методов, игровых технологий, ТРИЗ (теории решения изобретательских задач) и интерактивных методов работы в малых группах.

3. Реализация межпредметной интеграции. Объединение знаний из различных предметных областей (русский язык, литературное чтение, окружающий мир, изобразительное искусство) позволяет учащимся видеть целостную картину мира, находить нестандартные аналогии и формировать метапредметные умения.

4. Развитие внутренней мотивации и самостоятельной познавательной деятельности. Перемещение фокуса с внешнего контроля на внутренний познавательный интерес стимулирует школьников к самостоятельному формулированию вопросов, поиску нестандартных источников информации и выработке собствоенных способов решения задач.

Заключение. Таким образом, формирование креативного мышления учащихся начальной школы в условиях инновационной образовательной среды представляет собой целостный процесс, требующий от педагога отказа от чисто репродуктивных методов. Систематическое применение инновационных технологий, построение

обучения на основе взаимодействия дивергентных и конвергентных процессов, а также организация стимулирующей и безопасной образовательной среды обеспечивают успешное развитие творческого потенциала младших школьников, готовя их к эффективной жизнедеятельности в современном мире.

Список использованной литературы

1. Хорошева И. А. Интеллектуально-творческий потенциал школьников как основной критерий формирования ключевых компетенций // Среднее профессиональное образование. – М., 2012. – № 1. – С. 52–55.
2. Хрящева Н. Ю., Макшанов С. И. Тренинг креативности / под ред. Н. Ю. Хрящевой. – СПб.: Речь, 2006. – 184 с.
3. Цыренова Т. Л. Развитие творческого потенциала учащихся как педагогическая проблема // Вестник Бурятского государственного университета. – Улан-Удэ, 2011. – № 1. – С. 131–136.
4. Челпанов Г. И. Психология и школа. – М.: Ленанд, 2016. – 216 с.
5. Шиян О. А. Развитие творческого мышления. Работаем по сказке. – М.: Мозаика-Синтез, 2013. – 112 с.

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АНАЛИЗЕ И ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Хужакулов Суннатулло Анвар угли
доцент кафедры английского языка и литературы
Университет экономики и педагогики
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются возможности применения искусственного интеллекта для анализа, систематизации и перевода юридической терминологии. Актуальность исследования обусловлена расширением международного правового взаимодействия, цифровизацией юридической коммуникации и необходимостью обеспечения точности перевода специализированных текстов. Цель исследования заключается в определении функциональных возможностей технологий искусственного интеллекта и выявлении основных лингвистических и правовых ограничений их использования при работе с юридическими терминами.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, юридическая терминология, юридический перевод, обработка естественного языка, большие языковые модели, семантический анализ, английский язык, узбекский язык.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada yuridik terminologiyani tahlil qilish, tizimlashtirish va tarjima qilishda sun'iy intellekt texnologiyalaridan foydalanish imkoniyatlari ko'rib chiqiladi. Tadqiqotning dolzarbligi xalqaro huquqiy hamkorlikning kengayishi, huquqiy kommunikatsiyaning raqamlashtirilishi hamda ixtisoslashgan matnlarni aniq tarjima qilish zarurati bilan belgilanadi. Tadqiqotning maqsadi sun'iy intellekt texnologiyalarining*

funksional imkoniyatlarini aniqlash va ularni yuridik terminlarni tarjima qilishda qo‘llash bilan bog‘liq lingvistik hamda huquqiy cheklovlarni ochib berishdan iborat.

Kalit so‘zlar: *sun’iy intellekt, yuridik terminologiya, yuridik tarjima, tabiiy tilni qayta ishlash, katta til modellari, semantik tahlil, ingliz tili, o‘zbek tili.*

Abstract. *This article examines the potential of artificial intelligence (AI) in analysing, systematising, and translating legal terminology. The relevance of the study stems from the expansion of international legal cooperation, the digitalisation of legal communication, and the need for accurate translation of specialised texts. The purpose is to identify the functional capabilities of AI technologies and the main linguistic and legal limitations associated with their application to legal terminology.*

Keywords: *artificial intelligence, legal terminology, legal translation, natural language processing, large language models, semantic analysis, English, Uzbek.*

Введение. Развитие искусственного интеллекта (ИИ) существенно изменяет способы обработки специализированной информации, включая анализ и перевод юридических текстов. Современные технологии машинного перевода, обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP) и генеративного ИИ позволяют автоматизировать поиск терминологических соответствий, выявление контекстуальных значений, формирование глоссариев и предварительный перевод нормативных актов, договоров и судебных документов [1].

Вместе с тем юридический язык представляет собой особую систему, в которой значение языковой единицы определяется не только её лексико-семантическими характеристиками, но и правовым контекстом, нормативным статусом, институциональной принадлежностью и особенностями конкретной юрисдикции. Поэтому формально правильный перевод слова не всегда обеспечивает адекватную передачу его юридического содержания.

Исследования последних лет показывают, что большие языковые модели расширяют возможности автоматизированного юридического перевода, однако вопросы терминологической точности, контекстуальной интерпретации и профессиональной проверки остаются принципиально важными. Особую актуальность данная проблематика приобретает при переводе между английским и узбекским языками, поскольку соответствующие юридические термины функционируют в разных правовых и языковых традициях.

Цель исследования – определить возможности искусственного интеллекта в анализе и переводе юридической терминологии, выявить основные трудности передачи юридических значений и обосновать принципы эффективного взаимодействия ИИ и человеческого эксперта.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определить основные направления применения ИИ в терминологической работе; рассмотреть особенности перевода английских юридических терминов на узбекский язык; выявить потенциальные семантические и прагматические ошибки; сформулировать рекомендации по проверке результатов автоматизированного перевода.

Материалы и методы исследования. Материал исследования составляют примеры английской и узбекской юридической терминологии, характерные для договорных, нормативных и судебных текстов. При рассмотрении переводных соответствий учитываются контекст употребления, функции термина, его семантическая структура и соотношение правовых понятий в исходной и принимающей системах.

Методологическая основу исследования составляют сравнительно-сопоставительный, контекстуальный, семантический и аналитический методы. Сравнительно-сопоставительный метод позволяет выявлять сходства и различия между английскими терминами и их узбекскими соответствиями. Контекстуальный анализ используется для установления значения терминов в конкретных фрагментах юридического дискурса. Семантический анализ направлен на определение смысловых компонентов терминологических единиц и характера их межъязыковой эквивалентности. Аналитический метод применяется для систематизации возможностей и ограничений ИИ.

Дополнительно рассматриваются принципы корпусного анализа и автоматизированного извлечения терминов. Использование параллельных и сопоставимых корпусов юридических текстов позволяет устанавливать частотность терминологических единиц, выявлять типичные контексты их употребления и проверять устойчивость переводных соответствий. Исследование носит аналитический характер. Приведённые ниже примеры иллюстрируют типичные переводческие проблемы и не рассматриваются как результаты контролируемого эксперимента по оценке конкретной модели ИИ.

Возможности искусственного интеллекта в анализе юридической терминологии

Одним из наиболее перспективных направлений применения ИИ является автоматизированное извлечение терминологических единиц из специализированных текстов. Алгоритмы обработки естественного языка способны выявлять устойчивые словосочетания, анализировать совместную встречаемость слов, определять потенциальные терминологические конструкции и формировать предварительные списки терминов.

Например, при обработке англоязычного договора система может выделить сочетания *breach of contract, liquidated damages, governing law* и *force majeure* [2]. На следующем этапе эти единицы могут быть включены в терминологическую базу с указанием контекста, возможных переводных эквивалентов и источников употребления.

Важным преимуществом ИИ является способность анализировать значительные объёмы текстовой информации. При наличии качественных корпусов система может сопоставлять употребление одного термина в договорах, законодательных актах и судебных решениях. Это позволяет выявлять различия между общим языковым значением слова и его специальной юридической интерпретацией.

Большие языковые модели дополнительно предоставляют возможности контекстуального объяснения терминов, предложения вариантов перевода и предварительной классификации юридической лексики. Однако предложенные моделью объяснения необходимо проверять по авторитетным юридическим

источникам: грамматическая убедительность ответа сама по себе не гарантирует его правовой корректности. Следовательно, ИИ целесообразно рассматривать как инструмент поддержки терминологического анализа, а не как самостоятельный источник окончательных юридических определений.

Проблемы перевода юридических терминов с помощью ИИ

Главная сложность юридического перевода заключается в том, что языковая эквивалентность не всегда совпадает с эквивалентностью правовых понятий. Термин может иметь устойчивый переводной вариант, но обозначать институт, правовые последствия которого различаются в разных государствах.

Английский термин	Возможный узбекский эквивалент	Особенность перевода
Breach of contract	Shartnoma shartlarini buzish	Необходимо учитывать характер нарушения и контекст договора
Judicial review	Sud nazorati	Объём понятия зависит от конкретной правовой системы
Beneficial ownership	Haqiqiy egalik	Требуется уточнение содержания понятия с учётом соответствующего нормативного акта
Legitimate expectation	Qonuniy kutish	Возможен более широкий правовой смысл, чем предполагает буквальный перевод
Force majeure	Fors-major holatlari	Необходимо учитывать договорные условия и применимое законодательство

Первый пример *breach of contract* – показывает, что при переводе важно передать не только факт нарушения, но и характер нарушенного обязательства [3]. Автоматизированная система может предложить приемлемый эквивалент, однако для корректного перевода конкретного положения договора требуется установить, какое именно обязательство не было исполнено и какие последствия предусмотрены договором.

Термин *judicial review* демонстрирует проблему межсистемной эквивалентности. В зависимости от юрисдикции он может обозначать особую процедуру судебной проверки действий органов публичной власти либо иметь более специфическое институциональное значение. Поэтому механическая замена термина на узбекское словосочетание *«sud nazorati»* без анализа контекста может привести к частичной утрате правового содержания [4].

Аналогичная проблема возникает при переводе понятия *beneficial ownership*. В международных правовых и финансовых документах оно может обозначать фактическое владение или контроль, которые не обязательно совпадают с формальным юридическим титулом [5]. Следовательно, буквальный перевод не всегда отражает все смысловые компоненты понятия.

Пример *legitimate expectation* показывает необходимость учитывать доктринальный контекст [6]. В отдельных правовых системах это понятие связано с

защитой обоснованных ожиданий лица в отношениях с публичной властью. Если система ИИ интерпретирует его исключительно через общеязыковое значение компонентов, перевод может оказаться семантически неполным. Таким образом, при переводе юридической терминологии необходимо учитывать как минимум три взаимосвязанных уровня: лексическое значение термина, его контекстуальную функцию и содержание соответствующего правового института.

Применение больших языковых моделей и нейронного машинного перевода

Современные технологии ИИ различаются по своим функциональным возможностям. Нейронные системы машинного перевода преимущественно ориентированы на преобразование текста с одного языка на другой. Большие языковые модели способны дополнительно объяснять терминологические различия, предлагать альтернативные варианты перевода, анализировать контекст и помогать в подготовке глоссариев.

Исследование М. Байчич и Д. Голенко показывает, что применение больших языковых моделей в юридическом переводе требует дальнейшей эмпирической проверки, особенно в отношении специализированной терминологии и языков с ограниченными цифровыми ресурсами [7]. Сравнительный анализ переводов юридических документов также подчёркивает необходимость оценивать не только общую понятность текста, но и точность передачи юридических значений.

Для английско-узбекского направления особенно перспективно сочетание больших языковых моделей с терминологическими базами и корпусами официальных документов. При такой организации работы модель может использовать заранее проверенные соответствия, сопоставлять термин с его контекстами и сигнализировать о случаях, в которых отсутствует однозначный эквивалент.

Эффективность подобного подхода зависит от качества обучающих данных, полноты терминологических ресурсов и доступности надёжных текстов на обоих языках. Если определённый термин редко встречается в обучающих материалах, система может предложить буквальный, устаревший или не соответствующий правовой системе вариант.

Ещё одним риском являются так называемые галлюцинации генеративного ИИ – создание внешне убедительной, но фактически неверной информации. В юридическом переводе такая ошибка может проявляться в виде вымышленного термина, неподтверждённого нормативного значения или ошибочной ссылки на правовой источник. Национальный институт стандартов и технологий США относит подобные явления к существенным рискам генеративного ИИ, требующим систематической оценки и управления.

Поэтому результат автоматического перевода должен сопровождаться проверкой терминологических соответствий, источников и контекста употребления. При работе с конфиденциальными договорами и судебными материалами также необходимо учитывать требования к защите персональных данных и профессиональной тайне.

Заключение. Искусственный интеллект открывает новые возможности для анализа, систематизации и перевода юридической терминологии. Технологии обработки естественного языка, нейронного машинного перевода и большие языковые

модели позволяют ускорить поиск терминологических единиц, выявлять контекстуальные связи и формировать предварительные варианты перевода.

Вместе с тем юридическая терминология характеризуется высокой степенью семантической обусловленности, зависимостью от конкретной правовой системы и наличием понятий, не имеющих полного межъязыкового соответствия. Вследствие этого автоматизированный перевод может сопровождаться буквальными интерпретациями, смысловыми потерями и ошибочным отождествлением правовых институтов.

Наиболее перспективным направлением является комплексная модель, объединяющая возможности ИИ с профессиональной компетенцией лингвиста и юриста. Такая модель предполагает использование проверенных терминологических баз, анализ контекста, сопоставление с официальными правовыми источниками и обязательную экспертную оценку результата.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на создание специализированного англо-узбекского корпуса юридических текстов, разработку критериев оценки терминологической точности и проведение сравнительных экспериментов с участием нескольких систем ИИ. Это позволит определить реальные возможности автоматизированного юридического перевода и разработать научно обоснованные рекомендации для его применения в международной правовой коммуникации.

Список использованной литературы

1. Bajčić M., Golenko D. Applying Large Language Models in Legal Translation: The State-of-the-Art // International Journal of Language & Law. 2024. Vol. 13. P. 171–196. DOI: https://doi.org/10.14762/jll.2024.171.
2. Artificial Intelligence and Human Translation: A Contrastive Study Based on Legal Texts // Heliyon. 2024. DOI: https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e28106.
3. Autio C., Schwartz R., Dunietz J. et al. Artificial Intelligence Risk Management Framework: Generative Artificial Intelligence Profile. NIST AI 600-1. Gaithersburg, MD: National Institute of Standards and Technology, 2024. DOI: https://doi.org/10.6028/NIST.AI.600-1.
4. Wright S. Artificial Intelligence in Legal Translation at the Court of Justice of the European Union // International Journal of Language & Law. 2025. Vol. 14. P. 120–142. DOI: https://doi.org/10.14762/jll.2025.120.
5. Ahmedshaeva, M., Pulatova, N., Khayitov, S., Sufiyeva, D., & Nizomova, M. (2025). The Role of Natural Language Processing (NLP) in Translating Legal Documents with High Accuracy. Indian Journal of Information Sources and Services, 15(2), 83–90. https://doi.org/10.51983/ijiss-2025.IJISS.15.2.12.
6. Mannonov, A., Boymurodov, B., Sultanova, S., Umarova, I., Khujaeva, S., & Saidov, J. (2025). The Role of AI and Legal Linguistics in Ensuring Compliance with Language Requirements in International Law. Indian Journal of Information Sources and Services, 15(2), 16–21. https://doi.org/10.51983/ijiss-2025.IJISS.15.2.03.

7. Meng, L., Liu, M., Wang, H., et al. (2025). Building from Scratch: A Multi-Agent Framework with Human-in-the-Loop for Multilingual Legal Terminology Mapping. Artificial Intelligence and Law. https://doi.org/10.1007/s10506-025-09490-6.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Шомуратова Орзигул Хусан кизи
и.о.доц. кафедры филологии
Университета информационных технологий и менеджмента
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается значение цифровых технологий в современном преподавании русского языка и литературы. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием цифровой образовательной среды, изменением способов получения и обработки информации учащимися и необходимостью совершенствования традиционных методов обучения. Особое внимание уделяется использованию электронных образовательных ресурсов, мультимедийных материалов, интерактивных платформ, цифровых библиотек, электронных словарей, онлайн-тестирования и технологий искусственного интеллекта. Анализируются возможности цифровых средств в формировании языковой и речевой компетенции, развитии читательской грамотности, организации самостоятельной работы учащихся, повышении интереса к литературному чтению и совершенствовании контроля знаний. Обосновывается необходимость сочетания цифровых инструментов с традиционными методами преподавания. Отмечается, что эффективность цифровизации зависит не от количества используемых технологий, а от их педагогической целесообразности и соответствия образовательным целям. Сделан вывод о том, что грамотное применение цифровых технологий способствует формированию коммуникативной, информационной, читательской и цифровой компетентности учащихся.*

Ключевые слова: *цифровые технологии, русский язык, литература, цифровая образовательная среда, интерактивное обучение, электронные ресурсы, искусственный интеллект.*

Annotatsiya. *Maqolada zamonaviy rus tili va adabiyotini o‘qitishda raqamli texnologiyalarning ahamiyati yoritiladi. Tadqiqotning dolzarbligi raqamli ta’lim muhitining jadal rivojlanishi, o‘quvchilarning axborotni olish va qayta ishlash usullarining o‘zgarishi hamda an’anaviy ta’lim metodlarini takomillashtirish zarurati bilan belgilanadi. Elektron ta’lim resurslari, multimedia materiallari, interaktiv platformalar, raqamli kutubxonalar, elektron lug‘atlar, onlayn testlar va sun’iy intellekt texnologiyalaridan foydalanish imkoniyatlariga alohida e’tibor qaratiladi. Raqamli vositalarning til va nutqiy kompetensiyani shakllantirish, kitobxonlik savodxonligini rivojlantirish, o‘quvchilarning mustaqil ishlarini tashkil etish, adabiy o‘qishga qiziqishni oshirish va bilimlarni nazorat qilishdagi imkoniyatlari tahlil qilinadi. Raqamli vositalarni an’anaviy o‘qitish metodlari*

bilan uyg‘unlashtirish zarurligi asoslanadi. Raqamlashtirish samaradorligi foydalanilayotgan texnologiyalar soniga emas, balki ularning pedagogik maqsadga muvofiqligi va ta’lim vazifalariga mosligiga bog‘liqligi ta’kidlanadi.

Kalit so‘zlar: *raqamli texnologiyalar, rus tili, adabiyot, raqamli ta’lim muhiti, interaktiv ta’lim, elektron resurslar, sun’iy intellekt.*

Abstract. *The article examines the role of digital technologies in modern teaching of the Russian language and literature. The relevance of the study is determined by the rapid development of the digital educational environment, changes in the ways students receive and process information, and the need to improve traditional teaching methods. Particular attention is paid to electronic educational resources, multimedia materials, interactive platforms, digital libraries, electronic dictionaries, online assessment, and artificial intelligence technologies. The article analyzes the potential of digital tools for developing language and communication competence, reading literacy, independent learning, interest in literary reading, and assessment of educational outcomes. The study emphasizes the need to combine digital tools with traditional teaching methods. It is argued that the effectiveness of digitalization depends not on the number of technologies used, but on their pedagogical relevance and correspondence to educational objectives. The article concludes that the competent use of digital technologies contributes to the development of students’ communicative, information, reading, and digital competencies.*

Keywords: *digital technologies, Russian language, literature, digital educational environment, interactive learning, electronic resources, artificial intelligence.*

Современная система образования развивается в условиях интенсивной цифровой трансформации общества. Информационные технологии становятся важной частью повседневной жизни человека и постепенно проникают во все сферы образовательной деятельности. Современные учащиеся получают информацию не только посредством учебников и объяснений преподавателя, но и через электронные библиотеки, образовательные платформы, видеоматериалы, поисковые системы, мобильные приложения и другие цифровые ресурсы. В результате меняются способы восприятия учебного материала, характер самостоятельной работы учащихся и требования к профессиональной деятельности преподавателя.

Особое значение цифровизация приобретает в преподавании русского языка и литературы. Данные дисциплины направлены не только на передачу определённого объёма знаний, но и на формирование грамотной речи, способности воспринимать и анализировать текст, выражать собственную позицию, аргументировать мнение, понимать художественные образы и воспринимать культурное наследие. Цифровые технологии способны существенно расширить возможности преподавателя при решении этих задач.

Использование цифровых инструментов позволяет представить учебный материал в различных формах: текстовой, графической, аудиальной, визуальной и интерактивной. Например, изучение языкового правила может сопровождаться интерактивным упражнением, а анализ литературного произведения — аудиозаписью, иллюстрациями, историческими материалами или виртуальной картой. Такой подход

способствует повышению наглядности и может стимулировать познавательный интерес учащихся [1].

Вместе с тем внедрение цифровых технологий не должно сводиться к механической замене традиционных учебных материалов электронными. Использование презентации вместо обычной доски или электронного текста вместо бумажного учебника ещё не означает качественной цифровой трансформации образования. Технология должна выполнять конкретную педагогическую функцию и помогать достигать определённого образовательного результата.

Целью использования цифровых технологий в преподавании русского языка и литературы является создание более гибкой и доступной образовательной среды, в которой учащийся получает возможность активно взаимодействовать с учебным материалом, самостоятельно искать и анализировать информацию, выполнять творческие задания и получать своевременную обратную связь. Поэтому важнейшей задачей современного преподавателя становится не просто освоение цифровых инструментов, а их методически грамотная интеграция в образовательный процесс.

Цифровые технологии обладают значительным потенциалом при обучении русскому языку. В первую очередь они позволяют разнообразить практическую работу учащихся. Традиционные упражнения могут быть дополнены интерактивными заданиями, электронными тренажёрами, цифровыми карточками и тестами. Такой формат особенно эффективен при изучении орфографии, пунктуации, морфологии и синтаксиса, поскольку позволяет учащимся многократно повторять изученный материал и сразу видеть результат выполнения задания.

Например, при изучении орфографических правил учащимся можно предложить электронный текст с пропущенными буквами. После выполнения задания система может показать правильные ответы и указать на допущенные ошибки. Однако важным условием является не просто получение правильного варианта, а объяснение причины выбора. Именно сочетание автоматизированной проверки и осознанного анализа позволяет формировать устойчивые языковые навыки.

Цифровые ресурсы полезны и при изучении лексики. Электронные словари предоставляют возможность быстро определить значение слова, особенности его употребления, произношение и грамматические характеристики. Учащиеся могут создавать собственные электронные словари, объединяя новые слова по тематическим группам. Такая деятельность способствует расширению словарного запаса и формированию навыков самостоятельной работы.

Особое значение имеет использование цифровых технологий для развития речевой компетенции. Учащиеся могут создавать аудиозаписи собственных выступлений, записывать видеосообщения, готовить цифровые презентации и участвовать в онлайн-дискуссиях. Подобные формы деятельности требуют от учащегося не только знания языка, но и умения логично строить высказывание, выбирать соответствующую лексику и учитывать коммуникативную ситуацию.

Цифровые технологии также способствуют индивидуализации обучения. Уровень подготовки учащихся в одном классе может значительно различаться. В цифровой среде преподаватель может предложить различные варианты заданий в зависимости от индивидуальных потребностей. Учащиеся, испытывающие

затруднения, могут повторить теоретический материал и выполнить дополнительные упражнения, тогда как более подготовленные ученики могут работать с заданиями повышенной сложности.

Большое значение цифровые технологии имеют и в преподавании литературы. Современная цифровая среда значительно расширяет доступ учащихся к художественным произведениям. Электронные библиотеки позволяют быстро найти произведение, обратиться к различным изданиям и использовать дополнительные справочные материалы. Это создаёт благоприятные условия для самостоятельного чтения.

Особенно полезными являются аудиокниги. Восприятие художественного произведения на слух позволяет обратить внимание на интонацию, паузы, темп речи и эмоциональную выразительность. При изучении поэзии это имеет особое значение, поскольку ритм и интонация непосредственно связаны с художественным содержанием произведения.

Мультимедийные материалы позволяют расширить историко-культурный контекст литературного произведения. При изучении творчества А.С. Пушкина можно использовать материалы о культурной жизни XIX века, изображения исторических мест, карты и аудиозаписи стихотворений. При изучении творчества Л.Н. Толстого возможно использование цифровых материалов о Ясной Поляне, исторической эпохе и культурной среде писателя. Подобные материалы помогают учащимся лучше понять связь художественного произведения с историческим временем.

Однако цифровые ресурсы не должны заменять непосредственное чтение литературного произведения. Художественный текст остаётся главным объектом анализа. Видеоролик, презентация или краткий пересказ могут использоваться как вспомогательные средства, но не должны становиться заменой полноценного чтения.

Перспективным направлением является интерактивное чтение художественного текста. В цифровой среде учащиеся могут выделять ключевые фрагменты, делать заметки, формулировать вопросы, определять незнакомые слова и фиксировать собственные наблюдения. После чтения можно организовать совместное обсуждение текста и создать цифровую карту произведения.

При таком подходе учащиеся могут самостоятельно исследовать различные стороны литературного произведения. Один учащийся анализирует образ главного героя, другой рассматривает особенности композиции, третий изучает художественные средства, а четвёртый определяет авторскую позицию. После этого результаты работы объединяются и обсуждаются.

Цифровые технологии дают возможность развивать проектную деятельность. На уроках русского языка учащиеся могут создавать электронные словари, цифровые плакаты, презентации, тематические сборники и видеоролики. На уроках литературы возможно создание виртуальных выставок, электронных литературных журналов, цифровых карт, биографических хроник и мультимедийных проектов.

Проектная деятельность имеет большое педагогическое значение, поскольку учащийся становится активным участником образовательного процесса. Он самостоятельно ищет информацию, анализирует её, выбирает необходимые материалы,

планирует содержание работы и представляет полученный результат. При этом преподаватель выполняет роль консультанта и организатора.

Отдельного внимания заслуживает применение искусственного интеллекта. Современные системы искусственного интеллекта способны помогать преподавателю в подготовке учебных материалов, создании упражнений и формировании вопросов к тексту. Они также могут использоваться для разработки заданий различного уровня сложности.

При изучении русского языка искусственный интеллект можно применять для создания текстов с намеренно допущенными ошибками. Учащиеся должны найти ошибки, объяснить их и предложить исправленный вариант. Это позволяет превратить цифровой инструмент в средство развития языкового анализа.

В литературе искусственный интеллект может использоваться как объект критического анализа. Например, учащимся предлагается автоматически сформированная характеристика литературного героя. Они должны сопоставить её с оригинальным текстом и определить, какие положения имеют текстовое подтверждение. Такой метод помогает формировать критическое мышление и понимание необходимости проверки цифровой информации.

При этом использование искусственного интеллекта требует соблюдения принципов академической добросовестности. Если учащийся полностью заменяет собственную работу автоматически созданным текстом, образовательная ценность задания значительно снижается. Поэтому искусственный интеллект целесообразно использовать как вспомогательный инструмент, который помогает генерировать идеи, проверять варианты и совершенствовать собственную работу.

Цифровое тестирование является ещё одним важным направлением цифровизации. Электронные тесты позволяют оперативно проверять усвоение материала. При изучении русского языка они могут использоваться для проверки знаний по орфографии, пунктуации, грамматике и лексике. При изучении литературы тесты позволяют проверить знание биографии писателей, содержания произведений, персонажей и литературных терминов.

Однако тестирование не способно полностью заменить творческие формы контроля. Литература требует умения интерпретировать текст, выражать собственное мнение и аргументировать его. Поэтому тестовые задания должны сочетаться с сочинениями, эссе, устными выступлениями, дискуссиями и проектами.

Важной функцией цифровых технологий является формирование информационной грамотности. Современный учащийся должен уметь не только находить информацию, но и оценивать её достоверность. Интернет содержит огромное количество материалов различного качества, поэтому необходимо формировать навыки критической оценки источников.

При подготовке доклада учащимся можно предложить несколько источников по одной теме и попросить сопоставить содержащиеся в них сведения. Такая деятельность помогает понять различие между научными, учебными, популярными и непроверенными источниками. Одновременно формируется культура цитирования и уважение к интеллектуальной собственности.

Цифровизация также позволяет совершенствовать самостоятельную работу. Учащиеся получают возможность обращаться к учебным материалам за пределами аудитории, выполнять дополнительные задания, повторять сложные темы и самостоятельно контролировать результаты. Это особенно важно для формирования навыков непрерывного образования [4].

Вместе с тем чрезмерное использование цифровых технологий может привести к определённым отрицательным последствиям. Постоянное взаимодействие с электронными устройствами способно снижать концентрацию внимания. Кроме того, учащиеся могут привыкнуть к получению краткой информации и потерять интерес к чтению больших художественных текстов.

Существует также проблема готовых ответов. В цифровой среде учащийся может быстро найти готовое сочинение, анализ произведения или решение языкового задания. Поэтому преподавателю необходимо создавать такие учебные ситуации, в которых простое копирование готового ответа невозможно. Эффективными являются задания, требующие личной позиции, аргументации, анализа конкретного фрагмента текста и самостоятельного вывода.

Не менее важной является проблема цифрового неравенства. Не все учащиеся могут иметь одинаковый уровень доступа к интернету, компьютерам или другим техническим средствам. Поэтому цифровые задания должны учитывать реальные образовательные возможности учащихся.

Для успешного внедрения цифровых технологий необходима соответствующая подготовка преподавателей. Учитель должен обладать не только техническими навыками, но и методической компетентностью. Важно понимать, когда цифровой инструмент действительно необходим, а когда традиционный метод окажется более эффективным.

В конечном итоге эффективность цифрового обучения определяется не количеством использованных приложений и платформ, а качеством педагогического решения. Если цифровой ресурс помогает учащемуся лучше понять материал, самостоятельно исследовать проблему, получить обратную связь или создать собственный образовательный продукт, его использование является оправданным.

Особенно важным является сочетание цифровых и традиционных методов. Работа с электронным текстом должна дополняться чтением и письменным анализом. Интерактивное упражнение может сочетаться с устным объяснением. Онлайн-тест может использоваться вместе с творческим заданием. Цифровой проект должен завершаться обсуждением и рефлексией [6].

Таким образом, цифровые технологии не должны рассматриваться как альтернатива традиционному образованию. Их основная задача заключается в расширении методических возможностей преподавателя и создании дополнительных условий для активной деятельности учащихся.

Цифровые технологии становятся важным элементом современной системы преподавания русского языка и литературы. Их использование позволяет расширить образовательные возможности, повысить наглядность учебного материала, организовать интерактивную и индивидуализированную работу, обеспечить

оперативную обратную связь и создать условия для самостоятельной деятельности учащихся.

При изучении русского языка цифровые технологии способствуют эффективной отработке орфографических, пунктуационных, грамматических и лексических навыков. Электронные словари, интерактивные упражнения, цифровые тренажёры и онлайн-тесты позволяют разнообразить практическую работу и повысить её результативность.

В преподавании литературы цифровые технологии обеспечивают более широкий доступ к художественным произведениям и дополнительным культурным материалам. Электронные библиотеки, аудиокниги, мультимедийные ресурсы, виртуальные выставки и цифровые проекты помогают сформировать более глубокое представление о творчестве писателей и историко-культурном контексте произведений.

Особую перспективу представляет использование искусственного интеллекта. При грамотной организации он может стать эффективным вспомогательным средством для преподавателя и учащегося. Однако его применение должно сопровождаться критической проверкой информации, соблюдением академической добросовестности и сохранением самостоятельной интеллектуальной деятельности. Вместе с тем цифровизация образования не должна приводить к отказу от традиционных форм обучения. Чтение художественной литературы, письменная работа, устное общение, дискуссия, анализ текста и творческое осмысление сохраняют фундаментальное значение. Именно сочетание цифровых возможностей с традиционными педагогическими методами позволяет создать полноценную образовательную среду.

Список использованной литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). — М.: ИКАР, 2020. — 448 с.
2. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. — М.: Академия, 2021. — 272 с.
3. Роберт И.В. Теория и методика информатизации образования. — М.: ИИО РАО, 2021. — 400 с.
4. Хуторской А.В. Современная дидактика: учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2022. — 406 с.
5. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий. — М.: Народное образование, 2020. — 816 с.
6. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. — М.: ФЛИНТА, 2022. — 512 с.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И ПРОВЕРКА ТЕКСТОВЫХ ОСНОВАНИЙ

Тураева Дилфуза Даминовна
доктор философии (PhD) по филологическим наукам
Университет экономики и педагогики
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается проверка литературных интерпретаций, предлагаемых генеративным искусственным интеллектом. Цель работы — определить, какие операции позволяют отделить правдоподобное объяснение от суждения, подтверждённого художественным текстом. Методологическую основу составляют аналитический обзор исследований языковых моделей и пристальное чтение повести Н. В. Гоголя «Шинель». На материале трёх эпизодов разграничиваются сюжетный факт, речевая атрибуция и интерпретационная гипотеза. Предлагается процедура проверки, включающая установление источника высказывания, рассмотрение контекста и поиск контрпримера. Результатом является схема экспертной оценки машинного комментария. Показано, почему точность цитаты необходима, но недостаточна для обоснования интерпретации. Работа имеет теоретико-методический характер; сравнительное тестирование моделей не проводилось.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, художественный текст, интерпретация, языковая модель, текстовое основание, повествователь, критическое чтение.*

Annotatsiya. *Maqolada generativ sun’iy intellekt taklif qiladigan adabiy talqinlarni tekshirish masalasi ko‘rib chiqiladi. Maqsad ishonarli ko‘ringan izohni badiiy matn bilan asoslangan xulosadan ajratish usullarini belgilashdir. Tadqiqot til modellari haqidagi ilmiy ishlarning tahliliy sharhi va N. V. Gogolning «Shinel» qissasini sinchiklab o‘qishga asoslanadi. Uch epizod misolida syujet fakti, nutqning kimga tegishliligi va talqin farazi farqlanadi. Fikr manbasini aniqlash, kontekstni hisobga olish va qarshi misol izlashni o‘z ichiga olgan tekshirish tartibi taklif etiladi. Natijada mashina izohini ekspert baholash sxemasi ishlab chiqiladi. Iqtibosning aniqligi talqinni asoslash uchun zarur, ammo yetarli emasligi ko‘rsatiladi. Ish nazariy-metodik xususiyatga ega; modellar qiyosiy sinovdan o‘tkazilmagan.*

Kalit so‘zlar: *sun’iy intellekt, badiiy matn, talqin, til modeli, matniy asos, hikoyachi, tanqidiy o‘qish.*

Abstract. *The article examines how literary interpretations proposed by generative artificial intelligence can be verified. It distinguishes plausible explanations from claims supported by a literary text. The method combines an analytical review of language-model research with close reading of Nikolai Gogol’s The Overcoat. Three episodes illustrate the distinction between plot facts, attribution of speech, and interpretive hypotheses. A verification procedure is proposed that identifies the source of an utterance, examines its*

context, and searches for counterevidence. The resulting assessment scheme explains why accurate quotation is necessary but insufficient for a justified interpretation. The study is theoretical and methodological; no comparative model testing was conducted.

Keywords: *artificial intelligence, literary text, interpretation, language model, textual evidence, narrator, critical reading.*

Постановка проблемы. Генеративный искусственный интеллект позволяет быстро получить объяснение конфликта, характеристику персонажа или перечень мотивов произведения. Для филолога, однако, существенен способ перехода от текста к выводу. Грамматически безупречный комментарий может объединять точные сведения и неподтверждённые утверждения, причём сходство их речевого оформления затрудняет обнаружение ошибки. Поэтому использование языковой модели требует процедуры, позволяющей проверить не только наличие цитаты, но и её отношение к объясняемому явлению.

Цель статьи — разработать схему проверки текстовых оснований интерпретации, пригодную для анализа машинного комментария. Исследовательский вопрос формулируется следующим образом: какие различия необходимо сохранить, чтобы помощь ИИ в поиске аргументов не приводила к смешению события, позиции персонажа и исследовательского суждения? В центре внимания находится доказательность комментария, а не автоматическое установление единственного смысла произведения.

Материал и метод исследования

Материалом служат повесть Н. В. Гоголя «Шинель» в электронной публикации академического собрания сочинений [1] и исследования литературного анализа с помощью языковых моделей [2; 3]. Используются пристальное чтение, разграничение типов высказываний и аналитическое моделирование процедуры проверки. Рассматриваются три узла повествования: отклик молодого чиновника на унижение Башмачкина, внимание сослуживцев к новой шинели и изменение поведения значительного лица. Их выбор позволяет проследить разные отношения между наблюдаемым действием и приписываемым ему смыслом.

Предлагаемые ниже спорные тезисы являются специально сформулированными примерами для экспертного разбора. Они не выдаются за ответы определённого сервиса. Исследование не содержит замеров точности моделей и не устанавливает частоту ошибок. Авторский результат состоит в последовательности аналитических операций и её применении к конкретным эпизодам; пригодность процедуры для массовой разметки потребует отдельной проверки.

Возможности модели и границы автоматической оценки

М. Суббиа и соавторы исследовали пересказы рассказов, привлекая авторов произведений к оценке их качества. В условиях этого исследования модели допускали нарушения верности исходному тексту и затруднялись в передаче сложного подтекста; автоматические оценки недостаточно согласовывались с оценками писателей [2]. Для настоящей работы существенен методический вывод: качество связного пересказа и качество понимания не следует считать одним показателем. Результаты относятся к изученным системам и заданиям и не характеризуют все последующие модели.

К. Тай и М. Айер рассматривают более узкую задачу: восстановление цитаты, пропущенной в литературоведческом комментарии, при доступности полного первичного текста. Работа показывает как возможности моделей в поиске литературного доказательства, так и сохраняющиеся затруднения при обработке смысловых нюансов [3]. Из этих исследований нельзя вывести ни всеобщую надёжность, ни бесполезность ИИ. Они обосновывают необходимость оценивать конкретную операцию: нахождение фрагмента, установление говорящего или объяснение функции детали.

В предлагаемой схеме проверяются три уровня. Первый — фактический: существует ли указанное событие или выражение в выбранной редакции? Второй — повествовательный: кому принадлежит сообщение и как оно введено? Третий — аргументативный: поддерживает ли фрагмент заявленный тезис и учтены ли осложняющие его места? Положительный ответ на вопрос первого уровня не заменяет проверки остальных. Именно такая подмена способна сделать достоверную цитату опорой неточного вывода.

Проверка интерпретации на материале повести

Первый пример связан с тезисом: Башмачкин прямо заявляет окружающим о человеческом братстве. В эпизоде издевательств герой просит оставить его и спрашивает, зачем его обижают. Слова «я брат твой» возникают в повествовании как иной смысл, услышанный молодым чиновником в этой просьбе [1]. Следовательно, содержание этического отклика нельзя безоговорочно оформить как самостоятельную реплику Башмачкина. Цитата присутствует в тексте, однако её речевой статус требует уточнения.

Корректировка меняет анализ эпизода. Значимым оказывается не только унижение героя, но и изменение восприятия свидетеля: привычная канцелярская насмешка открывается ему как жестокость. Поэтому комментарию следует объяснять переход от произнесённых слов к услышанному в них смыслу. Если модель объединяет эти планы, проверяющий возвращается к окружающему абзацу и указывает, через чьё сознание раскрывается нравственное содержание сцены. Так проверка атрибуции становится частью интерпретации, а не техническим исправлением кавычек.

Второй пример — утверждение, что новая шинель обеспечивает Башмачкину устойчивое общественное признание. Действительно, обновка привлекает внимание сослуживцев и становится поводом для вечернего собрания. Но после кражи одни чиновники продолжают смеяться, другие выражают сочувствие; собранная помощь остаётся незначительной [1]. Такое сопоставление ограничивает исходный тезис: внимание к вещи не тождественно прочному признанию достоинства её владельца. Эпизоды раскрывают непостоянство отношения, а не однозначное восхождение героя.

Для проверки этой версии полезно задать два различных вопроса: какие действия сослуживцев изменились после появления шинели и какие признаки свидетельствуют о сохранении прежней иерархии? Первый вопрос собирает подтверждения, второй препятствует одностороннему отбору. Здесь контрпример не отменяет значения обновки, а уточняет границы объяснения. В результате интерпретация описывает кратковременное включение героя в круг общения и непрочность этого включения.

Третий пример касается формулы: значительное лицо остаётся совершенно равнодушным к судьбе Башмачкина. В сцене приёма чиновник демонстрирует власть и унижает просителя. Однако позднее он испытывает беспокойство, посылает узнать о его положении и получает известие о смерти; после фантастической встречи его обращение с подчинёнными становится менее суровым [1]. Поэтому наречие «совершенно» делает оценку чрезмерной. Наличие поздней реакции не устраняет ответственности персонажа, но требует описать последовательность его состояний.

Рассмотренные случаи демонстрируют разные основания пересмотра тезиса. В первом исправляется принадлежность высказывания, во втором ограничивается обобщение по одному эпизоду, в третьем учитывается изменение во времени. Эти операции нельзя заменить поиском тематически близких слов. Литературное доказательство определяется отношением фрагмента к тезису, а не только наличием совпадающей лексики.

Процедура работы с машинным комментарием

Работа начинается с фиксации издания и самостоятельного исследовательского вопроса. Затем модели передаётся выбранный текст или точно обозначенный фрагмент. Для каждого предложенного тезиса запрашиваются место в произведении, краткое объяснение связи с тезисом и возможное возражение. Такой запрос организует ответ, но сам по себе не гарантирует его достоверности. Исследователь сверяет цитату непосредственно с первичным текстом и отмечает, где заканчивается сообщение повествования и начинается интерпретация.

Следующий шаг — поиск фрагмента, который заставляет сузить или пересмотреть вывод. Формулировка «найди подтверждения» ориентирует работу лишь на одну сторону аргументации; задание найти ограничения делает проверку содержательнее. Итоговый комментарий сохраняет исходный тезис, внесённое уточнение и его текстовое основание. Если подтверждение не найдено, суждение обозначается как неподтверждённое и исключается из доказательной части. Отсутствие опоры не следует маскировать общими словами об авторском замысле.

Для воспроизводимого описания использования ИИ необходимо сохранять название и версию сервиса, дату, полный запрос, предъявленный текст и полученный ответ. Эти сведения относятся к будущему применению процедуры. Смена запроса либо состава контекста образует новое условие работы, поэтому удачный ответ нельзя механически распространять на другие задания. Экспертная оценка должна опираться на текстовую аргументацию: автоматическое одобрение ответа другой моделью не заменяет филологической проверки.

Практическая форма проверки — краткая запись из четырёх полей: тезис, фрагмент, ограничение, итоговая формулировка. Для второго примера тезис об устойчивом признании сопоставляется со сценой появления обновки; ограничение задаётся реакциями после кражи; итоговое суждение описывает временное внимание, не переходящее в надёжную поддержку. Такая запись делает ход исправления доступным другому исследователю. Она также позволяет отличить реальное уточнение смысла от стилистической переработки прежней мысли. Простая замена категоричного слова более осторожным не считается достаточной, если логика аргумента не изменилась.

Возможны ситуации, когда один фрагмент поддерживает несколько объяснений. Например, позднее беспокойство значительного лица допускает обсуждение сострадания и уязвлённого представления о себе; степень убедительности каждой версии зависит от её согласования с другими эпизодами. Процедура не требует искусственно устранить эту неоднозначность. Проверяющий отмечает общую текстовую опору и отдельно формулирует различающиеся предпосылки. Тем самым сохраняется возможность научной дискуссии: проверяемость основания не означает обязательного совпадения итоговых прочтений.

Результаты и выводы.

Разработана процедура, связывающая проверку факта с анализом повествовательной позиции и границ вывода. Её применение к трём эпизодам «Шинели» позволяет различить ошибку речевой атрибуции, чрезмерное обобщение и игнорирование изменения персонажа. Практическая ценность схемы заключается в том, что спорный комментарий можно разложить на проверяемые суждения и объяснить причину каждого исправления.

Выбор общеизвестного произведения ограничивает дальнейшее применение схемы. При реальном тестировании модель может воспроизводить распространённый критический комментарий, а не самостоятельно устанавливать связь между эпизодами. Поэтому качество ответа следует оценивать по предъявленным основаниям, не приписывая системе определённого внутреннего способа рассуждения. Для проверки переносимости процедуры потребуется материал с иной повествовательной организацией, а также тексты, менее представленные в общедоступных интерпретациях.

Искусственный интеллект может использоваться для выдвижения вариантов объяснения и предварительного поиска материала. Обоснованность интерпретации устанавливается через сопоставление этих вариантов с произведением. Предложенная схема не измеряет эффективность конкретной модели и не устраняет множественности прочтений; она задаёт условия, при которых разные прочтения остаются аргументированными. Перспектива исследования — независимая оценка комментариев несколькими филологами с фиксацией случаев согласия и расхождения.

Список использованной литературы

1. Гоголь Н. В. Шинель // Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3. Повести. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1938. С. 139–174. URL: https://rvb.ru/gogol/01text/vol_03/01povesti/0046.htm (дата обращения: 14.10.2026).

2. Subbiah M., Zhang S., Chilton L. B., McKeown K. Reading Subtext: Evaluating Large Language Models on Short Story Summarization with Writers // Transactions of the Association for Computational Linguistics. 2024. Vol. 12. P. 1290–1310. DOI: 10.1162/tacl_a_00702.

3. Thai K., Iyyer M. Literary Evidence Retrieval via Long-Context Language Models // Proceedings of the 63rd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Vol. 2: Short Papers. Vienna, 2025. P. 369–380. DOI: 10.18653/v1/2025.acl-short.29.

ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Хужаназаров Шовкатжон Абдуходиевич
старший преподаватель цикла управления воздушным движением и воздушной навигации Институт военной авиации Республики Узбекистан
г. Карши, Узбекистан

Annotatsiya. *Maqolada generativ sun'iy intellekt (GSI) texnologiyalarining ta'lim muhitiga faol integratsiyalashuvi sharoitida oliy va o'rta maktab o'qituvchisining kasbiy roli hamda pedagogik funksiyalarining transformatsiyasi ko'rib chiqiladi. Tayyor bilimlarni uzatishdan fasilitatsiya, murabbiylik va individual ta'lim trayektoriyalarini loyihalashga o'tish pedagogik paradigmasi tahlil qilingan. Zamonaviy pedagogning asosiy kompetensiyalari, zaruriy SI-savodxonlik darajasi, shuningdek, generativ modellarni joriy etishda yuzaga keladigan etik, metodik va akademik xatarlar belgilab berilgan. "O'qituvchi — SI — talaba" gibrid o'zaro ta'sirining konseptual modeli taklif etilgan.*

Kalit so'zlar: *generativ sun'iy intellekt, o'qituvchi rolining evolyutsiyasi, pedagogik fasilitatsiya, SI-savodxonlik, ta'limning raqamli transformatsiyasi, gibrid ta'lim, akademik halollik, ta'limni individuallashtirish.*

Аннотация. *В статье рассматривается трансформация профессиональной роли и педагогических функций преподавателя высшей и средней школы в контексте активной интеграции технологий генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) в образовательную среду. Проведен анализ сдвига педагогической парадигмы от трансляции готовых знаний к фасилитации, наставничеству и проектированию индивидуальных образовательных траекторий. Обозначены основные компетенции современного педагога, необходимый уровень ИИ-грамотности, а также этические, методические и академические риски, возникающие при внедрении генеративных моделей. Предложена концептуальная модель гибридного взаимодействия «преподаватель — ИИ — обучающийся».*

Ключевые слова: *генеративный искусственный интеллект, эволюция роли преподавателя, педагогическая фасилитация, ИИ-грамотность, цифровая трансформация образования, гибридное обучение, академическая честность, индивидуализация образования.*

Abstract. *The article examines the transformation of the professional role and pedagogical functions of higher and secondary school educators in the context of the active integration of generative artificial intelligence (GAI) technologies into the educational environment. The paper analyzes the pedagogical paradigm shift from the transmission of knowledge to facilitation, mentorship, and the design of personalized learning trajectories. The key competencies of a modern educator, the required level of AI literacy, and the ethical, methodological, and academic risks associated with the implementation of generative models are defined. A conceptual model of hybrid interaction "teacher — AI — student" is proposed.*

Keywords: *generative artificial intelligence, evolution of the teacher's role, pedagogical facilitation, AI literacy, digital transformation of education, hybrid learning, academic integrity, personalization of education.*

Введение. Стремительное развитие генеративных нейросетевых моделей и больших языковых архитектур (LLM) обозначило начало нового этапа цифровой трансформации образования. Если прежние цифровые инструменты выполняли преимущественно вспомогательную и справочно-поисковую функцию, то современный генеративный искусственный интеллект (ГИИ) способен самостоятельно синтезировать связные тексты, анализировать и структурировать информацию, генерировать программный код, создавать мультимедийный контент и имитировать диалоговое взаимодействие.

В этих условиях традиционная модель обучения, базирующаяся на преподавателе как единственном или главном источнике знаниевого ресурса, окончательно теряет свою актуальность. Появление доступных систем ГИИ ставит перед педагогической общественностью принципиальные вопросы:

1. Каковой становится ключевая функция преподавателя, когда первичный сбор и систематизацию материала способна выполнить машина?
2. Как изменяется структура педагогической деятельности и баланс между репродуктивным и творческим компонентами?
3. Какими новыми компетенциями должен обладать педагог эпохи искусственного интеллекта?

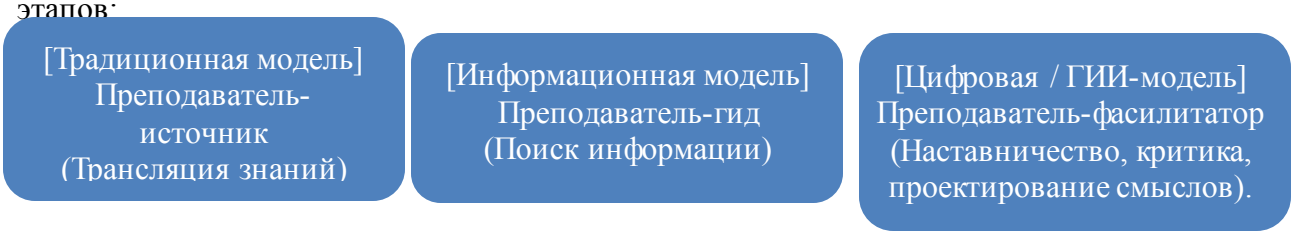
Методология и обзор литературы.

Методологическую основу данного исследования составляют системный, компетентностный и личностно-ориентированный подходы к анализу образовательного процесса. В качестве эмпирической базы использованы материалы отечественных и зарубежных публикаций, анализирующих практику внедрения нейросетей в образовательную среду высшей школы (Донцов М.А., Кораблева О.Н., Смирнова А.А., Holmes et al., Selwyn).

Современные исследователи подчеркивают, что искусственный интеллект следует рассматривать не как замену человеку, а как соавтора и когнитивного ассистента в дидактическом пространстве. При этом ключевым фактором эффективности выступает дифференциация рутинных технологических задач и человекоцентрированных аспектов воспитания, социализации и эмпатии.

3. Сдвиг педагогической парадигмы: от транслятора к фасилитатору.

Исторически роль преподавателя эволюционировала через несколько ключевых этапов:



1. Традиционная модель: Педагог — монопольный транслятор фундаментальных знаний и контролер их усвоения.

2. Информационная модель (эпоха Интернета): Педагог — навигатор в структурированных массивах данных.

3. Эпоха генеративного ИИ: Педагог — архитектор образовательного опыта, архитектор смыслов и критический эксперт.

ГИИ берет на себя выполнение фундаментальных рутинных задач: составление первоначальных планов занятий, генерацию вариантов тестовых заданий, подбор примеров, перевод материалов и начальную проверку типовых репродуктивных ответов. В результате центр тяжести преподавательской работы смещается от ***контентного наполнения*** к ***смыслообразующему контексту.***

Изменение структуры ключевых функций преподавателя

Традиционная функция	Трансформированная функция в эпоху ГИИ
Чтение лекций-монологов	Проведение интерактивных дискуссий, дебатов и разбор нетиповых кейсов
Проверка репродуктивных работ	Оценка критического мышления, валидация ИИ-ответов и проверка логики
Унифицированная выдача заданий	Персонализация образовательных траекторий совместно с ИИ-ассистентами
Контроль знаниевой памяти	Развитие метакогнитивных навыков (Soft Skills, критический анализ, этика)

4. Структура ИИ – грамотности педагога и новые компетенции

Для эффективной интеграции генеративных технологий педагог должен сформировать комплекс новых профильных компетенций, определяющих базовую **ИИ-грамотность (AI Literacy).** Данный комплекс включает три взаимосвязанных уровня:

А. Технологический (Промпт-инжиниринг и валидация:)

- навык грамотного формулирования запросов (промптов) с учетом контекста, роли и требуемого формата ответа;

- умение критически оценивать точность сгенерированного ответа (верификация фактов, выявление галлюцинаций нейросети).

В. Методический (Проектирование дидактики):

- разработка учебных заданий, резистентных к нерефлексивному списыванию с помощью ИИ (задания на сравнение личностного опыта, локального контекста, анализ противоречий);

- включение ИИ в учебный процесс как объект анализа (например, «Найди и исправь ошибки в ответе нейросети»).

С. Этический и академический:

- понимание правовых и этических норм использования авторских прав при обучении моделей;

- формирование прозрачных правил использования ГИИ обучающимися в рамках выполнения курсовых и исследовательских работ.

5. Этические и методические риски интеграции ГИИ.

Интеграция ИИ сопровождается комплексом институциональных и дидактических рисков:

1. ***Деградация базовых когнитивных навыков:*** Чрезмерное делегирование генерации текста или решения задач нейросетям приводит к ослаблению навыков самостоятельно структурировать мысль и вести аналитическую работу.

2. ***Академическая нечестность и проблема авторства:*** Традиционные системы проверки на антиплагиат часто оказываются неэффективными перед оригинальной сгенерированной компиляцией.

3. ***Галюцинации и смысловые искажения:*** Использованию сгенерированных текстов без глубокой проверки педагогом сопутствует риск внедрения ложных научных фактов или несуществующих библиографических ссылок.

В связи с этим преподаватель выступает главным гарантом академической дисциплины и научной достоверности, обучая студентов культуре критического восприятия результатов работы ИИ.

Заключение. Эволюция роли преподавателя в условиях масштабной интеграции генеративного искусственного интеллекта заключается не в вытеснении человека машиной, а в глубоком переосмыслении ценности педагогического труда. Генеративный ИИ берет на себя функцию высокопроизводительного ассистента, высвобождая временной ресурс педагога для решения высокоуровневых задач: развития творческого потенциала, формирования критического мышления, эмпатичной поддержки и наставничества.

Будущее эффективного образования лежит в модели «Преподаватель + ИИ», где искусственный интеллект выступает усилителем педагогических возможностей, а преподаватель остаётся ключевой фигурой, задающей ценности, смысловые ориентиры и методическую культуру процесса обучения.

Список использованной литературы

1. Донцов, М. А. Генеративный искусственный интеллект в работе преподавателя [Электронный ресурс] / М. А. Донцов // Педагогика и просвещение. — 2024. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/generativnyy-iskusstvennyy-intellekt-v-rabote-prepodavatelya (дата обращения: 12.10.2026).

2. Кораблева, О. Н. Интегрирование инструментов генеративного искусственного интеллекта в высшей школе / О. Н. Кораблева, А. А. Смирнова // Вопросы науки и образования. — 2024. — С. 139–144.

3. Практики внедрения технологий ИИ в высшем образовании: опыт России и зарубежья [Электронный ресурс] // Яндекс. Образование. — 2023.

4. Holmes, W. Artificial Intelligence in Education: Promises and Implications for Teaching and Learning / W. Holmes, M. Bialik, C. Fadel. — Boston : Center for Curriculum Redesign, 2019. — 250 p.

5. Selwyn, N. Should Robots Replace Teachers? AI and the Future of Education / N. Selwyn. — Cambridge : Polity Press, 2019. — 160 p.

6. Mishra, P. Technological Pedagogical Content Knowledge: A Framework for Teacher Knowledge / P. Mishra, M. J. Koehler // Teachers College Record. — 2006. — Vol. 108, No. 6. — P. 1017–1054.

7. UNESCO. Guidance for generative AI in education and research [Electronic resource] / UNESCO. — Paris : UNESCO Publishing, 2023. — URL: https://unesdoc.unesco.org/

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА
(на материале рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника»)

Исмоилова Махлиё
преподаватель-стажёр
Международный инновационный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается проблема сохранения авторского замысла при переводе художественного текста с русского языка на узбекский с помощью искусственного интеллекта. На материале первого предложения рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника» анализируются передача иронии, выбор лексических соответствий, адаптация текста к узбекской языковой среде и необходимость культурных комментариев. Подчёркивается, что качество литературного перевода определяется не только точностью передачи слов, но и сохранением художественного эффекта оригинала.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, художественный перевод, авторский замысел, ирония, А. П. Чехов, русский язык, узбекский язык, адаптация перевода.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada sun'iy intellekt yordamida badiiy matnlarni rus tilidan o'zbek tiliga tarjima qilishda muallif g'oyasi, kinoya va madaniy xususiyatlarni saqlash muammosi ko'rib chiqiladi. A. P. Chexovning «Amaldorning o'limi» hikoyasi birinchi jumlasining tarjimasi tahlil qilinadi. So'zma-so'z tarjima, matnni tabiiylashtirish va izohli tarjima imkoniyatlari qiyoslanib, sun'iy intellekt tarjimasini tahrirlashning ahamiyati asoslanadi.*

Kalit so'zlar: *sun'iy intellekt, badiiy tarjima, muallif g'oyasi, kinoya, A. P. Chexov, rus tili, o'zbek tili, tarjima tahriri.*

Abstract. *This article examines the preservation of authorial intent in AI-assisted literary translation from Russian into Uzbek. Using the opening sentence of Anton Chekhov's The Death of a Government Clerk, it analyzes irony, lexical choices, cultural references, and linguistic adaptation. The article argues that literary translation should be assessed not only by lexical accuracy but also by its ability to preserve the original text's artistic effect.*

Keywords: *artificial intelligence, literary translation, authorial intent, irony, Anton Chekhov, Russian language, Uzbek language, translation adaptation.*

Введение. Развитие систем искусственного интеллекта (ИИ) оказывает существенное влияние на филологию и практику художественного перевода. Если при работе с информационными и официальными текстами ИИ демонстрирует высокую точность, то перевод художественной литературы остаётся для алгоритмов сложной задачей. Художественное произведение представляет собой не просто набор

грамматических конструкций, а сложную эстетическую систему, пронизанную авторской иронией, подтекстом и культурными смысловыми пластами.

В эпоху цифровизации ключевой становится проблема сохранения авторского замысла при нейросетевом переводе классической литературы. В теории перевода традиционно сопоставляются форма и содержание, буквальная точность и смысловая эквивалентность. Л. С. Бархударов указывает на сложность межъязыковых преобразований и необходимость учёта отношений между единицами оригинала и перевода [1]. В. Н. Комиссаров подчёркивает, что перевод направлен на достижение смысловой и коммуникативной эквивалентности, обеспечивающей оригинальный художественный эффект [2].

Специфика прозы А. П. Чехова заключается в лаконизме, тонкой иронии и экспрессивном подтексте. В рассказе «Смерть чиновника» писатель изображает, на первый взгляд, незначительное бытовое событие: мелкий чиновник Иван Дмитрич Червяков чихает в театре и оказывается в неловком положении перед генералом Бризжаловым. За анекдотическим сюжетом скрывается глубокий социальный подтекст – психология добровольного чинопочитания и самоуничижения «маленького человека».

При автоматизированном переводе чеховского текста с русского языка на узбекский возникает ряд лингвостилистических и прагматических трудностей: передача иронии, выбор лексических соответствий и языковая адаптация. Как показывают С. Пак и Ы. Чхве, даже при наличии контекстуальных пояснений нейросетевые системы не всегда способны в полной мере передать авторский замысел [5]. Это подтверждает, что качество ИИ-перевода зависит не только от алгоритмов модели, но и от последующей коррекции со стороны человека-переводчика.

Цель настоящей статьи – рассмотреть, как при переводе с русского языка на узбекский средствами искусственного интеллекта передаются отдельные элементы авторского замысла, и определить, какие аспекты и художественные детали требуют обязательного дополнительного анализа и коррекции со стороны человека-переводчика.

В теории перевода традиционно рассматривается соотношение формы и содержания, буквальной точности и смысловой эквивалентности. Л. С. Бархударов обращает внимание на сложность межъязыкового преобразования и необходимость учитывать отношения между единицами оригинала и перевода [1]. В. Н. Комиссаров также рассматривает перевод как деятельность, направленную на достижение необходимой смысловой и коммуникативной эквивалентности [2].

Исследование С. Пак и Ы. Чхве, посвящённое возможностям ChatGPT в переводе иронии, показывает, что предоставление дополнительной информации о контексте и культурных особенностях способно улучшать качество перевода, хотя даже при наличии таких пояснений система не всегда отражает авторское намерение [5]. Этот вывод важен для настоящего исследования: качество нейросетевого перевода зависит не только от возможностей модели, но и от постановки задачи, доступного контекста и последующего анализа результата.

В рассказе «Смерть чиновника» Чехов изображает, на первый взгляд, незначительное событие: чиновник Иван Дмитрич Червяков чихает в театре и

оказывается в неловком положении перед генералом Бризжаловым, сидящим впереди него. Однако дальнейшее развитие ситуации показывает, что для героя этот случай приобретает несоразмерно большое значение. Червяков неоднократно пытается извиниться, тревожится из-за возможных последствий и не может освободиться от страха перед человеком более высокого социального положения. Комизм возникает из несоответствия между незначительностью первоначального происшествия и масштабом переживаний героя. Обычный случай постепенно превращается для него в источник мучительного беспокойства. Повторные извинения, которые должны были бы завершить неприятную ситуацию, напротив, усиливают напряжение и приводят к противоположному результату.

Однако художественное значение рассказа не ограничивается высмеиванием неловкого чиновника. Поведение Червякова позволяет увидеть зависимость человека от служебной иерархии, его страх перед авторитетом и неспособность воспринимать ситуацию независимо от своего положения. Герой оказывается смешным, но его поведение одновременно вызывает вопросы о том, какие общественные отношения формируют подобную психологию.

Для предварительного анализа было выбрано первое предложение рассказа: «В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор Иван Дмитрич Червяков сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на “Корневильские колокола”». В этом предложении уже проявляются несколько особенностей, важных для дальнейшего восприятия произведения. Во-первых, повествование начинается с традиционной формулы «В один прекрасный вечер». Во-вторых, выражение «не менее прекрасный экзекутор» создаёт дополнительный комический оттенок. В-третьих, упоминание должности героя и названия театрального произведения вводит читателя в конкретную историко-культурную обстановку.

Нейросетевая система предложила следующий вариант перевода на узбекский язык:«Bir ajoyib oqshomda undan kam bo‘lmagan darajada ajoyib ijrochi Ivan Dmitrich Chervyakov kreslolarning ikkinchi qatorida o‘tirib, durbin orqali “Kornevil qo‘ng‘iroqlari” tomoshasini tomosha qilardi». Данный вариант в целом передаёт основное содержание предложения: время действия, персонажа, место и занятие героя. Читатель может понять, что Червяков находится в театре и смотрит представление. Однако при более внимательном рассмотрении обнаруживаются отдельные лексические и стилистические вопросы.

Прежде всего, слово «экзекутор» передано словом ijrochi. Такое соответствие понятно с точки зрения общего значения исполнителя или лица, выполняющего определённые обязанности, но оно может не передавать историческую и административную специфику должности. В русском тексте слово «экзекутор» относится к определённой служебной реалии. Если заменить его общим обозначением, читатель получит представление о персонаже, но потеряет часть исторического контекста.

Второй вопрос связан с выражением «не менее прекрасный». В переводе «undan kam bo‘lmagan darajada ajoyib» сохраняется логика исходной конструкции, однако фраза может восприниматься как тяжеловесная. Для художественного текста важно не

только передать значение слов, но и найти естественный способ выразить ироническое преувеличение на узбекском языке.

Третья особенность касается словосочетания «kreslolarning ikkinchi qatorida». Вариант «teatr o'rindiqlarining ikkinchi qatorida» или «teatr kreslosi» помогает точнее обозначить обстановку, если в языке перевода исходное выражение без контекста может восприниматься слишком широко. При этом добавление слова «театр» должно выполнять уточняющую функцию, а не произвольно менять описание.

Наконец, в выражении «tomoshasini tomosha qilardi» возникает повтор однокоренных слов, который делает фразу менее естественной. В узбекском языке можно использовать более компактную конструкцию, не повторяя глагол со значением просмотра.

С учётом этих наблюдений был предложен следующий авторский вариант:«Ajoyib oqshomlarning birida, undan ham ajoyib bir inson – ekzekutor Ivan Dmitrich Chervyakov – teatr o'rindiqlarining ikkinchi qatorida o'tirib, binokl orqali "Kornevil qo'ng'iroqlari"ni tomosha qilardi». Этот вариант следует рассматривать не как окончательный или единственно правильный перевод, а как редакторское решение, направленное на сохранение иронии и повышение естественности узбекского текста. Выражение «undan ham ajoyib bir inson» позволяет перенести акцент с буквального сопоставления двух слов на ироническое преувеличение, связанное с характеристикой персонажа. В то же время такое преобразование требует осторожности. Слово inson («человек») отсутствует в оригинале, а значит, переводчик добавляет лексический элемент, который влияет на структуру фразы. Подобное добавление может быть оправдано, если оно помогает передать художественный эффект, но его следует оценивать в контексте всего предложения и произведения. Само по себе более естественное звучание ещё не доказывает полного сохранения авторского замысла.

Слово ekzekutor в авторском варианте сохраняет связь с исторической должностью героя. Однако для современного узбекского читателя оно может оказаться незнакомым. Поэтому целесообразно оставить термин в основном тексте и дать краткое пояснение в сноске. Такой приём позволяет не заменять историческую реалию приблизительным аналогом и одновременно облегчает понимание текста.

Отдельного внимания заслуживает имя Червякова. Его можно сохранить в принятой форме транслитерации, а при необходимости добавить примечание о возможной ассоциации русской фамилии со словом «червяк». Однако подобную ассоциацию не следует представлять как бесспорно установленное авторское намерение без отдельного источниковедческого обоснования. В научном комментарии важно различать языковую ассоциацию, интерпретацию исследователя и подтверждённый факт.

Название «Корневильские колокола» также представляет культурный интерес. Оно связано с французской опереттой Les cloches de Corneville композитора Робера Планкета. Для узбекского читателя, не знакомого с этим произведением, короткая сноска может оказаться полезнее, чем попытка полностью заменить название приблизительным описанием. При этом название в основном тексте желательно сохранить, чтобы не разрушать культурную связь с оригиналом.

Заключение. Предварительный анализ первого предложения рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника» показывает, что при переводе художественного текста с русского языка на узбекский необходимо учитывать несколько уровней: точность передачи лексических значений, естественность речи, сохранение иронии и передачу историко-культурных реалий.

Рассмотренный нейросетевой вариант передаёт основное содержание предложения, однако отдельные решения требуют дополнительного внимания. В частности, перевод слова «экзекутор» общим обозначением ijrochi может ослаблять историческую специфику должности, а буквальная конструкция со значением «не менее прекрасный» и повтор глагола со значением просмотра делают фразу менее естественной. Авторский вариант демонстрирует возможность адаптации выражения к узбекской языковой среде, но сам также нуждается в проверке с точки зрения точности и сохранения всех смысловых оттенков оригинала.

Основной вывод заключается в том, что качество художественного перевода нельзя оценивать только по соответствию отдельных слов. Необходимо учитывать, как перевод передаёт авторский замысел и какое художественное впечатление он создаёт у читателя. В случае рассказа Чехова особое значение имеет сохранение равновесия между комизмом ситуации и более глубоким изображением человеческого страха и зависимости от служебной иерархии.

Следовательно, перспективы применения искусственного интеллекта в литературном переводе связаны не только с повышением скорости и точности обработки текста, но и с совершенствованием методов оценки художественной эквивалентности. Именно такое исследование позволяет рассматривать нейросетевой перевод не как готовую замену переводчику, а как технологический инструмент, эффективность которого зависит от контекста, качества анализа и обоснованности редакторских решений.

Список используемой литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. — М.: Международные отношения, 1975.

2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990.

3. Nida E. A. Toward a Science of Translating. — Leiden: E. J. Brill, 1964.

4. Newmark P. A Textbook of Translation. — New York; London: Prentice Hall, 1988.

5. Park S., Choi E. A Study of Translatability of Irony in ChatGPT // The Journal of Translation Studies. — 2023. — Vol. 24, No. 2. — P. 131–160. — DOI: 10.15749/jts.2023.24.2.005.

6. Чехов А. П. Смерть чиновника. — 1883.

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА СОВРЕМЕННОЕРАЗВИТИЕ ФИЛОЛОГИИ

Курбанова Малика Хайитовна
преподаватель русского языка кафедры узбекского языка и литературы
Термезский государственный университет инженерии и агротехнологий
Термез, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается влияние искусственного интеллекта на современное развитие филологии, включая языкознание, литературоведение, переводоведение и цифровую гуманитаристику. Анализируются возможности применения технологий обработки естественного языка, машинного перевода, интеллектуального анализа текстов и генеративных языковых моделей в научных исследованиях и образовательном процессе. Рассматриваются также основные проблемы использования искусственного интеллекта: достоверность результатов, предвзятость алгоритмов, авторское право, академическая добросовестность и сохранение роли исследователя.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, филология, языкознание, литературоведение, машинный перевод, обработка естественного языка, цифровая гуманитаристика, корпусная лингвистика, генеративные модели, академическая добросовестность.*

Abstract. *This article examines the impact of artificial intelligence on the contemporary development of philology, including linguistics, literary studies, translation studies, and digital humanities. It analyzes the potential applications of natural language processing, machine translation, text mining, and generative language models within academic research and the educational process. Furthermore, the article addresses key challenges associated with the use of artificial intelligence, such as the reliability of results, algorithmic bias, copyright issues, academic integrity, and the preservation of the researcher's role.*

Keywords: *artificial intelligence, philology, linguistics, literary studies, machine translation, natural language*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada sun'iy intellektning filologiyaning zamonaviy rivojlanishiga, jumladan, tilshunoslik, adabiyotshunoslik, tarjimashunoslik va raqamli gumanitar fanlarga ta'siri o'rganiladi. Unda tabiiy tilni qayta ishlash texnologiyalari, mashina tarjimasi, matn qazib olish va generativ til modellarining ilmiy tadqiqotlar va ta'limda potentsial qo'llanilishi tahlil qilinadi. Sun'iy intellektdan foydalanish bilan bog'liq asosiy muammolar ham ko'rib chiqiladi: natijalarning ishonchliligi, algoritmik tarafkashlik, mualliflik huquqi, akademik yaxlitlik va tadqiqotchining rolini saqlab qolish.*

Kalit so‘zlar: *sun’iy intellekt, filologiya, tilshunoslik, adabiyotshunoslik, mashina tarjimasi, tabiiy tilni qayta ishlash, raqamli gumanitar fanlar, korpus lingvistikasi, generativ modellar, akademik halollik*

Современный этап развития науки характеризуется активным внедрением цифровых технологий во все сферы интеллектуальной деятельности человека. Искусственный интеллект (ИИ) становится одним из важнейших факторов преобразования научных методов, образовательных практик и способов обработки информации. Особенно заметно его влияние на филологию — область гуманитарного знания, изучающую язык, литературу, письменные памятники и закономерности человеческой коммуникации.

Традиционно филологические исследования основывались на внимательном чтении текстов, сравнительно-историческом анализе языковых явлений, интерпретации художественных произведений и изучении культурно-исторического контекста. Эти методы сохраняют свою научную значимость, однако увеличение объёма доступных текстовых материалов требует применения новых исследовательских инструментов. Цифровые библиотеки, электронные корпуса, автоматизированные системы анализа текста и генеративные языковые модели открывают дополнительные возможности для филологов.

Искусственный интеллект позволяет обрабатывать значительные массивы текстовой информации, выявлять повторяющиеся языковые структуры, сопоставлять литературные произведения, анализировать переводные тексты и ускорять подготовку исследовательских материалов. Вместе с тем результаты автоматического анализа не всегда учитывают исторические, культурные и прагматические особенности языка. Поэтому использование ИИ требует критического подхода и профессиональной проверки полученных данных.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью определить возможности и ограничения применения искусственного интеллекта в современной филологии, а также установить принципы его эффективного и ответственного использования в научной и образовательной деятельности.

Цель статьи — исследовать основные направления влияния искусственного интеллекта на развитие филологических наук, определить преимущества его применения и выявить связанные с ним научные, методологические и этические проблемы.

Искусственный интеллект представляет собой совокупность методов и технологий, позволяющих компьютерным системам выполнять задачи, связанные с обработкой информации, распознаванием закономерностей, генерацией текстов и решением отдельных интеллектуальных задач. В филологии наибольшее значение имеют обработка естественного языка (Natural Language Processing, NLP), машинное обучение, нейронные сети и большие языковые модели.

Вместе с тем автоматизация не означает отказа от традиционных методов филологического исследования. Компьютерные алгоритмы выявляют формальные закономерности, однако их объяснение требует знания истории языка, литературных направлений, общественных отношений и культурных традиций. Например, программа может определить частотность определённого слова в произведении, но не всегда способна достоверно объяснить его символическое значение в конкретную историческую эпоху.

Следовательно, искусственный интеллект следует рассматривать не как альтернативу филологической науке, а как инструмент расширения её исследовательских возможностей. Наиболее продуктивным является сочетание количественного анализа, автоматизированной обработки данных и качественной интерпретации, осуществляемой специалиста.

Одним из наиболее перспективных направлений использования ИИ является современное языкознание. Компьютерные технологии помогают исследовать структуру языка, его развитие, особенности функционирования в различных социальных группах и изменения, происходящие в процессе коммуникации.

В первую очередь искусственный интеллект используется для автоматического анализа языковых единиц. Алгоритмы могут выполнять токенизацию текста, морфологическую разметку, синтаксический анализ, определение значений слов в контексте и распознавание именованных сущностей. Такие инструменты позволяют ускорить обработку языкового материала и сделать исследование больших текстовых массивов более доступным.

Важную роль играют электронные языковые корпуса — систематизированные собрания текстов, предназначенные для лингвистического исследования. С помощью корпусных технологий можно изучать частотность слов, устойчивые словосочетания, особенности употребления грамматических форм и различия между письменной и устной речью. Искусственный интеллект расширяет возможности корпусной лингвистики, позволяя автоматически выявлять контекстуальные связи и тематические группы.

Искусственный интеллект также открывает новые возможности для диалектологии и исторического языкознания. Автоматизированные системы помогают сопоставлять диалектные формы, распознавать закономерности в старых текстах и классифицировать языковые варианты. При этом качество результатов зависит от объёма и достоверности обучающих материалов. Если определённый язык или диалект недостаточно представлен в цифровых источниках, алгоритм может ошибочно интерпретировать его особенности.

Таким образом, применение ИИ способствует расширению эмпирической базы языкознания и ускорению анализа языковых данных, но требует разработки качественных корпусов и специализированных моделей для различных языков.

Искусственный интеллект также используется для тематического моделирования, классификации произведений и выявления повторяющихся мотивов. Например, исследователь может сопоставить тексты нескольких авторов и определить, какие темы чаще встречаются в их произведениях, как меняется эмоциональная окраска повествования и какие персонажи занимают центральное место в сюжетной структуре.

Искусственный интеллект оказывает существенное влияние на современное развитие филологии, изменяя методы изучения языка, литературы и межкультурной коммуникации. Применение технологий обработки естественного языка, машинного перевода, стилометрии и цифровой обработки документов способствует ускорению исследований, расширению анализируемого материала и созданию новых образовательных ресурсов.

Вместе с тем искусственный интеллект не лишён ограничений. Недостаточная достоверность некоторых результатов, алгоритмическая предвзятость, сложности интерпретации художественного смысла и риски нарушения академической добросовестности требуют постоянного контроля со стороны специалистов. Особенно важно учитывать специфику языков, которые недостаточно представлены в цифровых ресурсах, включая отдельные региональные и исторические разновидности узбекского языка.

На основании проведённого анализа можно сделать вывод, что искусственный интеллект следует рассматривать как вспомогательное средство научного познания, эффективность которого определяется качеством данных, корректностью методов и компетентностью исследователя. Его ответственное применение способно содействовать развитию современной филологии, укреплению междисциплинарных связей и сохранению языкового и литературного наследия.

Список использованной литературы

1. Лукашевич Н. В., Сорокин А. А. Компьютерная лингвистика и автоматическая обработка текстов: учебное пособие. — М.: МАКС Пресс.2025.
2. Соловьев В. Д. Компьютерная лингвистика и дискурсивная комплексология: парадигмы и методы исследований // Russian Journal of Linguistics.
3. Лейн Х., Хапке Х., Коул Х. Обработка естественного языка в действии. — СПб.: Питер, 2021.
4. Васильев Ю. Обработка естественного языка. Python и spaCy на практике. — СПб.: Питер, 2021.
5. Нигматова Л. Artificial Intelligence and Linguistics // Acta NUUz. — 2025.
6. Сафаралиев Б. Язык и искусственный интеллект: новые горизонты. — 2025.

INVESTIGATING EMOJI CATEGORIES AND THEIR FUNCTIONS IN ONLINE INTERACTION

Mavlanova Nargiza Turayevna
Teacher at the Faculty of Foreign Languages,
Reviewer: Doctor of Philology, professor N. Yuldosheva
Karshi State University
Karshi, Uzbekistan

Abstract. *Digital communication has fundamentally transformed written discourse by integrating visual elements alongside traditional text. Among these visual indicators, emojis have emerged as a prominent semiotic resource, serving not merely as decorative additions but as sophisticated communicative tools that convey emotion, tone, and pragmatic intent. This paper investigates the systematic categorization of emojis and analyzes their distinct functions in online interaction. This study examines how users deploy various emoji categories across digital platforms to negotiate meaning and manage interpersonal relationships. The findings contribute to the fields of computer-mediated communication and digital semiotics by providing a comprehensive typology of emoji usage.*

Keywords: *Emojis, Computer-Mediated Communication (CMC), Digital Semiotics, Structural Taxonomy, Pragmatic Modulation, Online Interaction, Visual Vocabulary, Linguistic Pragmatics, Unicode Classification, Discourse Analysis*

Аннотация. *Цифровая коммуникация коренным образом изменила письменный дискурс, интегрировав визуальные элементы в традиционный текст. Среди таких визуальных средств эмодзи стали значимым семиотическим ресурсом, выступая не просто в качестве декоративных дополнений, но и как сложные коммуникативные инструменты, передающие эмоции, тональность и прагматическую интенцию. В данной статье исследуется систематическая классификация эмодзи и анализируются их специфические функции в онлайн-взаимодействии. Особое внимание уделяется тому, как пользователи применяют различные категории эмодзи на цифровых платформах для согласования значений и регулирования межличностных отношений. Полученные результаты вносят вклад в развитие исследований компьютерно-опосредованной коммуникации и цифровой семиотики, предлагая комплексную типологию использования эмодзи.*

Ключевые слова: *эмодзи, компьютерно-опосредованная коммуникация (CMC), цифровая семиотика, структурная таксономия, прагматическая модификация, онлайн-взаимодействие, визуальный вокабуляр, лингвистическая прагматика, классификация Unicode, анализ дискурса.*

Annotatsiya. *Raqamli kommunikatsiyaning jadal rivojlanishi yozma nutqning mazmuniy va pragmatik xususiyatlarini o‘zgartirib, an’anaviy matn bilan bir qatorda vizual vositalarning ham faol qo‘llanilishiga zamin yaratdi. Bunday vositalar orasida emojilar alohida semiotik birlik sifatida namoyon bo‘lib, nafaqat matnni vizual jihatdan boyitish, balki emotsional holat, kommunikativ munosabat, nutq ohangi va pragmatik ma’nolarni*

ifodalashda ham muhim vazifani bajaradi. Mazkur maqolada emojilarning tizimli tasnifi, ularning semantik va pragmatik xususiyatlari hamda raqamli muloqot jarayonidagi funksional imkoniyatlari tahlil qilinadi. Shuningdek, turli raqamli platformalarda emojilardan foydalanish orqali ma'noni shakllantirish, kommunikativ niyatni aniqlashtirish va shaxslararo munosabatlarni tartibga solish mexanizmlari yoritiladi. Tadqiqot natijalari emojilarning zamonaviy raqamli diskursdagi o'rnini aniqlashtirish, ularning kommunikativ va semiotik xususiyatlarini tizimlashtirish hamda kompyuter vositasidagi kommunikatsiya va raqamli semiotika doirasida emoji qo'llanilishining yaxlit tipologiyasini shakllantirishga xizmat qiladi.

Kalit so'zlar: *emojilar, kompyuter vositasidagi kommunikatsiya, raqamli semiotika, emojilarning tasnifi, semantik xususiyatlar, pragmatik funksiya, onlayn muloqot, vizual kommunikatsiya, Unicode tasnifi, diskurs tahlili.*

1. Introduction. With the rapid proliferation of smartphones, social media, and instant messaging applications, text-based communication has increasingly adopted features of spoken interaction (Crystal, 2011). One of the most significant developments in this domain is the widespread integration of emojis—small digital images or icons used to express an idea, emotion, or reaction in electronic communication (Danesi, 2017). Originally introduced in late 1990s Japan, emojis have evolved into a universal visual vocabulary utilized by billions of individuals daily (McCulloch, 2019).

While early linguistic research often dismissed emojis as transient internet slang or trivial embellishments, contemporary scholarship recognizes them as vital components of computer-mediated communication (CMC) (Herring & Dainas, 2017). Emojis function as paralinguistic cues, compensating for the absence of vocal inflection, facial expressions, and body language in text-based environments (Kaye et al., 2016). They help clarify pragmatic intent, mitigate misunderstandings, and modulate interpersonal tone (Lo, 2008).

Despite their ubiquitous presence, the structural classification of emojis and the specific functional mechanisms governing their deployment in online interaction require further systematic investigation. As digital discourse continues to evolve, understanding how these visual symbols are categorized and utilized becomes crucial for analyzing modern written communication. Therefore, this study aims to explore the structural taxonomy of emojis and investigate their functional roles in digital interaction through a structured empirical and theoretical analysis.

2. Methodology. This study adopts a mixed-methods qualitative and quantitative approach, structured around corpus-based observation and semiotic analysis of digital interactions, adhering to the professional and linguistic standard research design.

2.1. Data Collection and Corpus

The primary dataset comprised a curated corpus of 1,500 conversational threads extracted from public messaging platforms, social media comment sections (including Twitter/X and Instagram), and professional collaboration tools (such as Telegram and Slack) collected between January and June 2026. The corpus captured diverse interactional contexts, ranging from informal peer-to-peer messaging to semi-formal professional exchanges.

2.2. Analytical Framework

The analysis was divided into two core phases:

Taxonomical Mapping: Emojis within the corpus were cataloged according to the official Unicode Consortium standard classifications (Unicode Consortium, 2024) while evaluating their structural frequency.

Functional Coding: Interaction instances were coded based on the pragmatic function of the emoji within the utterance, drawing on categories established by Derks et al. (2008). Categories included emotional amplification, illocutionary force modification, conversational structuring, and substitution.

3. Results

The empirical investigation yielded significant insights into both the categorical distribution of emojis and their functional roles in online interaction.

3.1. Categorical Distribution

Analysis of the digital corpus revealed clear patterns in user preference across official Unicode categories:

1. **Smileys & Emotion:** Comprised 42% of all emoji tokens in the dataset, dominating informal and semi-formal interactions. Facial expressions conveying positive affect and affectionate gestures appeared with the highest frequency.
2. **People & Body:** Accounted for 23% of tokens, heavily utilized for identity expression, gesture simulation, and role depiction.
3. **Objects and Symbols:** Represented 18% of tokens, frequently employed in professional and task-oriented digital environments to indicate status or completion.
4. **Animals, Nature, Food, Travel, and Activities:** Combined for the remaining 17%, serving primarily as topical anchors or metaphorical illustrations.

3.2. Functional Mechanics in Online Interaction

The functional analysis demonstrated that emojis rarely operate in isolation; instead, they interact symbiotically with accompanying text. Three primary functional clusters were identified:

- **Pragmatic Modulation:** In 58% of instances, emojis functioned as tone indicators, effectively neutralizing potential conversational friction (Derks et al., 2008).
- **Emoticonic Substitution:** In approximately 15% of cases, emojis completely replaced verbal words, a behavior most prevalent in high-speed mobile chat environments (Kaye et al., 2016).
- **Discourse Structuring:** Users systematically deployed specific symbols as punctuation markers to signal the opening or closing of conversational sequences.

4. Discussion

The findings of this study underscore the evolving nature of digital literacy and computer-mediated communication. The heavy reliance on the *Smileys & Emotion* category highlights the fundamental human drive to restore social presence and emotional transparency in text-only mediums (Gunther & Allwood, 2021).

When mapped against established linguistic theories of pragmatics, emojis act much like gestures in face-to-face conversation. Just as hand movements and facial expressions accompany spoken words to clarify meaning, emojis serve as visual paralinguistic phenomena that reduce ambiguity. The absence of traditional vocal cues in digital writing is effectively counterbalanced by this visual vocabulary, allowing participants to negotiate irony, humor, and sincerity successfully (McCulloch, 2019).

Furthermore, the structural categorization reveals that Unicode classifications, while technically organized by thematic domains, align closely with human cognitive and communicative priorities. Emotional and relational markers take precedence over objective physical objects in daily digital discourse.

5. Conclusion. This study investigated the classification and functional deployment of emojis within contemporary online interaction. By examining a diverse corpus of digital discourse, the research mapped the structural taxonomy of emojis and demonstrated their vital role in pragmatic modulation, emotional expression, and conversational structuring. As digital communication continues to mature, emojis constitute a fully integrated layer of modern written language. Future research should explore cross-cultural variations in emoji interpretation and investigate how emerging digital technologies further influence digital semiotics.

References

1. Crystal, D. (2011). *Internet linguistics: A student's guide*. Routledge.
2. Danesi, M. (2017). *The semiotics of emoji: The rise of visual language in the age of the internet*. Bloomsbury Publishing.
3. Derks, D., Bos, A. E., & von Grumbkow, J. (2008). Emoticons and social interaction on the Internet: The importance of social context. *Computers in Human Behavior*, 24(3), 842–849.
4. Gunther, T., & Allwood, J. (2021). Visual prosody: The role of emojis in expressing emotional nuance in text communication. *Journal of Pragmatics*, 175, 112–128.
5. Herring, S. C., & Dainas, A. (2017). "Nice picture comment!": Graphicons in Facebook comment threads. *Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences*, 2163–2172.
6. Kaye, L. K., Wall, H. J., & Malone, S. A. (2016). 'Turn that frown upside down": A contextual account of emoji usage on instant messaging. *Computers in Human Behavior*, 60, 463–467.
7. Lo, S. K. (2008). The nonverbal communication functions of emoticons in computer-mediated communication. *CyberPsychology & Behavior*, 11(5), 595–597.
8. McCulloch, G. (2019). *Because Internet: Understanding the new rules of language*. Riverhead Books.
9. Unicode Consortium. (2024). *Unicode Emoji Data Files*. Unicode Technical Standard #51. Retrieved from https://www.unicode.org/reports/tr51/

SUN’IY INTELLEKT YORDAMIDA O‘ZBEK MATNLARINI RAQAMLASHTIRISHDA XATO VA VARIANTNI FARQLASH

Raxmatova Feruza Karimovna
Iqtisodiyot va pedagogika universiteti
Qarshi, O‘zbekiston

Annotatsiya. *Maqolada o‘zbek matnlarini raqamlashtirishda sun’iy intellekt taklif qilgan tuzatishlarni baholash mezonlari ishlab chiqiladi. Nashr etilgan tadqiqotlar va shartli misollar asosida tanish xatosi, manba varianti va me’yorlashtirish farqlanadi. Manba tasviri, transkripsiya va tahririy qarorni alohida saqlashga asoslangan tekshirish tartibi taklif etiladi.*

Kalit so‘zlar. *Sun’iy intellekt, matnshunoslik, raqamlashtirish, OCR, matn varianti, me’yorlashtirish, tahririy izoh.*

Аннотация. *В статье разработаны критерии оценки исправлений, предложенных искусственным интеллектом при оцифровке узбекских текстов. На основе опубликованных исследований и условных примеров проводится различие между ошибками распознавания, вариантами исходного текста и нормализацией. Предложена процедура проверки, основанная на раздельном хранении исходного изображения, транскрипции и редакционного решения.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, текстология, оцифровка, OCR, вариант текста, нормализация, редакционный комментарий.*

Abstract. *The article develops criteria for evaluating AI-assisted corrections during the digitization of Uzbek texts. Published studies and constructed examples inform a distinction between recognition errors, source variants, and normalization. A verification procedure is proposed that keeps source images, transcriptions, and editorial decisions separate.*

Keywords. *Artificial intelligence, textual scholarship, digitization, OCR, textual variant, normalization, editorial annotation.*

Muammo va tadqiqot maqsadi

Raqamli matnda ravon jumlaning paydo bo‘lishi uning manbaga aniq mos kelishini hali anglatmaydi. Bosma sahifadagi noodatiy shakl avtomatik tanishda buzilishi ham, asl nusxada shunday yozilgan bo‘lishi ham mumkin. Agar sun’iy intellekt ikkala holatni bir xil «tuzatsa», texnik xato bartaraf etilishi bilan birga til tarixiga yoki nashr xususiyatiga oid ma’lumot ham yo‘qolishi ehtimoli bor. Matnshunoslik uchun muammo aynan shu chegarani belgilashdan boshlanadi.

Optik belgilarni tanish, ya’ni OCR tasvirdagi yozuvni mashina o‘qiydigan belgilar ketma-ketligiga aylantiradi. OCRdan keyingi tuzatish ushbu ketma-ketlikni manbaga yaqinlashtirishga qaratiladi. O‘qishga qulaylashtirish esa boshqa maqsadni: imlo va ifodani tanlangan me’yorga moslashtirishni ko‘zlashi mumkin. Mazkur maqolada ushbu vazifalar ajratilib, katta til modeli taklifi qaysi dalil asosida qabul qilinishi kerakligi o‘rganiladi.

Tadqiqotning maqsadi o‘zbek matnlarining raqamli nusxasida tanish xatosi bilan manbada mavjud variantni farqlash mezonlarini taklif etishdir. Asosiy savol shunday: model taklif qilgan yangi shakl manbani tiklayaptimi yoki uni o‘zgartiryaptimi? Ishning natijasi tayyor dastur yoki model reytingi emas, tuzatishning manbaviy asosini hujjatlashtirishga xizmat qiladigan matnshunoslik tartibidir.

Material va tahlil usuli

Materialni tarixiy matnlarning avtomatik transkripsiyasini tuzatishga oid uch tadqiqot [1–3] va Text Encoding Initiative, ya’ni TEI yo‘riqnomalarining tahririy aralashuv haqidagi bo‘limlari tashkil etadi [4–6]. Tadqiqotlar metod va qo‘llanish chegarasi bo‘yicha qiyoslanadi. So‘ng o‘zbekcha shartli misollarga bir xil savollar qo‘yiladi: tasvirda nima bor, transkripsiyada nima yozilgan va taklif etilgan o‘zgarishning maqsadi nima?

Quyidagi misollar muallif tomonidan tahlil uchun tuzilgan; ular arxivdan olingan iqtiboslar yoki muayyan modelning haqiqiy javoblari emas. O‘zbekcha OCR korpusi bo‘yicha eksperiment o‘tkazilmadi. Shu sababli maqolada modelning aniqligi, o‘zbek matnlaridagi xatolar chastotasi yoki vaqt tejalishi haqida o‘lchangan natija da’vo qilinmaydi. Metod sifat tahlili va tahririy qarorlarni modellashtirishga asoslanadi.

Nashr etilgan natijalarning qo‘llanish chegarasi

E. Boros va hammualliflar turli tillar, davrlar va transkripsiya turlarini qamrab olgan materialda o‘n to‘rtta til modelini tekshirgan. Ularning tadqiqoti tarixiy transkripsiyani tuzatishda umumiy matn yaratish qobiliyatining o‘zi yetarli emasligini ko‘rsatadi [1, 133–135-b.]. Ushbu ish mazkur maqola uchun tekshirish vazifasini aniq belgilash zarurligi bilan ahamiyatlidir: manbaga mos transkripsiya ko‘pincha uslubiy jihatdan yaxshilangan matn bilan bir xil emas.

A. Thomas, R. Gaizauskas va H. Lu XIX asr Britaniya gazetalari korpusida maxsus moslashtirilgan Llama 2 bilan OCR sifatini yaxshilash imkoniyatini namoyish etgan [2]. J. Kanerva va hammualliflar esa tarixiy inglizcha va fincha materialni tekshirib, inglizcha natijalar istiqbolli bo‘lganini, fincha uchun amaliy jihatdan yetarli sifatga erishilmaganini qayd etgan [3]. Bu natijalar o‘zbek tilining ko‘rsatkichi sifatida olinmaydi. Ulardan chiqariladigan metodik xulosa — muvaffaqiyatni til, material va modelni moslashtirish sharoitidan ajratmaslikdir.

Tanish xatosi va manba shaklining farqi

Birinchi shartli vaziyatda sahifada «U kitobni o‘qidi» yozilgan, OCR nusxasida esa «U kitobni o‘qidl» hosil bo‘lgan deb olaylik. Tasvirdagi oxirgi belgi aniq ko‘rinsa, «o‘qidl»ni «o‘qidi»ga almashtirish manbani tiklashdir. Qarorni faqat ikkinchi shakl grammatik jihatdan maqbulroq ekani emas, tasvir bilan mosligi asoslaydi. Manba tasviri bo‘lmasa, o‘sha taklif ehtimoliy tuzatish maqomida qoladi.

Ikkinchi vaziyatda manbaning o‘zida «birla» shakli aniq bosilgan, o‘qishga qulay nusxada esa «bilan» berilishi taklif qilingan deb faraz qilamiz. Bu yerda belgilar noto‘g‘ri tanilmagan: o‘zgarish shaklni zamonaviylashtirishga qaratilgan. «Bilan»ning tanlanishi muayyan nashr siyosatiga mos kelishi mumkin, biroq uni OCR xatosini tuzatish deb qayd etish to‘g‘ri bo‘lmaydi. Asl shaklni ko‘rish imkoniyati saqlanishi lozim.

Uchinchi vaziyatda sahifaning bir qismi shikastlangan va faqat «bir...» o‘qiladi. Kontekst «birla» yoki «birga» variantlaridan birini ma’qul ko‘rsatishi mumkin. Biroq taxminning ravonligi yo‘qolgan belgilar haqidagi bevosita dalil emas. Bunday o‘rinda

o‘qilmagan qismni belgilash, muqobilni izohda ko‘rsatish yoki boshqa nusxaga murojaat qilish kerak. Model taklifini aniq o‘qilgan shakl bilan bir maqomga qo‘yish dalil darajalarini aralashtiradi.

Tuzatish va me’yorlashtirishni qayd etish

TEI yo‘riqnomalarida asl holat bilan tahrirlangan o‘qishni yonma-yon berish imkoniyati mavjud. choice bir joydagi muqobil ifodalarni birlashtiradi; tahrir uchun mas’ul tomon va ishonchlilik darajasini qayd etish vositalari ham ko‘rsatilgan [4]. Bu yerda TEI to‘liq dasturiy yechim sifatida emas, tahririy farqlarni ko‘rinadigan qilish tamoyilining manbai sifatida qo‘llanadi.

corr manba matnida xato deb baholangan o‘rinning tuzatilgan shaklini bildiradi [5]. reg esa muayyan ma’noda me’yorlashtirilgan o‘qishni qayd etadi [6]. Shuning uchun OCRning «o‘qidl» shaklini tuzatish bilan manbadagi haqiqiy xatoni tuzatish ham aynan bir hodisa emas. Birinchisida transkripsiya manbaga moslashtiriladi; ikkinchisida manba o‘qishi saqlangan holda tahririy muqobil taklif etiladi. Bu farqni texnik belgilashdan oldin filologik jihatdan aniqlash zarur.

Taklif etilayotgan tartibda har bir o‘zgarish uchun manbadagi o‘rin, dastlabki transkripsiya, taklif, qaror turi va dalil yozib boriladi. «Tasvirga mos tiklash», «manbadagi xatoga tahririy tuzatish», «me’yorlashtirish» hamda «noaniq o‘qish» alohida qarorlardir. Modelning o‘zi bergan ishonchli ohang qaror uchun mustaqil dalil hisoblanmaydi. Yakuniy tanlov tekshiruvchi ko‘rgan manba yoki aniq ko‘rsatilgan qiyosiy asosga tayanadi.

O‘zbekcha raqamli nusxani tekshirish tartibi

O‘zbek lotin yozuvidagi o‘ va g‘ harflari tarkibidagi belgilarni bir xil ko‘rinishga keltirish bilan so‘z tarkibini o‘zgartirishni ham ajratish lozim. Masalan, shartli «o'qidi» va «o‘qidi» yozuvlarini qidiruv uchun bir shaklga keltirish texnik me’yorlashtirish bo‘lishi mumkin. Biroq barcha apostrofga o‘xshash belgilarni o‘chirib tashlash matn tuzilishini buzishi mumkin. Har qanday avtomatik almashtirishning qamrovi oldindan belgilanishi va o‘zgarishdan oldingi nusxa saqlanishi kerak.

Tekshirish avval nashr maqsadini belgilashdan boshlanadi: manba yozuvini aks ettiruvchi nusxami yoki o‘qishga moslashtirilgan nusxami? Keyin manba tasviri bilan OCR matni moslashtiriladi. Modeldan olingan taklif darhol asosiy matnga kiritilmay, alohida ro‘yxatga olinadi. Har bir taklif manbaga moslik va qaror turi bo‘yicha tekshirilgach qabul qilinadi, rad etiladi yoki noaniq deb qoldiriladi. Natijada qayta ko‘rib chiqish mumkin bo‘lgan tahrir tarixi hosil bo‘ladi.

Baholashda faqat yakuniy matndagi xatolar sonini hisoblash yetarli emas. To‘g‘ri bo‘lgan o‘rinning asossiz o‘zgartirilishi ham alohida qayd etilishi kerak. Sinov loyihasida manbaga muvofiq tiklangan o‘rinlar, asossiz almashtirishlar va yechilmagan o‘qishlar alohida hisoblanishi mumkin. Agar etalon nusxa zamonaviylashtirilgan bo‘lsa, unga yaqinlashish manbaviy aniqlik oshganini avtomatik isbotlamaydi. Ushbu baholash mezonlari kelgusidagi tekshiruv uchun taklif etilmoqda, ularga doir raqamli natijalar hozircha olinmagan.

Xulosa. Sun’iy intellekt yordamida raqamlashtirishda asosiy farq «xunuk» va «ravon» matn o‘rtasida emas, dalil bilan tasdiqlangan tiklash va nashr siyosatiga bog‘liq o‘zgartirish o‘rtasida yuzaga keladi. Taklif etilgan tahlil tanish xatosi, manbadagi xato, variant va noaniq o‘qishni alohida ko‘rish zarurligini asoslaydi. Bu ajratish raqamli nusxadan keyinchalik til tarixi va matnshunoslik tadqiqotlarida foydalanish uchun muhim.

Ishning amaliy natijasi manba tasviri, transkripsiya va tahririy qarorni bir-biriga bog‘lagan holda alohida saqlash tartibidir. Uning samaradorligi o‘zbekcha materialda hali eksperimental tekshirilmagan. Keyingi bosqichda turli davr va yozuvdagi kichik namunalar uchun filologlar kelishgan etalon tuzish, so‘ng model takliflarini ushbu etalon va manba tasviri bilan qiyoslash lozim. Shundagina texnik yaxshilanish bilan manbaviy ma’lumotning saqlanishini birgalikda baholash mumkin bo‘ladi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

1. Boros E., Ehrmann M., Romanello M., Najem-Meyer S., Kaplan F. Post-Correction of Historical Text Transcripts with Large Language Models: An Exploratory Study // Proceedings of LaTeCH-CLfL 2024. 2024. P. 133–159. DOI: 10.18653/v1/2024.latechclfl-1.14.

2. Thomas A., Gaizauskas R., Lu H. Leveraging LLMs for Post-OCR Correction of Historical Newspapers // Proceedings of LT4HALA @ LREC-COLING-2024. 2024. P. 116–121. URL: https://aclanthology.org/2024.lt4hala-1.14/ (murojaat sanasi: 18.10.2026).

3. Kanerva J., Ledins C., Käpyaho S., Ginter F. OCR Error Post-Correction with LLMs in Historical Documents: No Free Lunches // Proceedings of RESOURCEFUL-2025. 2025. P. 38–47. URL: https://aclanthology.org/2025.resourceful-1.8/ (murojaat sanasi: 18.10.2026).

4. TEI Consortium. TEI P5: Guidelines for Electronic Text Encoding and Interchange. § 3.5. Simple Editorial Changes. URL: https://tei-c.org/release/doc/tei-p5-doc/en/html/CO.html (murojaat sanasi: 18.10.2026).

5. TEI Consortium. TEI element corr (correction). URL: https://tei-c.org/release/doc/tei-p5-doc/en/html/ref-corr.html (murojaat sanasi: 18.10.2026).

6. TEI Consortium. TEI element reg (regularization). URL: https://tei-c.org/release/doc/tei-p5-doc/en/html/ref-reg.html (murojaat sanasi: 18.10.2026).

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ГЛАГОЛЬНОМУ УПРАВЛЕНИЮ УЗБЕКОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ

Рахматова Феруза Каримовна
Ассистент-преподаватель Университета экономики и педагогики
Карши, Узбекистан

Аннотация. *Рассматривается использование генеративного искусственного интеллекта при обучении узбекоязычных студентов русскому глагольному управлению. Цель статьи — разработать учебную процедуру, связывающую автоматизированную обратную связь с самостоятельным выбором падежной формы. Применены сопоставительный анализ словарных моделей сочетаемости и методическое моделирование. На четырёх специально сконструированных случаях разграничены несовпадение управления, совпадение моделей и замена глагола, устраняющая исходную учебную задачу. Предложены последовательность работы с ИИ, образцы запросов и раздельная оценка исправления, объяснения и применения правила в новом контексте. Результатом является методическая разработка; её эффективность в студенческой аудитории требует эмпирической проверки.*

Ключевые слова: *генеративный искусственный интеллект, русский язык как иностранный, глагольное управление, узбекоязычные студенты, межъязыковая интерференция, обратная связь.*

Annotatsiya. *Maqolada o‘zbek tilida so‘zlashuvchi talabalarga rus tilidagi fe’l boshqaruvini o‘rgatishda generativ sun’iy intellektdan foydalanish masalasi ko‘rib chiqiladi. Maqsad — avtomatlashtirilgan qayta aloqa bilan kelishik shaklini mustaqil tanlashni bog‘laydigan o‘quv tartibini ishlab chiqish. Lug‘atlardagi birikish modellarining qiyosiy tahlili va metodik modellashtirish qo‘llanildi. Maxsus tuzilgan to‘rtta holat asosida boshqaruvdagi farqlar, modellarning mos kelishi hamda fe’lni almashtirish natijasida dastlabki o‘quv vazifasining chetlab o‘tilishi ajratildi. Sun’iy intellekt bilan ishlash ketma-ketligi, so‘rov namunalari va tuzatish, izohlash hamda qoidani yangi kontekstda qo‘llashni alohida baholash mezonlari taklif etildi. Natija metodik ishlanma bo‘lib, uning talabalar ta’limidagi samaradorligi empirik tekshiruvni talab qiladi.*

Kalit so‘zlar: *generativ sun’iy intellekt, rus tili chet tili sifatida, fe’l boshqaruvi, o‘zbek tilida so‘zlashuvchi talabalar, tillararo interferensiya, qayta aloqa.*

Abstract. *The article examines the use of generative artificial intelligence to teach Russian verbal government to Uzbek-speaking students. It aims to design a learning procedure that connects automated feedback with independent case selection. The methods combine contrastive analysis of dictionary-based patterns and instructional modelling. Four constructed cases distinguish differences in government, matching patterns, and verb substitution that bypasses the original learning objective. The proposed procedure includes AI prompts and separate assessment of correction, explanation, and rule application in a new*

context. The outcome is a methodological design whose classroom effectiveness requires empirical evaluation.

Keywords: *generative artificial intelligence, Russian as a foreign language, verbal government, Uzbek-speaking students, cross-linguistic interference, feedback.*

Постановка проблемы

При использовании генеративного искусственного интеллекта (ИИ) на занятиях по русскому языку возникает методическая проблема: исправленный текст не позволяет установить, способен ли студент самостоятельно выбрать нормативную форму. Особенно отчётливо это проявляется при усвоении глагольного управления. Получив готовое сочетание «пользоваться словарём», обучающийся может перенести его в работу, не осознав, почему требуется творительный падеж. Поэтому предметом обучения должен стать выбор формы зависимого слова, а результатом проверки — действие студента в новом контексте.

Л. Конке, Б. Мурхаус и Д. Цзоу рассматривают возможности языковых чат-ботов и необходимые для их использования цифровые компетенции [1]. Рекомендации ЮНЕСКО подчёркивают значение педагогической проверки генеративных инструментов и сохранения активной роли человека [2]. Эти положения задают общую рамку, однако для конкретной языковой аудитории необходима процедура, определяющая содержание подсказки, границы автоматического исправления и способ контроля усвоения.

Цель статьи — разработать процедуру обучения русскому глагольному управлению узбекоязычных студентов с использованием ИИ и независимой проверкой применения правила. Методический вклад состоит в разграничении трёх результатов: нормативности полученного предложения, обоснованности объяснения и самостоятельного употребления изучаемой конструкции. Разработка рассчитана на студентов, владеющих русским языком примерно на уровне B1 и знакомых с системой падежей.

Материал и методы

Работа носит теоретико-методический характер. Материал составляют словарные модели сочетаемости и четыре специально сконструированных учебных случая. Русские сочетания с глаголами «пользоваться» и «интересоваться» проверяются по словарям портала «Грамота.ру» [4]; узбекские модели с foydalanmoq и qiziqmoq — по статьям электронного словаря Izoh.uz [5; 6]. Использованы сопоставительный анализ, анализ преобразований словосочетания и методическое моделирование. Представленные ошибочные формы не извлечены из студенческого корпуса; примеры исправления не являются зафиксированными ответами конкретной языковой модели.

Единицей анализа служит сочетание глагола с зависимым существительным. Для каждого случая устанавливаются русская нормативная модель, узбекское соответствие, возможная зона затруднения и учебное действие. Межъязыковое несовпадение рассматривается как основание для построения упражнения, но не как доказательство причины реальной ошибки. Интерференционное объяснение требует нарушения русской нормы, соответствующей узбекской модели и проверки

альтернатив: неполного усвоения русского падежного правила, аналогии с другим глаголом, случайной описки либо изменения, внесённого ИИ.

Сопоставительный разбор учебных случаев

Первый случай — выбор падежа после глагола «пользоваться». В узбекском сочетании lug‘atdan foydalanmoq зависимое существительное имеет показатель исходного падежа -dan [5]. Русское соответствие строится иначе: «пользоваться чем?» — «пользоваться словарём» [4]. Для упражнения задаётся намеренно ненормативная фраза «Студент пользуется из словаря». Задача состоит в устранении предлога и выборе творительного падежа при сохранении глагола. Сопоставление показывает, почему перевод отдельного падежного показателя без учёта управления не даёт правильного русского сочетания. Это иллюстрация возможного механизма переноса, а не утверждение о частотности такой ошибки.

Второй случай — сочетание «интересоваться темой». Узбекский словарь приводит конструкции musiqaga qiziqmoq, fizikaga qiziqmoq, в которых зависимое имя оформлено показателем -ga [6]. В русском языке объект интереса при глаголе «интересоваться» выражается творительным падежом [4]. Учебная фраза «Студент интересуется этой теме» исправляется на «Студент интересуется этой темой». При обсуждении студент объясняет не только изменение окончания, но и зависимость формы от русского глагола. В реальном тексте дательный падеж мог бы возникнуть также по аналогии с сочетанием «интерес к теме»; поэтому одного совпадения с узбекской моделью для установления интерференции недостаточно.

Третий случай — положительный контроль «Преподаватель помогает студенту». В узбекском соответствии o‘qituvchi talabaga yordam beradi адресат помощи также оформляется дательным показателем. Задание намеренно содержит правильную русскую конструкцию. Студент должен сохранить её и объяснить выбор формы «студенту». Такое включение препятствует установке «каждое предложение нужно исправить» и показывает, что сопоставление языков выявляет не только различия. Совпадение в данном сочетании нельзя распространять на все конструкции с узбекским -ga.

Четвёртый случай — обход учебной задачи посредством лексической замены. Фразу «Студент пользуется словарь» можно нормативно преобразовать двумя способами: «Студент пользуется словарём» и «Студент использует словарь». Второй вариант допустим по смыслу, однако меняет глагол и переводит работу к другой модели управления. Если цель занятия — освоение конструкции «пользоваться чем?», такое исправление не подтверждает её усвоение. Оба варианта представлены здесь как авторские учебные преобразования. Для оценки потенциальной ИИ-правки предлагается проверять не только грамотность результата, но и сохранение целевой конструкции.

Анализ позволяет выделить три основания проектирования заданий: несовпадение управления требует сопоставления; совпадение — аргументированного сохранения формы; замена управляющего слова — проверки соответствия учебной цели. Эти основания описывают организацию материала, а не распространённость ошибок среди узбекоязычных студентов.

Процедура работы с генеративным ИИ

Первый этап – самостоятельное решение. До обращения к ИИ студент записывает исходную фразу, собственный вариант и краткое объяснение. Преподаватель сохраняет эту запись, поскольку последующее исправление без исходного ответа не позволяет отделить действие обучающегося от автоматической помощи. В одном небольшом блоке целесообразно сочетать ошибочные и нормативные предложения.

Второй этап — ограниченная подсказка. Вместо общего запроса «исправь ошибки» студент использует инструкцию: «Помоги проверить глагольное управление в предложении. Сначала укажи глагол и задай вопрос к зависимому слову. Не сообщай готовую форму до моей попытки. Сохрани исходный глагол и смысл. Если предложение правильное, скажи об этом. Предложение: …». После собственной попытки можно запросить объяснение: «Проверь мой ответ и объясни выбор падежа в двух предложениях. Не заменяй грамматическое правило общим советом о стиле».

Такая организация согласуется с разграничением исправления и реакции обучающегося в исследовании Р. Листера и Л. Ранты [3]. Его результаты получены в условиях устного взаимодействия на занятиях французским языком и не доказывают эффективность ИИ при обучении русскому. Здесь они используются как основание для методического выбора: между сигналом об ошибке и готовым решением следует оставить место для самостоятельной попытки.

Третий этап — проверка ответа и объяснения. Студент сопоставляет предложенный вариант со словарной моделью и отмечает, сохранён ли целевой глагол. Если ИИ предлагает «использует словарь» вместо «пользуется словарём», студент поясняет, почему грамматически правильная замена не выполняет условие упражнения. Если объяснение содержит неверное правило, например связывает выбор творительного падежа только со значением предмета, преподаватель возвращает анализ к управлению конкретного глагола. Подобное объяснение рассматривается как возможный риск, а не как установленный результат работы модели.

Четвёртый этап — применение без ИИ. После разбора студент образует новые сочетания с теми же глаголами: «пользоваться электронной библиотекой», «интересоваться современной литературой», «помогать новому сотруднику». Затем составляет связный фрагмент из трёх–четырёх предложений об учебной работе. Эти задания проверяют применение модели к другой лексике; они не позволяют делать вывод об усвоении управления всех русских глаголов. Для отсроченного контроля через неделю подбирается ещё один набор новых существительных.

Промпт не гарантирует, что модель выдержит последовательность подсказок. Если готовый ответ появляется до попытки студента, преподаватель фиксирует это и использует новый пример для самостоятельной проверки. Возможен и общий для группы режим: преподаватель заранее получает и проверяет материалы, а на занятии демонстрирует выбранные фрагменты. В таком случае корректно говорить об ИИ-подготовленном учебном материале, а не об индивидуальном диалоге каждого студента с системой.

Оценивание и условия апробации

Предлагается оценивать три показателя раздельно, по шкале 0–2. Исправление: 0 — целевая конструкция остаётся ненормативной; 1 — получена нормативная фраза за счёт замены целевого глагола; 2 — управление исправлено с сохранением глагола. Для изначально правильной фразы 2 балла означает её обоснованное сохранение. Объяснение: 0 — отсутствует или содержит неверное правило; 1 — падеж указан верно, но связь с глаголом не объяснена; 2 — названы управляющий глагол, вопрос и требуемая форма. Самостоятельное применение: 0 — оба новых сочетания ошибочны; 1 — верно одно из двух; 2 — верны оба сочетания.

Показатели записываются как профиль из трёх оценок. Например, условный профиль 2- 0 - 0 означает наличие правильного исправления при отсутствии объяснения и самостоятельного применения. Это пример интерпретации шкалы, а не результат наблюдения за студентом. Суммарный балл не должен скрывать ситуацию, в которой нормативность текста достигнута только благодаря внешней помощи. Для профильных заданий по экономике и праву можно менять лексику, сохраняя изучаемую модель управления.

Для эмпирической апробации следует сопоставить две учебные процедуры: получение готовой ИИ-правки и получение поэтапной подсказки с собственной попыткой. Необходимы предварительная проверка сопоставимости групп, одинаковые изучаемые конструкции и время работы, а также непосредственный и отсроченный контроль без ИИ. В обоих условиях следует сохранять исходные ответы, точные запросы, ответы системы, дату и доступное обозначение модели. Проверяющие оценивают обезличенные работы по одной инструкции; согласованность оценок требует отдельной проверки.

Ограничения разработки связаны с небольшим числом конструкций, отсутствием наблюдений в аудитории и непроверенной надёжностью предложенной шкалы. Нельзя утверждать, что процедура уже снижает интерференцию или превосходит преподавательскую обратную связь. Полученный результат заключается в описании воспроизводимой последовательности учебных действий и критериев её будущей проверки. При работе с реальными текстами в чат передаются только необходимые обезличенные фрагменты; требования к защите данных согласуются с рекомендациями ЮНЕСКО [2].

Заключение. Генеративный ИИ может быть включён в обучение русскому глагольному управлению как источник управляемой подсказки и материал для языкового анализа. Предложенная процедура связывает исходную попытку, проверяемую обратную связь и самостоятельное применение конструкции. Сопоставление русского и узбекского языков помогает выбрать содержание упражнений, однако не заменяет установления причины каждой реальной ошибки. Методически значимым результатом следует считать способность студента сохранить нужный глагол, объяснить выбор формы и использовать модель с новой лексикой. Эффективность этой процедуры и устойчивость навыка должны быть проверены в специально организованной апробации.

Список использованной литературы

1. Kohnke L., Moorhouse B. L., Zou D. ChatGPT for Language Teaching and Learning // RELC Journal. 2023. Vol. 54, no. 2. P. 537–550. DOI: 10.1177/00336882231162868.

2. Miao F., Holmes W. Guidance for Generative AI in Education and Research. Paris: UNESCO, 2023. 44 p. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000386693 (дата обращения: 12.10.2026).

3. Lyster R., Ranta L. Corrective Feedback and Learner Uptake: Negotiation of Form in Communicative Classrooms // Studies in Second Language Acquisition. 1997. Vol. 19, no. 1. P. 37–66. DOI: 10.1017/S0272263197001034.

4. Грамота.ру. Словарные статьи «Пользоваться», «Интересоваться» [Электронный ресурс]. URL: https://gramota.ru/meta/polzovatsya ; https://gramota.ru/poisk?query=интересоваться&mode=slovari (дата обращения: 12.10.2026).

5. Izoh.uz. Foydalan // O‘zbek tilining izohli lug‘ati [Электронный ресурс]. URL: https://izoh.uz/word/foydalan (дата обращения: 12.10.2026).

6. Izoh.uz. Qiziq // O‘zbek tilining izohli lug‘ati [Электронный ресурс]. URL: https://izoh.uz/word/qiziq (дата обращения: 12.10.2026).

WORD-FORMATION PATTERNS IN ENGLISH E-COMMERCE TERMINOLOGY

Tukhtasinova Zarina Zokirjon kizi
Assistant teacher of the Department of Russian language and literature
University of Economics and Pedagogy
Karshi, Uzbekistan

Annotation. *This article examines the major word-formation patterns in English e-commerce terminology and their role in the development of specialized vocabulary in the digital business environment. The study focuses on the principal morphological processes, including compounding, affixation, abbreviation, blending, conversion, and clipping. Through the analysis of representative lexical examples, the article explores the structural and functional characteristics of e-commerce terms and identifies the factors contributing to their formation and use. Particular attention is paid to the relationship between linguistic economy, technological innovation, and the growing demand for effective digital communication. The findings demonstrate that word-formation processes play a significant role in expanding English commercial vocabulary and facilitating communication in electronic commerce. The study contributes to English lexicology, terminology research, and the practical understanding of specialized language in digital business contexts.*

Keywords: *word formation, e-commerce terminology, English lexicology, compounding, affixation, abbreviation, blending, conversion, clipping, digital communication, specialized vocabulary.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada ingliz tilidagi elektron tijorat terminologiyasida qo‘llaniladigan asosiy so‘z yasalish modellari hamda ularning raqamli biznes muhitida maxsus leksikaning rivojlanishidagi o‘rni tadqiq etiladi. Tadqiqotda kompozitsiya (qo‘shma so‘z yasash), affiksatsiya, qisqartirish, kontaminatsiya (so‘z qismlarini birlashtirish), konversiya va so‘zlarni qisqartirish kabi asosiy morfologik jarayonlarga e’tibor qaratiladi. Tegishli leksik misollar tahlili orqali elektron tijorat terminlarining strukturaviy va funksional xususiyatlari hamda ularning shakllanishiga ta’sir etuvchi omillar yoritiladi. Shuningdek, lingvistik tejamkorlik, texnologik innovatsiyalar va samarali raqamli muloqotga bo‘lgan ehtiyoj o‘rtasidagi bog‘liqlik tahlil qilinadi. Tadqiqot natijalari so‘z yasalish jarayonlari ingliz tilidagi tijorat leksikasini boyitish va elektron tijorat sohasidagi muloqotni samarali tashkil etishda muhim ahamiyatga ega ekanligini ko‘rsatadi. Mazkur tadqiqot ingliz tili leksikologiyasi, terminologiya va raqamli biznes sohasidagi maxsus til birliklarini o‘rganishga hissa qo‘shadi.*

Kalit so‘zlar: *so‘z yasalishi, elektron tijorat terminologiyasi, ingliz tili leksikologiyasi, qo‘shma so‘z yasash, affiksatsiya, qisqartmalar, kontaminatsiya, konversiya, so‘zlarni qisqartirish, raqamli muloqot, maxsus leksika.*

Аннотация. *В статье рассматриваются основные словообразовательные модели, используемые в англоязычной терминологии электронной коммерции, а также их роль в развитии специальной лексики в условиях цифровой бизнес-среды. Особое внимание уделяется основным морфологическим процессам, включая словосложение, аффиксацию, аббревиацию, контаминацию, конверсию и усечение слов. На основе анализа соответствующих лексических примеров раскрываются структурные и функциональные особенности терминов электронной коммерции, а также факторы, влияющие на их образование и употребление. Кроме того, анализируется взаимосвязь между языковой экономией, технологическими инновациями и возрастающей потребностью в эффективной цифровой коммуникации. Результаты исследования свидетельствуют о том, что словообразовательные процессы играют важную роль в расширении английской коммерческой лексики и обеспечении эффективной коммуникации в сфере электронной торговли. Исследование вносит вклад в развитие английской лексикологии, терминоведения и изучение специальной лексики в контексте цифрового бизнеса.*

Ключевые слова: *словообразование, терминология электронной коммерции, английская лексикология, словосложение, аффиксация, аббревиация, контаминация, конверсия, усечение слов, цифровая коммуникация, специальная лексика.*

In the context of rapid digitalization and the development of global trade, electronic commerce (e-commerce) has become an essential component of the modern economy. The widespread use of online marketplaces, digital payment systems, and internet-based business services has contributed to the emergence of new lexical units in English. These developments have made e-commerce terminology an important area of linguistic research, particularly in the study of word formation, terminology, and the evolution of specialized vocabulary. Word formation plays a significant role in enriching the English vocabulary and adapting language to technological and economic changes. Compounding, affixation,

conversion, abbreviation, blending, and clipping are among the principal processes used to create e-commerce terms. Although electronic commerce has been widely investigated from economic and technological perspectives, its lexical and morphological features also deserve systematic attention. Analyzing word-formation patterns makes it possible to identify the most productive mechanisms of term creation and explain how English responds to emerging commercial practices and digital innovations.

The research focuses on the morphological analysis and classification of selected terms, with particular attention to the productivity of different word-formation processes. The findings may contribute to English lexicology, terminology studies, translation practice, and the development of specialized language teaching materials. By examining representative lexical examples, the article seeks to demonstrate the role of word formation in expanding English commercial vocabulary and supporting effective communication in the rapidly developing field of electronic commerce.

Word-formation patterns play a fundamental role in the development of English e-commerce terminology [1]. The rapid expansion of digital technologies, online marketplaces, and electronic payment systems has created a need for new lexical units that describe emerging commercial concepts and activities. The analysis of English e-commerce terminology demonstrates that several word-formation processes are particularly productive, including compounding, affixation, abbreviation, blending, conversion, and clipping [2].

Compounding is one of the most productive word-formation processes in English e-commerce terminology. It involves combining two or more lexical elements to create a new word or a compound expression with a specialized meaning [3]. Examples include *marketplace, website, online shopping, payment gateway,* and *customer service*. In these expressions, the constituent elements combine to represent specific commercial concepts, services, or activities. For instance, *payment gateway* refers to a technology that facilitates the transfer of payment information between customers, merchants, and financial institutions. Similarly, *online shopping* describes the process of purchasing goods or services through the internet [4]. The productivity of compounding can be explained by its ability to create transparent and informative terms that are easily understood by users.

Affixation represents another important mechanism in the development of e-commerce vocabulary. This process involves adding prefixes or suffixes to existing lexical bases to produce new words or modify their grammatical and semantic characteristics [5]. Examples include *reseller, digitalization, personalization,* and *subscription-based*. In *reseller*, the prefix *re-* indicates repetition or renewed activity, while the suffix *-er* identifies a person or entity performing an action.

Abbreviation and acronym formation are also common in e-commerce terminology. Digital communication frequently favors concise expressions because professionals and consumers need to exchange information quickly and efficiently [6]. Examples include *B2B* (business-to-business), *B2C* (business-to-consumer), *CRM* (customer relationship management), and *SEO* (search engine optimization).

Blending involves combining parts of two or more words to create a new lexical unit. In the digital business environment, *webinar*, formed from *web* and *seminar*, illustrates this process. The term refers to an online seminar or presentation conducted through digital

communication technologies. Another example is *netiquette*, formed from *net* and *etiquette*, which refers to conventions of appropriate behavior in online communication.

Conversion, also known as zero derivation, occurs when a word changes its grammatical category without a formal change in its structure. In online commerce, the word *checkout* can function as a noun referring to the payment stage or process and as a verb meaning to complete a purchase or proceed through a payment interface [7]. Similarly, *message* can function as both a noun and a verb in digital communication. These examples illustrate how existing lexical forms acquire additional grammatical functions in response to the communicative needs of online business.

Clipping involves shortening longer words without substantially changing their meanings. Examples in digital business communication include *promo* from *promotion* and *app* from *application*. These shortened forms are particularly common in advertising, mobile commerce, and informal online communication [8]. The analysis indicates that different word-formation processes perform complementary functions in English e-commerce terminology. Compounding creates descriptive terms for products, services, and business operations, whereas affixation expands the vocabulary by expressing processes, participants, and characteristics. Abbreviations facilitate concise professional communication, while blending introduces innovative names for emerging concepts.

In conclusion, English e-commerce terminology represents a dynamic lexical domain in which traditional word-formation mechanisms interact with the changing demands of digital communication. The investigation of these processes contributes to a deeper understanding of English lexicology and the development of specialized terminology.

References

1. Bauer L. *English Word-Formation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 311 b.

2. Plag I. *Word-Formation in English*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 240 b.

3. Yule G. *The Study of Language*. 7th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 368 b.

4. Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 499 b.

5. Lieber R. *Introducing Morphology*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 240 b.

6. Katamba F. *Morphology*. London: Macmillan, 1993. – 352 b.

7. Jackson H., Amvela E. Z. *Words, Meaning and Vocabulary: An Introduction to Modern English Lexicology*. London: Cassell, 2000. – 240 b.

8. Schneider G. P. *Electronic Commerce*. 11th ed. Boston: Cengage Learning, 2015. – 608 b.

A METHODOLOGY FOR IMPROVING STUDENTS' INDEPENDENT LEARNING THROUGH ARTIFICIAL INTELLIGENCE TOOLS

Kodirova Ominakhon
MA student, FSU
Fergana, Uzbekistan

Annotatsiya. *Maqolada oliy ta'limda talabalarning mustaqil ta'limini sun'iy intellekt (SI) vositalari yordamida takomillashtirish masalasi tahlil qilinadi. Tadqiqotda nazariy-tahliliy yondashuv qo'llanildi: adabiyotlar sharhi, qiyosiy tahlil, konseptual sintez va metodik modellashtirish (har biri 14 tadan 84 tagacha tadqiqotni qamrab olgan so'nggi tizimli sharhlar asosida). Natijada besh bosqichli model taklif etildi: maqsad qo'yish va rejalashtirish, axborotni izlash va tanqidiy tahlil qilish, vazifani mustaqil bajarish, o'z-o'zini nazorat qilish hamda refleksiya; shuningdek, baholashning oltita mezoni ishlab chiqildi. Sharhlar ma'lumotlari umidli, ammo cheklangan: o'zlashtirish natijalariga ijobiy ta'sir aniqlangan, biroq metakognitsiyaga umumiy ta'sir statistik jihatdan sezilarli emas. Xulosa: SI talabaning mustaqil fikrlashini almashtirmasdan, uni qo'llab-quvvatlashi lozim; taklif etilgan model empirik tekshiruvni talab etadi.*

Kalit so'zlar: *sun'iy intellekt, mustaqil ta'lim, o'z-o'zini boshqarib o'rganish, generativ SI, oliy ta'lim, metakognitsiya, raqamli pedagogika, akademik halollik.*

Аннотация. *В статье рассматривается, как инструменты искусственного интеллекта (ИИ) могут совершенствовать самостоятельное обучение студентов в высшем образовании. Использован теоретико-аналитический подход: обзор литературы, сравнительный анализ, концептуальный синтез и методическое моделирование на основе современных систематических обзоров (от 14 до 84 исследований в каждом). В результате предложена пятиэтапная модель: постановка целей и планирование, поиск информации и критический анализ, самостоятельное выполнение задания, самоконтроль и рефлексия, а также шесть критериев оценивания. Данные обзоров обнадёживают, но неоднозначны: выявлено положительное влияние на результаты обучения, однако общий эффект в отношении метакогниции статистически незначим. Сделан вывод, что ИИ должен поддерживать, а не заменять самостоятельное мышление студентов; предложенная модель требует эмпирической проверки.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, самостоятельное обучение, саморегулируемое обучение, генеративный ИИ, высшее образование, метакогниция, цифровая педагогика, академическая честность.*

Abstract. *This article examines how artificial intelligence (AI) tools can improve students' independent learning in higher education. A theoretical and analytical approach was used: literature review, comparative analysis, conceptual synthesis and methodological modeling based on recent systematic reviews (each covering 14 to 84 studies). As a result, a five-stage model is proposed: goal setting and planning, information retrieval and critical analysis, independent task performance, self-monitoring, and reflection, together with six assessment criteria. The review evidence is promising but qualified: positive effects on learning outcomes were found, whereas the overall effect on metacognition was not statistically significant. It is concluded that AI should support, not replace, students' own reasoning; the proposed model requires empirical validation.*

Keywords: *artificial intelligence, independent learning, self-regulated learning, generative AI, higher education, metacognition, digital pedagogy, academic integrity.*

Introduction

Developing students' independent learning competencies is a priority of contemporary higher education: students are expected to acquire knowledge on their own, evaluate information critically, solve problems and take responsibility for their progress. Generative AI offers new ways to personalize materials, generate practice activities and give immediate feedback. However, access to AI does not automatically improve learning; its effect depends on instructional design and on whether students remain actively involved. UNESCO therefore stresses a human-centered approach that combines pedagogical appropriateness, data protection and responsible use (Miao & Holmes, 2023).

The problem addressed here is how to use AI so that it develops, rather than replaces, students' autonomy. The purpose of the article is to examine the potential of AI tools for improving independent learning and to propose a methodological model for their integration into higher education. The objectives are to (1) analyze the relationship between independent and self-regulated learning, (2) identify the affordances and limitations of AI, and (3) develop practical recommendations and assessment criteria for AI-supported learning.

Research Methodology

The study is theoretical and analytical. It applies literature review, comparative analysis, conceptual synthesis and methodological modeling to recent research on generative AI, self-regulated learning (SRL) and AI in higher education, including the systematic reviews by Banihashem et al. (2025), Lan and Zhou (2025), Chen and Cheung (2025), Xia et al. (2026), Qian (2025) and Sardi et al. (2025). The analysis focuses on how AI can support planning, information processing, task completion, self-assessment and reflection, and on the balance between technological assistance and student autonomy. The article offers a theoretical-methodological framework, not original experimental data; its effectiveness must be established by future empirical research.

Theoretical Foundations

Independent learning means that students take responsibility for acquiring knowledge, choosing resources, completing tasks and evaluating progress; it is not merely working without a teacher. It is closely linked to SRL, which comprises goal setting, planning, performance monitoring and reflection. Banihashem et al. (2025) mapped 84 studies at the intersection of AI and SRL and identified personalization, adaptive learning, intelligent tutoring and assessment as key research areas, while Lan and Zhou (2025) analyzed 14 empirical studies of AI-supported SRL in higher education. Both suggest that AI can assist learners at every phase, but that its value depends on how well it supports students' own cognitive and metacognitive activity.

The main affordances of AI are: personalized explanations and tasks; immediate feedback on written work; support for metacognition (testing understanding, finding knowledge gaps); help with preliminary research and information organization, provided outputs are verified; and interactive dialogue and repeated practice. The main limitations are inaccurate information, fabricated references, misleading explanations and reduced opportunities for independent reasoning when students rely excessively on automated answers. AI should therefore complement, not replace, active learning.

A Five-Stage Methodological Model

The proposed model combines technological support with student responsibility, critical evaluation and reflection.

Stage 1. Goal setting and planning. Students define objectives, expected outcomes, activities and deadlines; AI helps divide broad goals into manageable tasks and suggests a schedule. Students must critically adapt, not simply accept, AI-generated plans.

Stage 2. Information retrieval and critical analysis. AI helps students explore unfamiliar topics and formulate research questions, but its output is not treated as automatically accurate. Facts and references are verified in scholarly databases, peer-reviewed publications and official sources, which develops information literacy.

Stage 3. Independent task performance. Students apply knowledge in practical tasks, writing or exercises; AI may supply examples, practice questions or simulated academic discussion. To preserve autonomy, students first attempt the task on their own and then explain the reasoning behind their final answers.

Stage 4. Self-monitoring and feedback. Students compare their work with assessment criteria, identify weaknesses and revise. AI provides formative feedback through prompts such as "Which argument requires stronger evidence?" or "What alternative interpretation could be considered?"; students decide which suggestions to adopt.

Stage 5. Reflection and future planning. Students review progress, identify difficulties and set new goals, using AI to organize reflective journals. Reflection shows which strategies worked and links the five stages into a continuous cycle.

The central principle is that AI provides guidance and feedback, while students retain responsibility for objectives, decisions and final outputs.

Results and Discussion

Practical application.

The model can be applied to the assignment "Critical Analysis of an Academic Text", whose objective is to identify an author's main argument, evaluate the evidence and formulate an independent analytical response. Students (1) plan guiding questions, (2) read the text independently and record its arguments, (3) use AI to detect weaknesses in their analysis or explore alternative interpretations, (4) critically evaluate the feedback and write their own response, and (5) reflect on why they accepted or rejected specific AI suggestions. The assignment assesses not only the product but also reasoning, source verification and responsible use of feedback. Table 1 presents the proposed assessment criteria.

Table 1. Criteria for assessing AI-supported independent learning

Criterion	Indicators	Assessment method
Planning	Clear objectives, organized tasks	Learning-plan analysis
Information literacy	Appropriate source selection and verification	Source evaluation
Critical thinking	Evidence-based reasoning, alternative interpretations	Analytical rubric
Self-monitoring	Error identification and revision	Comparison of initial and final work
Reflection	Recognition of strengths and weaknesses	Reflective journal
Academic integrity	Appropriate referencing and responsible AI use	Process documentation, oral assessment

Evidence from the literature.

Recent research gives promising but qualified evidence. Chen and Cheung (2025), in a meta-analysis of 57 studies and 97 outcome measures, found positive effects on learning outcomes, language skills and some higher-order thinking outcomes, but the overall effect on metacognition was not statistically significant. Xia et al. (2026), reviewing 73 articles, showed that generative AI can support goal personalization, information analysis, progress monitoring, strategy recommendation, feedback and self-assessment, which is consistent with the five stages proposed here. These findings do not mean that AI is equally effective everywhere: outcomes depend on prior knowledge, task type, the AI tool and the instructional approach.

The key risk is cognitive dependence: students who routinely accept AI answers may finish assignments faster without developing reasoning skills. The model addresses this by requiring an independent attempt first, targeted AI assistance, verification and reflection. In Uzbekistan's higher education, implementation must also consider digital access, students' AI literacy, availability of

scholarly resources and disciplinary requirements. In foreign language education, for instance, AI can support dialogue, writing practice and individual feedback, yet real proficiency should be assessed through authentic tasks rather than AI-generated texts. Future studies could use pre- and post-assessments, interviews, reflective journals and comparison groups to test the model.

Conclusion

AI can improve independent learning through personalization, immediate feedback, interactive practice and progress monitoring, but its effectiveness depends on the pedagogical principles governing its use. The five-stage model (planning, information retrieval and critical analysis, independent task performance, self-monitoring, reflection) positions AI as a supportive tool, not a substitute for students' intellectual effort and decisions. Implementation requires digital and AI literacy, critical source evaluation, clear academic integrity policies and data protection, and assessment should consider independent reasoning and reflection alongside final products. Future research should test the model in Uzbek higher education institutions and examine its effects on self-regulated learning, critical thinking and academic performance.

References

1. Banihashem, S. K., Bond, M., Bergdahl, N., Khosravi, H., & Noroozi, O. (2025). A systematic mapping review at the intersection of artificial intelligence and self-regulated learning. *International Journal of Educational Technology in Higher Education, 22*, Article 50. https://doi.org/10.1186/s41239-025-00548-8
2. Chen, S., & Cheung, A. C. K. (2025). Effect of generative artificial intelligence on university students learning outcomes: A systematic review and meta-analysis. *Educational Research Review*. https://doi.org/10.1016/j.edurev.2025.100737
3. Lan, M., & Zhou, X. (2025). A qualitative systematic review on AI empowered self-regulated learning in higher education. *npj Science of Learning, 10*, Article 21. https://doi.org/10.1038/s41539-025-00319-0
4. Miao, F., & Holmes, W. (2023). *Guidance for generative AI in education and research*. UNESCO. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000386693
5. Qian, Y. (2025). Pedagogical applications of generative AI in higher education: A systematic review of the field. *TechTrends, 69*, 1105–1120. https://doi.org/10.1007/s11528-025-01100-1
6. Sardi, J., Darmansyah, Candra, O., Yuliana, D. F., Habibullah, Yanto, D. T. P., & Eliza, F. (2025). How generative AI influences students' self-regulated learning and critical thinking skills? A systematic review. *International Journal of Engineering Pedagogy, 15*(1), 94–108. https://doi.org/10.3991/ijep.v15i1.53379
7. Xia, Q., Liu, Q., Tlili, A., & Chiu, T. K. F. (2026). A systematic literature review on designing self-regulated learning using generative artificial intelligence and its future research directions. *Computers & Education, 240*, Article 105465. https://doi.org/10.1016/j.compedu.2025.105465

8- SHU'BA

KO'PMADANIYATLI MUHITDA RUS VA XORIJIY TILLARNI O'QITISH METODIKASI
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ
METHODS OF TEACHING RUSSIAN AND FOREIGN LANGUAGES IN A MULTICULTURAL ENVIRONMENT

УЧЁТ РОДНОГО ЯЗЫКА ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В НАЦИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ

Калдыгозова Сандугаш Еркимбековна
к.п.н., доцент, заведующая кафедрой
русского языка и литературы Южно-Казахстанского
университета им. М.О. Ауэзова
г. Шымкент, Казахстан

Аннотация. *В статье рассматривается принцип учёта родного языка обучающихся при преподавании русского языка в казахской аудитории. На основе сопоставления казахского и русского языков выделены основные зоны интерференции на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях, а также явления положительного переноса (транспозиции). Предложены методические приёмы, позволяющие предупреждать типичные ошибки и опираться на родной язык как на ресурс: сопоставительный комментарий, предупредительные упражнения, перевод как средство контроля, элементы транслингвального обучения.*

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, национальная аудитория, родной язык, интерференция, транспозиция, сопоставительный подход, казахский язык.*

Annotatsiya. *Maqolada qozoq auditoriyasida rus tilini o'qitishda ta'lim oluvchilarning ona tilini hisobga olish tamoyili ko'rib chiqiladi. Qozoq va rus tillarini qiyoslash asosida fonetik, grammatik va leksik sathlardagi asosiy interferensiya zonalari hamda ijobiy ko'chirish (transpozitsiya) hodisalari ajratib ko'rsatiladi. Tipik xatolarning oldini olish va ona tiliga resurs sifatida tayanish imkonini beruvchi metodik usullar — qiyosiy izoh, ogohlantiruvchi mashqlar, nazorat vositasi sifatida tarjima va translingval ta'lim unsurlari taklif etiladi.*

Kalit so'zlar: *rus tili chet tili sifatida, milliy auditoriya, ona tili, interferensiya, transpozitsiya, qiyosiy yondashuv, qozoq tili.*

Abstract. *The paper addresses the principle of taking learners' native language into account when teaching Russian to Kazakh-speaking students. A contrastive analysis of Kazakh and Russian identifies the main zones of interference at the phonetic, grammatical and lexical levels, as well as instances of positive transfer. The author proposes teaching techniques that help prevent typical errors and use the native language as a resource: contrastive commentary, preventive exercises, translation as a means of checking comprehension, and elements of translanguaging pedagogy.*

Keywords: *Russian as a foreign language, national audience, native language, interference, positive transfer, contrastive approach, Kazakh.*

В Республике Казахстан русский язык сохраняет статус языка, официально употребляющегося наравне с государственным казахским языком [4; 5]. Одновременно растёт доля студентов, окончивших школы с казахским языком обучения. Для многих из них, особенно в южных регионах страны, русский язык фактически становится неродным, и его преподавание требует методов РКИ [6]. В этих условиях родной язык обучающихся оказывается не помехой, которую нужно исключить из учебного процесса, а постоянным фактором, который преподаватель должен учитывать и использовать.

Идея учёта родного языка имеет длинную традицию, начиная с работ Л.В. Щербы [7]. Однако на практике она часто сводится к исправлению уже допущенных ошибок. Системное прогнозирование трудностей на основе сопоставительного анализа применяется значительно реже.

Л.В. Щерба обосновал положение, согласно которому влияние родного языка невозможно устранить запретом. Его можно лишь взять под контроль, сознательно сопоставляя явления двух языков [7]. В современной методике РКИ это положение закреплено в виде принципа учёта родного языка учащихся [1; 8].

Ключевыми понятиями для нас являются интерференция и транспозиция. Под интерференцией вслед за У. Вайнрайхом понимаем отклонения от норм одного языка, возникающие в речи билингва под влиянием другого [2]. Транспозиция, или положительный перенос – это облегчение усвоения тех явлений, которые совпадают в двух языках [1]. Методологической основой прогнозирования служит сопоставительный анализ Р. Ладо. Согласно его гипотезе, трудности сосредоточены в тех областях, где системы родного и изучаемого языков расходятся [11].

Психолингвистические основания принципа раскрыты в работах Е.М. Верещагина о двуязычии [3], а в зарубежной науке – в гипотезе лингвистической взаимозависимости Дж. Камминса. Согласно этой гипотезе, сформированная на родном языке академическая компетенция переносится на второй язык [9]. Современная концепция транслингвального обучения (translanguaging) развивает эту идею. Она рассматривает весь языковой репертуар билингва как единый ресурс обучения [10].

Казахский язык принадлежит к тюркским агглютинативным языкам, русский – к флективным славянским. Типологическое различие порождает предсказуемые трудности на всех уровнях языка. Сопоставительный анализ и наблюдение за речью студентов позволили выделить основные зоны интерференции (таблица 1).

Таблица 1. Основные зоны интерференции казахского языка при изучении русского

Уровень	Расхождение систем	Типичная ошибка
Фонетика	в казахском ударение обычно фиксировано на последнем слоге, в русском оно разноместное и подвижное	перенос ударения на конец слова, ошибки в формах с подвижным ударением
Фонетика	в исконной лексике нет [ф], [ц], [ч], [щ]; слово не начинается сочетанием согласных	замены [ф] → [п], [ц] → [с]; протетический гласный в разговой речи
Морфология	нет категории рода (местоимение *ол* = он / она / оно)	нарушение согласования: *новый книга, *сестра пришёл
Морфология	видовые значения передаются аналитически (*жазып бітірді* - «дописал»), видовых пар нет	смешение совершенного и несовершенного вида
Синтаксис	предлогов нет: их функции выполняют падежные аффиксы и послелоги (*қалада* - «в городе», *қалаға* - «в город»); базовый порядок SOV	пропуск и смешение предлогов *в / на*; глагол в конце предложения
Лексика	разное членение семантических полей: *көк* - «синий, голубой» и «зелёный» (о траве); *аға / іні* - старший / младший брат	неточность в цветообозначениях и терминах родства; смешение *идти / ходить / ехать*

Последний пример заслуживает отдельного комментария. Казахские глаголы *бару* и *келу* различают направление движения относительно говорящего («идти туда» - «идти сюда»). Русские же глаголы движения различают однонаправленность / неоднонаправленность и способ передвижения. Поэтому студент вынужден осваивать принципиально иную систему признаков, а не просто новые слова.

Наряду с интерференцией наблюдается и ощутимый положительный перенос:

• казахский язык имеет гласный [ы], трудный для большинства иностранцев, и казахоязычные студенты произносят его без затруднений;

• развитая падежная система родного языка облегчает понимание самой категории падежа;

• конструкция обладания *менде кітап бар* структурно близка к русской *у меня есть книга*;

• общая кириллическая графическая основа и большой пласт интернациональной лексики в казахском языке (*университет, телефон, министр*) ускоряют обучение чтению и накопление словаря.

Опыт преподавания позволяет выделить пять групп приёмов, которые переводят принцип учёта родного языка из декларативной плоскости в практическую.

1. Сопоставительный комментарий. Новое грамматическое явление вводится с кратким указанием на его аналог в казахском языке. Например, русский предложный падеж с предлогом *в* сопоставляется с местным падежом (*жатыс септік*): студент видит, что то же значение выражено другим способом. Комментарий занимает минуту, но снимает значительную часть трудностей.

2. Предупредительные упражнения. Для каждой зоны интерференции составляется серия заданий до того, как ошибка закрепится: согласование прилагательного с существительным, выбор предлога *в / на*, акцентологические минимумы.

3. Дифференциация материала. Явления, совпадающие в двух языках, даются конспективно. Сэкономленное время направляется на расходящиеся категории (род, вид, глаголы движения).

4. Перевод как средство контроля. Обратный перевод коротких текстов с казахского на русский и наоборот показывает, насколько студент владеет трудными конструкциями. Кроме того, он развивает чувство языковой нормы в обоих языках.

5. Элементы транслингвального обучения. На начальном этапе студентам разрешается обсуждать содержание задания на родном языке, но результат представлять на русском. Родной язык выступает здесь опорой для мышления, а не заменой изучаемого языка [10].

Учёт родного языка обучающихся при преподавании русского языка в казахской аудитории – это системная работа, основанная на сопоставительном анализе двух языков. Типологические различия между агглютинативным казахским и флективным русским делают основные трудности предсказуемыми. Это ударение, категории рода и вида, предложно-падежная система, глаголы движения. Вместе с тем родной язык даёт ряд опор для положительного переноса.

Предложенные приёмы – сопоставительный комментарий, предупредительные упражнения, дифференциация материала, контрольный перевод и элементы транслингвального обучения. Они позволяют превратить родной язык студента из источника ошибок в ресурс обучения. Описанный подход применим и в других тюркоязычных аудиториях, в частности узбекской и кыргызской, с поправкой на специфику каждого языка.

Список использованной литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). - М.: ИКАР, 2009.

2. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / пер. с англ. - Киев: Вища школа, 1979.

3. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.

4. Закон Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 г. № 151-I.
5. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г.).
6. Сулейменова Э.Д., Смагулова Ж.С. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане. - Алматы: Қазақ университеті, 2005.
7. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. - М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1947.
8. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие для вузов. - М.: Высшая школа, 2003.
9. Cummins J. Linguistic interdependence and the educational development of bilingual children // Review of Educational Research. 1979. - Vol. 49, No. 2. - P. 222-251.
10. García O., Li Wei. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. - Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.
11. Lado R. Linguistics across Cultures: Applied Linguistics for Language Teachers. - Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957.

СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ МОДЕЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РКИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Юлдашева Ноиба Тулабаевна
старший преподаватель кафедры русской литературы и методики обучения
Узбекский государственный университет мировых языков
Ташкент, Узбекистан

Аннотация. *Статья посвящена теоретическому обоснованию системно-деятельностной модели преподавателя русского языка как иностранного (РКИ) в условиях поликультурной образовательной среды. Рассматриваются когнитивный, операциональный, мотивационный, рефлексивный и межкультурный компоненты профессиональной готовности, а также особенности психологической готовности преподавателя к работе в неоднородной по языковому и культурному составу аудитории. Особое внимание уделяется педагогическому действию как единице профессиональной деятельности, информационной культуре преподавателя и организации межкультурного взаимодействия посредством цифровых образовательных средств.*

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, поликультурная образовательная среда, системно-деятельностный подход, профессиональная готовность преподавателя, межкультурная коммуникация, коммуникативная компетенция, цифровая компетентность, педагогическая рефлексия, языковая личность.*

Annotatsiya. *Maqola ko‘pmadaniyatli ta’lim muhitida faoliyat yurituvchi rus tilini chet tili sifatida o‘qituvchi pedagogning tizimli-faoliyat modelini nazariy jihatdan asoslashga bag‘ishlangan. Unda kasbiy tayyorgarlikning kognitiv, operatsion, motivatsion, refleksiv va*

madaniyatlararo komponentlari, shuningdek, til va madaniyat jihatidan turlicha tarkibga ega bo‘lgan auditoriyalarda ishlash uchun o‘qituvchining psixologik tayyorgarligi xususiyatlari ko‘rib chiqiladi. Kasbiy faoliyat birligi sifatidagi pedagogik harakat, o‘qituvchining axborot madaniyati hamda raqamli ta’lim vositalari orqali madaniyatlararo hamkorlikni tashkil etish masalalariga alohida e’tibor qaratiladi.

Kalit so‘zlar: *rus tili chet tili sifatida, ko‘p madaniyatli ta’lim muhiti, tizimli-faoliyat yondashuvi, o‘qituvchining kasbiy tayyorgarligi, madaniyatlararo muloqot, kommunikativ kompetensiya, raqamli kompetensiya, pedagogik refleksiya, til (lingvistik) shaxsi.*

Abstract. *The article provides a theoretical substantiation of a system-activity model of Russian as a Foreign Language (RFL) teachers working in a multicultural educational environment. It examines the cognitive, operational, motivational, reflective, and intercultural components of professional readiness, as well as the psychological readiness required of teachers working with groups characterized by linguistic and cultural diversity. Particular attention is paid to pedagogical action as a unit of professional activity, teachers’ information literacy, and the organization of intercultural interaction through digital educational tools.*

Keywords: *Russian as a foreign language, multicultural educational environment, system-activity approach, teacher professional readiness, intercultural communication, communicative competence, digital competence, pedagogical reflection, linguistic personality.*

Развитие международного образовательного сотрудничества предъявляет новые требования к методике преподавания русского языка как иностранного. Обучение иностранных студентов в высшей школе предполагает не только освоение фонетических, лексических и грамматических средств русского языка, но и формирование способности использовать их в академическом, профессиональном и повседневном общении. В поликультурной аудитории языковое обучение непосредственно связано с необходимостью учитывать различия в предшествующем образовательном опыте, коммуникативных привычках, культурных представлениях и стратегиях освоения иностранного языка.

В таких условиях преподаватель РКИ выполняет несколько взаимосвязанных профессиональных функций. Он проектирует учебный процесс, организует речевое взаимодействие, диагностирует трудности обучающихся, осуществляет методическую коррекцию и обеспечивает условия для межкультурного диалога. Кроме того, преподаватель должен владеть средствами цифровой коммуникации, критически оценивать учебные материалы и анализировать результативность применяемых методических решений.

Теоретические основания такого понимания профессиональной деятельности представлены в исследованиях А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготского, И.А. Зимней и Е.И. Пассова. Проблемы профессиональной деятельности преподавателя иностранных языков рассматриваются также в работе А.Н. Шамова и О.М. Ким, а вопросы информационной культуры преподавателя РКИ получили специальное освещение в исследовании В.Б. Куриленко, И.И. Просвиркиной, Ю.Н. Бирюковой и П.В. Сапожникова.

Методологическую основу работы образуют теоретический анализ научной литературы, сопоставление методических подходов и систематизация положений педагогической психологии, лингводидактики и исследований профессиональной деятельности преподавателя.

Системно-деятельностное рассмотрение профессиональной деятельности преподавателя предполагает анализ взаимосвязанных целей, мотивов, действий, средств и результатов педагогического процесса. В рамках данного подхода преподавание языка не сводится к последовательной передаче языковых сведений. Оно рассматривается как целенаправленная организация речемыслительной деятельности обучающегося, в ходе которой языковые знания приобретают функциональную значимость.

Важнейшим теоретическим основанием такого понимания является деятельностная концепция А.Н. Леонтьева, представленная в работе «Деятельность. Сознание. Личность». Разграничение деятельности, действий и операций позволяет анализировать педагогический процесс на нескольких взаимосвязанных уровнях: от общей цели обучения до конкретных приемов организации учебной работы. Применительно к РКИ деятельность преподавателя определяется необходимостью создать условия, при которых иностранный обучающийся не только понимает языковой материал, но и использует его для решения коммуникативных задач. Например, изучение способов выражения просьбы предполагает не исключительно запоминание грамматических конструкций, но и освоение их употребления в зависимости от ситуации, отношений между собеседниками и коммуникативного намерения.

Положения культурно-исторической теории Л.С. Выготского, изложенные, в частности, в работе «Мышление и речь», позволяют учитывать связь развития мышления и речи. В методике РКИ это положение имеет значение при проектировании заданий, требующих понимания содержания текста, установления причинно-следственных связей, формулирования собственной позиции и взаимодействия с другими участниками общения.

Коммуникативная направленность обучения получила систематическое методическое обоснование в трудах Е.И. Пассова. В работе «Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению» рассматриваются теоретические проблемы коммуникативного обучения, обучение отдельным видам речевой деятельности и вопросы технологии обучения. Для преподавания РКИ принципиально важно, что языковые средства должны осваиваться в связи с задачами реального общения, а учебные действия должны ориентироваться на достижение коммуникативного результата.

Системно-деятельностный подход позволяет объединить указанные теоретические положения в рамках модели профессиональной деятельности преподавателя. Ее исходным элементом выступает цель обучения, определяемая потребностями обучающегося и требованиями образовательной среды. Цель конкретизируется в учебных задачах, выборе языкового материала, способах взаимодействия, средствах обратной связи и критериях оценки достигнутых результатов.

В качестве системообразующего фактора модели рассматривается социальный заказ, понимаемый как совокупность образовательных, профессиональных и социокультурных ожиданий относительно результатов обучения русскому языку. В условиях международного образования такой заказ включает подготовку к академической коммуникации, развитие способности участвовать в межкультурном диалоге и освоение норм речевого поведения, необходимых для обучения и профессионального взаимодействия. Следовательно, профессиональная деятельность преподавателя РКИ должна рассматриваться как целостная система, в которой языковая подготовка, организация общения, психологическая поддержка и оценивание результатов взаимно обусловлены.

Профессиональная готовность преподавателя РКИ представляет собой интегративную характеристику, включающую знания, умения, профессиональную мотивацию, способность к самоанализу и готовность к взаимодействию с представителями различных культур. Для теоретического описания данной характеристики предлагается выделить пять взаимосвязанных компонентов: когнитивный, операциональный, мотивационный, рефлексивный и межкультурный.

Когнитивный компонент включает лингвистические, методические и психолого-педагогические знания. Преподавателю необходимо понимать системные свойства русского языка, закономерности формирования речевых навыков, принципы отбора и организации учебного материала, особенности восприятия и усвоения иноязычной речи. Существенное значение имеет знание типичных трудностей, возникающих при освоении русской фонетики, грамматики, лексики и норм речевого поведения. При работе в поликультурной аудитории когнитивная готовность предполагает также умение анализировать возможное влияние предшествующего языкового опыта на усвоение русского языка. При этом недопустимо автоматически приписывать обучающемуся определенные ошибки только на основании его национальной принадлежности. Методически обоснованным является анализ реальных речевых затруднений и индивидуальных образовательных потребностей.

Операциональный компонент характеризует способность применять полученные знания в практической деятельности. Он включает проектирование занятий, подбор коммуникативных задач, организацию парной и групповой работы, разработку упражнений, проведение текущего контроля и использование цифровых инструментов. Важным показателем сформированности данного компонента является способность преподавателя выбирать методический прием в соответствии с целью занятия, уровнем владения русским языком и характером затруднений обучающихся.

Мотивационный компонент отражает профессиональную направленность преподавателя, ценностное отношение к педагогической деятельности и готовность к непрерывному профессиональному развитию. Работа с иностранными студентами предполагает постоянное обновление учебных материалов, осмысление новых образовательных задач и готовность корректировать привычные способы преподавания, если они не обеспечивают достижения поставленных целей.

Рефлексивный компонент связан со способностью анализировать собственные педагогические действия и оценивать их результативность. Преподаватель должен уметь определять, насколько выбранное задание соответствует учебной цели, какие

трудности возникли у студентов, была ли инструкция понятна и какие изменения необходимо внести в организацию следующего занятия. Рефлексия выступает не только средством профессионального саморазвития, но и условием обоснованного принятия методических решений.

Межкультурный компонент предполагает понимание культурной обусловленности коммуникативных норм, уважительное отношение к языковому и культурному разнообразию, готовность к диалогу и способность предупреждать коммуникативные недоразумения. Он не означает отказа от изучения норм русского речевого поведения. Напротив, преподаватель помогает обучающимся осваивать эти нормы, одновременно формируя понимание того, что различия в способах выражения вежливости, несогласия, просьбы или благодарности могут быть связаны с различными коммуникативными традициями.

Предлагаемая структура носит аналитический характер. Выделенные компоненты не следует рассматривать как изолированные способности: в реальной педагогической деятельности они проявляются во взаимосвязи. Например, выбор способа коррекции грамматической ошибки требует лингвистических знаний, методического умения, понимания психологического состояния студента и последующего анализа эффективности вмешательства.

Поликультурная образовательная среда характеризуется взаимодействием обучающихся, обладающих различным языковым опытом, культурными представлениями и коммуникативными привычками. В такой аудитории преподаватель организует не только усвоение языкового материала, но и освоение способов взаимодействия, необходимых для академического и социального общения.

Научное осмысление взаимосвязи языка и культуры представлено в работах Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура», а также С.Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация». Эти исследования позволяют обосновать необходимость включения социокультурного содержания в обучение языку и учитывать культурно обусловленные особенности речевого поведения.

При этом межкультурная компетенция не должна сводиться к запоминанию сведений о национальных обычаях и традициях. В методике РКИ она предполагает способность интерпретировать высказывание с учетом коммуникативной ситуации, различать буквальное значение и прагматический смысл, понимать контекст употребления речевых формул и выбирать подходящие способы выражения собственного намерения.

Особое значение имеет развитие языковой личности. В работе Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» языковая личность рассматривается как значимая категория лингвистического анализа. В применении к обучению РКИ это направление позволяет поставить вопрос о том, как изучение языка связано с формированием индивидуального опыта речевой деятельности, освоением языковых средств и способностью выражать собственную позицию.

Межкультурная направленность преподавания предполагает создание учебных ситуаций, в которых обучающиеся могут сопоставлять способы выражения одного и того же коммуникативного намерения. Например, студенты анализируют различные варианты обращения к преподавателю, формулирования просьбы, выражения

несогласия или участия в дискуссии. Затем они определяют, какие языковые средства используются, насколько они соответствуют конкретной ситуации и как выбор формулировки влияет на восприятие высказывания собеседником.

Подобные задания позволяют связать грамматическую и лексическую работу с прагматическими задачами общения. Вместе с тем сравнение культурных практик должно осуществляться без противопоставления культур по принципу «правильная/ неправильная». Методическая задача состоит в формировании способности понимать различия, выбирать подходящие средства общения и учитывать позицию собеседника.

Таким образом, преподаватель РКИ выступает организатором межкультурного взаимодействия и посредником в освоении языковых и коммуникативных норм. Его задача заключается в создании условий, при которых языковое разнообразие аудитории становится ресурсом совместного обучения, а не препятствием для достижения образовательных целей. Теоретический анализ позволяет рассматривать профессиональную деятельность преподавателя русского языка как иностранного как целостную систему, объединяющую лингводидактические, психологические, коммуникативные, межкультурные и цифровые аспекты педагогической работы. В рамках предложенной системно-деятельностной модели профессиональная готовность преподавателя включает когнитивный, операциональный, мотивационный, рефлексивный и межкультурный компоненты. Их взаимодействие обеспечивает возможность обоснованно проектировать занятия, выбирать методы обучения, организовывать речевое взаимодействие и корректировать образовательный процесс с учетом реальных потребностей иностранных обучающихся.

Рассмотрение профессионально-педагогического действия в качестве элементарной единицы деятельности позволяет связать общие цели языкового образования с конкретными методическими решениями. Информирование, организация взаимодействия, контроль понимания, коррекция ошибок и мотивационная поддержка выступают взаимосвязанными средствами организации речемыслительной активности студентов.

Межкультурная направленность обучения предполагает не только освоение языковых норм, но и развитие способности понимать коммуникативный контекст, интерпретировать высказывания, учитывать позицию собеседника и участвовать в диалоге с представителями различных культур. Включение цифровых средств расширяет возможности такой работы, однако требует критической оценки информации, методически обоснованного выбора ресурсов и сохранения ведущей роли преподавателя в организации обучения.

Список использованной литературы

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. — М.: ЭКСМО, 2026, 544 с
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: URSS, 2024, 264 с
3. Костомаров В. Г., Верещагин Е. М. Язык и культура. — М.: Индрик, 2005, 1037 с
4. Куриленко В. Б., Просвиркина И. И., Бирюкова Ю. Н., Сапожников П. В. Структура и содержание информационной культуры преподавателя русского языка как иностранного // Педагогика. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 9, вып. 8. — DOI: 10.30853/ped20240087.

5. Осипова А. В. Особенности использования графического органайзера в преподавании русской литературы для иноязычной аудитории //Открытие русского мира: преподавание русского языка как иностранного и общеобразовательных дисциплин в современном образовательном пространстве. – 2022. – С. 101-122.
6. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. — М.: Русский язык, 1989. — 276 с.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2000, 624 с.

УЧЁТ РОДНОГО ЯЗЫКА (УЗБЕКСКОГО) ПРИ ОБУЧЕНИИ СИНТАКСИСУ И ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В НАЦИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ

Шапиева Гулайим Роллан кизи
преподаватель русского языка
Университета мировой экономики и дипломатии
Ташкент, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются лингвометодические основы учёта родного (узбекского) языка при обучении синтаксису и грамматике русского языка в национальной аудитории. Выявлены ключевые структурные различия между двумя языками, определяющие появление межъязыковой интерференции: отсутствие в узбекском языке категории рода, предлогов и согласования прилагательного, фиксированный порядок слов, причастно-деепричастный способ оформления зависимых конструкций. Предложена система методических принципов, опирающаяся на сопоставительный анализ, дифференциацию трудностей и использование родного языка как опоры.*

Ключевые слова: *обучение русскому языку, национальная аудитория, узбекский язык, интерференция, сопоставительный анализ, синтаксис, грамматика.*

Annotatsiya. *Maqolada o‘zbek tilli auditoriyada rus tili sintaksisi va grammatikasini o‘qitishda ona tilini hisobga olishning lingvometodik asoslari yoritiladi. Ikki til o‘rtasidagi interferensiyani keltirib chiqaruvchi asosiy tizimiy farqlar (grammatik jinsning yo‘qligi, predloglarning mavjud emasligi, sifatning moslashmasligi, qat’iy so‘z tartibi, sifatdosh va ravishdosh shaklidagi tobe qurilmalar) aniqlangan. Qiyosiy tahlilga, qiyinchiliklarni tabaqalashtirishga va ona tilini tayanch sifatida qo‘llashga asoslangan metodik tamoyillar tizimi taklif etiladi.*

Kalit so‘zlar: *rus tilini o‘qitish, milliy auditoriya, o‘zbek tili, interferensiya, qiyosiy tahlil, sintaksis, grammatika.*

Abstract. *The article examines the linguodidactic foundations of taking the learners’ native language (Uzbek) into account when teaching Russian syntax and grammar in a national (non-Russian) classroom. It identifies the key structural differences that give rise to interference: the absence of grammatical gender, prepositions and adjective agreement in Uzbek, its fixed word order, and participial and converbial constructions in place of finite subordinate clauses. A system of methodological principles based on contrastive analysis, differentiation of difficulties and use of the native language as a support is proposed.*

Keywords: *teaching Russian, national audience, Uzbek language, interference, contrastive analysis, syntax, grammar.*

Введение. В национальной аудитории русский язык усваивается учащимися, для которых базовой системой грамматических представлений является родной язык. Любое новое языковое знание накладывается на уже сформированную систему, и там, где системы различаются, возникает интерференция — перенос норм родного языка на изучаемый [3; 12]. Поэтому эффективность обучения русскому синтаксису и грамматике в узбекской аудитории напрямую зависит от того, насколько последовательно преподаватель учитывает особенности узбекского языка.

Проблема осложняется тем, что русский и узбекский языки принадлежат к разным типам: русский — флективный язык синтетического строя, узбекский — агглютинативный язык тюркской семьи [2]. Различаются способы выражения грамматических значений, организация словосочетания и предложения, средства связи частей сложного предложения. Целью статьи является описание этих различий в аспекте обучения и обоснование методических принципов их учёта.

Методология исследования. Работа опирается на сопоставительный метод и анализ типичных ошибок, возникающих в речи узбекоязычных учащихся. Теоретической основой послужили положения Л. В. Щербы о взаимодействии языковых систем при двуязычии [9], идеи сопоставительной лингвистики и концепция «трудностей» усвоения, связанных со степенью несовпадения систем [3; 6; 12], а также описания грамматики русского [1; 5; 8] и узбекского [11] языков. Сопоставление проводилось на трёх уровнях: полное совпадение, частичное расхождение, отсутствие в родном языке соответствующей категории. Последний случай, как правило, оказывается самым трудным и требует наибольшего внимания преподавателя.

Структурные различия русского и узбекского языков

Узбекский язык не имеет грамматической категории рода, не знает предлогов (их функции выполняют падежные аффиксы и послелоги), а определение, выраженное прилагательным, не согласуется с определяемым словом. Порядок слов в узбекском предложении жёстко закреплён: сказуемое занимает конечную позицию, а определение предшествует определяемому [11]. Русская же грамматика строится на согласовании, управлении и свободном порядке слов, который служит средством актуального членения предложения [8]. Основные расхождения, значимые для обучения, представлены в таблице.

Таблица. Расхождения в системах и типичные ошибки

Явление	Русский язык	Узбекский язык	Типичная ошибка
Род	Три рода; согласование с существительным	Грамматического рода нет	Она пришёл; мой мама
Согласование прилагательного	Род, число, падеж	Прилагательное неизменяемо (chiroyli qiz, chiroyli qizlar)	красивый девушка

Явление	Русский язык	Узбекский язык	Типичная ошибка
Отношения между словами	Предлоги + падежи	Падежные аффиксы и послелоги (maktabga, uchun, bilan)	в школа; с города (вм. из города)
Порядок слов	Относительно свободный, актуальное членение	Фиксированный: подлежащее — … — сказуемое в конце	Я в университете русский язык изучаю (в любом контексте)
Сложное предложение	Придаточные с союзами и союзными словами (который, что)	Причастные и деепричастные обороты (men o‘qigan kitob)	Книга, я прочитал, интересная
Вид глагола	Грамматическая категория (писал / написал)	Нет регулярных видовых пар	Вчера я писал письмо и отправил (вм. написал)
Отрицание и бытийность	нет + род. п.; у меня есть	yo‘q, bor; menda kitob yo‘q	У меня нет книга

Рассмотрим наиболее значимые группы явлений.

Род и согласование. Для узбекоязычного учащегося категория рода лишена опоры в родном языке: местоимение u обозначает и «он», и «она», и «оно». Отсюда ошибки вида мама пришёл, мой сестра. Поскольку согласование в русском языке является сквозным принципом построения словосочетания и предложения (прилагательное, причастие, местоимение, глагол в прошедшем времени), родовая принадлежность существительного должна усваиваться вместе с самим словом, а не как отдельное правило.

Предлоги и падежи. Узбекское maktabga boraman («иду в школу») выражает направление одним аффиксом, тогда как в русском языке значение формируется сочетанием предлога и падежной формы (в школу — в школе — из школы). Типичные ошибки: иду в школа, приехал с города. Дополнительную трудность создаёт несовпадение управления: avtobusda ketdi — «поехал на автобусе», menga yoqadi — «мне нравится». Эти модели следует давать как готовые единицы, а не выводить из узбекского эквивалента.

Порядок слов и актуальное членение. Учащиеся склонны переносить схему «подлежащее — второстепенные члены — сказуемое» в русскую речь. Грамматической ошибки при этом нет, но высказывание оказывается стилистически и коммуникативно неточным: интонационный и порядковый способы выделения нового в русском языке остаются неосвоенными. Это область, где нужны упражнения на трансформацию порядка слов в зависимости от вопроса.

Сложное предложение. В узбекском языке подчинение чаще всего оформляется нефинитными формами глагола: men o‘qigan kitob («книга, которую я прочитал»), kitob o‘qiyotgan talaba («студент, читающий книгу»). Русское придаточное с союзным словом который требует согласования по роду и числу и выбора падежа в зависимости от функции в придаточной части, что вызывает ошибки типа Книга, я прочитал, интересная или Книга, который я прочитал. Эффективно последовательное обучение переходу от причастной конструкции к придаточной и обратно.

Вид глагола. Узбекский глагол не имеет регулярной видовой корреляции, поэтому один глагол соответствует русской видовой паре (yozdi — «писал» / «написал»). Выбор вида приходится объяснять через значение процесса и результата, опираясь на контекст [5; 8].

Методические принципы учёта родного языка

Анализ позволяет сформулировать следующие принципы организации обучения.

1. Принцип опоры на родной язык. Совпадающие явления (например, наличие падежей, отсутствие в настоящем времени связки, тире между подлежащим и сказуемым в предложениях типа Москва — столица) используются для ускоренного усвоения и положительного переноса [10].

2. Принцип дифференциации трудностей. Материал распределяется по степени несовпадения: категории, отсутствующие в узбекском языке (род, вид, предлоги, согласование), вводятся поэтапно и закрепляются на большем числе упражнений.

3. Принцип коммуникативной направленности. Сопоставление не должно становиться самоцелью. Грамматическая форма усваивается в типовой речевой ситуации, а не как изолированное правило [4; 10].

4. Принцип профилактики интерференции. Преподаватель заранее прогнозирует ошибки и включает в урок упражнения, нейтрализующие перенос: сравнительные таблицы, подстановочные и трансформационные упражнения, перевод с узбекского на русский с последующим анализом несоответствий.

5. Принцип анализа ошибок. Ошибки классифицируются по источнику (интерференция, влияние внутриязыковых аналогий, незнание правила), и коррекция строится в соответствии с причиной ошибки [12].

На практике особенно результативны краткие двуязычные комментарии к грамматическому материалу, наглядные схемы (например, схема согласования «слово — слово — слово» в словосочетании), а также цифровые ресурсы с автоматической проверкой упражнений на падежные окончания и согласование. Использование таких средств облегчает индивидуализацию обучения, однако не заменяет работы преподавателя по объяснению структурных различий.

Заключение. Учёт родного языка при обучении русскому синтаксису и грамматике в узбекской аудитории является необходимым условием преодоления интерференции. Наиболее трудными для учащихся оказываются категории, не имеющие соответствий в узбекском языке: род, предлоги, согласование и управление, видовые значения глагола, придаточные предложения с союзным словом. Системное использование сопоставительного анализа, дифференциация трудностей, опора на совпадающие явления и целенаправленная профилактика ошибок повышают качество владения русской грамматикой и речью. Перспективой дальнейшей работы является разработка комплексов упражнений на основе корпуса типичных ошибок узбекоязычных учащихся.

Список использованной литературы

1. Бабайцева В. В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. М.: Просвещение, 1979. – 269 с.
2. Баскаков Н. А. Тюркские языки. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – 248 с.
3. Вейнрейх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. – 263с.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Русский язык, 1990. – 268 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
6. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
7. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
8. Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1980. Т.1 – 783 с.
9. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. – 428 с.
10. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Филоматис, 2003. – 474 с.
11. Ғуломов А., Асқарова М. Ҳозирги ўзбек адабий тили. Синтаксис. Тошкент: Ўқитувчи, 1987. – 264 с.
12. Lado R. Linguistics across Cultures: Applied Linguistics for Language Teachers. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957. – 141 с.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Элмурадова Л.Н.
профессор кафедры филологии УИТМ
Карши, Узбекистан

Annotatsiya. *Maqolada og'zaki nutqga o'rgatish savollari ko'rib chiqilgan. Muallif tushunarli tarzda bu masala bo'yicha bilimlarni chuqurlashtirishga yordamlashadi. Bundan tashqari maqolada rus tilida og'zaki nutqni rivojlantirishdagi qiyinchiliklar ham yoritilgan. Yana muallif og'zaki nutqni rivojlantirishning ko'pgina uslublarini misol tarzida keltirgan.*

Kalit so'zlar: *o'zaro hamkorlik, o'zaro tushunish, nutqiy faoliyat, shaxsiy muloqot, audio materiallar, video fragmentlar, motivatsiya, stilistik, so'z ishlatish, ko'nikmalar, mahoratlar.*

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением темы «Обучение речевому общению». Автор в живой, доступной форме помогает систематизировать и углубить свои знания по данному вопросу. Кроме этого, в статье речь идёт о трудностях при обучении речевому общению. А также автор приводит примеры разных методов по обучению иноязычных студентов речевому общению на русском языке.*

Ключевые слова: *взаимодействие, взаимопонимание, речевая деятельность, личностное общение, аудиоматериалы, видеофрагменты, мотивация, стилистическая окраска, словоупотребление, навыки, умения.*

Abstract. *The article discusses issues related to the study of the topic "Training speech communication". The author in a lively, accessible manner helps to systematize and deepen his knowledge on this issue. In addition, the article deals with difficulties in teaching speech communication. And also the author gives examples of different methods for teaching foreign students speech communication in Russian.*

Keywords: *interaction, mutual understanding, speech activity, personal communication, audio materials, video clips, motivation, stylistic coloring, word usage, skills, abilities.*

В настоящее время особое значение приобретает не системное и углубленное изучение русского языка, а практическая направленность овладения учащимся русским языком, следовательно, функционально- коммуникативный подход к его преподаванию – развитие навыков и умений речевого общения учащихся.

Речевое общение – усложняющийся процесс. Он начинается с установления психологического контакта - взаимодействия. Но вместе с тем он постепенно развивающийся процесс взаимодействия, воздействия, взаимопонимания в ходе формирования единого смысла. Если психологический контакт установлен, открыть, путь к социальному контакту и воздействию, а затем и к смысловому контакту – взаимопониманию.

Речевое общение – это совокупность трёх понятий - речевой деятельности, коммуникативного процесса и отношений собеседника. Как известно, речевое общение осуществляется как в устной, так и в письменной формах речи. И формой речевого общения служит диалог или монолог. Диалог на уроке – это общение по моделям: учитель – ученик, ученик – ученик, учитель – ученики. Одним словом, являясь наиболее употребительной формой социально-речевого общения, диалог прост и удобен при обучении языку. Его составные части–реплики–кратки, просты по составу и синтаксическому строю. А монолог на уроке – это логически последовательно и связно, достаточно полно и правильно в языковом отношении излагать свои мысли в устной форме. При этом учащиеся должны уметь логично и последовательно высказываться в соответствии с учебной ситуацией, делать устные сообщения по теме, передать своими словами содержание прочитанного текста. От учащихся требуется умение не только сообщать о фактах, но и выражать своё отношение к изложенному. Объём высказываний – не менее 10 фраз, правильно оформленных в языковом отношении.

Следовательно, происходит совершенствование умений устно выступать с сообщениями в связи с увиденным, услышанным, прочитанным. Обучаемый должен уметь рассказать о себе, своём окружении, своих планах, рассуждать о фактах и событиях, описывать особенности жизни и культуры своей страны и страны изучаемого языка. Объём монологического высказывания должно составлять 12 – 15 фраз. В отличии от диалогической речи монологическая речь характеризуется последовательностью и логичностью, полнотой, завершённостью и ясностью мысли. На уроке формы общения тесно переплетаются. Так, отдельные реплики в диалоге могут быть спонтанно развёрнуты в достаточно самостоятельное монологическое высказывание, а монолог может перерасти в диалог или полилог. Но вместе с тем уровень речевого общения зависит от уровня владения языком.

Обучение должно быть нацелено на постепенный переход от учебного общения к личностному общению. Это возможно, если темы и ситуации, предложенные для обсуждения в процессе общения, представляют для студентов интерес и несут новую для них информацию. Основу, на которой развиваются навыки речевой деятельности, составляют фонетические, лексические, грамматические знания. Овладение этой основой происходит, во-первых, в процессе учебной коммуникации, во-вторых, через последующее использование приобретённых умений в реальном речевом общении.

Наибольшие трудности при иноязычном общении человек испытывает, воспринимая речь на слух. Но устное общение, роль которого в настоящее время стала особенно значительной, невозможно без понимания речи собеседника. Потому что, в процессе речевого взаимодействия каждый выступает как в роле говорящего, так и в роли слушающего. Чтобы студент был подготовлен к иноязычному общению в естественных условиях, необходимо воссоздать на занятии ситуации, с которыми ему придётся сталкиваться в реальной жизни. Нужно подобрать ситуации близкие и знакомые ему.

Язык зеркально отражает мир в восприятии человека, и одновременно «в зеркале языка отражается и сам человек, его образ жизни, его поведение, взаимоотношения с другими людьми, система ценностей, культура – мир в человеке». Одним словом, язык - отражение души человека. Говоря на родном языке, человек использует правила грамматики спонтанно, слова произносит бессознательно и не подбирает в уме правило или подходящее слово. А также при освоении языка, родного или иностранного, большую роль играет языковая интуиция.

Следовательно, человек использует знакомые слова, фразы, предложения, которые где-то читал или слышал раньше. И чем больше читать, слушать аудиоматериалы, смотреть видеофрагменты на изучаемом языке, тем лучше будет развиваться языковая интуиция, тем быстрее будут усваиваться и запоминаться произносительные нормы, лексические единицы, грамматика и т.д. При чтении вслух формируется механизм логического понимания, одновременно с восприятием идёт осмысление воспринимаемой информации. Однако необходимо помнить, что одну и ту же информацию люди воспринимают и запоминают по-разному. Это зависит от многих условий – от мотивации, способностей, переживаемых чувств, особенностей личности, жизненного опыта и др. Задача преподавателя преподнести эту информацию в доступной и в той форме которая ему даст пользу. Задача не только в том, чтобы

научить механизму восприятия речевого высказывания, когда из отдельных компонентов складывается картина цельного текста. Следовательно, работа по развитию коммуникативных навыков будет успешной в том случае, если её проводить систематически, лексический материал увеличивать постепенно, изучаемые тексты адаптировать к уровню знаний студентов.

Чтобы обучить студентов практическому владению языком в его устной форме, - следует обращаться к живому разговорному языку и подбирать лексический материал в соответствии с темами и ситуациями общения, заимствованными из реальной каждодневной жизни. А также следует учащихся ознакомить с устным народным творчеством. Необходимо читать пословицы, поговорки, загадки, сказки. Любой человек, попадающий в иноязычную языковую среду и желающий общаться с носителями языка, должен освоить коммуникативную норму языка. Так как для адекватного понимания людьми друг друга при речевом общении в сознании каждого из его участников существует некая коммуникативная норма языка, которая позволяет им совместно строить коммуникативное пространство.

Как известно, такая норма представляет собой комплексное понятие, включающее как собственно языковую норму, так и внелингвистические элементы. Иначе никакая коммуникация невозможна. Основная цель которого, повышение уровня коммуникативной компетенции, формирование устойчивых навыков и умений, позволяющих правильно использовать языковые средства в различных ситуациях общения в соответствии с нормами современного русского литературного языка. Богатство русской лексики проявляется в наличии большого количества паронимов. В работы с паронимами целесообразно дать большое количество примеров с тем, чтобы учащиеся научились определять разницу в их значении.

Содержательный и методический аспекты изучения курса культуры речи в иноязычной аудитории имеет свою специфику. Такую же особую специфику имеет работа по изучению лексических норм языка. Слушающий или читающий может её понять неправильно, искаженно, потому что нередко именно с проблемами словоупотребления связана неумение иностранных учащихся адекватно выразить свою мысль. Наличие большого количества многозначных слов является особенностью русской лексической системы. При сопоставлении которых с соответствующими им словами родного языка обнаруживаются не только общие значения, но и существенные различия. В подобных ситуациях уточнить значение слова позволяет его контекстное употребление. Следует учитывать и то, что в некоторых случаях разные русские лексемы переводятся на родной язык одним и тем же словом, что приводит к нарушению иностранными учащимися норм словоупотребления в русском языке. Следовательно, при работе с такими словами следует объяснить различие в их значении и употреблении и попросить учащихся самостоятельно составить с каждым словом словосочетания и предложения. Одним из сложных сторон для иностранных учащихся являются так называемые слова – интернационализмы. Они получили право на существование наряду с исконно русскими словами, близкими, но и тождественными им по значению. Необходимо знать оттенки значений тех и других, их стилистическую окраску для достижения точности словоупотребления. Чтобы избежать грубых ошибок при употреблении слов – интернационализмов, необходимо помнить,

что некоторые русские слова с интернациональной основой, имеющие в других языках сходные по структуре и звучанию лексемы, существенно отличаются от последних по смыслу. Они требуют особенно внимательного изучения и тщательной тренировки употребления. Важно постоянно увеличивать словарный запас и умело пользоваться всеми богатствами лексики русского языка: синонимами, антонимами, фразеологизмами, отражающими языковое сознание, чтобы добиться максимальной выразительности речи.

Иностранным учащимся необходимо не просто знать перечисленные языковые средства, но и уместно их употреблять, учитывать особенности конкретной коммуникативной ситуации: степень её официальности, степень знакомства обучаемых, психологические, возрастные, национальные особенности партнёров, место и время общения и много другое. Следовательно, при обучении нерусских учащихся русскому языку, необходимо обеспечитьтакое соотношение грамматики и речевой практики, чтобы учащиеся учились не просто механически повторять типовые модели, но и создавать свои по законам изучаемого языка, так как «человек пользуется языком в своей речи для выражения не столько прежних, сколько новых, впервые возникающих у него мыслей.

В заключение мы пришли к такому выводу, что ошибочно и неправильно упражнять учащихся в воспроизведении лишь заученных предложений и в восприятии и понимании столь же привычных вопросов, утверждений и отрицаний. Коммуникативная направленность обучения предполагает, создание условий, стимулирующих стремление учащихся к речи на русском языке, комплексное овладение языковыми элементами разных уровней, комплексное овладение умениями и навыками аудирования, говорения, чтения и письма. Знание грамматики должно способствовать развитию навыков практического пользования устной и письменной речью и грамматика в процессе обучения должна служить организующей основой работы по развитию речи. Существуют объективные причины, которые приводят к возникновению определённых проблем при изучении русского языка нерусскими. Связаны они с особенностями фонетического, грамматического и лексического уровня русского языка. Следовательно, при организации учебного процесса обязательно должна учитываться вероятность появления подобных проблем, чтобы достигнуть максимального результата в изучении языка.

Список использованной литературы

1. Будильцева М.Б. Новикова Н.С. Обучение лексическим нормам студентов – иностранцев в курсе «Русский язык и культура речи» 2011
2. Гальскова Н.Д, Никитенко З.Н. Теория и практика обучения иностранным языкам. М. Айрис Пресс 2004.
3. Королёв С.И. Проблема коммуникативно-мыслительных упражнений. Минск 1967.
4. Костомаров В.Г. Методическое руководство преподавателей русского языка иностранцам. М. Русский язык. 1984

5. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М. Просвещение. 1991.

МЕТОДИКА ПЛАНИРОВАНИЯ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ОВЛАДЕНИИ НАВЫКАМИ ПРАВОПИСАНИЯ

Муратов Баходир Мурадович
доцент кафедры филологии УИТиМ
Карши, Узбекистан

Аннотация*: статья посвящена управлению процессом обучения вообще и познавательной деятельностью учащихся в особенности. Это одна из актуальнейших проблем современной педагогической науки, решение которой открывает дополнительные резервы в повышении качества знаний и умственного развития учащихся с помощью алгоритмов.*

Ключевые слова: *алгоритмы, познавательные задачи, грамматика, логические операции, орфография, инструкция умственных действий, психологическая структура, методика.*

Annotatsiya. *Макола рус тилини укитишини бошкариш ва укувчиларни билим олиш кобилиятини кучайтиришга каратилган. Бу проблема алгоритм оркали укитиш педагогикасини долзарб муаммолардан бири хисобланади.*

Kalit so‘zlar: algoritmlar, bilim olish vazifalari, grammatika, mantiqiy amallar, imlo, aqliy harakatlar bo‘yicha ko‘rsatma, psixologik tuzilma, metodika.

Abstract. *The article is devoted to the management of the learning process in general and to the cognitive activity of students in particular. This is one of the most pressing problems in modern pedagogical science, the solution to which opens up additional reserves for improving the quality of knowledge and the mental development of students through the use of algorithms.*

Keywords: *algorithms, cognitive tasks, grammar, logical operations, spelling, instruction for mental actions, psychological structure, methodology.*

Управление процессом обучения является центральной в обучении русскому языку. Оно имеет две цели. Первая имеет, по нашему мнению, более общий и чисто педагогический характер (организовать изучение нового материала, совершенствовать знания, умения и навыки учащихся и т. д.). Вторая цель уточняет сущность (методику) изучения (или совершенствования) знаний, умений и навыков. Это усвоение новых понятий, применение усвоенного в упражнениях и при решении задач и т. д. в самом ходе обучения

Общеизвестно, что очень широкий круг учебных познавательных задач решается алгоритмически, поэтому многие процессы управления могут быть точно или приблизительно алгоритмически описаны.

В этой связи работы, посвященные использованию алгоритмов, в том числе и в обучении русскому языку (А. И. Власенков, Г. Г. Граник, Е. Г. Шатова) и тем не менее специальных разработок, в которых бы подробно и в доступной форме излагались вопросы методики работы с алгоритмами по отдельным предметам, еще очень и очень мало.

Отметим, что учение об алгоритмах, которое продолжают развивать наши ученые, имеет прочную базу, созданную психологией, частными методиками и другими науками.

Интересно, что роль алгоритмов и алгоритмизации учебного материала возросла не в связи с «внутриматематическими» вычислительными задачами, а в связи с задачами управления процессом обучения вообще и познавательной деятельностью учащихся в особенности. Это одна из актуальнейших проблем современной педагогической науки, решение которой открывает дополнительные резервы в повышении качества знаний и умственного развития учащихся.

«В процессе обучения происходит, – пишет М. А. Данилов, – усвоение знаний и в то же время развитие познавательных сил школьников. Это две стороны одного и того же процесса…

Коренной вопрос психологии обучения и дидактики и заключается в выявлении соотношения обучения и развития, т. е. в разработке основ руководства педагога умственным развитием учащихся». [1. 53].

Умственное развитие, по мнению психологов, связано как с накоплением систем ассоциаций, так и с накоплением хорошо «отработанных» и прочно закрепленных умственных приемов.

В основе приемов должны лежать мыслительные операции анализа и синтеза. Очень важно обучать школьников «технике мышления», сформировать у них умения и навыки аналитико-синтетической работы. Поэтому при усвоении нового материала необходимо четко планировать логические операции, так как именно овладение системой операций формирует у ученика рациональные умственные действия, а следовательно, и «интеллектуальные» навыки в целом.

Планирование мыслительных операций особенно полезно при обучении русскому языку и в особенности при овладении навыками правописания.

Проблеме обучения школьников логическим операциям большое значение и раньше придавали некоторые отечественные методисты.

Так, Н. С. Рождественский приходит к выводу, что при существующей системе изучения грамматики и орфографии выработка умений применять теоретические знания не вполне обеспечивается. Это порождает разрыв между теорией и практикой. «Одним из существенных недостатков в работе… по грамматике, – пишет он, – является разрыв между грамматической теорией и практикой. На уроках русского языка основное внимание уделяется воспроизведению формулировок правил и определений, придумыванию примеров». [3:45]

Излагая вопрос об обучении правописанию, он отмечает, что для осуществления умственной работы по применению правил орфографии еще недостаточно знать их формулировки. Необходимо уметь самостоятельно оперировать и тем языковым материалом, который охватывается тем или иным правилом.

Для этого ученик должен овладеть логическими операциями, которые нужны для анализа слова в соответствии с правилом.

Тренировочные упражнения, по его мнению, должны быть тесно связаны с грамматикой и орфографическим правилом.

Следует учитывать, что каждое правило обладает своей структурой признаков. Кроме того, различные правила могут иметь одинаковую структуру.

Важно иметь в виду и особенности психологической структуры процесса решения, т. е. все те умственные процессы, которые протекают в голове учащегося и которые приводят к тому, что он сначала выполняет одно умственное действие, потом – другое.

При одинаковой структуре орфографических правил психологические процессы могут быть различными.

Совершенно очевидно, что, имея в виду только орфографические действия, построить эффективную методику формирования орфографического навыка невозможно.

Необходимой основой такой методики будет учет того, какие мыслительные процессы протекают у учащихся при определении орфограмм различных типов.

Вместе с тем, чтобы определить психологическую структуру, нужно хорошо знать орфографию.

Очевидно, что процессы, лежащие в основе усвоения написаний орфограмм в корнях с чередованием гласных, с одной стороны, и гласных, проверяемых ударением, – с другой, будут различны.

Как же построить рациональный прием-инструкцию для решения той или иной орфографической задачи?

При построении инструкции учитель должен ясно представлять, какие языковые данные должны вступить в ассоциацию, чтобы обеспечить безошибочное написание орфограмм данного типа.

Характер умственных операций, которые должен произвести ученик в каждом отдельном случае, а также их последовательность будут определяться как содержанием изучаемого правила, так и теми логическими отношениями, которые существуют между отдельными его элементами.

Поскольку учебник не указывает на последовательность действий при применении орфографических правил, то весь ход рассуждения должен быть зафиксирован в определенной последовательности на доске или в таблице.

Такую инструкцию ученики заносят в тетради и используют в дальнейшем при выполнении различных упражнений, которые даются на закрепление данного орфографического правила.

Таким образом, чтобы правило одновременно явилось и руководством к действию, необходимо перестроить его так, чтобы получить перечень входящих в него признаков, выяснить характер формально-логических связей между этими признаками и на этой

основе построить определенную систему умственных (грамматико-орфографических) операций.

Список использованной литературы

1.М.А.Данилов. Власенков А.И. Развивающее обучение русскому языку.М: Просвещение 1982-208с

2. Русский язык. Сборник упражнений: учеб. пособие для СПО / П. А. Лекант [и др.]; под ред. П. А. Леканта. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 314 с. — (Серия: Профессиональное образование). — ISBN 978-5-9916-7796-7. — Режим доступа : www.biblio-online.ru/book/763282AE-DB29-4B93-B8DA-D94406457ED6 .

3.Рождественский Н.С. Обучение орфографии в начальной школе.М,1960-103с.

4 Титов, О. А. Русский язык и культура речи. Практикум по орфографии: учеб. пособие для СПО / О. А. Титов. — 2-е изд., исправленное.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ИНТЕРАКТИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Джалилова Дилором Сирожиддиновна
старший преподаватель кафедры русского языка и литературы
Шахрисабзский государственный педагогический институт
Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты развития коммуникативной речи студентов в условиях интерактивной образовательной среды на основе сопоставления русского и узбекского языков. Особое внимание уделяется преодолению межъязыковой интерференции, формированию навыков диалогической и монологической речи, расширению активного словарного запаса и развитию способности использовать языковые средства в соответствии с коммуникативной ситуацией. Обосновывается необходимость интеграции сопоставительного анализа, интерактивных методов обучения и цифровых образовательных ресурсов в процесс преподавания русского языка. Предлагаются практические задания, направленные на развитие речевой активности студентов узбекоязычной аудитории.*

Ключевые слова: *коммуникативная речь, речевая компетенция, сопоставительный анализ, русский язык, узбекский язык, интерактивное обучение, межъязыковая интерференция, диалогическая речь, монологическая речь, цифровая образовательная среда.*

Annotatsiya. *Maqolada interaktiv ta’lim muhiti sharoitida rus va o‘zbek tillarini qiyoslash asosida talabalarning kommunikativ nutqini rivojlantirishning nazariy va amaliy jihatlari ko‘rib chiqiladi. Rus tilini o‘rganuvchi o‘zbekzabon talabalarning nutqiy kompetensiyasini shakllantirish, tillararo interferensiyani bartaraf etish, dialogik va monologik nutq ko‘nikmalarini rivojlantirish, faol lug‘at boyligini kengaytirish hamda*

kommunikativ vaziyatga mos ravishda til vositalaridan foydalanish masalalariga alohida e'tibor qaratiladi. Rus va o'zbek tillarining qiyosiy tahlili, interaktiv ta'lim metodlari hamda raqamli ta'lim resurslarini rus tilini o'qitish jarayoniga integratsiya qilish zarurati asoslab beriladi. Shuningdek, talabalarning nutqiy faolligini oshirishga qaratilgan amaliy topshiriqlar taklif etiladi.

***Kalit so'zlar**: kommunikativ nutq, nutqiy kompetensiya, qiyosiy tahlil, rus tili, o'zbek tili, interaktiv ta'lim, tillararo interferensiya, dialogik nutq, monologik nutq, raqamli ta'lim muhiti.*

***Abstract.** The article examines the theoretical and practical aspects of developing students' communicative speech skills in an interactive educational environment through a comparative analysis of the Russian and Uzbek languages. Particular attention is paid to overcoming cross-linguistic interference, developing dialogic and monologic speech skills, expanding students' active vocabulary, and fostering the ability to use linguistic resources appropriately in different communicative situations. The article substantiates the importance of integrating comparative language analysis, interactive teaching methods, and digital educational resources into the process of teaching Russian. Furthermore, practical tasks aimed at enhancing students' speech activity and communicative competence are proposed.*

***Keywords:** communicative speech, communicative competence, comparative analysis, Russian language, Uzbek language, interactive learning, cross-linguistic interference, dialogic speech, monologic speech, digital educational environment.*

В современных условиях модернизации высшего образования развитие коммуникативной компетенции студентов становится одной из важнейших задач преподавания иностранных языков. Владение русским языком предполагает не только знание грамматических правил и лексических единиц, но и способность свободно выражать мысли, понимать собеседника, участвовать в дискуссии, аргументировать собственную позицию и использовать языковые средства в различных ситуациях общения.

Особую актуальность данная проблема приобретает в образовательной среде Узбекистана, где русский язык изучается студентами с различным уровнем языковой подготовки, а узбекский язык часто выступает основным средством повседневного общения. В таких условиях преподавателю необходимо учитывать особенности родного языка обучающихся, выявлять типичные трудности усвоения русской грамматики и создавать условия для практического использования изучаемого языка.

Перспективным направлением решения данной задачи является сочетание сопоставительного анализа русского и узбекского языков с интерактивными технологиями обучения. Сопоставление языковых систем позволяет выявлять сходства и различия в организации высказывания, употреблении грамматических форм, построении предложений и выражении коммуникативных намерений. Интерактивная образовательная среда, в свою очередь, обеспечивает активное участие студентов в речевом взаимодействии.

В современных исследованиях по методике преподавания русского языка как иностранного также подчёркивается значение интерактивных методов, группового взаимодействия и цифровых технологий для развития коммуникативной компетенции. Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью разработки методической модели, которая объединяет сопоставительный подход и интерактивные формы обучения русскому языку.

Коммуникативная речь представляет собой процесс использования языковых средств для передачи информации, выражения мыслей, чувств, оценок и намерений в определённой ситуации общения. Её развитие связано с формированием комплекса знаний, умений и навыков, позволяющих человеку успешно взаимодействовать с другими участниками коммуникации.

В структуре коммуникативной компетенции можно выделить несколько взаимосвязанных компонентов:

Лингвистический компонент — знание лексики, грамматики, фонетики и норм литературного языка.

Речевой компонент — способность строить связные высказывания, формулировать вопросы, отвечать на них и последовательно излагать мысли.

Социокультурный компонент — понимание речевого этикета, норм вежливости и культурных особенностей общения.

Стратегический компонент — умение преодолевать затруднения, переформулировать мысль, уточнять информацию и поддерживать разговор.

Дискурсивный компонент — способность логично организовывать высказывание с учётом его цели, темы и адресата.

Развитие перечисленных компонентов невозможно обеспечить исключительно посредством заучивания грамматических правил. Студент должен получать возможность применять языковые знания в ситуациях, приближённых к реальному общению. В результате грамматическая форма усваивается не изолированно, а в связи с определённой коммуникативной задачей.

Сопоставительный анализ предполагает выявление сходств и различий между двумя языками на фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом и прагматическом уровнях. В методике преподавания русского языка узбекоязычным студентам он позволяет прогнозировать типичные ошибки и целенаправленно организовывать речевую практику.

Одной из наиболее распространённых трудностей для студентов является различие в способах выражения грамматических отношений. В русском языке отношения между словами часто выражаются падежными окончаниями, предлогами и согласованием. В узбекском языке широко используются аффиксы, а также другие модели синтаксической связи. Представленные примеры показывают, что одинаковое коммуникативное содержание может выражаться различными грамматическими средствами. Поэтому преподавателю важно не требовать механического переноса узбекских конструкций в русскую речь, а формировать у студентов устойчивые модели правильного русскоязычного высказывания.

Межъязыковая интерференция возникает, когда особенности родного языка влияют на употребление слов и грамматических конструкций изучаемого языка.

Например, при недостаточном усвоении русского управления студент может построить предложение по модели, привычной для узбекского языка: «Я интересуюсь к литературе». Нормативный вариант - «Я интересуюсь литературой».
Другой пример: «Я участвовал на конференции» вместо «Я участвовал в конференции».

Подобные ошибки свидетельствуют о необходимости систематической работы над управлением глаголов и устойчивыми словосочетаниями.
Для их преодоления целесообразно использовать следующие приёмы:

1. Сопоставление русской и узбекской конструкций.
2. Выделение различающихся грамматических элементов.
3. Выполнение упражнений на выбор правильной формы.
4. Составление собственных предложений по изученной модели.
5. Использование этих конструкций в диалогах и дискуссиях.
6. Самостоятельное исправление ошибок с последующим объяснением.

Важно учитывать, что сопоставление должно не просто демонстрировать различия между языками, а помогать студентам осознанно выбирать правильную языковую форму в конкретной ситуации общения.

Интерактивная образовательная среда представляет собой организацию обучения, в которой преподаватель и студенты активно взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, совместно решают учебные задачи и оценивают результаты деятельности.

В отличие от традиционной модели, ориентированной преимущественно на объяснение материала преподавателем, интерактивное обучение предполагает активную речевую деятельность самих студентов.

Исследования, посвящённые обучению русскому языку и развитию коммуникативной компетенции, рассматривают ролевые игры, дискуссии, работу в парах и малых группах как важные инструменты формирования речевых навыков.

После выполнения задания преподаватель предлагает студентам сопоставить русские конструкции с узбекскими эквивалентами и обратить внимание на различия в порядке слов, падежном управлении и способах выражения цели.

Методическая ценность: развитие диалогической речи, автоматизация речевых моделей, расширение словарного запаса и формирование навыков самостоятельного общения.

Методическая модель развития коммуникативной речи на основе сопоставления языков и интерактивного обучения

На основе рассмотренных подходов можно предложить модель организации занятия по русскому языку, состоящую из четырёх последовательных этапов:

Актуализация словарного запаса, определение исходного уровня речевой подготовки, выявление типичных трудностей при использовании русских конструкций;

Сравнение русских и узбекских конструкций, анализ грамматических различий, работа с лексическими соответствиями и типичными речевыми ошибками;

Выполнение ролевых игр, участие в дискуссиях, решение коммуникативных задач, работа в парах и группах, подготовка мини-проектов;

Анализ допущенных ошибок, самооценка, взаимная оценка, проверка правильности и связности высказывания, определение дальнейших учебных задач.

Предлагаемая модель имеет практическую направленность и может применяться на занятиях по русскому языку в вузах, педагогических институтах и образовательных учреждениях, где русский язык изучается как неродной или иностранный.

Особенно полезно сочетать цифровые задания с сопоставительным анализом. Если студент допускает ошибку в падежном управлении или построении предложения, он не только исправляет её, но и устанавливает, чем русская модель отличается от соответствующей узбекской конструкции.

При этом цифровые средства должны выступать инструментом организации общения, а не заменять живой диалог между студентами.Оценивание может проводиться с помощью входных и итоговых заданий, наблюдения за работой студентов, анализа аудио- и видеозаписей, а также самооценки и взаимной оценки.

Для экспериментальной проверки модели можно сравнить результаты входной и итоговой диагностики в экспериментальной и контрольной группах. При этом числовые показатели улучшения должны устанавливаться на основе реально собранных данных, а не предполагаться заранее.

Теоретический анализ позволяет предположить, что сочетание сопоставительного подхода и интерактивных методов создаёт благоприятные условия для развития коммуникативной речи студентов. При этом результативность обучения зависит от последовательности заданий, уровня владения языком, качества обратной связи и количества возможностей для самостоятельного речевого взаимодействия.

Сопоставительный анализ помогает студентам осознать причины типичных ошибок, а интерактивные упражнения обеспечивают многократное использование правильных языковых моделей в различных коммуникативных ситуациях. Совместное применение этих подходов позволяет связать изучение грамматики с реальными потребностями общения.

Практическая значимость предложенной модели заключается в возможности её адаптации к различным уровням языковой подготовки и профессиональным направлениям. Например, студентам филологических специальностей можно предлагать анализ художественных текстов и литературные дискуссии, а студентам педагогических направлений – моделирование уроков, объяснение языковых явлений и подготовку учебных диалогов.

Вместе с тем предложенная модель нуждается в эмпирической проверке. Для подтверждения её эффективности необходимо провести педагогический эксперимент, определить исходный уровень коммуникативной компетенции студентов, реализовать систему интерактивных занятий и сравнить результаты итоговой диагностики.

Развитие коммуникативной речи студентов в условиях интерактивной образовательной среды представляет собой комплексную методическую задачу, требующую интеграции языковых знаний, практической речевой деятельности и современных педагогических технологий.

Сопоставительный анализ русского и узбекского языков позволяет выявлять различия в грамматическом оформлении высказываний, предупреждать межъязыковую интерференцию и формировать осознанное отношение к изучаемым языковым

конструкциям. Интерактивные методы, включая работу в парах, ролевые игры, дискуссии и проектную деятельность, создают условия для активного использования русского языка в различных ситуациях общения. Наиболее перспективным представляется систематическое объединение сопоставительных упражнений с коммуникативными заданиями, в ходе которых студенты не только изучают языковые правила, но и применяют их для решения конкретных речевых задач.

Таким образом, предложенная методическая модель может служить основой для совершенствования преподавания русского языка в узбекоязычной аудитории. Её дальнейшая разработка предполагает экспериментальную проверку, создание системы диагностических заданий и определение наиболее эффективных способов формирования речевой компетенции студентов.

Список использованной литературы

1. Щукин А. Н. Методика преподавания иностранных языков: теория и практика. — М.: Филоматис, 2008.
2. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. — М.: Просвещение, 2000.
3. Забаржадхон Ганиева. Theoretical Foundations for Developing Communicative Competence in Foreign Language Education in the Context of Modern Pedagogical Technologies // Научный информационный бюллетень. 2025. С. 89–91. DOI:

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ РЕСУРСОВ И ТЕХНОЛОГИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СТУДЕНТОВ

Милованова Елена Валерьевна
старший преподаватель кафедры русского языка и литературы
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются цифровые технологии как инструмент обучения русскому языку студентов филологических факультетов. Проведен анализ влияния дистанционного формата на формирование языковых компетенций, включая фонетические, грамматические, лексические и коммуникативные навыки. На основе эмпирических данных выявлены структурные недостатки цифрового обучения, в частности, снижение уровня усвоения материала, ограниченность языковой среды, снижение мотивации и недостаточная интерактивность. Оценены методические риски, связанные с переходом на цифровые образовательные платформы.*

Ключевые слова: *цифровые технологии, русский язык, филологическое образование, языковые компетенции, дистанционное обучение, аудирование, фонетика, образовательные платформы, педагогические стратегии.*

Abstract. *The article examines digital technologies as a tool for teaching Russian to students of philological faculties. The influence of the distance format on the formation of language competencies, including phonetic, grammatical, lexical, and communicative skills, is analyzed. Based on empirical data, structural shortcomings of digital learning have been identified, including a decrease in material retention, limited language environment, reduced motivation, and insufficient interactivity. Methodological risks associated with the transition to digital educational platforms have been assessed. The necessity of combined approaches integrating traditional teaching methods and digital technologies has been substantiated. Recommendations for optimizing the educational process considering modern pedagogical requirements are presented.*

Keywords: *digital technologies, Russian language, philological education, language competencies, distance learning, listening, phonetics, educational platforms, pedagogical strategies.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada filologik fakultet talabalari uchun rus tilini o‘qitishda raqamli texnologiyalardan foydalanish tahlil qilinadi. Masofaviy ta’lim formati fonetik, grammatik, leksik va kommunikativ ko‘nikmalarning shakllanishiga qanday ta’sir ko‘rsatishi o‘rganiladi. Empirik ma’lumotlarga asoslanib, raqamli ta’limning asosiy kamchiliklari aniqlangan, xususan, o‘quv materialini o‘zlashtirish darajasining pasayishi, til muhitining cheklanganligi, motivatsiyaning kamayishi va interaktivlik yetishmovchiligi. Raqamli ta’lim platformalariga o‘tish bilan bog‘liq metodik xavflar baholangan. An’anaviy ta’lim usullari va raqamli texnologiyalarni integratsiyalashgan holda qo‘llash zarurati asoslab berilgan. Zamonaviy pedagogik talablarni hisobga olgan holda ta’lim jarayonini optimallashtirish bo‘yicha tavsiyalar keltirilgan.*

Kalit so‘zlar: raqamli texnologiyalar, rus tili, filologik ta’lim, til kompetensiyalari, masofaviy ta’lim, tinglab tushunish, fonetika, ta’lim platformalari, pedagogik strategiyalar.

Введение. Использование цифровых технологий в обучении русскому языку на филологических факультетах изменяет структуру образовательного процесса, влияя на формирование языковых компетенций. Интерактивные платформы, мультимедийные ресурсы и дистанционные форматы предоставляют новые возможности, однако их влияние на усвоение грамматики, фонетики, лексики и письменной речи требует критического анализа.

Дистанционный формат ограничивает языковую среду, снижает уровень интерактивного взаимодействия, усложняет контроль фонетических навыков и затрудняет коммуникативную практику. Эмпирические исследования фиксируют снижение качества освоения материала, уменьшение мотивации студентов и рост методологических рисков.

В работе рассматриваются преимущества и структурные ограничения цифровых технологий в преподавании русского языка, проводится анализ эффективности образовательных платформ, оцениваются последствия изменения формата обучения и предлагаются методические решения по интеграции цифровых инструментов в академическую среду.

В последние годы наблюдается активное внедрение цифровых технологий в процесс обучения русскому языку студентов филологических факультетов. Исследования показывают, что использование мультимедийных проекторов, электронных обучающих комплексов и других цифровых средств способствует повышению эффективности усвоения материала и развитию коммуникативных навыков у студентов [1, с. 136-140].

Применение цифровых инструментов позволяет преподавателям создавать индивидуальные траектории обучения, адаптированные под потребности каждого обучающегося. Это значительно повышает эффективность обучения, так как каждый студент учится в своем темпе [2, с. 2-10].

Кроме того, цифровые технологии способствуют созданию комфортной образовательной среды, что особенно важно для иностранных студентов, испытывающих трудности в адаптации к новой языковой среде. Использование мультимедийных материалов, интерактивных заданий и онлайн-платформ облегчает процесс обучения и повышает мотивацию студентов [3, с. 95-100].

Материалы и методы. Внедрение цифровых технологий в преподавание русского языка на филологических факультетах привело к изменению структуры образовательного процесса. Интерактивные платформы, автоматизированные системы тестирования и мультимедийные ресурсы используются для контроля знаний, формирования языковых компетенций и организации самостоятельной работы студентов. Однако изменение формата обучения требует оценки его влияния на усвоение фонетики, грамматики, лексики и письменной речи, поскольку дистанционный формат ограничивает языковую среду, снижает уровень интерактивного взаимодействия и затрудняет формирование навыков устной коммуникации.

Исследование направлено на анализ эффективности цифровых технологий в преподавании русского языка студентам филологических специальностей. Рассматривается влияние дистанционного формата на качество усвоения материала, выявляются методологические ограничения, связанные с применением онлайн-платформ, оценивается влияние цифровых технологий на мотивацию студентов.

В работе использованы методы анкетирования и экспертной оценки. Эмпирический материал получен на основе опроса студентов и преподавателей, участвующих в обучении с использованием цифровых образовательных ресурсов. Анкетирование включало вопросы о восприятии дистанционного формата, его влиянии на освоение учебного материала, возможности интерактивного взаимодействия и уровне вовлеченности студентов. Результаты исследования позволяют определить эффективность цифровых технологий в развитии языковых компетенций, выявить методические риски и предложить подходы к интеграции цифровых инструментов в систему преподавания русского языка.

Результаты и обсуждение. В исследовании приняли участие студенты филологических факультетов двух университетов, обучающиеся как в традиционном, так и в цифровом формате. Большинство студентов, использующих цифровые технологии, отмечают удобство доступа к учебным материалам, но при этом указывают на сложности в освоении фонетики и устной коммуникации.

Преподаватели подчеркивают, что работа на цифровых платформах облегчает проверку письменных заданий, но ограничивает возможности оперативной коррекции произносительных ошибок. Многие студенты, обучавшиеся дистанционно, испытывают трудности с интонацией и артикуляцией, поскольку в цифровой среде не получают достаточного количества корректирующей обратной связи.

Оценка влияния цифровых технологий на формирование языковых компетенций

Для оценки эффективности цифрового обучения студенты выполняли несколько практических заданий. Результаты сравнительного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Сравнительный анализ успешности выполнения языковых заданий студентами в традиционном и цифровом форматах обучения

Задание	**Описание**	**Группа 1 (традиционный формат)**	**Группа 2 (цифровой формат)**
Фонетический разбор	Чтение текста с выражением, интонация	92% верно поставили ударение, правильная интонация	68% испытывали сложности с ударением и интонацией
Письменный диктант	Проверка орфографии и пунктуации	Средний балл – 8,6 из	Средний балл – 8,2 из 10
Диалогическая речь	Участие в дискуссии по теме «Экология»	85% использовали сложные конструкции, активный диалог	60% избегали сложных фраз, пассивность в разговоре
Перевод с русского на иностранный	Работа с текстом средней сложности	88% верно передали смысл и стилистику	79% допускали лексические неточности
Эссе на свободную тему	Аргументированный текст объемом 300 слов	91% логичная структура, связность	88% логические нарушения, повтор слов

Анализ данных показывает, что студенты, обучавшиеся в традиционном формате, демонстрируют лучшие результаты в освоении фонетики и устной речи. Они с большей уверенностью участвуют в диалогах, используют сложные речевые конструкции и реже совершают ошибки в постановке ударения.

Студенты, использующие цифровые технологии, успешно справляются с письменными заданиями. Они реже допускают орфографические ошибки благодаря функциям автоматической проверки, однако при переводе текстов с русского языка демонстрируют недостаточный уровень стилистической точности, что может быть связано с недостатком живого взаимодействия с преподавателем.

Преподаватели выделяют несколько ключевых проблем цифрового обучения.

Во-первых, недостаток языковой среды. В традиционном формате студенты активно слушают преподавателя, участвуют в обсуждениях, наблюдают за

артикуляцией. В цифровом формате эти элементы ограничены, что приводит к снижению уровня восприятия речи на слух.

Во-вторых, сложности с контролем устных навыков. В аудиторной практике преподаватель сразу корректирует ошибки в произношении, помогает в освоении интонационных моделей. В цифровом формате студенты реже включают микрофоны, что затрудняет процесс исправления ошибок.

Кроме того, снижается уровень мотивации. В традиционном формате преподаватель регулирует темп занятия, вовлекает студентов в обсуждения, а в цифровом обучении многие студенты выполняют задания механически, не вникая в их смысл.

Примером может служить тема «Публичная речь», в рамках которой студенты должны подготовить устное выступление. В традиционной группе студенты уверенно использовали риторические приемы, соблюдали логическую структуру текста. В цифровом формате некоторые студенты читали текст с экрана, избегая зрительного контакта с аудиторией, что снижало выразительность речи.

Обсуждение результатов. Анализ данных показывает, что цифровые технологии эффективны в развитии письменных навыков, но недостаточны для освоения фонетики и устной коммуникации.

Освоение русского языка требует постоянного взаимодействия, а цифровые инструменты не могут полностью воспроизвести языковую среду. Перспективным направлением является гибридный подход, при котором цифровые методы интегрируются в традиционное обучение. Например, можно использовать онлайн-тренажеры для отработки грамматики, но устные упражнения проводить в аудитории.

Для повышения качества цифрового обучения рекомендуется:

1. Включать живые вебинары с обязательным участием студентов в дискуссиях.
2. Использовать интерактивные тренажеры для работы с фонетикой.
3. Внедрять элементы проектной работы для стимулирования активного речевого взаимодействия.

Таким образом, комбинированные методы позволяют минимизировать недостатки цифровых технологий и обеспечивают полноценное формирование языковых компетенций студентов.

Заключение. Результаты исследования показывают, что использование цифровых технологий в обучении русскому языку студентов филологических факультетов имеет как преимущества, так и значительные методологические ограничения. Цифровые платформы и интерактивные обучающие ресурсы позволяют эффективно развивать грамматические и письменные навыки, обеспечивают доступ к разнообразным учебным материалам и автоматизируют проверку заданий. Однако при этом снижается уровень коммуникативной активности, ограничивается языковая среда, а процесс усвоения фонетики затрудняется из-за недостатка живого взаимодействия с преподавателем.

Студенты, обучавшиеся в традиционном формате, демонстрируют более уверенное владение устной речью, точность фонетики и гибкость в использовании языковых конструкций. В цифровом формате студенты чаще прибегают к шаблонным

фразам, испытывают сложности с постановкой ударения и ритмикой речи, а их участие в дискуссиях остается на более пассивном уровне.

Анализ сравнительных данных свидетельствует о необходимости гибридного подхода в обучении. Комбинирование цифровых технологий с традиционными методами преподавания позволяет использовать сильные стороны каждого формата. Для повышения эффективности обучения рекомендуется:

1. Включать живые вебинары с обязательной устной практикой,
2. Разрабатывать интерактивные фонетические тренажеры с автоматической коррекцией,
3. Внедрять смешанные модели обучения, включающие групповые проекты и аудиторные занятия,
4. Усиливать контроль над устной речью путем регулярных индивидуальных консультаций.

Таким образом, цифровые технологии не могут полностью заменить традиционные методы, но при правильном внедрении способны существенно повысить доступность и качество обучения русскому языку.

Список использованной литературы

1. Ахмедова Н.Ш., Юсупов А.Ф. Использование цифровых технологий в преподавании русского языка в высших учебных заведениях Узбекистана // Вестник Ташкентского государственного педагогического университета. 2021. №3. С. 45–53.
2. Джалилова Ш.С. Интерактивные технологии в процессе обучения русскому языку: анализ эффективности // Журнал педагогических исследований. 2020. №5. С. 102–110.
3. Каримов Б.Х. Дистанционные технологии как инструмент обучения языкам в условиях цифровой трансформации // Uzbek Journal of Education. 2022. №1. С. 25–33.
4. Панова Е.П., Саенко Н.Р. Роль цифровых технологий в процессе обучения студентов-иностранцев русскому как иностранному // Сервис Plus. 2020. Т. 14, № 3. С. 94–102.
5. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: Академия, 2009. 272 с.
6. Филимонова Н.Ю., Панова Е.П. Перевод как дополнительная возможность работы с художественным текстом при изучении русского как иностранного // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. №4. С. 132–137.
7. Шадрин Н.В. Электронные образовательные технологии в преподавании русского языка как иностранного // Русский язык за рубежом. 2021. №6. С. 89–96.
8. Иванова А.А., Смирнов П.П. Онлайн-платформы в обучении русскому языку: преимущества и ограничения // Вопросы педагогики. 2022. №2. С. 55–62.
9. Orlova M.A. Using Skype technologies in teaching Russian as a foreign language: problems and prospects // Modern trends for developing science and technologies. 2016. Vol. 7(5). P. 123–125.
10. Semikina Yu. G., Demushina O. N., Semikin D. V. The efficient use of project activities in the context of modern digital educational environment // Advances in Economics, Business and Management Research. 2019. Vol. 81. P. 712–716.

11. Popkova A.O. The use of information technologies in the process of learning Russian as a foreign language // Sustainable Development of Science and Education. 2019. Vol. 6. P. 78–81.
12. Brown J.D. Teaching Pronunciation through Digital Media: A Case Study // Journal of Applied Linguistics and Language Research. 2021. Vol. 8(2). P. 45–60.
13. Smith R., Jones T. The Role of Digital Tools in Second Language Acquisition // International Journal of Language Learning. 2020. Vol. 5(4). P. 88–104.
14. Wang Y., Li X. Online Learning Platforms and Their Impact on Foreign Language Acquisition // Asian Journal of Education and e-Learning. 2022. Vol. 10(1). P. 15–32.
15. Hall T. Digital Pedagogy in Language Teaching: An Analytical Review // European Journal of Education Research. 2023. Vol. 12(3). P. 217–229.

УЧЕБНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОРГАНИЗАЦИИ САМООБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Рахманова Юлдуз Кахрамановна
доцент
Саидова Севара Фахриддин кизи
студентка
НОО Университет экономики и педагогики
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются учебные проекты как форма организации самостоятельной работы, создающая условия для развития навыков самообразования студентов высших образовательных организаций. Раскрываются различия между самостоятельной работой и самообразованием, характеризуются этапы проектной деятельности и функции преподавателя. На материале дисциплины «Язык русских СМИ» описан опыт выполнения группового проекта «Лексика кризисных ситуаций в СМИ» студентами направления бакалавриата «Филология и обучение языкам (русский язык)». Проанализированы содержание проектного задания, способы самостоятельного поиска и систематизации медиатекстов, подготовка тематического мини-словаря, таблиц и презентации. Определены педагогические условия, при которых проектная деятельность способствует формированию исследовательских, информационно-аналитических и рефлексивных умений. Выводы основаны на описании практического опыта и не предполагают количественной оценки эффективности.*

Ключевые слова: *самообразование, самостоятельная работа, учебный проект, проектная деятельность, студенты-филологи, язык СМИ, медиатекст, лексический анализ, мини-словарь.*

Annotatsiya. *Maqolada o‘quv loyihalari oliy ta’lim talabalari mustaqil ishini tashkil etish va mustaqil bilim olish ko‘nikmalarini rivojlantirish vositasi sifatida ko‘rib chiqiladi. Mustaqil ish va mustaqil bilim olish tushunchalarining farqlari, loyiha faoliyati bosqichlari hamda o‘qituvchining vazifalari yoritiladi. «Rus ommaviy axborot vositalari tili» fani*

doirasida «OAVda inqirozli vaziyatlar leksikasi» nomli guruh loyihasini bajarish tajribasi tahlil qilinadi. Filologiya va tillarni o‘qitish (rus tili) yo‘nalishi talabalari tomonidan tayyorlangan mavzuli kichik lug‘at, leksik guruhlar jadvallari va taqdimot ko‘rib chiqiladi. Loyiha faoliyatining axborotni izlash, tahlil qilish, tizimlashtirish va o‘z faoliyatini baholash ko‘nikmalarini shakllantirishdagi imkoniyatlari aniqlanadi.

***Kalit so‘zlar**: mustaqil bilim olish, mustaqil ish, o‘quv loyihasi, loyiha faoliyati, filologiya talabalari, OAV tili, mediamatn, leksik tahlil, kichik lug‘at.*

***Abstract**. The article examines educational projects as a form of organizing independent study that can support university students' self-education skills. It distinguishes assigned independent work from self-directed learning and discusses the stages of project work and the teacher's supporting role. Drawing on the course "Language of Russian Mass Media," the paper describes a group project entitled "Vocabulary of Crisis Situations in the Media" completed by undergraduate students majoring in Philology and Language Teaching (Russian). The analysis focuses on students' selection and examination of media texts and on the outputs they produced: a thematic mini-dictionary, vocabulary classification tables, and a presentation. Pedagogical conditions for developing information-search, analytical, collaborative, and reflective skills are discussed. The conclusions describe the educational potential of the project without claiming experimentally verified effects.*

***Keywords**: self-education, independent study, educational project, project-based learning, philology students, media language, media text, lexical analysis, mini-dictionary.*

Введение. Современное высшее образование ориентировано не только на усвоение предусмотренного учебной программой содержания, но и на развитие способности студента самостоятельно приобретать и обновлять знания. Эта задача особенно актуальна в филологической подготовке: язык изменяется, расширяется круг медиатекстов, появляются новые способы публичной коммуникации. Поэтому будущему специалисту недостаточно владеть определённым объёмом теоретических сведений; необходимо уметь самостоятельно находить языковой материал, выбирать методы его изучения, сопоставлять результаты и делать обоснованные выводы.

В системе вузовского обучения самостоятельная работа включает различные задания: чтение научной литературы, подготовку сообщений, выполнение упражнений, анализ текстов, составление словарей и учебные проекты. Вместе с тем самостоятельная работа и самообразование не являются тождественными понятиями. Первая, как правило, задаётся учебной программой и организуется преподавателем; второе предполагает осознанную познавательную инициативу обучающегося, самостоятельное определение информационных потребностей, выбор способов их удовлетворения и оценку достигнутых результатов. Самостоятельная работа может становиться основой самообразования, если студент не ограничивается формальным выполнением инструкции, а учится управлять собственной учебной деятельностью.

В исследованиях саморегулируемого обучения подчёркивается значение постановки целей, планирования, наблюдения за ходом работы и самооценки [1]. Проектный подход создаёт условия для объединения этих действий вокруг конкретной проблемы и практически значимого результата [2, 3]. Цель настоящей статьи –

раскрыть возможности учебного проекта как составляющей организации самообразования студентов и представить опыт его применения в преподавании дисциплины «Язык русских СМИ». В отечественной педагогической литературе проектный метод рассматривается как организация деятельности, при которой обучающийся решает содержательную задачу и получает конкретный результат [5]. Методика учебного проекта предполагает последовательное прохождение этапов постановки проблемы, планирования, исследования и представления продукта [6, 7].

Материалы и методы. Материалом для рассмотрения послужили методическая разработка группового учебного проекта «Лексика кризисных ситуаций в СМИ» и продукты, представленные студентами направления бакалавриата «Филология и обучение языкам (русский язык)» по дисциплине «Язык русских СМИ»: тематический мини-словарь, таблицы с тематическими группами лексики и мультимедийная презентация. Проект включён в самостоятельную работу студентов наряду с другими видами заданий. Продолжительность его выполнения составляла семь дней, предполагаемый состав группы – четыре-пять человек.

В статье использованы анализ научно-педагогической литературы, описание и методическая интерпретация проектного задания, сопоставление предусмотренных этапов деятельности с умениями, необходимыми для самообразования. Поскольку количественные результаты лексического анализа, индивидуальные отчёты участников и диагностические показатели развития самообразовательных умений не представлены, оценка педагогического эффекта носит качественный, интерпретационный характер.

Результаты и обсуждение. Учебный проект отличается от отдельного упражнения наличием общей проблемы, последовательности взаимосвязанных действий, определённой степени самостоятельности участников и итогового продукта. По мнению С. Белл, проектное обучение предполагает исследовательскую активность, совместную работу и создание результата, отражающего приобретённые знания [3]. Однако наличие презентации само по себе ещё не делает задание проектом: важны самостоятельный поиск решения, обоснование выбора материала и аналитическая работа. Подход Е. С. Полат позволяет рассматривать проект как сочетание самостоятельной познавательной деятельности, сотрудничества и практической направленности [5]. Н. Ю. Пахомова подчёркивает значение организации проектного задания как целостного процесса, а не набора разрозненных упражнений [6].

В проекте «Лексика кризисных ситуаций в СМИ» исследовательская проблема сформулирована как выявление особенностей употребления лексики в медиатекстах о пандемиях, конфликтах, природных и техногенных катастрофах и определение её роли в информировании и воздействии на аудиторию. Студентам предлагалось подобрать публикации, выявить повторяющиеся слова и выражения, классифицировать лексику по тематическим группам, разграничить нейтральные и эмоционально окрашенные единицы, изучить речевые клише и особенности заголовков.

Такая постановка задачи соответствует содержанию дисциплины «Язык русских СМИ», поскольку объединяет изучение лексической системы русского языка с анализом реального медиадискурса. Студент не получает заранее подготовленного списка языковых единиц, а формирует материал наблюдения самостоятельно. При этом принципиально важно учитывать источники публикаций, даты выхода, жанр и характер

описываемого события: без этих сведений частотные наблюдения трудно сопоставлять и проверять.

На подготовительном этапе участники должны были уточнить проблему, определить источники, выбрать публикации и распределить обязанности. С точки зрения самообразования здесь формируются первоначальные навыки планирования и информационного поиска. Преподаватель задаёт направление исследования, но конкретные решения – какие медиатексты включить, как организовать поиск, какие критерии отбора применить – могут приниматься самими студентами. В групповой работе при этом необходимо сохранять индивидуальную ответственность каждого участника.

Следующий этап предусматривал лексический анализ отобранных текстов. Студенты выделяли ключевые и повторяющиеся слова, устойчивые сочетания и клише, соотносили единицы с тематическими группами. В качестве возможных объектов анализа выступают сочетания «чрезвычайная ситуация», «зона бедствия», «меры безопасности», «ликвидация последствий», «число пострадавших», «ситуация находится под контролем». Эти примеры приведены в исходном проектном задании и не должны трактоваться как установленный результат частотного подсчёта студенческой группы.

Для корректного определения частотности важно заранее выбрать единицу подсчёта: словоформу, лексему либо устойчивое словосочетание. Необходимо также фиксировать общий объём исследуемого корпуса и различать абсолютную частоту и относительную частотность. Даже небольшой корпус публикаций позволяет выполнить учебное наблюдение, но не даёт оснований для широких обобщений о языке всех СМИ. Такой методический акцент способствует развитию критического отношения к собственным выводам.

Содержательно значимым является разграничение нейтральной и эмоционально окрашенной лексики. Например, сообщение о последствиях катастрофы может строиться на точных обозначениях фактов, тогда как оценочные слова и экспрессивные заголовки способны усиливать эмоциональное восприятие текста. Однако эмоциональная окраска определяется не только отдельным словом, но и контекстом его употребления. Поэтому при классификации следует учитывать жанр, коммуникативную задачу и окружение языковой единицы.

Итогом выполненного студентами проекта стали тематический мини-словарь, таблицы с тематическими группами слов и презентация. Эти продукты отражают три взаимосвязанные стороны работы. Таблицы позволяют представить результаты отбора и классификации материала; мини-словарь организует сведения о лексических единицах в форме, пригодной для дальнейшего использования; презентация обеспечивает обобщение и публичное представление проделанной работы. Сам факт подготовки указанных материалов подтверждает завершение предусмотренных продуктовых заданий, но не позволяет без дополнительной проверки судить о полноте корпуса, точности подсчётов или уровне самостоятельности каждого участника.

Особую педагогическую ценность имеет создание мини-словаря. В отличие от простого списка слов, словарная статья может включать заголовочную единицу, краткое толкование, тематическую принадлежность, стилистическую характеристику и

пример употребления с указанием источника. Такая работа требует от студента не механического переписывания определений, а выбора существенной информации, сопоставления контекстов и принятия редакторских решений. Мини-словарь может служить учебным ресурсом для последующего анализа медиатекстов.

Проект предполагает и развитие коммуникативных умений. При подготовке презентации участники должны отобрать наиболее показательные наблюдения, представить результаты в логической последовательности и объяснить принципы классификации. Вместе с тем групповая форма работы требует специального внимания к распределению задач: общий продукт не всегда позволяет определить личный вклад каждого студента. Поэтому целесообразно дополнять оценивание продукта краткой индивидуальной рефлексией или отчётом об исполненной части задания.

Соотношение этапов проекта и умений самообразования

Этап проектной деятельности	Умения, развитию которых способствует этап
Выбор источников и медиатекстов	Поиск информации, оценка её релевантности, постановка учебной задачи
Планирование групповой работы	Постановка промежуточных целей, распределение времени и ответственности
Лексический анализ	Наблюдение, сопоставление, классификация, проверка выводов
Составление таблиц и мини-словаря	Систематизация, обобщение, оформление и уточнение знаний
Подготовка презентации	Отбор существенного, аргументация, представление результатов
Анализ выполненной работы	Самоконтроль, обнаружение затруднений, планирование дальнейшего изучения

Представленное соотношение характеризует педагогические возможности проекта, а не измеренные изменения в подготовке конкретных студентов. Для подтверждения устойчивого развития навыков самообразования потребовалось бы сопоставление работ на разных этапах обучения, анализ индивидуальных рефлексивных материалов и применение диагностических критериев.

Эффективность проектной деятельности зависит от методического сопровождения. Чрезмерно подробная инструкция может свести самостоятельность к исполнению заранее заданного алгоритма, тогда как отсутствие ориентиров затрудняет работу, особенно при недостаточном опыте анализа научных и медиатекстов. Поэтому целесообразно сочетать ясные требования к продукту и срокам с возможностью выбора источников, способов классификации и формы представления отдельных результатов. В исследовании Ф. Блуменфельд и соавторов показано, что организация проектной работы требует внимания не только к выполнению действий, но и к поддержанию осмысленного познавательного процесса [4]. В пособии И. С. Сергеева особое внимание уделено планированию проекта, распределению деятельности и организации его завершения [7].

В описанном проекте предусмотрена двадцатибалльная система оценивания: качество материала, правильность анализа, итоговый продукт и презентация — по пять баллов. Такая система делает требования прозрачными. Вместе с тем при ориентации на самообразование полезно отдельно учитывать обоснованность выбора источников, самостоятельность решения возникающих проблем и способность студента объяснить, чему он научился и какие вопросы остались открытыми. Это позволяет оценивать не только результат, но и качество учебного процесса.

Следовательно, учебный проект занимает промежуточное положение между заданной преподавателем самостоятельной работой и более автономным самообразованием. Он сохраняет внешнюю организационную рамку — тему, сроки, критерии, консультации — и одновременно предоставляет пространство для самостоятельного поиска, анализа и оценки информации. Именно постепенное расширение самостоятельности делает проект значимым инструментом подготовки будущего филолога.

Выводы. Учебные проекты представляют собой содержательную составляющую организации самостоятельной работы студентов вуза и обладают потенциалом для формирования навыков самообразования. Их педагогическая значимость определяется не только созданием конечного продукта, но и необходимостью самостоятельно искать информацию, планировать действия, анализировать материал, сопоставлять результаты и оценивать качество выполненной работы.

Опыт выполнения проекта «Лексика кризисных ситуаций в СМИ» в рамках дисциплины «Язык русских СМИ» показывает возможность включения небольшого группового лингвистического исследования в самостоятельную работу студентов-филологов. Представленные студентами мини-словарь, тематические таблицы и презентация демонстрируют практическую направленность задания и возможность преобразования собранного языкового материала в учебный продукт.

Для более последовательного развития самообразовательных умений рекомендуется обеспечивать осмысленный выбор источников, прозрачность исследовательских процедур, индивидуальную ответственность участников и рефлексию по итогам работы. Дальнейшее изучение эффективности подобных проектов может быть связано с анализом индивидуальных образовательных достижений и динамики самостоятельности студентов.

Список использованной литературы

[1] Zimmerman B. J. Becoming a Self-Regulated Learner: An Overview // Theory Into Practice. 2002. Vol. 41, No. 2. P. 64–70. DOI: 10.1207/s15430421tip4102_2.

[2] Thomas J. W. A Review of Research on Project-Based Learning. San Rafael, CA: Autodesk Foundation, 2000.

[3] Bell S. Project-Based Learning for the 21st Century: Skills for the Future // The Clearing House. 2010. Vol. 83, No. 2. P. 39–43. DOI: 10.1080/00098650903505415.

[4] Blumenfeld P. C., Soloway E., Marx R. W., Krajcik J. S., Guzdial M., Palincsar A. Motivating Project-Based Learning: Sustaining the Doing, Supporting the Learning //

Educational Psychologist. 1991. Vol. 26, No. 3–4. P. 369–398. DOI: 10.1080/00461520.1991.9653139.

[5] Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учебное пособие / Е. С. Полат и др.; под ред. Е. С. Полат. — 4-е изд., стер. — М.: Академия, 2009. — 269 с.

[6] Пахомова Н. Ю. Метод учебного проекта в образовательном учреждении: пособие для учителей и студентов педагогических вузов. — М.: АРКТИ, 2005. — 112 с.

[7] Сергеев И. С. Как организовать проектную деятельность учащихся: практическое пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: АРКТИ, 2005. — 80 с.

[8] Рахманова Ю.К. Задачи, способы и средства научно–творческой и самостоятельной работы студентов // Международный научный журнал «Наука без границ», № 4 (32), 2019. Российская Федерация, г. Москва, РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, сс.103-107.

[9] Rakhmanova Y.K. Formation of independent thinking skills in youth is a current task of education and upbringing // Journal INX - A Multidisciplinary Peer Reviewed Journal. India. June, 2022.

[10] Ходиев Б.Ю., Голиш Л.В., Хашимова Д.П. Способы и средства самостоятельной учебной деятельности. – Ташкент: ТГЭУ, 2010. – с.41-52.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИГР, ИГР-УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИНТЕРЕСА УЧАЩИХСЯ

Саидова Зухра Худайназаровна
старший преподаватель
Каршинский государственный университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются игры, развивающие интересы учащихся к урокам русского языка. Игры вносят разнообразие в повседневную учебную деятельность, способствуя развитию интереса не только к игре, но и к самому учебному предмету. В игровой деятельности педагог побуждает ребенка к диалогу, направляет свои усилия на создание атмосферы доверия и взаимопонимания; содействует самовыражению.*

Ключевые слова*: воображение, эффективный метод, игровая ситуация, занимательность, забава, духовный, физический.*

Annotatsiya.*Ushbu maqolada rus tili darslarida o'quvchilarning qiziqishlarini rivojlantiruvchi o'yinlar ko'rib chiqiladi. O‘yinlar kundalik o‘quv faoliyatiga rang-baranglik qo‘shib, nafaqat o‘yinga, balki fanning o‘ziga ham qiziqish uyg‘otadi. O'yinlar orqali o'qituvchilar muloqotni rag'batlantiradilar, ishonch va o'zaro tushunish muhitini yaratishga, o'z-o'zini ifoda etishga yordam beradilar.*

Kalit so‘zlar: *tasavvur, effektiv metod, uyinli xolat, mashgullik, kizikish, ma’naviy, jismoniy.*

Abstract. *This article examines games that develop students' interests in Russian language lessons. Games add variety to everyday learning activities, fostering interest not only in the game but also in the subject itself. Through games, teachers encourage dialogue, focusing on creating an atmosphere of trust and mutual understanding, and fostering self-expression.*

Keywords: *imagination, effect method, situation of plays, study, interest, spirity, physical.*

Приоритетом современного образования становится обучение, ориентированное на самосовершенствование и самореализацию личности. Перед современной школой стоит задача развить инициативу, самостоятельность, творческий потенциал учащихся. В начальной школе происходит смена ведущей деятельности ребёнка от игровой к учебной.

Игра-это естественная форма обучения для ребёнка. Она-часть его жизненного опыта. Передавая знания посредством игры, учитель не только удовлетворяет сегодняшние, но и учитывает будущие интересы школьника. Если учитель использует на своих уроках игру, то он организует учебную деятельность исходя из естественных потребностей ребёнка.

Что может быть интересней для ребёнка, чем игра?! Педагог, как волшебник, используя игровые технологии, способен превратить самый обыденный учебный процесс в незабываемое действие. Важную роль играет разумно подобранный материал, который соответствует возрастным особенностям ребенка.

Игровая форма занятий создается на уроках при помощи игровых приемов и ситуаций, которые должны выступать как средство побуждения, стимулирования учащихся к учебной деятельности. Реализация игровых приемов и ситуаций при урочной форме занятий проходит по таким основным направлениям:

1. дидактическая цель ставится перед учащимися в форме игровой задачи;
2. учебная деятельность подчиняется правилам игры;
3. учебный материал используется в качестве её средства;
4. в учебную деятельность вводятся соревнования, которые способствуют переходу дидактических задач в разряд игровых;
5. успешное выполнение дидактического задания связывается с игровым результатом.

Требования к играм в образовании, обеспечивающие привлекательность игр:

1. Игровая оболочка: должен быть задан игровой сюжет, мотивирующий всех учеников на достижение игровых целей.
2. Включенность каждого: команды в целом и каждого игрока лично.
3. Возможность действия для каждого ученика.
4. Результат игры должен быть различен в зависимости от усилий играющих; должен быть риск неудачи.
5. Игровые задания должны быть подобраны так, чтобы их выполнение было связано с определенными сложностями. С другой стороны, задания должны быть доступны каждому, поэтому необходимо учитывать уровень участников игры и задания подбирать от легких (для отработки учебного навыка) до тех, выполнение которых требует значительных усилий (формирование новых знаний и умений).

6. Вариативность – в игре не должно быть единственно возможного пути достижения

В игровой деятельности педагог побуждает ребенка к диалогу, направляет свои усилия на создание атмосферы доверия и взаимопонимания; содействует самовыражению. Не случайно в учебно-познавательной деятельности игре, как методу отдается предпочтение.

Педагогические игры - достаточно обширная группа методов и приемов организации педагогического процесса. Основное отличие педагогической игры от игры вообще состоит в том, что она обладает существенным признаком – четко поставленной целью обучения и соответствующим ей педагогическим результатом.

Бесспорна необходимость игр в процессе учебной деятельности: « Без игры ребенок не может нормально расти и развиваться так же, как и нормальный взрослый человек не может существовать без труда. Игра для ребенка не забава, а естественное превращение духовных и физических сил в действия, в вещи.

Что же привлекает педагогику в игре? Какие качества игры являются дидактически ценными? Игра способствует усвоению знаний не по необходимости, а по желанию самих учащихся и проходит не формально, а заинтересованно. Так как учеба часто строится на принуждении, игра воспринимается особенно радостно, а радость в свою очередь стимулирует расположение к учебному предмету, повышает интерес к нему. Игра вносит разнообразие в повседневную учебную деятельности, способствуя развитию интереса не только к игре, но и к самому учебному предмету. Игра дает возможность учащимся оценить себя на фоне других учеников. Умение же оценивать себя правильно – это важная способность человека, помогающая ему в жизни: недооценка своих способностей мешает человеку быть инициативным, решительным, энергичным игра выдвигает и новый критерий оценки. Ведь победителем чаще всего бывает не тот, кто больше знает, а тот, у кого к тому же развито воображение, кто умеет наблюдать, быстрее и точнее реагировать в игровой ситуации. Разумнее всего использовать игры в конце урока, когда работоспособность учащихся падает, внимание начинает рассеиваться и нужен более эффективный метод, способный мобилизовать умственные способности школьников.

Игры должны возбуждать дух соревнования и не приучать учащихся к механической работе. Для этого полезно чередовать легкие грамматические операции с более трудными, ставить детей перед орфографическими и пунктуационными трудностями, учитывая при этом типичные ошибки учащихся на данные правила. Перед проведением игры, учитель должен четко и ясно рассказать об условиях игры, о порядке её проведения. Задание должно быть также разъяснено на примере (дается образец выполнения). Игры можно проводить в устной и письменной форме. Устные формы игры являются более экономичными по времени. Они обычно предшествуют письменным работам учащихся, предупреждая ошибки. Устные игры-упражнения целесообразны и в том случае, когда на уроке уже было много письменных упражнений и внимание к ним ослабло. Учитель должен иметь в своем распоряжении большое количество грамматических игр, чтобы выбрать для данного урока наиболее подходящую и интересную.

Роль практического овладения правилами грамматики в воспитании интереса учащихся к урокам русского языка имеет немаловажное значение. В современной

школе использование старых методов и методик уже исчерпало свой потенциал. Именно поэтому мы попытались наиболее общо, компактно представить принципиально новый комплекс заданий, который включает в себя нестандартные задания, игровые формы уроков, занимательный элемент.

Развитие у школьников интереса к русскому языку как учебному предмету не проходит прямолинейно. Вычлененные этапы определяют характер интереса в период его становления. Несомненно, учитель, воспитывая у детей интерес к своему предмету, должен опираться вначале не только на занимательность, но и на силу своего убеждения, на практическое значение знаний по русскому языку.

Игра, наряду с трудом и учением, есть один из основных видов деятельности человека, удивительный феномен человеческого существования.

По определению, игра-это вид деятельности в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором складывается и совершенствуется самоуправление поведением.

В человеческой практике игра выполняет следующие функции:

- развлекательная;
- коммуникативная;
- игротерапевтическая;
- диагностическая;
- коррекция в игре;
- межнациональной коммуникации;
- социализации;
- развивающая;
- творческая;
- эмоциональная.

В современной школе, делающей ставку на активизацию и интенсификацию учебного процесса, игровая деятельность используется в следующих случаях: в качестве самостоятельной технологии для усвоения понятия, темы и даже раздела учебного предмета; в качестве элементов более обширной технологии; в качестве урока или его части; в качестве технологий внеклассной работы.

В отличии от игр вообще педагогическая игра обладает существенным признаком – наличием чётко поставленной цели обучения – соответствующего педагогического результата, которая обоснована, выделена в явном виде и характеризуется учебно- познавательной направленностью.

Реализация игровых приёмов и ситуаций при урочной форме занятий происходит по следующим основным направлениям: дидактическая цель ставится перед учащимися в форме дидактической задачи; учебная деятельность учащихся подчиняется правилам игры; учебный материал используется в качестве средства игры; в учебную деятельность вводится элемент соревнования, который переводит дидактическую задачу в игровую; успешность выполнения дидактического задания связывается с игровым результатом.

Каждая игра представляет собой набор задач. Задачи имеют широкий диапазон трудностей. Постепенное возрастание трудности задач в играх позволяет ребёнку идти

вперёд и совершенствоваться самостоятельно, т. е. развивать свои творческие способности.

Список использованной литературы

1. Арсирий А.Т.. Дмитриева Г.М. Занимательная грамматика русского языка. – М., 1997.
2.Волина В.В. Веселая грамматика. Имя числительное. – М., 2001.
3. Воспитание интереса к урокам русского языка у учащихся 5-8 классов. / Под ред. М.Т. Баранова. – М., 1965.
4. Никифорова Н. А., Волкова О. Д., Муравьёв Е. М. «Новые педагогические технологии». Тверь 1998.

РАЗВИТИЕ ИНТЕРЕСА У УЧАЩИХСЯ К ИЗУЧЕНИЮ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Чориева Барно Бахтиер кизи
магистрант Бухарского филиала АМУ
Бухара, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается интерес учащихся к изучению числительных, которые имеют свою специфику, свои особенности. Изучение числительных в школе имеет свою специфику, свои особенности. Имена числительные отличаются многообразием типов словоизменения, поэтому большую часть учебного времени обычно занимает работа, связанная с усвоением норм склонения.*

Ключевые слова*: употребление числительных, специфика, особенность, познать изучаемое, стимулирует увлечение, эмоциональное воздействие.*

Annotatsiya. *Ushbu maqola talabalarning o'ziga xos xususiyatlarga ega bo'lgan raqamlarni o'rganishga bo'lgan qiziqishini o'rganadi. Maktabda raqamlarni o'rganish o'ziga xos xususiyatlarga va o'ziga xos xususiyatlarga ega. Raqamlar turli xil burilishlar bilan tavsiflanadi, shuning uchun sinf vaqtining ko'p qismi odatda tuslanish normalarini o'zlashtirishga bag'ishlangan.*

Kalit so‘zlar: *raqamlarning qo‘llanilishi, o‘ziga xoslik, xususiyat, o‘rganilayotgan materialni anglashi, qizikish hosil qilishi, ta’sir etishi.*

Abstract. *This article examines students' interest in learning numerals, which have their own specific characteristics. The study of numerals in school has its own specifics and peculiarities. Numerals are characterized by a wide variety of inflections, so much of the classroom time is usually devoted to mastering declension norms.*

Keywords: *use of numerals, specificity, peculiarity, to understand what is being studied, stimulates passion, emotional impact.*

Опираясь на интерес, проявляемый детьми к урокам русского языка, учитель успешнее решает учебные цели, добиваясь высоких результатов обучения за более короткое время. Роль интереса в повышении эффективности обучения отмечалась методистами с давних пор (Ф.И. Буслаев, И.И. Срезневский, К.Д. Ушинский, В.П. Шереметевский, А.Д. Алферов и др.). На роль интереса в работе по языку обратил внимание и Ф.Ф. Фортунатов. Он писал: "...необходимо вести преподавание русской грамматики в этих школах так, чтобы учащиеся находили практическое применение получаемых сведений", поскольку "чисто теоретического интереса к изучению грамматических явлений русского языка нельзя, понятно, ждать". В методике преподавания русского языка развитию интереса придавалось очень большое значение (К. Б. Бархин, А.В. Миртов, В.А. Добромыслов, Е.И. Кореневский и др.). Под интересом понимается такое эмоциональное отношение учащихся к предмету, которое вызывает у них желание познать изучаемое и стимулирует увлечение этим предметом. Внешне это отношение выражается в пытливости, в любознательности учащихся, в их внимании и активности на уроке. Однако сама по себе активность (усиление темпа урока, разнообразие приемов обучения), которую учителя пытаются разными приемами развить у детей безотносительно к интересу, не может вызвать желания овладеть предметом.

У каждого из этапов развития интереса есть свои положительные и отрицательные стороны. Занимательность оказывает сильное эмоциональное воздействие на детей (красочное оформление урока, интересные примеры и т.п.). Однако все это действует кратковременно и только при том условии, если формы занимательности постоянно меняются и органически связаны с изучаемым в данный момент материалом. Практически они в короткое время исчерпываются.

Слово учителя, если при этом авторитет учителя высок и между ним и детьми имеется контакт, действует глубже и значительно дольше. Однако влияние слова учителя сказывается на поддержании интереса до известного предела. Детям нужно показывать практическое значение изучаемого предмета. Осознание практической потребности знаний по русскому языку, несомненно, будет мощным стимулом в учении.

Поддержанию и развитию интереса способствует создание элемента новизны на уроке как в области содержания обучения (новые сведения о языке и дидактический материал), так и в методах. Решение данного вопроса является одной из первоочередных исследовательских задач.

Не меньшее значение в создании условий для развития интереса у школьников имеет такая организация занятий, при которой учащимся приходится преодолевать ряд трудностей. Так, изучив качественные и относительные прилагательные, можно предложить детям дать классификацию слов, среди которых будут и притяжательные прилагательные. Столкнувшись с ними, учащиеся заинтересуются их природой. Это позволит учителю естественно перейти к новому материалу.

Развитию интереса способствует такая организация занятий, при которой детям приходится использовать свои жизненные наблюдения. Так, перед изучением правила различения на письме приставок пре- и при- целесообразно предложить детям подобрать свои примеры на каждое из их значений. Такой путь подведения к

существенным особенностям нового материала убедит детей в практической значимости нового материала.

Существенное значение в развитии интереса приобретает обеспечение преемственности и перспективности в работе над теми или иными темами курса русского языка. Привлечение ранее усвоенных знаний, опора на них при овладении новым материалом вызывают у школьников интерес к занятиям языком. Понимая, что имеющиеся у них знания, умения и навыки нужны на каждом следующем этапе учения, школьники с увлечением знакомятся и с элементами новых языковых явлений, которые они будут изучать позднее. Такая организация занятий создает у детей уверенность в необходимости пополнения своих знаний.

Ощутимое воздействие на детей оказывает использование различных средств обучения, в том числе технических, которые их увлекают, создавая разнообразие в проведении урока.

Любознательное, пытливое отношение школьников к урокам русского языка вызывает содержание дидактического материала (например, рассказы о происхождении слов, о богатстве словарного запаса, о происхождении алфавита, орфографии и пунктуации, об изменениях в языке и т.д.). Исторические справки, которыми учитель время от времени оживляет урок, несомненно, способствуют формированию у школьников интереса к русскому языку. Надо постоянно помнить, что от характера подбора слов, предложений, связных текстов зависит не только воспитание нравственных качеств учащихся, но и развитие их интереса к предмету.

Известно, что учащиеся одни виды работ выполняют с удовольствием, другие - без всякого интереса, поэтому необходимо предоставить детям возможность выбора упражнений, а также чередовать упражнения, чтобы среди них были и те, которые их увлекают.

Изучение числительных в школе имеет свою специфику, свои особенности. Эти особенности связаны как с характером самого предмета изучения числительных русского языка, так и с употреблением числительных в различных типах русской речи.

Нередко можно встретиться с недооценкой темы “Имя числительное” в практике школы. При анализе самостоятельных работ семиклассников, было выявлено, что больше половины всех ошибок было сделано при склонении имен числительных, неправильности употребления их форм. Следует отметить, что не только школьники делают ошибки. Так же, очень часто, мы слышим некорректное употребление форм числительных в речи дикторов телевидения, политиков и многих других людей.

Некоторые учителя ссылаются на малое употребление имен числительных в речи. Малоупотребительность числительных относительна в том отношении, что при сравнительной редкости в художественной литературе они очень и очень употребительны в деловой речи, а грамматически правильно соединить числительное и существительное подчас не просто.

Присутствуя на уроках математики, физики, химии, т.е. тех уроках, которые непосредственно связаны с цифрами, слышишь, порой, какие грубые речевые ошибки при прочтении цифр допускают дети (а часто и педагоги!). эти ошибки остаются незамеченными и не исправляются учителем. Да и на других уроках, в

повседневной жизни слышишь порой: “ обои девочки”, “трое подружек”, “на первом ряду”, “ …растение испаряет…около восемьсот граммов воды” и т.п.

В основе устойчивого интереса лежит осознание важности объекта и нужности. В преподавании русского языка это значит, что подлинный интерес учащихся может вызвать только такой материал, который воспринимается ими как необходимый для их жизненной практики.

Цель изучения настоящей темы: правильно писать и произносить имена числительные, т.е. соблюдать орфографические и орфоэпические нормы русского языка.

Задачи.

1) Обучающая.

Знать:

основные понятия об имени числительном;

какими они бывают по строению и разряды числительных;

случаи употребления ь в числительных;

особенности склонения отдельных числительных.

Уметь:

применять основные понятия об имени числительном при морфологическом разборе, отличать числительные от других частей речи; определять разряд числительных и их тип по строению; правильно употреблять ь в числительных (устно и письменно); правильно писать окончания числительных, различая особенности их склонения, произносить числительные.

2) Развивающая. Развить творческие способности учащихся: быстроту реакции, ассоциативность мышления, речь, зрительную память (задания см. в конспекте уроков).

3) Воспитательная. Воспитывать уважение и любовь к родному языку даже при изучении столь сложной темы – и в числах можно услышать музыку (при желании, конечно)!

Виды уроков и используемые формы:

урок-объяснение;

урок-закрепление (склонение числительных);

орфографический практикум; обобщающий урок;

проверочные работы в виде цифрового диктанта, теста, так называемых «пятиминуток» (как повторение числительных в теме «Наречие»);

устное коллективное комментирование склонений числительных;

зачетный урок по теме, контрольный диктант.

Виды контроля:

цифровой диктант (теория);

рабочие и контрольный диктант по теме;

словарные диктанты;

тест «Имя числительное»;

«пятиминутки» (работа в начале урока, рассчитанная на 5–7 минут и посвященная склонению числительных) – в теме «Наречие» как повторение.

Система работ над ошибками:

на уроке (типичные ошибки, обнаруженные в домашних работах);
во время самоподготовок во 2-й половине дня;
индивидуальная работа (если ребенок совсем не усвоил материал).

Имена числительные отличаются многообразием типов словоизменения, поэтому большую часть учебного времени обычно занимает работа, связанная с усвоением норм склонения. Если учитель не позаботится о том, чтобы школьники поняли необходимость и важность такой работы, то она не достигнет цели. Чтобы показать учащимся, что числительные – это не просто словесное выражение скучных арифметических значков, а очень важный грамматический разряд, на первом же уроке по теме можно провести небольшую беседу о роли числительных в нашей жизни.

Список использованной литературы

1. Волина В.В. Веселая грамматика. Имя числительное. – М., 2001.
2. Воспитание интереса к урокам русского языка у учащихся 5-8 классов. / Под ред. М.Т. Баранова. – М., 1965.
3. Гостева Ю.М., Шибаева Л.А. Числительные на уроке. // Русский язык в школе. – 1993. -№ 5-6
4. Еськова И.А. Имя числительное. // «Русский язык» (прилож. к газ. «Первое сентября»). – 1999 – № 3.

ПРИМЕНЕНИЕ ЗАНИМАТЕЛЬНЫХ ИГР НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Набиева Дилшода Ураковна
старший преподаватель кафедры русского языка и литературы
Шахрисабзский государственный педагогический институт
Узбекистан

Аннотация. *:В статье рассматривается применение занимательных игр на уроках русского языка в современной образовательной системе. Особое внимание уделяется игровым технологиям как эффективному средству развития коммуникативной компетенции, повышения познавательной активности и формирования устойчивого интереса учащихся к изучению русского языка. Раскрываются методические возможности дидактических, лексических, грамматических и коммуникативных игр. Обосновывается значение игровых методов в организации интерактивного обучения, развитии самостоятельности учащихся и совершенствовании навыков устной и письменной речи.*

Ключевые слова: *занимательные игры, русский язык, игровая технология, интерактивное обучение, коммуникативная компетенция, познавательная активность, образовательный процесс, речевое развитие.*

Annotatsiya. *Maqolada zamonaviy ta'lim tizimida rus tili darslarida qiziqarli o'yinlardan foydalanish masalasi yoritilgan. O'yin texnologiyalarining o'quvchilarning kommunikativ kompetensiyasini rivojlantirish, bilish faolligini oshirish va ta'limga bo'lgan barqaror qiziqishini shakllantirishdagi o'rni ochib berilgan. Shuningdek, leksik, grammatik, rolli va interaktiv o'yinlarning turlari hamda ularni o'quv jarayonida samarali qo'llashning metodik shartlari ko'rib chiqilgan.*

Kalit so'zlar: *qiziqarli o'yinlar, rus tili, o'yin texnologiyalari, interaktiv ta'lim, kommunikativ kompetensiya, bilish faolligi, nutqni rivojlantirish, ta'lim jarayoni.*

Abstract. *This thesis examines the use of educational games in Russian language lessons within the modern education system. It highlights the role of game-based learning in developing students' communicative competence, increasing cognitive engagement, and fostering sustained learning motivation. Particular attention is paid to lexical, grammatical, role-playing, and interactive games, as well as the methodological conditions necessary for their effective implementation in the learning process.*

Keywords: *educational games, Russian language, game-based learning, interactive education, communicative competence, cognitive engagement, speech development, educational process.*

В современной образовательной системе важнейшей задачей преподавания русского языка является формирование языковой, речевой и коммуникативной компетенций учащихся. Для достижения этой цели необходимо использовать такие методы обучения, которые обеспечивают активное участие обучающихся в учебном процессе, развивают их самостоятельность и способствуют практическому применению полученных знаний.

Одним из эффективных средств решения данной задачи является применение занимательных игр на уроках русского языка. Игровая деятельность создаёт благоприятные условия для усвоения лексического и грамматического материала, способствует развитию логического мышления, памяти, внимания и творческих способностей учащихся.

Актуальность темы обусловлена необходимостью совершенствования традиционных методов преподавания русского языка посредством интерактивных технологий. Использование занимательных игр позволяет превратить процесс обучения в активную познавательную деятельность, в которой учащиеся не только усваивают языковые правила, но и учатся применять их в реальных речевых ситуациях.

Занимательная игра представляет собой специально организованную учебную деятельность, основанную на игровых правилах, познавательных задачах и взаимодействии участников. В отличие от простого развлечения, дидактическая игра имеет конкретную образовательную цель и направлена на достижение определённых учебных результатов.

В процессе преподавания русского языка игровые методы выполняют несколько важных функций: образовательную, развивающую, коммуникативную, мотивационную и воспитательную. Они помогают учащимся преодолевать трудности в изучении

грамматики, расширять словарный запас, совершенствовать произношение и развивать навыки связной речи.

1. Основные виды занимательных игр на уроках русского языка

Лексические игры направлены на расширение словарного запаса и формирование навыков правильного употребления слов.

Например, в игре «Найди лишнее слово» учащимся предлагается ряд слов: *яблоко, груша, слива, стол*. Необходимо определить лишнее слово и объяснить свой выбор. Такая игра развивает логическое мышление, активизирует словарный запас и формирует умение классифицировать языковые единицы.

В игре «Цепочка слов» каждый участник называет слово, начинающееся с последней буквы предыдущего слова: *книга — автобус — самолёт — тетрадь*. Игра способствует быстрому воспроизведению слов и развитию языковой реакции.

Грамматические игры помогают закрепить знания о частях речи, грамматических категориях и синтаксических конструкциях.

Например, игра «Исправь ошибку» предполагает работу с предложениями, содержащими грамматические ошибки: «Моя брат учится в школе». Учащиеся должны исправить предложение: «Мой брат учится в школе» — и объяснить причину изменения формы местоимения.

В игре «Составь предложение» учащимся предлагаются отдельные слова: *студенты, библиотеке, в, читают, книги*. Задача состоит в том, чтобы составить правильное предложение: «Студенты читают книги в библиотеке». Усложнённый вариант предполагает составление нескольких предложений с изменением порядка слов.

Коммуникативные игры развивают навыки устной речи, диалогического взаимодействия и речевого этикета.

Например, ролевая игра «В магазине» предполагает распределение ролей продавца и покупателя. Учащиеся используют речевые конструкции: «Здравствуйте!», «Сколько стоит этот товар?», «Пожалуйста, покажите…», «Спасибо за покупку!».

Такая деятельность помогает применять изученные слова и выражения в ситуациях, приближённых к реальному общению.

2. Применение занимательных игр в интерактивном обучении

Интерактивная образовательная система предполагает активное взаимодействие преподавателя и учащихся, сотрудничество между обучающимися и совместное решение учебных задач. В этих условиях занимательные игры приобретают особое значение, поскольку позволяют объединить индивидуальную, парную и групповую работу.

Например, игра «Лингвистическая эстафета» организуется в форме командного соревнования. Каждая команда получает задания на определение частей речи, подбор синонимов, образование форм слов и составление предложений. За правильность и обоснованность ответов начисляются баллы.

Игра «Словесный детектив» предполагает поиск языковых ошибок в небольшом тексте. Учащиеся работают в группах, определяют нарушения языковых норм, предлагают исправления и объясняют свои решения. Данный метод способствует развитию аналитического мышления и формированию навыков языкового анализа.

В современной образовательной практике игровые задания также могут использоваться с применением цифровых платформ, интерактивных презентаций, электронных викторин и онлайн-тестов. Это позволяет организовать оперативную обратную связь, повысить наглядность учебного материала и учитывать индивидуальный темп обучения.

3. Методические условия эффективности занимательных игр

Эффективность игровых технологий зависит от правильной организации учебной деятельности. Преподавателю необходимо учитывать возрастные особенности учащихся, уровень владения русским языком, содержание изучаемой темы и образовательные цели занятия.

При организации игры целесообразно соблюдать следующие условия:

1. Чётко определять учебную цель игры и ожидаемый результат.
2. Объяснять правила и критерии оценивания до начала игровой деятельности.
3. Подбирать задания с учётом уровня языковой подготовки учащихся.
4. Обеспечивать участие каждого обучающегося, а не только наиболее активных участников.
5. Сочетать индивидуальную, парную и групповую работу.
6. Анализировать допущенные ошибки и закреплять правильные языковые модели.
7. Подводить итоги игры, предоставлять обратную связь и оценивать достигнутые результаты.

Особенно важно, чтобы игровая деятельность не подменяла собой изучение учебного материала. Каждая игра должна быть связана с конкретной темой урока и способствовать достижению запланированных результатов.

4. Пример использования занимательной игры на уроке русского языка

Тема урока: «Имя прилагательное».

Цель: закрепить знания об имени прилагательном и научить учащихся согласовывать прилагательные с существительными в роде и числе.

Название игры: «Подбери точное слово».

Ход игры: преподаватель предлагает существительные: *лес, река, солнце, цветы*. Учащиеся должны подобрать к каждому существительному подходящие прилагательные: *густой лес, широкая река, яркое солнце, красивые цветы*.

На следующем этапе учащиеся составляют предложения с полученными словосочетаниями. Например: «За деревней начинается густой лес». Затем они объясняют, почему прилагательное изменяет свою форму в зависимости от существительного.

Ожидаемый результат: учащиеся закрепляют грамматические знания, расширяют словарный запас, учатся строить словосочетания и предложения, развивают устную речь.

Таким образом, занимательная игра обеспечивает переход от механического запоминания правил к осознанному использованию языковых средств в речевой практике.

Применение занимательных игр на уроках русского языка является эффективным средством совершенствования современного образовательного процесса.

Игровые технологии способствуют повышению мотивации учащихся, активизации познавательной деятельности, развитию коммуникативных навыков и формированию устойчивого интереса к изучению языка.

Использование лексических, грамматических, ролевых и интеллектуальных игр позволяет организовать обучение на основе активного взаимодействия, сотрудничества и самостоятельного поиска решений. При этом важнейшим условием эффективности является методически обоснованный выбор игровых заданий в соответствии с целями урока и уровнем подготовки учащихся.

Следовательно, систематическое и целенаправленное применение занимательных игр способствует повышению качества обучения русскому языку и созданию благоприятной образовательной среды, ориентированной на развитие личности учащегося и его коммуникативных возможностей.

Список использованной литературы

1. Выготский Л. С. Игра и её роль в психическом развитии ребёнка. — Москва.
2. Эльконин Д. Б. Психология игры. — Москва: Педагогика.
3. Пассов Е. И. Урок иностранного языка. — Ростов-на-Дону: Феникс.
4. Щукин А. Н. Методика преподавания иностранных языков: теория и практика. — Москва: Филоматис.
5. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии. — Москва: Народное образование.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ярматова Мехринисо Азаматовна
Старший преподаватель кафедры узбекского языка и литературы
Каршинский государственный технический университет
Карши, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается взаимосвязь языка и культуры в процессе преподавания русского языка. Раскрывается роль культурного компонента в формировании коммуникативной компетенции обучающихся, анализируются методы ознакомления студентов с национально-культурными особенностями русского языка и речевого поведения. Особое внимание уделяется использованию пословиц, фразеологизмов, художественных текстов и речевых ситуаций в образовательном процессе. Обосновывается необходимость интеграции языкового и культурного содержания для повышения эффективности обучения русскому языку в многонациональной аудитории.*

Ключевые слова: *русский язык, культура, взаимосвязь языка и культуры, межкультурная коммуникация, коммуникативная компетенция, национально-культурные особенности, методика преподавания, речевой этикет.*

Annotatsiya. *Ushbu maqola rus tilini o‘qitishda til va madaniyat o‘rtasidagi bog‘liqlikni o‘rganadi. Unda talabalarning kommunikativ kompetentsiyasini rivojlantirishda*

madaniy komponentning roli o‘rganiladi va talabalarni rus tilining milliy va madaniy xususiyatlari va nutq xatti-harakatlari bilan tanishtirish usullari tahlil qilinadi. Ta’lim jarayonida maqollar, frazeologik birliklar, badiiy matnlar va nutq vaziyatlaridan foydalanishga alohida e’tibor qaratiladi. Ko‘p millatli auditoriyada rus tilini o‘qitish samaradorligini oshirish uchun lingvistik va madaniy kontentni integratsiyalash zarurati asoslanadi.

Kalit so‘zlar: *rus tili, madaniyati, til va madaniyat o‘rtasidagi bog'liqlik, madaniyatlararo muloqot, kommunikativ kompetentsiya, milliy va madaniy xususiyatlar, o‘qitish usullari, nutq odob-axloqi.*

Annotation. *The article examines the relationship between language and culture in the process of teaching Russian. It reveals the role of the cultural component in developing students' communicative competence and analyzes methods of introducing students to the national and cultural features of the Russian language and speech behavior. Particular attention is paid to the use of proverbs, phraseological units, literary texts, and speech situations in the educational process. The article substantiates the need to integrate linguistic and cultural content in order to improve the effectiveness of teaching Russian in a multinational audience.*

Keywords*: Russian language, culture, interrelation of language and culture, intercultural communication, communicative competence, national and cultural features, teaching methodology, speech etiquette.*

Язык и культура представляют собой тесно взаимосвязанные явления, которые отражают исторический опыт, мировоззрение, традиции и духовные ценности народа. Язык является не только средством общения, но и важнейшим способом сохранения и передачи культурного наследия от поколения к поколению. Через язык человек познаёт окружающий мир, усваивает нормы поведения, знакомится с историей и традициями своего народа и других народов.

В современном образовании изучение русского языка предполагает не только овладение грамматическими правилами, лексикой и нормами произношения, но и знакомство с культурными особенностями русскоязычного общения. Владение языком становится более эффективным, если обучающийся понимает культурный контекст слов, выражений и речевых ситуаций.

Особую актуальность данная проблема приобретает в поликультурной образовательной среде, где русский язык изучают представители различных национальностей. В таких условиях преподаватель должен учитывать языковой и культурный опыт студентов, помогать им понимать особенности межкультурного общения и формировать уважительное отношение к культурному многообразию.

Язык и культура находятся в постоянном взаимодействии. Маслова считает, что культура связана с языком, он развивается в культуре и выражает её [1]. Важно отметить, что лингвокультурология взаимодействует с культурологией, межкультурной коммуникацией, когнитивной лингвистикой и другими науками [2].

С одной стороны, культура влияет на развитие языка, его лексику, устойчивые выражения и особенности речевого поведения. С другой стороны, язык служит

средством выражения и передачи культурных ценностей, традиций и исторической памяти.

В лексике каждого языка закреплены представления народа об окружающем мире, природе, семье, труде, нравственных ценностях и общественных отношениях. Например, русские слова «самовар», «изба», «каравай», «хоровод» связаны с историей и традициями русского народа. Их значение включает не только предметное содержание, но и определённые культурные ассоциации. В русском языке слово «дядя» обозначает и брата отца, и брата матери. В узбекском языке эти родственники называются по-разному: amaki (брат отца) и tog‘a (брат матери). Также различаются amma (сестра отца) и xola (сестра матери). Кроме того, узбекский язык различает старших и младших братьев и сестёр: aka и uka, opa и singil, тогда как в русском есть только «брат» и «сестра». Узбекское hashar означает совместный труд всей махалли или семьи для общего дела, например строительство дома. В русской традиции близкое понятие «помочь», но слово сегодня почти вышло из употребления.

В русском языке много слов для снега и зимних явлений: метель, пурга, позёмка, сугроб, наст. Это связано с климатом. В узбекском языке развита лексика, связанная с земледелием, водой и садоводством: ariq, dehqon, hosil.

Особенно ярко культурная специфика языка проявляется во фразеологизмах и пословицах. Например, выражение «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда» передаёт идею ценности труда через образ рыбной ловли, характерный для бытового опыта русского народа. В узбекском языке сходную мысль выражает пословица «Mehnat, mehnatning tagi — rohat», где акцент сделан на нравственной стороне труда. Таким образом, при совпадении смысла образные средства различаются, что отражает особенности культуры и мировосприятия каждого народа.

Подобные языковые единицы позволяют обучающимся увидеть, как в языке отражаются жизненный опыт, ценности и представления народа. При этом важно учитывать, что культурные значения не всегда являются универсальными: одинаковые слова и выражения в разных культурах могут вызывать различные ассоциации. Например: белый цвет в русской и европейской культурах ассоциируется с чистотой, невинностью, свадьбой (белое платье невесты). В китайской, японской и ряде других восточных культур белый традиционно связан с трауром и похоронами. Собака в русской культуре «друг человека», символ верности. В исламской традиции собака часто считается нечистым животным, а в некоторых языках слово «собака» используется как оскорбление. Число 13 в русской и западной культурах считается несчастливым («чёртова дюжина»).

На занятиях русского языка можно предложить обучающимся сопоставить слова-символы родного и изучаемого языка (например: «белый», «сова», «число 13») и обсудить, где ассоциации совпадают, а где различаются. Так они лучше поймут, что за языковой единицей стоит культурный опыт народа, и избегут ошибок в межкультурном общении.

В современной методике преподавания русского языка культурный компонент рассматривается как важная часть содержания обучения. Он помогает связать языковые знания с реальными ситуациями общения и формирует способность использовать языковые средства с учётом культурных норм.

Культурный компонент включает несколько направлений.

Лингвокультурологическое направление предполагает изучение слов, выражений и языковых конструкций, отражающих национальные традиции и особенности мировосприятия. Воробьёв отмечает, что «лингвокультурология — это аспект языкознания, изучающий проблему отражения национальной культуры в языке; раздел семасиологии» [3].

Страноведческое направление знакомит студентов с географией, историей, литературой, праздниками, обычаями и культурными памятниками России.

Коммуникативно-культурное направление ориентировано на освоение норм речевого этикета, форм обращения, способов выражения благодарности, просьбы, согласия и несогласия.

Сравнительно-культурное направление предусматривает сопоставление культурных явлений и речевых норм русского языка с аналогичными явлениями в родных языках студентов.

Например, при изучении темы «Речевой этикет» преподаватель может предложить студентам сравнить способы приветствия и обращения к старшим в русской и узбекской культурах. В ходе обсуждения обучающиеся выявляют сходства и различия, учатся объяснять культурные особенности и выбирать подходящие речевые формулы в конкретной ситуации.

Такой подход не только расширяет словарный запас, но и способствует развитию межкультурной компетенции.

Эффективность преподавания русского языка во многом зависит от правильного выбора методов и учебных материалов. Культурное содержание целесообразно включать в занятия систематически, связывая его с изучаемой лексикой, грамматикой и видами речевой деятельности.

Одним из эффективных методов является работа с пословицами и поговорками.

Пословицы изучаются в первую очередь как средство для познания национального мира народов, так как именно они носят в себе культурологическую информацию и выражают национальный характер народа. Пословицы изучались как в монолингвальном, так и в сопоставительном планах в трудах таких учёных, как В. И. Даль, Г. Л. Пермяков, В. П. Жуков, Е. В. Иванова, В. Мидер, А. Дандес, М. И. Дубровин, М. Джусупов, Т. Мирзаев [4] и др.

Студенты объясняют значение выражений, подбирают ситуации их употребления и находят сходные по смыслу пословицы в родном языке. Например, русская пословица «Семь раз отмерь, один раз отрежь» [5] и узбекская «Yetti o‘lchab, bir kes» [6] — почти полные эквиваленты: совпадают образ, числа и смысл. Такое сходство можно объяснить общностью жизненного опыта: ремесло и шитьё важны и в русской, и в узбекской культуре, либо заимствованием через долгие культурные контакты. Вопрос о происхождении можно предложить студентам для обсуждения.

В русской пословице «Хлеб да соль» отражён ритуал: хлеб и соль традиционно подносили дорогим гостям. В узбекской «Mehmon otangdan ulug‘» гость стоит выше даже отца, что показывает особую роль гостеприимства в узбекской культуре. Образы разные, но ценность общая. Различается степень её выражения.

Другой метод — анализ художественных текстов. Рассказы, отрывки из произведений русских писателей и стихотворения помогают раскрыть особенности национальной картины мира, познакомить студентов с культурными реалиями и развить навыки чтения и интерпретации текста.

Ролевые игры позволяют моделировать реальные ситуации общения: знакомство, посещение библиотеки, обращение к преподавателю, участие в официальном мероприятии или деловая беседа. В ходе выполнения заданий студенты осваивают речевые формулы и учатся учитывать социальные условия общения.

Сравнительно-сопоставительный метод предполагает анализ языковых и культурных явлений в русском языке и родном языке обучающихся. Он особенно полезен при объяснении устойчивых выражений, форм вежливости и грамматических конструкций, не имеющих прямых соответствий в другом языке.

Проектная деятельность также способствует интеграции языка и культуры. Студенты могут подготовить презентации на темы «Традиции русского народа», «Праздники народов Узбекистана», «Национальная кухня», «Пословицы о труде в разных культурах» или «Русские писатели и их произведения».

Использование разнообразных методов позволяет сделать учебный процесс более содержательным, развивает самостоятельность студентов и повышает их интерес к изучению русского языка.

Одной из важнейших целей преподавания русского языка является формирование межкультурной коммуникативной компетенции. Она предполагает способность понимать собеседника, правильно интерпретировать его высказывания, выбирать подходящие языковые средства и учитывать культурные нормы общения.

Для развития межкультурной компетенции рекомендуется использовать следующие виды работы:

анализ диалогов и коммуникативных ситуаций;

обсуждение культурных сходств и различий;

составление диалогов с использованием форм речевого этикета;

интерпретация пословиц, поговорок и фразеологизмов;

подготовка сообщений о традициях и обычаях разных народов;

выполнение проектов, направленных на изучение языкового и культурного наследия.

В многонациональной аудитории важно организовать работу таким образом, чтобы культурный опыт каждого студента рассматривался как образовательный ресурс. Сопоставление различных традиций способствует развитию толерантности, взаимопонимания и уважения к представителям других культур.

При этом задача преподавателя заключается не в формировании стереотипных представлений о народах, а в развитии способности понимать культурные различия, видеть индивидуальность человека и успешно взаимодействовать в разнообразных социальных ситуациях.

Преподаватель русского языка играет важную роль в организации культурно ориентированного обучения. Он определяет содержание учебного материала, выбирает методы работы и создаёт условия для активного взаимодействия студентов.

Для эффективной интеграции языка и культуры преподавателю необходимо учитывать уровень владения русским языком, возраст, образовательные потребности и культурный опыт обучающихся. Учебные материалы должны соответствовать уровню подготовки студентов, быть содержательными и понятными.

При объяснении культурных реалий следует избегать избыточно сложных исторических сведений и предлагать задания, которые позволяют использовать новую информацию в речи. Например, после чтения текста о народном празднике студенты могут составить краткий пересказ, подготовить вопросы, описать традиции своей семьи или сравнить особенности празднования в разных культурах.

Важным условием является создание доброжелательной атмосферы, в которой обучающиеся могут свободно выражать мнение, задавать вопросы и делиться опытом. Уважительное отношение к родным языкам студентов способствует укреплению мотивации и формированию положительного отношения к изучению русского языка.

Оценивание результатов обучения должно учитывать не только языковую правильность, но и умение понимать культурный контекст, использовать речевой этикет и участвовать в межкультурном диалоге.

Таким образом, взаимосвязь языка и культуры является одним из важнейших оснований современного преподавания русского языка. Язык отражает исторический опыт, традиции и ценности народа, а культура помогает раскрыть смысл языковых единиц и особенности их употребления в конкретных ситуациях общения. Изучение языка в культурном контексте способствует более глубокому пониманию его лексического состава и коммуникативных возможностей.

Интеграция культурного материала в образовательный процесс способствует расширению словарного запаса, развитию коммуникативных навыков и формированию межкультурной компетенции обучающихся. Использование пословиц, фразеологизмов, художественных текстов, ролевых игр, проектов и сравнительно-сопоставительных заданий делает обучение более практико-ориентированным и содержательным.

В поликультурной образовательной среде особенно важно сочетать изучение русской культуры с уважительным отношением к культурному наследию других народов. Такой подход помогает формировать открытость к диалогу, способность понимать культурные различия и готовность к конструктивному взаимодействию.

Следовательно, преподавание русского языка должно рассматриваться не только как процесс усвоения языковой системы, но и как средство культурного познания, личностного развития и укрепления межкультурного сотрудничества.

Список использованной литературы:

1. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 3-е изд., испр. – М.: Академия, 2007. – 202 с.
2. 5. Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов. 2006. 112 с. жащиеся в лексикографических источниках, а также русских и узбекских паремиях — пословицах и поговорках.

3.Воробьев В.В. Общее и специфическое в лингвострановедении и лингвокультуроведении [Текст] // Слово и текст в диалоге культур. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2000. – 243 с.
4.Даль В.И. Пословицы русского народа. В 3т. – М.:Русская книга,1996.– 2080 с.
5.*Даль В. И.* Пословицы русского народа. В 2-х т. Т. l. — М.: Художественная литература, 1989.
6. https://maqollar.uz/cards/8208
7. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. — М.: Русский язык, 1990. (4-е изд. — 1990; первое вышло в 1973 г. под названием «Язык и культура».)
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2000.
9. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. — М.: Просвещение, 1991. (2-е изд.; первое — 1985.)
10. Щукин А. Н. Методика преподавания иностранных языков: теория и практика. — М.: Филоматис, 2006.
11. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: Академия, 2001.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОЙ РЕЧИ НА ПРАКТИЧЕСКОМ КУРСЕ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Турсахатов Эркин Элмуродович
преподаватель КаршиГУ
Карши, Узбекистан

Аннотация. *Статья посвящена методическим приемам обучения с помощью художественной литературы. Основное внимание уделяется жанрам художественной литературы как средствам создания внешних условий для внутренних действий. При этом, приемы обучения рассматриваются как опоры для понимания сути и смысла изучаемого материала.*

Ключевые слова: метод, прием, средство, обучение, жанр, опора, адекватность, речевая деятельность, текст, материал, трансформация, развитие, сцена, драма, механизм, информация.

Annotatsiya. *Maqola badiiy adabiyot vositasida o‘qitishning metodik usullariga bag‘ishlangan. Asosiy e’tibor badiiy adabiyot janrlariga ichki aqliy harakatlar uchun tashqi sharoit yaratish vositasi sifatida qaratilgan. Bunda o‘qitish usullari o‘rganilayotgan materialning mohiyati va ma’nosini anglashga yordam beruvchi tayanchlar sifatida ko‘rib chiqiladi.*

Kalit so‘zlar: *metod, usul, vosita, o‘qitish, janr, tayanch, muvofiqlik, nutqiy faoliyat, matn, material, transformatsiya, rivojlanish, sahna, drama, mexanizm, axborot.*

Abstract. *The article explores methodological techniques for teaching through literature. Particular attention is paid to literary genres as a means of creating external conditions for internal mental actions. Teaching techniques are considered scaffolds that support understanding of the essence and meaning of the material being studied.*

Keywords: *method, technique, tool, teaching, genre, scaffold, adequacy, speech activity, text, material, transformation, development, scene, drama, mechanism, information.*

Методический прием обучения с помощью жанров художественной литературы - это совокупная система внешних условий и средств в обучении русскому языку студентов – узбеков. Он предопределяет различное протекание для развития каждого из видов речевой деятельности внутренних механизмов, то есть адекватность внешних условий каждому из механизмов речи.

Выявление трудностей восприятия исходного текста художественного произведения, определение различных опор для преодоления трудностей понимания – это та основа, которая способствует наилучшей реализации процесса обучения.

Ввиду того, что чтение художественных произведений происходит при взаимодействии механизмов чтения, то применение методических приемов находится в прямой зависимости от способа предъявления информации.

Таким образом, отбор предложенных нами методических приемов осмысления и запоминания художественного произведения исходит из трудностей чтения и практических требований обучения с помощью жанров художественного произведения:

- методический прием смыслового ориентирования особенностям жанров художественного произведения;

- методический прием смыслового ориентирования на смысловые опоры текстов художественного произведения;

- методический прием самостоятельного ориентирования и трансформации текстов сценической речи;

- методический прием смыслового ориентирования на драматическое произведение на сцене и экране.

Степень эффективности используемых в обучении приемов применительно к чтению выявляется на основе говорения с учетом понимания сюжетной линии, смыслового и эстетического восприятия темы, идеи и замыслов автора произведения. Говорению как продуктивному виду речевой деятельности отводится особое место ввиду того, что полнота прочитанного текста достигается при высказывании и эмоционально-экспрессивным контекстом в субъективных текстах, как при раскрытии темы, так и при оформлении идейного содержания лирики.

Эмоционально-чувственное восприятие лирического стихотворения решает несколько методических приемов:

- эмоционально воздействующий материал реализуется в разных образцах;

- разные образцы получают новое лексическое наполнение.

Эта система способствует усвоению основных речевых клише, значительно усиливает внутренний перевод при оформлении мысли □1; с. 3□.

Эмоционально-экспрессивный материал, представленный как прием обучения в зависимости от этапа и цели обучения, выполняет разные функции:

- имитация образной речи, суть которого прослушивание и воспроизведение вслед за преподавателем грамматико-интонационного образа, перенос интонации по аналогии, тренировка с воздействием на студента;

- приемы подстановки, вычленение и замены отдельных слов, словосочетаний из речевого образца и отдельных предложений из реального контекста стихотворения, что предполагает:

- замену отдельных компонентов речевого образца;

- замену словосочетаний речевого образца;

- завершение предложения;

- расширение предложения.

а) метод трансформации продолжает работу по структурному варьированию речевых образцов, экспрессию и повторению их лексических компонентов.

Задания на трансформацию простого высказывания содержит:

- замену прямой речи косвенной, или наоборот, косвенной речи – прямой;

- формулировку вопросов к содержанию стихотворения;

- трансформацию фраз на заданную ситуацию.

Основная цель этих приемов работы на материале лирики – осознание и автоматизация навыков и умений эмоционально-экспрессивной речи. Интонация, темп,

тембр эмоционально - экспрессивной речи выполняет функцию смысловых опор для студентов, демонстрируя различные условия общения.

Методические приемы: имитация, отсроченное воспроизведение речевого образца, затвердевание и генерализация речевых образцов сменяется коммуникативными заданиями ввиду того, что после актуального осознания языковых структур необходимо отвлечь внимание студентов от оформления высказывания, переключить его на содержание. Этому этапу соответствует ситуативное высказывание, представляющее обучение активному владению языком в естественной, реальной речевой ситуации общения.

Итак, приемы работы на этом этапе содержат материал, представляющий:

а) анализ речевого ряда ситуации лирического стихотворения.

Студентам предлагается прослушать отрывок ситуации лирического стихотворения, вычленить из него простые высказывания, определить их значение, раскрыть общий смысл высказывания. При этом, в отличие традиционных форм работы предлагается разнообразить приемы работы привлечением форм беседы, дискуссии, обсуждения и аргументирования семантических полей стихотворения.

Особо следует подчеркнуть прием перевода стихотворения. Общеизвестно, что единицей перевода является смысловой отрезок предложения. Но в применении перевода как средства обучения языку надо будет руководствоваться принципом дифференциации:

- для осознания слов, выражений, схем компонентов предикаций в простом предложении, на начальном этапе обучения языку, используется прием адекватного перевода;

- на уровне ситуативного высказывания употребляется перевод ситуации естественного содержания, цель которого – выявление степени понимания студентом смысла содержания применительно к ситуации общения, а также обучение умению переводить стихотворение с русского на узбекский и с узбекского на русский. Соответственно. Эти приемы включают:

- перевод с вычленением простого высказывания;

- перевод целого ситуативного текста.

Ситуативное высказывание, будучи более сложным явлением, по сравнению с простым высказыванием, использует имевшие место в прошлом стереотипно грамматические ассоциации. Оно модифицируется вследствие наложения внешних и внутренних усилий студента, создания новых вариантов, которые, закрепившись, входят в их индивидуальный речевой опыт.

Следующий этап обучения связан с тематическим уровнем высказывания, в котором не говорится о правилах построения высказывания, не предлагается прием обработки грамматических категорий по их использованию при непосредственном восприятии предметов, процессов и их изображений, формирует практические языковые навыки.

Ввиду того, что в лирике воздействие через слово и образ, то это единство используется не только как объект обучения, но и как смысловая опора. При обучении пониманию лирики используются все средства, которые можно использовать для адекватного понимания мысли и чувств автора.

При этом мы считаем, что при оформлении смыслового содержания стихотворения отводится лингвистическим смысловым опорам, которые отражают стержневые факты изучаемого материала. Главные смысловые опоры в лирике оформляются с помощью логических ударений, соответствующей интонации. В структуре стихотворения также могут быть использованы формальные опоры: вводные слова, повторы, перифраз, риторические вопросы и т. д. характерные для лирического стихотворения.

Для понимания сути стихотворения используются дополнительные лингвистические опоры, находящиеся вне текста. Это составление плана к тексту стихотворения, составление вопросов ко всему тексту, к отдельной смысловой части, к отдельному высказыванию, нахождению ориентировочных слов и словосочетаний, схем компонентов предикаций. Цель этих приемов – оформить навыки и умения разделения стихотворения на отдельные части и на их основе формировать навыки и умения нахождения схем компонентов предикаций, составляющих наиболее существенные факторы, несущую основную идею и раскрывающих тему лирического стихотворения.

Все эти приемы обучения можно перенести на работу с эпическими жанрами художественной литературы. Только в отличие от лирики в эпических произведениях работа над лексико-грамматическим материалом предоставляет большую возможность по формированию навыков и умений отделения главного и второстепенного в рассказе, повести и романе. Анализ эпического произведения требует установки, где критериями отбора должны быть актуальность, значимость, достоверность по формированию творческой активности. Используются следующие приемы, развивающие творческое воображение:

- воспроизвести основное содержание произведения;
- восстановить рассказ по ключевым словам;
- восстановить рассказ по смысловым вехам;
-передать содержание повести в краткой форме;
-передать содержание повести подробно;
-обсудить содержание романа;
-написать изложение по повести:
-написать сочинение по роману;
- сопоставить сочинения студентов;
- провести диспут по творчеству писателя;
- провести вечер, посвященный творчеству писателя.

Использование эффективных методов и приемов на практикуме по литературе объективная необходимость. Наряду с традиционными методами и приемами обучения в дифференцированном обучении для формирования интереса к учебе, усиления эффективного взаимоотношения преподавателя со студентом предлагается формирование инновационных взглядов по расширению мировоззренческих взглядов студентов, находчивости, чувство нового, выбор оптимальных решений. Такие свойства присуще личности с научным мировоззрением. Формирование мировоззрения одна из составных частей нашей системы. Для достижения этой цели надо искать новые методы и приемы обучения, обратить внимание на средства повышения

эффективности обучения, привлекать в обучении разные структуры обучения. Так, чтобы сформировать навыки и умения диалогической речи целесообразно использовать материал драматических произведений. Этот материал может представить структуры с помощью которых сценическая речь используется как прием обучения и как образец обучения общению на русском языке. Прием ориентации на предметно – изобразительную и паралингвистическую наглядность по динамике сюжета представляет смысловые ориентиры для понимания основного содержания спектакля. Лингвистическая работа по текстуальному содержанию может быть осуществлена и на письменном варианте спектакля. Смысловые опоры в лингвистическом материале прорабатываются в тексте спектакля как поготовка к просмотру спектакля или ее экранизации.

Дифференциальное обучение по жанрам художественной литературы, будучи самым хорошим методом обучения, помогает студенту в личном развитии и этим подтверждает значение и цели образования. Основная задача дифференцированного обучения – раскрытие индивида, помочь ему показать себя, ориентировка социальному воздействию на обучение и обогащение структурно–системной особенностью живого русского языка. Двойная дифференциация в учебном процессе на разных этапах обучения означает, что все студенты по программе должны усвоить максимальное количество знаний, навыков и практической квалификации пользуясь жанровой спецификой художественной литературы.

Список использованной литературы:

1. Скалкин В.Л., Рубинштейн Г.А. Речевая ситуация как средство развития неподготовленной речи // Иностранные языки в школе - 1986. - №4. - С.-3-9.
2. Текучев А. В. Очерки по методике обучения русскому языку. - М.: Педагогика, 1990. - 232 с.
3. Шанский Н.М., Бакеева Н.З. Русский язык в национальной школе: Проблемы лингводидактики. – М.: Педагогика, 1977, - 248с.

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ

Жовлиева Диана Абдусамад кизи
магистрант
Шахрисабзский государственный
педагогический институт
Узбекистан

Аннотация. *В статье говорится о формирование коммуникативной речи, которое происходит из понимания сущности коммуникативного процесса. Дело в том, что развитие коммуникативной речи студента определяется социокультурными способностями носителей русского языка.*

Ключевые слова: *интерактивные методы, коммуникация, деятельность, социокультурные способности, компетенция, коммуникативная деятельность.*

Annotatsiya. *Kommunikativ nutqning rivojlanishi kommunikativ jarayon mohiyatini anglashga asoslanadi. Xususan, talabaning kommunikativ nutqi rus tilida so‘zlashuvchilarning sotsiomadaniy imkoniyatlari ta’sirida shakllanadi.*

Kalit so‘zlar: *interfaol usullar, muloqot, faoliyat, sotsiomadaniy imkoniyatlar, kompetensiya, kommunikativ faoliyat.*

Abstract. *The development of communicative speech stems from an understanding of the essence of the communicative process. Specifically, the development of a student's communicative speech is determined by the sociocultural capabilities of native Russian speakers.*

Keywords: *interactive methods, communication, activity, sociocultural capabilities, mpetence, communicative activity.*

Каждый студент, желающий говорить по-русски и желающий говорить, должен правильно согласовать свою лингвокоммуникативную мотивацию и быть готовым к общению на уровне реальной речевой ситуации.

Рисунок 1. Интерактивные формы обучения.

Для проведения данного этапа исследовательской работы мы использовали различные методы, а именно наблюдение, анкетирование, сравнительный анализ полученных результатов, экспертные оценки и рейтинговые методы. Мы провели опрос, чтобы выяснить мотивы изучения русского языка. По данным опросам, они считают необходимым знание своим студентам русского языка на основе предложений и выводов о технологиях развития коммуникативной речи, понимания, усвоения и творческого использования знаний, а также направления обучающихся к иерархии культурных ценностей посредством энтузиазма и активности. 52% студентов ответили, что хотели бы использовать русский язык в своей образовательной деятельности, 28% не ощущали в этом практической необходимости, а 20% с трудом представляли, как использовать русский язык в своей сфере.

Анализ показывает, что у студентов на начальном этапе обучения русскому языку в высшем педагогическом образовании преобладают особые мотивационные чувства, раскрывающие уровень педагогического отношения к изучаемому языку. В первую очередь важны актуальные познавательные способности в приобретении знаний, искусство риторической речи, традиции и кризис средств массовой информации и культурной критики, развитие коммуникативных способностей. Мотивационные процессы развиваются в зависимости от уровня сформированности коммуникативной речи студентов применительно к русскому языку и специальности.

Формирование речевой деятельности как подготовка студентов к профессиональной деятельности по специальности включает создание модели речевых компетенций, облегчающей общение со своими клиентами. Оно формируется в ходе взаимодействия студентов в процессе психологической жизни. Проблема коммуникативно-речевой деятельности объясняется научно-методическими аспектами общей теории деятельности.

По мнению педагога Б. Г. Ананьева, деятельность определяется как форма активного целенаправленного взаимодействия обучающегося с внешним миром и является источником развития личности, она является результатом такой важной деятельности, как познание и труд, основанный на общении, осмыслении знаний, усвоении и творческой переработке, а также ориентации на иерархию культурных ценностей посредством эмоциональной мотивации к энтузиазму и активности. Исходя из значимости данных видов деятельности в формировании коммуникативных умений молодых специалистов, следует отметить, что педагогический процесс представляет собой образовательную среду, созданную на основе необходимых в профессиональной деятельности основ коммуникативной речи, особенностей многофакторной интегративной единицы, целефазовых и оперативно-структурных функций, иноязычного коммуникативного прагматизма, адекватного наполнения лингвометодической подготовки материалами зрительного поля.

Опыт показывает, что коммуникативная речь позволяет выявить различные проблемы, с которыми мы сталкиваемся в нашей педагогической деятельности. Это связано с использованием устных и письменных средств общения на разных языках для решения своих задач в определенных жизненных ситуациях. Эффективность коммуникатора во многом зависит от умения выбирать и использовать разные стили и

жанры, подходящие для решения коммуникативных задач. Это помогает выразить свою точку зрения на содержание этикета.

Коммуникативная – это форма деятельности, приводящая к возникновению психологического коммуникатива, который проявляется в обмене новой информацией, взаимодействии и понимании, осуществляемом среди студентов как равноправных партнеров. Нередко в процессе обучения и развития речевой деятельности понимают, что на профессоров-лингвистов и преподавателей ложится основная нагрузка по формированию всей системы речевых умений. Поэтому невозможно свести речевую деятельность к лингвистике только на основе предложений и выводов о технологиях развития коммуникативной речи, понимания, усвоения и творческого использования знаний, ориентации студентов на иерархию культурных ценностей посредством эмоциональной мотивации к увлечению и активности. Изучение слова, тренировка чуткости речи – основная задача преподавателя любого предмета, поскольку слово – это инструмент глубокого и тонкого процесса понимания и выражения знаний любого студента. Развитие речи, работа над культурой речи является важнейшей педагогической задачей в процессе преподавания всех предметов, и особенно психологического направления.

Использование речевой деятельности как педагогической ценности в учебном процессе необходимо каждому педагогу, поскольку развитие познавательной деятельности и общения связано с развитием речевой деятельности, они взаимообусловлены. Многое зависит от понимания преподавателем задач организации речевой деятельности как себя, так и своих студентов в совершенствовании учебного процесса, воспитании общей культуры студента и формировании его личности.

Каждый студент должен рассматривать организацию речевой деятельности в учебном процессе как одну из основных задач развития своей прямой коммуникативной речи. В этом процессе можно достичь эффективности педагогических возможностей развития у студентов коммуникативной речи, познавательных способностей, искусства риторической речи, традиций и кризиса средств массовой информации и культурологии, коммуникативных и межличностных коммуникативных принципов путем применения личностного подхода. Как и в любой деятельности, в коммуникативном процессе должны быть те, кто эту деятельность осуществляет - коммуникативные субъекты. Коммуникативный продукт, результат – это знания, психологическое образование, созданное в результате коммуникативной деятельности. Поэтому преподаватели следят за требованиями в формировании речевой активности и коммуникативной компетентности студентов.

В процессе обучения студентов, совершенствования речевых навыков речевая деятельность выступает как средство многогранного выражения идей, мыслей, чувств, эмоций, отношений, воздействия на окружающих, изменения своих мотивов и действий. Требования к речи на практических занятиях, в учебном процессе, при общении в повседневной жизни представлены как коммуникативная норма, которую необходимо соблюдать. Организуя самостоятельную работу студентов, мы добиваемся формирования их субъектной позиции.

Список использованной литературы

1.Бордовская Н. В. Гуманитарные технологии в образовательной практике средней школы: теория и методика проектирования: Дарклик. - СПб.: РГПУ им. А. И. Герсен, 2007. - 384.
2.Васюра В. А. Коммуникативная деятельность студента: понятие, источники, формы проявления, условия реализации / Вестник Вятского государственного высшего образования. - 2016. – № 15. – С. 82-86.
3.Шнайдер Н. В. Активные и интерактивные методы обучения: Методическое пособие. – Екатеринбург: УрГУ, 2011. – 156.
4.Ветошкина Т. А, Шнайдер Н. В. Активные и интерактивные методы обучения: Методическое пособие. – Екатеринбург: УрГУ, 2011. – 156.
5.Владимиров А. И. Об инновационной деятельности высшей школы. – М.: Издательство «Недра», 2012. 72.
6.Возмилкина Е. Н. Формы интерактивного образования в системе высшего образования: М- // Новая наука: стратегии и векторы развития. – 2016. – № 118-3. - С. 106-108.

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ ИНТЕРАКТИВНЫМИ МЕТОДАМИ

Искандарова Сабрина
магистрант
Шахрисабзский государственный
педагогический институт
Узбекистан

Аннотация. *В статье говорится о современном образовании, направленном на выявление понятий коммуникативной речи в интерактивной образовательной среде и совершенствование учебных компетенций.*

Ключевые слова: *коммуникативная речь, интерактивный метод, лингвистика, компетентность, исследование, факт.*

Annotatsiya. *Maqolada zamonaviy ta'limda interaktiv ta'lim muhitida kommunikativ nutq tushunchalarini aniqlash va ta'limiy kompetensiyalarni rivojlantirishga qaratilgan ishlar tahlil etiladi.*

Kalit so'zlar: *kommunikativ nutq, interaktiv usul, lingvistika, kompetensiya, tadqiqot, fakt.*

Abstract. *The article discusses modern education, focusing on identifying concepts of communicative speech within an interactive educational environment and enhancing academic competencies.*

Keywords: *communicative speech, interactive method, linguistics, competence, research, fact.*

Объективная необходимость современного общества состоит в поиске оптимальных методов организации учебно-педагогического процесса, разумных вариантов содержания образования и его структуры, и важно, чтобы в высшем учебном заведении апробировались различные образовательные стратегии. Чем больше альтернативных методических решений, тем эффективнее поиск новых способов преподавания науки.При этом центральными проблемами реструктуризации преподавания русского языка в высшем учебном заведении являются вопросы определения образовательных целей и адекватного им содержания. С одной стороны, цель определяется объективными потребностями большинства, представляет его социальный заказ, а с другой стороны, она определяет всю систему образования и определяет содержание организации. Такое внимание к усилению аспектов коммуникативной речи в интерактивной образовательной среде проявляется в изменении образовательных целей и содержания образования. Речь идет не только о знании языка, но и о умении использовать его в реальном общении, практическом овладении языком и, как следствие, создается пространство для развития коммуникативной речи. Вышеизложенное позволяет подчеркнуть наличие в современной теории и практике противоречий между: с одной стороны, объективным ростом стремлений, предъявляемых обществом к решению проблемы коммуникативно-речевого развития студентов, недостаточными теоретическими и практическими знаниями, а с другой стороны, готовностью к принципам, содержанию, формам и методам коммуникативного обучения русскому языку; определено образовательный потенциал интерактивных технологий в развитии коммуникативной речи студентов и их недостаточное использование в системе высшего образования.

Идея исследования заключается в том, что процесс развития коммуникативной речи студентов в интерактивной образовательной среде в системе высшего образования будет эффективным в следующих случаях: выявление интерактивных методов обучения русскому языку, в основе которых лежит интерактивная концепция взаимодействия преподавателя и студента; форма диалога или беседы, направляющая студента на развитие их интеллектуальных и коммуникативных способностей, дальнейшее саморазвитие, образование, на основе предложений и выводов по развитию речевых умений, основанных на комплексе дидактических, психологических и методических процессов, технологий развития коммуникативной речи студентов, понимания, усвоения и творческого использования знаний, а также ориентации на иерархию культурных ценностей посредством эмоциональной мотивации к увлечению и деятельности, русскому языку. обеспечение коммуникативно-речевой направленности обучения; направлена на разработку модели развития коммуникативной речи студента, подготовки грамотного специалиста высшей школы с учетом принципов личностно-ориентированного образования, соответствия критериям культурной ценности профессиональной подготовки. Слово метод означает путь. Образовательный метод – это совокупность организованных методов, которые преподаватель регулярно использует со студентами, что позволяет студентам развивать их умственные способности и интересы, использовать их на практике при приобретении знаний и умений, а также организовывать взаимодействие студентов.

При этом увеличиваются знания студента, развивается его личность, повышается продуктивность учебного процесса.

Известно, что для хорошего обучения недостаточно просто слушать и записывать, а активно работать над этим материалом и обсуждать его. В настоящее время одной из главных задач нас, педагогов, является развитие у студентов навыков самостоятельной работы. При использовании интерактивных методов обучения все психические процессы обучающегося, включая восприятие, внимание, память, интуицию, интеллект, воображение и мышление, направляются на поиск, поиск и развитие своей мысли с целью решения поставленной задачи. В этом случае потребность в усвоении материала возрастает, а результат оказывается эффективным. Интерактивные методы обучения предназначены для углубления, расширения, уточнения, закрепления и развития лекционных знаний в ходе практических занятий.

Развитие коммуникативной речи студентов высшем учебном заведении в процессе обучения в интерактивной образовательной среде является четкой целью. При этом развитие коммуникативной речи студентов является одним из инструментов речевой деятельности и способствует ее развитию. В рамках исследования была разработана модель коммуникативного речевого развития студентов. При разработке этой модели мы руководствовались теорией педагогического планирования и моделирования задач. Согласно современным представлениям, педагогическая система и образовательный процесс в высшей школе представляют собой сложную многоуровневую структуру; обеспечить коммуникативно-речевую направленность учебного процесса для развития коммуникативных навыков на основе полного комплекса дидактических, психологических и методических процессов; разработка модели развития коммуникативной речи русскоязычных студентов с учетом принципов личностно-ориентированного образования признана соответствующей критериям культурной ценности профессиональной подготовки специалиста.

Основной целью учебного процесса в интерактивной образовательной среде является развитие коммуникативной речи студентов высшем учебном заведении. Согласно концепции развития высшего образования, подготовка зрелых кадров рассматривается как основа образовательной деятельности. В то же время оно является одним из средств развития коммуникативной речи студента и помогает ему свободно вступить в профессиональную деятельность.Структура модели развития коммуникативной речи студентов в процессе изучения русского языка в интерактивной образовательной среде была разделена на следующие компоненты: предметный, концептуальный, содержательный, процессуально-методический и результативные блоки.

Целевой аспект. Основная цель образования – участие в коммуникативном процессе. В настоящее время целью изучения русского языка является знакомство с другой культурой и участие в общении культур. Данная цель достигается посредством формирования навыков межкультурного общения.

Отмеченные компоненты коммуникативной речи студентов-русистов влияют на выполнение этих функций. Выделенные функции разделим на две группы: целевые и оперативно-структурные. Для успешной реализации выбранных педагогических функций должны существовать соответствующая система и необходимый объем

знаний, основанных на общепедагогических и методических навыках, то есть технологий развития коммуникативной речи студентов, понимания, усвоения и творческого использования знаний, ориентации студентов на иерархию культурных ценностей посредством эмоциональной стимуляции энтузиазма и активности. К функциям относятся: воспитательная функция, развивающая педагогическая функция. К оперативно-структурным функциям относятся: гностическая функция, конструктивно-планирующая функция, организационная функция, функция межкультурного коммуникативного организатора и функция контроля.

Список использованной литературы

1.Выготский. О. Познавательная деятельность студента, виды ее формирования, формы, методы – Казань: Центр инновационных технологий, 2012. – 608.
2.Джалилова Д. С. Развитие коммуникативной речи учащихся в интерактивной образовательной среде и описание ее особенностей. - статья журнала «Научный информационный бюллетень НамГУ-2022-3-выпуск-543-546».
3.Интерактивный метод профессора-преподавателя на занятиях по русскому языку как способ повышения познавательной активности студентов. http://библиотека. ru
4.Петрухин В. И. - Интерактивные методы обучения и развитие ими познавательной активности студентов при изучении науки. // научный метод. конференция - Курск: КГША, 2014. - С. 184-185.
5.Лихачев В. Т. Педагогика: цикл лекций. Укув кулланма для студентов-преподавателей ИРК и ФРК, учебных заведений и слушателей. Москва-Юрайт-М-2007-45.
6.Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка.Москва: наука. - 2004. -78.

КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ ИНКЛЮЗИВНЫХ МАГИСТРАНТОВ

Мардонова Азиза Ихтиёровна
магистрант
Шахрисабзский государственный педагогический институт
Шахрисябз, Узбекистан

Аннотация. *В данной статье рассматривается вопрос применения компетентностной модели в лингвистическом образовании инклюзивных магистрантов. В современной системе высшего образования особое значение приобретает развитие инклюзивного образования и создание равных образовательных возможностей для всех магистрантов. В связи с этим использование компетентностной модели в лингвистическом образовании способствует формированию у магистрантов лингвистических знаний, коммуникативных навыков, исследовательских умений и педагогических компетенций. Кроме того, раскрываются возможности развития у магистрантов самостоятельного мышления, навыков научного анализа и способности исследовать языковые явления на основе компетентностного подхода.*

Ключевые слова: *инклюзивное образование, компетентностная модель, лингвистическое образование, коммуникативная компетенция, исследовательская компетенция, педагогическая компетенция, образовательные технологии, научное исследование.*

Abstract. *This article examines the application of the competence-based model in the linguistic education of inclusive master's students. In the modern system of higher education, special importance is attached to the development of inclusive education and the creation of equal educational opportunities for all master's students. In this regard, the use of the competence-based model in linguistic education contributes to the formation of linguistic knowledge, communicative skills, research abilities, and pedagogical competencies among master's students. In addition, the article reveals the possibilities for developing independent thinking, skills of scientific analysis, and the ability to study linguistic phenomena on the basis of the competence-based approach.*

Keywords: *inclusive education, competence-based model, linguistic education, communicative competence, research competence, pedagogical competence, educational technologies, scientific research.*

Annotatsiya. *Ushbu maqolada inklyuziv magistrantlarning lingvistik ta'limida kompetensiyaviy modelni qo'llash masalasi ko'rib chiqiladi. Zamonaviy oliy ta'lim tizimida inklyuziv ta'limni rivojlantirish va barcha magistrantlar uchun teng ta'lim imkoniyatlarini yaratish alohida ahamiyat kasb etadi. Shu munosabat bilan lingvistik ta'limda kompetensiyaviy modeldan foydalanish magistrantlarda lingvistik bilimlar, kommunikativ ko'nikmalar, tadqiqot olib borish malakalari hamda pedagogik kompetensiyalarni shakllantirishga xizmat qiladi. Bundan tashqari, maqolada kompetensiyaviy yondashuv*

asosida magistrantlarda mustaqil fikrlash, ilmiy tahlil ko‘nikmalari va til hodisalarini tadqiq etish qobiliyatini rivojlantirish imkoniyatlari yoritib beriladi.

Kalit so‘zlar: *inklyuziv ta’lim, kompetensiyaviy model, lingvistik ta’lim, kommunikativ kompetensiya, tadqiqot kompetensiyasi, pedagogik kompetensiya, ta’lim texnologiyalari, ilmiy tadqiqot.*

Введение. В современных условиях развития системы высшего образования особое значение приобретает подготовка высококвалифицированных специалистов, обладающих не только глубокими теоретическими знаниями, но и развитыми профессиональными компетенциями. В связи с этим всё большее распространение получает компетентностный подход, который направлен на формирование у обучающихся способности применять полученные знания на практике, решать профессиональные задачи и осуществлять научно-исследовательскую деятельность. Данный подход особенно актуален в системе магистерского образования, где основное внимание уделяется развитию исследовательских навыков, самостоятельного мышления и профессиональной подготовки будущих специалистов.

Одновременно с этим в современном обществе возрастает роль инклюзивного образования, направленного на обеспечение равного доступа к качественному образованию для всех обучающихся, включая студентов с особыми образовательными потребностями. Развитие инклюзивного образования предполагает создание таких педагогических условий, при которых каждый студент имеет возможность полноценно участвовать в образовательном процессе, развивать свои способности и реализовывать научный потенциал. В этой связи возникает необходимость совершенствования методов и моделей обучения, способных учитывать индивидуальные особенности обучающихся и обеспечивать эффективное формирование профессиональных компетенций.

Особое значение данная проблема приобретает в сфере лингвистического образования магистрантов. Подготовка специалистов в области лингвистики требует не только глубокого освоения теоретических знаний о языке, но и формирования коммуникативных, исследовательских и педагогических компетенций. Будущие лингвисты должны уметь анализировать языковые явления, проводить научные исследования, применять современные методы обучения языкам и эффективно использовать язык в профессиональной деятельности.

Основная часть. Компетентностная модель обучения позволяет объединить теоретическую подготовку магистрантов с развитием практических навыков и исследовательской деятельности. Она способствует формированию у обучающихся таких качеств, как самостоятельность, критическое мышление, способность к научному анализу и готовность к профессиональной деятельности. В условиях инклюзивного образования применение данной модели становится особенно важным, поскольку она позволяет адаптировать образовательный процесс к различным образовательным потребностям магистрантов и создавать условия для их успешного обучения.

Компетентностная модель в лингвистическом образовании инклюзивных магистрантов – это современный подход к организации обучения в магистратуре, направленный на развитие профессиональных, коммуникативных и исследовательских

компетенций у магистрантов. Данная модель особенно важна в условиях инклюзивного образования, поскольку она позволяет создать равные возможности для получения качественного образования студентами с различными образовательными потребностями. Например, если в магистратуре обучается студент с нарушением зрения, ему могут предоставляться электронные учебники, аудиоматериалы и специальные программы экранного озвучивания текста. Благодаря этому такой магистрант может полноценно осваивать лингвистические дисциплины и участвовать в научной деятельности наравне с другими студентами.

В последние годы инклюзивное образование становится одним из важных направлений развития системы высшего образования. Университеты стремятся обеспечить равные образовательные условия для всех студентов. Поэтому образовательный процесс должен быть организован таким образом, чтобы каждый магистрант мог проявить свои знания и способности. Например, если магистрант имеет нарушения слуха, преподаватель может активно использовать презентации, визуальные материалы и письменные задания. Такие методы помогают студенту лучше понимать теоретические положения лингвистики и более активно участвовать в учебном процессе.

В лингвистическом образовании компетентностная модель предполагает формирование у магистрантов глубоких знаний о языке. Студенты изучают структуру языка, грамматику, семантику, прагматику и особенности дискурса. Например, при анализе текста магистранты могут исследовать его стилистические особенности, грамматическую структуру и способы выражения смысла. Если магистрант обучается по направлению перевода, он может переводить тексты с английского или русского языка на узбекский язык и анализировать различия между языковыми системами. Такая практика способствует развитию его лингвистической компетенции.

Коммуникативная компетенция также занимает важное место в подготовке инклюзивных магистрантов. Будущий специалист-лингвист должен не только знать язык, но и уметь эффективно использовать его в различных профессиональных ситуациях. Например, магистранты могут участвовать в научных семинарах и представлять результаты своих исследований. Они выступают с докладами, отвечают на вопросы и принимают участие в научных дискуссиях. Если у магистранта есть определённые трудности с устной речью, он может представить свои идеи в письменной форме или в виде презентации.

Развитие исследовательской компетенции является одной из главных задач магистерского образования. Магистранты учатся писать научные статьи, применять методы научного исследования и анализировать полученные данные. Например, магистрант может провести исследование, посвящённое грамматическим ошибкам в речи студентов. Для этого он анализирует письменные работы обучающихся, классифицирует ошибки и выявляет причины их возникновения. На основе полученных результатов магистрант может предложить рекомендации по совершенствованию методики преподавания языка.

Компетентностная модель также способствует развитию педагогической и методической компетенции. Если магистрант планирует работать преподавателем, он изучает современные методы обучения языкам и инновационные образовательные

технологии. Например, в процессе обучения магистранты могут использовать интерактивные методы: онлайн-тестирование, виртуальные дискуссии, электронные словари и образовательные платформы. Эти технологии особенно полезны в условиях инклюзивного образования. Например, студент с ограниченными возможностями передвижения может участвовать в занятиях через дистанционные образовательные платформы.

В системе высшего образования Узбекистана развитию инклюзивного образования уделяется всё больше внимания. В университетах постепенно создаются специальные условия для студентов с особыми образовательными потребностями. Например, в некоторых вузах используются специализированные компьютерные программы, аудиокниги и адаптированные учебные материалы. Это помогает магистрантам более эффективно заниматься научной работой. Так, магистрант с нарушением зрения может использовать программу экранного озвучивания для чтения научных статей и подготовки своей магистерской диссертации.

Заключение. Таким образом, компетентностная модель в лингвистическом образовании инклюзивных магистрантов способствует повышению качества образования. Она позволяет развивать у студентов не только теоретические знания, но и практические навыки. Например, магистрант может писать научные статьи, участвовать в международных конференциях или заниматься переводческой деятельностью. В результате он формируется как высококвалифицированный специалист, способный успешно работать в сфере образования, науки или перевода.

Список использованной литературы

1. А. В. Хуторской. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. — 2003. — №2. — С. 58–64.
2. А. Г. Асмолов. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. — Москва: Академия, 2007. — 528 с.
3. Д. А. Леонтьев. Инклюзивное образование: теория и практика. — Москва: Смысл, 2015. — 256 с.
4. Е. С. Полат. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. — Москва: Академия, 2010. — 272 с.
5. И. А. Зимняя. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. — 2003. — №5. — С. 34–42.
6. Л. С. Выготский. Педагогическая психология. — Москва: Педагогика, 1991. — 480 с.
7. Министерство высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан. Концепция развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года. — Ташкент, 2019.
8. Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. — Москва: Академия, 2009. — 336 с.
9. Шавкат Мирзиёев. Указ о мерах по дальнейшему совершенствованию системы высшего образования Республики Узбекистан. — Ташкент, 2017.
10. ЮНЕСКО. Инклюзивное образование: путь к будущему. — Париж, 2015.

11. Худойбердиева А. Х. Теоретические основы формирования образно-креативного мышления у школьников //dǩZ dSmSe [hS^ ïSca YfcS^. – С. 12.

Интернет-ресурсы

1. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000231988
2. https://edu.uz/ru/inclusive
3. https://www.ncpc.uz/linguistics
4. https://www.researchgate.net/publication/competency_based_linguistics
12. https://eric.ed.gov/?q=competency+based+inclusive+education

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ОСВОЕНИЯ РУССКОЙ МОРФОЛОГИИ УЗБЕКОЯЗЫЧНЫМИ УЧАЩИМИСЯ

Ниёзова Диёра Рухиддин кизи

магистрант Шахрисабзского государственного педагогического института

Азизова Насиба Бахриддиновна

доктор философии по филологическим наукам (PhD), профессор

Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются когнитивные стратегии освоения русской морфологии узбекоязычными учащимися. Актуальность темы обусловлена тем, что усвоение грамматических категорий русского языка требует не только запоминания правил, но и осознанного анализа языковых форм, выявления закономерностей и переноса знаний в речевую практику. Особое внимание уделяется трудностям при определении рода существительных, употреблении падежных форм, согласовании слов и выборе глагольных форм. Описываются стратегии классификации, сопоставления, моделирования, контекстуального анализа и самоконтроля. Материал статьи ориентирован на применение данных стратегий в обучении студентов, для которых узбекский язык является родным. Практическая значимость работы заключается в предложении последовательности учебных действий, направленных на развитие осознанного отношения к грамматике и предупреждение типичных ошибок.*

Ключевые слова: *когнитивные стратегии, русская морфология, узбекоязычные учащиеся, грамматические категории, межъязыковое сопоставление, самоконтроль.*

Annotatsiya. *Maqolada o‘zbek tilida so‘zlashuvchi talabalarning rus tili morfologiyasini o‘zlashtirishida qo‘llaniladigan kognitiv strategiyalar ko‘rib chiqiladi. Mavzuning dolzarbligi rus tilidagi grammatik kategoriyalarni o‘zlashtirish faqat qoidalarni yodlashni emas, balki til shakllarini ongli tahlil qilish, qonuniyatlarni aniqlash va bilimlarni nutqiy amaliyotda qo‘llashni ham talab etishi bilan belgilanadi. Otlarning rodini aniqlash, kelishik shakllarini qo‘llash, so‘zlarni moslashtirish hamda fe’l shakllarini tanlashdagi qiyinchiliklarga e’tibor qaratiladi. Tasniflash, qiyoslash, modellashtirish, kontekstual tahlil va o‘zini nazorat qilish strategiyalari tavsiflanadi. Maqolaning amaliy ahamiyati grammatikani ongli o‘zlashtirish va odatiy xatolarning oldini olishga xizmat qiluvchi o‘quv harakatlari ketma-ketligini taklif etishdan iborat.*

Kalit so‘zlar: *kognitiv strategiyalar, rus tili morfologiyasi, o‘zbek tilida so‘zlashuvchi talabalar, grammatik kategoriyalar, tillararo qiyoslash, o‘zini nazorat qilish.*

Abstract. *The article examines cognitive strategies for learning Russian morphology among Uzbek-speaking learners. The topic is relevant because mastering Russian grammatical categories requires more than memorizing rules: learners need to analyze language forms consciously, identify patterns, and transfer their knowledge into speech practice. The article focuses on common difficulties related to grammatical gender, case forms, agreement, and the choice of verb forms. It describes classification, comparison, modelling, contextual analysis, and self-monitoring strategies. The discussion is intended for teaching students whose first language is Uzbek. The practical value of the article lies in a sequence of learning activities designed to promote conscious grammar learning and reduce recurring errors.*

Keywords: *cognitive strategies, Russian morphology, Uzbek-speaking learners, grammatical categories, cross-linguistic comparison, self-monitoring.*

Введение. Изучение русского языка студентами, для которых узбекский язык является родным, предполагает освоение двух взаимосвязанных компонентов: языковых знаний и способов их практического применения. Морфология занимает в этой системе особое место, поскольку грамматическая форма помогает выражать отношения между предметами, действиями и признаками. Ошибка в выборе рода, падежного окончания или глагольной формы может затруднять понимание высказывания и снижать точность речи.

Трудности объясняются не только различиями между русским и узбекским языками, но и особенностями учебной деятельности. Если студент запоминает отдельное окончание без понимания его функции, он может правильно выполнить знакомое упражнение, но ошибиться в новом контексте. Поэтому важно формировать умение наблюдать за языковыми явлениями, сравнивать примеры, группировать формы и проверять собственные решения. Такой подход согласуется с исследованиями стратегий изучения второго языка, в которых подчёркивается роль осознанной организации учебной деятельности и контроля над ней [1; 2]. В связи с этим преподавателю необходимо учитывать психологические основы формирования языковой компетенции и механизмы речевой деятельности учащихся [5].

Цель статьи — определить возможности применения когнитивных стратегий при освоении русской морфологии узбекоязычными студентами и предложить методические приёмы, направленные на предупреждение типичных грамматических ошибок.

Материалы и методы исследования. В работе использованы анализ научно-методической литературы, сопоставительный анализ русских и узбекских языковых явлений, а также наблюдение за выполнением грамматических заданий студентами второго курса. В центре внимания находятся задания на определение рода существительных, употребление падежных форм, согласование слов и выбор глагольных форм. Такой подход позволяет определить характер учебных затруднений и способы рассуждения студентов при выполнении упражнений. Точное количество

участников и количественные показатели ошибок в исходных сведениях не указаны, поэтому в статье не приводятся неподтверждённые статистические данные.

Когнитивная стратегия в данной статье понимается как осознанный способ обработки учебной информации: выделение признаков языковой единицы, соотнесение её с известным образцом, построение классификации, применение правила и последующая проверка результата. В отличие от механического повторения, strategy предполагает активную работу с языковым материалом и возможность переноса усвоенного способа действия на новые примеры [1; 2].

Когнитивные стратегии в освоении русской морфологии. Одной из основных стратегий является классификация. При изучении рода существительных студентам полезно распределять слова по группам, обращая внимание на окончания, одушевлённость и контекст употребления. Например, слова стол, музей, словарь можно объединить по грамматическому роду, а слова книга, неделя, аудитория — по другому признаку. При этом необходимо отдельно рассматривать слова-исключения и случаи, когда окончание не позволяет определить род без дополнительных сведений. Классификация помогает перейти от запоминания разрозненных слов к распознаванию устойчивых признаков.

Вторая стратегия — межъязыковое сопоставление. Русский и узбекский языки различаются по способам выражения грамматических значений. В русском языке категория рода проявляется в формах согласуемых слов, тогда как в узбекском языке грамматический род отсутствует. Поэтому прямой перенос привычных узбекских моделей на русскую речь может приводить к ошибкам согласования: «интересная фильм» вместо «интересный фильм». Преподавателю важно не просто указывать на ошибку, но и помогать студенту объяснить, почему в русском языке форма прилагательного зависит от рода существительного. Сопоставление должно выявлять как различия, так и сходства, не создавая впечатления, что один язык является упрощённой копией другого.

Третья стратегия — моделирование грамматической формы. При изучении падежей целесообразно использовать таблицы, схемы и цветовое выделение элементов предложения. Например, студент сначала определяет вопрос к существительному и его синтаксическую функцию, затем выбирает падеж и только после этого проверяет окончание. Последовательность «вопрос — функция — падеж — окончание — проверка» помогает уменьшить вероятность случайного выбора формы. Важно постепенно сокращать внешние подсказки, чтобы схема стала внутренним способом действия. Это позволяет каждому преподавателю чётко понимать, какими конкретными знаниями и умениями должен обладать учащийся на каждом этапе обучения [3].

Четвёртая стратегия — анализ контекста. Падежную форму нельзя всегда выбирать только по окончанию: необходимо учитывать предлог, управляющее слово и смысл предложения. Сравним конструкции «говорить о книге», «читать книгу», «подойти к книге». Работа с такими примерами позволяет увидеть, что изменение формы связано с отношениями между словами. Эффективно предлагать студентам не только вставить пропущенное окончание, но и объяснить, какие элементы контекста помогли принять решение.

Пятая стратегия — осознанное сопоставление глагольных форм. При изучении времени, вида и спряжения полезно объединять формы в небольшие смысловые ряды: «читать — читаю — читал — буду читать — прочитал». Обучающиеся должны определить, какое значение передаёт каждая форма и в каком контексте она уместна. При этом необходимо разграничивать грамматическую форму и смысловую задачу высказывания: выбор глагола зависит не только от формального правила, но и от того, как говорящий представляет действие.

Шестая стратегия — самоконтроль и рефлексия. После выполнения задания студенту предлагается проверить ответ по нескольким пунктам: правильно ли определена часть речи; установлена ли связь слова с другими словами; учтены ли предлог и вопрос; согласованы ли формы; соответствует ли выбранная форма смыслу предложения. Полезен и журнал ошибок, в котором фиксируются не только неверный ответ, но и причина ошибки, правильный вариант и собственное правило-подсказка. Такой анализ помогает выявлять повторяющиеся затруднения и выбирать подходящий способ их преодоления.

Обсуждение результатов и методические рекомендации. Наблюдение за выполнением грамматических заданий студентами второго курса позволяет рассматривать трудности не как случайные недочёты, а как результат недостаточно сформированных способов анализа языковой формы. В статье рассматриваются несколько направлений затруднений: определение рода и согласование слов, выбор падежных форм с учётом управления и контекста, а также употребление глагольных форм. Эти направления описываются качественно. Поскольку точные подсчёты и численность участников не предоставлены, нельзя обоснованно утверждать, какой тип ошибки встречается чаще. Для последующей количественной оценки необходимо зафиксировать число участников, состав заданий и частоту каждого типа ошибок.

На занятии целесообразно организовать работу в несколько этапы, опираясь на современные подходы к теории и практике обучения иностранным языкам [4]. На первом этапе преподаватель предлагает языковые примеры и просит студентов самостоятельно выделить повторяющиеся признаки. На втором этапе группа формулирует правило и проверяет его на новых словах. На третьем этапе правило применяется в предложениях и коротких текстах. На четвертом этапе студенты объясняют выбор формы и выполняют самопроверку. Такая последовательность сочетает наблюдение, анализ, обобщение и применение.

Особую роль играет обратная связь. Простого исправления ошибки недостаточно: студенту важно понять её причину. Вместо сообщения готового ответа преподаватель может задать уточняющий вопрос: «От какого слова зависит форма прилагательного?», «Какой предлог управляет этим падежом?», «Какое значение вы хотите передать глаголом?». Вопросы направляют внимание на грамматические признаки и развивают самостоятельность. При этом исправление должно быть доброжелательным и конкретным, чтобы не снижать готовность обучающихся говорить на изучаемом языке.

Предлагаемые стратегии не заменяют систематического изучения грамматических правил и тренировочных упражнений. Их задача — сделать работу с правилом более осмысленной, связать его с речевым контекстом и сформировать у

студента переносимый алгоритм решения. Выбор стратегии следует соотносить с уровнем подготовки, сложностью темы и характером ошибки.

Заключение. Таким образом, освоение русской морфологии узбекоязычными студентами может быть более осознанным при систематическом использовании когнитивных стратегий. К наиболее продуктивным приёмам относятся классификация языковых единиц, сопоставление русских и узбекских грамматических средств, моделирование формы, анализ контекста, осмысленное сравнение глагольных форм и самоконтроль. Их применение помогает студентам не только запоминать правила, но и понимать условия выбора грамматической формы.

Практическая ценность предложенного подхода состоит в возможности включать перечисленные стратегии в обычные занятия по русскому языку: при работе с родом существительных, падежами, согласованием и глагольными категориями. Перспективой дальнейшего исследования является систематизация результатов проведённой диагностики, количественное описание типичных ошибок и проверка эффективности разработанных упражнений на сопоставимых группах обучающихся.

Список использованной литературы

1. Худойбердиева А.Х. Развитие творческого мышления у школьников начальных классов в инновационной образовательной среде // Язык как фактор интеграции образовательных… — 2024.
2. O’Malley J. M., Chamot A. U. Learning Strategies in Second Language Acquisition. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 260 p. — ISBN 978-0-521-35837-8.
3. Oxford R. L. Language Learning Strategies: What Every Teacher Should Know. — New York: Newbury House Publishers, 1990. — 342 p. — ISBN 0-8384-2862-2.
4. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика: учебное пособие для преподавателей и студентов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Филоматис, 2006. — 480 с. — ISBN 5-98111-062-7.
5. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики: учебник для вузов. — М.: Смысл, 1997. — 287 с. — ISBN 5-89357-025-1.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОГРАММА PIRLS КАК ОСНОВА ОЦЕНКИ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ

Нормуродова Ирода Хушмурод кизи
магистрант
Шахрисабзский государственный педагогический институт
Научный руководитель:доц. Ж.А. Буранова
Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматривается международная программа PIRLS (Progress in International Reading Literacy Study) как система оценки читательской грамотности учащихся начальной школы. Описаны цели и этапы программы, её концептуальная рамка, включающая два читательских назначения и четыре процесса понимания текста, организация исследования и инструментарий, шкала и международные ориентиры достижений, а также контекстные анкеты. Показаны возможности и ограничения использования результатов PIRLS в образовательной практике и при проектировании методики обучения чтению.*

Ключевые слова: *PIRLS, читательская грамотность, оценка образовательных достижений, процессы понимания текста, международные ориентиры, начальная школа.*

Annotatsiya. *Maqolada boshlang‘ich sinf o‘quvchilarining o‘qish savodxonligini baholash tizimi sifatida xalqaro PIRLS (Progress in International Reading Literacy Study) dasturi ko‘rib chiqilgan. Dasturning maqsadi va sikllari, ikki o‘qish maqsadi hamda matnni tushunishning to‘rt jarayonini o‘z ichiga olgan konseptual asosi, tadqiqotni tashkil etish va vositalari, yutuqlar shkalasi va xalqaro mezonlar, shuningdek kontekstual so‘rovnomalar bayon etilgan. PIRLS natijalaridan ta’lim amaliyotida va o‘qishga o‘rgatish metodikasini loyihalashda foydalanish imkoniyatlari va cheklovlari ko‘rsatilgan.*

Kalit so‘zlar: *PIRLS, o‘qish savodxonligi, ta’lim yutuqlarini baholash, matnni tushunish jarayonlari, xalqaro mezonlar, boshlang‘ich sinf.*

Abstract. *The article considers the international PIRLS programme (Progress in International Reading Literacy Study) as a system for assessing the reading literacy of primary school students. The goals and cycles of the programme, its conceptual framework with two reading purposes and four comprehension processes, the organisation of the study and its instruments, the achievement scale and international benchmarks, and the contextual questionnaires are described. The possibilities and limitations of using PIRLS results in educational practice and in designing reading instruction are shown.*

Keywords: *PIRLS, reading literacy, educational assessment, comprehension processes, international benchmarks, primary school.*

Введение. Оценка читательской грамотности – необходимое условие управления качеством образования. Чтобы улучшать преподавание чтения, школа и система образования должны понимать, чему именно научились учащиеся, какие

умения остаются несформированными и какие факторы влияют на результат. Национальные проверочные работы, как правило, отражают требования конкретной программы, тогда как международные исследования позволяют сравнить достижения учащихся по единым критериям и в единой шкале.

Одним из наиболее авторитетных таких исследований является PIRLS, которое проводит Международная ассоциация по оценке образовательных достижений (IEA) через Международный исследовательский центр TIMSS и PIRLS при Бостонском колледже. Исследование оценивает читательскую грамотность четвероклассников и повторяется каждые пять лет, что позволяет отслеживать динамику [4; 6]. Для учителя и методиста PIRLS интересен не только как источник рейтингов, но и как подробная модель того, что значит «уметь читать с пониманием».

Цель статьи – раскрыть содержание и устройство программы PIRLS и показать её значение как основы оценки читательской грамотности. **Задачи:** описать цели и этапы программы; охарактеризовать концептуальную рамку; рассмотреть организацию исследования, шкалу и контекстные данные; определить возможности и ограничения использования результатов.

Методология исследования. Работа выполнена как теоретическое исследование. Использованы анализ рамки оценки PIRLS 2021 и итоговых международных отчётов по циклам 2016 и 2021 годов, сопоставление положений программы с современными моделями понимания текста, а также систематизация и обобщение полученных сведений.

Результаты и обсуждение. PIRLS продолжает традицию исследований чтения, которые IEA проводит с 1970-х годов; одно из предшествующих исследований состоялось в 1991 г. Первый цикл PIRLS прошёл в 2001 г., далее исследование проводилось в 2006, 2011, 2016 и 2021 гг. [4; 6]. Основная цель программы — предоставить странам сопоставимые данные об уровне читательской грамотности четвероклассников, о том, как организовано обучение чтению, и о домашней и школьной среде, в которой растут читатели. Объектом оценки является четвёртый год обучения, считая с первого года начальной школы, при условии что средний возраст учащихся не ниже 9,5 года. Выбор этого возраста связан с тем, что к четвёртому классу ученик, как правило, уже освоил технику чтения и начинает читать, чтобы учиться. Ключевые этапы развития программы показаны в таблице 1.

Таблица 1. Циклы программы PIRLS

Цикл	**Основные особенности**
2001	Первый цикл программы; задана базовая модель оценки читательской грамотности четвероклассников.
2006	Второй цикл; сохранена сопоставимость с первым, что позволило наблюдать изменения за пять лет.
2011	Цикл проведён в тот же год, что и TIMSS, что дало возможность сопоставлять результаты по чтению, математике и естествознанию.
2016	Введены ePIRLS (чтение информационных текстов в имитированной интернет-среде) и PIRLS Literacy для стран с низкими результатами.

Цикл	Основные особенности
2021	Переход к цифровому формату проведения при сохранении возможности бумажного варианта.

Концептуальная рамка.

В рамке PIRLS читательская грамотность определяется как способность понимать и использовать письменные языковые формы, необходимые обществу или ценные для самого человека. Юные читатели строят смысл из текстов разного вида, читают, чтобы учиться, участвовать в жизни читательских сообществ и получать удовольствие [4]. Это определение близко к трактовке понимания как деятельности по извлечению и конструированию смысла, предложенной в классической работе К. Сноу [8].

Рамка включает два читательских назначения: получение литературного опыта и приобретение и использование информации. Тексты в исследовании распределяются между ними примерно поровну. Литературные тексты — это, как правило, рассказы и фрагменты художественной прозы, информационные — тексты о природе, обществе, истории, науке, которые могут содержать иллюстрации, схемы, таблицы. Тем самым PIRLS проверяет умение работать не только с художественным, но и с научно-популярным и справочным материалом, что важно для учебной деятельности по всем предметам.

Понимание текста описывается через четыре процесса: нахождение и извлечение явно выраженной информации; формулирование прямых выводов; интерпретация и обобщение идей и информации; оценка и критический анализ содержания и языковых особенностей текста [4]. Процессы образуют иерархию возрастающей сложности: от работы с отдельными фактами к построению целостного представления о тексте и его оценке. Важно, что при составлении заданий разработчики ориентируются не на «умение отвечать на вопросы», а на то, какую мыслительную операцию должен выполнить читатель. Это согласуется с моделями, в которых понимание рассматривается как построение ситуационной модели на основе текста и знаний читателя, и с идеей о том, что беглое декодирование необходимо, но недостаточно для понимания [3].

Организация исследования и инструментарий.

Исследование проводится на репрезентативных выборках школ и классов в каждой стране. Школы отбираются случайным образом, затем в них отбираются классы, участвующие в исследовании. Единые правила выборки, перевода текстов, проведения тестирования и проверки ответов обеспечивают сопоставимость результатов. Тестовый материал составляется из связных текстов объёмом в среднем порядка 800 слов; каждый ученик, как правило, выполняет задания к двум текстам, на что отводится 80 минут, и отдельно заполняет анкету. Применяются задания с выбором ответа и задания со свободным развёрнутым ответом, причём доля вторых велика, поскольку именно они позволяют проверить умение объяснять и обосновывать.

Важно, что ни один ученик не выполняет весь банк заданий. Материалы распределяются по нескольким вариантам, а итоговый показатель каждого учащегося

оценивается с помощью статистических методов современной теории тестирования (модели IRT). Благодаря этому удаётся охватить широкий круг текстов и заданий, не перегружая детей, и получать оценки на единой шкале [6]. В 2016 г. программа была дополнена исследованием ePIRLS, в котором учащиеся читают информационные тексты в имитированной интернет-среде, а в 2021 г. проведение исследования в значительной степени перешло на цифровой формат [5; 6]. Это отражает изменение самой практики чтения: современному школьнику необходимо уметь ориентироваться в гипертексте и отбирать достоверную информацию.

Шкала и международные ориентиры.

Результаты PIRLS представляются на шкале, центральная точка которой — 500 баллов, а стандартное отклонение — 100. Для содержательной интерпретации баллов введены четыре международных ориентира: 400, 475, 550 и 625 баллов. Каждому ориентиру соответствует описание того, что умеют делать учащиеся, достигшие этого уровня (таблица 2) [6]. Такой подход позволяет говорить не просто о том, что страна набрала больше или меньше баллов, а о том, какую долю учащихся составляют, например, читатели, способные лишь находить прямо названные детали, и какая доля умеет объединять идеи из всего текста.

Таблица 2. Международные ориентиры PIRLS (обобщённое описание)

Ориентир (баллов)	**Что, как правило, умеют учащиеся**
Низкий (400)	Находить и воспроизводить явно заданные детали и простые факты в литературных и информационных текстах.
Средний (475)	Находить явно выраженные действия, события и чувства персонажей; делать простые прямые выводы.
Высокий (550)	Находить и объяснять значимые детали; делать выводы, интерпретировать и объединять идеи из разных частей текста.
Продвинутый (625)	Объединять идеи и свидетельства из всего текста, давать развёрнутые объяснения с опорой на текст, интерпретировать поступки героев.

Контекстные данные.

Существенная особенность PIRLS — сбор данных об условиях, в которых формируется читательская грамотность. Помимо тестов, участники и их окружение заполняют анкеты: учащиеся сообщают о своём отношении к чтению, уверенности в себе как читателей и учебных занятиях; родители — о ранней домашней читательской среде и о том, как рано ребёнок начал знакомиться с книгами; учителя — об образовании, методах и используемых материалах; администрация школы — о ресурсах и организации образовательного процесса; национальные координаторы — о содержании учебной программы по чтению. Эти данные позволяют анализировать связи между результатами и такими факторами, как домашняя поддержка, мотивация к чтению, ресурсы школы. Таким образом, PIRLS описывает читательскую компетенцию как многокомпонентное явление, включающее не только когнитивные, но и

мотивационные и средовые составляющие, что соответствует современному пониманию её структуры [1; 2].

PIRLS и другие международные исследования.

Наряду с PIRLS читательская грамотность оценивается в программе PISA, которую проводит Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Исследования дополняют друг друга. PIRLS ориентировано на младший школьный возраст, проводится раз в пять лет и в большей степени связано с содержанием обучения чтению в начальной школе. PISA оценивает пятнадцатилетних подростков, проводится раз в три года и делает акцент на способности применять чтение в жизненных ситуациях, в том числе при работе с цифровыми и многокомпонентными текстами [7]. Совместное использование двух исследований позволяет проследить, как читательские умения, заложенные в начальной школе, развиваются к концу основной школы, и выявить, на каком этапе возникают дефициты.

Различаются и подходы к описанию читательских процессов, но в обоих исследованиях понимание рассматривается как многоуровневая деятельность: от поиска информации к интеграции, интерпретации и оценке. Это сходство делает возможным перенос идей PIRLS в практику основной школы и позволяет выстраивать преемственность в обучении чтению.

Пример использования рамки при проектировании заданий.

Рассмотрим, как рамка PIRLS может быть использована учителем при работе с небольшим информационным текстом. К одному тексту составляются задания всех четырёх процессов. Так, для проверки нахождения информации ученику предлагается найти в тексте и назвать причину упомянутого явления. Для прямого вывода — объяснить, почему автор делает определённый вывод в конце абзаца. Для интерпретации — сформулировать главную мысль текста собственными словами. Для оценки — определить, достаточно ли приведённых фактов, чтобы убедить читателя, и как выбор слов влияет на отношение к описываемому. Набор заданий, составленный таким образом, позволяет увидеть, на каком именно этапе работы с текстом затрудняется конкретный ученик: при поиске информации, при выводах или при оценке содержания. Это превращает проверку из выставления отметки в диагностический инструмент, на основе которого можно строить дальнейшее обучение.

Использование результатов и ограничения.

Результаты PIRLS применяются на нескольких уровнях:

1. на уровне системы образования — для определения сильных и слабых сторон подготовки, оценки динамики по циклам и сравнения с другими странами;
2. на уровне содержания образования — для уточнения требований к планируемым результатам по чтению и совершенствования учебных программ и оценочных материалов;
3. на уровне учителя — для проектирования заданий к тексту, соотнесённых с процессами понимания, и диагностики умений учащихся;
4. на уровне научных исследований — для изучения факторов, влияющих на успешность чтения.

Вместе с тем у PIRLS есть ограничения, которые необходимо учитывать. Исследование выборочное и не предназначено для оценки отдельной школы или

ученика. Оно проверяет читательскую грамотность четвероклассников, но не охватывает другие возрасты, поэтому его дополняют исследования PISA, оценивающее пятнадцатилетних [7]. Результаты, полученные на переведённых текстах, требуют осторожной интерпретации: различия между языками в орфографии и грамматике могут влиять на трудность заданий. Наконец, сравнение средних баллов не объясняет причин различий, поэтому выводы нужно подкреплять контекстными данными и национальными исследованиями. Для практики преподавания русского языка важно использовать не сами рейтинги, а логику PIRLS: чёткое выделение читательских умений, разнообразие текстов, задания разных уровней сложности и обсуждение результатов с детьми.

Заключение. Программа PIRLS представляет собой целостную систему оценки читательской грамотности, основанную на ясной концептуальной рамке, единых процедурах проведения и содержательной шкале достижений. Её сильные стороны – различение двух читательских назначений, описание четырёх процессов понимания, сопоставимость данных во времени и между странами, а также сбор контекстной информации о домашней и школьной среде. Использование рамки PIRLS при проектировании заданий и диагностике достижений позволяет перейти от проверки «умения читать» к оценке умения понимать, интерпретировать и оценивать текст. Это определяет значение программы для совершенствования методики обучения чтению, в том числе на уроках русского языка.

Список использованной литературы

1. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.
2. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 58–64.
3. Gough P. B., Tunmer W. E. Decoding, reading, and reading disability // Remedial and Special Education. – 1986. – Vol. 7, No. 1. – P. 6–10.
4. Mullis I. V. S., Martin M. O. (Eds.). PIRLS 2021 Assessment Framework. – Boston: TIMSS & PIRLS International Study Center, Boston College, 2019.
5. Mullis I. V. S., Martin M. O., Foy P., Hooper M. PIRLS 2016 International Results in Reading. – Boston: TIMSS & PIRLS International Study Center, Boston College, 2017.
6. Mullis I. V. S., von Davier M., Foy P., Fishbein B., Reynolds K. A., Wry E. PIRLS 2021 International Results in Reading. – Boston: TIMSS & PIRLS International Study Center, Boston College, 2023.
7. OECD. PISA 2018 Assessment and Analytical Framework. – Paris: OECD Publishing, 2019. – 308 p.
8. Snow C. E. Reading for Understanding: Toward an R&D Program in Reading Comprehension. – Santa Monica: RAND Corporation, 2002.[10.10.2026 15:19]
9. Асила Хомидовна: Худойбердиева А. Х. Теоретические основы формирования образно-креативного мышления у школьников //dǩZ dSmSe [hS^ ïSca YfcS^. – С. 12. [10.10.2026]

СОВРЕМЕННЫЕ ДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ ФОРМИРОВАНИЮ РАЗНООБРАЗНОЙ ПАЛИТРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Нормуродова Озода Руслан кизи
магистрант
Шахрисабзский государственный
педагогический институт
Шахрисябз, Узбекистан

Аннотация. *В статье говорится осовременных требований, предъявляемых к вузам – не только давать конкретные знания, но и учить самостоятельно приобретать их, выявление основных принципов и закономерностей предмета изучения, главных идей и направлений развития данной области науки, а также формирование путей и способов приобретения знаний.*

Ключевые слова: *компетенция, коммуникация, палитра, специалист, принцип, область, модернизация.*

Annotatsiya. *Maqolada oliy ta'lim muassasalariga qo'yiladigan zamonaviy talablar muhokama qilinadi: bular nafaqat muayyan bilimlarni berish, balki talabalarga bilimlarni mustaqil egallashni o'rgatish, o'rganilayotgan sohaning fundamental tamoyillari va qonuniyatlarini, shuningdek, ushbu ilmiy yo'nalishdagi asosiy g'oyalar va rivojlanish tendensiyalarini aniqlash hamda bilimni o'zlashtirish usullari va yondashuvlarini belgilashni o'z ichiga oladi.*

Kalit so'zlar: *kompetensiya, kommunikatsiya, palitra, mutaxassis, tamoyil, soha, modernizatsiya.*

Abstract. *The article discusses modern requirements placed on higher education institutions: not only imparting specific knowledge but also teaching students how to acquire it independently, identifying the fundamental principles and patterns of the subject matter—as well as the key ideas and development trends within the scientific field—and establishing methods and approaches for knowledge acquisition.*

Keywords: *competence, communication, palette, specialist, principle, field, modernization.*

Профессиональная подготовка конкурентоспособных специалистов требует совершенствования, ибо социальный заказ изменился, и уровень коммуникативной культуры специалистов сегодня не отвечает современным требованиям. Существенным основанием модернизации содержания современного образования становится, несомненно, компетентностный подход, успешность которого определяется наличием у выпускника определённых теоретических знаний и практических умений и его готовностью к решению проблемных профессиональных задач. Коммуникативная компетентность является составной частью профессиональной компетентности

специалистов, формируемая в процессе обучения в высшем учебном заведении и совершенствуемая в профессиональной деятельности.

Одной из успешной адаптации личности в социуме является «компетентностный подход», в котором заключается формирование у обучающихся комплекса ключевых компетенций. Необходимо отметить, что компетенция отличается от квалификации. Квалификация включает в себя целый ряд возможностей и знаний, раскрывает в личности

самостоятельность, профессиональные навыки в работе с коллективом, логическое мышление, а также провождения анализа и синтеза от полученной информации, «компетенция» является главным показателем специалиста к развитию личностных способностей; стремление к самосовершенствованию, стремление к повышению мотивации к внедрению инновационных технологий (IT-грамотность), креативности, изучению научных трудов современных учёных, коллективизм, умения и способность работы в малых и больших группах, проводить анализ и синтез полученной информации, логическое мышление. В процессе коммуникации совершенствуются качества личности необходимые в профессиональной деятельности. Для формирования у специалистов профессиональных компетенций и востребованности на рынке труда, необходимо внедрение компетентностного подхода в образовательный процесс. Как правило, для решения сложных задач в профессиональной деятельности, современный выпускник должен быть подготовлен. Современные дидактические принципы и методические приёмы способствуют формированию разнообразной палитре профессиональных компетенций, необходимых для успешного осуществления активной деятельности. На этой основе совершенствуется методические системы обучения, технологии овладения русским языком.

Для более высокого уровня профессиональной готовности выпускников вузов при изучении русского языка необходимо нацелить процесс образования на формирование коммуникативной компетентности, обеспечивая тем самым на рынке труда конкурентоспособность будущих специалистов.

При исследовании обнаружено, что уровень коммуникативной компетентности выпускников не отвечает профессиональной подготовке специалистов, такие выводы были сделаны при анализе педагогической деятельности вузов Республики Узбекистан. В этой связи при установлении зависимости уровня иноязычной компетентности студента и результатов его деятельности важно акцентировать внимание и на проблеме формирования личностных качеств будущих специалистов средствами русского языка.

Особое место также занимает обоснованность отбора интегрированного содержания обучения русскому языку, способствующего формированию профессионально-коммуникативной компетентности студентов в неязыковых вузах. Профессиональная готовность студентов к организации общения и процесс коммуникации в иноязычных условиях требует серьёзного рассмотрения, ибо она позволяет формировать особую грань компетентности будущего специалиста - профессионально-коммуникативную компетентность.

Качественная профессиональная подготовка - гарантия специалисту свободного доступа к иноязычным культурным ценностям и Интернет- ресурсам, сосредоточенным

в архивах, библиотеках, музеях и других исторических достопримечательностей. Следует помнить, что подготовка конкурентоспособного специалиста предусматривает наличие определённого уровня профессионально-коммуникативной компетентности.

Актуальность исследования обусловлена повышенной потребностью общества в квалифицированных кадрах в условиях конкуренции и предопределена следующими факторами:

недостаточной разработанностью темы исследования; ограниченность научно-обоснованных технологий формирования профессиональной компетентности студентов в условиях интегрированного обучению русскому языку; научно-практической обоснованностью исследуемой темы в свете современных требований.

Учитывая актуальность и недостаточную разработанность указанной проблемы в педагогической науке и практике, нами определена тема исследования «Методика формирования профессионально-коммуникативной компетентности студентов в процессе обучения русскому языку».

Формирование профессиональных компетенций происходит в конкретных педагогических условиях. Весьма актуальным для системы ВПО является «проблема определения и научного обоснования организационно-педагогических условий формирования профессионализма выпускников вузов, который основан на их профессионально-коммуникативной компетентности. Л.С. Выготский писал, что необходимо «заранее создавать условия, необходимые для развития соответствующих психических качеств, хотя они еще «не созрели» для самостоятельного функционирования».Поэтому, для эффективного формирования языковой профессионально-коммуникативной компетентности будущих специалистов необходимо определить организационно-педагогические условия, способствующие оптимальной реализации данного процесса и позволяющие повысить качество их профессиональной подготовки.

В психолого-педагогической науке проблема развития и формирования коммуникативной культуры будущих специалистов достаточно исследована, однако вопросы, связанные с ней, сегодня становятся всё более актуальными. Коммуникативная культура является органической и существенной стороной общей культуры. Учёные, подчеркивая роль теоретических знаний и коммуникативных умений специалиста, утверждают, что «коммуникативная культура - это знания, умения, навыки в области организации взаимодействия людей, позволяющие устанавливать психологический контакт …, добиваться точного восприятия и понимания в процессе общения», а также позволяющие прогнозировать поведение оппонентов и направлять их деятельность к желаемому результату.

Одним из инновационных направлений отечественной педагогики профессионального образования является совершенствование технологий развития коммуникативной культуры личности. Основная задача современного профессионального образования - подготовка конкурентоспособной личности к профессиональной деятельности. Именно конкурентоспособность является сегодня таким показателем, которая характеризует уровень профессиональной, социальной и личностной компетентности будущих специалистов. Чтобы быть востребованным в профессиональной деятельности, современному специалисту должны быть присущи

такие качества как креативность, интеллигентность, активность, социальная зрелость и конкурентоспособность, наличие высокой коммуникативной культуры.

Список использованной литературы

1.Иванов Д. Компетентности и компетентностный подход в современном образовании. - М.: Чистые пруды, 2007. - 32 с.
2.Кадыров Б. Межпредметные связи: инновация и творческое мышление учащихся. - Душанбе, 2004.
3.Касимова И.Т. Дидактические особенности осуществления культуроформирующей функции изучения русского языка в высших учебных заведениях Республики Узбекистан: автореферат дисс. к.п.н.- Душанбе, 2007.
- 24 с.
4.Клинберг Л. Проблемы теории обучения: Пер. с нем. / Л. Клинберг. М.: Педагогика, 1984. – 255 с.
5.Лёвушкина О.Н. Обучение русскому языку на основе применения информационных технологий. // Непрерывное образование учащихся. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции по проблемам непрерывного образования. - Ульяновск, 2001. - С. 113-116.

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ ИНТЕРАКТИВНЫМИ МЕТОДАМИ

Пулатова Элзана Рахмонкул кизи
магистрант
Шахрисабзский государственный
педагогический институт
Шахрисябз, Узбекистан

Аннотация.*В статье говорится, что в наше время все больше людей осознают значимость изучения иностранных языков, что приводит к повышению интереса к русскому языку, одному из самых распространенных в мире, со стороны студентов из дружественных стран.*

Ключевые слова: *коммуникативная речь, интерактивные методы, процесс обучение, компетенция, формирование.*

Annotatsiya. *Maqolada ta'kidlanishicha, bugungi kunda xorijiy tillarni o'rganish muhimligini anglayotganlar soni ortib bormoqda; bu esa do'st mamlakatlar talabalari orasida dunyoda eng keng tarqalgan tillardan biri bo'lgan rus tiliga bo'lgan qiziqishning kuchayishiga olib kelmoqda.*

Kalit so'zlar: *kommunikativ nutq, interfaol usullar, o'quv jarayoni, kompetensiya, rivojlanish.*

Abstract. *The article notes that an increasing number of people today recognize the importance of learning foreign languages, leading to greater interest in the Russian language-one of the most widely spoken languages in the world-among students from friendly nations.*

Keywords*: communicative speech, interactive methods, learning process, competence, development.*

Студенты стремящиеся расширить свои коммуникативные навыки и углубить понимание русской культуры, также обращают внимание на русский язык. Вместе с тем преподаватели русского языка как иностранного (далее – РКИ) в высших учебных заведениях сталкиваются с разнообразными трудностями и препятствиями в процессе обучения иностранных студентов. В этом плане использование метода конструирования может стать эффективным инструментом для повышения качества обучения РКИ и достижения успешных результатов. При обучении в вузе иностранным студентам важно учитывать различные аспекты и способы развития их речевых навыков по русскому языку. Необходимо акцентировать внимание на формировании компетенций, которые будут способствовать развитию коммуникативной способности. Важно помнить, что процесс обучения на русском языке как иностранном требует комплексного подхода, объединяющего все аспекты речевой деятельности – аудирование, чтение, говорение и письмо.

При использовании метода обучения РКИ, предложенного в нашем исследовании, студенты конструируют различные предметы, фигуры или сцены, используя бумагу и другие материалы. Затем они коммуницируют на русском языке, описывая свои конструкции и обсуждая их со своими однокурсниками и преподавателем. Метод конструирования является эффективным средством развития коммуникативной компетенции студентов по ряду причин. Во-первых, он предоставляет студентам возможность активного использования русского языка в практических ситуациях, что помогает им увереннее и легче выражать свои мысли и идеи. Во-вторых, создание моделей требует воображения и творческого подхода, что способствует развитию языкового мышления студентов. Кроме того, сам процесс конструирования тренирует навыки работы в группе, умение слушать и понимать других, а также решать проблемные ситуации. Метод конструирования в преподавании русского языка как иностранного для развития коммуникативной компетенции у иностранных студентов является эффективным инструментом в обучении. В ходе исследования было обнаружено, что использование данного метода способствует развитию навыков общения на русском языке, улучшению понимания речи и расширению словарного запаса студентов.

Метод конструирования является инновационным и эффективным инструментом, который может быть использован в преподавании русского языка как иностранного для развития коммуникативной компетенции студентов. Этот метод предлагает студентам различные задания и активности, связанные с созданием разнообразных объектов, что способствует развитию их языковых навыков, творческого мышления и моторики. Во-первых, метод конструирования позволяет студентам углубить свое понимание русского языка через создание конкретных

предметов и объектов. Например, студенты могут создавать модели различных зданий или предметов быта, описывая процесс конструирования и функции этих объектов на русском языке. Такие практические упражнения помогают студентам применять изученные лексические и грамматические структуры в реальных контекстах. Во-вторых, метод конструирования активизирует творческое мышление студентов. Они должны использовать свою фантазию и креативность для создания уникальных моделей, что способствует развитию их языкового выражения и оригинальности в использовании языковых средств. Кроме того, при конструировании студенты могут работать в парах или группах, что способствует развитию навыков коллективного творчества и коммуникации на русском языке. В-третьих, метод конструирования развивает моторику студентов и способствует их участию в активном физическом процессе. Это также способствует развитию творческого мышления, воображения и умения решать коммуникативные проблемы. В итоге использование метода конструирования в образовании является эффективным способом не только обучения РКИ, но и развития иностранных студентов в различных аспектах их личности.

Понятие «коммуникативная компетентность» происходит от латинского слова “community”, что означает создание общего, установление связей. Р. К. Хелт разделяет точку зрения, что это объединение знаний о стандартах и правилах взаимодействия в ходе естественного общения, включая диалог, конфликтные ситуации, переговоры и прочее.Базовым элементом обучения, по мнению зарубежного исследователя О. Турко, является развитие коммуникативной компетенции как на родном, так и на русском языке.Однако формирование социально активной личности происходит через развитие коммуникативной компетенции, которая включает в себя не только знания о языке, но и умение применять их на практике. Этот процесс также связан с выполнением воспитательных задач и направлен на создание культурно осведомленной личности, способной адаптироваться к современному миру. «Коммуникативная компетенция тесно связана с культурной компетенцией и способствует развитию общей гуманитарной культуры, что, в свою очередь, формирует у человека высокие творческие, мировоззренческие и поведенческие способности, необходимые для успешного участия в разнообразных сферах деятельности», – утверждают исследователи из Республики Казахстан Д. Адырбеков, Ж. Дуйсенбекова и Е. Ергашев.

Многие ученые, включая И. И. Новосельцеву, рассматривают иноязычную коммуникативную компетенцию как способность использовать язык в различных областях деятельности в зависимости от целей и контекста общения.Компетенции, связанные с взаимодействием человека и общества, включают в себя кросс-культурное общение, деловую переписку, бизнес-язык и иноязычное общение. Следует отметить, что в результате анализа работы М. Н. Ветчиновой эти компетенции могут быть рассмотрены как составляющие социальной компетентности: умение общения, способность находить и использовать разнообразные вербальные и невербальные методы выражения мыслей на родном и иностранном языках.Не вызывает никаких сомнений значимость культуры общения как на обычном, так и на профессиональном уровне. В зависимости от сферы деятельности это общение может осуществляться на родном или русском языке . Для успешной интеграции в общество это особенно важно. Мы согласны с мнением М. П. Трофименко о том, что «сегодня иноязычная

коммуникативная компетенция является обязательным компонентом профессиональной подготовки специалиста. Неоспоримым фактом является то, что высококвалифицированный работник должен быть в состоянии использовать научные достижения других стран и народов» .

Развитие коммуникативной компетенции требует включения всего комплекса способностей и умений, формируемых при обучении всем основным видам речевой деятельности, в отличие от отдельного умения или навыка, которые можно тренировать каждое само по себе. Мы разделяем мнение П. Дж. Митчелла о том, что «изучение русского языка начинается с погружения в культуру и общение с носителями языка; это позволяет обучающимся ощутить себя частью целого, узнать себя в новом контексте».Разнообразные мероприятия по изучению русского языка становятся ключом к успешной идентификации с языком и культурой, открывая новые возможности и перспективы. В вузе, при обучении различным видам речевой деятельности, важно учитывать особенности преподавания русского языка как иностранного в рамках современного компетентностного подхода к обучению. Основными видами речевой деятельности являются чтение, аудирование, письмо и говорение.

Список использованной литературы

1.Аристотель: оратор - речь - аудитория http://library. ru
2.Активные и интерактивные методы преподавания в высшей школе http://ebrary. ru
3.Де Боно Э. Речь и восприятие / Пьер. Английский Д. Я. Онаською. Москва: Попурри, 2005. – 416 с.
3.Маслов А. Г. Речевая деятельность // СПб: Питер, 2012. – 352.
4.Интерактивная среда обучения в высшем образовании https://elibrary. ru › предмет
5.Банина Т. С, Вавилова Л. Н. Современные методы активизации обучения. — М.: Академия, 2008. — 176 с.
6.Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка.Москва: наука. - 2004. -78.
7.Щерба Л.В. Педагогическая технология, педагогическая технология шахта. Педагогическая технология – это образовательная технология. Москва. Наука. 2001. - 40.

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ВНЕДРЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ ТРАДИЦИЙ И ФОЛЬКЛОРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Садуллаева Хадича Равшан кизи
магистрант
Шахрисабзский государственный
педагогический институт
Узбекистан

Аннотация. *В статье говорится, что сегодня народная педагогика привлекает внимание ученых как самостоятельная область исследования, оказывающая существенный вклад в развитие педагогических теорий и практик, а также в формирование семейных воспитательных традиций.*

Ключевые слова: *традиция, фольклор, эволюция, побуждение личности, народные представления, педагогические произведения.*

Annotatsiya. *Maqolada xalq pedagogikasi pedagogik nazariya va amaliyotlar rivojiga, shuningdek, oilada farzand tarbiyalash an'analarini shakllantirishga salmoqli hissa qo'shuvchi mustaqil tadqiqot sohasi sifatida olimlar e'tiborini tortayotgani muhokama qilinadi.*

Kalit so'zlar: *an'ana, folklor, evolyutsiya, shaxsiy motivatsiya, xalq qarashlari, pedagogik asarlar.*

Abstract. *The article discusses how folk pedagogy is currently attracting the attention of scholars as an independent field of research that makes a significant contribution to the development of pedagogical theories and practices, as well as to the shaping of family child-rearing traditions.*

Keywords: *tradition, folklore, evolution, individual motivation, folk concepts, pedagogical works.*

Народные представления, сложившиеся на основе опыта, чаще всего ориентированы на практическую пользу. Они не стремятся постичь объективную реальность, а оценивают явления в контексте их применимости в жизни. В ряде случаев подобный прагматизм сближается с утилитаризмом, когда полезность действия воспринимается как достаточное нравственное основание, без учета мотивов и внутренних побуждений личности. В многовековой истории таджиков и узбеков это утилитарно-практическое направление народной педагогики претерпело значительную эволюцию: постепенно прагматическое начало уступало место художественно-образному осмыслению воспитательных ценностей. В связи с этим идейное наследие народной педагогики требует не механического заимствования, а критического научного анализа.

В целом народная педагогика ориентирована прежде всего на утверждение демократических и гуманистических ценностей. Народное творчество Востока, включающее в себя пословицы, поговорки, сказки и другие жанры, выступает как

своеобразный отражающий практический опыт и философские взгляды общества. В этих произведениях ясно прослеживается материалистическое мировоззрение, которое сформировалось на основе трудовых будней и всего уклада жизни древних восточных народов.

Народные педагогические произведения, подобно многим другим фольклорным текстам, представляют собой сплав разных идей и представлений. Их формирование шло в период древнего поэтического синкретизма, когда границы между различными сферами знания еще не были четко очерчены. В результате в этих памятниках гармонично переплетаются разнообразные суждения, мнения и образы, не структурированные в единую систему понятий. Народная педагогика не придерживается строгих научных законов и единой терминологии. Ее основа - живой, народный язык, наполненный диалектами, метафорами, пословицами и выражениями, понятными простому народу. Интересно, что народные пословицы часто используют древние слова и грамматические конструкции, которые, несмотря на свою архаичность, не кажутся устаревшими, ведь они по-прежнему точно и ярко выражают мысли и идеи, обладают эстетической ценностью. Согласно С.Г. Лазутину, все составляющие фольклорного языка — от слов и их построения до звуковых особенностей — тесно взаимосвязаны и вместе создают единое художественное впечатление.

Эффективность и сила воздействия народной педагогики не сводятся только к применению отдельных фигур речи, таких как эпитеты, гиперболы, аллегории, риторические вопросы и восклицания. Важную роль играют также комплексное сочетание языковых приемов, организованных в определённой композиционной структуре, с использованием ритма, а в песенной форме – и с мелодическим сопровождением.

Существенной особенностью народной педагогики является ее коллективная творческая природа. В научной литературе по этому вопросу высказываются различные, порой противоречивые мнения. Так, К. М. Соколов отмечал, что в современной фольклористике идея коллективного начала в устном творчестве подверглась существенному пересмотру, а романтическое представление о безличной коллективности было значительно ограничено.В то же время М. К. Азадовский рассматривал устное народное творчество как продукт индивидуального авторства, признавая за отдельными творцами статус полноправных авторов.

Подобные взгляды, однако, не получили всеобщего признания. В. Г. Белинский подчеркивал, что подлинным автором народной поэзии является сам народ, а не отдельные личности.А. Н. Веселовский образно сравнивал народные эпические произведения со средневековыми соборами, подчеркивая их анонимность и коллективный характер. О. Ф. Миллер также указывал, что устные произведения сохранялись на протяжении веков не индивидуальной, а коллективной памятью, и наличие различных вариантов не отменяет их общенародной природы.

Каждый исполнитель или рассказчик вносил в услышанное определенные изменения, дополняя или переосмысливая текст, однако сохранялись и передавались прежде всего те элементы, которые отвечали интересам и ценностям общества. Как отмечает В. П. Аникин, практически все жанры массового народного творчества прошли через процесс фольклоризации.

Народная педагогика, благодаря своей доступности, обладает огромным воспитательным влиянием на массы. Как неотъемлемая часть народной жизни, она проникала даже в самые отдалённые уголки, такие как горные селения и кишлаки, лишенные школ, театров и книг. В этих изолированных общинах народное искусство становилось главным средством обучения и воспитания молодого поколения.

Главное в народной педагогике – ее тесная взаимосвязь с ежедневным опытом. В отличие от искусственных методик, народная педагогика не навязывается, а естественным образом входит в жизнь людей. Она возникла из народа и для народа, воспитывая трудолюбие, нравственные ценности и человеческое достоинство, даже раньше, чем появилась научная педагогика.

Народная педагогика – это зеркало духовной и педагогической культуры народа, где ярко проявляются ценности, такие как почтение к старшим, гостеприимство, скромность, честность, трудолюбие и нравственная целостность. Общность жизненных реалий, обрядов и традиций в Средней Азии способствовала культурному обмену, что привело к формированию сходных сказочных сюжетов, пословиц и героических сказаний. Хотя эпические произведения обладают национальной уникальностью, их объединяет общий фундамент ценностей: патриотизм, дружба, верность и поклонение доблестным человеческим качествам. Владимир Жирмунский верно заметил, что дискуссии о национальной идентичности таких эпосов не имеют научного обоснования, ведь каждая народная интерпретация заслуженно принадлежит народу, который ее создал.

Параллельно этому, немало фольклорных текстов пронизано ярко выраженной национальной спецификой, которая проявляется через отражение местных обычаев, ландшафтов, традиционных занятий и бытовых нюансов. Тем не менее, некоторые произведения, преодолевая национальные границы, обретают статус культурного наследия всего человечества. Формирование педагогической культуры нации тесно связано с изучением подобных произведений. Пословицы и поговорки, будучи самыми популярными формами фольклора, действуют как народные педагогические наставления, ярко демонстрирующие интеллектуальные и нравственные качества нации.

Пословицы и поговорки таджиков и узбеков представляют собой результат тысячелетнего обобщения социально-исторического опыта. Их афористическая форма сочетается с поучительным содержанием, выражающим народные представления о жизни, обществе и воспитании подрастающего поколения. На протяжении веков эти педагогические ценности передавались из поколения в поколение, закрепляясь в кратких, но емких формах народной мудрости.

Список использованной литературы

1. Рахимов С.Р. Психолого-педагогические взгляды Абу Али Ибн Сины. К 1000 – летию со дня рождения. –Т.: Узбекистан. 1975. – 352 с.

2. Рогов Е.И. Личность учителя: теория и практика. – Ростов-н/Дону, 1996.

3. Розенфельд, А.З. Из области таджикско-персидских фольклорных связей [Текст] / Советская этнография. № 3 // А.З. Розенфельд. – М., 1948. – С. 200-209.

4. Розенфельд, А.З. Материалы по этнографии и топонимике Ванча [Текст] / А.З. Розенфельд. – М.: ВГО. Т. 85. Вып. 4. – С. 36-67.

5. Ромаскевич, А. А. Вступительная статья к сборнику «Персидские народные сказки» [Текст] / Сборник статьи // А.А. Ромаскевич. – М., 1934. – С. 3-19.

6. Ромаскевич, А.А. Персидские народные четверостишия [Текст] / А.А.Ромаскович. – СПб., 1915. – 301 с.

MUNDARIJA

1- SHU'BA……3
Петрова Лиллия Геннадиевна. МНОГОТОЧИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ……...3
Яскевич Виталий Валерьевич, Яскевич Ольга Михайловна. ИЗМЕНЕНИЕ АКЦЕНТНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВ С ДВУМЯ УДАРЕНИЯМИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ……...……..8
Им Светлана Борисовна. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМАМ ФУЗИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И УРОВНЕВЫЙ СТАТУС МОРФОНОЛОГИИ……....11
Nizomova Mohinur Baratboyevna. RAQAMLI TA'LIM DISKURSIDA PEDAGOGIK NEOLOGIZMLARNING SHAKLLANISHI VA SEMANTIK TARAQQIYOTI……..15
Фаизова Ф. Ш., Атаджанова Х. А., ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕГУЛЯ-ТИВНОЙ ФУНКЦИИ ЧИСЛОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ……..19
Убоженко А. С., ВЕЖЛИВОСТЬ И РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ЭВФЕМИЗМАХ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ……25
Бойматова Нигина Шухратовна. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ…….……..29
Xalbekova Nigora Ummatkulovna. O'ZBEKISTONNING ZAMONAVIY TASHQI SIYOSIY DISKURSIDA NEOLOGIZM-FRAZEOLOGIZMLAR……..35
Даниева Майсара Джамаловна. КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА КАК НАПРАВЛЕНИЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ОБЪЕКТ И ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ…….36
Xo'jamurod Jabborov. O'ZBEK TERMINOLOGIYASINI TARTIBGA SOLISHGA OID AYRIM MUAMMOLAR……..42
Хамраева Ё.Н., ИЕРАРХИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ…….45
Shodmonova Dildor Ergashevna. ABDULLA ORIPOV SHE'RIYATIDA SODDA GAPLAR VA ULARNING POETIK FUNKSIYALARI……49
Bakhtiyorova Maftuna Bakhtiyorovna. DERIVATIONAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE ENGLISH LITERARY ONOMASTICON……56
Yodgorova Zebo Gaffarovna. DISTRIBUTION AND FREQUENCY OF MODAL DEVICES ACROSS NEWSPAPER GENRES……62
Kenjayeva Sabohat. BOLANING BAXT-SAODATLI BO'LISHINI ISTASH BILAN BOG'LIQ ISMLAR……...…….67
Mahmudova Nigora. TIL BIRLIKLARI O'RTASIDAGI SINTAGMATIK VA PARADIGMATIK MUNOSABATLAR…….....70
Nafasova Vazira To'rayevna. QASHQADARYO GIDRONIMLARINING HOSIL BO'LISHIDA TRANSONIMIZATSIYA HODISASINING O'RNI…….…74
Azizova Dilfuza Mahmudovna. O'ZBEK MATNIDA EKAN VA EMISH BIRLIKLARINING AXBOROT MANBASI VA SO'ZLOVCHI MUNOSABATINI IFODALASHI……77
Mustafayeva Maftuna Bohodir qizi. O'ZBEK MODAL BIRLIKLARINING KORPUSDAGI QO'LLANISHI VA INGLIZCHA MUQOBILLARINING KONTEKSTUAL TAHLILI……..81

Атаев У.Э. ЭКЗОТИЗМЫ В СИСТЕМЕ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ, КЛАССИФИКАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ……...……..85
Islomova Latofat Fazliddinovna. THE FORMATION AND HISTORICAL DEVELOPMENT OF PUNCTUATION IN WRITTEN DISCOURSE: FROM WRITING CONVENTIONS TO A LINGUISTIC SYSTEM……91
Qurbonova Shaxnoza Damin qizi. THE LINGUISTIC STATUS OF ETHNOGRAPHISMS AND THEIR RELATIONSHIP WITH RELATED CONCEPTS……95
Chariyeva Dilnoza Allakulovna. TURKMAN TILI DIALEKTLARINING TASNIFI VA ULARNING ADABIY TIL TARAQQIYOTIGA TA'SIRI……101
Nurullayev Javohir. FRANSUZ TILIDAGI EMOTSIONAL FE'LLARNING FUNKSIONAL XUSUSIYATLARI…….……..104
Hamidova Mohlarbegim Hamid qizi. TUPROQ LEKSIKASINING METAFORIK MODELLARI: TERMINDAN OBRAZGA VA OBRAZDAN TERMINGA…….……108
Hamidova Mohlarbegim Hamid qizi. TURKIY XALQ GEOGRAFIK TERMINLARINING XALQARO TUPROQSHUNOSLIK TERMINOLOGIYASIGA O'TISHI VA QAYTMA O'ZLASHMA HODISASI (TAQIR TERMINI MISOLIDA)……..112
Homidova Nafisa Ramazon qizi. EKOKRITITSIZMNING ADABIY METOD SIFATIDA SHAKLLANISHI VA TAKOMILI……115
Умидуллаев Анвар Муминжонович. ДИСКУССИОННЫЙ ВОПРОС О ПРИРОДЕ ОБОБЩЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НАУКЕ……..……119
Boboqulova Ozoda. Z.M.BOBURNING "BOBURNOMA" ASARIDA ANTROPONIMIK INDIKATORLAR……..……124
Бозорова Бибихоним Бахтиер кизи, Базарова Нодира Шамсиевна СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВНУТРЕННЕГО МИРА АННЫ КАРЕНИНОЙ……..128
Зайниддинова Дилхуш Дилмурод кизи. ИНТЕРАКТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ……...133
Раджапова Дилшода Ишпулатовна. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОЛОДЁЖНОГО СЛЕНГА……141
Томбекова Шохинур Азам кизи. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ФРАЗЕОЛОГИ-ЧЕСКИМИ СРАЩЕНИЯМИ И ЕДИНСТВАМИ……144
Хайруллаева Асалбону Нодир кизи. ПРИНЦИПЫ ИНТЕГРАЛЬНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ……..147
Холбоева Хурсаной Хамид кизи. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ЕДИНИЦЫ ФРАЗЕОЛОГИИ……150
Норбоева Феруза Хусановна, Навбатова Рано Ходжимуратовна. ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ УГРОЗА ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ……..153
Turdiqulova Rushana Soibnazar qizi, ESKI O'ZBEK ADABIY TILIDA SONLARNING IFODALANISHI……..……156

Тухтамуродова Маржона Музафаровна, Навбатова Рано Ходжимуратовна. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ……...159
Юлдашева Лола Кулдашевна, Иноятуллаева Дарина Фахриддиновна. СЕМАНТИЧЕС-КИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ МОЛОДЁЖНОМ СЛЕНГЕ……..161
2- SHU'BA……166
Tatiana M. Nasonova, FORMING FOREIGN PHONEMIC BASE UNDER CONDITIONS OF PHONETIC INTERFERENCE…….166
Axmedov Anvar Botirovich. NEMIS VA O'ZBEK TILLARIDA NEOLOGIZMLARNING ME'YORLASHUV TENDENSIYALARI……170
Буранова Жамила Алиевна. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АДАПТАЦИЯ И РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНЫХ И ВОСТОЧНЫХ МИФОЛОГЕМ КАК ФОРМА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ СМЫСЛОВ……173
Yodgorova Zebo G'afforovna. INGLIZ VA O'ZBEK GAZETA MATNLARIDA MODALLIKNING LEKSIK-FRAZEOLOGIK IFODALANISHI……179
Suyarova Nargiza Yuldoshevna. O'ZBEK VA INGLIZ ADABIYOTIDA METAFORALARNING QIYOSIY TAHLILI……..185
Suyarova Nargiza Yuldoshevna. INGLIZ VA O'ZBEK BADIIY ADABIYOTIDA METAFORIK OBRAZLARNING QIYOSIY-LINGVOPOETIK TAHLILI……..….191
To'rayeva Guzal Xursanovna. INGLIZ VA O'ZBEK TA'LIM DISKURSI NEOLOGIZMLARINING QO'LLANISH FAOLLIGI VA BARQARORLASHUVI..196
Turaeva Dilfuza Daminovna. RUS VA O'ZBEK NUTQ ODOBIDA MINNATDORCHILIKNING MADANIY MA'NOLARI.....200
Turaeva Dilfuza Daminovna. RUS-O'ZBEK BILINGVAL MULOQOTIDA XUSHMUOMALA MUROJAAT SHAKLLARI.....204
Шодихонов С. М. ПРОБЛЕМЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТРЁХ ЯЗЫКАХ……208
Absamadov Bahodir Urozovich. INGLIZ VA O'ZBEK DRAMATURGIYASIDA SO'Z O'YINING PRAGMATIK VA ESTETIK FUNKSIYALARI QIYOSIY TAHLILI……214
Сафарова Зульфия Каримовна. КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕДОРАЗУМЕНИЯ В РУССКО-УЗБЕКСКОМ ОБЩЕНИИ: РОЛЬ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ……..219
Шомуратова Орзигул Хусан кизи. РУССКИЕ И УЗБЕКСКИЕ ФОРМУЛЫ ОБРАЩЕНИЯ КАК ЗОНА МЕЖКУЛЬТУРНОГО РАСХОЖДЕНИЯ……...224
Каримов Болта Паттаевич. ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА……..228
Tursunboyev Bektosh Norbo'tayevich. TRANSLATION STRATEGIES FOR PHYTONYM-COMPONENT PHRASEOLOGICAL UNITS IN UZBEK AND ENGLISH: A COMPARATIVE ANALYSIS OF EQUIVALENCE, CALQUING AND DESCRIPTIVE METHODS……...234

Хушманова Шахноза Ибрагимовна. РЕЧЕВОЙ АКТ ПРИВЕТСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ, УЗБЕКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ…….237
Юлдашева Лайло Улугбековна. АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ В РОМАНЕ К. СИМОНОВА «ЖИВЫЕ И МЁРТВЫЕ»: КУЛЬТУРНЫЙ КОД И ПРОБЛЕМЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕДАЧИ……..242
Qobilova Guliston Otabek qizi. ILMIY-TEXNIK REKLAMA MATNLARIDA ISHONTIRISH STRATEGIYASI VA NUTQIY TAKTIKALARNING LINGVOPRAGMATIK XUSUSIYATLARI (o‘zbek va ingliz tillari misolida)…….246
Кобилова Нилуфар Хомидовна. МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ЗАДАНИЯ В СИСТЕМЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ…….....249
Садинова Дилфуза Умировна. ПОЭТИКА И ЖАНРОВО-СТРУКТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫХ ПРИЧИТАНИЙ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ ДВУХ НАРОДОВ……..……...255
Тургунбоева Эленур Тулкин кизи. ВАРИАТИВНОСТЬ НАПИСАНИЯ УЗБЕКСКИХ СОБСТВЕННЫХ ИМЁН В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ…….……260
Хамраева Дилафруз Жураевна. ФУНКЦИИ ГОРОДСКОГО СИМВОЛА И ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ В СОВРЕМЕННОЙ УЗБЕКСКОЙ И РУССКОЙ МАЛОЙ ПРОЗЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА…….262
Ходжаева Алёна Ботировна. КАТЕГОРИИ «ХАЖВ» И «КУЛГИ» В УЗБЕКСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ СМЕХА, САТИРЫ И ЮМОРА В УЗБЕКСКОЙ ДРАМАТУРГИИ (сопоставление русской и узбекской традиций комического)……..265
Холтураева Феруза Камоловна. АГНОНИМЫ В МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЕ: ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НЕИЗВЕСТНОСТИ……...……..273
Шадманова Алёна Сергеевна. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА К. Г. ПАУСТОВСКОГО: СЕМАНТИКА, ОБРАЗНОСТЬ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ……278
Юлдашева Лола Кулдашевна. ОБРАЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ УЗБЕКИСТАНА В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ…….……282
Abdullayeva Shaxlo Sayfiyevna. EKOLOGIK NEOLOGIZMLARDA MILLIY-MADANIY QADRIYATLARNING IFODALANISHI……286
Арсланбекова Санобар Хамидовна. КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ, КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РАЗВИТИЯ И САМОРАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ…….291
Исматова Дурдона, Азизова Насиба Бахритдиновна ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ГОСТЕПРИИМСТВО» И «МЕҲМОНДУСТЛИК» В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА……...294

Нуралиева Нилуфар Улугбек кизи, Пардаева Дилфуза Раимовна ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА…...299
Орзыкулова Маьмура Камоловна. ГЛОБАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ И ЦЕНТРАЛЬ -НОАЗИАТСКИХ СТУДЕНТОВ…….303
Азизова Насиба Бахритдиновна. Сафарова Лайло. ПАРНЫЙ КОНЦЕПТ «ХЛЕБ-СОЛЬ» / «НОН-ТУЗ» В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ…..309
Omonova Shahrizoda Mansurovna. MIP VA MIPVU METODLARI ASOSIDA O‘ZBEK VA INGLIZ TILLARIDAGI G‘AZAB METAFORALARINING CHOG‘ISHTIRMA TAHLILI……..……..314
3- SHU’BA…….……....321
Alimov Toshtemir. THE RELATIONSHIP BETWEEN STEREOTYPICAL CONCEPTS, CULTURE, AND SOCIETY IN LITERARY TRANSLATION……..321
Mahmudov Alisher Yo‘ldoshevich. BADIIY TARJIMADA SUN’IY INTELLEKTNING AFZALLIKLARI VA KAMCHILIKLARI……..325
Хужакулов Суннатулло Анвар угли. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В АНГЛИЙСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА…….328
Annaeva Lola Rasulovna. O‘ZBEK NASRINING RUSCHA TARJIMALARIDA MILLIY-MADANIY REALIYALARNING BERILISHI.....334
Гуломова Дилфуза Ибодуллаевна. ОТ НАЦИОНАЛЬНОГО СЛОВА К ГЛОБАЛЬНОМУ СМЫСЛУ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ В РУССКО-УЗБЕКСКОМ ПЕРЕВОДЕ…….338
Гуломова Дилфуза Ибодуллаевна. ПЕРЕВОД КАК ФОРМА МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ: ПЕРЕДАЧА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ В РУССКО-УЗБЕКСКИХ ПЕРЕВОДАХ……..……346
Avazova Lobar Buriyevna. RAQAMLI TARJIMASHUNOSLIK:CAT VOSITALARI, NEYRON MASHINA TARJIMASI VA POST-TAHRIR KOMPETENSIYALARI....353
Акифьева Олеся Олеговна ЦВЕТООБРАЗЫ А. БЛОКА В УЗБЕКСКОМ ПЕРЕВОДЕ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА……359
Зокирова Д.Э. ТЕРМИНЫ РОДСТВА В ФУНКЦИИ ОБРАЩЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ: МОДЕЛЬ ВЫБОРА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ.....362
Qahramanov Islom Botir o‘g‘li. TRANSLATION PROBLEMS OF MILITARY TERMS IN ENGLISH AND UZBEK LANGUAGES (BASED ON INTERNET MEDIA).....367
Мирабдуллева Малика Махмуджон кизи. МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА…....372
Астанова Дильдора Зиёдовна. ЭКОПОЭТИКА В.П.АСТАФЬЕВА И СПЕЦИФИКА ЕЁ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В УЗБЕКСКИХ ПЕРЕВОДАХ.....376
Абдурашидова Ирода Азамжон кизи, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ И ИХ ПЕРЕВОДА…….379

Вардияшвили Назли Афдандил кизи. ПОНЯТИЕ «ПЕРЕВОД» И ЕГО ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В УЗБЕКСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА……..383
Суюнова Анора Абдулатиф кизи. ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ПЕРЕВОДОВ: КРИТЕРИИ И МЕТОДЫ (на материале переводов узбекской поэзии на русский язык)…….388
4- SHU'BA……..……395
Ernazarova Gulnoza Hamroyevna. ADID ADABIYOTIDA MILLIY UYG'ONISH G'OYASI VA BADIIY TAFAKKUR EVOLYUTSIYASI……..……395
Кучинский Андрей Юрьевич. ФУНКЦИЯ ИЗУСТНОГО РАССКАЗА В ПРОЗЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ НАСТАСЬИ РЕНЬЖИНОЙ…….398
Пардаева Дилфуза Раимовна. ПОРТРЕТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АМИРА ТЕМУРА В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ……..…….403
Файзуллаев Холмумин. ПАМЯТЬ И ХАРАКТЕР В УЗБЕКСКОЙ ПРОЗЕ (на материале романов Уткира Хашимова)…….……408
Azizova Dilfuza Mahmudovna. ABDULLA QODIRIYNING ULOQDA HIKOYASIDA BOLA NIGOHI VA KECHIKTIRILGAN ANGLASH……413
Юлдашева Гузаль Нугмоналиевна. МИФОПОЭТИКА И ФИЛОСОФСКО-АЛЛЕГОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ Л. М. ЛЕОНОВА «ПИРАМИДА»……417
Аннаева Лола Расуловна. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ТРАДИЦИОННОЙ УЗБЕКСКОЙ ЛАКОНИЧНОЙ ПРОЗЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННОГО ЖАНРА ДРАББЛ……...420
Annaeva Lola Rasulovna. GLOBALLASHUV SHAROITIDA ZAMONAVIY O'ZBEK NASRI TILIDA MILLIY MADANIY O'ZLIK.....424
Nabieva Dilrabo Abduraupovna. ISHONCHSIZ HIKOYACHI ZAMONAVIY NASRDA KITOBXON TALQININI TASHKIL ETISH USULI SIFATIDA.....429
Набиева Дилрабо Абдурауповна. ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI ВЕКА (на материале прозы Лукмона Бурихана и Зульфии Куралбой кизи)……433
Абдурауфова Камола Тулкинбек кизи. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ И КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ В КНИГЕ А. П. ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН»……..438
Бердюгин Илья Александрович. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРОВЫХ ФОРМ В ЛИТЕРАТУРЕ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: СЕТЕВОЙ РОМАН, ИНТЕРАКТИВНАЯ ПОЭЗИЯ И МИКРОПРОЗА……...……...443
Qosimov Anvar Bahron o'g'li. FENIMOR KUPER VA O'ZBEK TARIXIY NASRIDA XALQ QAHRAMONI OBRAZINING TIPOLOGIK XUSUSIYATLARI……449
Qosimov Anvar Bahron o'g'li. OZODLIK, VATANPARVARLIK VA MILLIY O'ZLIK MOTIVLARINING FENIMOR KUPER HAMDA O'ZBEK NASRIDAGI POETIK TALQINI……...……454

Рахматуллаева Комила Нормамат кизи. ПРОБЛЕМА СЕМЬИ, ЛЮБВИ И ЖЕНСКОЙ СВОБОДЫ В РОМАНЕЛ. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» И УЗБЕКСКОЙ ПРОЗЕ……...……...…459
Бердиева Лайло Сиддиковна. ФЕНОМЕН СУДЬБЫ В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ПРОЗЕ XXI ВЕКА (на материале романа Л.Улицкой «Лестница Якова» и романа У.Хамдама «Равновесие» («Muvozanat»)…….. ……465
Муродходжаева Малика Алишер кизи. НАЦИОНАЛЬНЫЕ МИФЫ И ФОЛЬКЛОР В ОБРАЗЕ ЗЕМЛИ И СТИХИИ КАК ОСНОВА АВТОРСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ (на материале повести В. П. Астафьева «Царь-рыба»)……..……..468
Рахманова Махлиё Илхомовна. ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ, СОВЕРШИВШЕЙ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ПРОЗЕ XIX–XX ВЕКОВ……...472
Турсунова Дилнавоз Тулкиновна. ОБРАЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ КАК ОБЪЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ……..……475
Homidov Humoyun Ramazon o‘g‘li. BADIIY ASARLARDA QO‘RQUV MOTIVINING PSIXOLOGIK IFODALANISHI……...479
Хужаназарова Ойжамол Шавкатжон кизи. ДИМИНУТИВЫ КАК ЧЕРТА ИДИОСТИЛЯ В. РАСПУТИНА И У. ХОШИМОВА…….…….483
Юлдошев Дилмурод Неъмат угли. ДВЕ МОДЕЛИ УЗБЕКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПОРТРЕТА: АБДУЛЛА КАХХАР В ИНТЕРПРЕТАЦИИ М. КУШЖАНОВА И О. ШАРАФИДДИНОВА……..488
Kholmuradova Madina Abdimalik qizi. THE RELATIONSHIP BETWEEN LANDSCAPE AND PSYCHOLOGICAL STATES IN THE NOVELS OF SAID AHMAD AND ERNEST HEMINGWAY…….……494
Матхалилова Гузал Алишеровна. СЕРДЦЕ И РАЗУМ В НРАВСТВЕННОМ ВЫБОРЕ ГЕРОЯ: РОМАНЫ «МИНУВШИЕ ДНИ» А. КАДЫРИ И «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» И. С. ТУРГЕНЕВА…….……..497
Абдихалимова Захро Шухрат кизи. РЕКОНСТРУКЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ А.П. ЧЕХОВА…….502
Базарова Нодира Шамсиена, Бозорова Бибихоним Бахтиер кизи ИДЕОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ: “АННА КАРЕНИНА” КАК ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТОЛСТОГО……..…….508
Джураев Шахрух Нурсахатович, Пардаева Дилфуза Раимовна. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПОВТОРОВ, ПАРЦЕЛЛЯЦИИ И УСЕЧЁННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. ДОВЛАТОВА……...512
Qo‘chqorova Dilafro‘z Marat qizi. BADIIY ADABIYOTDA MOTIV TUSHUNCHASI VA UNING SYUJET YARATISHDAGI O‘RNI……..516
Расулова Азиза Гофур кизи. ЛИТЕРАТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ……..…519
Shodiyeva Gulira’no Tulqin qizi. ZAMONAVIY NASRDA XOTIRA MOTIVI VA SHAXS O‘ZLIGINI ANGLASH MUAMMOSI……524

Юлдашева Лола Кулдашевна, Уралова Гулшан Дилшодовна. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВИЗУАЛЬНОСТЬ В ПОЭЗИИ ШАМШОДА АБДУЛЛАЕВА……...527
Юлдашева Лола Кулдашевна. Холмирзаева Нилуфар Манноновна. ГРОТЕСК ГОГОЛЯ: «СМЕШНОЕ» И «СТРАШНОЕ» В ПОВЕСТЯХ «ВИЙ» И «ШИНЕЛЬ»……..….532
Норова Малика Дилшодовна. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТ……..……535
5- SHU'BA……540
Долматова Екатерина Дмитриевна. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОЗИЦИОННЫХ АЛЛОФОНОВ ГЛУХОГО СМЫЧНО-ВЗРЫВНОГО СОГЛАСНОГО [t] ПРИ ВНУТРИСЛОВНОЙ И МЕЖСЛОВНОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ ЭЛЕМЕНТАМИ СОЧЕТАНИЙ СГ В РЕЧИ РУССКО-АНГЛИЙСКИХ БИЛИНГВОВ……...540
Азизова Насиба Бахритдиновна. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ЛИНГВОКУЛЬ ТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ» В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ……..546
Сайдуллаева Рано Ибодовна. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ИМЯ СОБСТВЕННОЕ» В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ОНОМАСТИКЕ……....552
Nabieva Dilrabo Abduraupovna. RUS VA O'ZBEK TILLARIDA IMKONIYAT HAMDA ZARURAT IFODASINING QIYOSIY TAHLILI.....557
Тураева Дилфуза Даминовна. СТРУКТУРНЫЕ И СМЫСЛОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ УСТУПИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ……...561
Искаков Мухаммад Сабирович. СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И ДИАПАЗОН ЗНАЧЕНИЙ ЗООНИМОВ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ.....566
Nazarov Sardor Shamurodovich. STRUCTURAL-GRAMMATICAL PATTERNS AND LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF MULTICOMPONENT TERMS IN ENGLISH AND UZBEK (MEDICAL AND LEGAL TERMINOLOGY)… ……572
Тиллаева Муяссар Ербазаровна. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В РАССКАЗАХ И ПОВЕСТЯХ Ч. АЙТМАТОВА (на материале русского и узбекского языков)…….….576
Мейлиева Мохиба Олмурадовна. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА……...581
Ruziev Fazliddin Baxriddin O'g'li. ICONICITY IN ENGLISH AND UZBEK COORDINATION:A COMPARATIVE COGNITIVE-LINGUISTIC STUDY.....587
Хушмуродова Камола Бахтиёр кизи. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НАЗВАНИЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ..... 592
Шералиева Шохидахон Валижон кизи. ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В РУССКИХ И УЗБЕКСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ……..…595

Бобоназарова Фарангиз Илхом кизи. ПРОЗВИЩНЫЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: РУССКО-УЗБЕКСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ.....600
Mo‘minova Muhayyo Abdumurot qizi. STRUCTURAL AND PRAGMATIC FEATURES OF SYNTACTIC PARALLELISM IN UZBEK AND ENGLISH ADVERTISING TEXTS.....605
Очилова Хабиба Акрамовна. ВЫРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОГО И ИРРЕАЛЬНОГО ВОПРОСА В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ……610
Ergasheva Sevara O’tkir qizi. INGLIZ VA O‘ZBEK TILLARIDA “GUL” / “FLOWER” KONSEPTINING LINGVOKULTUROLOGIK XUSUSIYATLARI.....614
Эшкуватова Дилором Файзуллаевна. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ГУМАНИЗМА В УЗБЕКСКОЙ И РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ…….619
Абдукахорова Азиза Кодиржоновна, Сайдуллаева Рано Ибадовна СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ……625
Бозорова Зарнигор. СОПОСТАВЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ПРЕДИКАТИВНОЙ ФУНКЦИЕЙ.....628
Мелиева Малика. *Азизова Насиба Бахритдиновна* КОНЦЕПТ «ТРУД / МЕҲНАТ» В РУССКИХ И УЗБЕКСКИХ ПАРЕМИЯХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.....632
Нуриддинова Зульфия Хусниддин кизи. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ И КАЛЬКИ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ.....636
Саидова Чарос Шарифджановна. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ РУССКО-УЗБЕКСКИХ ТЕКСТАХ…….…...639
Тошкулова Шахноза Хотам кизи, Азизова Насиба Бахритдиновна. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЗООНИМОВ (на материале русской, английской и узбекской лингвокультур)……..….643
6- SHU’BA……650
G’aniyev Ilhom Muzaffarovich. JAHON ADABIYOTI VA JADIDLAR BADIIY MEROSIDA INTERTEKSTUALLIK…….…….…..650
Раззокулова Азиза Курбонмурод кизи. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ ДОБРА И ЗЛА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ…….……658
Эшмуродова Иноятхон. СИМВОЛИКА СВЕТА И ТЬМЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)…….. …...664
Юсупова Ситора Максудовна. ЖЕНСКИЕ ИМЕНА В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ»…….670
Ахмедов Нумон Нейматович,Бойназарова Хулкар Рахматулла кизи. ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА: МЕЖДУ ОБЩЕСТВЕННЫМИ НОРМАМИ И ЛИЧНОЙ СВОБОДОЙ……..674

Ахмедов Нумон Нейматович,Ташмуратова Бахор Искандар кизи ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ…….682
Ахмедов Нумон Нейматович,Шигаева Фироза Шавкатовна. ЖИВОЕ СЛОВО В ЦИФРОВОМ МИРЕ: РОЛЬ ТРАДИЦИОННОГО ЧТЕНИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ РАЗВИТИИ И СЕМЕЙНОМ ВОСПИТАНИИ……...689
Ахмедов Нумон Нейматович,Эргашова Юлдуз Норкуловна ФЕНОМЕН «РУССКОЙ ДУШИ» И ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА И Л. Н. ТОЛСТОГО……..…….698
Мухаммад Омар Шабнам Усмановна АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ИМЁН ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ЮРИЯ ОЛЕШИ «ТРИ ТОЛСТЯКА»……..……..705
Шокирова Севара. ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЫ МИРА……712
7- SHU'BA……..……715
Голубева Кристина Григорьевна. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ КОРПУСНОГО МЕНЕДЖЕРА ANTCONC ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА «РУССКИЙ АЛФАВИТ»)……715
Худойбердиева Асила Хомидовна. УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ ФОРМИРОВАНИЮ КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ….....720
Хужакулов Суннатулло Анвар угли. РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АНАЛИЗЕ И ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ……...722
Шомуратова Орзигул Хусан кизи. ЦИФРОВИЗАЦИЯ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ……729
Тураева Дилфуза Даминовна. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И ПРОВЕРКА ТЕКСТОВЫХ ОСНОВАНИЙ……..……736
Хужаназаров Шовкатжон Абдуходиевич. ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС….741
Исмоилова Махлиё. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА (на материале рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника»)……745
Курбанова Малика Хайитовна. ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА СОВРЕМЕННОЕРАЗВИТИЕ ФИЛОЛОГИИ……..……..750
Mavlanova Nargiza Turayevna. INVESTIGATING EMOJI CATEGORIES AND THEIR FUNCTIONS IN ONLINE INTERACTION……..…….754
Raxmatova Feruza Karimovna. SUN'IY INTELLEKT YORDAMIDA O'ZBEK MATNLARINI RAQAMLASHTIRISHDA XATO VA VARIANTNI FARQLASH....758
Рахматова Феруза Каримовна. ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ГЛАГОЛЬНОМУ УПРАВЛЕНИЮ УЗБЕКОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ……..……..762

Tukhtasinova Zarina Zokirjon kizi. WORD-FORMATION PATTERNS IN ENGLISH E-COMMERCE TERMINOLOG……767
Kodirova Ominakhon. A METHODOLOGY FOR IMPROVING STUDENTS' INDEPENDENT LEARNING THROUGH ARTIFICIAL INTELLIGENCE TOOLS……...771
8- SHU'BA……775
Калдыгозова Сандугаш Еркимбековна УЧЁТ РОДНОГО ЯЗЫКА ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В НАЦИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ……775
Юлдашева Ноиба Тулабаевна. СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ МОДЕЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РКИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ……..779
Шапиева Гулайим Роллан кизи. УЧЁТ РОДНОГО ЯЗЫКА (УЗБЕКСКОГО) ПРИ ОБУЧЕНИИ СИНТАКСИСУ И ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В НАЦИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ……785
Элмурадова Л.Н.. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ……789
Муратов Баходир Мурадович. МЕТОДИКА ПЛАНИРОВАНИЯ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ОВЛАДЕНИИ НАВЫКАМИ ПРАВОПИСАНИЯ……794
Джалилова Дилором Сирожиддиновна. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ИНТЕРАКТИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ…….....797
Милованова Елена Валерьевна. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ РЕСУРСОВ И ТЕХНОЛОГИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СТУДЕНТОВ……...802
Рахманова Юлдуз Кахрамановна. Саидова Севара Фахриддин кизи. УЧЕБНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОРГАНИЗАЦИИ САМООБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА……808
Саидова Зухра Худайназаровна. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИГР, ИГР-УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИНТЕРЕСА УЧАЩИХСЯ……814
Чориева Барно Бахтиер кизи. РАЗВИТИЕ ИНТЕРЕСА У УЧАЩИХСЯ К ИЗУЧЕНИЮ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА……...818
Набиева Дилшода Ураковна. ПРИМЕНЕНИЕ ЗАНИМАТЕЛЬНЫХ ИГР НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ…….....822
Ярматова Мехринисо Азаматовна. ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА……..826
Турсахатов Эркин Элмуродович. МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОЙ РЕЧИ НА ПРАКТИЧЕСКОМ КУРСЕ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ……832
Жовлиева Диана Абдусамад кизи. ИНТЕРАКТИВНЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ……837

Искандарова Сабрина. РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ ИНТЕРАКТИВНЫМИ МЕТОДАМИ……840
Мардонова Азиза Ихтиёровна. КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ ИНКЛЮЗИВНЫХ МАГИСТРАНТОВ……..844
Ниёзова Диёра Рухиддин кизи. КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ОСВОЕНИЯ РУССКОЙ МОРФОЛОГИИ УЗБЕКОЯЗЫЧНЫМИ УЧАЩИМИСЯ……848
Нормуродова Ирода Хушмурод кизи. МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОГРАММА PIRLS КАК ОСНОВА ОЦЕНКИ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ...853
Нормуродова Озода Руслан кизи. СОВРЕМЕННЫЕ ДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ ФОРМИРОВАНИЮ РАЗНООБРАЗНОЙ ПАЛИТРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ....859
Садуллаева Хадича Равшан кизи. ФОРМЫ И МЕТОДЫ ВНЕДРЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ ТРАДИЦИЙ И ФОЛЬКЛОРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС……866

ILMIY NASHR

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ПЕРЕВОД И ИННОВАЦИОННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

Xalqaro ilmiy-amaliy konferensiya materiallari
TO‘PLAMI

ZAMONAVIY FILOLOGIYA GLOBAL MADANIY MAKONDA: TILLARARO MULOQOT, TARJIMA VA ADABIY JARAYONNING INNOVATSION TALQINLARI

COLLECTION
of materials from an international scientific-practical conference

MODERN PHILOLOGY IN THE GLOBAL CULTURAL SPACE: INTERLINGUAL COMMUNICATION, TRANSLATION, AND INNOVATIVE INTERPRETATIONS OF THE LITERARY PROCESS

Nashriyot litsenziyasi 062153. 07.02.2023 yil.
Terishga 5.11.2026 yilda berildi.
Bosishga 25.11.2026 yilda ruxsat etildi.
Bichimi 64x84 1/16. Shartli bosma tabog‘i 55.25.
Ofset usulida chop etildi. Times New Roman garniturasi.
50 nusxada. Buyurtma 397-BMW/26. Hajmi 884 bet. Erkin narxda.

“Big Makro World” MCHJ nashriyoti, 180100.
Qarshi shahri, Ko‘chabog‘ ko‘chasi, 17-uy

“Big Makro World” MCHJ bosmaxonasida bosildi.
Qarshi shahri, Beglar MFY, Ko‘chabog‘ ko‘chasi, 2/49-uy
Tel./faks: +998908680001